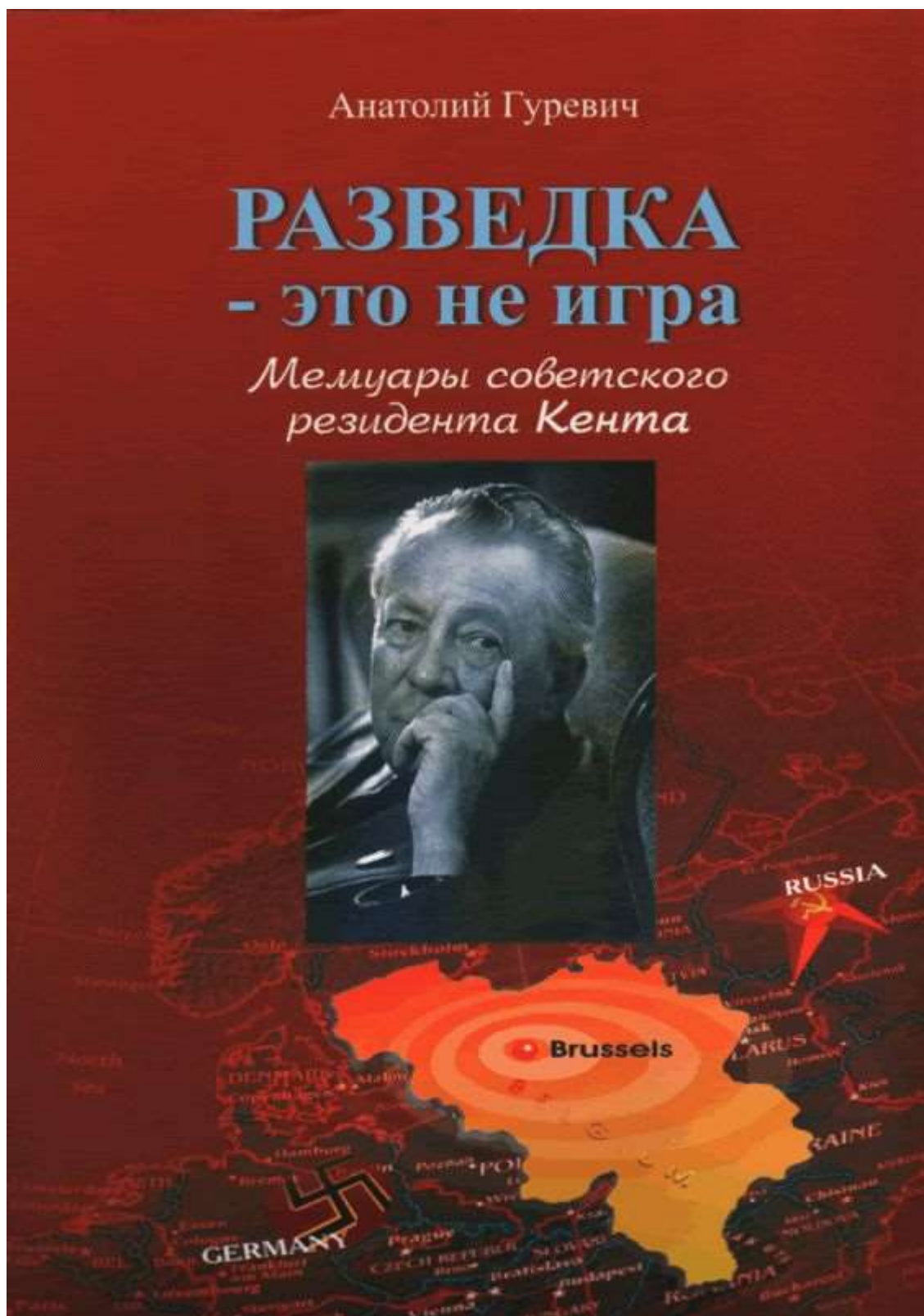

Анатолий Маркович Гуревич
Разведка - это не игра. Мемуары советского резидента
Кента.

Гуревич Анатолий Маркович
Разведка - это не игра. Мемуары советского резидента

Кента.

Об издании

Научный редактор доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН С. И. Полторац

Помощник научного редактора В. В. Рубан

Литературный редактор Е.В. Денисенко

Корректоры Н.К. Фокина, И.М. Киселева

Компьютерная верстка О. В. Гордеева

Дизайнер обложки С. И. Мультиановская

Издание осуществлено при поддержке холдинговой компании «СЗНК»

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ «КРАСНОЙ КАПЕЛЛЫ»

Читателю этой книги несказанно повезло. Эти воспоминания написаны человеком, судьба которого вызывает восхищение и удивление. Подвиг, который совершил резидент советской военной разведки в Бельгии и во Франции Кент, ярче любой самой талантливой фантастической или приключенческой истории.

Сейчас, когда эта книга вышла из печати, выдающемуся советскому разведчику Кенту – петербуржцу Анатолию Марковичу Гуревичу – уже 93 года. Он не вымышленный телевизионный, а настоящий последний герой! Он последний герой знаменитой антифашистской организации, вошедшей в историю под названием «Красная капелла».

Возглавляя советскую военную резидентуру в самом сердце Западной Европы, он внес неоценимый вклад в борьбу с фашизмом, в победу Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Даже краткое перечисление его подвигов не перестает поражать. В марте 1940 г. первым из советских разведчиков он доложил в Москву о готовящемся нападении гитлеровской Германии на СССР. Он сумел наладить разведывательную связь с выдающимся немецким антифашистом Шульце-Бойзенем – высокопоставленным германским офицером, в результате чего советская военная разведка стала получать сведения чрезвычайной важности. Именно резидент Кент осенью 1941 г. сообщил на родину о готовящемся ударе вермахта на Кавказском и Сталинградском направлениях. Это позволило в дальнейшем не только переломить ход военных событий, но и сохранить жизни многим тысячам советских людей.

Осенью 1942 г. резидент Кент был арестован гестапо, но не выдал своих боевых товарищей. Он провел долгое время в застенках Бельгии, Франции и Германии. Содержался даже в камере смертников, находясь постоянно в наручниках и ножных кандалах.

В неимоверно трудных условиях Кенту удалось совершить подвиг, который прежде не совершал ни один разведчик в мире. Будучи арестованным, он сумел настолько профессионально действовать против германских контрразведчиков, что завербовал нескольких из них, в том числе и криминального советника Хейнца Паннвица, который возглавлял деятельность нацистов по пресечению антифашистской работы «Красной капеллы» в Европе.

Даже находясь в застенках, Кент сумел принять меры к тому, чтобы сохранить жизнь советскому резиденту Озолсу и другим советским разведчикам.

В июне 1945 г. Кент доставил в Москву завербованных им германских контрразведчиков и архив гестапо, ценность которого до сих пор никто не оценил.

Из-за межведомственного соперничества между советской военной разведкой и внешней разведкой НКВД резидент Кент был обвинен в несовершенных преступлениях, в результате чего пробыл в советских лагерях почти 13 лет. Только в июле 1991 г. он был полностью реабилитирован, хотя совершенные им беспрецедентные подвиги до сих пор не оценены по заслугам. Ему не вручены награды за героическую деятельность во время войны в Испании, во время войны с гитлеровской Германией.

А.М. Гуревич, являясь резидентом советской военной разведки в Бельгии, сумел создать и развить деятельность акционерного общества «Симекско», о чем официально сообщалось в бельгийском «Королевском вестнике». Главным клиентом его фирмы стал вермахт. Заработанные фирмой Кента деньги позволяли полностью содержать на протяжении долгого времени всю советскую военную резидентуру. Таким образом, сложилась уникальная ситуация: по существу, фашисты полностью оплачивали работу советских разведчиков против них.

Являясь советским офицером на протяжении долгого времени, А.М. Гуревич до сих пор не получил ни одной копейки из тех средств, что по советским законам должен был получать в качестве зарплаты. И сейчас об исправлении той ошибки российские власти не помышляют.

Жизненный путь Анатолия Гуревича – это результат редкого человеческого дарования,

главное в котором – умение честно и преданно любить Россию. По не зря говорят, что нет пророка в своем Отечестве. О нем в разных странах сняты многочисленные документальные и художественные фильмы, написаны книги и статьи. Его подвиг давно уже стал признанным миллионами людей в нашей стране и далеко за ее пределами. В Бельгии, например, его чтят как национального героя, в чем я имел возможность убедиться лично. Однако в России официальные власти его подвиг признавать не желают. Многочисленные обращения в различные, в том числе и самые высокие, инстанции до сих пор не дают никаких результатов. Истинный Герой России по-прежнему остается незамеченным сильными мира сего, хотя в глазах обычных людей он уже давно герой не только российского, но и планетарного масштаба. Не случайно Национальный комитет общественных наград вручил А.М. Гуревичу орден Святого князя Александра Невского I степени за заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление Государства Российского, а также орден Великая Победа за мужество и героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны.

Мемуары резидента Кента – это своеобразный ответ на мемуары Леопольда Треппера «Большая игра», автор которых приписал себе немало чужих подвигов, в том числе и руководство всей антифашистской сетью «Красная капелла». Специалисты могут оценить абсурдность его заявления: «Красная капелла» была поистине международным антифашистским движением, настоящей народной стихией, а стихией, как известно, управлять может только Господь Бог.

Кент никогда не страдал манией величия. Его человеческая скромность – результат воспитания и умения честно оценивать собственные заслуги. Он и сейчас не считает себя героем. Он просто любил и любит свою страну, своих родных и близких, он ненавидел и ненавидит фашизм и любые другие античеловеческие взгляды и поступки.

Эти мемуары будут интересны не только широкому кругу читателей, не только профессиональным разведчикам, но и многим другим специалистам, в том числе историкам, психологам и филологам. В частности, филологи, несомненно, обратят внимание на самобытный язык автора. Вероятно, эта самобытность – результат долгого пребывания А.М. Гуревича в других странах, вынужденная необходимость годами разговаривать и даже мыслить на чужих языках. Как следствие – несколько тяжеловесный язык повествования, который, как редактор этого издания, я постарался сохранить без исправлений. Его непередаваемый колорит – это дух времени, это следствие прожитой жизни, это тоже история.

Сейчас Анатолий Маркович – военный пенсионер, майор в отставке. Формально он признан ветераном Великой Отечественной войны и даже награжден орденом Великой Отечественной войны II степени, как и многие из тех, кто хотя бы день числился в рядах Красной армии до победы над врагом.

Бывший резидент советской военной разведки нынче прикован к инвалидному креслу, и только любовь его жены Лидии Васильевны и нескольких близких людей позволяет ему жить дальше.

Среди людей, уже не первый год заботящихся о нем, есть два удивительных человека – Ю.Е. Рафальский и М.Х. Экзексов. Это не родственники Анатолия Марковича, а просто совестливые люди, которые не могут жить без сердечного отношения к герою. Если бы не они, вряд ли Кент был сегодня с нами. Если бы не Ю.Е. Рафальский, то и этим воспоминаниям суждено было бы выйти в свет очень не скоро. А может быть, они бы никогда не вышли из печати. Как жаль, что совестливые люди не достигают тех государственных высот, на которых могла бы вершиться государственная справедливость. Но справедливость человеческая, к счастью, существует. Резидент Кент уже давно стал Героем России фактически, а не на бумаге.

Последний из героев «Красной капеллы» петербуржец А.М. Гуревич и сейчас

продолжает строить планы на будущее¹, думает о продолжении, расширении своих мемуаров. Это ли не геройство?!

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН полковник запаса С. Н. Полторак

ГЛАВА I. Мое раннее детство и юность.

Многие люди, достигнув среднего возраста или уже став пожилыми, утверждают, что их воспоминания о детстве и юности полностью изгладились из памяти. Они, возможно, даже никогда не задумывались над тем, какое значение в их судьбе имели пережитые в этот период жизни события.

Прожив уже почти девяносто лет, я хорошо узнал, что представляет собой настоящая жизнь. Теперь я четко понимаю, что именно детство и последовавшая за ним юность зародили во мне любовь к Родине, к родителям и семье, заложили основу доброжелательного отношения к людям.

Сейчас мне очень хочется еще раз вспомнить все то, что сбылось после того, как календарный листок, отметивший дату 6 ноября 1913 г., был перевернут и начались новые сутки. Тогда, 7 ноября, закричав, я появился на свет в ставшем мне навсегда очень близком городе Харькове. Отец и мать были счастливы тем, что в их семье произошло прибавление.

В те, ставшие уже далекими, годы никто: ни мои родители, ни их друзья и близкие родственники – не мог представить себе, какую сложную жизнь суждено пройти новорожденному мальчику. Кто мог подумать, что, едва достигнув 25 лет, еще не окончив университет, в годы борьбы против гитлеровского фашизма он станет заниматься сложной разведывательной деятельностью за рубежом в роли нелегала. Никто, конечно, не мог тогда предположить того влияния, какое окажут годы моего детства и юности, воспитание, полученное от родителей, школы, института, а также общественная деятельность, начатая с ранних лет на подготовку к этой сложной, ответственной работе.

Мои родители обосновались в Харькове еще до Октябрьской революции 1917 г. Оба они получили высшее образование: отец освоил профессию провизора, а мать – фармацевта. Поженились они довольно поздно, примерно в 1902 г., когда отцу уже исполнилось 32 года. Мать была моложе его на девять лет. Они прожили весьма дружно полвека и всегда очень любили друг друга. Именно в Харькове у них родилась дочка и через несколько лет после этого я, их сын. Надо ли пояснять, как они любили и заботились о своих детях.

Являясь весьма квалифицированным провизором, отец получил еще одну важную специальность. Он стал специалистом-химиком, что всегда помогало ему в работе.

В центре города, на углу Сумской и Ветеринарной улиц мои родители открыли большую аптеку, которая занимала в двухэтажном доме весь первый этаж. Мы жили на втором этаже. Рядом была еще одна квартира, в которой проживала небольшая семья. Над аптекой был большой балкон, к которому крепилась вывеска с указанием фамилии, имени и отчества владельца.

Отец и мать работали не покладая рук, в аптеке всегда было много посетителей.

Основную роль здесь играл отец. Он создавал высококачественные лекарства, часто консультировал посетителей, давал им необходимые рекомендации по подбору и применению различных медикаментов. Иногда сам изготавливал некоторые виды косметики. Мать тоже работала в аптеке как фармацевт.

¹ Анатолий Маркович Гуревич скончался 2 января 2009 года и похоронен на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге. (примеч. ред.)

Родители Анатолия Гуревича Юлия Львовна и Марк Осипович

Аптека была открыта с раннего утра и допоздна. Все знали, что каждому обратившемуся туда в любое время дня и ночи помогут лекарствами. Достаточно было позвонить и вызвать отца. Больше того, нуждающимся, малоимущим людям мои родители выдавали лекарственные средства по сниженной цене или даже совершенно бесплатно.

Внимание, забота и дружелюбие, постоянно проявляемые к людям, завоевывали не только уважение, но и теплое дружеское отношение к моим родителям. Многие из горожан и жителей окрестных сел относились к нашей семье с явно выраженной заботой.

Отец и мать очень полюбили Харьков и его население, в свободное время они стремились лучше узнать историю города. Помимо того, что библиотека у нас дома постоянно пополнялась историческими книгами, отец пользовался томами городских библиотек. Едва начав читать, по рекомендации моих родителей я тоже с увлечением стал знакомиться с литературой, связанной с историей не только Харькова, но и всей России.

Должен признаться, что и нашей семье, и всем жителям города пришлось пережить довольно тяжелые периоды, которые остались в моей памяти навечно. Я не исключаю возможности, что именно эти переживания заложили основу моего воспитания и послужили моей подготовке к нелегкой жизни.

В 1915–1916 гг. в Харькове произошло 120 забастовок, в которых приняло участие более 100 тысяч рабочих. 15 марта 1917 г. (по новому стилю) в Харькове был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, а в ночь на 16 марта избран Комитет РСДРП города. Советская власть установлена 23 ноября 1917 г. (по новому стилю). Вскоре Харьков был захвачен контрреволюционными частями Центральной рады Украины, которая 22 декабря 1917 г. была выбита из города. 11 – 12 декабря 1917 г. (по старому стилю) в Харькове состоялся I Всеукраинский съезд Советов, объявивший о создании Украинской Советской Республики со столицей в городе Харькове. 30 января 1918 г. правительство переехало в Киев.

Особенно тяжелыми переживаниями для всех харьковчан явились следующие события.

С апреля 1918 г. по 3 января 1919 г. Харьков был оккупирован германскими войсками. 23 июня 1919 г. он был захвачен деникинцами. 23 декабря 1919 г. части Красной армии вновь освободили город. Это позволило вновь превратить Харьков в столицу Украины (УССР). Можно отметить, что до 1934 г. он ей и оставался.

Это были годы, омраченные многими скорбными событиями: массовыми забастовками, восстаниями и, безусловно, немецкой оккупацией. Следует еще добавить, что в городе действовали подпольные революционные организации. Я уже тогда знал, что мой отец к этим организациям не имел прямого отношения, но многим подпольщикам оказывал существенную помощь.

Нормализовалась жизнь в городе только после окончательного установления советской власти.

Никогда не смогу забыть сделанную для меня отцом обувь. Он мастерил ее из хорошо подготовленной с помощью рубанка доски. Подошву вырезал из этой доски по размеру моей ноги, затем разрезал ее на ступню и обе ее части соединял кусочком брезента, из которого делались еще и ремешки, с помощью которых подошва крепилась к ногам.

Плохо бывало и с питанием, но нам помогали крестьяне из ближайших деревень. Расположение к нашей семье проявлялось со стороны не только крестьян, но и горожан. Остановлюсь на одном достаточно показательном примере.

В Харькове все знали, что мои родители, а, следовательно, и их дети по национальности евреи, что можно было легко узнать по вывеске, помещенной над аптекой. Многие понимали и то, что мой отец и мать были неверующими. Кроме того, они не знали иврита. Иногда, получая письма от своих родителей, отец был вынужден обращаться к кому-либо из знакомых, с тем, чтобы они помогли их прочесть. Больше того, ему приходилось просить их написать ответ. Конечно, эти просьбы они выполняли, но не скрывали своего удивления и даже враждебности.

Недовольство других евреев вызывал еще один факт. Моя мать слишком много работала и не могла в достаточной степени уделять внимания своему маленькому сыну. Поэтому тщательным уходом за мной занималась специально нанятая старенькая няня. Она была очень милым и внимательным человеком, любила детей и к нашей семье относилась очень хорошо. Была глубоко верующей и очень часто посещала православную церковь. Это сказалось в определенной степени на моем воспитании.

Во время прогулок по городу няня часто водила меня на службу в церковь. Иногда, когда мы проходили мимо церкви, она заставляла меня стать на колени и, поцеловав землю, перекреститься. Крестился я и во время богослужения.

Знакомые и друзья нашей семьи в большинстве положительно относились к такому моему воспитанию. В то же время многие верующие евреи были возмущены тем влиянием, которое оказывала на меня православная няня. Должен сразу же отметить, что мой отец всегда очень тепло относился к православной вере. Правда, он никогда не стремился показывать это окружающим. В то же время в Ленинграде у него были дружеские отношения со священником Сергиевской церкви, находившейся рядом с нашим домом. Он даже тяжело переживал, когда эту церковь на углу улицы Чайковского и Литейного проспекта сносили.

Может возникнуть вопрос: что хорошего могло принести мне воспитание, полученное от моей няни в отношении религии? Какую роль оно могло сыграть в моей дальнейшей жизни? Отвечу – немалую. Я был пионером, комсомольцем, но и тогда часто задумывался, что значит для человека религия, его вера в Бога.

Правда, как будет видно из описания моей дальнейшей жизни, мне пришлось тщательно изучать различные вероисповедания, в самые тяжелые для меня годы в большей степени усвоить особенности католического вероисповедания. Во время разведывательной деятельности за рубежом мне приходилось открыто демонстрировать свою принадлежность к католикам. Я регулярно посещал соборы, церкви, присутствовал на службах, придерживался религиозных обрядов. Вновь оказавшись на родине, я принял крещение в православной церкви.

ГЛАВА II. Петроград–Ленинград

Вскоре после переезда в Петроград, впоследствии Ленинград, отец устроился на работу ведущим провизором в большую аптеку на улице Пестеля, а затем перешел на фабрику, выпускавшую различные фармацевтические препараты и парфюмерию, на должность старшего мастера.

Мать в Ленинграде длительное время работала помощником мастера на фабрике, выпускавшей мыло, зубную пасту, различные кремы и другую продукцию.

Сестра продолжала учебу параллельно на курсах бухгалтеров и по изучению иностранных языков. Проработав недолго бухгалтером, перешла на работу в гостиницу «Астория», подчиненную «Интуристу», на должность руководителя паспортной группы для иностранцев. Она вышла замуж. Муж сестры – строитель, начал свою работу на заводе им. Ворошилова на строительстве цехов. Во время Великой Отечественной войны был эвакуирован из Ленинграда вместе с заводом. После войны долгие годы работал в системе Главленинградстроя, в том числе главным инженером строительного участка, возводившего промышленные предприятия.

В годы Великой Отечественной войны, во время блокады Ленинграда, мои отец, мать и сестра с дочкой были эвакуированы в Омск. В их эвакуации, возможно по моей просьбе, направленной из-за рубежа, оказало помощь Главное разведывательное управление Наркомата обороны СССР.

По прибытии в Ленинград я поступил в 13-ю среднюю школу, бывшую 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию (в настоящее время это 181 я средняя школа). Мы жили на улице Чайковского, дом 40/12. Школа, в которую меня определили, находилась в Соляном переулке, хотя была возможность учиться недалеко от дома.

Мои родители не ошиблись. Школа действительно была очень хорошей. Ее оканчивали многие министры и государственные деятели царской России. Заниматься было очень интересно. Кроме того, учились в помещениях, равным которым почти ни в одной школе не было. Были прекрасные кабинеты для специальных предметов: физики, химии, рисования. Уроки пения проводились в переоборудованной церкви гимназии. Был очень хороший спортивный зал. Все классы были большими, с очень высокими потолками и огромными окнами, коридоры – с широкими и светлыми окнами.

В школе я быстро освоился, учился неплохо, подружился со многими школьниками, как и в Харькове.

Любимыми моими предметами были обществоведение, русская литература, физика, география и немецкий язык. Несколько опережая дальнейшее описание моих школьных лет, хочу отметить, что преподавательница обществоведения, заметив мое увлечение этой дисциплиной, начала даже привлекать меня к подготовке бесед на различные темы. Никогда не забуду, как мне в одном из старших классов было поручено подготовить и прочесть лекцию с диапозитивами о революционной борьбе китайского народа в 1924–1927 гг., о вмешательстве во внутренние дела Китая империалистических государств, в том числе США, Англии, Франции, Японии и Италии, а также о том, как в 1927 г. военные корабли США, Англии, Японии и Франции подвергли бомбардировке территорию Китая. Это была одна из первых моих лекций, и она понравилась не только школьникам, но и тем учителям, которые пришли на нее со своими классами. Я думаю, что именно это помогло мне много лет спустя, когда я стал членом общества «Знание», с успехом проводить лекции в самых разных аудиториях.

Одно время я, увлекаясь географией, также проводил беседы. В те годы мне помогали в подборе материалов многие члены Ленинградского отделения Географического общества. Несомненную помощь в этом оказывал и очень любившийся мне преподаватель географии Николай Федорович Арепьев. Только благодаря его учительскому и научному таланту я много времени уделял этому предмету. Он организовал при Русском музее на базе его

этнографического отдела (в 1934 г. был выделен в самостоятельный Государственный музей этнографии народов СССР) курсы для школьников по изучению экспонатов и подготовке экскурсоводов. Он направил меня на эти курсы.

Мне довелось бывать у одного известного академика. Он знал, что я ученик Н.Ф. Арепьева, которого он очень уважал. Этот академик принимал непосредственное участие в подготовке моих лекций, в том числе об Антарктике. Эта лекция была одной из самых удачных, и мне пришлось ее даже повторить.

Трудно сейчас вспомнить всех преподавателей, но некоторых, несмотря на долгие годы, забыть не смог. Я имею в виду учительницу немецкого языка Веру Михайловну Севастьянову. Как часто в период моей работы за рубежом я с чувством глубокой благодарности возвращался мысленно к ее урокам. Она была нашим классным руководителем, жила поблизости от моего дома, в переулочке, соединявшем улицы Чайковского и Петра Лаврова. Совсем рядом с моим домом жила учительница математики. Очень часто мы после уроков и занятий в кружках вместе с ними возвращались домой.

С теплотой вспоминаются имена еще некоторых учителей, в том числе Николая Алексеевича Соколова, преподавателя литературы, директора школы. С ним я встречался много лет спустя, когда он уже получил ученую степень и занимался наукой. Его заместителем по руководству школой был учитель пения Илья Николаевич Седых, который еще в гимназии руководил, кроме всего прочего, школьным церковным хором. Помню учителя химии Евгения Владимировича Александрова, Леонида Александровича Рубца, учителя физики, школьного врача Николая Афанасьевича Тимофеева, который вел у нас уроки анатомии, а также Евгения Константиновича Товстика.

Почти сразу после поступления в школу меня стали привлекать к общественной деятельности. Я избирался старостой класса, председателем учкома школы, членом ШУСа, председателем которого в то время был М. Равич, членом районного делегатского собрания школьников (было тогда и такое), председателем школьного совета общества «Осоавиахим».

Если раньше, еще в Харькове, я увлекался различными военными играми, стрельбой из пистолета, малокалиберной винтовки, то сейчас занялся этим всерьез и скоро щеголял в школе и на улице значками «Ворошиловский стрелок» I и II степеней, значками «ГТО» I и II степеней. Должен признаться, носил я их с гордостью долгое время, хотя это и не нравилось моему отцу. Он видел в этом нарушение его завета – «всегда быть скромным». Однако и этого мне казалось мало.

Еще школьником я был направлен на курсы адмотдела Ленсовета РККД по подготовке населения к противовоздушной и химической обороне. Казалось бы, что могли значить для меня эти курсы, но и они предопределили в значительной степени направленность моей будущей деятельности, так как большую часть моей жизни я отдал работе, связанной с укреплением обороноспособности нашей Родины.

После окончания этих курсов я совершил поступок, который оказался настоящим ударом для моей матери, к сожалению не последним. Я решил, не окончив школу, поступить на работу на какой-нибудь завод. Мне казалось, что только там я смогу себя подготовить как следует к будущей жизни. Только получив трудовую закалку, я хотел продолжить учебу и получить высшее образование. Не лишал себя надежды, что получу возможность окончить Военную академию. Мама этим решением была очень недовольна, но отец, узнав, что я намереваюсь продолжить занятия на вечернем рабфаке, поддержал меня.

Вскоре после поступления на учебу в школу я начал заниматься в кружке театральной самодеятельности. Занимался успешно и с удовольствием участвовал в различных спектаклях. Это были не только постановки произведений русских классиков, но и некоторые, очень интересующие школьников, в особенности мальчиков, популярные в то время детективы. Сейчас мне кажется уже смешным, но тогда я старательно готовился к исполнению главной роли в спектакле, точное название которого уже не помню. Помню только, что должен был выступать в роли шпиона в квадратной кепке. Сыграл успешно.

Я также помогал руководителю кружка в постановке спектаклей. Мне надо было

обеспечить подготовку декорации, подбор костюмов, а для этого иногда приходилось не только обращаться к родителям участников, но и брать напрокат в специальном ателье все необходимое. Часто на школьных афишах стояла и моя фамилия – помощника режиссера.

Трудно представить, как часто я впоследствии смеялся про себя над той разницей, которая существовала между сыгранным мною «шпионом в кепке» и настоящим советским разведчиком, роль которого я много лет «играл» в жизни.

Учась в школе, я иногда организовывал благотворительные концерты с выступлением артистов ленинградских театров, предназначенные для отдыха малоимущих детей. Это помогло мне в 14–15 лет познакомиться со многими видными артистами. Назову только несколько из них, запомнившихся мне на всю жизнь.

Тиме Елизавета Ивановна, артистка Государственного академического театра драмы имени А.С. Пушкина, у которой я бывал и дома; тогда она жила на улице Восстания. Я очень полюбил ее как человека. Сразу хочу пояснить, что легло в основу этого моего отношения. Тогда мне было лет 15. Нас, школьников, которым было поручено организовать очередной благотворительный вечер, было трое: два мальчика и одна девочка. Вечер намечали провести в большом актовом зале школы, размещавшемся на самом последнем этаже. Еще до того, как начать продажу билетов, мы должны были объехать, или обойти тех артистов, которых хотели попросить принять участие в этом концерте. Мы позвонили Елизавете Ивановне, она очень любезно попросила приехать к ней. Она очень внимательно выслушала нас и согласилась принять участие в концерте, даже не заикнувшись о какой-либо плате. Единственное, что она попросила, два билета для своих близких.

Мы побывали у Владимира Ивановича Касторского, артиста Мариинского театра, известного певца (бас). Он согласился немедленно принять участие в концерте, но... спросил, есть ли у нас возможность достать автомашину или нанять извозчика, ибо он с большим удовольствием приедет, у него есть очень хорошая аккомпаниаторша, но уже очень старая женщина. Он подчеркнул, что желательно прихватить пару подушек, чтобы усадить эту женщину поудобнее. Мы обещали узнать и позвонить. Этот вопрос был решен положительно. Отец одного из учеников пообещал предоставить нам на весь вечер машину, которой он сам управляет.

Решили пригласить и писателя-юмориста Михаила Михайловича Зощенко. Это было несложно, так как он проживал в то время на улице Чайковского, буквально через несколько домов от моего. Меня встретил хозяин квартиры в теплой домашней курточке и отказал, не став даже уточнять, из какой я школы и какой цели должен служить концерт.

Уже был составлен список согласившихся выступить многих артистов, хорошо известных в нашем городе. И тут пришелся первый удар по нашей тройке. Буквально за день до начала продажи билетов выяснилось, что пожарная охрана запрещает использовать для массовых мероприятий актовый зал. Мы буквально растерялись, казалось, что вся проделанная нами работа была напрасной. Выручил шеф. Директор позвонил председателю городского суда на Фонтанку и попросил его помочь. Нам разрешили воспользоваться самым большим из имеющихся в суде залов. Мы мгновенно составили план зала и приступили к изготовлению новых билетов. Их количество было значительно меньшим, но другого выхода не было. Билеты быстро распродали. Об изменении адреса уведомили всех артистов. Настроение у ребят и организаторов вечера приподнялось. И вот следующее потрясение, постигшее нас совершенно неожиданно. Только я пришел из школы и собирался бежать в здание суда для подготовки концерта, раздался телефонный звонок. Дома никого не было, я схватил трубку, и услышат голос Елизаветы Ивановны Тиме, которой накануне принесли два билета для ее родственников. Она говорила, что не сможет принять участие в концерте, так как ей совершенно неожиданно предстоит выступление в другом концерте. Нет, я не боюсь сказать правду: я не мог выдавить из себя ни одного слова, громко заплакал и повесил трубку.

Вечер начался успешно, а я прятался, потому что боялся посмотреть кому-нибудь в глаза. Ведь указанная в афишах знаменитость Е.И. Тиме не будет выступать. И вдруг меня

разыскивают за кулисами и просят срочно пройти к входу, где стоял не только наш школьный контроль, но и дежурный по охране суда. Я побежал и... вдруг вижу – Елизавета Ивановна, а вместе с ней несколько артистов, в том числе и тех, которые, как выяснилось потом, принимали участие в совместном с ней неожиданным концерте. Наш концерт закончился поздно ночью, публика рукоплескала. На следующий день «Красная вечерняя газета» опубликовала рецензию, написанную отцом одного из школьников, восхвалявшую наш благотворительный концерт.

Коль скоро я остановился на именах артистов, ставших мне знакомыми, то назову еще несколько: Николай Константинович Печковский, Ольга Григорьевна Казико и Николай Федорович Монахов. Два последних – артисты Большого драматического театра, часто выступали вместе на различных концертах. Николай Федорович жил вблизи от моего дома на улице Чайковского, и мы часто встречались. Назову еще несколько имен, особо нравившихся мне не только по их артистической деятельности, но и по доброте и любви к детям. Евгения Михайловна Вольф-Израэль, с которой я встречался, уже став взрослым, и казавшаяся мне всегда очень молодой; Елена Маврикиевна Грановская (тогда мне говорили, что ее муж Н. Н. Надеждин, знаменитый артист и режиссер) и многие другие.

Я очень полюбил театр и даже одно время изменил своей мечте детства – стать учителем, а решил, что сцена сделает меня более счастливым. Однако и этой мечте не удалось сбыться...

Руководителем самодеятельного театрального кружка в школе и одновременно художественным руководителем организованного на Ленинградском радиоцентре «Часа пионера и школьника» был Туберовский. Мне предложили стать секретарем редакции этой передачи.

Признаюсь, предложение Туберовского в определенном смысле удивило меня, и особенно то, что оно было одобрено известным в Ленинграде редактором «Часа пионера и школьника» Афанасьевой.

Наша редакция находилась на улице Герцена. Там когда-то начинал работать Ленинградский радиоцентр. Центр был очень маленьким, и только спустя некоторое время он переместился в специально отведенное ему помещение, расположенное на набережной реки Мойки в доме 61. Это здание было прекрасным и по своим размерам, и по самой конструкции здания. Там были помещения, отведенные специально для студий радиопередач, различных репетиций, для работы отдельных редакций.

Значительно позднее, уже став взрослым человеком, я узнал, что Радиоцентр был вновь пере веден в другое помещение, а на набережной реки Мойки в этом большом доме разместился Институт электротехнической связи им. профессора М.А. Бонч-Бруевича. В этом институте я был только в шестидесятые годы, то есть после того, как вновь началась моя вольная жизнь и я включился в общественную деятельность в Ленинграде. В институте я побывал несколько раз и даже выступал на встрече студентов с советскими добровольцами – участниками национально-революционной войны в Испании. При каждом посещении института меня всегда потрясала мысль, что я здесь, в этом здании, когда-то работал, что вызывало множество приятных воспоминаний.

В Радиоцентре меня зачислили, как я уже говорил, секретарем редакции «Часа пионера и школьника». Я был предельно поражен тем, что для меня – школьника – был установлен гонорар. За каждую передачу, в подготовке которой я принимал участие, а они выходили один раз в неделю, я получал пять рублей (немногим меньше, чем потом, работая учеником разметчика по металлу на заводе).

Это была первая в моей жизни заработная плата, которая, однако, не была самоцелью моего участия в работе на радио. Получаемый гонорар, с разрешения родителей, я тратил на приобретение различных книг. Очень любил читать, в особенности классиков.

При «Часе пионера и школьника» было организовано делегатское собрание. Школьники, члены этого собрания, собирались регулярно в большом зале Радиоцентра и активно решали многие вопросы, касающиеся работы пионерских и школьных

общественных организаций и, конечно, непосредственной работы радиопередачи. Мы были очень увлечены.

На одном из делегатских собраний я познакомился с Матвеем Львовичем Фроловым, которого все называли запросто – Мотя. Если не ошибаюсь, он был избран секретарем делегатского собрания. Впоследствии М.Л. Фролов стал общеизвестным специальным корреспондентом Ленинградского Центрального радиовещания.

В 60–70 с гг. я снова с ним встречался. В то время он был уже не только корреспондентом, но и секретарем Союза журналистов Ленинграда. Однажды нас даже показывали по телевидению. Тогда во Дворце труда состоялось торжественное чествование юбилея нашего общего друга журналиста, хорошо известного не только в Ленинграде, Аренина Эдуарда Мироновича. М.Л. Фролов от имени ленинградских журналистов вел это собрание, а я выступал.

Встречался я с Матвеем Львовичем и в другой обстановке, в частности при менее благоприятных обстоятельствах – на похоронах наших друзей и знакомых.

Несмотря на нашу былую дружбу, я старался избегать встреч с ним, как и со многими моими друзьями детства и юности. Тот, кто прочтет мои воспоминания, легко поймет, почему я принял такое решение. Обстоятельства сложились так, что я никому не мог объяснить многое из своей жизни, в том числе и то, почему я не являюсь участником Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., где я находился во время войны и в послевоенные годы. Я мог только вспоминать с друзьями нашу молодость и рассказывать о моем участии в национально-революционной войне в Испании. Это скрыть я не мог, так как слишком много было друзей и боевых соратников по Испании.

В 1929 г., 15 августа, едва закончив семь классов, я через существовавшую тогда Биржу труда был направлен учеником разметчика по металлу на завод «Знамя труда» № 2 (позднее этому заводу было присвоено имя В.М. Молотова, а затем он был переименован в завод «Знамя Октября»).

Так как при поступлении на завод мне еще не исполнилось 16 лет, пользуясь временным свидетельством о рождении, я указывал в анкетах год рождения – 1912-й. Только позднее, получив из Харькова подлинное свидетельство о рождении, я стал правильно указывать год рождения – 1913-й.

Явившись в отдел кадров завода с направлением Биржи труда, я узнал, что имевшееся место ученика разметчика по металлу было уже занято. Мне пришлось согласиться временно работать в одном из механических цехов.

В цехе первое время было очень тяжело. Я был, по существу, чернорабочим. Мне приходилось подвозить и подносить тяжелые детали. Часто болела спина, ноги и руки. Руки были почти всегда изрезаны еще не обработанными деталями, поступавшими непосредственно из литейных цехов. В образующиеся порезы попадали масло, графит и различные остатки земли из литейных форм. Даже мылом, смешанным с песком, всю грязь отмыть не мог.

Я не терял надежды на то, что мне удастся перейти на работу учеником разметчика по металлу. Несколько раз заходил в чугунолитейный цех, в то помещение, где размещались разметочные плиты. Там работал высококвалифицированный мастер Богданов, он сам выполнял сложнейшие разметочные работы и обучал учеников.

Однажды, увидев меня, он предложил мне попытаться разметить под его руководством отливку. Эти отливки выполнялись в литейном цехе по заказу Путиловского завода, изготавливающего в то время тракторы «Фордзон». Видимо, я ему приглянулся, и моя мечта сбылась, я был зачислен учеником разметчика по металлу.

Именно в этот период я научился скрывать от близких и окружающих меня друзей, да и просто от людей, свои чувства. Никогда и никто, даже мои домашние, не знал, насколько мне было физически и морально тяжело первое время работать на заводе. Однако я втянулся в эту жизнь, а став учеником разметчика по металлу, был просто счастлив.

Мастера я запомнил на всю жизнь. Он был очень требовательным, но справедливым и

хорошо относился к людям. Это был специалист высокой квалификации, и многие утверждали, что равного ему в Ленинграде не было.

Большое внимание уделялось дисциплине и честности. Все работающие должны были соблюдать строжайшую дисциплину. О прогулах почти не было и речи. К числу нарушений, главным образом, относились опоздания.

Заработную плату два раза в месяц рабочим разносили в конвертах непосредственно по цехам. В том случае, если было замечено какое-то нарушение дисциплины со стороны рабочего, то на пустом конверте стоял штамп «Получать в "черной кассе"». «Черная касса» помещалась вблизи от проходной, и на каждого, получающего в этой кассе, смотрели укоризненно все входившие и выходившие с завода. Стыдно было каждому, получившему подобный конверт.

Очень большое внимание уделялось воспитанию у всех рабочих чувства порядочности и честности. Каждый на своем рабочем месте старался экономно относиться к материалам. Более того, если кто-либо находил на территории завода то, что могло быть использовано в литейном производстве, он немедленно относил в соответствующий цех. Мне не известен ни один случай, чтобы в те годы кто-либо вынес с завода самую незначительную мелочь. Сейчас и это звучит парадоксально, у многих вошло в привычку таскать домой все, что может представить ту или иную ценность. Появилась новая специальность – «несуны».

Вставать приходилось очень рано, так как завод размещался за Нарвскими воротами, далеко от улицы Чайковского, где мы жили. Трамваи ходили плохо. То не было тока, то снежные заносы, то туманы нарушали график их движения. Поэтому трудно было заранее предвидеть, сколько времени понадобится, чтобы доехать до работы. В часы сильных туманов трамваи двигались очень медленно. Именно с тех пор над вагонами трамваев были предусмотрены фонарики с электролампами, оснащенные стеклами разного цвета, чтобы при приближении очередного трамвая пассажиры, не имея возможности прочесть номер маршрута, могли определить его по цвету зажженных фонариков.

Зимой часто выпадал очень сильный снег. Толщина снежного покрова на трамвайных путях была настолько велика, что без предварительной очистки путей трамваи практически не могли передвигаться. Местами образовывались пробки, и городской транспорт простаивал. Конечно, в те годы не было еще маршрутных автобусов, а тем более троллейбусов.

Иной раз я прибывал на завод настолько рано, что приступить к работе еще не мог. Напомню, что помещения, в которых производили разметку отливок, помещались на территории чугунолитейного цеха. В одном из расположенных вблизи от нас помещений изготавливались шишки для литья. Там были теплые груды, напоминающие размолотую землю. Все рабочие, приходившие на завод слишком рано, часто направлялись в эти помещения, чтобы, предварительно надев спецовки и кепки, немного поспать или просто отдохнуть. Обычно в этом помещении работали шильницы, молодые и пожилые женщины. Все они относились к нам с пониманием и не препятствовали отдыху.

Мне казалось, что я сделал правильно, поступив на завод, но надо было задуматься над тем, хватит ли мне на всю жизнь полученного в школе образования. Я все больше и больше убеждался в том, что нельзя ограничивать мою дальнейшую жизнь полученной на заводе специальностью рабочего.

Я шел к казавшемуся мне единственно правильному выводу, что надо продолжить образование. Надо стать в полном смысле этого слова грамотным человеком, с высшим образованием.

Для того чтобы получить возможность поступить в высшее учебное заведение, надо было, прежде всего, получить законченное среднее образование. Поэтому я начал подыскивать учебное заведение, в которое мне хотелось бы поступить. Принятие решения затягивалось.

Как я уже указывал, еще школьником, почти перед самым переходом на работу на завод, как активист добровольного общества «Осоавиахим» я учился в то время на мало

афишируемых городских курсах ПВО.

Среди слушателей курсов, направленных для учебы предприятиями и учреждениями, я был единственным юношей. Все остальные были взрослыми разных лет. Были мужчины и женщины. Несмотря на разницу в возрасте курсантов, да будет позволительно так называть слушателей, со многими из них я сблизился. С одним из них, если я не ошибаюсь, по фамилии Кожевников, и его невестой я особенно подружился. В последний раз я видел его в 1939 г. в Москве. Тогда он был одним из руководителей спецслужбы Наркомата авиационной промышленности.

Я мало кому говорил о том, что учусь на этих курсах, а затем, что их окончил. Не только потому, что это было не принято, но и потому, что в моем возрасте это могло выглядеть как хвастовство.

Все, чему нас учили на курсах, меня очень интересовало. Это было оправдано еще и тем, что у нас в школе существовал специальный отряд связи городской организации ПВО. Вспоминаю, как однажды мы, если память не изменяет, школьники 6–8 классов, участвовали в проводимых учениях ПВО. Мы были связистами и не только протягивали провода от полевых, переносных телефонных аппаратов, но и дежурили на крышах. Мне пришлось дежурить на крыше дома 41/ 43 на Невском проспекте, где долгое время помещался Куйбышевский райком партии.

Вскоре после поступления на работу на завод я узнал о формировании отрядов ПВО из числа его рабочих и служащих. Решил явиться к начальнику штаба ПВО завода тов. Михайлову и предъявить ему удостоверение об окончании городских курсов ПВО. Узнав это, начальник штаба рекомендовал меня для назначения руководителем одного из отрядов. Занятия в этом отряде проводились по графику на общественных началах вне рабочего времени. Я был назначен на должность руководителя отряда. В связи с этим пришлось временно забыть о поступлении на рабфак. Не оставалось времени. Очень хотелось добросовестно, грамотно работать у разметочной плиты, а в свободное от работы время готовить хороших дружинников.

Кроме участия в работе штаба противовоздушной обороны завода я уделял много времени и другим видам общественной деятельности, как по линии комитета ВЛКСМ, так и по линии «Осоавиахима». Однажды на стадионе комбината «Красный треугольник» проводились показательные игры противовоздушной и противохимической защиты. В этих играх приняли участие активисты ряда предприятий района. Мне было поручено подать сигнал перед очередной «операцией» с помощью ракеты. Когда я дернул за шнурок, он оборвался, и ракета не сработала. Больше ракет у меня не было, а отсутствие своевременного сигнала могло отрицательно отразиться на дальнейшем ходе предусмотренных программой игр. Я не растерялся и, выхватив из кармана коробок спичек, сложил несколько спичек и зажег ракету. Игры с успехом продолжались. Никто из присутствующих на стадионе не заметил имевшей место незначительной задержки. Никто не заметил и того, что зажженными спичками и сработавшей ракетой мне сильно обожгло четыре пальца на правой руке. Ночью я не спал от мучившей меня боли. Утром, в положенное время, я был на заводе, надел спецовку. На правой руке была надета перчатка, покрывавшая наложенные на обожженные пальцы самодельные повязки.

Мастер Богданов был возмущен тем, что я начал работать рукой в перчатке, полагая, что я надел ее, чтобы не пачкать руку. Не реагируя на его издевательства, я, преодолевая боль, проработал весь день. Вечером был у врача. Когда мне снимали повязки, приросшие к местам ожогов, я буквально упал в обморок. Мне выдали бюллетень, но я не считал возможным им воспользоваться, так как у нас к тому времени было очень много работы.

О случившемся со мной на стадионе дома и на заводе узнали только тогда, когда рука уже зажила полностью и были видны только незначительные рубцы. Дома я говорил, что ношу перчатку, так как ударил руку на работе. На заводе я говорил, что перчатку ношу, так как порезал руку дома. И так две недели я скрывал мучившую меня боль и совершенно незаметно для всех страдал. Я был рад тому, что мне удалось проверить себя. Позднее я

часто вспоминал о случившемся и старался всегда сохранить родившиеся уже в те годы сдержанность и силу воли.

Работа на заводе вообще и в частности в системе противоздушной обороны продолжалась недолго. Она оборвалась совершенно неожиданно для меня. Я был доволен работой разметчика по металлу. Мне очень нравилось то, что я успел сделать по линии штаба ПВО. Я не только проводил занятия с дружинниками, но и обеспечивал надлежащий надзор за имевшимся имуществом отряда. Я вновь подумывал о поступлении на учебу в рабфак. Все это составляло мои мечты на будущее.

Однажды на завод для проверки его готовности к противоздушной обороне прибыли секретарь райкома ВКП(б) Иван Иванович Газа и председатель районного совета РКиКД И.Ф. Козлов, а также начальник штаба ПВО района.

Они проверяли все, очень внимательно наблюдали за тем, как были готовы к тревоге команды, дружины, санчасть и т.д. Им особенно понравилась дружина, руководителем которой был я. Они поинтересовались у директора, кто руководит и занимается подготовкой этой дружины. Меня позвали, немного поговорили, и на этом дело закончилось. Несколько удивило то, что проверка на этот раз проводилась днем, в первую смену работы. Обычно они проводились в ночное время. Может быть, мне просто повезло.

Был конец 1930 года. Совершенно неожиданно меня вызвали в Нарвский райсовет РКиКД. Принял меня начальник штаба ПВО района, и мы вместе прошли в райком партии. Прикрепленный к штабу района инструктор райкома ждал нас. Мы вместе прошли в кабинет Ивана Ивановича Газа. Кроме хозяина там находился еще и председатель райсовета Козлов. Как оказалось позднее, в этот день должны были явиться еще несколько человек. Формировался штаб ПВО района, куда я и был принят на работу.

ГЛАВА III. Новый решающий период моей юности

Вскоре, когда закончилось разделение Московско-Нарвского района на два самостоятельных: Московский и Нарвский, вместо Поддубного начальником штаба Нарвского района был назначен Николай Федорович Нионов. Это был исключительно порядочный человек. Сельский житель, он был призван для несения службы на Балтийский флот. Проявил себя положительно и был зачислен на учебу в военное училище. Был женат, имел, если не ошибаюсь, уже двоих детей и слыл очень хорошим семьянином. Это проявлялось во всем. Мы всегда удивлялись тому, что наш начальник в свободное от работы время отказывался с нами принимать участие в культурных мероприятиях, когда мы направлялись в ресторан отметить личный или государственный праздник, потанцевать. Только позднее узнали, чем все это объяснялось. Жена Николая Федоровича была тоже из числа сельских жительниц. Сам Николай Федорович был более развитым человеком и образованным, чем его жена. И все свое свободное время он посвящал ее образованию. Когда мы познакомились с женой нашего начальника, были поражены не только красотой, но и достижениями в ее развитии, которых вместе с ней сумел добиться ее муж.

Будущему разведчику 18 лет, 1932 г.

Н.Ф. Нионов очень добросовестно относился к работе и с большим вниманием и заботой – к своим подчиненным. Ему я лично, как и все его подчиненные, обязан очень многим. Нет, это заключается не только в том, что благодаря ему я в первую очередь продвигался по службе. Он научил меня многому, что очень пригодилось в моей далеко не легкой жизни.

Когда я уже продвинулся по должности, он заставил меня задуматься над вопросом, что является одним из основных элементов дисциплинированности подчиненных – обязанность строго соблюдать все указания своего руководителя, начальника. Однажды один из моих подчиненных не выполнил моего распоряжения. Мне очень захотелось его покрепче наказать, чтобы это служило примером и для других. Полнотой власти располагал начальник штаба. Я направил ему свой подробный рапорт с просьбой принять дисциплинарные меры по отношению к моему подчиненному. Мы были вольнонаемными, но старались руководствоваться и уставом, применяемым в армии.

Получив мой рапорт, Николай Федорович вызвал меня к себе. На службе мы привыкли обращаться, даже если у нас существовали близкие, дружеские отношения, все же на «Вы». Я подчеркнул это для того, чтобы вы, дорогие читатели, могли лучше меня понять. Когда я вошел в кабинет начальника штаба, он вдруг спросил: «Допустим, что мы находимся в кадрах армии, за что мог бы ТЫ наказать своего подчиненного?»

Признаюсь, подобное обращение и сам вопрос меня крайне удивили, но я попытался дать на них казавшийся мне единственно правомерным ответ:

– Я думаю, что не только в армии, но и в наших условиях, поскольку мы придерживаемся военной дисциплины, отклонения от армейского устава, невыполнение подчиненным распоряжения своего непосредственного руководителя служат, безусловно, основанием для его наказания.

Выслушав меня, начальник штаба уточнил свой вопрос:

– А как ТЫ думаешь, почему подчиненный может не выполнить приказ или распоряжение своего начальника?

Я задумался и не знал, чего ждет от меня Николай Федорович, и ответил:

– Подчиненный не выполняет распоряжение или приказ, поручение своего начальника только в результате своей недисциплинированности.

Николай Федорович заулыбался и даже немного посмеялся, прежде чем мне сказать:

– Толя (именно так, совершенно неожиданно для меня, он обратился ко мне), учти, что в армии действительно есть случаи нарушения устава, и людей, нарушивших его, надо наказывать. Но этот случай, о котором ТЫ пишешь в работе, не является нарушением устава. Это невыполнение распоряжения начальника, руководителя его подчиненным. Подумай, почему это может случиться?.. Я заверяю ТЕБЯ, что это может произойти только в том случае, если руководитель, начальник не заслужил у своего подчиненного ни авторитета, ни уважения... Что из этого следует? Из этого можно сделать только один вывод: наказывая своего подчиненного за невыполнение ТВОЕГО указания, ТВОЕГО распоряжения, приказа, ТЫ, прежде всего, наносишь самому себе глубокую травму, ибо именно ТЫ не смог завоевать своим поведением, своим отношением к работе и к людям уважения, авторитета. Думаю, если ТЫ это поймешь, ТЕБЕ будет легче жить и работать, где бы то ни было.

Что я могу добавить к этому? Могу сказать только одно: я все делал для того, чтобы мне не приходилось наказывать своих подчиненных. Наоборот, я стремился, как мне советовал Николай Федорович, своим отношением к людям, к доверенной мне работе заслужить уважение и авторитет. Не боюсь утверждать, что мне это удалось во всех жизненных условиях.

От Николая Федоровича я научился многому, в том числе и честности, недопущению злоупотреблений, трудолюбию и стремлению помогать всем нуждающимся, а также исключительной любви к детям.

Еще один пример, чему меня научил Николай Федорович. Однажды он спросил меня, чем я буду заниматься в воскресенье. Выслушав мой ответ, предложил мне проехать с ним в одно место. Какое именно, он мне не указал. Я согласился, и мы поехали по одному частному адресу. Позвонили в квартиру, вошли. Это было около 12 часов дня. Нас встретит небритый и неопрятный мужчина и тоже весьма неопрятная его жена, дети были неухоженными, а квартира просто очень грязная. Николай Федорович и я поздоровались, и он почти сразу сказал:

– Вас направляли к нам в штаб па работу, но, к сожалению, у нас нет свободного места. Поэтому прошу вас попросить новое назначение.

После этого, выслушав сожаление встретившего нас мужчины, мы вышли, и, медленно прохаживаясь, я выслушал своего начальника, который сказал:

– Ты понял, почему я отказал ему в приеме на работу к нам? Ведь если он и вся семья в такое время дня еще такие неопрятные, а квартира просто грязная, есть основания убедиться в том, что так же небрежно он будет относиться и к работе!

Я подумал, что, возможно, мой начальник, а может быть, и воспитатель прав. Этот урок я усвоил тоже на всю жизнь. К чему это привело, я постараюсь рассказать. Только уже на старости лет я сам стал нарушать это правило, этот урок. Не хватало времени следить за всем, что накопи лось в моем небольшом кабинете.

Еще с 1 марта 1931 г. в соответствии с письмом начальника штаба района, на основании Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 ноября 1930 г. за № 256 и директивы Леноблисполкома от 11 февраля 1931 г. я был зачислен в списочный состав 14-го отделения Ленинградской городской милиции на должность участкового инспектора с прикомандированием к штабу ПВО Нарвского района. Я получил право носить форму. Признаюсь, мне было страшновато надевать длинную черную шинель, высокую папаху, а в особенности иметь на петлицах знаки различия. Я даже старался носить только гимнастерку с петлицами, галифе, сапоги, а когда погода позволяла, надевал штатский плащ или куртку. Мне было тогда еще неполных 18 лет. Мои опасения были не напрасными. Один раз рядовой милиционер, ехавший со мной на передней площадке трамвайного вагона, заподозрил меня в неправомерном присвоении себе формы участкового милиционера. Хорошо, что мы вышли почти около моего дома и прошли в отделение милиции на улице Петра Лаврова. В

отделении проверили мои документы и, видимо, будучи в курсе правил оформления работников штабов ПВО, извинились передо мной.

Мне было неприятно носить форму еще и потому, что ко мне могли как к милиционеру обратиться прохожие, желая найти поддержку в борьбе с пьяницами. Это лишало меня возможности прогуливаться в форме с друзьями, в особенности если в нашей компании были девушки.

Числясь на этой должности в милиции, я был назначен в штабе ПВО района командиром отделения химической роты, а вскоре заведующим имуществом этой роты. В химической роте я задержался недолго. С 10 февраля 1932 г. меня перевели на должность заведующего имуществом и учетом штаба ПВО района и вскоре на должность начальника учетно-хозяйственной части штаба района. Уже 25 июня 1932 г., когда мне не было еще и 19-ти, перевели на должность инспектора ПВО района, а 11 ноября – на должность начальника сектора боевой подготовки и начальника химической службы штаба ПВО района. Работал я очень много, участвовал в проверке готовности предприятий района к противовоздушной и противохимической защите на время войны. Мне приходилось проверять готовность к переводу всех больниц во время возможной войны на положение госпиталей для приема не только гражданских лиц, но и военных, а также бани, так как они во время войны должны были стать обмывочными пунктами со стерилизацией одежды. Очень много времени у меня занимала проверка личных противогазов – сначала по их внешнему виду, а затем их владельцев, проходивших через специальные камеры, в которые подавался слезоточивый газ. Эта проверка вызвала у меня не только тревогу, но и возмущение. Были такие совершенно неожиданные явления, когда проверяющие противогазы бойцы химроты докладывали об обнаруженных дефектах. Почти сразу я установил, что владельцы противогазов пропускали через короб ку денатурат для его очистки. Чувствовалось, что противогазовая коробка сделалась тяжелее. Я вытащил дыхательный клапан и заметил на поверхности его сетки синеву, а кроме того, сохранился запах спирта. Не было сомнения, для чего это делалось, поэтому мы регистрировали каждый случай и доводили до сведения по месту работы или месту жительства. Сам противогаз упаковывали, печатавали и направляли одновременно с нашим сообщением. Были случаи, когда приходилось их просто списывать.

Да, трудно себе представить, что мне еще не было 20 лет, а 4 мая 1933 г. я стал заместителем начальника штаба, а иногда и исполнял обязанности начальника ПВО района. Это бывало, когда Николай Федорович Нионов находился на сборах или на отдыхе.

Должен отметить, что в те годы многие молодые люди получают и назначения на весьма ответственные руководящие должности. Поэтому я не являлся исключением. Меня особенно тронуло при столь быстром продвижении по службе то, что Н.Ф. Нионов в штабе ПВО города сказал, что я его никогда не подводил, а потому он хочет и в дальнейшем в своей нелегкой работе опираться именно на меня.

Работая в штабе ПВО района, я был допущен к совершенно секретным документам и составлению мобплана. По этому плану предусматривалось и то, что я отвечаю за своевременное приведение в действие «зеленого пакета», то есть плана оповещения по району на случай внезапной войны или при проведении неожиданных учений всех предусмотренных мобилизационным планом должностных лиц и объектов.

Город уже тогда был большим, и если объекты и учреждения находились непосредственно на территории самого района, то многие сотрудники, подлежащие вызову, проживали в самых разных концах города. Для грамотного составления плана мне приходилось объезжать все установленные адреса и только после этого отрабатывать четкие маршруты оповещения, а также передать в распоряжение района автомашины, которые должны прибыть к райсовету незамедлительно. Эти машины должны были направляться по самым удаленным адресам.

Помимо того, предусматривалось оповещение и по телефону. Для этого мною было получено задание от председателя райсовета РКиКД – создать в здании райсовета (к этому

времени мы уже переехали в новое помещение на улице Стачек) специальный пункт оповещения. По моему указанию в зале заседания президиума райсовета были организованы точки связи. Для этого была создана возможность перевода ряда номеров телефонов из отделов в этот зал и установки в нем нескольких телефонных розеток для подключения аппаратов. Я составил список живущих вблизи сотрудниц, которых должны были вызвать дежурные милиционеры 31-го отделения ЛГМ, находившегося на первом этаже здания.

С тех пор как я стал инспектором района, я уже не числился в 14-м отделении милиции, а был в штате штаба ПВО района. Не являясь кадровым командиром, тем не менее был занесен в списочный состав в/ч 1173. Мне разрешили носить военную форму, что было очень приятно.

Так моя жизнь продолжалась довольно долго. Потом руководством было принято решение улучшить организацию противовоздушной обороны Нарвского района, в особенности в обучении населения и работающих в районе пользованию противогазами и другими средствами защиты, разделить территорию района на два участка, расположенных в границах имевшихся в районе отделений милиции.

На меня, как начальника участка, вместе с моими подчиненными было возложено не только проведение занятий с населением, но и осуществление постоянного контроля за содержанием в надлежащем состоянии бомбо- и газоубежищ, складов с неприкосновенным запасом средств противохимической защиты и другого снаряжения, размещавшихся на территории вверенного мне участка.

В штабе района мы запланировали нашу работу таким образом, чтобы почти каждый объект проверялся по графику, известному только начальнику штаба ПВО. Часто Н.Ф. Нионова сопровождали на эти проверки я и другие сотрудники штаба, а также инструктор райкома ВКП(б), прикрепленный к нашему штабу, Смолячков. Иногда на проверку крупных объектов, таких как «Красный путиловец», «Красный треугольник», Торговый порт, «Северная верфь» и некоторых других. Вместе с нами выезжали секретари райкома ВКП(б), председатели райсовета РКиКД.

Хочу отметить, что ряд предприятий, непосредственно входивших в систему оборонной промышленности, уже тогда вместо ранее применявшихся названий обозначались специально установленными номерами.

Мне и по сей день часто вспоминаются выезды на объекты в целях их проверки, в которых принимали непосредственное участие И.И. Газа и И.Ф. Козлов. Оба районных руководителя очень внимательно относились ко всем возникавшим при проверках вопросам, к тем или иным проводимым учебным операциям. Я, конечно, не хочу преуменьшить роль в этом товарищей Алексева, Д.Ф.Кириянова и других. С ними мне пришлось работать позднее, то есть когда я уже подрос и свыкся со своим положением на работе.

Кроме того, что мы проводили проверки всех объектов района, были всегда готовы и к проводимым проверкам работы нашего штаба и объектов, подчиненных нам, со стороны представителей Ленинградского военного округа, в том числе Космачева, руководителя службы ПВО района, а также представителями разных уровней горкома ВКП(б) и Ленсовета РКиКД.

Наш город мог неожиданно подвергнуться проверке высшим начальством из Москвы. Иногда они присутствовали на учениях. Мне запомнились двое таких проверяющих. Это были начальник Управления ПВО РККА Медведев, а с 1934 г. Сергей Сергеевич Каменев.

Они не только проверяли в/ч ПВО города и батальоны, крупные предприятия, штабы ПВО города и районов, но и останавливали свое внимание и на бомбоубежищах, обмывочных пунктах, больницах, мобилизационных пунктах и т.д. Так, например, несколько в стороне от улицы Стачек была выстроена большая баня. Во время войны она должна была быть обмывочным пунктом. И вот как-то при очередном посещении Ленинграда и нашего района, посетив уже ряд объектов, начальник ПВО страны Медведев остановил свое внимание и на ней. Казалось, что все было нормально, но, тем не менее, он остался проверкой недоволен.

Я задумался, чем оно могло быть вызвано? Спросить об этом у столь высокопоставленного начальника мне казалось непозволительным. Когда кончилась проверка и начался обеденный перерыв, я присоединился к части проверявших, прибывших вместе с Медведевым из Москвы. Я спросил их, в чем причина недовольства Медведева. Мне ответили, что важно обеспечить организованность в действиях на объекте, предусмотренных утвержденным планом. Для этого на бане надо было предусмотреть четкие указатели. Например, обмывочный пункт, вход, стрелкой указать раздевалку, место сдачи белья и одежды для дезинфекции, дальнейшее продвижение к обмывочному пункту, выход и проход к месту выдачи продезинфицированных белья и одежды, комната отдыха, туалеты и, наконец, выход на улицу.

Это я усвоил тут же и по каждому объекту районного подчинения, в том числе для школ, превращенных в мобилизационные пункты, бомбоубежищ и т.н. разработал четкий список необходимых указателей и обеспечил их изготовление в достаточном количестве. В этом мне помогли учащиеся старших классов школ на уроках графики, черчения.

Правильность данного мне совета полностью оправдалась. При очередном приезде в Ленинград и посещении нашего района Медведева очень обрадовали размещенные на нужных местах указатели.

Сейчас мне хочется несколько отступить от деловой части воспоминаний, остановиться на личных переживаниях юности, которые тоже оказали определенное влияние, вернее, определенную помощь в моей работе разведчика, в моей тяжелой жизни.

Может показаться смешным то, что испытывала моя мать в годы моей работы в штабе ПВО Нарвского, а после убийства С.М. Кирова – Кировского района. Она была предельно недовольна моей загруженностью на работе, потому что дети, сыновья наших друзей, мои сверстники и друзья, все имели девушек, с которыми ходили в театр, на танцы, веселились, пели, а я не следовал их примеру. Я не имел для этого никакой возможности. Рабочий день мой начинался, как правило, в 8 часов, заканчивался часов в 18 с таким расчетом, чтобы, немного отдохнув дома, даже, возможно, немного поспав, я должен был собираться, готовиться к ночной работе и несколько позднее выезжать на проверки объекта.

Возвращался иной раз в 4 и даже в 5 часов утра. Оставалось немного времени для сна и отдыха, и надо было отправляться на работу. Когда же было ухаживать за девушками, танцевать, плясать, петь? Некогда было. Часто приходилось работать и в выходные дни. Так складывалась моя юность.

Не могу не указать на то, что и в штате райсовета РКиКД, и даже в нашем штабе были очень симпатичные девушки, которые, скорее всего, не отказали бы мне в возможности ухаживать за ними. И вот в этом случае на мое воспитание повлиял Николай Федорович Нионов. Он мне сказал: «Учти на всю жизнь мой совет. Никогда не позволяй себе влюбляться, ухаживать за девушкой, находящейся в твоём подчинении, и даже той, которая работает с тобой в одном учреждении, на одном предприятии. Это может нехорошо отразиться на твоей работе!»

Я остановился на этом вопросе, может быть, несколько слишком подробно, но все это – привычка со времени моей юности, желание следовать советам моего, по существу, первого начальника – продолжалось и позднее в течение многих лет, да проще сказать, на протяжении всей моей жизни. Так было во время моей службы в штабе ПВО, в спецчасти РЖС, во время учебы в институте, а в особенности во время моего участия в национально-революционной войне в Испании, где я находился большую часть времени на подводной лодке, на флоте или на фронте, на полигоне пристрелки торпед. В особенности этот навык мне пригодился во время моей зарубежной разведывательной работы. Это нашло продолжение и уже в послевоенные годы.

Нет, я не собираюсь осуждать тех советских добровольцев в Испании, которые влюблялись в действительно очень привлекательных испанок, тем более что большинство из них очень дружелюбно относились к нам, прибывшим издалека для защиты их народа от мятежников и итало- германских интервентов. Но мне казалось, что во время военных

действий надо думать о будущем, о судьбе той, которая оказалась в центре твоей любви. Это должно было сдерживать чувства в отношении испанок.

В особенности легкость проявления чувства влюбленности или любви должна была быть совершенно недопустимой в условиях многолетней нелегальной разведывательной деятельности за рубежом, во вражеском тылу. Нельзя было отдаваться чувству любви по отношению к женщинам легкого поведения, официанткам, горничным и прочим, которые могли находиться одновременно на службе в полиции, являясь, как у нас было принято говорить, «стукачами». Любовные связи с женщинами из хорошего общества были совершенно недопустимы, ибо не было уверенности, чем они могут закончиться для полюбившейся вам женщины, которая не могла и предполагать, что вы разведчик.

Обо всем этом я расскажу дальше.

В моей юности было столько замечательных дней, столько замечательных впечатлений, столько интересных встреч с людьми, которые мне помогли, даже не задумываясь сами, укрепить мое воспитание, что это осталось надолго, смело могу сказать, до моей старости.

К вопросам противовоздушной обороны в то время с большим вниманием относились все, в том числе, безусловно, видные руководящие работники. Я имею в виду Сергея Мироновича Кирова, Ивана Ивановича Газа, председателя Ленсовета РКиКД Кадацкого, Бориса Павловича Позерна. Вспоминаются также Александр Иванович Угаров, Клюсек и видные военачальники, командующие Ленинградским военным округом, – Михаил Николаевич Тухачевский, Белов Иван Панфилович и многие другие. Я не могу забыть, как мне приходилось присутствовать во время учений, при посещении крупных объектов Климентом Ефремовичем Ворошиловым, Сергеем Сергеевичем Каменевым. Трудно сейчас перечислить всех, столько лет прошло...

Вспоминаются учения, проводившиеся в Ленинграде и его районах, на которых мне приходилось бывать. Я помню, как однажды, во время районного учения около больницы им. Свердлова (там, где она раньше находилась), я встретился с Борисом Павловичем Позерном. Этот высокопоставленный по тому времени человек обратился почему то именно ко мне с просьбой, чтобы я дал пояснения по всем пунктам проводившегося учения. Я был этому очень рад. Ведь Борис Павлович даже среди молодежи Ленинграда был высокочтимым человеком, коммунистом ранних лет. В возрасте 21 года, в 1903 г., он вступил в большевистскую партию. Мы особо уважали его за участие в Гражданской войне, он являлся одним из активных участников организации частей Красной армии в Петрограде, был комиссаром Петроградского военного округа, затем уже весной 1919 г. был назначен членом Реввоенсовета 7-й армии, оборонявшей Петроград от войск Юденича.

Учитывая все, что я слышал о Б.П. Позерне, меня крайне удивило, что этот человек держался так просто и мило. Меня удивило и то, что он был одет в простое демисезонное пальто, карманы которого были переполнены газетами, был без головного убора и часто улыбался, здороваясь с людьми. Позднее я присутствовал и на его выступлениях.

Вскоре я убедился, что все, что меня удивляло в облике Б. П. Позерна, было присуще не только ему. Раньше, когда я очень часто встречался с Иваном Ивановичем Газой, его манере общаться с людьми, его скромности и вниманию, уделяемому всем, с кем его сводила судьба, я как-то не удивлялся. Видимо, потому, что мне он был очень близок. Приведу только один пример. До перехода на работу секретарем Ленинградского горкома ВКБ(б) Иван Иванович, как я уже указывал раньше, был секретарем Нарвского райкома. Работая в штабе ПВО района, я заболел, у меня был экссудативный плеврит, меня положили в больницу, где пробыл немногим меньше месяца, а затем провел с родителями на отдыхе в Стругах Красных, в деревне, положенный мне отпуск. После выздоровления меня не допустили к работе, и Николай Федорович сообщил мне, что меня хотел видеть Иван Иванович. Признаюсь, это вызвало у меня некоторое чувство тревоги. Я поднялся этажом выше и прошел в кабинет И.И. Газа. Каково же было мое удивление, когда Иван Иванович стал меня расспрашивать о моем самочувствии и в заключение предложил мне посетить врача в «Свердловке». После этого посещения, безусловно, благодаря проявленной Иваном

Ивановичем заботе, меня направили в военный санаторий в Ялту, и только после моего возвращения в Ленинград с согласия Ивана Ивановича, получившего заключение врача, осматривавшего меня до направления в санаторий, я был допущен к работе.

Как просто держался Иван Иванович, как просто он был одет – синяя гимнастерка, синие галифе и сапоги. Не знаю, правда ли, но тогда поговаривали, что его жена работала в кинотеатре на Старо-Петергофском проспекте, переименованном после смерти И.И. Газа в проспект Газа.

Эта простота Ивана Ивановича проявлялась буквально во всем. Мне приходилось часто бывать на совещаниях, которые проводил или просто на них присутствовал И.И. Газа. Тогда районные организации размещались в здании в Советском переулке, и вот одно из совещаний закончилось, мы выходим. У подъезда стоит машина, находившаяся в распоряжении райкома партии. Иван Иванович озирается, усаживает в машину наиболее пожилых людей. На их взволнованный вопрос: «А как же вы, Иван Иванович?» – следует спокойный ответ: «Я хочу подышать свежим воздухом, немного похожу и присяду в скверике, дождусь машину и поеду домой. Езжайте спокойно!»

Шофер уже знал, что дальше последует. Едва заметно Иван Иванович подмигивает ему, а это означает – отвезешь и будешь свободен, а я доберусь до дома трамваем.

Казалось бы, что особенного в этом примере. Я же запомнил его па всю жизнь, и мне было очень горько смотреть, как некоторые руководящие работники поступали иначе. Я вспоминал пример Ивана Ивановича часто, но особенно больно мне было в тот вечер, когда председатель Ленинградской секции СКВВ Герой Советского Союза генерал-полковник Константинов Михаил Петрович, недавно по возрасту освобожденный от должности заместителя командующего ЛВО, вместе с нами, организаторами вечера в Доме дружбы на Фонтанке, вышел на улицу. Мы все стали прощаться. К подъезду подъехала автомашина, в нее сел только один пассажир – секретарь обкома ВЛКСМ, за ним последовал в «своей» машине и секретарь горкома ВЛКСМ, подъезжали другие машины, и в них рассаживались по два-три человека работники обкома, горкома ВЛКСМ.

Старый, заслуженный человек, проводив всех «начальников», вместе с нами направился к городскому транспорту. В то время он жил на Кировском проспекте. Это был примерно 1970-й год, точно уже не помню, но, во всяком случае, около 40 лет спустя после первого приведенного примера с участием И.И. Газа. К сожалению, подобные поступки и в настоящее время не являются редкостью.

В 1933 г. смерть 39-летнего Ивана Ивановича с большим горем восприняли все ленинградцы, но, конечно, более тяжело потерю переносили рабочие «Красного путиловца». На «Путиловце» сначала работал слесарем отец Ивана Ивановича, затем и он сам. Иван Иванович являлся участником забастовки 1916 года, за что был отправлен в штрафные казармы. Вел революционную работу среди солдат и матросов Ораниенбаума и поднял их на борьбу в дни Февральской революции 1917 года. Принимал активное участие в формировании отрядов Красной гвардии на своем родном заводе и в разгроме корниловского мятежа. Мы особенно любили слушать рассказы Ивана Ивановича о том времени, когда он, начиная с 1918 года, был комиссаром Путиловского бронепоезда №6, о его участии в боевых действиях против войск Краснова, Корнилова, Юденича и белополяков. Одно время он являлся военкомом Красной армии. С 1925 года вновь вернулся на Путиловский завод и несколько лет избирался секретарем заводской партийной организации, а затем секретарем Нарвского райкома ВКП(б). Признаюсь, я гордился тем, что не только работал под его руководством, но и весьма часто общался, и вне служебных дел.

Да, были интересные встречи и приятные воспоминания, но, как я уже указывал, в ранней молодости были у меня и тяжелые переживания, и первым из них были похороны Ивана Ивановича Газа. Было многолюдно. До этого доводилось участвовать только в праздничных демонстрациях. На похоронах Ивана Ивановича я впервые вел подколонны в траурной обстановке, и видеть тяжелые переживания всех участников этого шествия, поверьте, мне было очень нелегко.

Вполне заслуженно Ивана Ивановича похоронили на Марсовом поле. Я до сих пор каждый раз, когда бываю в этом районе, захожу поклониться дорогому мне человеку.

Но переживания на этом не кончились. К числу наиболее тяжелых воспоминаний относится и 1934-й год.

Я был комсомольцем, но занимал уже солидное место в районе, и меня решили отметить по-особому. Мне выдали пригласительный билет на партийно-хозяйственный актив Нарвского района, который состоялся тогда в Доме культуры у Нарвских ворот. Совершенно неожиданно для многих, и, конечно, для меня, на вечернем заседании выступал Сергей Миронович Киров. Не буду останавливаться на вопросах, входивших в его выступление, – все они были весьма актуальными и интересными.

Никто из присутствовавших не мог предположить, что это было последнее столь массовое выступление дорогого Миронича.

Прошло сравнительно немного времени, и я был очень доволен тем, что к 1 декабря 1934 г. полностью закончил составление доверенной мне части районного мобплана и ее увязку с другими частями. Я спокойно закурил, и вдруг раздался звонок в дверь спецчасти. Открываю дверь и вижу входящих председателя райсовета РКиКД Дмитрия Федотовича Кирьянова и секретаря райкома партии Ивана Ивановича Алексева. Они поинтересовались, каковы мои успехи в отработке мобплана. После моего короткого ответа, что работу я закончил полностью, Дмитрий Федотович сказал:

– Ты живешь на улице Чайковского, а мы едем сейчас на партийный городской актив, который состоится в Таврическом дворце на улице Воинова. Ты ведь, наверное, едва стоишь на ногах и хотел бы поспать спокойно у себя дома. Столько дней работал, почти круглосуточно. Вот мы с секретарем райкома решили довести тебя до дома. Поехали, быстро собирайся, нам уже некогда!

Все помнят, что в то время автомашин в городе было мало. У нас было две таких: одна у секретаря райкома, а вторая – у председателя райсовета. Я с чувством благодарности принял предложение, быстро собрался, и мы поехали. Наша четверка в машине была в хорошем настроении, мы смеялись и шутили.

Приехав домой, я нашел время посмотреть в зеркало и убедился, что мне необходимо пойти в парикмахерскую. Даже самому было очень неприятно видеть обросшего молодого человека. При работе над мобпланом у меня не было времени заниматься собой. Я пошел в находившуюся неподалеку парикмахерскую. Примерно через час-полтора вернулся домой. Дома были уже отец, мать и сестра. Я очень удивился: на листочке бумаги из блокнота было записано: «Звонил Кирьянов, немедленно явиться в райсовет». И это повторялось несколько раз. Не мог понять, в чем дело. Я был в полной растерянности и решил позвонить в райсовет. Звоню в кабинет Кирьянова, звоню управделами, секретарю райсовета... звоню, звоню... Все эти телефоны заняты, а другие попросту не отвечают, рабочий день закончился. Повторяю свои попытки дозвониться, и наконец получилось. Я узнаю голос управделами Полины Антоновой. Она встревоженным голосом спрашивает, кто звонит. Меня удивило не только то, что ее телефон был долго занят, но и то, что она находится в это время на работе, а главное – не узнает меня. Я называю себя и спрашиваю: «Меня вызывает Кирьянов в райсовет?» Слышу ответ: «Да, да, быстрее, быстрее приезжайте». Теперь и я уже не узнаю ее голос, она нервничает, я уже тоже нахожусь в нервном состоянии, спрашиваю, что случилось, выслали ли за мной автомашину? Слышу в ответ: «Никакой машины, быстрее, быстрее добирайтесь любым путем!»

Управделами повесила трубку. Я ничего не мог понять, что случилось. Началась бы война, меня вызвали бы одним из первых через военного коменданта города. Было бы неожиданное учение в городе или в районе, меня тем более в числе первых оповестил бы тот же военный комендант. Нет, произошло нечто неожиданное и серьезное.

Волнуясь, я быстро оделся, надел кожаное пальто, опоясался, не забыл про полевую сумку и кобуру с пистолетом. Спустился бегом по лестнице, побежал по улице Чайковского мимо здания Дзержинского райсовета РКиКД. У этого дома стояло много автомашин. Я

решил войти в райсовет, многие из сотрудников меня знали, и я надеялся, что мне окажут помощь, предоставив возможность на одной из служебных автомашин быстрее добраться до нашего райсовета. У входа стояли милиционеры, пришлось показать удостоверение личности и пропуск для круглосуточного прохода в здание Нарвского райсовета. Я вбегаю в здание, обращаюсь к работникам штаба ПВО, на месте оказались только двое – заместитель начальника штаба и дежурный. Они нервничают, а мне отказывают в помощи, так как машины находятся не в их распоряжении. Бегу в приемную, прошу дежурного оказать содействие быстрее добраться до улицы Стачек, предъявляю свое удостоверение... И в данном случае последовал возбужденный отказ. Не могу понять, что произошло. Стремительно покидаю это здание и бегу дальше в направлении Литейного проспекта. Еще боль шее недоумение вызывает то, что и у «Большого дома» тоже стоит уйма машин. Естественно, в этот дом я не заходил, да у меня и не было пропуска в здание Управления НКВД по Ленинграду.

Совершенно растерявшийся, с нетерпением жду рейсовый автобус. Добравшись до цели, выскакиваю из автобуса и устремляюсь к старенькому лимузину – автомашине, где дежурит диспетчер такси. Вбегаю в диспетчерскую, прошу у диспетчера предоставить мне автомашину. Она мне довольно резко отказала, громко сказав, что не может ничего понять, происходит нечто совсем невероятное. Я уже не первый, кто просит, вернее, резко требует предоставления автомашины, уже многие подходили с подобным требованием. Она поясняет, что одна из стоящих машин такси дежурная, а вторая – техпомощь. Предъявляю свое удостоверение и пропуск с красной полосой. Диспетчер, несколько растерявшись, вызвала шофера и велела следовать со мной по указанному адресу.

Шофер, тоже волнуясь, спрашивает, что случилось. Я сам не могу понять, что происходит. Я попросил шофера как можно быстрее доставить меня к дому Нарвского райсовета РКиКД на улице Стачек. При этом вынул из полевой сумки мой служебный блокнот, на листках которого было отпечатано в типографии (как было принято в то время) место моей работы и занимаемая должность, адрес и номера служебных телефонов. Написываю на листке свою фамилию и предупреждаю, что если милиция предъявит к нему претензии за превышение скорости при езде, чтобы он немедленно позвонил мне, а я смогу своим вмешательством обеспечить разрешение возникшего вопроса в его пользу. Шофер – молодец, действительно быстро довез меня.

У входа в здание райсовета стояли два милиционера. Хочу еще раз подчеркнуть, что в это время на первом этаже, слева от входа, помещалось 31-е отделение ЛГМ. Безусловно, эти два милиционера меня знали, я бывал часто у них в отделении, и тем не менее, несколько смутившись, они потребовали у меня пропуск. В то время у меня был пропуск на право прохода в здание в любое время суток. Меня сразу же пропустили.

Когда я поднялся на второй этаж и вошел в приемную председателя райсовета, наша всеми уважаемая управделами Полина Антонова, к моему удивлению, хотя она сама мне подтвердила вызов Д.Ф. Кирьянова, в его кабинет не пустила. Она как-то совершенно непривычно сказала:

– Пройдите в зал заседания президиума и ждите там. В зале уже находятся все вызванные.

Я пошел в зал заседаний президиума и там тоже ничего не смог понять. Также в растерянном состоянии сидели многие руководители отделов, ответственные работники ряда подразделений района. Среди присутствующих я увидел и Цветкова, ветерана партии, а в райсовете он в то время заведовал районным финансовым отделом. С ним, несмотря на значительную разницу в возрасте, у нас уже давно сложились дружеские, хорошие отношения. Я подсел к нему и спросил:

– Что случилось, почему нас всех собрали? Никто не объясняет, что случилось? Что, назначенный городской партхозактив отменили?

Он пожимает плечами, тоже заметно неспокоен, но ничего не может мне разъяснить. Меня удивило и то, что в зале не было ни Николая Федоровича Нионова, ни других

работников штаба, командира батальона ПВО, прикомандированного к району. Только значительно позднее я смог найти этому объяснение. Меня вызвали одним из первых, потому что я отвечал за введение в действие «зеленого пакета», плана оповещения в экстренных случаях и, конечно, в случае непредвиденного начала войны или учения противовоздушной обороны.

Буквально через несколько минут нас, Цветкова и меня, Полина вызывает в кабинет председателя райсовета. Когда мы вошли в кабинет, не могли понять, чем вызвано то, что всеми уважаемый, ставший нам даже близким человек стал буквально неузнаваем. Он коротко сказал: «Садитесь». Мы сели, а он продолжал еще несколько минут молчать. Неожиданно заговорил:

– То, что я вам скажу сейчас, должно остаться между нами, больше никому об этом не говорите... Сегодня убили Сергея Мироновича Кирова. Об этом будет объявлено ближе к полуночи непосредственно по радио из Москвы. До сообщения об этом не следует разговаривать ни с кем...

После этого краткого взволнованного сообщения, потрясшего Цветкова и меня, опять наступило непродолжительное молчание. Кирьянов как бы исподлобья посмотрел на нас... Затем он обратился ко мне, к моему удивлению на «Вы», что было совершенно необычно для меня, и тихо сказал:

– Вы должны немедленно ввести в действие «зеленый пакет». Для этого переведите всех собравшихся в зале заседания президиума в другое помещение, а в зале организуйте предусмотренную планом телефонную связь.

Да, действительно предусматривалась необходимость перевода из различных отделов телефонов и около них разместить связисток. Для этого мне было необходимо, прежде всего, через дежурного 31-го отделения милиции направить по указанным адресам милиционеров, для того чтобы срочно вызвать работающих в райсовете и проживающих поблизости от него молодых девушек, что предусматривалось составленными мною списками, хранившимися у дежурного. Это являлось одним из разделов мобплана. Каждая из явившихся девушек получала по пакету из хранившихся у нас в сейфе и приступала к введению плана оповещения в действие.

Я перевел все необходимые телефоны, дал указание дежурному милиционеру о выполнении предусмотренного для него задания. Вскоре обрадовался тому, что девушки прибыли очень быстро. Приступили к выполнению операции, предусмотренной «зеленым пакетом». Затем я направился в кабинет Д.Ф. Кирьянова, с тем чтобы доложить ему, что план оповещения введен в действие. Выслушав меня, он тут же поручил новое задание, сказав:

– Возьмите автомашину и поезжайте немедленно в Ленжилсоюз. Вы знаете Левина, председателя этой организации. Вот вы и обратитесь к нему. Он нам должен выдать наряд на получение черного и красного материала, с этим нарядом я утром пошлю людей на склад Ленжилсоюза.

Если мне память не изменяет, я должен был получить наряд на выдачу району по 600 метров того и другого материала. Я вскочил в стоящую у подъезда машину, на которой обычно ездил шофер по фамилии Сенькин, и помчался в Ленжилсоюз, размещавшийся на площади Ломоносова (ранее эта площадь называлась Чернышевой площадью). На улице было темно, казалось, что уже наступила ночь, не было заметно какого-либо возбуждения, нарушения обычного жизненного ритма города. Почти еще на ходу, едва подъехав к подъезду, я выскочил из машины, взбежал по лестнице и вошел в кабинет Левина. В приемной меня никто не остановил, там никого не было. Левин в то время, кроме того что занимал свою должность, был еще и членом бюро горкома партии. В кабинете, неподалеку от письменного стола Левина, сидел его заместитель, тоже ветеран партии, Филиппов. Я буквально не узнал ни того, ни другого, Филиппова было особенно трудно узнать. Он сидел склонившись и громко рыдал.

Мы поздоровались, и Левин, не дожидаясь вопроса, обратившись ко мне, сказал:

– Вы можете себе представить, что случилось? Это в наше-то время могло произойти в

Смольном! Убили Кирова!

Мы недолго разговаривали, и я, получив необходимые документы, помчался обратно в райсовет. Как мне стало известно позднее, утром в Ленжилсоюзе на траурном митинге, на который собрались все встревоженные и взволнованные сотрудники, выступал глубоко опечаленный, хорошо знавший С.М. Кирова Левин. Мне говорили, что слушавшие его были буквально потрясены этим выступлением, несмотря на то что случившееся уже не являлось ни для кого секретом, так как многие слышали сообщение Центрального радио непосредственно или в пересказе.

Когда гроб с Сергеем Мироновичем был установлен для прощания в Таврическом дворце, в почетном карауле наряду с другими руководящими советскими и партийными работниками также стоял Левин. К не успевшему еще прийти в себя, едва отошедшему от гроба Левину подошли двое одетых в штатское и спросили: «Имеете ли вы оружие?» Левин очень удивился и растерялся, оглядываясь по сторонам, ответил отрицательно. Последовали следующие слова незнакомцев: «Вы арестованы, гражданин Левин!»

Тогда утверждалось, что Левин вдруг оказался членом так называемого «Центра», или «Пятерки», как тогда утверждали, организовавшей убийство Мироныча.

После выполнения порученного мне задания на необходимые району ткани я прибыл в райсовет и вручил их Д.Ф. Кирьянову. Выполняя его следующее задание, я поехал на Путиловский завод. Там я встретил Карла Марковича Отса, директора этого прекрасного завода. Сергей Миронович часто там бывал, его хорошо знали, а с К.М. Отсом они были искренними друзьями. На заводе мы немного поговорили о том, что он, видимо, уже знал по линии райкома партии. Невольно вспомнили о наших встречах с С.М. Кировым. Естественно, я видел Сергея Мироновича лишь несколько раз, а мой собеседник намного больше. Тяжело переживая случившееся, К.М. Отс рассказал мне о многом, но особо подчеркнул простоту, с которой видный партийный деятель, более восьми лет работавший в Ленинграде во главе партийной организации, общался с людьми, с каким вниманием он относился к каждому человеку. Хочу привести один эпизод.

– Был такой незабываемый случай, – рассказывал К.М. Отс, – Сергей Миронович, как всегда без особой охраны, направлялся к нам па завод. Проезжая по одной из небольших улиц в направлении нашего завода, он увидел домик в очень плохом состоянии. Во дворе стояла старушка. Сергей Миронович остановил машину, вышел и подошел к ней. Они поздоровались. С.М. Киров обратился с вопросом: «Кто здесь живет, в этом доме?» Между ними состоялся небольшой разговор:

- Я живу с мужем и детьми, – ответила старушка.
- А где работает муж?
- На Путиловце!
- А дети большие уже, работают или учатся?
- Нет, уже работают на Путиловце. Двое сыновей в цехах, а дочка в лаборатории.
- Дом-то ваш давно уже не ремонтировался?
- Да я уж и не припомню, когда это было, а сейчас все рушится.

После этого Сергей Миронович попрощался и вскоре был уже на заводе. Войдя в кабинет директора, он поинтересовался, чем занимается К.М. Отс, не согласится ли он вместе проехаться. Они отправились в путь на автомашине Сергея Мироновича. Вскоре подъехали к дому, у которого состоялся разговор, и С.М. Киров поинтересовался, знает ли директор завода, кто в этом доме живет, и тут же пояснил, что в нем живет семья потомственных путиловцев, а сейчас из семьи в пять человек четверо работают на этом заводе. Рассказав об этом, он спросил, не стыдно ли директору, что его рабочие живут в таких условиях, и спросил, не сможет ли завод в течение двух недель отремонтировать полностью этот дом. Директору ничего не оставалось делать, как пообещать выполнить это указание. Дом был приведен в отличное состояние.

Естественно, я не мог привести такого количества примеров. И я поведал Карлу Марковичу пару историй о случайных встречах с Кировым.

Несколько раз я видел его на учениях, но тогда не было возможности поближе понаблюдать за ним. А вот два случая из моей жизни запомнились.

Руководство района совершенно случайно узнало, что к новому зданию райсовета на улице Стачек направляется С.М. Киров. Мы готовились к окончательной подготовке дома и прилегающей территории. К его заселению велась посадка деревьев. И вот мы увидели, что С.М. Киров вышел из машины, подошел к одному молодому работяге и, посмотрев, как он собирается сажать дерево, спросил, знает ли он, как это надо делать. Услышав отрицательный ответ, Сергей Миронович попросил у него лопату и показал. Простота обращения с любым ленинградцем дает возможность попятить, почему почти все ленинградцы с уважением и любовью называли его всегда Миронычем.

Второй случай был в доме райсовета. Мы готовили все к переезду. Мы были в пустом еще доме. Полотеры натирали паркет. Сергей Миронович спросил, не стыдно ли будет всем ходить по полу, натертому потом людей. В районе много опытных инженеров и изобретателей, неужели никто не мог придумать машины для натирания полов? На вопрос С.М. Кирова откликнулись. В кратчайший срок машина была изготовлена. Правда, должен признаться, ее я никогда не видел в работе.

На заводе я задержался немного больше, чем полагал. В одном из цехов мы услышали передачу из Центрального радиовещательного центра об убийстве Сергея Мироновича. Я видел, без преувеличения, рыдающих молодых и пожилых рабочих, совсем уже стариков. Мне было понятно, потому что буквально каждый работающий на Путиловце знал и очень любил своего Мироныча.

Настало время отъезда. С тяжестью на сердце я вернулся в райсовет и обо всем услышанном и пережитом на заводе подробно поведал Д.Ф. Кирьянову и находившимся в сто кабинете секретарю райкома партии, а также Цветкову и приехавшему к этому времени Николаю Федоровичу Нионову.

Мне рассказывали о том, как произошло убийство, как С.М. Киров оказался в Смольном, хотя вскоре должен был выступать на партактиве. Как раздался выстрел, как обнаружили его тело и как об этом убийстве сообщили в Москву. Рассказывали, кто первым прибыл из Москвы в Ленинград на самолете. Объясняли, что И. В. Сталин прибыл в Ленинград поездом только утром следующего за убийством дня. Якобы в целях безопасности ему было запрещено пользоваться самолетом. Когда же он прибыл в Ленинград и горожане выразили желание похоронить своего Мироныча на Марсовом поле, Сталин якобы ответил: «Не умели хранить живым, не будете хоронить и мертвым». Нам пришлось провожать его гроб до Московского вокзала. За гробом шла масса ленинградцев.

Мне рассказывали о том, как произошло убийство, как С.М. Киров оказался в Смольном, хотя вскоре должен был выступать на партактиве. Как раздался выстрел, как обнаружили его тело и как об этом убийстве сообщили в Москву. Рассказывали, кто первым прибыл из Москвы в Ленинград на самолете. Объясняли, что И. В. Сталин прибыл в Ленинград поездом только утром следующего за убийством дня. Якобы в целях безопасности ему было запрещено пользоваться самолетом. Когда же он прибыл в Ленинград и горожане выразили желание похоронить своего Мироныча на Марсовом поле, Сталин якобы ответил: «Не умели хранить живым, не будете хоронить и мертвым». Нам пришлось провожать его гроб до Московского вокзала. За гробом шла масса ленинградцев.

Вот что мне пришлось слышать о том, почему С.М. Киров оказался в Смольном, перед тем как выступить в Таврическом дворце. Сергей Миронович побывал на некоторых предприятиях. Перед выступлением на партактиве ему надо было взять материалы своего доклада у себя в кабинете. Когда подъехали к Смольному, находившийся в машине охранник (я полагаю, что мне приходилось его видеть ранее, этот охранник заикался, был седым) предложил ему подняться к нему в кабинет и взять папку с докладом, но услышал в ответ отказ – Киров решил подняться сам. Уже подходя к кабинету, он внезапно был сражен пулей, выпущенной Николаевым. Этот рассказ у некоторых из нас вызывал сомнения. Мы не могли поверить, что Николаев, зная о партактиве, мог в нише толстой стены Смольного,

вблизи от кабинета, выждать свою жертву. Ответы на многие вопросы мы не могли получить ни тогда, да, пожалуй, и сейчас существует множество противоречивых толкований.

После моего вызова в райсовет, в связи с убийством Кирова, я не покидал его более трех недель. Естественно, мои родители знали, что происходит в городе. Они понимали, что в это время моя загруженность по работе вполне объяснима и оправданна. Мать привезла мне подушку, чтобы я мог хоть немного отдохнуть.

Многое было поручено мне председателем райсовета РКиКД Д.Ф. Кирьяновым и секретарем райкома партии Алексеевым. Я стремился к точному и безусловному выполнению этих заданий. Приходилось проверять работу художников, по существу, начиная с первой ночи. Тогда я уже под утро поехал в бывшую церковь, которая в это время пустовала. Туда приехали художники, которым было поручено продумать и выполнить ряд работ. Я должен был выяснить, что им необходимо для этого. Я побывал там уже днем и, признаюсь, был поражен тем, что на полу лежал почти готовый огромный портрет Сергея Мироновича, который должны были установить как можно скорее на Нарвских воротах. Меня поразило и то, чем художникам пришлось работать. В черную краску, разведенную в бидоне, они опускали не кисточки, а самые настоящие малярные кисти, которые в работе до этого я видел только при побелке потолков или стен. Этими кистями они заканчивали свою работу над портретом.

Одним из наиболее сложных по тому времени мероприятий являлась организация прощания ленинградцев и специально прибывших в наш город из области и других городов людей, очень любивших Кирова и потрясенных его убийством. Часть приехавших оказалась и в нашем районе.

Мы должны были обеспечить прощание с С.М. Кировым непосредственно в Таврическом дворце. Второй раз нам приходилось участвовать в столь печальном мероприятии. Первый раз это было, когда мы провожали в последний путь на Марсово поле Ивана Ивановича Газа, и вот теперь районной колонне предстояло пройти через Таврический дворец, а затем проводить гроб с телом Сергея Мироновича Кирова до Московского вокзала, так как руководством страны было принято решение о захоронении этого крупного политического и государственного деятеля в Москве на Кремлевской площади, у Мавзолея В.И. Ленина.

В самом конце 1934 г., в связи с тем, что от должности был отстранен начальник спецсектора и группы ПВО Нарвского РЖС, меня назначили на эту должность. Как разъяснили, мое назначение было необходимо для укрепления проводимой работы. Я должен был вести секретную переписку со многими инстанциями. Однако самым тяжелым в этой должности была совместная работа со штабом ПВО района. С председателем РЖС Дроздовым я следил за подготовкой всего жилищного фонда района и контролировал ее на случай возникновения войны и необходимости обеспечения безопасности населения при воздушных бомбовых ударах и применении боевых отравляющих веществ.

Наиболее сложным участком моей новой работы являлось обеспечение строительства бомбо- и газозубежищ для населения. В те годы работнику, занимавшему любую должность, оказывали, если, конечно, он этого заслуживал, полное доверие. Нам были отпущены довольно значительные средства на строительство, вернее, на оборудование убежищ. Распорядителем этих фондов являлся я. Па чеках и банковских поручениях достаточно было моей подписи для получения денег или на перевод определенных сумм различным организациям, снабжавшим нас материалами или принимавшим непосредственное участие в строительных работах. Бухгалтерскую отчетность я тоже вел лично. Эта работа находилась под грифом «секретно», к ней был допущен весьма ограниченный состав работников.

Не следует думать, что на начальника спецчасти было возложено только обеспечение финансирования проводившихся работ. Он отвечал также и за качество. Многие убежища оборудовались в подвалах жилых домов. Иногда приходилось помимо всех предусмотренных проектами работ особое внимание уделять обеспечению

водонепроницаемости стен этих подвальных помещений. По отзывам председателя РЖС тов. Дроздова и районного руководства, я с возложенными обязанностями справлялся полностью.

Многолетняя дружба с Николаем Федоровичем Нионовым и очень хорошие отношения с командованием в/ч 1173 оставались несокрушимыми еще много лет. Фактически я продолжал работать в тесном контакте со штабом ПВО района. Мне сейчас даже трудно сказать, где я работал с большей нагрузкой.

Нельзя забывать события, связанные с убийством Сергея Мироновича Кирова. Мне, как начальнику спецчасти, было поручено, кроме всего, осуществлять правильность и наличие необходимой документации на всех занимавших в районе должности дворников и управдомов. Надо было точно установить, откуда они прибыли в Ленинград, где проживали до этого, на каких работах находились.

Должности по обслуживанию жилищного хозяйства занимали самые разные люди. Вспоминаю одного управдома с улицы Стачек. Это был очень добросовестный и трудолюбивый управляющий. На него от жильцов и даже из отделения милиции поступали хорошие отзывы и характеристики. И вот, когда мы запросили стандартным письмом ту деревню, где он родился и откуда прибыл в Ленинград, получили ошеломляющий ответ. Все были потрясены. В нем говорилось, что управдом уже несколько лет скрывается и никто не может установить его новый адрес, а разыскивается он за убийство председателя сельсовета. Это заставило нас более внимательно проверять документы каждого.

Многие помнят, что в это время начались работы и по подготовке к выдаче населению паспортов. На РЖС, а следовательно, и на меня выпала тяжелая нагрузка.

Должен признаться, что работа меня крайне утомляла. Я не появлялся дома – надо было усиленно работать. Ночью чаще всего спал на кушетке.

День сменялся новым. Не только ленинградцы, но и все советские люди с каждым днем узнавали все больше и больше очень тревожных новостей.

Именно тогда мне пришлось не только услышать, а признать и понять, во что трудно было поверить.

Я приводил уже рассказ очевидца ареста Левина, подробно описавшего, как все происходило непосредственно после того, как он отстоял в почетном карауле у гроба С.М. Кирова в Таврическом дворце.

Немного я уже рассказывал и о том, как на убийство С.М. Кирова реагировала Москва, вернее, руководство нашего государства. Начался разгул репрессий. Но об этом более открыто стали говорить сравнительно недавно.

Простым гражданам очень тяжело было узнавать о массовых арестах тех, кто пользовался уважением и доверием, а нам их представляли как якобы принимавших участие в убийстве С.М. Кирова или вообще являвшихся врагами народа. Вскоре были арестованы и Д.Ф. Кирьянов, И.И. Алексеев, военный комендант города Федоров, а за ними следовали и другие, которых я хорошо знал и кому очень верил. Многие из моих друзей и я лично, узнавая о каком-либо очередном аресте, высказывали единую мысль: «Оказался врагом народа, как хитрил, а мы ему верили!» Это была широко распространенная оценка событий того времени. Должен признаться, никто не подозревал, во всяком случае те, с кем мне приходилось общаться, что идет лавина незаслуженных арестов, ничем не обоснованных репрессий.

Эта тема очень болезненна и по сей день, и хочется уже сейчас с ней покончить навсегда. Поэтому остановлюсь только на одном судебном процессе, который имел место уже несколько позднее – тогда, когда я в районе не работал. Однако он косвенно связан невидимой нитью именно с теми годами, на описании которых я уже останавливался.

Шел 1937-й год. Аресты продолжались и охватывали все больший круг известных людей, в особенности военных.

Ведь только подумать, в июне 1937 г. Специальное судебное Присутствие Верховного Суда СССР приговорило на основании своего решения от 11 июня к высшей мере наказания – расстрелу – таких видных военачальников, как М.Н. Тухачевского, Н.Э. Якира, И.П.

Уборевича, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М.Примакова и В.К. Путьна.

Могли ли мы сомневаться в правомерности вынесенного судом приговора, если в Специальном Присутствии Верховного Суда Союза ССР перечислялись: председательствующий – председатель Военной коллегии Верховного Суда, армвоенюрист В.В. Ульрих; члены Присутствия: зам. народного комиссара обороны СССР, начальник Воздушных сил РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис; маршал Советского Союза В.К. Блюхер; начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников, командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга И.П. Белов, командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга П.Е. Дыбенко, командующий Северо-Кавказским военным округом командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин, командир 6-го Кавалерийского казачьего корпуса им. Сталина комдив Горячев.

Прошло более 50 лет, а я не мог согласиться с этим приговором ни тогда, ни теперь. Тогда мы все буквально с ужасом восприняли известие об «имевшем место преступлении» столь видных военных деятелей. Многие из них мне были лично известны. В состав суда входили столь же видные военные деятели, и это было особенно тяжело, потому что мы верили этим судьям, как людям выдающимся и авторитетным.

Остановлюсь только на некоторых, кого лично знал или контактировал по службе, а чаще просто присутствовал на их выступлениях или на проводимых ими совещаниях. Итак, начну с осужденных.

Тухачевский Михаил Николаевич. Еще совсем юношей я присутствовал в Выборгском Доме культуры на лекциях командующего ЛВО для комсомольского актива, посвященных боям периода Гражданской войны. Лекции были содержательными, вызвали огромный интерес у слушателей.

Мне пришлось быть в группе, посетившей один из полигонов Ленинграда. Впереди нас, комсомольцев, шли руководители, командиры РККА. Вдруг мы заметили, что они подтягиваются и шепотом подсказывают нам подтянуться. Около пушки стоял человек в спецовке, только что поднявшийся с земли. Проходя мимо него, наши командиры взяли под козырек. Он помахал рукой, широко улыбаясь. Позже мы узнали, что это командующий ЛВО знакомится с новой моделью оружия.

Эйдеман Роберт Петрович. После занимаемого поста начальника и комиссара Военной академии им. М.В. Фрунзе в 1932 г. был назначен председателем Центрального совета «Осоавиахима». Боевой путь Р.П. Эйдемана тоже всем был хорошо известен. Мне лично посчастливилось познакомиться с ним в ЦС «Осоавиахима» в Москве при очередном посещении Б. Трама, который занимался вопросами ПВО и ПВХО в добровольном обществе. Все сотрудники Центрального совета, с которыми мне приходилось разговаривать, общественные деятели, которые были в той или иной степени связаны с Центральным советом, были буквально покорены председателем. Мне он тоже очень понравился своим вниманием и умелым решением вопросов. И вдруг – «враг народа»!..

Примаков Виталий Маркович с 1935 г. был заместителем командующего ЛВО. Несколько раз мне посчастливилось видеть его на совещаниях и даже один раз слышать его выступление, которое всем присутствующим понравилось, и после, в кулуарах, мы обсуждали правильность его суждений. И он был... «врагом народа»! Этот прославленный воин и военачальник был очень интересным человеком. Тогда я не знал о нем многого. Не знал, что в 1925–1926 гг. он находился в командировке в Китае. Могу только предположить, что уже в те годы он познакомился, а может быть, подружился с Валентином Константиновичем Блюхером, который находился в Китае в 1924–1927 гг. и являлся главным военным советником революционного правительства. После возвращения из Китая Примаков стал военным дипломатом, он был военным атташе (1927–1930) в Афганистане и Японии. Когда я вернулся из Испании и вскоре узнал, что и Блюхер пал жертвой репрессий 9 ноября 1938 г., не мог понять, как можно объяснить, что «враг народа» Блюхер был участником вынесения приговора «за измену Родине» за полтора года до своей гибели Примакову и другим крупным военачальникам, репрессированным 11 июня 1937 г.

Мы уже тогда, в 1938 г., в кулуарах Главразведупра слышали, что в составе «Специального Присутствия Верховного Суда СССР», осудившего маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и других, были и те, которые находились позднее в числе осужденных Особым Совещанием за измену Родине: Акснис, Белов, Дыбенко, Егоров и другие. Не верилось тогда, что Блюхер был застрелен непосредственно в кабинете Ежова. Многому не хотелось верить, но надо было. Уже находясь на разведывательной работе за рубежом, были и такие обстоятельства, при которых я должен был искать возможность объяснить моим соратникам случившееся. Я не мог найти вразумительный ответ. Мне было очень нелегко.

К великому моему сожалению, к вопросу репрессий я должен буду еще вернуться. Вернусь я и к тому, что такое следствие в НКВД, МВД, МГБ СССР, Особое Совещание. Все это еще впереди.

Я невольно отвлекся и заговорил о том, что долгие годы многих из нас мучило.

Итак, вскоре после того, как Д.Ф. Кирьянов был арестован, председателем райсовета стал «направленный» на эту «избираемую» должность один из «аппаратчиков» Ленсовета Матвеев. Я мало его знал, но он проявил к нашему штабу, да, пожалуй, и ко мне лично внимание. Вместе с ним в наш райсовет прибыла автомашина с соответствующим номером. Сейчас уже точно не могу вспомнить – то ли 0055, то ли 0035. Я останавливаюсь на этом факте только потому, что, став председателем райсовета, Матвеев не считал возможным ездить на этой маленькой и открытой машине. Ему полагалась другая машина, а этой могли распоряжаться в первую очередь Николай Федорович Нионов и его заместитель, то есть я. Она сыграла тоже некоторую роль в моей жизни. Нам по служебным делам надо было поехать в Сестрорецк. На лето я арендовал в Сестрорецком горисполкоме дачу для моих родителей, вернее, половину двухэтажной дачи. Там жили мои родители во время отпусков, моя сестра с недавно родившейся дочкой жила там все лето, и во время отпуска приезжал ее муж. Я там бывал очень редко. Вторая часть дома была арендована известным архитектором, выполнявшим многие заказы А.И. Микояна.

Вот в чем роль машины Матвеева. Мы съездили в Сестрорецк в служебных целях, один из руководителей райсовета остался у себя на даче в Дюнах. Там негде было поставить машину, и было принято решение, что она останется около арендуемой мною дачи. Шофер хотел побыть у своих родственников и жены с ребенком в Тарховке. Мы подъехали к даче, остановили машину, шофер ушел, а я вместе с мамой и папой сел на скамеечке в садике. Вдруг к нам подошли две женщины с маленькими хорошенькими девочками. Одна из них была женой архитектора, вместе с ней была жена брата архитектора, приехавшая с Украины. У каждой из них было по маленькой девочке. Маруся Р. (или Мурочка, как ее называло большинство) была очень привлекательной, хорошо одетой, с прекрасной фигурой. Я буквально с первого взгляда в нее влюбился. Конечно, я понимал, что у нас не может быть и речи о настоящей любви. Она была старше меня, замужем. Тем не менее мы часто потом «прогуливались» с ней по Невскому проспекту, если это можно назвать прогулками, ибо это были чаще совместные посещения конторы ее мужа. Во всяком случае, многие из моих друзей и знакомых, видя нас с Мурочкой вместе, поздравляли, что у меня появилась такая красивая и элегантная любовница.

Действительность была совершенно другой. Подошедшие к нам, к маме, папе и ко мне, две женщины уже были в хороших отношениях с моими родителями, и вдруг они обвинили их, что те скрывали «такого сына», разъезжающего на машине. Я пояснил, что на машине мы ездим по служебным делам и, освободившись, решили на денек остановиться в Сестрорецке. На этом разговор закончился. Вечером приехал муж Марии... С ним у меня действительно сложились дружеские отношения. Осенью он и его жена устраивали по средам на улице Герцена вечеринки. И вот, пожалуй впервые в моей жизни, я почувствовал себя опозоренным. Дело в том, что на приеме у них собрались культурные, грамотные люди, вели очень интересные разговоры о литературе, об искусстве. А я молчал, ибо для меня все обсуждаемые вопросы были весьма далекими, неизвестными.

Вот именно поэтому я и остановился на семье Р. в моих воспоминаниях. Знакомство с ними сыграло значительную роль в моей жизни – весьма положительную.

Убедившись в том, что не дорос в культурном отношении, и пожалев об этом, я с помощью друзей устроился в Ленинградский лекторий, который помещался на Литейном проспекте напротив улицы Белинского, с целью повышения моих знаний и культуры. Тогда там помещался Университет выходного дня. Я прослушал два курса – философию и историю литературы и несколько лекций по истории искусства.

Знакомство с семьей Р., а в особенности дружеские отношения с Марией мне очень помогли в моей жизни. В то время я вошел в комиссию Ленсовета по культуре (точно не помню ее название). Это дало мне возможность получать билеты в любой театр, что было не всегда легко сделать другим. Мы с Марией иногда ходили вместе в театр. Она была очень образованной и культурной женщиной и хорошо владела французским языком. Мне хотелось бывать в обществе ее семьи и ничем не показывать свое невежество. Думаю, что большое влияние в развитии моей культуры оказал муж Марии. Он, видимо, хорошо меня понял, как и то, что к его семье, к его жене я отношусь с огромным уважением. Поэтому, будучи весьма занятым по работе в частых командировках, он предпочитал, чтобы Мария проводила время именно со мной.

Мария не только подготавливала для меня интересную литературу, но и заложила основу для изучения мною французского языка. Надо ли пояснять, что для меня впоследствии это значило.

Я дополнил мое образование только в одной сфере. Мне же надо было задумываться о будущем. В этой части опять-таки помог в значительной степени Николай Федорович, уговорив поступить на рабфак Ленинградского института железнодорожного транспорта, который я окончил в 1933 г. Признаюсь, учился я посредственно. У меня в связи с занятостью на работе оставалось мало времени на учебу. Только по трем предметам, как это отмечено в свидетельстве об окончании рабфака, были самые высокие по тому времени отметки: политэкономия, экономполитика и немецкий язык. По остальным я заслужил лишь тройки.

Казалось бы, что вопрос моего будущего решен. Я мог без экзамена быть принятым в Институт железнодорожного транспорта им. академика В.И. Образцова, что рекомендовали и два профессора, преподававших на последнем курсе рабфака и в то же время заведовавших кафедрами физики и химии в институте. Однако вопрос решился не в мою пользу, меня не отпустили с работы, а поступление на вечерний факультет было абсолютно невозможно: я не мог его регулярно посещать. Вопрос о продолжении учебы был отложен.

Уже работая начальником спецчасти и группы ПВО Кировского райжилсоюза, я познакомился с сестрой моего приятеля, очень милостивой девушкой. Она уже готовилась стать женой довольно известного киноактера. До знакомства со своим будущим мужем она не возражала бы стать моей женой. Я честно признался, что она мне нравится, но хотелось бы навсегда остаться друзьями, а жениться я не имею права, ибо у меня под ногами еще нет твердой почвы для семейной жизни.

Людмилу видел и председатель РЖС Дроздов. Она ему понравилась, и он тоже подумал, что это моя любовь, а быть может, уже и невеста. Однажды он завел на эту тему разговор и неожиданно услышал мое отрицательное высказывание относительно брака с кем-либо. Я поведал ему и о том, что она уже является невестой киноактера.

Дроздов на некоторое время задумался и потом совершенно неожиданно для меня сказал:

– Я прожил уже большую часть моей жизни. У меня взрослые дети. Я обязан правильно оценить ваше положение. До сего времени я не мог понять, почему вы себя полностью отдаете работе. Нет, пора как следует поразмыслить... Вы правы, прежде чем создавать семью, надо серьезно обдумать и взвесить все, касающееся не только вас лично, но и вашей будущей семьи, ваших будущих детей. Я хорошо отношусь к вам... Выбирайте свой путь, институт, в который вы хотели бы поступить. Я пойду на крайние меры. Наберусь смелости

и издам приказ о вашем увольнении с работы в связи с поступлением в высшее учебное заведение. Об этом узнают только после того, как вы уже будете студентом, и никто не будет иметь права отменить приказ. Но перед вами стоит задача. Вы должны подобрать себе замену. Мы должны представить дело так, что я принял решение усилить работу и установил дополнительную должность, должность вашего заместителя. Определенное время займет оформление его доступа к секретным документам. Пока о нашем разговоре не надо никому рассказывать.

Дроздов держал в руках развернутую газету, а руки его дрожали. Я покинул его кабинет уже поздно. Я был взволнован и не знал, что делать дальше.

Совершенно неожиданно меня навестил один из моих знакомых – Якубовский. Он рассказал, что в этом 1935 году организуется специализированный институт, в задачу которого будет входить подготовка кадров для зарубежной работы и переводчиков, гидов акционерного общества «Интурист». Институт будет осуществлять специальный отбор студентов. При этом лица, имеющие высшее специализированное гуманитарное образование, смогут поступить на второй курс. Институт помещался на Фонтанке в одном из корпусов бывшего Центрального училища технического рисования Штиглица. Спросив разрешения у Дроздова, я с моим знакомым направился после обеда в этот институт.

Мы ознакомились с программой института, с перечисленными предметами, конечно в кратком изложении, с программой экзаменов, и решили попытаться счастья и попробовать поступить в институт.

Наутро я обо всем рассказал Дроздову. Он одобрил мой выбор. Больше того, он согласился с моими переживаниями, которые были связаны с мыслью, имею ли я право скрывать принятое решение от человека, так много сделавшего для меня, от Николая Федоровича Нионова. Мы решили, что в том случае, если я выдержу экзамены и поступлю в институт, я буду обязан о своих планах ему рассказать.

Начались экзамены... Признаюсь, я их боялся, усиленно готовился. Первый экзамен – по истории нашего государства – я выдерживаю с успехом... Удачно прошли и другие экзамены... Меня зачислили на первый курс института, и через несколько месяцев, 1 сентября 1935 г., я должен был приступить к занятиям. Несмотря на то что я уже имел основы знания немецкого языка, я решил поступить на французский факультет.

Иду к Николаю Федоровичу и обо всем докладываю ему. К моему удивлению, внимательно выслушав, он поднялся с кресла, вышел из-за стола и направился ко мне. Обнял, поздравил и сказал, что очень за меня рад и давно считал необходимым, чтобы я поступил в высшее учебное заведение, сожалея, что меня не отпустили в институт после окончания рабфака.

Наш разговор затянулся. Мой бывший начальник напомнил, как вскоре после убийства С.М. Кирова меня, комсомольца, вызвали в горком партии, где меня хорошо знали, и сообщили, что идет комплектование молочного комбината, где работает очень много молодежи, комсомольцев. Поэтому горком ВЛКСМ предложил мою кандидатуру на должность заместителя директора комбината. Тогда я отказался, так как считал, что в моем возрасте согласиться с подобным назначением было бы просто недопустимо. Я порекомендовал на эту должность моего приятеля, старше меня по возрасту и уже члена партии. Со мной согласились, и я остался на занимаемой должности.

Однако этим дело не закончилось. Мне предложили должность оперуполномоченного в органах государственной безопасности. Уверовав, что это является реальным предложением, я в волнении заявил, что готов служить своей родине, но если смогу справиться с доверенной мне работой... Нет, до этого также я еще не дорос. Я рекомендовал моего помощника, которого переманил к себе на работу из райвоенкомата Емельянова незадолго до этого. Он согласился с этим предложением и стал оперуполномоченным. Потом часто навещал меня и очень посмеивался над моим поступком, над тем, что я решился на такой шаг: вместо себя решил рекомендовать его. Во-первых, его зарплата была в несколько раз выше, чем моя. Смеясь, он объяснил, что в органах зарплата выше, потому что «хотят исключить

возможность, чтобы нас, работников органов, кто-либо мог купить». Мы понимали, что это шутка, но он старался, чтобы я поверил в это. Нет, Емельянов был очень порядочным человеком и прекрасным, добросовестным работником. Ему повезло в жизни. Находясь в доме отдыха, он познакомился с очень хорошенькой девушкой. Они влюбились друг в друга и создали семью. Они часто, не смеясь, говорили, что счастливыми сделал их я. Дело не только в том, что они жили материально намного лучше других, но и в том, что мое хорошее отношение к ним определяло в значительной степени их счастье.

Во-вторых, Емельянов «издевался» надо мной еще и потому, что я ходил в скромной военной гимнастерке и приобретенном мною кожаном пальто, а он получил «шикарное обмундирование». Ему выдали очень красивое коверкотовое пальто, длинное и удобное, с теплой подкладкой и меховым воротником.

Я был доволен тем, что содействовал во всех отношениях благополучию их семьи. Полюбил я и их ребенка.

Итак, я стал студентом. Николай Федорович, приветствуя мое решение, обратился ко мне с просьбой, чтобы я находил время и помогал ему в работе в штабе ПВО. Я ответил на его просьбу полнейшим согласием. Опережая ход дальнейших событий, укажу только, что мое согласие не всегда сулило спокойствие, но об этом расскажу позднее. Во всяком случае, я очень часто бывал в штабе. Иногда к институту за мной приезжала машина и отвозила в штаб. Многие мои товарищи по институту, да и преподаватели не могли понять, кем же я являюсь на самом деле. Эти их сомнения, как будет видно из дальнейших моих воспоминаний, были вполне оправданны. Отношение ко мне Николая Федоровича и после ухода с работы в районе сыграло немалую роль и в дальнейшей моей жизни. Я еще в большей степени понял, как я должен относиться к своим обязанностям, а в особенности к своим подчиненным, товарищам по работе, к людям.

Сейчас я постараюсь подробно остановиться на моих студенческих годах и на том, какую роль, какое значение они имели в моей дальнейшей жизни.

ГЛАВА IV. Институт «Интурист» – подготовка к дальнейшему жизненному пути.

Занятия в институте начались 1 сентября 1935 г. Число студентов было весьма ограниченным. Были девушки и молодые мужчины. Девушки должны были стать впоследствии переводчицами, гидами для системы «Интурист» в целях обслуживания приезжающих в Советский Союз туристических групп из самых различных государств мира. Я не случайно указал на то, что в институте были молодые мужчины. Да, в большинстве это были молодые парни (правда, были и достигшие почти 25–30 лет), уже прошедшие военную службу, работавшие на разных должностях и даже получившие высшее гуманитарное образование. Большую часть из них готовили для работы за рубежом или на руководящие должности в системе иностранного туризма у нас в стране. Я убедился, что к ним отношусь и я. Программой института предусматривалось в основном изучение немецкого, французского и английского языков.

Как правило, лекции профессоров по различным темам, в том числе по истории, литературе, искусству, международным отношениям, проводились одновременно для всех студентов в общем зале. Языки преподавались малочисленным группам по соответствующим факультетам несколькими преподавателями. В их числе были специалисты, которые стремились обучить нас грамматике, фонетике, разговору на языке, живой речи. Я подчеркну – живой речи. Один из преподавателей, обучавший разговорному языку, долгое время живший за границей, объяснял, что язык – это «живое существо». Язык не замирает на достигнутом, а развивается, изменяется. Насколько справедливо было это утверждение, я убедился лично, пребывая за рубежом. Больше того, тогда я узнал и о том, что нельзя определять тот или иной язык однозначно, скажем, французский, немецкий,

испанский, как принадлежащий той или иной стране. В каждом языке действительно существует множество видов. Общей является только их основа. В Швейцарии, Бельгии и даже в отдельных провинциях (департаменты) Франции существуют разновидности французского языка. А в Германии всюду ли господствует единый немецкий язык? Об Испании я уже не говорю, так как Испанию населяют отдельные, самостоятельные народы, имеющие свой собственный язык.

Не только языковые различия, но и многие другие вопросы заставили нас уделять особое внимание изучению географии, истории, культуры разных стран мира. Преподавание всего этого было, естественно, необходимо всем нам, готовящимся к дальнейшему общению с иностранными туристами, а быть может, и для работы непосредственно за границей. Для меня все это сыграло особую роль – все, что я изучал в институте, в значительной степени мною использовалось в моей жизни и работе.

Мне сейчас уже очень трудно вспомнить фамилии всех руководителей дирекции и наших преподавателей, которые прививали мне и другим товарищам знания в самых различных областях, однако они, безусловно, во многом содействовали заложению в нас основ культуры.

Тем не менее, я очень хорошо запомнил директора института Владимира Владимировича Покровского. В прошлом он был, если я не ошибаюсь, председателем Ленинградского отделения БОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) и имел ученую степень кандидата наук. Несмотря на то, что он был весьма своеобразным человеком, между нами сложились с самого начала неплохие отношения.

После того как Дроздов решил отпустить меня с работы, полностью разделяя мое стремление получить высшее образование, в районе предупредили, что их согласие я могу получить только в том случае, если пообещаю при необходимости выполнять ряд обязанностей, которые на меня возложили еще тогда, когда я занимал должность заместителя начальника штаба ПВО района. Мне представлялось, что это касается в первую очередь тех обязанностей, которые предусматривались на военное время и на время проводимых учений. Не размышляя ни минуты, я дал согласие.

Счел обязанным посетить в/ч 1173, бригаду ПВО и встретиться с комбригом. Прием был очень дружеский. Мне пожелали успехов в учебе и в жизни, повторив в то же время высказывание районного руководства в части моего дальнейшего участия в работе штаба ПВО района и в первую очередь в районных и городских учениях. Меня удивило, что комбриг уже знал о моем поступлении в институт. Узнать об этом он мог, по моему предположению, только от Николая Федоровича Нионова.

Прощаясь, комбриг совершенно неожиданно для меня сказал, что меня хотел бы видеть в Ленинградском военном округе Веницкий.

В штабе ЛВО некоторые меня знали, особенно часто я встречался с Космачевым и работниками его отдела. С Веницким я лично не был знаком, иногда, и то довольно редко, видел его на различных мероприятиях. Не помню уже от кого, но слышал, что он имел прямое отношение к организации военной подготовки в высших учебных заведениях. Мне было трудно себе представить, по какому вопросу я должен был посетить Веницкого и кто вообще является инициатором моего визита в ЛВО.

Естественно, я не представлял себе, о чем будет идти речь. Немного поговорив о моей работе в штабе района, уже прощаясь, Веницкий пожелал успехов в учебе и в личной жизни. И вдруг он попросил, в том случае если руководство института предложит мне одновременно с учебой принять участие в работе «военной кафедры» и читать студентам лекции, касающиеся возможности повой мировой войны, подготовки к этой войне на Западе, ее возможного характера, необходимости противовоздушной обороны, особенно на случай применения отравляющих веществ, дать на это согласие.

Уже вздохнув полной грудью на площади им. Урицкого (Дворцовой площади), на которой находилось красивое здание Главного штаба с замечательной аркой, я вновь задумался над тем, кто распустил слухи о моем поступлении в институт и, очевидно, даже

точно указал его название. Кто являлся инициатором моего возможного использования в институте на преподавательской работе? Я мог только предположить, что начальству кто-то докладывал, что я, работая в штабе ПВО района, неплохо читал лекции и вел подготовку по противовоздушной обороне. В самом институте, конечно, никто этого не знал. У меня появилась мысль, что, возможно, руководство вновь создаваемого института обратилось в ЛВО с просьбой выделить необходимых преподавателей военного дела для студентов. Размышляя над всем этим, я решил, со своей стороны, молчать и никому не говорить о моем разговоре с Венициким.

Мне пришлось ждать недолго. Этот вопрос вновь возник вскоре после начала занятий, когда меня пригласили, подчеркиваю – не вызвали, а пригласили, через секретаршу к директору института В.В. Покровскому. Его предложение принять мне непосредственное участие в военной подготовке студентов, естественно после моей беседы с Венициким, не застало врасплох. Не задумываясь, я дал согласие.

Вскоре после того, как я познакомился с преподавателем военного дела, стал понятен смысл этого предложения. В то время преподавателем был старший лейтенант, не обладавший ни педагогическими, ни лекционными навыками. Мы сработались с ним. Потом был принят на работу отставной командир более высокого ранга. Не помню, была ли в это время создана военная кафедра, но мы точно определили стоящие перед каждым из нас задачи и продолжали работать слаженно.

Поскольку я был студентом и посещал занятия, расписание было составлено таким образом, чтобы я их не пропускал.

Вскоре мне доверили еще несколько студенческих групп. При институте были организованы курсы усовершенствования переводчиков, гидов Ленинградского отделения ЗАО «Интурист». В программу занятий этих курсов были внесены и мои лекции.

Когда я давал согласие на проведение занятий, был убежден, что это будет происходить на общественных началах. Хочу сразу же подчеркнуть, что получаемая нами, студентами, стипендия была очень высокой и ни в коей мере не была сравнима со стипендиями в обычных высших учебных заведениях. Видимо, ЗАО «Интурист», подготавливая себе кадры, решило отпустить и на стипендии большой фонд. Готовились кадры для работы с иностранцами в Советском Союзе и за границей. Достаточно сказать, что на первом курсе института я получал стипендию в размере 225 рублей, что было выше зарплаты среднего служащего. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что не только числюсь студентом института, но вхожу и в список преподавателей и за мои «уроки» должен получать почасовую оплату. Оплата, естественно, проходила по отдельным ведомостям, не связанным ничем с ведомостями, по которым мы получали стипендию. Следовательно, я уже отличался в этом отношении от других студентов. Могу также указать на то, что я был вполне материально обеспеченным человеком. Правда, мои доходы этим не ограничивались, но об этом я расскажу далее. Я должен подчеркнуть, что никогда не гнался за высоким заработком, а полученные деньги всегда приносил домой в общую кассу. На себя я тратил немного, поскольку на всякие «веселья» у меня не было времени.

Самое главное, с моей точки зрения, заключалось в том, что я получил право непосредственно го общения в свободное время с преподавателями. Это право проявилось, в первую очередь, в том, что меня стали приглашать на приемы, которые регулярно проводились на частной квартире директора института на улице Плеханова. Там я познакомился ближе с женой директора Люсией Лазаревной, которая тоже преподавала в институте. Познакомился и с их дочкой Таней, которой в то время было, если не ошибаюсь, уже восемь лет.

На этих приемах шли интересные разговоры, мы шутили, иногда пели, часто и танцевали, исполняя модные в то время танго, быстрый фокстрот, вальс, английский вальс (вальс-бостон) и т.п. Очень часто танцевали с Люсией Лазаревной и Ольгой Вячеславовной Арнольд.

С Люсией Лазаревной мы часто в обеденный перерыв бегали с Фонтанки – из

института в Дом Красной армии (ныне Дом офицеров), где обедали вместе.

Я останавливаюсь на моих хороших отношениях с женой директора, потому что они тоже имели немаловажное значение в моей будущей работе. Я уже не говорю, что они мне помогли в укреплении языковых знаний. Но главным было то, что, бывая на приемах у директора, а также знакомясь с друзьями Люсии Лазаревны, я получил возможность общаться с людьми, принадлежащими к весьма культурному обществу. Именно это помогло мне во время работы за рубежом, при моем общении с людьми из аристократического общества.

Конечно, в годы моей учебы в институте я не мог предположить, что жизнь Люсии Лазаревны и Семена Михайловича, как и других, имеющих отношение к институту и курсам усовершенствования при нем, переплетется с дальнейшей моей жизнью. Мы не могли тогда думать, что нас на многие годы свяжет участие в национально-революционной войне в Испании.

Сейчас мне хотелось бы вспомнить некоторых преподавателей, которые мне особенно запомнились по тому вкладу, который внесли в мою достаточно необычную деятельность.

У нас преподавал профессор из Института живописи, скульптуры и архитектуры (в 1944 г. институту было присвоено имя И.Е. Репина) Исаков. Очень интересный во всех отношениях человек. Его предмет увлекал многих исключительной манерой преподавания. Я очень обязан многим ему, и не только тем, что был ознакомлен с творчеством многих отечественных и зарубежных деятелей искусства, но и тем, что это помогло мне в дальнейшем не чувствовать себя чужаком, находясь в обществе зарубежных аристократов. Посещая музеи, отдельные выставки вместе с некоторыми из них, я мог быть скромным, по все же знакомым с искусством человеком.

Исаков, посещая приемы у Покровских, а иногда даже среди увлекающихся его лекциями студентов, приносил с собой в портфеле разноцветную тонкую бумагу и быстро обеими руками умело мастерил лошадок с всадниками, рыцарей, верблюдов и т.д. Помню, как однажды, придя на прием к директору, он прихватил с собой несколько апельсинов, неожиданно вынув из портфеля острый тонкий ножик, он стал водить им по коже апельсина. Мы, все собравшиеся, с любопытством наблюдали за движением его рук. Вдруг, повертев в руках апельсин, искусствовед показал нам копию Менекен Пис, знаменитой статуи на площади Гран-Плас в Брюсселе. Тогда это «произведение искусства» всем понравилось, и мы долго смеялись.

Мог ли я тогда предположить, что через пару лет я смогу вырезать и продемонстрировать в Испании в обществе моих друзей такого Менекен Пис – очень смешную фигурку.

Более того, несколько лет спустя, будучи уже не советским гражданином, а «уругвайским подданным», да к тому же молодым коммерсантом, я повторил «подвиг» Исакова, проживая в Брюсселе: вырезал Менекен Пис в обществе аристократов и деловых людей, к которому я, благодаря моим бельгийским «друзьям», был допущен. Не боюсь сказать, что это произвело настоящий фурор, и меня часто просили повторить. Я был рад, что информация об этом произведении искусства скоро распространилась среди моих новых знакомых.

Посещая в обществе моих «друзей» музеи в Бельгии, Франции и Швейцарии, я мог держаться более или менее грамотным человеком. Для меня многие произведения Делакруа, Гогена, Ван Гога, Мемлинга, Рубенса, Гойи, Веласкеса, Эль Греко, Рафаэля, Тициана, Родена и многих других всемирно известных художников не были новинкой. Я мог спокойно держаться и даже выражать свое мнение, а вернее, то, что мне поведали, как и всем студентам, наши преподаватели.

Значительную роль в моем совершенствовании сыграли преподавательница французского языка Ольга Вячеславовна Арнольд и ее муж Леонид Владимирович. Ольга Вячеславовна была очень привлекательной женщиной, которой легко было увлечься. На приемах у Покровских мы и с ней часто танцевали. Не стеснялись это делать и на вечерах в

институте. Она оказала мне существенную помощь в совершенствовании моих познаний во французском. Во внеурочное время мы часто разговаривали на этом языке. Паши отношения окрепли еще и в результате того, что она увлеклась стрельбой, а я был организатором стрелкового кружка в институте. В результате Ольга Вячеславовна стала «Ворошиловским стрелком». Она в свою очередь обучила меня игре в теннис. Мог ли я уже тогда предположить, что теннис так облегчит мою «аристократическую жизнь» на Западе. Пет, я даже и не задумывался над этим.

В «усовершенствовании» моих познаний немецкого языка сыграла большую роль преподавательница по фамилии Юновская.

Я мог бы еще много назвать преподавателей из института, которые тоже внесли свой вклад в мое образование, но, к сожалению, память мне не позволила запомнить их фамилии.

Единственная фамилия, которую я еще помню, – фамилия заместителя директора института по учебной части Андреев. Я ему, видимо, очень не понравился, потому что не только среди студентов приобрел много друзей, но был дружелюбно принят в среду педагогов.

Я уже говорил о том, что мое согласие принимать участие в работе штаба ПВО Кировского района, данное Николаю Федоровичу Нионову, принесло и неприятности. В этом отношении свою отрицательную роль сыграл именно Андреев. Не исключаю, что ему очень хотелось за что-то мне отомстить и добиться моего исключения из института. Случайно у него появился повод для исполнения своего желания.

Осенью 1936 г. военно-воздушные силы Ленинградского военного округа приняли участие в больших воздушных маневрах РККА. Для непосредственного руководства маневрами в Ленинград прибыли нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба РККА А.И. Егоров, инспектор кавалерии РККА Буденный, начальник ПВО РККА С.С. Каменев. Перед учениями была поставлена очень серьезная и ответственная задача, но осуществлению проверки состояния местной противовоздушной обороны. Главное внимание было уделено повышению четкой работы органов управления и команд местного ПВО, совершенствованию их действий в условиях внезапных массированных налетов вражеской авиации.

Совершенно неожиданно меня по боевой тревоге вызвали в штаб ПВО Кировского района. Начались учения. В соответствии с районным мобпланом я исполнял обязанности заместителя начальника штаба района. Учения на этот раз были весьма сложными. Хорошо помню, как перед зданием райсовета на улице Стачек я заметил, признаюсь, случайно посмотрев в окно, БХМ, которая «заражала» боевым химическим веществом значительную территорию. По плану одновременно должны были появиться самолеты. Видимо, в результате допущенной организационной ошибки их не было. Прикрепленный к штабу проверяющий внимательно следил за мной. Обращаясь к нему, я заявил, что объявляю боевую тревогу и ввожу в действие химическую роту. Он не смог мне противоречить и даже при разборе после окончания учений отметил оперативность в принятом мною решении.

В Доме Красной армии проводился разбор учений по всему ЛВО и городу. Была отмечена слаженность и оперативность функционирования районных штабов ПВО, хорошая подготовка к противовоздушной обороне многих промышленных объектов, высокая дисциплинированность и организованность населения Ленинграда. В числе передовых районов был назван и Кировский район. Я получил благодарность от районного руководства. Николай Федорович Нионов, обнимая меня, произнес: «Вновь очень помог мне». Учения продолжались на этот раз, если память мне не изменяет, пять дней.

Не имея возможности отдохнуть после круглосуточных дежурств, я по окончании учений направился, естественно, утром в институт. Приятели подвели меня к доске, на которой вывешивали приказы по институту. Я не мог понять, что должен читать. Оказывается, за допущенный мною «прогул» я был отчислен из института... Несколько растерявшись, зашел в кабинет В. В. Покровского. Мне показалось, что директор института куда то спешит. Он даже не смотрел в мою сторону. Я, признаюсь, в довольно резкой форме

задал вопрос: «За какой прогул вы отчислили меня из института как студента и имеет ли это отношение и к исключению меня из списка преподавателей? »

В. В. Покровский не смотрел в мою сторону, что-то искал у себя на столе и только произнес: «Приказ есть приказ!»

Я вышел из кабинета. Ко мне подошли некоторые мои товарищи, в том числе Зарецкий и Глузман, студенты второго курса, и спросили, что это все значит. Естественно, я не мог ответить. Покинув здание института, я позвонил Николаю Федоровичу Нионову и поведал ему о случившемся. Конечно, он был возмущен, посоветовал мне не волноваться и направиться домой отдохнуть. Каково же было мое изумление, когда на следующий день во второй половине дня позвонил директор института и просил меня, если я смогу, немедленно посетить его.

От В.В. Покровского я узнал, что он был вызван в военную прокуратуру ЛВО, где его, издавшего приказ, обвинили в незаконности действий и незаслуженном обвинении студента института в прогуле, так как он в соответствии с действующим законодательством был призван для участия в учениях. Ему предложили незамедлительно восстановить меня в институте.

После этого я перестал считать В.В. Покровского порядочным человеком. Но он, подписавший приказ о моем отчислении, отказавшийся отменить его после предъявления мною соответствующего документа, подтверждающего мое участие по вызову в учениях, проводимых высшим командованием в Ленинграде, вдруг заговорил со мной как обычно. Директор пояснил, что виновен в моем отчислении не он, а подсунувший ему приказ его заместитель Андреев. Прошло более пятидесяти лет, и я не могу решить, где господствует правда. Во всяком случае, и Покровский, и Андреев демонстративно стали относиться ко мне еще лучше, чем прежде, а я уже не мог верить и уважать их. Это был первый, но не последний случай, когда военная прокуратура заступилась за меня.

Я с успехом продолжал занятия в институте, а также проводил активную работу в президиуме Леноблггорсовета «Осоавиахима», председателем которого был. После образования городского совета я принял активное участие и в его работе.

После создания собственной газеты «Осоавиахима» в Ленинграде, названной «За оборону», меня привлекли к работе в этом печатном органе. Будучи штатным работником, я вел в газете раздел ПВО и ПВХО. Часто печатался и с другими темами. Наиболее успешным из опубликованных мною материалов, как мне кажется, был весьма объемный, посвященный состоянию воспитательной работы и боевой подготовки в молодежном лагере под Вырицей. Во всяком случае, как мне говорили, он помог в некоторой степени улучшить работу в лагере. Печатались мои статьи о различных учениях и походах членов добровольного общества и другие материалы. Мне хочется остановиться на одном особо обрадовавшем и поразившем меня поручении. Даже столько лет спустя все связанное с этим остается для меня очень приятным и значимым.

Однажды, когда в Ленинград прибыл командарм 2-го ранга Александр Игнатьевич Седакин, заместитель начальника штаба РККА и начальник Управления ПВО РККА, Понеделин меня вызвал к себе. У него в кабинете находились Волков и редактор газеты «За оборону». Им очень хотелось организовать встречу с А.И. Седакиным, что, по их мнению, было нелегким делом. Именно это побудило их обратиться ко мне. Они знали, что я работал до поступления в институт на разных должностях в штабе ПВО Кировского района и хорошо знаком с начальником ПВО ЛВО Космачевым. Связавшись с ним, я с его помощью смогу встретиться с начальником Управления ПВО РККА и получить у него интервью.

Действительно, тов. Космачев оказал мне необходимую помощь в организации встречи с А.И. Седакиным. Правда, меня несколько удивило, что встреча была назначена на вечер (это меня весьма устраивало, я мог избежать каких либо неприятностей в институте) в номере гостиницы «Астория».

Он был относительно молод, мне уже казался по тому времени стариком. Ему было немногим более 40 лет. В Коммунистическую партию он вступил примерно в 24 года,

принимал участие в Первой мировой войне, был штабс-капитаном и дивизионным инженером. Во время Гражданской войны стал уже известным человеком в соответствующих кругах. Он занимал различные посты. Был и комиссаром дивизии, командиром бронепоезда, стрелкового полка и бригады, даже комиссаром штаба Южного фронта. Я знал, что для ленинградцев он представляет особый интерес, так как принимал непосредственное участие в подавлении Кронштадтского мятежа, а с 1921 г. был комендантом Кронштадтской крепости. Для меня он после всего того, что я о нем узнал, стал особо привлекательным человеком.

Я с большим удовольствием и нетерпением направился к нему в гостиницу. С первой минуты встречи меня все поражало в этом человеке. Едва войдя в номер гостиницы, Александр Игнатьевич познакомил меня со своим тестем, тоже очень приятным человеком. Оба они были в приподнятом настроении и сразу же решили поделиться своей радостью. Им удалось в Ленинграде довольно дешево купить прекрасную хрустальную люстру. Они мне её продемонстрировали.

Очень скоро удалось получить ответы на все предварительно согласованные с Понеделиным и Волковым вопросы. Мне не хотелось задерживать своим присутствием столь доброжелательно встретивших меня людей. Я узнал, что на следующий день они уже уезжают в Москву.

В то время мое интервью с Александром Игнатьевичем должно было быть оформлено начисто и завизировано самим А.И. Седякиным. Встреча была назначена на следующий день. Я еще не успел предупредить о желании перенести ее на вечер, как сам А.И. Седякин сказал мне, что он занят, и назначил встречу в поезде на Московском вокзале. Быстро просмотрев подготовленный текст составленного мною интервью, начальник Управления ПВО РККА одобрил его и завизировал. Интервью опубликовали в газете за моей подписью. Понеделин и Волков были довольны. В то время я, конечно, не мог и предположить, что этот весьма заслуженный человек тоже станет вскоре, в 1938 г., жертвой не оправданных ничем репрессий.

За публикуемые в газете материалы я получал соответствующий гонорар, а также гонорар я получал и за передаваемые по ленинградскому радио мои беседы по противовоздушной и противохимической обороне населения. Это тоже увеличивало мой вклад в семейный бюджет.

Хочу упомянуть еще об одном материале, появившемся в газете уже в конце 1937 г. Тогда в Доме обороны на улице Декабристов было организовано собрание актива «Осоавиахима» района. Я был членом президиума районного совета этого добровольного общества. Зная о том, что с юных лет я поддерживал знакомство с видными артистами города, меня попросили организовать хороший концерт. Не могу теперь уже перечислить всех приглашенных мною артистов, но один из них мне хорошо запомнился. Это был Владимир Иванович Касторский, известный и любимый артист Академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова.

Пользуясь тем, что у меня уже был хороший фотоаппарат, я заснял Владимира Ивановича и некоторых других артистов. Особенно удался большой снимок самого В.И. Касторского. Отчет об этом собрании был опубликован в газете «За оборону». Уже несколько позднее я узнал, что Владимир Иванович обратился в газету с благодарностью и просьбой выслать ему его фотографии. Меня уже в это время в Ленинграде не было, я находился по пути в Испанию. Редакция газеты просьбу артиста выполнила и выслала ему несколько экземпляров газеты и несколько специально отпечатанных фотографий.

До Второй мировой войны я был связан довольно прочно с печатью. В числе органов печати, с которыми я поддерживал связь, была и газета Центрального совета «Осоавиахима» «На страже». Редакция помещалась недалеко от Красной площади в Москве. Я там бывал довольно часто еще до моего участия в национально-революционной войне в Испании, и уже в конце 1938 г., вернувшись в Советский Союз, я снова побывал в редакции этой газеты. И вот однажды я встретился там с незнакомым мне еще журналистом, вернувшимся из Японии.

Это был Кирилл Симонов, тогда только начинающий журналист. Он еще не был известен общественности как Константин Симонов. Знакомство было приятным... Однако наши отношения несколько омрачали, что стало мне позднее известно, его связи с артисткой Серовой. Артистка эта была женой Героя Советского Союза Анатолия Константиновича Серова. Его я знал как участника национально-революционной войны в Испании, соратника. Не знаю, был ли его брак счастливым. Не уточняя все имеющиеся слухи, я к Симонову как человеку стал относиться недружелюбно.

Продолжительное время мне приходилось часто встречаться и совместно работать с Ленинградским журналистом Юрием Зеньковским. Очень порядочный человек и хороший профессионал. Мы с ним встречались и после моего возвращения из Испании. Он очень интересовался событиями, происходящими в этой географически далекой, но по духу близкой нам стране. Там работала в качестве переводчицы и его жена, которую я много лет знал. Сам Юрий погиб на фронте во время Великой Отечественной войны. Все, знавшие его, очень переживали эту утрату.

Являясь студентом института, я продолжал работать в комиссии военной секции Ленсовета РККД по проверке готовности Ленинграда к противовоздушной обороне. В состав этой комиссии я был введен по рекомендации штаба ПВО города. Председателем был начальник 1-й артиллерийской школы комбриг Николай Николаевич Воронов. Мы с ним очень подружились, я был его ближайшим помощником.

Приведу только один пример наших дружеских отношений. Однажды увидев меня в плохонькой шинели, он предложил мне воспользоваться имевшейся при школе и перешить буденовку, которую я тогда носил. Я с большим удовольствием принял его предложение. Правда, оно мне могло дорого стоить. Как-то, прогуливаясь по Невскому проспекту в этой шинели, я был остановлен дежурным военной комендатуры, предъявившим мне свое удостоверение и потребовавшим объяснение, почему на моей длинной «артиллерийской шинели» имеются общевоинские петлицы и на голове перешитая буденовка. Меня направили в военную комендатуру на углу Садовой и Инженерной улиц. Придя в комендатуру я не растерялся, попросился на прием к комдиву Федорову. Он меня хорошо знал. Я рассказал ему все, что случилось, и объяснил причину нарушения. Федоров рассмеялся и сказал: «Если вас еще остановят, скажите, что я разрешил вам носить эту форму».

С Николаем Николаевичем мы проработали примерно до сентября 1936 г. И вот совершенно неожиданно меня вызывают в Смольный. Неожиданно, потому что совсем недавно у нас состоялось очередное заседание комиссии. Секретарь военной секции абсолютно спокойно пояснил, что в связи с отсутствием Николая Николаевича мне придется, пока не подберут нового председателя комиссии, замещать его.

На мой вопрос, где же Николай Николаевич, последовал ответ, что место его пребывания в настоящее время неизвестно! Что это могло означать? Я невольно подумал, что и этот человек, казавшийся мне не только умным, но и весьма грамотным, добрым и внимательным к людям, очень скромный, который был для нас уже несколько лет примером преданности Родине, отличавшийся высоким патриотизмом, неужели и он так умело скрывал от всех, в том числе и от курсантов артиллерийского училища, так уважавших и любивших его, что он «враг народа»? С такими тяжелыми мыслями я покинул Смольный.

Хочу подчеркнуть, что в беседе с секретарем я высказывал сомнение, что я, юноша, смогу заменить председателя. В нашей комиссии были люди гораздо старше меня, которые занимали достаточно высокие и ответственные должности. Только после довольно продолжительного собеседования я согласился.

И вот наступил день, когда я, студент института, комсомолец, общественник, много лет пользовавшийся доверием не только моих товарищей, но и ряда видных руководящих партийных и советских работников Ленинграда, внезапно, без всяких объяснений с моей стороны, исчез тоже. Во всяком случае, мое «исчезновение» могло у многих вызвать подобное неприятное чувство. В те годы никто не мог в достаточной степени понять, что

происходило вокруг, сколько нас окружало «врагов народа». Это сейчас можно эти два слова поставить в кавычки, а тогда многие, пожалуй, даже большинство, верили в правильность действий органов государственной безопасности.

Никто из моих друзей и вообще из ленинградцев не знал, что в Испанию отбывают в очень небольшом количестве советские добровольцы для оказания помощи испанскому народу борьбе с фашизмом.

В конце 1937 г. я оказался в Испании. О том, что до меня там уже побывал и успел завоевать заслуженный авторитет и уважение, любовь испанцев, интербригадцев и наших добровольцев комбриг Н.Н. Воронов, в Испании я не слышал ни от кого, ведь многие из нас, а особенно кадровые военные, находились там под другими фамилиями. Николай Николаевич Воронов, как я потом узнал, был известен как Вольтер.

Об участии Н.Н. Воронова в национально-революционной войне в Испании я смог узнать уже значительно позже.

После моего «исчезновения» и возвращения из Испании на Родину я остался в Москве. Естественно, я носил гражданскую одежду и мягкую шляпу, приобретенные за границей. Время от времени приезжал в Ленинград, чтобы навестить моих уже стариков родителей.

В один из подобных приездов, собираясь вернуться в Москву, я направился в здание бывшей Думы, для того чтобы по выданному мне военному литеру получить железнодорожный билет. Перед окошком военной кассы стоял какой-то военный. Голос его был знаком, но я не мог точно предположить, кто же это. Он, оформив билет, повернулся, чтобы удалиться, и я узнал в нем Николая Николаевича Воронова. В военной форме с тремя ромбами вместо одного, который он имел до своего «исчезновения». На груди у него красовались и другие боевые ордена, их, как выяснилось позже, он заслужил за боевые действия в Испании. После возвращения в Москву Н.Н. Воронов вскоре был назначен начальником артиллерии Красной армии.

При нашей первой встрече в Ленинграде в 1938 г. я был, как указывалось, в штатском, к чему Николай Николаевич не привык. Молча сняв с моей головы мягкую шляпу, посмотрев на имеющуюся на ее подкладке этикетку, товарищ комкор все понял и крепко обнял меня. Фирменная этикетка сыграла роль визитной карточки.

Мы прошли в модное в то время заведение на углу Невского и канала Грибоедова и провели в нем несколько часов за кружкой пива «Вена». Мы вспоминали о нашем участии, правда, в разное время, в национально революционной войне в Испании, о боях. Николая Николаевича очень интересовало многое: последние новости из любимейшей нам Испании, о тех, с кем мне пришлось встречаться из наших добровольцев. Конечно, он подробно интересовался моим непосредственным участием. Услышав, что в Испании я был на подводной лодке адъютантом командира, имел звание лейтенанта республиканского флота, мой собеседник удивился, зная, что я служил в частях ПВО в Ленинграде. Он поинтересовался и тем, какую правительственную награду я получил за те операции, в которых участвовал. Я честно признался, что пока еще никаких наград у меня нет, но мне объявили, что я к ним представлен. В то время ни Николай Николаевич, а тем более я не знали, что вскоре И.В. Сталин примет решение о прекращении награждения участников испанских событий, которые вернулись в Советский Союз в конце 1938 г. и позднее, в связи с поражением Испанской республики! К великому сожалению, как мне известно, до сего времени никто из числа тех, кто был представлен, не получил наград.

К сожалению, с Николаем Николаевичем Вороновым я виделся еще только один раз в Москве до войны.

Боюсь показаться непоследовательным, однако вернусь к моему преподавательству. Мне часто вспоминаются мои просчеты во время лекций. Например, мое выступление перед учителями школ Нарвского района. Это был примерно 1933-й год. На улице Стачек, 5, находилась средняя школа, если не ошибаюсь, № 6 (сейчас это школа № 384). Меня направили в эту школу, чтобы я прочел лекцию на тему об опасности новых войн, их характере и задачах укрепления обороноспособности нашей страны. Я должен был на

нескольких занятиях коснуться и вопроса, как избежать будущей мировой войны, а если и Советскому Союзу не удастся это, то как наряду с укреплением обороноспособности страны подготовить наш город и его население к возможной противовоздушной и противохимической обороне.

В новом прекрасном здании школы, в уютном зале собрались учителя и работники школ района. Здесь были молоденькие учительницы, только что окончившие пединститут, их сверстники, молодые парни, и седые преподаватели. Я немного нервничал – не думал, что будет так много народа.

Когда я подошел к кафедре и приготовился к чтению лекций, зал, совершенно неожиданно для меня, замер. Молодой еще, в форме командира Красной армии, я заметил, что являюсь центром внимания собравшихся. Лекция была посвящена теме «Угроза новой войны и ее характер».

В те времена докладчики и лекторы имели возможность пользоваться довольно обильной литературой, посвященной «Подготовке второго тура революции и войн». Сейчас эта трактовка звучит, возможно, необычно, но тогда это было вполне допустимо.

Я уже тогда любил свои лекции, выступления, добросовестно готовился, приводил в них соответствующие цитаты, цифры, ссылки на источники и т.д. Так и на этот раз: я дал марксистско-ленинское определение войны, рассказал достаточно подробно об империалистическом лагере, о Версальском мирном договоре и его современном восприятии, о нашей армии и проводимой политике мира, остановился на доктрине Джулио Дуэ, касающейся «молниеносной войны». Пользуясь последними новинками литературы, пытался доказать реальную подготовку повой, второй мировой войны, определение фашизма как высшей формы воинственного империализма. Я делал попытку описать сам характер возможной войны.

Признаюсь, я верил в то, что добросовестно относился к моим обязанностям лектора, и именно поэтому меня любили слушать. Однако должен признаться, что, участвуя впоследствии в двух войнах, я понял, насколько в те годы сам знал о них еще довольно мало.

Окончив лекцию, я попросил ответственную за ее организацию молодую учительницу Ольгу И. подписать мой наряд. Своим внимательным отношением она обратила на себя внимание еще во время моей лекции. Не только потому, что она была молода и очень хороша собой, но именно потому, что была сосредоточенна и, как мне казалось, не хотела пропустить ни одного сказанного мною слова.

Олечка И., так звали мою новую знакомую, написала очень хороший отзыв. Весело улыбаясь, она попросила меня прочитать для их коллектива еще несколько лекций, более подробных. Ее просьбу поддержали и другие оказавшиеся рядом: я принял ее предложение.

Мы попрощались со слушателями и вдвоем медленно направились к Нарвским воротам. Совершенно неожиданно моя попутчица вдруг обратилась с вопросом:

- Вы не обидитесь, если я сделаю вам замечание?

Мне пришлось выслушать оказавшееся для меня очень ценным замечание. Моя собеседница сказала, что даже учителя, проводя занятия, могут в отдельных случаях употребить неправильно то или иное слово. У меня тоже был этот недостаток... Я неоднократно употреблял слово «средства». «Нет, – успокоила меня моя доброжелательница. – Вы его употребляли всегда к месту. Недостаток заключался в неправильно поставленном при произношении ударении». Не замечая, оказывается, я ставил ударение на окончании этого слова, например «средства», «средствам», «средствами». Это не только безграмотно, но очень плохо воспринимается слушателями. Надо говорить: «средство», «средства», «средствами» и «средствам». Я вежливо поблагодарил за сделанное мне замечание, но сам сильно переживал.

Через несколько дней состоялось совещание в части № 1173. Вел совещание комбриг, если не ошибаюсь, его фамилия была Фрейлих. Он тоже в своих выступлениях употреблял слово «средства». Поскольку он ко мне очень хорошо относился, после окончания совещания я выждал, когда все разошлись, и рассказал ему о случившемся со мной во время

лекции. Он посмеялся и сказал, возможно несколько несдержанно:

- И ты не нашелся, что ответить этой дуре?! Она сама неграмотная, тоже мне, учительница. Пора бы ей знать, что в военной терминологии употребляется именно слово «средства».

Выслушав, я несколько растерялся и не знал, что ответить. Выходит, виноват я: не зная военной терминологии, не сумел опровергнуть ее замечание.

Задумавшись над этим, постарался достать себе словарь с применяемыми ударениями для правильного произношения слов. Я убедился, что права была учительница, а не комбриг!

Этот случай я запомнил на всю жизнь. Нет, я не утверждаю, что всегда правильно произношу слова, и сейчас иногда делаю ошибки, но стараюсь избежать их. Теперь я внимательно слежу за правильностью речи по словарю-справочнику «Русское литературное произношение и ударение» (Государственное издательство иностранных и национальных словарей Академии наук СССР. Москва, 1960).

Я остановился на этом не случайно. Урок, который преподнесла мне молодая и привлекательная учительница, тоже сыграл немаловажную роль в моей жизни. Работая за рубежом на нелегальном положении, я был обязан следить за правильностью произношения при разговоре на моем «родном» языке – испанском и на других, в частности на французском и немецком. Я также решил заниматься в специализированной школе иностранных языков.

Моя настойчивость в этом вопросе была вполне обоснованной. Например, при разговоре по телефону в моей речи был замечен русский акцент, а поэтому надлежало все время совершенствовать свои знания.

Я пополнял не только языковые знания. Интересуясь вопросами политики вообще, а особенно историей Первой мировой и Гражданской войн, их последствиями, современным международным положением, возникновением фашизма в Италии и национал-социализма в Германии, в годы учебы, пользуясь имеющейся литературой, я полностью изучить это не мог. В последующие годы пришлось усиленно работать над всеми этими вопросами.

Даже из неполного курса изучения истории я уже знал, что США, Великобритания и Франция относятся к нам в значительной степени враждебно. Они прилагали все свои силы в борьбе против «коммунистического государства». Это подтверждалось не только их политикой, но и прямыми военными действиями против нашего государства в период Гражданской войны. Уже в начале 1918 г. президент США В. Вилсон обратился с посланием к конгрессу, известным как «14 пунктов», где также говорилось о необходимости проведения политики «невмешательства» в русские дела.

Не могу точно вспомнить автора лекции, которую мне довелось слушать, но уже давно я записал краткое содержание, проверив правдивость утверждения лектора различными литературными источниками. Да, лектор правильно считал, что наряду с обращением В. Вилсона к конгрессу существовало обращение стран Антанты, в котором говорилось о необходимости разделения России. Это объяснялось единственной целью – воспрепятствовать «распространению большевизма» в различные страны мира.

Нужно ли упоминать хорошо известные факты враждебности по отношению к нашему государству со стороны США. Однако хочется все же напомнить: в марте 1918 г. интервенционистский корпус Антанты оккупировал Мурманск, в августе – Архангельск. В состав этого корпуса входили американские войска. Уже в августе 1918 г. США предприняли военную интервенцию на Дальнем Востоке. Во Владивостоке высадились две американские дивизии и оккупировали этот город до весны 1920 г. Только 16 ноября 1933 г. между США и СССР было достигнуто соглашение об установлении дипломатических отношений.

Из печати мы могли почти безошибочно понять, что США, Великобритания, Франция вскоре после прихода к власти в Германии Гитлера видели в нем противника «большевистской опасности», способного оградить Европу от нашествия и захватнической политики Советского Союза.

В те годы у нас, как и во многих странах, было принято называть партию, во главе

которой стоял Гитлер, фашистской. Сам Гитлер был против такого названия. Это объяснялось многими причинами. Основными, по моему мнению, являлись: во-первых, фашистская партия Германии приняла название «Национал-социалистическая рабочая партия Германии» (НСДАП), стремясь использовать в интересах крайней реакции влияние социализма среди германских трудящихся; во-вторых, и это, очевидно, было не последней причиной, Гитлер стремился отмежеваться от итальянского фашизма. Ведь само название «фашистская партия» произошло именно в Италии от слов, означавших «пучок», «связка», «объединение». Точнее можно сказать, что в этой стране первые фашистские организации появились весной 1919 г. Они были сформированы в форме полувоевых дружин из бывших фронтовиков, настроенных националистически. Отсюда и появилось впервые название этих дружин – «фаши ди комбатименто», что дало в дальнейшем наименование всему фашистскому движению.

Можно с уверенностью утверждать, что Гитлер базировался именно на итальянском фашистском движении, делая вид, что именно он является вдохновителем и организатором новой партии во всем мире. Историки подчеркивают, что Муссолини умело, с целью привлечения наибольшего количества приверженцев, широко использовал существовавшую в то время социалистическую терминологию. Как это было впоследствии и в Германии, учитывая создавшееся тяжелое экономическое положение в стране, итальянские фашисты широко провозглашали республиканские принципы, экспроприацию земли, рудников, транспорта, сокращения рабочего дня до 8 часов, обеспеченное социальное страхование и т.п. Эта программа соответствовала все возрастающим революционным выступлениям рабочих и крестьян. Она привлекала путем обмана и мелкую буржуазию. Сразу отмечу, что с первых дней фашисты в Италии действовали в интересах правящих в стране крупных предпринимателей и финансистов, которые оказывали Муссолини и его сподвижникам значительную финансовую и политическую поддержку, что позднее и в Германии наблюдалось при выдвижении Гитлера к власти.

Я остановился на этом только потому, что и в настоящее время в Германии и дружественных ей странах умышленно по отношению к Гитлеру и фашистскому движению продолжают употреблять термин «национал-социалистический». Станным является и то, что к этой терминологии прибегают не только непосредственные участники движения, но и те, кто считает себя учеными, историками, и, безусловно, заинтересованные в этом смысле представители крупного капитала, офицерство. Сегодня, когда говорят о движении Сопротивления в Германии в период Второй мировой войны, часто можно услышать имена известных генералов, чиновников, промышленников, то есть бывших сторонников Гитлера, которых выдают за руководителей активного движения против фюрера. В частности, это видно из недавно проведенной в Москве и Ленинграде информационно-документационной выставки Федеративной Республики Германии «Немецкое Сопротивление в 1933–1945 гг.». Там были представлены материалы из фондов Института международных исследований Рутгарта.

О подлинном движении Сопротивления немецкого народа говорилось очень мало. Если и назывались имена тех руководителей, которые действительно боролись во благо немецкого народа против фашизма и отдали в этой борьбе свою жизнь, то это делаюсь вскользь.

В те предвоенные годы, предшествовавшие открытой агрессии, интервенции гитлеровской Германии, Франция, Великобритания и даже США, как я уже говорил, видели в Гитлере основного «защитника» Европы от коммунистической опасности. Разве можно было иначе расценить согласие этих стран пойти на нарушение договора, подписанного еще 28 июня 1919 г. потерпевшей поражение Германией. Не буду касаться всех статей этого договора, укажу только на то, что он строго ограничивал численность германских вооруженных сил, не допуская превышения 100 тысяч человек. Нам уже в институте говорили, что немецкий генерал Ханс фон Сект, командовавший в 1920–1926 гг. рейхсвером, усиленно готовился к созданию мощной многочисленной армии. Одновременно формировались различные союзы и землячества – «Стальной шлем», «Викинги» и др. Эти

нарушения со стороны Германии не были ни для кого секретом.

11 декабря 1932 г., когда Германия еще являлась членом Лиги Наций, государства, также входившие в Лигу, подтвердили равноправие Германии в военных делах. 14 октября 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций, и после этого она уже не скрывала свои планы по значительному увеличению численности армии и максимальному росту военной промышленности. 16 марта 1935 г. эта страна, аннулировав соответствующие статьи Версальского мирного договора, ввела всеобщую воинскую повинность, благодаря чему развернулся многомиллионный вермахт, располагавший уже подготовленными, высококвалифицированными кадрами.

Можно было наблюдать со стороны Франции, Великобритании и США вполне открыто оказываемую не только политическую, но и финансовую помощь, в том числе для восстановления и развития в Германии промышленности, занятой изготовлением оружия. Это предопределяло не только развитие экономики побежденной в Первой мировой войне страны, но и ее военную мощь. Стремясь любым путем использовать Германию в целях возможной вооруженной борьбы с Советским Союзом, эти державы не ограничивали себя ничем. Это было ощутимо, начиная еще с 1933 г., когда Великобритания и Франция подписали с Германией и Италией «Пакт четырех». Правда, этот пакт, как указывалось в исторической литературе, не был ратифицирован из-за империалистических противоречий между его участниками. В то же время нельзя забывать, что пакт этот, подписанный в Риме 15 июля 1933 г. (30 января 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером) представителями четырех держав, означал сговор англо-французских правящих кругов с германским и итальянским фашизмом, направленный против СССР. Известно, что уже тогда предусматривалось предоставление Германии равных прав на вооружение и многое другое.

У нас в Советском Союзе хорошо понимали тот факт, что Германия могла в любой день направить всю свою агрессию против советского народа.

Мы помнили, что Версальский мирный договор запрещал Германии вводить свои войска на территорию, расположенную по левому берегу реки Рейн. В то время эта зона была, кроме всего, официально признана как демилитаризованная в соответствии с Локарнским соглашением.

7 марта 1936 г. Гитлер ввел туда свои войска. Вместо того чтобы заставить фюрера вывести свои войска из Рейнской области, западные державы, в первую очередь Франция, заняли совершенно непонятную позицию. Франция дала Германии возможность без единого выстрела оккупировать эту зону, что позволило фашистам приблизиться к Франции и Бельгии, заняв позиции непосредственно у их границ. Это было уже явной подготовкой ко Второй мировой войне. В первую очередь, стала явной опасность нападения Германии на Запад, но на это, видимо, не обращали никакого внимания, пытаясь всеми силами привлечь фюрера на свою сторону в борьбе против «коммунистической опасности».

В дальнейшем я получил возможность более тщательно изучить многие вопросы, связанные с историей. Если вначале я знакомился с ними, как уже указывалось, слушая лекции, посещая Ленинградскую Публичную библиотеку, читая отдельные публикации в прессе, то впоследствии смог пользоваться в этих целях опубликованными за рубежом материалами и исторической литературой, находившимися в библиотеках Франции и Бельгии или приобретенными мною в магазинах. С большой тревогой и вниманием я несколько раз прочитал и нашумевшую на Западе книгу «Майн кампф» («Моя борьба»), авторство которой принадлежало Гитлеру.

Вот такова, коротко говоря, была моя подготовка к будущим событиям, свидетелем и непосредственным участником которых мне довелось быть уже в скором времени.

Шел 1936-й год. Время летних отпусков... И вдруг всех нас потрясло сообщение в газетах... 17 июля в испанском Марокко вспыхнул фашистский мятеж против республики.

Вначале можно было только строить предположения о том, что послужило причиной восстания против законного правительства страны. Постепенно становилось понятным, что в стране нашлись силы, восставшие против образовавшегося в результате всеобщего голосования 16 февраля 1936 г. правительства Народного фронта. Тогда на парламентских выборах одержали победу поддерживающие друг друга антифашистские партии и народные организации, большая часть испанского народа. Достаточно сказать, что из 473 кортесов (парламента) 268 были избраны от этих демократических партий и организаций. Мы понимали, что было вполне естественным и то, что в Испании сохранились еще и после парламентских выборов реакционные силы, выступавшие против Народного фронта, в том числе и монархические организации и часть старого офицерского состава. Их поддерживали за пределами страны те силы, которые опасались победы коммунизма и нового государственного демократического строя, проведения общедемократических преобразований в Евро не и, может быть, в мире. Монархические силы в Испании продолжали поддерживать связь с низвергнутым с престола королем Альфонсом XIII, изгнанным из страны и проживавшим в то время в Италии.

Вскоре уже не было сомнений, что в подготовке мятежа активное участие приняли прежде всего фашистские Германия и Италия. Из сообщений печати можно было понять, что именно эти страны поддерживали с первых же дней мятежников, не только оказывая им помощь поставкой оружия и боеприпасов, но и предоставляя свои авиационные, танковые и другие соединения. Это способствовало тому, что гражданская война, успевшая только начаться, стремительно переросла в национально-революционную.

Возмущала запятая по отношению к законному правительству Испании, члену Лиги Наций, позиция Великобритании, Франции и США. Поддерживая всячески тех, кто боролся против республиканцев, эти «миролюбивые» страны делали все для того, чтобы лишить Испанскую республику любых возможностей в ее борьбе против фашизма.

Ведь эти страны должны были хорошо понимать, что представляет собой война в Испании и чем конкретно она вызвана. Ни для кого не секрет, что это была первая значительная вооруженная схватка с фашизмом. Ведь, по существу, до того фашизм приходил к власти в Италии и Германии без серьезных вооруженных столкновений.

Большинство студентов внимательно следили за событиями в Испании, у некоторых появились географические карты. Становилось все более понятным, что Германия и Италия, поддерживая мятежников, фактически стремились только к одному – к претворению в жизнь их империалистических целей. Навязав в ходе войны испанскому народу фашистское правительство, они стремились добиться в дальнейшем установления своего мирового господства. Ни для кого не было секретом, что, обеспечив свой контроль над Средиземным морем и Атлантическим океаном, а также в других зонах, Италия и Германия стремились создать для себя плацдарм для дальнейшего развития агрессии, в том числе для захвата колоний, принадлежавших Англии и Франции в Африке и Азии.

Создав в Испании мощное фашистское государство, Германия хотела получить возможность в дальнейшем проникнуть в испаноязычную Латинскую Америку. Нельзя упускать из виду и возможное стремление Германии в первую очередь к захвату имеющихся на территории Испании источников стратегического сырья, столь необходимого на случай возникновения войны против СССР.

Как могли спокойно наблюдать за ходом итало-германской интервенции в Испании Франция и Великобритания? Ведь для этих двух стран возникала серьезная опасность вытеснения из экономики Испании довольно мощных принадлежащих им монополий. Больше того, Франция не могла не задуматься и над другим вопросом. В Первую мировую войну имевшиеся между ней и Испанией дружеские отношения создали возможность для отвода всех войск с франко-испанской границы в целях их использования для обороны против кайзеровской Германии. В случае создания вблизи ее границ фашистского государства и возможности возникновения войны с Германией для обеспечения тыла Франция должна снова использовать часть своих войск для прикрытия этой границы.

В Советском Союзе все следили за событиями в Испании. Сейчас часто говорят, что мятеж был поднят в Испании 18 июля 1936 г. Фактически он начался в испанском Марокко 17 июля и на следующий день перекинулся на значительную часть всей Испании.

Во главе мятежа первоначально стоял генерал Санхуро, ранее осужденный за попытку свержения испанского правительства, но амнистированный и высланный в Португалию. Однако он погиб при перелете из Португалии в Испанию при обстоятельствах, о которых нам в то время ничего не было известно. После его гибели мятеж возглавил генерал Франко, сосланный ранее за свои противоправительственные действия в Африку. Было ли это случайным событием? Значительно позднее, а в особенности после окончания Второй мировой войны в печать начали проникать уточненные и вполне доказанные сведения о том, что Франко был ставленником фашистской Германии. Доказано, что его карьера была связана с германским империализмом и его аппаратом секретных служб. Это подтверждается и вышедшей в 1984 г. в «Политиздате» книгой известного писателя-исследователя Юриуса Мадера «Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня» (с. 123).

Франко был завербован, как это достоверно теперь известно, еще во время Первой мировой войны и задействован против Англии и Франции лично Канарисом, ставшим известным всем как гитлеровский адмирал и долгое время являвшимся главой фашистского абвера.

Советские люди, еще не полностью отдавая себе отчет в том, что происходит в далекой Испании, всеми своими действиями, мыслями проявляли любовь к этой стране, к ее народу.

Любви к Испании, ее культуре способствовало изучение в средних и высших учебных заведениях истории страны, испанской литературы, в том числе широко известной «Песни о моем Сиде», ряда произведений полубившегося всем Мигеля де Сервантеса, в том числе патриотической трагедии «Нумансия», незабываемого романа «Дон Кихот», «Назидательных новелл», произведений драматурга Лопе де Веги, его исторических и бытовых драм, комедий, проникнутых духом гуманизма, комедий и народных драм Педро Кальдерона и других.

Многие знакомились на лекциях, в музеях, по красочным альбомам и отдельным репродукциям с блестящими произведениями изобразительного искусства таких выдающихся художников, как Эль Греко, Веласкес, Мурильо, Гойя и других.

Не скажу, что все, но во всяком случае, многие задумывались, чем они могут помочь испанскому народу.

В Советском Союзе не многие знали, что в борьбе республиканцев будут принимать участие наши добровольцы: военные специалисты, инженеры, врачи, переводчики и специалисты сферы оборонной промышленности. В то же время с первых дней гражданской войны, а тем более после того, как она превратилась в национально-революционную, советские люди от всего сердца помогали испанскому народу продуктами питания, одеждой и медикаментами. В Советский Союз прибывают дети из воюющей Испании, с тем чтобы исключить возможность их гибели от военных действий.

Уже 3 августа 1936 г. на предприятиях Москвы и Ленинграда, а затем и в других городах Советского Союза состоялись митинги солидарности с испанским народом.

Участники митинга в Москве обратились к трудящимся, ко всем гражданам Советского Союза с призывом организовать сбор средств в фонд помощи бойцам республиканской Испании, ее народу.

Все от мала до велика широко откликнулись на призыв москвичей. Были пущены подписные листы для сбора пожертвований, устраивались концерты, на сценах театров шли спектакли.

23 октября 1936 г. с большим трудом, несмотря на высокую стоимость билетов, мне посчастливилось присутствовать на ни с чем не сравнимым ночном представлении в Ленинградском цирке. Никто, даже люди старшего поколения, не могли вспомнить подобного.

Через некоторое время после окончания обычного вечернего представления, далеко за

полночь, на манеже цирка шла опера Леонкавалло «Паяцы». Зал был переполнен зрителями, сидели даже на неудобных ступеньках в проходах. Мое присутствие на этом мероприятии обуславливалось тем, что я был внесен в список актива Ленсовета РКиКД от Кировского района на приобретение билетов. Мы с моими товарищами по прежней работе приехали на автомашине, так как шоферу тоже удалось приобрести билет. В те времена еще не надо было опасаться воровства и угона машин. Меня крайне удивило, что не только рядом с цирком, но даже и вдалеке от него скопилось большое количество автомобилей. Ведь тогда было не принято пользоваться ими для частных поездок во внеслужебное время.

Необычным был состав исполнителей: вместе с артистами Театра оперы и балета им. С.М. Кирова в спектакле участвовали и видные артисты цирка.

То, что в опере принимали участие лучшие, известные и любимые пародом артисты, было доказательством того, с каким рвением все ленинградцы откликнулись на призыв оказания помощи испанскому народу.

В числе солистов театра были Н. Печковский в роли Канио. Недду пела А. Висленева, Сильвио – Вительс, Тони – А. Ульянов, Арлекино – А. Кабанов. В спектакле приняли участие хор, балет и оркестр оперного театра (дирижер Д. Похитонов).

Художественное оформление оперы было очень хорошо продумано. Артисты миманса создали живописное оформление, разместившись на барьере циркового манежа. По ходу действия совершенно неожиданно запели сидящие в обычных костюмах в первых рядах партера артисты оперного хора, которых мы принимали за зрителей.

Трудно себе представить, с каким энтузиазмом и восторгом был встречен спускавшийся по лестнице, ведущей от оркестровой ложи к манежу, исполнитель пролога оперы, любимец публики бас баритон Павел Захарович Андреев. Несмотря на то, что ему было более шестидесяти лет, держался он прекрасно, а об исполнении им партии говорить не приходится. Для меня его появление в цирке было совершенно неожиданным. Я его знал до этого и, встретившись через некоторое время уже за кулисами оперного театра им. С.М. Кирова, поздравил с великолепным выступлением. Он ответил мне скромно: «Я хотел внести небольшой вклад в фонд помощи любимой нами Испании».

Руководил постановкой Николай Константинович Печковский. С ним мне тоже приходилось встречаться ранее, когда я был еще школьником и обратился с просьбой принять участие в благо творительном концерте. Тогда он мне несколько холодно отказал. Уже став взрослым, я встречался с ним у нашего общего знакомого врача, с которым у меня с давних пор установились хорошие отношения.

Во втором отделении принимали участие артисты цирка. Назову несколько наиболее известных имен: широко известный укротитель хищников Борис Эдер, эквилибристы на першах Пирай, труппа партерных акробатов Инго под руководством С. Кожевникова, дрессировщик М. Анисимов со своими лошадьми, коверные Франц и Фриц (Ф. Томашевский и В. Артамонов) и другие.

Увиденное зрелище осталось у меня в памяти на всю жизнь, и сейчас я делюсь с друзьями своими впечатлениями о том великолепном представлении. В 1978 г. я случайно встретился с Анастасией Григорьевной Лебедевой, занимающейся вопросами истории советской эстрады и цирка. Узнав о ее интересе, я рассказал о своем давнем впечатлении. Мой рассказ заинтересовал ее, уточнив кое-что, она опубликовала в №6 журнала «Советская эстрада и цирк» в 1978 г. статью под заголовком «Необыкновенный спектакль» и подарила с надписью: «Уважаемому Анатолию Марковичу Гуревичу, зрителю этого чудесного представления, поделившемуся своими впечатлениями. На память от автора».

Работая в шестидесятые годы на специализированном комбинате холодильного оборудования, я случайно узнал, что двое из моих сослуживцев были участниками оперной студии при клубе им. Цюрупы, художественным руководителем которой был У.К. Печковский. Как-то я поведал им о роли Печковского на благотворительном вечере в цирке в пользу испанского народа в 1936 г. На следующий день вечером у них в студии была назначена генеральная репетиция оперы «Кармен».

Потом мне описали реакцию Николая Константиновича, когда ему напомнили, как в 1936 г. он поставил оперу «Паяцы» в цирке. Печковский тут же поинтересовался, откуда им стало об этом известно. Ему рассказали, что здесь работает участник национально-революционной войны в Испании, который лично присутствовал на этом спектакле в цирке. Тогда художественный руководитель студии сорвал генеральную репетицию: он весь вечер рассказывал подробности представления.

Говорил Николай Константинович и о том, как все советские люди внимательно следили за событиями в Испании. Он процитировал произведение Михаила Аркадьевича Светлова, написанное еще в 1926 г., за десять лет до начала гражданской войны в Испании. Эти слова многие помнят, не забыл и я:

...Красивое имя,
Высокая честь –
Гренадская волость
В Испании есть!
Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать,
Прощайте родные,
Прощайте у семья!
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Эти строки вполне выражали отношение советских людей к борьбе испанского народа против фашизма. Приведу и другие примеры.

10 октября 1936 г. в «Литературной газете» были опубликованы стихи Семена Кирсанова, звучавшие на посвященном испанской литературе вечере. Цитирую:

Но сегодня газету глазами скребя,
я забыл другие искания.
Все мечты о тебе,
Все слова - для тебя, Испания!

Наш поэт Николай Семенович Тихонов писал в то время: «Каждый день начинается с мысли – что нового в Испании? В эти трудные дни мы следим с великой любовью за борьбой героев, сражавшихся за новое человечество, и желаем им полной и скорой победы».

Были и официальные сообщения, опубликованные в печати. Так, например, 16 октября 1936 г. в газете «Правда» была опубликована телеграмма И.В. Сталина. В ней, в частности, говорилось: «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая носильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества. Братский привет!»

Эту же мысль привел в своем выступлении по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, которую мы все торжественно отмечаем 6 ноября 1936 года, М.И. Калинин. Он сказал: «Народы Советского Союза протянули братскую руку трудящимся Испании. Значение борьбы испанского народа выходит далеко за пределы Испании».

Мало кто знал тогда, что к моменту выступления М.И. Калинина в рядах республиканской армии уже были наши военные советники, летчики, танкисты, врачи, инженеры, вносящие свой вклад в защиту республики и, в частности, в оборону Мадрида, который Франко намеревался завоевать именно в годовщину революции.

Мы не знали, что даже среди наших друзей некоторые направились в Испанию военными переводчиками.

Было неудобно спрашивать у директора института В.В. Покровского, почему мы перестали видеть его жену, Люсию Лазаревну, почему прекратились приемы работников института у них дома. Мог ли кто-либо из нас предположить, что любящая свою, если не ошибаюсь, десятилетнюю дочь Танечку мать оставит мужа, ребенка и направится одной из первых в Испанию в качестве переводчицы?

Потом она рассказывала нам, что, читая в газетах о борьбе испанского народа против фашизма, не могла спокойно оставаться дома, занимаясь только работой и своей семьей, ей хотелось помочь испанскому народу.

Она уехала по вызову в Москву, чтобы затем отправиться в Испанию. Вскоре она действительно попала на войну вместе с переводчицами «Интуриста» Региной Исааковной Евниной (в Испании была переводчицей у Павла Ивановича Батова, ставшего после Великой Отечественной войны генералом армии), Евгенией Оливер, Еленой Евсеевной Константиновской (переводчицей известного у нас впоследствии генерала армии Владимира Яковлевича Колпакчи). Всех этих молодых девушек я хорошо знал, так как они проходили занятия на курсах усовершенствования переводчиков, где я преподавал.

В числе первых ленинградцев был и художник Юрий Николаевич Петров, сражавшийся в Испании в интернациональных бригадах. После возвращения в Советский Союз он создал серию рисунков «Испанский дневник», включавший рисунки, выполненные во время национально-революционной войны в Испании (1936–1939).

В конце 1936 г. в Испанию уехал в качестве переводчика хорошо мне известный преподаватель испанского языка Семен Михайлович Шамсонов (работая в штабе авиации у советников Якова Владимировича Смушкевича, дважды Героя Советского Союза, в 1940 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Прославился он не только в Испании, но и в боях с японскими милитаристами на р. Халкин-Гол в 1939 г., был на высоких должностях в РККА, незаслуженно репрессирован в 1941 г.).

Люсия Лазаревна Покровская начала свой боевой путь именно в Испании. С кем только не пришлось ей работать! Там она познакомилась с военно-морским атташе, затем главным военно-морским советником, в то время капитаном 1-го ранга, Николаем Герасимовичем Кузнецовым и помогала ему в работе в качестве переводчицы. Речь идет о том самом Н.Г. Кузнецове, который в Советском Союзе впоследствии стал наркомом ВМФ, военно-морским министром, адмиралом флота Советского Союза.

Л.Л. Покровская работала в радиоразведке в группе связистов, во главе которой стоял Александр Александрович Юриан. Через полгода ее назначили переводчицей к комдиву Василию Петровичу Бутырскому, который в то время был заместителем главного военного советника Григория Михайловича Штерна. Это тот самый В.П. Бутырский, который был направлен в Испанию из Киева, где был начальником штаба военного округа. После он вновь вернулся в Киев. Жизнь его сложилась трагично. Высоко ценимый командармом Н.Э. Якиром, Василий Петрович вскоре после процесса над высокими военачальниками, в том числе и над самим Якиром, 19 декабря 1937 г. был вызван из Киева в Москву, в дороге был арестован, а в начале 1938 г. погиб в результате репрессий.

Вернувшись в Советский Союз, Л.Л. Покровская не прерывала связь с Испанией. Она не только внимательно следила за событиями на фронтах, но и стремилась и дальше помогать полюбившемуся ей испанскому народу. В это время в Кировобаде в летном училище наряду с подготовкой наших военных летчиков готовили и боевых для испанской республиканской авиации. Для обучения молодых испанцев надо было иметь опытного переводчика. Им стала Люсия Лазаревна.

С началом Великой Отечественной войны Л.Л. Покровская пошла добровольцем в Красную армию. Служила на Балтийском флоте в разведке. В 1942 г. она была переведена в штаб ВМФ Советского Союза в Москву.

Из армии Люсия Лазаревна была уволена только в 1960 г. в звании подполковника. Я

счастлив тем, что дружба между ней, моей женой и мною продолжается почти шестьдесят лет. Мы много лет активно работали в ленинградской группе советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. Организовываем встречи с испанскими делегациями. Среди них нередко встречались испанские дети, которые с 1937 г. находились в Ленинграде, и многих из них мы хорошо знали. Некоторые в послевоенные годы, а в особенности после смерти Франко вернулись к своим родителям на родину. Были и ветераны, воины-республиканцы, встречи с которыми становились для нас праздниками. В 1967 г. в Ленинграде в Смольном, а затем в Таврическом дворце состоялось торжественное заседание Всемирного совета мира, посвященное 50-летию ленинского Декрета о мире. Там мы вновь встретились с легендарным генералом республиканской армии Энрике Листером, которого знали еще по Испании. Часто рассматривая сделанную в Таврическом дворце фотографию, невольно вспоминаем те далекие, ставшие историческими дни. На снимке вместе с нами заснят и известный латвийский писатель Жан Грива, тоже участник национально-революционной войны в Испании.

Хочу особо отметить моего друга Мишу (Михаила Илларионовича Иванова).

Когда мы были студентами, не могли и предположить, что одновременно окажемся в Испании и, мало того, будем вместе служить в республиканском военно-морском флоте. Назначение Михаила Иванова на флот было объяснимо – он уже служил в военно-морском флоте. Мое назначение было совершенно неожиданным.

Время шло. Потихоньку мы пытались лучше освоить испанский язык, изучить эту страну, ее народ. Вырисовывались некоторые особенности исторического развития Испании и ее связи с Россией. Ведь именно реконкисты в Испании в VIII–XV вв. заслонили Европу от нашествия мавров, а борьба России с монголо-татарским игом в XIII–XV вв. защитила ее с другой стороны. История русского и испанского народов во многом предопределила отношения между ними во время национально-революционной войны в Испании и даже сегодня, в мирные годы.

Как одним, так и другим пришлось утверждать свою гражданственность в жесточайшей борьбе с захватчиками, агрессорами, покушавшимися на землю и независимость каждого из двух народов.

В свое время Наполеон сказал, что когда дрожит Испания, то содрогается вся Европа. Видимо, он имел в виду героическое сопротивление испанцев против вторжения его полчищ. Не мне судить о том, какое значение сейчас имеет это предостережение Наполеона. Однако в свое время, безусловно, он был абсолютно прав. Война испанского народа за независимость своей страны в период экспансии Наполеона (1808–1811) оказала заметное влияние на рост патриотических и оппозиционных настроений во многих европейских странах.

Исторические материалы сообщают, что уже в ночь на 24 июня 1812 г., не сумев подавить сопротивление испанцев, Наполеон направил свою «великую армию» через границу России.

Некоторое время назад я нашел в нашей литературе то, что вполне уместно было бы кое-каким государственным деятелям вспомнить и 1936–1939 гг.

Так, например, в ней прямо указывается, что штабс-капитан Семеновского полка Н.С. Кайсаров в феврале 1811 г. в своей записке «Политические и военные соображения о необходимых мерах предосторожности против событий, которые могут нарушить спокойствие наших границ» подробно останавливался на событиях в Испании и их последствиях.

Он осуждал политику Англии, ее корыстное участие в военных действиях на Пиренейском полуострове. По его словам, Англия не воспользовалась «диверсией Австрии» в 1809 г. и не оказала своевременной помощи испанскому народу, потому что «война в Испании во многих отношениях была выгодна» для британской торговли. Кайсаров осуждал «эту малодушную политику», не сумевшую правильно оценить ресурсы народа, который восстал «в защиту своих очагов». Он высоко отзывался о действиях «недисциплинированных ополчений» испанских повстанцев (см. журнал «Вопросы истории». 1972. № 11).

Анализируя дальше исторические события, в журнале приводится еще одно ценное высказывание. Швейцарский республиканец, воспитатель Александра I, Ф.Ц. Ла Гарп писал 22 февраля 1813 г. царю и призывал его «противостоять надвигающейся грозе», а также заручиться поддержкой народа. В частности, он писал: «Взгляните, Государь, на Испанию и Португалию! Эти великие и недавние примеры убедительно доказывают, что может сделать мужество, настойчивость и энергия против большой силы».

Трудно остановиться на этом экскурсе в историю, которая сыграла большую роль не только в период национально революционной войны в Испании, но, безусловно, и в период Второй мировой войны в ряде стран, народы которых боролись против фашизма за мир и свое счастье, создавая героические движения сопротивления.

Стоит напомнить, как почти сразу после нападения Наполеона на Россию появилась идея «народной войны». В изданной у нас в 1967 г. книге А.Г. Тартаковского «Военная публицистика 1812 года» автор приводит фразу, высказанную после начала войны с Наполеоном самим Александром Первым 27 июня 1812 г. военному министру Барклаю де Толли о своем решении создать ополчение: «Я возбуждаю народ истреблять врага всеми доступными ему средствами, если он проник в его жилище, и видеть в этом подвиг веры!.. Я надеюсь, что у нас в этом случае выразится не менее энергии, нежели в Испании».

А.Г. Тартаковский, со своей стороны, комментирует эти слова и уточняет: «Ссылка на повстанческое движение в Испании весьма характерна. В те годы оно завоевало многочисленных сторонников даже среди аристократических и консервативных кругов европейского общества. Пример Испании как бы указывал абсолютистским правительствам на тот способ, при помощи которого можно было успешно бороться с Наполеоном».

16 июля 1812 г. будущий декабрист Ф. Глинка записал: «Кажется, в России, равно как и в Испании», Наполеон «будет покорять только землю, а не людей» (Вопросы истории. 1972. № 11).

Как бы продолжая эти мысли, 20 июля 1912 г. в своем письме надворный советник Кристина указывал: «Я надеюсь, что Россия станет повой Испанией».

Они, как и многие другие передовые люди нашей страны, полагали, вполне обоснованно, что русский народ повторит подвиг испанского народа в защите своей родины от неприятельского нашествия.

Все то, что мы слышали, читали об Испании в годы ее национально революционной войны, позволяло лучше понять то, что происходит в этой стране, почему мятежникам генерала Франко и итало-германским интервентам не удалось провести «молниеносную войну», на которую они так рассчитывали.

* * *

На календаре 1937-й год. Ленинградцы, как и все население Советского Союза, внимательно следили и обсуждали события в Испании. Каждый день газеты приносили все новые и новые детали фашистского вероломства. Мы радовались каждому успеху республиканцев – героических защитников Мадрида и других городов и сел. Никто не мог оставаться спокойным, когда стало известно о зверской многочасовой бомбардировке германской авиацией центра баскской культуры – города Герника. Этот древний город был почти полностью уничтожен, погибла масса мирных жителей: женщин, детей, стариков. Этот акт германского фашистского вандализма вызвал возмущение во всех странах мира. Вскоре блестящий испанский художник П. Пикассо выразил протест против подобного варварства прославившейся на весь мир картиной «Герника», созданной в 1937 г.

Жалость и беспокойство за миллионы детей, женщин и стариков, за трудящихся Испании увеличили стремление школьников, пионеров, молодежи, рабочих, коммунистов и комсомольцев к активизации сбора средств в фонд помощи Испании. Многие отчисляли в этот фонд свои сбережения.

Студенты нашего института также горели желанием помочь. Совершенно неожиданно для нас В.В. Покровский вызвал к себе несколько учащихся и обязал срочно явиться в один из номеров гостиницы «Европейская». Нам показалось, что он сам не знал причину нашего вызова.

В числе немногочисленных студентов в гостиницу прибыли и мы с Мишей Ивановым.

В нервном ожидании мы сидели в коридоре. Первый из тех, кого вызвали, молча вышел из номера и удалился. Очередь дошла и до меня. В номере оказалось три человека в штатском, как потом выяснилось, прибывших из Москвы. Они заинтересовались моей биографией и, увидев меня в гимнастерке военного образца, спросили, в каких войсках я служил. Услышав ответ о моей продолжительной работе в штабе ПВО, один из сидящих за столом снял трубку и куда-то позвонил. Я не понял, куда он звонил и с какой целью. Вскоре в номер вошла переводчица «Интуриста» М.К. Скавронская. Ее спросили, может ли она побеседовать со мной на французском и на испанском языках. Мария Скавронская ответила, что она меня хорошо знает, так как я преподавал военное дело на курсах усовершенствования переводчиков при институте «Интурист». По ее словам, мы с ней часто разговаривали, и она может подтвердить, что французским я владею вполне достаточно, а испанский изучал самостоятельно, но с определенным успехом. Тут же она заговорила со мной и на том, и на другом языках.

Выслушав Марию Скавронскую, её отпустили, а наша беседа закончилась вопросом: «У вас есть фотография для паспорта?»

Понял, что вопрос о моем направлении в Испанию в принципе решен. Сказал, что у меня есть фотографии для удостоверений, но я на них заснят в полной военной форме.

После этого мне сообщили адрес, по которому я должен был явиться и сфотографироваться в штатском. Мне повезло. Еще работая в штабе ПВО, меня наградили орденом на пошивку штатского костюма. Надев его, я прямо из дома направился по указанному адресу.

На следующий день мы, сгруппировавшись в коридоре института, все, кто был вызван в гостиницу, радовались в надежде, что обещанный нам в гостинице вызов из Москвы скоро придет. Мы верили в то, что, наконец, в нашей жизни начнется боевой путь.

О принятом мною решении никто из моих родных, близких и друзей не знал. Мучительно долго тянулись дни, и я полагал уже, что мне, как и моим товарищам, не придется претворить в жизнь то, к чему мы готовились и чего так жаждали. Между собой уже старались на эту тему не разговаривать.

Я продолжал заниматься в институте, как и раньше, читать лекции на курсах, участвовал по-прежнему в общественной деятельности.

Неожиданно мне пришла срочная телеграмма от какой-то женщины с указанием точного адреса встречи и срочным вызовом. Это значило, что моя кандидатура утверждена, и я буду в числе советских добровольцев направлен в Испанию.

Сообщив домашним о возможной «длительной командировке», я готовился к отъезду. Взял все, что мне показалось необходимым для поездки: полевую сумку, кожаное пальто, зубную щетку, бритву... Штатское с собой не брал, запас белья мне тоже был не нужен. Все это несколько удивило моих родителей, но объяснить им я ничего не мог.

Подобный вызов получили еще несколько студентов и, к моему счастью, Миша Иванов.

В строгом соответствии с полученной еще в гостинице инструкцией мы направились на следующий день из своих домов в институт. Затем в городской железнодорожной кассе получили билет на «Красную стрелу».

Нормальная цепь налаженной мирной жизни и учебы оказалась оборванной. Так же, как раньше «исчез» Н.Н. Воронов, «исчез» и я. Никто долго не знал, где я на самом деле нахожусь. Только в 1938 г. я вернулся в Москву.

ГЛАВА V. Непосредственное участие в активной борьбе против

фашизма. Национально-революционная война 1936–1939 гг. в Испании.

Ленинград–Москва–Ленинград.

Радостные волнения, вызванные предстоящей поездкой в Москву, сменились неожиданными переживаниями и нервным напряжением. Еду на войну! Чем она закончится для меня? Дома делаю вид, что никаких страхов нет, только радость, основанная на том, что где то на территории Советского Союза мне будет поручена интересная работа. Только этим объясняется возможность длительной командировки.

Последние прощания, крепкие объятия, я мчусь на Московский вокзал. Ищу платформу, к которой должен быть подан поезд «Красная стрела». Миша Иванов меня уже ждет. Состав подан, и посадка идет уже давно. Не знаю почему, но у меня сложилась привычка приходить на вокзал почти к самому отходу поезда. Миша высказывает свое волнение, но вскоре мы уже занимаем места, отведенные нам. Последнее прощание с любимым городом, ведь неизвестно, когда мы его увидим вновь.

В вагоне на всем пути спал плохо, это случалось со мной весьма редко. Но в этот раз хотелось подвести итоги уже прожитой жизни и подготовить себя к новой, которая скоро должна начаться. Воображение ярко рисовало картины того, что мне казалось, ждет впереди.

Война... Как стало понятно нам содержание этого короткого слова. Сегодня на многие народы мира это слово действует отпугивающе. Особенно стремление людей избежать войны и добиться вечного мира возросло после того, как в конце Второй мировой войны появилась атомная бомба, которая и сегодня находится на вооружении ряда стран.

Разрывы бомб и воздушных торпед, сопровождаемые гулом сотен самолетов, парящих высоко в безоблачном или, наоборот, покрытом облаками небе. Им предшествовал особенно неприятный завывающий звук падения, последствием были разрушения городов и сел, пожары и тысячи человеческих жертв. Пикирующие истребители, «падающие» с высоты на дороги, переполненные вынужденными покинуть свои родные места беженцами и вздымающиеся в воздух после того, как пулеметный огонь летящих на расстоянии всего только в нескольких метрах от земли самолетов вносил панику и ужас в ряды обезумевших и без того людей. Они стремились, бросив все приобретенное за многие годы, бежать, брали с собой только жизненно необходимый жалкий скарб, с тем, чтобы спасти свою жизнь, а при необходимости бросить по пути и то, что еще находилось при них, или заснуть на нем, или погибнуть.

Паника в городах, селах и деревнях, мучения в очередях за продуктами перед закрытыми магазинами в полуразрушенных домах. Бесцветные и пустые неподвижные глаза, взгляд обращен на пламя, уничтожающее склады с продовольственными товарами и собственное жилье – с такой любовью и заботой созданный домашний очаг. Завывания сирен санитарных и пожарных машин; стремящихся в неизвестном направлении провожают взгляды печальных людей, задающих себе мысленно один и тот же вопрос: куда они мчатся и кто следующий? На улицах матери, прижимающие к груди убитых детей, отцы, жены, сестры и братья, оплакивающие потерю близких, любимых и дорогих им людей, трупы людей разного возраста валяются на тротуарах и проезжих дорогах городов и сел.

Проволока, окопы, движущиеся танки, автомашины с орудиями, летящие в воздухе боевые самолеты, артиллерийский огонь, пулеметная и оружейная трескотня, прожекторы, пронизывающие нависшую тьму, беспросветное небо, сигнальные ракеты, пускаемые с земли в воздух и с воздуха на землю, – эти рождественские деревья, как их иногда называли в Западной Европе. Фронтальная жизнь, жизнь тыла.

Война. Как понятно мне это слово теперь, как мало об этом я знал, живя в нашем чудесном городе Ленинграде с моими любимыми родителями, много работая и все же иногда

выбирая время, чтобы повеселиться, потанцевать с красивыми, милыми девушками. Нет, детство и юность у меня были тоже непростыми. Приходилось много работать, и времени на отдых и веселье оставалось действительно мало. Я привык, прежде всего, думать о моей работе и общественной деятельности. Эта закалка впоследствии мне очень помогла.

В моих частых выступлениях и лекциях я подробно рассказывал о будущей войне, но как это мало соответствовало тем войнам, которые самому пришлось пережить, непосредственным участником которых был лично.

Обо всем этом я пока не думал, лежа в поезде. Размышлял больше о том, что мне предстоит в ближайшем будущем.

Мы с Мишей рано встали и внимательно смотрели в окно мчащегося поезда. Почти не говорили между собой, нас полностью поглощали мысли. Мы были еще слишком молоды, чтобы точно представлять все, что нас ждет в Москве, а затем в воюющей против фашизма Испании. Мы постепенно приблизились к столице нашей родины. Поезд, наконец, замедлил ход и подошел к Ленинградскому вокзалу.

К этому времени в Москве уже действовало метро. Мы воспользовались им и доехали до станции, расположенной у Гоголевского бульвара. Вышли на поверхность и там немного прошли пешком. Вблизи, параллельно этому красивому бульвару, находилась небольшая малоизвестная улица. В домике, адрес которого был указан в полученной нами телеграмме, в одном из подъездов помещалось бюро пропусков. Не успели мы предъявить полученные телеграммы, как дежурный в окошке сообщил, что пропуска уже готовы, и незамедлительно выдал их. Мы поняли, что вопрос о включении нас в список советских добровольцев, направляемых в Испанию, решен положительно. С полученными пропусками мы вошли в здание и поднялись на второй этаж. В небольшом кабинете нас приняли очень любезно, как уже давно знакомых. Нам не пришлось даже себя называть. Перед встретившим нас командиром РККА лежали наши анкеты с фотографиями.

После короткой беседы, где разъяснили порядок пребывания в Москве, нас направили в Хамовнические казармы. Прибыв по указанному адресу, мы были пропущены в основной корпус по имеющемуся у часового на входе списку. Здесь были в основном военные в полной военной форме, а также немного гражданских, мужчин и женщин. Среди них нескольких я знал по Ленинграду. Я понял, что они будут в Испании переводчиками. Кем станут остальные, я, конечно, не мог тогда предположить. Только потом узнал, что среди них были инженеры, врачи и другие специалисты, в том числе и квалифицированные рабочие оборонных предприятий, мастерских.

Я тоже был в военной гимнастерке, правда без петлиц, в бриджах и сапогах, то есть в том, в чем ходил, находясь на службе в штабе ПВО Кировского района до поступления в институт, но сохранил эту одежду, являясь уже студентом.

Мы с Мишей быстро освоились, завязали знакомства с военными и гражданскими лицами, которых ранее не знали. К нам постепенно стали присоединяться прибывающие в казарму будущие соратники. Время от времени приезжало начальство. Проводились беседы, нам отвечали на возникающие вопросы.

Первой поставленной перед нами задачей являлось получение гражданской одежды, с тем, чтобы все, что находилось при нас, могло быть отправлено домой, в наши семьи. Пришлось на автобусах группами выезжать на склады военного ведомства.

Вскоре нас было уже не узнать. Мы получили гражданские костюмы, рубашки с галстуками, белье, демисезонные драповые пальто, носки, туфли и... мягкие фетровые шляпы. Трудно было привыкнуть к этой одежде, особенно к этим шляпам, которые мы даже не знали, как надо надевать и носить, в то время в Советском Союзе они были редкостью.

По своей неопытности мы не смогли тогда заметить некоторые ошибки, допущенные теми, кто выдавал нам новую одежду. Это особенно касалось подбора выдаваемых пальто и шляп. Нас даже не удивило, что все мы были почти одинаково одеты. Именно в этом, как вскоре выяснилось, и состояли упущения. Это мы четко ощутили, уже находясь в Париже, проходя инструктаж по ряду вопросов, к разъяснению которых мы относились с особым

вниманием. Нас предупреждали, что во Франции, в ожидании отправления в Испанию, не следует ходить по одному, а надо держаться во время прогулок по городу группами в пять-шесть человек. Необходимо быть очень осторожными и бдительными, так как за нами может быть установлена слежка, не столько со стороны французских властей, сколько со стороны специально посланных во Францию агентов мятежников и итало-германских интервентов. Нас предупреждали, не следует забывать и о том, что при неосторожности с нашей стороны можно «заработать» и некоторые неприятные заболевания. В этой части приводились многие примеры. Однако о каких заболеваниях шла речь, мы не могли точно себе представить.

Специальные лекторы нам рассказывали о последних событиях в Испании, вновь предупреждая, что и там следует быть весьма осторожными и бдительными, стараясь избегать возможных провокаций. Это объяснялось тем, что в ряды республиканской армии, в интернациональные бригады, воюющие на стороне республиканцев, в некоторые слои населения могли проникнуть агенты мятежников и итало-германских фашистских спецслужб, а также и «троцкисты». Если мы легко могли понять существование вражеской агентуры, то понятие «троцкисты» звучало для нас, по крайней мере, довольно странно.

Несколько в напряженном и, я бы даже сказал, тревожном состоянии проходили дни проживания в казарме и ожидания приближающегося дня нашего отъезда из Москвы. Однако они затягивались из-за дооформления всех необходимых документов – паспортов с транзитными визами для проезда через Францию. Хочу особо подчеркнуть, что если у нас почти никто не знал, что Советский Союз в ответ на просьбу правительства Испании направляет советских добровольцев, то на Западе это уже не было секретом.

Для нас с Мишей явилось совершенно неожиданным и то, что маршрут следования в Испанию пролегал через наш дорогой Ленинград, где жили наши родители, близкие, друзья. В Ленинграде мы должны были пересечь на теплоход.

Почти перед самым отъездом из Москвы к нам прибыло начальство для прощания. В напутствие прибывшие к нам подчеркнули, что советский народ очень активно откликнулся на события в Испании, все выражали сочувствие и желание помочь испанскому народу в его борьбе против фашизма. Советский Союз знает, что в Испанию стекаются антифашисты из многих стран. Их число измеряется буквально тысячами. Паше правительство приняло решение оказывать помощь добровольцами только в рамках получаемых просьб законного правительства Испанской Республики. Подчеркивалось и то, что мы, отбывающие сейчас на войну, должны постоянно помнить о необходимости соблюдения максимальной тактичности, вежливости и братской солидарности при общении с испанцами.

В то время мы впервые услышали, что уже 7 октября 1936 г. перед Комитетом по невмешательству, созданным в Лондоне, правительство СССР заявило, что если не будут немедленно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения». Мы услышали и то, что почти все антифашисты из многих стран мира, для того чтобы прибыть в Испанию, были вынуждены уже в пути рисковать своей свободой, а иногда и жизнью. Если память мне не изменяет, то впервые мы услышали, что только две страны, Мексика и СССР, официально разрешают выехать в Испанию своим гражданам. Все те, кто вступает в интербригады, должны были тайно бежать из своей страны и нелегально переходить через границу.

Незадолго до нашего отъезда из Москвы было объявлено, что старшим нашей группы назначается летчик, фамилию которого не могу уже припомнить. Его помощником, старшим по группе гражданских лиц, стал я. Тогда я еще не знал, что на теплоходе мне придется быть связующим между советскими добровольцами и испанцами, которые должны были следовать одновременно на этом же теплоходе.

Отдельными группами мы покидали Москву и направлялись в Ленинград. Не буду сейчас говорить о том, как мы добрались до Ленинграда, как оказались в Ленинградском торговом порту на теплоходе «Андрей Жданов», как мы прощались с нашим городом, а мысленно и с нашими семьями.

И вот я в моем родном Ленинграде. Мы оказались именно в том порту, в котором я много раз бывал, работая в штабе тогда еще Нарвского района. Тогда я появлялся там в целях проверки его готовности к противовоздушной обороне. В порту многие меня знали, особенно руководящие работники.

Прибыв туда, на этот раз я старался ни с кем из моих знакомых не встречаться. Могли начаться расспросы, куда я еду, с какой целью. Не хотел говорить на эту тему ни с кем, да и права на подобные разговоры не имел.

Никогда в жизни мне не приходилось выезжать за пределы Советского Союза, а тем более пускаться в дальнее плавание на столь крупном теплоходе. Оно должно было стать моим первым продолжительным зарубежным путешествием.

Началась посадка на большой теплоход «Андрей Жданов». Нас размещают по каютам. На этот раз мы с Мишей Ивановым – в одной каюте. Пользуясь свободным временем, знакомимся с теплоходом. Моряки нам поясняют, что теплоход имеет вместительные трюмы, весьма устойчив в плавании. Заглядываем осторожно в машинное отделение: все блестит чистотой. На теплоходе много комфортабельных кают, отличающихся друг от друга, видимо, стоимостью билета. Нам очень понравились музыкальный и курительный салоны, читальный зал, используемый и для отдыха, рестораны, которые тоже, как и каюты, разного класса.

Наступает время обеда. Идем в ресторан. Станным показалось то, что на этом первоклассном теплоходе с очень вкусным и обильным питанием дополнительные блюда, напитки, фрукты и папиросы отпускались только за валюту. Это мы заметили только после того, как теплоход отчалил из Ленинградского порта. С этого момента мы считались уже за рубежом. Доллары нам выдали еще в Москве, но мы были осторожны в расходах, так как не знали, что ждет нас впереди.

Я заметил, что постоянно прижимаю к груди правый карман пиджака. Время от времени проверяю, лежит ли в нем красная книжечка, большая, довольно длинная, с тисненым гербом Советского Союза. Это переплет, в который вложен подлинный паспорт, отпечатанный в два столбика на бумаге обычного формата на двух языках, русском и французском. В паспорте стоят выездная виза нашего государства, транзитная виза Французской Республики и въездная виза Испанской Республики. Итак, впервые я владею заграничным паспортом и этим горжусь, чем и объясняется то, что я все время слежу, чтобы он не потерялся, не выскользнул из кармана.

Мой паспорт был выдан на мою настоящую фамилию. Позднее узнал, что в ряде случаев в паспортах у некоторых советских добровольцев ставилась вымышленная фамилия. Это было необходимо для того, чтобы не столько наши враги, а в основном враги Испанской Республики не могли уточнить, кто именно из воинов РККА направляется для непосредственного участия в боевых действиях. Фамилии многих наших военных были известны за рубежом, в первую очередь в различных спецслужбах.

Через некоторое время по радио к нам, «пассажирам дальнего плавания», обратились с просьбой сдать паспорта специально выделенному для работы с паспортами пассажиров сотруднику экипажа. Мы направились в указанную каюту для сдачи паспортов.

Прогуливаясь по палубе, заметили, что по трапу поднимаются какие-то молодые парни. Нас удивило, что к теплоходу подходят все новые и новые группы подобных молодых людей. Невольно возникал вопрос: они тоже являются пассажирами и куда направляются, не входят ли они в нашу группу советских добровольцев, отбывающих в Испанию? Почему нас об этом никто не предупредил ни в Москве, ни на теплоходе?

Вскоре старшего группы, летчика, и меня вызвал к себе капитан теплохода. Мы познакомились, обсудили организационные вопросы и только тогда узнали, что «молодые парни» – это испанцы, прошедшие летную подготовку в летных училищах в Советском Союзе, в том числе и в Кировобадском. Они возвращались к себе на родину, с тем, чтобы умело защищать ее воздушное пространство.

Покидая каюту капитана, мы направились к старшему нашей группы добровольцев.

Обсуждая все затронутые в беседе вопросы, мы приняли решение об обеспечении дисциплины во время перехода, о налаживании контактов между военными и гражданскими лицами, в том числе и переводчиками, а также с испанскими летчиками.

У нас между собой наладились дружеские отношения, нашли контакт и с испанцами. Конечно, последнее не так просто, ибо большинство из советских добровольцев не владело испанским языком, а испанцы, проходя учебу в летном училище, не освоили даже элементарного русского языка, им помогали переводчицы, часть из которых успела уже побывать в Испании.

В нашей группе переводчиков выделялись те, кто хорошо знал испанский язык, постоянно совершенствуя его, работая гидами в «Интуристе». Однако были немногие будущие переводчики, студенты нашего института, которые в основном изучали французский язык и должны были уже в Испании на специальных курсах освоить испанский, на котором необходимо было в дальнейшем вести работу по переводу разговоров между нашими военными советниками и теми испанцами, к которым они были прикомандированы, а в некоторых случаях и переводить различные советы непосредственно на фронтах в боевой обстановке.

В моей группе переводчиков было несколько довольно интересных молодых женщин и даже совсем еще молоденьких девушек. Я замечал, что все они держатся, как это ни странно, совершенно спокойно, не волнуясь, хотя отдают себе отчет, что скоро придется заменить красивые туфельки на высоких каблуках на удобную простую, пригодную для фронта обувь, а модные платья и костюмы на спецовки.

Среди опытных переводчиц находилась и та, которая присутствовала в комиссии, отбиравшей меня для поездки в Испанию. Марию Скавронскую я знал, как уже указывал, еще по курсам усовершенствования переводчиков при нашем институте. На теплоходе у нас сложились дружеские отношения, и она мне во многом помогала.

В нашу группу входила женщина намного старше остальных. Это была, как потом я узнал, легендарная Мария Александровна Фортус. Именно ей в 1967 г. был посвящен двухсерийный фильм «Салют, Мария!» Хейфица.

Мария Александровна также помогала мне во многом. Эта помощь заключалась не только в том, что она рассказывала об Испании, но и в значительной степени содействовала в установлении контакта с испанцами. Тогда я знал только о том, что Мария уже побывала в Испании и отправляется туда вновь. Когда и почему она была в Испании, я, конечно, не мог предположить, а она, видимо, не могла или не считала возможным мне обо всем этом рассказать. Наша дружба продолжалась и несколько лет спустя после окончания Великой Отечественной войны. Только тогда я узнал, что Мария Александровна была активной участницей Гражданской войны, чудом спаслась от расстрела по приговору Махно, что в период нахождения в Херсоне французских военных кораблей, крейсеров «Мирабо» и «Жюстин», выполняя партийное задание, она внедрилась в ряды моряков и подружилась с одним из них – испанцем Рамоном Касанельяса. Корабли ушли, и эта крепкая дружба на несколько лет прервалась. Случай свел вновь Марию с этим моряком, когда он, испанский коммунист-подпольщик из Каталонии, обучался в Советском Союзе на партийных курсах. Встреча их закончилась тем, что они стали мужем и женой. У них родился сын.

Первый раз Мария Александровна была в Испании, когда ее муж стал одним из руководителей компартии в Барселоне, где и погиб. Проводив в последний путь гроб с телом любимого мужа, она вернулась на Родину, в Советский Союз, где продолжала выполнять работу по партийной линии, но большое внимание уделяла воспитанию своего сына.

Когда в Испании началась национально революционная война, в числе первых советских добровольцев туда отправилась и Мария Александровна, работавшая продолжительное время переводчицей у военного советника Мерецкова.

После падения Севера она на французском грузовом судне сумела эвакуировать значительное число детей и взрослых испанцев во Францию. Из Парижа возвратилась в Москву. Только после этого она узнала, что ее сын, успев уже закончить летное училище,

тоже воевал в Испании и погиб. Мария Александровна стала хлопотать о своей повторной поездке в воюющую Испанию, чтобы получить возможность не только помогать испанскому народу, но и посетить могилу своего сына. Вот именно тогда я и познакомился с ней, когда она с тяжелым сердцем вместе с нами должна была отбыть из Ленинграда.

Настал день окончания погрузки, теплоход вышел из порта. Мы отправились в далекий и нелегкий путь. Большинство из «мирных пассажиров» теплохода сгруппировалось на палубах. Я грустно смотрел на берег, вспоминал прощание с родителями и думал, как бы они восприняли новость, что я еду воевать. Ведь я оставил им московский адрес, номер почтового ящика, для того чтобы они могли посылать мне письма. Они знали, что я вскоре должен был уехать на Дальний Восток в продолжительную командировку, и только, – никаких подробностей я им не сообщал...

Наше морское путешествие омрачилось двумя событиями: первое – ужасно штормило, море было очень беспокойным, сильно качало теплоход, и это затрудняло продвижение по заданному курсу, второе – очень густой туман. Моряки называли силу шторма в баллах. Признаюсь, я ничего не понимал: пять, шесть, семь баллов... Что это значило?

Сильную качку хорошо переносили немногие. Жалко было смотреть на желто-зелено-синие лица страдающих морской болезнью «путешественников». Среди них были даже и летчики, и почти все наши девушки. Приходилось ухаживать за теми, кто мучился. Покупали в ресторане, как я уже сказал, на валюту лимоны и угощали ими страдальцев. Внимательно следили, чтобы тем, кому необходимо, приносили и уносили вовремя тазы, споласкивали и приносили вновь...

Мы с Мишей переносили качку хорошо, выдержали ее Мария Скавронская и Мария Александровна Фортус. Особенно удивляло, как справлялись с качкой испанские ребята. Я бы даже сказал, они веселились. Веселье выливалось в смех, выкрики, шутки, а некоторые даже, пользуясь качкой, скользили на натертому полу. Одним словом, с ними не скучали и мы.

Когда туман окутывал теплоход и буквально в нескольких шагах нельзя было различить, кто идет навстречу, капитан отдавал приказ не только замедлить ход, но и полностью остановиться. Для того чтобы встречные или идущие в нашем направлении корабли не столкнулись с нами, равномерно и непрерывно продолжались удары в корабельный колокол. Иногда, когда затихали волны и ветер (который тоже имел место, правда, не очень сильный), удары колокола были слышны из самых разных сторон.

Как только обстановка на теплоходе наладилась, несмотря на то что к нам присоединились еще не все тяжело перенесшие качку, мы вновь стали задумываться, что же будет дальше...

Каждый из нас спешил рассказать, что он знал об Испании, об этой стране, куда мы уже стремились всеми нашими мыслями. Военные из числа пассажиров «Андрея Жданова» обсуждали положение на фронтах, о котором они знали в основном только по газетным сообщениям или радиосводкам, но которые вскоре они надеялись дополнить своими собственными материалами из фронтовой жизни. Все больше и больше вопросов задавалось испанцам, возвращавшимся вместе с нами к себе на родину. Они с удовольствием рассказывали обо всем, что вскоре надлежало нам самим пережить. Касались они частично и истории своей страны, которая далеко не всем нам была известна в достаточной степени. Меня, да и не только меня, удивила грамотность, знание истории своей страны одного молодого испанца. Мы слушали его рассказы в переводе Марии Александровны или Марии Скавронской.

Не буду подробно останавливаться, что нам, в том числе и мне, пришлось очень много интересного услышать из истории Испании. Ведь в основном нам было известно лишь то, что предшествовало непосредственно 1936 году, и то очень коротко. Следя за газетными сообщениями, старались узнать как можно больше об этой чудесной стране. Пытались подобрать в библиотеках наиболее подробную историческую литературу, литературу, рассказывающую о культуре народа Испании. Мы начинали уже подозревать, что

итало-германские агрессоры в значительной степени для достижения империалистических интересов только прикрываются своей марионеткой – генералом Франко. Мы знали, что рядом с поддавшимися на провокации мятежниками, марокканцами, некоторыми бойцами испанского иностранного легиона испанскую землю топчут чернорубашечники Муссолини, а летчики гитлеровского легиона «Кондор», выполняя приказы фюрера, низвергают тонны бомб, уродующих землю, поля, леса, плантации, города и села, принося смерть детям и старикам.

Нам поведали о пережитых испанским пародом ужасах инквизиции, завоеваниях Римского рабовладельческого государства, Арабских Эмиратов, о превращении Испании в крупную колониальную державу (в том числе о захвате ею Мексики, Перу, Боливии, Чили, Кубы, части Аргентины и т.д.), периодической смене королей, Кадисских кортесах, Кадисской конституции, по меньшей мере, нескольких революционных подъемах и завоеваниях, о превращении Испании в империалистическое государство в начале XX в., об испано-американской войне, которая явилась первой империалистической войной за передел колониальных владений и о многом другом.

С особым интересом слушали мы о роли тех держав, которые провозгласили невмешательство во внутренние дела Испании, о поддержке фашистских мятежников и итало-германских интервентов. Нам было трудно поверить, что США, объявившие в начале января 1937 г. эмбарго на вывоз оружия в Испанию, планомерно предоставляли Франко кредиты, и, по существу, только они через свои монополии («Стандарт-ойл» и др.) позволили продолжать войну против Испанской Республики, поставляя огромное количество горючего. Фирмы США снабжали Франко грузовиками. Самое страшное из услышанного было то, что США тайно, прикрываясь поставками в другие страны, доставляли мятежникам авиабомбы и многое другое.

Было интересно услышать подробности о роли в истории Испании последнего короля Альфонса XIII, о генерале Primo de Rivera, после его ухода в отставку было создано правительство Веренгера.

Впервые я услышал имя генерала Санхурхо, поднявшего уже 10 августа 1931 г. монархическое восстание. О нем нам пришлось слышать много раз и в дальнейшем.

Наши испанские друзья упоминали в своих рассказах и известных нам писателей, поэтов, художников, а также имена лучших сыновей и дочерей испанского народа: Хосе Диаса, Долорес Ибаррури, прозванную Пасионарией, Энрике Листера, Галлана и многих других, возглавивших вооруженный народ, защищающий свою свободу и независимость.

Мы невольно посмеивались, когда они пытались нас уговорить, что чудесная Испания, кроме всего, прославилась своими прекрасными, неотразимыми красавицами Андалусии, своими трудолюбивыми басками, рыбаками Бильбао и Сан-Себастьяна. Они нас уговаривали обязательно погулять не только в городах и по морским набережным, но и по мандариновым и апельсиновым рощам. Обязательно посетить бой быков, но никогда не забывать о том, что Испания – страна народной песни и пляски, которые там любят исполнять все, что испанцы вежливы и честны, но в свое время любили использовать нож для разрешения спора чести.

Теплоход «Андрей Жданов» идет по маршруту Ленинград–Антверпен–Гавр

Нормальное плавание теплохода продолжалось. С самого начала все были довольны обслуживанием, питанием, развлечениями.

Лично у меня настроение несколько испортилось из-за того, что старший нашей группы уже в Ленинграде неважно себя почувствовал: ему казалось, что он слегка простудился. И вот совершенно неожиданно для всех у него резко повысилась температура, и судовой врач определил ангину, как мне тогда пояснили, стрептококковую. Я не мог понять, что это за заболевание, так как в медицине ничего не понимал. Однако его переселили в изолятор и старались к нему никого не допускать. Это значило, что мои обязанности значительно

расширяются.

Хочу искренне признаться, что, когда я оставался один даже ненадолго, думал больше всего о том, какая великая честь мне выпала быть направленным в числе немногих советских граждан в Испанию для участия в активной борьбе с фашизмом. Я уже об этом писал, но не могу остановиться себя, хочу еще раз об этом сказать.

Многие утверждают, что героями рождаются. Я не родился героем, и, направляясь в страну, где шла настоящая война, я был немного испуган. Не скажу, что от рождения был боязлив. Нет, друзья часто говорили, что у меня крепкие нервы и я своим поведением доказал, что в определенной степени даже храбр. Несмотря на все это, на душе было отчасти грустно и тревожно. Грустно, повторяю, потому что впервые покидал Советский Союз, а тревожно, потому что фронт, где скоро суждено быть, рисовался чем-то очень страшным, что вызывало у меня мысль: сумею ли я справиться с той задачей, которая будет на меня возложена? В то же время я, как и все мои попутчики, был горд и счастлив оказанным доверием, мечтал о подвигах, о наилучшем выполнении своего долга.

Медленно продвигаемся вперед. Погода нас опять не балует. Из-за тумана, немного не достигнув Кильского канала, пришлось простоять около суток – значительно больше, чем в первый раз. И в этот раз отбивали склянки и подавали сигнал для предупреждения о месте нашей стоянки.

Естественно, направляясь в сторону Бельгии на теплоходе «Андрей Жданов», идущем под нашим государственным флагом, мы приближались к Германии. Капитан теплохода просил предупредить всех пассажиров о необходимости соблюдения определенной осторожности и бдительности. Со стороны фашистского Третьего рейха можно было ожидать любой провокации.

Чтобы достигнуть Антверпена, одного из важнейших мировых морских портов, связанного почти со всеми странами мира, нам пришлось проследовать из Балтийского моря через Кильский канал – через территорию Германии в Северное море, а затем по реке Шельде.

Антверпен имел значение не только как мировой порт, но и как один из важнейших центров перевозок внутри Бельгии по рекам и железным дорогам.

Нам не было известно, чем объяснялась остановка в этом мощном порту. На берег мы не сходили, а заметили только погрузку на теплоход большой легковой машины. Потом слышали разные суждения по этому вопросу, но, будучи неуверенным в достоверности, останавливаться на них не буду. Хочу только особо подчеркнуть, что во время нашей стоянки в Антверпене шел сильный дождь и было темно. Порт показался плохо освещенным, что меня удивило, так как нам говорили, что это один из лучших портов Европы. С трудом разглядели форму бельгийских полицейских и таможенников. Невольно сравнивал увиденное с Ленинградским портом, что вновь усилило тоску по Родине. Невольно все мысли возвращались к Ленинграду, к моим старикам родителям, вспоминалось все прожитое: детство, юношество, работа и учеба, мои друзья.

Мы были рады, что в Антверпене задержались ненадолго и отправились дальше. Нам предстоял долгий путь к конечному пункту нашего морского путешествия – одному из наиболее значимых портов по грузообороту и пассажирским перевозкам – Гавру (французы часто называют его Ле Гавр). Порт расположен в бухте реки Сены. Благодаря развитой железной дороге он являлся и морским портом Парижа.

Мы все были очень возбуждены, чувствуя приближение Франции, где нам, возможно, придется провести несколько дней, прежде чем отправиться к конечной цели.

На теплоходе началась тщательная уборка, драили палубы, медь иллюминаторов, металлические ручки, трапы. На мостике появились капитан и старпом. Оба в полной парадной форме.

Сигнал, ответный сигнал, и теплоход замедляет ход. К нему приближается катер. Спускается трап, и наконец, с катера на теплоход поднимаются французский лоцман, французские полицейские, пограничники и таможенники. На теплоходе было все

подготовлено для приема гостей. Прибывших на борт руководителей указанных служб приглашают в каюту капитана. В числе немногих находящихся на борту советских граждан, помимо нескольких представителей экипажа, нахожусь и я. Старший группы все еще не мог присутствовать при встрече из-за своей болезни.

Меня поразил стол – копчености, икра зернистая, другие закуски, коньяк «три звездочки», вина и, конечно, наша русская водка, прославившаяся на весь мир.

Нас, советских участников застолья, мало, весь разговор ведет капитан, он владеет, к моему удивлению, английским и французским языками. Я сижу молча и наблюдаю за тем, что происходит. Французские гости с увлечением попивают в основном водку и закусывают всем, что находится на столе.

После непродолжительных разговоров в каюту вносят наши заграничные паспорта. Тут же, даже не просматривая, в них ставятся соответствующие печати. После оформления мы формально получили разрешение спокойно спускаться на берег. Дальше направляемся в помещение ресторана, приспособленного в данном случае для таможенного досмотра нашего багажа. Впрочем, его у нас было очень мало. Меня удивляет, что среди ожидающих проверки нет испанцев.

Никакого таможенного досмотра не потребовалось, так как французские руководители объявили, что вся проверка полностью закончена и, кроме лоцмана, который приступил к несению службы, все свободны и могут отдохнуть.

Приближаемся к Гавру и пришвартовываемся у одного из его причалов. У меня возникает вопрос: как удалось капитану так все быстро оформить? Естественно, дать ответ я был не способен.

Не знаю, верно ли было то, о чем позднее рассказывали. Мне пояснили, что часто во время застолья некоторые судоводители в опечатанных конвертах вручали проверяющим доллары и это определяло весь дальнейший ход проверки. Возникал и другой вопрос: не могло ли все то, что произошло, объясняться солидарностью представителей французских властей с борющимся испанским народом? Ведь они знали, что мы советские добровольцы и направляемся в Испанию. Эта моя мысль подтверждалась еще и тем, что, повторяю, у испанцев, находившихся на теплоходе, не было транзитных французских виз. Именно поэтому они не проходили проверки и первыми на поданных автобусах покинули теплоход и порт Гавр. Видимо, это было организовано испанским посольством.

В Гавре нас встретили представители советского посольства. В порт приехал военный атташе при посольстве комдив Николай Николаевич Васильченко с женой и его помощник Д. (точную фамилию уже не помню). Были и еще другие сотрудники. На одной из первых машин в Париж повезли еще не оправившегося от болезни старшего нашей группы. Все добровольцы не спеша заняли места в автобусах.

Комдив Н.Н. Васильченко, с которым я познакомился, сообщив, что я замещаю заболевшего старшего группы, представил меня товарищу Д. и своей жене, если не ошибаюсь, ее звали Оля. Он попросил меня присутствовать при посадке всех наших товарищей на автобусы, предупредив, что затем мы вместе отправимся в Париж на его машине.

Что собой представлял комдив Васильченко Николай Николаевич, я, естественно, не знал. Только значительно позже мне рассказывали, что он был опытным летчиком, получившим летное образование как офицер царской армии в Париже. После революции 1917 года он перешел на службу в РККА. Во Франции в качестве советского представителя находился уже давно и хорошо ориентировался в обстановке, в жизни населения, нравах и обычаях, а также хорошо знаком с французской литературой, искусством, часто посещал парижские театры. По внешнему виду – хорошо одетый, в отличном штатском костюме – трудно было представить, что он является кадровым командиром (во Франции наших командиров называли офицерами, а комбригов, комдивов и других высших командиров – генералами). Больше того, он ничем не выделялся среди французов – вежлив, приветлив, но по-военному деловит. Я и потом все больше убеждался, что он был типичным военным

дипломатом. Одним словом, в результате дальнейшего общения с ним я убедился и в том, что он был примером человечности. Я еще вернусь к моим дальнейшим встречам с Николаем Николаевичем в Париже, Гавре и Москве в последующие пару лет. Но уже сейчас могу чистосердечно признаться, что мне вновь повезло со старшим товарищем. Я научился и от него многому, что мне очень помогло в дальнейшем во время моей нелегальной работы за рубежом в предвоенные и военные годы (1939–1945).

Дипломатам необходимо обладать многими качествами и прежде всего всесторонней подготовкой к зарубежной работе. В те годы это имело особое значение. Военному представителю страны, пожалуй, еще в большей степени важно быть всесторонне образованным человеком. Он должен быть не просто грамотным, дисциплинированным военным человеком, а человеком, умеющим внедряться в самые разные общественные круги, общаться с различными людьми. Он должен быть вдумчив, с тем, чтобы правильно оценивать факты, действия, обстановку. Он должен быть крайне усидчив и трудолюбив, так как ему приходится очень много работать над собой, над изучаемыми материалами и различными документами, над периодической печатью. Ему необходимо быть весьма оперативным в работе, предельно осмотрительным и внимательным ко всему, что попадает в поле его зрения, а быстрое и грамотное освоение всего этого может принести пользу его стране. Задержка в выполнении отдельных моментов работы, а в особенности в принятии и претворении в жизнь срочных решений, в своевременной информации по всем интересующим его страну вопросам делает абсолютно невозможным успех в порученном ему деле. Кроме того, он должен быть приятным в общении. Мне кажется, что комдив Н.Н. Васильченко в полной мере обладал всеми этими качествами.

Что мне еще очень поправилось в Николае Николаевиче, его жене и помощнике? Они хорошо говорили по-французски, грамотно и с великолепным произношением. Безусловно, это тоже было залогом их успешной деятельности.

Жена Н.Н. Васильченко была, по моему мнению, моложе его. Вскоре я заметил, что она во многом является его хорошей помощницей не только в жизни, но и в работе. Когда я увидел её в первый раз в порту Ле Гавра, был поражен ее внешностью. Она была прекрасна. До моего приезда во Францию мне встречались хорошенькие женщины, некоторые из них мне очень нравились, и, откровенно говоря, я даже влюблялся. По Ольгу я не мог сравнить ни с одной из них. Она была божественна: исключительно хорошая фигура, красивое лицо с большими, выразительными глазами. Несколько раз в ее сопровождении мы с Николаем Николаевичем посещали рестораны, один раз были в театре, и я замечал, что любуются Олей все встречающие нас не только мужчины, но и женщины. Действительно, помимо своей прекрасной внешности, она обладала еще одним очень важным для дамы общества качеством – умела с большим вкусом одеваться и носить модную прическу, у нее были очень красивые холеные руки.

Прошло много лет, и сейчас я вспоминаю об Оле с чувством большой благодарности не только за те приятно проведенные в ее обществе минуты, которые уже тогда так ценил и которыми так гордился, но и за нечто более важное для меня. В эти редкие встречи с Олей, внимательно следя за ней, я получал уроки умения держаться за столом, вести разговоры. Конечно, тогда я не мог и предположить, в какой степени все это сможет мне пригодиться в дальнейшей жизни. Тогда я был просто очарован женой комдива.

В Гавре, посадив всех на автобусы, я, комдив, его жена и его помощник уселись в машину и взяли направление на Париж. Мы ехали по незнакомой мне Франции. Я любовался ландшафтом. Внимательно слушал пояснения, которые мне давали по пути. Особенно меня увлекали рассказы Оли о светской жизни, о театрах, музеях. Глядя на мужа, моя собеседница обещала, что она и Николай Николаевич помогут мне поинтересней провести мое краткое пребывание в Париже. С чувством гордости должен отметить, что мне было очень приятно услышать от попутчиков похвалу в мой адрес как в части умения говорить на французском, так и моих знаний в области истории Франции, ее литературы и прославившихся художников.

В очень приятной беседе мы приближались к столице Франции, к Парижу. Наша машина продолжала скользить по прекрасной фиолетовой асфальтированной дороге, в зеркале которой отражался свет сотен ярких электрических ламп. Фары многочисленных автомашин разрезали спустившуюся на землю темноту и в то же время затухали при появлении встречных машин, в том числе и нашей. Покачивание автомашины на рессорах увеличивало мою усталость, ведь я еще никогда в жизни не ездил на такой скорости на значительное расстояние.

Париж. Замелькали его окраины, улицы постепенно расширялись, приближаясь к центру города. Они делались еще более освещенными, более парадными. Меня крайне удивляло большое количество красных фонарей на зданиях, мимо которых мы проезжали. Из рассказов и некоторых прочитанных книг я мог предположить, что помещается в этих зданиях. Спрашивать об этом у моих попутчиков было неудобно. Только на следующий день, прогуливаясь по Парижу, я узнал точно, что во Франции красными фонарями обозначали места, где размещались табачные магазины, где продавались сигареты, курительный табак, спички, зажигалки, как мне тогда казалось, составлявшие государственную монополию.

Все прибывшие с нами на теплоходе «Андрей Жданов» были размещены по разным гостиницам отдельными группами.

Машина генерала, буду называть так, как его называли уже в то время за границей, Николая Николаевича Васильченко остановилась у гостиницы «Сен-Жермен». Небольшая уютная гостиница, расположенная вблизи улицы де Гринелль, где издавна размещалось посольство царской России, а после установления дипломатических отношений с Советским Союзом – посольство СССР. Возможно, выбор гостиницы объяснялся тем, что мне надлежало часто бывать во время моего пребывания в Париже в посольстве.

Молодая и очень привлекательная испанка Кармен проводила меня в отдельный большой, но уютный номер. Чувствовалось, что она знает, для чего мы едем в Испанию. Видимо, до нас в гостинице уже побывало немало добровольцев-интернационалистов, поэтому понятно, что не только Кармен, но и все остальные из obsługi гостиницы знали, кто мы такие. Абсолютно все относились к нам с подчеркнутым дружелюбием и вниманием. Вместе со мной в гостинице находилось еще несколько человек. В некоторых номерах было по два и даже три человека. Я был в номере один. Я начал осматривать отведенную мне комнату. Первоначально мое внимание привлекла кровать. Никогда в жизни я не видел кроватей подобной ширины. Я подошел к ней, потрогал и убедился, что она очень мягкая. Еще больше меня поразила лежащая на этой низкой кровати своеобразная подушка в виде круглого валика сравнительно небольшого диаметра, но длиной по ширине кровати. Не успел я еще оглядеть как следует номер, как в дверь постучали, и вошла улыбающаяся Кармен, в руках которой были две обычные для нас подушки. Она, похлопав по ним, уложила на кровать и, пожелав мне хорошего сна, вышла из комнаты.

Вынужден особо отметить, что мое воспитание, полученное на родине, и степень знания жизни за границей проявились в том страхе, который я испытал, оставшись один в номере. Закрыв дверь изнутри на замок и на задвижку, уже поужинав, но еще готовясь ко сну, я более тщательно осмотрел номер, не забыв заглянуть за портьеры у окон, в шкаф и под кровать. Я искал, не спрятались ли там кто-нибудь. Затем, взяв одну из принесенных Кармен подушек, я накрыл ею, тщательно укутав, телефон, стоящий на столике, – я понимал, что меня могут подслушивать. Кто мог подслушивать, что подслушивать? Ведь в номере я был один, значит, подслушивать могли мои тайные мысли, и только, ведь вслух думать я не привык, да и не умел.

Сейчас все это мне, прожившему много лет за границей, кажется смешным, а тогда... Тогда я полагал, что проявляю необходимую бдительность и осторожность.

Приняв душ, я улегся в кровать и спал довольно долго. Утром, в условленный мною с вечера час, хорошенькая и улыбающаяся француженка горничная принесла мне в номер завтрак. Я еще лежал в кровати, когда на стук в дверь мне пришлось вскочить и открыть ее.

Пожелав мне доброго утра и приятного аппетита, поставив на стол принесенный завтрак, горничная удалилась.

После вкусного завтрака я стал быстро готовиться к встрече с Николаем Николаевичем. Я понимал, что впереди напряженные дни совместной работы. Частично мне повезло. Утром я узнал, что старший группы, летчик, уже выздоровел, а быть может, делал вид, что здоров, так как чувствовал, что должен включиться в работу.

Нам с подполковником Д. были даны некоторые задания. После их выполнения мы использовали оставшееся свободное время и прогулялись по городу, посещая некоторые достопримечательности. Я был удивлен, что почти на всех улицах сновали девушки и в открытую предлагали свои услуги. Это были обычные проститутки. Надо признаться, среди них было немало очень симпатичных, даже красивых. Я выразил моему попутчику удивление, как это может существовать в таком прекрасном городе, в цивилизованной стране. Он посмеялся и ответил, что если на улицах существует открытая проституция, то в еще большей степени распространены различные дома свиданий, публичные дома, притоны. Большую часть времени мы с подполковником Д. тратили на более интересные беседы и прогулки по красивым улицам и площадям.

В то время как часть живущих в гостинице «Сен-Жермен» успевала ходить в кино и даже театры, мне лично уделяли внимание кроме подполковника Д. еще и сам Николай Николаевич Васильченко и его прекрасная жена Олечка. Мы ездили на машине по городу, его окрестностям, заезжали в Булонский лес и даже нашли время, чтобы посетить Лувр и Казино де Пари, побывать и в хороших ресторанах. Все было интересно и ново.

Прошло много лет, как я виделся с Николаем Николаевичем, его Олечкой и подполковником Д. С тех пор я никогда не забывал о них, вспоминая всегда с чувством уважения и благодарности. Конечно, они не могли знать, да и сам я тоже, что недалек тот час, когда все, что смог благодаря им усвоить, находясь за границей, мне так основательно пригодится.

Совершенно неожиданно город как будто стал вымирать. В Париже мы увидели первую в нашей жизни забастовку, которая началась на химических предприятиях Гудрича и вскоре была подхвачена рабочими коммунальных предприятий: метро, автобусных парков, газовой сети и т.д. Работа повсеместно возобновилась накануне нашего отъезда из Парижа, 30 декабря 1937 г. На нас произвело неприятное впечатление то, что повсюду: на больших бульварах, Елисейских полях, площадях и центральных улицах – были погашены огни обычно яркосветящихся реклам. Местами были даже потушены фонари.

Продолжая наши прогулки по городу небольшими группами, как уже указывалось, по пять-шесть человек, мы горячо обмениваемся впечатлениями. Несколько смешно было отметить, что многие встречающиеся с нами французы по нашей однородной и своеобразной одежде догадывались, кто мы такие. Быть может, именно в этом однообразии и заключалась та допущенная в Москве ошибка при выдаче нам гражданских пальто, костюмов и шляп. Можно понять, что снабдить разнообразными вещами отъезжающих было просто невозможно. Во всяком случае, к подбору выдаваемой нам одежды надо было привлечь человека, который, побывав за границей, усвоил особенности ее подбора. У нас, мужчин, были демисезонные драповые пальто только двух цветов – коричневые и синие. Более впечатляющим было то, что неумело надетые мягкие шляпы часто сочетались – синяя или зеленая с коричневым пальто, а коричневая с синим. Это бросалось в глаза особенно потому, что мы прогуливались группами.

Видимо, догадываясь, кто мы такие, и проявляя сочувствие к испанскому народу, к нам относились хорошо. Правда, это резко контрастировало с политикой находящихся у власти дельцов. Часть их облачалась в тогу «социалистов» и Народного фронта. Именно они всячески пытались официальными и неофициальными путями, хитря и обманывая французский народ, вопреки интересам государственной безопасности и суверенитету Франции нанести ущерб Испанской Республике, ослабить ее, сделав невозможным народное сопротивление испанцев реакционным силам и фашистским интервентам.

Французские властители того времени, повторяю, вопреки интересам и чувствам большинства французов, тормозили и добивались полного прекращения вывоза в Испанию оружия и боеприпасов, запасных частей к ранее поставленному оборудованию не только из собственной страны, но и всячески препятствовали транзиту через Францию закупленной законным республиканским правительством военной техники и даже товаров народного потребления.

Значительная часть французского народа всячески поддерживала, вопреки своему правительству, борющихся против фашизма испанцев и антифашистов из разных стран, направляющихся в Испанию. Многие из них сражались в интербригадах, а французские семьи приняли к себе испанских детей, часть из которых была сиротами. В Советском Союзе они видели страну, открыто и честно помогающую свободолюбивому испанскому народу.

Наконец очередь для отъезда из Парижа настала и для нашей последней группы. На вокзал провожали Николай Николаевич Васильченко, его жена Оля и подполковник Д. Они очень мило со всеми прощались, желали счастливого пути и благополучного возвращения к себе на родину. Все мы были весьма тронуты проявленным к нам вниманием, обменялись крепкими дружескими рукопожатиями. Я был несколько в ином положении. За время нашего пребывания в Париже я подружился с провожавшими нас, а в Олю я был просто влюблен. Впервые в жизни на прощание я поцеловал даме протянутую мне хорошенькую ручку.

Париж–Сербер–Порт-Бю–Барселона

Парижский экспресс после установления в Испании народной власти дальше маленькой пограничной станции Сербер не ходил. Мы заняли на Лионском вокзале места в спальном вагоне экспресса, зная, что нам следует выспаться до границы. В двухместном купе мы расположились вместе с Мишей Ивановым. В коридоре не замолкали разговоры, ведь вагон был полностью занят нашими товарищами. Постепенно стали расходиться по купе и готовиться ко сну. Не успели улечься и устроиться поудобнее, продолжая еще беседовать, как по неизвестным и непонятным причинам наш вагон стал медленно крениться и полностью свалился набок. Дверь из купе оказалась наверху, а ведь через нее мы должны были выбраться в коридор. Нам повезло по двум причинам: во-первых, вагон был цельнометаллическим, а во-вторых, как выяснилось позже, он свалился набок, немного не доехав до откоса. Серьезно никто не пострадал, отделались легким испугом, некоторым достались незначительные ушибы. Остаток ночи, то есть большую часть дороги по Франции, всем пришлось провести, сидя в вагоне, где и так было много народа.

Понятно, настроение было испорчено, было как-то тревожно, и разные мысли лезли в голову. Некоторые утверждали, что неудавшаяся авария была подстроена фашиствующими молодчиками, специально прибывшими из Испании во Францию. Говорили, что вагон якобы был плохо сцеплен, а некоторые высказывали мысль, что у него даже были подпилены какие-то части. Но нам определенно повезло: по расчету наших недругов вагон должен был упасть именно под откос, до которого мы не доехали.

При следующей встрече уже в 1938 г. с нашим военно-воздушным атташе Н.Н.Васильченко я рассказал о случившемся. Он уже слышал об этом и тоже был склонен видеть в неудавшейся аварии злой умысел.

Доехав до пограничного французского города, мы почувствовали некоторую настороженность, вызванную близостью воюющей страны. И вот даже на этом небольшом кусочке французской пограничной земли мы видели улыбающиеся глаза и сжатые кулаки, поднятые вверх, – жест, с которым уже в то время все связывали понятие пролетарского интернационализма и международной солидарности с борющимся против фашизма испанским народом.

* * *

30 декабря 1937 г. мы наконец прибыли в Порт-Бю, первый расположенный в полутора

километрах от французской границы испанский городок, охваченный пламенем национально-революционной войны. Он встретил нас неприветливо. Повсюду были руины. За несколько дней перед этим, пытаясь, очевидно, разрушить узкий тоннель в горе, отделяющей Францию от Испании, его бомбили фашистские самолеты и артиллерия кораблей мятежников.

Видимо, до войны Порт-Боу был очень уютным и живописным городком. Расположение на берегу Лионского пролива Средиземного моря, врезавшаяся в берега бухта придавали ему особую красоту, которую усиливали скалистые Пиренеи, прижатые к городу. Все его, в основном небольшие, здания утопали в зелени садов и парков. К сожалению, многие и из этих уютных своеобразных строений были полностью или частично разрушены, в том числе здание вокзала. Под ногами хрустели обломки кирпичей и битые стекла. Кое-где на усеянных выбоинами от пуль, осколков авиабомб и артснарядов стенах висели обрывки красочных плакатов.

Еще недавно эти плакаты манили туристов, приглашая их посетить Испанию – страну с особой неевропейской экзотикой, с ее памятниками старины, воспетыми Сервантесом ветряными мельницами, живописными пляжами, боем быков – знаменитыми корридами, с не менее знаменитым, ярким и полным огня танцем – фламенко. Невольно нам казалось, что эти плакаты – нечто подобное некрологам или, точнее, эпитафиям. Они приводили нас в ужас. Значит, это и есть настоящая война – разрушение городов и сел, трупы стариков, детей, горожан и сельских жителей, погибших от авиабомб и артснарядов...

В это время дня солнце стояло уже высоко, озаряя уцелевшие домики каким-то особенно ярким светом. Это солнце и встретившие нас в Порт-Боу смеющиеся испанцы были, пожалуй, во всяком случае, так нам казалось, единственным, что осталось от довоенного городка. Было страшно, страшно не за себя, а за то общество, в котором мы оказались и теперь вынуждены видеть, как живут эти люди, и жить здесь самим.

Нашу группу советских добровольцев, состоящую в основном из летчиков и переводчиков, испанские друзья встретили очень радушно, со свойственными им гостеприимством и теплотой, в искренности которых каждый из нас в дальнейшем убеждался на протяжении всего пребывания в этой стране. Их быстрая речь на различных диалектах не всегда была понятна даже для хорошо владевших языком переводчиков. Почти каждое произносимое слово сопровождалось весьма выразительными жестами, в которых по-разному, но всегда ярко проявлялись экспансивность, шумливость, веселость, присущие испанцам. Все это как-то особенно быстро располагало к испанцам бойцам и сближало нас с ними.

Бойцы пограничного отряда хором, перебивая друг друга, говорили о своей глубокой благодарности Советскому Союзу, оказывающему им щедрую помощь. Они по-братски проявляли свою любовь к нам, прибывшим из далекой России, чтобы совместно воевать. Временами слышались возгласы: «Вива ла Унион Советика!» При этом поднимались вверх сжатые кулаки – символ братского единства.

Угощая нас комидой, первым обедом на испанской земле (омлет из яичного порошка с жареной картошкой, бобы, обильно политые оливковым маслом и томатным соусом, ослиное мясо), наши новые друзья провозглашали тосты, поднимая бокалы с испанским вином. Они усиленно объясняли нам, что их гостеприимство ограничено условиями военного времени.

– Вот если бы вы приехали к нам до войны! Мы бы вас угостили как следует, а сейчас даже здесь, в нескольких километрах от Франции, у нас нет ни хорошего вина, ни мяса, ни сигарет, – говорили они, как бы извиняясь.

Уже в Порт Боу мы щедро делились с новыми друзьями сигаретами и шоколадом, сожалея о том, что не взяли с собой из Франции никаких других продуктов. Нам становилось ясно, что в Испании купить что-либо из съестного уже нет никакой возможности.

До отхода поезда Порт-Боу–Барселона оставалось еще много времени, и мы в сопровождении наших испанских друзей совершили прогулку по городу.

Прогуливаясь, мы подошли к берегу моря, побывали у местных рыбаков, покурили

вместе купленные во Франции американские сигареты. В то время я еще не знал, что моя служба в Испании будет так связана с военно-морским флотом, в том числе на Средиземном море. Южное солнце согревало нас, и мы наслаждались окружающей тишиной.

Подали состав, который должен был доставить нас в Барселону. Уже стемнело. Несколько маленьких вагончиков, обветшавшая окраска, потрескавшиеся доски обшивки, маленькие грязные окна, в большинстве своем с выбитыми стеклами, придавали поезду жалкий вид. В вагонах свободно гулял ветер, было темно – светомаскировка. Ехать пришлось долго: расстояние между Порт-Боу и Барселоной, равное примерно 150 километрам, поезд преодолевал более суток. Один раз во время пути пришлось покинуть вагон и рассыпаться по полю – была воздушная тревога. Один вражеский самолет пролетел над нами. Летчик то ли не заметил стоящего в темноте поезда, то ли стремился выполнить другое, возможно более важное, задание. Едва пассажиры успели вновь занять свои места в вагонах, поезд двинулся дальше.

Мы прибыли в столицу Каталонии только около 23 часов 31 декабря.

Большой город был погружен во мрак, надо было соблюдать требования светомаскировки. С трудом нашли встречающих нас товарищей. Все заняли места в машинах. Вместе с двумя нашими летчиками и переводчицей Марией Скавронской в тесном маленьком «опеле» мы направились по незнакомым улицам затемненного города. Кругом ничего не было видно, только по натужному шуму мотора догадывались, что, петляя по узким дорогам, мы взбираемся высоко в гору.

Здесь, в пригороде Барселоны Вальвидрере, на высокой горе, после переезда в Каталонию испанского правительства, размещался штаб нашего главного советника Григория Михайловича Штерна, известного всем как генерал Григорович.

Нас сразу же обступили товарищи. Всем хотелось услышать что либо о жизни на Родине. В шумных и оживленных разговорах нас буквально втолкнули в широко открытую дверь расположенного напротив штаба здания, а затем, сбросив по пути верхнюю одежду и оставив скромный багаж, мы оказались в большом зале, где были накрыты парадные новогодние столы. В спешке все уселись. Помимо советских добровольцев, было немного испанцев. Торжественно встретили новый, 1938 год. Много было высказано добрых слов, пожеланий успехов в боевых действиях против фашизма и, конечно, благополучного возвращения домой, к нашим семьям и родным.

Веселые, но основательно усталые, мы стали расходиться. Некоторые остановились в этом доме. Они тепло провожали тех, кто жил внизу, в городе. И опять, довольно долго петляя по спускавшейся на этот раз вниз дороге, а затем по пустынным улицам города, мы выехали на его окраину и остановились у одиноко стоящего, довольно высокого затемненного дома – гостиницы «Диагональ», где были забронированы места и для нас. Когда то в этой гостинице весело проводили время богатые испанцы в обществе приглашенных ими дам. Теперь она была отведена для советских добровольцев, останавливающихся в Барселоне перед отправкой на фронт, а также прибывавших для доклада к главному советнику, его аппарату и на кратковременный отдых.

Глаза уже привыкли к темноте, а яркий свет просторного вестибюля поначалу ослепил нас. Только привыкнув к нему, стали различать нарядную мебель, ковры, зеркала. На диванах, в креслах, да и просто на полу сидели, лежали, тихо разговаривали и спали какие-то военные и гражданские.

Нам с Мишей Ивановым отвели большой, очень нарядный номер, стены которого были обиты шелком, кругом, даже на потолке, находились огромные зеркала, повсюду в номере стояла причудливая мебель, висели красивые люстры и канделябры с разноцветными лампочками. Паши ноги ступали по мягким коврам, полностью покрывавшим пол. Помимо большой низкой кровати, в номере стояло несколько столиков с изящными, тонкими ножками, мягкие кресла. На прикроватном столике находился щиток с большим количеством кнопок, позволявших включать разноцветные лампочки освещения. Не было только шкафа. Все говорило о том, для чего гостиница была предназначена в мирное время. Это был

великолепный, дорогостоящий дом свиданий для людей высшего света.

На следующий день вновь прибывших советских добровольцев принял у себя в кабинете Г.М. Штерн. Летчики и другие военные специалисты сразу же получили назначения. Затем Григорий Михайлович сообщил, что переводчики вскоре будут назначены в действующую армию к нашим советникам, а пока порекомендовал совершенствоваться в испанском языке.

В ожидании отъезда на курсы мы решили познакомиться с городом, заказать себе военное обмундирование. Буквально через пару дней оно было готово. Купили себе береты, носить которые, оказалось, тоже надо было уметь, приходилось к ним привыкать.

Нам очень повезло. В качестве сопровождающего по незнакомому городу был выделен один польский интербригадовец Михаил Ч., свободно владеющий русским и испанским языками. Он нам рассказал многое из истории города. Здесь мы впервые узнали о том, что в Испании уже давно идет борьба за автономию отдельных провинций. Барселона – главный город Каталонии и второй город страны по численности населения, крупнейший портовый и промышленный центр. Город живописно расположен амфитеатром вдоль бухты между устьями рек Льобрегат и Басос. Многие утверждают, что название города произошло от основанного карфагенянами в 237 г. до н.э. поселка Барсино.

Нам стало известно и то, что с середины XIX в. Барселона стала крупнейшим центром испанского рабочего движения, где уже в 1842 г. возникли первые испанские профсоюзы, которые в 1854 г. объединились в «Союз классов» с программой защиты интересов рабочих.

Каталония со столицей Барселона получила автономию в 1932 г., но это было только официальное признание, а фактически автономия была закреплена только при решении национального вопроса в период национально-революционной войны.

19 июля 1936 г. было намечено открыть в Барселоне народную олимпиаду, в которой должны были принять участие тысячи спортсменов не только из Испании, но и из различных стран мира.

После начала мятежа рядом с испанскими рабочими на защиту республики встали многие из приехавших в Барселону спортсменов, выразивших свою пролетарскую солидарность в борьбе против фашистов.

Во время прогулки по Барселоне мы побывали на горе Тибидабо, где размещалось наше полпредство. Сверху казалось, что широкие линии Пасео-де-Гарсиа, «Параллели» и «Диагонали», названия которых зависели от их расположения по отношению к морю, разрезают город как бы на четыре геометрические фигуры. Нам показали место, откуда виднелся знаменитый Барселонский университет, основанный еще в XV в., и многие другие достопримечательности. Мы посетили просторную Плаца-Каталунья (площадь, носящую имя провинции – Каталонии), луна-парк с многочисленными аттракционами, главные магистрали города: бульвар Пасео-дель-Колон, Лос-Рамблас, бульвар Прадо. Мы любовались остатками античных укреплений – городских стен, готическим собором Санта-Крус, строительство которого было начато еще в XIII в., и фантастическими формами храма Святого семейства (заложен в 1882 г.). По пути мы зашли в огромный центральный промтоварный универмаг «Хобра».

Повсюду в Барселоне развевались лилово-желто-красные флаги республики и полосатые каталонские, стены домов были увешаны различными патриотическими плакатами с призывами укрепить единство в рядах Народного фронта, отдать все силы защите республики. Часто повторялись слова Долорес Ибаррури «но пасаран» – «они не пройдут», «лучше умереть стоя, чем жить на коленях», «лучше быть вдовой генерала, чем женой труса». Встречались и многие другие лозунги и призывы Коммунистической партии, партий Народного фронта, Национальной конфедерации труда – объединения анархо-синдикалистских профсоюзов, Федерации анархистов Иберии (ФАИ). Иногда попадались черно красные анархистские флаги. Анархисты имели тогда определенное влияние на народные массы Каталонии и некоторых районов юга Испании. На улицах и площадях можно было прочесть и такие лозунги, как: «Да здравствует независимая

Каталония!» Кое-где висели красочные плакаты, на одном из которых был изображен боец-доброволец, наступавший ногой на фашистскую свастику. Этот плакат был не только выражением воли испанских бойцов, но и отражал стремление всех свободолюбивых народов, видевших в фашизме злейшего врага, опасность новых больших войн.

Рядом с боевыми плакатами и лозунгами пестрели и красочные афиши: объявления о концертах симфонического оркестра, оперных спектаклях, кинокартинах, театральных и эстрадных представлениях и т.п. В Барселоне сохранилось много театров, концертных залов, кабаре. Город жил полнокровной жизнью, временами казалось, что здесь старались забыть, что идет война.

Для более подробного знакомства с городом и его достопримечательностями к нам прикомандировали еще одну попутчицу, хорошо владеющую испанским языком, переводчицу Шуру Бахмутскую, которую я хорошо знал по Ленинграду. Она отлично справилась с поставленной перед ней задачей.

Перед тем как приступить к описанию совместных прогулок, первых впечатлений о главном городе Каталонии, я должен почтить память Шуры Бахмутской, служившей во время пребывания в Испании переводчицей у одного советского инженера, занимавшегося вопросами, связанными с вооружением. События, о которых я сейчас расскажу, происходили уже во второй половине 1938 г., когда я находился на фронте под Барселоной. Приближался день отъезда Шуры домой, в Советский Союз. Мы, ее друзья, решили торжественно отпраздновать это событие. Я с этой целью приехал на несколько часов в Барселону. На следующий день после торжества, поздно вечером, инженер, с которым она работала, попросил ее в последний раз поехать с ним для перевода его ответственной беседы с испанскими коллегами. Конечно, Шура согласилась. Ночью они ехали вдвоем в машине. Инженер сидел рядом с шофером, а Шура на заднем сиденье. Они не заметили пост охраны, который подавал им сигнал для остановки. Проявляя бдительность, по машине открыли огонь. Пули попали в заднюю часть автомобиля. Шура была убита. Об этом я узнал несколько позднее, вновь находясь на фронте.

Все мы очень переживали смерть этой славной, хорошенькой молодой женщины, настоящей патриотки, интернационалиста. Шура запомнилась мне красивой, жизнерадостной, весьма подвижной и часто смеющейся, веселой женщиной. Сейчас её прах покоится в Мадриде. Узнав о смерти Шуры, ее муж добился разрешения выехать в Испанию в числе добровольцев, чтобы, сражаясь вместе с испанскими патриотами, советскими добровольцами и интербригадовцами, получить возможность в свободную минуту посетить могилу горячо любимой жены.

В Барселоне я побывал в оперном театре на опере Бизе «Кармен». Эту оперу мне уже приходилось слушать в Большом театре в Москве, в Театре оперы и балета им. С.М. Кирова в Ленинграде. В последующие годы я слушал ее в Париже и в Брюсселе. Однако никогда она не производила на меня такого сильного впечатления, как это было в 1938 г. в Барселоне. Я должен признаться, что артистические силы, состав оркестра и декорации не превосходили того, что я мог увидеть и услышать в других театрах. Что же на меня произвело такое неизгладимое впечатление? Свою роль сыграла общая атмосфера. Рядом со мной, в креслах партера, сидели те же Кармен и Хозе. Может быть, тут же были и настоящие контрабандисты и тореадоры. Придя в театр, я, должен признаться, еще очень мало знал об Испании. Я попал туда с улицы, на которой видел ту же толпу говорливых влюбленных парней, очаровательных девушек, слышал те же слова, произносимые на повышенных тонах, правда, среди них были и такие, которые я понять не мог, они произносились на каталанском языке. Сейчас все они заполнили балконы и галереи, партер. Они, это чувствовалось сразу, сохранили те же нравы, обычаи, а главное, характеры, которые были присущи испанцам всех времен. Они были поразительно похожи внешне на героев оперы.

Да, на сцене были те же испанцы, с которыми я породнился на всю жизнь. Подобных прекрасной Кармен и впечатляющего Хозе я встречал на улицах, проспектах, площадях городов и даже поселковых дорогах, в селах и деревнях, в ресторанах, театрах и кабаре, на

похоронных процессиях, у трупов их детей, родителей, близких.

Потом, еще находясь в Испании, я часто вспоминал эту оперу, вернее, один из самых впечатляющих ее моментов. Это смерть Кармен на фоне победы тореадора над быком. Вспоминал я этот эпизод, бывая на настоящих боях.

Покинув Барселону, мы прибыли на курсы, где под руководством Ольги Николаевны Филипповой улучшали наши познания в испанском языке.

Здесь, в небольшом тихом курортном местечке, находились на отдыхе и после ранений наши танкисты и летчики. Мы с Мишей Ивановым особенно подружились с танкистами. Среди них был молодой, малоразговорчивый, но довольно веселый Виктор Алексеевич Новиков. Нас поразила кожа на его лице и странные уши. О его трагедии мы узнали только из рассказов друзей. Оказывается, он был механиком-водителем танка. Во время боев под Фуэнтес-де-Эбро в октябре 1937 г. он получил тяжелые ожоги и пулевое ранение. Несмотря на это, Виктор вывел свой горящий танк из боя. Долго он находился на излечении в госпитале, перенес ряд операций, а в дни нашей встречи с ним находился на отдыхе в ожидании возвращения на Родину. Позднее я узнал, что за мужество, храбрость и находчивость ему вскоре после возвращения в Москву было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был одним из 21 танкистов, удостоенных за боевые действия в Испании этой высокой награды.

Несколько усовершенствовав свои познания в испанском языке, мы вновь вернулись в Барселону. Здесь меня ждал сюрприз. Почти сразу же я был вызван к Григорию Михайловичу Штерну. Думаю, что не случайно в его кабинете присутствовал еще незнакомый мне человек, которого наш разговор с главным военным советником явно интересовал. Впоследствии я узнал, что это был подводник Николай Павлович Египко.

Григорий Михайлович спросил, куда бы я хотел получить назначение. Не задумываясь, я ответил, что поскольку в Ленинграде до поступления в институт служил в частях ПВО, то хотелось бы служить в системе противовоздушной обороны.

Выслушав меня, Г.М. Штерн поинтересовался, сумел ли я привыкнуть к испанцам и улучшил ли свои знания языка.

И вот здесь вмешался в разговор Николай Павлович. Он просил Г.М. Штерна направить меня в Картахену. Естественно, я еще не мог предположить, с чем могло быть связано подобное назначение. Поэтому высказанная просьба и брошенный после этого Григорием Михайловичем в мою сторону любопытный взгляд несколько удивили.

– А что, если вы попробуете свои силы в Картахене? Там очень нужны мужчины, владеющие испанским языком и умеющие обеспечить дружеский контакт с испанцами, – сказал Г.М. Штерн.

О Картахене я слышал только, что это база военно-морского флота республики, и потому, естественно, не знал, где я смогу там пригодиться. Однако в Испанию я приехал для того, чтобы воевать и помочь в меру своих сил республиканцам в борьбе против мятежников и интервентов. Поэтому то, что в Картахене очень нужны мужчины, знающие испанский язык, заставило меня немедленно выразить свое согласие. Я попросил более подробно рассказать о моей роли на военно-морской базе.

О Картахене я слышал только, что это база военно-морского флота республики, и потому, естественно, не знал, где я смогу там пригодиться. Однако в Испанию я приехал для того, чтобы воевать и помочь в меру своих сил республиканцам в борьбе против мятежников и интервентов. Поэтому то, что в Картахене очень нужны мужчины, знающие испанский язык, заставило меня немедленно выразить свое согласие. Я попросил более подробно рассказать о моей роли на военно-морской базе.

Григорий Михайлович сообщил, что у Испанской Республики осталось очень мало подводных лодок, большая часть уже погибла. Две из них после падения севера Испании укрылись во Франции и находятся там на ремонт.² Командиры этих лодок с частью команд

² В опубликованном 22 июля 1986 г. в газете «Советская Россия» беседе за «круглым столом» в редакции

покинули их и отказались продолжать службу. Поэтому лодки нуждались в командирах и пополнении экипажей. Учитывая, что к концу 1937 г. правительство Франции все с большей настойчивостью проводило политику «невмешательства», не допускало транспортировку через франко-испанскую границу оружия и боеприпасов для республики, реальной становилась угроза того, что Франция интернирует обе подводные лодки до окончания войны. Поэтому правительство республики приняло решение: несмотря на то, что ремонт еще не закончен, ускорить перевод лодок в Испанию. Не имея у себя достаточно опытных и верных республике офицеров-подводников, способных принять на себя командование кораблями и осуществление сложного перехода с прорывом через Гибралтарский пролив, правительство обратилось к советскому командованию с просьбой выделить двух добровольцев – опытных командиров подводных лодок.

Командиром одной из них был назначен капитан-лейтенант Иван Алексеевич Бурмистров, а второй – капитан 3-го ранга Николай Павлович Египко. Команды лодок должны были полностью состоять из испанских моряков.

К этому времени Иван Алексеевич, первый советский подводник, уже побывавший в Испании, вернулся на Родину, на Черное море. После нового вызова он должен был прибыть вновь в Картахену. Н.П. Египко после падения севера уже находился в Париже, ожидая отправки в Москву. Его отозвали вновь в Барселону.

Адьютант переводчиком к Николаю Павловичу Египко назначили Вальдеса – опытного офицера-подводника югославского военно-морского флота, коммуниста, скрывавшегося от преследований у себя на родине, добровольно приехавшего в Испанию. Он уже участвовал в боевых походах испанских подводных лодок под командованием И.А. Бурмистрова и Н.П. Египко.

К Ивану Алексеевичу Бурмистрову предполагалось назначить меня.

Предстоящее назначение взволновало меня. На флоте я никогда не служил. Кое-что я узнал о нем, когда побывал на Балтийском флотском экипаже у моряков 1-й роты и на кораблях в Кронштадте. Невольно возникал вопрос: какую же пользу я смогу принести моему будущему командиру, как он воспримет мое назначение к нему? Я высказал свои сомнения, но Г.М. Штерн заверил, что И. А. Бурмистров, находясь уже продолжительное время в Испании, хорошо освоил не только саму лодку, но и все необходимые команды на испанском языке. С его помощью я смогу быстрее освоиться, и мы сумеем вместе дружно нести службу.

В Картахену переводчиком был назначен и Миша Иванов. С моей точки зрения, его назначение на республиканский флот было более оправданным. Он ведь уже служил по призыву на военных кораблях Военно-морского флота СССР. Правда, точное место его работы в Картахене не было еще определено. Миша радовался, так как он не предвидел еще никаких трудностей.

Вскоре мы ближе познакомились с Николаем Павловичем Египко. Внешне он очень был похож на испанца. Высокий, хорошо сложенный, красивый брюнет со смуглым лицом. Николай Павлович сразу располагал к себе, был интересным собеседником, к нам с Мишей относился очень доброжелательно. Вместе с ним мы отправились на машине в Картахену, где формировались экипажи подводных лодок.

Путь наш лежал через очень живописные места. Мы должны были переночевать в Валенсии – главном городе одноименной исторической области, расположенном в устье реки Гуадалавьер, в центре обширного искусственно орошаемого садоводческого района «Валенсийская Уэрта». В трех километрах от города в Грао располагался второй по внешнеторговому обороту в стране порт.

советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании ошибочно приводятся утверждения контрадмирала А.В. Крученых о том, что во Франции находились две советские подводные лодки, на которых в Испанию, в частности, доставлялись морские офицеры. Ошибочность заключается в том, что в Испании ни одной советской подводной лодки не было (*примеч. авт.*).

В Валенсию мы приехали довольно поздно и поэтому не могли сразу познакомиться с городом. Нас поразило, что и здесь, несмотря на войну, жизнь начинается и заканчивается и поздно ночью. Даже при поверхностном осмотре города он производил очень хорошее впечатление. Много красивых зданий, гостиниц, магазинов, ресторанов и кафе, все очень хорошо озеленено.

Утром мы продолжили наш путь. По всей дороге от Барселоны до Мурсии были расположены обширные плантации цитрусовых – мандарины, апельсины, лимоны. Встречались также горький померанец, виноград, олива и миндаль. Такого обилия фруктовых плантаций мы с Мишей еще никогда не видели. Шел сбор апельсинов. Для отправки на экспорт и даже для продажи на внутреннем рынке отбирались только крупные плоды, прошедшие сортировку в специальных машинах типа центрифуг. Не хватало транспорта, поэтому много плодов, хотя и хороших, но меньшего размера, сваливались в кучи. Нам очень захотелось купить немного апельсинов. Мы остановились у одной из плантаций и попросили у ее хозяина продать несколько штук этих чудесных фруктов.

Он очень мило пообещал выполнить нашу просьбу. Буквально через несколько минут к нашей машине два испанца поднесли полный ящик прекрасных апельсинов. Убедившись окончательно, кто мы, громко крикнув: «Вива ла Унион Советика!» – они отказались брать деньги. Мы поделились с ними добытыми в Барселоне нашими советскими папиросами «Северная Пальмира». Они были в восторге, крепко жали нам руки и долго махали, когда машина уже набирала скорость.

Навсегда запомнилась и приморская дорога с прекрасными набережными, с пальмами и пляжами, соединявшая Валенсию с Картахеной. На нашем пути на мысе Ифаш был расположен уютный ресторан, которым мы с удовольствием воспользовались, отдав должное его хорошей кухне.

Правда, иногда встречались почти опустевшие маленькие поселения. На их улицах попадались редкие прохожие. Рано утром и вечером, когда было уже прохладно, встречавшиеся нам испанки и испанцы были укутаны в какие-то одеяла или пледы. Шли они понуро, выражая искреннюю нескрываемую скорбь. Попадались нам и люди в глубоком трауре, оплакивающие своих близких, погибших в этой ужасной войне.

Проезжая по этим красивым, а иногда и печальным местам, могли ли думать, что по дороге, соединяющей Барселону с Валенсией, мы ехали в первый и последний раз, что через несколько месяцев, 15 апреля 1938 г., армия Франко выйдет к побережью Средиземного моря у Винареса и разделит территорию республики на две части? После этого южно-центральные области оказались оторванными от Каталонии, и связь между ними поддерживалась в основном только по воздуху и иногда по морю.

Перед Картахеной мы заехали в Мурсию, центральный город области на юго-востоке Испании, присоединенной к Кастилии в XIII в. Мы уже много слышали о Мурсии. Николай Павлович рассказывал нам, что это город-сад, торговый пункт, железнодорожный узел и очень привлекательное местечко. Действительно, город расположен в огромном оазисе, искусственно орошаемом каналами, выведенными из реки Сегуры и ее притоков. Своей зеленью город выгодно отличается от многих населенных пунктов, которые мы уже проехали, да и от тех, которые я посетил впоследствии. Широко раскинувшаяся листва создавала как бы зонтик, помогающий людям скрыться от зноя и горячего ветра. Деревья на своих листьях и даже плодах собирали пыль, очищая тем самым в некоторой степени воздух.

Наш шофер показал «пласа де торрос» и тут же сказал, что сюда в дни корриды стягиваются тысячи испанцев – любителей боя быков. Многие из них скорее откажутся от обеда в течение целой недели, чем от покупки дорогостоящего билета на корриду, в особенности, если ожидается приезд знаменитости. Николай Павлович обещал нам устроить посещение боя быков.

Нередко приходилось слышать, что фашистские самолеты не заглядывали в Мурсию, хотя часто бомбили или делали попытки сбросить свои бомбы на соседний порт – Картахену и другие объекты, расположенные недалеко от этого зеленого города. Многие объясняли это

тем, что в Мурсии находится много франкистов, скрывающихся под видом «нейтральной» публики, но играющих свою предательскую роль по отношению к республике.

И вот мы в Картахене, одном из наиболее старых городов Испании. Возникновение Картахены соотносят обычно с карфагенским полководцем и политическим деятелем Гасдрубалом, стоявшим в 229 г. до н.э. во главе карфагенского войска в Испании. Утверждают, что именно Гасдрубал в 228 г. до н.э. основал Новый Карфаген, названный впоследствии Картахеной.

Узкие кривые улицы и старинные дома Картахены напоминали мне некоторые горные поселки нашего Крыма. На улицах всегда было много народа. Люди подолгу просиживали в маленьких кафе со столиками на улицах, посещали магазины. По большинству улиц невозможно было проехать на автомашинах, так они были узки. Казалось, что усовершенствования XX века, которые должны были коснуться города-крепости, прошли мимо, не задев Картахены.

Сразу же после прибытия в город нас разместили в «Капитании», которая располагалась на набережной и на улице Калье-Майор. В этом огромном здании, резко выделявшемся среди остальных домов, находился адмирал, командир Картахенской военно-морской базы. Там в его распоряжении были личные апартаменты, домовая церковь, служебные помещения базы, большой тенистый сад. Из окон виднелась внешняя гавань, образованная искусственным молотом. В ней стояли корабли разных классов.

В здании «Капитании» с октября 1936 г. были отведены помещения первому советскому военно-морскому атташе в Испании – главному военно-морскому советнику капитану 1-го ранга Н.Г. Кузнецову. После отъезда Николая Герасимовича на Родину его место занял Владимир Антонович Алафузов. Рядом с жилыми комнатами Владимира Антоновича располагался его рабочий кабинет. Поблизости находились жилая комната и рабочий кабинет Арсентия Григорьевича Головки, советника при командире Картахенской военно-морской базы. Он сменил находившегося до него на этом посту С.С. Рамишвили, уехавшего после добросовестного выполнения своих обязанностей в Советский Союз.

Мише Иванову и мне отвели небольшую комнату напротив помещений, занимаемых В.Л. Алафузовым. Мы вначале удивились тому, что к потолку был прикреплен вентилятор значительного размера, но вскоре смогли понять, что жара в комнате была невыносимой. В особенности она ощущалась ночью, когда накалившиеся за день горы излучали накопленное тепло.

Близость свинцово-цинковых рудников, очевидно, сказалась на том, что в районе Картахены не было питьевой воды, ее доставляли, правда, с перебоями, морем. Нам приходилось для мытья лица и рук, а также для бритья часто пользоваться газированной водой, которую было легче достать, чем обычную пресную.

То, что я увидел в Картахене, не позволяло судить о городе как о действительной крепости. Казалось, что усовершенствования, вносимые после Первой мировой войны, не задели Картахену.

В день нашего приезда мы были приняты В.Д. Алафузовым и А.Г. Головки. Николай Павлович Египко представил нас, указав, что Михаил Иванов может быть использован в качестве переводчика у любого военно-морского советника, так как по призыву в армию служил на флоте. По решению Г.М. Штерна я предназначен для работы с Иваном Алексеевичем Бурмистровым на подводной лодке.

Владимир Антонович, коротко обрисовав обстановку на республиканском флоте, отметил, что, хотя большинство военных кораблей с экипажами остались верны республике, многие офицеры всех рангов отказались от несения службы и перешли на сторону Франко или отсиживались дома. Он не привел тогда точных цифр. Много лет спустя я вспомнил слова Владимира Антоновича. В публикациях Н.Г. Кузнецова и других авторов я встретил более точные данные, подтверждающие высказанную В.А. Алафузовым мысль. Действительно, из 19 адмиралов остались верны республике только 2, из 31 капитана 1-го ранга – только 2, из 65 капитанов 2-го ранга – только 7, из 128 капитанов 3-го ранга – только

13, из 256 лейтенантов – только 10 и из 171 мичмана – только 1. Иначе говоря, из 670 офицеров верными остались только 35, что составляло 5,2%.

В то же время благодаря решительным мерам, принятым экипажами кораблей, остались в распоряжении республики: из 5 легких крейсеров 4, из 9 лидеров (в том числе 5 находившихся в постройке) – все, из 3 эсминцев – 2, из 13 находящихся в строю подводных лодок ни одна не перешла на сторону мятежников. Это относится также к 11 миноносцам, 4 заградителям и большинству канлодок.

На следующий день я был принят А.Г. Головкин, с которым мы обсудили организационные вопросы, связанные с моим назначением на подводную лодку. В отличие от большинства наших переводчиков, в связи с тем, что я зачислялся приказом в состав экипажа подлодки, состоящего исключительно из испанцев, Арсентий Григорьевич придумал для меня испанское имя – Антонио Гонсалес. Так я, переводчик, стал адъютантом командира подводной лодки «С-4» испанского республиканского военно-морского флота и вскоре получил удостоверение, в котором значилось, что я являюсь «тенъенте де навио» (лейтенантом флота).

Сразу же после прибытия в Картахену мы стали знакомиться с нашими военно-морскими советниками. Нам было очень приятно узнать, что почти все они в той или иной степени были в свое время связаны с Ленинградом: служили на Балтике, учились в военно-морских училищах, в академии. Советских переводчиков ко времени нашего приезда в Картахене не было. Там работа ли выходцы из стран Латинской Америки, освоившие русский язык и проживавшие ранее в Советском Союзе, а один происходил из семьи белоэмигрантов – Хорхе.

В первый же день Миша Иванов и я познакомились с Валентином Лукичем Богденко, который только что сдал свои дела советника артиллериста в штабе Комфлота ленинградцу Ивану Амвросиевичу Яхненко и готовился к отъезду на Родину. Доброжелательный, веселый, хорошо освоивший обстановку на республиканском флоте, Валентин Лукич нам с Мишей очень помог в ознакомлении с положением на кораблях и на базе, с жизнью военных моряков.

Недалеко от «Капитании» в обычном жилом доме находился клуб для советских добровольцев, где по вечерам собирались наши моряки, свободные от службы. Изредка к ним присоединялись и летчики. Летчики приезжали с расположенных поблизости от Картахены двух аэродромов – Лос-Алькасарес и Сан Хавьер. Это были в основном летчики истребители. Всем хотелось пообщаться, послушать хорошие пластинки наших артистов и полюбившуюся всем испанскую музыку, перекусить и попить черный кофе. Мы посещали в дальнейшем эти аэродромы, в первую очередь в Лос-Алькасарес, где могли воспользоваться настоящими ваннами, которых нам так не хватало в Картахене, и как следует помыться.

В клубе я встретился с Н.А. Питерским, Н.И. Ильиным, Н.О. Абрамовым, И.Д. Елисеевым, И.А. Яхненко и другими нашими добровольцами. Мы с ними быстро нашли общие темы для разговора, и я вскоре перестал чувствовать себя новичком, чужаком, случайно оказавшимся в этой морской семье. Этому содействовало и то, что по совместной общественной работе в Ленинграде в областном и городском советах «Осоавиахима», и шефской комиссии над флотом и в редакции газеты «За оборону» я был знаком со многими моряками. Поэтому в беседах с новыми друзьями в Картахене находились общие знакомые.

Знакомство с Вальдесом, адъютант-переводчиком Н.П. Египко, всколыхнуло во мне прежние сомнения. Вальдес, думал я, находится, безусловно, на своем месте, вполне подготовлен к выполнению новых заданий. А вот я как справлюсь с новой работой? В разговоре с ним я узнал, что к моменту мятежа подводный флот состоял из 6 лодок типа «С» и 6 более старых лодок типа «В». К нашему приезду в составе республиканского флота осталось только 3 лодки типа «С». Они имели водоизмещение 915 тонн, 6 торпедных аппаратов, надводную скорость в 16 и подводную в 6 узлов и 40 человек экипажа каждая.

Очень милый и дружелюбный Вальдес, знавший лодку от киля до клотика, старался меня успокоить и обещал активно помогать в изучении подводной лодки, на которой мне

предстояло служить. С этой целью он проводил меня на единственную базирующуюся в Картахене «С-1», где он ранее служил вместе с Иваном Алексеевичем Бурмистровым. Узнав, что я являюсь адъютант-переводчиком Ивана Алексеевича, которого многие на лодке вспоминали с большой любовью, члены экипажа встретили меня очень дружелюбно, дали комплект чертежей лодки, предлагали почаще приходить. Естественно, они не знали, что я никогда не ходил на подводной лодке.

И вот с помощью Вальдеса я буквально сутками, по его словам успешно, изучал устройство лодки, испанскую терминологию и принятые на ней команды. Особенно трудно оказалось освоить схемы электрических кабелей и воздуховода, системы погружения и всплытия, систему продувания цистерн балласта. Мало было изучить это по чертежам, надо было все хорошо узнать непосредственно на месте, в отсеках корабля, центральном посту и боевой рубке. Часто посещая подлодку «С-1», я с помощью Вальдеса, а в особенности членов экипажа, смог легче освоить все то, что мне казалось совершенно недостижимым.

В Картахене, ближе знакомясь с Николаем Павловичем Египко, я узнал некоторые подробности о его службе на флоте. Еще до Испании он командовал подводной лодкой «Щ-117» на Тихом океане и установил рекорд автономного плавания. Без захода на базу в январе-феврале 1936 г. лодка пробыла в море 40 суток, в том числе под водой немногим более 340 часов. За этот поход всю команду наградили орденами «Знак почета», а командира – орденом «Красной Звезды». «Щ-117» стала первым в истории советского Военно-морского флота кораблем, экипаж которого состоял полностью из орденосцев.

Вальдес рассказывал о том, что, после того как была принята от И.А. Бурмистрова подводная лодка, они совместно с Н.П. Египко служили на севере Испании. Николай Павлович несколько раз тщетно пытался атаковать мятежные корабли, в том числе и фашистский крейсер «Адмиралте Сервера», но, возможно, плохая материальная часть, в особенности состояние торпед, были основной причиной того, что все атаки не достигли поставленной цели.

Николай Павлович вместе с Вальдесом пережили тяжелые дни падения севера Испании. Все корабли республиканского флота, находившиеся на севере, после сдачи Бильбао сосредоточились в Сангандере. Лодка «С-6», которой после Ивана Алексеевича Бурмистрова командовал Н.П. Египко, оставалась в порту дольше всех. Ей поручили погрузить вывозимые правительством страны басков документы и ценности. Порт подвергся массированным налетам фашистской авиации. Командир не разрешил отдать швартовы, пока не придут на борт лодки те советские добровольцы, которых предстояло вывести из опасной зоны, а также пока лодка не будет полностью загружена. Из этого ада «С-6» попала в не менее сложную обстановку – в Хихон.

В октябре 1937 г. около лодки разорвалась бомба крупного калибра, которая нанесла ей серьезные повреждения, и ее по решению командования флота пришлось затопить. Команду с большими трудностями отправили из Хихона на торговом корабле, Н.П. Египко с другим советским моряком-добровольцем А.В. Крученых на французском спортивном самолете вылетели во Францию. Вот тогда-то Николай Павлович и был вызван из Парижа вновь в Барселону к командованию и получил ответственное задание приступить к доукомплектованию экипажей подводных лодок «С-2» и «С-4», находившихся на ремонте во Франции, первая – в Сен-Назаре, а вторая – в Бордо.

Время шло быстро. Наконец настал день, когда я встретился со своим будущим командиром – капитан-лейтенантом И.А. Бурмистровым, о котором я уже так много слышал. Иван Алексеевич встретил меня как старого знакомого, чем сразу расположил к себе. Я честно признался ему, что сильно обеспокоен, что я не моряк, назначен к нему на подводную лодку. Он усмехнулся и ободряюще сказал: «Значит, со мной получите боевое крещение!»

И.А. Бурмистров был совершенно не похож на Николая Павловича. Типичное русское лицо, светлые волосы, плотный, среднего роста, очень подвижный, с ласковыми и добрыми глазами.

Иван Алексеевич начал свою трудовую деятельность в Ставрополе накануне Великой

Октябрьской социалистической революции 14-летним юношей на кожевенном заводе, успев испытать на себе тяжести подневольного труда. В 1920 г. вступил в комсомол, был организатором первой комсомольской ячейки у себя на заводе. В 1920–1922 гг. в составе частей особого назначения (ЧОН) участвовал в борьбе с белогвардейскими бандами на Северном Кавказе. В 1923 г. в числе других юношей по путевке комсомола был направлен для несения службы на корабли Военно-морского флота. Молодой моряк оказался на Краснознаменном Балтийском флоте. Затем был переведен на Черное море. Стал кочегаром на крейсере «Коминтерн». Окончил школу машинистов на Черноморском флоте. Учитывая успехи в учебе, был оставлен в школе инструктором, а затем выдвинут командиром роты. В 1931 г. в Ленинграде окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе и вновь был направлен в Севастополь, где его назначили старпомом командира подводной лодки, а после окончания курсов усовершенствования – командиром. В 1923 г. вступил в ряды Коммунистической партии.

Из разговоров с Иваном Алексеевичем я понял, что для него незабываемыми были служба на флоте и учеба в Ленинграде в военно-морском училище. Он очень любил наш город. Меня удивляло, насколько мой командир хорошо знаком с городом, его музеями, достопримечательностями, улицами, площадями и окрестностями. Это, естественно, с первых же дней сблизило нас еще в большей степени.

Первый раз И.А. Бурмистров приехал добровольцем в Испанию в ноябре 1936 г. Он был первым советским подводником в Испании. Главный военно-морской советник Н.Г. Кузнецов поручил ему выяснить причины неудачных действий подводных лодок республиканского флота. В то время в Картахене находилось только две подводные лодки. С их изучения начал свою службу на республиканском флоте Иван Алексеевич. Чрезвычайно требовательный и, как некоторые хорошо знавшие его считали, даже при необходимости придирчивый, он был поражен плохим техническим состоянием лодок, слабой дисциплиной, отсутствием у моряков достаточной боевой подготовки.

Иван Алексеевич делал все возможное не только для тщательного изучения самих подводных лодок, их состояния, но и для выявления недостатков в технической и боевой подготовке моряков. Он стремился к достижению значительного подъема их боеспособности. О результатах своей работы он регулярно докладывал главному военно-морскому советнику Н.Г. Кузнецову.

Вскоре Николай Герасимович, ознакомившись с докладами Ивана Алексеевича, посоветовавшись с ним, договорился с командующим республиканским флотом о назначении И.А. Бурмистрова командиром подводной лодки «С-1». Это было первым назначением советского добровольца – военного моряка, командиром корабля. До этого они являлись только советниками при испанских офицерах, командирах кораблей и офицерах штабов флота и базы. Правда, позднее, к моменту моего прибытия в Картахену, наши моряки частично командовали и торпедными катерами.

Положение советских военных в Испании было очень ответственным и тяжелым. В особенности это касалось советников на флоте. По существу, они не имели никаких прав, но в то же время в определенной степени отвечали за состояние и действия кораблей, флота в целом, а также и военно-морской базы. Для успешной работы им было необходимо не только тщательно изучить часто меняющуюся обстановку, а для этого хорошо разбираться в морских картах, но и в достаточной степени освоить особенности конструкций кораблей, их боевого вооружения.

Всем советникам, а особенно тем, которые были направлены на республиканский флот, для успешной работы следовало хорошо узнать испанцев, с которыми в дальнейшем надлежало нести службу. Только благодаря своим профессиональным знаниям, умением держаться советник мог завоевать себе авторитет, должное почтение и дружелюбие.

Все это очень хорошо понимали, и ставший после отъезда на Родину Н.Г. Кузнецова главным военно-морским советником В.А. Алафузов постоянно чувствовал, какой огромный авторитет и нескрываемое уважение сумел завоевать Николас (так испанцы называли

Николая Герасимовича), а поэтому испанские моряки и наши советники жалели, что он был отозван в Москву слишком рано.

Командирам-подводникам приходилось еще сложнее, чем советникам на кораблях. Каждый из них был один, в лучшем случае вдвоем с переводчиком на корабле. Его окружал испанский экипаж, а в преданности республике всех его членов, офицеров и матросов, старшин он не мог быть уверенным. Надо было в достаточной степени освоить сложную иностранную технику, во многом отличающуюся от отечественной. Недостаточное знание испанского языка затрудняло непосредственное общение с экипажем, а как следствие – возможность установить надлежащий личный контакт с офицерами и матросами. Кроме того, на подводной лодке, где от молниеносного исполнения получаемой команды зависит не только успех операции, но и сохранение самой подлодки и жизни экипажа, командовать с помощью переводчика было почти невозможно. Наши советские командиры-подводники должны были иметь минимальный запас испанских слов, достаточный для того, чтобы суметь отдать необходимую срочную команду.

Какова же роль в этих условиях принадлежала адъютант-переводчикам?

Из рассказов Николая Павловича Египко и Вальдеса, а после прибытия в Картахену и Ивана Алексеевича Бурмистрова мне становилось все более понятным, что круг обязанностей адъютант-переводчика на подводной лодке был очень широк. Прежде всего, не должен был забывать, что он не просто переводчик, а офицер республиканского флота. В его обязанности входил перевод морякам подчас очень сложных объяснений командира во время занятий по подготовке и разбору отдельных операций и боевых выходов. Он должен был помогать командиру во всех его начинаниях, направленных на укрепление дисциплины среди экипажа, наведение должного технического порядка на лодке. В дальнейшем моя работа с И.А. Бурмистровым шла по всем этим направлениям, а в период подготовки перехода подлодки «С-4» и во время его осуществления мои обязанности еще больше расширились. Приходилось иногда непосредственно замещать командира на отдельных боевых постах.

Испанские моряки, знавшие Ивана Алексеевича по совместной службе на подлодках «С-1» и «С-6» во время его первого пребывания в Испании, рассказывали, что были всегда поражены неутомимостью, даже какой-то особой одержимостью своего командира, пытавшегося навести должный порядок на лодках. Он был для них загадкой, совершенно непохожим на тех офицеров флота, которых они знали до этого. Сосредоточенное внимание моряка-подводника отмечало малейшее упущение, самый незаметный дефект.

– Русский командир доставлял много «неприятностей» не только матросам и старшинам, но и офицерам. Он поспевал повсюду, показывал, требовал, делал сам, не боясь ни грязи, ни тяжести, учил и терпеливо пояснял. Из-за незнания испанского языка, проявляя нетерпеливость при работе с переводчиком, используя небольшой запас известных ему слов, в основном пояснения он делал жестами, мимикой, показывая непосредственно на детали, о которых шла речь. Нет, он совсем не был похож на наших испанских офицеров, – говорили мне испанские моряки, которые служили ранее под командованием И.А. Бурмистрова.

Эта оценка касалась не только Ивана Алексеевича, но и всех наших добровольцев-моряков. Помню, как-то я рассказал о нашем разговоре с испанцами Николаю Алексеевичу Питерскому. Он, смеясь, привел мне следующий факт: многие советские советники весьма тщательно осматривали материальную часть кораблей и требовали содержать ее в полном порядке. Это крайне удивляло многих испанских офицеров и моряков вообще. Однажды командующий флотом, внимательно следя за действиями Николая Ильина, озабоченного состоянием торпед, задал мне вопрос: «Неужели это ваш офицер? Он лазает под торпедными аппаратами и сам тщательно осматривает все приборы, проверяет исправность самой торпеды!» – продолжил свою мысль Н.П. Питерский. Да, Николай Ильин, наш ленинградец, моряк с Балтики, мог служить примером грамотности и трудолюбия. Однако среди наших моряков-добровольцев он не был исключением. О каждом можно было сказать то же самое.

Большинство наших советников начинало службу на флоте с рядовых матросов. Их не связывали никакие предрассудки, а тем более существовавшая на испанском флоте резкая дистанция между офицерским корпусом и рядовыми моряками.

Вместе с Иваном Алексеевичем мы посетили внутреннюю гавань, где размещался судостроительный и судоремонтный заводы. Он показал три недостроенные подводные лодки типа «Д» более совершенной конструкции. Их строительство было поручено до мятежа компании «Конструктора Наваль», являвшейся собственностью англо-испанского акционерного общества. Она управлялась непосредственно из Лондона, который должен был обеспечивать все необходимые поставки как ряда материалов, прежде всего для брони, так и механизмов и артиллерийских орудий. С началом мятежа строительство подводных лодок было полностью прекращено. Мне рассказывали, что английские специалисты, покинув базу в Картахене, прихватили с собой «на всякий случай» всю техническую документацию.

Еще хуже дело обстояло с судоремонтным заводом, находившимся в Картахене. Он также принадлежал не только испанцам, но и английским и французским компаниям. Управление этой фирмы было в Испании, находилось в Эль-Ферроле. Это создавало условия, при которых официальным путем управляющие получали ряд сведений о состоянии кораблей республиканского флота. Разумеется, ими могли пользоваться и мятежники, к которым фирма была благосклонна.

Дни моего пребывания в Картахене были очень напряженными. Хотелось как можно более полно изучить подводную лодку, понять принцип действия всех механизмов, запомнить испанские наименования и, услышав испанские команды, твердо заучить их. Разумеется, положение было не из легких. Мне не хотелось показать испанским морякам, что назначенный к командиру подводной лодки «С-4» адъютантом человек вовсе не знаком с подводными кораблями. Приходилось скрывать это, прикрываясь якобы недостаточным знанием иностранной техники, испанской терминологии и т.д.

И вот настал день нашего отъезда во Францию. Мы должны были прибыть в Барселону для оформления всех документов. Там мы задержались на несколько дней.

На этот раз в Барселоне мне очень повезло. По предложению Ивана Алексеевича однажды вечером мы отправились в наше посольство на лекцию Ильи Григорьевича Эренбурга. Не помню ее точное название, но знаю, что она была посвящена творчеству Сервантеса и испанской литературе, поэзии, которые заинтересовали Илью Георгиевича еще в совсем юные годы. Я никак не мог предположить, что в воюющей Испании, где нашим советникам, летчикам, танкистам, переводчикам и др. было очень нелегко, на такую академическую лекцию соберется так много весьма внимательно слушающего народа.

Зал был переполнен. Некоторые наши товарищи приехали в Барселону специально на лекцию. Это было признаком того, что всем хотелось узнать побольше о стране, с которой нас связала судьба, о ее народе, который мы полюбили, о его истории и культуре. Во многом, безусловно, способствовало этому интересу и само имя лектора. Илью Григорьевича любили за храбрость, в которой многие лично убеждались во время его посещений передовой на фронтах действующей армии, за его знание Испании и испанцев.

Каково же было мое удивление, когда после лекции Иван Алексеевич и Илья Григорьевич встретились как давнишние – нет, не знакомые, а друзья. Мой командир познакомил меня с И.Г. Эренбургом и с Овадием Герцовичем Савичем, который был очень дружен с Ильей Григорьевичем. Мы провели остаток вечера в его номере в той же гостинице «Диагональ», где мы и на этот раз остановились. Вернувшись из Испании, я изредка продолжал встречаться с новыми знакомыми. Позже, в 1961 г., когда Илье Григорьевичу исполнилось 70 лет, в своем поздравительном письме я еще раз выразил ему свою глубокую признательность за то, что своей лекцией и беседами со мной он во многом содействовал моему ознакомлению с Испанией.

В Барселоне И.Л. Бурмистров был принят Григорием Михайловичем Штерном, с которым уточнил порядок перехода лодок из Франции в Картахену. Вместе с Иваном Алексеевичем мы посетили и испанское министерство, где узнали, что нас во Франции ждет

и специально прибывший дон Педро Прадо. Последнее очень обрадовало моего командира, так как он его хорошо знал.

Париж–Бордо – на подводной лодке через Гибралтар – Картахена

В Париже прежде всего мы встретились с нашим военным атташе Н.Н. Васильченко и его милой женой, которая всегда помогала своему мужу. С помощью Николая Николаевича срочно связались с военно-морским атташе в посольстве Испанской Республики во Франции и через него с Педро Прадо. Незамедлительно состоялась наша встреча.

Я видел его впервые. Мне было очень приятно наблюдать за встречей Педро Прадо с Иваном Алексеевичем. Казалось, что излишнюю восторженных чувств дружбы, горячим приветствиям не будет конца. По всему было видно, что встретились два искренних, хорошо знающих многое из борьбы испанского народа против фашизма друга. Они называли друг друга только по имени – Педро и Луис.

Только после этой первой встречи я узнал от Ивана Алексеевича несколько очень интересных подробностей. Педро Прадо был кадровым морским офицером. С первых же дней встал на сторону республики и являлся активным организатором подавления мятежа на кораблях. Обладая большим авторитетом среди республиканских моряков, был избран членом Центрального комитета военно-морского флота, в руках которого фактически находилась вся власть на флоте, так как первое время управления флотом из Мадрида фактически не было. Одно время он командовал крейсером «Мендес Нуньес», а затем много своих сил направил на поднятие боеспособности флота, а поэтому почти постоянно находился на боевых кораблях. Так как уделялось большое внимание переводу подводных лодок из Франции в Испанию, Педро Прадо направили в Париж.

Этот человек сразу расположил к себе. Высокий, стройный, в хорошо сидящем на нем штатском костюме, был типичным испанцем. Говорил очень быстро, подчас казалось, что он даже проглатывает отдельные звуки. Наше общение с ним облегчалось тем, что он хорошо владел французским языком, и мы могли легче изъясняться. Понимая, что я на республиканском флоте только начинаю свою службу и не успел еще многое о нем узнать, Прадо охотно рассказывал мне о том, как на флоте произошел мятеж, как боролись на кораблях с теми, кто хотел перейти на службу к мятежникам. От него я узнал, что на флоте шла активная борьба за влияние в основном между республиканцами и социалистами. Это в особенности проявилось после прихода в сентябре 1936 г. на пост морского министра социалиста М. Прието. Прадо не исключал возможности, что и на нашей подводной лодке нет единства во взглядах всех членов экипажа. Больше того, он предупреждал, что не исключена возможность наличия на лодке и представителей так называемой «пятой колонны», а это требовало и с нашей стороны постоянной повышенной бдительности.

Мне казалось, что Педро Прадо постоянно находится в нервном состоянии: он непрерывно курил, делая глубокие затяжки. Особенно его нервозность проявлялась, когда он оценивал роль итало-германских интервентов и позицию, занятую правительствами Франции, Великобритании и США, играющих на руку врагам республики. При этом он подчеркивал, что, если бы не было вмешательства извне в дела защитников Народного фронта, силы республики давно уже одержали бы победу над мятежниками. Впоследствии я узнал, что в руководстве флотом он являлся, скорее всего, единственным коммунистом.

Мы очень сожалели вместе с Педро Прадо, что не сбылась его мечта совершить на нашей лодке переход из Франции в Картахену. За несколько дней до выхода в море ему приказали срочно выехать в Барселону, так как он получил назначение на пост начальника штаба военно-морских сил. Он был произведен в адмиралы и до самого окончания национально-революционной войны делал все для того, чтобы флот выполнял поставленные перед ним задачи. К великому сожалению, новое назначение Педро Прадо было встречено доброжелательно не всеми офицерами флота. Некоторые наименее лояльные офицеры

всячески пытались подорвать авторитет коммуниста и дискредитировать его. Паши советники оценивали это назначение положительно.

Забегая вперед, хочу указать, что по возвращении в Картахену мы с Иваном Алексеевичем выполнили просьбу Прадо и посетили жившую поблизости от базы его семью. Нас встретили в доме очень сердечно, расспросили о нашем друге, так как семья уже давно не видела его и редко получала письма, интересовались и Советским Союзом с большой теплотой и желанием побольше о нем узнать.

Успехи мятежников и интервентов на фронтах, тяготы жизни военного времени и частые воздушные налеты заставили многие испанские семьи отправить своих детей в безопасные места. Советский Союз первым раскрыл свои объятия и принял маленьких испанцев. В числе этих оторванных от семей и родины девочек и мальчиков находились и дети Педро Прадо. Это нас сближало еще сильнее. После окончания войны в Испании Педро Прадо с семьей сумели добраться до Москвы, а затем он присоединился к борцам за свободу на Кубе.

После нескольких встреч с Педро Прадо и военно-морским атташе испанского посольства в Париже мы выехали в Бордо. Чувствовалось, что Ивану Алексеевичу не терпелось попасть в родную стихию, на корабль.

Бордо, пятый по величине город Франции, играющий значительную роль как порт, фактически удален от Атлантического океана на 97 километров и расположен по обоим берегам реки Гаронны. Гаронна берет свое начало в высокогорной зоне Пиренеев, со склонов гранитного массива Маладетта, на высоте 1870 метров. У Бордо ширина Гаронны доходит до 500–600 метров. Река отличалась сильными приливами и отливами, доставлявшими нам во время стоянки подводной лодки немало хлопот.

Переночевав одну ночь в гостинице, мы поселились на подводной лодке и почти не покидали ее. Во всяком случае, старались делать так, чтобы кто-либо из нас двоих оставался на лодке в то время, когда второй был вынужден ненадолго ее покинуть. Начались напряженные дни подготовки лодки к переходу. Обычная ремонтная работа в мирном французском порту превратилась в настоящее сражение за корабль.

Лодка стояла у стенки на Гаронне. Прежде всего, нужно было постоянно следить, чтобы сильные приливы и отливы не оборвали швартовы лодки. На это обратил особое внимание вахтенных вновь прибывший командир.

Сразу же по прибытии Иван Алексеевич со мной и в сопровождении находившихся испанских офицеров обошел лодку. В прочном корпусе имелось два люка. Внимательно осмотрели торпедные аппараты. Проходя из отсека в отсек, командир останавливался и проверял состояние герметичности каждого лаза. Мы прошли через все отсеки, проверили жилищные условия экипажа. Во втором отсеке Иван Алексеевич обратил мое внимание на то, что офицерский состав размещался, как, впрочем, на всех испанских кораблях, с большим комфортом. Здесь находилась офицерская кают-компания и койки для офицеров, оснащенные шторами, стоял столик со штурманской картой. За отдельной перегородкой находилась вполне уютная каюта командира, в которой мы вдвоем разместились. Под офицерской кают-компанией находилась герметичная яма, в которой были размещены аккумуляторные батареи. Иван Алексеевич обратил особое мое внимание на то, что в отличие от наших подводных лодок на «С-4» запас электроэнергии в аккумуляторных секциях во много раз меньше, чем на аналогичных наших лодках, что в значительной степени сокращает время возможного ее пребывания под водой. Мы посетили центральный пост управления, где командир еще более тщательно ознакомился со всеми механизмами и магистралями. Особое внимание он обратил на состояние перископов, которое его очень тревожило. Надолго задержались мы и в том отсеке, где размещались два дизеля и электромоторы, обеспечивающие движение лодки.

Машинное отделение, электрическая часть, все ходовые механизмы, торпедные аппараты, зенитное орудие, аккумуляторные батареи и перископы находились в ремонте. Потом состоялось знакомство с экипажем. В осторожной форме Иван Алексеевич

предупредил всех находившихся на лодке, что крайне нежелательно распространять слухи о том, что на лодку прибыли советские добровольцы: командир и его адъютант. Он просил всех продолжать нормально нести службу, пообещав со своей стороны делать все для тщательной подготовки к переходу.

Командир сразу же взял ремонт под жесткий контроль и установил строгую дисциплину. По его приказу адъютант и наиболее надежные моряки, в первую очередь несколько коммунистов, поочередно несли круглосуточные дежурства. Увольнение на берег было строго ограничено. Взяв под особый контроль работу камбуза, И.А. Бурмистров обеспечил хорошее питание экипажа, чем еще в большей степени завоевал к себе расположение.

Внимательно следя за ходом ремонта, Иван Алексеевич вскоре убедился, что французская фирма и представлявшие ее инженеры делали все как-то неторопливо, нехотя. Видимо, они относились к подписанному контракту недостаточно серьезно. Они видели, что в Испании, несмотря на всенародную борьбу республиканцев, мятежники и итало-фашистские интервенты удерживаются и даже одержали ряд побед. К этому времени север Испании уже был полностью в руках франкистов. Французы, очевидно, предполагали, что на прорыв через Гибралтар никто не рискнет. Кроме того, они видели, что и экипаж лодки слишком привык к мирной беззаботной жизни и, проявляя даже в некоторой степени признаки разложения, не настраивается на начало скорого перехода. Вскоре нам стало известно, что вражеские агенты пытаются склонить моряков к предательству, даже предлагая им деньги.

Приезжавший в Бордо из Парижа Педро Прадо всячески поддерживал командира во всех его начинаниях. Он полностью соглашался с его оценкой состояния самой лодки, настроения экипажа и отношения к ремонту, проявляемого французами.

Когда мы оставались втроем, Педро всегда подчеркивал свое расположение к Николаю Герасимовичу Кузнецову, подробно рассказывал нам о своих частых встречах с ним и о тех мероприятиях и новшествах, которые наш главный военно-морской советник, несмотря на трудности, внедрял и проводил на республиканском флоте. Это в связи с тем, что именно от флота зависело во многом обеспечение безопасного прибытия в Картахену транспорта с оружием и боеприпасами, с продуктами питания и медикаментами.

Иван Алексеевич ежедневно, а особенно в часы, когда на лодке не было французских инженеров и рабочих, усиленно занимался обучением моряков. Он прилагал все усилия к тому, чтобы личный состав еще лучше управлял корабельной техникой в любых условиях, был дисциплинирован и четко и быстро реагировал на все его команды. Эти занятия, несомненно, приносили пользу и мне» я стал больше разбираться в конструкции лодки, в даваемых пояснениях по ходу несения службы моряками, а также более четко освоил все необходимые команды командира. С большим удовлетворением командир подчеркивал, что, по его мнению, личный состав лодки достаточно опытен.

Вскоре нам удалось выявить наиболее надежных моряков, очень преданных республике. Все они как то странно группировались вокруг офицера радиста. Именно он подробно информировал нас о настроении команды. Собираясь иногда в отдельной выгородке, где находилась радиорубка, мы узнавали последние новости, в том числе о том, что на нашей лодке невидимо присутствуют те, кто является сам или просто поддерживает связь с агентами Франко, что даже существует какая-то тайная переписка с берегом. Несколько позже нам показали небольшое, перехваченное доверенными людьми письмо одного из механиков. Из письма стало известно, что обо всем, что делается на лодке, в том числе и о том, что туда прибыли русские, передается информация. Из других перехваченных сообщений стало достоверно ясно, что подобные письма направляются неизвестными лицами регулярно. Можно было легко догадаться, кому предназначались эти сведения. Надо было все время быть начеку, принимать контрмеры, обеспечивать бдительность.

Проверяя ход ремонта, Иван Алексеевич дольше всего задерживался у командирского перископа: специалистам, занимавшимся ремонтом, никак не удавалось полностью его

восстановить. Это было очень важно, так как именно этот перископ должен был позволить перед всплытием на поверхность определить, нет ли поблизости вражеских кораблей.

И вот однажды с большим воодушевлением экипаж воспринял появившееся в прессе сообщение о потоплении республиканским флотом фашистского крейсера «Балеарес». Ведь это была поистине первая крупная победа республиканцев на море за всю войну. Это сообщение полностью нарушило размеренную жизнь, казавшуюся подчиненной только одной цели – скорейшему восстановлению корабля, его окончательной подготовке к переходу.

Подробности о потоплении крейсера мы узнали только после нашего возвращения в Картахену от непосредственных участников этого морского боя. Этому факту уделялось много внимания в печати того времени и даже в литературе наших дней. Однако, поскольку далеко не все материалы в должной степени отражают действительность, я считаю своим долгом, отвлекаясь несколько от основной темы моих воспоминаний, пользуясь рассказами и полученными впоследствии мною письмами Николая Алексеевича Питерского, попытаться восстановить истину.

Именно Н.А. Питерский предложил В.А. Алафузову, являвшемуся уже в то время главным военно морским советником, осуществить налет торпедных катеров в бухту Пальма (остров Майорка), где стояли крейсера франкистов, и атаковать их торпедами. Воздушная разведка показала, что корабли стоят в глубине бухты за боновым ограждением. Будучи квалифицированным катерником. Николай Алексеевич имел достаточный опыт по «перепрыгиванию» торпедных катеров через бои при помощи специального устройства для защиты винтов. Поэтому именно ему была поручена подготовка операции. Командующий флотом, советником при котором находился автор предложения, одобрил эту идею. Предварительно проводились испытания по «перепрыгиванию» торпедных катеров через натянутый на поверхности воды трос. В конце февраля 1938 г. подготовка была закончена. Саму операцию было решено провести в ночь с 5 на 6 марта. Для этого в Валенсию были направлены три торпедных катера (советник Н. Каневский) и четыре быстроходных эскадренных миноносца (советник Н. Басистый). Для прикрытия операции 5 марта, еще до наступления темноты, в море вышли республиканские крейсера «Либертад» (на нем находился командующий флотом и советник Н.А. Питерский) и «Мендес Нуньес», эскадренные миноносцы «Санчес Баркайстеги», «Альмиранте Анекер», «Леиато», «Гравина» и миноносец «Ласага». На эскадре, кроме Питерского, находился еще ленинградец Н.И. Ильин (на эскадренном миноносце «Санчес Баркайстеги»).

Из полученной уже в море шифровки от В.А. Алафузова Николай Алексеевич узнал, что из-за свежей волны (5 баллов) торпедные катера выйти в море не могут. Таким образом, намеченная операция была сорвана. Н.А. Питерский, подробно рассказывая мне об этом, подчеркивал, что отмена операции имела положительные результаты. Как удалось узнать, о готовящейся операции фашисты узнали заблаговременно и готовили республиканским катерам «хорошую» встречу. Что бы «случайно» не подставить свои крейсера под торпеды республиканских катеров, их заблаговременно вывели в море.

После этого Н.А. Питерский посоветовал командующему флотом произвести ночной поиск, возможно, находящихся в море мятежных кораблей. Следовательно, никакой заранее намечаемой операции по потоплению фашистского крейсера «Балеарес» не было. Первая встреча республиканских кораблей с фашистскими произошла для обеих сторон совершенно неожиданно. При этой встрече фашистский крейсер заметил только головной эсминец «Санчес Баркайстеги», шедший слева от крейсера «Либертад». В 0 часов 48 минут 6 марта на «Либертаде» получили донесение с эсминца, что слева от него прошли крейсера фашистов, и он выпустил по ним торпеды, но попадания не достиг. Не без преодоления проявленного командующим флотом сопротивления именно Николаю Алексеевичу при поддержке команды удалось принять решительные меры для потопления вражеского крейсера «Балеарес». По нему выпустили торпеды 3 эсминца, с республиканских кораблей был открыт артиллерийский огонь. В «Балеарес» попало не менее трех торпед, он был объят пламенем и

затонул. Как выяснилось впоследствии, находившиеся неподалеку, в районе потопления крейсера, два английских эсминца спасли около 400 из 765 человек личного состава затонувшего крейсера.

Продолжая основную тему моих воспоминаний, хочу подчеркнуть, что наша лодка усиленно готовилась к выходу в море. По инициативе И.А. Бурмистрова на боевом мостике были установлены на туреле зенитные крупнокалиберные пулеметы, которые должны были усилить огневую мощь лодки и обеспечить сопротивление в случае нападения с воздуха или даже при встрече с торпедными катерами противника.

Наконец, можно было предположить, что до окончания ремонта оставались буквально считанные дни. Были даже налажены оба перископа. В начале апреля 1938 г. во время очередной встречи с Педро Прадо было решено ускорить выход лодки в море.

Во время одной из поездок И.А. Бурмистрова в Париж он встретился там с уезжавшим на Родину Г.М. Штерном и еще раз обсудил с ним все вопросы, связанные с переходом нашей подводной лодки «С-4» через Гибралтарский пролив. По согласованному с испанским командованием порядку следовало считать основной задачей прорыв лодки через пролив. Поэтому во время операции надлежало избегать боевых встреч с противником, применять оружие и торпедные аппараты только в крайнем случае, для самозащиты. Рекомендовалось в случае преследования неприятелем или осложнения обстановки вообще направиться или лечь на грунт и отлежаться.

Ремонт лодок «С-2» и «С-4» подходил к концу. Казалось, что план перехода уже отработан во всех деталях. Вечерами штурман и офицеры вместе с Иваном Алексеевичем, склонившись над навигационными картами, прокладывали оптимальный курс, изучая абсолютно все: конфигурацию береговых линий, данные о дне Атлантического океана и Средиземного моря, глубины, скорости и направления течения в Гибралтарском проливе и т.п. Тщательно учитывался опыт, полученный И. А. Бурмистровым в начале 1937 г. при успешном прорыве лодки под его командованием через Гибралтарский пролив из Средиземного моря на север.

После очередного совещания командира с Г.М. Штерном меня ожидал сюрприз. Не знаю, чем руководствовался Григорий Михайлович, но он посоветовал Ивану Алексеевичу направить меня в Испанию по суше, считая, что я уже со своей задачей в период ремонта и подготовки лодки к переходу справился. Убежденный, что И.А. Бурмистров вполне может справиться один, Г.М. Штерн считал, что нам обоим не следует рисковать жизнью во время этой сложной операции. Поэтому Григорий Михайлович предлагал мне не участвовать в переходе подводной лодки, а добраться до Испании сухопутным путем. Я наотрез отказался покинуть лодку, оставив в период столь сложной и опасной операции на борту её командира. Иван Алексеевич не скрывал, что доволен моим решением.

Позднее, встретившись в Москве с капитаном 2-го ранга Г.М. Штерном, я спросил, чем было вызвано его предложение, не явилось ли оно следствием какой-либо жалобы Ивана Алексеевича на то, что я не моряк и не смогу принести действительной пользы во время перехода, и его заявления о том, что он сможет вполне справиться без меня.

Григорий Михайлович долго смеялся, подшучивал, а потом сказал мне, что он лично действительно предложил подобный вариант И.А. Бурмистрову. При этом руководствовался только тем, что не хотел во время столь опасной операции подвергать меня риску, так как с первых наших встреч в Барселоне помнил, что я не моряк.

По словам Г.М. Штерна, Иван Алексеевич заверил его, что, узнав меня за время совместного пребывания на лодке достаточно хорошо, он убежден в том, что я откажусь от этого предложения. Больше того, подчеркнув, что я уже достаточно хорошо освоил не только лодку и управление ею, но и все необходимые команды, он считал, что я не захочу оставить его в экстремальной обстановке одного на корабле. Окончательное решение было оставлено за мною.

Выслушав в Москве М.Г. Штерна, я был искренне доволен, что И.А. Бурмистров смог меня хорошо узнать, а поэтому точно заранее предвидеть мое личное решение по столь

важному вопросу. Надо иметь в виду, что наши отношения с Иваном Алексеевичем были особые, к этому времени мы искренне сдружились. Ведь, как уже указывалось, нас было только двое советских добровольцев на лодке среди испанцев, а на берегу и среди французов. Мы уже знали друг о друге все. В командирской каюте капитана часто просиживали за полночь, беседуя о Родине, о наших семьях, и это еще больше сближало нас. Я мысленно хорошо представлял себе Евдокию Степановну – жену И.А. Бурмистрова, с нетерпением ждавшую мужа из «дальнего плавания». Мне было все известно о моем тезке Толике, любимом его сыне, который никогда не будет военным моряком. Так говорил отец. Впоследствии, когда я ближе познакомился с этой семьей, узнал, что Толя и его младший брат стали военными моряками. Толя ушел в отставку в звании капитана 2-го ранга, а младший брат Володя, лейтенант подводник, погиб 7 июля 1963 г. при исполнении служебных обязанностей.

Ремонт лодок «С-2» и «С-4» был закончен. Особое значение придавалось сохранению в тайне даты намечаемой операции. Было принято решение, что наша лодка «С-4» выйдет в море первой, а за ней последует лодка «С 2» под командованием Н.П. Египко. При этом учитывалось, что лодка «С-2» ремонтировалась в Сен-Назере, в устье реки Луары, на внутреннем рейде базы, под непосредственным контролем французского военно-морского командования, без разрешения которого она не могла ничего предпринять. Ее выход первой затруднил бы сохранение в секрете всей операции.

О дне начала перехода И.А. Бурмистров решил никому не объявлять – ни французскому командованию, ни членам экипажа.

Не меняя место стоянки лодки, провели несколько общелодочных учений. Командир остался доволен четкостью выполнения экипажем всех поставленных им задач, а также тем, что техника работала исправно.

Накануне дня, намеченного для начала перехода, Иван Алексеевич поручил пользующемуся доверием офицеру радисту, знавшему хорошо французский язык, сообщить французскому военно-морскому командованию в Бордо, что на следующий день наша лодка после завершения ремонта выйдет на ходовые испытания и для пробного погружения. Ни возражений, ни вопросов со стороны французского командования не последовало.

В оставшиеся часы этого тревожного дня Иван Алексеевич еще и еще раз проверял электрическую часть, продуваемость цистерн, управление лодкой, систему подачи воздуха и т.п. Боцману поручили буквально каждый сантиметр лодки вымыть горячей содовой водой. Механики получили приказ проверить цистерны, обжечь клапаны, вымыть топливные колодцы. Отдав эти распоряжения, Иван Алексеевич рассказал мне один эпизод из своей боевой биографии в Испании.

В начале 1937 г. лодка «С-1» под его командованием была направлена к Пальме (остров Майорка) на поиски мятежного крейсера «Канарис». Рано утром, когда «С-1», находившаяся на перископной глубине, уже подходила к Пальме, ее обнаружила авиация противника и подвергла бомбежке.

Иван Алексеевич услышал сильные взрывы: корпус лодки задрожал. Была подана команда, и лодка пошла на глубину до 45 метров, стала маневрировать. Командир был поражен тем, что, несмотря на перемену курса и глубину, бомбежка продолжалась. Когда корма лодки стала садиться и нарушила дифферент, И.А. Бурмистров понял, в чем дело. Лопнувшая междубортная цистерна выпускала масло, а по его следам два самолета «савояя» преследовали и бомбили лодку. Такой масляный след обязательно всплывает на поверхность, поэтому травленное масло – бич подводников.

Тогда «С-1» удалось вернуться на базу только благодаря И.А. Бурмистрову, который не растерялся и после второй бомбежки сделал петлю; лодка прошла по старому курсу. Самолеты, не видя новых масляных пятен, потеряли лодку из виду.

- Вот почему следует усвоить раз и навсегда, что при сильной противолодочной обороне ни одна подводная лодка не пройдет по заданному курсу, если будет травиться масло или топливо, – закончил свой рассказ Иван Алексеевич.

После того как связь с берегом на ночь была прекращена, И.А. Бурмистров вызвал к себе всех офицеров и приказал предупредить команду, что с рассветом лодка выходит на испытания. К этому сообщению все члены команды отнеслись абсолютно спокойно.

Когда Иван Алексеевич и я обходили отсеки, мы видели спокойные лица моряков. Шли разговоры на темы, совсем не относящиеся не только к выходу лодки на испытание в море, но и вообще к службе. Кое-где раздавался веселый смех. Можно было подумать, что своим поведением они хотели показать, что несколько необычная собранность и серьезность командира и его адъютанта их абсолютно не волнуют.

Все привыкли к тому, что лодка продолжительное время постепенно пополняла запасы продуктов, пресной воды и горючего. Было попятно, что предстоит впереди продолжительный и нелегкий путь. Однако никому не хотелось думать о том, что его начало столь быстро приближается.

Мы поднялись с командиром через рубочный люк на мостик. Я закурил свою обычную трубку, делая глубокие затяжки. Многие находились еще на палубе: хотелось подышать свежим воздухом, побыть в спокойной обстановке.

Наутро, после необычно раннего завтрака все вахтенные заняли свои места. Шли последние приготовления к выходу в море. Хотя лодка стояла еще у стенки и швартовы не были отданы, сход на берег был уже запрещен.

По команде И.А. Бурмистрова был поднят трап, лодка отдала швартовы, на холостом ходу заработали дизеля, корпус лодки сотрясло, и вот в надводном положении она начала медленно выходить из Гаронны. Лодка отлично слушалась руля. В эти часы еще никто из членов экипажа не знал, что боевой поход начался, что предстоит пройти через территориальные и затем нейтральные воды. Настроение у всех было хорошее. Казалось, что все механизмы после ремонта работают хорошо. Ну а если и будут обнаружены неполадки, то по возвращении в Бордо французские фирмы в соответствии с контрактом устранят их. Видимо, все думали, что испытания не будут долгими и уже вечером они смогут вновь встретиться в Бордо на берегу со своими друзьями. Вновь начнется привычная мирная жизнь.

Стоя на мостике, Иван Алексеевич обратил мое внимание на то, что многие моряки, беспечно и шумно разговаривая и куря, высыпали на палубу. Командир не возразил против этого и даже высказал мысль, что это служит хорошей маскировкой дальнейших планов.

По мере того как лодка выходила из Гаронны, поведение командира изменялось. Он делался более серьезным и уже не улыбался, а вскоре приказал всем, кроме находившихся на мостике, спуститься в лодку.

Как было условлено, командир приказал мне спуститься в центральный пост. Здесь все были на своих постах, но царило отнюдь не боевое настроение. Мне даже показалось, что рулевой у горизонтального руля спрятал при моем появлении книгу, которую, видимо, читал. Бодро стояли моряки на станции погружения и всплытия, готовясь к быстрому выполнению команды погружения.

И вот прозвучала четкая команда командира:

- Все вниз, срочное погружение, стоп дизеля, электромоторы – полный вперед!

В боевой рубке рулевой встал у штурвала. Вниз быстро сбежал штурман, последним покинул мостик И.А. Бурмистров и мгновенно задрал за собой рубочный люк. Слышно, как вода с шумом ворвалась в цистерны. Я еще успел услышать, как дизеля, как бы надрываясь, закашляли и умолкли. Видимо, совсем неслышно уже на винт заработали электромоторы. Лодка дала дифферент на нос. Вместе с Иваном Алексеевичем наблюдали, как стрелка глубиномера медленно передвигалась: пять, десять... и вот уже на глубине 25 метров лодка плавно пошла по заданному курсу.

Мой первый подводный поход начался. Я испытываю странное чувство во время погружения лодки. Казалось, что я к этому уже должен был быть подготовлен, но я почувствовал, что по мере погружения на меня что-то очень давит.

Следует команда:

- Ход два узла, осмотреться по отсекам...

Начинают поступать поочередные короткие доклады: «В первом все в порядке... во втором все в порядке... все лазы в герметичных переборках задраены!»

Проверяя работу механизмов, командир заставляет лодку маневрировать, менять курс, придерживаясь глубины не менее 25–35 метров.

Убедившись, что механизмы работают нормально, Иван Алексеевич молча ведет меня в боевую рубку. Здесь через маленький иллюминатор с толстым трапециеобразным стеклом я как зачарованный любуюсь прозрачной водой, замысловатыми водорослями, плавающими рыбами. Кажется, что смотрю в чудесный, невиданный доселе еще аквариум. Не хочется отрываться от этого увлекательного зрелища, но нужно спускаться вместе с командиром в центральный пост.

Только изредка командир разрешал всплывать на перископную глубину и буквально на несколько секунд поднять по очереди перископы. Поднятый перископ может оставить за собой пенистый след-бурун, по которому легко определить местонахождение лодки. Подводный корабль в таком случае может быть легко обнаружен с самолета. Нам же важно было как можно дольше сохранить операцию в секрете.

Мы проходим с Иваном Алексеевичем по отсекам, пролезая через раздраенные лазы в переборках. Все благополучно, у команды хорошее настроение, «испытания» проходят отлично, многие только и ждут разрешения на всплытие, чтобы побыстрее лечь на обратный курс и пришвартоваться к хорошо знакомой якорной стоянке на Гаронне. И теперь еще никто не подозревает, что это – начало боевого пути...

Возвращаемся на центральный пост. И.А. Бурмистров быстро проверяет положение стрелок на циферблатах рулей глубины, соответствие заданному курсу. Всплываем на перископную глубину. Иван Алексеевич осматривает горизонтальный и зенитный перископы. Лебедки с двигателем для подъема перископов работают нормально. Он подзывает меня и предлагает посмотреть в них. Впервые на идущей под водой лодке смотрю по очереди в каждый из них. Прильнув к окулярам перископов, я буквально не могу от них оторваться. Видна поверхность моря с легкой зыбью, какие-то корабли, но они нам пока не страшны, мы находимся еще в территориальных водах Франции с разрешения командования базы. В зенитный перископ видно безоблачное голубое небо. Я вижу, как командир умело, вцепившись в рукоятки труб, поворачивает перископы, но сам я пока еще не решаюсь это делать.

Иван Алексеевич приказывает собрать всех офицеров в кают-компанию. Понимаю, что сейчас всем будет объявлено, что мы не собираемся возвращаться в Бордо, а взяли курс на Гибралтар.

В короткой речи, которую я переводил на испанский язык, командир отметил, что ходовые испытания лодки прошли успешно. Без лишних объяснений Иван Алексеевич довел до сведения всех собравшихся, что по приказу испанского командования «С-1» взяла курс на Картахену. Для этого все уже предусмотрено: имеется достаточный запас горючего, боеприпасов, продовольствия.

Мне очень хотелось узнать, покинули ли мы уже французские территориальные воды, легли ли уже действительно на нужный курс, но спрашивать об этом не стал.

Обычно на лодках при необходимости, как мне говорили, весь экипаж собирается в одном из отсеков. В погруженном состоянии этого делать не разрешается. Поэтому И.А. Бурмистров попросил офицеров пройти по кораблю, объявить команде, что мы будем форсировать Гибралтарский пролив, и предупредить всех, что от точности и быстроты выполнения команд командира будет зависеть успех опасного и ответственного перехода.

Выполняя поручение Ивана Алексеевича, прохожу по отсекам. Чувствуется, что многие моряки взволнованы неожиданным сообщением. Тем не менее, по моим наблюдениям, матросы, старшины и офицеры осознавали свою ответственность за успешное завершение боевого перехода. Этому во многом содействовали наиболее сознательные члены экипажа.

Нам предстояло следовать вдоль территории Испании, занятой мятежниками, мимо их

баз военно-морского флота и авиации. Мы должны были пройти мимо Сан-Себастьяна, Бильбао, Сантандера, Хихона, Эль Ферроля, Ла Коруньи и Виго. Затем шла не менее опасная зона побережья – Португалия – и дач ее вновь испанские берега до самого Гибралтарского пролива. Но, даже пройдя Гибралтар, мы не могли считать себя в безопасности. На международных линиях, соединяющих Бордо с портами Испании и Португалии и со Средиземным морем, было полно военных кораблей мятежников, Германии, Италии и Португалии. Со всем этим приходилось считаться. Опасались и того, что мы могли быть замеченными военными кораблями Великобритании, находящимися в их крепости, а это могло привести к тому, что мятежники могли быть предупреждены о нашем появлении.

Корабль управлялся легко, глубина погружения хорошо выдерживалась почти без перекладки горизонтальных рулей. Из отсеков докладывали: «Все в порядке». Инженер-механик сообщал, что двигатели работают в заданном режиме. Было принято решение идти как можно дальше под водой, без всплытия для зарядки аккумуляторных батарей, чтобы полностью оторваться от французских территориальных вод и берегов и избежать преследования «нейтральных» кораблей.

Очень хотелось курить. Заядлые курильщики с жадностью сосали холодные мундштуки и трубки. «Затягиваюсь» глубоко и я своей холодной трубкой. Эх, закурить бы!

Временами всплываем на перископную глубину, молниеносный взгляд в поднятые перископы, и их вновь опускают в шахты. Корабль, не сбиваясь с курса, продолжал путь.

И.Д. Бурмистров, штурман и другие офицеры склонились над картами. Они еще раз изучают Гибралтарский пролив – самый опасный участок нашего пути. Командир еще раз напоминает, что Гибралтарский пролив представляет серьезную опасность. Он, безусловно, охраняется мятежными кораблями, торпедными катерами и авиацией, подкрепленными военно-морскими силами Германии и Италии. Нельзя не считаться и с возможным наличием английских военно-морских сил в самом Гибралтаре и на подступах к нему. Как себя будут вести англичане и французы в случае обнаружения нашей лодки – еще неизвестно.

Глубина погружения лодки – 20 метров, скорость – четыре с половиной узла. Мы под водой уже 15 часов. Дышать в отсеках трудно, голова тяжелая, стучит в висках. Заметно уменьшается запас воздуха, приходится всячески экономить и сжатый воздух, в том числе и при пользовании гальюном, что делает более тяжелой жизнь экипажа. С каждой минутой приближается необходимость всплытия.

Стараемся отдалить этот момент. Устанавливается более экономный режим работы электромоторов, чтобы запасов электроэнергии в аккумуляторах хватило до конца светлого времени суток.

И вот, наконец прозвучала команда: «По местам стоять, к всплытию!»

Рулевой уже переложил горизонтальные рули на всплытие. После столь продолжительного пребывания под водой все переносят всплытие тяжело: ощущается изменение давления, в висках стучит. Уже прозвучала команда: «Стоп моторы! Продуть среднюю!» – и в полночь окончательно всплываем на поверхность и переходим на двигатели надводного хода – дизеля.

Как только рубка показалась из воды, Иван Алексеевич отдраил рубочный люк и выскочил на мостик. Вслед за ним вышел на мостик штурман. Меня оставил командир в центральном посту. Невольно подумал, что вот и я вступил на свою первую вахту.

У подводников есть свои законы. Одним из наиболее важных является необходимость при каждой возможности проветрить отсеки, зарядить полностью все секции аккумуляторных батарей, пополнить запасы сжатого воздуха. Зарядка аккумуляторных батарей обычно длится несколько часов, но мы не знаем, как долго удастся продержаться на поверхности. Все может случиться. Ко всему надо быть готовым, бдительным.

Получил разрешение на выход на мостик и я. Ночь была довольно темной, можно было даже заметить низкие густые облака. Волны соленой воды накатывались на корму, попадали на мостик и иногда через рубочный люк внутрь лодки. Стоя на вахте, даже мы с Иваном Алексеевичем, несмотря на специально приобретенные длинные кожаные пальто и шлемы,

быстро промокали. Приходилось нести вахту попеременно. Мы с Иваном Алексеевичем ни на минуту не оставляли мостик. Подменяли друг друга на протяжении всего надводного пути. Надо было зорко следить за горизонтом, за поверхностью океана, за воздухом, чтобы не пропустить появления вражеского корабля или самолета. Нежелательной была встреча не только с непосредственным противником – кораблями и самолетами генерала Франко, но и с «нейтральными» – германскими, итальянскими, португальскими и даже патрулирующими кораблями других стран, входящих в лондонский Комитет по невмешательству. Опасными были и торговые корабли под различными флагами. Они тоже, заметив нас, могли сообщить неприятельским кораблям.

Как нам потом рассказывали, действительно первое время о начале нашего похода никто не знал. Этому помогло появившееся в некоторых газетах сообщение, что лодка «С-4» погибла во время дифферентовки при испытании после ремонта.

Однако скрыть наш выход в море надолго все же не удалось. Видимо, вскоре противнику стало известно, что лодка вышла из Бордо и направляется в сторону Гибралтарского пролива. Основания так думать у нас появились довольно скоро.

Стремление сохранить операцию по переводу лодки в секрете заставило нас отказаться от использования рации, но всё-же следовало известить Картахену, что мы идем по направлению к Гибралтару. По распоряжению командира я зашифровал очень короткую радиogramму в адрес нашего главного советника В.А. Алафузова и передал радисту.

Тут произошла первая, но весьма значимая неприятность. Наш радист попросил меня передать Ивану Алексеевичу, что ему не удастся установить связь с Картахеной.

Узнав об этом, командир прошел в радиорубку. Вернулся крайне удрученным: наша рация по неизвестным причинам не действовала. Отсутствие радиосвязи с базой могло привести даже при удачном окончании перехода через Гибралтар к большим неприятностям. Мы лишались возможности своевременно предупредить командование базы о подходе лодки, и береговая республиканская артиллерия могла открыть по ней огонь.

Радист и два матроса в трудных условиях все проверили, в том числе и антенны, но так и не нашли никаких повреждений. Наша первая ночь на поверхности Атлантического океана началась плохо.

Я стоял на мостике подводной лодки и отчетливо различал оставляемый кораблем фосфоресцирующий след. Этот след мог выдать самолетам место нашего нахождения.

Время от времени вдали проходят ярко освещенные торговые корабли. Недалеко шла война, воюющие могли принять в темноте нейтральный торгово-пассажирский корабль за неприятельский. В этом следовало искать объяснение столь яркой иллюминации этих кораблей.

Мы идем даже без положенных огней, стараясь держаться в стороне от международных линий. Командир требовал, чтобы наши курильщики на палубе были тоже очень осторожными, ибо зажженная спичка, зажигалка или даже горящая сигарета могли быть замечены издалека. Я пользовался специально приобретенной трубкой с крышечкой, что делало совершенно невидимым горящий табак.

Воспользовавшись ночной темнотой, Иван Алексеевич решил проверить готовность орудий, скорость подачи к ним снарядов из артиллерийского погреба. Показатели были хорошими, и это успокоило командира.

Зарядка аккумуляторных батарей была закончена, убрали и проветрили лодку, надышались свежим воздухом, впервые повар угостил всех горячим «обедом» и черным кофе, и, что самое главное, накурились вдоволь. Стало светать. Появились транспортные корабли с потушенными огнями. Из осторожности командир решил идти на погружение. По команде переключаются горизонтальные рули, наполняются цистерны, умолкают дизеля, и лодка быстро погружается. Опять достигнута глубина 25 метров, скорость два узла. Экипаж устал и нуждался в отдыхе. Слишком напряженными были прошедшие сутки. Надо было беречь силы, впереди еще многосуточный переход.

Остались только те, кто вступил на вахту, остальным командир дал отдых. На лодке

наступила тишина. Иван Алексеевич сам не ложился и не дал спать мне. Через короткие промежутки обходили отсеки, проверили, бодрствуют ли у торпедных аппаратов, на центральном посту, кто несет вахту. После того как заступила следующая смена, командир пошел отдохнуть к себе в каюту. Через некоторое время наступила и моя очередь.

Вторые сутки перехода были еще более тревожными. При всплытии на перископную глубину заступивший на ходовую вахту Иван Алексеевич обнаружил, что вышел из строя горизонтальный командирский перископ, его залило водой. В распоряжении командира остался только зенитный перископ, при помощи которого, естественно, нельзя просмотреть поверхность океана при всплытии на перископную глубину. Это обстоятельство чуть не привело к гибели командира, а может быть, и лодки со всем экипажем. Выскочив на мостик при очередном всплытии на поверхность, Иван Алексеевич, не обнаруживший ранее в зенитный перископ никакой опасности, заметил в нескольких кабельтовых от лодки военный корабль, очевидно португальский.

Отдав команду срочного погружения, И.А. Бурмистров чуть не остался на мостике и легко мог быть смыт волной, так как неожиданно захлопнулся верхний рубочный люк. Его едва удалось открыть и быстро, после того как командир уже был в безопасности, задраить. Это стало возможным только благодаря четкому выполнению моей команды, приостановившей буквально на долю секунды погружение. Опасность была велика. При срочном погружении несвоевременное закрытие люка может привести к гибели лодки, так как она может уйти под воду с открытым люком.

Спустившись в центральный пост, мокрый, но веселый Иван Алексеевич, крепко обняв меня, воскликнул: «Ну, вот, заново родился!»

Погрузившись на 30 метров, мы слышали шум винтов идущего над нами корабля. Тот, кто не находился на подводной лодке, никогда не сможет понять, какое ощущение вызывает этот шум. Нет, это не страх, это необычная настороженность. Все буквально застыли. На центральном посту все стояли как наэлектризованные. Настороженность охватила всех без исключения. Тревожное состояние команды передалось и мне. Я вообще не мог понять, что происходит. Постепенно я стал замечать, что стоящие на вахте на центральном посту стали более собранными и зорко следили за тем, чтобы подводная лодка удерживалась на заданной глубине. Их дисциплинированность и спокойный вид И.А. Бурмистрова успокоили и меня.

На заданной глубине лодка продолжала маневрировать, постоянно меняя курс, на случай, если бы с идущего над нею корабля сбрасывали глубинные бомбы. То и дело слышались команды «лево руля», «право руля»: задавался необходимый курс. Настораживающий нас шум винтов постепенно удалялся. Наступила тишина. Послышались веселые голоса – люди радовались, что опасность миновала.

Иван Алексеевич решил воздержаться от всплытия. Если нас успели заметить, то могли вызвать разведывательную авиацию. Мы ведь не знали, чей корабль прошел над нами. Установили еще более экономичный режим работы электродвигателей: для сохранения имеющихся запасов электроэнергии в аккумуляторах.

Опять все почувствовали невероятную усталость: сильно участилось дыхание, отяжелела голова. Воздух в лодке был спертый, стало жарко и душно, буквально нечем дышать. Повысилось содержание углекислого газа.

После погружения установили четкий распорядок. Всем свободным от вахты было приказано отдыхать, лежать, спать, меньше двигаться. Это делалось не только для того, чтобы члены экипажа сохраняли силы. Командир учитывал, что при любых передвижениях, при малейшей физической нагрузке человеку требуется значительно больше кислорода и он выделяет, соответственно, больше углекислого газа. Однако и эта предосторожность уже не помогала. Люди задыхались, а тем, кто находился на центральном посту, было еще тяжелее.

Прошло около часа, постепенно началось всплытие, шли на перископной глубине. Сам командир заступил на ходовую вахту. Медленно и крайне осторожно Иван Алексеевич поднял единственный исправный перископ. Это ничего не дало, через него нельзя было успешно просмотреть поверхность океана. Он передал перископ другому офицеру, а сам

готовился к выходу на мостик. Приходилось рисковать. Командир уже в штурманской рубке. Маневрируя и меняя курс, пытается через иллюминатор осмотреть поверхность океана. Для этого лодка всплыла незначительно, оставаясь еще на определенной глубине.

Все спокойно. Выходим полностью на поверхность. Включаются дизеля. Открываются все отсеки, люки, лодка проветривается. По несколько человек, небольшими партиями поочередно выходят на палубу. Командир приказывает провести тщательную проверку ходовой станции главных электромоторов. Электрическая часть работает хорошо. Недаром в Бордо И.А. Бурмистров лично следил за тем, чтобы не только французские фирмы, но и наши механики сами перебрали дизеля, электродвигатели, коллекторы. Вот и сейчас, готовясь к продолжению перехода, вновь проверяли изоляцию всех элементов аккумуляторных батарей, открыли для этого камеры, находящиеся под жилой палубой, приступили к зарядке аккумуляторов. Офицеры и экипаж получили горячую пищу.

Я нес уже более уверенно вахту на центральном посту.

- Идем мимо северных берегов Испании, – сказал мне штурман, спустившийся с мостика погреться.

Не успевает он договорить, как слышим с мостика команду:

- Полный вперед. Срочное погружение!

Рули быстро переключаются на погружение. Слышим, как с мостика все бегом спускаются в боевую рубку и на центральный пост, рубочный люк уже задраен.

- В чем дело? – спрашиваем командира.

Несмотря на то, что еще не наступил рассвет, над нами появился самолет и сделал полукруг. Возможно, случайный, а может быть, тот корабль, из-за которого мы пошли прежде на срочное погружение, заметил нас и вызвал разведывательный самолет.

По и этот тревожно начавшийся для нас подводный день прошел спокойно. За несколько часов надводного хода успели дозарядить аккумуляторные батареи и до отказа запрессовать баллоны сжатого воздуха. Командир спокоен. Он убедился, что техника нас не подводит. Больше того, при экономном расходовании электроэнергии можно успешно плавать с имеющимися на борту аккумуляторными батареями. Вахтенные – офицеры и члены команды – строго по установленному порядку менялись, а командир бесменно находился на центральном посту. Рядом с ним был и я.

Дни незаметно сменяли друг друга. До Гибралтарского пролива оставалось уже меньше суток. Еще и еще раз разрабатывается, уточняется план его форсирования. Иван Алексеевич подробно рассказывает, как он проходил из Средиземного моря в Атлантический океан еще в 1937 г. Тогда он принял решение пройти Гибралтар в ночное время в надводном положении. После всплытия у входа в пролив тогда командир лодки обнаружил вблизи большой высокобортный французский лайнер и решил лечь на параллельный курс с транспортом с его правого борта, скрываясь от возможных вражеских прожекторов. Рассказывая об этом, Иван Алексеевич выразил надежду, что и на этот раз удастся как-нибудь схитрить, чтобы ускорить успешный проход.

Несмотря на то, что командир мог предполагать наличие у офицерского состава хорошей осведомленности об особенностях пролива, приведя точные данные о длине Гибралтарского пролива и его меняющихся ширине и глубине, он особенно подчеркнул, что благодаря большой солености и плотности воды Средиземного моря по сравнению с Атлантическим океаном в проливе существует два постоянных течения: одно поверхностное, с запада на восток, со средней скоростью 2 узла (иногда увеличивающееся до 5 узлов), другое, проходящее под ним, обратное течение, с востока на запад (более тяжелой средиземноморской воды), со скоростью примерно 1,7 узла. Кроме того, существует два приливных и два отливных течения в сутки. Широкий глубоководный фарватер проходит почти через весь пролив. Приливное течение увеличивает поверхностное до 4 узлов, а отливное течение в силах побороть на фарватере главный поток, идущий на восток, образует у берегов течение на запад со скоростью, достигающей до 2 узлов.

Иван Алексеевич, опираясь на свой опыт перехода на подводной лодке через

Гибралтарский пролив, обратил особое внимание на возможность использования сравнительно большого поверхностного течения, чем, впрочем, умело воспользовались немецкие подводные лодки для проникновения в Средиземное море еще в первую империалистическую войну.

Лодка всплыла на несколько минут на перископную глубину и тут же пошла на погружение. И.А. Бурмистров хотел хотя бы с помощью зенитного перископа определить, что происходит на поверхности. Не обнаружив ничего подозрительного, перископ убрали в шахту. Внезапно корпус лодки затрясся, что-то рвануло, послышался отдаленный, но сильный взрыв, за ним еще один, и все утихло. Видимо, обнаружив наш перископ, кто-то сбросил глубинные бомбы. На этом все кончилось. Никаких последствий не было.

Вновь всплыли на перископную глубину. Подводную лодку начало качать с борта на борт. Приходилось уходить дальше в глубь, куда не дошли или, во всяком случае меньше чувствовались отзвуки шторма.

Вечером, с наступлением темноты, мы подошли к Гибралтарскому проливу. Поднялись на поверхность и убедились, что в районе пролива довольно оживленное судоходство. Кто может попасть нам навстречу, трудно сказать. На мостике И.А. Бурмистров. Из-за довольно высокой волны (5–6 баллов), по мнению командира, один из наиболее страшных для нас противников – торпедные катера – не сможет выйти в море. Поэтому Иван Алексеевич принял решение пройти по возможности большую часть пролива без погружения. Это сократит общее время.

Дожидаемся полной темноты. Лодка идет на погружение, маневрируя, подходит почти вплотную к проливу. И вот уже дана команда к всплытию – мы входим в воды Гибралтарского пролива.

В исключительном напряжении проходим Гибралтарский пролив. Иван Алексеевич ни на минуту не покидает мостик. Все матросы, унтер офицеры и офицеры, усталые, измученные, бодрствуют и ждут. Кажется, вот-вот что-то должно произойти. Наблюдая за находящимися на вахте, вижу их напряженность, готовность молниеносно выполнить любую команду. Свободные от вахты члены экипажа почти не двигаются, как-бы наслаждаясь тишиной.

Неужели мы обманули противника? Иван Алексеевич высказал предположение, что противник не поверил в возможность при такой волне форсировать пролив и решил, что лодка где-нибудь отлеживается. Нет, мы не отлеживались! На подход к Гибралтарскому проливу, на его форсирование и на подход к Картахене с момента выхода из Бордо мы затратили много времени, причем большую часть шли в подводном положении, но ни разу не ложились на грунт. В надводном положении мы шли только ночью.

Когда начало светать, командир решил больше не рисковать и подал команду на погружение. Мы валились с ног от усталости, более девяти суток почти не спали. Хотелось пить, аппетит полностью пропал.

Все ликовали. Мы прорвались! Заверения фашистского командования о непроходимости Гибралтарского пролива и его повышенной охране оказались несостоятельными.

Вот уже видим берега Испании, горы, окружающие Картахену. И вновь возникли сомнения: хорошо ли налажено наблюдение наших береговых постов, сумеют ли они вовремя определить, что на подходе своя, долгожданная «С-4»? Или, быть может, нам придется испытать на себе меткий огонь собственной артиллерии? А вдруг противник, узнав, что мы проскочили, захочет разделаться с нами уже в Средиземном море или при входе в республиканскую военно-морскую базу?

Как мы потом узнали, в штабе, не получая от нас никаких сведений, не знали, что и думать. А тут еще информация в печати и по фашистскому радио о потоплении нашей подводной лодки после ее выхода на глубинные испытания. К счастью, наши товарищи в Картахене, получив сообщение о том, что мы покидаем Бордо, не теряли надежды на успех нашего перехода и сумели наладить необходимое наблюдение за подходом лодки «С-4» к

базе. Нас ждали. Артиллерия молчала, мы спокойно вошли в гавань. Швартуемся у причала рядом с крейсером. Высоко поднят кормовой флаг. Наши моряки, усталые и обросшие, высыпали на палубу. К лодке бегом направляются встречающие... Объятия, рукопожатия, поцелуи. В воздухе громко звучит: «Вива ла республика!»

Встречают нашу лодку не только испанцы, но и друзья – моряки, советские добровольцы.

Когда, выполнив все задания командира на лодке, я наконец добрался до «Капитании», единственным моим желанием было выспаться. Вечером в нашем клубе состоялась торжественная товарищеская встреча, но я на нее не попал, так как проснулся только на следующее утро.

«С-4» была первой подводной лодкой, форсировавшей под командованием И.А. Бурмистрова Гибралтарский пролив. Через несколько дней прибыла и лодка «С-2», претерпевшая тоже немало трудностей в пути.³ Наши товарищи долго еще интересовались подробностями этих двух сложных и опасных походов.

Иван Алексеевич вскоре уехал на Родину. Для меня началась новая жизнь. Некоторое время я продолжал нести службу на подводной лодке, следил за ее ремонтом, потом меня перевели на берег. Члены экипажа «С-4» не могли никак забыть трогательное прощание со своим командиром, многие считали, что только благодаря ему они остались живы.

Вскоре начали прибывать новые подводники – Иван Грачев, Владимир Егоров, Герман Кузьмин. Встретился я в Картахене и с Семеном Ганкиным, моим давнишним приятелем по Ленинграду, который был назначен переводчиком к советскому командиру одной из сохранившихся в боевом строю испанских подводных лодок.

Вскоре прибыл в Картахену Сергей Прокофьевич Лисин, назначенный старпомом на одну из подводных лодок. Я успел еще с ним познакомиться.

На берегу я продолжал встречаться и с Мишей Ивановым, который с успехом выполнял обязанности переводчика при советниках на республиканском флоте. Дружба с Мишей у нас еще в большей степени окрепла и продолжается по сей день. Правда, наша жизнь сложилась по-разному. После Испании он много лет являлся сотрудником Министерства иностранных дел Советского Союза.

Окрепла моя дружба и с Николаем Алексеевичем Питерским. Он окончил Военно-морскую академию уже в 1935 г. и сразу же возглавил дивизион торпедных катеров. Он очень любил наш город Ленинград, и мы часто с ним вспоминали все, что было связано с ним. Он прибыл в Картахену незадолго до моего приезда на эту базу и был назначен советником к командующему флотом Луису Гонсалесу де Убиетта. Закончил он свою службу в Испании в должности главного военно-морского советника республиканского флота.

В день начала Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 г., Николай Алексеевич, являясь заместителем начальника штаба Балтийского флота, находился в Таллине, где были сосредоточены частично и корабли Балтфлота. Он принимал участие в переводе кораблей из Таллина в Ленинград.

Затем нарком Военно-морского флота СССР Николай Герасимович Кузнецов вызвал Николая Алексеевича из Ленинграда в Москву и направил в США. Ему было поручено наладить конвоирование торговых судов, идущих с грузами в Советский Союз. Нарком в ответ на выраженное Н.А. Питерским желание продолжать службу на флоте, участвуя в боях, применяя боевой опыт, полученный в Испании, ответил:

³ В книге В.И. Дмитриева «Атакуют подводники» (Воениздат, 1973. с. 68–69), несмотря на имеющиеся ссылки на архивные документы, допущен ряд ошибок. Ошибочно указывается, что первой прошла через Гибралтар подводная лодка «С-2» под командованием Н.П. Египко. Она была второй после «С-4». При переходе через Гибралтар лодкой «С-1» командовал И.А. Бурмистров, а не Г.О. Кузьмин, который прибыл в Картахену уже после окончания этой сложной операции. Операция проводилась не в июне 1938 г., а ранее. И.А. Бурмистров отбыл на Родину уже в мае 1938 г. (*примеч. авт.*).

– Организация конвоев – это сейчас первостепенная задача. Считайте себя на фронте.

Николай Алексеевич с успехом справился и с этим ответственным поручением, своим веселым характером, доброжелательностью, дружелюбием и, конечно, грамотностью привлекая к себе не только своих земляков, но и американцев, с которыми ему приходилось общаться.

Питерский бывал в США и после войны. В 1958–1959 гг. он находился там в качестве военно-морского атташе при посольстве СССР.

Контр адмирал Н.А. Питерский с 1961 г. работал научным сотрудником сектора экономических и политических проблем разоружения Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

До совершенно неожиданной смерти, произошедшей буквально за день до приезда к нам в гости, в любимый им Ленинград, Николай Алексеевич являлся одним из самых близких друзей не только меня, но и моей жены.

Это был совершенно ни с кем не сравнимый человек: по дружелюбию, патриотизму, исключительной грамотности не только по вопросам, связанным со службой на флоте, но и по жизнерадостному характеру и веселости. Часто перечитывая его письма, невольно радуешься и гордишься нашей дружбой.

Одно время вместе с ленинградцем Николаем Ильиным я занимался пристрелкой торпед, успешно продолжая начатое еще Сергеем Дмитриевичем Солоухиным важное дело.

К этой работе С.Д. Солоухин был вынужден приступить, являясь советником главного минера флота. Объяснялось это тем, что из арсенала, где хранились боевые торпеды, видимо, мятежниками или их прислужниками (быть может, и представителями иностранных фирм) были похищены формуляры с подробными их характеристиками.

Нужно иметь в виду, что на каждую изготавливаемую боевую торпеду должна быть составлена самостоятельная «характеристика». Эти характеристики, заносимые в формуляры, отличались друг от друга по каждой торпедой. Отсутствие подобных данных не позволяло осуществлять правильную установку имевшихся на торпедой многочисленных приборов, которые могли обеспечить движение в нужном направлении, а также глубину ее погружения и скорость хода.

Коля Ильин мне разъяснил, что, похищая формуляры, враги Народного фронта стремились заранее обезопасить свои корабли от торпедного огня республиканских кораблей.

Именно поэтому в целях повышения боеспособности республиканского флота было принято решение провести сложную, но совершенно необходимую работу по восстановлению для каждой имевшейся торпеды формуляра с индивидуальными характеристиками. В этом отношении должен был оказать существенную помощь бывший флагманский минер одного из кораблей Черноморского флота Советского Союза С.Д. Солоухин.

Продолжая начатую им работу, Николай Ильин и я оказались на специально оборудованном полигоне, расположенном примерно в семи милях от Картахены. Все необходимые условия для пристрелки торпед имелись. Это касалось глубины 30–40 метров и почти закрытого от ветров плеса.

Работать приходилось помногу часов без отдыха. Вспоминается приготовляемая нашими испанскими друзьями уха из свежей рыбы, только что выловленной в море. Мы предпочитали ее жареной или даже копченой рыбе.

После того как все имевшиеся в распоряжении командования республиканского флота торпеды получили необходимые формуляры, Н. Ильин приступил к исполнению обязанностей советника минера, а я, оставаясь на берегу, выполнял ряд заданий. В числе наиболее ответственных и опасных было участие в походе из Картахены в Барселону на одном из миноносцев. Переход имел большое значение для Испанской Республики. Он должен был обеспечить переброску из Картахены имевшихся государственных запасов золота и серебра. Признаюсь, при погрузке на корабли больших слитков я был поражен

количеством этих запасов.

Переход прошел благополучно. Правда, пришлось не спать несколько ночей. Для этого всем, кто стоял на вахте, приносили крепкий черный кофе, иногда даже с коньяком. Неприятности начались только после прибытия в Барселону. Пришлось пережить прицельную бомбардировку вражеских самолетов, видимо выполнявших задание мятежников после того, как тем удалось установить цель прибытия наших кораблей. Благодаря интенсивности зенитного огня, открытого с кораблей и береговой обороной, они не добились никакого успеха. Тем не менее, должен признаться, находиться на корабле, дрожащем от разорвавшихся бомб, и слышать звуки их разрыва было жутко. Даже страшнее, чем то, что я пережил при переходе на подводной лодке, когда ее обстреливали глубинными бомбами. Безусловно, мы могли бы покинуть корабль и укрыться где либо на берегу, но это было совершенно недопустимо, ибо могло возникнуть сомнение в храбрости советских добровольцев и послужить ярким примером их трусости.

Как только воздушный налет закончился, военные моряки и прибывшие на корабли бойцы береговой обороны срочно начали перегружать привезенные слитки на стоящие в порту грузовики, охраняемые вооруженными постами.

Выполнив это задание, мы на кораблях вернулись в Картахену. Совершенно неожиданно я был привлечен к работе непосредственно с главным военно-морским советником О., прибывшим незадолго перед этим из Советского Союза и сменившим В.А. Алафузова.

Этот новый главный советник был вскоре внезапно вызван в Москву. Ему предстояло еще организовать несколько встреч с испанскими официальными лицами в Барселоне и Париже. На его место был назначен Н.А. Питерский.

Причина вызова в Москву была в Картахене неизвестна, никто не мог предвидеть и того, как долго продлится его пребывание на Родине.

Поскольку я фактически был его переводчиком, а срок моего пребывания в Испании уже истек, он предложил мне сопровождать его. Не исключаю возможности, что ему хотелось, чтобы я составил компанию ему не только в Барселоне и Париже, но и в пути. Чувствовалось, что он находится в нервном состоянии.

Барселона–Париж–Гавр–Париж–Барселона

Выполнив все необходимые формальности, получив выездные визы из Испании и транзитные французские, закончив все предусмотренные планом мероприятия, мы прибыли в Париж.

В Париже нам надлежало пробыть почти целую неделю в ожидании прибытия отечественного теплохода в Гавр. Отпущенные нам свободные дни мы провели хорошо, побывали в музеях, в театрах, в магазинах, купили различные подарки, а я даже приобрел себе американскую портативную машинку фирмы «Ундервуд» и хороший радиоприемник. Я выполнял не только обязанности переводчика, но и был товарищем, с которым можно было поделиться своими не всегда спокойными мыслями.

Настал день нашего отъезда в Гавр. Поскольку билеты на теплоход уже были приобретены, нам больше ни долларов, ни франков не было нужно, мы пригласили к обеду уже в Гавре Н.Н. Васильченко и его помощника. Только на оплату ресторана мы и оставили необходимые франки, а остальные полностью израсходовали.

Николай Николаевич Васильченко и его помощник прибыли в обусловленное время в Гавр. Мы в дружеской обстановке, мило беседуя, пообедали. Надо было уже направляться к теплоходу. Наши вещи были заранее погружены. И вот тут произошло событие, ужасно меня взволновавшее.

Встав из-за стола, Николай Николаевич и подполковник Д. очень дружелюбно прощались с отбывающим на Родину по вызову О. Меня удивило, что со мной Николай

Николаевич не прощается, не прощается и его помощник. Возникал единственно возможный вывод: несмотря на ранее установившиеся между нами дружеские отношения, видимо получив какие то недоброжелательные сведения обо мне, они решили не портить своей репутации, тепло прощаясь с подозрительной личностью. Нельзя забывать, что был 1938 год и мы уже знали о многих имевших место в Советском Союзе репрессиях.

Я протягиваю первым руку для прощания с Н.Н. Васильченко. Он отводит взгляд в сторону и правую руку кладет во внутренний карман пиджака.

С явно смущенным видом Николай Николаевич протягивает мне полученную из Москвы и уже расшифрованную телеграмму, в которой сообщается, что в соответствии с принятым решением мне надлежит вернуться в Испанию для обеспечения успешного перехода через франко-испанскую границу группы наших летчиков, находящихся в Париже. (Это задание, несмотря на его сложность, было мною полностью выполнено.)

Несколько успокоившись полученным разъяснениям, я все же был взволнован уже по другой причине. Все мои вещи находились на теплоходе уже сутки. При мне был небольшой несесер, в котором были только моя пижама, бритва, зубная щетка и зубная паста! На мне был надет хороший гражданский костюм. Как же я буду опять жить в Испании?

Я не успел еще задать вопрос, как Николай Николаевич разъяснил мне, что вещи мои будут доставлены ответственными лицами на таможду в Москву и будут храниться до моего прибытия. Для того чтобы я мог приобрести нужные мне вещи... Смеясь, он вручил мне конверт с долларами.

Вернувшись в Испанию, я некоторое время находился при штабе главного советника в Барселоне, а затем по моей личной просьбе был направлен на фронт для участия в предстоящих боях по защите от мятежников и их итало-германских союзников столицы Каталонии Барселоны.

Находясь на фронте под Барселоной, я познакомился с генералами Франсиско Галаном и Энрике Листером. С Энрике Листером мы иногда встречались уже после Второй мировой войны в Советском Союзе. Участь Франсиско Галана мне неизвестна.

Дни, проведенные на подступах к Барселоне, тоже запомнились надолго. Там мне пришлось сотрудничать с советником Дмитриевым. Я уже полностью втянулся в новую жизнь, и обстоятельства заставляли забыть о возвращении на Родину. Надо было дожидаться исхода битвы по обороне Барселоны. Признаюсь, на фронте я чувствовал себя несколько более уверенно, чем в начале моей службы на республиканском флоте.

Осенью 1938 г. я вернулся в Москву. Вскоре узнал, что 14 ноября 1938 г. по просьбе испанского командования Ивану Алексеевичу Бурмистрову, награжденному в январе 1937 г. орденом Красного Знамени, Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза за успешный прорыв на подводной лодке через Гибралтарский пролив. Он был первым моряком Военно-морского флота СССР, удостоенным этого звания. 22 февраля 1939 г. этого высокого звания был удостоен Николай Павлович Египко.

В сборнике «Солидарность народов с Испанской Республикой» (М.: Наука, 1972. С. 253) приятно было прочитать о нашем переходе через Гибралтар: «И.А. Бурмистров и Н.П. Египко прославились труднейшим походом своих подводных лодок из Франции, где они находились на ремонте, вдоль Атлантического побережья Пиренейского полуострова через Гибралтарский пролив в Картахену, то есть по маршруту, почти на всем протяжении контролируемому фашистами».

Еще до Великой Отечественной войны мы встречались в Москве и Ленинграде с Иваном Алексеевичем. Я был счастлив познакомиться его с моими родителями. О наших встречах в Советском Союзе я расскажу далее.

Сейчас только хочу отметить, что после возвращения на Черное море Иван Алексеевич был назначен командиром 1-й бригады подводных лодок. Перед началом Великой Отечественной войны его направили в г. Николаев для проведения испытаний и усовершенствования наших подводных лодок. После начала фашистской агрессии И.А. Бурмистров из Николаева прибыл в Севастополь. Он принимал участие в

Керченско-Феодосийской операции, исполнял обязанности старшего морского начальника городов и портов Ялты, Феодосии и Геленджика.

После окончания командного факультета Военно-морской академии продолжал службу на Балтике командиром соединения подводных лодок. В связи с ухудшившимся состоянием здоровья по личной просьбе был направлен в Высшее военно-морское училище им. В.М. Фрунзе на должность старшего преподавателя тактики флота.

В 1950 г. капитан 1-го ранга Герой Советского Союза И. А. Бурмистров по состоянию здоровья вышел в отставку. Вернувшись в родной Ставрополь, стал директором кожевенного завода, на котором начинал свою трудовую деятельность. Был избран депутатом городского Совета.

28 августа 1962 г. после перенесенной операции в НИИ г. Ростова на Дону Иван Алексеевич скончался от заражения крови. Его хоронило буквально все население Ставрополя.

Сейчас Евдокия Степановна, вдова Ивана Алексеевича, и их сын с женой проживают в Ставрополе на улице Бурмистрова. И.А. Бурмистров является почетным гражданином Ставрополя.

В феврале 1988 г. был спущен на верфи в Штральумунде (ГДР) супертраулер «Иван Бурмистров», ставший флагманом «Керчьрыбпрома».

Я счастлив, что бывал в Ставрополе, познакомился с Евдокией Степановной, вместе с ней мог отдать долг памяти, посетив могилу Ивана Алексеевича и его младшего сына Володи. Со старшим сыном Анатолием Ивановичем и его женой Раисой Петровной встречаемся регулярно. Мы с Анатолием Ивановичем были очень взволнованы и рады, когда нам удалось встретиться на супер-траулере «Иван Бурмистров» в Таллине с его экипажем. Для меня это была особенно волнующая встреча, ибо почти 50 лет тому назад мы вместе с тем, чье имя было присвоено вполне заслуженно супертраулеру, совершили переход на подводной лодке через Гибралтар.

Выступая перед экипажем супер-траулера, рассказывая о нашей совместной службе на испанском республиканском флоте, я особо подчеркнул роль Ивана Алексеевича в моей личной жизни.

Читатели могут легко вспомнить, что я уже неоднократно указывал, что мне в жизни очень повезло. По существу, основными моими воспитателями, конечно кроме родителей, были те замечательные люди, с которыми мне довелось встречаться и работать. Это были С.М. Киров, И.И. Газа, Н.Ф. Нионов, Н.Н. Воронов, и к ним мне хочется добавить славное имя Ивана Алексеевича Бурмистрова.

ГЛАВА VI. Барселона–Париж–Берлин–Москва

Итак, приблизился день моего прощания с Испанией, которая явилась первой столь мощной платформой международной солидарности народов, интернационалистов из 53 стран. По данным генерала Гомеса, с ноября 1936 по апрель 1938 г. через базу подготовки интернационалистов и формирования отдельных подразделений было направлено на фронт 52 тысячи добровольцев, в том числе за периоды: по март 1937 г. – 18 714 человек, с апреля по июль – 6017, с августа по 15 ноября – 7781 и с 16 ноября 1937 по апрель 1938 г. – 19 472 человека. Важно подчеркнуть, что среди добровольцев, по статистическим данным, опубликованным в печати, коммунистов и комсомольцев различных стран было не более 59,7%, членов социал-демократических партий – 6,8%, беспартийных – 31,4%, добровольцев с неустановленной партийностью – 2,1%. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что в Испании в числе добровольцев были исключительно коммунисты, боровшиеся за установление в стране коммунистического государственного строя, являются абсолютно ложными.

Правда, я должен, со своей стороны, подчеркнуть, что названная цифра – 52 тысячи – может тоже вызвать некоторое сомнение. Во-первых, многие прибывавшие из

испано-язычных стран могли вливаться непосредственно в существующие на фронтах воинские подразделения республиканской армии, не проходя регистрацию на базе. Во-вторых, в это число могли входить и раненые интербригадовцы, проходившие повторно регистрацию на базе перед новым направлением на фронт.

Хотелось бы особо отметить, что, по разным статистическим данным, возможно тоже не совсем точным, наибольшее количество зарегистрированных интербригадовцев было из Франции – 10 тысяч (по некоторым источникам – 8,5 тысячи), поляков – 5 тысяч, итальянцев – 4 тысячи, американцев – 3,8 тысячи (по некоторым источникам – 3 тысячи), австрийцев и бельгийцев – по 2 тысячи.

Признаюсь, уже тогда, в 1938 г., часто задумывался над тем, могу ли я гордиться тем, что моя Родина доверила мне быть в числе советских добровольцев интернационалистов, ведь, как уже известно, на протяжении всей войны нас было всего около 3 тысяч, в том числе 772 авиатора, 351 танкист, 222 военных советника и инструктора, 100 артиллеристов, 77 моряков, около 200 переводчиков и др. Хочу попутно повторить, что уже многим известно: впервые за боевые заслуги 59 воинов, сражавшихся в Испании, удостоены звания Героя Советского Союза.

Да, я покидал Испанию. Мне было радостно, потому что я возвращался на Родину. Мне было очень грустно, потому что я покидал так полюбившуюся мне страну, ее прекрасный народ. Я чувствовал, что этот народ по своему характеру, отношению к людям очень близок нам, приехавшим из Советского Союза. Мне было трудно объяснить истоки этой дружбы. Этот вопрос меня не покидал много лет, а особенно усиливался во время встреч с испанцами в период Второй мировой войны, в послевоенный период.

Ответ в четкой форме я получил, только ознакомившись с «Письмами из Испании» (1847 г.), написанными русским публицистом, переводчиком и критиком Василием Петровичем Боткиным (Л.: Наука, 1976). Эти письма – результат путешествия В.П. Боткина по Испании в 1845 г.

Еще более сильное впечатление на меня произвело прочитанное в воспоминаниях выдающегося русского художника Константина Алексеевича Коровина («Константин Коровин вспоминает...». М., 1971). Он прямо, находясь в 1888 г. в Испании, восклицал: «Почему эти, совершенно другие, люди похожи на русских?» (с. 488). Да, действительно, продолжая эту мысль, пишет ученица академика И.М. Майского, Вера Владимировна Кулешова, в своей книге «Испания и СССР. Культурные связи 1917–1939 гг.» (М.: Наука, 1975): «Как испанец в России, так и русский в Испании, несмотря на непохожесть и своеобразие обеих стран, ощущали нечто близкое, знакомое, родное» (с. 16).

Больше того, знакомясь непосредственно с разными произведениями многих выдающихся деятелей испанской культуры, в том числе Унамундо, Х. Ортега-и-Гассет, Мачадо, П. Пикассо и рядом других работ по литературе и культуре, можно также убедиться, что и они признавали сходство русского и испанского характеров.

Пересекая французскую границу, мы невольно задумывались о том, что будет с Испанией в будущем. Неужели одержат верх фашиствующие элементы, неужели в результате преступной политики ряда стран, названной «невмешательством» во внутренние дела Испанской Республики, измученный испанский народ будет побежден?

И вот я уже на территории Франции, в Париже. Встреча со ставшим мне уже близким Николаем Николаевичем Васильченко. От него узнаю, что к отъезду на Родину готовятся еще два советских добровольца, которых я хорошо знал по службе на республиканском военно-морском флоте: И.А. Яхненко (в настоящее время контр-адмирал в отставке, проживает вместе со своей женой Людмилой Васильвной в Ленинграде, между нами продолжают близкие дружеские отношения) и советник Михайлов.

Н.Н. Васильченко понимал, что уже и так задержавшись в Испании после первого намечавшегося отъезда на Родину на теплоходе из Гавра, мне хотелось ускорить прибытие в Москву. Он подчеркнул, что в силу сложившихся отношений между Советским Союзом и фашистской Германией принимались меры максимальной осторожности, а поэтому все наши

добровольцы, направлявшиеся в Испанию и возвращавшиеся на Родину после выполнения своего долга интернационалиста, избегали пользоваться железнодорожным транспортом, проходившим в большей части по территории Германии. В данном случае он предложил нам направиться в Советский Союз поездом. Посоветовавшись с моими друзьями Яхненко и Михайловым, нами было принято решение согласиться с предложением военного атташе.

Мы начали готовиться к отъезду. В Париже у меня не было никаких дел. Это было очень кстати – иметь свободное время. Хотелось еще раз ознакомиться с прекрасным Парижем. Посещением многих исторических мест подтвердить все то, что я знал об этом всемирно известном городе, много лет уже тщательно изучая французских классиков и современных писателей в подлинниках или в переводе на русский язык. Мне, как всегда, очень помогали Николай Николаевич и его жена.

И вот настал день отъезда домой, на Родину. В поезде нас должно было быть трое. Невольно казалось, что наши высококачественные, недавно приобретенные часы замедлили ход. Нам очень хотелось побыстрее прибыть в Москву.

Парижский вокзал. Поезд подан. На этот раз нас никто не провожал, не следовало подчеркивать нашу «значимость» перед проводником и другими попутчиками, для многих из которых пунктом назначения была Германия. Нельзя было исключать возможности, что среди пассажиров находились те, кто враждебно относился к Советскому Союзу и к нам, его гражданам.

Последнее прощание с городом, городом нашей детской мечты, с его многими достопримечательностями, и в первую очередь Эйфелевой башней и собором Парижской Богоматери, Триумфальной аркой на площади Звезды (теперь площадь де Голля. – Л.Г.), площадью Бастилии, Гранд-оперой и т.п.

Поезд тронулся. Мы не можем оторваться от окон, внимательно наблюдаем за простирающимися перед нами замечательными ландшафтами. Любуемся и теми зданиями станций, встречающихся на нашем пути. Нам предстояло проехать по территории Франции, Бельгии, Германии и Польши.

Мы отлично понимали, что вряд ли нам еще придется побывать в этих местах. Прожив некоторое время в беспокойной обстановке за рубежом, верилось, что в дальнейшем мы будем рядом с нашими дружными семьями. У кого еще не было собственной семьи, казалось, что уже настало время задуматься и над этим вопросом.

Бельгию мы знали мало. Четко не могли себе представить, что она и ее парод представляют собой. Через ее столицу мы должны были проехать в Берлин, а затем через Варшаву, с пересадкой на поезд, уже на территорию Советского Союза.

Самое большое впечатление на нас произвел вокзал в Берлине. Вернее, то, что мы увидели во время нашей остановки в столице Третьего рейха. На вокзале было много народу. Это не могло нас особо поразить, ведь это столица большого европейского государства. Нас поразило то, что большинство находящихся на платформах были одеты в военную форму, а у некоторых, почему то были погоны только на одном плече. Были и люди в черной форме. Что бы это могло значить? Ответить на этот вопрос мы, естественно, в то время еще не могли.

Во время стоянки поезда чувствовали себя настороженно. Ведь мы были в стране, где господствовала Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП), по существу, самая мощная фашистская партия. Сразу хочется внести некоторую ясность. В 1936 г., по имеющимся статистическим данным, в 20 европейских странах существовало 49 фашистских организаций. Поговаривали даже о том, что наступил «век фашизма», и о возможности создания «фашистского интернационала».

Покинув Берлин, мы немного успокоились, но полностью тревога нас не покидала: предстояла повторная проверка паспортов и багажа на границе между Германией и Польшей. Невольно вспоминался рассказ Николая Николаевича о том, что перед тем, как с нашей стороны были прекращены транзитные поездки советских граждан через Германию, и в первую очередь добровольцев-интернационалистов, фашистами допускался ряд провокаций,

вплоть до того, что отпарывали подошвы на обуви, с тем чтобы проверить, не помещены ли там какие-либо разведывательные, направленные против рейха материалы.

Поездка прошла спокойно, вагон был весьма комфортабельный, проверка на границе прошла без всяких эксцессов. Мы оказались в Польше. В Варшаве мы должны были несколько часов подождать поезда, отправляющегося в Советский Союз. Мы уже знали, что существует разница в ширине колеи железнодорожных путей между европейскими странами и Советским Союзом. Именно поэтому ждали другой состав, с другими, отечественными вагонами.

Мы решили воспользоваться кратковременным пребыванием в Варшаве и осмотреть город. На вокзале и на подходах к нему мы увидели с большим вкусом одетых женщин и мужчин в хорошо сшитых костюмах. Это в последующие годы подтвердило рекомендации пользоваться в Бельгии и даже во Франции при пошиве одежды услугами польских портных, число которых в этих странах резко увеличилось после оккупации немцами Польши.

Мы сели в наш вагон. Мы удивились неряшливостью занятого нами купе, а особенно вагону ресторану, они резко контрастировали с предыдущим. Нет, это не вызвало у нас возмущения, а, скорее, только улыбку.

Оказавшись в вагоне-ресторане, мы решили пообедать. Трудно себе представить, с какой радостью мы заказали, в первую очередь, наш любимый борщ, а также настоящий черный хлеб, по которому мы так соскучились. Уплетая все с удовольствием, мы были в неопишемом восторге и даже решились прикоснуться к рюмочке, опять-таки отечественной, водки.

Пересекли границу... Встретились с нашими родными пограничниками и таможенниками. Думаю, что имею право от имени нашей тройки, возвращающейся на Родину, честно заявить, что нам очень хотелось обнять и поцеловать таможенников и пограничников, а быть может, даже, став на колени, поцеловать нашу любимую, нашу родную землю.

Удивило и проявленное по отношению к нам работниками Наркомата обороны СССР внимание. На границе каждый из нас получил, уже не смогу точно вспомнить, в каком размере, денежный перевод. Именно эти деньги обеспечили нам возможность воспользоваться услугами вагона-ресторана и приобрести свежие газеты.

Итак, поезд приближает нас к Москве. Для нас это был один из самых счастливых дней. Какое счастье оказаться у себя на Родине.

Лично я думал, что, отчитавшись за свои действия во время двойного моего пребывания в Испании, я вскоре вернусь домой к уже далеко не молодым родителям, ведь отцу было уже около семидесяти лет. Не менее важным я считал для себя продолжение учебы в институте.

Пользуясь городским транспортом, мы приблизились к Гоголевскому бульвару и пешком проследовали к тому же зданию, в котором получили в свое время «путевку» добровольца-интернационалиста для участия в национально-революционной войне в Испании.

Необходимые для входа в здание пропуска уже были заказаны на наше имя в бюро пропусков. Нас принял командир РККА с тремя шпалами на петлицах. Теперь это означало бы полковник. Беседа была не особенно продолжительной. Принимавший нас товарищ поздравил с благополучным возвращением и с представлением к правительственным боевым наградам. Об этом сказал на приеме и комдив Гендин. Правда, этой правительственной награды я, как и многие другие, вернувшиеся из Испании во второй половине 1938 г., не получил. Уже после Великой Отечественной войны нам объявили, что по распоряжению лично И.В. Сталина в связи с «поражением» Испанской Республики и «победой» Франко всем, не получившим еще ордена, в выдаче отказано. Это был первый случай, когда справедливость правительства нашей страны по отношению ко многим из нас, в том числе и ко мне, «восторжествовала». Известно, что в начале событий в Испании наши добровольцы, только прибыв в Испанию, уже награждались как минимум орденом Красной Звезды.

Нас разместили в Подмоскowie на даче, где мы могли отдохнуть несколько дней, составить подробный письменный отчет о наших действиях, а затем вкратце изложить его на приеме Гендину.

Вскоре мы были приглашены на прием к заместителю начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА комдиву (генерал-лейтенанту) Гендину. Я хочу сразу оговориться: «к заместителю начальника Главного разведывательного управления», так как товарищ Гендин занимал кабинет, на дверях которого была надпись «Заместитель начальника», а фактически все работники этого Управления считали его своим непосредственным начальником. У многих из нас возникал естественный вопрос: кто же в действительности являлся начальником Управления? На этот вопрос четкого ответа не мог дать никто.

Невольно вспоминается услышанное в кулуарах, что уже на протяжении нескольких лет чекисты добивались прямого подчинения Главразведупра Генерального штаба РККА только их ведомству. Больше того, даже поговаривали, что Ежов лично, а вернее, по принятому И.В. Сталиным решению, добился возможности прибрать к рукам это важное ведомство, многие годы находящееся в непосредственном составе РККА. Якобы именно он лично возглавил его. Если это было именно так, то многое, в том числе и из моей личной жизни, получает достаточно полное объяснение.

Определять истинное положение вещей я не берусь. Однако неоспоримым является, с моей точки зрения, тот факт, что подобная конкурентная борьба между двумя наркоматами (а затем и министерствами) наносила значительный ущерб нашему государству. Сейчас это подтверждено многими фактическими материалами. Что касается самого Гендина, то в 1938–1939 гг. большинство работников ГРУ утверждало, что на этот пост он выдвинут по линии НКВД СССР. Больше того, поговаривали, что звание комдива не было армейским, а получил он его на службе в НКВД.

Можно предположить, что этой борьбой объясняются даже массовые аресты советских разведчиков, сыгравших значительную положительную роль в получении весьма важной информации в предвоенные и военные годы.

Арестам и жесточайшим репрессиям подверглись и многие руководители Главразведупра НКВД СССР. Назову только несколько наиболее известных имен. Среди незаслуженно репрессированных был и Ян Карлович Берзин, находившийся на службе в РККА с 1919 г. С 1921 г. – на службе в разведывательном управлении РККА, в 1924–1935 и 1937 гг. являлся начальником Главного разведывательного управления РККА. Перерыв в работе на этой должности объясняется тем, что в 1936–1937 гг. Я.К. Берзин являлся всеми уважаемым, весьма грамотным и отважным главным военным советником республиканской армии в Испании. Список можно продолжить, назову лишь имена тех, кого я лично знал или о которых многое слышал. Это С.П. Урицкий, И.И. Проскуров, заместители начальника Управления Гендин, Орлов, Давыдов, Никонов, также были репрессированы многие начальники отделов.

Сейчас установлено, что при активном участии Ежова, а быть может, и еще в большей степени Берии и Абакумова, а в ряде случаев по решению непосредственно И.В. Сталина была ликвидирована зарубежная разведывательная сеть, создававшаяся годами с большими трудностями, и полностью ликвидированы многие резидентуры и члены советских разведывательных резидентур, а многие были изолированы в тюрьмы и ИТЛ Советского Союза уже в послевоенное время.

В моих дальнейших воспоминаниях я остановлюсь еще достаточно полно на действиях репрессивных органов, направленных против армейской разведки. Сейчас хочу продолжить только воспоминания о том, что ожидало меня после возвращения в Москву.

После того как мы отдохнули на подмосковной даче, составили подробные письменные отчеты, за нами была прислана автомашина, доставившая в Главразведупр, где мы были приняты лично Гендиным в его рабочем кабинете.

Вместе с нами там было еще несколько высших и старших командиров. Мы коротко

доложили о выполненных нами обязанностях в Испании, ответили на малочисленные вопросы и собирались уже покинуть кабинет высокопоставленного начальника.

Вновь мне пришлось пережить некоторые волнения. Гендин очень дружелюбно попрощался с моими попутчиками, не стал задерживать у себя в кабинете и присутствующих при нашей беседе командиров, а на меня, как мне показалось, не обращал никакого внимания. Совершенно неожиданно он вдруг попросил, подчеркиваю – попросил, меня задержаться.

Не успели выходявшие из кабинета командиры закрыть за собой дверь, как Гендин предложил мне подойти к его письменному столу и сесть в стоящее возле стола кресло, а второе, напротив меня, уселся сам.

Он заговорил совершенно другим тоном, мне даже показалось, дружелюбным. У меня не было времени долго задумываться, но уже по имевшейся привычке я подумал, что это дружелюбие объясняется исключительно тем, что я был еще слишком молод, но успел добросовестно выполнить немало важных заданий по линии командования в Ленинграде, а затем и в Испании. Неожиданно я услышал, что попытаюсь, несмотря на годы, отделяющие меня от того дня, воспроизвести более или менее дословно:

- Анатолий Маркович, мы изучили полученные отзывы о вашей боевой деятельности в Испании по докладам главного военно-морского советника товарища Орлова и вашего командира подводной лодки Ивана Алексеевича Бурмистрова. Они были весьма положительными и в некоторой степени даже нас удивили. Вас характеризовали как исполнительного, грамотного, энергичного, инициативного и способного рисковать собственной жизнью во имя безупречного выполнения своих обязанностей в самых рискованных и сложных ситуациях. Изучив эти отзывы, мы решили предложить вам остаться на службе в аппарате нашего Управления. Это предложение сопряжено с возможностью продолжения вами работы по нашей линии непосредственно за рубежом, что, естественно, резко отличается от всех видов выполняемых вами до настоящего времени работ. В этом отношении вам в значительной мере могут помочь приобретенные знания иностранных языков и практическом их применении при общении с иностранцами. Мы имеем в виду знание испанского, французского и немецкого языков. Кроме того, несколько лет, проведенных в институте «Интурист», позволили вам освоиться в области гуманитарных наук. Конечно, мы подготовим вас в достаточной степени для работы за границей. Прежде всего, нам было бы интересно узнать ваши дальнейшие жизненные планы.

Несколько растерявшись от неожиданных вопросов, я, немного подумав, высказал вслух те планы, которые уже долгое время вынашивал в голове, они были связаны с моим возвращением на Родину. Я подчеркнул свое желание вернуться как можно скорее к своим родителям, отдохнуть от значительной нагрузки, перенесенной при выполнении возложенных на меня задач.

Мы оба, задумавшись, продолжали сидеть в креслах. В моей голове стремительно пронеслись различные мысли, часто совершенно противоречивые. Я всегда хотел служить своей Родине, своему народу всеми силами, часто, не боясь за свою жизнь, я действительно рисковал ею – на подводной лодке, на эсминцах, на фронте под Барселоной. Неотвратимо возникал вопрос: а какое задание, какая работа командованием будет предложена на этот раз? Нет, думал я, если комдив от имени командования предлагает мне новую работу, я не имею никакого морального права отвергать ее! Я должен отказаться от всех своих планов на будущее и согласиться с этим предложением. Несколько поколебавшись, я дал согласие.

Слегка улыбнувшись, этот казавшийся мне строгим и малоразговорчивым человек, видимо, понял все то, что происходило со мной, что творилось в моей голове, и продолжил: «Сейчас мы вам предоставим возможность отдохнуть два месяца (по двум путевкам – в Кисловодске и Сочи), а затем вы проведете несколько месяцев в Москве с целью вашей подготовки для выполнения сложной и специфической работы».

Конкретно, о какой работе за рубежом идет речь, Гендин не сообщил, пообещав все уточнить после моего отдыха, при очередной нашей встрече. Пересев за свой письменный

стол, начальник Управления позвонил по телефону еще неизвестному мне человеку по фамилии Бронин и предложил зайти в его кабинет. Через несколько минут вошел немолодой уже человек в военной форме, на петлицах которой виднелся ромб, что означало – комбриг. Он, стоя по стойке «смирно», отрапортовал Гендину, что явился по его приказу. Затем, протянув мне руку, представился: комбриг Бронин (что соответствует теперешнему званию генерал-майора). В первый день нашего знакомства я не думал, что именно с ним будет во многих отношениях связана моя дальнейшая судьба.

Выждав некоторое время, дав нам возможность познакомиться, Гендин предложил комбригу Бронину сесть и, видимо, продолжил состоявшийся ранее между ними разговор обо мне. Вот его краткое содержание:

- Мы правильно предвидели то, что Анатолий Маркович согласится принять наше предложение о продолжении своей дальнейшей деятельности в советской разведке. Как мы уже условились с вами, дадим ему возможность некоторое время отдохнуть, а затем приступим к совместной работе. Кстати, как решился вопрос о путевках в военный санаторий в Кисловодск и Сочи?

Услышав от комбрига Бронина ответ, что путевка в Кисловодск уже готова и срок её действия начнется через неполных две недели, то есть после того, как я смогу побывать в Ленинграде и повидаться с моими родителями и друзьями, подготовиться к пребыванию в санаториях. Гендин очень любезно пожал мне руку, пожелал всего хорошего и выразил убеждение, что наша совместная работа будет успешной и, самое главное, полезной для нашего государства и нашего народа.

Я был очень удивлен проявленным дружелюбием и не очень официальным тоном его разговора со мной. В то же время был бесконечно рад и, признаюсь, даже горд тем, что со мной, не достигшим еще двадцатипятилетнего возраста парнем, в такой дружеской и необычно простой, не боюсь даже сказать, чисто товарищеской форме разговаривает столь высокопоставленный человек в системе РККА.

Мы попрощались с Гендиным и вместе с комбригом прошли в его кабинет. Я попросил разрешения закурить. Хотя сам комбриг не курил, приоткрыв окно, разрешил.

Товарищ Бронин поинтересовался событиями в Испании и моим личным участием в переходе на подводной лодке «С-4» через Гибралтарский пролив. Я понял, что мой собеседник был уже в курсе затронутого вопроса, и подумал, что он узнал обо мне довольно подробно из моего личного дела, а о моем участии в переходе на подводной лодке лично от Ивана Алексеевича или из его письменного доклада.

Перед тем как мы распрощались, Бронин, предварительно позвонив по телефону, прошел вместе со мной в другой отдел, где я получил, видимо, заранее обусловленную сумму денег, а также документ на получение железнодорожного билета из Москвы в Ленинград, а затем из Ленинграда в Москву.

Перед тем как попрощаться, вернувшись со мной в свой кабинет, товарищ Бронин уточнил дату начала моего пребывания в санатории в Кисловодске, а следовательно, и день моего возвращения в Москву. Для установления в случае надобности связи с ним сообщил номер своего служебного телефона.

Перед тем как приступить к описанию встречи в Ленинграде с моими родителями, родственниками и друзьями, моего отдыха в военном санатории, я хочу еще раз с особой настойчивостью повторить, что не был в курсе той работы, которую мне предложили. Честно говоря, я думал, что некоторое время я останусь работать в Москве, а затем выеду на работу за границу, возможно, с прикомандированием к аппарату военного атташе в одной из зарубежных стран. Выбор этой страны, скорее всего, будет зависеть от того, каким языком я в достаточной степени владею. Это означало, что, скорее всего, это будет одна из франко или испано-язычных стран или Германия.

Счастливым и радостным, я начал готовиться к отъезду домой, в Ленинград. Это оказалось тоже непросто. Прежде чем приобрести для себя железнодорожный билет, надо было получить на таможне хранившийся багаж, который, как я уже говорил, был погружен в

Гавре на теплоход, когда я должен был вместе с Орловым вернуться на Родину.

Времени у меня оставалось мало, а надо было еще посетить моих родственников и друзей в Москве. Должен признаться, что и это оказалось не совсем просто. В то время в Москве были еще живы три сестры и брат моей матери, также мои двоюродные сестра и брат и друзья. У всех побывать я, безусловно, в оставшиеся дни не мог. Однако своих родственников успел навестить. Дни, проведенные в Москве, послужили для меня в какой-то степени еще одной жизненной школой. Прежде всего, в то время я не считал себя вправе рассказывать о моем участии в национально-революционной войне в Испании. В те годы у нас в Советском Союзе это было не принято. Нелегким был и другой урок. Родственники знакомили меня со своими друзьями, часть из которых, правда, я уже знал. Среди старых и новых знакомых были хорошенькие молодые девушки. Если раньше я не мог даже ухаживать за полюбившимися мне девушками, потому что для этого просто не было времени, то теперь я был занят совершенно другими мыслями. Мне предстояло встретиться с моей матерью и отцом, с другими родственниками. Возникал вопрос: что я могу им рассказать о моей «длительной командировке на Дальний Восток»? Так из Испании я писал в моих письмах. А ведь, получив мой багаж, скрывать его содержание ни от кого не смогу. В то же время по всем привезенным мною вещам было видно, что они приобретены за границей. Но самым тяжелым являлось то, что я не смогу никому рассказать о предстоящей в будущем работе. Нет, не потому, я думал, что будет она связана с нелегальной деятельностью за рубежом, а просто потому, что я и сам о ней ничего подробно не знаю. Я помнил только одно, что Геидин и Бронин рекомендовали мне о состоявшемся между нами разговоре пока никому не говорить. Это относилось даже и к тем товарищам, с которыми я приехал в Москву и которые знали, что Гендин меня оставил у себя в кабинете.

Настал день моего отъезда в Ленинград. О моем прибытии в Москву я сообщил родителям по телефону. Меня с нетерпением ждали.

Родители, сестра с мужем и маленькой дочкой продолжали жить на углу улицы Чайковского и проспекта Чернышевского. Несмотря на то, что квартира была коммунальной, она была очень хорошей. Этот дом когда то принадлежал архитектору, профессору и был построен по его собственному проекту. Сам профессор Чижов вскоре после революции принял новую власть. Он уже давно умер, а его жена и дочь с мужем жили в большой квартире. В нашей квартире было четыре комнаты, одну из них занимали отец и мать, другую, самую большую, – сестра с мужем и дочкой, я – комнату около 20 метров. Все они были изолированными. В четвертой комнате жила небольшая семья. Кстати, несмотря на то, что я во время войны находился на службе в Главразведупре, а мои родные были в блокадные дни эвакуированы, следовательно, на занимаемые комнаты была оформлена бронь, после войны мы лишились нашего жилья, бронь была признана недействительной.

В доме меня многие знали, но привыкли видеть почти всегда в военной форме, а в юношеские годы, когда я учился в школе и работал на заводе, я любил щеголять в юнштурмовке. И вот вдруг я появился, но всем заграничном и даже в мягкой шляпе. Естественно, мне задавали вопрос, что это значит? И в данном случае я не мог ничего объяснить. Не мог даже сказать, где сейчас продолжаю работать! Это тоже было нелегко.

Не буду подробно останавливаться на проведенном в Ленинграде времени. Все дни были очень насыщены. Наш институт «Интурист» слился за это время с 1-м Ленинградским государственным педагогическим институтом иностранных языков. Я был оформлен студентом IV курса французского факультета. Надо было получить все документы, а также выяснить, что надо сделать, чтобы продлить отпуск, то есть прервать обучение на какой-то срок (мне был предоставлен отпуск до 1 сентября 1939 г.).

Хотелось побывать и в штабе ПВО Кировского района, на заводе, где я работал. Были и интересные встречи с моими старыми друзьями, но я всегда испытывал определенную стесненность, что о моей жизни я ничего не могу рассказать.

Время бежало быстро. Надо было торопиться. Предстояло еще множество дел. Я распаковывал привезенные вещи и рассказывал связанные с ними истории, над которыми

очень смеялись мои друзья и родственники. Один из наиболее смешных моментов был связан с приобретенной в Париже кожанкой. Мы почти все покупали пальто из натуральной кожи, так как у нас это было редкостью. Я носил уже много лег пальто, сшитое из кожзаменителя. И вот уже в Москве заметил, что на моем новом пальто нет ни одной пуговицы. Я поинтересовался у таможенника, почему у меня оказались обрезанными все пуговицы? Прежде чем ответить, таможенник показал мне на бочонок, в котором валялось множество подобных моим пуговиц. Только после этого он пояснил, что был получен приказ все пуговицы срезать, так как их поверхность представляет собой сплетение из кожаных полосок, сложенных таким образом, чтобы получилась подлинная фашистская свастика. Я посмотрел на валявшиеся в бочонке пуговицы, приподнял несколько из них, и, честно говоря, мне действительно показалось, что это так. Друзьям я, к сожалению, продемонстрировать эти пуговицы уже не мог.

Отец мой был очень доволен, что я приобрел прекрасный радиоприемник и пишущую машинку. Я не хотел, чтобы кто-либо пользовался машинкой, и закрыл на ключ, имеющийся на футляре замок. Во время войны радиоприемник отец сдал в соответствии с установленным порядком на хранение в районный склад, а после ее окончания и возвращения из эвакуации в Ленинград обратно получить не удалось... он был случайно утерян!

Не могу не вспомнить еще один случай, сохранившийся в памяти. К моменту моего приезда в Ленинграде стояла ранняя осень, было тепло, и сестра с дочкой жили еще на даче в Сестрорецком Курорте. Я решил навестить их и непосредственно на месте вручить маленькой племяннице привезенные для нее подарки – небольшой набор детской одежды. Мне показалось удобнее и ближе к даче выйти на перрон не с той стороны, на которую выходили все пассажиры, а с другой стороны. Я открыл дверь вагона, оказавшуюся не закрытой на замок, и спрыгнул, держа в руках чемодан с детской одеждой. Неожиданно меня задержали дружинники и доставили на станцию, где размещался штаб Комиссии охраны общественного порядка. Действительно, я мог показаться подозрительной личностью. Одетый во все заграничное, с хорошим чемоданом, явно не нашего производства, человек хочет скрыться, а поэтому прыгает с недозволенной стороны из вагона почти на самой границе с Финляндией. В штабе сидела женщина средних лет. Увидев меня, она бросилась ко мне навстречу и громко закричала: «Толя!» Доставившие меня дружинники ничего не могли понять... Она подвела нас к экспозиции, на которой были помещены многие фотографии из истории создания Комиссии охраны общественного порядка (КООП). Среди первых фотографий находилось несколько, на которых был заснят я. Нет, спрыгнув с вагона с другой стороны, я не сократил время моего пребывания у сестры. Здесь, в штабе, я задержался немного и вновь оказался в неудобном положении: не мог о себе рассказать правду. Пришлось многое вспоминать о создании этой организации, о первых годах ее существования, а о себе... И тут мне в голову пришла мысль. Я сказал, что теперь учусь в институте иностранных языков и некоторое время находился на практике за границей по линии Наркомата иностранных дел СССР. Мне поверили, и стало легче на душе, хотя и нелегко, так как всю жизнь выступал против лжи. Поговорив еще некоторое время, мы распрощались и больше никогда уже не встречались.

Наступил день расставания с матерью, отцом, родственниками и друзьями. Прощание было трогательным, но, в то же время совершенно спокойным. Все были убеждены, что после моего отдыха и лечения в санаториях встретимся вновь. Конечно, никто еще не знал тогда, что эти последующие вскоре встречи будут кратковременными, а затем... Затем мы расстанемся на многие годы!

Вновь Москва, гостиница «Националь». Наркомат обороны СССР и поезд Минеральные Воды–Кисловодск. Я в пути... Путевка в санаторий лежит в кармане. Стараюсь ни о чем не думать, но это не получается. Уговариваю себя спокойнее относиться ко всему и быть выдержанным и терпеливым. Отдыхать, отдыхать... И не думать ни о чем.

Осень 1938 г. Кисловодск.

В Кисловодске меня поместили в новый корпус военного санатория. Вместе со мной находится еще один отдыхающий. Кто отдыхает, живет в одной комнате с тобой, сидит в столовой за одним столом – никто не знает. Общаемся только по имени-отчеству. При прибытии в санаторий все сдают одежду в гардероб. В военной форме никого не увидишь, всем дают хорошие белые брюки, если так можно назвать, кителя и белые панамки, белые туфли.

В санатории меня ждал сюрприз, очень радостный сюрприз. Вместе со мной сидел (нам удалось этого добиться) тот самый Михайлов, с которым мы были вместе в Испании в военно-морском флоте, а затем вместе вернулись в Москву и были приняты Гендиным.

Михайлов, очень грамотный военный инженер-моряк, не менее приятный и интересный человек, приехал в санаторий вместе со своей женой. Она была, если не ошибаюсь, уже к тому времени кандидатом математических наук, очень привлекательной, всесторонне грамотной женщиной. Мы проводили вместе значительную часть времени, и это было очень приятно. Иногда, оставаясь втроем, посмеивались над тем, что в Кисловодске можно было уже встретить, в первую очередь, далеко не молодых женщин в разноцветных

пестрых китайских нарядах или в не менее красочных испанских платках. Мы понимали, что мужья, сыновья, братья могли участвовать в боевых действиях в Китае или в качестве первых интернационалистов в Испании, но для большинства отдохавших даже в нашем военном санатории источник этих неожиданно появившихся нарядов был совершенно непонятен. Ведь в те годы широкой информации о выполнении советскими гражданами интернационального долга просто не было.

Это было в последний раз, когда я встречался со ставшим мне другом Михайловым. Что стало с ним потом? На этот вопрос я не могу дать точный ответ, но то, что пришлось много лет спустя услышать, болью отозвалось во мне. Рассказывали, что во время Великой Отечественной войны он был военным атташе или работал в Турции. После войны или в последние ее годы он был отозван в Москву и репрессирован. Повторяю, за достоверность этих данных я не отвечаю. Но у меня нет оснований не верить этому. Ведь сколько из тех, кто сражался в Испании на стороне республиканцев, безвинно пострадали в период злодейских репрессий. Назову только несколько имен из числа тех, кого я лично знал или о которых много слышал: Григорий Михайлович Штерн, Герой Советского Союза; Дмитрий Григорьевич Павлов, Герой Советского Союза; Яков Владимирович Смушкевич, дважды Герой Советского Союза; Ян Карлович Берзин, Владимир Ефимович Горев, Василий Петрович Бутырский, Борис Михайлович Симонов, Петр Иванович Пумпур, Евгений Саввич Птухин, Павел Васильевич Рычагов, Герой Советского Союза, и другие видные военачальники.

Сидя за столом с Михайловым и его женой, прогуливаясь по парку, мы часто вспоминали тех, кто был признан «врагом народа» и понес «заслуженное» наказание. Вынужден с горечью признаться, что мы продолжали верить в И.В. Сталина, в партию и правительство, руководившие нашей страной, нашим народом. Да, мы были не только патриотами, но убежденными в значимости нашего государства интернационалистами. Кстати, наши убеждения разделяли все те командиры, которые отдыхали с нами в санатории.

Я познакомился там с двумя женщинами. Одна из них была значительно моложе другой, кем они являлись, какое отношение они имели к армии, тогда я не знал. Лишь потом, много лет спустя, стало известно, что в то время они были уже на разных должностях сотрудниками Главного разведывательного управления РККА. Познакомился я и с женой одного профессора-химика, который входил в бригаду, осуществлявшую надзор за состоянием лежащего в гробу тела Владимира Ильича Ленина в Мавзолее его имени.

Одна из моих новых знакомых познакомила меня с очень красивой молодой женщиной с прекрасной фигурой. Она держалась весьма скромно и старалась быть всегда в стороне. Меня попросили содействовать улучшению ее морального состояния. Оказывается, это была довольно известная парашютистка «Осоавиахима», а продолжительную путевку в санаторий она получила, потому что недавно трагически погиб ее муж, связанный с ВВС, смерть которого она тяжело переживала. Мы делали все возможное, чтобы она чувствовала себя лучше: стали ходить на концерты, гулять, посещать кинотеатры. Хотя я при прощании с ней получил ее московский адрес и номер телефона, хотя она мне очень нравилась, а точнее, я мог бы признаться, что был в нее просто влюблен, а она тоже хорошо относилась ко мне, я не считал возможным встретиться с ней в Москве или даже переговорить по телефону. Нет, я чувствовал и на этот раз, что не имею права сближаться даже с очень понравившимися мне девушками. К моему счастью, уже тогда к вопросам любви я относился весьма сдержанно.

Мое пребывание в санатории было очень приятным и полезным, но обещанный мне двухмесячный отпуск реализовать не удалось. Меня вызвали в Москву, куда я прибыл непосредственно из Кисловодска и вновь был принят комдивом Гендиным, а затем и комбригом Брониным.

Началась моя новая жизнь, описанию которой я и собираюсь посвятить основную часть моих воспоминаний.

ГЛАВА VII. Вновь Москва. Окончательно беру на себя

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

*Хороша ты, Москва, широка, величава.
Ты Родины гордость и слава ее,
Москва – это сердце Советской державы,
Москва – это счастье твое и мое.*

Подъезжая к Москве, невольно напевал модные в те, уже ставшие далекими, дни слова из песни «Хороша ты, Москва».

Нет, я не лукавил, я действительно очень любил Москву, с нею у меня тоже связано очень много приятных воспоминаний. Правда, на этот раз не знал, что меня ждет впереди, сколько времени проведу я в этом городе, когда смогу поехать не в менее любимый город – Ленинград.

В Москве мне очень хотелось повидаться с родственниками и с живущими там моими друзьями, посетить музеи и театры, побродить по московским улицам и площадям, полюбоваться старинными зданиями.

Поезд сбавляет ход, медленно приближаясь к Москве. Медленно? Быть может, это мне просто так кажется, в стремлении быстрее выйти на привокзальную площадь. Совершенно необъяснимо в голове проносятся мысли, вспоминается сон, который меня не покидает. И вдруг почти дословно звучат слова любимого французского писателя, Виктора Гюго, четко определявшего состояние задумчивости, возникающей у людей. Он говорил:

«...Задумчивость – это мысль в состоянии туманности, она граничит со сном и тяготеет к нему, как к своему пределу. Сон соприкасается с возможным, с тем, что мы называем в то же время невероятным. Мир сновидений – целый мир. Ночь сама по себе – вселенная. Физический организм человека, на который давит атмосферный столб в пятнадцать миль вышиной, к вечеру утомляется, человек падает от усталости, ложится, засыпает; глаза его закрыты, а вот в дремлющем мозгу, отнюдь не таком бездейственном, как думают, открываются иные глаза; перед ним возникает неведомое. Темные видения неизвестного мира приближаются к человеку, потому ли, что действительно соприкасаются с ним, или потому, что призрачная глубина бездны словно надвигается на спящего, чудится, что незримые обстоятельства беспредельности смотрят на нас и преисполнены любопытства к нам, земножителям. Целый мир теней не то поднимается, не то спускается к нам и общается с нами в ночи; перед нашими духовными глазами встает иная жизнь, она возникает и рассеивается, в ней действуем мы сами и что то еще; и сидящий на грани сна и яви как будто различает невероятных тварей, невероятные растения, белесые, страшные или приветливые видения, духи, личины, оборотни, гидры, все это смешение, лунный свет в безлунном небе, загадочный распад чудес, нарастание и убыль среди взбаламученной тьмы, парящие во мраке образы, все то необъяснимое, что мы называем сновидением и что является нечем иным, как приближением невидимой действительности».

На протяжении всей моей радостной, тревожной и тяжелой жизни я не забывал эти слова из забытого произведения Виктора Гюго. Я не имею права и оснований анализировать их с точки зрения науки, хотя и находил оценку этим мыслям в трудах великого русского физиолога и мыслителя Ивана Петровича Павлова.

Казалось, охватившему меня состоянию скованности, неподвижности и задумчивости не будет конца.

С этими мыслями я приближался к перрону вокзала, а вскоре, воспользовавшись городским транспортом – метро, прибыл в знакомое мне здание. Обо всем этом подробно постараюсь рассказать дальше. Сейчас мне хочется несколько подробнее остановиться на том, что произошло за несколько месяцев моего пребывания в Москве.

На приеме у Гендина и очередная беседа с ним

Оформив в установленном порядке пропуск, я легко миновал пост и поднялся в приемную комдива Гендина. Там находилось несколько человек со шпалами и даже ромбами в петлицах. Начальник приемной, увидев мой пропуск и прочитав на нем фамилию, немедленно направился в кабинет Гендина, а через несколько минут, опередив сидевших в приемной и ждавших своей очереди, я был допущен к комдиву.

Он любезно поздоровался и поинтересовался моими успехами во время отпуска. Еще до прихода комбрига Бронина, который, видимо, по поручению Гендина был вызван начальником приемной, у нас началась беседа. Очень кратко он обрисовал международную обстановку, чем, по его словам, объяснялся мой отзыв из отпуска. Не успел комбриг Бронин, вошедший в кабинет, присесть, как Гендин перешел конкретно к содержанию предстоящего разговора.

Он указал, что на время моего пребывания в Москве я буду находиться в распоряжении комбрига и непосредственно от него получать все указания, касающиеся моей подготовки к дальнейшей работе. Было сказано, что моя подготовка не займет много времени по двум причинам: во-первых, надо стараться как можно быстрее выехать к месту назначения, а во вторых, сущность моей работы не требует особо тщательной и длительной подготовки.

Посмотрев в сторону Бронина, комдив, видимо, решил все же частично раскрыть то, что мне предстоит в будущем. Он сказал, что в связи с тем, что не исключена возможность возникновения второй мировой войны, необходимо обеспечить поддержание не только радиосвязи с нашей разведывательной службой в европейских странах, но и почтовой переписки.

Гендин отметил при этом, что мне, как участнику национально-революционной войны в Испании, безусловно, более понятно, чем многим другим, что Германия ставит основной целью не только уничтожение политического коммунистического строя в Советском Союзе, но и завоевание, подчинение себе нашей страны, богатой своими многочисленными природными запасами, плодородными землями. С определенной горечью в голосе комдив сказал, что Германия будет стремиться не только к массовому уничтожению советских граждан, конечно в первую очередь коммунистов и разделяющих их идеологические взгляды, но и к превращению оставшихся в живых в своих рабов.

Исходя из этого, мы обязаны считаться с тем, что через территорию Германии и территории присоединившихся к ней или оккупированных ее войсками стран наши разведывательные органы не сумеют поддерживать прямую, естественно засекреченную, почтовую связь с Москвой в достаточной степени.

Именно поэтому, уже сейчас нами организована в одной из западных стран специальная резидентура, которая должна будет иметь ряд своих филиалов в других странах, особенно в скандинавских, которые, можно надеяться, не примкнут к фашистским агрессорам.

Из разговора я мог понять, что именно в подобную «резидентуру связи» предполагается меня включить. Я понял, что в Москве мне придется пройти подготовку в качестве радиста и шифровальщика. Ни о какой непосредственно разведывательной работе речь не шла.

Видимо прочтя мои мысли, Гендин, уже обращаясь к Бронину, спросил, подготовлено ли уже для меня место и составлен ли план? Получив утвердительный ответ, продолжил: «В плане подготовки Анатолия Марковича надо предусмотреть возможность его поездок в Ленинград к родителям». Он подчеркнул, что семейные встречи, возможно, будут не слишком частыми.

Внимательное отношение ко мне со стороны замначальника Управления на этом не закончилось. Он поинтересовался, каковы мои планы на создание собственной семьи, есть ли у меня уже невеста, любимая девушка?

Я был вынужден признаться, что в силу сложившихся обстоятельств подобных планов у меня пока еще нет. Я не хотел от него скрывать, что в Ленинграде проживает полюбившаяся мне девушка. Еще совсем недавно, преподавая на курсах усовершенствования переводчиков «Интуриста», я заметил ее. Однако близкого знакомства не произошло. После возвращения из Испании в Ленинграде я встретился с моим другом Юрием Зеньковским. Он пригласил меня к Елене Евсеевне Константиновской, проживающей вместе со своей матерью и отчимом на Петроградской стороне.

Только при встрече я узнал, что Елена Евсеевна еще до меня побывала в Испании, а жена Юрия Зеньковского Тамара Германовна тоже принимала участие в испанских событиях. Я признался, что Ляля, так все звали Елену Евсеевну, мне очень понравилась, но сблизиться с ней я считал себя не вправе, учитывая, что меня ожидает неизвестность. Правда, Зеньковский вскоре сказал, что и я ей понравился.

Выслушав меня, Гендин, как мне показалось, отнесся ко мне с сочувствием. Он понимал, что мне уже 25 лет, а я все еще не мог жить нормальной жизнью – не только обзавестись женой и детьми, но и вообще быть в близких отношениях с какой-либо понравившейся девушкой. Видимо, уже тогда он, хорошо зная основы инструкции, подготовленной для закордонных работников Управления, понимал, что подобное положение может затянуться на долгие годы. Это понимал, конечно, и я. Однако, согласившись на новую работу, я не мог иначе поступить. Я был горд оказанным мне доверием.

Нельзя забывать, что мы, воспитанники советской школы и ленинского комсомола, прежде всего думали о нашей любимой Родине, о нашем народе. Мы верили не только И.В. Сталину, но, самое главное, и чему нас учили: счастливому будущему – процветанию коммунизма не только в нашей стране, но и во всем мире. Ради этого большинство из нас были готовы рисковать жизнью, отдавать ее во имя идей, провозглашенных еще Владимиром Ильичем Лениным.

Наша беседа закончилась совершенно неожиданным заявлением Гендина. Обращаясь к Бронину, он дал указание, чтобы тот не забыл включить в список лиц, с которыми мне дано право на переписку, помимо моих матери и отца, еще и Елену Евсеевну. Моя малая осведомленность во всем, что будет сопряжено с моей работой, не позволила понять и это заявление комдива. Я не знал тогда, что смогу переписываться по специальным каналам только с теми лицами, которые будут включены в особую карточку моего личного дела.

Некоторое время спустя мы с комбригом Брониним прошли в его кабинет. Уже здесь, в спокойной обстановке, он сообщил, что на две недели я могу поехать в Ленинград, а по возвращении, предварительно позвонив еще, явиться непосредственно к нему, после чего я буду направлен на подготовку. Никаких уточнений не последовало.

Признаюсь, покинув эти кабинет и здание, я вновь оказался совершенно наедине с моими мыслями. Прежде всего, я задумался над вопросами, связанными с предстоящей подготовкой в области радиосвязи и шифрования. Уже тогда я понимал, что радистом быть сложно. Прежде всего, надо иметь хорошую память, почти музыкальный слух и разбираться в технике. Мог ли я надеяться, что сумею удовлетворить все эти требования? Что касается шифровальной работы, то, если в Испании на подводной лодке я шифровал небольшие сообщения, для этого был подготовлен специальный весьма краткий ключ. Подобным ключом, конечно, шифровать радиogramмы или даже письменные сообщения с информацией будет просто невозможно.

Меня заинтриговал и вопрос, относящийся к переписке с родными и другими... Почему перечень этих лиц должен быть указан в какой-то карточке?

Медленно шагая, я приблизился к гостинице. Устроился в номере. Прежде чем поехать на вокзал, чтобы получить из камеры хранения мой чемодан, вышел на балкон. Я не узнал улицу Горького. Она стала значительно шире. Прежними остались только дома на той стороне, где находилась гостиница. Невольно задумался, как могло случиться, что после моего возвращения из Испании я этого не заметил. Я не мог понять, а что же случилось с

домом 12 по улице Горького, где проживал мой дядя, на петлицах которого в то время красовалось два ромба. Неужели его с семьей переселили куда-либо на окраину?

Начались мои встречи с родственниками и друзьями, состоялся отъезд в Ленинград, но обо всем этом позже. Сейчас эту часть моих воспоминаний хочется полностью посвятить подготовке к новой работе и закончить прощанием с Москвой.

Краткая подготовка к новой работе

Я назвал этот раздел краткой подготовкой к новой работе, хотя теперь, скорее, мог бы назвать ее «слишком поверхностной» подготовкой. Постараюсь доказать правильность моего утверждения.

После краткого пребывания в Ленинграде я вернулся в Москву, и комбриг Бронин направил меня на машине в пригородный домик, где я должен был проживать и проходить подготовку. Здесь меня уже ждали. Была обеспечена полная конспирация. Перед тем как въехать во двор домика, понадобилось дать сигнал, чтобы охрана открыла большие, тяжелые металлические ворота. В домике мне была отведена отдельная комната. Как вскоре я узнал, там нас проживало только двое: одна миловидная женщина, как мне казалось, американка или, быть может, выдающая себя за таковую. Мы с ней почти не общались, так как я не владел английским языком, а она почти не разговаривала по-русски.

Буквально на следующий день специально выделенные в этих целях командиры начали готовить меня для работы на радиопередатчике, а попутно и на радиоприемнике. Я должен был хорошо освоить ключ Морзе для быстрой передачи радиосигналов. Мне надо было суметь на полуавтоматическом вибрационном телеграфном ключе «виброплексе» научиться передавать до 120–150 знаков в минуту, состоящих из точек и тире. Именно с их помощью мне предстоит направлять, как это, очевидно, предусматривалось по плану, по радиации зашифрованные сообщения.

Однако задача состояла не только в передаче информации с помощью телеграфного ключа, но и в получении, в том числе заданий, поступающих из ГРУ по радиоприемнику. Вот тут-то и оправдались сомнения в части моих успехов в этой области. Я убедился, что у меня недостаточный слух, чтобы быстро понять и записать шифrogramму. Я этим поделился с Брониним, но он меня успокоил, сказав, что в моем распоряжении будет подчиненный мне грамотный, хорошо работающий радист. Я буду больше занят организационными вопросами, вопросами легализации не только лично меня, но и моих подчиненных.

По мнению комбрига, мне более важно освоить процесс шифровальной работы. Я должен был понять, что представляет собой ключ к шифровке текста, направляемого в «Центр», или дешифровки получаемого из «Центра» сообщения. Это была сложная работа, требующая определенной напряженности и умения. Сам ключ к способу шифрования текста сообщается только исполнителю, являющемуся доверенным лицом. Мой собеседник подчеркнул, что в «Центре» убеждены: наш код разработан весьма удачно и никем не может быть расшифрован. Именно поэтому ключ доверяется только одному конкретному лицу.

В данном случае я остался собой доволен. Процесс работы с шифровальным кодом освоил четко и быстро. Обучавший меня товарищ даже спросил, не связана ли моя общеобразовательная подготовка с математикой, арифметикой.

Умение шифровать мне очень помогло в дальнейшей работе уже за пределами Советского Союза, в моей многолетней связи с «Центром». Кстати, под словом «Центр» скрывалось Главное разведывательное управление РККА, а под определением «Директор» – его начальник. Об этом я тоже узнал в процессе моей подготовки.

Из проведенных в «домике» «углубленных» занятий по моей подготовке я, по существу, ничего не узнал, что представляет собой подлинная разведывательная работа. Видимо, объяснялось это только тем, что резидентура, в состав которой я должен был вступить, не была предназначена для непосредственной разведки, а должна была служить только президентурой связи», о чем я был предупрежден еще во время беседы с Гендиным.

Проживая в «учебном домике», я мог ненадолго ездить в Ленинград, а выходные дни даже проводить у моих родственников в Москве.

Очень важным было и то, что программа моих занятий была составлена таким образом, что я должен был часто посещать Главразведупр и, встречаясь с комбригом Брониным и его помощником (фамилию уже не помню), под их руководством приобретать еще многие полезные для меня знания. Мне был выдан временный пропуск.

В моей памяти сохранилась радостная и в то же время нанесшая сильный моральный удар встреча. В один из дней посещения ГРУ, подходя к бюро пропусков, я встретился с Николаем Николаевичем Васильченко, с тем самым нашим военным атташе, с которым я сблизился в Париже. У него был очень растерянный вид. Мы остановились, и я спросил, куда он собрался и давно ли приехал из Парижа в Москву. Я буквально не узнал его голоса и манеры разговаривать. Он сообщил мне: «Приехал я только что по вызову... Не знаю, что это должно означать... В Управление после приезда иду в первый раз...»

Я понял, что Николай Николаевич очень взволнован, что передалось и мне. В конце 1938 г. у многих уже было тревожное состояние, слишком много людей, в том числе и военных, и в первую очередь тех, кто был связан с работой за рубежом, были репрессированы.

Помолчав несколько минут, я поинтересовался самочувствием жены Оли. По-прежнему волнуясь, Н.Н. Васильченко сообщил, что и она тоже отозвана в Москву и нервы у неё несколько сдают.

На мой вопрос, кто же его заменил во Франции, он ответить не смог, так как официально никому, по его словам, не передавал свои дела.

Больше я никогда не встречался с Николаем Николаевичем и до сего времени не узнал о его дальнейшей судьбе. Я знаю только, что спустя некоторое время на должность военного атташе был назначен генерал Суслопаров. Услышанные мною версии о дальнейшей судьбе Николая Николаевича противоречивы. Некоторые утверждали, что и он попал в список репрессированных⁴. По другой версии, он погиб во время войны, вылетая на задание. Мне не удалось узнать и того, что стало с его женой Ольгой.

Продолжение подготовки под руководством комбрига Бронины

Прежде всего, несколько слов хочется сказать о комбриге. Мне он показался весьма интеллектуальным, выдержанным, спокойным и очень доброжелательным. Я, конечно, не знал полной биографии и не мог расспрашивать об этом. У меня не вызывало никакого сомнения, что он, безусловно, был хорошо осведомлен о разведывательной работе, возможно, даже сам прошел этот далеко не легкий путь. Меня удивляло, что он не ходил вместе с нами в столовую, а приносил завтрак с собой. Кофе в термосе, в отдельной герметичной упаковке бутерброды и другие продукты. Для меня были еще непривычными чистенькие, возможно, даже накрахмаленные белоснежные салфетки, которыми он покрывал специально освобожденную часть своего письменного стола и пользовался во время еды.

Наши беседы с Брониным касались очень многих проблем. Остановлюсь только на тех, которые сохранились хорошо в моей памяти.

Одним из сложных являлся вопрос предстоящей легализации. По мнению комбрига, мне в этом отношении предстоит не легкий, а, скорее, самый тяжелый путь. Еще не освещая все вопросы в конкретной форме, мой руководитель подчеркнул, что в работе всех разведчиков самым сложным процессом является их легализация. Что касается и меня. Он подчеркнул, что ряд разведчиков всех стран мира, включая, конечно, и советских, имеют официальную легализацию, то есть выступают в качестве граждан той страны, которую они действительно представляют. Это не означает, что они всегда работают в области разведки

⁴ Н.Н. Васильченко был арестован 01.06.1941, расстрелян 23.02.1942. Реабилитирован 17.09.1955. (примеч. ред.)

непосредственно на ту страну, гражданами которой являются, и что подтверждено настоящим, подлинным паспортом. Они могут быть официально оформлены не только в качестве представителей отдельных фирм, предприятий, студентов, просто проживающих в той или иной стране материально обеспеченных иностранцев, но даже работать в полпредствах, посольствах, консульствах, корреспондентами газет и журналов, хорошо зарекомендовавших себя. Все это очень помогает им в разведывательной работе и в значительной степени предохраняет от провалов, преследований контрразведывательными службами той страны, где они пребывают. Главным является и то, что в своей обыденной жизни они ведут себя так, как это принято в том обществе, в котором находятся, к которому уже привыкли.

Гораздо сложнее складывается обстановка для разведчика, на каком бы участке порученной ему работы он ни находился. Прежде всего, это объясняется тем, что он должен проживать по фальшивому паспорту или по подлинному паспорту, специально приобретенному для него той разведывательной службой, которую он представляет. В действительности он не имеет никакого отношения к стране, чьим паспортом фактически пользуется.

Естественно, он должен хорошо знать страну, тот город, где, по паспорту, родился, историю, культуру, литературу, права и язык. Ведь он может случайно встретить своих «земляков» и быть ими незамедлительно разоблачен.

Выслушав это, я невольно задал вопрос: а какую страну я буду представлять, какова будет моя легализация и где?

Комбриг пояснил, что легализован я буду в одной из европейских стран, скорее всего в Швеции, Норвегии, Дании. По паспорту какой страны я буду проживать, еще не уточнено, но, учитывая знание испанского языка, скорее всего у меня будет паспорт одной из южноамериканских стран. По этому паспорту я буду легализован как коммерческий представитель от одной из зарегистрированных, специально созданных для этих целей фирмы. Он тут же пояснил, что паспорт принято называть «сапогом», а созданную нами фирму – «крышей».

Я особо подчеркнул, что никогда не был связан с каким-либо коммерческим предприятием.

Комбриг Бронин, очевидно, понял мою тревогу и попытался успокоить, сказав, что созданная фирма весьма надежна, а я, как ее представитель, в любой стране смогу подобрать себе грамотных сотрудников, не связанных с разведкой, а только выполняющих обязанности коммерсантов.

Из разговора я мог понять, что вопросами, связанными с подбором документов, маршрутом следования к месту назначения и встречей с резидентом, моим будущим руководителем, занимается не он, а специально предусмотренный для этого отдел «Центра».

Очень многим вопросам, связанным с моей легализацией и будущим, комбриг уделял максимальное внимание. Он старался внушить, что, несмотря на мою молодость, я должен совершенно твердо соблюдать все правила. В первую очередь, я не имею права ни в кого «влюбляться». Следовало избегать каких-либо, в том числе и интимных, связей со случайными девушками и женщинами из общества, в котором я окажусь. Он пояснял мне, что под «случайными девушками» подразумеваются женщины легкого поведения. Это могут быть официантки, девушки, обслуживающие номера останавливающихся в гостиницах мужчин, и даже... горничные, или, как у нас принято их называть, домработницы. Последние у меня, безусловно, появятся, так как я, одинокий мужчина, занимающий видное место в обществе, буду обязан подобрать соответствующую моему положению квартиру и пользоваться их услугами. В числе всех этих девушек в любой стране могут оказаться агенты секретных служб. Что же касается женщин из общества, в которое я буду вынужден внедриться, я всегда должен помнить, что в результате интимной связи с человеком, который может быть разоблачен как разведчик, они тоже могут пострадать. Следовательно, надо избегать близких отношений и с этими женщинами.

Естественно, что это условие моей будущей жизни и работы не могло в определенной степени не огорчать. Я понимал, что мое пребывание на подобной работе будет исчисляться не месяцами. Выдержу ли я?

Особое внимание Бронин уделял также и моему поведению в обществе. Он интересовался такими вопросами: знаю ли я правила поведения за столом, умею ли пользоваться приборами, не увлекаюсь ли алкогольными напитками? Больше того, он обращал внимание на порядок общения с людьми вообще и с женщинами общества в частности. Меня несколько насмешил вопрос, касающийся моего умения одеваться, носить шляпу, галстук, перчатки и т.п.

Наши беседы с Брониным были частыми. Сейчас я уже могу дать им правильную оценку. Я понимаю, что не по вине комбрига, а в соответствии с полученным им заданием он не посвящал меня в особенности разведывательной работы, в возможности подбора источников для получения необходимой разведывательной информации, в элементарные правила конспирации.

Не исключена возможность и того, что «Центр» стремился максимально сузить подготовку будущего нелегала, ограничиваясь только теми вопросами, которые, по его мнению, касались непосредственного исполнителя. Нужно ли было обучать особенностям разведывательной деятельности простого технического работника, выполняющего функции радиста и шифровальщика?

У меня сложилось убеждение, что Бронин, со своей стороны, старается всеми своими силами, знаниями и опытом помочь мне в подготовке к работе. В то же время у меня осталось какое-то непонятное чувство, что мой инструктор глубоко переживает, что он лишен возможности дать достаточную подготовку. С какой-то целью в «Центре» происходило резкое разграничение функций во всем, в том числе, конечно, в подготовке нелегалов, и во всем, что было связано с их работой. Это могло объясняться только недостаточной компетентностью работников аппарата, значительная часть которых, возможно, не представляла себе, в чем заключается жизнь и работа нелегала. С годами у меня появилось еще одно опасение, а именно: не внедряли ли органы ОКПУ, НКВД, МГБ во «враждебное ведомство» своих совершенно некомпетентных и, более того, недобросовестных работников, готовых на все, лишь бы максимально дискредитировать не только отдельных разведчиков, но и всю систему военной разведки? Эта мысль превращалась в дальнейшем в твердое убеждение, а сейчас может быть доказана документально.

Бронин сдержал свое слово. Вскоре он пояснил мне, что по пути следования к месту назначения для внедрения в существующую резидентуру, а следовательно, и в фирму я буду пользоваться паспортом мексиканского гражданина, а затем уже полностью легализован как уругвайский подданный.

Это сообщение комбрига дало мне возможность заняться самоподготовкой в вопросе моего будущего «гражданства». На этом я попытаюсь остановиться в следующем разделе.

Личная подготовка к ожидаемой сложной работе

Передо мной стояли две задачи. Первая – как можно лучше ознакомиться с литературой, посвященной жизни и работе разведчиков различных стран. Надо признаться, что в предвоенные годы перечень подобных источников был весьма кратким. Не было принято освещать этот вопрос, а если и писали, то, скорее, детективы. Кстати, эта тенденция сохранилась и по сей день. Как правило, большая часть произведений о работе разведчиков принадлежит авторам, которые сами не пережили всего того, что сопряжено с жизнью и деятельностью настоящих разведчиков, в результате чего их утверждения являются сплошным вымыслом. Если же некоторые разведчики и пытались сами стать авторами произведений или передать материалы малокомпетентным в этой области писателям для

подготовки «воспоминаний», то и они по разным причинам искажали действительность. Авторы часто занимаются самовосхвалением и любят приписывать себе не принадлежащие лично им заслуги товарищей по работе и подчиненных им лицам. Об этом сейчас уже допустимо прямо заявлять на конкретных примерах в прессе.

Я не собираюсь заниматься прямым разоблачением непорядочных людей, встречающихся, к сожалению, и сейчас, часто пользующихся возможностями, предоставленными им проводимой политикой гласности, прямо нарушая подлинные ее основы. Это касается не только отдельных разведчиков, но и писателей и журналистов. Пусть все то, что они клеветали на других и чем всячески возвеличивали себя лично, останется на их совести. Могу только с уверенностью сказать, что объективные читатели смогут в этом отношении сами сделать необходимые выводы, дать правильные оценки действиям различных разведчиков, сопоставляя их противоречивые утверждения по отдельным фактам в одной и той же печатной работе. Понятно, что в этом отношении я не исключаю и советских разведчиков, часть из которых по разным причинам опубликовала свои воспоминания о героических, но не существовавших никогда подвигах. Нет, не следует предполагать, что я расцениваю так отрицательно всех советских разведчиков, оказавшихся по разным причинам за пределами страны, на которую они работали. Среди опубликованных произведений этих людей встречаются и правдивые, заслуживающие достаточного внимания.

Еще более обидным бывают высказывания отдельных разведывательных ведомств различных стран об их собственных разведчиках, агентурных информаторах. С этим мне пришлось столкнуться еще во время моей закордонной работы. Так, например, во Франции и Бельгии не хотели верить достаточно правдивой, получаемой от своей собственной агентуры разведывательной информации о боевом состоянии вермахта. В этих странах отдельные ведомства всячески пытались, преувеличивая собственную военную мощь, преуменьшить состояние вооружения и боевую подготовку фашистских армий Германии и Италии.

В ряде случаев, умышленно не придавая должного значения полученной от разведчиков информации или даже стремясь скрыть от руководства эти сведения, в отдельных странах пытались всю вину за понесенные в связи с этим потери взвалить на тех, кто честно работал. Это не исключаю возможности их обвинения в предательстве, измене и репрессий – от смертных приговоров до длительного тюремного заключения. Это относится, конечно, не только к Советскому Союзу, но и ко многим другим странам.

В иностранной печати встречаются разные толкования о разведчиках Советского Союза. Некоторые авторы, не имея личной возможности или даже не пытаясь добиться личной встречи с оставшимися еще в живых действительно честными разведчиками, о которых они собираются писать, уточнить с ними все вопросы, выдумают собственные суждения. Больше того, даже имея возможность проверить все свои выводы на основе документов, они ограничивают себя получением ложной информации, подчас порочащей советскую разведку в целом и отдельных ее работников в частности. Для этого они используют разные, не вызывающие доверия источники. Я имею в виду оставшихся еще в живых различных контрразведчиков и служащих различных секретных служб. Примером этому может служить книга французского писателя Жиля Перро «Красная капелла», в которой наиболее часто встречающимися источниками являются гитлеровские абверовцы и гестаповцы. Они пытаются обелить себя и то ведомство, которое было призвано разгромить, уничтожить до основания советскую разведывательную сеть в Германии и в других оккупированных ею странах, разумеется, и в тех, которые являлись их сателлитами. Эти «доверенные источники» зачастую идут еще дальше, используя все то, что находится в их руках, для того чтобы защитить порочную честь подлинных предателей, изменников родины. В этих целях они делают все для того, чтобы доказать, что эти предатели постоянно, в самых тяжелых, непредвиденных условиях, якобы продолжали честно работать в доверенной им области. Нет, не только в результате недостаточной компетентности авторов, а и их непорядочности они часто, ссылаясь на тех же гестаповцев, абверовцев и других лиц

подобной категории, стремятся сделать героя из предателя.

Приведу только пару примеров. Могут ли служить оправданием для «героя» приводимые автором одной из нашумевших книг примеры, когда в момент ареста разведчик по личной инициативе предлагает свое непосредственное сотрудничество тем, кто еще недавно считался его врагом. После этот разведчик «читает лекции о разведке», в том числе и о той, которой он якобы верно служил многие годы, перед гестаповцами. Больше того, он идет еще дальше – оказывает непосредственную помощь в организации арестов известных ему людей, связанных с разведкой. В то же время у себя на родине или в стране, в «интересах» которой он работал, подобные «сверхдобросовестные» разведчики совершенно необоснованно, встречаясь с различными людьми, вводят их в заблуждение. Часто им присваивают звание героя своей страны. Со своей стороны подобный «герой» делает все, чтобы представить действительно честных разведчиков предателями и изменниками, а часто даже приписывает себе их действительные достижения в работе.

Повторяю, пусть все останется на совести этих непорядочных людей, бывших разведчиков, и ставших совершенно необоснованно на путь их защиты писателей, комментаторов и корреспондентов.

Я заговорил обо всем этом не случайно. Дело в том, что во время моей подготовки к предстоящей нелегальной работе за рубежом руководившие ею ответственные работники Главразведупра не считали нужным останавливаться на вопросах, связанных не только с особенностями легализации и конспиративности, но и на таких важных вопросах, как поведение арестованного вражеской контрразведкой советского разведчика, принятие мер для уменьшения последствий провала, сообщение в «Центр» о провале. Более подробно я остановлюсь на этих вопросах дальше. Сейчас же хочу особо подчеркнуть и тот факт, что в моих поисках в библиотеках, в том числе и в Библиотеке им. В.И. Ленина, я не нашел ничего, что могло бы пополнить пробелы в моей подготовке.

Уже много лет спустя я перенес еще один крепчайший удар, нанесенный отдельными работниками Управления, которому я верно служил и так верил много лет. Я на фактических материалах определил линию поведения ГРУ по отношению к тем разведчикам, которые, рискуя жизнью, выполняли свой долг, но не сумели избежать ареста секретными службами той или иной страны. Я лично объясняю все это многими причинами. О них еще будет сказано.

Сейчас я имею право отнести к недостаткам подготовки, полученной мною, отсутствие достаточного изучения истории той страны, паспортом которой я должен был пользоваться много лет в целях моей легализации. Я оказался абсолютно прав, уделив много времени и внимания сбору максимально возможных сведений об Уругвае, его истории и современной жизни его народа. Мне было совершенно необходимо узнать как можно больше о столице этой страны, Монтевидео. Ведь именно там согласно паспорту, по которому я столько лет должен был проживать за рубежом, я родился и там продолжали проживать мои несуществующие родители.

Нет, видимо, не случайно эта страна была выбрана для меня в качестве родины. Не только потому, что ее паспорт было легче раздобыть, а быть может, и просто купить по дешевке. Основной причиной, безусловно, было то, что Уругвай является испаноязычной страной, а я в достаточной степени знал испанский язык. Мне казалось, что во время пребывания в Испании я смог лучше узнать нравы и особенности испанского народа. Изучение истории Уругвая укрепляло во мне веру, что и это должно сыграть определенную положительную роль в жизни «уругвайского гражданина».

Рассматривая карту, изучая историю, я смог определить, что Уругвай расположен в юго-восточной части Южной Америки. Если по суше страна граничит с Аргентиной и Бразилией, то ее берега омывает Атлантический океан. Как и Испания, эта страна делится на много департаментов, число которых приближалось к 20.

Уругвай был открыт испанцами уже в 1516 г. Многие годы своего существования страна провела в нелегких условиях: годы колониальных войн, борьба за свое полное

освобождение. Уже в начале XIX в. в результате проводившейся войны против испанских колонизаторов Уругвай был провозглашен независимым государством. В этой и последующих войнах значительная часть коренного индейского населения была истреблена. Нельзя забывать, что в 1821 г. Уругвай был включен в состав Бразилии. Во время войны между Бразилией и Аргентиной за господство над Уругваем в 1825 г., его население открыто выступило против Бразилии. Воевавшие стороны подписали в 1828 г. соглашение о признании Уругвая независимым государством, что, однако, не означало еще утверждения мирных лет для этой страны. Стремление к завоеванию Уругвая проявил Парагвай. В 1865–1870 гг. уругвайцы, а вместе с ними народы Бразилии и Аргентины вели войну против Парагвая, которая закончилась поражением последнего.

Во второй половине XIX в. в Уругвай начал проникать английский, а затем и североамериканский капитал. Еще многие годы продолжались различные войны. Одной из не менее серьезных была война, получившая название Великой, начавшаяся в 1839 г. в результате очередного столкновения аргентинских и уругвайских войск, к которым примкнули Франция и Англия уже в 1845 г. Эти европейские государства стремились обеспечить себе значительное влияние на всю жизнь Уругвая и его народа. На этот раз Уругвай не остался одиноким в разгоревшейся битве, ему оказывала военную помощь в своих личных интересах Бразилия.

Я подробно и тщательно знакомился со всем, что происходило в этой стране. Не мог обойти вниманием и тот факт, что в Уругвае большая часть населения – приверженцы католической церкви. В вопросах, связанных с религией, я был почти полностью несведущим человеком. Пришлось восполнить и этот пробел. Полученные знания в этой области мне очень впоследствии пригодились. Не только потому, что я был вынужден выдавать себя за верующего католика, но и потому, что совершенно неожиданно мне пришлось встретиться с известным католическим писателем фра Бартолемео. Чтобы не возвращаться специально к этому вопросу, коротко остановлюсь на этой встрече. Я был приглашен к нему, и сразу же после нашего приезда (я был с «другом, тоже католиком») хозяин предупредил, что он очень занят и поэтому может отвести нам не более 45 минут. Эта была середина дня. Однако наша беседа затянулась. Убедившись в том, что я хорошо разбираюсь и понимаю особенности различных религий, в том числе и католической, фра Бартолемео задержал нас до 2 часов ночи. Разговор был содержательным и для меня весьма интересным. Легко себе представить, сколько труда, готовясь к встрече, я вложил в изучение всех вопросов, которые могли возникнуть во время нашей беседы.

Для меня было весьма важно знать и то, что происходило в Уругвае в годы, предшествовавшие моему приезду на нелегальную работу.

После 1917 г. Уругвай, заявивший в начале Первой мировой войны о своем нейтралитете, порвал отношения с Германией. В самом начале XX в. в стране началось развитие рабочего движения. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции оно особенно активизировалось, что породило движение солидарности Уругвая с Россией. В 1917–1921 гг. происходили довольно крупные забастовки рабочих. В 1920 г. в Уругвае уже образовалась Коммунистическая партия.

Законспектировав изученные материалы, я обнаружил, что в 1926 г. между Уругваем и СССР были установлены нормальные дипломатические отношения. В то же время с удивлением узнал, что в результате экономического кризиса и, возможно, не без влияния США в 1935 г. эти отношения были прерваны. К этому времени в стране у власти находился Габриэль Терра, представитель крупной буржуазии, помещиков и банкиров. Помимо всего прочего, он пользовался поддержкой иностранных империалистических кругов.

В 1938 г. президент был свергнут и к власти пришло правительство, возглавляемое Альфредо Бальдомира. Он восстановил конституционный режим, но продержался у власти, как я узнал, находясь на нелегальной работе по паспорту уругвайца, только с 1938-го по 1942 г., в то время как Габриэль Терра сохранял свою власть более продолжительное время (1931 – 1938). Признаюсь, мне было не понятно, какова разница в проводимой этими двумя

руководителями политике. Не мог я разобраться в этом еще и потому, что оба политических деятеля принадлежали к одной и той же партии «Колорадо», объединявшей торгово-финансовую буржуазию.

Поскольку у меня не сложилось собственного мнения по этому вопросу, я решил посоветоваться с комбригом Брониным.

Комбриг рекомендовал всегда ссылаться на полную материальную обеспеченность моих родителей, их стремление дать мне хорошее образование и на то, что именно поэтому меня они и направили в Европу. Что касается политики, в том числе проводимой различными партиями и группировками в стране, мне, по его мнению, следовало бы демонстрировать свою аполитичность. Мне показалось, что этот совет вполне оправдан, и должен признать, что жизнь нелегала за рубежом абсолютно подтвердила его обоснованность.

Заранее согласившись с советом комбрига, мне показалось, что для меня более значимыми могут явиться некоторые статистические данные об Уругвае и Монтевидео – моим «родным» городом. Я понимал, что эти сведения пригодятся при любом разговоре, который мне предстоит с моими новыми знакомыми и друзьями, даже если я буду демонстрировать свою полную аполитичность.

Так, например, я установил, что территория Уругвая примерно в шесть раз больше территории Бельгии и более чем в три раза меньше территории Испании. По численности населения цифры вообще несопоставимы. Если в Бельгии население в то время приближалось к 8 млн человек, во Франции составляло около 45–50 млн человек, в Испании – почти 30 млн, то в Уругвае было немногим больше 2 млн человек.

В те годы Уругвай принадлежал к числу малоразвитых в экономическом отношении стран. Доходы населения в большинстве своем приходились на сельскохозяйственное производство. Выращивались пшеница, кукуруза, подсолнечник. Мне было непонятно, что такое масличный лен, а он тоже выращивался в стране.

Мне не удалось как следует коснуться таких важных вопросов, как просвещение, литература и музыка. Принял решение попытаться пополнить эти знания, уже находясь за рубежом.

Мой «родной» город, столица Уругвая, являлся уже в те годы экономическим и культурным центром страны.

Я поинтересовался, откуда произошло само название города. Точно установить не удалось. По картам и справочникам я установил, что первая часть наименования города, видимо, произошла от того, что рядом с ним находилась довольно большая гора. Гора по-испански означает – «монте». Мое мнение потом подтвердилось.

Мне показалось также интересным, что на этой горе в 1720 г. португальцы основали крепость. Много лет шла борьба за право владеть заложенным в 1726 г. городом. Она продолжалась долго. Шли бои также между Испанией и Португалией. В эту борьбу вмешались и англичане, сумевшие оккупировать Монтевидео уже в 1806 г., и только в 1828 г. он был объявлен столицей вновь признанного государства.

У меня не было ни времени, ни возможности полностью изучить экономическое развитие города. Большое внимание я уделил знакомству с городом, его культурой.

Во всех встречаемых мною описаниях Монтевидео подчеркивалось, что он является вполне современным городом, по большей части с хорошими улицами и застройками, обилием зеленых насаждений. Парки, всевозможные скверы и палисадники, бульвары, которыми гордятся местные жители, – проявление любви к своему городу, бережное отношение к различным деревьям и кустарникам, различным видам цветов, особенно к разнообразию роз.

Вполне естественно, что любовь к природе и красоте «с раннего детства привилась и мне», что я всячески подчеркивал во время моего пребывания на работе за рубежом.

Рассматривая снимки, я убедился, что Монтевидео изобилует памятниками. К великому сожалению, в те годы в моей памяти не сохранились названия проспектов,

бульваров и улиц. О чем я до сих пор сожалею.

Из различных источников я узнал, что в Монтевидео уже в 1849 г. был основан университет, много различных по своим программам и срокам обучения школ, различных институтов. В городе находятся музеи, в том числе муниципальный исторический, изящных искусств и другие, театры.

Возможно, я слишком подробно остановился на вопросах, касающихся Уругвая и Монтевидео. Однако считаю это абсолютно обоснованным. Все это мне очень пригодилось.

Затрачивая достаточно средств на разведывательную работу, неужели нельзя было предварительно отправить в туристическую поездку или даже в командировку в ту страну, паспортом которой будет пользоваться нелегал? Конечно, в некоторых случаях не как гражданина СССР, так как дипломатические отношения, скажем, с Уругваем были восстановлены только в 1943 г., но под видом коммерсанта какой-либо страны.

К этому вопросу я возвращался неоднократно. В особенности после того, как прочитал в одной из книг, посвященных дипломатии Великобритании, что там при подготовке работников дипломатических ведомств до полного окончания курса занятий будущих работников направляют в ту страну, где им предстоит работать, или в близкую ей по историческому развитию соседнюю страну для ознакомления с той страной, где они будут работать легально.

К великому сожалению, находясь на нелегальной работе, соприкасаясь с некоторыми советскими разведчиками, выдающими себя за граждан той или иной страны, я все больше убеждался, что они абсолютно ничего не знали о их «родине».

Об этом мне придется еще не раз говорить. Сейчас же мне хочется спустя много лет выразить еще раз благодарность лично комбригу Бронину за ту помощь, которую он, вопреки рамкам порученной ему работы со мной, оказал. А она мне очень пригодилась. К сожалению, дальнейшая судьба комбрига мне абсолютно неизвестна.

Перед окончанием подготовки в Москве, в День Красной армии, в Главразведупре были приведены к присяге некоторые «вольнонаемные» работники. В числе таковых оказался и я. Никого из других присягавших я раньше лично не знал.

Как было общепринято, мы поклялись в верности и преданности Советскому Союзу и его народу. Не знаю, как другие, но лично я всю свою жизнь старался не нарушить данную присягу.

После того как все стали расходиться, ко мне подошел только один из присягавших и заговорил о моем учителе в национально-революционной войне в Испании. Фамилию этого человека я не запомнил. Знал ли он мою фамилию, запомнил ли, естественно, сказать не могу.

Подобную ситуацию считаю себя вправе отнести к ошибке ГРУ РККА.

Находясь на работе в бельгийской резидентуре, я «познакомился» с одним из ее членов, хочу особо подчеркнуть – «уругвайским гражданином» Карлосом Аламо. Только значительно позже я узнал его настоящую фамилию и имя – Михаил Макаров. Что же меня удивило и продолжает удивлять? Во-первых, правильно ли поступило ГРУ, вызвав для принесения присяги двух будущих «уругвайцев», которым предстояло работать в одной и той же нелегальной резидентуре, в одной стране? Как же соблюдалась конспирация? Во-вторых, в издаваемой за рубежом литературе, подчас не отрицая подлинное предательство Макарова после его ареста гестапо, который стоил многих жизней честных людей и провала в советской разведывательной сети, сегодня его возводят в героя испанских боев. Утверждают, что он был старшим лейтенантом советских ВВС, совершил неповторимый полет на истребителе и нанес врагу огромные потери. Тогда я лично слышал его утверждения о том, что он был переводчиком у танкистов. Почему опытные комментаторы, подчас даже бывшие работники ГРУ, не постараются восстановить правду?

ГЛАВА VIII. Прощание с Родиной. В дальний путь

В один из моих приездов к родителям в Ленинград, когда я уже направился на Московский вокзал, чтобы приобрести билет до Москвы, случилась неожиданная встреча. Совершенно неожиданно в вестибюле вокзала я увидел Ивана Алексеевича Бурмистрова, моего бывшего командира на подводной лодке испанского республиканского флота. Я его не видел с середины 1938 г. Можно представить, какой была наша встреча. Мы не обращали внимания на окружавшую нас публику, крепко обнялись и поцеловались. Не боюсь признаться, что у нас даже глаза были мокрыми. Я уже знал, что, вернувшись из Испании, И.А. Бурмистров в своем докладе весьма положительно отзывался обо мне, а значительно позднее, уже после его смерти, вдова Евдокия Степановна и сын Анатолий Иванович убедили меня в том, что мой командир, часто вспоминая меня, рассказывал им, как я в действительности во время перехода спас ему жизнь.

Иван Алексеевич был в военно-морской форме, являясь командиром 1-й бригады соединения подводных лодок в Севастополе. Он прибыл в Ленинград для принятия участия в закрытом совещании. По его словам, для него был забронирован номер в гостинице, а к вокзалу должна была прибыть автомашина. Услышав это от Ивана Алексеевича, я выразил свой протест и предложил остановиться у меня, чтобы он мог познакомиться с моими родителями и моими друзьями.

Без всякого колебания, с радостью мое предложение было принято, и, как только я оформил билет, мы, отыскав у вокзала машину с известным Ивану Алексеевичу номером, направились ко мне домой.

Вечером у меня собрались друзья. Я не исключал возможности, что это было мое последнее посещение Ленинграда до отбытия на работу за рубежом. Вечер прошел замечательно, но для меня, естественно, довольно тяжело. Всех, в том числе и Ивана Алексеевича, очень интересовал характер моей будущей работы и место назначения. Я старался уйти от ответов.

На следующий день я отбыл в Москву, уговорив Ивана Алексеевича остаться у нас на все время его пребывания в Ленинграде. Между ним и моим отцом с матерью сложились дружеские отношения. Но...

Вот именно на этом «но...» я хочу сейчас остановиться. К моей радости, в связи с задержкой оформления документов на выезд за границу я мог еще раз навестить моих родителей. Естественно, Ивана Алексеевича в Ленинграде уже не было. Приехав домой и оставшись как-то вечером с глазу на глаз с отцом, я впервые услышал решительный упрек в мой адрес. Он сказал:

– Я уже давно понял, что ты не всегда все говоришь о своей работе. Я считал это вполне допустимым... Но никогда не мог себе представить, что ты, кроме того, научился врать! Так кем ты был в Испании, журналистом, и только? Теперь мы знаем благодаря рассказам Ивана Алексеевича, что ты совершил с ним опасный переход на подводной лодке, фактически будучи его помощником, и спас ему жизнь. Зачем тебе понадобилось врать?

Признаюсь, услышанное меня не только поразило, но и весьма огорчило. Я действительно никогда не врал. Мое участие в переходе на подводной лодке, а точнее, вообще несение службы на таковой я скрывал не только от родителей, но и от всех только потому, что после возвращения из Испании нам не рекомендовали рассказывать об участии в боевых операциях. Возникал, естественно, вопрос: зачем понадобилось Ивану Алексеевичу обо всем этом рассказывать моим родителям, имел ли он на это право?

Этот разговор с отцом я переживал довольно долго. Мне очень хотелось бы поговорить с И.А. Бурмистровым, но как это сделать? Он в Севастополе, а я в Москве, до моего отъезда из Советского Союза оставались считанные дни. Все зависело от готовности моих документов.

Мне повезло, я снова встретился с моим бывшим командиром в Москве. На мой вопрос, почему он раскрыл карты о моем участии в боях в Испании моим родителям, он ответил, что К.Е. Ворошилов разрешил рассказывать об этом после присвоения ему звания Героя Советского Союза.

Неожиданной была у меня в Москве еще одна запомнившаяся встреча. Елена Евсеевна сообщила по телефону из Ленинграда, что ей нужно побывать в Москве. По ее словам, это было связано с ее намерением защитить кандидатскую диссертацию. Она не хотела останавливаться у своих друзей, а поэтому поинтересовалась, не смог бы я помочь ей получить номер в одной из гостиниц.

Не помню, по какой причине, но в гостинице «Националь», где я проживал, свободных номеров не оказалось. Не было их ни в гостинице «Москва», ни в «Метрополе». Я посоветовался с комбригом Брониным. Вопрос был решен совершенно неожиданно. Ляле был предоставлен на дни ее пребывания в Москве мой номер в «Национале», а мне надлежало переехать на это время в более дорогой номер в гостинице «Метрополь».

К великому нашему сожалению, ни у нее, ни у меня почти не было времени, чтобы вместе провести дни ее пребывания в Москве. Тем не менее, мы пару раз виделись. И здесь я не нарушил привычного порядка допустимых отношений между даже очень любящими друг друга молодым человеком и девушкой. Эти отношения могли максимально быть ограничены поцелуем, и то довольно редким. Воспитанные в хороших семьях молодые люди в те годы не допускали более близких внебрачных отношений.

Признаюсь, Ляля в те годы мне очень нравилась, но в наших даже очень дружеских отношениях были, да будет позволительно так сказать, некоторые темные пятна. Это касалось, прежде всего, максимальной сдержанности со стороны Ляли в части событий, связанных с её отцом и заменившим его отчимом. Не буду на этом вопросе долго останавливаться. Это их частное семейное дело. Смущали некоторые слухи, дошедшие до меня совершенно неожиданно, но из достоверных источников. Это касалось отношений между нею и известным кинодеятелем Р.К. И это её частное дело, но на моем отношении к ней не могло не отразиться.

В один из немногих проведенных вместе вечеров Ляля предупредила меня, что к ней вечером придет ее подруга М., жена известного уже тогда летчика, и с ней придет один мужчина, с которым у нее серьезный роман. Узнав намеченное время прихода, я предложил заказать столик в ресторане для совместного ужина, что и было сделано. Каково же было мое удивление, когда вместе с М. в номер прошел К., с которым я в Ленинграде вместе учился на курсах противовоздушной обороны. Мы не виделись много лет, но сразу узнали друг друга и крепко обнялись. Я знал его первую любовь, но не хотел расспрашивать о ней в присутствии М.

У нас состоялся очень интересный разговор. Оказалось, К. в это время работал начальником 1-го отдела наркомата, связанного с авиацией, который возглавлял в то время один из братьев Л.М. Кагановича.

Из разговора с К. я узнал, что он только недавно вернулся из Чехословакии. Естественно, он не рассказывал подробно о цели своей поездки и выполненного задания. Тем не менее, я мог понять, что связано это было с принятием мер по предотвращению возникновения Второй мировой войны.

В своей беседе со мной К. напомнил, что, несмотря на все высказывания руководителей западных держав, 14 марта 1938 г. после капитуляции правительства Австрии Гитлер своим указом объявил эту страну провинцией рейха. Таким образом, план операции «Отто» о вторжении вооруженных сил Германии в Австрию был успешно выполнен. Нас настораживало и то, что 2 апреля правительство Великобритании признало аншлюс Австрии, это же сделало и правительство США.

Мы вспоминали все, что происходило на протяжении почти целого года, отделявшего нас от событий в Австрии. Некоторые дальновидные политики предупреждали, что Германия готовится к осуществлению своих агрессивных планов и одним из первых шагов в этом направлении Гитлер видит воссоздание территории бывшей Австро-Венгерской монархии. Для Германии важно было только одно, чтобы территория, подчинившись рейху, приблизила возможность продвижения его войск на Восток.

Елена Евсеевна, видимо решив проявить себя перед подругой и сопровождавшим ее

мужчиной, прервала нашу беседу, заявив, что события в Испании, в которых мы принимали участие, говорят о том, что Гитлер собирается воевать не только против коммунистов, то есть против Советского Союза, но и против ряда европейских государств. Мы уже знали тогда, что 1 апреля 1939 г. вся территория Испании находилась под оккупацией мятежников и итало-германских интервентов. Правда, мы еще не слышали подробности о том, как удалось интервентам вступить в Мадрид, о том, что это произошло в результате предательства испанского полковника С. Касадо, командовавшего армией центра. Больно было сознавать, что правительство Великобритании и Франции уже 27 февраля 1939 г. признали правительство Франко, разорвав дипломатические отношения с законным правительством республиканской Испании. 1 апреля правительство США, в свою очередь, признаю франкистский режим в Испании. Мы не могли предвидеть и того, что остается только шесть месяцев до начала Второй мировой войны.

В беседе мы останавливались на многих вопросах, связанных с возможностью начала военных действий Германии–Италии–Японии. Естественно, нас настораживало и, больше того, возмущало то, что происходило в мире. Нет, я убежден, что сейчас нет необходимости останавливаться на отдельных вопросах, касающихся напряженной предвоенной обстановки. Теперь всем это уже знакомо в деталях.

Никто из сидевших в ресторане за столиком не мог себе представить, что происходило в моей душе.

Я не хотел делиться своими мыслями ни с кем. С теми моими друзьями и знакомыми, родственниками, с которыми я встречался, мне казалось неуместным касаться политических вопросов, тревоги за будущее мирное существование народов. Это объяснялось не только тем, что я сам не мог себе еще четко представить, что всех нас ждет впереди, но и тем, что это могло вызвать подозрение в части моей будущей работы, о которой я не хотел, да и не имел права говорить.

Должен, однако, признаться, что в сложившихся взглядах мною допускалась грубейшая ошибка. Я почти был уверен в том, что Гитлеру удалось убедить все западные державы в том, что Европе грозит коммунизм. Поэтому мне казалось, что все страны Европы поддержат фашистскую Германию в ее вооруженной борьбе против Советского Союза.

Вспоминается не только встреча в гостинице, но и наша прогулка вместе с Лялей по Москве. Последний день нашей, возможно вообще прощальной, встречи. Моя попутчица не знала, зачем и куда я еду за границу. Видимо, её это не только удивило, но и огорчило. Ведь она догадывается о том, что я ее очень любил.

Прогуливаясь по улице Максима Горького, заходим в большой букинистический магазин иностранной литературы. Я покупаю несколько уникальных книг на испанском и французском языках. Делаю тут же, в магазине, на них надписи и вручаю той, которую тайно, но очень люблю. Она бегло их просматривает. Они выражают чувства любви и преданности. Она лукаво, с некоторым недоверием улыбается, глядя на меня. Мне кажется, что ее глаза тоже выражают любовь ко мне. Делается грустно, не хочется расставаться.

Только появились у меня подобные печальные мысли, как совершенно неожиданно в магазине встречаю Орлова, которого я считал комбригом, одним из заместителей начальника Главразведупра. Мы с ним встречались уже до этого, в том числе и у комбрига Бронина. Мне казалось всегда, что он ко мне, юноше, хорошо относится. Я несколько растерялся, когда увидел, что Орлов, заметив меня, совершенно открыто, улыбаясь, направляется в нашу сторону. Возможно из вежливости, с первой он здоровается с Лялей. Она ему улыбается, но я не знаю, были ли они ранее знакомы. Потом я узнал, что она только видела его в Главразведупре после своего возвращения из Испании и ей сказали, что это заместитель начальника ГРУ РККА.

Поздоровавшись со мной по-дружески, Орлов, продолжая улыбаться, прямо сказал: «Прощаетесь друг с другом, ведь скоро предстоит разлука». Я посмотрел на Лялю. У меня зародилась мысль, что она поняла, почему я скрываю от нее характер моей будущей работы, а возможно, и нашла объяснение моей сдержанности при наших встречах.

Прощавшись с Орловым, мы вернулись в гостиницу, пообедали в ресторане. Чувствовалось, что нам не о чем больше говорить. Я попросил передать в Ленинграде привет ее маме, отчиму, нашим друзьям и знакомым. После ресторана немного прогулялись, вещи были заранее уложены, вновь поужинали в ресторане и вскоре вышли на перрон Ленинградского вокзала, «Красная стрела», экспресс Москва–Ленинград, была уже подана.

Последние взгляды, мы, как дети, держимся за руки, видимо понимая уже теперь твердо, в особенности после встречи с Орловым, что, скорее всего это последняя встреча в нашей, теперь уже твердо можно сказать, неудавшейся любви. Внезапно мы прижимаемся друг к другу и целуемся... Поезд должен отправиться в путь, я выскакиваю из вагона, подбегаю к окну купе, вижу, как мне даже показалось, грустно улыбающуюся Елену Евсеевну.

Мне остается до отъезда два-три дня. Хочется еще успеть многое, по время бежит быстро. В гостинице сидеть не хочется. Выхожу на Манежную площадь и встречаю Сашу Дудина и еще несколько студентов нашего института, среди них были и девушки. Из короткого разговора мне удастся узнать (ведь я будущий разведчик), что они едут в США, где должны принять участие в обслуживании нашего салона на открывающейся выставке. Встреча была очень теплой, и мы решили на следующий день встретиться вновь, с тем, чтобы провести вместе пару часов. Может возникнуть вопрос: что же я им сказал, почему я не появляюсь в институте, что я делаю в Москве? Несмотря на дружеские отношения, мне пришлось разыгрывать роль невинного человека, временно оставленного на работе в Наркомате иностранных дел. На этот раз играл не в театре самодеятельности, а был актером, вступающим в новую жизнь, длительность спектакля в которой будет измеряться годами.

На следующий день мы действительно встретились. Мне удалось достать автомашину «ЗИС», и мы все вместе совершили поездку по Москве. Мои друзья хотели познакомиться с городом, а я – попрощаться с любимой мною Москвой.

Вечер решил провести в семье любимого моего дяди. Я еще у себя в номере. Одеваюсь, завязываю галстук и смотрю все время на себя в зеркало. Пет, у меня пет особых примет, я обычный, неброский человек, видимо умеющий себя скромно держать. Все это должно облегчить в будущем мою нелегальную работу. Читая довольно редкую литературу о разведчиках, издаваемую за рубежом и даже у нас, я мог понять, что «героизм разведчика» заключается в умении добывать информацию, интересующую его страну. Становилось ясно, что вжиться в незнакомое, резко отличающееся от имеющегося у тебя на родине общество очень сложно. Я в очень осторожной форме задумывался над вопросом: не является ли «героизмом разведчика», в первую очередь, его умение легализоваться, вступить в окружающее его общество, привыкнуть к правам и обычаям страны его нового проживания?

Туалет закончен. Светлое габардиновое пальто, приобретенное еще во Франции, и мягкая шляпа того же цвета, купленная в Испании, но в которой была заменена фирменная марка – испанская на австрийскую, так как в это время австрийские фирмы были более популярны.

Уже мчится машина по улицам. Я сижу задумчиво рядом с шофером и крепко затягиваюсь из моей любимой трубки.

Мы уже на Садовой, сворачиваем, еще раз сворачиваем теперь уже на улицу Дурова. Здесь в небольшом деревянном домике живет мой любимый дядя, брат моей матери. Несмотря на то, что мы редко встречались с ним, он был моим искренним другом и мы очень хорошо понимали друг друга. Возможно, потому, что он не продвинулся по карьерной лестнице, находился на скромной должности бухгалтера в московском речном пароходстве, женился на скромной, очень хорошей женщине Асе, большая часть родственников относилась к нему с некоторым, я бы сказал, пренебрежением. Он это чувствовал, а поэтому умело держался в их присутствии. Он хотел казаться безалаберным, слишком поверхностным, но, в то же время очень веселым.

Нет, он был очень честным и порядочным во всех отношениях человеком. Просто его жизнь сложилась неудачно, даже можно сказать, тяжело. Не имея возможности получить

достаточного образования, он сумел только окончить бухгалтерские курсы. Женился поздно, детей у него не было, хотя он их очень любил.

Его друзья, все те, с кем ему доводилось быть в товарищеских отношениях, считали его человеком большой души, умным, внимательным и отзывчивым. Его служебное положение не исключало возможности враждебного отношения к нему со стороны некоторых сослуживцев, но это объяснялось исключительно его честностью, добросовестностью и чувством долга при исполнении служебных обязанностей бухгалтера-ревизора.

Жена его Ася была простой работницей, а затем работала мастером на одной из фабрик ТЭЖЭ. Она была тоже очень доброй, отзывчивой, открытой русской женщиной. Была прекрасной хозяйкой, умела очень хорошо готовить, в чем я часто, ужиная и обедая у них, лично убеждался. И на этот раз мы уселись втроем за стол с обильными и очень вкусными блюдами. Дядя был весел, но всем было понятно, что под этой веселостью скрывается горечь предстоящей разлуки с любимым племянником и другом. Наступил час расставания. Тетя Ася пожелала мне счастливого пути, успехов в работе, оставаться всегда таким же преданным Родине человеком. Она заключила свои пожелания словами:

- Уезжая от нас надолго, возвращайся к нам опять таким, как сейчас, будь настоящим человеком в жизни.

К этим словам дядя, обнимая и крепко целуя племянника, крепко пожимая руку, добавил:

- Будь смелым, но всегда осторожным, будь выдержанным и честным, люби всегда нашу Родину; мы встретимся вновь и будем еще большими друзьями!

Никто не знал тогда, что слова дяди Пани оказались завещанием. Когда много лет спустя узнал о смерти моего любимого дяди и друга, я, прошедший уже к этому времени и гестаповские застенки, тюрьмы и лагеря у себя на родине, горько плача, почувствовал, насколько эта потеря была для меня тяжелой. Тогда я записал в своем дневнике следующее: «Ты умер, любимый мой Друг, отдав свою жизнь за родину, за нас всех. Я знал, что в Твоей жизни не могло быть колебаний и трусости. Ты пал смертью храбрых. Успокоилась Твоя душа, Ты уснул вечным сном. Кончились все Твои переживания, все Твои неудачи в жизни и все же имевшиеся радости. Спи же спокойно, память о Тебе я сохраню на всю мою оставшуюся жизнь как о лучшем друге, примеру которого я следовал. О Тебе будут знать и помнить мои дети, а если я доживу до внуков, то и они. Твоя жизнь и смерть будут нам служить примером. Склоняясь перед памятью о Тебе, я клянусь, что всегда следовал Твоему наставлению, всегда служил честно нашей Родине, и, несмотря на все тяжелые переживания и проявленную ко мне несправедливость, я до последнего дня моей жизни буду ее любить и всеми моими силами, знаниями честно служить ей, нашему народу!»

Эта запись была сделана уже после того, как я подробно узнал от генерала медицинской службы, мужа сестры моей матери, подробности о смерти дяди Пани. Началась Великая Отечественная война, фашистские агрессоры угрожали Москве. Дядя Ваня устремился на ее оборону. Близорукость, недостатки здоровья, возраст лишали его возможности вступить в ряды Советской армии. Его все пытались отговорить от вступления в ряды защитников столицы. Он пренебрег всеми советами и запретами, ему удалось вступить в народное ополчение, и в бою он погиб. Иначе мой дядя и друг, конечно, поступить не мог.

Трогательно расставшись в последний вечер наших встреч, я вернулся в гостиницу, долго думая еще о Пани и Асе.

Я часто открывал дверь балкона, выходил на него и полной грудью вбирал в себя бодрящий ночной воздух Москвы. Город спит. По улице Горького спешат запоздалые пешеходы, мелькают одинокие машины. Все тихо. Нагибаюсь, всматриваюсь в ярко горящие рубиновые звезды башен Кремля. Задумываюсь, на душе грустно: когда я увижу тебя вновь, дорогой Кремль? Вхожу в номер, медленно подхожу к столику, на котором стоит телефон, очень хочется позвонить матери и отцу. Смотрю на часы. Ночь – все спят, нельзя никого будить. Медленно раздеваюсь, принимаю душ и ложусь спать, устал, но заснуть не могу...

Утро. Спешу... Последняя встреча в ГРУ с руководством. Что мне еще скажут? И вот один из самых ответственных в моей жизни актов состоялся.

Приближаюсь к уже хорошо знакомому мне зданию, предъявляю пропуск, и часовой приветливо пропускает меня в подъезд. Неужели я скоро сдам пропуск и никогда больше не войду сюда? Решительно подхожу к приемной начальника Управления. В ней много народу, сидят командиры в военной форме и гражданские лица в штатском (возможно, это тоже командиры РККА).

Щегольски подтянутый командир, не знаю, адъютант или начальник приемной, пропускает меня вне очереди в кабинет. Видимо, там меня ждут, и, как мне кажется, все сидящие в приемной смотрят на меня особенно внимательно, даже с уважением. Невольно задаю себе вопрос: неужели все они знают, что именно сейчас мне будет поручена сложная, опасная, ответственная работа за рубежом? Я чувствую, что сердце стучит все громче и громче, а кровь приливает к моей голове, которая чуть ли не кружится. Да, меня охватывает чувство гордости за оказанное доверие! По верьте, это было нелегко!

Я стою, вытянувшись, в огромном кабинете начальника Главного разведывательного управления РККА и докладываю о своем прибытии по его приказу.

За большим лакированным столом сидит тот, чье имя уже хорошо известно среди высшего командного состава, в кругах руководства НКО СССР, тот, к которому стекаются письменные и зашифрованные радиодоклады со всех концов земли, тот, что связан невидимыми нитями с легальными и нелегальными представителями Советского Союза за рубежом. Именно от этого человека внимательно просмотренные материалы расходятся по всему аппарату Генерального штаба, а затем по ним принимаются решения, отдаются необходимые команды.

На письменном столе под стеклом едва виднеется какая-то схема, стоят огромных размеров пепельница, настольные часы, прибор с вечным пером, цветные карандаши. Замечаю на столе и папку, на которой красивым почерком выведены мои фамилия, имя и отчество и... какая-то новая должность, прочесть ее не могу. На стене за спиной сидящего начальника Управления висит огромная карта мира. В кабинете тихо, тяжелые портьеры зашторивают двери и окна, ничто не тревожит и не отвлекает внимания.

Гендин просит меня сесть в кресло, стоящее у маленького столика, прилегающего к письменному столу. Едва я успеваю сесть, как в кабинет входят комбриг Бронин и полковник, если не ошибаюсь, Старунин. Вошедшие докладывают о своем прибытии комдиву Гендину, а затем очень мило здороваются, пожимая мне руку. Начинается деловая часть нашего разговора. При этом Гендин достает небольшую пепельницу, подвигает ее ближе ко мне и разрешает курить. Видимо, он понимает, что я не очень-то спокоен. Настало время, когда передо мной были открыты все карты.

Мне было объявлено, что я выезжаю из Советского Союза в качестве одного из иностранных туристов, посетивших и Москву, имея паспорт гражданина Мексики. Мне будут заказаны и вручены железнодорожные билеты на поезда Москва–Ленинград, «Красная стрела», а затем из Ленинграда в столицу Финляндии, Хельсинки. Там в «Интуристе» на мое имя заказаны билеты на самолет в Швецию, Норвегию и на пароход из Норвегии в Нидерланды, а затем на самолет в Париж. Через «Интурист» мне предоставят номер в одной из самых реномированных гостиниц в Хельсинки.

В Париже мне рекомендовали остановиться в одной из гостиниц поблизости от здания Гранд-опера. Затем я должен в обусловленном месте, в установленное время встретиться с курьером ГРУ, который примет мой мексиканский паспорт и выдаст мне новый, по которому надлежит легализоваться. После получения нового, на этот раз уругвайского паспорта, я должен буду буквально через несколько часов выехать в Брюссель, столицу Бельгии. Обо мне позаботились и в данном случае. Прежде всего, мне рекомендовали гостиницу недалеко от вокзала, где я должен буду через сутки сесть в поезд и проехать в Брюгге, город в Западной Фландрии. В обусловленном месте, с заранее оговоренными журналами в руках мы должны показаться друг другу – резидент в Бельгии и я. Затем предусматривалось, что через

два часа мы встретимся уже как старые знакомые в одном из ресторанов в Генте, то есть уже в Восточной Фландрии.

После нашей первой встречи с резидентом я должен буду остаться некоторое время в Бельгии, с тем, чтобы легализоваться в одной из солидных фирм, специально организованных нашим резидентом. После легализации в качестве коммерсанта я должен буду основать филиал этой фирмы в Швеции.

Гендин мне пояснил, что наша резидентура полностью законспирирована и законсервирована, то есть практически в настоящее время она не ведет никакой деятельности. Ее задача заключалась в том, чтобы в случае войны между Германией и СССР в результате фашистской агрессии обеспечить радио- и почтовую связь наших резидентур на Западе с Москвой, минуя территорию Германии.

Передо мной ставилась задача освоиться в обществе, усовершенствовать знания французского и немецкого языков, подтянуть разговорный и письменный английский язык.

В разговоре со мной Гендин дал весьма положительную характеристику Отто, резиденту в Бельгии, сумевшему, по его словам, создать не только вполне работоспособную резидентуру, но и, это самое главное, весьма прочную «крышу», то есть фирму, под вывеской которой мы сможем, создав ее филиалы в различных странах, обеспечить связь с Москвой работу наших резидентур. Конечно, я не знал в то время, был ли знаком Гендин лично с Отто, или его характеристика основывалась на докладах тех лиц, которые с ним, с Отто, были связаны по работе. Однако его оценка у меня не вызвала никаких сомнений, а наоборот – чувство удовлетворения в том, что мне придется начинать мою работу под руководством столь опытного резидента.

В этой беседе, стоя у карты Европы, Гендин кратко информировал меня о создавшейся обстановке. Большую часть приведенных им фактов я уже знал, но все же внимательно прислушивался к его высказываниям.

Уже находясь за рубежом, постепенно, вступая в соприкосновение с различными кругами светского и делового общества, мои познания в вопросах международных отношений значительно углублялись, и по ходу изложения моих воспоминаний я буду более подробно на них останавливаться.

Прощаясь, Гендин пожелал мне всего хорошего, успехов в работе, сохранения жизни и здоровья. Он пообещал мне, по собственной инициативе, обеспечить внимательное отношение к моим родителям.

Признаюсь, я покинул кабинет комдива с тревогой. Много из сказанного для меня было ново, к чему я не был подготовлен. Нервное состояние вызвало и то, что мой путь пролегал через Ленинград. У меня невольно возникала тревога в связи с возможной встречей «гражданина Мексики» с друзьями и знакомыми настоящего ленинградца.

Я высказал свою тревогу Бронину. Он со мной согласился, но тут же пояснил, что проложить курс по первоначальному маршруту не удалось, так как одна из намеченных для пересечения стран отказала в выдаче транзитной визы. На мой вопрос, чем это могло быть вызвано, не получил никакого разъяснения.

Итак, последний день моего пребывания в Москве был очень напряженным. Мне надо было попрощаться еще с несколькими друзьями, сдать все документы, в том числе паспорт, военный и комсомольский билеты и проч., получить паспорт мексиканца, предусмотренную сумму денег – валюту, необходимую для проезда в Бельгию и на проживание.

Покидая Управление, я был несколько удивлен тем, что многие из сотрудников, с которыми я раньше не был знаком, очень любезно прощались со мной и желали счастья и успехов во всем.

Неужели они догадывались, с кем имеют дело, что провожают Кента в дальний путь? Я привел псевдоним Кент впервые. Хочу сразу уточнить его происхождение. Это имя было мне дано в ГРУ. Поэтому некоторые утверждения в западной литературе о том, что якобы я сам придумал его под влиянием прочитанных детективов, как и многое другое, касающееся меня, является сплошным вымыслом.

К вечеру все дела были закончены, и к отходу поезда я был на вокзале. Меня провожали только товарищи из Управления, мой непосредственный начальник комбриг Бронин, а также его помощник. Оба, естественно, были в штатском. Мы жмем друг другу руки. Это – крепкое, весьма выразительное рукопожатие друзей. Троекратный, по-русски, поцелуй, и мы расстаемся, не зная, что это последнее прощание, что больше с комбригом Брониним я никогда не встречу. С его помощником, правда, мне пришлось увидаться еще раз в мае 1945 г., но эта встреча была уже не столь дружеской и требует подробного изложения в соответствующем разделе моих воспоминаний.

Звонок, последний свисток, и поезд медленно отходит от перрона, постепенно набирая скорость. Он идет во мрак, в неизвестность, унося меня от родной Москвы. Я в купе первого класса спального вагона, один, стою у окна и долго долго смотрю во тьму. Исчезают последние огни большого города. Блестит красным деревом уютное купе, но я ощущаю холод одиночества, не покидают меня мысли. Эту ночь я тоже мало спал.

Трудно лежать. Встаю, прохаживаюсь по купе и подхожу к висящему на вешалке пиджаку. Внимательно нащупываю в его кармане мой мексиканский паспорт. Паспорт, по которому я дол жен начать марш по Европе. Вновь ложусь. Стараюсь перестроить ход мыслей, надо уже покончить с воспоминаниями о прошлом. Пусть это приятное и радостное хранится в памяти, в сердце.

Завтра, переехав государственную границу в Белоострове, я покину Родину – и все для меня будет новым.

Поезд, как мне кажется, набирает ход. Светает. Надо вставать. За окном мелькают знакомые места. Как часто я ездил по этой дороге. Смотрю, сосредоточившись, в окно. Да, это уже пригороды Ленинграда. Скоро поезд войдет в крытый Московский вокзал. Что я буду делать в городе? Надо сосредоточиться, надо все обдумать.

И вот поезд уже под крышей перрона. Паровоз тяжело дышит, слышны его вздохи, а иногда кажется, что он громко чихает. Вдруг, как бы вздохнув еще раз и резко выдохнув все, замер. Еще в ушах стоит звук идущего поезда, а пассажиры шумной толпой покидают вагоны и направляются к выходу с вокзала – к трамваям, автобусам.

Я не могу прийти в себя, нервничаю, безусловно, больше, чем другие. Медленно выхожу из вагона, в нем было мало пассажиров, ивливаюсь в общий поток прибывших в город. На этот раз меня никто не встречает, никто не ждет.

И вот я уже на привокзальной площади. Задумчиво стою, решаю, что делать дальше. До отхода поезда на Белоостров с вагонами прямого сообщения на Финляндию остается еще много времени. Внезапно решение принято: нанимаю такси, еду на Финляндский вокзал и сдаю чемодан в камеру хранения. Затем... затем прощаюсь с родным Ленинградом.

ГЛАВА IX.

Ленинград–Финляндия–Швеция–Норвегия–Нидерланды–Франция

Итак, передо мной площадь, сзади вокзал, впереди большая гостиница, слева Литовский проспект, проспект 25 Октября, ныне Невский проспект. Я чувствую себя неуверенно, как чужой, в большом, родном и любимом мною Ленинграде. Походка моя неуверенная, я медленно шагаю, крадучись, озираясь по сторонам, боясь случайно встретиться со знакомыми, с близкими. Жду такси. Нервничаю, и вдруг подходит машина, сажусь с чемоданом на заднее сиденье. Машина пронесит меня по Невскому и Литейному проспектам (употребляю возвращенные им наименования), через красавицу Неву, которая, правда, еще слегка покрыта льдом, и подъезжает к Финляндскому вокзалу. Быстро сдаю в камеру хранения чемодан и возвращаюсь к ожидающему меня такси.

Мне представляется, что перед шофером не следует разыгрывать роль иностранного туриста, пользуюсь возможностью и продолжаю быть советским гражданином. В уме уже разработан точный план моего прощания с городом. Прошу шофера следовать по

предложенному маршруту.

Основная цель прощального визита – расположенный вдали Кировский район. Ведь именно там началась моя трудовая деятельность.

Маршрут передвижения по городу предусматривал заезд в Петроградский и Василеостровский районы, центр города. Шоферу я пояснил, что давно не был в Ленинграде и хочу вновь восстановить в памяти все то, что было мне когда-то хорошо знакомо.

Посетив Кировский район, я решил пообедать в столовой. Сажусь за столик, заказываю обед... Внезапно замираю. Совершенно неожиданно, к великому моему огорчению, к столику подходит мой дядя, работавший рядом на фабрике. Он поражен... Никто из моих близких не знал, что я нахожусь в Ленинграде. Ведь я со всеми попрощался, и они думают, что я выехал на работу в наше представительство в одну из стран Запада на неопределенное время. Волнуясь, объясняю моему дяде, что я, уезжая за границу, не хотел нервировать родителей еще одним, лишним, прощанием. Он мне поверил и, больше того, поддержал. Вместе пообедали, попрощались, не зная того, что не увидимся много лет. Дядя вернулся к себе на фабрику, а мне повезло – у Дворца культуры я вновь сел, уже в другое такси. В машине нервы постепенно успокаиваются: правильно ли поступили мои начальники, проложив мой маршрут через Ленинград, верно ли я поступил, решив попрощаться с городом, посетив в том числе Кировский район?

Опять, на этот раз быстрее, мчусь по городу, внимательно смотрю на часы, боясь опоздать на Финляндский вокзал. Доехав до вокзала, расплачиваюсь с шофером, не жалея денег, оставляю то, что надо будет заплатить носильщику. Шофер доволен и благодарит меня.

Нанимаю носильщика, иду в камеру хранения, беру чемодан, и он несет его к вагону. Предъявляю билет, выданный мне в Москве, проводнику, он на него почти не смотрит, вхожу в вагон, расплачиваюсь с носильщиком, отдавая ему всю имеющуюся у меня мелочь. Больше наши советские деньги мне, «мексиканцу», уезжающему «к себе» за границу, не понадобятся. Смотрю на часы и убеждаюсь в том, что до отхода поезда еще довольно много времени. Решаю постоять на перроне. Выхожу, вижу идущих к поезду пассажиров. Все обходят прицепленный финский вагон. Их маршрут заканчивается Белоостровом или другими курортными станциями. Я хорошо знаю этот пограничный район. Часто, гуляя, я подходил к колючей проволоке, предупреждающей о государственной границе. Белоостров – пограничная станция, дальше – территория Финляндии. Правда, наши поезда продолжают свой путь как бы по кольцевой, заканчивающейся в Ленинграде.

Я молча стою у вагона... Решаю сдать проводнику билет. Не хочу с ним разговаривать, ведь я «мексиканец»! Взяв его в руки, на неплохом русском проводник указывает, что билет действителен только от Белоострова, то есть при его движении по территории Финляндии, а до пограничной станции мне надлежит купить другой, предусмотренный для пригородных поездов. Делаю вид, что не понимаю его, но заметно нервничаю. Вновь непредвиденное событие... Разве в Москве, вручая мне билет, приобретенный через «Интурист», не знали, что надо иметь дополнительный Ленинград–Белоостров? Что делать? У меня не осталось мелочи. Я помню, что билет стоит 50 копеек, а может быть, даже и меньше. Но где взять необходимые копейки? Почему меня не предупредили в нашем Управлении, что билет, приобретенный в «Интуристе», действителен только от государственной границы? Нет, вспоминаю, что говорили мне об этом и даже указывали, что я в валюте должен доплатить за свой проезд непосредственно проводнику! Ведь только поэтому я отдал последние рубли и копейки шоферу такси и носильщику. Значит, Управление было плохо проинформировано!

Вспомнив об этом, я протянул проводнику долларový банкнот, но он повторил еще раз, что билет должен быть приобретен в кассе на вокзале, и, размахивая руками, дал мне понять, куда мне надлежит направиться. Что делать? До отхода поезда остаются считанные минуты, и я поспешил в здание вокзала. Касса отказалась продать мне билет за доллар. Внутри было якобы бюро обмена валюты, но оно уже оказалось закрытым, а следующее возможное место – банк, но он был расположен далеко и, скорее всего, тоже уже был закрыт.

Я оказался в очень неприятном положении. Особенно было обидно, что за билет надо было заплатить буквально копейки, а именно у меня их не оказалось. Я щедро расплатился с шофером такси и носильщиком, не заботясь о билете. Им я рекомендовал «выпить по сто грамм» за мое здоровье. А вот сейчас стою в нерешительности, нервничаю и не знаю, как вывернуться из создавшегося положения, что предпринять.

Пришлось в вежливой форме обратиться к начальнику станции и сидящему у него в кабинете милиционеру. Они посмеялись, услышав, что, имея сотни долларов, я не оставил себе копейки для приобретения билета, и с их помощью уже без очереди получил на «пожертвованные» мне госзнаки, копейки, один грошовый билет.

Довольный успехом, плотно сжимая в руке маленький, с таким трудом доставшийся мне кусочек картона, веселый бегу на перрон и едва успеваю запрыгнуть в финский вагон медленно отходящего поезда.

В то время как я бегал в поисках копеек для приобретения необходимого билета, в купе, где оставался мой чемодан, заняли места еще несколько молодых пассажиров – иностранных туристов. О том, что они иностранцы и туристы, их внешность и поведение говорили и сами за себя. Трое молодых парней и девушка громко разговаривали на непонятном мне иностранном языке и часто смеялись. К тому же добавлялась присущая туристам манера держаться, повышенная шумливость, веселость, белесые волосы, голубые глаза и румяные щеки, а на лбу едва заметные брови. Одним словом, все говорило о том, что они возвращаются к себе на родину, видимо в одну из стран Скандинавии.

Прощаясь с Ленинградом, с Родиной, мне очень хотелось остаться наедине со своими мыслями, а не быть свидетелем восторженного обмена мнениями о виденном, о сувенирах, захваченных с собой и хвастливо демонстрируемых. Позднее я узнал, что у иностранцев существует культ сувениров. Они приобретают абсолютно все, что сможет им потом напомнить об экскурсиях, прогулках, посещенных музеях, красивых местах в городах и пригородах, о памятниках архитектуры, встречах и т.п. Приобретенные сувениры аккуратно укладываются в бумажники, портфели, чемоданы. Иностранцы будут тщательно все это хранить и потом воскрешать в своей памяти, что пережили во время туристических поездок.

Оживленная беседа моих спутников начинала меня беспокоить, скажу даже больше, вызывала определенное нервное напряжение. Я вышел в коридор и был очень рад, что там никого не было. В вагоне было вообще мало пассажиров.

Я прижался своим пылающим от теснивших его возбужденных мыслей лбом к холодному стеклу и внимательно смотрел в окно. Признаюсь, раньше эти места меня никогда так не привлекали. Я старался запомнить на всю жизнь каждый домик, деревья, поля и кустарники, станции. Все было мне мило и дорого, все казалось родным и близким.

Финский вагон, мои попутчики постоянно напоминали, что, оставаясь навечно духовно связанным с Родиной, физически я перехожу в другой мир. Именно потому в этой прощальной поездке по хорошо знакомым местам было столько трагизма, столько грусти и тоски. Никто не может понять эти чувства, если сам не пережил расставания с Родиной на долгое время!

Многие из моих друзей в 1937 г. мне завидовали, узнав, что я впервые уезжаю за границу, в Испанию, завидовали еще больше после 1938 г., когда я ехал на работу в Европу. Они не верили, когда я утверждал, что с большим удовольствием остался бы у себя в Ленинграде, окруженный вниманием и заботой, любовью и лаской родителей, близких, друзей и товарищей детства и юности, продолжил бы занятия в институте. Мои друзья думали, что в глубине души я торжествую. Торжествую оттого, что мне оказывается доверие при направлении на работу за границу, что смогу повидать и изучить мир, расширить свой кругозор, познания.

Многие из них не понимали, что такое жизнь вдали от Родины, от дома, от родных, а я уже частично это испытал, находясь в Испании. Они не знали и того, что я тщательно скрывал, что на этот раз еду не как советский гражданин, а как иностранец, на нелегальную работу со множеством сложностей при моей легализации и дальнейшей жизни.

Невольно вдруг зародилась одна не только неприятная, но и тяжелая мысль. Меня вернуло как бы к реальности то, что доносилось из моего купе, – смех, громкие выкрики. Я почувствовал свою неподготовленность еще в одном вопросе. Пассажиры, с ними я, «мексиканец», могу не общаться, не зная их языка, а финский таможенник, увидев мой мексиканский паспорт, подумав, что я турист, не удивится ли, что в чемодане у меня только сменная рубашка, носки, пижама, шлепанцы, мыло, бритва, зубная щетка и паста? Набор сопровождавших меня вещей не соответствует богатому мексиканцу. Неужели мне не могли подсказать, как я должен подготовиться к поездке? Значит, еще одна общая ошибка, которая может вызвать неприятности!

Поезд приближался к Белоострову – последней, пограничной, станции Советского Союза.

Состав останавливается. Пассажиры взяли свой багаж и вышли из вагона. Беру свой чемодан и я, следуя за малочисленной толпой иностранцев. Надо пройти паспортные и таможенные формальности. И вновь переживания! Направляюсь к столам, за которыми сидят пограничники. Здесь я должен пройти проверку паспорта. И вдруг совершенно неожиданно у стола, подавая мой «мексиканский» паспорт, я вижу свою бывшую ученицу. Она проходила занятия на курсах усовершенствования переводчиков «Интуриста», а я, как уже упоминал раньше, преподавал на этих курсах военное дело. Она, исполняющая сейчас обязанности переводчика при проверке паспортов, устремила свой сосредоточенный взгляд на меня. Я понимал, что она переживала, видя меня с «мексиканским» паспортом. Я спокойно, во всяком случае, делая вид спокойного человека, смотрел на мою бывшую ученицу. Встреча была неожиданной и опасной. С одной стороны, я не хотел бы, чтобы кто-либо знал о моем отъезде с иностранным паспортом за границу. С другой стороны, у меня возникла тревога: а как расценит мой отъезд за границу по мексиканскому паспорту эта переводчица, хорошо знавшая меня?

К счастью, все прошло спокойно. Видимо, она уже знала о том, что некоторые советские граждане выезжают за границу по заданию правительственных органов нелегально. Зная, каким авторитетом я пользовался не только в нашем институте, но и в административных органах, она могла догадаться, что я, уже участвовавший в национально-революционной войне в Испании, и на этот раз выезжаю с каким-либо заданием.

Просмотрев мой паспорт, имеющиеся визы, пограничники поставили в нем штамп о выезде из СССР. Одновременно была проверена справка Госбанка, дающая мне право на вывоз довольно значительной суммы валюты – долларов.

Оставалось пройти еще таможенную проверку, а она была буквально молниеносной, и направиться в вагон, где число пассажиров несколько увеличилось.

Около нашего вагона я заметил советских пограничников в своих серых шинелях и зеленых фуражках. Не исключена возможность, так мне тогда показалось, что во время нашего отсутствия они произвели тщательный досмотр вагона.

Признаюсь, я смотрел на них с любовью, но в то же время обратил внимание на то, что пограничники зорко следили за нами, иностранными пассажирами, возможно подозревая, что среди нас есть враги советского народа. Я не исключал возможности и того, что на меня они смотрели с тех же позиций. Ведь они не могли предположить, что я, «мексиканец», в свою очередь, смотрю на них с любовью и тоской, что мне хотелось бы выскочить из уже тронувшегося поезда, подбежать к ним, обнять, прижать к сердцу и громко крикнуть: «Не отпускайте меня, оставьте меня дома!»

Те из читателей, кто хорошо знаком с «правдивой» литературой о разведчиках, опубликованной у нас, нашими авторами, а особенно с переводами зарубежной литературы, возможно, не поймут меня, подумают, что я рисуюсь. Но правда есть правда! Последние минуты пребывания на Родине для патриота, покидающего ее для пользы народа, ее самой, являются особенно тяжелыми.

Хочу подчеркнуть, что на границе в Финляндии к нам относились не так формально, как у нас, видимо понимая, что мы уже тщательно проверены.

Переехав через границы Советского Союза и Финляндии, я очутился в незнакомом мне государстве, на поприще новой работы, в которую должен внедряться, в новых условиях, к которым должен был привыкнуть.

Если в самом начале пути я себя чувствовал полностью изолированным от моих соседей, то сейчас, «правда не зная ни русского, ни финского языков», я смог с помощью известных мне французского, испанского и немецкого установить контакт с некоторыми другими пассажирами.

Итак, поезд шел по Финляндии, приближаясь все быстрее и быстрее к столице – Хельсинки (Гельсингфорс – шведское название этого города).

Несколько опережая события, которые мне пришлось вскоре пережить, считаю нужным особо подчеркнуть, что в то время, когда я впервые в апреле 1939 г. пересек финляндскую границу, которая находилась от Ленинграда всего в 32 километрах, я не мог предположить, что в результате провокаций, допущенных Маннергеймом совместно с Гитлером, здесь пройдет война. Никто не мог предвидеть, что 20 ноября 1939 г. начнется финляндско-советский конфликт, который продолжится до 12 марта 1940 г.

Финляндия

Финляндия была первой страной, которую я должен был посетить за пределами Советского Союза. Я уже рассказывал, что в Москве в Библиотеке им. В.И. Ленина пытался пополнить знания не только в части моей «родины» – Уругвая, но и других зарубежных стран. О Финляндии, естественно, я немного узнал еще на уроках географии и истории в школе. Сейчас в этом отношении был абсолютно спокоен.

Я хорошо знал, что в результате русско-шведской войны (1808–1809) Финляндия вошла в состав России. Решения Боргоского сейма 1809 г. содействовали развитию финляндской государственности. Именно тогда были заложены основы финляндской автономии в составе Российской империи. Она стала именоваться Великим княжеством Финляндия, а во главе его стоял российский император. Его именовали Великим князем Финляндии.

Сейм 6 декабря 1917 г. принял декларацию об объявлении Финляндии независимым государством.

Гораздо в большей степени историческое значение имело решение СНК РСФСР от 31 декабря 1917 г., которое в соответствии с ленинской национальной политикой признало независимость Финляндии.

Не менее важным в истории страны являлось то, что в ночь на 28 января 1918 г. пролетариат Финляндии в ответ на террористические выступления белогвардейских частей поднял восстание. Я уже знал, что в начале 1918 г. буржуазные партии добились диктаторских полномочий сената по наведению «твердого порядка в стране». Это и вызвало подъем революционного движения в стране.

Фамилию К.Г. Маннергейма я уже слышал. Знал и то, что он был полковником, а затем генералом царской армии России. Уже 16 января 1918 г. он был назначен буржуазным сенатом главнокомандующим так называемой белой гвардии. Одновременно буржуазным правительством Финляндии предпринимались меры к налаживанию отношений с Германией. Уже в январе 1918 г. были организованы переговоры с Германией по вопросу оказания военной и материальной помощи Финляндии.

Вскоре после начала Финляндской революции для ее подавления буржуазное правительство Финляндии призвало на помощь германских империалистов. Для этого между Финляндией и Германией уже в марте 1918 г. был заключен договор, решивший вопрос о полной экономической и политической зависимости бывшего Великого княжества Финляндии от Германии. Это привело к тому, что в Финляндию сразу же были введены германские вооруженные отряды. Силами белой гвардии, напомним, которой руководил уже

тогда Маннергейм, революция была подавлена, и финляндский парламент 15 мая 1918 г. заявил о разрыве отношений с Советской Россией. К чему это должно было привести впоследствии, уже теперь все знают. Однако в апреле 1939 г. мне казалось, что немало финнов относятся к русским весьма доброжелательно.

В то время как наш поезд шел по Финляндии, я думал о многом. Вспоминались прочитанные записки Андреева и Куприна, Чуковского и Репина о поездках по княжеству и о хорошо проведенном ими лете в Куокколе и Иматре.

Из моего детства я вспоминал финок молочниц, которых было немало под Ленинградом. Их называли чухонками, полюбили и хорошо к ним относились. Я невольно вспоминал и финнов, катавших на масленицу детей за «рицать» копеек на своих красивых «вейках» с запряженными бодрыми красивыми лошадьми. Нам нравились разукрашенные бумажными цветами и яркими лоскутами лошади, покрытые красивыми, часто яркими коврами удобные сани, которые мчали с такой быстротой, что у нас, детей, буквально захватывало дыхание, а из-под копыт лошадей слипшийся снег попадал иногда больно в лицо.

Голова у меня была полна всяких мыслей, но многое, касающееся Финляндии, невольно забывалось. Мне стыдно сейчас признаться, что уже тогда я стал замечать пробелы в памяти, а иногда они касались довольно интересных и значимых событий.

В поезде, разговорившись с финном, хорошо владевшим французским языком, я узнал, что современный рельеф страны – следствие разрушительной работы ледника. Неожиданно мой собеседник повернулся в сторону сидевшей рядом с ним финки и, смеясь, предложил посмотреть ей в глаза... Я не мог понять, что значит его предложение, но выполнил и это указание. Он продолжал смеяться, а к его смеху неожиданно присоединилась и новая собеседница... Постепенно мне начали кое-что объяснять. Вот что я услышал: «Посмотрите в глаза всем финкам, мало того что они красивые, в них еще отражается Финляндия: вся наша территория – голубые озера в скалистых берегах, женские глаза – голубые "озера", углубленные в едва коричневых "берегах"».

В Хельсинки я прибыл уже поздно. Было темно, но вокзал и улицы были хорошо освещены. Из прибывающих поездов выходило много пассажиров. Здесь же на вокзале в специальной кассе я обменял несколько долларов на местные деньги – финские марки. Нанятый носильщик помог мне сесть в такси.

Для меня еще в Москве, в «Интуристе», был заказан номер в гостинице, поэтому я сказал шоферу название гостиницы, и он довольно быстро по пустынным улицам повез меня в сторону хорошо знакомого ему адреса. С приближением к центру поток автомашин значительно увеличился. Мы подъехали к огромному зданию недавно построенной, весьма комфортабельной, самой большой в городе гостиницы.

В гостинице меня ждали, и, как только, подойдя к портю, я назвал свою фамилию, мне вручили ключ от номера, подтвердив получение от «Интуриста» заказа на мое размещение, попросили заполнить небольшую справочную анкетку.

С первой же минуты моего пребывания в гостинице я понял, что, несмотря на любезность ко всем посетителям, здесь неохотно пользовались немецким, а тем более русским языком. Нелюбовь к русскому я мог понять – это, безусловно, могло объясняться пропагандой в стране в целях разжигания ненависти к Советскому Союзу. А вот ненависть к немецкому я объяснить себе не мог.

Это отношение к русским и немцам я почувствовал также, гуляя по городу, посещая магазины. На многих магазинах были вывешены списки иностранных языков, на которых говорили продавцы! Ни русского, ни немецкого не было. Ответ я получил от финнов, с которыми сблизился. Многие из них боялись, что столкновение между Германией и Советским Союзом, которое они считали неизбежным, нанесет ощутимый ущерб их стране, каждому из них.

Меня проводили в отведенный мне номер. Он был очень уютным и весьма чистым, ухоженным. Все было ново и опрятно. Прекрасная светлая мебель как бы усиливала

освещение помещения. Мягкие ковры делали шаги абсолютно бесшумными. Белоснежное белье на широкой кровати, уже подготовленной к ночи, манило меня, уставшего от дороги.

Оставшись один в номере и быстро вынув из чемодана, что было в данную минуту мне необходимо, в том числе пижаму, зубную щетку и пасту, мыло (кстати, в номере в ванной комнате имелось прекрасное туалетное мыло), я позвонил и вызвал служанку, а после ее прихода попросил подготовить мне ванну. Горничная, улыбаясь, видимо поняв мою просьбу, больше выражаемую жестами, чем словами, удалилась, и через несколько минут появилась другая молодая финка со светлыми, соломенного цвета, волосами, ласковыми голубыми глазами, улыбающаяся, со слишком пухлыми ярко накрашенными губами. К ней очень шло полосатое бело-голубое платье, передник с широкими перекинутыми через плечи лентами, тщательно накрахмаленный, как и надетый на ее голове чепчик. Спортивной походкой она проследовала в ванную комнату. Мое незнание финского языка и устоявшихся нравов затрудняли понимание не только того, о чем финка меня спрашивала, но и ее, если можно так сказать, поведение. Я смог понять только после того, как она показала мне большую банку с туалетной солью, стоящую в специальном шкафчике. Она спросила, добавить ли в ванну соль. Я кивнул утвердительно.

Незнание нравов поставило меня в затруднительное положение. Финка, насыпав соль, продолжала, улыбаясь, стоять. Я не мог понять, почему она не уходит. Подождав некоторое время, я, тоже улыбаясь и выражая благодарность, сунув ей в карманчик немного марок, к ее удивлению, выпроводил ее из номера. Только потом я узнал, что в Финляндии даже в банях в то время существовали салоны, где одновременно мылись голые мужчины и женщины. Правда ли это – не знаю, но мне так говорили. Что касается финки, приготовившей мне ванну, то у меня не было никаких сомнений. Она оказалась еще и банщицей – в ее обязанности входило и помочь помыться съемщику номера. Правда, это принято только в гостиницах повышенного уровня обслуживания.

После ухода финки, закрыв дверь на замок, я с какой-то странной поспешностью снял костюм и нательное белье. Оставшись голым, невольно посмотрел на себя в большое зеркало. Мое тело сохранило еще следы загара от яркого солнца Кисловодска, где я отдыхал несколько месяцев тому назад. Сделав несколько резких приседаний и размяв мускулы на ногах и руках, опустился в ванну. Приятный запах туалетной соли и проникающее в тело тепло от воды успокоили мои напряженные нервы. Я почувствовал прилив жизненной энергии и бодрости.

Не могу не сообщить моим читателям еще один пережитый маленький инцидент. В самом начале он меня очень огорчал, а впоследствии заставлял часто смеяться. Он не только имеет прямое отношение к самой гостинице, но и характеризует нравы и обычаи различных народов, заставляет сделать еще раз важный вывод о том, что их знание для «иностранный туриста», которым являлся в данном случае я, крайне необходимо.

Я решил воспользоваться полученной рекомендацией и посетить ресторан при гостинице. Мне говорили, что он отличный. На следующий день я решил там пообедать. Ресторан помещался внизу, и я направился в большой зал. Он привлекал своим архитектурным исполнением, чистотой и уютом. Было много столиков с отлично накрахмаленными скатертями и стоящими пирамидами салфетками, вазами цветов.

Посередине зала стояли огромные столы с множеством самых различных блюд, всевозможных холодных закусок: ветчина, колбаса различных сортов, сардины, селедка, яйца под майонезом, несколько видов салатов, рыба заливная и в соусе, окорока и множество незнакомых яств. Стояли стопки чистых закусочных тарелок и подносы с хлебом.

Я выбираю столик, стоящий несколько в стороне, и ко мне спешит официантка. В Финляндии обслуживание в ресторанах и кафе в большинстве своем осуществляется женщинами. И в данном случае к моему столику подошла симпатичная финка в голубом платье и чудесном накрахмаленном белоснежном переднике. Она, вежливо улыбаясь, вручила мне карточку-меню и с блокнотом в руках внимательно ждала мой заказ. Плохо ориентируясь в карточке, даже в ее французском тексте, выбираю блюда. Заказываю, как

принято, кроме еды еще и вино. Сажу и, понемногу попивая вино, курю. Оно мне нравится. Бокал за бокалом уменьшается содержимое бутылки, а обед мне не подают. Рассматриваю нарядных посетителей ресторана. Они все подходят к замеченным мною большим столам с закусками, наполняют свои тарелки, берут хлеб и удаляются к своим столикам, чтобы, освободив тарелку, повторить ту же процедуру. Невольно мелькает мысль, что в ресторане кто-то организовал банкет и все приглашенные пользуются этими столами с закусками.

Принявшая у меня заказ финка продолжает, улыбаясь мне, стоять поблизости от моего столика. Я же постепенно начинаю нервничать из-за медлительности обслуживания. Выпито все вино, подзываю официантку и больше жестикулирую, чем словами, даю понять, что я с нетерпением жду обед, и заказываю еще вино. Наконец финка подает мне еду и напитки. Меня поражают маленькие порции всех заказанных блюд. Пью кофе. Смело могу сказать, что, насмотревшись на обилие пищи, употребляемой «гостями банкета», более голодный, чем тогда, когда пришел в ресторан, расплатившись (стоимость обеда высокая), покидаю ресторан обозленным.

Только потом узнал, что столы с закусками не банкетные, а «шведский стол», то есть посетитель ресторана имеет право неограниченно пользоваться всем, что на них выставлено. Больше того, все, чем воспользовался посетитель ресторана, входит в установленную по карточке-меню стоимость обеда. Дополнительной оплате подлежат только спиртные напитки (коньяк) и вина.

После моего первого посещения финского ресторана я уже узнал существующий порядок и никогда не жаловался на голод и не вызывал своим ожиданием обслуживания улыбок со стороны официанток, не понимающих моего поведения. Кстати, «шведский стол» не был присущ только Финляндии и другим странам Скандинавии, а встречался и в других странах, в том числе во Франции и Бельгии.

Несколько дней посвятил знакомству со столицей Финляндии и отдельными районами страны. В этих целях я получил возможность пользоваться автомашиной, что сократило время, необходимое для передвижения между намеченными для осмотра пунктами. В Хельсинки принял участие и в экскурсиях по городу. Я провел в городе один воскресный день, что дало мне возможность познакомиться с привычками населения. В выходной день столица была пуста, почти все выезжали за город, на отдых. Утром многие семьи принимали участие в религиозных обрядах.

Меня поразило в Финляндии уважение к детям, я бы даже сказал, преклонение перед ними. Ребенку способны простить любую шалость самые серьезные люди. Взрослые часто уступают ребенку дорогу на улице, и можно было видеть, как, оберегая его, останавливается движение. Мне довелось наблюдать различные уличные сцены, в том числе когда бегущий ребенок сталкивался со взрослым, пожилым человеком – будь то мужчина или женщина, – тот, смеясь и с любовью обнимая ребенка, начинал с ним играть.

В воскресенье день в столице начинался поздно. Магазины закрыты. Если часть населения выезжала за город, то оставшиеся жили в обстановке, кажущейся торжественной во всем: с достоинством прогуливаясь парами, гуляют семьями, посещали кафе и рестораны и посвящали себя интересному, веселому отдыху.

Даже при непродолжительном моем пребывании в Финляндии глаз «туриста» безошибочно начинает определять настоящих финнов, разницу между ними и гражданами шведского происхождения. Последние имеют более привлекательный вид. Это касается и мужчин, а в особенности женщин. По всем признакам казалось, что они считают себя привилегированной частью населения, и сложилось впечатление, что они относятся к финнам несколько свысока. Удалось побывать и в лесу. Меня поразила царящая в нем тишина. Финны очень любят лес не только потому, что он в значительной степени являлся, во всяком случае в те годы, одним из их основных кормильцев. Любили его и за красоту, не только в летние дни, но даже зимой.

Хочу подчеркнуть еще одну увиденную мною особенность. Если в Хельсинки все дома были современной кладки, то в тех местах, где я побывал, видел изумительные домики из

дерева. Финны, безусловно, мастера по обработке всех видов древесины. Мне удалось не только в магазинах, но и в домах увидеть множество прекрасно выполненных художественных кустарных изделий из дерева, буквально артистические работы. Это была домашняя утварь, безделушки, шкатулки, портсигары, подносы и блюда, разная красивая мебель и даже люстры. Здесь гордились и выпускаемыми лыжами.

Быстро шло время в незнакомой мне стране. Я уже побывал в красивом сером доме на одном из бульваров столицы, где помещалось бюро отделения «Интурист», где был заказан билет на самолет, на котором я должен совершить перелет из Финляндии в Швецию. Мне порекомендовали гостиницу в Стокгольме, где я должен был провести несколько дней. С моего согласия номер забронировали.

Покинул я бюро в несколько подавленном состоянии. Быть может, виной тому были моя подозрительность и настороженность. Во всяком случае, мне показалось, что сотрудница бюро – русская, – услышав мои обращения на французском, заметила не присущее настоящему иностранцу произношение. Тогда у меня французский язык, его знания, грамматика, а в особенности произношение не были на должной высоте. Видимо усомнившись, являюсь ли я тем человеком, которому Москва забронировала билет на самолет, сотрудница, правда, мило улыбаясь, попросила предъявить мой «мексиканский» паспорт.

Готовясь покинуть Финляндию, я сделал для себя вывод, что и здесь мною был допущен ряд ошибок. «Богатый латиноамериканец» должен был с первого же дня нанять гида-путеводителя, способного подробно ознакомить со страной и ее народом, правами и обычаями. Возможно, его отсутствие обернулось слишком поверхностным знакомством с нашей ближайшей соседкой, которая успела за годы своей самостоятельности, в определенном смысле, приобрести совершенно отличительные во всем жизненные условия. Поэтому я решил впредь не повторять ошибки, быть в этом отношении более практичным.

Вновь собраны вещи, упакованы в чемодан, оплачен дополнительный счет в гостинице, розданы чаевые; провожаемый любезными служащими гостиницы, в заказанной машине покидаю гостиницу и столицу Финляндии.

До аэродрома ехать было довольно долго. Мимо мелькали пригороды столицы, расположенные по пути селения, озера, и наконец, мы на большом аэродроме.

Не буду подробно останавливаться на таможенных и полицейских формальностях. Они повсюду за рубежом одни и те же. Покончив с ними, направляюсь в сопровождении носильщика к самолету. Чемодан и сумка аккуратно уложены, и я занимаю предусмотренное приобретенным билетом место у окна. Здесь, думаю я, будет удобно наблюдать за землей, лугами, лесами, селениями во время полета. Кресло располагает к отдыху. Оно по своей конструкции предусматривает для пассажира возможность очень удобно как просто сидеть, так и полулежать, дремать и даже спать. Около каждого кресла расположен звонок для вызова стюардессы и фен, позволяющий по желанию направить на себя теплую или холодную струю воздуха. Одним словом, в салоне было очень уютно. Постепенно все места занимают пассажирами, убирается трап, закрываются двери, команда самолета представляется нам, и почти сразу же мы находимся в воздухе, самолет быстро набирает высоту, берет курс на Швецию.

Сидя в кресле и попивая вкусный кофе, продолжаю думать, что ждет впереди. Прежде всего, считаю я, мне, «богатому мексиканцу», следует в Швеции пополнить свой гардероб. Но самым главным для меня является знакомство со страной. Хочу напомнить, что по плану, с которым меня в Москве ознакомил Гендин, в ближайшее время, легализовавшись в Бельгии в созданной нашим резидентом Отто фирме, я должен буду вернуться в Швецию. Именно в Стокгольме надо будет создавать филиал этой фирмы.

Естественно, я должен был постараться за несколько дней моего пребывания в Швеции как можно больше узнать о стране, её столице, народе и его нравах. В то же время мне надо было быть и весьма осторожным, постараться не слишком широко заводить знакомства, не показываться среди определенных кругов населения, конечно в первую очередь среди

деловых людей и той части населения, с которой я должен буду в дальнейшем поддерживать связь, стараться как можно меньше представляться моим знакомым. Не следовало забывать, что сейчас в самолете в Стокгольм летит «мексиканец», а в дальнейшем там будет жить «уругваец».

Швеция

Должен признаться, что еще в Ленинграде в годы моей молодости и зрелости почему-то, когда приходилось слышать о Швеции, я вспоминал чудесный парк в Петергофе, где среди множества фонтанов имелся один, отличающийся от многих своим величием и великолепием, представляющий собой необычного позолоченного великана, разрывающего пасть льва. Он символизировал победу России над Швецией и был нашей гордостью.

При таких познаниях страны я должен был быть охвачен стремлением узнать о ней как можно больше. Мое любопытство началось, как я уже сказал, в очень уютном самолете шведской королевской воздушной компании. Пассажиров было мало, человек пятнадцать, не более. В основном это немолодые люди, скорее пожилые, по их одежде, внешнему виду и манере держаться я понял, что это деловые люди. Почему-то мне сразу показалось, что все они были служителями одного бога – «золотого тельца». Даже мне, малоопытному в этом отношении человеку, стало совершенно ясно, что целью их жизни являются большие счета в банках и толстый кошелек. Мое представление о зарубежной буржуазии, капиталистах в то время было однозначным. Для достижения поставленных перед собой целей, как мне казалось, эти люди в своем арсенале имели абсолютно все: спекуляции и аферы, интриги и взятки, лояльную и нелояльную конкуренцию, крупные сделки и игру на различных биржах.

Из чтения литературы я мог себе вообразить, что эти люди весьма самоуверенные, считающие возможным купить все и всех, увлекаются женщинами, вином, веселыми путешествиями, гулянками на курортах, игрой в рулетку и карты в различных казино.

Как только самолет начал набирать высоту и взял курс на Стокгольм, все стали обращаться к стюардессе и заказывать себе кофе с бутербродами, а более часто, для устранения жажды, – виски с газированной водой. Были случаи, когда подавался и коньяк.

Почему я так подробно сейчас остановился на моих попутчиках? Они тогда, сами того не подозревая, заставили меня задуматься: смогу ли я, молодой парень (а многие говорили, что я выгляжу моложе своих 26 лет), стать тоже деловым человеком, представителем иностранной коммерческой фирмы? Мне было очень трудно себе это представить.

Проявляемое любопытство и внимание к моим спутникам этим не ограничились. Я лично любовался весьма вежливой, хорошенькой блондинкой-стюардессой. Она действительно была очень красивой, с хорошей фигурой, красивыми ножками. Ее лицо светилось здоровьем и свежестью. Про таких у нас часто говорили: «кровь с молоком». Да, она всем была прекрасна и даже своей особой улыбкой с белоснежными зубами и чудными губками. Казалось, что эта молоденькая девушка всем своим видом и поведением говорила: смотрите, как я хороша, любуйтесь мною, я сама себе знаю цену. В то же время она умела держаться гордо и казалась неприступной.

Любуясь стюардессой, зная, что скоро с ней расстанусь и никогда больше ее не увижу, был удивлен, как вели себя по отношению к девушке пожилые мужчины. Я мог наблюдать за их казавшимися мне холодными, но пристальными взглядами, которыми они удостаивали хорошенькую стюардессу. Внимательно следя за ней, они как бы раздевали её и наслаждались ее телом, её фигурой. Почти каждый из них пытался несколько задержать ее около себя, и старались в своей руке удержать ее красивую, с хорошим маникюром ручку. Кое-кто из них делал ей небольшие подношения, а кое-кто, держа руку, сжимал в ее кулачке вручаемую ей купюру.

Это было началом изучения нового для меня общества, к которому я должен буду примкнуть. В то время, невольно внутренне посмеиваясь, я вообразил себе, как бы они, мои

попутчики, реагировали, если бы знали, что в этой подвешенной в воздухе металлической коробке с крыльями с ними вместе летит, дышит одним воздухом, любит прекрасной стюардессой, пьет, как и они, кофе и виски офицер Советской армии, их классовый враг – настоящий советский разведчик, который вскоре будет жить с ними в одном городе и, возможно, примкнет к тем деловым кругам, к которым принадлежат и они.

Чтобы отвлечься от всяких не особенно приятных мыслей, я внимательно смотрю в окно и вижу, что мы спокойно летим над Ботническим заливом. Видны его сильно изрезанные берега с большим количеством едва заметных островков.

Только благодаря заботе нашей любезной и очаровательной стюардессы мы узнали о том, что уже летим над территорией Шведского королевства. Даже я, внимательно следящий за нашим полетом, через окно не мог это заметить.

С воздуха столица Швеции, Стокгольм, показалась мне небольшим городом, полностью утопающим в зелени садов и парков.

Самолет сделал несколько виражей и медленно пошел на посадку. По мере снижения город вырисовывался все более четко, и уже можно было различить стройные кварталы его центра.

Соприкосновение шасси с землей сопровождалось обычными в таких случаях толчками. Это заставило нас подготовиться к посадке и выходу из самолета. Экипаж самолета, в том числе и полюбившаяся нам стюардесса, тоже уже был готов к посадке. Мы с благодарностью попрощались с экипажем.

С аэродрома, наняв, как всегда, такси, я проехал в центр столицы, в гостиницу с бронированным номером, где должен был провести несколько дней. Опять начались незначительные административные формальности: я заполняю коротенькую анкету, сопровождаемый администратором, направляюсь в отведенный мне номер, как всегда заботливый бой тащит вслед за нами мой чемодан и сумку. Следуя за администратором, я оглядываюсь по сторонам. И здесь поражают меня чистота, уют и прекрасная мебель.

Опять я один в апартаменте номере первой классной гостиницы. Уже ставшими привычными движениями открываю чемодан и сумку, раскладываю вещи, а затем совершаю свой туалет.

Помня допущенную мною ошибку в Хельсинки, я спустился в ресторан. Предварительно поинтересовался у дежурного администратора о возможности обеспечить время моего пребывания в Швеции грамотным, владеющим одним из трех языков: французским, немецким или, естественно, моим «родным» испанским – гидом. Администратор обещал мне вызвать немедленно отвечающего моим желаниям человека и любезно проводил до двери ресторана. Я, уже по опыту в Хельсинки, хорошо зная, что такое «шведский стол», очень обильно и вкусно поел.

Кофе мне не пришлось выпить, так как дежурный администратор предупредил, что вызванный для меня гид уже ждет.

В холле меня уже дождался пожилой мужчина, на вид с чувством собственного достоинства. Правда, его сильно поношенный костюм, но некогда вышедший из рук, очевидно, хорошего портного требовал тщательной чистки. Свою, тоже уже далеко не новую, шляпу ожидавший меня новый знакомый держал в руках. Он перебирал ее пальцами, и мне показалось, что этот жест и манера держаться не только свидетельствовали о его непонятной неловкости, но и указывали на некоторые признаки стыдливости, мне абсолютно непонятные.

Мы поздоровались, и, поблагодарив дежурного администратора, представившего моего будущего гида, я попросил последнего подняться ко мне в апартаменты для беседы. Пропуская меня, молодого человека, почтительно вперед, гость следовал за мной. Мы поднялись на лифте и медленно проследовали в мой номер. По телефону я заказал в номер кофе. Сразу хочу отметить одну деталь из быта, установившегося в Швеции. Кофе здесь пили все, и считалось, что это является постоянной необходимостью каждого шведа. Мне даже рассказывали, что нищие, прося подаяние, не применяют принятую у нас обычную

фразу «подайте мне на хлеб», а своеобразную, присущую местным жителям – «подайте мне на кофе». Должен, однако, признаться, что я не сумел удостовериться в этом, так как ни разу не встречал нищих.

Хочу еще кое-что подчеркнуть. Мне кажется, что если бы я ограничился только изложением виденного мною и простой фиксацией услышанного, то мог бы допустить значительную ошибку.

Вот поэтому-то я в своих описаниях всегда делаю ссылки на встречающихся мне людей, учитывая их порядочность и стремление к достоверности рассказа, опираюсь на мои личные впечатления, а также на изучение публикуемых материалов. Только после этого я делаю определенные выводы, обобщения, сопоставления. Если мне это не всегда удавалось сделать достаточно полно, то могли быть допущены некоторые ошибки, неточности. Во-первых, потому, что уже прошло очень много времени, а во-вторых, потому, что сроки пребывания в той или иной стране были незначительными.

Во всяком случае, я стремлюсь излагать все правдиво и не допускать искажений действительности.

Именно этому и должно было служить мое решение воспользоваться в Швеции гидом. Сидя в гостинице, попивая кофе и коньяк с моим будущим экскурсоводом, я прежде всего попытался установить с ним личный контакт, завязать дружеские отношения. Только приобретя в его лице «товарища» для моих экскурсий, имеющих назначением более или менее тщательное, подробное изучение страны, я мог гарантировать положительные результаты нашего совместного посещения Стокгольма.

По своему внешнему виду гид произвел на меня очень хорошее впечатление. Правда, можно было ошибиться в его профессии – принять за служащего конторы или за учителя средней школы.

Мой собеседник имел не только высшее образование, но даже два диплома, знал хорошо несколько иностранных языков, был филологом и, что показалось очень важным для меня, имел диплом историка. За свою сложную жизнь был преподавателем, журналистом, просто служащим.

В Советском Союзе у меня было много друзей, работавших гидами в «Интуристе», и мы в этом не видели ничего позорного. Они трудились пусть даже и на различных специфических, но полезных участках. Они были окружены вниманием и должным почтением. За границей гид – это лакей. Его нанимают так же, как обычного носильщика, слугу. В общении с ним, нанявшие его, как правило, держатся свысока, и, как я потом понял, не может быть и речи о сближении с ним: ведь его купили, за него заплатили деньги.

Этим объясняется та сдержанность, то заметное смущение со стороны моего будущего компаньона по экскурсиям. Это было понятно, ведь он был тоже «человеком общества», и только неблагоприятно сложившаяся для него конъюнктура заставила резко спуститься ниже по ступенькам общественной лестницы. Понятно, что это ему было очень неприятно, а я в дальнейшем, учитывая его переживания, постарался своим дальнейшим общением с ним устранить эту неловкость, сблизиться.

Постепенно между нами установились отношения, обеспечившие успех наших совместных экскурсий. С каждым днем, с каждым часом мы узнавали друг друга все больше. Я бы даже сказал, что для меня было очень важно тщательно изучать характер, манеры, знания, умение держаться этого высококультурного, далеко не рядового человека.

Мы договорились, что будем вести все наши беседы на одном из трех языков – французском, немецком или испанском. Однако я старался, и мне это удавалось, говорить только на французском, на испанском я побаивался, так как мое произношение могло вызвать сомнение. Этим достигалась еще одна цель – столь необходимое мне усовершенствование французского языка, что могло в дальнейшем пригодиться во время моего пребывания в Бельгии.

Несмотря на довольно значительную цену за услуги, запрошенную гидом, я окончательно договорился с ним как об условиях нашей работы, так и о плане ознакомления

с городом и страной.

В 1939 г., то есть в год моего посещения Швеции, весна наступила рано, и в апреле было уже очень жарко на улицах красавца Стокгольма, что заставило меня срочно пополнить гардероб. Выезжая из Москвы, я взял с собой демисезонное пальто. Здесь мне пришлось купить габардиновое летнее пальто. Кстати, даже днем я его не всегда мог надевать, было слишком жарко.

Для меня, будущего коммерсанта, было важно узнать все, конечно в первую очередь об экономике страны: что экспортируется, а что импортируется. Мне показалось, что в этой части удалось получить достаточную подготовку. Однако мне предстояло обосноваться именно в Стокгольме. Поэтому большую часть времени я затратил на ознакомление с городом.

Гуляя по городу, я обратил внимание еще на некоторые, казалось бы малозначительные, особенности, по для меня и они были интересными. Часто на тротуаре у жилых домов, особенно в центральной части города, я видел большие молочные бидоны. Честно говоря, я не мог понять, что это значит, почему их выставляют: выносят на продажу или на весь дом завозят молоко? Мой сопровождающий, улыбаясь, пояснил мне, что желающие сохранить свою прекрасную внешность и нежность тела заказывают обезжиренное молоко, а скорее даже сыворотку, и каждое утро принимают в этой жидкости ванны.

Мне очень понравилось наличие различных автоматов, стоящих на улицах. В них можно было купить множество всяких вещей, вплоть до мужских носков, дамских чулок, носовых платков и многое другое. Однако ни в одном автомате не продавались ни спички, ни папиросы. Гид мне пояснил, что в Швеции идет борьба с употреблением алкогольных напитков и курением. Для того чтобы лишить возможности детей и подростков приобрести сигареты, их продажа через автоматы запрещена. Кстати, я нигде не заметил продажи алкогольных напитков. Их можно было получить только по праздничным семейным талонам, выдаваемым специальными отделениями налоговых служб. Алкогольные напитки в дозволенных нормах подавались и в ресторанах к обеду и ужину.

Столица Швеции Стокгольм – резиденция короля, парламента, правительства и большинства крупных фирм.

Зная, что я «мексиканец», гид во время нашей прогулки вдруг мне начал рассказывать о различных послах, обосновавшихся в Стокгольме. Миновав Этнографический музей, мы оказались в крупнейшем естественном парке города – Юргорден. Полюбовавшись его красотами, зелеными насаждениями, планировкой, мы решили посидеть на скамеечке. Совершенно неожиданно к нам подбредли две дикие козочки. Вблизи показался пожилой человек, у которого через плечи продетые ленты поддерживали большую корзину. Мой сопровождающий быстро освоился и подозвал этого разносчика. Мы купили пару пакетиков, в которых находилось то, что любили козочки, и начали их угощать. Они не хотели нас покидать и, даже когда мы уже пошли в сторону, немножко нас сопровождали.

Нам навстречу шла пара пожилых людей. Естественно, я не знал, кто они такие, и не счел нужным поздороваться. Однако мой гид, низко кланяясь, очень вежливо поздоровался с ними и даже, кланяясь пожилой женщине, пропустил их.

Видимо заметив некоторое мое замешательство, спутник задал мне вопрос: «Вы никогда не видели фотографии этой женщины?» Я действительно не видел ни ее, ни ее фотографий, а быть может, просто на них не обращал никакого внимания. «Это мадам Коллонтай – посол Советской России при нашем короле». Я понял, что речь шла об Александре Михайловне Коллонтай, революционерке и впоследствии советском дипломате. Мне вспомнилось о том, что я о ней слышал, когда шел разговор о ее связи с Дыбенко. Мне довелось тогда узнать, что она дочь царского генерала. Несмотря на молодость, она примкнула в революционному движению. Она подвергалась аресту и даже была выслана до революции из России. Больше я ничего о ней не слышал.

И вдруг узнаю, что она является первой женщиной-послом в мире, начав свою

дипломатическую деятельность в 1923 г. в качестве полпреда и торгпреда в Норвегии (где она уже побывала тогда, когда была выслана из России) в 1926 г. Короткое время была в Мексике, а затем в 1927 г. вернулась в Норвегию, а уже с 1930 г. стала посланником, а затем послом в Швеции.

Эти сведения можно почерпнуть из многих публикаций и справочных материалов, а вот то, что я услышал тогда, меня поразило до крайности.

Король Швеции Густав V совершенно неожиданно дал согласие на аккредитацию в качестве представителя иностранной державы женщины, а вскоре у них сложились очень хорошие отношения. Мой рассказчик поведал и то, что мадам Коллонтай уважают и даже любят почти все члены правительства и она часто приглашает некоторых из них к себе на неофициальные завтраки, обеды и ужины. Особое отношение к Александре Михайловне якобы было еще вызвано тем, что в Лиге Наций и на других международных конференциях она весьма часто защищала интересы Скандинавии.

Уже смеясь, мой собеседник поведал мне пережитую им, можно сказать, комедию. Однажды он сопровождал по Стокгольму одного русского. Он не знал, какое отношение этот русский имеет к посольству, к самой Александре Михайловне. Это были предпраздничные дни. Русский гость решил отправить послу цветы. Они заходили в несколько магазинов, и, несмотря на то, что стояло много цветов, их заверяли, что цветов для продажи нет, все уже заказаны. Русский посетитель несколько растерялся, а когда вновь они зашли в магазин, русский попросил перевести следующую фразу: «Мне нужна хорошая корзина цветов для мадам...». Внезапно последовала реплика хозяина магазина: «Мадам посол Советского Союза?» Получив положительный ответ, он тут же предложил любую корзину и обязался ее немедленно доставить «мадам послу». Этот рассказ на меня очень подействовал, конечно положительно. Значит, Александра Михайловна пользовалась уважением и у простых шведов.

Прогуливаясь в одном из парков Стокгольма, я заметил в зелени очень привлекательный домик. Спросил у моего «осведомителя», что это за здание. В ответ услышал, что это небольшой ресторан с довольно дорогим меню для весьма привилегированной публики. Приближался день моего отъезда из Швеции. Признаюсь, мне гид очень понравился и у нас с ним, несмотря на некоторую холодность при первой встрече, сложились подлинно дружеские отношения. Я часто, думая об этом, очень сожалел, что, учитывая мой временный «мексиканский» паспорт, вернувшись на продолжительное проживание в Стокгольм, не только не смогу уже как «уругваец» возобновить нашу дружбу, но даже буду обязан предпринимать все меры, чтобы никогда больше не встречаться с ним.

Желая приятно провести прощальный вечер в Стокгольме, я предложил поужинать вместе в этом ресторане. Последовал совет воздержаться от этого, хотя бы потому, что на ужин надо явиться во фраке или, в крайнем случае, в смокинге. Конечно, у меня ни того ни другого не было. После продолжительных уговоров мое предложение было принято. Спутник предложил заехать в один дом, к своему приятелю, и померить его фрак. Фрак и рубашка к нему мне по размеру подошли, но чувствовал я себя неуверенно.

Вечером мы сдержанной походкой вошли в зал ресторана. Он был небольшой, столиков немного, посетителей было совсем мало. Нас встретили очень любезно и усадили за один из столиков. Я стал оглядывать сидящую публику. Это были не пожилые, а старые, уже, не боюсь этого сказать, преклонного возраста люди. Что же меня удивило? Женщины! Старушки, головы и шеи которых были буквально загружены золотыми, возможно, и платиновыми тяжелыми украшениями с бриллиантами. Невольно возникала мысль, как могут старушки выдержать эту тяжесть? Мы довольно скромно поужинали и, не задерживаясь, покинули ресторан, в котором уже стало больше посетителей. Когда я оплатил предъявленный официантом счет, понял, насколько был прав мой друг, убеждая не пользоваться этим рестораном. За стоимость такого ужина на двоих в ресторане нашей гостиницы можно было кормиться целый день.

Однако я счел посещение ресторана полезным для меня, будущего «дельца».

Возвращаясь в гостиницу, я затронул еще одну интересующую меня тему. Гуляя по улицам, посещая магазины, рестораны, я видел много шведок. Большинство из них одевались со вкусом. Многие были очень красивыми, во всяком случае привлекательными. Что же меня удивляло? Днем я почти не видел ни одной женщины с накрашенными губами, у всех был очень аккуратный маникюр, но ни у одной не видел, чтобы ногти были покрыты лаком. Разговаривая на разные темы, я затронул и этот вопрос. Ответ меня несколько поразил. Мне разъяснили, что это все обусловлено советами медицины. Губы красятся, а ноги покрываются лаком только на время выхода в свет, в гости, на ужины в рестораны, в театры и концертные залы, то есть в основном по вечерам. Оказывается, постоянное покрытие лаком ногтей разрушает их, лишая возможности им дышать, а частое употребление губной помады тоже отрицательно влияет на сохранение у дам красивых натуральных губ.

Время расставания настало. Билет на самолет в Осло у меня уже был в кармане. Вещи упакованы. Такси было заказано. Проводить на аэродром меня взялся мой новый друг. Хочу сразу подчеркнуть, что, когда я стал расплачиваться с ним в соответствии с договоренностью, он отказался взять у меня большую часть заработанных им денег, объяснив, что все расходы на питание были мною взяты на себя, а самое главное... он почувствовал, что впервые с иностранцем у него завязалась настоящая дружба. Он подчеркнул, что так бывает далеко не всегда, даже с его согражданами, шведами.

У трапа самолета мы попрощались, пожав крепко друг другу руки, и вдруг совершенно неожиданно оба одновременно обнялись, поцеловались и пожелали друг другу всего самого хорошего.

Самолет парит в воздухе, а я охвачен мыслями. Мне кажется, что я вправе быть довольным своим пребыванием в Швеции. Во-первых, сумел учесть допущенные ранее ошибки в успешном ознакомлении со страной, в которую я прибыл. Во-вторых, и я считаю это самым главным, благодаря гиду я неплохо ознакомился с историей страны, ее столицы, сумел, если не в полной мере, то все же частично, войти в контакт с местным населением, в некоторой степени изучить нравы шведов.

Мысленно я докладываю своему начальству в ГРУ, что, выполнив задачи, поставленные в Москве, я смогу в надлежащее время обосноваться в Стокгольме и успешно выполнять возложенные на меня обязанности.

Я решил, что в Норвегии и Нидерландах задержусь недолго. Коротко ознакомившись с Осло, я приобрету билет на пароход для переезда в Нидерланды, где задержусь на минимальное время.

В Париже мне надо выполнить задание – встретиться со связистом и обменять у него мой мексиканский паспорт на уругвайский. Мне думалось, что на это понадобится максимум два дня.

Я почти не заметил время продолжительности полета. Сумел только воспользоваться услугами опять-таки привлекательной стюардессы, заказав у нее пару бутербродов и кофе, не зная, когда смогу воспользоваться рестораном в Осло.

Неожиданно для меня, собрав у всех пассажиров посуду, стюардесса объявила, что самолет идет на посадку на аэродроме в Осло. Наступило время покинуть самолет и ступить на землю Королевства Норвегии.

Норвегия

На этот раз, учитывая краткость моего пребывания в Норвегии, я, конечно, не обзаводился никаким гидом. Прибыв в гостиницу, где и на этот раз уже ждали «мексиканца», хорошо устроившись и посетив ресторан, я обратился к дежурному администратору. Он хорошо говорил на немецком. Я попросил у него совета, как мне в кратчайший срок ознакомиться с городом и приобрести билет на пароход, отправляющийся из Норвегии в Нидерланды. Администратор оказался очень внимательным и любезным. Спросив меня,

какими языками я владею, тут же, нагнувшись, нашел у себя в шкафчике путеводитель по городу. Кстати, в нем было уделено внимание и истории самой страны. Затем, посмотрев график экскурсий по городу, порекомендовал мне принять участие по меньшей мере в трех, пообещав заранее забронировать мне билеты для участия в них. Он предложил в назначенный мною день приобрести билет на пароход.

Беглое знакомство с городом мне тоже пригодилось впоследствии, когда пришлось встретиться с датским капитаном из охраны королевского дворца, который по непонятным мне причинам прибыл в «служебную командировку» в Бельгию и некоторое время жил со мной в одном пансионате в Брюсселе. Эта встреча представляла особый интерес, и я даже счел необходимым более подробно доложить о ней в «Центр».

Помимо того что Осло был связан железнодорожными и авиационными линиями со многими городами, он обладал крупным портом. Я не знаю почему, но в Москве было предусмотрено, что из Норвегии я направлюсь далее – в Нидерланды – на пароходе.

Посадка на пароход уже была закончена. Естественно, у богатого «мексиканца» была каюта первого класса. Это означало многое, а в первую очередь то, что я получил право завтракать, обедать и ужинать в зале ресторана, где размещалась привилегированная публика, а главное, в центре, правда, у стенки был размещен большой стол, за которым вместе с капитаном парохода восседали особо важные персоны.

Наш столик был предназначен для четырех пассажиров. Среди них была одна изумительной красоты итальянка. Она владела французским языком, и у нас в первые часы пребывания на пароходе сложились очень дружеские отношения, мы даже танцевали и почти все это время проводили вместе.

Совершенно неожиданно в пути нас застал сильнейший шторм, качка была настолько сильной, что большинство пассажиров не могли ее перенести и не покидали свои каюты, подвергаясь присущим этому переживаниям. Вначале на наш столик установили довольно высокие рамы, исключаяющие возможность падения на пол всего, что находилось на нем. Скатерти обильно поливали водой во избежание скольжения посуды.

Постепенно в зале ресторана становилось все меньше и меньше пассажиров, и вскоре оставшихся 15–20 человек пригласили за стол капитана. Среди не подвергшихся качке оказался и я, а следовательно, был приглашен тоже. Из бесед я понял, что именно в этой части пути в сторону Нидерландов почти всегда бывают ужасные качки.

Нидерланды

Я добрался до Роттердама, захватил свой багаж, и на этот раз одним из первых решил покинуть пароход. И вдруг буквально впал в отчаяние, вернее, у меня возникла невероятная жалость по отношению к красавице итальянке. Ее опухшее лицо сине-зеленого цвета было неузнаваемым. Она еле держалась на йогах. Я несколько растерялся, подумав, что мне надо не только с ней поздороваться, но и проводить до того места в Роттердаме, куда она собирается. К счастью, у трапа ее уже ждала пара – мужчина и женщина.

В Роттердаме я не задержался и сразу направился в Амстердам. Мне было уже тогда известно, что этот город является официальной столицей королевства, хотя сама королева, парламент и правительство находились в Гааге. Я был поражен многим. Прежде всего, полями, подступающими почти к самому городу. Многокилометровые, с невидимыми границами, они были покрыты разного цвета тюльпанами. Уже оказавшись в самом городе, прогуливаясь в оставшееся свободное время до вылета самолета в Париж, я был поражен тем, что многочисленные каналы, пересекающие город, были наполнены водой, уровень которой превышал уровень тротуаров. Только впоследствии я узнал, что само название «Нидерланды» происходит оттого, что территория страны в значительной степени (около 40%) находится ниже уровня моря и защищена системой дамб и других гидротехнических сооружений, общая длина которых достигает почти 3000 км.

Прогуливаясь по улицам, я был поражен множеством велосипедистов на самых различных велосипедах – от двухколесных до трехколесных. На них ехали взрослые, дети и даже монашенки. Особенно их число увеличилось на площадях к середине дня. Как мне пояснили потом, большинство жителей города предпочитает пользоваться этим, более дешевым, чем городской, видом транспорта.

В Париже посадка самолета прошла нормально. Очень просто, почти без проверки, с помощью носильщика прошел таможенный досмотр и проверку паспорта. Никто не знал, что этот паспорт «мексиканца» для проверки я предъявляю на какой-либо границе в последний раз.

Итак, я вновь прибыл в полюбившийся мне в первые три моих посещения Париж и отправляюсь в центр столицы Франции.

Париж

Называть адрес гостиницы шоферу мне не пришлось, так как она располагалась в центре Парижа, недалеко от Большой оперы, и была хорошо всем известна. Я же не знал, что меня в этой гостинице ждет!

Как всегда, номер уже был забронирован, меня проводили в него. Я убедился в чистоте и уюте и остался доволен адресом, данным мне еще в Москве.

Приведя себя в порядок, спустился в холл и в ресторан. Было много хорошо одетых людей, но все разговаривали в большинстве своем на английском и испанском языках, значительно меньше на португальском. Я не мог понять, что происходит... Только позже, после обеда, мне удаюсь узнать, что в этой гостинице любят останавливаться гости из США и стран Латинской Америки. Я мог «обрадоваться», что в числе постояльцев могут быть и мои «земляки» – мексиканцы! Неужели в самом начале моей нелегальной работы произошла еще одна ошибка, которая могла привести к провалу?

Я принял решение бывать только в ночное время в гостинице, а остальное время проводить вне её, пользуясь даже другими ресторанами.

Время пребывания было ограничено, и я поспешил в назначенный час на первую встречу со связистом, который должен был поменять мой «мексиканский» паспорт на «уругвайский». Место встречи было назначено далековато, на окраине Парижа, но я туда успешно добрался.

Тогда я был еще неопытным «иностраницем». Подойдя к указанному адресу, я увидел – нет, не кафе, а, как у нас принято называть подобные места, – «забегаловку». Войдя, я был поражен: оказывается, рядом с этой «забегаловкой» находился конечный пункт маршрутных автобусов, и ею пользовались, как я вскоре убедился, только шоферы. Я заказал чай. Бармен был поражен моим заказом, ибо в это время здоровые люди чай не пьют, пьют только кофе! На меня обратили внимание и некоторые посетители.

Я немного посидел за столиком, читая предусмотренный в качестве опознавательного для связиста предмета журнал, но почувствовал, что никто не появляется, а дольше оставаться в этом заведении не следует. Я вышел на улицу и, держа в руках журнал, стал прогуливаться. Никто не появился.

Ночь я переспал в гостинице, а рано утром вновь оказался на парижских улицах. Волнуясь, стал ждать время для дублирующей встречи. На этот раз в «забегаловку» я не заходил, а вскоре увидел мужчину, державшего в руках тоже обусловленный журнал. Мы приблизились, обменялись паспортами и не могли не выразить, сохраняя определенную скромность, удивление, а не возмущение, которое нас охватило. Мой собеседник тоже был возмущен тем, что меня разместили в указанной гостинице, а тем более выбранным местом нашей встречи. Немного поговорив, мы разошлись.

Уже являясь «уругвайским» гражданином Винсенте Сьерра, я направился прямо на вокзал, узнал, когда отправляется поезд на Бельгию. Убедившись, что у меня хватает

времени до отправления поезда, я приобрел билет и на такси направился к гостинице. Не отпустив шофера, быстро собрав вещи и оповестив дежурного администратора, что деловые отношения требуют моего быстрого отъезда, расплатился и покинул несколько пугавшую меня гостиницу.

К поезду я успел и, уже совершенно успокоившись от пережитого в результате допущенных ошибок «Центром», заняв удобное место в сидячем вагоне первого класса, направился в Бельгию. В голове были мысли только о предстоящей встрече с Отто.

ГЛАВА X. Брюссель. Первая встреча с резидентом Отто.

Итак, с Парижем я вновь расстался пару часов тому назад. Теперь я верил, что в нем мне еще удастся побывать, и не один раз.

Поезд Париж–Брюссель прибыл в столицу Бельгии. Должен признаться, на всем пути следования я старался сосредоточиться на всех вопросах, которые должны быть обсуждены на первой встрече с Отто.

Брюссель должен был стать для меня на неопределенное время основным пристанищем, местом, обеспечивающим начало моей полной легализации. Кроме того, именно там я должен был получить достаточную подготовку, для того чтобы стать успешным руководителем филиала солидной коммерческой фирмы, созданной Отто в Бельгии.

Невольно мне вспоминались последние дни, проведенные в Москве. Тогда, как я уже писал, все мое свободное от учебы время я использовал для изучения Уругвая – той страны, гражданином которой я должен был стать.

В Монтевидео, по документам, я родился, проживал вместе с родителями, остававшимися там и сейчас. Сможет ли «Центр» в дальнейшем для упорядочения моей легализации организовать получение хотя бы редких писем из Монтевидео от моих «друзей», а в особенности «родителей»? На эту тему мы в Москве никаких разговоров не вели.

После того как провел пару дней в парижской гостинице, я все больше начинал понимать, что не исключена возможность моей встречи при случайных обстоятельствах с моим «земляком» или с человеком, действительно побывавшим в Уругвае и в Монтевидео. При встрече с ним я буду поставлен в весьма затруднительное положение. Ведь незнание своей «родной» страны, а тем более своего «родного» города может даже привести при определенных обстоятельствах к полнейшему провалу.

В этих думах пробежало много времени, и вот, наконец, Бельгия предстала передо мной во всем своем многообразии. Еще на Южном вокзале в Брюсселе мне показалось, что здесь все резко отличается от Парижа. В шумной толпе слышались два языка – французский и какой-то абсолютно незнакомый, как оказалось впоследствии, фламандский язык. До этого, естественно, я не знал, что в этой маленькой стране существует два языка, два народа.

Обо мне заранее позаботились еще в Москве, и поэтому не надо было выбирать, где остановиться, наводить соответствующие справки. Еще в «Центре» мне порекомендовали определенную гостиницу, удобно расположенную вблизи от Северного вокзала. Я подошел, как всегда с носильщиком, к такси и назвал шоферу гостиницу. Шофер пристально посмотрел на меня и даже переглянулся с носильщиком. Мне показалось, что он был несколько удивлен, услышав название гостиницы. Только пройдя по вестибюлю и коридорам и оказавшись уже в номере люкс, я смог понять, в чем состояло недоумение шофера.

Я был хорошо одет, шофер мог судить, что пассажир не из бедняков, а тем более по своей внешности и поведению не из «гуляк». Гостиница же, как я вскоре выяснил, была низкоразрядной и посещалась сомнительными постояльцами, во многих случаях просто гуляками.

К счастью, шофер еще не знал, что его пассажир «богатый южноамериканец», коммерсант, а то бы еще больше не только удивился, но и мог заподозрить его в каких-либо

грехах!

Несколько смутившись увиденным, довольно быстро обосновавшись в своем номере, я вышел из гостиницы, совершил небольшую прогулку и, вернувшись, поужинал в третьеразрядном ресторане гостиницы. Стремясь остаться один, несколько усталый, я улегся спать. Мне надо было довольно рано встать, чтобы выехать из Брюсселя с Северного вокзала в направлении Брюгге и Гента.

Несмотря на сильное утомление, вызванное суетливыми днями, проведенными в Париже, переездом из Франции в Бельгию, я долго не мог заснуть. Я думал о доме, о Родине, о близких, о том нелегком пути, который уже проделал, и о предстоящей встрече с резидентом. Трудно точно определить, как долго, но удалось все же поспать, как в дверь постучали. По моей просьбе портье должен был меня разбудить.

Произошла первая оплошность. Едва проснувшись, «южноамериканец» откликнулся на настоящем родном русском языке и, осознав быстро происшедшую ошибку, поблагодарил портье уже на французском. Появившаяся тревога заставила быстро встать, побриться, одеться и, едва перекусив, броситься на вокзал... Я понимал, что, возможно, портье не обратил внимания или не разобрался, на каком языке я откликнулся на стук. Однако из осторожности и по уже упомянутым причинам мною было принято решение, вернувшись после встречи с резидентом, немедленно переехать в другую, перворазрядную гостиницу. Я надеялся, что резидент сможет порекомендовать мне несколько гостиниц! Несколько гостиниц... Из предосторожности я не хотел, чтобы даже резидент знал точный адрес моего проживания и тем более мою паспортную фамилию. Безусловно, потом я понял, что это было излишней предосторожностью. Однако на первой ступеньке крутой лестницы, по которой мне надлежало подниматься в новой, почти незнакомой обстановке, в нелегкой разведывательной работе, мне казалось, что именно так – осторожно, с точки зрения полнейшей конспирации, я должен поступать даже по отношению к моему будущему начальнику.

На Северном вокзале мне удалось приобрести хороший путеводитель по Бельгии, который очень пригодился и в дальнейшем. Сразу же, заняв в вагоне место, приступил к его чтению. В первую очередь меня интересовали те города, которые я должен был посетить немедленно – Брюгге и Гент.

Удалось приобрести план Брюсселя, предназначенный для туристов. Там было указано не только расположение улиц и площадей города, некоторых исторических мест, но и приложены списки с адресами гостиниц, театров, ресторанов и других интересующих приезжих заведений.

Поезд шел с хорошей скоростью, и вскоре я прибыл в Брюгге. Первой станцией, на которой я вышел в соответствии с предусмотренным «Центром» планом организации первой моей встречи с резидентом Отто, был вокзал города Брюгге.

Вспомнилось, что этот общеизвестный город часто называли городом музеем, а также такими звонкими именами, как «Северная Венеция», «Красавец Брюгге» и даже «Мистический Брюгге».

При моем первом посещении, находясь в оправданном нервном состоянии, проходя по улицам, я любовался каналами, очень красивыми жилыми домами, торжественными, весьма величественными церквями, небольшими дворцами и другими привлекательными строениями.

Медленно прогуливаясь, я направился в сторону главной городской площади Маркт. Площадь я легко нашел, ее все знали. На юго-западе площади размещались торговые ряды и высокая часовая башня. Это и являлось нужным мне местом, целью моего прибытия в Брюгге. Именно у этой башни была назначена встреча с резидентом Отто. Не в прямом смысле этого слова. Каждый из нас, имея в руках заранее обусловленные еще «Центром» журналы, медленно прогуливаясь, должен был опознать друг друга. После чего мы разошлись и каждый своим путем направился к вокзалу.

Вскоре в одном из ресторанов Гента состоялась наша первая встреча. Я, как и было

предусмотрено, подойдя к столику, тихо произнес обусловленный пароль и получил на него ответ, а затем, уже довольно громко поздоровавшись и усевшись за столик, впервые тихо назвал установленный для резидента псевдоним Отто, он в свою очередь произнес мой – Кент. Связь между нами была полностью установлена.

Отто поинтересовался, как Кент добрался из «деревни» (так мы называли между собой нашу «родину») в Бельгию, какие были трудности. Я не стал вдаваться в подробности, а отделался общими фразами, полагая более целесообразным лично и непосредственно доложить письменно в докладе «Центру» обо всем, что мне пришлось пережить во время этого переезда.

Признаюсь, мое представление о резиденте Отто, о его внешности и характере резко расходилось с увиденным мною. Должен сказать сразу же, что назначаемым на работу в разведку новым работникам, как правило, в «Центре» о других разведчиках говорили очень мало, только то, что было строго необходимо. Так было и в случае с Отто.

Я не знал, конечно, ни его настоящей фамилии, ни его действительного гражданства, ни возраста. Именно поэтому меня несколько удивил его внешний вид. Мне показалось, что он намного старше меня (потом выяснилось, уже из написанной им книги, что он родился 23 февраля 1904 г.). Я сразу же подумал, что его лицо выдает национальность, – по происхождению он – типичный еврей. Меня несколько удивило и то, что французским языком он владел еще хуже меня, а произношение было вообще довольно странным. Он был малоподвижным и, я бы даже сказал, слишком скромным человеком.

После обмена мнениями по разным вопросам, касающимся моей предстоящей работы, было принято решение, в соответствии с которым я должен был по возможности лучше познакомиться с Бельгией и ее народом, определить удобное место для моего проживания. Учитывая, что по плану «Центра» была не исключена возможность моего довольно быстрого назначения в качестве руководителя филиала бельгийской фирмы в Стокгольме, желательно, чтобы я попытался изучить дополнительно к тем иностранным языкам, которые уже знал, еще и английский язык.

Поскольку Отто в разговоре несколько раз упомянул о какой то фирме, представителем которой, скорее всего, я буду за пределами Бельгии, я попытался узнать, о какой именно идет речь. Я знал из разговоров в Москве о том, что Отто удалось создать очень солидную фирму, которая сможет для нашей резидентуры служить надежной крышей, будет позволять нашим людям получать прочную легализацию. Видимо, еще не будучи уверенным во мне, Отто не назвал фирму, о которой шла речь, а мне было неудобно настойчиво у него об этом спрашивать.

Наша первая встреча проходила, как мне показалось, очень хорошо. Отто во время беседы держался по отношению ко мне очень дружелюбно, пытался часто шутить, всячески демонстрировал свое теплое отношение ко мне, его новому сотруднику. Это, конечно, было особенно ценно, исходя из того, что я впервые приступаю к совершенно незнакомой мне работе.

Не буду скрывать, что Отто ничего не рассказал о своей резидентуре и о своих работниках. Я подумал, что и это является необходимым свойством разведывательной работы, одним из признаков строгой конспирации.

После продолжительной беседы мы уже готовились к расставанию, и в заключение Отто известил меня, что он наметил через несколько дней провести нашу новую встречу, на этот раз уже в Брюсселе. Место встречи и время были тут же обусловлены.

Немного прогулявшись по Генту, чтобы время разделило нас, я медленно шел к вокзалу, обходя ряд улиц и площадей.

Как и во многих городах Бельгии, в Генте был пивоваренный завод, и я даже решил попробовать его продукцию. Пиво мне понравилось. Тогда я еще не знал и того, что в Бельгии пиво пьют многие, не исключая даже детей и подростков. Потом узнал, что существовали бельгийцы, выпивающие по много литров пива в день.

Благополучно вернувшись в Брюссель, еще не заезжая в гостиницу, в которой провел

несколько тревожную ночь, прямо с вокзала направляюсь в самый центр города. Там на площади де-Брукер возвышалась одна из лучших и весьма реномированных гостиниц – «Метрополь». К моей радости, я без всяких затруднений получил в ней хороший, уютный, со всеми удобствами номер. Правда, он был значительно дороже, чем тот, который я занимал в опротивевшей мне гостинице. Однако именно так должен был поступить молодой «богатый» человек. Остальное быстро решилось. Такси у гостиницы «Метрополь», занимаю место, и мы направляемся к «парадному подъезду» гостиницы, которую было необходимо срочно покинуть. Вхожу в вестибюль, подхожу к администратору и прошу произвести со мной расчет, так как уезжаю. Мой отъезд, как я мог понять, его не удивило. Видимо, он понимал, что в эту гостиницу я попал случайно. Быстро произвожу оплату номера, собираю все свои вещи, с помощью боя выношу их и укладываю в ожидающее меня такси. Через несколько минут я вновь в гостинице «Метрополь», где весьма удобно расположился в своем номере. Разница между гостиницами чувствовалась во всем. Повсюду встречались совершенно другие по внешности люди. Они отличались не только, а вернее, не столько своей одеждой, как своими манерами, умением держаться от тех, кого я сумел за короткое время пребывания в прежней гостинице видеть.

Почти сразу же, оказавшись в «Метрополе», я убедился, что мне самому срочно надо осваиваться, присматриваться к окружающим меня людям и делать все для того, чтобы ничем не выделяться среди других живущих в гостинице постояльцев.

Резкая разница почувствовалась и в ресторане гостиницы. Правда, этот уютный ресторан, как мне показалось, в переводе на доллары был дороже, чем в ранее посещенных мною странах, включая даже Францию. Однако меню было более разнообразным, а каждое из заказанных мною блюд было очень вкусным, мне даже показалось вкуснее, чем в ресторанах Скандинавии.

Был уже вечер, играла музыка, очень хорошо пела молодая и красивая девушка. Постепенно ресторан наполнялся посетителями, и если в самом начале танцующих было мало, то сейчас к ним присоединились элегантные пары.

Я не хотел задерживаться надолго. Вполне удовлетворенный ужином, решил немного погулять по площади и главным улицам города. Это тем более приятно, что погода была теплая.

На улицах и площадях было очень много народу. Мне бросились в глаза гуляющие молодые женщины, одежда и манера поведения которых на улице заставили меня вспомнить, что от «знакомства» с подобного рода женщинами меня предостерегали еще во время первого посещения Парижа при транзитном проезде в Испанию в 1937 г. Об этом мне говорили в «Центре» и перед отъездом из Москвы на этот раз, прямо указывая, что среди женщин легкого поведения могут находиться и прямые агенты полиции.

На площади и на всех бульварах, по которым я прошелся, было много самых различных магазинов с разукрашенными витринами, контор с кратким изложением на табличках их основных занятий. В том числе было и несколько бюро путешествий, гостиниц и баров.

На площади стояли лотки, к которым подходило немало гуляющих. Подошел и я. Там продавались тонко нарезанные ломтики картофеля во фритюре, немного посыпанные солью. Признаюсь, картофель во фритюре стал моим излюбленным блюдом, и всегда, когда я бывал в районе лотков, да и в барах, покупал его.

После довольно долгой прогулки, уже относительно поздно, за полночь, я вернулся в гостиницу в свой номер. Первое, что решил сделать, принять ванну, предварительно добавив в воду немного настойки, придавшей очень приятный запах и создавшей очень мягкую, легкую пену.

В номере стояла широкая кровать с мягкой подушкой в форме длинного цилиндра. К такому виду кроватей и подушек я привык еще во время моего пребывания в Париже и Бордо. Во всяком случае могу твердо заверить, что они были гораздо удобнее, чем те, на которых я спал первую ночь в Брюсселе.

Несмотря на довольно значительную усталость, я не мог спокойно заснуть. Пришлось сесть в кресло и довольно долго, покуривая, думать обо всем, что произошло за день и что ждет меня впереди.

Мысленно возвращался к нашей первой встрече с Отто. Честно говоря, я полагал, что мы более конкретно поговорим о моей легализации и дальнейшей работе. Почему-то это не получилось, разговор был слишком поверхностным. Возможно, моя тревога неоправданна, может быть, таков характер разведывательной работы, ее особенности.

Причиной для сомнений, а быть может, и разочарований для меня послужила сама личность резидента. Он представлялся мне героической фигурой. Сейчас, после того как я увидел в гостинице, ресторане и даже на улице многих мужчин, показалось, что он вписывается в подобное общество.

Настроение было настолько надломленным, что в какой-то степени совершенно неожиданно вспомнился один из эпизодов моей жизни. Относится он к моей ранней молодости. Около десяти лет тому назад (1931 – 1935) уже прошедший известную жизненную школу мой начальник дал мне ряд практических жизненных советов. Отзываясь об одном командире, направленном к нам для несения службы, он сказал:

– Ты обратил внимание на узкие, тонкие, загнутые вниз губы этого человека, а особенно на довольно короткие пальцы рук, как бы с обрубленными небольшими ногтями?

То и другое является признаком непорядочности человека, его плохого, нечестного и эгоистического характера.

Вспомнив эти слова, я почувствовал, что они как бы непосредственно относятся к моему будущему начальнику Отто. Нет, решил я, слишком хорошую характеристику об Отто как об опытном и честном работнике я услышал еще в Москве в «Центре». У меня не было никаких оснований не верить этому. Вскоре между Отто и мной сложились хорошие отношения, у меня не было оснований отрицательно оценивать его.

Обдумав все это и окончательно почувствовав усталость, я лег спать и действительно хорошо проспал оставшиеся до утра часы. Утром, побрившись, приняв душ, одевшись, по телефону заказал завтрак. Официант принес мне в номер очень ароматный кофе, свежую булку и несколько сортов различных по вкусу и цвету джемов, сливочное масло, ломтики сыра и прекрасно нарезанную ветчину. Завтрак поправился, и я съел почти все поданное.

Затем я спустился в вестибюль, купил несколько бельгийских, французских и немецких газет. Выразил удивление и недовольство, что в киоске не оказалось газет на моем «родном испанском» языке. Своим поведением, по моему убеждению, я ничем не отличался от находящейся в вестибюле публики и остался доволен собой.

Сидя в вестибюле, просмотрел бегло газеты, поднялся к себе в номер и, оставив газеты на столике, надел шляпу и взял в руки перчатки. Я заметил уже накануне, что все мужчины, гуляя даже без пальто, имеют при себе перчатки. Погуляв, посетив несколько магазинов с привычным любопытством, я зашел перед самым вторым завтраком (по нашему порядку это считается уже обедом) в туристическое и экскурсионное бюро, где приобрел несколько рекламных проспектов, касающихся самой Бельгии и ряда ее городов, в первую очередь таких, как Брюссель, Гент, Антверпен, Льеж, Брюгге и др. Одновременно заказал себе на следующий день место в экскурсионном автобусе.

При возвращении в гостиницу, в свой номер, угнетала мысль: неужели так, в одиночестве, придется мне долго жить. Я уже начинал понемногу понимать, что означает нелегальная жизнь. Нет, еще и еще раз мне вспоминалось, что я читал про разведчиков в зарубежной печати, и меня все больше и больше удивляло, что ни в одном из прочитанных мною произведений не говорилось о трудностях именно нелегальной жизни разведчика, его вынужденного вставания в чужое во всех отношениях общество.

Ведь с Отто и другими работниками резидентуры, с которыми он меня сведет, я не смогу часто встречаться, а если и состоятся встречи, то и они будут касаться только служебных, разведывательных дел. Неужели у меня не будет и здесь, в Бельгии, и в других странах, где мне придется работать, настоящих друзей?.. Нет, «друзья» у меня появятся! Это

является одним из важнейших условий для успешного проведения разведывательной работы, а стало быть, и положительной легализации. Я верил, что обладаю определенными чертами характера, чтобы обзавестись необходимыми знакомствами.

Мечтая о новых «друзьях» уже в качестве разведчика за рубежом, я знал, однако, что понятие, вкладываемое в это определение, ни в чем не соответствует тому, что мы у себя на Родине привыкли считать с определением подлинной дружбы. Ведь ни с кем из «друзей», даже из числа работников резидентуры, я, Кент, не смог даже поговорить о себе, об оставленных мною близких, о тех мыслях, которые будут рождаться в моей голове. Больше того, никто, включая резидента Отто, не должен ничего знать о моей прошлой жизни, даже мою настоящую фамилию и с кем в ГРУ я встречался. Всегда и везде я должен буду всю мою дальнейшую жизнь быть постоянно начеку, быть осторожным. Больше того, мне необходимо забыть свой родной язык, отказаться от всех привычек. Очень тяжело быть всегда в неведении, не знать, что делается на Родине, когда и как я смогу получить письма от моих родных, ответить на них, и вообще, будет ли это возможно.

Я хорошо понимал, что постоянно, повсюду, присматриваясь к окружающим меня людям, я должен буду тщательно изучать их нравы, обычаи, манеру держаться. Надо было хорошо усвоить, когда, сколько и что именно можно есть и пить, точно присмотреться и к тому, какими бокалами и рюмками (а их на приемах перед каждым стояло довольно много), какими ложками, вилками, ножами можно будет пользоваться.

Я отлично понимал, что мне надлежало, как молодому, имеющему средства человеку, вести нормальный, принятый в Бельгии образ жизни, никогда, однако, не забывая о тех предостережениях, которые я получил перед моим отъездом из Москвы в «Центре».

Нелегкой была и задача выработать в себе терпимость, выдержку, умение не показывать своих подлинных чувств и взглядов в беседах на разные темы со всеми, с кем приходилось контактировать. Не следует забывать, что среди иностранцев, в особенности в тех кругах, в которых мне приходилось бывать, имелись и такие, кто плохо относился к моей Родине, часто оскорблял ее, извращал все то, что там делаюсь, часто даже считал всех советских людей дикарями. Из личного опыта, полученного во время пребывания во Франции, Финляндии, Швеции и Норвегии, я уже знал, что подобные беседы вполне возможны. Конечно, начиная свою разведывательную деятельность, я еще не мог представить себе, что наступит такой момент, когда я стану бывать в обществе моих «деловых друзей» – офицеров довольно высокого ранга нацистской, гитлеровской армии.

Настороженность и, быть может, даже повышенная нервозность, которые имели место при моем переезде через родную границу из дорогого мне Ленинграда, при транзитных «туристических поездках» через Финляндию, Швецию, Норвегию, Нидерланды, через Париж, даже при первой моей встрече с Отто, должны были быть полностью исключены из моего дальнейшего поведения. Я был уже убежден в том, что сейчас мое положение заставляло меня в определенном отношении быть примером беспечности, свойственной богатым латиноамериканцам. Это должно продолжаться, пока не определится точно мое дальнейшее положение в обществе, а точнее, пока не будет в полном смысле обеспечена моя надежная легализация.

Часто читая отечественные, а особенно зарубежные описания работы, жизни разведчиков, невольно думаешь, как все упрощено, подчас даже нелепо. Многие авторы, не пережив сами всего того, что связано с работой и жизнью разведчиков, в большинстве своем описывают только «героическую» сторону их работы, расхваливают, а в некоторых случаях унижают, заслуженно или незаслуженно, избранных ими персонажей. Они не понимают того, что, помимо сложности работы разведчика, особые трудности на его пути встречаются и в повседневной жизни, в постоянном, по существу, одиночестве. Подобное отношение авторов проявляется часто и в создаваемых кинофильмах.

Мне могут задать вопрос: а как же публикуются записки самих разведчиков, в том числе у нас в переводе с иностранных языков? Да, этот вопрос может быть мне задан, а ответ на него может быть дан четким. Эти разведчики в большинстве своем становятся или на путь

предательства по отношению к своей стране и клеветы на нее, или, что ничуть не лучше, абсолютного, ни на чем не основанного и даже лживого самовосхваления. Правда, в этом случае может возникнуть еще один вопрос: почему же «компетентные органы» допускают, в том числе и в нашей стране, публикацию подобных «романов»? На этот вопрос я не смогу ответить. Это тем более, что часто эти «романы» изобилуют клеветой, ложью, направленными непосредственно против этих «компетентных органов».

Мне могут задать вопрос: почему я сам, критикуя других, решился на «подвиг» написать о своих воспоминаниях только теперь? На этот вопрос я должен буду дать подробный ответ несколько дальше. Одно только могу сейчас сказать, что, рассказывая обо всем, что мне пришлось пережить на разведывательной работе и после окончания войны, возвращения на Родину, я решил, что для меня совершенно необходимо оставить в правдивой истории четкий след, помочь читателям правильно понять все то, что многим, в том числе и мне, пришлось пережить. Это может пригодиться, быть полезным и для подрастающего поколения.

Сейчас мне хочется вернуться к более подробному изложению всего, что я пережил вскоре после своего назначения на разведывательную работу и прибытия в Бельгию.

Экскурсия на автобусе, на которую я приобрел, как было сказано выше, билет, началась утром и была довольно продолжительной. Немолодой уже экскурсовод привлек меня своим умением держаться и интересно рассказывать.

Поскольку погода в этой стране чаще дождливая, у всех бельгийцев пользуется успехом прорезиненная одежда – в основном это элегантные непромокаемые плащи. Говоря об этом, экскурсовод упомянул самую прославленную в Бельгии фирму, изготавливающую различные резиновые изделия, в том числе и плащи. Я, Кент, впервые услышал ее название – «Le roi de Caoutchouc» («Король каучука»). Видимо, названа она была экскурсоводом только с целью рекламы. Я, конечно, не мог предполагать, что эта фирма сыграет в работе нашей резидентуры значительную роль. Именно на базе ее Отто совместно со своим верным помощником Гроссфогелем уже с 1938 г. создали экспертную компанию для сбыта продукции за рубежом. Именно в этой компании, получившей название «The Foreign Excellent French-Coat» («Отличный заграничный плащ»), по плану «Центра» я должен был быть легализован и в качестве руководителя ее филиала обосноваться в Стокгольме. На основе докладов Отто «Центру» в Москве считали эту компанию весьма надежной, способной гарантировать успешную легализацию советских разведчиков.

Предсказание экскурсовода о том, что в Бельгии выпадает много осадков, полностью оправдалось. Я сам наблюдал, что дождливые дни часто составляют добрую половину года, а иногда и того больше.

Это предостережение экскурсовода мне пригодилось в дальнейшем. Действительно, имеющееся у меня демисезонное пальто я почти никогда не носил. На большей части территории Бельгии бывали мягкие зимы со средней температурой в январе, наиболее холодном месяце, около +5°C. Правда, в Арденах климат был более суровым, и иногда температура воздуха держалась в пределах -3°C. Здесь иногда я наблюдал даже снег.

Лето в Бельгии в основном за годы моего проживания в ней не было очень жарким, скорее, оно было прохладным. В разных населенных пунктах, в которых мне приходилось бывать, температура даже в самом жарком месяце, в июле, колебалась от +12-14°C до +18-20°C.

Смеясь, наш экскурсовод поведал, что даже климат в Бельгии многие годы не мог повлиять на установившиеся привычки значительной части населения. Почти никогда нельзя было встретить на улице мужчину без пальто, шляпы и перчаток. Так было и зимой, и летом.

Во время моего пребывания в Бельгии эти нравы изменились, и в теплую погоду мужчинам разрешалось ходить без пальто, но обязательно в шляпе и перчатках.

Безусловно, все это в первую очередь относилось к тем людям, которые хорошо жили и принадлежали к престижному обществу.

Я взял это себе на вооружение и внимательно следил за происходящими изменениями.

После долгой прогулки и подробного знакомства с достопримечательностями Брюсселя я обратился с вопросом к экскурсоводу, где можно было бы повкуснее пообедать. К этому прислушались муж и жена, молодые французы. Оказалось, что совсем близко в направлении к Северному вокзалу расположен очень хороший ресторан «Ротесри Арденез». Я пригласил экскурсовода пообедать, приглашение было с большим удовольствием принято. К нам присоединилась и молодая пара.

В ресторане в это время уже было немного народу. В уютном зале стояли столики с удобными креслами. Помыв руки, ознакомившись с меню и выбрав по совету того же экскурсовода различные закуски и блюда, мы заказали их вежливому официанту. Естественно, не забыли выбрать и вино.

Подробно рассказывая впоследствии об этом, по существу первом в обществе малознакомых людей, обеде, я всегда буквально надрываюсь от смеха, – на этот раз я оскандалился, но не по своей вине.

Мы весело сидели за столом, шла оживленная беседа. Подали закуски и вино. Все собеседники были увлечены разговором и немного возбуждены от уже выпитого вина. К столику официант подкатил тележку, на которой был закреплен отварной свиной окорок и размещены два бачка. В одном из них находилось пюре из каштанов, а во втором – из картофеля. Подставив под окорок тарелку, официант медленно резал нетолстые слои вкусно пахнущего блюда. И только когда на тарелку уже наслоилось довольно много по-нашему так называемой отварной ветчины, экскурсовод, извинившись, прервал разговор и довольно громко сказал официанту:

– Благодарю, уже вполне достаточно, даже слишком много, поделите, пожалуйста, нарезанное на две или даже три тарелки.

Только после этого, как бы извиняясь, он объяснил нам, что здесь существует такой порядок: официант будет резать окорок на одну и ту же тарелку, пока гость не попросит его прекратить.

Рядом с «ветчиной» официант положил пюре из каштанов и картошки. Все было очень вкусно, и мы чувствовали, что слишком сыты. После этого, опять-таки смеясь и с юмором, экскурсовод успокоил, что сейчас все будет в полном порядке. Он заказал официанту французский напиток «Кальвадос». Мы выпили крепкий напиток, по меньшей мере 70°, во всяком случае так нам показалось, и... Буквально через пару минут у нас вновь появился аппетит.

В дальнейшем я, а вернее, уже Винсенте Сьерра, или Кент, часто пользовался «Ротесри Арденез», приглашая своих деловых «друзей» на обед. Ресторан был довольно дорогой.

С экскурсоводом я расстался не сразу. Мы еще прогуливались по городу. Нам встречались рестораны и множество «бассери» – кафе-пивных. Обычно в них брюссельцы проводят вечера, попивая пиво и читая газеты, беседуя с друзьями. Часто эти кафе посещают целыми семьями, даже с малолетними детьми.

Уже поздно вечером экскурсовод предложил посетить ночной клуб. Понятие «ночной клуб» мне показалось странным. Незамедлительно я попросил объяснить повод, послуживший основанием для этого предложения, а заодно и пояснить, что означает наименование «ночной клуб».

Дело в том, что почти официально в Бельгии в те годы был сухой режим. Продавались в неограниченном количестве только вина и пиво. Крепкие напитки – в количестве двух литров на одного покупателя. Естественно, далеко не каждый мог себе позволить произвести такие затраты на алкогольный напиток, приобретая большое количество крепких напитков, учитывая их цену.

В то же время любой человек, имеющий деньги, мог посетить «ночной клуб» и выпить там виски, коньяк и другие крепкие напитки. Мог провести вечер и в обществе молодых девиц.

Для того чтобы посетить клуб, надо было стать его членом, заплатив несколько франков. Иногда посетителя даже предупреждали, что при получении членского билета

клуба он мог назвать любую фамилию, если по той или иной причине не хотел называть настоящую. Именно так часто поступали многие бельгийцы, мужчины, принадлежащие к хорошему обществу.

Прожив несколько лет в Бельгии и вынужденный довольно часто, по разным причинам, посещать подобные клубы, я неоднократно был свидетелем того, как это заведение посещала так называемая полиция нравов. Метрдотель или хозяин сопровождал полицейских. Они проверяли членские билеты сидящих за столом, извинялись и проходили дальше. Если за столом сидели девицы, не имеющие членских билетов клуба, полицейских предупреждали, что это сотрудники клуба, в задачу которых входило веселить посетителей. В клубе веселили посетителей концертной программой, а с девицами, приглашенными за стол, можно было и танцевать. При этом посетитель мог пить что пожелает, а спутницу он мог угощать только французским, довольно дорогим шампанским.

Я, Кент, не зря проводил время с экскурсоводом и тратил при этом деньги. Через своего сопровождающего я знакомился глубже с городом, а главное, с обычаями и нравами бельгийцев. Я поведал своему собеседнику, что приехал в Бельгию, так как мне рекомендовали именно здесь получить достаточное для Европы образование в университете в Брюсселе, известном как Университет либр – «Свободный университет». Поэтому мне бы хотелось устроиться хотя бы на некоторое время где либо, но не в гостинице. Выслушав меня, мой новый «друг» обратился ко мне со следующим предложением:

– Днем, проезжая по улице де Луа, в верхней ее части вы могли заметить красивый, с большими окнами дом. Это очень хороший пансионат. Там можно снять комнату со всеми удобствами и пользоваться хорошим питанием. В пансионате обычно останавливается только обеспеченная, вполне порядочная публика. Если вы решите поселиться там, то можете сказать, что рекомендовал его вам я (меня там знают), и показать мою визитную карточку.

Называя свое имя, он передал мне и свою визитную карточку. Мы расстались уже за полночь. Утром, прогуливаясь по городу, я забрел в пансионат. Меня встретила довольно милая, уже не очень молодая женщина, администратор. Услышав имя рекомендовавшего мне этот пансионат, она предложила посмотреть свободные номера, гостиную и трапезную. Мы прошлись. Мне понравилась одна комната, и, несмотря на то, что она была не из дешевых, я решил поселиться в ней. К вечеру я перевез все свои вещи и стал на довольно продолжительное время постояльцем этого действительно прекрасного пансионата.

Несколько позже я познакомился с настоящим владельцем пансионата и его женой. Оказывается, он был профессором Льежского университета, поэтому на свое имя, как государственный служащий, он не мог оформить пансионат. Он записал его на имя своего сына, который с успехом являлся и поваром. У сына были больные ноги, и он не мог свободно передвигаться. В пансионате он жил со своей молодой женой. Жена профессора имела на свое имя еще некоторые доходные места, в частности игральные автоматы в нескольких городах, приносящие тоже значительный доход.

Администратором была мадам Жермен. Она жила при пансионате. Большую часть времени с ней находился муж. Оба были очень симпатичными и коммуникабельными. Ко мне относились очень хорошо. Несколько удивлял невысокий уровень жизни этой пары. Мне казалось, что муж Жермен вообще нигде не работает, а иногда, просто от нечего делать, что либо мастерит в пансионате. Несколько сблизившись, вскоре я узнал, что у них было свое «дело», но, не выдержав конкуренции, они полностью обанкротились. Не оставалось ничего другого, как через друзей подыскать место, где помимо небольшого заработка можно было еще питаться. Владельцы пансионата, профессор и его жена, понимали сложившуюся ситуацию и помогали им.

У этой четы сохранились связи в деловых и даже аристократических кругах Бельгии. Они не скрывали их и с большим удовольствием вводили в круг своих знакомых и друзей молодого южноамериканца, снимающего один из дорогих номеров пансионата. Эти «связи» впоследствии принесли немалую пользу в деле легализации меня, Кента. До последнего дня

моего пребывания в Бельгии, после того как сам стал уже заметным членом делового общества, я постоянно пользовался даже в годы Второй мировой войны, услугами многих из тех, с кем познакомился в пансионате через его хозяина, а иногда с помощью администратора.

ГЛАВА XI. Бельгия. Легализация. Начало разведывательной работы.

Встречи с Отто и его женой.

Переезжая в рекомендованный мне экскурсоводом пансионат, я не мог представить, какое значение он будет иметь для моей успешной разведывательной работы. Об этом придется подробно рассказать во всех деталях. Однако сейчас хочется остановиться на проведенной мною работе, предшествовавшей моей второй встрече с Отто.

Передо мной стояла задача заложить прочные основания для легализации и после этого приступить к выполнению функций представителя бельгийской фирмы, служившей «крышей» для нашей резидентуры в Бельгии, в Стокгольме.

По вполне понятным причинам для меня, советского гражданина, к коммерческой деятельности никогда не имевшего никакого отношения, функции коммерсанта были совершенно недоступны для понимания. Это обязывало меня изыскать возможность получения хотя бы минимальной подготовки в этой области.

Кроме того, мне представлялось, что знания французского и немецкого языков тоже требуют углубления, в особенности в части произношения и получения навыков идиоматических выражений, часто употребляемых в разговорах, присущих различным слоям общества. Мне надо было изучить и терминологию, используемую в коммерческой деятельности. Я понимал, что знания моего «родного языка» тоже требуют дополнения, но работу в этом направлении я должен был проводить самостоятельно, без чьей-либо помощи. Не мог же южноамериканец начать в Бельгии глубокое изучение языка, на котором «он воспитывался, говорил с детства».

В Ленинграде преподаватели иностранных языков утверждали, что у меня есть способности к их изучению. Это укрепляло мою веру в то, что в течение моего пребывания в Бельгии я смогу начать изучение английского языка, не откладывая усовершенствование и тех языков, которые уже знал.

Вскоре мне удалось установить, что в городе близ площади де Бруккер имеется весьма реномированная школа иностранных языков под символической вывеской «Селект скул», это якобы означало «Избранная школа». Позднее, после того как я познакомился с некоторыми учениками, смеясь, мы утверждали, что это «школа для избранных». Школа пользовалась значительным авторитетом в широких деловых и промышленных бельгийских кругах.

Я решил посетить эту школу, осмотреться, переговорить с ее владельцем, уточнить. Окончательное решение о поступлении я мог принять только после очередной встречи с Отто. Я мог предположить, что продолжительность моего пребывания в Бельгии зависит исключительно от Отто. Ведь именно он, по моему убеждению и на основе полученного мною инструктажа в «Центре», должен был содействовать мне в получении здесь практических познаний для моей дальнейшей разведывательной работы.

При первом посещении «Селект скул» я был принят ее хозяином, который одновременно и преподавал различные языки (английский, французский и немецкий). Он встретил меня очень любезно, а узнав, что моим «родным» языком является испанский, предложил мне в случае поступления к нему в школу преподавать самому.

В Бельгии многие знали хозяина школы как англичанина, осевшего в целях обеспечения себе необходимого заработка. В Брюсселе он проживал уже довольно долго и

даже женился на бельгийской гражданке валлонского происхождения.

После моего поступления в школу у нас, то есть у меня, ее владельца и его жены, сложились очень дружеские отношения, что в значительной степени тоже положительно сказалось на дальнейшей моей деятельности.

При первой моей встрече с владельцем школы он спросил, надолго ли я приехал в Европу. Я ответил довольно подробно. Сказал, что по договоренности с родителями, заинтересованными в моем счастливом будущем, мы приняли решение, в соответствии с которым я и направился в Европу. Именно в Европе я хотел бы заняться коммерческой деятельностью, но для этого мне необходимо где либо получить специальную подготовку.

Владелец «Селект скул» проявлял ко мне внимание или, во всяком случае, делал вид, что очень расположен ко мне и готов помочь. Он порекомендовал мне посетить специальный частный институт, готовящий коммерсантов, директоров предприятий и сотрудников различных коммерческих и промышленных фирм. Этот институт размещался недалеко от площади де Бруккер, на бульваре Анснах. Мне было разрешено при посещении института сослаться на его рекомендацию.

Сразу же из «Селект скул» я отправился по названному мне адресу. После краткой беседы в учебной части института я получил сборник программ занятий, проспекты и другие материалы.

Возвращаясь в пансионат, подойдя к гостинице «Метрополь», я случайно встретил экскурсовода. Он поинтересовался, как я устроился и чем занимаюсь. Кратко рассказал ему о своих заботах, и вдруг мелькнула мысль, нет ли в Бельгии заочного гуманитарного высшего учебного заведения. Экскурсовод порекомендовал мне навести справки в Брюссельском свободном университете, который я, следуя его совету, посетил на следующий день.

Меня заинтересовали два факультета – филологический и исторический, но, к сожалению, я не смог получить конкретный ответ, можно ли заниматься заочно. Мне же это было очень важно, так как, повторяю, полагал, что в Бельгии я не смогу долго задерживаться.

Жизнь шла своим чередом, я продолжал знакомиться с городом, побывал в королевском оперном театре «Моннэ», но, несмотря на то, что в пансионате ко мне хорошо относились администратор Жермен и ее муж, чувствовал я себя еще очень одиноким. Одному, в чужом городе, без определенных занятий и конкретного задания жить было очень тяжело. С нетерпением ждал очередной встречи с Отто. Я чувствовал, что она мне необходима.

Встреча состоялась в установленный день в лесопарке Брюсселя Буа-де-ля-Камбр, границы которого определить невозможно, настолько он был огромен. Несколько часов мы прогуливались и пили кофе в уютном кафе. Мне показалось, а быть может, это и было правдой, что Отто стал по отношению ко мне менее сдержанным, более откровенным. Чем это было вызвано, естественно, я точно определить не мог.

Вполне понятно, я не знал, каким временем для нашей встречи мы располагаем, а поэтому я без промедления кратко доложил Отто обо всем, что произошло со времени нашей первой встречи.

Отто согласился со мной в том, что вполне целесообразно, не теряя времени начать учебу в «Селект скул» и в институте по подготовке деловых людей. В части же Брюссельского свободного университета он советовал временно воздержаться от поступления.

Он одобрил мое местожительство в пансионате, о котором я ему тоже подробно доложил.

Не знаю, что побудило резидента Отто внести значительные изменения в план моего пребывания в Бельгии, поверхностно обсуждавшийся при первой нашей встрече. К моему удивлению, он даже спросил, соглашусь ли я чаще встречаться с ним и в меру моих возможностей помогать ему в работе, так как резидентура пока еще довольно малочисленная, а объем работы растет. Я искренне дал полное согласие. После этого встречи

с Отто стали более частыми, а вскоре он предложил поддерживать не только прямой контакт с ним путем наших личных встреч, но и через связиста. Этим связистом была Анна, как впоследствии выяснилось, жена Отто.

Во время второй, длительной по продолжительности встречи Отто впервые назвал мне коммерческую фирму, созданную им, которая должна была служить достойной и надежной «крышей» для нашей резидентуры. Это был, как я уже указывал, торгово-экспортный филиал фирмы «Руа де каучук», владеющей фабриками по изготовлению плащей, резиновой обуви и других изделий. Эта фирма пользовалась в Бельгии хорошей репутацией.

Филиал был создан в 1938 г. и назывался «Отличный заграничный плащ». Позволю себе напомнить читателям, что «Центр» планировал использовать резидентуру в Бельгии, возглавляемую Отто, только для обеспечения связи между нашими резидентурами, находившимися в разных странах, и «Центром» на время войны, если таковая будет развязана Германией. Из разговора с Отто я понял, что к созданию подобных филиалов ни резидентура, ни «крыша» еще не приступили. Именно поэтому мне поручалось создать один из первых подобных филиалов в Швеции.

Не могу не высказать своего возмущения, которое было вызвано, правда много лет спустя, публикациями в печати, в первую очередь книгой Леопольда Треппера «Большая игра», в которой он пишет, что им были созданы филиалы в ряде стран (в переводе с французского издана: М.: Политиздат, 1990. с. 95). Больше того, заявления Леопольда Треппера оказывают влияние и на другие публикации. Остановлюсь еще пока только на одном примере. Французский писатель Жиль Перро в своей книге «Красная капелла» (в переводе с французского издана совместным франко-советским издательством ДЭМ. М.: ДЭМ, 1990. с. 25, 27) утверждает, что Отто до 1940 г. вел из Бельгии разведывательную работу против Великобритании, а затем по собственной инициативе, переехав в Париж, начал проводить эту работу уже против Германии, считая, что из Парижа будет легче ее выполнять. Из дальнейших приводимых мною фактов читатель поймет мое возмущение, вызванное искажением исторической правды, которая должна служить всем нам.

При встрече в Буа де ля Камбр Отто предложил мне познакомиться с основным действующим лицом своей резидентуры, своим давнишним другом и во многих вопросах основным помощником, Андре. Именно он создал наш филиал фирмы «Руа де каучук», нашу «крышу», и был официальным ее руководителем.

Только значительно позднее я узнал всю правду об Андре, созданном им филиале и о самой фирме. Думаю, что читателю будет интересно узнать это уже сейчас. Поэтому остановлюсь на этом весьма важном вопросе незамедлительно.

Едва начав знакомство с нашей «крышей», я начал сомневаться в ее надежности. Уже в мае 1940 г., после оккупации Бельгии фашистскими войсками, мои сомнения подтвердились и я убедился в допущенных Отто грубейших ошибках при ее создании. По существу, мои сомнения начались с первых встреч с Андре и полученной от него информации о владельцах «Руа де каучук». Было совершенно ясно, что гитлеровская Германия, развязав новую мировую войну, будет бороться за «чистоту расы», то есть против евреев, продолжая развивать начатый в Германии антисемитизм, не останавливаясь ни перед чем.

Итак, Отто познакомил меня с Андре – Лео Гроссфогелем. Должен признаться, что он мне понравился как человек и как работник. Я вскоре убедился, что он хорошо ориентируется в коммерческой деятельности. Мы с Лео Гроссфогелем и его женой вскоре сблизились. Постепенно, далеко не сразу, я начал узнавать некоторые подробности из биографии Андре. Мне показалось вначале, что он намного старше меня. Как потом выяснилось, Андре был старше меня всего на 12 лет. Родился он в Страсбурге в 1901 г. Несомненно, история Эльзаса и Лотарингии оказала сильное влияние на жизнь и биографию Лео Гроссфогеля. При первой встрече с ним я не мог точно определить его национальность. Он свободно говорил на немецком и французском языках. Впоследствии я многое узнал из его жизни, и это позволило развеять некоторые сомнения, которые у меня возникали. В частности, его немецкий язык казался несколько искаженным в отдельных выражениях и

даже в произношении отдельных слов.

Дело в том, что после франко-прусской войны 1870–1871 гг. Эльзас и Восточная Лотарингия отошли от Франции и были присоединены к Германии. В то время в этих областях укрепился уже ранее существовавший алеманский диалект из группы верхненемецких языков.

Эльзас и Лотарингия вновь были присоединены к Франции только после заключения в 1919 г. Версальского договора. Именно после этого Лео Гроссфогель обрел гражданство Франции. В возрасте 24 лет, в 1925 г., он дезертировал из французской армии и лишился гражданства. После он оказался в Берлине и хотел там продолжать свою учебу, но по каким-то причинам не смог выполнить свое желание и принял решение выехать в Палестину. Именно там он вступил в Коммунистическую партию и начал проявлять себя на новом для него поприще – коммуниста. В Палестине, однако, тоже не задержался и в 1928 г., если не ошибаюсь, выехал в Бельгию, где проживали его родственники. Можно предположить, что это его решение основывалось на предложении родственников разделить с ними руководство их фирмой «Король каучука».

Из разговоров с Андре я мог понять, что именно в Палестине он познакомился с Леопольдом Трепшером.

В 1938 г., вскоре после приезда в Бельгию в качестве резидента советской разведки Отто, два друга встретились вновь. Отто удалось уговорить Андре сменить свою работу в фирме родственников и, организовав экспортную компанию для сбыта продукции фирмы «Король каучука», создать во многих странах её филиалы.

Посетив первый раз нашу «крышу», я был крайне удивлен, увидев ее маленькую конторку. В дальнейшем я узнал, что «крыша» якобы прикрывает бельгийские торговые предприятия, магазины, принадлежащие фирме «Руа де каучук» и занимающиеся продажей изделий, выпускаемых ее фабриками, – плащей, курток, дождевиков, прорезиненных накидок. Товар фирмы через свои и другие магазины расходился неплохо.

Мне представлялось, что это должна быть солидная фирма с соответствующим представительным аппаратом. Где-то вдали от центра Брюсселя в маленьком помещении был размещен весь аппарат нашей «солидной» фирмы, который состоял практически из трех лиц: председателя правления Андре, директора - Молодого человека и секретарши.

Сопровождая меня в фирму, Андре предупредил, что на должность директора фирмы удалось подобрать весьма представительного человека, ставшего известным в «Центре» под псевдонимом Молодой человек. Это был Жюль Жаспар. Брат Жюля был одно время премьер-министром Бельгийского королевства (А. Жаспар, клерикал, премьер-министр с 1926 по 1931 г.). Сам Жюль Жаспар, глубокий старик, пользовался большим уважением у всех, кто с ним имел контакт. Одно время он был бельгийским консулом в некоторых странах.

Не знаю, чем это можно объяснить, но буквально с первых дней знакомства с Жюлем Жаспаром у нас установились дружеские отношения, которые окрепли, когда в 1942 г. он уже был директором филиала парижской фирмы «Симекс» в Марселе, а я прибыл туда. Нас сблизила и искренняя дружба с его женой Маргарет Барча Зингер, которая прибыла тоже в Марсель со своим сыном Рене.

Маргарет Барча. 1946 год

Я всегда был убежден и продолжаю оставаться при своем мнении, что Молодой человек никогда ничего не знал о том, что фирма связана с разведкой, а Андре, Отто и я, Кент, являемся советскими разведчиками. Он, как и все остальные, связанные по работе с фирмой, никогда не мог себе этого представить. Правда, мне всегда казалось, что многие из этих людей были настроены враждебно к Гитлеру и фашизму вообще.

Несмотря на то, что Жюль Жаспар был выходцем из семьи политических деятелей, принадлежащей к весьма обеспеченным семьям, он был вынужден на старости лет устроиться на посильную ему работу и тем самым улучшить условия жизни своей семьи.

При посещении фирмы я увидел там показавшуюся мне сравнительно молодой женщину, выполняющую обязанности секретаря. Вскоре я узнал, что она русская, а ее муж Новиков был офицером царской армии. Я даже слышал разговор о том, что Новиков якобы одно время, находясь в эмиграции, даже принадлежал к составу «будущего правительства России». Эта семья тоже нуждалась в заработке, но, конечно, тоже не имела никакого представления о том, кому, работая в фирме, она фактически служит. Сразу оговорюсь, что после оккупации немцами Бельгии я с Новиковыми потерял всякую связь и дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Андре познакомил меня еще с одним бельгийцем, имевшим связь с конторой, Назареном Драйном. В чем заключалась эта связь, в то время я не знал. Значительно позднее у меня установились весьма дружеские отношения с этим бельгийцем и его семьей.

Отто, легализованный как канадец Адам Миклер, по сложившемуся у меня мнению, к «крыше» никакого прямого отношения не имел. Если он был как-либо связан с нашей фирмой, то только в качестве коммерсанта, нештатного сотрудника, получавшего определенный процент доходов за отдельные операции, в которых принимал непосредственное участие.

Гроссфогель мне многое рассказывал о деятельности фирмы, видимо, хотел помочь подключиться к коммерческой деятельности, а также ничего не скрывал и Жюль Жаспар. Однако о каких бы то ни было филиалах разговора никогда не было. А ведь именно я должен был представлять фирму в Стокгольме. Этот проект не удалось осуществить, точную причину отказа от идеи создания там филиала я не узнал, даже став резидентом в Бельгии.

Принимая от Отто резидентуру в присутствии представителя «Центра» Большакова, я узнал что «уругваец» Карлос Аламо «владел» магазином, принадлежащим фирме в Бельгии, размещенном в Остенде. В то время я еще не мог подумать, что этот «уругваец» является тоже советским гражданином, разведчиком, с которым я лично встречался еще в «Центре»!

Считаю необходимым остановиться еще на одном имевшем место обстоятельстве. Вскоре Отто предложил поддерживать с ним регулярную связь. Учитывая, что конспирация требовала в данном случае особого подхода, он рекомендовал мне познакомиться со связисткой Анной. Знакомство вскоре состоялось. Анна выглядела старше меня. Несмотря на свою внешность и стремление держаться довольно замкнуто, мне она понравилась своей душевностью, которую я сразу ощутил. Зародившиеся почти сразу же после нашего знакомства дружеские отношения со временем укрепились. Через некоторое время я узнал, что она является законной женой Отто. Естественно, в то время я не знал ни ее фамилии по легальному паспорту, ни ее настоящей фамилии. Много лет спустя я увидел ее имя в печати – Любовь Евсеевна Бройде. Временами казалось, что отношения между мужем и женой были натянутыми.

Нам надо было создать условия для довольно частых и регулярных встреч. Учитывая степень образования Любы и, я даже осмелюсь сказать, отсутствие с ее стороны стремления к повышению своей культуры, не было возможности организовать наши встречи в имевшихся в городе заведениях культуры. Мы избрали единственный, казавшийся нам наиболее приемлемым путь: поступили в школу бальных танцев. Это давало возможность два раза в неделю встречаться на занятиях. Хочу сразу же отметить, что через некоторое время появившиеся новые знакомые по этой школе, не стесняясь, высказывали свое удивление, что я на уроках ганцев всегда танцую только с одной, уже немолодой, женщиной, к тому же малопривлекательной, хотя в школе много красивых молодых девушек, безусловно не только готовых танцевать со мной в школе, но и проводить свободное время.

Нет, дружеские отношения между Любой и мною постепенно крепили с новой силой. Я все больше и больше убеждался, что единственным увлечением Любы были ее дети, о которых она все время думала. В то же время меня крайне огорчило то, что пришлось значительно позже прочесть в зарубежной и нашей печати, источником чего был, несомненно, и на этот раз некто иной, как Леопольд Треппер. Приведу только два примера, чтобы в дальнейшем их дополнить другими. В частности, в книге Леопольда Треппера «Большая игра» утверждается, что в целях укрепления моей и Любиной легализации и обеспечения прикрытия наших регулярных встреч было принято решение: мне надлежит поступить в Брюссельский свободный университет на факультет, где изучали бухгалтерское дело и торговое право, а Любе – на литературный факультет (с. 98). Любой грамотный читатель легко и в данном случае обнаружит ложность этого утверждения, так как в университете бухгалтерского факультета не было, а для поступления на литературный факультет у Любы не было достаточного образования.

Это не является, повторяю, единственной выдумкой. В публикации от 10 мая 1989 г. под заголовком «Память огненных лет» продолжают незаслуженно приписывать Любе, как и ее мужу, значительные заслуги в работе нашей разведывательной резидентуры в Бельгии. Хочу привести цитату из имевшей якобы место беседы с «датской гражданкой» Л.Е. Бройде. В «Литературной газете» отмечено: «Люба Бройде выполняет рискованные поручения, добывает информацию, занимается с присланными из СССР членами "капеллы" французским, учит их, как себя вести и одеваться на западный манер» (Сергей Серебряков, корр. АПН в Дании – для «Литгазеты»).

Я очень хорошо лично знал Любу, я уверен в том, что имею право утверждать, что между нами сложились дружеские отношения. Она мне доверительно рассказывала некоторые, правда далеко не полные, эпизоды из ее весьма сложной жизни.

Приведу несколько примеров, опровергающих приведенные в «Литгазете» утверждения. В нашей резидентуре было только два «присланных из СССР члена "капеллы"» – Аламо (Макаров) и я. Позднее была установлена связь с параллельной резидентурой,

возглавляемой Паскалем (Ефремовым). С этой резидентурой Любовь Евсеевна не имела никакой связи, тем более что после того как Леопольд Треппер «подчинил её себе», его жены уже давно в Бельгии не было, она находилась вместе с детьми в СССР.

Аламо и я изучали французский язык в СССР, именно поэтому были зачислены в ряды советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. Имею полные основания утверждать, что мы знали французский язык далеко не хуже, чем его знала Люба, и в ее помощи для изучения, вернее, для углубления знаний мы не нуждались. Отсюда следует, что в Брюсселе не было ни одного «прибывшего из СССР члена "капеллы", нуждающегося в обучении французскому со стороны Любы, которая сама, повторяю, владела им далеко не лучшим образом. Не нуждались мы и в ее обучении правилам поведения в обществе и выбору одежды на «западный манер». Легко опровергнуть и утверждения о том, что Любовь Евсеевна (Анна) выполняла рискованные поручения и добывала информацию. Связь с «Метро», то есть с представителями «Центра», со второй половины 1939 г. поддерживал только я, а, следовательно, направляя в «Центр» какую-либо информацию, я должен был знать источник, из которого она была получена, в том числе и имела ли Люба к направляемой информации какое-либо отношение.

Жизнь у Любы была тяжелой. Об этом я начинал узнавать еще в то время, когда поддерживал дружбу с ней как связисткой, а еще в большей степени значительно позже, а виновником был ее «верный» муж.

Итак, чтобы не возвращаться больше к жене Отто, остановлюсь на кратком изложении вопросов, связанных с ее отъездом из Бельгии в СССР.

С Любой мы расстались навсегда в мае 1940 г. после того, как «канадец» Отто впервые за время нашего знакомства проявил трусость и буквально бежал из Бельгии во Францию, оставив в Брюсселе свою жену с двумя детьми, а мне с помощью Большакова, с которым поддерживал связь только я, через «Метро» удалось отправить Любу и детей в Москву. Небезынтересно будет отметить, что и в данном случае Леопольд Треппер в своей книге «Большая игра» (с. 105 приводит совершенно необоснованную версию, заключающуюся в том, что именно он вместе с Андре (Лео Гроссфогелем) приняли решение поместить Любу в торговое представительство Советского Союза, известное как «Метро», и именно он, Отто, вошел в контакт с нашим связным, который и организовал переезд Любы с их сыном. Хочу сразу отметить, что не исключена возможность того, что я тоже допускаю ошибку без злого умысла, говоря, что у Отто и Анны в Бельгии было двое сыновей. Видимо, у них был в Брюсселе только один сын.

В то время как с Анной у нас проходили регулярные встречи, они продолжались и непосредственно между Отто и мной, я бы даже сказал, что они стали более частыми.

Шли месяцы. Я не могу сказать, что мое первоначальное положительное мнение о нем полностью изменилось, но некоторые сомнения постепенно все больше и больше вкрадывались в мое отношение к нему.

Должен признаться честно, что иногда, после того как мои связи в резидентуре несколько расширились и я просил Анну передать Отто возникшие у меня сомнения в части порядочности Аламо и других членов резидентуры, приносимой ими пользы в нашей работе, у нее буквально менялось выражение лица. Мне казалось, что ей не хочется передавать это своему мужу. Первоначально у меня возникала мысль, что она просто не согласна со мной. Только значительно позже я узнал, что почти все связанные с нашей резидентурой и получавшие от резидента материальную помощь являлись якобы коммунистами, а на самом деле – сионистами, примкнувшими к компартии, друзьями Леопольда Треппера со времени их совместного проживания в Палестине. Конечно, это не касалось Аламо, который был, как я уже указывал, советским гражданином, прибывшим по заданию «Центра» для работы в Бельгии.

разведывательной деятельности

Постепенно, проживая в пансионате, вращая все больше и больше в «чужое», но становящееся «дружеским» общество, я начинал себя чувствовать более уверенным. Правда, мысли о родном доме, об отце и матери, о моих настоящих друзьях, оставшихся вдали, не покидали меня ни на минуту.

Иногда казалось, что мои рассказы Отто о довольно широком внедрении в бельгийское общество, об отношении ко мне владельца пансионата, профессора Льежского университета, его жены, сына с молодой женой, администратора пансионата Жермен и ее мужа, а также горничной и ее жениха – бельгийского жандарма, воспринимались им не всегда положительно, быть может, даже с некоторой завистью. Последнее нашло подтверждение и стало мне известно значительно позже, когда после ареста гестапо и моего прибытия из Берлина в Париж Гириг прочитал мне в одном из протоколов допросов Отто в гестапо утверждение о том, что я обладал особым свойством дружить с различными бельгийцами, приобщаться к различным слоям общества. Этот протокол я увидел и в следственном деле гестапо на Отто, который Паннвиц и я доставили в Москву 7 июня 1945 г. Как выяснилось потом, это дело вместе с другими ценными документами, доставленными нами, было перехвачено сразу же после нашего ареста у трапа самолета, доставившего нас из Парижа в Москву, Абакумовым.

Сейчас хочу привести один пример отношения ко мне владельца пансионата. Расположенный ко мне дружески, однажды он проявил свое отношение следующим образом. Как то вечером, пригласив на интимный семейный ужин, где, правда, присутствовала Жермен, хорошо угостив вкусно приготовленными блюдами, профессор совершенно неожиданно для меня, подмигнув жене сына, велел внести «сюрприз». И вдруг горничная, сопровождаемая молодой хозяйкой, вносит специально предназначенное для подачи алкогольных напитков ведро со льдом. В нем оказалась бутылка вина. То, что я увидел, для меня было совершенной неожиданностью. Я уже привык к тому, что в ресторанах и даже в хороших домах шампанское и белое сухое вино подают к столу в охлажденном виде. В данном случае была бутылка красного вина, которое, как правило, подавалось к столу в специальных корзиночках в лежачем, почти горизонтальном положении, прикрывалась салфеткой, смоченной горячей водой.

Хозяин-профессор собственноручно стал медленно понемногу разливать вино. До этого мне ни разу не приходилось пить в подобном виде красное вино и тем более на вкус более крепкое и несвойственного ему, совершенно необычного вкуса. Я не мог скрыть своего удивления и вопросительно взглянул на хозяина. Мой взгляд был встречен веселым смехом всех сидящих за столом. Не скрывая своего удовольствия от произведенного на меня впечатления, профессор пояснил, что это вино особое. По его словам, оно хранится чуть ли не с наполеоновских времен, что является, безусловно, крайней редкостью. В бутылке вина оставалось уже мало, большая его часть превратилась со временем в довольно дорогой винный камень.

Вернувшись к себе в комнату, я невольно подумал, что приглашение меня к семейному столу, угощение различными яствами, а особенно подобным вином являются не только признанием того, что я являюсь выгодным постояльцем, но и того, что, видимо, я пришелся по вкусу владельцам пансионата.

Очень приятный, весьма культурный профессор и его вполне достойная жена искренне мне нравились. К сожалению, в Брюсселе они бывали редко, а потому и встречи в пансионате тоже были весьма редкими. Жили они в Льеже, но пару раз мне удавалось их соблазнить приехать в Брюссель. Один раз я приобрел билеты на оперу в Королевский театр, а затем пригласил их в ресторан. Другой раз мы побывали в Королевском драматическом театре, который находился недалеко от пансионата, и, когда мы вернулись «домой», сын хозяина приготовил нам хороший ужин.

Большее значение для меня представляла администратор пансионата, Жермен. Именно

она знакомила меня не только с проживающими долгое время в пансионате, но и с часто останавливающимися посетителями. Жермен знакомила со своими друзьями, вводила меня в различные слои бельгийского общества.

Остановлюсь на некоторых из них более подробно. В ряде случаев не буду называть фамилии, и не только потому, что многие прожитые годы после нашей разлуки просто вычеркнули их из памяти, но и потому, что, возможно, многие из тех, о ком я буду вспоминать, могут быть еще живы и не хотелось бы их связывать с человеком, о котором они не только не знали, но и не могли предполагать, что он советский разведчик.

Одной из первых, с кем меня познакомила Жермен, была Эллен, на несколько лет старше меня, не отличалась особо и внешностью, но, тем не менее, женственна и достаточно привлекательна. Меня удивляло, что она, принадлежавшая к вполне обеспеченной и весьма культурной семье, по каким-то причинам в ее возрасте и при многих положительных качествах не обрела своей собственной семьи и детей, которых она, кстати, очень любила. Надо особо подчеркнуть, что она уделяла особое внимание своим старикам родителям и мало занималась собой, почти не уделяла времени на увеселения, присущие ее возрасту и обществу, к которому принадлежала.

Справедливость требует, чтобы я особо отметил, что ее очень интересовали новые пьесы, опера, балет, выставки художников, устраиваемые в различных музеях, в том числе и во Дворце изящного искусства в Брюсселе. Кстати, в этом дворце в концертных залах организовывались прекрасные концерты с участием не только бельгийских артистов, но и артистов зарубежных стран. Иногда там, во дворце, бывали и балы, на которых собиралась элита. Эллен довольно часто приглашала меня во дворец, и я с удовольствием сопровождал ее. Я считаю необходимым подчеркнуть, что во Дворце изящного искусства собиралось общество, достигшее вершин в Бельгии. В особенности это бывало в тех случаях, когда на некоторые выставки или вечера прибывала сама королева-мать Елизавета, уделявшая много внимания развитию культуры, искусства в своей стране.

Нельзя не подчеркнуть особо, что посещения Дворца изящного искусства и различных премьер в театрах, на которых присутствовали члены королевского двора, требовали от меня, как и от всех присутствующих, не только соответствующей манеры держаться, но и соответствующих нарядов, фраков или смокингов. Признаюсь, вначале было довольно нелегко соблюдать установленный этикет, но со временем я стал к этому привыкать.

Через Эллен я познакомился со многими. Сейчас мне хотелось бы упомянуть пока только две фамилии – Ивонн Фуркруа и ван дер Стеген.

Ивонн была совершенно другим человеком по сравнению с Эллен – молодая, красивая. У нее были муж и маленькая дочь. Родители из видного французского дворянского рода. Уже давно, будучи еще совсем молодыми, они были вынуждены покинуть Францию, так как принадлежность к известному дворянскому роду в то время на их родине не приветствовалась. Одним из предков семьи, как мне рассказывали, якобы был известный французский ученый-физик (Опостен Жан Френель, 1788–1837, член Парижской академии наук, 1823 г.).

К моменту моего знакомства с семьей родителей Ивонн ее отец стал в Бельгии достаточно богатым, взяв на себя функции коммерческого представителя известной французской фирмы по продаже в Бельгии дорогого коньяка.

В этом доме мне пришлось побывать, к моему искреннему сожалению, всего один раз, и то недолго. Тогда меня поразило, насколько интересным, высокообразованным, культурным человеком был отец Ивонн, умел поражать своей осведомленностью во всех затрагиваемых в разговорах вопросах. По всему было видно, насколько он порядочный человек, хороший семьянин, отец и дедушка. Сама Ивонн вышла замуж неудачно. Ее муж был очень богатым человеком, по-видимому, очень любил жену и дочь, но, к великому сожалению, вне всяких пределов был ревнив. К этому, видимо, его подталкивало то, что жена была очень красивой, с прекрасной фигурой, умела одеваться с большим вкусом, любила веселую жизнь, а ее муж был деловым человеком, и у него не было достаточного

времени для своей семьи.

Имея в Арденах большой замок с прекрасной усадьбой, муж заставлял свою жену с дочерью постоянно и безотлучно проживать там. Естественно, молодую женщину, всем очень нравящуюся, стремящуюся потанцевать на балах, побывать в соответствующем обществе, часто посещать театры, музеи, различные пользующиеся в обществе уважением клубы, подобное «заклучение» абсолютно не устраивало.

Ивонн с согласия своих родителей решила развестись с мужем, оставив при себе дочку и получив от своего мужа соответствующие «отступные». Они были католиками. Католическая церковь не разрешала своим верующим разводы.

Для того чтобы получить развод, Ивонн обратилась к главе католической церкви в Бельгии, если я не забыл, то к кардиналу Малина. Через некоторое время от него был получен полный отказ. Ивонн продолжала жить у своих родителей и не прекращала бороться за свою «свободу». В этих целях она вместе с отцом и матерью, как мне говорили, подала заявление для разрешения на развод непосредственно Папе Римскому в Ватикан. Рассказывая мне об этом несколько позднее, Ивонн подчеркивала, что стоимость подобного разрешения минимум в пять раз выше, чем стоимость разрешения, получаемого от местного кардинала. Однако, по ее словам, другого выхода не было. Из этого разговора с Ивонн мне показалось, что она озлоблена по отношению к католической церкви.

Только спустя некоторое время мне стало известно, что Ивонн получила от Папы Римского необходимое разрешение на развод и якобы вновь вышла замуж и живет счастливо. Я видел издали новую брачную пару, но не считал возможным подойти. К этому времени у меня «знакомство» с Ивонн было прервано, так как оставалось очень мало свободного времени для общения со всеми, которого я знал.

Справедливость требует, однако, чтобы было признано значение Ивонн в моей легализации, моем сближении с бельгийцами из промышленных и различных деловых кругов, а также и со многими деятелями культуры.

Ван дер Стеген принадлежал к видной аристократической династии Бельгии. Если память мне не изменяет, то его дядя был губернатором одной из провинций во Фландрии. Родители хотели видеть в своем сыне достойного потомка. Он полюбил Ивонн Фуркруа, но семья воспротивилась этой любви и не допустила создания счастливой семьи. Вот после этого Ивонн вышла замуж за промышленника, ставшего неудачным мужем. На мой вопрос, почему его родители противились этому браку, он пояснил, что, по мнению отца, матери и других его родственников, совершенно недопустимым являлся брак с француженкой (ведь они были фламандцами) и тем более с дочерью эмигрантов, занимающихся далеко не почетной для дворян коммерческой деятельностью.

После тяжелых переживаний молодой фламандец решил покинуть родной дом. Он, по его рассказам, уехал в США, где поступил рядовым рабочим на предприятие автомобильного магната Форда. Однако, получив некоторую специальность, став «трудящимся», возвратился к любимым отцу и матери, простив им то, что они не разрешили его брак с Ивонн, к которому он так стремился. С Ивонн, стремящейся добиться развода со своим мужем, ван дер Стеген продолжал встречаться, но у него не было больше и мысли соединить свою судьбу с той, которую он действительно любил.

По мнению всех, кто знал молодого ван дер Стегена, он практически ничем не занимался и не имел собственных доходов. Жил хорошо, в достатке за счет обеспеченной семьи. В семье ван дер Стегена раз в неделю устраивались приемы, и иногда я, правда не очень часто, бывал приглашен на различные домашние и общественные приемы, если можно так сказать, мероприятия, проводимые элитой бельгийского общества. Учитывая, что на пригласительных билетах часто указывалось, что гости должны приходиться во фраках или смокингах, мне срочно понадобилось заняться пополнением своего гардероба.

«Друзья» порекомендовали мне очень хорошего частного портного, особо подчеркнув, что он поляк, а значит, хорошо шьет. К этому портному я явился первый раз от имени ван дер Стегена, а затем уже стал его постоянным клиентом.

Мне хочется привести пару примеров, подтверждающих мое высказывание.

Однажды я был приглашен на очередной прием, на пригласительном билете указывалось, что гостей просят быть во фраках. Я надел свой только недавно сшитый фрак, положенную к нему крахмальную рубашку с высоким воротником, с хорошо сидящим на нем черным галстуком-бабочкой». Посмотрев в зеркало, убедился, что выгляжу очень хорошо, привлекательно.

Придя в дом, куда я был приглашен, я был встречен статным высоким мужчиной во фраке и тоже с хорошо сидящим черным галстуком «бабочкой». Естественно, я протянул встречавшему меня для приветствия руку. Хорошо, что вокруг почти никого не было! Потом я узнал, что черную «бабочку» в сочетании с фраком носят только лакеи и другие представители обслуживающего персонала в ресторанах и на частных торжественных приемах. Представители же светского общества черную «бабочку» сочетают только со смокингом, а к фраку они должны иметь белую «бабочку».

В тот вечер, когда я впервые пришел во фраке к моим новым «друзьям», не мог понять, почему «статный», встречавший меня человек далеко не сразу откликнулся на мое пожатие руки. Довольно продолжительное время он стоял, буквально вытянувшись по стойке «смирно», не имея возможности скрыть свою растерянность. Только убедившись в моей настойчивости, возбужденно протянул руку.

Я продолжал мирно проживать в пансионате на одной из центральных улиц Брюсселя. Полностью освоился с жизненным ритуалом, стал как бы «неотъемлемым элементом застолий», в основном, конечно, только во время обедов, так как к завтраку все выходили после сна, а ужинали некоторые у своих знакомых, друзей или в городе в различного рода ресторанах. Правда, иногда встречались за столом и в пять часов пополудни за чашечкой чая.

Постепенно я начинал чувствовать себя все более уверенно. Вместе с тем, встречаясь с Отто, я с каждым разом чувствовал какую-то отчужденность, но не мог понять причину. Во всяком случае, я не сторонился своего резидента и не проявлял какую-либо враждебность по отношению к нему.

Из проживающих в пансионате длительное время, кроме меня, оставалось двое – старенькие женщины, обладающие достаточным «состоянием», чтобы жить и не тужить в хорошем доме, имея комнату со всеми удобствами и питаясь вкусной и калорийной пищей. Кроме того, проживание в пансионате давало им возможность общаться с людьми и довольно редко покидать свою обитель, посещая какие-либо концерты знаменитых артистов.

Я вел более активный образ жизни, ездил по Бельгии, знакомясь с городами и различными достопримечательностями, основательно изучал историю страны и ее столицы, бывал с «друзьями» в театрах, на выставках, концертах, в музеях. Конечно, как человек «верующий» в Бога, регулярно посещал католические соборы и церкви. Правда, мало кто знал, что и там иногда я встречался с советским разведчиком Отто и его связистами.

Наблюдая за временными клиентами пансионата, я не всегда мог определить с точностью их социальную принадлежность. Да это и неудивительно. В этом отношении стоит привести только несколько примеров.

Однажды из Франции прибыла семейная пара: муж, француз, и жена, как выяснилось вскоре, русская. Они были довольно общительные, любили поговорить на разные темы, в том числе и на политические. Не понадобилось много времени, чтобы узнать кое-что из их жизни. Он был до 1918 г. одним из коммерческих представителей французской фирмы «Зингер», поставляющей в Россию швейные машины. Большую часть времени проживал в Петербурге. По его словам, представительство фирмы помещалось в большом доме напротив Казанского собора. Я сразу понял, что речь идет о «большом доме», в котором в мои годы помещался Дом книги. Именно в Петербурге, будучи еще молодыми людьми, они поженились. Революция вскоре помешала дальнейшей деятельности коммерсанта, и семья переехала во Францию, где они живут в достатке, часто путешествуя по Европе.

Из общения с этой парой я впервые услышал о русских эмигрантах, проживающих за границей, что называется – из первых уст. До этого я знал о них только по книгам, которые

мне приходилось читать, и из публикаций в прессе.

Моя собеседница была явно недовольна совершившейся революцией и относилась к тем, кто был не только ее организатор, но и участником, с явной ненавистью. Трудно себе представить, с каким трудом я, Кент, выслушивал резкие нападки на мою страну, на моих соратников по национально-революционной войне в Испании, больше того, на всех моих сограждан. В этих беседах я прошел с успехом школу выдержки, которая впоследствии не раз помогала мне себя сдерживать. Хочу, однако, отметить, что муж иногда, перебивая свою жену, делал уточнения, из которых можно было понять, что не все русские эмигранты с такой ненавистью относятся к своей родине.

Я впервые услышал некий экскурс в историю. Я узнал, что не только во Франции, но и в ряде других стран живут русские эмигранты, покинувшие свою родину до Первой мировой войны и в первые ее годы. Они выезжали свободно, и многие из них устроились за рубежом хорошо, стали владельцами или совладельцами отдельных промышленных или торговых предприятий, основали рестораны и ночные увеселительные заведения с русской кухней, очень полюбившейся многим французам. Правда, были и такие, которые жили плохо. После того как в России совершилась революция, некоторые из ранее эмигрировавших граждан России обратились с просьбой «удостоить» их гражданства нового послереволюционного государства. Как ни странно, многие получившие советское гражданство продолжают жить за рубежом вне зависимости от рода их занятий. Большая же часть эмигрантов из России, как и эмигранты из других стран, пользуется так называемыми нансенскими паспортами.

В беседах с этой парой в основном принимали участие постоянные постоялицы и еще двое, приехавшие из Люксембурга. Я только внимательно прислушивался ко всему, о чем шла речь. Задавать какие либо вопросы я не осмеливался. Поэтому некоторое время оставался в неведении о том, что такое «нансенский паспорт». Только позднее я узнал, что этим установленным после Версальского соглашения паспортом могли пользоваться эмигранты, не имеющие какого-либо определенного гражданства. Паспорт выдавался той страной, где проживал эмигрант, а в случае временного или постоянного проживания впоследствии в какой-либо другой стране его интересы обязано было защищать консульство той страны, которая выдавала паспорт. Обладателей подобных паспортов было в различных странах много. При рождении ребенка родители имели право просить о присвоении ему гражданства той страны, в которой он родился, или о включении его в имеющийся у них «нансенский паспорт». Государство, удовлетворившее ходатайство родителей и предоставившее вновь родившемуся гражданство, сохраняло, однако, за ним право при достижении совершеннолетия самому выбрать свое гражданство, то есть, скажем, остаться французом, если бы ему было дано это гражданство, или пожелать остаться, как и его родители, без конкретного подданства.

У многих русских эмигрантов дети уже выросли, но они в своих семьях приучались к русскому языку и свободно говорили по-русски. Как впоследствии я мог убедиться, француз был прав, утверждая, что многие из русских эмигрантов и даже дети, родившиеся у них за рубежом, продолжали считать своей настоящей родиной Россию, Советскую Россию.

Через некоторое время моя русская собеседница, узнав, что моим «родным» языком является испанский, а также, что я прилично владею французским и немецким, начал изучать английский, проявляя ко мне, своему собеседнику, нескрываемую теплоту и симпатию, стала уговаривать меня попытаться изучить и русский язык. Она начала мне демонстрировать своеобразное звучание этого прекрасного, по ее оценке, и звучного языка. Она произнесла несколько русских слов... Эти явно нецензурные, как у нас принято называть, матерные слова вызвали у меня некоторую тревогу. Я невольно подумал, что эта дама разобралась во мне и поняла, что я себя выдаю не за того, кем являюсь на самом деле. Она могла, возможно, проживая в кругах русских эмигрантов, по моему произношению при разговоре на-французском, по построению фраз установить, что я... ее земляк.

Я был вынужден о своем сомнении даже доложить Отто. Мы пришли к заключению, что не надо проявлять ни в коем случае никаких признаков тревоги, продолжать общаться с

этой парой, но быть всегда, как говорят, начеку. Должен признаться, однако, что в дальнейшем при общении с русскими эмигрантами я был всегда очень осторожен, разговаривая на французском языке.

Несколько дней спустя я предпринял очередную поездку в Антверпен, где должен был встретиться со своим другом, находящимся проездом в Бельгии, и определить с ним некоторые деловые стороны жизни.

Мое возвращение из Антверпена было воспринято в пансионате очень тепло. Мне показалось, что я был особенно тепло встречен постоянными постояльцами, которые считали пансионат нашим родным домом.

Вызвавшая у меня некоторую тревогу французско-русская семья тоже проявила не только внимание, но и дружеские чувства, не скрывая своей радости возобновления нашего знакомства. Муж и жена сообщили мне, что скоро покинут Бельгию, но очень просили, если я буду иметь возможность побывать в Париже, не отказать им в желании нашей новой встречи и воспользоваться их адресом. При этом вручили свою визитную карточку с указанием фамилии и имен, адреса и номера телефона.

Действительно, через несколько дней, перед своим отъездом из Брюсселя, они заказали прощальный ужин, пригласив администратора, Жермен, повара и его жену, почти всех постояльцев, а их к этому времени было не так и много. Ужин прошел очень весело. Сын хозяина, повар, принес проигрыватель и очень хорошие пластинки с музыкой для танцев. Я танцевал, в отличие от других мужчин, но очереди со всеми, конечно не исключая и постоянных постояльцев, и старушек тоже, а они были буквально счастливы и стали ко мне относиться не только с уважением, но и с нескрываемой симпатией. Избранный мною порядок танцевать со всеми присутствующими женщинами часто и впоследствии оценивался весьма положительно.

Постепенно, благодаря установившимся «дружеским» отношениям в различных слоях общества, я стал приобщаться к разведывательной деятельности. Это происходило уже в ожидании моего отъезда к месту основного назначения, в Стокгольм. Я не только занимался укреплением своей легализации, но и даже принимал непосредственное участие в сборе некоторой информации, которая могла представлять интерес для «Центра». Вначале эту информацию передавал через Анну или непосредственно Отто для направления по назначению в «деревню». Прямого контакта со связистами «Центра» в то время я еще не имел и даже не мог предположить точно, кто и как поддерживает связь между Отто и «Центром».

После поражения Испании для многих стало очевидным, что фашисты на этом не успокоятся. Это тем более, что к тому времени они уже убедились, что не только ведущие европейские государства, но даже США не собираются препятствовать в их, в полном смысле, захватнической политике. В этом они убедились не только в Испании, но и в агрессивных действиях в Абиссинии, при аннексии Австрии и при захвате чехословацких пограничных областей, что, по существу, почти полностью ликвидировало обороноспособность этой центральной европейской буржуазной республики и определяло возможность полного ее захвата и продвижения на Восток.

Все чаще, присутствуя при беседах моих бельгийских и иностранных «друзей», а иногда и принимая в них личное участие, я пытался определить, каково отношение различных слоев бельгийского населения и населения других европейских стран к все более обостряющейся обстановке в Европе. Среди моих собеседников были, безусловно, и весьма грамотные в политическом отношении люди, одним из которых был владелец «Селект скул». Общее впечатление сводилось к тому, что бельгийцы с тревогой смотрят в сторону Германии. Многие вспоминали переживания в годы Первой мировой войны, развязанной кайзеровской Германией. Они волновались и очень настороженно держались. Правда, с другой стороны, я замечал у некоторых моих собеседников определенную пассивность в мышлении.

У меня крепла уверенность, что король Бельгии Леопольд III и бельгийское

правительство не могли со своей стороны проявлять полную пассивность и безответственность. Вскоре мне удалось установить, что имели место и какие-то переговоры между правительствами Бельгии, Франции и Великобритании. Однако ни у Отто, ни у меня по этому вопросу достаточной информации не было. Однако нам казалось, что в любом случае Бельгия принимала все меры к тому, чтобы сохранять с Германией нормальные отношения, ничем не демонстрируя свои союзнические переговоры с Францией и Великобританией, если к тому времени они уже велись.

Несмотря на то что у меня, как и у многих людей, возникали тревожные мысли, не исключаяющие возможности новой, второй, мировой войны, способной нарушить спокойствие Бельгии, её нейтралитет, тем не менее, в это тяжелое время не должен был забывать, что я, молодой «уругваец», никогда не занимался политикой и в отношении возможности возникновения новой войны нахожусь в полном неведении.

Мне хочется в этой части привести еще один пример. Как-то, беседуя со мной, владелец-директор «Селект скул» затронул весьма интересный вопрос. Он поинтересовался, читал ли я книгу Адольфа Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба»). Эту книгу я успел прочесть, купив ее в Бельгии, но в немецком варианте, так как издана она была в Германии. Несколько растерявшись, а вернее, сделав вид, что заданный вопрос застал меня врасплох, так как я не только не читал ее, но и никогда о ней ничего не слышал, ответил на него отрицательно. Мой собеседник вышел в другую комнату и принес мне названную им книгу. Мне показалось, что она того же издания, как и та, которую я успел уже прочесть. Вручая книгу, владелец школы посоветовал мне обязательно ее прочесть и заявил, что ее чтение принесет мне пользу не только в вопросе ознакомления с политикой, проводимой гитлеровской Германией, но и в совершенствовании моих познаний в немецком языке.

На этом наш разговор не закончился. По существу, мне была прочитана целая лекция, краткое содержание которой хочется привести сейчас. В то время, когда я слушал, для меня многое из сказанного было совершенно ново. Итак, привожу краткое изложение услышанной «лекции».

Гитлер Адольф имел настоящую фамилию Шикльгрубер, родился в 1880 г. в Австрии. Его отец был таможенным чиновником. Якобы в целях самообогащения отец связался с семьей молодой австрийской еврейки. Адольф покинул отца и до 1913 г. не имел определенных занятий. В 1913 г. переехал из Вены в Мюнхен. За время Первой мировой войны дослужился до ефрейтора немецкой армии.

В ноябре 1923 г. вместе с генералом Людендорфом Гитлер возглавил попытку государственного переворота в Мюнхене, который провалился. Организаторы попытки переворота предполагали установить в Германии фашистскую диктатуру. Говоря об этом, мой учитель подчеркнул, что к этому времени в Италии уже была установлена присвоившая себе наименование фашистской партии диктатура Муссолини. Именно поэтому Гитлер не пожелал свою партию именовать фашистской, то есть присвоить ей название, принятое в Италии, и назвал ее Национал-социалистической рабочей партией германии (НСДАП).

После провала этого переворота, так называемого пивного путча, некоторые его организаторы были арестованы и осуждены. В их числе был и Адольф Гитлер, осужденный на 5 лет, но уже в 1924 г. освобожденный. Остановившись на пребывании до конца 1924 г. Гитлера в тюрьме, мой собеседник подчеркнул, что австриец Гитлер плохо владел немецким языком, но уже тогда очень любил ораторствовать. Якобы в тюрьме арестованные вместе с Гитлером участники готовившегося переворота очень любили играть в карты, а Адольф им мешал, разглагольствуя о своих дальнейших политических планах. Они сумели ради создания для меня нормальных условий для игры в карты уговорить будущего фюрера «все то, что он им докладывал, исключительно важное для государства, изложить в письменной форме».

В результате, по словам моего учителя английского языка, родилась книга «Моя борьба». Однако в свет она вышла в 1925 г. только после того, как, покинув тюрьму, Гитлер сумел привлечь к ее переработке, доработке и грамотному изложению на немецком языке

ученых, политических деятелей.

Не знаю, соответствует ли услышанное мною правде, но уже в более позднее время, несколько лет спустя, встречаясь с такими грамотными немцами, как Отто Бах, о котором я еще буду говорить особо, на мой вопрос, не является ли это выдумкой, мне неоднократно подтверждали, что Гитлер действительно не обладал, в особенности в те годы, когда сочинял свою книгу, достаточными знаниями немецкого языка, чтобы все свои мысли изложить в письменном виде. Ставился под вопрос только год издания книги в Германии. Некоторые утверждали, что она появилась в 1926 г.

Для меня уже не было новым услышанное о содержании книги «Моя борьба»; прочтя ее, я хорошо запомнил основные положения. Именно поэтому я уже знал, что в своей книге Гитлер призывал в угоду Западу к антисоветской агрессии, к самой активной борьбе с коммунистическим обществом. Он не стеснялся прямо утверждать: «Когда мы говорим о новых территориях в Европе, мы можем думать, в первую очередь, о России и прилегающих к ней государствах... Сама судьба дала нам сигнал к этому... Гигантское государство на Востоке созрело для развала».

Хочу особо подчеркнуть, что всем читателям книги было понятно, что Гитлер собирается завоевать территорию Советского Союза, превратив его население в рабов. Однако нельзя было упускать из виду и то, что в своей книге Гитлер призывал к подготовке реваншистской войны против Франции, а также проповедовал расизм.

Провозглашаемые в книге планы борьбы, в первую очередь против коммунизма, видимо, вполне устраивали западные державы, а к этому Гитлер и стремился, чтобы развязать себе руки в задуманной войне против Советского Союза.

Усилия правительства Франции к поддержанию добрососедских отношений с фашистской Германией после агрессивных действий Германии против Франции были для меня совершенно непонятными, я не мог оправдать их.

Вскоре с настороженностью и неполным пониманием я стал воспринимать появление в пансионате мужчин разного возраста, правда, все они были не очень молодыми и явно туристы; правда, в пансионате проводили мало времени, но не совершали экскурсий ни по городу, ни по стране, а наоборот, были чем-то все время очень заняты. Предположить, что они являлись коммерсантами, я не мог, уж больно подтянутый у них был вид. Они, как правило, мало общались с постояльцами, а в основном со всеми нами встречались изредка, и то за обеденным столом.

Видимо определив, что я по своему происхождению являюсь представителем богатой семьи одной из стран Латинской Америки и далек от политики, новые постояльцы не чуждались меня, а даже, в отличие от других живущих в пансионате, любили иногда провести вместе время за бокалом аперитива, рюмкой коньяка или бокалом виски, весело беседуя на разные темы между собой, не стесняясь меня. Правда, иногда они подключали меня к разговору, интересуясь моей «родиной». Я испытывал большое удовлетворение тем, что не зря затратил много времени на изучение литературы, посвященной Уругваю, его истории, географии и жизни страны. Это позволило мне вести оживленный разговор с новыми знакомыми.

Через ван дер Стегена я уже «хорошо» ознакомился с ночным Брюсселем. Это дало мне возможность некоторых из этих временных постояльцев приглашать в «клубы», о которых я уже упоминал. Опрокинутые рюмки и бокалы как-то незаметно быстро сближали с людьми старше меня. Считаю необходимым особо подчеркнуть, что ни я, ни составляющие мне компанию иностранцы не увлекались выпивкой и за рюмкой крепкого напитка проводили продолжительное время.

Как вскоре я узнал, один из пожилых французов в действительности является полковником французской армии. Он прибыл в Бельгию в командировку и остановился не в гостинице, где могли его встретить «нежелательные» иностранцы, а в реномированном пансионате.

Понимая, что молодой собеседник мало разбирается в политике, а тем более в

вопросах, связанных с военной обстановкой в Европе, узнав, что он собирается поступить в Брюссельский свободный университет, стремясь получить хорошее высшее образование, полковник в легкой и осторожной форме стал меня, своего молодого собеседника, к которому относился дружелюбно, предупреждать, а скорее даже внушать, что проживание продолжительное время в Бельгии в складывающейся обстановке не является безопасным.

Многое из истории я услышал впервые, а то, что мне уже было известно, получило разностороннее освещение со значительными уточнениями.

Так, однажды, глядя через бокал с бургундским вином на электрическую лампочку, заметно задумавшись, полковник медленно, как бы выдавив из себя, задал мне совершенно неожиданно вопрос:

- Висенте, а вы никогда не интересовались военной литературой? Читали ли вы что-либо в этой области? Если да, то что именно? Слышали ли вы о книге английского бригадного генерала, инженера Стимсона, посвященной первым конструкциям английских национальных танков?

О книге Стимсона я до этого ничего не слышал, а о прочитанных книгах по военным вопросам, естественно, я умолчал, «признавшись», что военные вопросы как-то меня мало интересуют.

Полковник очень коротко остановился на том, что, готовясь к Первой мировой войне, все военные специалисты считали, что она будет быстротечной и маневренной. Немцы обманули ожидания своих будущих противников. Купив именно в Великобритании лицензию на право выпуска пулеметов английской конструкции, они быстро освоили их крупносерийное производство. Как выяснилось значительно позже, немцы избрали этот путь, основываясь на том предположении, что, укрепив свои границы, при продвижении по территории, захваченной у неприятеля, они смогут и линию фронта превращать быстро в окопы-траншеи, укрепленные пулеметными гнездами, что исключит возможность вражеским войскам прорвать их линию обороны. Усмехаясь, полковник указал на то, что англичане, продавая лицензии на изготовление пулеметов своей марки, предусмотрели «действенный» контроль за количеством выпускаемых немецкой промышленностью пулеметов, установив, правда незначительную, плату за каждый выпускаемый пулемет. Немцы нарушили договоренность и совершенно неожиданно для англичан прекратили выплату обусловленных сумм. Только после того, как военное министерство Великобритании обратило внимание на это нарушение, в Германию была направлена специальная комиссия. Якобы этой комиссии не удалось установить точное количество выпускаемых пулеметов, но она могла понять, что речь идет о массовом их производстве, а это насторожило англичан. Якобы, повторил рассказчик, вот тогда и встал вопрос о создании средств для прорыва через предполагаемые укрепления, оснащенные пулеметами. Смеясь, полковник подчеркнул, что, оставаясь «джентльменами», англичане решили выпускать танки женского и мужского рода. Это означало, что один тип танка должен был быть оснащен артиллерийским орудием и предназначался для непосредственного прорыва с уничтожением установленных в окопах-траншеях пулеметных гнезд. Второй танк, женского рода, должен был быть оснащен пулеметами, и в его задачу входило только прикрытие сопровождаемого им танка первого, мужского, типа.

Не могу не упомянуть еще об одном. Мой собеседник рассказал, что изобретенный генералом Стимсоном танк не нашел ожидаемой поддержки со стороны военного министра. Значительный вклад в его доработку и выпуск внесло адмиралтейство, которое в то время возглавлял Уинстон Черчилль.

Сделав этот исторический экскурс, полковник уже серьезно продолжил свой рассказ:

- Первая мировая война стала затяжной с массовым использованием укреплений. Это привело к тому, что сейчас, не исключая возможности возникновения новой мировой войны и готовясь к ней, Германия оборудовала у себя, вдоль границы, через которую мог попытаться прорваться противник с Запада, мощную оборонную линию, известную как линия Зигфрид. В свою очередь Франция у себя на границе оборудовала линию Мажино,

которая должна будет на случай войны тоже стать мощной преградой.

Несколько задумавшись, полковник посмотрел внимательно на меня и с явным сожалением указал на то, что, несмотря на настойчивые советы Франции, поддерживаемая Великобританией Бельгия, не желая, видимо, обострять своих отношений с Германией, подчеркнуто сделав вид, что не опасается обострения таковых и исключает возможность возникновения между этими странами военных конфликтов, демонстративно отказалась присоединиться к строительству линии Мажино. Правда, учитывая исторический опыт прошлых войн, понимая, что в случае возникновения войны между Германией и Францией Бельгия вновь сможет стать проходом для немецких войск, и, признав обоснованность советов французского и английского правительств, эта страна согласилась продолжить линию Мажино на своей территории, создав линию обороны и укрепив канал Леопольда.

Весь этот рассказ, видимо, должен был явиться предупреждением на основе хорошего расположения к Висенте, что обстановка в Европе не исключает возможности начала войны, в которую, безусловно, будет втянута и Бельгия, а поэтому рассчитывать на спокойное длительное пребывание и учебу здесь не следует. Более разумным поведением будет возвращение домой в Южную Америку.

Я внимательно слушал рассуждения моего собеседника, не показывая и виду, что я знаю, с кем имею дело. О том, что прибывший в пансионат француз является полковником, меня предупредила Жермен. Я не могу точно определить, откуда об этом узнала она. Я не думаю, что новый постоялец предъявил документ, из которого явствовало, что он полковник. Во всяком случае, сообщение Жермен помогло мне более правильно оценить то, что пришлось услышать.

Об этом разговоре я незамедлительно доложил Отто. После тщательного обсуждения было принято решение, в соответствии с которым «молодой, мало понимающий в политике собеседник» должен был «конфиденциально» сообщить полковнику при очередном разговоре, проявляя некоторую настороженность, что, кроме желания получить в Бельгии высшее образование, он вынужден задержаться еще на некоторое время в Европе, потому что ему удалось удачно поместить порядочный капитал в одну из фирм.

Это решение было мною выполнено, а разговор на эту тему нашел понимание у французского собеседника. Во время нашей беседы я выразил свою искреннюю благодарность за полученный совет и рассказанное, касающееся абсолютно незнакомых мне вопросов.

Совершенно неожиданно для меня в один из дней вместе с французским полковником у моего стола в пансионате оказался незнакомый мужчина, на вид довольно молодой, 30–35 лет. Французский полковник представил его как офицера королевской гвардии Дании, приехавшего также по служебным делам в Бельгию. Порядок представления и сказанное о вновь прибывшем меня крайне поразили. Неужели мой частый собеседник догадался, что я знаю, что он полковник французской армии?

Наши встречи не прерывались, продолжались беседы, иногда носящие для меня, «молодого южноамериканца», весьма поучительный характер. Встречи не ограничивались только салоном пансионата, но продолжались и в ночных клубах не только за рюмкой крепкого напитка, но и за бокалом шампанского во время выступлений довольно хороших артистов.

Интересными были высказывания датчанина. По его мнению, война в Европе была неизбежной. Дания в этом случае была отнюдь не в лучшем положении, чем Бельгия. Окружение короля отдавало себе отчет в том, что в случае начала войны Дания будет, безусловно, сразу же оккупирована. Вопрос заключается только в том, кто кого опередит – Германия Великобританию или Великобритания Германию. Эта маленькая страна не может остаться вне войны, хотя сама не собирается принимать участие на чьей-либо стороне.

Француз и датчанин, казалось, меня не стеснялись при обмене мнениями по вопросам, носящим довольно своеобразный характер и, быть может, даже не подлежащим разглашению.

Так, однажды я услышал и такое мнение. Обстановка в Европе, отношения между отдельными государствами приняли настолько необъяснимый характер, что даже трудно определить причины подобного явления. В разговоре об этом однажды был поставлен вопрос: как следует расценивать германо-датское соглашение от 31 марта 1939 г., в соответствии с которым Германия приняла на себя обязательство о ненападении на Данию? Тут же последовал ответ: а разве какое-либо обязательство, принятое на себя, Германия выполняла? Даже такой важный документ, как Версальский мирный договор, нарушался Германией еще до прихода к власти Гитлера, а тем более после этого. Для многих простых граждан становилось ясно, что предпринимает Германия, готовясь к новой войне. Однако у многих складывалось такое впечатление, что правительства ряда стран не хотят допускать, чтобы их военные разведки говорили правду о Германии вообще и о планах Гитлера в частности. Мои собеседники даже дошли до того, что не побоялись выразить очень заинтересовавшую меня мысль. Они подчеркнули, что им известны случаи, что когда какой-либо военный разведчик докладывал о росте вооружения Германии, о совершенствовании ее военной боевой техники, то он мог рассчитывать только на неприятности для себя. По непонятным причинам, в чьих-то интересах, широко пытались распространить слухи, что у Германии ничего нет, что ее танки изготовлены для парадов чуть ли не из картона или фанеры вместо настоящей хорошей брони.

Французский полковник, немного посмеиваясь, поведал небольшую смешную историю.

По его словам, Шарль де Голль, из очень знатной семьи, окончив Сан Сир, стал танкистом. Он командовал танковым полком в департаменте Мец, главнокомандующим которого являлся генерал Анри Оноре Жиро. И вот полковник Шарль де Голль осмелился, пожалуй, первым в военной истории, написать книгу о роли танковых соединений в будущей войне, определив в значительной степени их решающую роль в битвах. Изданная небольшим тиражом во Франции, книга не пользовалась успехом и, больше того, вызвала значительную критику со стороны крупных военачальников. Вскоре аналогичная книга появилась в Германии. Ее автором был генерал Гейнц Вильгельм Гудериан. Только после этого, по словам полковника, стали считаться с мнением автора французской книги полковника Шарля де Голля. Рассказчик добавил, что в Испании, как со стороны мятежников и итало-германских интервентов, так и со стороны республиканской армии, танки уже показали свое военное значение. Более подробного мнения об отношении французского полковника к национально-революционной войне в Испании я не услышал.

Вполне естественно, что и на этот раз обо всем услышанном от этих двух военных я незамедлительно доложил Отто.

Время шло быстро; к моему сожалению, эти два интересных для меня собеседника покинули пансионат и Бельгию. Однако разговоры о возможной будущей войне не прекращались в разных компаниях, в которых мне пришлось бывать.

Однажды Эллен, Ивонн и ван дер Стеген предложили мне принять участие в охоте близ от границы с Нидерландами, а точнее, в районе курортного городка Кноке, довольно популярного в аристократическом обществе, так как там находился королевский летний дворец и гольф-клуб. На охоту, по словам приглашавших меня, собиралась солидная компания, не столько по численности, сколько по положению, занимаемому в обществе.

Естественно, я поинтересовался, какова будет охота, каких зверей хотят подстрелить и в каких целях. Полученный мною ответ был очень веселым:

– Охотиться будем на диких коз, установим рекордсмена, подстрелившего большее число этих зверюшек, а затем устроим в одном из ресторанов обед, попробуем, у кого подстреленная козочка вкуснее!

До этого я никогда еще не бывал на охоте, а поэтому не мог себе представить даже, как можно подстрелить дикую козочку. Однако отказываться от такой привлекательной компании было неудобно. Я дал согласие принять участие, но предупредил, что у меня нет охотничьего ружья. Ван дер Стеген успокоил меня, пообещав захватить его для меня. В

установленное время я явился на место сбора, и мы отправились в Кноке.

Вскоре к участникам охоты присоединился еще один, уже не очень молодой, мужчина, который сразу же обратил на себя мое внимание. Он был в штатском, прибыл на шикарной легковой машине с шофером, одетым в принятую в обществе для них форму. Я не мог точно определить марку машины. Мне показалось, что это лимузин марки «крайслер». Во всяком случае, это была очень дорогая даже по тому времени машина.

Эллен представила его мне по фамилии де Стартер. Сразу стало ясно, что это был человек, привычный в компании, собравшейся на охоту. Я не знал, являлась ли прибывшая с ним женщина, очень милая на вид, его женой или просто знакомой. Да это и не было столь важно. Больше внимание приехавший уделял Ивонн, что не очень нравилось ван дер Стегену. Все мужчины и женщины имели охотничьи ружья. При вручении в соответствии с обещанием ван дер Стегена мне ружья я рассмеялся и предложил установить некоторую очередность. По высказанному мною мнению, кто-то один всегда должен оставаться на месте сбора и готовить закуски, чтобы все могли после трудов праведных перекусить и выпить кофе из привезенных термосов и... рюмашку вина или коньяка.

Зная, что я не умею охотиться и все равно, безусловно, не смогу подстрелить дичь, предложил, поскольку я первый раз включился в эту компанию, чтобы именно я стал первым «службой». Все, громко рассмеявшись, согласились с моим предложением.

Вскоре все веселой компанией, размахивая ружьями, покинули меня. Подготовив закуски, нарезав булки, разложив предусмотрительно привезенные Ивонн тарелки, ножи и вилки, расставив чашки и, конечно, рюмки, приготовив бутерброды (сандвичи) и разложив некоторые рыбные и мясные консервы, я стал спокойно ждать возвращения «охотников», читая свежие бельгийские, французские и немецкие газеты.

Издали слышались выстрелы, но сказать, что это были выстрелы наших охотников, никто, конечно, с уверенностью сказать не мог. На границе с Нидерландами всегда собиралось немало жаждущих поохотиться людей. Все знали, что именно здесь водится много диких коз. После некоторого затишья явно стал приближаться веселый смех и слышались голоса, один из которых, безусловно, принадлежал Ивонн. Действительно, вскоре я смог убедиться, что «друзья» направлялись к месту нашей стоянки, где уже было расстелено покрывало с разложенными приборами и яствами.

Охотники принесли с собой две туши диких коз. Смех и громкие разговоры раздавались вокруг самой большой туши. «Королевой» и победительницей охоты оказалась Ивонн. Ей достались рога лучшей жертвы.

Проголодавшиеся охотники с энтузиазмом набросились на все, что я приготовил для них. Они особенно удивились, что на одной из тарелок лежали сандвичи со следами (!), именно следами черной икры и гусиной печени. Дело в том, что привез их именно я, купив в магазине, несмотря на очень высокую цену. Кофе был тоже быстро выпит. Потом сопровождаемый часто поднимаемыми рюмками, постепенно набирая силу, завязался разговор на разные темы.

Я внимательно слушал все, о чем говорилось, наблюдал за собеседниками и иногда, чтобы не демонстрировать свою отчужденность, тоже принимал участие в беседе. Внезапно для меня разговор принял совершенно другой характер. Мне удалось услышать, что де Стартер был из числа офицеров запаса бельгийской армии и, как офицер, был призван для несения службы недавно в армию, приняв командование своей частью. С собой он прихватил своих шофера и автомашину. Обычно с ним проживала и жена, с которой он приехал на охоту. Невольно я, не выдержав, задал, возможно не совсем корректный, вопрос:

- А как же вам удастся покинуть вашу часть? Кто же занимается вашими солдатами? Ведь Бельгия призвала некоторую часть из резерва, из запаса не только офицеров, но и солдат в связи с тем, что может неожиданно вспыхнуть война!

Де Стартер не стал ждать дополнительных вопросов и, расхохотавшись, тут же ответил:

- Сразу видно, что вы прибыли издалека. Мы уже готовились к скорой войне. Это было

тогда, когда Гитлер решил присоединить к Германии часть Чехословакии. Готовилась к обороне и Чехословакия, которая, кстати, в военном отношении была уже тогда гораздо сильнее, чем Бельгия сейчас. К чему тратить свои силы на так называемую боевую подготовку солдат? Мы уже имеем опыт. В случае, если Германия начнет войну против нас, мы не выдержим и недели!

По существу, на этом разговор на военную тему и закончился. Начались более веселые, часто вызывающие смех разговоры, в том числе и включающие салонные разбирательства отдельных аристократических семей и даже веселых историй, связанных с королевской семьей.

Я, конечно, пытался и дальше участвовать в беседах, но все мои мысли кружились вокруг того, что я только сейчас услышал о военной обстановке и взглядах высших кругов бельгийского общества на происходящее в мире. Это тем более, что де Стартер и другие присутствующие при нашей беседе не боялись критически относиться и к позиции, занимаемой Францией и Великобританией.

Я понимал тогда, что все услышанное во время беседы могло бы иметь большое значение для меня в том случае, если бы я планировал оставаться в Бельгии надолго.

Собрав все остатки, выбросив пустые бутылки и оставшиеся ненужные продукты в специально отведенные места, все расселись по автомашинам и поехали в Кноке. Там мы остановились у дверей самого respectable ресторана и, довольно громко разговаривая и смеясь, ввалились в вестибюль, а затем в уютный, довольно обширный зал, где уже оказался накрытым, безусловно, в соответствии с предварительным заказом, стол с учетом числа всех прибывших с охоты.

Ван дер Стеген и де Стартер попросили прощения и, смеясь, удалились. Вскоре вернувшись, они заверили, что все в полном порядке. Только потом я узнал, что они ходили к хозяину, сдали ему две туши убитых коз, договорились с ним, что он обеспечит их обработку, а передавшие коз смогут в любое время заехать за ними. Они заверили нас, что сейчас всех собравшихся за столом накормят мясом диких коз, но не тех, которые были доставлены нами, а ранее заготовленными. Оказывается, перед употреблением в пищу убитые козы должны выдерживаться, после того как их разделают, два-три дня.

Застолье прошло очень весело. Вновь возвращались и к вопросам, связанным с возможностью возникновения новой войны. Де Стартер снова заявил, что ему известно, что Великобритания и Франция пытаются договориться с бельгийским королем и правительством, что в случае угрозы со стороны Германии им разрешат ввести в Бельгию свои войска, чтобы совместно оборонять территорию королевства и тем самым обеспечить исключение возможности повторного прорыва, имевшего место в Первую мировую войну, немецких войск в сторону Франции. При этом он подчеркнул, что, желая исключить возможность втягивания в войну нейтральной Бельгии, не желая создавать провокационную обстановку, бельгийская сторона категорически отвергает это предложение.

Поздно вечером все участники охоты направились на свои квартиры в Брюссель. Исключение составлял только де Стартер. Проводив всех нас, он с женой, по его словам, был намерен направиться к домику, который он снимал вблизи от места расположения воинской части, в которую был призван. Все мы дружелюбно распрощались.

Вернувшись в пансионат, я сразу же направился к себе в комнату. Однако вскоре, не успев еще раздеться, был крайне удивлен: ко мне постучала, несмотря на позднее время, горничная и, после того как я разрешил ей войти, принесла горячий кофе и две чашки... Мы долго сидели, тихо разговаривая. Объяснение столь неожиданного и позднего посещения могло показаться непонятным. В действительности молодая девушка, относясь дружески ко мне, пришла пожаловаться и поплакать в связи с некоторым раздором, происшедшим этим вечером между ней и ее женихом, бельгийским жандармом. Она его, безусловно, очень любила и, по собственному признанию, сама была виновата в раздоре. Все произошло в результате вспыхнувшего у нее чувства ревности. Ее жених накануне не пришел и даже не позвонил, хотя они условились с разрешения Жермен в тот вечер пойти в кино. Все его

объяснения служебной занятостью на нее не подействовали. Само же ее посещение моей комнаты, встречу со мной в столь поздний час она объяснила тем, что ей было не с кем больше, кроме меня, поговорить. По ее мнению, я хороший человек и очень хорошо отношусь к ней и к ее жениху.

О своем участии в охоте и состоявшихся между ее участниками разговорах я и на этот раз подробно доложил Отто, который, кстати, отметил, что о высказываниях де Стартера стоит доложить подробно «Центру». Меня удивило то, что Отто совершенно неожиданно вдруг отметил, что мне, как разведчику, очень везет в том отношении, что я все больше становлюсь вхожим в очень полезное общество.

Случайно ли было то, что на следующий день на очередном уроке английского языка в «Селект скул» ее владелец тоже завел разговор о напряженном положении в мире? Скорее всего, нет. Этому вопросу уделяли все большее внимание многие бельгийцы. Наблюдалась особая тревога в Антверпене среди еврейского населения, то есть среди эмигрантов из Чехословакии, Германии, Венгрии и других стран.

После окончания урока и собеседования на затронутую тему, естественно проводившегося на английском языке, мне еще малопонятном, владелец школы и его жена пригласили меня поужинать. Я смутился и не знал, как следует поступить. Мое раздумье прервал звонок в уже закрытую дверь. Оказывается, владелец школы и его жена ждали еще одного гостя. Им оказался бельгиец, владелец крупной фирмы, занимающейся приемом от населения заказов на уголь и их выполнением. Дело в том, что во всех домах старой постройки и в большинстве вилл, принадлежащих богатым семьям, было предусмотрено индивидуальное отопление на угле. Если в виллах это было централизованное отопление от общей, размещенной, как правило, в специально оборудованном помещении котельной, а уголь подавался через устройство, соединенное с люком в угольном складе, куда завозится и сваливается квартальный, полугодовой или даже годовой запас угля, то во многих домах дело обстояло иначе. В каждой комнате, как правило, стояла печь особого устройства, часто очень красивой формы. В эту печь засыпался уголь из рядом стоящих очень красивых, иногда выполненных из меди с тиснением, резервуаров. Этим объясняется то, что многие бельгийцы заказывали уголь разных сортов, который доставлялся на дом непосредственно на машинах фирмы.

Владелец фирмы господин де Буа оказался очень симпатичным человеком средних лет, весьма культурным, образованным, а следовательно, интересным собеседником. Если я в первый же вечер нашего знакомства узнал многие подробности о самом господине де Буа и его фирме, то мой новый знакомый, конечно, мог узнать, возможно еще до встречи, о молодом ученике школы только то, что входило в мою легенду, то есть все то, что уже знал с моих слов обо мне учитель.

Позвольте еще раз особо подчеркнуть, что прошло уже очень много лет, но я часто вспоминаю годы работы в нелегальных условиях, очень тяжелые годы, и часто сам удивляюсь тому, как мне удавалось «дружить» с людьми разных слоев общества, уметь налаживать с ними нужные контакты, находить точки соприкосновения по многим вопросам, а быть может, даже между нами устанавливались действительно дружеские отношения, несмотря на то что я становился «своим» среди абсолютно чужих мне не только по положению, но и по взглядам, да и по знаниям, а иногда даже враждебно настроенных по отношению к моей Родине людей. Отлично понимаю, что именно это неожиданно появившееся у меня свойство помогало в дальнейшем в значительной степени в моей сложной работе.

Вскоре между мной и господином де Буа тоже сложились очень хорошие, близкие отношения. Мы стали встречаться не только в школе, обмениваться не только мнениями о прочитанных книгах, но и самими книгами. Де Буа познакомил меня и с другими бельгийцами его круга. С ними у нас тоже сложились хорошие отношения, которые оченьгодились мне, Кенту, когда я стал заниматься коммерческой деятельностью.

Во время одной из первых наших встреч де Буа обратил внимание на то, что я курю

сигареты, обладающие очень приятным запахом. Он попросил меня дать ему взглянуть на них. Удивился, что они не в фабричной упаковке, как это было принято у большинства курильщиков, а в портсигаре. Внимательно осмотрев одну за другой несколько сигарет, попросил разрешения закурить. На вкус сигарета ему тоже очень понравилась. Вот тогда он спросил, что за фирменный знак стоит на сигаретах?

Услышав вопрос, я рассмеялся и рассказал, что в центре Брюсселя, на улице рю Руайяль, есть табачный магазин. Улыбаясь, де Буа сказал, что он знает этот магазин. На что я ответил: «Значит, плохо знаете». И я продолжил: «Магазин этот принадлежит семье Тевене. С молодым Тевене меня познакомил мой друг ван дер Стеген. Вскоре после нашего знакомства я узнал, что Тевене принимает от некоторых постоянных посетителей магазина, с которыми у него сложились хорошие отношения, заказы на специально изготавливаемые сигареты. Их выпускают, как правило, с золотым бумажным мундштуком. На самой же сигарете ставят вензель из двух букв (это были латинские буквы), означающие первые буквы имени и фамилии заказчика. В моем конкретном случае это были V.S. (V.C.), Винсенте Сьерра. Де Буа заверил меня, что он воспользуется советом и тоже закажет себе сигареты, спросив при этом, сможет ли он сослаться на меня как на лицо, рекомендовавшее эту фирму. Он получил полное согласие, и я убедился вскоре, что де Буа действительно воспользовался моим советом.

Хочется особо подчеркнуть, что сигареты с моим вензелем служили мне не просто для курения, но и в особых целях. Я курил в то время довольно много – по 50 и более сигарет. Все, с кем я встречался, хорошо знали, что я не признаю никаких других сигарет, даже самых дорогих сигарет американских марок. Я всегда отказывался от сигарет, которыми меня угощали «друзья». Повсеместно, где я бывал, в том числе и в ресторанах, в частных домах, у себя в пансионате, а позднее и в университете, а еще позднее в различных конторах и официальных государственных учреждениях, я курил только свои именные сигареты и оставлял окурки, часто специально недокуренных сигарет, чтобы там оставался мой именной вензель.

В то же время, направляясь на нелегальную встречу или даже с Отто, нашими связистами и другими связанными по разведывательной работе лицами в Бельгии и до конца 1941 г. во Франции и Швейцарии, я всегда брал с собой обычные, имеющиеся в продаже сигареты, конечно хороших марок. Тогда я курил только их, и после моего ухода оставались обычные окурки, которые можно было встретить повсюду. Я был убежден, что и это служит надежным целям конспирации, которой я всегда тщательно придерживался.

Опять мне показалось, что время мчится. Уже в «Центре» было принято решение, что я остаюсь в Бельгии. Одновременно «Центр» дал согласие на то, чтобы я поступил в Брюссельский свободный университет. Однако, учитывая, что, как правило, все иностранцы, зарегистрировавшиеся в официальных учреждениях, получают право на постоянное жительство или находятся в стране временно, а меня зарегистрировали как временно проживающего иностранца, было принято решение, что еще до начала занятий в университете я совершу поездку в Швейцарию, с давних пор объявившую свой нейтралитет, а затем вернусь в Бельгию и зарегистрируюсь как студент на долговременное проживание.

Эта поездка, однако, была отсрочена. Владелец «Селект скул» предложил мне провести недельку вместе на курорте в Остенде. Он подчеркнул, высказывая свое предложение, что совместное проживание позволит не только хорошо отдохнуть, но и ускорит более глубокое изучение английского языка и, конечно, укрепит в значительной мере знания французского и немецкого. Мы распределим наше время так, чтобы можно было разговаривать на каждом из перечисленных языков. Я понял, что предложение это, конечно, сделано из эгоистических интересов его автора, стремящегося отдохнуть, да еще вдобавок за чужой счет, что было выгодно, в первую очередь, ему. В то же время совместное пребывание на отдыхе могло принести пользу и мне. Я с удовольствием принял это предложение, тем более что у меня оставалось время до начала учебы в университете. Следовательно, оно меня вполне устраивало.

Через Анну я попросил свидания с Отто и, встретившись с ним, согласовал с ним принятое мною решение. Возражений не последовало.

Остенде – известный не только в Бельгии богатый курорт. Там находились основная летняя резиденция королевской семьи, шикарные гостиницы и имевшее широкую славу казино с большими игорными и концертными залами. Правда, вскоре после приезда я узнал, что Леопольд III с семьей редко бывает в своей резиденции в Остенде, предпочитая более скромную резиденцию в Кноке.

Де Буа помог забронировать соответствующие номера в гостинице. Это была самая комфортабельная гостиница на побережье и, естественно, самая дорогая. Несмотря на то что в это время года в Остенде было много приезжих, нам были предоставлены очень хорошие отдельные номера.

Когда я вошел в свой номер, меня поразили не только уютно-комфортабельная мебель, стоящие на столе и письменном столике букеты цветов, открывающийся с балкона вид на прекрасный сад, но еще в большей степени ванная комната. Прежде чем разойтись по нашим номерам, я решил перед обедом принять ванну. Сначала я не мог понять, почему у ванны четыре крана. Вскоре стало ясно, в чем дело. Оказывается, постояльцы могли пользоваться, принимая ванну или душ, простой пресной водой, естественно холодной и горячей, а также морской водой, в разной степени тоже холодной и горячей. Внизу в гостинице был расположен в специально отведенном помещении довольно большой плавательный бассейн с морской водой.

Для гостей в гостинице были предусмотрены прекрасные ресторан и бар. В вестибюле были уютно расставлены удобные диваны, кресла и столики. Здесь у официантов можно было заказать кофе или аперитивы, коньяк или коктейль.

За те немногие дни, проведенные в гостинице, мы убедились в том, что в её вестибюле всегда было много народу. Люди заводили новые знакомства, беседовали, веселились.

Вскоре я и мой учитель тоже познакомились с одним немолодым мужчиной. Он оказался немцем, постоянно проживающим в Мексике, где у него были свои предприятия. Время от времени он приезжал в Германию, где, по его словам, у него тоже оставались владения, недвижимое имущество, ранее принадлежавшие родителям и доставшиеся ему по наследству. Доходы от этих владений он получал во время своих поездок на родину, в Германию. Обычно он прибывал морским путем в Антверпен, а затем на доставленном на том же морском транспорте автомобиле направлялся в Германию. Он любил провести в начале пути и по возвращении несколько дней в Бельгии, в том числе и в Остенде. На этот раз он уже побывал в Германии, но планы резко изменились, и он ускорил свой отъезд из своей родной страны, а в Остенде не только отдыхал, но и ждал назначенного рейса, на который у него был заранее приобретен билет для себя и место для погрузки своего «бьюика» на пароход.

Новый знакомый заметно нервничал. Понятно, что нам было неудобно его расспрашивать о причинах его состояния. Мы, новые знакомые, вместе купались в заливе, в бассейне, завтракали, обедали и ужинали, посещали казино и постепенно сближались. Этому способствовало и то, что «учитель», как всем казалось, был англичанином, а Винсенте Сьерра прибыл в Бельгию из Уругвая. Оставшись наедине с немцем, иногда я даже разговаривал с ним на испанском языке, который, кстати, советский разведчик втайне от всех продолжал усердно изучать и совершенствоваться в грамматике, а главное, в правильности произношения. Тем не менее, я нервничал, разговаривая на испанском языке. Мне казалось, что немец владеет им лучше, чем я.

Прошло всего несколько дней нашего знакомства, а разговоры стали вполне доверительными. И вот как-то, сидя за столиком в ресторане казино, немец, осмотрев внимательно Винсенте, сказал:

– Давайте вместе уедем из Европы домой. Здесь оставаться опасно. Это тем более, что вы ничем не связаны с Бельгией. У меня в этом отношении положение гораздо хуже, и тем не менее я, не доведя все свои дела в Германии до конца, решил ускорить свой отъезд в

Мексику.

Естественно, я сделал вид, что не понял, о чем шла речь. Действительно, осознавая в определенной степени назревшую конфликтную ситуацию в Европе, я еще точно не знал причины, заставлявшей немца так волноваться и спешить с отъездом.

«Недоумение» длилось недолго. Немец совершенно откровенно стал рассказывать, что увидел и услышал в Германии во время своего пребывания там. В этой стране уже никто не скрывал, что война должна разразиться в самое ближайшее время и может охватить всю Европу. К этой войне в Германии готовились уже совершенно в открытую. Он заметил, что пополняются ряды армии за счет находящихся в запасе офицеров и солдат, а также членов нацистской партии. При этом увеличились поставки боевой техники во все рода войск. Больше того, уже находясь в Остенде, наблюдая ночью за морем, указал немец, можно было заметить скопление военных кораблей, правда, далеко от бельгийских берегов. Он подчеркивал, что это, безусловно, военные корабли. При этом заметно волновался. Он добавил, что все немцы, с которыми имел возможность разговаривать, в первую очередь, конечно, те, которые были близки его покойным родителям, хорошо знавшие его с детских лет, настаивали на незамедлительном отъезде.

Не оставалось ничего другого, как и своему новому «другу» сообщить о том, что привык рассказывать в бельгийском обществе, что собираюсь получить здесь хорошее высшее образование и что связан с некоторыми деловыми кругами, разместив довольно солидные капиталы. Я пообещал, однако, воспользоваться при первой же возможности дружественными советами и, изъязв свои деньги, поспешить домой.

Вспоминая сейчас обо всем этом, хочу несколько отвлечься и рассказать, какое впечатление на меня произвело казино. Впервые в жизни я был в настоящем казино, раньше знал о подобных заведениях только из прочитанных книг или понаслышке. Впоследствии знакомство с казино очень пригодилось в моей разведывательной работе.

Действительно, было чему удивляться. Когда я впервые решил со своими «друзьями» посетить в Остенде казино, руководящую роль принял на себя мой «учитель». Войдя довольно поздно вечером в здание казино, оставив в гардеробе наши шляпы и перчатки, мы прошли к входу в игорный зал. Там уже было очень много народу. У входа во все залы стояли кассы. Все пришедшие меняли деньги на жетоны различного достоинства от 5 бельгийских франков до 50 и более. С этими жетонами и входили в игорные залы. Там стояли столы. Некоторые обычные столы из красного дерева, покрытые зеленым сукном, служили для игры в карты. Перед тем как сдавать, все играющие делали свои ставки жетонами. Начиналась игра, ход которой, естественно, для меня был совершенно непонятным. Некоторые пояснения давал мне «учитель», не суть игры, а скорее, анализ ее играющих. Около этих столов мы задержались ненадолго, прошли в те залы, где играли в рулетку. Эта игра была мне более понятной и в то же время захватывающей. Игру вел крупье. В одной руке у него была длинная палочка, заканчивающаяся насаженным на конец горизонтальным движком, что служило для подталкивания жетонов во время игры к кассе казино, которую он вел, или в сторону выигравшего игрока. Стол был поделен пронумерованными квадратами и прямоугольниками. Именно на них ставили играющие свои жетоны. Посередине стола была установлена рулетка. По ее окружности были гнезда с номерами. Крупье, предупредив, что ставки закончены, бросал на вращающуюся часть рулетки шарик, который попадал в одно из гнездышек. Это определяло, кто выиграл, а кто проиграл. Некоторые игроки, правда, ставили не на сам участок, а на линии, разграничивающие эти участки. Это давало возможность получить часть выигрыша с того участка, который выиграл. Я заметил, что у большинства игравших были специальные блокноты, в которые они заносили выигравшие номера. Мне объяснили, что это служит для тщательного анализа в целях более умелой игры в следующий раз.

Просто стоять у стола и наблюдать за игрой было не особенно удобно, а поэтому и мы сделали тоже ставки. Хотя они были сравнительно небольшими, общие выигрыши были довольно солидными, а мы, счастливые, решили воспользоваться рестораном. Он был тоже

очень уютным. Пустых столиков было много. Видимо, большинство посетителей приходили только для того, чтобы играть в карты или в рулетку, а рестораном если и пользовались, то значительно позднее. Меня удивили цены. Меню было весьма обильным, а цены, по сравнению с другими ресторанами Брюсселя, значительно ниже. У всех сидящих за столиками на виду лежали жетоны казино, которыми они и расплачивались по предъявленному официантом счету. Это, видимо, служило как бы доказательством того, что за столиком сидят не просто гости, решившие воспользоваться дешевым рестораном, а игроки, приносящие казино большие доходы, и именно поэтому их так дешево кормят и поят винами.

Проведя несколько часов в казино, мы основательно поели и, выпив вина и коньяка, решили прогуляться по набережной и вернуться в гостиницу.

Так прошло несколько предусмотренных планом пребывания в Остенде дней, и мы выехали обратно в Брюссель.

В Брюсселе я продолжал еще несколько раз встречаться с мексиканцем немецкого происхождения. В отличие от меня он жил в центре Брюсселя в первоклассной гостинице.

Однажды немец предложил мне совершить вместе с ним поездку в Льеж, очень расхваливал красоты этого города. Предложение было принято. Выехали довольно рано из Брюсселя на машине немца. Вели машину поочередно. Это объяснялось следующим: выехав на шоссе, я не мог понять, с какой скоростью идет машина. Стрелка показывала 80–90, а придорожные столбы только и мелькали. Я обратился к сидящему за рулем владельцу машины за разъяснениями. Тот посмеялся и сказал, что это машина американская, выпущенная не для Европы, а в США принято на счетчике показывать не километры, а сухопутные мили. Следовательно, мы мчались со скоростью более 140 км в час. Сказав это, владелец машины любезно предложил мне попробовать лично, как легко она, несмотря на развиваемую скорость, слушается руля. Предложение я с удовольствием принял, но неожиданно у меня, сидящего за рулем, в голове мелькнула мысль, а не допустил ли я совершенно невольно некоторый просчет. Ведь немец знал, что я выходец из богатой семьи одной из стран Латинской Америки, а следовательно, мне должна была быть известна разница между европейскими и американскими счетчиками скорости, установленными на автомашинах. Вновь подумал, как много мне, «нелегалу», еще надо было узнать.

Прибыв в Льеж, впервые с большим интересом осматривал этот очень красивый город, утопающий в зелени и с красивыми фонтанами. Мы весело провели этот день, не отдавая себе отчет в полной мере, что это один из последних дней нашего совместного времяпрепровождения. Немец должен был уезжать, и, естественно, мы не могли рассчитывать на наши встречи.

Через несколько дней я оформил свое поступление в Брюссельский свободный университет на исторический факультет. До начала занятий оставалось уже мало времени, и я принял решение выехать в Швейцарию, как мне советовал Отто. По его же рекомендации я посетил туристическую фирму «Американ экспресс» («American Express») и попросил, чтобы для меня составили план туристической поездки в эту страну в целях ознакомления с ее историей и достопримечательностями. Я указал беседовавшему со мной представителю фирмы, что хотел бы пробыть в Швейцарии порядка 15–20 дней. Служащий туристической конторы попросил меня заглянуть в бюро на следующий день, чтобы окончательно согласовать предлагаемый план путешествия. При ознакомлении с планом я почти не сделал никаких замечаний. Мне все очень понравилось. Меня удивила точность, с которой он был составлен. В нем предусматривалось все, вплоть до мелочей. Так, например, помимо того что были уже точно определены места в поезде для поездки в Швейцарию и возвращения из нее в Париж, предусматривались талоны на питание в поезде. По прибытии на первую остановку в Швейцарии в Цюрихе указывалась не только гостиница, предоставляющая номер и питание своему постояльцу, но и автомашина с представителем для встречи на вокзале. Были предусмотрены экскурсии, концерты. Одним словом, все было заранее предусмотрено.

Все это меня приятно удивило. Когда же я действительно прибыл в Цюрих и меня

встретили на вокзале, то мое удивление было еще больше. Встречающий не разрешил мне, гостю, несмотря на мою молодость, нести мой небольшой чемодан. Он взял его, донес до автомашины, а затем, по приезде, вынес из нее и внес в вестибюль гостиницы. Я понял, что бюро путешествий не только забронировало для меня номер, но и сообщило гостинице номер моего вагона и занимаемое место.

Я получил в туристической фирме расписание-план моего пребывания в Швейцарии, в котором предусматривалась цена всех намеченных мероприятий. Был подведен итог, оплата должна была быть произведена непосредственно в конторе фирмы. Больше того, клерк предложил в целях предосторожности не брать с собой деньги, а приобрести на желаемую мною сумму специальные чеки фирмы «Американ экспресс» в долларах любого достоинства. Естественно, я согласился, и мне тут же выдали формуляр, в котором я должен проставить размер купюр и их количество: можно было подобрать купюры в 5, 10, 25, 50 и более долларов. Эти чеки-купюры долларового значения с подписью их владельца принимались почти во всех странах всеми учреждениями, а не только банками. При этом они обменивались на местные деньги по действующему в данной стране курсу доллара. Это было действительно очень удобно, правда, иногда при размене крупных купюр могли попросить паспорт и обложку, в которой были подшиты чеки, с подписью их владельца, что было весьма редко. В дальнейшем я узнал, что аналогичные чековые книжки существовали и в английской туристической фирме «Кука» («Cook»). Иногда я стал пользоваться и ими.

В Швейцарии мне довелось побывать дважды. Первый раз – в качестве туриста до начала Второй мировой войны, а второй – перед самым началом вторжения фашистской армии в Бельгию, Нидерланды и Люксембург, а затем и во Францию, то есть в марте-апреле 1940 г.

Первая поездка была чисто туристической, в поддержку легализации проживания в Бельгии, а вторая – по заданию «Центра» в уже обострившейся обстановке в Европе после начала Второй мировой войны.

Итак, первый город, с которым я познакомился в 1939 г., был Цюрих, центр северного, наиболее развитого промышленного района немецкой Швейцарии. Экскурсовод подчеркнул, что город по праву всеми признается «столицей» промышленности и финансов страны.

В Цюрихе я успел побывать в драматическом театре, в Национальном музее Швейцарии и в картинной галерее – «Кунстхаузе». Экскурсовод препроводил нас на верхушку Гроссмюнстера, построенного еще в XIII в. С этой вершины мы смогли наблюдать панораму города, озера и даже вдали вершины гор, покрытые снегом.

В Цюрихе я не задержался долго, а направился в Женеву. Мне почему-то казалось, что именно Женева является столицей Швейцарии, но вскоре я был вынужден признать свою ошибку, узнав, что столицей является Берн. Я пожалел, что не предусмотрел его посещение.

Не меньшее впечатление в мой первый приезд произвела Женева. Я остановился на центральной улице, ведущей к вокзалу, в гостинице «Россия». Увидев мой паспорт, администратор, смеясь, сказал, что отведет мне один из номеров, который обычно занимает министр иностранных дел Уругвая, то есть моей «родной» страны, приезжая на заседания Лиги Наций. Естественно, это было мне, «уругвайцу», очень приятно. Я провел в этот приезд в Женеве только несколько дней, но успел познакомиться не только с самим городом, но и с его достопримечательностями.

Мне в этот приезд в Женеву очень повезло еще по одной причине. Когда в Испании началась национально-революционная война, республиканское правительство приняло решение о необходимости самых энергичных мер для спасения национальных культурных ценностей. В числе прочих было принято решение о вывозе произведений искусства, составляющих ценную коллекцию всемирно известного музея Прадо, из Испании на хранение в Швейцарию, страну сохраняющую уже много лет нейтралитет. Конечно, под понятием «нейтралитет» я имею в виду только неучастие в войнах. Швейцарское правительство удовлетворило эту просьбу. После «победы» Франко над республиканским правительством, захвата власти в стране диктатор потребовал возвращения указанных

богатств Испании.

Получив запрос Франко, швейцарскому правительству удалось добиться его согласия на показ возвращаемых картин музея Прадо в Женеве.

Конечно, я, хотя это и не было предусмотрено в программе, подготовленной бюро путешествий, поспешил посетить эту выставку. Лозанна - весьма своеобразный город. Он расположен на крутых холмах и как бы разделен на две части. Для того чтобы попасть из одной в другую, надо было пройти под железнодорожным мостом.

Нанятое мной и еще одним попутчиком у вокзала такси, проехав под мостом, доставило нас к гостинице, в которой нам были забронированы номера. Мой номер был уютным и очень удобным.

Приняв ванну и переодевшись, взглянув на часы и убедившись, что обеденное время настало, я направился в столовую, назову как ресторан, так как он был предназначен только для проживающих в гостинице, пожалуй, правильнее ее назвать пансионатом для иностранных туристов.

Моими соседями за шестиместным столом оказались двое пожилых англичан, муж и жена, их сын лет 25–30 и молодая красивая англичанка. Пользуясь тем, что я уже начал говорить по-английски, разговорились и, позволю себе употребить полубившееся мне слово, «подружились». Вскоре я узнал, что мои соседи в течение нескольких лет посещают Лозанну в частности и Швейцарию вообще в связи с печальными событиями. У них в Англии младший сын заболел туберкулезом. Болезнь прогрессировала, и им порекомендовали поместить мальчика в один из санаториев в Швейцарии, где с успехом лечили подобных больных. К сожалению, больной скончался и был похоронен в Швейцарии. Именно поэтому отец, мать и браг раз в год посещают его могилу. С ними приезжает и оставшаяся верной своему любимому жениху невеста, молодая англичанка.

Мои соседи, узнав, что я в Лозанне впервые, очень любезно предложили познакомить меня с городом. В первый же вечер мы пошли гулять. Прогулка состоялась в нижней части города, наиболее посещаемой иностранными туристами. Старший англичанин предложил поужинать в ресторане одной, самой известной, гостиницы.

Посещение этого ресторана позволяет мне привести еще один необычный и никем не предусмотренный факт. Заняв впятером столик и удобно устроившись, еще не успев как следует осмотреться, мы подозвали официанта, и я, «уругваец», вместе с моими новыми знакомыми стал выбирать закуски, блюда к ужину и, конечно, вино. Официант говорил по-французски с явным испанским акцентом, к которому я уже привык и иногда даже старался подражать. Я решил обратиться к нему по-испански, чтобы поднять мой авторитет у англичан. Официант очень обрадовался и не стал расспрашивать, откуда его любезный посетитель прибыл в Швейцарию, что было бы неприлично. Подав закуски, немного наклонившись ко мне, показал на стол, за которым сидело довольно много народу. Улыбаясь, он сказал, что там с компанией ужинает их король Альфонс XIII (Альфонс XIII был королем Испании с 1902 по 1931 г.). Через некоторое время, подавая следующее блюдо, официант сказал, что король, узнав от официанта, что я, видимо, тоже испанец, пригласил меня к своему столу. Извинившись и сказав, что пришел не один, я отказался от любезного приглашения. В то же время я и сидящие со мной посмотрели в сторону короля. Мы подняли бокалы, привстав, обратившись в сторону короля.

Должен признаться, что до этого случая я не обращал внимания на лежащие у администраторов гостиниц и пансионатов какие-то журнальчики. Только потом узнал, что в Лозанне принято объявлять списки остановившихся иностранцев. Больше того, на обложке этих журналов, а вернее, бюллетеней помещались флаги тех государств, наиболее почетные граждане которых останавливались в городе или временно в нем проживали.

Знакомство с англичанами было интересно, но во время бесед с ними должен был помнить, что я разведчик. Любопытен был взгляд пожилого англичанина на обстановку в Европе вообще и в Великобритании в частности. Мой собеседник с уверенностью высказался, что война неизбежна, подчеркнув, что политика Невилля Чемберлена явно

ошибочна, а поэтому он убежден, что скоро в его стране к власти придет «человек войны» Уинстон Черчилль. В Великобритании все убеждены, что в случае возникновения новой войны спасти страну от поражения сможет только этот человек.

Пребывание в Швейцарии очень быстро подошло к концу. Я очень тепло попрощался с моими новыми знакомыми. Мы даже выпили по рюмочке коньяка за то, чтобы не было войны и чтобы мы встретились вновь. Не была исключена возможность и моего посещения Лондона, а поэтому мне вручили визитную карточку с адресом, фамилией семьи. Я возвращался в Бельгию.

Буквально через несколько дней после моего возвращения в Брюссель и начала занятий в университете я заметил, что Бельгия очень встревожена. 1 сентября 1939 г. фашистская Германия, пренебрегая предупреждениями Великобритании и Франции, напала на Польшу, началась Вторая мировая война. Уже 3 сентября Великобритания и Франция объявили войну гитлеровской Германии. Буквально в тот же день Германии объявили войну Австралия и Новая Зеландия. Несколько замедлили со своим решением о вступлении в войну против Германии Канада и Южно-Африканский союз.

Несколько опережая события, хочу подчеркнуть, что началась своеобразная война, получившая вскоре во Франции название «странная война», а в Германии – «сидящая война». Эти наименования объяснялись тем, что вслед за объявлением войны Германии Великобританией и Францией военные действия на Западе не начинались в течение нескольких месяцев. Несмотря на ряд соглашений, подписанных с Польшей, ни Великобритания, ни Франция не выполняли своих обязательств и никакой практической помощи Польше не оказали.

Внешне в стране ничего не изменилось. Леопольд III и его правительство делали все возможное, чтобы убедить бельгийский народ, что ему ничего не угрожает.

У меня продолжались встречи с моими «беззаботными друзьями». Некоторая тревога была заметна в деловых кругах, а особенно в тех, которые были связаны с промышленностью или торговлей, а владельцами или совладельцами фирм были люди еврейской национальности. Тем не менее жизнь в стране продолжалась.

Хочу особо подчеркнуть, что я уже чувствовал себя в пансионате как дома. Все, кому принадлежал пансионат, кто там работал и проживал, относились ко мне не просто хорошо, но, как я вполне обоснованно считал, даже по-дружески. Я не мог себе представить, что жизнь моя в Бельгии будет продолжаться вне стен этого гостеприимного и уютного пансионата, тем более что расположение пансионата было очень удобным для посещения университета, одним из главных преимуществ – организации нелегальных встреч. Я понимал, что обязан выбором этого места жительства экскурсоводу, который рекомендовал этот пансионат, и я, иногда встречаясь с ним случайно, всегда пытался выпить вместе чашечку кофе и выразить ему благодарность.

Нельзя упустить еще один имеющий положительное влияние на мою легализацию фактор. В Бельгии, а в особенности в Брюсселе, было принято с людьми определенного круга принимать участие в ранних утренних конных прогулках. Чаще всего для этого использовался Буа-де-ля-Камбр, лесопарк. Здесь собирались члены высшего общества, у многих из них были собственные лошади, а те, у кого не было, могли воспользоваться лошадьми своих друзей или взять их напрокат в специально созданных для этого конюшнях. Лошади были породистыми и красивыми. На них были очень удобные мужские или дамские седла. Все наездники были одеты в специально предназначенные для верховой езды, удобные, очень красивые костюмы и сапоги со шпорами.

Вспоминая об этом, я не могу не рассказать одну весьма забавную историю. По словам бельгийцев, привычным было участие в утренних верховых прогулках короля, членов королевской семьи и приближенных ко двору. И вот на престол взошел король Леопольд III. Он, как утверждали многие, любил демонстративно держаться очень просто, в особенности это было в то время, когда была еще жива его жена, королева Астрид. Именно с этого времени якобы королевский двор перестал принимать участие в этих конных прогулках,

лишив тем самым возможности наездников погарцевать перед королем и его свитой, вежливо поприветствовать их, поклонившись. Говорили, что после смерти Астрид Леопольд III любил утром промчаться через Буа-де-ля-Камбр в своей автомашине, направляясь к резиденции своей двоюродной сестры, где они часто вместе играли в теннис. Из разговоров с ван дер Стегеном, Ивонн и Эллен об установившейся для высших слоев общества привычке я не считал возможным отказаться от предложения моих «друзей» принимать участие в этих прогулках. Это тем более, что мне любезно предложили пользоваться принадлежащей им лошадью.

Давно, будучи еще совсем юным, но уже принимая активное участие в работе добровольного оборонного общества «Осоавиахим», я познакомился с одним активистом городской организации этого общества. Мой новый знакомый носил военную форму, а на гимнастерке имел кавалерийские петлицы и три, как тогда говорили, шпалы, что соответствовало должности командира полка. В те времена воинских званий еще не было и знаки различия (кубики, шпалы, ромбы) носили в зависимости от занимаемой должности. Несмотря на значительную разницу в возрасте, мы подружились, и вот однажды, встретившись случайно на Невском проспекте (тогда проспект 25-летия Октября), полковник, так я назвал своего друга, спросил меня, как я отношусь к лошадям, к верховой езде. Я не постеснялся признаться, что лошадей я побаиваюсь, а верхом ездить даже и не думал. Рассмеявшись, он предложил мне навестить его в школе верховой езды «Осоавиахима», начальником которой являлся.

При посещении школы ее начальник повел своего юного друга по конюшне, где стояло немало лошадей. Каждая стояла в своем стойле, у которого висела табличка с именем. Меня попросили подойти к лошадям и погладить. Убедившись, что они ведут себя совершенно спокойно, я как-то сразу перестал их бояться. На этом дело не кончилось. Вскоре я приступил к занятиям в этой школе и даже увлекся верховой ездой.

Я думаю, всем понятно, что тогда я не мог и думать о том, что полученные совершенно случайно навыки в школе верховой езды в Ленинграде смогут пригодиться, и тем более во время моего участия в нелегальной работе за рубежом, о которой у меня в то время не было и мысли. Однако факт остается фактом, я начал принимать участие в ранних утренних прогулках верхом на лошади в Буа-де-ля-Камбр вместе с моими бельгийскими «друзьями».

Обычно, проскакав некоторое время на лошади, наездники направлялись в сторону расположенной в лесу закусочной, чтобы съесть несколько сэндвичей, – на ломтике булки был довольно толстый слой очень густой сметаны, а на нем мелко нарезанный зеленый лук. Некоторые запивали эти сэндвичи крепким черным кофе, но многие предпочитали какой-либо молочный напиток. После непродолжительного отдыха все седлали своих лошадей, и прогулка продолжалась.

В этой закусочной обычно встречались знакомые, друзья и вели веселые разговоры. Ивонн и ван дер Стеген часто представляли меня своим друзьям. После прогулок на лошадях, заканчивающихся обычно рано, все направлялись по своим делам, а я чаще всего спешил в университет. Разумеется, вначале все успевали заехать домой, чтобы переодеться.

Занятия в университете мне и нравились, и поражали. В зале, в большой аудитории собиралось довольно много молодых юношей и девушек. До выхода на кафедру профессора или просто лектора все вели веселые, шумные разговоры, смеялись, курили. Начиналась лекция, и шум в зале несколько стихал, а курение продолжалось. Из слушателей я один имел блокноты или тетради и вел какие либо записи. Некоторые студенты с нескрываемым удивлением посматривали в мою сторону.

В университете я тоже обрел «друзей» и даже иногда участвовал вместе с ними в довольно шумных пикниках на лоне природы, посещениях танцевальных площадок. Я внимательно присматривался к молодежи, но так и не мог себе уяснить, о чем она думает, чем живет и даже зачем ходит в университет. Забегая вперед, следует сказать, что я не смог окончить университет: война, коммерческая деятельность, начавшаяся работа разведчика не позволили получить высшее образование. Однако при сдаче очередных зачетов я получал

всегда хорошие оценки, часто даже более высокие, чем мои сокурсники.

Польская кампания была быстро завершена. Отто, Кент и соратники переживали напряженный период не только в нашей разведывательной деятельности, но и в личной жизни, связанной с нашей легализацией. Конечно, по внешнему виду я продолжал быть при встречах с моими «друзьями» веселым и беззаботным. Мое проживание в пансионате было прервано совершенно неожиданно. Однажды Жермен, торжествуя и очень мило улыбаясь, решила, видимо, обрадовать меня, «уругвайца». Она сообщила совершенно конфиденциально, что в связи с развязанными гитлеровцами военными действиями в Польше эту страну покинул генеральный консул, мой земляк. Он должен был через несколько дней прибыть в Брюссель, и ему забронировали номер в пансионате.

Любому человеку могло бы стать понятным мое состояние после столь любезно полученной информации. Тем более что Жермен, не скрывая, несколько раз повторяла, что убеждена – проживание генерального консула в пансионате будет для него весьма приятным, так как встретятся земляки, Винсенте Сьерра сможет генеральному консулу составить компанию, и оба мы будем очень довольны совместным проживанием.

Встревоженный возможностью предстоящей встречи, которая могла бы разоблачить меня, Кента, я думал, что мне может помочь в данной ситуации. Веселясь, постоянно поддерживая теплые, дружеские отношения с Жермен и ее мужем, с сыном владельца пансионата и его женой, с самим профессором и его женой, я нет-нет, но поговаривал о том, что, возможно, по делам мне на некоторое время придется отлучиться в Швейцарию и во Францию. На этот раз я даже высказал Жермен мысль, что через день два решится вопрос о возможности моего вынужденного возвращения на «родину» или я буду вынужден перебраться подальше от Германии. Через два дня, собрав вещи, очень мило попрощавшись со всеми и обещая вернуться при изменении обстановки, я покинул пансионат, «переезжая во Францию», на некоторое время, пока не прояснится положение в Европе. Мой отъезд был воспринят с сожалением, но, конечно, с пониманием.

В действительности я переехал в отдельную квартиру, которую снял у мадам де Тое. Квартира была небольшая, но довольно уютная. Сама хозяйка жила в другой. Я точно не знаю, была ли она замужем, или у нее был просто роман с очень приятным среднего возраста мужчиной.

Между хозяйкой квартиры, её спутником и мною установились теплые отношения. Должен особо отметить, что меня, Винсенте Сьерра, рекомендовала мадам де Тое Ивонн. Кстати, уже до этого мы встречались с мадам де Тое в обществе Ивонн.

Не могу умолчать и тот факт, почему Ивонн меня решила рекомендовать мадам де Тое. Уже прошло некоторое время с того дня, когда сама Ивонн советовала мне прекратить мое проживание в пансионате, а, сняв отдельную квартиру, тем самым улучшить мою жизнь. Тогда я воспринял это как желание Ивонн устраивать встречи с нашими друзьями у меня на квартире, считая, что в пансионате они просто невозможны. Когда у меня возник вопрос о необходимости покинуть пансионат, встретившись с Ивонн и ван дер Сегеном, я выразил согласие с предложением, высказанным ранее Ивонн, и решил снять отдельную квартиру. При этом, однако, я не мог не сказать, что мне неудобно покидать пансионат, так как ко мне там очень хорошо относятся. Я даже спросил, не вызовет ли мой переезд в отдельную квартиру обиду у владельцев пансионата. Для большей убедительности сказал, что сейчас в связи с создавшейся обстановкой начали пустовать сдаваемые в пансионате комнаты. Мне посоветовали временно не говорить никому о том, что я съезжаю на квартиру. Так я и поступил.

Мадам де Тое и ее муж посещали меня, а я бывал у них. Хочу попутно подтвердить, что хозяйка принесла мне известную пользу и в моей разведывательной деятельности. Она относилась к Советскому Союзу далеко не дружелюбно, и, когда началась советско-финская война 1939–1940 гг., у нес появилось желание принять в ней участие на стороне Финляндии. Много интересного мадам де Тое рассказывала не только о событиях в Финляндии, но и о том, что происходило в то время в Европе. Я мог понять, что она или ее «муж» бывают в

весьма компетентных в этих вопросах обществах.

Эту главу воспоминаний хочется закончить не совсем приятными для меня фактами. Обо всем: о людях, с которыми у меня установились дружеские отношения (правда, их имена я не называл), о той пользе, которую все эти отношения приносили мне, с точки зрения не только моей легализации, но и в начальной разведывательной работе, – подробно докладывал непосредственно Отто или делал это через Анну. Вскоре мне показалось, что Отто меняет свое отношение ко мне. Возможно, ему было непонятно, как мне все, о чем я докладывал, удавалось.

Я еще не знал, к сожалению, Леопольда Треппера – Отто в достаточной степени, с точки зрения различных черточек его сложного и подчас необъяснимого для меня характера. Ведь я ничего не знал о нем, впрочем, так же, как он ничего не знал обо мне.

У меня вызвало удивление многое. Почему, например, совершенно необоснованно был озабочен моим широким внедрением в различные слои бельгийского общества, умением поддерживать разговоры с различными, отдельно взятыми людьми, иногда представляющими интерес для сбора разведывательных данных? Быть может, Отто завидовал? Быть может, возникла тревога, порожденная тем, что я шагаю слишком быстро вперед, и не может ли это привести к моему провалу?

Возможно, у Отто появилось еще одно сомнение: не слишком ли я интересуюсь, став, по существу, его заместителем, чем занимаются отдельные принадлежащие резидентуре лица? Не вызывало ли у него протест то, что я критически отношусь к поведению и работе Аламо, Макарова, Боба и других?

Я смог ответить на эти вопросы. Коснусь этого дальше.

Сейчас же хочу подчеркнуть, что меня удивляла и другая сторона отношения Отто ко мне. Я постепенно убеждался в том, что он в силу каких-то соображений все больше и больше привлекает меня к работе в Бельгии. Он даже вскоре поручил мне поддерживать связь с «Центром» через представителей «Метро», в том числе через Большакова и Лебедева. Почти все направляемые нами, по поручению Отто, в «Центр» материалы обрабатывал я, в большинстве случаев даже пользовался для этого имевшимся у нас шифровальным кодом.

Может быть, Отто убедился, что с моим вступлением в работу появилась польза и для оценки «Центром» работы резидентуры?

ГЛАВА XII. «Странная война». Деятельность советского разведчика.

Подобрав себе новое место жительства – частную квартиру, я переехал. Правда, мне пришлось нанять домработницу, которая должна была не только убирать в квартире, но и готовить мне пищу. Я мог бы сам, но не положено.

Проживал я недалеко от пансионата. Это заставляло постоянно быть начеку. Я, советский разведчик, избежавший встречи со «своим земляком уругвайцем», был вынужден временно избегать встреч с моими «друзьями» по пансионату, стремясь поддерживать контакт только с Ивонн, Эллен и ван дер Стегеном. Не следовало забывать, что администратору пансионата Жермен я сказал, что временно уезжаю. Правда, не исключал возможности скорого возвращения в Брюссель. В то же время я еще продолжал учебу в университете, в Институте подготовки коммерсантов и в «Селект скул».

Не прерывались мои встречи с де Буа и нашими общими знакомыми, то есть со всеми, кто не был связан с владельцами и работниками пансионата.

Квартира была небольшой, довольно уютной, хорошо меблированной. Меня, Кента, она вполне устраивала, а вот Венсенте Сьерра, претендующего на право пребывать в обществе в качестве коммерсанта, стремящегося к успехам в деле увеличения имеющегося у него капитала, эта квартира не могла полностью устроить. Должен признаться, в то время у меня капитала не было. Почему же снятая квартира меня не устраивала? За рубежом, как правило, принято проживать в квартире соответственно занимаемому в обществе положению и материальным возможностям. На оплату снимаемой квартиры с соответствующими

коммунальными услугами обычно затрачивается даже не очень обеспеченными съемщиками 30–40% дохода.

Учитывая, что в то время я еще не был бизнесменом, а только делал вид, мог еще потерпеть, в том числе и в подборе соответствующей квартиры, так как не было необходимости принимать у себя деловых людей. Достаточно было иногда, и то довольно редко, устраивать приемы для нескольких самых близких мне «друзей».

Снимаемая у мадам де Тое квартира состояла из спальни и столовой, ванной комнаты, кухни, туалета и довольно большой передней. Она размещалась в бельэтаже пятиэтажного дома. Конечно, в квартире был телефон, которым в то время я еще пользовался довольно мало.

Официально в моей легализации значилось только то, что я являюсь студентом Брюссельского свободного университета. Даже после того, как «Центр» принял решение, согласно которому, учитывая сложившуюся в Европе обстановку, я должен был остаться в Бельгии, вопрос о моей легализации с использованием имеющейся «надежной», по словам Отто, «крыши» в полной мере не мог быть сразу решен. Надо было иметь в виду, что с «крышей» уже связан «уругваец» Аламо. Отто попросил меня показать мой паспорт. Просмотрев, он сообщил, что номера уругвайских паспортов, выданных мне и Аламо, последовательны. Это делало невозможным, по его словам, оформить нашу легализацию под одной «крышей». Было решено, что я остаюсь пока только студентом.

Несмотря на то, что я не скрывал от мадам де Тое, что поселился у нее ненадолго, у нас сложились теплые отношения. Учитывая, что хозяйка и ее «муж» принадлежали к хорошему обществу, они мне помогли узнать правила поведения в нем.

Обычно у нее почти каждую неделю собирались друзья к пятичасовому чаю. Именно на этих приемах я и бывал. И тут случайно для меня был неожиданный сюрприз. Чаепитие отличалось тем, что использовался английский ритуал. Это значит, что около хозяйки, а вернее, на столе перед ней, на подносе или без него стояли чашки по числу находившихся за столом гостей. Размер стоящего на подносе чайника тоже зависел от количества гостей, а вернее, чашек. В чайнике был крепко заваренный чай.

Когда гости рассаживались за столом, хозяйка начинала разливать постепенно и понемногу крепко заваренный чай. Процедура заключалась в следующем: разливая чай, хозяйка начинала с первой чашки и, наполнив все равным количеством чая, возвращалась к первой, и это продолжалось до тех пор, пока во всех чашках не было налито примерно две трети крепкого чая. После этого она ставила чайник на стол и обращалась поочередно ко всем сидящим, прежде чем подать чашку с чаем, с вопросом: «Кипяток?» Если гость, отвечая на этот трафаретный вопрос, говорил: «Пожалуйста» – хозяйка доливала немного кипятка. Если же гость в вежливой форме отказывался от кипятка, хозяйка подливала в чашку еще крепко заваренного чая.

Это объясняется очень просто и вполне разумно. Основной целью было стремление к тому, чтобы во всех чашках был чай одинаковой крепости, то есть, чтобы крепость заварки была для всех равной. Действительно, наливаемый в первую чашку заваренный чай был по своей крепости более слабым, чем в последующую. Чаще всего на столе стоял небольшой молочник с молоком или сливками. Если были любители употребления чая с молоком, они добавляли в свою чашку небольшое количество молока или сливок. Я заметил, что такими любителями были только люди старшего поколения, а попросту говоря, старики и старушки. Мне разъяснили потом, что чай с молоком или сливками полезен для здоровья с урологической точки зрения.

К чаю обычно подавали нарезанные ломтики кекса с обильным содержанием грецких орехов и цукатов. Иногда подавалось различных сортов печенье, домашнего изготовления или покупного, конфеты. Для тех, кто любил сладкий чай, на столе стояла сахарница.

Я остановился на описании чаепития у мадам де Тое потому, что этот ритуал очень пригодился впоследствии, когда у меня в доме принимали видных деловых людей, а в еще большей степени, когда бывали офицеры вермахта, с которыми у меня установились после

оккупации Бельгии деловые связи.

За чаепитием беседы велись на разные темы. Обменивались мнениями о выставках художников, о недавних спектаклях и концертах, а также о прочитанных произведениях известных и малоизвестных писателей. В то же время не могли обойти вниманием и вопросы, связанные со Второй мировой войной. Утверждали, что захват Австрии, агрессия против Чехословакии и Польши, итапо-германская интервенция в Испании не способствуют миру в Европе и во всем мире. Однако мнения о возможности дальнейшего расширения начавшейся 1 сентября Второй мировой войны часто были различными и более того несопоставимыми. Эти разговоры часто бывали для меня, советского разведчика, очень полезными. Поэтому я любил бывать у мадам де Тое, как, впрочем, и в других обществах.

Во время этих бесед я узнавал не только о развитии «странной войны», но и многое другое. Все чаще обсуждались вопросы возможного втягивания Бельгии в жестокую войну.

Однажды мадам де Тое с «мужем» пришла ко мне в гости, она доверительно сообщила, что собирается скоро выехать через Стокгольм в Финляндию, куда направляется значительная группа бельгийцев, в том числе и медработники, для оказания помощи «несчастливым финнам», вынужденным воевать с «коварными красными». По ее словам, правительства Великобритании и Франции оказывают финнам посильную помощь, и не только гуманитарную. Они направляют в Финляндию оружие и якобы даже подготавливают к отправке туда экспедиционный корпус для участия в войне против СССР.

На мой вопрос, почему Великобритания и Франция вмешиваются в отношения Финляндии и России, «муж» мадам де Тое сказал, что война там началась 30 ноября 1939 г., то есть после того, как Германии удалось завоевать Польшу и подойти к границе с Советским Союзом. Финляндия начала войну после того, как между Маннергеймом и фашистской Германией была достигнута соответствующая договоренность. Многим представляется, что война между Финляндией и Россией будет способствовать продвижению Германии на Восток. Он добавил к сказанному, что именно поэтому Франция и Великобритания помогают Финляндии. Чемберлен и Даладьё втихую поставляют Финляндии оружие, а главное, самолеты, артиллерийские орудия и многое другое. Мой собеседник не исключал и возможности, что США поддерживают политику Лондона и Парижа, направленную на то, чтобы избежать войны в Западной Европе, направив Германию против коммунистической державы, России.

Конечно, в то время всем этим утверждениям я не мог поверить до конца. У меня не было конкретных доказательств, что Чемберлен и Даладьё поддерживают своими войсками Финляндию. Несколько позднее я узнал, что Великобритания и Франция уже обращались к правительствам Швеции и Норвегии с просьбой разрешить англо-французскому экспедиционному корпусу пройти через их территорию.

Рассказанное мадам де Тое и ее «мужем» можно было расценивать как пропаганду, которая велась во Франции и в Великобритании против Советского Союза. В некоторой прессе даже утверждалось, что именно Советский Союз помогает фашистской Германии в её военных планах. Я понимал, что это ложь. Однако определенным политическим деятелям удавалось многого достигнуть. Они одержали победу и в Лиге Наций. 14 декабря 1939 г. Советский Союз был исключен из ее состава.

Узнав об этом, я невольно вспомнил о своем первом посещении Женевы. Тогда экскурсовод нам показал большую гостиницу на берегу Женевского озера, перед которой был большой сад. Он поведал нам, что в этой гостинице всегда останавливался Литвинов с сопровождающими его членами делегации, в том числе и мадам Коллонтай. Для меня интересным было услышать о том, каким авторитетом пользовался в Лиге Наций Литвинов. Экскурсовод привел ряд примеров, в том числе и такой. Шли заседания Лиги Наций. Зал заседаний был почти пустым, не было и представителей прессы. Стоило только объявить, что на очередном заседании будет выступать Литвинов, как тут же зал заполнялся членами делегаций всех стран, а места, отведенные для журналистов, были переполнены.

Я могу с уверенностью сказать, что определенные прослойки высших слоев общества

во Франции, Великобритании, США и даже в Бельгии испытывали ненависть к «красным» и, боясь их, стремились помочь их «жертвам», в данном случае финнам. Мне удалось вскоре даже установить, что, видимо, антикоммунисты понимают, что в успехах военных действий финнов против русских заинтересован Гитлер. Проскальзывала в разговорах на эту тему мысль, что «линия Маннергейма» была воздвигнута с помощью, а может быть, и по совету немцев. Ни разу не упоминалось, что самостоятельность и свободу княжество царской России – Финляндия получила именно в результате Великой Октябрьской революции и все последующие годы Советская Россия никогда не провоцировала конфликта между ней и ближайшим северным соседом.

Невольно вспоминалось, как совсем еще недавно, проезжая в апреле 1939 г. через Финляндию, посетив несколько её населенных пунктов, в том числе и столицу, я мог наблюдать среди населения необъяснимую «нелюбовь» в равной степени к русским и немцам. Это было, однако, свойственно части рядовых финнов, а стоящие у власти более дружелюбно относились к немцам. Тогда поговаривали даже, что военные и политические деятели фашистской Германии являются частыми желанными «гостями», а вернее, деловыми визитерами в Финляндии.

Я хочу напомнить, что сама мадам де Тое, проявляя со своей стороны милосердие, выражала готовность всячески помогать жертвам кровопролитной борьбы, виновниками которой являются «красные». Она собиралась направиться в Финляндию через Швецию в эшелоне, в котором, помимо лиц, желающих помочь финнам, должны были находиться медикаменты и другие «подарки» населению. Вскоре, во время очередного чаепития, я узнал, что, «к великому сожалению, поездка, намеченная для мадам де Тое и других бельгийцев в Финляндию, не состоится».

Как то за столом у мадам де Тое зашел разговор о возможности развязывания гитлеровцами войны. На этот раз меня не удивили рассуждения о том, что для стран Европы основная опасность заключается в стремлении России завоевать их. В то же время в разговорах допускалось предположение, что Гитлер, пытаясь защитить Европу от большевистской опасности, стремится расширить свои владения, захватив восточную часть континента. В первую очередь, допускали многие, Гитлер хочет завоевать Россию, для того чтобы присвоить себе все ее богатства, что позволит превратить Германию в самую мощную державу мира. Этот гитлеровский план якобы способен полностью отвечать интересам всех стран, и тем самым можно будет избежать войны, уничтожить основной вражеский очаг.

Только один из присутствующих выразил сомнения по поводу того, будут ли экспансионные вождедения Гитлера полностью удовлетворены в результате захвата России. Германия, став еще более мощной, не будет ли стремиться к полному мировому господству, а в этих целях, не направит ли она свои усилия в сторону Ирана, Ирака, а особенно в сторону Индии, основного колониального владения Великобритании? Не исключена возможность, что Германия не остановится перед тем, чтобы начать военные действия против ряда стран Западной Европы, и в первую очередь против Франции, Великобритании, а если агрессия по отношению к ним будет предпринята, то значительно пострадают Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия и другие.

Видимо, более подготовленный в этих вопросах, собеседник подчеркнул, что нельзя забывать, как в конце Первой мировой войны все страны-победители пришли к выводу, что для Германии должна быть исключена раз и навсегда возможность вооружиться и впоследствии вновь оказаться зачинщиком новой войны, в первую очередь, в Европе. Да, «красная опасность» в дальнейшем побудила эти страны-победительницы разрешить Германии иметь мощную армию, максимально развивать военную промышленность в целях вооружения армии.

Больше того, отметил гость, именно США, да и Франция и Великобритания всячески не только потворствовали этой политике, но и в значительной степени оказывали содействие Германии, помещая значительные капиталы в ее тяжелую промышленность, в том числе автомобильную и оборонную.

Меня поразило, что мой новый знакомый ссылался на высказывания Гитлера в его книге «Майн кампф» и ряд выступлений и утверждал, что Гитлер и возглавляемая им партия еще до прихода к власти провозглашали своей целью создание «Великой Германии» с помощью силы. Повторяю, еще задолго до прихода к власти национал-социалистическая, а вернее, фашистская партия считала необходимым добиваться отмены Версальского и Сен-Жерменского договоров, которая давала бы возможность Германии вновь завоевать колонии, и отмены ограничений численности и вооружения немецкой армии. Выражая свою убежденность, еще малознакомый мне гость мадам де Тое прямо указывал на то, что еще в 1924 г., сочиняя свою книгу «Майн кампф», Гитлер провозглашал, что Германия для дальнейшего нормального существования должна добиться приобретения любой ценой территории в самой Европе.

Высказывая свои мысли, гость подчеркнул, что не исключается возможность, что «дружелюбное» отношение ряда политических деятелей разных европейских стран по отношению к Гитлеру объясняется тем, что в своей книге он подчеркивал, что завоевание территорий должно быть осуществлено в основном за счет России. Даже фашистский лидер возвращался якобы к политике, которой придерживались средневековые рыцарские ордена, стремящиеся к захвату земель на Востоке. Он еще раз подчеркнул, говоря о политике Гитлера, что тот сумел расположить к себе многих политиков в западных странах и неоднократно повторял, что намерен своей силой, силой возродившейся Германии, уберечь Запад от нашествия большевизма.

Конечно, я уже многое знал обо всем, что рассказывал гость, но слушал его с большим вниманием, так как меня интересовала реакция остальных на все сказанное.

Я не мог понять и полностью себе объяснить причину молчания и отсутствия каких-либо возражений со стороны тех, кто проявлял определенную симпатию к Гитлеру, считая его защитником Европы от «агрессивной политики» Советского Союза. Только уже через несколько дней я узнал от мадам де Тое, что понравившийся мне гость был близок к правительственным кругам, к той их части, которая проявляла интерес к созданию коалиции против всяких военных провокаций с любой стороны, а для этого готова была даже к подписанию многостороннего договора, обеспечивающего мир. Одно время этот человек даже входил в число постоянных работников Лиги Наций.

Вынужден признаться, многое из услышанного мною было для меня абсолютно ново. Из советской периодической печати, лекций историко-партийных деятелей я знал, что наше государство, Советский Союз, всячески призывало к созданию надежной системы коллективной безопасности для всего мира. Наши государственные деятели и дипломаты не прекращали подчеркивать, что создание подобной системы безопасности отвечало бы жизненным интересам всех народов. Опасность фашистской агрессии (Австрия, Чехословакия, Испания, Польша и др.) делалась более реальной.

В то же время, находясь уже за рубежом, впервые услышал подробности поездки в 1937 г. министра иностранных дел Великобритании Галифакса в Германию и состоявшейся беседы на вилле в Баварских Альпах с Гитлером. Вернувшись в свою страну, Галифакс совершенно открыто признал «величайшие заслуги» Гитлера, выразившиеся в том, что он превратил ставшую вновь мощной Германию в «бастион против коммунизма».

В разговорах у мадам де Тое все чаще и чаще возвращались к вопросу захвата Гитлером Австрии. Уже тогда многие понимали, что сговорчивость Великобритании и Франции в вопросе захвата Австрии и присоединения её к Германии играет на руку Гитлеру в его стремлении обеспечить себе господство в своей стране и в дальнейшей политике завоевания новых территорий. Я не знал тогда и того, что Чемберлен и Галифакс не восприняли должным образом предложение Советского Союза о созыве достаточно представительной конференции для выработки коллективного плана, способного воспрепятствовать самым решительным образом всяким агрессивным планам фашистского диктатора. Какова же была позиция США в этом вопросе?

Приходилось слышать разные толкования. Правда, однажды, будучи в Париже, я

случайно оказался в обществе моих знакомых, где присутствовал консул США. За ужином, безусловно не догадываясь о том, что я был советским добровольцем в Испании, он подтвердил, что, несмотря на вынесенное конгрессом решение об эмбарго на поставку оружия и других товаров в Испанию, США поставляли мятежникам горючее для самолетов, танков, автотранспорта и другие материалы. Из дальнейших разговоров можно было сделать вывод, что, если начнется война в Европе, США это не волнует.

Значительно позже я узнал, что во внешней политике США продолжал занимать немалое место дипломат Уильям Буллит. Это тот самый У. Буллит, который по поручению президента США Вудро Вильсона в период Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., закончившейся подписанием Версальского мирного договора, посетил Москву. Правда, услышав это, я уже знал о Вильсоне. Мне вспоминалось прочитанное ранее, что Вильсон был одним из основных организаторов вооруженной интервенции против только что родившейся Советской России. Больше того, я читал, а впоследствии подтверждали в разговорах политически грамотные люди, что именно Вильсон разрабатывал план раздробления России.

Что касается поездки Буллита в конце февраля 1919 г. в Москву, вынужден признаться, что об этом мало осведомлен. Потом я услышал, что Буллит в Советской России был принят не только народным комиссаром по иностранным делам, но и лично Владимиром Ильичем Лениным. Часто, правда, подчеркивалось, что, вернувшись в Париж, Буллит подробно докладывал о результатах своей поездки, но, как это ни странно, Вильсон его вообще не принял. Ллойд Джордж занял твердую позицию, заявив, что с большевиками вообще не собирается иметь дело, а раньше казалось, что он приверженец другой политики.

Я знал, что только с приходом к власти в США Франклина Делано Рузвельта, 16 ноября 1933 г., именно он, Рузвельт, установил дипломатические отношения с Советским Союзом. Первым послом США в Москве оказался Уильям Кристиан Буллит. Его даже Рузвельт считал знающим Советскую Россию и объективно к ней относящимся. Мне давалось услышать и то, что, якобы еще в 1934 г. Буллит поддерживал политику Рузвельта в части заключения пакта о ненападении между США, СССР, Китаем и Японией. Никто мне не говорил, почему этот пакт не был подписан, какую позицию в этом вопросе занимал Буллит.

Я знал, что Буллит не особенно долго задержался на посту посла США в Советском Союзе, а затем был назначен послом в... Париж (!). Ходили слухи, в том числе и о том, что при переезде в Париж Буллит довольно продолжительную остановку сделал в Берлине и имел якобы там ряд встреч. Не знаю, так ли это, но из услышанных разговоров все больше и больше казалось, что Буллит целиком и полностью признает политику, проводимую определенными группами в США. Я имею в виду, что, как и в период национально-революционной войны в Испании, некоторые группы крупных промышленников США были заинтересованы расширить рынки сбыта своих товаров, в том числе и выпускаемых военной промышленностью, за счет других государств, в первую очередь они хотели внести свои капиталы и в Германию. Это не исключало возможности их заинтересованности не только в подготовке ряда стран Европы и Азии путем оснащения выпускаемой в США военной продукции, но и их практического развязывания.

Хотелось бы закончить свои высказывания в части Буллита, чтобы к нему больше не возвращаться. Итак, я узнал, что Буллит назначен послом США в Париже. Постепенно я узнавал кое-что о его деятельности и во время войны. Я еще вернусь к событиям в Дюнкерке в мае-июне 1940 г. Сейчас хочу только сказать, что Буллит в начале июня 1940 г. сообщал в США, что Великобритания не желает оказывать Франции какую либо военную помощь, в первую очередь не включает в военные действия самолеты и военно-морской флот. Вскоре после того, как я услышал об этом, стало известно, что после оккупации значительной части Франции фашистскими войсками, сразу после падения Парижа и переезда правительства в Бордо, послом был назначен (по другим источникам, только исполнял обязанности) Биддл. Поразило меня то, что Буллит якобы оставался в оккупированном немцами Париже. Не знаю, долго ли он там задержался. Правда, в то время, как мне стало доподлинно известно,

посольства всех стран, не участвующих в то время еще в войне против Германии, должны были переехать вместе с французским правительством и вскоре оказались, как и советское посольство, в Виши. В Париже было разрешено этим странам оставить службы (отделы) по установлению связи с оккупационными администрациями. Так было и с посольством Советского Союза. Почему же Буллит остался в Париже? На этот вопрос никто из моих собеседников ответа дать не мог.

Беседы с мадам де Тое, ее «мужем» и гостями были, безусловно, интересными, однако они не были единственными, кто пополнял мои знания, столь необходимые для новичка в разведке. Я уже говорил, что владелец «Селект скул» был весьма осведомленным в политике человеком, а кроме того, у него было много друзей, с которыми он считал возможным познакомиться и меня. Поэтому хочу несколько подробнее остановиться на том значительном вкладе, который он внес в мои знания по многим вопросам. Конечно, я имею в виду не только языковые знания, а главным образом политические и исторические. Он помог мне в значительной степени разобраться в сложившейся в Европе обстановке.

Владелец «Селект скул», видимо, к этому времени уже вполне доверял мне, своему ученику, иногда допускал высказывания, которые никак не вязались с его «патриотизмом». Ведь к этому времени мы все считали его, как я уже говорил, «англичанином».

Я могу с уверенностью заявить, что его откровенность в высказываниях оправдана тем, что он был убежден, что я не интересуюсь политикой, не занимаю никаких твердых позиций в отношении политических событий. Возможно, стремясь просветить меня, мой учитель хотел превратить меня в своего сторонника.

Вероятно, именно поэтому он резко обрушивался на проводимую Великобританией и Францией политику в Европе, поддерживаемую Соединенными Штатами Америки. Из разговоров с ним можно было понять, что, по его убеждению, проводя свою внешнюю политику в соответствии с занятыми сразу после подписания Версальского договора позициями, эти страны не только способствуют возрождению Германии как крупной военной державы, но и вынуждают ее начать войну, даже не исключая агрессию в Европе. Само собой разумеется, основной удар в своих рассуждениях «учитель» направлял и против Советского Союза. Он делал все возможное, чтобы обвинить Советский Союз в том, что именно он поддерживает агрессивную политику Гитлера. Нанося основной удар в своих рассуждениях по СССР, он утверждал, что наша страна в целях обеспечения своей защиты, не исключая возможности не только заключения различных договоров с Германией, но и оказания ей практической помощи по многим вопросам, подталкивает Германию к новой кровопролитной войне на Западе. Он не брезговал в своих рассуждениях повторять пропагандистские утверждения не только прессы, но и отдельных видных политических деятелей. Базируясь именно на этом, по его словам, на проводимой Советским Союзом политике основывается заключенный между Сталиным и Гитлером 23 августа 1939 г. договор о ненападении. Этот договор, по мнению «учителя», обеспечивал на случай развязывания Германией войны на Западе прикрытие фашистского тыла. Именно поэтому, по его убеждению, Бельгия, Нидерланды и Люксембург, а также Франция и Великобритания могут ждать со дня на день начала военных действий против них.

Отметив это, мой собеседник подчеркнул, что, несмотря на возникшую угрозу военной агрессии со стороны фашистской Германии, Бельгия не хочет допустить в своей внешней политике каких-либо ошибочных шагов, которые могли бы вызвать недовольство ее стороны. Леопольд III и его правительство не только отвергали все предложения, якобы поступавшие со стороны Великобритании и Франции по обеспечению коллективной безопасности, но даже уклонялись от всяких переговоров с ними и от их предложений по обеспечению защиты Бельгии в случае нападения на нее Германии.

В части поддержки политики Великобритании и Франции со стороны США «учитель» проявил враждебность по отношению к этой заморской державе. Его возмущало, что уже в 1937 г. на совещании американских и германских монополистических кругов, состоявшемся в Сан-Франциско, якобы представители гитлеровской Германии настаивали на разделении

между этими двумя будущими «великими державами» сфер влияния. Германия настаивала на том, что именно она, и только она, должна иметь полную свободу действия в Европе, а США могут получить свободу действий на Дальнем Востоке.

Еще тогда я услышал о том, что якобы США, вернее, их империалистические круги хотели добиться согласия Германии на все свои претензии. Им бы хотелось получить ряд преимуществ за счет Советского Союза, пренебрегая интересами Великобритании, Франции, Италии и Японии.

Только значительно позже я узнал, что совещание представителей американских и германских монополистических кругов в Сан-Франциско состоялось 23 ноября 1937 г. Подчеркиваю, 23 ноября 1937 г., а 18 ноября 1937 г. посол США в Париже Уильям Кристиан Буллит имел ряд встреч с видными государственными деятелями Германии, в том числе с Герингом, Шахтом и Нейратом. Тогда утверждали в разговорах со мной, что Геринг не скрывал от Буллита, то есть от США, намечавшихся агрессивных действий Германии в Европе по захвату Австрии и Чехословакии. Я не мог понять все услышанное, сопоставить с тем, что пропагандировалось почти открыто, то есть утверждения США о поддержке политики, проводимой Великобританией и Францией по отношению к фашистской Германии. На чьей же стороне США были фактически? Возникал вопрос: зачем США понадобилось в 1934 г. восстановить дипломатические отношения с Советским Союзом и в то же время явно поддерживать антисоветскую политику Гитлера в целях «защиты» Запада от «красной опасности».

Неоднократно повторяемые утверждения моего «учителя» о том, что Бельгия может оказаться вскоре объектом военных действий со стороны фашистской Германии, и о политике Великобритании и Франции по отношению к Германии не давали мне возможности точно определить, на чьей же стороне находится рассказчик. Единственное, что я мог без всяких сомнений понять, что владелец «Селект скул» хотел всеми силами подтвердить высказываемую им мысль о роли Бельгии в случае начала войны и стремлении начать ее именно на Западе с захвата Франции.

Обстановка в Бельгии накалялась. Временами происходили совершенно необъяснимые события. У некоторых вызывало удивление, что правительственные инстанции разрешали не только посещение Брюсселя, но и выступление видного деятеля фашистской Германии, не распространив, однако, разрешение на представителя Франции. В то же время можно было постепенно наблюдать некоторое расслоение Бельгии, противоречивость взглядов многих на политическую обстановку в Европе. Меня удивило не то, что среди фламандцев и их партии были приверженцы прогерманской фашистской политики, а то, что среди валлонов произошел раскол.

Во главе одной из, безусловно профашистских, организаций валлонов стоял Леон Дегрель. Молодой, внешне привлекательный человек, он пользовался особым расположением у женщин высшего общества. Я видел Дегреля сам и наблюдал, как реагировали на его выступления дамы. Рассказывали много историй из его авантюрной жизни и любовных походов. Приводились конкретные примеры, назывались имена конкурирующих любовниц бельгийского «фюрера». Однако это было не самым главным. Даже тот факт, что он был очень умелым оратором и довольно часто выступал в различных аудиториях, не удивлял никого. Главным было то, что я услышал от вполне осведомленных людей. Они утверждали, что организация Леона Дегреля получает значительные денежные суммы от фашистской Германии. Больше того, все листовки, распространяемые этой организацией, были отпечатаны непосредственно в типографиях Германии. Дальнейший ход событий подтвердил в значительной степени правильность этих утверждений. Действительно, Леон Дегрель, как опасный элемент, в начале мая 1940 г. был арестован бельгийской полицией, а затем вывезен во Францию, где содержался в специально оборудованном лагере и был освобожден только после оккупации этой страны войсками фашистской Германии. С большими почестями он вернулся в Бельгию. Его партия почувствовала крепкую почву под ногами и стала вплотную сотрудничать с гитлеровскими

оккупантами. Сам Леон Дегрель явно хотел занять вершину власти в управлении королевской Бельгии. Несмотря на активную поддержку со стороны оккупантов, попытки Дегреля достигнуть власти не имели успеха.

Все, что я услышал и узнал о Леоне Дегреле, не было голословным. Это подтвердилось дальнейшим развитием событий. После того как Гитлер начал агрессию против Советского Союза, Леон Дегрель в открытую стал на сторону Гитлера, создал и возглавил бригаду бельгийских (фламандских) нацистов и дослужился до высокого фашистского воинского звания. После поражения Германии Леон Дегрель бежал во франкистскую Испанию и, пользуясь всеми привилегиями, проживал в этой фашистской стране.

Не могу не остановиться еще на одном, сильно подействовавшем на меня событии. Не помню точно дату, но мне кажется, что еще в 1939 г. один из постояльцев пансионата как-то в беседе, в которой принимали участие другие жильцы, Жсрмен с мужем и я, вдруг обрушился на Советский Союз и лично Сталина. Он пытался доказать, что именно Сталин является одним из основных виновников начатой Гитлером войны. Он указывал и на то, что Сталин все возможное предпринимал для того, чтобы между ним и Гитлером была прочная дружба.

Этот собеседник утверждал, что Сталин ведет разведывательную деятельность во всех странах, а дабы не поссориться с Гитлером, запретил проводить работу советских разведчиков на территории Германии. Больше того, он сказал, что в Советском Союзе проводятся репрессии, направленные в первую очередь против тех, кто не согласен с проводимой внешней политикой Сталина в отношении фашистской Германии, что арестам подвергаются и советские разведчики, добывающие информацию, подтверждающую враждебность гитлеровской политики и его военных планов, направленных против Советского Союза.

Я слушал все это без особого интереса, так как уже привык к ложным измышлениям в отношении моей Родины. Тем более ко времени этой беседы я знал совершенно противоположные факты. Еще в Москве в «Центре», как я уже указывал, меня предупреждали, что не исключена возможность развязывания Гитлером войны. Ведь прямым противоречием домыслам о том, что Германия является страной, где запрещено проводить разведывательную деятельность нашим разведчикам, является то, что наша резидентура в Бельгии должна была во время войны служить средством направления разведывательной информации из западных стран, минуя территорию Германии. Еще до начала войны «Центр» интересовался военными приготовлениями Германии, и за несколько лет до ее начала в Берлине и других городах действовали наши разведчики. Что касается утверждения, что репрессиям подвергаются наши разведчики, которые якобы направляют в «Центр» компрометирующую Германию информацию, об этом я, конечно, не имел к тому времени никаких сведений.

Заканчивая свои суждения, наш собеседник вдруг порекомендовал нам прочесть изданную во Франции книгу генерала Советской армии Вальтера Кривицкого «Я - сталинский агент». Якобы этот крупный советский разведчик, резидент советской разведки в Нидерландах, действующий во всей Западной Европе, в своей книге рассказывает о том, как ему самому удалось избежать репрессий и какова ошибочность политики Сталина. Эти слова меня насторожили, и я принял меры к поиску этой книги. Больших трудностей поиск не встретил, книгу я приобрел и полностью прочитал.

Вальтер Кривицкий в этой книге изображает себя генералом (в то время в Советском Союзе генералов еще не было), крупнейшего и наиболее заслуженного, и резидента советской разведки.

И вот читаю: 1937-й год. Вальтера Кривицкого «Центр» вызывает для доклада в Москву. Не изменяя своей легализации, как иностранный турист, из Нидерландов В. Кривицкий прибывает, естественно, с иностранным паспортом в Москву и останавливается в одной из гостиниц. Пробыв некоторое время у себя в номере, «иностраный турист» решает прогуляться по «незнакомой» Москве. После продолжительной прогулки, убедившись, что

за ним нет слежки, пытается из телефонного автомата связаться со своими друзьями. Вскоре у него появляется убеждение, что все они репрессированы. Он принимает рискованное решение: не возвращаясь в гостиницу, пользуясь своим иностранным паспортом с соответствующими въездной и выездной визами, направляется на Ленинградский вокзал. Покупает себе билет в Ленинград, а затем добирается до Хельсинки. Из Финляндии направляет якобы телеграмму своей жене в Нидерланды, где он легализован как владелец антикварного или комиссионного магазина, точно уже не помню. Поручает жене немедленно продать магазин и прибыть в Париж, где назначает встречу у одного из павильонов действовавшей в то время международной выставки. Жена прибывает, и они встречаются. В это время он укрывается в Париже и пишет книгу бывшего советского разведчика, решившего порвать со своей родиной, которой много лет служил верой и правдой, только для того, чтобы спасти себя и свою семью.

Книга вызвала у меня не тревогу за свою судьбу, а возмущение. Я не мог понять, как многолетний коммунист, занимавший ответственные должности, может решиться на измену Родине, на клевету против нас и тем более на рассекречивание государственных тайн. Вскоре во французской прессе появилось краткое сообщение, что генерал Вальтер Кривицкий, автор книги «Я - сталинский агент», боясь начавшегося преследования со стороны советской контрразведки, выехал в США, а еще через некоторое время я прочитал буквально две-три строчки во французской прессе о том, что труп Вальтера Кривицкого обнаружен на одной из улиц Вашингтона.

Я бы не стал сейчас об этом вспоминать, если бы не появление в нашей печати публикаций о В. Кривицком, основывающихся на тех материалах, которые им были опубликованы в США, а еще в большей степени, если бы совершенно неожиданно недавно не была издана книга, являющаяся фактически сборником публикаций в американской прессе бежавшего в США, не боюсь применить этот термин, изменника Родины Вальтера Кривицкого. Прочитав ряд этих публикаций, а в особенности указанный сборник, я невольно встревожился: правильно ли у меня сохранилось в памяти прочитанное в книге, изданной во Франции? И вот недавно за столом сидел один французский литератор, заинтересовавшийся мною, вернее, моей разведывательной работой. Перечислив некоторые вызывающие у меня сомнения подробности из первой прочитанной книги, к моей радости, я услышал подтверждение их достоверности.

Вот после этого я еще раз убедился в том, что были претендующие на преданность нашему государству люди, которые после явного предательства посчитали нужным опубликовать свои воспоминания, полные вымыслов и самовосхваления. К великому сожалению, к этой группе «мировых разведчиков» относится и автор книги «Большая игра», до мая 1940 г. мой непосредственный руководитель Леопольд Треппер.

В 1939 г. в Брюссель прибыл ставший нам известным под псевдонимом Фриц присланный «Центром» советский разведчик. В соответствии с сообщением Отто, о возможности приобрести надежные «сапоги», то есть паспорта, и из Бельгии переправить в США советских разведчиков «Центр» и прислал Фрица

Непосредственную связь с Фрицем поддерживал в Бельгии я. После оккупации фашистскими войсками этой страны именно я, спасая жизнь жены Треппера Л. Бройде с сыном и Фрица, через Большакова, представителя «Метро», обеспечил их отправку в Москву. Именно от Фрица я узнал, на каком основании «Центр» направил его в Бельгию. До этого я никогда ничего не слышал о сделанном Отто предложении. Сам факт прибытия нового советского разведчика, его рассказ подтвердили мои сомнения и, больше того, тревогу, вызванные рядом фактов, дающих мне право обвинять Отто в лживости и очковтирательстве. Ведь в мае 1940 г., то есть сразу же после оккупации немцами Бельгии, наша резидентура лишилась «надежно созданной Отто крыши». Уже тогда я задумался над вопросом, как мог Отто дезинформировать «Центр». Мои сомнения в дальнейшем окрепли, и об этом я расскажу еще дополнительно.

Каково было мое состояние, когда в выпущенной издательством политической

литературы в 1990 г. книге воспоминаний Л. Треппера «Большая игра» (с. 103) я прочитал следующее, цитирую дословно: «...в конце 1939 года к нам прибыли командированные "Центром" четыре агента с уругвайскими паспортами. Меня просили переправить их в Америку. Подданным южноамериканских государств, желавшим поехать в Соединенные Штаты, надлежало обращаться за разрешением в свои национальные консульства. Об этой маленькой подробности "Центр" не знал...»

Не буду оспаривать утверждения Отто, что «Центр» не знал о необходимости обращаться за разрешением для поездки уругвайцев в Соединенные Штаты в свое консульство. Возможно, что это отвечает действительности. Для моих поездок во Францию, в Швейцарию и даже в разгар войны в Германию и оккупированную немцами Прагу мне не приходилось ни разу обращаться в «наше уругвайское консульство». Что же меня возмутило? Меня возмутило утверждение Отто, помещенное в его книге на той же странице, которое цитирую дословно: «Эти оплошности утвердили меня в мнении, что руководство разведывательной службы, мягко говоря, не могло решать стоящие перед ней задачи...» Примерно в том же направлении с целью оправдать себя абсолютно автор книги стремится во всем обвинить «Центр», оклеветать его. В дальнейшем читатель поймет мое утверждение, а пока же приведу еще одну цитату с той же страницы книги: «Наконец пришла совершенно ошеломившая меня директива: "Центр" просил создать "обувную фабрику". На разведжаргоне слово "обувь" означает фальшивые документы, а человека, изготавливающего их, соответственно, называют "сапожником"».

К концу 1939 г. Отто делал вид, что полностью мне доверяет и вводит в жизнь и деятельность нашей резидентуры и всех её членов. Больше того, у него уже не оставалось никакой прямой связи с «Центром», вся связь обеспечивалась только через «Метро», а я был не только единственным членом резидентуры, который поддерживал эту связь, но, получая из «Центра» все указания, рассматривал их, конечно под руководством Отто. Никаких сведений о прибытии «четырёх уругвайцев» для направления в США у меня не было. Я знал только, как я уже говорил, о прибытии лишь одного Фрица, который утверждал, что именно от Отто поступило предложение об оказании им помощи для переправки в США наших разведчиков и их снабжении надежными «сапогами». О какой «фабрике обуви», о каком «сапожнике», неожиданно навязываемых указаниями «Центра», могла идти речь, когда в резидентуре еще задолго до этого получал деньги разоблаченный мною при приеме от Отто резидентуры «сапожник», о котором я еще буду говорить? Книга «Большая игра», разбор которой мне еще предстоит сделать подробно, уже только в этой части подтверждает постоянную лживость Отто, дезинформацию «Центра» и оправданность моих сомнений. Это может быть подтверждено моим докладом, привезенным в Москву, стенограммой моих показаний 8–12 июня 1945 г. при допросе в НКВД после моего ареста.

Итак, война началась с боев за захват Польши. Не случайно она получила название «странная война», ведь ни Великобритания, ни Франция, объявившие войну Германии, ничего не предприняли в защиту Польши. Эти две державы все еще не теряли надежды изменить ход войны и, пользуясь проповедуемой политикой Гитлера о «красной опасности», направить мощную агрессию фашистов против Советского Союза. Правители этих двух стран стремились к примирению с гитлеровской Германией. Меня крайне удивили слухи о том, что помимо законных правительств этих стран были там и определенные круги, возможно даже профашистски настроенные, борющиеся вокруг идеи капитуляции, достижения договоренности с Гитлером. Так, например, до меня доходили слухи, что во Франции возглавляет эту борьбу сенатор Пьер Лаваль, якобы мечтавший о распространении режима фашистской диктатуры во Франции. Он был не одинок, к нему примкнули Фланден Пьер Этьен, Шоган Камил, оба бывшие премьер-министры, а их поддерживал ставший послом Франции при Франко маршал Анри Филипп Петэн и другие представители деловых и политических кругов. Все чаще слышались утверждения, что и Кэ д'Орса, то есть расположенное на этой набережной в Париже МИД Франции, попадает под это влияние.

В то же время геббельсовская пропаганда со своей стороны пыталась поддержать эту

прогерманскую мирную политику, начавшуюся не только во Франции, но и в Великобритании. А из ряда публикаций в прессе явствовало, что Гитлер не намерен отменить свой план (план получил название «Гельб», или «Желтый план») наступления против Франции и Великобритании.

Нельзя было забывать, что после того, как Франция и Великобритания оказались втянутыми в войну с Германией, а выступлениями Гитлера подтверждалось его стремление вести войну на Западе, надо было ждать со дня на день развертывания боевых действий. Постепенно поступали донесения, что германские войска сосредоточиваются близ французской и бельгийской границ. До меня доходили слухи, что бельгийский король Леопольд III всячески отвергает попытки, предпринимаемые Великобританией и Францией, направленные на усиление обороноспособности Бельгии путем ввода на ее территорию определенного количества подразделений своих армий.

Как утверждали де Буа, ван дер Стеген, де Стартер и другие, Леопольд III поступил так, стремясь избежать военных действий против своей страны со стороны Германии. Правильно ли было это решение? На этот вопрос дала исчерпывающий ответ сама жизнь!

Не исключая возможности, что в случае нападения Германии на Бельгию агрессор использует в своих интересах самый большой порт, Антверпенский порт, я совершил поездку на пару дней в этот город с целью ознакомления с обстановкой и настроением населения. Хотелось выяснить, готовится ли этот город к обороне. В Антверпене я вновь остановился в лучшей гостинице, расположенной вблизи от вокзала. В первую мою поездку в Антверпен в апреле 1939 г. была вполне спокойная жизнь. Тогда меня только поражали отношения между валлонами и фламандцами, проживающими в одном городе и являющимися гражданами единого государства. До сих пор не могу забыть совершенно поразившую меня деталь. Выйдя из гостиницы и намереваясь пройти в музей, я подошел к двум мирно беседующим на французском языке мужчинам. После того как я обратился к ним, желая уточнить, как пройти к музею знаменитого художника П. Рубенса, они по-фламандски ответили, что не понимают, о чем я спрашиваю. Этим была продемонстрирована, возможно, с их стороны ненависть к французам и валлонам.

Еще в первый мой приезд в Антверпен я заметил неподалеку от гостиницы несколько улочек, буквально запруженных мужчинами, женщинами и детьми, резко контрастирующими по своему внешнему виду с местным населением. Почти все мужчины с бородками и усиками были в черных костюмах, в пиджаках типа жакетов, а головы покрыты котелками, из-под которых свисали длинные волосы. Удивили меня косички, вьющиеся довольно длинные косички, которые свисали у многих мужчин на виски. Потом мне пояснили, что эти косички называются пейсами и они присущи верующим евреям. Женщины были очень нарядными, с большим количеством колец на руках, ожерельями и различными, видимо тоже очень дорогими, брошками. Дети были одеты довольно просто, но отличались шумливостью и крикливостью на незнакомом мне языке. Мужчины и женщины, кстати, тоже разговаривали довольно громко. Настоящих бельгийцев на этих улочках почти не было.

Позже я узнал, что после прихода к власти в Германии фашистов многие богатые евреи в срочном порядке покинули свои родные места. Часть из них, особенно кто занимался шлифовкой, отделкой бриллиантов, а также те, которые почти полностью монополизировали в Германии производство дорогой пушнины, переехали в Нидерланды и Бельгию. Как раз в Бельгии центром их проживания и явился Антверпен. Больше того, я узнал, что до этого переселения в Бельгии никто не обращал внимания на принадлежность кого-либо к еврейской национальности. Относились к ним неплохо и потом. Отношение несколько обострилось по мере приближения военных действий на Западе. Нужно честно сказать, что во многом виноваты были евреи. Хочется привести хотя бы две причины.

Во-первых, бельгийцы видели, что большинство евреев, прибывших в Бельгию, гордятся и демонстрируют свое богатство.

Во вторых, и это одна из главных причин, с обострением обстановки в армию призывались мужчины-бельгийцы, а их семьи, естественно, жили в нужде. У многих из них,

во всяком случае, появилась зависть, граничащая с ненавистью, уже хотя бы потому, что никого из евреев в армию не призывали, так как эти беглые не были бельгийскими гражданами.

Интересную деталь я узнал позже. Мне пояснили, что во многих странах, особенно в тех, где были преследования евреев, погромы, гонения, у них сложились особые привычки. Именно в связи с этим в традиции многих еврейских семей постепенно якобы входило стремление иметь при себе, а вернее, на себе как можно больше ценностей, которые могли бы спасти их в случае изгнания без права вывоза имущества, а следовательно, это грозило голодом.

Во всяком случае, было очень неприятно видеть, как в поездах, следовавших из Брюсселя в Антверпен, в вагонах 1-го класса восседали, да будет мне прощено подобное выражение, расфуфыренные и громко разговаривающие дамы, резко выделявшиеся своими нарядами и драгоценностями. Многие бельгийцы, видя все это, смотрели на этих богатых евреев косо, даже с ненавистью.

В этот приезд в Антверпен я уже заметил определенную настороженность, господствующую среди местных жителей. Самое же главное, мне казалось, заключалось во враждебности, постепенно усилившейся между валлонами и фламандцами.

Вернувшись в Брюссель, я поделился своими впечатлениями с ван дер Стегеном. В ответ на высказанное мною собственное впечатление я услышал подробный рассказ.

Оказывается, враждебность между разноязычными народами, населяющими Бельгию, существовала уже давно. Короли и правительства вынуждены были принимать меры для их примирения. В этих целях было принято решение об объявлении официальными государственными языками в Бельгии на равных основаниях французского и фламандского. Вот только после этого я обратил должное внимание на то, что в Брюсселе, в столице королевства, все уличные указатели, официальные объявления были на двух языках. Больше того, даже в трамваях остановки объявлялись последовательно на двух языках. Полицейские, большинство из обслуживающего персонала в гостиницах, служащие различных контор, а также персонал универмагов и магазинов, как правило, должны были владеть двумя языками.

Постепенно обстановка в стране становилась все более настороженной. Для нас, разведчиков, это предопределяло необходимость усиления конспирации в организации встреч с отдельными членами резидентуры, связистами и особенно с различными источниками. Настал день, когда мне предстояла встреча с дамой, с которой я поддерживал связь и иногда получал ценную информацию. Разумеется, я был уверен, что она не знает, с кем имеет дело. Но эта дама была вхожа в определенные круги, ее знали очень многие в Брюсселе, а поэтому хотелось «случайно» встретиться с ней на курорте в Остенде. Я не мог исключить возможности, что моя новая знакомая находится под соответствующим наблюдением, вызванным ее положением в обществе.

Я уже бывал в Остенде и, как указывал, использовал этот, являющийся наиболее населенным и посещаемым иностранными туристами и бельгийцами из материально обеспеченных кругов, курорт.

Мне были известны и другие курортные пункты на морском побережье Фландрии, в том числе Зебрюгге, Кнокке, Банкенберг и другие. Однако именно Остенде я использовал в моей нелегальной работе чаще, чем другие. К тому, что в Остенде съезжались иностранные туристы и просто иностранцы, живущие в Бельгии и приезжающие туда из самых различных стран, привыкли все, в том числе и полиция.

В Остенде было много различных больших и малых гостиниц, уютных многолюдных пляжей, а учитывая большое количество отдыхающих бельгийцев и иностранцев, различных туристов, – многочисленных ресторанов и баров, а также популярное в Бельгии казино.

Местные жители в основном были заняты в сфере обслуживания, которая была очень хорошо организована.

Как уже указывалось, во время первого моего пребывания в Остенде в дальнейшем я

часто останавливался в самой благоустроенной и реномированной гостинице, в одном и том же номере, заранее бронируя его при необходимости, продиктованной условиями моей нелегальной работы. На этот раз мною было принято решение, в соответствии с которым дама – красивая, молодая, довольно обеспеченная, должна была остановиться именно здесь, а я использовал для своего пребывания другую, тоже хорошую, но гораздо меньшую гостиницу. С этой дамой мы должны были познакомиться «случайно» на пляже и даже несколько раз встречаться на танцах. Однако мы не должны были уединяться, а продолжать наши встречи на виду, с тем чтобы не вызывать ни у кого сомнений в нашей порядочности.

Гостиница, в которой я остановился на этот раз, была уютной, посетители хорошо обслуживались. Многие из них, возвращаясь с поздних ночных прогулок, с танцев, перед сном посещали расположенный на первом этаже бар. Естественно, что, «натанцевавшись», но расставшись с моей красивой партнершей после проводов в гостиницу, где она проживала, я, оставшись один, отправился в этот бар.

На этот раз я познакомился с уже немолодой барменшей, любезной и внимательной к посетителям. Этот бар я посещал часто и в дальнейшем, бывая в Остенде. В поздние часы бармену часто подменял тоже привлекательный и очень любезный мужчина. И вот однажды, когда в зале было почти пусто, я разговорился с ним. Выяснилось, что по специальности он инженер. Много лет занимался строительством дорог. Значительную часть своей жизни провел в Конго, но работы там закончились, и ему пришлось вернуться на родину, в Бельгию. И здесь не удалось найти работу, а потому он оказался в числе многих безработных. Вот тогда его жена была вынуждена устроиться барменшей, а он стал ей помогать, часто подменяя по ночам. Это позволяло им сводить концы с концами и жить, во всяком случае, не голодая. Им не приходилось платить за квартиру, так как жили при гостинице, а кроме того, там и питались.

Я слышал и раньше, что Бельгия с 1908 г. имела колониальные владения в Конго. Муж барменши тоже говорил, что король Леопольд II разбогател благодаря владениям в Конго и, даже передав их в распоряжение королевской Бельгии, обеспечил большие доходы королевскому двору. В последнее время проведение ряда работ в Конго было прекращено, а это и вызвало безработицу среди работавших в колонии.

В дальнейшем в беседе со своим «учителем» я постарался проверить правильность того, что уже слышал о Конго и королевском дворе. Согласившись с тем, что Леопольд II действительно обогатился за счет Конго, мой собеседник дал по этому поводу целый ряд очень интересных уточнений и дополнений. В частности, он подчеркнул, что состояние королевской семьи этим не ограничилось. Хочу представить кое-что из услышанного.

До Первой мировой войны король Альберт I получал из государственной казны, то есть за счет налогов населения, на содержание своего двора по одному франку от каждого бельгийца. Это составляло примерно 7–8 млн бельгийских франков. По окончании войны, учитывая, видимо, свои боевые заслуги, он счел эту сумму недостаточной и потребовал по 1,5 франка с каждого человека. Его требование было удовлетворено. Правда, следует иметь в виду, что, кроме того, другие члены семьи короля, в том числе и принцы Леопольд и Шарль, а также принцесса, получали дополнительные суммы. Когда же Альберт I умер и на престол взошел его сын, ставший королем Леопольдом III, то к установленной сумме для короля добавилось якобы 3 млн франков в год, выплачиваемых королеве-матери Елизавете.

Неожиданно «учитель» рассмеялся и добавил к сказанному еще один эпизод из жизни королевской семьи. По его словам, в период революции в Мексике Франция и Великобритания и некоторые европейские страны решили задушить вспыхнувшую там революцию и посадить избранного ими на престол короля. «Учитель» повторил, что вполне естественным было королем Мексики назначить их ставленника. Им стал австрийский принц. Избранному королю подобрали жену, будущую королеву Мексики. Ею стала бельгийская принцесса Шарлота.

Молодая королевская чета отбыла в Мексику. Предварительно для взошедших на престол молодоженов европейские государства внесли немалые суммы как деньгами, так и

драгоценностями.

В Мексике королевскую чету на престоле поддерживала находившаяся в стране французская армия. Однако королевское государство в Мексике просуществовало недолго. Мексиканцы, боровшиеся за республику, став победителями, убили короля Шарля. Его жену вместе со значительной частью богатства отпустили в Европу. Прибыв к себе на родину, в Бельгию, Шарлота серьезно заболела. Утверждали, что она не выдержала гибели своего мужа, а поэтому была помещена в дом психиатрических больных. Но болезнь была «настолько серьезной», что у нее все-таки «хватило рассудка», чтобы написать завещание, заверенное нотариусом. Не имея прямых наследников, Шарлота просила в соответствии с составленным и подписанным ею завещанием после смерти передать все наследство, все её богатство, в том числе и значительные суммы, находившиеся на счетах в банке, тому, кто будет к этому времени на бельгийском престоле. Некоторые бельгийцы утверждали, что в соответствии с завещанием наследнику должны были перепасть и все сохранившиеся драгоценности. Этим королем оказался Леопольд III, ставший полноправным наследником «мексиканской королевы» Шарлоты.

Я несколько раз пытался перепроверить эту информацию, разговаривая с другими бельгийцами, и, признаюсь, никто из них не возражал. Больше того, некоторые посмеивались, говоря о «бедности» королевского двора, и добавляли мне довольно интересные факты.

Из этих разговоров я узнал еще и о проявляемой якобы огромной любви бельгийцев к своему королю Леопольду III и его семье.

Мне рассказывали, что в то время, когда будущий король Леопольд III, ещё будучи наследным принцем, должен был обзавестись семьей, ему предлагали в жены принцесс из различных королевств, в том числе Юлиану из Нидерландов. От всех предложений наследный принц якобы категорически отказывался. И вот, познакомившись с молодой и очень красивой шведской принцессой из обедневшего колена королевской династии Швеции, Астрид, он решил жениться именно на ней.

Говоря об Астрид, рассказчики этой истории, а их было немало, любили подчеркнуть, что принцесса жила в Швеции в семье своего отца и вела все хозяйство. Ее якобы часто можно было видеть с кошелкой на рынке в Стокгольме, куда она направлялась за покупками. Узнав о сделанном выборе будущего короля, бельгийцы якобы собрали даже приданое для своей будущей королевы.

Принц Леопольд и Астрид действительно поженились. Вскоре у них должен был родиться ребенок. Тогда мне так рассказывали, на одной из витрин на рю Руайяль в Брюсселе была выставлена люлька с призывом к пожертвованиям в ожидании этого ребенка. Богатые бельгийцы, не скромничая, якобы вносили немалые денежные суммы и даже драгоценности на благо новорожденного.

Будущий король Леопольд III действительно очень любил свою красавицу жену. Она, как все утверждали, действительно была очень красивой, и даже через много лет после ее неожиданной гибели фотографии и портреты, выполненные художниками, служили рекламой на многих изделиях, в том числе и на дорогих шоколадных конфетах, названных ее именем. Как же могло случиться, что молодая и очень красивая женщина погибла?

Многие утверждали, что по существующему порядку королевская семья не имела права покидать Бельгию, отправляясь в неофициальную несанкционированную правительством поездку за пределы страны. Кроме того, якобы король и члены королевской семьи должны были пользоваться автомашинами, выпускаемыми только в Бельгии. Правда, на автомашинах, как мне говорили, и в чем я мог впоследствии сам убедиться, устанавливали двигатели, выпускаемые в Германии.

Несмотря на существовавшие запреты, Астрид и Леопольд III выехали инкогнито в Швейцарию, где решили отдохнуть и попутешествовать. Далее ходили некоторые противоречивые утверждения. Одни говорили, что Леопольд III купил в Швейцарии, а другие, что только взял напрокат американскую автомашину марки «крайслер». На этой

машине молодая влюбленная пара, «освободившись от забот по государству своему», по дому и уходу за своими детьми, отправилась по широко рекламируемым горным дорогам Швейцарии путешествовать.

С переживаниями многие бельгийцы рассказывали о самой трагедии, постигшей королевскую чету. Якобы Леопольд III, управляя машиной, левую руку держал на руле, а правой обнимал любимую Астрид. Кроме того, сам он в это время курил. И вот в определенный момент, не подумав, король снял руку с руля, чтобы выбросить окурок. Машина марки «крайслер», как все утверждали, очень чувствительная, в этом и сам я мог убедиться несколько раз. Едва Леопольд III убрал руку с руля, машина мгновенно свернула в сторону с дороги и опрокинулась под откос. Вот так и погибла королева Астрид, весьма любимая бельгийцами. Вывалившись из машины, она, по существу, была сразу лишена жизни. Сам Леопольд III, как утверждали многие мои собеседники, сломал себе правую руку и даже несколько лет спустя еще плохо ею владел.

Королю Леопольду III бельгийцы не могли никогда простить гибель любимой ими королевы Астрид. На похоронах, на торжественном траурном шествии из королевского дворца в Лакене до места захоронения, где находилась воздвигнутая в честь Астрид часовня, король с перевязанной рукой шел пешком. При самом захоронении в часовне произнес клятву быть всю жизнь верным памяти любимой им Астрид и посвятить себя не только государственным делам, но и воспитанию сирот, лишившихся матери.

Мне хочется особо подчеркнуть, что если все эти рассказы я воспринимал с некоторым недоверием, то нарушение принесенной Леопольдом III клятвы в верности памяти Астрид мне довелось наблюдать самому.

В подтверждение этих моих слов я хочу коротко рассказать о том, что стало известно из достоверных источников во время моей деятельности в Бельгии. Губернатор Фландрии давно уже стремился к сближению с королем, королевским двором. У этого губернатора была довольно симпатичная дочь. После того как король Леопольд III предпочел для отдыха небольшой летний королевский дворец, губернатор обзавелся хорошей виллой напротив летней резиденции короля. Здесь недалеко размещался и клуб игроков в гольф. Естественно, членами этого клуба могли быть далеко не все бельгийцы. В числе его членов был и король Леопольд III. Состояла в нем и семья губернатора Фландрии.

По установленному в клубе распорядку король якобы играл в гольф поочередно со всеми. Время от времени очередь доходила и до дочери губернатора.

При клубе было нечто вроде кафе. Однажды двое из моих бельгийских «друзей», являвшихся членами клуба, пригласили меня в это кафе. Там я впервые увидел симпатичную молодую фламандку, а рядом с ней, видимо после совместной игры, сидевшего за чашкой кофе короля Леопольда III, уже несколько лет тому назад овдовевшего. Тогда я еще не знал значения сцены, свидетелем которой совершенно неожиданно для меня оказался.

Прошло несколько месяцев. Бельгия была уже оккупирована фашистскими войсками. Как мне стало известно, король отказался от любого сотрудничества с немцами. Он оставался в Бельгии на правах «интернированного» в своем дворце в Лакене. Часто приходилось слышать различные рассказы о короле, его политике и личной жизни. В числе прочих среди бельгийцев начал циркулировать все больше усиливающийся слух о том, что дочка губернатора часто бывает в королевском дворце, имея на это разрешение оккупантов. Многих удивляло, так как общеизвестным являлось то, что король изолирован от внешнего мира. Чем же занималась эта молодая фламандка? Многие утверждали, что она «развлекает интернированного короля», играя с ним в гольф, а чаще в теннис. Всему этому бельгийцы не придавали еще особого внимания, помня данную Леопольдом III клятву о верности, памяти погибшей по его вине королевы Астрид. Подчеркивали только, что факт допуска во дворец молодой фламандки доказывает хорошее отношение оккупантов с фламандцами.

Шли месяцы, и вдруг совершенно неожиданно бельгийское радио в декабре 1941 г. объявило, что некоторое время тому назад в уединенной обстановке кардиналом Бельгии было совершено бракосочетание короля Леопольда III с этой самой, «развлекавшей» его

молодой симпатичной фламандкой. Радиосообщение было подтверждено бельгийскими газетами.

Новость восприняли по-разному. Большинство бельгийцев, несмотря на то, что брак был санкционирован Папой Римским Пием XII, встретили сообщение не только настороженно, но и с явной озлобленностью. Многие вспоминали данную королем клятву на могиле Астрид. Видимо, этим были вызваны и следующие королевские шаги. Молодой жене присвоено не королевское имя, а только «звание» принцессы. В свою очередь новая жена короля опубликовала заявление, в соответствии с которым отказывается сама и ее дети от права на трон, видимо стремясь успокоить бельгийский народ.

Вскоре бельгийцы нашли объяснение, почему до их сведения о состоявшемся ранее бракосочетании было доведено со значительным опозданием. Через несколько месяцев стало известно, что в новой королевской семье родился ребенок. По их убеждению, преждевременная беременность «принцессы», жены короля, предопределила необходимость срочного венчания.

Среди моих знакомых и, возможно, среди остальных бельгийцев господствовало мнение, что объявленная дата бракосочетания не соответствует действительности и была указана в сообщении кардинала именно с той целью, чтобы скрыть незаконную связь короля Леопольда III с фламандкой. Многие даже утверждали, что губернатор Фландрии умышленно, исключительно в своих интересах, все это подстроил, подтолкнув послушную дочь на интимную связь с королем, а тот, будучи молодым вдовцом, поддался на соблазн, а вернее, на провокацию со стороны умелой соблазнительницы. Именно, добившись намеченной цели, но стремясь избежать светского, вернее, всенародного скандала, возможно, в дополнение ко всему они потребовали от короля до рождения ребенка признания брака. Именно этому содействовала и католическая церковь.

Так ли все было в действительности, судить не мне. Во всяком случае, именно такие слухи курсировали в народе и аристократических кругах.

Я привел содержание всех бесед, которые велись в моем присутствии и могут служить доказательством, что мое возвращение в деловых и аристократических кругах бельгийского общества могло и должно было служить содействию укреплению моей легализации.

Решение «Центра», в соответствии с которым я должен был остаться в Бельгии, а также существенные изменения в самой резидентуре, ее перевоплощение из предназначенной исключительно для обеспечения связи между отдельными резидентурами в Западной Европе в случае начала войны с Германией с «Центром» в чисто разведывательную резидентуру заставили меня изменить свой образ жизни.

Совместно с Отто мною было принято решение, в соответствии с которым я должен был снять себе более представительную квартиру. Но, кроме того, она должна быть более изолированной, менее поддающейся наблюдениям извне.

Как всегда, определенную помощь оказали мне мои бельгийские друзья. Я снял квартиру в большом доме на авеню Беко.

В доме был лифт. У парадного входа была установлена, что в то время являлось для меня новинкой, сигнальная дощечка с кнопками звонков во все квартиры. В эту дощечку был встроен своеобразный микрофон, который служил для переговоров между звонившими и хозяином квартиры.

Признаюсь, мне этот порядок тоже очень понравился, так как я заранее мог знать, кто пришел ко мне.

Снятая квартира резко отличалась от той, которую я снимал у мадам де Тое. Я располагал теперь двумя спальными комнатами, очень удобной ванной комнатой, туалетом. Из большой перс дней был вход еще в одну прямоугольную комнату значительной площади. Она была разделена на две части аркой. В первой части размещалась столовая, а во второй гостиная. В гостиной у окна был помещен очень удобный письменный стол с весьма вместительным шкафом. Вся мебель в квартире была модной и удобной. На полу во всех комнатах были ковры. Меня несколько удивило то, что в каждой комнате были встроены

двойные розетки. Одна из них могла быть использована для настольной лампы, а вторая для телефона. Съемщику квартиры было достаточно подать письменную или даже устную, по телефону, заявку в городскую телефонную фирму, как тут же устанавливались телефонные аппараты. Количество аппаратов определял сам съемщик. Их можно было устанавливать в каждой комнате. При этом аппараты могли подсоединяться к одному номеру, или, опять-таки по желанию съемщика квартиры, ему могло быть выделено, конечно, за дополнительную плату, несколько номеров телефонов.

Переезжая в эту новую прекрасную квартиру, я не мог даже предположить, что она будет значить для меня в дальнейшем.

Хочу сразу подчеркнуть, что наличие в квартире двух спальных комнат позволило Отто часто проводить ночь у меня. Мы поздно работали, и Отто не надо было добираться до расположенной далеко, в совершенно противоположной части города квартиры. Это было очень удобно, а кроме того, как мы считали, более безопасно.

Приемы «друзей», бельгийцев, начались вскоре после моего переезда на новую квартиру. Первый прием был посвящен новоселью, я пригласил многих. Начали бывать у меня на квартире и уже давнишние друзья, в том числе и владелец «Селект скул» с женой. Были приглашены также мадам де Тое с «мужем».

Международная обстановка осложнялась, деятельность нашей резидентуры с каждым днем становилась более напряженной. Мне приходилось все чаще в этой весьма надежной квартире принимать Отто для обсуждения новых возникающих вопросов самой резидентуры, а также получаемых мною через «Метро» отдельных заданий «Центра». Иногда мы даже готовили материалы для направления в «Центр».

Не следовало забывать, что война уже началась. Позволю себе еще раз остановиться коротко на том, что предшествовало развязыванию этой войны, и на той политике, которую предпочитали Великобритания, Франция и США в целях предотвращения этой войны на Западе.

Уже 13 сентября 1938 г. судетские фашисты предприняли открытую попытку поднять мятеж в целях отторжения области от Чехословакии. Мятеж, как известно, не удался, что повлекло за собой прямую угрозу Гитлера открытой военной расправой со всей страной. Больше того, уже 26 сентября 1938 г. он заявил, что Германия полностью уничтожит Чехословакию, если она не удовлетворит всех его требований.

В один из воскресных дней студенты собрались поехать за город на природу. Было принято предложение одного из них поехать в сторону Женваля. Молодые люди отправились погулять, подышать чистым воздухом и повеселиться. К ним присоединился и я. Побродив и нагулявшись, немного потанцевав, все сели за подготовленный стол – начался веселый пикник. Танцы продолжались, но с некоторыми перерывами. Начались разговоры на разные темы, но политики в прямом понимании этого слова никто не касался, пока одна студентка с горечью не сказала, что ее молодого брата, у которого была невеста и вскоре должна была состояться свадьба, призвали в армию и их семья очень это переживает. В связи с этим много было высказано мыслей. Основной из них, заинтересовавшей и меня, было то, что бельгийцев меньше всего должны волновать развертывающиеся события. Высказывалось и убеждение в том, что те, кто на Западе болтает о будущей мировой войне, хотят на этих разговорах только получить для себя пользу, то есть как можно больше заработать.

Некоторые студенты, смеясь, прямо указывали, что никогда ни одна из фашистских стран не осмелится начать войну против сильных Франции и Великобритании, поддерживаемых США, а, следовательно, и Бельгии не следует опасаться агрессии со стороны фашистских держав. Эти студенты подчеркивали, что из всей политики Гитлера видно, что он намеревается осуществить для своей страны завоевания Советского Союза и других стран на Востоке. Слушая эти утверждения, я невольно вспомнил сказанное в другом обществе. Тогда утверждали, что Великобритания и Франция не выполняли принятые на себя перед Польшей обязательства об оказании ей помощи, в первую очередь потому, что Германия в военном отношении была гораздо более сильной державой. Поэтому вступление

в войну на стороне Польши может привести к поражению их самих.

Вскоре до нас дошли слухи, что Гитлер, видимо убедившись в политике, проводимой Великобританией и Францией, несмотря на объявление войны, не предпринимающих никаких военных действий, принял решение отозвать значительную часть воинских подразделений с Запада и направить их против Польши.

Встречавшиеся в прессе публикации, различного рода плакаты и лозунги, с которыми мне удалось познакомиться, подтверждали услышанные мною от студентов высказывания о силе вооруженных сил Великобритании и Франции и, больше того, о слабости Германии по отношению к ним. Забегая вперед, могу сослаться и на послевоенную западную литературу, высказывания высших офицеров гитлеровской армии, которые подтверждали, что западные державы были более мощными.

Наши будущие союзники не предприняли никаких реальных шагов к своей обороне даже тогда, когда после захвата Польши гитлеровцы стали перебрасывать свои войска на Запад. Нельзя не отметить, что Германия продолжала получать необходимые стратегические военные материалы через дружественные ей страны – Италию, Испанию и Турцию. До меня доходили слухи, что даже Швейцария не препятствует провозу через свою территорию военных грузов в Германию.

Я указывал на то, что принимал участие в выезде студентов университета в воскресный день за город и получил интересную информацию. На этом мои дружеские отношения со студентами не закончились. Несмотря на все возникающие трудности, я еще несколько раз продолжал участвовать в подобных пикниках. Я говорю о каких-то якобы имевшихся трудностях. Я должен сказать, что мне трудно было проводить время в компании с молодыми студентами и студентками. Ведь среди этих студенток было очень много красивых девушек, а я был молод. Многие из них нравились всем, а они любили, чтобы за ними ухаживали. Среди этих студенток была одна очень красивая, но она привлекала к себе не только своей красотой, но и зрелостью, правильностью мышления. Я могу предположить, что и я ей нравился. Мне очень хотелось сблизиться с ней, но я, как разведчик, должен был избегать подобного сближения. В результате я принял решение прекратить участие в пикниках и держаться во время занятий тоже несколько отчужденно от девушек. Это мне не всегда удавалось. И вот однажды мы с несколькими студентами вышли из здания университета. В нашей компании была и очень нравившаяся мне студентка. Она, не стесняясь, приближалась ко мне. Совершенно неожиданно один из студентов задал ей вопрос: «Где ты была, почему пропустила несколько занятий?»

Ее ответ меня поразил и весьма заинтересовал. Она, не стесняясь и, видимо, не скрывая ничего, вдруг ответила, поразив всех, в том числе и меня, своей откровенностью. Она сказала, что ее отец принадлежит к той группе бельгийцев, которые враждебно относятся к фашистам и Леону Дегрелю. Его друзья, зная, что он с семьей долгое время жил во Франции и имеет там знакомых, а некоторые из них занимают еще и сейчас солидные должности в различных подразделениях государственного аппарата, попросили его съездить в Париж и постараться узнать, в чем заключается позиция Франции в уже развязанной гитлеровцами войне.

Вот с результатами этой поездки студентка и ознакомила нас. Ее отцу удалось выяснить, что во французском парламенте и в правительстве имеются депутаты и министры, придерживающиеся правого направления, стремящиеся к мирным переговорам с Гитлером. Якобы часть из этих лиц уже открыто дискредитирована в народных массах. В частности, она указала на то, что вскоре после начала войны и вступления в нее Франции министр иностранных дел был вынужден сменить свой пост, оставшись в правительстве, но возглавив министерство юстиции. Не решились его вывести из состава правительства, потому что у него были хорошие связи в правительственных кругах Германии и он мог в любой момент включиться в переговоры о заключении мирного договора с Германией и ее переориентации на Восток.

Я уже сейчас точно не помню, о чем еще эта студентка говорила, но мне показалось,

что она могла бы быть для нас ценным источником информации. Однако на это я не решился, так как боялся в нее влюбиться в полном смысле этого слова, а мне казалось, что в моем положении это совершенно недопустимо.

Встречаясь с Отто, а иногда и с Андре, мы высказывали тревогу за будущее нашей резидентуры и намечали ряд мер, направленных на обеспечение претворения изменений в работу нашей деятельности, ставили новые задачи. Тогда я не мог себе представить те обстоятельства, которые вынуждают нас отказаться от успешного выполнения поставленных «Центром» целей, а именно создания на случай войны на Западе, развязанной Германией, в ряде стран, в первую очередь Скандинавии, филиалов нашей «крыши», которые должны были служить, как я уже говорил, для обеспечения связи с «Центром».

В разговорах с Отто и Андре, даже позднее в Марселе с Жюлем Жаспаром никто из них никогда не упоминал о якобы уже имеющихся филиалах в Швеции, Дании, Норвегии. Об этом я ничего не услышал и во время приемки нашей бельгийской резидентуры от Отто. После того как в книге «Большая игра» Леопольда Треппера (с. 95) я смог прочесть утверждение Отто не только о том, что в этих странах были организованы уже в 1939 г. филиалы «крыши», но и о том, что установлены связи к маю 1940 г. с Италией, Германией, Францией, Голландией и даже с Японией, я был поражен. Возникла уйма вопросов. Перечислю только некоторые из них.

Во-первых, как же можно объяснить тот факт, что если, по словам Л. Треппера, в Стокгольме, то есть в Швеции, уже имелся в 1939 г. филиал нашей фирмы, зачем же «Центру» направлять меня именно для создания этого филиала, а Отто готовить для этой работы?

Во-вторых, в чем заключается причина, что «все трое» скрывали от меня наличие этих филиалов? Что это было? Выражение недоверия ко мне? Ведь это не могло распространяться и на то время, когда я принимал резидентуру, когда развалилась «крыша» и я создал новую, более надежную. Почему же мне не передали эти филиалы, а просто забросили?

В-третьих, в книге утверждается, что во всех филиалах действовали «почтенные коммерсанты, бесконечно далекие от малейших подозрений относительно истинных целей головной фирмы в Брюсселе». Если это отвечает действительности, то почему Жюлю Жаспару, с которым у меня установились более близкие отношения, чем те, которые были у него не только с Отто, но и с Лео Гроссфогелем, нужно было скрывать от меня факт наличия филиалов? Ведь он доверительно мне рассказывал о всей коммерческой деятельности основной, правда в мае 1940 г. полностью развалившейся, фирмы – «крыши» в Бельгии.

Я считаю сейчас в праве утверждать, что более полное ознакомление с существующей в Бельгии резидентурой позволило мне уже тогда понять, что все заверения Отто, направляемые в «Центр» о готовности ее структуры с полной ответственностью выполнять поставленные перед ней задачи, были ничем не обоснованными, являлись сплошным вымыслом, короче говоря, прямым очковтирательством. Все они были направлены к единственной цели – приписать только себе «огромные заслуги» в проводимой работе.

У меня возникал тогда еще один вопрос: знал ли Лео Гроссфогель, что его давнишний друг и в настоящее время резидент советской разведки Леопольд Треппер, он же Отто, занимается по отношению к «Центру» очковтирательством? Мне кажется, что даже от своего друга, делавшего для него очень много, от Лео Гроссфогеля, Леопольд Треппер скрывал все это тоже.

Итак, наша резидентура начала считать своей основной деятельностью претворение в жизнь поставленной «Центром» задачи по проведению непосредственной разведывательной работы. При этом нас практически не интересовала разведывательная деятельность, направленная непосредственно против Бельгии. Мы должны были направлять наши основные усилия на определенные возможности возникновения и развития Второй мировой войны, зачинщиком которой является Германия. Нас, в первую очередь, интересовал сбор разведывательных материалов о планировании Гитлером агрессии против Советского Союза. При этом нельзя было игнорировать материалы, касающиеся политики Великобритании и

Франции, поддерживающих антисоветскую политику фюрера.

В связи с изменением стоящих перед нами задач число направляемых через «Метро» в «Центр» сообщений и получаемых тем же путем, в свою очередь, нами от пего указаний значительно возросло. Отто принял решение о моем более активном привлечении к участию в работе резидентуры. По существу, я стал вторым лицом в ней.

Вскоре именно мне было поручено не только поддерживать прямую связь с нашими связистами из «Метро», но и заниматься фактической подготовкой всех направляемых в «Центр» материалов и расшифровкой получаемых от него в наш адрес указаний.

Когда после начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. стала более реальной агрессия Германии против стран Запада и против Советского Союза, учитывая необходимость своевременного предупреждения «Центра», мы задумались над проблемой обеспечения прямой связи с «деревней». Мы понимали, что, как только начнется агрессия против нашей Родины, Советского Союза, все дипломатические и торговые представительства СССР на Западе, в том числе и в Бельгии, то есть во всех странах, подвергшихся агрессии и оккупации, будут ликвидированы.

Единственным выходом из этой ситуации было обеспечение прямой радиосвязи с «Центром», а для этого нам понадобился радиопередатчик. Вскоре на наш запрос «Центр» направил чемодан с передатчиком, приемником и всей необходимой аппаратурой. Этот чемодан из «Метро» получил я и по указанию Отто передал его на хранение Андре. Через некоторое время я узнал, что на одной из конспиративных квартир Андре вместе с Аламо проводили опыты по налаживанию связи с «Центром». Сам Андре, конечно, не имел подготовки в качестве радиста, а Аламо получил таковую еще в Москве. Вспоминаю, как Отто с раздражением сообщил мне о том, что практика показала, будто Аламо, то есть Макаров, не может быть использован в качестве радиста, у него нет минимальных навыков в этой сложной профессии.

После этого сообщения мы с Отто составили шифровку в «Центр» с просьбой оказать нам содействие в розыске грамотного радиста. Ответ последовал довольно быстро. Нам рекомендовали радиста из параллельной резидентуры Иоганна Венцеля, с которым я вскоре познакомился и попросил его оказать нам помощь в подготовке Аламо к этой работе. Моя просьба, адресованная от имени нашей резидентуры, была с успехом выполнена Венцелем, немцем по происхождению.

Чтобы не возвращаться к вопросу о получении мною чемодана от представителя «Метро» и установлении источника, от которого гестапо уже в 1941 г. об этом узнало, коротко скажу следующее. После моего ареста в 1942 г. стало известно из предъявленного мне в целях моего разоблачения протокола допроса Макарова, что именно он сообщил гестаповцам о том, что передатчик из «Метро» получил лично Кент, то есть я.

Не понимая резко изменившегося отношения ко мне, я все больше и больше начинал осмысливать причины, побудившие Отто к оказанию именно мне значительного доверия. Это доверие выражалось не только в том, что мне было поручено поддержание прямой связи с «Метро», но и в изучении шифровального кода, которым, видимо, сам Отто не мог овладеть. Больше того, мне даже поручалось составление докладов Отто для направления в «Центр». Очень хорошо запомнилось, что уже после начала военных действий фашистской Германии против Бельгии мною был составлен весьма объемистый доклад для «Центра» по сведениям, собранным Отто, уже находившимся в тревожном положении в связи с лопнувшей его легализацией, и лично мною. Частично в доклад были включены и собранные нами совместно информационные материалы. Помню, что Отто поручил мне в этом докладе особо подчеркнуть хорошую организацию службы обеспечения своевременной доставки в действующую немецкую армию боеприпасов и продуктов питания.

Только лучше узнав Отто, я смог понять, почему он «проникся ко мне особым доверием», поручая вести переписку с «Центром». Думаю, не ошибаюсь, утверждая, что это произошло только потому, что мой шеф не владел в достаточной степени письменным русским, французским или немецким языками. Бесспорно, он владел своими родными,

еврейским и польским, а в какой степени – не мне судить. Именно поэтому ему, видимо, было трудно поддерживать прямую связь с «Центром».

Не успели мы еще освоиться со сложившейся после начала войны обстановкой и решить в полной мере все организационные вопросы, как к нам начали поступать слухи, а затем и подтвержденные фактами информационные сообщения.

Так, например, нам вскоре сообщили, что Гитлер осуществил против Польши очередную провокацию. В ночь на 1 сентября 1939 г. фашисты организовали на своей территории в маленьком городке близ польской границы нападение на немецкую радиостанцию. Это было сделано для того, чтобы во всем мире знали, что только после этой зверской акции, проведенной со стороны Польши, Гитлер счел необходимым дать достойный ответ и начать военные действия против этой «агрессивной страны».

Для нападения немцы использовали находящиеся у них в заключении «преступные элементы», знающие польский язык. Им были обещаны после участия в планируемой акции свобода и ряд благ. Фактически же все переодетые в польскую униформу заключенные были после разыгранной провокации расстреляны.

Все больше и больше мы убеждались, что в определенных кругах в Бельгии и Франции утверждалось мнение, что объявившие войну Германии Великобритания и Франция, помимо того что не оказывали никакой помощи Польше, усиленно препятствовали Советскому Союзу в оказании помощи с его стороны. Мы смогли убедиться и в том, что многие в народе и в армии Бельгии и Франции войну не одобряют. Даже в Германии были такие люди, которые предполагали, что, несмотря на всю активную пропаганду, армия должна и в этой стране служить только целям обороны государства.

Для большинства стало совершенно неожиданным, что Польша была захвачена агрессором в течение грех недель, а вся польская армия уничтожена. Многие, утверждая, что победа была достигнута исключительно благодаря явному превосходству немецкой армии в силе, пытались спекулировать, доказывая, что против Германии нельзя начинать активных боевых действий. Они не хотели признавать, что эта победа была одержана в значительной степени благодаря занятой Великобританией и Францией позиции.

При разговорах в различных слоях бельгийского общества мне невольно вспоминались слова из услышанной совершенно случайно по радио речи, служившей, скорее всего, обращением к французскому народу, произнесенной премьер-министром Франции Эдуардом Даладье. У нас с Отто состоялась очередная встреча, на этот раз в Остенде. Проводив своего руководителя на вокзал, я немного прогулялся и, убедившись, что не привлек внимания, вернулся в гостиницу. Будучи в номере, я решил почитать газеты и послушать радиопередачи. И вот тогда услышал бодрую речь Э. Даладье. Он давал понять, что не опасается только что начавшейся в этот день войны против Польши, которая могла перерасти мировую войну. Он не говорил прямо, но можно было догадаться, что верит в то, что война эта не коснется Франции, и именно в этом он хотел, видимо, убедить всех французов.

Легко можно было предположить, что именно наличием у премьер-министра уверенности в безопасности своей страны уже тогда, в начале войны, и в дальнейшем объяснялось нежелание правительства обращать внимание на обеспечение надлежащей обороны страны. Линия «Мажино», основа обороны границ Франции, при кажущейся гарантии ее неприкосновенности не была в центре внимания правительства, и оно не принимало достаточных мер для ее полного укрепления. То же самое, базируясь на полученной информации, можно сказать и в отношении боеспособной авиации, в первую очередь достаточно мощных бомбардировщиков.

В Бельгии тоже не принимались достаточные меры к подготовке страны к обороне. Мне часто приходилось слышать шуточные заявления:

– Нам нечего бояться за нашу судьбу, правительство с помощью народа принимает все необходимые меры для приведения страны и ее армии в боевую готовность. Примером этого могут служить сборы средств, которые позволяют направлять мобилизованным в армию

зубные щетки и пасту для чистки зубов, игральные карты, конфеты и печенье!

Мне вспоминались слова, услышанные во время охоты от де Стартера, офицера запаса, призванного в армию по мобилизации, о том, что если немцы начнут военные действия против Бельгии, то эта страна не сможет себя защитить и в течение одной недели. В дальнейшем развитие событий подтвердило в значительной степени правильность суждения де Стартера.

Утром, встретившись на этот раз с Отто в Брюсселе, я коснулся услышанного по радио выступления Даладье. Оно мало интересовало Отто. На этот раз он не скрывал свою озабоченность, вызванную создавшейся обстановкой и возможным развитием событий в Европе. Впервые он затронул вопрос прочности нашей «крыши» и легализации членов нашей резидентуры. Вот тогда впервые я услышал, что фирма под названием «Король каучука», на базе которой в виде ее филиала была организована «крыша», принадлежит евреям, родственникам Лео Гроссфогеля. Исходя из этого и фирма, и наша организованная при ней контора могут в случае немецкой оккупации Бельгии оказаться недостаточно крепкими. Отто высказал еще одну мысль. Если король Леопольд III и его правительство согласятся с давнишними предложениями Великобритании и Франции по вопросу ввода на территорию Бельгии войск, то легализация Андре и самого Отто может оказаться в реальной опасности. Нельзя было, в частности, забывать, что Канада, входившая в состав Великобритании, официально признана участницей объявленной против Германии войны. Именно по этим причинам и могла возникнуть опасность для Лео Гроссфогеля и Адама Миклера. Француза Лео Гроссфогеля и канадца Адама Миклера при вводе на территорию Бельгии войск Великобритании и Франции могли арестовать как дезертиров, уклоняющихся от несения службы после объявления мобилизации в этих странах.

Нервное состояние Отто, четко проявившееся при очередной нашей встрече, естественно, передалось и мне. Мы приняли решение немедленно обсудить тревожившие нас вопросы и тщательно обдумать все, что должны были предпринять. Отто предложил при необходимости привлекать и Андре. Из сказанного Отто я мог понять, что в бельгийской резидентуре кроме него самого и меня есть еще только один, заслуживший авторитет, – Андре.

Из всего сказанного следовало, что из основных членов резидентуры вне опасности могут в определенном смысле оказаться только «уругвайцы» Аламо, Хемниц и я, Кент. Однако и им надо было предусмотреть соответствующие условия проживания в Бельгии – такие, которые не могли бы вызвать у бельгийцев, а в особенности в случае оккупации Бельгии фашистскими войсками у немцев, какого-либо сомнения в части их проживания в Европе, охваченной военными событиями. Вполне понятно было для нас, что даже моя принадлежность к зачисленным в университет студентам могла быть признана недостаточным основанием для проживания в Бельгии как гражданина одной из стран Латинской Америки.

Единственное, во что хотелось еще верить, что в Бельгию не войдут ни войска Великобритании и Франции, ни войска фашистской Германии. В то же время и эти возможности нельзя было упускать из виду.

Каждый раз, беседа с Отто, Андре по волнующим нас вопросам, вспоминая, что услышал о бельгийской резидентуре, еще находясь в Москве, я начинал все больше и больше сомневаться не только в опытности Отто, но и в его правдивости и, больше того, в обоснованности его утверждений в части отчетов перед «Центром» о своей деятельности. Это касалось не только надежности «созданной» Отто для нашей резидентуры «крыши», но и возможности деятельности всей резидентуры. Были ли у меня для этого достаточные основания? Да, были.

Еще раз повторяю, «Центр», организуя резидентуру в Бельгии, не предусматривал возможности проведения ею разведывательной деятельности против не только этой, но даже какой-либо другой страны. Бельгия должна была стать безопасной зоной для поддержания связи различных резидентур в западных странах с «Центром» через организуемые

бельгийской резидентурой филиалы, в частности в Скандинавии. Вот в чем заключалась основная задача нашей резидентуры, и только в этом.

«Правдивость» Отто доказал и французский писатель Жиль Перро, в своей книге, изданной во Франции, если не ошибаюсь в 1967 г., и служившей исключительно одной цели – оправданию перед французской контрразведкой и полицией Леопольда Треппера, стремящегося получить разрешение на въезд в Париж из Польши, где «крупнейший советский разведчик» находился после своего освобождения из заключения в СССР, то есть проживал у себя на родине и гордился тем, что работал разведчиком в предвоенные и военные годы в пользу СССР. Жиль Перро, видимо базируясь на рассказах Отто, услышанных еще во время пребывания в Польше, абсолютно ложно пишет, что для Отто (см.: Жиль Перро. Красная капелла. М.: Совместное советско-французское издательство ДЭМ, 1990. С. 33) «Брюссель был удобен для работы против Англии, по деятельности разведки, направленной против Германии, пожалуй, лучше руководить из Парижа». Вот, оказывается, почему советский разведчик с мировым именем решил переехать во Францию только в августе 1940 г. (?!). О подлинных причинах «переезда», а вернее, бегства из Бельгии во Францию читатель еще более полно узнает из последующих глав.

Возникает еще один вопрос: могла ли быть исключена возможность оккупации Бельгии фашистской армией в случае возникновения мировой войны, военных действий на Западе? Нет. Следовательно, надо было предусмотреть все то, что могло в дальнейшем не только помешать работе резидентуры и отдельным ее работникам, но и в значительной степени приблизить полный провал всей организации. Этого Отто не сделал!

Я все больше и больше убеждался, что Отто не просто дезинформировал «Центр», а стремился приукрасить свою работу, заслужить у «Центра» самую высокую оценку своей деятельности. Он в этих целях сообщал далеко не все о фактическом состоянии резидентуры, а в удобных случаях даже выдвигал ряд предложений, ни на чем не основанных. И это служило в мирное время только одной цели – самовосхвалению и доказательству своей преданности, преувеличению своих возможностей. Постепенно я все больше и больше начинал задумываться над вопросом: неужели у «Центра» или у органов контрразведки не было возможности проверить действительное состояние резидентуры?

Я бы мог привести много доводов, вызывающих сомнения. Разве получил «Центр» от Отто сообщение о том, что фактически основанная не им, как он утверждал, а Лео Гроссфогелем «крыша» для нашей резидентуры базируется на фирме, владельцами которой являются евреи? Нет, я не был настроен против евреев, но, когда узнал об этом, учитывая все, что подтверждало возможность оккупации Бельгии фашистами, стал сомневаться в том, сообщал ли Отто об этом в «Центр». Я не мог себе представить, чтобы мне в Москве предоставили возможность моей легализации в Бельгии под этой «крышей», если бы там знали действительное положение дел.

Я невольно многократно возвращался к вопросу, на каком основании Отто доложил «Центру» о том, что у него имеются хорошие возможности приобретения для «представителей» «Центра» надежных «сапог», то есть паспортов одной из стран Латинской Америки, приобретение которых он мог организовать в генеральном консульстве этой страны в Бельгии. Он подчеркивал надежность этих «сапог» и заверял Москву, что он может переправить тех, кого перебросит к нему «Центр», непосредственно в США или в любую другую страну.

«Центр» поверил Отто и на этот, к сожалению далеко не первый и не последний, раз. В Бельгию был прислан представитель «Центра» под псевдонимом Фриц. После его прибытия и установления лично мною связи с ним выяснилось, что ни одной из названных выше возможностей у Отто не было и нет.

В эти тяжелые для резидентуры дни к другим хлопотам добавилась еще и необходимость разместить Фрица в надежном и безопасном месте. Трудно было предположить, чем это могло кончиться.

Фриц очень нервничал. Нервничал, конечно, и Отто. Невольно возникал тревожный

вопрос: чем закончится этот придуманный Отто фарс и кто в нем виноват?

Несколько раз перед тем, как мне удалось отправить в «деревню» «Фрица», мы обсуждали возникающие у нас вопросы. Безусловно, я не мог высказать ни одного предположения, оправдывающего действия Отто. Позднее, значительно позднее, прочитав книгу «Большая игра» (с. 104), я мог заподозрить, что Отто подвел именно тот человек, которого Леопольд Треппер очень восхваляет. Ведь он прямо пишет, цитирую дословно: «Гроссфогель... сумел разыскать одного совершенно редкостного человека, некоего Абрахама Райхмана, безусловно, самого талантливого "сапожника" во всей Бельгии...»

Фриц в беседе со мной не обвинял «Центр» в необдуманности его направления в Брюссель с целью приобретения надежного «сапога» и переезда в США, он считал, что в этом вина только Отто, дезинформирующего Москву.

Положение становилось с каждым днем все более и более напряженным. Для обсуждения серьезных вопросов приходилось все чаще принимать Отто у себя на квартире, оставлять на ночлег. Это было достаточно опасно, но другого выхода не было.

Шел 1940-й год. Днем я получил из «Метро» запечатанный конверт и тут же, связавшись по телефону с Отто, подал сигнал о необходимости срочной встречи. Мы оба тщательно изучили совершенно неожиданно полученное из «Центра» задание для меня.

Видимо учитывая, что мне уже однажды удалось успешно выехать в Швейцарию, «Центр» решил вновь направить в эту страну. Однако если тогда поездка имела целью только укрепление моей легализации в Бельгии, то на этот раз я уже должен был туда отправиться для выполнения сложного и очень ответственного задания.

В полученном из «Центра» для меня задании бельгийская резидентура предупреждала об имеющейся в Швейцарии очень ценной резидентуре, возглавляемой неким Дора, с которым уже давно и на протяжении продолжительного времени утеряна всяческая связь. Я должен был посетить резидента в Женеве, передать ему шифр для поддержания связи с «Центром» и обучить работе с привезенным мною шифровальным кодом. Кроме того, для обеспечения прямой постоянной связи Дора с «Центром» я должен был вручить программу для работы на имеющейся у него рации. Для выполнения задания через меня Дора направлялась необходимая книга для шифрования радио граммы и специальный код, установленный только для этой резидентуры.

Естественно, мне надлежало запомнить переданный «Центром» адрес проживания резидента в Женеве, его фамилию и имя, пароли для установления связи с ним при нашей первой встрече. Больше того, мне самому также было необходимо изучить шифровальный код, чтобы обучить пользоваться им резидента. Естественно, никаких записей при мне во время моей поездки не должно было быть, и у меня находилась только французская книга, которую я «любил» читать.

Это было для меня, по существу, первое, весьма ответственное задание, полученное непосредственно из «Центра». Хочу особо подчеркнуть, что в то время я не мог даже предполагать, какую пользу для моей Родины, для Советского Союза, принесет выполнение мною полученного задания.

Немедленно после его обсуждения с Отто началась усиленная подготовка к выполнению. Нельзя было забывать, что уже продолжительное время в Европе шла война с Германией, что все больше накалялась обстановка и высказывались опасения относительно возможности прямого нападения фашистов на Францию, а следовательно, и на Бельгию. Мы должны были учитывать существовавшие трудности при получении виз в Швейцарию и транзитных виз для проезда через Францию. Нельзя было исключать повышенной бдительности на государственных границах, которые мне надлежало пересечь.

Готовясь в напряжении к предстоящей поездке и встрече с Дора, я должен был продолжать действовать и в Брюсселе. Мне очень, подчеркиваю, очень повезло. Когда я переехал на новую снятую мною квартиру на авеню Беко, 106, вскоре познакомился с пожилым чехом Зингером и его женой, проживавшими в этом же доме, а также с венгром Эрнестом Барча, который был мужем дочери четы Зингер. Он жил вместе со своей женой

Маргарет и восьмилетним сыном Рене. Вскоре я познакомился с живущим в этом же доме братом Маргарет. С ним проживала его жена, довольно симпатичная немка. Все они занимали всего три разных квартиры.

Это были семьи коммерсантов, покинувших Чехословакию и Германию из опасения преследования со стороны нацистов, так как по национальности, кроме жены брата Маргарет, были евреями. Они и в Бельгии продолжали свои коммерческие дела, поддерживая активные деловые связи с отдельными фирмами и банками в Чехословакии, находящейся уже под фашистской оккупацией и превращенной в протекторат, и даже в самой Германии.

Я, Винсенте Сьерра, претендующий на свое включение в деловой мир Бельгии, заинтересовался этими семьями и, конечно, еще не мог даже представить себе, какое значение будет иметь это знакомство. Казалось только, что, возможно, мне удастся в какой-то степени принять участие в их коммерческой деятельности. При этом я не представлял, какое именно участие смогу принять, ибо «капиталами» располагал только в беседах с моими «друзьями» и знакомыми.

Пожилые люди со звучной фамилией Зингер, более молодой Барча и совсем молодой сын Зингер относились ко мне очень хорошо. Любили со мной встречаться и беседовать на разные темы. Часто спрашивали о том, что мне известно о Соединенных Штатах Америки, бывал ли я там.

Почему их интересовали именно Соединенные Штаты Америки, я, конечно, не знал и не мог точно определить. Только несколько месяцев спустя совершенно для меня неожиданно был приглашен на прощальный вечер. Старики, опасаясь, что гитлеровцы смогут захватить Бельгию, решили, пока еще не поздно, выехать в США. Вот тогда я узнал, что Зингеры – миллионеры. Прощальный вечер ознаменовался еще одним, ставшим для меня значительным, событием, я познакомился с Маргарет, молодой очень красивой женщиной, ставшей недавно, во время моей поездки в Швейцарию, вдовой.

Как часто в мире и в жизни людей часто все меняется. Сейчас Соединенные Штаты Америки широко распахнули свои гостеприимные двери для различного рода беженцев и диссидентов из Советского Союза и других стран, в первую очередь тех, которых относили многие годы к «социалистическому лагерю». Эти люди, в особенности евреи, часто просто выдумывают, что им живется очень плохо, и они, понимая, что над ними нависла непреодолимая угроза преследования, стремятся переехать именно в США. Они утверждают, что эти преследования в еще большей степени усилились сейчас, когда произошел распад Советского Союза, а в бывших республиках жизнь для народа стала весьма сложной. Вот и стали в США считать, что надо спасать от преследования людей, как ни странно, в первую очередь ученых, зарекомендовавших себя, специалистов и других.

Многим из нас понятны эти вымыслы, но есть и такие, которые поддаются этой клеветнической, часто ничем не обоснованной пропаганде. Многие понимают, что США уже на протяжении многих лет делают ставку исключительно на злостную пропаганду с целью оказания значительного влияния на развал считавшихся много лет враждебными государств, с одной стороны, с другой стороны, переманивая к себе ученых высокого ранга и специалистов-профессионалов, они обогащаются, значительно снижая свои расходы на их подготовку.

Прошли годы после окончания Второй мировой войны, но многое из известного в то время я никогда не мог забыть.

В тяжелые годы периода Второй мировой войны, годы зверств нацистов, все понимали, что евреи в Германии, Польше, Чехословакии, да и в тех странах, которые уже оказались оккупированными нацистами или которым это еще угрожало, буквально ходят на острие ножа, могут быть сожженными в специально предназначенных для этого печах. Свидетельства подобных суждений, подтвержденные совершившимися фактами, можно было часто услышать в различных кругах общества в странах Западной Европы. И вот тогда мне стало известно, что в США была установлена квота на въездные визы для евреев с

правом проживания, немногим превышающая 3,6 тысячи человек. При этом некоторые утверждали, что каждый въезжающий сам лично или кто-либо за него должен был внести в банк по 5 тысяч долларов. Если эти слухи были обоснованными, то они означали, что американцы в те тяжелые годы не хотели помочь тем, кто действительно находился под угрозой уничтожения. Вот такая разница якобы существовала и продолжает существовать в этой самой «прогрессивной» стране мира с соблюдением «прав человека» и стремлением показать помощь всем «угнетенным народам»!

Я все больше и больше внедрялся в резидентуру. Знал почти всех ее членов, а также лиц, поддерживавших с ней связь или являвшихся непосредственными источниками получаемой информации. Все говорило о том, что я должен буду стать дублером Отто. Как уже было сказано, к этому времени именно я поддерживал связь с «Метро», то есть со связистами «Центра». Должен особо отметить, что именно я начал принимать меры по организации прямой связи бельгийской резидентуры с «Центром» при помощи полученной из «Метро» рации. Уже с осени 1939 г. я хорошо владел шифровальным кодом. Как ни странно, Отто пытался его освоить, но у него ничего не получалось.

Постепенно Отто, Андре и я уже четко себе представляли, что существующая «крыша» может окончательно рухнуть, что Отто и Андре осталось недолго проживать в Бельгии, если они не примут соответствующих действенных мер по изменению своей легализации. Вместе с тем Отто не принимал по этому вопросу никаких решений. Точного представления о том, как будет дальше существовать резидентура и кто сможет ее возглавить, ни у кого из нас еще не было. Я пытался внушить Отто, что необходимо, возможно по всем этим вопросам, проконсультироваться с «Центром». По непонятным для меня причинам мой резидент игнорировал предложения.

Знакомясь с составом нашей резидентуры, я установил прямую связь с Хемницем. Оказалось, что мы были, правда, в разное время, в Испании. Речь идет о Михаиле Макарове, Карлосе Аламо, Хемнице, которого Леопольд Треппер в своей книге «Большая игра» (с. 97) представляет как героя, летчика республиканской Испании, сбившего в наиболее опасный момент вражеский самолет. Для придания героизму Михаила Макарова особого значения Леопольд Треппер подчеркивает, что он не был фактически летчиком, а «служил механиком в составе подразделения наземного обслуживания». Встретившись с Хемницем, я сразу же вспомнил о том, что мы уже встречались с ним в Москве. Тогда как «вольнонаемные» перед нашей отправкой на разведывательную работу за границу мы приносили новую присягу в верности служению Советскому Союзу. Сам факт нашей встречи в «Центре» и неожиданной для меня принадлежности к одной из резидентур меня весьма огорчил. Я считал, что нахождение на работе в составе одной резидентуры людей, знавших друг друга еще по Москве, абсолютно недопустимо.

Связь между Макаровым и мною в резидентуре меня очень расстроила. Во многом я мог понять молодого, полного сил, довольно привлекательного Хемница, но, с другой стороны, его поведение, его образ жизни меня возмущали. При его молодости и физическом развитии минимальная загрузка в резидентуре и образовавшееся в связи с этим одиночество, видимо, его сильно угнетали.

После нашего «знакомства» на поприще разведки с Макаровым меня настораживали его некоторая рассеянность, несобранность и нежелание общаться с людьми того общества, которое соответствовало бы положению владельца магазина. Даже при первых наших встречах можно было прийти к выводу, что Карлос Аламо ведет слишком «легкий» образ жизни.

Во время одной из моих встреч с Анной, уже тогда зная, что Отто и Анна находятся в более близких отношениях с Аламо, чем со мной, я осмелился высказать свое мнение о нем как о неблагонадежном человеке и попросил передать этот разговор Отто. Тогда я не знал, сделал ли из этого Отто необходимые выводы, состоялся ли у него с Аламо по этому вопросу разговор, доложил ли он о моих наблюдениях в «Центр». Во всяком случае, после того как связь с «Центром» через «Метро» осуществлял я, подобного сообщения не последовало.

Первоначальное мое впечатление о Хемнице нашло подтверждение несколько позднее. Однажды мне понадобилось срочно с ним встретиться. Договорились о встрече у него на квартире. Когда я пришел, как-то совершенно машинально, быть может, даже случайно задал Хемницу вопрос:

– Ты один дома, никого нет в квартире?

Получил утвердительный ответ. Я уже привык к осторожности и не стал вслух говорить о причинах, побудивших меня к этой неожиданной, срочной встрече. Я вынул из кармана блокнот, сел за стол, вырвал листок и хотел было сделать соответствующую запись для Хемница, как совершенно неожиданно, внезапно из молниеносно открывшейся двери, ведущей в соседнюю комнату – спальню, выскочили две собачки и вместе с ними вышла молодая женщина, которую часто можно было встретить на бульваре, в том числе и у гостиницы «Метрополь». Женщина мило поздоровалась и, видимо хорошо уже зная расположение комнат, прошла на кухню. На этом мое посещение квартиры закончилось, и я, полный возмущения, покинул ее, так и не выполнив намеченного мероприятия.

О случившемся, вернее, о моем возмущении поведением Карлоса Аламо я доложил в тот же день через Анну ее мужу Отто. Какой вывод сделал из этого Отто, я не знаю. При очередной встрече я лично в разговоре с ним выразил свое возмущение поведением Хемница. Мне показалось, что Отто остался недоволен начатым мною разговором. Несмотря на это, я счел возможным при разговоре с Большаковым, связистом «Центра» из «Метро», затронуть волновавший меня вопрос. Не знаю, докладывал ли он о нашем разговоре в «Центр», – об этом мне судить трудно.

В то же время Отто как-то доверительно сообщил мне, что «Центр» потребовал немедленной отправки Макарова в Москву, но он воздержался от выполнения этого указания.

Хочу сразу сказать, что, когда я заменил Отто и стал резидентом, я счел необходимым серьезно поговорить с Аламо о его поведении и образе жизни. Я открыто выразил ему недоверие. Жизнь показала, что в моей оценке Хемница я не ошибался, а то, что с моим мнением не посчитались, нанесло значительный ущерб не только нашей резидентуре. Об этом более подробно я буду вынужден еще особо сказать далее.

Наступил день моего отъезда в Швейцарию для выполнения задания «Центра». На этот раз я оформил свою поездку через бюро путешествий английской туристической фирмы «Кук», предварительно получив необходимые визы.

У меня на руках была уже программа «туристической поездки». В ней были указаны города, которые я, как турист, должен был посетить, гостиницы для проживания, а также перечислены увеселительные заведения и музеи, в которых я мог побывать. Бюро путешествий «Кук» выдало мне чековую книжку с купюрами разного достоинства с портретом Кука на общую сумму, соответствовавшую внесенным мною деньгам. Естественно, в Швейцарию ехал богатый молодой человек, а стоимость поездки была немалая. Чековая книжка на большую сумму подтверждала богатство путешественника.

Был март 1940 года. Обстановка в Бельгии нормализовалась. Я побывал во Франции. Казалось, все верят в то, что никто и ничто не угрожает этим странам. Такое же впечатление сложилось у меня при посещении Нидерландов. Несмотря на то, что уже более полугодом шла, вернее, была объявлена война, люди жили нормально, в театрах шли спектакли, ставились оперы, ночные клубы и рестораны были переполнены.

Всегда с улыбкой вспоминал я, как совершенно неожиданно впервые увидел королеву Нидерландов Вильгельмину I. Она прибыла с официальным визитом в Бельгию. В Брюсселе ее ждали. Встречал ее, тогда еще вдовец, король Леопольд III в военной форме. Они проехали по улицам к королевскому дворцу в специальном открытом экипаже, запряженном шестью белыми лошадьми. Старая королева была в парадном платье белого цвета и такого же цвета широкополой шляпе с перьями. Проспекты, бульвары и улицы были переполнены ликующими толпами народа. Королева и король, торжественно восседая в коляске, с улыбками на лицах приветствовали поднятыми руками в перчатках шумно встречающих их

бельгийцев.

Мне показалось тогда, что королева Вильгельмина I уже очень старая. Своими мыслями я поделился с владельцем «Селект скул». В ответ услышал, что она действительно в преклонном возрасте, на троне уже восседает около 50 лет, что наследницей престола является тоже уже немолодая ее дочь Юлиана. Попутно мой собеседник рассказал о том, что немцы, а в особенности сам Гитлер, очень обижены на королевский двор Нидерландов. Причиной этому послужило то, что, когда Юлиана торжественно сочеталась с одним из отпрысков бывшего немецкого королевского двора, в городах были развешены флаги королевства Германии, но отказались вывесить флаги Третьего рейха со свастикой. «Неужели это вызвало обиду у рядовых немцев?» – поинтересовался я. В ответ услышал, что действительно недовольными были Гитлер и его непосредственное окружение, а также все те, которые хотели продемонстрировать свое единомыслие с фюрером.

Позднее, когда началась Вторая мировая война, муж Юлианы якобы даже стал одним из главных деятелей в королевской пехоте, готовой вступить в бой с фашистами в случае их агрессии. Об этом мне приходилось слышать от многих моих собеседников, и это было подтверждено дальнейшим развитием событий.

Юлиану я видел как-то, находясь в Нидерландах. Я часто после этого признавался моим «друзьям» бельгийцам в том, что не мог понять, как такой красивый принц, а об этом я мог судить только по увиденной мною его фотографии, согласился стать мужем подобной девицы. Смеясь, я подчеркивал все чаще, что все больше проникаюсь уважением и любовью к королю Леопольду III, который, будучи еще наследным принцем, якобы решительно отказался от брака с Юлианой, которую ему навязывали в невесты, а предпочел действительно красивую Астрид.

Смех у меня вызывали и другие рассказы. Так, например, когда в Нидерландах делались попытки перевести все хозяйство страны на военный лад с началом войны, в целях «пропаганды» экономии горючего всем рекомендовали с автомашин и мотоциклов личного пользования пересесть на велосипеды. Вот тогда в разговоре со своими «друзьями» я услышал очень позабавивший меня рассказ. Королева Вильгельмина I якобы демонстративно во время своей прогулки ехала именно на велосипеде. Этим она, видимо, хотела доказать, что и королевский двор вынужден экономить горючее. Насколько это было правдой, конечно, я не мог судить, но рассказчики, сопровождая свои повествования хохотом, указывали на то, что сзади королевского велосипеда на всякий случай ехали две автомашины, одна из которых готова была в любую минуту принять в свои объятия уставшую королеву, а во второй машине ехали охранники.

Настал день моего отъезда из Бельгии в Швейцарию. Я любезно распрощался с моими соседями по дому – чехом и венгром, в том числе и с братом жены венгра, сообщив, что уезжаю ненадолго в Швейцарию, где меня ждут неотложные дела, связанные с коммерческой деятельностью. Все пожелали мне успеха и скорого возвращения в Брюссель.

Накануне отъезда я пригласил в ресторан владельца «Селект скул», его жену, де Буа и одну молоденькую ученицу этой школы, усиленно изучавшую английский язык, а поэтому часто принимавшую, как и в этот вечер, участие в совместных уроках, если можно так выразиться, то есть в тренировочных занятиях по совершенствованию разговорного английского языка. Эта девушка была из весьма престижной семьи, очень красивая, с прекрасной фигурой. Она мне очень нравилась еще и своей скромностью. По совершенно понятным причинам у нас с ней сложились дружеские отношения, но большего допускать я не мог.

В ресторане де Буа, узнав о моем намерении выехать на некоторое время в Швейцарию, проявил некоторую нервозность. Не стесняясь сидящих за столом, он смело и прямо сказал, что время для подобных поездок весьма неподходящее (был март 1940 г.).

– Никто не может гарантировать, что состояние затишья на фронтах сохранится надолго.

В ответ на это я, Винсенте Сьерра, пояснил, что поездка продиктована моими планами,

так как в банке этой страны имеются вклады, а я хочу поместить их в предпринимаемые мною дела в Бельгии. После этого де Буа, которого поддерживал владелец школы, посоветовал мне не задерживаться в Швейцарии. При этом, улыбаясь, указал, что он лично убежден, что даже в случае развязывания в Европе активной войны эта страна сохранит свой постоянный нейтралитет. Он подчеркнул, что опыт Первой мировой войны показал, что этот нейтралитет выгоден не только Швейцарии с ее банками и промышленностью, для ее народа, но и для воюющих стран. Уже в те годы они могли через Швейцарию приобретать не только сырье, но и многие промышленные товары, несмотря на то, что все это поступало из стран-противников.

Со своей стороны, владелец школы добавил еще, что именно благодаря нейтралитету Швейцарии враждующие страны могли широко использовать в своих интересах её территорию для размещения своих секретных разведывательных служб.

После принятия «общего решения» было выслушано обязательство Винсенте Сьерра не задерживаться. Я обещал скоро вернуться в Брюссель.

Поужинав, я пошел проводить молодую девушку. Со всеми остальными я тепло попрощался. С девушкой мы прогуливались довольно долго. И вдруг я услышал, что моя собеседница очень жалеет, что я уезжаю. Ей очень хотелось познакомить меня со своими родителями, которым она уже много рассказывала о молодом южноамериканце, с которым успела подружиться.

По её словам, отец в молодости бывал в различных странах Латинской Америки, знал тогда немного испанский язык и у него сохранились в тех странах друзья. Он выразил желание познакомиться и со мной.

Из поведения девушки мог понять, что я ей небезынтересен. Больше того, прощаясь со мной, она первой нежно поцеловала меня в щеку и попросила, чтобы я ей писал, а при возможности даже позвонил по телефону. Несколько растерявшись и не успев подумать, я тоже поцеловал ее. Услышав от девушки все, что она сказала, подумав о том, что у нее могут быть серьезные намерения по отношению ко мне, я счел необходимым «признаться» ей, что дома меня ждет невеста, которая по существующим у нас в стране и в обществе традициям предназначена мне в жены еще с детства. Иначе я поступить не мог. Совесть не позволяла мне вступать с этой девушкой в более близкие отношения. Я ведь хорошо понимал, что живу в условиях, при которых в любой день, в любой час может произойти провал и трудно предсказать, чем все может закончиться. Я не имел повода не только связывать мою судьбу с судьбой кого-либо, но даже поддерживать с кем-либо слишком близкие отношения. Да, мне эта девушка очень нравилась, да, я при других обстоятельствах, возможно, мог бы полюбить ее на всю жизнь, но на это советский разведчик не имел никакого права.

Проводив девушку, скромно попрощавшись с ней, я долго еще бродил по улицам. Меня вновь и вновь мучила обреченность на одиночество.

Я продолжал задумываться над всем, что ждет меня впереди. В Москве, в Главном разведывательном управлении Советской армии перед моим отъездом на работу за границу разговор шел о том, что я ежегодно смогу проводить отпуск на Родине, измеряемый, с учетом особенностей предстоящей тяжелой работы, двумя месяцами. И вот сейчас мне казалось, что я неправильно тогда понял этот разговор. Как мог я предположить, что, находясь на нелегальном положении, обеспечив себе необходимую легализацию и определенное положение в местных кругах, я смогу исчезать внезапно на пару месяцев ежегодно, по пути где-то меняя свои «сапоги»? Нет, видимо, даже в мирной обстановке подобное было совершенно невозможным, а в то время, когда в Европе разразилась война, и подавно. Мне оставалось только одно: мечтать, чтобы связь с «Центром» не прерывалась и я мог хотя бы время от времени получать письма от моих родителей и близких и, в свою очередь, мог бы коротко сообщать о себе. Ведь дома никто не знал точно, где я нахожусь и тем более, в чем состоит моя работа.

Тяжелые думы не покидали меня всю ночь после проведенного в ресторане ужина с моими «друзьями» и прощания с девушкой.

Днем у меня состоялась встреча с Отто. Мы обсудили многие вопросы нашей совместной деятельности. Если при рассмотрении полученного для меня задания на поездку в Швейцарию для восстановления утерянной связи «Центра» с Дора мне казалось, что Отто чем-то недоволен, то сейчас это предположение значительно окрепло. Я почувствовал, что Отто недоволен именно тем, что подобное задание поручено мне, Кенту, а не ему. У меня уже возникало давно сомнение в том, что Отто недоволен, что мне кое-что удастся хорошо в легализации и в работе. Тем не менее, мы с ним по-дружески распрощались и выразили убеждение, что поездка пройдет нормально.

Вечером, уже в полном одиночестве, я направился на вокзал и отбыл в направлении Парижа. В Париже мне удалось приобрести билет до Женевы в «салоне-вагоне». В подобном вагоне я еще никогда не ездил.

Поспешив на вокзал, я направился к уже стоящему у перрона поезду. Предъявив проводнику билет, поднявшись в вагон, я увидел, что другой очень любезный проводник предложил мне оставить на вешалке пальто и шляпу и сдать на хранение чемодан. После этого я прошел в вагон. Моему изумлению не было предела. То, что я увидел, меня буквально потрясло. В вагоне стояли столики и кресла. Их можно было передвигать в соответствии со своим желанием. Там еще было мало народу. Я подвинул свободный столик и кресло к окну и сел поудобнее. Постепенно в вагон собиралась публика, передвигались столики и кресла. Пассажиры рассаживались по своему желанию.

Совершенно неожиданно ко мне приблизился человек с удивительно знакомым лицом. Спросив разрешения, он сел за занятый мною столик. Новый сосед, улыбаясь какой-то очень странной улыбкой, которая мне тоже показалась знакомой, представился, назвал своё имя и фамилию – Жан Гобен. В ответ я тоже представился и мысленно посмеялся над собой – я не узнал знаменитого актера кино.

Вскоре подали обед, и между нами завязался мирный разговор.

Жан Гобен ехал в Женеву в связи с тем, что у его сына, артиста цирка, было первое выступление. Отец хотел увидеть сына на арене в этот праздничный для него день и не скрывал, что нервничает и переживает за него. Мы обменялись своими визитными карточками и условились при возможности повторить свою встречу в Бельгии или во Франции.

Время шло быстро. Много интересного услышал я о французских артистах. Мне было очень интересно все, что рассказывал Жан Гобен. Я понимал, что никогда и нигде не смогу услышать либо прочесть все то, что услышал за столиком «салона-вагона».

Признаюсь, для меня соседство с Жаном Гобеном и его интересные рассказы имели очень важное, особое значение. Не хочу скрывать, но я, садясь в поезд, не переставал думать и волноваться в ожидании того, что ждало меня в Женеве. Ведь это было первое подобное задание «Центра». Я не мог исключить возможности, что «Центр» потерял связь с Дора потому, что резидент был разоблачен, произошел провал его резидентуры, а это могло представлять опасность и для меня. Именно поэтому рассказы Жана Гобена имели для меня большое значение, они отвлекали меня от тревожных мыслей, действовали успокаивающе.

Поезд шел с непривычной для меня скоростью, и я не заметил, как мы прибыли на конечную станцию – в Женеву. Мы по-дружески распрощались. Каждый направился по заранее обдуманному маршруту.

И на этот раз я, уругваец Винсенте Сьерра, остановился в той же гостинице, что и при первом моем посещении Женевы. Напомню, что это была гостиница «Россия», где, как тогда объяснили администраторы, мне отводился тот же номер, в котором обычно останавливался мой «земляк», министр иностранных дел Уругвая. В гостинице меня встретили с улыбкой, как старого знакомого.

Началось мое второе пребывание в Швейцарии. На этот раз предстояло, повторяю, выполнить ответственное задание «Центра». Я, Кент, а не Винсенте Сьерра, только об этом и думал.

ГЛАВА XIII. Первое ответственное задание «Центра».

Итак, я вновь оказался в Швейцарии, в стране, объявившей еще на Венском конгрессе 1815 г. свой нерушимый и постоянный нейтралитет, подтвержденный Версальским договором 1919 г.

С историей этой весьма своеобразной страны я уже довольно детально ознакомился, готовясь в 1939 г. к своей первой «туристической» поездке.

Знание истории Швейцарии, как и других стран, для меня было важно, чтобы в беседах с моими «друзьями» и новыми знакомыми я мог показать не только свою «грамотность» в моей коммерческой деятельности, но и осведомленность относительно развития стран Европы и, в первую очередь, тех, которые я посетил и с которыми хотел установить деловые связи.

Приехав во второй раз в Женеву, я опять не мог налюбоваться красотами природы, архитектуры и нарядами этого прекрасного города. Жители любили украшать свои дома яркими флагами, а над окнами и балконами, в особенности на солнечной набережной озера, можно было видеть разноцветные тенты, спасающие все живое от яркого солнца.

На этот раз я вновь прогуливался по улицам Женевы, но, признаюсь, уже не просто как турист. Мне надо было уточнить указанный в задании, полученном из «Центра», адрес резидента – рю де Лозанна, дом 114. Я вновь прошел около скверика перед одной из замечательных гостиниц города, в которой, как утверждал во время поездки по городу экскурсовод, обычно останавливалась делегация Советского Союза во главе с Литвиновым, приезжавшая во время членства СССР в Лиге Наций на очередное заседание.

Вскоре я нашел нужный адрес и несколько раз прошел мимо интересовавшего меня дома. Я решил переждать некоторое время до встречи с резидентом, наблюдая за домом. Надо было убедиться, что ни за мной, ни за домом резидента не ведется наблюдение. Мне казалось, что если за иностранными туристами полиция могла устанавливать наблюдение, то мне важно в течение нескольких дней своим поведением доказать, что я веселый турист, и только.

Город жил беспечной, как мне казалось, жизнью. И в этот раз я мог наблюдать потоки автомашин, большинство из которых имели иностранные или дипломатические номера. Поговаривали, что в городе большую часть населения составляют иностранцы, а всего в Женеве в то время проживало якобы всего около 150 тысяч жителей.

В первый вечер следующего дня я решил посетить увеселительное заведение на главной площади, известное под названием «Мулен Руж» («Красная мельница»). Это решение я принял после того, как администратор гостиницы, хорошо помнивший меня, спокойного туриста, по первому моему пребыванию в гостинице, порекомендовал пойти в это заведение на хороший концерт.

«Мулен Руж». Когда-то это увеселительное заведение являлось излюбленным местом иностранных туристов в Париже. Именно там, по словам французов, впервые был исполнен «френч канкан», ставший знаменитым.

В Женеве заведение «Мулен Руж» было выполнено действительно в виде «Красной мельницы» – большого размера, с большим залом, с многочисленными столиками для посетителей. Здесь я побывал с несколькими иностранцами, проживавшими в гостинице, администратор забронировал нам хорошие места за удобно расположенным в зале столиком.

В переполненном посетителями большом зале был дан действительно очень хороший концерт, а затем начались ганцы. Народу было довольно много, и почти все танцевали. Танцевали и мы, приглашая дам. Нам очень понравились и закуски, вино и кофе, подаваемые по нашему заказу.

Один молодой симпатичный англичанин, участник нашего похода в «Мулен Руж», проживающий также в нашей гостинице, предложил мне на следующий день вечером посетить очень хороший вечерне-ночной бар-кафе с американским названием, которое я уже не помню. Он сказал, что там очень уютно и весело.

Мне было не до веселья, мои мысли были поглощены тем, что надо уже приступить к выполнению задания. В то же время я не должен был забывать, что в Швейцарии нахожусь в основном ради своего удовольствия, веселья, как богатый турист. Это подтверждалось и расписанием-программой моего пребывания здесь, составленного бюро путешествий английской фирмы «Кук». Выслушав предложение молодого англичанина, я высказал большое удовольствие и поблагодарил, дав согласие. Потом я не пожалел, что побывал там.

Когда мы, два молодых человека, пришли в ночное заведение, все хорошо расположенные столики были заняты. Для меня еще было непривычным, что за некоторыми из них сидели только молодые парни, а за другими – молодые девушки.

Осмотревшись, мы приняли решение занять места за свободным столиком, стоявшим несколько в стороне, а пока подойти к стойке бара и выпить что-либо покрепче.

Вскоре начался концерт. Среди выступающих была одна очень красивая балерина, которая не только танцевала, но и пела по-французски и по-английски. Она выступала абсолютно нагишом, умело закрывая свое обнаженное тело огромным веером. Те же, кто сидел, как мы, у стойки бара, видели ее неприкрытой. Эта балерина привлекла мое внимание и заинтересовала не столько танцами и пением, красотой и прекрасной фигурой, сколько своим поведением. Вскоре после исполнения своей программы балерина в весьма элегантном и модном платье появилась у стойки бара.

Молодой англичанин и я пригласили ее выпить бокал шампанского, а через некоторое время мы вместе с ней сели за резервированный нами столик. Новая знакомая очень хорошо владела английским и французским языками. Началась веселая беседа. Попеременно два молодых человека танцевали с той, которую вначале считали то ли американкой, то ли англичанкой. По некоторым произносимым ею словам мы решили, что она американка.

После одного из танцев мы сели вновь за наш столик, и вдруг совершенно неожиданно к столику подошел уже совсем немолодой мужчина. Обратившись к нам и скромно попросив разрешения ненадолго присесть к нам, пришелец обратился к девушке по-русски: «Танечка, как ты себя чувствуешь? Что-то я тебя давно не видел и, признаюсь, начал даже волноваться».

Тут же тоже по-русски был дан короткий ответ: «У меня все в полном порядке, я просто ездила в другие города».

Конечно, молодые люди «не смогли понять», о чем говорил мужчина, обращаясь к Мэри, так эта балерина представилась мне и моему напарнику. Ведь мы даже «не могли понять», на каком языке разговаривали приглашенная нами артистка и подошедший к столику мужчина.

Винсенте Сьерра обратился по-французски к незнакомцу и, извинившись, задал вопрос, на каком языке они только что разговаривали. В ответ услышал, что на своем родном языке, то есть на русском. Разговор затянулся, и, уже почти не танцуя, все участвовали, поддерживая беседу на всем нам известном французском языке.

Пожилой мужчина представился, назвав себя по имени и отчеству, тут же предупредив, что к нему можно обращаться не как к Владимиру Игнатьевичу, а просто как к Владимиру.

В дальнейшем из беседы выяснилось, что Владимир Игнатьевич уже давно живет в Женеве. Здесь он встретил и революцию, которая совершилась в России в октябре 1917 г. Вернуться к себе на родину он не пожелал. Живет и работает в своей небольшой мастерской по ремонту часов здесь, в Женеве.

Как выяснилось, Танечка приехала в Швейцарию пару месяцев тому назад из США. Ей захотелось попутешествовать по европейским странам, заработать немного денег и повеселиться. Она дочь русских эмигрантов, живущих уже давно за границей – вначале в Канаде, а затем в США, где она и родилась. Дома, в семье, все говорили в основном на родном, самом красивом русском языке, но, естественно, родители, она и брат хорошо знали английский и французский. Французский знали, потому что родители в Канаде жили во французской части страны, а английский пришлось изучать и хорошо усвоить уже всем, проживая в США.

Проведя хорошо вечер, новые знакомые условились встретиться вновь. Немного погуляв по городу, все разошлись. Мне, естественно, не пришлось больше с ними встречаться. Вскоре я, продолжив выполнение задания «Центра» в Женеве, должен был переехать в Монтре.

Считая, что я, богатый иностранный турист, уже вполне акклиматизировался и привык к нравам швейцарцев, убедившись, что за мной пет хвоста, я позвонил из телефона-автомата по сообщенному мне «Центром» телефону нашему резиденту в Швейцарии Шандору Радо, имевшему псевдоним Дора. Мы условились вечером встретиться у него на квартире.

При встрече и в дальнейшем при общении с Дора я, конечно, не назвал ему ни своей фамилии, ни имени, по которым был легализован по уругвайскому паспорту. В то же время, зная фамилию и имя резидента, я не предполагал, являются ли они настоящими. Только значительно позднее мне стало известно, что Дора жил в Швейцарии, а до этого и в других странах под своей настоящей фамилией. Именно ее мне и назвали в задании «Центра».

После нашего телефонного разговора я решил не возвращаться в гостиницу, а провести время за обедом в ресторане, а затем пойти в кино, чтобы уйти до окончания фильма. Мне казалось, и это решение, принятое мною, тоже обеспечивает определенную конспирацию.

Должен признаться, что, когда я направлялся на квартиру Дора, нервы были напряжены до предела. Ведь это была первая в моей разведывательной практике встреча с резидентом советской разведки, с которым, по сообщению «Центра», уже давно была прервана всякая связь. Почему? Ответить на этот вопрос я, естественно, не мог. Разговаривая по телефону с Дора, я тоже не мог поручиться, что у телефона наш резидент, а не заменивший его после возможного провала полицейский или даже представитель швейцарской контрразведки.

Только уже оказавшись в квартире Дора, я получил ответы на ряд мучивших меня вопросов. Но заявить, что услышанные объяснения меня полностью успокоили, не могу и по сей день.

Шандор Радо, возможно заметив мое напряжение, пояснил, что в его квартире помещается и контора общеизвестной фирмы. Поэтому у него бывало много посетителей, в том числе и иностранцев. Это пояснение, по его словам, должно было оправдать тот факт, что он назначил мне встречу у себя дома. Действительно, факты подтвердили в дальнейшем, что Шандор Радо уже давно занимался очень сложной и своеобразной работой по составлению различных географических карт и получал на их изготовление множество заказов от различных не только швейцарских, но и зарубежных газет и издательств.

Мне показалось, что мой приход, вернее, моя встреча с Дора для него была неожиданной, но тем не менее он был рад. Прошли годы, и мне удалось познакомиться с воспоминаниями резидента нашей разведки в Швейцарии, опубликованными в изданной в Военном издательстве Министерства обороны в 1973 г. в Москве книге Шандора Радо «Под псевдонимом Дора».

Признаюсь, многое в ней мне понравилось и даже заинтересовало. В то же время многое удивило, а некоторые, правда незначительные с точки зрения деятельности Шандора Радо, места даже оскорбили.

Прежде всего, меня крайне удивили заявления Шандора Радо о том, что уже в январе 1940 г. он установил связь с «Центром». По его словам, уже в декабре 1939 г. он установил связь с представителем «Центра», довольно молодой женщиной, представившейся ему под псевдонимом Соня (с. 61). При этом автор утверждает, что «примерно в начале января 1940 года с помощью Сони мы установили устойчивую связь с "Центром"» (с. 62).

Далее Шандор Радо указывает, что «в марте 1940 года "Центр" прислал через Соню радиogramму: "Директор предупреждал, что на этой неделе ко мне из Брюсселя придет некий Кент"» (с. 63). Подробно перечисляя задачи, которые «Центр» ставил перед Кентом, Дора прямо указывает, что «для оперативной работы самостоятельная связь с "Центром" имела первостепенное значение...» (с. 62).

Если утверждения Шандора Радо в его книге отвечают действительности, то почему в задании, полученном мною из «Центра», указывалось, что связь между «Центром» и Дора

была давно прервана? Кроме того, если Дора был заранее извещен о приезде к нему из Брюсселя «некоего Кента», то невольно возникал ряд вопросов.

Во-первых, почему Дора принял меня как совершенно неожиданного посетителя и высказывал мнение, что он весьма рад, что, наконец «Центр» о нем вспомнил и решил восстановить связь?

Во-вторых, надо ли было «Центру» сообщать Дора о том, что Кент прибывает к нему из Брюсселя?

В-третьих, надо ли было в шифровке из «Центра» через Соню передавать точно, что «на этой неделе ко мне из Брюсселя прибудет Кент», а в то же время мне в письменном виде через «Метро» сообщать номер телефона, точный адрес, фамилию и имя Дора? Неужели «Центр» не мог обусловить точную нашу встречу в каком-либо нейтральном месте? Кстати, при моем направлении в Бельгию точно было определено место встречи с Отто, и ни ему, ни мне не были названы наши подлинные легализованные фамилии и имена. В случае же с Дора допускалась серьезная ошибка: назывались все подлинные данные, по которым наш резидент проживал в Женеве, был известен и во Франции, и в других странах.

Я могу понять возмущение Дора, высказанное в его книге. Цитирую дословно: «Однако меня очень беспокоило, что "Центр" дал Кенту, как и Соне, мой настоящий адрес. Это казалось мне довольно неосмотрительным. Если не было иного способа переслать мне шифр и прочие документы из-за трудностей поездок по воюющей Европе, надо было хотя бы саму встречу с Кентом устроить, не раскрывая моей личности и адреса. Я счел нужным тотчас же радировать в "Центр", что впредь возражаю против такого рода практики. Директор, по-видимому, признал этот протест справедливым, и в будущем подобное уже не повторилось» (с. 63).

Правда, у Дора встречается и ряд ошибок. Пока назову только одну. Он утверждает, что я пришел к нему на квартиру «без предварительного звонка по телефону» (с. 64). Видимо, память ему изменила, так как я, из осторожности, не исключая того, что потеря связи Дора с «Центром» произошла в результате возможного провала, как уже писал, позвонил ему по телефону и обусловил время встречи.

Итак, я уже в квартире Шандора Радо. Меня встретил хозяин квартиры, основной руководитель швейцарского агентства «Геопресс».

Шандор Радо показался значительно старше меня. Мне было тогда немногим более 26 лет, а ему, казалось, лет на 20 больше. Только позднее я узнал, что он родился в 1899 г., то есть в 1940 г. ему было немногим больше 40 лет.

При первой встрече Дора произвел на меня несколько странное впечатление. Мне казалось, что он должен быть, безусловно, весьма культурным, грамотным и начитанным человеком, и удивило то, что он не особенно опрятный. Трудно было найти объяснение этому. Можно было подумать, что это оправдано его материальным положением. В то же время он мне лично и в беседе с Соней, до того как мы с ним встретились, указывал, что «агентство печати "Геопресс", несмотря на то, что с началом войны его прибыли уменьшились, от коммерческого краха далеко» (с. 62).

Уже значительно позднее из различных литературных источников, а в первую очередь из книги самого Шандора Радо, я нашел объяснение не только его неопрятному виду, но и некоторой замкнутости в общении и, я бы даже сказал, какой-то стеснительности. При нашей встрече я мог думать только о том, что его сдержанность оправдана тем, что встречались впервые люди, ничего не знавшие друг о друге.

Прочтя многое, я пришел к другому заключению, которое, возможно, дает более точный. Шандор Радо в своей книге признает, что «отец и мать были из простолюдинов» (с. 14) и только впоследствии его отец разбогател, что позволило Шандору получить соответствующее образование. В 1917 г. он окончил гимназию и был направлен в офицерскую школу крепостной артиллерии. Дора подчеркивает, что эта «школа была единственной в Австро-Венгрии, в ней училась молодежь, главным образом, из богатых и знатных семейств» (с. 12). После окончания в 1918 г. офицерской школы он был направлен в

«артиллерийский полк, где вскоре получил назначение в так называемое бюро секретных приказов» (с. 13). Вскоре еще молодой Шандор Радо поступил на заочные факультеты (юридический и государственных наук) Будапештского университета, полюбил труды Маркса и Энгельса. Он участвовал в «революции осенних роз», именно так называлась буржуазно-демократическая революция в Венгрии в 1918 г. Буржуазные деятели стремились сохранить королевскую власть, а солдаты и трудовые массы требовали установления республиканского строя.

Шандор Радо вступил в коммунистическую партию Венгрии в 1918 г. 21 марта Венгрия была провозглашена советской республикой, и затем он участвовал в защите республики. Не буду подробно останавливаться на ставших мне известными подробностях жизни человека, с которым я встретился в марте 1940 г. Должен, однако, еще указать на то, что 1 сентября 1919 г., после того как он пересек австрийскую границу, началась его долгая эмигрантская жизнь.

Живя в Вене, Шандор Радо приступил к учебе в Венском университете, в котором начал свою подготовку по географии и картографии. Кроме того, он публиковал военные обзоры в журнале «Коммунизм», первый номер которого вышел вскоре после окончания войны в Европе. Затем он был организатором информационного агентства «Роста-Вин» («Роста-Вена»), обеспечивавшего, несмотря на все трудности, распространение на Западе информации о Советском Союзе.

Обо всем этом я узнал в основном из книги Шандора Радо «Под псевдонимом Дора». О том, что мне удаюсь узнать при наших встречах, я расскажу особо.

Оказавшись впервые в квартире Шандора Радо, после того как мы обменялись паролями, он познакомил меня со своей женой Леной. Втроем мы выпили по чашечке кофе, а затем удалились с Дора в его кабинет и продолжили деловые разговоры с глазу на глаз. Оставшись вдвоем со мной, Шандор, не уточняя сказанного в разговоре о своей жене, все же счел необходимым отметить, что она является его опорой, особо доверенным помощником в самые тяжелые периоды их совместной жизни. Признаюсь, хотя мы с Леной вместе пробыли очень мало времени, мне она в беседе на немецком языке очень понравилась, понравилась в манере держаться. Невольно сравнивая ее с Анной (Любовью Евсеевной Бройде), я подумал об огромной разнице не только во внешности, но и в общей культуре, конечно в пользу Лены.

Что касается самого Шандора Радо, то, сравнивая его с моим непосредственным начальником, резидентом Отто, я мог только выразить сожаление, что мне довелось работать не с ним, с Дора. Во всяком случае, из нескольких встреч, а их было немного, я мог понять самое главное, а именно: «Центр» абсолютно обоснованно оценивал швейцарскую резидентуру как весьма важную и ценную. Это давало мне возможность буквально с первых часов нашей встречи прийти к заключению, что, выполняя это задание, я действительно впервые приношу моей Родине и «Центру» значительную пользу.

Мое, может быть слишком поспешное, мнение о швейцарской резидентуре нашло подтверждение после войны во многих зарубежных публикациях. Правда, иногда слишком громко высказывали свое во многом правильное мнение об этой резидентуре в книге «Война была выиграна в Швейцарии» французские журналисты Аккос и Куэ. В Германии эта книга вышла под более правильным названием «Москва знала все». Безусловно, в ряде достигнутых Советской армией побед разведка играла значительную роль. Думается мне, что среди значимых резидентур советской разведки резидентура, руководимая Шандором Радо, сыграла немалую роль, но приписывать все в достижении победы, одержанной Советской армией, многонациональным пародом Советского Союза, только резидентуре в Швейцарии просто недобросовестно. Я знаю точно, что вплоть до 1944 г. Шандор Радо, пользуясь шифром, переданным ему по заданию «Центра», как и программой прямой радиосвязи, сообщал в Москву очень ценные разведывательные данные.

Вскоре, убедившись, что я действительно имею дело с резидентом советской разведки, к которому меня направлял «Центр», Шандором Радо, очутившись в его рабочем кабинете, я решил приступить к выполнению задания.

Перед тем как приступить к обучению Дора работе с шифром, я внимательно огляделся и увидел, что все в кабинете было буквально завалено книгами, различными географическими картами и, маленькими кусочками бумаги тоже с изображением каких-то карт.

Мы сели за стол, с которого Дора предварительно убрал все, что на нем находилось, а я, оставаясь несколько в напряженном состоянии, достал из портфеля французскую книгу, которую «очень любил читать», а поэтому и захватил в Швейцарию. Эта книга и должна была служить основой для работы с шифровальным кодом.

Понимая, что встречи с Дора у нас в общем не предусмотрено много времени, я предупредил резидента, что, находясь в его кабинете, мы изучим все вопросы, которые требуют не только словесной беседы, но и тщательной документальной работы.

Передав Дора изъятую из портфеля книгу, я начал объяснять, как ему придется в дальнейшем работать с шифром. Я предупредил его, что сам текст радиogramмы должен быть написан на немецком языке. При этом должна быть использована таблица, которую я по памяти написал на листке бумаги.

Мы работали в течение нескольких часов. Составив текст предполагаемой радиogramмы, я медленно зашифровал ее, пользуясь переданными таблицами и самой книгой. Дора с достаточным вниманием следил за моей работой. После этого, выбрав книгу на немецком языке, находившуюся в кабинете, я попросил Дору зашифровать несколько отрывков из нее. Мне показалось, что резидент отлично справляется с поставленной перед ним задачей. Тем не менее, я успокоился только после того, как он уже без моей подсказки совершенно спокойно стал грамотно пользоваться шифровальным кодом. Это тоже отличало его от Отто, который, как мне было известно, так и не осилил шифр.

Много лет спустя в книге Шандора Радо «Под псевдонимом Дора» автор дает положительную оценку этой части выполнения моего задания. Он пишет: «Кент провел инструктаж детально и толково. Он действительно знал свое дело» (с. 65).

Кроме обучения Дору работе с шифровальным кодом я передал ему программу прямой радиосвязи с «Центром». При этом я поделился с ним и своим опытом, и мнением, относящимся к работе радиостанции. Рекомендовал передачи проводить непродолжительно и постараться часто менять конспиративные квартиры для работы раций, чтобы усложнить пеленгацию вражескими контрразведывательными органами.

Затратив немало времени на обучение Дору работе с шифром, мы распрощались, предусмотрев следующую нашу встречу в Лозанне. Лозанну я выбрал потому, что она была расположена близко от Монреа, где в соответствии с программой «Кука» я должен был разместиться в гостинице. Мне казалось, что встреча вне Женевы может быть более безопасной.

Перед тем как я покинул квартиру, Шандор Радо позвал свою жену Лену, чтобы попрощаться и с ней. Это тем более, что уже не предвиделась новая встреча.

На меня произвело очень приятное впечатление дружеское, любовное отношение между супругами. Вынужден признаться, что я даже позавидовал этому советскому разведчику, еще раз сильно переживая свое одиночество, на которое я буду обречен на все время моего нахождения на работе за рубежом. Не буду скрывать и еще одну, появившуюся у меня мысль. Как по-разному смотрят друг на друга и относятся друг к другу две семейные пары: Шандор–Лена и Отто–Анна. Чувствовалось, что Шандор Радо мне сказал правду, кем для него является Лена.

Обусловливая нашу встречу в Лозанне, я просил Дору подготовить информацию для «Центра». Ведь я не знал, что он поддерживает радиосвязь через Соню, а знал только, что ему надо подготовить передатчик и подобрать хороших радистов.

Запутанно прогуливаясь по улицам Женевы, стремясь исключить возможности слежки, я направился к себе в гостиницу. У входа я встретился с тем молодым англичанином, с которым мы вместе проводили время. На этот раз он показался мне весьма расстроенным. Мы решили зайти в бар и выпить по чашечке кофе. Сидя за столиком, англичанин,

совершенно неожиданно для меня, доверительно сообщил, что он получил письмо из Лондона от своих родителей. В этом письме родители настаивают на его немедленном возвращении домой, так как ожидаются весьма опасные события в Европе. Задумавшись, молодой англичанин продолжил свой рассказ, указывая на то, что уже перед отъездом в Швейцарию отец и мать буквально умоляли его остаться, так как, по их мнению, «странная война» должна в скором времени превратиться в настоящую. Они подчеркивали, что даже в том случае, если еще некоторое время сохранится «странная война», будут очень затруднены переезды через границы.

Выслушав все сказанное, я невольно подумал, что сложность моей поездки в Швейцарию для выполнения задания «Центра» мы с Отто расценивали правильно и поэтому тщательно вели к ней подготовку. Я не знал, как следовало поступить. Для пребывания в Швейцарии в соответствии с намеченной и оплаченной программой «Кука» у меня оставалось еще несколько дней. Именно в эти дни я должен был встречаться с Дора. Не сомневаясь в правильности, я принял решение не изменять имеющейся у меня программы, но все же при встрече с Дора посоветоваться и с ним.

Успокаивая англичанина, я порекомендовал ему зайти в консульство или посольство Великобритании и посоветоваться там по этому вопросу. Полученная консультация внесет необходимую ясность. Я сказал, что еще попытаюсь предпринять небольшое путешествие по стране. При этом подчеркнул, что, поскольку моя страна не является участником войны в Европе, мне лично нечего опасаться.

Через день я переехал из Женевы, как это предусматривалось программой, в Монтре. В этом курортном городе я остановился в прекрасной гостинице. Начался апрель 1940 г. Меня крайне удивило, что в это время года в расположенном перед гостиницей небольшом парке уже цвели очень красивые розы, а также много других ярких цветов.

Не успел я еще расположиться в уютном номере, как услышал предложение принять участие в праздновании дней католической Пасхи. Сразу принять его я не мог и попросил дать возможность подумать.

До намеченной встречи с Дора оставалось несколько дней. Мне посоветовали посетить зимний курортный городок Гстат. На это предложение я ответил утвердительно, так как два дня пребывания там было предусмотрено и в программе моей туристической поездки. Именно исходя из этой программы мною и был подобран соответствующий день встречи с Дора.

Гстат поразил меня. Поднявшись на фуникулере, я очутился в настоящих зимних условиях, хотя воздух был довольно теплым. Почти сразу же понял, почему в бюро путешествий «Кук» мне посоветовали захватить с собой более теплый спортивный костюм. Снежные горы, повсюду снег, в то время как внизу, в Монтре, уже цветут розы! Трудно было поверить этому, хотя у меня был уже некоторый опыт, полученный еще при посещении в Норвегии спортивной площадки недалеко от Осло.

Кроме того, в первый свой приезд в Швейцарию я побывал на знаменитой горе Юнгфрау (высота 4158 метров). Тогда на эту гору были организованы экскурсии. Предварительно в гостинице всем выдали пакеты с сухим пайком, предупредив, что кофе и другие напитки можно будет получить в кафе на горе.

Мы доехали до площадки, где уже стояло несколько автобусов и автомашин. Здесь был предусмотрен для подъема на вершину специальный лифт, размещенный в горе. С помощью этого лифта мы и поднялись на вершину Юнгфрау.

В отличие от Гстата на вершине Юнгфрау не было гостиниц. Сюда приезжали только на экскурсии. На горе, покрытой вечными снегами, можно было покататься на санях с собачьей упряжкой, осмотреть очень красивую, расположенную внизу местность с помощью специальной, весьма мощной подзорной трубы, установленной на крепко закреплённом треножнике.

На вершине Юнгфрау всем экскурсантам выдали не только специальные очки, предохраняющие от солнца, но и потребовали, чтобы те смазали кожу лица и рук

специальной мазью, предназначенной для исключения возможности получить солнечный ожог.

Экскурсия на Юнгфрау произвела огромное впечатление на всех ее участников. Очень приятно и весело было на вечном снегу. Красивый вид был и во вращающейся по кругу подзорной трубе. Всех экскурсантов очень удивило тогда только одно: зачем в гостинице выдали сухой паек, к которому мало кто из нас притронулся. На вершине Юнгфрау можно было хорошо поесть, выпить крепкого кофе и другие крепкие и прохладительные напитки. Только увидев цены в кафе, стало понятно, почему гостиница выдала нам то, за что было уплачено по туристической программе. Большинство иностранных туристов было снабжено программами различных бюро путешествий.

Уже за обедом у меня наладились отношения с новыми знакомыми, проживающими в гостинице. За столом у нас было восемь мест, все они были заняты. Знакомство продолжалось все дни моего пребывания на высотном курорте.

Из бесед я узнал много интересного. Мне как-то показали пожилого мужчину, все время прогуливающегося в спортивном костюме. Иногда его можно было видеть на лыжах. Он здесь проживал со своей семьей. Мой собеседник сообщил, что этот мужчина – немец из очень видной семьи. В Германии за проявленное им резко отрицательное отношение к Гитлеру, его окружению и проводимой им политике не только предпринимали все возможное, чтобы преследовать его, но и сейчас, после того как он эмигрировал в Швейцарию, немецкие фашисты делают все для того, чтобы вынудить его покинуть Швейцарию и насильственно заставить вернуться в Германию, где его ждет самое большое наказание.

В молодости я любил лыжный спорт. Одно время я пользовался возможностью участвовать в принятых в армии тренировочных занятиях. Тогда лыжники довольно быстро скользили на лыжах за бегущей впереди их лошадью, оснащенной довольно длинными своеобразными вожжами, за которые нужно было крепко держаться. И вот я решил немного покататься в Гстате. Конечно, я не хотел рисковать и спускаться на лыжах со специально оборудованных возвышенностей типа высоких трамплинов. Рисковать мне было нельзя, я не имел права забывать, кем я являюсь на самом деле.

Прогуливаясь на лыжах, я присоединился к небольшой компании молодых людей. Раскрасневшиеся лица очень симпатичных юношей и девушек привлекли мое внимание. Все держались мило и просто. С одним парнем и двумя девушками я познакомился поближе. Они тоже приехали в Гстат на несколько дней. Мои новые знакомые планировали принять участие в организуемых в Монтре пасхальных торжествах. Я сообщил им, что живу в Монтре в гостинице и уже дал согласие на участие в этих торжествах.

Вечер мы провели вместе. Наутро мои знакомые собирались принять участие в спуске с трамплинов. Я извинился, признавшись, что не смогу принять участия в этом виде спорта, объяснив, что у себя «на родине» никогда не имел возможности заниматься лыжным спортом. Правда, на самом деле я даже не знал, практикуется ли в «моей стране», Уругвае, лыжный спорт.

Перед обедом молодые люди встретились вновь, прежде чем сесть за наш стол. В холле у бара они выпили аперитив. Одна из девушек, смеясь, сказала, что Винсенте умница, что не пошел с ними спускаться с гор, так как очень многие падали, а кто-то даже повредил себе ногу и руку. Тут же мне пояснили, что в Гстате это не страшно. Здесь есть квалифицированные врачи. Тут же подчеркнули, что по непонятным причинам к врачам мало кто обращается в подобных случаях, а предпочитают обращаться к «костоправам», знахарям.

Эти дни промелькнули быстро, и надо было возвращаться в Монтре, а затем в Лозанну, где была назначена встреча с Дора. Уезжая из Гстата, я попрощался с моими новыми знакомыми, выразив надежду, что мы еще увидимся.

Вернувшись к себе в гостиницу, общаясь с дежурным администратором, беседуя с ним о моей поездке в Гстат, я убедился в том, что и она имела большое значение в подкреплении

моей легализации.

По совершенно понятным причинам, убежденные в том, что Дора еще и тогда не должен был знать ни паспортной фамилии Кента, ни названия той гостиницы, в которой он остановился не в Лозанне, а в Монтре, мы встретились в обусловленном месте в Лозанне. Мы долго прогуливались по городу, пообедали в ресторане, я проводил Дора на вокзал к поезду, отправление которого в Женеву уточнил заранее по расписанию. Убедившись, что Дора сел в поезд и уехал, я решил немного еще походить по городу, чтобы на вокзале появиться незадолго до отхода поезда в направлении Монтре.

Эти часы были проведены не напрасно. Дора, предвидя, как он мне в этом признался, что прямую линию связи он установит по радию еще через некоторое время, просил меня передать в «Центр» все, что он мне расскажет. Действительно, он передал для «Центра» очень много интересной информации. Правда, не уточнял ни должностей, ни фамилий своих источников, по указывал на то, что у него имеются надежные связи в кругах работников Лиги Наций, имеются и другие, очень важные источники, в том числе среди весьма «значимых» немцев, которые поддерживают связь со своими друзьями, видными офицерами немецкой армии, вплоть до генерального штаба и военного министерства. Он указывал и на то, что его связи распространяются на некоторых англичан, французов, швейцарцев.

Возможно, только показалось, а быть может, это было вполне обоснованно, что Дора стал относиться ко мне с большим доверием.

Знакомясь по рассказам Шандора Радо с его резидентурой, я ощущал, что уже первая моя оценка была совершенно правильной. Я убеждался в несравнимости нашей резидентуры со швейцарской, а также в том, что уже накопившаяся у Дора информация и та, которая поступит к нему в дальнейшем, имеет большое значение для Москвы.

Тот факт, что Дора не называл мне фамилии и точные места работы его источников, меня не смущал. Я считал, что он и в этом отношении поступает абсолютно правильно. Этот пример я широко использовал в своей работе в дальнейшем. Признаюсь, даже Отто и Андре я старался не раскрывать точные данные о моих источниках. Я считал возможным сообщать их в зашифрованном виде только в «Центр». Не исключена возможность и того, что это вызывало у Отто плохое отношение ко мне, хотя он старался его скрывать.

Между прочим, Дора мне доверительно рассказал о своем пребывании в Советском Союзе и о том, как совершенно неожиданно он принял предложение начать помимо работы по основной специальности, которую очень любил, разведывательную работу. Конечно, он не сообщал мне, с какой целью побывал там, с кем встречался, кто и при каких обстоятельствах приобщил его к совершенно для него новой деятельности. Уже почти перед завершением нашей встречи Шандор Радо поинтересовался, когда я был последний раз в Москве, какова там обстановка, ждут ли возможности немецкой агрессии. Вдруг, совершенно неожиданно, он поинтересовался, знаком ли я лично с Урицким. Постоянно настороженный, я сделал вид, что даже впервые слышу эту фамилию.

В то же время с Семеном Петровичем Урицким я был знаком еще в то время, когда не знал, что он имеет отношение к Главному разведывательному управлению. Он производил на меня очень хорошее впечатление. Я уже через много лет после окончания войны, встретившись с его дочерью на квартире моего двоюродного брата в Москве, часто разговаривая об ее отце и вместе с ней переживая его ничем не оправданную смерть, всегда вспоминал те его качества, которые на меня особо подействовали при нашем знакомстве. Конечно, при встречах с Дора я не знал того, что сам С.П. Урицкий пал жертвой репрессий, а его жена и дочь тоже были репрессированы. Реабилитация пришла поздно, они вновь получили разрешение на проживание в Москве. Вскоре мать, то есть жена Семена Петровича, была помещена в дом престарелых ветеранов партии, где и скончалась. У дочери жизнь сложилась нелегко, и она умерла еще довольно молодой. Не знаю, сейчас жива ли единственная представительница рода Урицкого, его внучка.

Из разговоров с Шандором Радо я узнал, что в Швейцарии он живет и работает по своей специальности сравнительно недавно, а до этого долгое время жил в Париже, где у

него было картографическое агентство «Инпресс». Он интересовался и тем, как идет сейчас жизнь в Бельгии. Меня этот вопрос несколько удивил, ибо я не знал, что ему известно, что я прибыл из Брюсселя к нему. Повторяю, ни до встречи с Дора, ни во время встречи с ним я ничего не знал о якобы существовавшей связи его с некоей Соней и о том, что через нее он узнал о моем приезде, и именно из Брюсселя. Признаюсь, эти факты меня невольно волновали, и мое состояние становилось более и более напряженным. Уже много лет спустя, когда я прочитал о наличии связи между Дора и Соней в книге Шандора Радо (с. 61–63) и о том, что именно через нее он был предупрежден о моем приезде к нему, у меня возникло много вопросов.

Во-первых, почему перед поездкой Кента в Швейцарию, «Центр» не считал нужным предупредить об этом? Неужели работники «Центра» не понимали, что без этого предупреждения у меня возникает тревога, вызванная предположением о возможном провале в резидентуре, с которой уже давно потеряна связь?

Во-вторых, почему в данном мне задании повторялись вопросы, которые уже были разрешены ранее и о которых по поручению Дора Соня докладывала в «Центр»? Я имею, в частности, в виду вопрос о возможности живой связи с «Центром» через Италию (с. 62).

Прошло уже слишком много лет, всей полученной информации от Дора я не запомнил, но мне хорошо помнится, что уже в марте-апреле 1940 г. он указывал на то, что имеет достоверные данные, что «странная война» весьма скоро придет к концу. Подчеркивая возможность начала боевых действий фашистской Германии против западных держав, он указывал, что война эта не является самоцелью Гитлера. Нет никаких сомнений, говорил он, что фашисты планируют агрессию против Советского Союза. Полученной по этому вопросу информацией от «немецкого источника» он как бы подчеркивал тот факт, что немецкие солдаты в достаточно крупных контингентах проходят тренировку в высокогорных районах. Возможно, они готовятся к захвату Кавказа не только для обеспечения Германии горючим, но и для дальнейшего обеспечения их прорыва в страны Азии. В принципе соглашаясь с ним, я подчеркнул и то, что мне уже стало известно, что французские генералы, находясь в Африке, тоже готовят армейские подразделения для захвата Кавказа. Однако, с их точки зрения, это должно было исключить возможность прорыва немцев в страны Азии, и в первую очередь в Турцию, Афганистан и Иран.

Рассматривая вопрос об «изгнании» Советского Союза из Лиги Наций, Дора высказал мнение, что это объясняется исключительно стремлением Великобритании и Франции всем доказывать свое желание сближения с Германией и понимания политики Гитлера, направленной на завоевание территории Советского Союза, то есть согласно интересам этих держав направить военные действия Гитлера только против СССР, прекратив полностью агрессивные действия на Западе.

Интересным было еще одно сообщение Дора, которое я услышал в первый раз. По его словам, бывший военный министр Германии Вернер Бломберг был истинным любимцем и Гитлера, и Геринга. Лучшим доказательством этого являлось то, что они выразили согласие быть свидетелями на его свадьбе с малоизвестной немкой, чуть ли не его бывшей секретаршей. Сам Вернер Бломберг происходил из немецкой знатной аристократической семьи, а влюбился в простую, но якобы очень красивую и, по словам Вернера Бломберга, весьма культурную женщину. Свадьба, хотя и не была очень пышной, прошла хорошо. И вот настал день, когда Адольф Гитлер в 1938–1939 гг. планировал начать войну. Военному министру надо было подписать соответствующий, разработанный штабистами по указанию фюрера план. Совершенно неожиданно для давнишнего своего «друга», Адольфа Гитлера, Вернер Бломберг якобы отказался, вопреки распоряжению фюрера, впервые не выполнив его, подписать этот документ.

Дора сказал, что ему стало известно, будто Вернер Бломберг резко возразил Гитлеру в беседе с ним, заявив, что будущую войну нельзя подготовить за пять-шесть лет, на это потребуется значительно больше времени. До этого Германия, по его мнению, не сможет одержать планируемую победу. Это тем более, что Германия должна учитывать

вынужденность вести военные действия на двух фронтах, на Востоке и на Западе.

После этой беседы, возмущившей Гитлера, с помощью Геринга и Гиммлера, по данным, сообщенным Дора одним из его надежных источников, было инспирировано требование «генералов Третьего рейха» о немедленной отставке военного министра. Мотивом к подобному требованию должно было послужить решение Вернера Бломберга в нарушение всех принятых в аристократических кругах правил выбрать себе в жены женщину чуть ли не самого легкого поведения.

Уже было забыто, что на основе существовавших дружеских отношений именно Гитлер и Геринг по просьбе Вернера Бломберга были свидетелями его бракосочетания. В результате раздутой кампании военный министр Вернер Бломберг был уволен из рядов вооруженных сил Германии с нанесением ему всяческих оскорблений.

Во время встречи с Дора на мой вопрос, заданный от имени «Центра», каковы его финансовые дела, он пожаловался, что в данное время они стали резко осложняться, а для проводимой разведывательной работы нужны средства. Я обещал доложить об этом «Центру» и найти возможность переправить ему деньги. При этом я задал ему вопрос: «Не опасно ли будет для него, если деньги будут направлены из какой-либо не воюющей еще страны через один из банков переводом в адрес Шандора Радо?» Дора мне ответил, что он получает переводы за те работы, которые он выполняет для различных иностранных печатных организаций и даже от отдельных ученых. Никто не обратит, по его словам, в данное время никакого внимания на поступление перевода.

Вернувшись в Бельгию, я обо всем доложил через Большакова «Центру». Только получив согласие «Центра», выбрав совместно с Отто наиболее благоприятный для этого банк, я от имени Антонио Гонсалеса направил определенную сумму, но о самом переводе и о сумме переведенных Шандору Радо денег я докладывал «Центру». Сразу хочу оговориться, что фамилию отправителя денег Отто не знал.

Прошло много лет с тех пор, как я по-дружески расстался с Дора. Я уже знал из разных источников, что резидентура под его руководством просуществовала примерно до сентября 1944 г. Затем Дора с женой, даже не простившись со своими детьми и свекровью, бежал во Францию, чтобы там встретиться с представителем «Центра». Только 24 сентября 1944 г. Шандор Радо с женой с помощью французского движения Сопротивления добрался до Парижа, где, как мне удалось выяснить из печати, он встретился с Отто и вместе с ним должен был вернуться в Москву. Они вылетели на одном самолете. С чувством несдерживаемого волнения и возмущения я прочитал в книге Леопольда Треппера следующее, цитирую дословно: «На протяжении всего полета в Москву я все не мог отделаться от мыслей о побеге Радо. Я точно знал, что свою миссию он выполнил блестяще, выше всех ожиданий, знал, что ему решительно не в чем упрекнуть себя... Действуя в Швейцарии, он в большой степени способствовал приближению победы. Однако именно в силу глубокого знания фактов, реализма оценок, присущих ему как ученому, Радо предполагал, что, невзирая на победу, в царстве НКВД никаких перемен не произошло. Он отчетливо предвидел судьбу, ожидавшую его в Москве. Не испытывая никакого энтузиазма от перспективы закончить жизнь в одном из сталинских застенков, он исчез в Каире, предварительно позаботившись о безопасности своих детей и жены в Париже» (с. 290).

В примечании автора на той же странице указывается: «Свобода Шандора Радо была недолгой. Он спрятался в одном английском лагере, но Москва немедленно и энергично потребовала его выдачи... Через несколько месяцев после его "побега" за ним прибыли агенты НКВД, и вскоре рука дьявола раздавила его».

Эта цитата из примечаний автора, как я считаю, является подтверждением того, что я уже слышал раньше: ради спасения своей порочной личности Леопольд Треппер был готов на любое действие. Именно он, давая показания в НКВД, указал, что Шандор Радо бежал в Каир, боясь преследования в Москве.

Читая книги Леопольда Треппера и Шандора Радо, я впервые нашел подтверждение тому, что предполагал ранее, а именно: оба автора встречались в Париже после

освобождения его союзниками от фашистских оккупантов. Встретившись и получив от советских представителей в Париже подтверждение своей принадлежности к советской разведке, они «откровенно» делились мнениями о своей разведывательной работе и о тех, с кем работали.

В это время, конечно, Леопольд Треппер – Отто, не мог себе даже представить, что произошло с Кентом. Жив ли он остался вообще? Или уже убит фашистами, гестаповцами, которые вывезли его из Парижа? Конечно, он не мог предположить, что вскоре после его бегства из гестапо Кенту удалось завербовать начальника зондеркоманды «Красная капелла» Паннвица, а тем более, что в результате этой вербовки и проделанной совместной работы на пользу Советского Союза они – Папнвиц и я, Кент, – готовили материалы для доставки в Москву, куда вместе намечали прибыть сразу после окончания войны. Он делал попытки еще в Париже нагрянуть в здание, где размещалась зондеркоманда, с тем чтобы похитить компрометирующие его, Отто, материалы, в первую очередь его следственное дело гестапо.

Именно убежденность Леопольда Треппера в том, что меня уже нет в живых, или, во всяком случае, в том, что я никогда не вернусь в Москву, послужила для него оправданием той клеветы, которую он возводил против меня, в том числе и в беседах с Дора.

Приведу один неоспоримый факт. Шандор Радо в своей книге прямо пишет, цитирую дословно: «Уже после войны мне стало известно из печати, что в конце 1911 года группа Кента в Брюсселе была обнаружена и схвачена немецкой контрразведкой, но Кенту удалось скрыться и бежать во Францию. В конце концов гестапо все-таки выследило его там и арестовало.

Арест Кента впоследствии отозвался тяжелым ударом по швейцарской группе: он многое знал и, смалодушничав, кое-что выдал гестапо» (с. 66).

Это высказывание Шандора Радо основано на вымыслах Отто. О полученном мною задании знали только Отто и я. На следствии в гестапо я пытался в самом начале опровергнуть мою разведывательную деятельность. Только после избличения показаниями Боба, Хемница и самого Отто я был вынужден признаться, что я – это Кент.

О своей поездке в Швейцарию по заданию «Центра» я ничего не показывал, основываясь на том, что у гестапо нет для этого никаких оснований и оно не могло это узнать из каких-либо источников. И вот однажды уже в Париже, куда я был доставлен из Главного управления имперской безопасности из Берлина, мне был задан вопрос о том, к кому точно и с каким заданием в 1940 г. я ездил по заданию «Центра» в Швейцарию. Больше того, требовали, чтобы я назвал код, которому обучал нашего резидента в Швейцарии, и сообщил его точный адрес. На одном из допросов присутствовали двое – якобы муж и жена, которым гестапо поручало поехать в

Я понял, что в части моей поездки в Швейцарию показания в гестапо мог давать только Отто. Прошло более двух лет, и Отто, видимо, не мог вспомнить фамилию резидента и его адрес, которые в свое время он знал, так как мы вместе изучали задание «Центра». В то же время шифровальный код Отто не понимал, так как его изучал в самом начале, еще до моего отъезда в Швейцарию, только я. Однако Отто знал то, что мною была направлена в Швейцарию определенная сумма денег через рекомендованный им банк. Он и об этом дал показания в гестапо.

Гестапо не знало, мог ли я сохранить все в памяти. Этим я решил воспользоваться и дал соответствующие показания: адрес резидента и его фамилию я не помню, забыл я и шифровальный код, которому его обучил, забыл и фамилию, по которой я сделал перевод. Присутствующих при моем допросе Герингом мужа и жену, готовящихся к поездке в Швейцарию, после моих показаний интересовали вопросы самой поездки в Швейцарию для иностранцев, порядок найма номеров в гостинице, а в части самого резидента их интересовало, на каком языке мы с ним говорили. Я сказал, что говорили мы с ним на французском языке, я лично не могу определить, на каком из иностранных языков он еще говорит.

В этой части клеветы в мой адрес я не могу обвинять Дора, ибо он лично выдумать то,

что я давал показания в гестапо о его резидентуре, не мог. Безусловно, эта версия была подсказана ему в беседе с Отто.

Лучшим доказательством того, что я не давал никаких существенных показаний о моей поездке по заданию «Центра», являлось то, что Шандор Радо проработал в Швейцарии до сентября 1944 г., а я ведь был арестован гестапо в начале ноября 1942 г. и следствие, по-существу, закончилось в первой половине 1943 г.

Да, явно нервничая, я прочитал попавшую мне в руки книгу Шандора Радо «Под псевдонимом Дора», не только по уже приведенному примеру, но и по ряду других вопросов, касающихся меня. Остановлюсь на них.

Очень удивило то место в книге, где автор описывает мою внешность (с. 64) и после выдуманного утверждения о моей чрезмерной самовлюбленности дает оценку моим, обнаруженным им, отрицательным качествам, а именно моему «наставническому тону» и тому, что «мнил себя важной персоной». Шандор Радо прямо указывает, что ему «такие люди не по душе» (с. 65). Спрашивается, если это действительно так, то чем же можно объяснить наше дружеское прощание? Я и в данном случае обвиняю в этой клевете не Дора, а Отто, который, судя и по его книге, приписывает эти качества мне. Приводимое же автором описание внешности Кента, не отвечающее действительности, я первоначально относил к его нежеланию нарушить конспирацию, хотя прошло уже много времени и я, Кент, закончил свою разведывательную деятельность, подвергся у себя на родине незаслуженному преследованию, а ко времени издания в Москве этой книги жил под своей настоящей фамилией, никем не опознанный, в Ленинграде.

Однако кое-что из воспоминаний Дора меня не только удивило, но и предельно возмутило. Во-первых, он не подтверждает получение денег, направленных ему из Брюсселя мною по заданию «Центра». Во-вторых, он стал на путь прямой клеветы и выдумки, утверждая, что еще в Женеве после окончания его обучения шифру я попросил у него одолжить мне денег (с. 65), мотивируя это тем, что «из-за рискованной дороги не захватил с собой крупной суммы, а взял лишь необходимое, надеясь, что на обратный путь он займет деньги» у него, Дора. Это место является, как и ряд других, чистейшей клеветой. Сам автор книги подчеркивает сложность совершаемой мною поездки в Швейцарию с пересечением двух государственных границ. Какую выгоду я хотел получить для себя? Я получал в Брюсселе достаточную «зарплату» для того, чтобы нормально, даже хорошо жить. Правда, я тратил часть ее и на свою работу, оплачивая ряд встреч, транспортные расходы, квартирную плату и т.д. Но я никогда в своей жизни не думал о создании для себя каких-то капиталов. Что касается поездок в Швейцарию, как в первый раз туристом, а во второй по заданию «Центра», я, как неоднократно указывал, в бюро путешествий «Кука» составил подробную программу расписание своего пребывания в Швейцарии и оплатил заранее все виды транспорта – от Брюсселя до Женевы, из Женевы до Монтре и по другим городам страны, все номера, предоставляемые в гостиницах, питание и даже заплатил за ряд увеселительных мероприятий, в том числе за посещаемые театры и музеи. Кроме того, в доказательство, что и на этот раз моя поездка носит чисто увеселительный, туристический характер, я поменял значительную сумму бельгийских франков на долларовые чеки бюро путешествий, которые могли служить для оплаты всех моих расходов дополнительно к тем, которые входили в программу «Кука» или для размена на швейцарские франки. Эта чековая книжка должна была служить доказательством того, что «уругваец» достаточно богат. Кроме того, сейчас я уже не могу точно утверждать, это можно сделать только по моему отчету ГРУ, но мне кажется, что, услышав от Дора о его финансовых затруднениях, я передал ему некоторую сумму в долларах при моей последней встрече с ним. Допустим, что память мне изменяет, и я при встрече с Дора не передал ему никаких денег, но все же возникает вопрос: зачем понадобилась клевета на меня, того, кто обеспечил ему прямую связь с «Центром», что позволило, между прочим, как я установил в различных публикациях, резиденту в Швейцарии получать через представителей «Центра» деньги после того, как я переслал их ему из Брюсселя.

Я не смогу дать опровержение всему, что Шандор Радо с помощью «дружеских» рассказов Отто позволил себе клеветать на меня, но хочу еще остановиться на одном небольшом эпизоде.

Я не говорю о том, что Лора ошибочно утверждает, что я из Женевы уехал в Лозанну, где остановился в гостинице. Ему действительно было неизвестно, что я остановился не в Лозанне, а в Монтре, но с целью наибольшей конспирации встречу с ним я назначил именно в Лозанне. Возникает очередной вопрос: зачем понадобилось Дора в его книге писать, что «Кент потащил меня, ради знакомства, в ночное кабаре. Отказываться было неудобно: как-никак человек проделал трудный и небезопасный путь, чтобы помочь, научить; к тому же мы оба были, как говорят, товарищи по оружию» (с. 155)?

Для меня этот эпизод из воспоминаний Дора является абсолютно необъяснимым. Неужели он должен был служить цели, избранной Отто в его книге «Большая игра», представить меня как гуляку, человека легкого поведения, любителя весело жить? Как мог честный человек, каким я считал и продолжаю считать Шандора Радо, пойти на подобные вымыслы? У любого читателя его книги может возникнуть вопрос: как же могли два разведчика, встретившись в Лозанне, направиться в ночное кабаре, когда надлежало одному добраться еще из Лозанны в Женеву, а второму – к себе в гостиницу в Монтре? Могли ли они согласиться с нарушением элементарных требований, предъявляемых к разведчикам, – соблюдать все меры предосторожности, чтобы не допустить случайного провала?

Временно прекращая анализ книги Шандора Радо, хочу все же сделать еще один вывод. Я до сих пор уверен в том, что Шандор Радо был прекрасным разведчиком, честным человеком, каким он мне казался с первой нашей встречи. Зачем же ему понадобились все эти измышления? Не является ли это результатом его плохой памяти, или же он попал под влияние Отто, стал ему доверять во всем, в том числе и в возводимых против Кента небывлицах?

Убежден, что, прочитав до конца мои воспоминания, любой читатель многое поймет и даст правильные оценки сказанному мною и моими бывшими соратниками по разведывательной работе.

Мне предстояло вернуться в Брюссель, и не только приступить к исполнению обязанностей заместителя Отто, но и вновь вступить в общение с бельгийцами, с которыми меня уже связала жизнь. Мне было очень важно иметь возможность правдиво рассказывать моим будущим собеседникам о моей поездке в Швейцарию.

Если в первый свой приезд в Швейцарию молодой «уругваец» Винсенте Сьерра не сумел побывать в столице, в Берне, то на этот раз по настойчивому совету клерка из бюро путешествий в программу поездки было включено и посещение этого города и ряда других памятных мест этой прекрасной страны. Посетив Берн, я не жалел, что побывал в этом одном из наиболее старинных городов Швейцарии.

Выполнив задание «Центра», я должен был торопиться со своим возвращением в Бельгию, а точнее, в Брюссель. Мне казалось, что я имею право гордиться тем, что в сложных условиях я выполнил это задание с успехом. Очень хотелось доложить об этом «Центру».

Моя поспешность с возвращением в Брюссель приобрела действительно огромное значение. Вскоре после моего приезда фашистские войска начали боевые действия на Западе, и одной из первых стран, подвергшихся агрессии, как мы и ожидали, явилась Бельгия.

Когда я предъявил швейцарским пограничникам и таможенникам уругвайский паспорт, они очень внимательно посмотрели на меня, видимо проверяя, соответствует ли мое лицо имеющейся в паспорте фотографии. Очень мило улыбнувшись, вернули его и даже не стали проверять мой багаж.

Примерно то же самое произошло и на границе, когда в вагон вошли французские пограничники и таможенники. Правда, таможенники попросили меня открыть несессер, а затем, едва взглянув на него, па нем и на чемодане мелом проставили пометку о произведенном досмотре, однако последний они даже не вскрывали. На границе Бельгии

проверка прошла почти незаметно.

Вернувшись в Брюссель, на следующий день я доложил о проделанной работе, о моих наблюдениях Отто. После этого приступил к составлению подробного отчета «Центру», который, закончив, передал Большакову в «Метро» для направления в Москву.

Вечером, вернувшись, домой, я встретил в лифте жену Эрнеста Барча, венгра, с которым я определенное время уже контактировал. Она была в трауре, рядом с ней стоял спокойный и даже печальный мальчик, которого я знал как их сына. Спрашивать, чем вызван траур, счел неудобным, но молодая женщина сама сообщила, что во время моего отсутствия внезапно скончался её муж. После его смерти всеми коммерческими делами занимаются ее отец и брат. Она подчеркнула, что никто из них не знал о моем отъезде, и они были удивлены, что я не выразил им своего соболезнования и не присутствовал на похоронах. Только потом им стало известно, что меня не было в Бельгии. Она подчеркнула, что её отец и брат очень интересовались тем, когда я вернусь в Брюссель, но, конечно, никто не мог им ответить на этот вопрос.

У меня налаживалась нормальная жизнь. Никто не знал, что будет дальше. Я, кроме того, не мог предвидеть, какую огромную роль в моей легализации и, больше того, в моей разведывательной деятельности будут играть и отец, и сын Зингеры, и даже сама Маргарет Барча.

ГЛАВА XIV. Кент становится резидентом.

После возвращения из Швейцарии начались напряженные дни. Помимо того что надо было составить для «Центра» подробный отчет о поездке и выполнении задания, зашифровать несколько сообщений, обработать несколько других материалов, подготовленных Отто и мной лично, пришлось более интенсивно встречаться с источниками и связистами.

Надо признаться, что в это время было еще трудно поверить в то, что в ближайшее время кончится «странная война» на Западе и начнутся активные военные действия. Правда, можно было слышать даже в малокомпетентных кругах бельгийцев недоумение по поводу того, что Великобритания и Франция, зная, что Германия еще не полностью, но все же в достаточно значительной степени сконцентрировала свои вооруженные силы на Западе, в том числе и на границах Франции, Бельгии, Нидерландов, не предпринимают военных действий против нарушителя мира. В различных сообщениях по радио и в прессе муссировалась мысль, что Великобритания и Франция во многом превосходят в военном отношении фашистскую державу. Некоторые опасения у многих французов, с которыми мне приходилось встречаться теперь и раньше, то есть когда я возвращался из Испании домой, вызывали два фактора.

Во-первых, как поступит граничащая с Францией ставшая фашистской Испания? Ведь в Первую мировую войну Франция, уверенная в своих добрососедских отношениях с Испанией, могла все свои вооруженные силы направить против кайзеровской Германии. Возникал вопрос: а что будет сейчас? Видимо, Франции следует на этой границе тоже держать свои войска, гарантирующие неприкосновенность государства. Во-вторых, высказывались сомнения и в части политики Муссолини. Существовало опасение, что Италия, а вместе с ней Германия и Португалия смогут блокировать Гибралтарский пролив и тем самым обеспечить свое господство в Средиземном море. Это могло привести к тому, что Франция и Великобритания лишатся безопасных коммуникаций со своими колониальными владениями не только непосредственно через Средиземное море, но и через Суэцкий канал.

Совершенно неожиданно в мою дверь позвонили. Поинтересовавшись, кто это, услышал голос Зингера-старшего, отца Маргарет Барча. Я с удивлением открыл дверь. У входа стояли Зингер и его сын. Они попросили разрешения войти. Естественно, учитывая сложившиеся между нами добрососедские отношения, я пригласил их пройти в гостиную, предложил кофе и, получив согласие, тут же его приготовил.

Уже за чашкой кофе Зингер-отец обратился ко мне с вопросом: «Винсенте, вы собираетесь долго оставаться в Бельгии, не боитесь ли вы начала войны?» Немного задумавшись, я вскоре ответил: «Мне, как гражданину Уругвая, ничего не угрожает. Кроме того, я связан с рядом фирм и могу предполагать, что им тоже ничего не угрожает. Больше того, я еще не потерял веры в то, что учеба в университете в Брюсселе и мои деловые отношения могут быть мне достаточно полезными».

После моего ответа я узнал многое, правда, еще далеко не полное об их семьях. Впервые услышал, что они евреи, именно это в свое время заставило их эмигрировать из Чехословакии. Узнал я и то, что жена брата Маргарет является чистокровной немкой. Более подробно они рассказали о том, как умер Эрнест Барча.

О смерти Эрнеста Барча я уже знал от самой Маргарет. Из разговора с ее отцом и братом мне стали известны некоторые подробности. Маргарет была моложе своего мужа на семнадцать лет. Он венгр по национальности, приехал на отдых в Чехословакию, где они и познакомились, а вскоре, полюбив друг друга, поженились. Ей не было тогда еще и двадцати лет. В 1932 г. у них родился сын, которого они назвали Рене. Семья была очень хорошей, они любили друг друга, жили дружно и вполне обеспеченно. Он был почти миллионером. По уже указанным причинам три семьи эвакуировались в Бельгию.

15 марта 1940 г., то есть в то время, когда я находился в Швейцарии, Эрнест, как всегда, играл с соседями в карты и уже довольно поздно ночью вернулся к себе и лег спать. Совершенно неожиданно он скончался. Врачи определили, что у него произошла закупорка сосудов.

После этого вступления мои гости перешли к основной теме нашего разговора, побудившей их обратиться ко мне. Зингер-отец с женой не исключали возможности в ближайшее время выехать во Францию, а затем в США. Зингер-младший тоже предполагал необходимость покинуть Бельгию, боясь, что он и его жена-немка могут тоже подвергнуться преследованиям в случае оккупации фашистами страны. На некоторое время он еще задержится, так как пока твердо нельзя предположить, что будет иметь место фашистская агрессия. Он должен будет заняться наведением порядка в той фирме, которую они создали в Брюсселе.

Явно волнуясь, Зингер-отец медленно поведал мне, что его дочь, Маргарет, отказывается покинуть Бельгию, где покоится ее муж. Она заявила, что навсегда останется у могилы Эрнеста. Вот именно поэтому, узнав меня в достаточной степени за время нашего совместного проживания в доме на авеню Беко, 106, и нашего знакомства, они решили просить меня оказывать Маргарет покровительство, заботясь о ней и ее сыне. Для материального ее обеспечения они согласны передать мне некоторые деловые связи их фирмы. Узнав от меня, что я занимаюсь тоже какими-то деловыми отношениями, они полагают, что мне это сможет принести пользу. Уезжая из Европы, некоторые свои деловые связи они попытаются сохранить. Свой разговор Зингер закончил вопросом: согласен ли я удовлетворить их просьбу? В то же время он меня заверил, что, устроившись в США, они попытаются уговорить Маргарет переехать к ним. И в этом отношении они не лишают себя надежды, что я поддержу со своей стороны их усилия.

Выслушав все это, я был вынужден подчеркнуть, что не могу представить себе, согласится ли Маргарет на какое-то мое участие в ее жизни. Ведь мы с ней почти незнакомы. Очень редко около дома встречались, здоровались, прощались, только в этом состояло наше знакомство. Со своей стороны, я, конечно, готов помочь ей и ее сыну. Тем более что живем мы в одном доме.

Прощаясь со мной, мои гости заверили, что к этому разговору еще вернуться, а пока о нем не следует никому знать. Совершенно понятно, что это относится и к самой Маргарет.

Оставшись один, я задумался. Я не мог себе представить, в чем будут заключаться наши отношения с Маргарет и ее сыном. Я понимал, что совершил явную ошибку, заверив Зингеров, что намереваюсь пробыть в Бельгии долгое время и что даже начавшаяся агрессия фашистов меня не переубедит в моем решении. Имел ли я право говорить об этом? Ведь

даже в то время, когда мы разговаривали с моими соседями, я не мог ручаться, что мне ничего не угрожает. Не создает ли мое, даже не очень близкое, отношение с Маргарет для нее какой-то опасности? Ведь речь идет не только о ней, но и о ее маленьком сынишке!

Думая обо всем этом, я невольно вспоминал образ Маргарет. Я не знал, что она на год старше меня, выглядела достаточно молодо. Безусловно, стройная блондинка с хорошими чертами лица была вполне красивой. Признаюсь, даже редко встречаясь с ней, я чувствовал, что она мне нравится. Кроме того, я сразу мог определить, что она принадлежит к числу весьма культурных людей. До смерти Эрнеста Барча, как мне казалось, она всегда одевалась с большим вкусом, но довольно скромно, вернее, не вызывающе. После его смерти я ее видел всегда в трауре.

Вскоре после посещения и разговоров со мной Зингер-старший познакомил меня со своей дочкой, предупредив ее в моем присутствии о том, что мы уже давно, то есть с момента совместного проживания в этом доме, находимся в дружеских отношениях. Можно было понять, что речь идет не только о самом отце и его жене, но и об Эрнесте Барча, и о браге Маргарет. С этого дня, правда, по сложившимся обстоятельствам недолгое время мы несколько раз встречались на квартире у Зингера и один раз у самой Маргарет.

По вполне понятным причинам в эти тяжелые дни я не мог уделять достаточно времени нашим встречам. Однако мне казалось, что и мои новые «друзья» чем-то заняты, чем-то встревожены. Мне надо было больше уделять внимания своей деятельности, понимая, что обстановка обостряется.

Нельзя было забывать, что, объявив Германии войну после её нападения на Польшу, правительства Чемберлена и Даладье не предпринимали никаких действенных мер, направленных против инициаторов новой мировой войны.

Эти правительства, выбрав своей тактикой «странную войну», несомненно, надеялись на то, что Гитлер, поняв их политику, не предпримет реальных военных действий на Западе. Больше того, они явно надеялись на то, что фюрер вслед за Чехословакией и Польшей, предшествовавшей им Австрией, захваченными без особого напряжения, согласившись на подписание соответствующего соглашения с Великобританией и Францией, двинется уже непосредственно против Советского Союза. Они считали, что для подобного мнения у них были достаточные основания, так как сам Гитлер еще в своей книге «Майн кампф», а затем и в дальнейших своих пропагандистских выступлениях делал вид, что, по его личному убеждению, в интересах великодержавной Германии находится в основном завоевание территорий России, использование ее богатств с одновременным превращением ее населения в рабов после того, как неудобная ее часть будет полностью уничтожена. Он мечтал о сокрушении большевизма. Имели место высказывания Адольфа Гитлера о его стремлении предотвратить якобы существующую угрозу Сталина завоевать всю Западную Европу. Фюрер открыто объявлял, что стремится превратить Германию в защитный барьер Европы от большевистской опасности.

Можно было слышать среди бельгийцев и французов и такие предположения, что в определенных существующих кругах в Великобритании и Франции имеет место стремление столкнуть фашистскую Германию с большевистской Россией. Они, опираясь на опыт крупных промышленников и финансистов Германии, видели в фашизме меньше опасности, чем в большевистской России и ее сторонниках.

Именно в последние месяцы, предшествовавшие началу действительной агрессии Гитлера на Западе, я все чаще слышал имена сенатора Лавалья и якобы поддерживающего его политику посла Франции в фашистской Испании маршала Петэна. Часто высказывалось мнение, что они и примкнувшие к ним круги политиков и промышленников являются сторонниками и инициаторами капитуляции перед Гитлером.

Мне лично случайно удалось увидеть в Париже Пьера Лавалья. Он подъехал на машине к одному из домов на Елисейских полях. В этом доме помещалась фирма с мировой известностью, занимающаяся созданием дамской моды. Пьер Лаваль был скромно одет в темно-синий, а быть может, даже в черный костюм, сейчас я уже этого не помню. И тут я

увидел на нем белый галстук. По словам смеявшихся французов, белый галстук был странным увлечением этого видного сенатора. Тогда я еще не мог себе представить, какова будет роль, отведенная Пьеру Лавалю в истории Франции.

Не мог я себе представить, какова будет роль, принадлежащая маршалу Анри Филиппу Петэну. Вынужден признаться, что в то время я не придавал должного внимания слухам о том, что маршал Петэн, находясь в должности посла Франции в фашистском франкистском Мадриде, сдружился с послом Германии Эбергардом фон Шгорером, и эта предвоенная дружба двух послов сохранилась и в период начавшейся в результате гитлеровской войны.

Возможно, я и Отто пропустили в бельгийских газетах сообщения о выступлении Гитлера в Данцинге в сентябре 1939 г., вскоре после нападения и завоевания Польши. Об этом выступлении я лично услышал от моего «друга», владельца «Селект скул». Как-то в разговоре со мной он упомянул, что якобы Адольф Гитлер, выступая в Данцинге, заявил, что он не стремится к развязыванию военных действий против Великобритании и Франции. Он предупреждал, что это его нежелание должны хорошо понимать и правительства этих стран.

Мы не знали, откуда об этом выступлении Гитлера узнал мой собеседник, но впоследствии стало известно, что с подобными предупреждениями Гитлер выступал неоднократно на разных уровнях и, больше того, это вошло и в различные заверения фашистской дипломатии.

США, хотя официально объявили о своем нейтралитете в отношении разыгравшихся в Европе событий, в действительности тоже предпринимали определенные шаги, направленные на достижение примирения между Великобританией, Францией и Германией.

В это время Бенито Муссолини, глава итальянской фашистской партии, еще не заявлял в открытую о своей позиции в отношении войны.

Мне казалось, что все усиливавшиеся разговоры о возможном нападении фашистской Германии на Запад обязывают меня попытаться установить, что предпринимается в Бельгии на случай агрессии со стороны Германии. В этих целях я довольно часто в компании моих «друзей» совершал прогулки по Бельгии, и даже «случайно» мы оказывались в районах, расположенных вблизи границы с Германией. Нигде нам не удавалось заметить какую либо напряженность, повышенную боевую готовность войсковых частей.

Подобное же положение я наблюдал в моих поездках в Нидерланды и Люксембурге.

Меня крайне поражало только то, что многие бельгийцы высказывали свое удивление политикой, проводимой королем Леопольдом III и его правительством, которые якобы всячески продолжали отклонять настойчивые предложения Франции и даже Великобритании, предусматривающие ввод на ее территорию их воинских подразделений для подкрепления бельгийской армии. Многие, очень многие из моих собеседников вспоминали, как в Первую мировую войну их страна оказалась в центре кайзеровского военного плана Шлифера, предусматривающего прорыв немецкой королевской армии на Запад. Многие высказывали сомнения в той части, которая касалась невозможности использования этого плана в настоящих условиях. Были и такие, которые указывали на то, что этот план, возможно в несколько измененном виде, будет все же применен и гитлеровским военным командованием. Хочется особо подчеркнуть, что для исключения подобной возможности ни у кого не было достаточно веских оснований.

Часто встречаясь с Отто, мы неоднократно обсуждали все это. Иногда в разговоре принимал участие и Андре. При обсуждении вопроса о возможности прорыва немецких войск в Бельгию и ее оккупации у собеседников все в большей степени появлялась тревога по поводу того, что будет с «крышей» и членами нашей бельгийской резидентуры. Явно чувствовалось, что эти вопросы были крайне неприятны для Отто.

У меня крепло убеждение, что Отто должен не в меньшей степени испытывать тревогу и за то, что он допускал крупнейшие ошибки и в ряде случаев прямую дезинформацию «Центра» по весьма важным вопросам. В то же время мне казалось, что Андре, несмотря на то что являлся ближайшим и давнишним другом Отто, не понимал до конца, что волнует Отто.

Невольно вспоминались мои беседы в «Центре», в том числе и о «крыше», созданной, как нам было известно, именно Отто. Тогда подчеркивалась ее надежность и уже положительное использование. Возникаю у меня и сомнение в той части, которая касалась возможности возникновения второй мировой войны. Ведь именно в «Центре» он узнал, что бельгийская резидентура на случай развязанной фашистами войны на Западе должна служить надежной организацией связи наших резидентур с «Центром». Неужели «Центр» не мог предвидеть неизбежность фашистской оккупации Бельгии, а также возникновения военного союза между Францией, Великобританией и Бельгией? Ведь предвидя эту возможность, соответствующие сотрудники «Центра» должны были усомниться в правильности выбора «сапог» для легализации Отто и Андре. Они должны были знать, что в соответствии с этими «сапогами» Андре мог быть привлечен к ответственности за отказ от своих обязанностей при мобилизации, объявленной французским правительством. По паспорту он был французом, в возрасте, не дающем права уклониться от своих обязанностей. Что же касается Отто, канадского гражданина, то и ему угрожала опасность привлечения к ответственности. Ведь всем было хорошо известно, что в армию Великобритании были включены и граждане Канады.

В части надежности «крыши» «Центр» мог, закономерно доверяя Отто как резиденту, верить его донесению. Я мог предвидеть, что Отто не докладывал в Москву о том, что «крыше» угрожает не только опасность на случай фашистской оккупации Бельгии, но и полнейший крах, как базирующейся на фирме, принадлежащей евреям.

Постепенно я убеждался все больше и больше в том, что в нашей резидентуре почти нет представляющих интереса разведчиков. Мои встречи с членами резидентуры все продолжались и расширялись. Мы встречались довольно часто с такими ее членами, как Боб, Мальвина, Сапожник и другими. Тогда я не знал еще, что между Отто и почти всеми, кого он считал членами нашей резидентуры, существовала давнишняя дружба, начавшаяся еще в Палестине или в других странах в сионистских кругах. Тем не менее, у меня все чаще появлялась мысль, что по каким-то причинам он просто-напросто стремится оказывать им постоянную денежную помощь за счет средств, отпускаемых советской разведкой. Однако высказать свое мнение Отто я еще не решался, а лично принять меры к пресечению ни на чем не обоснованных затрат «Центра» я не мог.

Еще находясь в Швейцарии, а затем и вернувшись в Бельгию, я все чаще слышал о надвигающейся опасности. Временами совершенно неожиданно для меня курсировали слухи о возможном захвате гитлеровцами Дании. Невольно вспоминались мои беседы в пансионате с офицером датской армии, который высказывал мнение, что в самом начале военных действий на Западе Германия или Великобритания захотят захватить Данию.

Действительно, 9 апреля 1940 г. германские войска вторглись в Данию, несмотря на подписанное еще 31 мая 1939 г. обязательство о ненападении. Без сопротивления Кристиан Х, король Дании, счел необходимым капитулировать, признав свою страну побежденной, в подтверждение решения короля вооруженные силы Дании не оказывали агрессорам сопротивления.

Несколько иная ситуация сложилась в отношении захвата Норвегии. Вскоре после того, как к берегам Норвегии стали подходить корабли военно-морского флота Германии, на борту которых находились десантные войска, и началась их высадка в портах, король Хокон VII, члены правительства и многие члены парламента незамедлительно покинули Осло. Как потом стало известно, бежавшие из Осло сумели захватить с собой значительную часть государственных архивов и ценностей.

Уже тогда, вскоре после фашистской агрессии в Норвегии, все чаще стало встречаться имя Квислинга, создателя еще в 1933 г. норвежского фашистского Национального союза. Только значительно позднее до нас дошли слухи о том, что уже в период агрессии против Польши в Германии разрабатывался план «Везерюбунг», который предусматривал захват Дании и Норвегии. Стало известно и то, что Квислинг еще до начала вторжения фашистов в Норвегию свободно посещал Германию и имел там ряд важных встреч.

Имя Квислинга я впервые услышал в беседе с моими бельгийскими друзьями, которые, узнав о том, что этот признанный предателем деятель сразу же сформировал в Осло профашистское правительство и возглавил его, высказывали некоторую тревогу, опасаясь, что в их стране, Бельгии, будет «свой Квислинг» в лице Леона Дегреля.

У многих вызывал не только недоумение, но и страх тот факт, что Великобритания и Франция не оказали достаточной помощи Дании и Норвегии. Стремление Германии завоевать эти страны не было для Великобритании и Франции секретом. Буквально накануне они пытались помешать высадке десанта с моря, минировав омывающие берега Норвегии воды, но эта помощь была недостаточной.

Сейчас может возникнуть более четкий, чем в те, ставшие далекими, годы, вопрос: что лежало в основе проводимой Эдуардом Даладье и Невелем Чемберленом политики в «оказании помощи», в частности, в отношении Норвегии? Это напоминало их политику во время советско-финского конфликта и стремлении оказать военную помощь главнокомандующему финской армии Карлу Маннергейму, Финляндии «в целом». Ведь, как я уже указывал на мои разговоры с мадам де Тое, Великобритания и Франция не только оказывали так называемую гуманитарную помощь, но и направляли оружие и, больше того, готовили к направлению в Финляндию экспедиционный корпус численностью 150 тысяч воинов. Они стремились добиться от Швеции и Норвегии согласия на использование их территорий для транспортировки экспедиционного корпуса их армий.

Все принимаемые Великобританией и Францией политические действия были направлены на превращение войны в мировую войну против Советского Союза. В оправдание своей антисоветской политики правительства этих стран даже добивались официального обращения к ним Финляндии с просьбой об оказании ей помощи. Основной целью правительств, возглавляемых Невилем Чемберленом и Эдуардом Даладье, являлось именно создание возможности отвлечь Германию от войны против них и дружеских с ними странам путем вовлечения в давно задуманную войну против Советского союза.

Признаюсь, и на этот раз я многое недопонимал. Мне приходилось прислушиваться к тому, что говорили мои «друзья», и прибегать к чтению рекомендованной некоторыми из них литературы. Так, например, если я знал, что 14 декабря 1939 г. Советский Союз в результате усилий Чемберлена и Даладье был исключен из Лиги Наций, то я не знал, конечно, что и это имело целью создать предпосылку общественному мнению о необходимости непосредственного включения в советско-финский конфликт ряда стран.

Могли ли на Западе не знать, что после объявления 3 сентября 1939 г. войны Германией уже 9 октября была разработана директива верховного командования Германии о подготовке нападения на Францию через Люксембург, Бельгию и Нидерланды, а 24 февраля 1939 г. уже был принят и сам план наступательных операций против Франции, Бельгии и Нидерландов? Какова же была цель в деятельности разведывательных служб США, Великобритании и Франции, не говоря уже о Бельгии и Нидерландах, неужели им не удалось установить наличие подобных замыслов Германии?

Безусловно, достоверных сведений обо всем этом мы, Отто, я и наши источники, не имели. Я лично узнал об этом значительно позднее, уже после окончания войны.

В то же время я лично, опираясь, повторяю, на рассказы моих «друзей» и прочитанную литературу, мог поставить перед собой вопрос: неужели США, Великобритания и Франция, Бельгия и Нидерланды продолжают верить Гитлеру, его абсолютно ложным заверениям о том, что он «не посягает ни на какие иностранные государства»? Ведь уже в интервью директору газеты «Тан» Шастене еще 15 декабря 1933 г. недавно пришедший к власти фюрер Третьего рейха подчеркивал, что он «не нуждается во внешнеполитических успехах», и, больше того, заверял, что, не стремясь проводить политику реваншизма, будет делать все для того, чтобы между Германией и Францией установились навсегда хорошие, дружеские отношения.

Открыто, продолжая свои высказывания, приведенные в его нашумевшей в свое время книге «Майн кампф», Гитлер все чаще повторял только одну свою убежденность, а именно

то, что существует «большевистская опасность». Вот именно этот миф о «большевистской опасности» с успехом служил ему в вопросе равноправия с другими державами в области вооружения и создания передовой мощной военной промышленности.

В литературе мне довелось прочесть и о том, что гитлеровские дипломаты вручили Франции меморандум, который подтверждал высказывания Гитлера и служил для того, чтобы успокоить страны Запада, заверяя их, что ни против одной западной державы он не будет предпринимать никаких агрессивных действий.

Не могу теперь уже точно вспомнить, что именно и когда я узнал о том, как еще в марте 1933 г. Муссолини выступил по согласованию с Гитлером с предложением о создании «пакта четырех», то есть соглашения по созданию союза между Великобританией, Францией, Германией и Италией, который должен был служить объединению этих империалистических держав против Советского Союза.

Чтобы закончить с вопросом об отношении западных держав к советско-финскому конфликту, считаю необходимым подчеркнуть, что мне уже в то время пришлось слышать, что, помимо желания поддержать Финляндию, проявляемого Великобританией и Францией, нельзя забывать и того, что США были на их стороне. Всезнающий владелец «Селект скул» как-то в одной из бесед со мной прямо указал на то, что США не только оказывали Финляндии политическую, финансовую и экономическую помощь, но и поставляли все виды оружия и боеприпасов. Так же было и в отношении Финляндии в период национально-революционной войны в Испании, когда были открыты Франко значительные кредиты.

Оценивая события, связанные с захватом фашистскими войсками Дании, а в особенности Норвегии, можно было услышать в определенном смысле аналогичные высказывания и по отношению к советско-финскому столкновению. Действия Великобритании и Франции в части оказания помощи Норвегии оценивались некоторыми однозначно, а именно в том смысле, что они были умышленно направлены на то, чтобы создать военный очаг, к которому было бы привлечено внимание Германии, с целью изменения фашистских планов и переключения военных действий с западного фронта на страны вблизи Советского Союза. Нам становилось все понятнее, что предсказания Дора, переданные в «Центр» через меня в части возможной агрессии Германии не только на Западе, но и против Советского Союза, оправданы. Однако было ясно и то, что перед началом решающих военных действий со стороны Германии на границах с Советским Союзом они предпримут все необходимые меры по обеспечению безопасности своего тыла на Западе, то есть мы могли предвидеть, что военные действия против Бельгии тоже могут вскоре начаться. Безусловно, мы не только не могли установить точную дату начала агрессии против Бельгии, но и примерно предположить, когда это произойдет.

В один из дней при очередной встрече с Отто мы обусловили, что 9 мая 1940 г. соберемся у меня на квартире для составления доклада «Центру» и для обсуждения ряда вопросов, составляющих нашу ближайшую работу. В назначенный день, вечером, мы действительно встретились и очень долго работали. Уже поздно ночью решили лечь спать, чтобы утром разойтись по своим делам, а их накопилось у каждого из нас много.

Во время сна, казалось, ничто не должно было нас беспокоить. И вдруг почти одновременно оба проснулись от шума моторов летящих над городом самолетов. Оба вышли из своих комнат и направились в гостиную, к окну. Естественно, у нас возникло удивление оттого, что король Леопольд III осмелился в такую рань в существовавшее крайне напряженное время проводить учения. Выразив подобное удивление, мы подняли жалюзи и стали наблюдать за небом. Ничего не было видно! Это еще в большей степени удивило нас. Вынужден признаться, ни Отто, ни я и в мыслях не имели, что уже началась фашистская агрессия против Бельгии.

Совершенно машинально, стоя у окна и ни о чем не задумываясь, я повернул ручку рядом стоящего радиоприемника и включил его. Услышанное нас очень насторожило. По радио переда вали бельгийский государственный гимн, исполняемый оркестром, и другую

бравурную музыку. Внезапно гимн оборвался... Неожиданно прозвучал голос диктора. Явно сильно встревоженный голос передал в эфир чрезвычайное сообщение... Он сообщил, что внезапно на Бельгию совершено нападение фашистских вооруженных сухопутных сил и авиации. Бельгия уже охвачена войной. Сброшены первые бомбы. Все население призывается к спокойствию и бдительности. Бельгия будет защищаться!

Тревога охватила и нас. Отто решил быстро добраться до своего дома, где, скорее всего, в большом смятении его ждала жена, Анна.

Перед тем как расстаться, мы договорились о том, в чем будет заключаться наша деятельность в ближайшие часы, с кем должен каждый из нас встретиться, когда состоится наша очередная встреча, что надо предпринять для сохранения нашей резидентуры.

Не завтракая, быстро оделись и выбежали на улицу. И тут нас поразило еще одно совершенно неожиданное явление. По улице в направлении расположенной казармы вблизи от дома, в котором я жил, жандармы и полицейские сопровождали какие-то небольшие группы людей. В одной из групп я узнал хозяина пансионата, в котором я жил несколько дней, перед тем как переехать в отдельную квартиру, и, установив хорошие отношения с самим хозяином и его сыном (которого, как и отца, сопровождали жандармы), я несколько раз навещал. Что это могло значить, конечно, ни Отто, ни я четко представить себе не могли. В то же время, увиденное нас несколько встревожило, что ускорило необходимость расстаться с Отто, еще раз четко обусловив время и место нашей очередной встречи.

Вынужден вновь сделать некоторое отступление. Читая книгу Леопольда Треппера «Большая игра», я вдруг обнаружил его утверждение, что он, находясь дома, на рассвете 10 мая узнал о начале наступления вермахта на Запад, когда самолеты нацистских ВВС бомбили Брюссель. После этого он «пошел к Кенту, чтоб составить свое первое шифрованное донесение о военных действиях...» (с. 106).

Смею заверить читателей, что описанное мною отвечает действительности. У меня никогда не было и нет цели исказить ее. Это тем более, что все то, что я излагал в отношении пребывания Отто у меня в ночь на 10 мая 1940 г. не имеет никакого значения для поднятия моего престижа. Что касается сказанного Отто, это не только искажает действительность, но и является попыткой вновь повысить его цену. Зачем ему это понадобилось? Не знаю, но могу заверить читателей, что это один из самых незначительных примеров лживости так называемых воспоминаний советского разведчика и резидента. Может быть, это является результатом забывчивости.

Много, очень много искажений действительности в его мемуарах, что, возможно, объяснится стремлением Леопольда Треппера к самовосхвалению, сокрытию его предательства по отношению к своим соратникам, желанием приписать себе подлинные заслуги других лиц и т.д. Об этом придется еще говорить в дальнейшем. Однако имеют место и лживые утверждения автора, направленные в значительной степени на желание оклеветать Советский Союз и, главным образом, Главразведупр Генерального штаба Красной армии. Сейчас приведу только один пример.

Леопольд Треппер, не стесняясь, в своих воспоминаниях утверждает, цитирую дословно (с. 101): «В конце 1939 года я получил несколько приказаний, из которых явствовало, что новое руководство "Центра" уже не заинтересовано в создании крупной разведсети. "Центр" не только перестал засылать обещанных нам эмиссаров для работы в филиалах фирмы "Король каучука", но вдобавок в нескольких телеграммах, каждое слово которых было тщательно взвешено, настойчиво просил меня вернуть в Москву Аламо и Кента, а Лео Гроссфогеля отправить в Соединенные Штаты.

Что же до меня, то меня пригласили... вернуться в Москву.

Мой ответ был ясен и четок: война между Германией и Советским Союзом неизбежна. Если "Центр" этого требует, то Аламо и Кент поедут в Москву. Но не следует рассчитывать на то, что я и Лео Гроссфогель разрушим созданное нами...»

Прочитав это место воспоминаний «крупного резидента» Леопольда Треппера, я счел возможным хотя бы мысленно задать себе следующие вопросы.

Во-первых, как могло случиться, что Отто получал «телеграммы "Центра"», минуя меня, ведь к этому времени с «Метро» поддерживал связь только я и получал все письменные указания для нашей резидентуры через «Метро» только я?

Во вторых, о каких телеграммах в конце 1939 г. могла идти речь? Никаких телеграмм мы в 1939 г. не получали, так как у нас еще не было прямой радиосвязи с «Центром», а если бы такая связь существовала, то расшифровкой телеграмм тоже мог заниматься только я.

В-третьих, в случае получения Отто телеграммы с требованием «Центра» «вернуть» меня в Москву, почему же мне было официально объявлено, что я остаюсь в этой стране для укрепления резидентуры в Бельгии, а первоначальное мое планируемое направление в Стокгольм отменяется?

В-четвертых, мог ли Отто, резидент советской разведки, подчиненный непосредственно «Центру», с такой наглостью сообщать, что «Центр» не может «рассчитывать на то, что я и Лео Гроссфогель разрушим созданное нами»? Что именно имел в виду Отто в своей якобы направленной телеграмме, говоря о разрушении созданного им и Лео Гроссфогелем?

Можно было бы задать еще множество вопросов, касающихся даже только приведенной цитаты. Однако остановлюсь на этом и продолжу свои воспоминания.

Через несколько часов после того, как мы расстались с Отто, я неожиданно увидел колонны весело поющих, восседающих и возлежащих на автомашинах и, если память мне не изменяет, на танках и бронемашинах французских, а вскоре и английских солдат и офицеров. Я понял, что Великобритания и Франция получили разрешение короля Леопольда III и его правительства на ввод своих воинских подразделений в Бельгию. Естественно, из-за «неожиданного» нападения Германии на его страну Леопольд III не имел другого выхода, а обязан был полагаться только на помощь этих западных держав. В то же время у многих возникал вопрос: чем можно было объяснить слишком поздно данное разрешение?

Что означала для нашей резидентуры, лично для Отто и Андре агрессия фашистской Германии против Бельгии и вступление в эту страну французских и английских войск? Более полный ответ на этот вопрос все мы получили значительно позднее, однако уже в этот момент у меня возникла тревога за сохранение нашей «крыши» и за возможность безопасного пребывания в Бельгии «француза» Андре и «канадца» Отто.

Первым, с кем я решил встретиться после первых переживаний, был де Буа. Я имел основания считать его не только крупным промышленником, но и человеком, имеющим доступ к весьма осведомленным правительственным кругам.

При первой же встрече с ним, предшествовавшей намечаемой с владельцем «Селект скул», я узнал, что моя вторая встреча не состоится, так как последний был арестован сразу же после начала агрессии фашистской Германии бельгийской полицией. Де Буа поведал, что якобы наш друг, выдававший себя за англичанина, как было установлено, был немцем и его подозревали в шпионаже в пользу нацистов.

Вскоре это сообщение было подтверждено и другими нашими общими «друзьями». Они указали мне, что арестам подверглись все лица, заподозренные в принадлежности к немецкой разведке. О подобных подозрениях бельгийская полиция и даже контрразведка якобы ничего не знали, а сведения получили непосредственно из французских источников, сумевших заранее подготовить таковые для передачи Бельгии, Нидерландам и другим странам, которые могли подвергнуться фашистскому нападению.

Вскоре я встретился с Маргарет Барча, которую было трудно узнать. Она была не только взволнована, но и просто потрясена всем тем, что произошло с ее близкими. Плача, она поведала мне, что ее отец и мать, заранее все подготовив, сразу же после начала военных действий в Бельгии выехали, а вернее, бежали во Францию, чтобы немедленно направиться в США. Волнения Маргарет были вызваны еще и тем, что бельгийская полиция арестовала ее брата, а его жена немедленно бежала во Францию. Она высказывала также тревогу, так как эмигрировала в Бельгию вместе со своим мужем, евреем.

Маргарет предупредила меня, что квартира брата переведена на ее имя. Она подчеркнула и то, что в соответствии с данным мне ее отцом обещанием у нее находятся

документы, касающиеся тех деловых связей, которые он намеревался мне передать.

На основании создавшегося в Бельгии положения де Буа поведал мне о том, что ему стало известно. 9 мая 1940 г. после настойчивых требований правительств Великобритании и Франции на разрешение ввода их войск в Бельгию, мотивируемых тем, что якобы полученными их разведывательными службами данными подтверждается, что Германия готовится к немедленному осуществлению несколько измененного плана Шлиффсна, министр иностранных дел Бельгии Спаак обратился к немецкому послу с просьбой подтвердить заверения Германии о соблюдении нейтралитета его страны. Он просил, чтобы Германия без отлагательства подтвердила свою политику.

По словам де Буа, уже в начале ночи с 9 на 10 мая 1940 г. посол Германии посетил министерство иностранных дел Бельгии и заверил лично Спаака, что Германия намерена всегда соблюдать бельгийский нейтралитет, и даже гарантировал от имени правительства своей страны.

С возмущением де Буа подчеркнул, что через несколько часов после этого заверения посла Германия неожиданно, нарушив нейтралитет Бельгии, начала военные действия не только против нее, но и против Нидерландов и Люксембурга.

Вспоминая разговор с де Буа, содержание которого я сразу же доложил Отто, считаю необходимым подчеркнуть, что несколько позднее от появившихся у меня немецких «друзей» я узнал совершенно новую версию. Немецкие «друзья» уверяли меня, что им хорошо известны реальные факты. Из их высказываний можно было понять, что Германия, узнав о намерении Великобритании и Франции нарушить нейтралитет Бельгии и ввести на ее территорию свои войска, то есть, по существу, оккупировать ее, решила принять меры предосторожности. Аналогичное решение было принято и в отношении Нидерландов и Люксембурга.

В соответствии с высказываниями моих немецких собеседников, несмотря на то, что уже в апреле 1940 г. Гитлер не скрывал своих намерений обеспечить безопасность своего тыла на Западе в целях направления большей части своих вооруженных сил на Восток, против Советского Союза, он готовился к войне на Западе. Именно с целью укрепления стратегических позиций своей армии Германия произвела и захват Дании и Норвегии, то есть свой прорыв в Скандинавию, к северным границам СССР.

Что касается внезапности нападения Германии на Бельгию, Нидерланды и Люксембург, немцы утверждали, что за несколько дней до этого гитлеровская дипломатия подготовила меморандум. Этот меморандум был якобы вручен правительствам Бельгии, Нидерландов и Люксембурга за несколько часов до начала военных действий 10 мая. Чему же должен был служить этот, якобы врученный, меморандум? Оказывается, эти правительства были поставлены в известность о том, что германские войска немедленно вступят на территории их стран. Какова была в соответствии с высказываемой немцами версией цель? Оказывается, далеко не враждебная Германия стремилась вводом своих армий только обеспечить нейтралитет граничащих с ней стран.

На мой вопрос, почему же сами военные действия, предпринятые Германией, явились для правительств и народов, подвергшихся агрессии со стороны Германии, столь неожиданными, а именно это мнение господствует, как мне известно, в Бельгии, четкого ответа я не получил.

Мне объяснили, что Великобритания и Франция знали, что должен наступить день, когда «странная война» превратится в реальность. Именно поэтому, опираясь на получаемую достоверную информацию, были сосредоточены войска на границах Франции.

Вот на какие измышления были готовы для своей защиты гитлеровцы. Признаюсь, услышав от немцев вышеприведенные сведения, я был убежден в том, что в значительной степени они являлись ложными. Я им не верил. Мне казалось, что версия, высказанная де Буа, более справедлива.

Один из моих источников сообщил мне, что все задержанные бельгийскими властями подозреваемые в принадлежности к немецкой разведке были вывезены во Францию и

большинство из них заключены в специальные лагеря. Высказывалась даже мысль, что в этих целях частично были использованы лагеря, основанные во Франции в период национально-революционной войны в Испании, в которых находились республиканцы. Меня удивило подтверждение источника, ранее слышанное, что списки для арестов всех подозреваемых в принадлежности к немецкой разведке были переданы бельгийским властям французскими секретными службами.

События разворачивались с невероятной скоростью. При очередной встрече с Большаковым, связистом «Метро», мне стало известно, что в первый же день начала агрессии фашистской армии здания советских посольств и торгпредств были оцеплены бельгийской полицией, а к ней присоединились и бельгийские жандармы. Пришлось принять ряд мер предосторожности и даже прибегнуть к уничтожению некоторых документов, не подлежащих оглашению. Сразу хочу отметить, что оцепление советских представительств продолжалось недолго и вскоре все успокоилось. Однако мы должны были принимать ряд мер по обеспечению конспирации в нашей резидентуре.

С Отто я продолжал встречаться. В первые дни после начала военных действий против Бельгии наши встречи были краткими, и я не мог понять, что происходит с резидентом. Мне казалось, что он озабочен не только вопросами, связанными с нашей деятельностью разведчиков, но и какими-то другими. Во всяком случае, он был явно в очень нервном состоянии. Ему самому пришлось перейти полностью на нелегальное положение в первый же день, то есть после ввода английских войск в Бельгию, так как это создавало для него определенную опасность, о которой я уже писал, – его принадлежность в соответствии с «сапогами» к канадцам. Кроме того, безусловно, его волновало и положение его семьи. Правда, тогда он мне не рассказывал об имевшейся угрозе Любове Евсеевне в первый же день начала войны в Бельгии. Об этом он пишет только в своей книге «Большая игра» (с. 106). Не говорила мне об этом и Люба, хотя мы с ней встречались, так как я обеспечивал для нее конспирацию, а затем ее переселение в «Метро» вместе с детьми. Утверждение Отто о том, что Любовь Евсеевна с детьми были помещены в «торговом представительстве» СССР по принятому им совместно с Андре решению и его, Отто, личной договоренности с «нашим связистом», где они находились «две недели, прежде чем их поселили на нелегальную квартиру» (с. 106–107), по моим сведениям, совершенно нелепо.

Я убежден в том, что не искажаю действительность, утверждая, что в «Метро» направил Любовь Евсеевну с детьми и Фрица именно я, а оттуда они непосредственно были направлены в Москву.

Не могу до сих пор понять отношение ко мне со стороны Отто. Он постоянно демонстрировал не только свое расположение, доверие ко мне, по и сам факт, что вводит меня полностью в курс деятельности нашей резидентуры. В то же время у меня есть основания утверждать, что многое он скрывал от меня. Нет, я имею в виду не то, что он выдумывает в своих воспоминаниях, а только нашу практическую работу. Так, например, вскоре после оккупации Бельгии мы договорились с Отто, что я вновь должен буду встретиться с Хемницем и Аламо. И вдруг узнаю, что якобы Отто дал указания Аламо из Остенде, где сгорел его магазин, выехать во Францию, а тот не сумел по каким-то причинам выполнить и это задание. Где правда и в этом вопросе? Дать ответ я не могу. Об Аламо мне придется более подробно еще рассказать.

Этот член нашей резидентуры требует особой оценки, как и отношение Отто к нему, а в особенности те домыслы, на которые пошел сам Отто, а с его легкой руки и Жиль Перро в публикациях.

Все больше и больше поступало к нам информации о ходе военных действий в Бельгии. Многие высказывали свое недоумение по вопросу, почему Великобритания и Франция совместно с Бельгией, имея явные преимущества перед фашистской армией, допустили ее прорыв через Нидерланды, Бельгию и Люксембург в обход имевшихся укреплений, в том числе и на так называемых линии Мажино во Франции и канале Леопольда в Бельгии, и не оказали должного сопротивления вторжению во Францию. У нас возникал вопрос, неужели

франко-английское командование не учло возможность прорыва немцев через Арденны, неужели это не понимало и бельгийское командование? Почему они отдавали предпочтение возможности наступления немцев через центральную часть Бельгии?

Среди местного населения ходили слухи о том, что бельгийцы не успели взорвать мост через канал Леопольда, что также ускорило прорыв немцев. Было всем совершенно ясно, что бельгийская армия не сможет одна справиться с фашистскими войсками, а франко-английское пополнение явно недостаточно. Все чаще курсировали слухи, что Леопольд III просит значительного подкрепления авиации и танков.

Больше того, гот же де Буа и другой достоверный источник, как бы сговорившись между собой, указывали на то, что в форте Брепдапек, расположенном вблизи Брюсселя, состоялась встреча на высшем уровне представителей Бельгии, Франции и Великобритании. В результате этих встреч Бельгия якобы получила заверения двух держав, принимавших в них участие, что помощь в боевой авиации и танках будет незамедлительно оказана. Однако буквально через пару дней эти же источники сообщили мне, что якобы французский генерал Жорж доложил бельгийскому командованию, что в связи с осложнением обстановки никакой существенной помощи оно не получит.

Вскоре мы узнали, что Люксембург, являвшийся тоже одним из основных путей для нанесения удара на Западе, был полностью оккупирован фашистами почти сразу же после начавшегося наступления. И мая стало известно и то, что в этой стране уже установлена немецкая администрация. В разговорах с бельгийцами мне пришлось слышать, что их нисколько не удивляла столь быстрая сдача страны. Они утверждали, что это зависело не только оттого, что армия, естественно, была маломощной, но и оттого, что среди населения были прогерманские настроения.

Более существенное сопротивление фашистские войска встретили в Бельгии. Нам стало известно, что в соответствии с заранее разработанным англо-французским военным планом французский генерал Гамелен, получив сообщение о начале немецкого наступления, 10 мая отдал приказ, согласно которому англо-французские войска вступили в Бельгию. Генерал Жиро, командовавший одной из французских армий, двинулся через Бельгию и Нидерланды. Позднее, встретившись с женой генерала Жиро в 1945 г., я услышал от нее, что ее муж очень переживал тот факт, что, по существу, он не мог ничем помочь Нидерландам в отражении немецкой агрессии. Никакой помощи этой стране не оказал и английский флот. Фашистским войскам понадобилось меньше недели, чтобы полностью оккупировать Нидерланды, заставив королеву Вильгельмину и ее правительство покинуть страну и выехать в Великобританию.

Я уже не могу сейчас точно определить, сколько дней в Бельгии оставались англо-французские войска, но, во всяком случае, их отступление было за несколько дней до того, как немцы заняли Брюссель, а это случилось 17 мая 1940 г.

Положение бельгийской армии было крайне осложнено тем, что на территории Бельгии, которая продолжала вести борьбу с агрессорами, с каждым часом росло количество беженцев. Многие из них сумели захватить с собой часть своего скарба. Скопление народа на все уменьшающейся территории действий бельгийской армии крайне затрудняло ее маневренность.

Обстановка в Бельгии осложнялась с каждым днем. На дальнейшем ходе событий отрицательно сказался еще один факт. Отто и я узнали, что бельгийское правительство, возглавляемое премьер-министром Пьерло, в полном составе эвакуировалось во Францию и временно находится в городе Лимож.

После бегства, а иначе нельзя назвать действия правительства, во главе бельгийской армии остался только король Леопольд III. Бельгийцы верили в то, что их король будет, повторяя героический подвиг своего отца, короля Альберта I, продолжать борьбу с фашистскими захватчиками. Надежды народа не оправдались. Можно было понять, что король, тщательно изучив обстановку в стране и на фронте, окончательно поняв, что ни на какую эффективную помощь со стороны мнимых союзников рассчитывать, несмотря на все

их обещания, нельзя, буквально растерялся.

Видимо стремясь остаться при всех ожидаемых сложностях жизни со своим народом, король Леопольд III, узнав о намерении правительства покинуть страну, решил твердо не следовать за Пьерло и всеми министрами. Некоторые бельгийцы утверждали, что бегство правительства из Бельгии было инспирировано французским правительством. Не исключена возможность, что этого же мнения придерживался и король. Во всяком случае, можно было твердо утверждать, что король, не собираясь сотрудничать с гитлеровцами, решил остаться в своей стране, отказавшись от бегства во Францию, а затем и в Англию.

Положение короля осложнялось еще и тем, что все важные решения, все королевские указы в соответствии с законодательством должны были визироваться по крайней мере одним из министров, чья подпись должна была стоять на принятом документе. Клерикал Ю. Пьерло как раз поэтому принял решение бежать со всем правительством во Францию, а затем переехать в Великобританию, в Лондон. Безусловно, дабы лишить короля возможности принимать какие-либо решения, в том числе и о капитуляции перед фашистскими войсками, Пьерло в состав эвакуированного им правительства включил и военного министра.

Некоторые мои собеседники, бельгийцы, высказывали мысль, что Ю. Пьерло принял свое решение о бегстве правительства в полном его составе только после того, как узнал о намерении Леопольда III подписать акт о капитуляции. Эти бельгийцы утверждали, что Пьерло действовал в интересах правительств Великобритании и Франции, забывая о том, какие жертвы может принести Бельгии и её народу продолжение военных действий. Они даже высказывали предположение, что Пьерло и все правительство покинули Бельгию 28 мая 1940 г., то есть в день подписания королем акта о капитуляции. Подписывая этот акт, Леопольд III добровольно объявил себя военнопленным, предупредив о том, что будет себя считать таковым до того момента, пока последний бельгийский военнопленный не будет возвращен к себе на родину. Правда, некоторые, не скромничая, утверждали, что король стремился с помощью гитлеровских захватчиков сохранить за собой трон. При этом можно было слышать даже и утверждения, что король во всех своих действиях опирался на правое крыло католиков и на фламандских националистов. Как я уже указывал, после капитуляции и возвращения в Брюссель официально сохранивший свой королевский титул Леопольд III вновь разместился во дворце в Лакене, где, по распространяемым слухам, он имел право находиться с семьей, а также со своей «военной свитой» и своими слугами.

В отношении королевской семьи тоже ходили противоречивые слухи. Одни утверждали, что дети короля попали под опеку его сестры, вышедшей уже до этого замуж за наследного принца Италии, и переехали в Рим. Некоторые поговаривали, что воспитанием детей занимается бельгийская герцогиня, сестра Альберта I. Более точные сведения были в части местонахождения брата короля, принца Шарля. Действительно, к этому времени он уже успел переехать в Лондон.

Что же произошло с воинами капитулировавшей бельгийской армии, число которых определялось в пределах до полумиллиона? Мнения по этому вопросу были весьма противоречивыми.

Некоторые утверждали, что все воины попали в немецкий плен, по другим сведениям – довольно многим удалось избежать плена и продолжить борьбу с немецкими оккупантами в возникшем в стране движении Сопротивления.

Решение короля Леопольда III о капитуляции было громогласно провозглашено правительством Пьерло как преступление, идущее вразрез с законодательством, а поэтому являющееся незаконным. Эту позицию поддерживали и правительства Великобритании и Франции. Повторяю, значительная часть бельгийского народа решительно хотела продолжать борьбу против гитлеровцев.

Не могу не упомянуть и о том, что нам вскоре стало известно о положении англо-французских войск, находившихся на территории Бельгии. Численность этих армий тоже определялась по-разному. Большинство сходилось на том, что их число перевалило за 400

тысяч, при этом больше половины были в англо канадской армии. По полученной нами информации, эти армейские соединения оказались прижатыми к морю фашистской армией, и уже до подписания Леопольдом III акта о капитуляции началась их эвакуация из Дюнкерка в Англию. Якобы большая часть эвакуированных принадлежала английским войскам. По этому вопросу французское правительство выразило правительству Великобритании протест. Действительно, по полученным нами сведениям, французские войска остались в основном заброшенными. Больше того, все чаще и чаще приходилось слышать, что англичане не предоставляют не только достаточной, но и практически никакой помощи Франции.

Считаю необходимым особо подчеркнуть, что уже 10 мая премьер министром Великобритании стал Уинстон Черчилль, а во Франции к этому времени премьер-министром был Поль Рейно.

Узнав о назначении Уинстона Черчилля премьер-министром Великобритании, я невольно вспомнил мое пребывание в Лозанне в период моей первой поездки в Швейцарию, моей встречи там с англичанами.

В это время Германия уже проявляла свою захватническую политику, правда, пока она была направлена только в сторону Востока. И вот как-то англичанин заговорил более подробно и на эту тему. Совершенно неожиданно для меня я услышал его мнение по поводу политики Великобритании, проводимой премьер-министром ее правительства Невилем Чемберленом во время национально-революционной войны в Испании 1936–1939 гг., начатой в результате мятежа, поднятого фашистским агентом Франко, и в виде гражданской вскоре после итало-германской интервенции переросшей именно в национально революционную. Конечно, англичанин не называл эту войну так, как ее было принято называть в прогрессивных кругах. Однако он охарактеризовал ее как результат стремления Германии не только получить для себя богатую испанскую сырьевую базу, столь необходимую, в первую очередь, для военной промышленности. Именно это служило тому стремлению, которое открыто демонстрировали гитлеровцы, – посадить на «престол» главы государства диктатора, своего человека – Франко. Они хотели, безусловно, завоевать ключевые позиции в Средиземном море, а также обеспечить себе важные стратегические позиции на границе Франции, возможность осуществления подчинения себе всех коммуникаций, всех морских путей, в том числе связывающих Францию и Великобританию с их колониальными владениями.

Мой собеседник, англичанин, указывал и на то, что в промышленных кругах далеко не все одобряли проводимую правительством Чемберлена политику в части Третьего рейха. В то же время он высказал и некоторые оправдывающие эту политику аргументы. К числу таковых, по его мнению, относится и то, что в руководящих правительственных, а также в промышленных, торговых и финансовых кругах опасаются «большевистской» Советской России. Именно поэтому, идя на ряд уступок Гитлеру, эти круги стремятся направить его политику в основном на ограждение Европы от «красных».

Выслушивая все высказывания моего собеседника, я позволил себе несколько возразить. При этом я сослался на публикации статей Уинстона Черчилля в бельгийской газете «Ле Суар». Не находясь еще в правительстве Великобритании, автор этих публикаций в достаточно осторожной форме высказывал свои сомнения в части проводимой правительством его страны политики. Ряд моих бельгийских «друзей», прочитав статьи У. Черчилля в газете, выразили свое мнение, давая им положительную оценку и подчеркивая, что, видимо, у себя на родине этот в прошлом крупный политический деятель Великобритании не имел достаточной возможности позволить себе подобные публикации!

Особый интерес у меня вызвала оценка, данная моим собеседником Черчиллю. Он назвал его «человеком войны», подтвердив данную им оценку, хорошо известную всем англичанам, да, пожалуй, и в других странах, в том числе в период Первой мировой войны. Именно поэтому, сказал пожилой англичанин, тоже промышленник, «если бы Великобритании угрожала реальная война, то только Черчилль являлся бы человеком,

способным возглавить правительство на время военных действий». Признаюсь, я, узнав о том, что Уинстон Черчилль действительно возглавил правительство Великобритании, был поражен точностью прогноза. В то же время назначение на этот пост Уинстона Черчилля вызывало у меня ряд сомнений. Это касалось, в первую очередь, вопроса, какую позицию он займет по отношению к Советскому Союзу. Общеизвестным было его антикоммунистическое, а быть может, и антисоветское настроение.

После капитуляции Леопольда III немецкие войска оккупировали всю Бельгию. Напряжение возрастало, и мы буквально не могли уследить за развитием событий. Нервозность Отто и Андре становилась все более и более заметной.

Вскоре после захвата севера Франции, по непонятным мне причинам, было образовано одно, объединенное командование оккупационными войсками Бельгии и севера Франции, во главе которого был поставлен довольно известный фельдмаршал Фолькенгаузен. О нем, кстати, тоже ходили различные слухи. Одни утверждали, что, будучи генералом, Фолькенгаузен пользовался у Гитлера достаточным авторитетом. Авторитетом он пользовался и у Кейтеля. Однако это продолжалось до поры до времени и внезапно прекратилось. Некоторые утверждали, что Фолькенгаузен был якобы одно время советником у Чан Кай Ши в Китае и встречался там с военными советниками из СССР, военными Советской армии довольно высокого ранга. Высказывались даже мысли о том, что он имел некоторые возможности ознакомиться с вооруженными силами Советского Союза. И вот, узнав о том, что Гитлер намерен, завершив военные операции на Западе и тем самым стремясь исключить возможность нанесения удара в тыл, начать военные действия против Советского Союза, он, Фолькенгаузен, как утверждали некоторые, осмелился на каком-то совещании, проводившемся на высшем уровне, заявить, что немецкое командование недооценивает мощь советских вооруженных сил и именно поэтому намеревается предпринять крайне опасный шаг – начать захватническую войну против Советского Союза. Как указывали многие, именно это заявление Фолькенгаузена очень обидело фюрера и тот в отместку принял решение отстранить Фолькенгаузена от непосредственного участия в боях, оставив в тылу на Западе и возложив на него, боевого офицера, обидную малозначимую миссию.

В 1945 году, встретившись в фашистском лагере с находящейся в нем бельгийской графиней Руспули, вдовой итальянского принца, погибшего во время войны, я узнал, что она была арестована, видимо в результате ее довольно близких отношений с Фолькенгаузенем. Он приглашал ее к себе на устраиваемые им приемы, часто разговаривал с ней на разные темы. Она высказала предположение, что Фолькенгаузен находился под наблюдением немецких секретных служб, а их хорошие отношения могли вызвать у них некоторое подозрение, так как графиня имела доступ к высшим бельгийским аристократическим кругам и даже к отдельным лицам, приближенным к королевскому окружению. Именно это, по ее мнению, и послужило причиной ее ареста.

Учитывая все начавшиеся 10 мая 1940 г. крупные события, что же происходило непосредственно в самой нашей резидентуре?

Прежде чем ответить, я должен признаться, что сейчас мне очень трудно в моральном отношении и, больше того, не хочется касаться деталей. В то же время еще в мае 1940 г. я подробно обсуждал эту тему при приеме от Отто резидентуры в присутствии представителя «Центра» Большакова. Все вопросы освещались мною в написанном еще в Париже перед возвращением на Родину докладе на имя начальника «Центра», доставленном с другими материалами в Москву.

Почти незамедлительно после ввода французских и английских войск «француз» Андре и «канадец» в соответствии с «сапогом», имевшимся у него, Отто, были вынуждены в срочном порядке перейти на полное нелегальное положение. Практически прекратилась всякая активная деятельность в резидентуре.

Вынужден, как бы ни было неприятно, отметить, что об активной их деятельности с помощью «друга», работника болгарского консульства в Брюсселе, в сфере

разведывательной, исключительно ценной разведывательной деятельности, описанной Леопольдом Треппером в его книге «Большая игра» (с. 108–110), мне ничего не было известно. У меня есть основания сомневаться в правдивости этих описаний. Никогда раньше, ни потом, даже при составлении доклада «Центру», над которым мы работали совместно, ни о каком «Петрове», работнике болгарского консульства, Отто не упоминал.

Владельцы фирмы «Король каучука», по национальности евреи, родственники Лео Гроссфогеля, были вынуждены вначале бежать во Францию, оставив доверенность на ведение дел их фирмы на имя работавшего у них довольно продолжительное время управляющего. Впоследствии мне удалось выяснить, что этот управляющий, после того как фирма была взята немецкими оккупантами под секвестр, сотрудничал весьма успешно, в первую очередь, в своих интересах с фашистскими властями. Короче говоря, он стал в полном смысле этого слова коллаборационистом.

Созданный при этой фирме филиал «Отличный заграничный плащ», служивший «крышей» для резидентуры после перевода «Короля каучука» под немецкий секвестр, после перехода Андре на нелегальное положение незамедлительно рухнул. К великому сожалению, мои сомнения в надежности «крыши» резидентуры полностью подтвердились.

С крушением «крыши» у меня возникал и вопрос в отношении того, пропали ли средства, выделенные «Центром», и в какой сумме они были вложены. Несмотря на мои попытки уточнить этот вопрос в беседе с Отто, я никогда не получал от него какого-либо вразумительного ответа.

Наибольшее мое возмущение вызвало послесловие к книге воспоминаний Леопольда Треппера «Большая игра», написанное кандидатом военных наук капитаном 1 ранга А.И. Галаганом. Сплошная неправда всего изложенного автором послесловия потребует от меня более подробного анализа в дальнейшем. Сейчас хочу остановиться на некоторых вопросах.

Итак, А.И. Галаган, видимо опираясь только на утверждения защищаемого им Леопольда Треппера, утверждает, что последний, несмотря на все трудности, старался спасти средства, вложенные в «крышу». Ему удалось снять со счетов «крыши» «300 тысяч франков и перевести их в Париж» (с. 362). Если это утверждение отвечает действительности, то возникает ряд вопросов.

Во-первых, почему об этих крупных денежных суммах Отто не поставил меня в известность при передаче резидентуры или даже раньше, когда мы составляли с ним отчеты для «Центра»?

Во-вторых, почему о своем выдающемся успехе Отто даже не упомянул при приеме мною от него резидентуры в присутствии Большакова, представителя «Центра»?

В-третьих, почему, сдавая мне бывшую свою резидентуру, Отто не оставил в Бельгии никаких денег со снятой им значительной суммы с переставшей существовать «крыши»?

В-четвертых, почему, зная о моих трудностях в части создания новой «крыши» в финансовом отношении, Отто не пожелал помочь мне, выделив из 300 тысяч хотя бы немного средств?

Для укрытия после его перехода на нелегальное положение Андре некоторое время пользовался квартирой Маргарет Барча, о чем с ней договорился лично я. Естественно, он жил там всего несколько дней, без какой-либо прописки, то есть на протяжении того времени, которое ему требовалось на свертывание своих личных дел и обеспечения перехода во Францию его жены, Жанны Пезан. Как мне было известно, он вскоре за своей женой тоже последовал во Францию. О том, что с 16 мая 1940 г. Лео Гроссфогель скрывался в советском посольстве в Брюсселе, мне не было известно, хотя, повторяю, со связистами «Центра», то есть с «Метро», уже давно осуществлял связь только я. Откуда получил эти сведения А.И. Галаган, касаясь их в своем послесловии (с. 362), я не могу даже предположить.

Я знал только в то время, когда стал уже резидентом в Бельгии, что и Отто, перейдя тоже на полное нелегальное положение, вскоре вслед за Андре бежал в Париж.

В первые дни после оккупации Бельгии фашистскими войсками я не только не знал, что будет с резидентурой, но и не мог даже себе представить, как мы будем в дальнейшем

работать. Недолго, правда, существовало у меня опасение, что будет прервана полностью связь с «Центром». Ведь сразу же после начала военных действий советское посольство, торгпредство и консульство были оцеплены бельгийской полицией.

Мы знали, что после подписания 23 августа 1939 г. в Москве советско-германского договора о ненападении муссировались слухи о том, что СССР всячески помогает гитлеровской Германии в ее агрессивной политике. У многих, хорошо относящихся к Советскому Союзу, это вызывало возмущение и смех. Я имею в виду, что при появлении в Бельгии, а затем и во Франции гитлеровских военных в кожаных сапогах и с кожаными поясами многие наши недоброжелатели, показывая пальцами, утверждали, что и это является доказательством имеющихся крупных поставок Советским Союзом немецкой армии, то есть оказания конкретной помощи Германии в развязанной ею войне.

До нас доходили слухи, что 16 января 1940 г., то есть вскоре после исключения Советского Союза из Лиги Наций 14 декабря 1939 г., 16 февраля 1940 г. французское правительство вносило в парламент вопрос о разрыве дипломатических отношений с СССР. Нам было известно и то, что не только в Бельгии, но и во Франции полиция предпринимала меры по изоляции советских представительств, а в начале февраля даже была предпринята попытка организации налета на советское торгпредство.

Совершенно неожиданно Отто и я получили сигнал о том, что в Брюссель прибыл представитель «Центра», с которым необходимо незамедлительно встретиться. Это сообщение поступило буквально через несколько дней после оккупации фашистскими войсками Бельгии.

К этому времени мы уже составили письменный доклад для «Центра». Писал доклад я в присутствии Отто по материалам, собранным нами. Мы подчеркивали хорошее вооружение немецкой армии, обратили внимание на характеризующую ее высокую дисциплинированность, а также включили в него все ставшие нам известными военные операции, проведенные агрессором, позволившие в такой короткий срок покончить с сопротивлением войск Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Я помню отлично, что в этом докладе мы особо подчеркивали большое значение, произшедшее на нас огромное впечатление, службы планомерного снабжения быстро продвигающейся вперед армии с боеприпасами, продуктами питания и т.п. Действительно, целые подразделения спецслужбы, оснащенные мощными автотранспортными средствами большой грузоподъемности, слаженно обеспечивали мощные армейские соединения, и это несмотря на быстроту их передвижения.

Доклад, написанный нами, был уже передан связисту «Метро», если не ошибаюсь, Лебедеву, для срочного направления в «Центр».

Встреча с представителем «Центра» состоялась на одной из подготовленных мною конспиративных квартир. Наше удивление при встрече с ним вызвало то, что представителем «Центра» оказался хорошо известный нам Большаков.

Признаюсь, я никогда не мог и по сей день не могу забыть весь ход этой встречи. Это объясняется многими причинами. В первую очередь тем, что «Центром» было принято решение, предусматривающее в целях самосохранения Отто его срочный переезд во Францию, где он был обязан попытаться создать новую резидентуру. Это решение полностью совпадало с намечаемым самим Отто не переездом, а фактическим бегством во Францию совместно с Андре и любовницей резидента Джорджи де Винтер. Правда, о бегстве вместе с Отто его любовницы я тогда не мог и предполагать, так как об этих «качествах» моего резидента я не мог ничего знать.

Поистине меня больше всего взволновало сообщение Большакова о том, что бельгийскую резидентуру от Отто должен был принять незамедлительно я, и с момента ее принятия я превращался в резидента, непосредственно подчиненного «Центру». Ни о каком моем продолжающемся подчинении непосредственно Отто не было и не могло быть речи.

Услышав решение «Центра» о моем назначении резидентом совершенно самостоятельной нашей бельгийской резидентуры, я был вынужден честно высказать свою

тревогу, вызванную тем, что сумею ли я, молодой разведчик (мне ведь тогда еще не было полных 27 лет) и, как мне казалось, еще малоопытный, справиться с новыми, весьма ответственными обязанностями. После того как я заявил Большакову о том, что у меня недостаточный разведывательный опыт, к моему удивлению, Отто, в свою очередь, это мое мнение опроверг, сказав, что годовая совместная работа доказала ему, что я уже достаточно опытен в работе, и это дает ему право утверждать, что я вполне справлюсь с возлагаемыми на меня обязанностями.

Мне тогда показалось, что одобрение со стороны Отто моего назначения на должность резидента бельгийской резидентуры может быть объяснено только его желанием немедленно переехать в Париж.

Понимая возлагаемую на меня ответственность, я решился на полное откровение перед Большаковым, которого хорошо знал и, как мне казалось, с которым у меня во время нашей совместной работы, частых встреч сложились дружеские отношения.

Я понимал, что все то, что я намереваюсь сказать, должно вызвать негодование со стороны Отто. С другой стороны, принимая резидентуру, я не видел возможности скрыть от «Центра», от его представителя целый ряд весьма важных фактов.

Начал я с того, что заявил в открытую, что объявленная Отто «Центру» надежная «крыша» рухнула. Я подчеркнул, что о надежности «крыши» я слышал еще в Москве на приемах в «Центре». Теперь мне стало ясно, что «крыша» рухнула, так как Отто допустил ряд просчетов при ее организации. Эти весьма существенные просчеты Отто тщательно скрывал от «Центра». Учитывая создавшееся положение, принимаемая мною резидентура остается лишенной «крыши».

Передавая мне резидентуру, Отто не назвал мне ни одного до этого не известного члена резидентуры, связиста или источника. В то же время я уже знал, что кроме Макарова, Аламо, и меня, Сьерра, по паспортам легализировавшихся как уругвайские граждане, почти все известные мне, связанные с резидентурой лица были евреями, а, следовательно, должны будут скрываться от оккупантов. Их переход на нелегальное положение не может обеспечить безопасность проживания в Бельгии, ибо они довольно широко известны среди рядовых бельгийцев, а кроме того, часть из них имеет семьи.

Я подчеркнул, что Большакову известно хорошо, что радиосвязь с «Центром» тоже пока еще не налажена полностью. Ее пытались наладить с помощью в свое время направленного нам «Центром» радиопередатчика Андре и Хемниц. Однако пока еще ничего не получилось.

Я счел необходимым поставить вопрос перед Большаковым о том, что следует дальше делать с семьей Отто и Фрицем? И получил успокоивший меня ответ: «Метро» обеспечит их безопасность и направление в Москву.

Последний вопрос, который я счел нужным задать, сводился к моей легализации. Меня интересовало мнение Большакова, может ли считаться достаточной моя легализация в качестве студента Брюссельского свободного университета.

Представитель «Центра» Большаков не скрывал своего удивления от всего услышанного и попросил Отто высказать свое мнение. Не буду скрывать, мне показалось, что Большаков с некоторым укором смотрел в мою сторону, явно недоумевая, почему я ему раньше при наших встречах ничего не рассказывал по тем вопросам, которые сейчас освещал. Очевидно, он не мог понять, что все, что я высказал, хотя иногда вызывало у меня сомнения, не было четко определено, так как я далеко не все знал еще о нашей резидентуре. Я мог предполагать, что Отто не считает нужным полностью меня во все посвящать.

На просьбу представителя «Центра» высказать свое мнение по затронутым мною вопросам Отто ничего вразумительного сказать не смог. Ему нехотя пришлось согласиться со всеми доводами, которые я приводил. Он согласился и с тем, что, учитывая ход событий, начиная с начала Второй мировой войны созданная легализация для него самого и для Андре становилась необдуманной.

Явно нервничая от самого хода передачи мне резидентуры, он, со своей стороны,

просил помочь в решении вопроса, касающегося быстреего направления из Бельгии его жены с детьми в «деревню». Говоря об этом, он коснулся и необходимости направления в Москву Фрица. Выслушав Отто, представитель «Центра» не выдержал и тоже высказал свое возмущение тем, что Отто необдуманно вносил свои предложения «Центру» в отношении возможности приобретения для советских разведчиков надежных «сапог» и дальнейшей их переправы из Бельгии в США.

По поводу возвращения в Москву Любови Евсеевны Бройде, жены Отто, с детьми и Фрица, представитель «Центра» вновь обещал срочно разрешить этот вопрос непосредственно в Бельгии, а в случае каких-либо затруднений сразу после своего возвращения в «Центр» с его руководством.

Большаков обещал также оказать нам содействие в организации связи с помощью радиопередатчика между принятой мною резидентурой и «Центром». По просьбе Отто, Большаков пообещал оказать и ему содействие по организации радиосвязи между ним из Парижа и «Центром». Был обсужден еще ряд вопросов.

Расставаясь, Отто, я и представитель «Центра» пожали дружески друг другу руки. При этом мне показалось, что Большаков выражал явную солидарность, понимание сложности моего положения и моего морального состояния.

С Отто мы попрощались менее дружелюбно. Это было вполне понятно после всего, что бывший резидент выслушал от меня. Заметив проявление открытого изменения отношения ко мне, я задумался, оставшись один, над тем, как сложатся наши отношения с Отто в дальнейшем.

В течение многих лет, включающих нашу совместную работу, поддержание связи между мной, резидентом в Бельгии, и Отто, резидентом во Франции, установившейся связи с ним после моего вынужденного переезда в Марсель, у меня складывалось разное мнение о существовавших между нами отношениях. Более точный ответ я сумел получить только в 1956 году при нашей единственной встрече в органах государственной безопасности в Москве, а особенно после чтения книги Леопольда Треппера «Большая игра» и ряда других публикаций, основанных на его рассказах. Обо всем этом я буду рассказывать более подробно.

Итак, вскоре я остался один как руководитель бельгийской резидентуры советской разведки. Еще раз подчеркиваю, что от Отто я принял практически развалившуюся резидентуру, лишенную «крыши». По существу, какие-либо деловые связи мне не передали ни Отто, ни Андре. Единственным человеком, с которым меня познакомил Андре и который помогал мне в дальнейшей работе в моей коммерческой деятельности, был Назарен Драйн, он же Шоколадный директор.

Безусловно, я не мог в дальнейшем довольствоваться моей легализацией в качестве студента Брюссельского свободного университета. Мне следовало обеспечить себе более твердую почву под ногами. Продолжая занятия в университете, самое большое внимание я уделял занятиям в институте, в котором готовились деловые кадры.

Мне надо было продумать основательно все вопросы, связанные не только с возможностью продолжать, а вернее, развертывать и укреплять разведывательную деятельность, но с созданием для меня лично легализационной базы и «крыши» для всей резидентуры. Эта «крыша», созданная заново, должна была в противовес ранее существовавшей и рухнувшей создать возможность «сотрудничества» с оккупантами.

Наблюдение за всем происходящим не только в Брюсселе и Бельгии вообще, но и в Нидерландах и Франции давало мне возможность убедиться в том, что только «сотрудничество» с оккупационными администрациями может создать все необходимые условия для моей легализации и приобретения достаточных средств на содержание резидентуры. Последнее в особенности, с учетом возможности прекращения связи с «Центром».

В отношении создания прочной и преуспевающей в деловых отношениях «крыши» мне оказали значительную помощь де Буа, Тевене, а в особенности Маргарет Барча, которая в

«Центре» стала уже известна по моим сообщениям также под псевдонимом Блондинка.

Задумываясь над всеми этими вопросами и претворяя в жизнь принимаемые решения, я не мог ни на минуту забыть и о прямой своей работе резидента. Я старался ближе познакомиться и узнать об их практических способностях, необходимых для нашей резидентуры, с Михаилом Макаровым (Карлос Аламо, Хемниц), Германом Избутским (Боб), Рейхманом (Вассерман), Ф. Гофштаджеровой (Мальвина) и другими. Как я и предполагал, абсолютно все они не представляли почти никакой ценности для нашей резидентуры с точки зрения разведки. Через Боба мне удалось установить связь с Исидором Шпрингером (Ромео), а через него – с Ритой Арну (Жюльеттой). Однако и они использовались мною в основном – Ромео в качестве связиста, а Жюльетта для найма на ее имя конспиративной квартиры, вернее, виллы.

Через некоторое время с помощью «Центра» и по его указанию была установлена очень ценная связь с Иоганном Венцелем (Герман), опытным радистом, который лично стал обеспечивать не только прямую связь моей резидентуры с «Центром», но и хорошую подготовку по этой профессии Хемница. После этой подготовки Хемниц тоже обеспечивал мою прямую радиосвязь с «Центром».

Постепенно работа в резидентуре нормализовалась. Начали поступать и некоторые ценные разведывательные данные, передаваемые мною незамедлительно в «Центр».

К числу ценных источников следует отнести вернувшегося из лагеря во Франции, в котором он находился после ареста 10 мая 1940 г., «англичанина», владельца «Селект скул».

Приняв резидентуру, я стал зондировать почву, позволяющую создать «крышу». Де Буа подсказал мне, что более реальным и полезным будет в качестве моего коммерческого предприятия организовать акционерное общество. Как мне удалось впоследствии организовать фирму и какова была ее практическая польза для наших резидентур, я более подробно остановлюсь несколько дальше.

Сейчас хочу особо подчеркнуть, что знакомство с Маргарет Барча, с Блондинкой, оказалось весьма полезным не только в деловых, коммерческих отношениях, но и еще в большей степени в нашей разведывательной деятельности. Правда, это произошло для меня совершенно неожиданно. Выполняя свое обещание, данное Зингеру, отцу Маргарет, я поддерживал добрые отношения. Помог устроить ее сына, Рене, в католическую школу-интернат. Интересовался ее материальным положением, но вскоре мог понять, что «пока она не нуждается ни в какой помощи в этом отношении».

Через Блондинку я продолжил некоторые деловые связи, переданные мне ее отцом и братом, а поэтому часто подчеркивал в разговоре с ней, что я перед ней в долгу. Конечно, она не знала, что в это время я практически еще никакой коммерческой деятельностью не занимался.

Однажды Маргарет мне сообщила, что звонил прибывший из Праги чех по фамилии Урбан и просил, чтобы она его приняла. Она сказала, что Урбана она знала еще по Праге. Он связан деловыми отношениями со своим дядей Беранеком, являющимся владельцем крупных плантаций хмеля, который считается лучшим в мире и экспортируется буквально во все страны. Фирма Беранека является многолетним партнером в деловых отношениях с Зингером. В разговоре со мной Маргарет указала, что ей не хотелось бы принимать Урбана у себя и вести с ним деловые разговоры, к которым она не подготовлена. Мы решили, что прием Урбана мы организуем у меня.

Визит Урбана состоялся. Я рассказал ему о том, что в настоящее время создаю собственное предприятие, вернее, коммерческую фирму, а до этого просто размещал свои капиталы в различные предприятия. Уточнить, в каких предприятиях я участвую, не потребовалось. Мы договорились, что будем поддерживать с ним связь, а он попытается установить, какие чешские фирмы будущая моя контора сможет представлять.

После довольно продолжительной беседы, затрагивающей множество вопросов, в том числе и об образе жизни в протекторате, мы дружески расстались. Маргарет осталась довольна тем, что я очень хорошо отзывался о ее недавно умершем муже, об отце и брате.

Мне же показалось, что знакомство с Урбаном может быть для меня полезным.

Наиболее значимым событием явилось то, что в один из дней, вскоре после оккупации Бельгии немцами, Маргарет пригласила меня на ужин к себе, сказав, что к ней придет в гости ее родственница. Приглашение было немедленно принято.

Придя к назначенному часу в квартиру с букетом цветов, я заметил, что в гостиной сидели сама хозяйка и молодая дама, оказавшаяся немкой. Она представилась как фрейлейн Аман. В каком родстве она находилась с Маргарет, конечно, сразу я понять не мог. Только несколько позже узнал, что она сестра жены брата Маргарет.

Фрейлейн Аман знала адрес своей сестры, с которой часто переписывалась. Прибыв в Брюссель, решила навестить её. Она не застала в известной ей квартире сестры и узнала от соседей о том, что Зингер с женой больше здесь не живут. Они порекомендовали ей после сказанного обратиться к сестре Зингера, которая проживает в этом же доме по другой лестнице, и назвали номер квартиры. Воспользовавшись полученными сведениями, фрейлейн Аман сразу же направилась в квартиру Маргарет, которую до этого она видела один-два раза. Застав хозяйку квартиры дома, она условилась провести вечер вместе. В свою очередь, Маргарет решила пригласить на ужин и меня.

Из разговора за ужином с фрейлейн Аман я узнал, что она по специальности машинистка и работает в Берлине в какой-то торговой фирме. Когда в армейских и других службах, расширившихся во время войны, повысился в значительной степени спрос на машинисток, в Германии многих из них призвали и направили в армию или другие службы. Так произошло и с фрейлейн Аман. Она была направлена для несения службы в интендантуру. Вскоре продвинулась по службе, так как, кроме того, что она имела опыт работы машинисткой, долгое время работала в торговой фирме и секретаршей.

Когда же Бельгия была оккупирована немцами, была укомплектована интендантская служба для направления в Брюссель. В состав этой интендантуры была направлена и фрейлейн Аман со своим начальником, если память мне не изменяет, полковником немецкой армии.

Отзываясь о своем начальнике, фрейлейн Аман с большим уважением подчеркивала, что и он не является кадровым офицером, а ему удалось пристроиться к интендантуре, чтобы не быть направленным на фронт. Ее начальник якобы один из самых крупных владельцев табачных фабрик, выпускающих сигары, сигареты и даже табак для трубок.

Еще не полностью поняв, с кем имею дело, я вел себя очень осторожно и проявлял по отношению к молодой немке допустимую любезность. Я позволил себе даже пригласить ее и Маргарет к себе в гости.

Конечно, я не осмелился пока пригласить её вместе со своим начальником. При первой нашей встрече я еще не знал, каковы взаимоотношения между полковником и его секретаршей. Во всяком случае, мне казалось, что фрейлейн Аман сможет мне пригодиться и в моей будущей коммерческой деятельности, и в разведывательных целях. Дальнейшие события показали, что я в своих предположениях не ошибся, но и не мог еще даже предвидеть, насколько значимой будет помощь со стороны моей новой знакомой.

Конечно, ни фрейлейн Аман, ни даже Маргарет не знали, да и, пожалуй, не могли себе представить, что их «приятный» собеседник, Винсенте Сьерра, уругвайский гражданин, в действительности является советским разведчиком Кентом.

Правда, в ходе развития дальнейших событий Маргарет стало известно, что друг ее отца, покойного мужа и брата, Винсенте Сьерра, в действительности гражданин Советского Союза и работает в разведывательной службе. Однако то, что она сама известна в «Центре» и имеет псевдоним Блондинка, так никогда и не узнала. Несколько лет благодаря своим действиям она могла быть уверена, что во всех отношениях она содействует коммерческой деятельности не только Винсенте Сьерра, но и его другу, приезжающему из Парижа, который был известен как Жильбер. Жильбер проявлял по отношению к ней свои чувства любви, что Маргарет очень не нравилось.

Разведывательная деятельность принятой мною от Отто резидентуры постепенно

расширялась. Я сумел, кроме всего, организовать плановую работу радиосвязи с «Центром». Кстати, до конца 1941 года моя радиостанция обслуживала полностью и вновь организуемую резидентуру Отто во Франции, так как у него радиопередатчика не было и тем более у него не было радистов.

Больше того, в связи с тем, что Отто не умел не только составлять, но и тем более шифровать радиogramмы, именно мне приходилось шифровать все направляемые мною и Отто материалы в «Центр». «Центр» в свою очередь направлял свои шифровки со своими указаниями обоим резидентурам в мой адрес. После их расшифровки мною те радиogramмы, которые предназначались для Отто, передавал ему. В этих целях я выезжал в Париж или Отто приезжал ко мне. Подобная радиосвязь была более активной после того, как связь с «Центром» через связистов «Метро» была полностью прервана.

Справедливость требует, чтобы было признано большое участие в работе бельгийской резидентуры Германа и Хемница. Они выполняли сложную и опасную работу по обеспечению систематической, четкой радиосвязи с «Центром». В результате того, что Отто не сумел долгое время у себя в Париже организовать работу радиосвязи, в Бельгии мои радисты были перегружены, им приходилось работать почти каждый день и по многу часов. Я неоднократно предупреждал Отто, что ему необходимо иметь свою радиолинию с «Центром», но он долгое время никаких надлежащих мер не предпринимал.

Создалось недопустимое положение со слишком частой работой радиосвязи. Надо было иметь несколько конспиративных квартир для Германа и Хемница. Я поручил Хемницу подобрать соответствующие помещения для работы его радиостанции. Убедившись в том, что Хемниц оказался неготовым к выполнению моих указаний в достаточной степени, я решил, чтобы красивая молодая Жюльетта сняла на свое имя подобранный мною небольшой домик. Ее молодость и красота позволяли создать впечатление и объяснить то, почему у нее часто ночевал молодой гражданин из Латинской Америки, проживающий в Брюсселе по уругвайскому паспорту на имя Аламо. Я предусматривал, что, кроме Хемница, этим домом никто не будет пользоваться. У Германа, как он меня заверял, было достаточно конспиративных квартир.

Отто пришлось согласиться со мной в той части, что нельзя слишком загружать радиостанции бельгийской резидентуры, и через некоторое время он прислал в Брюссель из Парижа двух «надежных» агентов: не особенно молодую женщину Софи Познанскую, которую я должен был обучить работе с шифрами, и молодого человека Альбера Десме (Давида Ками), будущего радиста парижской резидентуры, обучение которого было поручено Хемницу.

Я не видел ничего предосудительного в том, что будущая шифровальщица будет проживать в доме, снятом Жюльеттой. Проживание двух молодых женщин в одном доме позволяло в дни работы рации и при необходимости участия в ней двух радистов устраивать «встречи» этих женщин с молодыми юношами. В эти вечера и ночи, несмотря на работу рации, в доме поздно горел свет и играла музыка, что могло создать впечатление у жильцов ближайших домов, что молодежь веселится.

Прошло уже много лет с того времени, когда я стал резидентом, но вынужден отметить, что среди ряда предполагаемых моих ошибок в моей деятельности есть одна неоспоримая. Серьезной ошибкой явилось то, что я не исключил возможности для Отто узнать адрес дома, арендованного нами на имя Жюльетты. Не исключаю возможности того, что этот адрес даже я сам ему сообщил. Я действительно еще некоторое время считал Отто своим «старшим». Говоря «считал старшим», я не имею в виду, что я продолжал быть его подчиненным, нет, я был подчинен только непосредственно «Центру». «Старшим» я продолжал еще некоторое время считать Отто в том смысле, что он был более опытным разведчиком, чем я.

Должен также отметить, что Отто продолжал делать вид, что относится ко мне весьма доброжелательно и, как мне даже казалось, с определенным уважением. Во всяком случае, он любил это всячески демонстрировать. Иногда у меня возникало сомнение в том, не старается ли он по каким-то соображениям делать вид, что не таит по отношению ко мне

обида за сказанное мною в его адрес при передаче от него резидентуры в присутствии представителя «Центра». Я себя успокаивал тем, что Отто должен был признать, что я не занимался клеветой, не выдумывал обвинения в его адрес, а говорил истинную правду. Во всяком случае, я постоянно поддерживал связь с Отто и старался ему помогать.

Мне казалось, что сохранению хороших отношений между мною и Отто должно было способствовать и то, что именно мне с помощью «Метро» удалось обеспечить безопасное возвращение в Москву жены Леопольда Треппера с детьми и находящегося в Брюсселе в результате допущенной Отто ошибки Фрица.

Длительное время Отто был лишен возможности приезжать в Бельгию из Франции. Его приезды стали возможны только после того, как он сменил свои «сапоги» и стал Жильбером. Этому содействовала во многом созданная мною в Бельгии надежная «крыша» и образованный филиал в Париже. Правда, господин Жильбер никогда не входил в руководство созданной фирмы и ее филиала, а был только связан с ней на правах коммерсанта, пользующегося «оплатой» в размере установленных по договоренности с ним процентов от операций, в которых он принимал участие.

Сразу хочу особо отметить, что во время своих приездов в Бельгию господин Жильбер всегда останавливался у меня. Он познакомился и с Маргарет. В разговоре со мной он постоянно высоко оценивал переданные через нее мне ее отцом деловые контакты с различными фирмами в Германии и Чехословакии. Узнав о том, что именно благодаря Маргарет и ее родственнице мне удалось наладить контакт с немецкой интендантурой еще до создания в скором времени мною новой фирмы, он высоко оценил и эту её помощь. Конечно, я предупреждал Отто, что Маргарет ничего не знает о моей разведывательной деятельности. Безусловно, я не ставил в известность Отто и о том, что доложил о Маргарет Барча в «Центр» и присвоил ей псевдоним Блондинка.

Вскоре через фрейлейн Аман я познакомился с одним из руководящих работников немецкой интендантуры, как мне казалось, полковником. На наши встречи вначале он приходил в штатском. Однако мне удалось уточнить его фамилию. Он был не полковником, а майором Бретшнейдером. Прошло немного времени, и я узнал, что Бретшнейдер не только является непосредственным начальником фрейлейн Аман, но и ее любовником. Мне удалось узнать еще одну весьма важную деталь. Как я уже указывал, Бретшнейдер в мирное время был владельцем крупных табачных фабрик. Эту свою деятельность он не оставил и в военное время. Имея сравнительно незначительное звание майора, занимая в интендантуре более высокую должность, ему удалось, вначале по непонятным для меня причинам, завоевать значительный авторитет среди руководства.

Мое сближение с майором Бретшнейдером произошло совершенно неожиданно. Буквально через пару месяцев после знакомства с фрейлейн Аман, а затем и с ее шефом Маргарет, заручившись моим обещанием никому не рассказывать о нашем разговоре, совершенно конфиденциально поинтересовалась, нет ли у меня знакомого врача гинеколога, который мог бы тайно помочь фрейлейн Аман. Не поняв вопроса, я попросил расшифровать причину, вызвавшую подобную просьбу. Еще раз получив от меня заверения, что содержание разговора будет сохранено в строжайшей тайне, Маргарет, явно волнуясь, сообщила мне, что фрейлейн Аман уже несколько месяцев беременна в результате интимных связей с шефом. Конечно, имеющий семью шеф и сама фрейлейн Аман должны были сохранить в глубочайшей тайне их близкие любовные отношения.

Врач был среди моих знакомых. Он часто появлялся в обществе моих бельгийских «друзей», и мы с ним уже довольно давно сблизились. После моего конфиденциального разговора с этим врачом он согласился за соответствующее вознаграждение сделать аборт, сохранив все в абсолютной тайне.

В соответствии с договоренностью с врачом было принято решение, что фрейлейн Аман на несколько дней переедет в квартиру Маргарет, а врач, предварительно проверив свою новую пациентку в необходимых клинических условиях, принесет весь необходимый инструмент, сделает на частной квартире аборт и проследит за нормальным ходом полного

выздоровления. Все прошло удачно, и, конечно, Бретшнейдер знал, что ему и фрейлейн Аман помогли Маргарет и я, Винсенте Сьерра, а поэтому наши «дружеские» отношения значительно окрепли, участились встречи.

Как я уже указывал, вскоре после оккупации Бельгии немецкими войсками в Брюссель вернулись из лагерей, расположенных во Франции, тоже уже оккупированной гитлеровцами, освобожденные все ранее арестованные бельгийской полицией граждане. Владелец «Селект скул» сразу после своего возвращения в Брюссель оповестил об этом своего ученика, а при нашей встрече с ним сердечно благодарил меня за то, что я очень внимательно относился к оставшейся в одиночестве его жене и даже оказывал ей материальную помощь. Я не ошибся в предположениях о том, что мой учитель был арестован союзниками по подозрению в его принадлежности к немецкой разведке. Тогда я мог только предположить, что в случае победных действий гитлеровцев в Западной Европе учитель вернется в свою школу и я смогу продолжить свою учебу. В то же время я предполагал, что если действительно он верой и правдой служил гитлеровской Германии, то, вернувшись в свою школу, будет еще иметь какое-то привилегированное положение со стороны оккупационных властей. При хорошем его отношении ко мне я мог рассчитывать на определенную с его стороны помощь в моей деятельности без фактического посвящения моего учителя в ее действительную направленность.

Мои предположения очень быстро оправдались, и я почувствовал определенную помощь. Вскоре «учитель» познакомил своего «любимого ученика» с одним рексистом, который занимал довольно заметную должность в немецкой комендатуре. Почти сразу же я получил постоянный пропуск, дающий право круглосуточного передвижения по Брюсселю, включая и период комендантского часа. Через некоторое время я получил еще и специальный пропуск на мою автомашину, разрешающий тоже круглосуточно передвигаться по городу. Несколько опережая ход событий, хочу указать, что в дальнейшем уже не только с помощью рексиста, но и при содействии немецкой интендантуры мною был оформлен еще один очень важный для меня документ.

Не могу не вспомнить смешной инцидент, связанный именно с этим документом, с совершенно особым пропуском. Однажды вместе с Маргарет я выехал на машине из Брюсселя и направился в одно из сел во Фландрии, чтобы пополнить мои и ее продовольственные запасы. Мы купили окорок, яйца, кур, масло и прочее. В это время при наличии продовольственных карточек, выдаваемых городской администрацией под контролем оккупантов, проводилась активная борьба против спекуляции и незаконного приобретения продуктов питания в нарушение установленных лимитов. Эту борьбу, в первую очередь, осуществляли бельгийские полицейские и жандармы, которые услужливо сотрудничали с оккупантами. Уже возвращаясь в Брюссель, проехав довольно значительную часть пути, наша машина была остановлена бельгийскими жандармами, потребовавшими осмотреть все, что находилось внутри машины и в багажнике.

Не растерявшись, я сделал вид, что не понял, о чем идет речь, и, не произнеся ни одного слова, жестом показал на приклеенный к смотровому стеклу пропуск. В нем стояла подпись и обычная печать синего цвета городской комендатуры и красная печать немецкой полиции, а если говорить правду, по существу, гестапо. Больше того, этот документ был не совсем обычным пропуском, а, скорее, обращение с требованием, чтобы владельцу машины все административные органы оказывали внимание и необходимое содействие. Все изложено на немецком языке, так как было обращено, в первую очередь, к оккупационным службам. Кроме этого документа был прикреплен пропуск установленного образца, составленный на немецком, французском и фламандском языках, дающий право передвижения в установленном порядке.

Естественно, пропуск письмо на немецком языке жандармы прочесть не могли, но, увидев на нем синюю и красную печати, подчеркиваю, в особенности красную, они быстро среагировали, вежливо попросив извинения, и разрешили следовать дальше. Надо было видеть выражение лица Маргарет, вначале испугавшейся и растерявшейся. Она не только

стала улыбаться, но с недоумением пристально смотрела на меня. Мы спокойно продолжали наш путь. Этот пропуск позволял мне иногда, правда, с небольшим риском, передвигаться, имея в машине довольно хорошо замаскированный радиопередатчик. Часто это было необходимо при перемене места работы радиста моей резидентуры и даже позволяло совершать выезд в этих целях за город в снимаемые нами дома. Повторяю, в связи с тем, что нам длительное время приходилось обслуживать связью с «Центром» находившегося в Париже Отто, радистам приходилось работать часто и подолгу.

Вернувшись в Брюссель, Маргарет была очень благодарна за доставленные продукты. Это позволило ей подкармливать сына, Рене, и угощать фрейлейн Аман, часто навещавшую ее, и, безусловно, лучше питаться самой.

В связи с увеличением объема работы мне понадобилась еще одна надежная связистка. По совету Ромео я выбрал ее из бельгийского движения Сопротивления. Рекомендую молодую патриотку, Ромео подчеркнул, что она себя ничем пока еще не скомпрометировала перед оккупантами, умело выдает себя за рексистку. Ей я дал псевдоним Вера.

Возник вопрос, где организовать первую встречу с Верой. Мне надлежало с ней о многом переговорить и предпринять в целях дальнейшей предосторожности в нашей совместной работе ряд мер. Позволю себе остановиться несколько подробнее. Возможно, некоторым наша первая встреча с Верой может показаться вульгарной и недопустимой в работе разведчика. Нет, это далеко не так. Не желая еще раскрывать перед Верой адреса наших конспиративных квартир, я решил воспользоваться в целях разрешения возникшего вопроса широко распространенными в Брюсселе домами свиданий.

Я уже знал к этому времени от ван дер Стегена, что в Бельгии официально, как и во многих католических странах, публичные дома и проституция запрещены. Но, подчеркнул ван дер Стеген, на улицах Брюсселя можно встретить немало женщин легкого поведения. Среди них якобы немало француженок. Все девушки, стремящиеся заработать деньги, обязаны были встать на учет в полиции и получить там так называемые желтые карточки, дающие право, по существу, заниматься проституцией. Эта карточка была действительна на все время занятия этими девушками фактически запрещенной профессией. Как только, заработав достаточно денег, девушка принимала решение о прекращении этой позорной деятельности, она была обязана сдать карточку обратно в полицию и тем самым возвращалась к добропорядочному образу жизни, могла даже, выйдя замуж, обзавестись семьей.

Что касается публичных домов, то они в Бельгии фактически существовали и до войны. Больше того, их адреса легко было установить. Для этого было достаточно приобрести ежедневную газету, выпускаемую массовым тиражом под названием «Дерньер ор». На последней странице этой газеты помещались объявления с адресами «домов с лечебным массажем или лечебными ваннами». Всем было попятно, что это публичные дома.

Естественно было бы задать вопрос, какой интерес для разведчика может иметь проституция? Жизнь показала, что и он подлежит изучению по многим причинам. Одной из причин является то предупреждение, которое я получил еще в «Центре». Оно гласило, что разведчик должен опасаться проституток и публичных домов, так как девушки, избравшие себе эту специальность, могут оказаться агентами полиции. Меня же этот вопрос интересовал еще и по другой причине.

Почти сразу же после оккупации Бельгии в стране появились официальные публичные дома. Правда, на каждом из них, специально предназначенных для оккупантов, висели предостерегающие надписи: «Только для офицеров», «Только для рядового состава», «Только для вольнонаемных» и т.д. Зачем же немцам понадобились эти публичные дома? А ведь некоторые из них были размещены на некоторых улицах буквально рядом друг с другом. Ответ я получил из многих источников.

Так, например, во Франции некоторые публичные дома размещались близ расположения воинских казарм. Одно время шла борьба за их закрытие, но не возымела успеха. Официально было дано объяснение, что наличие публичных домов близ казарм

имеет большое значение. Утверждали, что, во-первых, при получении увольнительной для отдыха солдаты часто путаются с подозрительными девицами, что подвергает их риску получить венерическое заболевание, в то время как в публичных домах обеспечивается медицинский надзор; во-вторых, даже приличные девушки, познакомившись с проходящими службу в армии юношами, часто беременеют от них, что порождает большое количество незаконнорожденных детей; в третьих, к находящимся на краткосрочном отдыхе солдатам якобы могут быть подсланы вражеские агенты в виде девушек легкого поведения.

Поделившись услышанным с де Буа и моим «учителем», я получил не только подтверждение всего сказанного, но и дополнительные разъяснения. Оказывается, многие француженки, получающие в Бельгии «желтые карточки», иногда принадлежали к добропорядочным семьям, но материально не обеспеченным. Больше того, у некоторых из них были даже весьма порядочные женихи, желающие не только обрести хорошую семью, но и предварительно получить высшее образование. У этих парней не всегда на это хватало денег. Вот тогда молодая девушка, то ли из желания обеспечить себе и своей будущей семье лучшую жизнь, то ли помочь жениху исполнить его желание, отправлялась на некоторое время в Бельгию, подальше от дома, от своих родных и друзей, на промыслы, получая на некоторое время «желтую карточку». Заработав достаточную сумму денег, она возвращалась домой, раз и навсегда сдав полученную карточку. Во Франции эта девушка выходила замуж за своего жениха, уже получившего благодаря ее «заработку» высшее образование. Молодая семья иногда получала возможность открыть собственную табачную лавку или открыть небольшой салон по изготовлению шляп или мелкому пошиву. У них образовывалась дружная благопристойная семья.

Что же касается имеющих в Брюсселе «салонов массажей или гигиенических ванн», адреса которых печатались в газете, то они размещались в отдельных небольших, по уютных домах или виллах. Как мне рассказывал ван дер Стеген, «желающих получить массаж» или «принять ванну» встречали в небольших уютных гостиных, где их якобы угощали вином или другим каким-либо напитком, а через некоторое время, выяснив у посетителя, какую даму он хочет встретить – блондинку, брюнетку, шатенку, очень молодую или уже имеющую достаточный опыт, ему приносили несколько фотографий предлагаемых женщин. Оказывается, время, затраченное на угощение и на уточнение ряда пожеланий посетителя, не было напрасным – «девушки» могли посмотреть через глазок, незаметно вделанный в стену, своих клиентов. Им важно было видеть, не отец ли, не муж ли, или просто знакомый пришел. Убедившись, что посетитель незнакомец, «массажистка» разрешала показать ему свои фотографии.

Де Буа и мой «учитель» подчеркнули в разговоре со мной, что, несмотря на то, что во всех подобных заведениях ведется медицинское наблюдение, они не советовали бы по многим причинам их посещать. Если же я, молодой и одинокий Винсенте Сьерра, захочу вступить в интимную связь с какой-либо благопристойной девушкой, действительно принадлежащей к порядочному обществу, но согласной на это, то они могут порекомендовать воспользоваться услугами тайных домов свиданий. В эти дома можно прийти с любой дамой, безразлично, замужем она или еще девушка, не боясь никакого разоблачения. Заплатив за комнату, а, в некоторых случаях, и за какое-либо угощение, гости проходят в предоставляемое помещение. Никто не спрашивает, кто они, не просит предъявить какие-либо документы. После окончания свидания гости уходят через черный ход, что гарантирует недопущение неожиданной встречи с новыми гостями, в числе которых, как я уже сказал, может оказаться отец, муж или жена, сын или дочь, просто знакомый.

Проявив интерес к рассказанному, я все же поинтересовался, как может полиция допускать подобные нарушения? Рассмеявшись, мои собеседники пояснили, что все эти заведения весьма доходны и их владельцы способны заинтересовать полицию в их деятельности.

После этих разговоров я решил иногда посещать подобные дома свиданий,

пользующиеся доверием и хорошей репутацией. Иногда мне надо было организовывать встречи с женщинами, являющимися связистками или источниками, если надо было затратить некоторое время на обработку материалов, снятие копий или обсуждение задания. Так было и в случае первой моей встречи с Верой.

Мы посетили хороший дом свиданий, пробыли там обычно затрачиваемое влюбленными время. Создали впечатление, что приходили с определенной целью. Для этого мы привели в беспорядок имеющуюся в комнате кровать, даже намочили полотенце, оставили следы губной помады на наволочке и простыне. В действительности же я внушил Вере, что она подписывает составленное мною тайнописью (это я делал только вид, что употребляю тайнопись) обязательство не разглашать наши действительные отношения и выполнять безоговорочно все мои задания. Кроме того, я в письменной форме, чтобы никто не мог подслушать, дал ряд поручений. Записку с заданием тут же после ее прочтения Верой я мелко изорвал и спустил в унитаз. Естественно, в данном случае и при других подобных «свиданиях» ни о каких любовных отношениях не могло быть и речи.

Вера работала неплохо, выполняя все мои поручения. Но после того как появилась угроза ее провала, она переехала в неоккупированную зону Франции и продолжала свою связь с имевшейся там группой движения Сопротивления.

В один из осенних дней Ромео попросил срочной встречи со мной. Она состоялась в Брюгге. Ромео был заметно возбужден. Едва поздоровавшись со мной, он начал, иногда даже путаясь в словах, излагать, что его вывело из нормального состояния. Ему сообщили из бельгийского движения Сопротивления, что многие участники этого движения, по национальности евреи, получили предупреждение от какой-то сионистской организации, запрещающее им принимать активное участие в каком-либо сопротивлении оккупантам.

Ромео не мог понять, на чем основывается подобное указание. Ведь в Бельгии, как это было раньше в самой Германии и захваченных ею странах, все евреи были обязаны явиться в соответствующие органы, где на удостоверении личности ставилась печать с изображением обычно латинской буквы «J», первой буквы слова «еврей». Больше того, все евреи должны были нашивать на свою одежду желтые шестиконечные звезды с надписью по-французски: «Еврей». Многих арестовывали и отправляли в немецкие лагеря, часто в народе называемые лагерями смертников.

Ромео, не зная, что мне уже известны примеры подобного зверства по отношению к евреям со стороны оккупантов, рассказал об одном из таких случаев.

В одной из католических церквей Бельгии был арестован католический священник. Причиной ареста явилась допущенная им «провокация», так объяснили свой поступок оккупанты. «Провокация» же заключалась в том, что католический священник во время церковной службы появился в положенном для него одеянии, но на груди была вышита желтая шестиконечная звезда, подтверждающая, что он иудей.

Священник якобы при своем аресте дал исчерпывающее объяснение, но это ему не помогло. Чем же он объяснил свой поступок, оцененный как провокация? Ссылаясь на известный Нюрнбергский закон, священник пояснил, что этот закон предусматривает такое положение, при котором евреем считается каждый, у кого в родстве в трех поколениях, а вернее, в одном из них были евреи. То, что прапрадед, прадед, а быть может, и дед в свое время отреклись от своей веры, веры своих предков, приняв католическую веру, или, быть может, даже посвятили себя церковной католической или протестантской службе, в соответствии с действующим законом не принималось в расчет при установлении национальности последующих поколений.

Я не мог тогда ничего ответить Ромео на его вопрос о том, существуют ли указания сионистских организаций, запрещающие какое-либо участие евреев в сопротивлении фашистам. Я обещал Ромео постараться уточнить этот вопрос.

Признаюсь, несмотря на полученную информацию, я относился к ней с подозрением и мог даже предположить, что ее источниками являются сами фашистские оккупанты, стремящиеся внести определенный раскол в возникающее и всевозрастающее по

численности в оккупированных ими странах движение Сопrotивления.

Действительно, трудно было поверить в возможность такого положения, когда какие-либо сионистские организации, которые должны были защищать евреев, спасти их от преследований и даже от возможной гибели, способны были идти на «примирение» с теми, кто стремится их поработить и даже больше того – полностью уничтожить.

При очередной встрече с Отто я рассказал ему об этих слухах, но и он не мог поверить в то, что они являются обоснованными.

Сейчас я вынужден признаться, что проявленное мною и Отто недоверие было ошибочным. Много лет спустя в различных публикациях, в особенности посвященных деятельности Эйхмана, я обнаружил ряд фактов, свидетельствующих о том, что часть стоявших во главе сионистской международной организации руководителей действительно шли на этот, по существу изменнический шаг по отношению к евреям. По этим публикациям можно только предположить, что сионистские организации стремились достигнуть «договоренности» с фашистами, в результате которой была бы спасена хотя бы их верхушка, то есть находящиеся в их руководстве наиболее богатые евреи. Больше того, возможно, путем этой «договоренности» с арийцами они, сионисты, могли бы создать изолированное государство в целях объединения на его территории всех оставшихся в живых евреев.

Каковы были применяемые для этого сионистами методы, я мог, уже многие годы не связанный с разведывательной работой, довольно исчерпывающе узнать из литературы, изданной в Советском Союзе, и из зарубежной литературы.

В своей работе я уделял внимание мерам предосторожности для тех членов резидентуры, которым могла угрожать опасность со стороны фашистских оккупантов как лицам еврейской национальности.

Заканчивая эту главу, мне хочется еще раз остановиться на поездках в Швейцарию. На этот раз мои воспоминания должны служить единственной цели, а именно доказательству правильности моего стремления в период пребывания в Гельветической федерации изучить ее историю и ознакомиться с теми городами, в которых я побывал. Да, в моей разведывательной деятельности все это приобрело достаточно большое значение.

В Брюсселе пришлось бывать с моими «друзьями» в одном из ночных клубов. Они познакомили меня с одним, уже немолодым, человеком, который, как мне казалось, был совладельцем этого клуба и выполнял обязанности распорядителя в большом зале, где размещались столики для гостей и устраивались концерты и танцы.

Посещая довольно часто это заведение, мы подружились с этим человеком, оказавшимся швейцарцем. В дальнейшем наши отношения настолько сблизили нас, что ко времени создания мною акционерного общества я предложил ему стать нашим акционером. Он согласился.

Кроме того, этот швейцарец служил для меня в некотором смысле и источником для получения необходимой информации по многим вопросам и создал возможность установить знакомство со своими клиентами, не только бельгийцами, но и немцами и одним, оказавшимся для меня ценным, выходцем из Люксембурга.

К сожалению, сейчас вспомнить его фамилию я не могу, но, если бы кому-либо из моих читателей хотелось ее установить, он мог бы попытаться ознакомиться с бельгийским «Королевским вестником», в котором опубликовано сообщение о создании нашего акционерного общества и перечислены все его акционеры.

Я принял решение познакомить «швейцарца» с Маргарет.

У читателей может возникнуть вопрос, зачем мне понадобилось в разговоре со «швейцарцем» упоминать Маргарет? Это объясняется в первую очередь тем, что я решил в дальнейшем довольно часто пользоваться этим клубом для встречи с моими друзьями, среди которых собирался подобрать своих будущих коммерческих соратников. Мне казалось полезным участие в этих компаниях привлекательной, высококультурной женщины.

В дальнейшем мои предположения полностью оправдались, так как Маргарет очень много помогала в подборе будущих акционеров создаваемого акционерного общества, одним

из которых стал и «швейцарец». Кроме того, на всех устраиваемых мною приемах она выполняла роль «хозяйки моего дома».

Желая укрепить наши отношения, я пообещал «швейцарцу» рассказать еще многое, но для этого в клубе не хватит времени, а потому пригласил его к себе на обед. Вот здесь, у меня на квартире, он впервые познакомился с Маргарет. Она ему тоже очень понравилась. Его поразили ее культура и глубокие знания.

Мы еще не раз вернемся к нашим отношениям с этим «швейцарцем». Позвольте перейти непосредственно к тому, что происходило в моей деятельности дальше.

Из участвовавших бесед с фрейлейн Аман и майором Бретшнейдером я узнал, что у них в данное время много работы, так как им надлежит размещать довольно большие заказы на изделия, необходимые для немецкой армии на случай ее боевых действий в жарких странах и странах с низкой температурой воздуха. На основе сказанного можно было предположить, что Германия готовится к военным действиям в районе Ближнего Востока, на Африканском континенте и... (а это было самым главным: в случае усиления военных действий в Скандинавии и начала агрессии, несмотря на заключенный договор о ненападении) против Советского Союза.

Естественно, всю поступающую информацию я срочно направлял в «Центр» до начала Великой Отечественной войны в основном через «Метро», а после только по имеющейся в моем распоряжении рации.

Одновременно с попыткой усилить разведывательную работу я уделял большое внимание созданию «крыши». Как разворачивалась эта работа, подробно расскажу в следующей главе. Я убежден, что этот рассказ внесет полную ясность по ряду вопросов, связанных с работой двух независимых резидентур – в Бельгии и во Франции. Еще в большей степени эта часть моих воспоминаний поможет совершенно четко опровергнуть многие измышления, встречаемые в отечественной и зарубежной литературе и даже в ряде выпущенных, особенно за рубежом, кинофильмов, посвященных «Красной капелле». Это, с моей точки зрения, весьма важно для восстановления исторической правды.

ГЛАВА XV. «Крыша». Коммерческая и разведывательная деятельность

После того, как я уже окончательно стал резидентом советской военной разведки в Бельгии, все свои силы и возможности я направлял на создание не только новой, действительно работоспособной резидентуры, но и ее надежной «крыши». От Отто ни в том ни в другом случае я не мог ждать помощи, потому что, боясь провала в Бельгии, он буквально удрал во Францию (по тем же причинам вместе с Отто в Париж бежал Андре).

Кстати, после принятия мною от Отто в присутствии представителя «Центра» Большакова бельгийской резидентуры ни он, ни «Центр» не сочли нужным уведомить меня о том, что Отто остается нашим руководителем. Это было вполне логично после всего, что я докладывал Большакову в присутствии Отто и он не мог мне возразить. Только недавно, после моей реабилитации в 1991 г., стало известно, что якобы Отто по поручению «Центра» продолжал руководить мною, резидентом бельгийской резидентуры. Удивление и, больше того, возмущение этим заявлением вызвано еще и тем, что в период моей работы до декабря 1941 г. связь с «Центром» поддерживал непосредственно я. Все указания «Центра» в части работы бельгийской резидентуры шли только на мое имя, а направляемая мною информация и сообщения по организационным вопросам, а также о принятых мною вопросах шли тоже только за моей подписью, подписью Кента.

Я должен указать и на то, что с начала Великой Отечественной войны и опять-таки до конца 1941 года Отто из Франции поддерживал связь с «Центром» только по имеющейся у меня рации. Правда, в некоторых случаях, если память мне не изменяет, я, направляя эти шифровки, ставил свою подпись, но в тексте обязательно указывал, что этот материал

направляется от имени Отто.

Если в самом начале моей разведывательной деятельности обнаружились некоторые недостатки полученной мною в «Центре» подготовки, то по мере моего вставания в новую жизнь я начинал чувствовать все с новой силой, как важно было в процессе обучения и подготовки легализации, создания вокруг меня легенды обращать значительно больше внимания на некоторые, казалось бы не имеющие значения, мелочи.

В самом начале я думал только о том, что мне надо было бы лучше знать мою «родину» в строгом соответствии с выданным мне «сапогом», знать детально мой «родной» город, а быть может, немалое значение имело бы создание какой-либо связи по почте с моими родными и друзьями. Ведь не мог же хороший сын, уехав надолго в Европу, ни разу не написать своим любимым родителям, не получить от них ни одного письма, а быть может, и денежного перевода. Если бы я попал под наблюдение полиции или других спецслужб в Бельгии, на это, несомненно, могло быть обращено достаточное внимание и даже вызвать нежелательное подозрение.

По мере вставания в бельгийское общество, состоящее из аристократов, представителей культуры и делового мира, я обнаруживал и ряд других более мелких, но не менеестораживающих пробелов в моей подготовке в «Центре».

Молодому человеку из богатой и хорошей семьи надо было знать элементарные правила поведения, хорошего тона. И на это в «Центре» не обращали внимания. Может быть, думали, что я достаточно подготовлен был моими родителями. Но и в этом случае перед направлением на работу за границу необходимо это проверить.

Приведу еще несколько примеров. Однажды мне необходимо было присутствовать на банкете. Стол был буквально загружен различными яствами. Почти за каждым креслом гостя стоял лакей. Он наливал в рюмки соответствующие тому или иному блюду вина, а в бокалы прохладительные напитки. Неожиданно перед каждым сидящим за столом была поставлена сделанная со вкусом мисочка, а вернее, полукруглый серебряный сосуд, внутри как бы позолоченный. В нем была вода, в которой находились кусочки лимона.

Признаюсь, я не знал тогда, для какой цели были разложены различные приборы, расставлены различные рюмки и бокалы, а тем более, для чего предназначался серебряный сосуд с водой и ломтиками лимона. И вот я принял решение: не надо торопиться. Я внимательно присматривался к тому, как и что они едят, что и когда пьют, то есть в данном случае я старался получить навыки поведения за столом в хорошем обществе.

Невольно вспомнилось мое поведение после того, как я случайно узнал от знакомой корреспондентки о том, как Хемниц, оказавшись на приеме, так же, как и я, не получив в «Центре» достаточной подготовки в этом отношении, увидел сосуд с водой и лимоном и решил утолить жажду. Взяв его обеими руками, он стал пить. Все собравшиеся за столом обратили на это внимание, и у некоторых вызвало улыбку. Потом Хемниц сам мне рассказывал, что когда он сделал первый глоток, то сразу же понял, что совершил ошибку... Вода была теплая, а это означало, что она не была предназначена для питья.

Я же, присутствуя на банкете, внимательно наблюдал за другими и, повторяя увиденное, вскоре узнал, что нам, гостям, подали спаржу. Едят ее с довольно жирным соусом. При этом направляют вилок, находящейся в правой руке, а левой поддерживают и подталкивают саму спаржу ко рту. После того как с этим очень вкусным блюдом все расправились, в теплой воде, находящейся в серебряном сосуде, обмывают покрытые жиром пальцы рук, а лимонные кусочки служат для того, чтобы ускорить процесс удаления с пальцев жира.

Действительно, надо было все время быть начеку. Я должен был думать не только о своем поведении за столом в обществе, но и о том, в какой одежде в зависимости от общества и времени суток должен был появляться, как держаться в обществе дам различных возрастов. Сказанное далеко не полностью может осветить все то, что я должен был тщательно изучать.

Легко было себе представить, что волновало меня. Ведь еще совсем недавно я

абсолютно ничего не знал ни о структуре коммерческих предприятий, ни об их деятельности, ни об обязанностях их владельцев, руководителей и отдельных работников.

Продолжая числиться студентом Брюссельского свободного университета, занятия в котором я стал посещать реже, большее внимание стал уделять учебе в институте, в который поступил по совету владельца «Селект скул».

Больше всего меня интересовало, учась в институте, существующее в Бельгии законодательство, имеющее прямое отношение к порядку создания, оформления и деятельности коммерческих фирм, порядку оформления договоров с различными фирмами и заказчиками, а также соглашений с организациями, финансирующими работу подобных фирм. Также я обращал внимание и на порядок оформления на работу отдельных работников и даже привлечения к работе по соглашениям отдельных коммерческих представителей. Мне казалось совершенно необходимым со всей тщательностью изучить принятую в Бельгии бухгалтерию, чтобы знать в дальнейшем, как ее использовать в интересах нашей резидентуры, когда понадобятся средства для ее работы.

Должен признаться, что занятия были очень интересными, в особенности потому, что для меня все это было совершенно ново. Преподавательский состав был весьма квалифицированным.

Этот институт мне пригодился не только как учебное заведение. Изучая бухгалтерию, я сблизился с преподавателем, ведущим этот курс, и, больше того, у нас установились вполне дружеские отношения. Это позволило мне после того, как я приступил к организации «крыши», и после официального признания нашего акционерного общества его использовать не только по совместительству на работе в должности главного бухгалтера, но и по многим вопросам как консультанта. Больше того, он в значительной степени помог мне расширить круг знакомств среди деловых людей.

Работа по созданию «крыши» продолжалась. Значительная роль в этой работе принадлежала Маргарет Барча. Блондинка не только передала мне некоторые оставленные отцом и братом деловые связи, но и оказала помощь в сборе необходимых средств, в подборе нужных мне людей и, конечно, в установлении крепких деловых отношений с немецкой интендантурой через фрейлейн Аман.

Определенную помощь мне оказывал и Шоколадный директор, с которым меня познакомил Андре. Он имел определенные навыки в коммерческих делах.

Легко понять мое моральное состояние не только в отношении Блондинки и Шоколадного директора, но и других людей, привлекаемых мною к разведывательной работе, но еще в большей степени к моей «коммерческой деятельности». Ведь большинство из них не имело никакого представления о том, что они связаны с разведчиком, а тем более с советской разведкой. Мог ли я без боли и волнения привлекать их к своей деятельности, не думая о том, что может их лично, их семьи ожидать в случае моего личного провала или провала всей резидентуры?

Поверьте мне, соглашаясь на работу в разведке, я понимал, что рискую, возможно, даже ставлю на карту свою жизнь. По ведь я делал это во имя моей Родины, моего народа. Я понимал, что в любом военном конфликте, в котором вынуждена будет принять участие наша армия, а тем более в случае войны и агрессии против Советского Союза каждый воин, каждый гражданин нашей страны будет рисковать своей жизнью. Я понимал, что мне предстоит сделать все для того, чтобы жертв было меньше, чтобы руководство нашей страны своевременно получало необходимую информацию, дабы предотвратить возможность войны или, по крайней мере, уменьшить количество жертв и потерь.

Вербуя разведчиков, связистов, привлекая различные источники, то есть людей для работы в резидентуре или для оказания ей помощи именно в разведывательной деятельности, а тем более вовлекая некоторых деловых людей в создаваемую мною «крышу», я был вынужден подвергать их семьи возможно очень серьезной опасности. В то же время большинство из этих людей не отдавало себе отчета в том, кто я такой и на кого фактически работаю. Поверьте мне, это было для меня нелегко на протяжении всей моей

работы за рубежом. Жизнь, работа требовали этого, и никакого другого выхода для меня не было.

К великому сожалению, в моей работе как разведчика, так и коммерсанта мне никто не мог оказать помощи, кроме тех людей, которых я уже упоминал. Ведь Отто и Андре сбежали во Францию и в первое время даже боялись показываться в Бельгии. Кроме того, если у Андре были некоторые навыки в коммерческой деятельности, то у Отто они отсутствовали напрочь.

Наконец мы уточнили все вопросы, связанные с созданием «крыши», которую решили оформить как бельгийское акционерное общество. Нам надо было срочно подобрать необходимое количество акционеров. Мы понимали, что часть их сможет действительно приобрести акции за наличный расчет, а часть должна будет согласиться быть фиктивными членами акционерного общества, то есть за их согласие стать акционерами мы обязались в дальнейшем выплачивать им определенную сумму, а за их акции – внести необходимую сумму сами. В подборе акционеров и будущих сотрудников фирмы помощь мне оказала тоже Блондинка.

При организации «крыши» возникла еще одна трудность. Мы определили необходимую минимальную сумму, которая должна была составить основной капитал начинающего акционерного общества. А где же взять эти деньги? Часть мне удалось наскрести из тех, которые «Центр» пересылал на мой адрес и которые не были израсходованы, а часть пришлось взять в долг у моих «друзей» и у Блондинки. Я обязался вернуть взятые в долг деньги буквально через несколько дней, что и было мною сделано.

С помощью приглашенного из института, а вернее, нанятого мною юриста были подготовлены все необходимые документы для официального создания и регистрации акционерного общества. В его же присутствии состоялось первое заседание членов нашего акционерного общества, получившего наименование «Симекско», что означало «Общество импорта, экспорта и коммерции». В число акционеров помимо меня и Шоколадного директора вошли Тевенет, «швейцарец» и несколько бельгийцев.

На первом заседании акционерного общества было избрано правление. Председателем (президентом, как он официально числился) правления был избран я. При этом в уставе было обусловлено, что я являюсь не только президентом, но и директором-распорядителем, а Шоколадный директор – просто коммерческим директором.

Устав нового акционерного общества, протокол учредительного собрания с перечнем всех акционеров вскоре были опубликованы в одном из номеров бельгийского «Королевского вестника», продолжавшего существовать на правах единственно официального органа.

С этого момента я становился не просто студентом университета, то есть иностранцем с сомнительной легализацией, а вполне официально признанным деловым человеком. Для придания этому еще большего значения я немедленно заказал себе визитные карточки с указанием моего положения в фирме «Симекско».

Оставалось сделать еще один необходимый шаг в укреплении нашей фирмы. Надо было снять престижное помещение и подобрать штат. С помощью Тевенета недалеко от его магазина в центре города на улице Руайяль мы сняли хорошее помещение. Даже этот адрес придавал значительный авторитет и фирме, и мне, как её президенту и директору распорядителю.

Вскоре мы приобрели для фирмы автомашину с шофером. И тут пришлось усвоить еще одну «мелочь». Оказывается, уважающий себя авторитетный человек не должен, садясь в машину, занимать место рядом с шофером. Ему следует садиться только на одно из задних мест. При посадке в машину или при выходе из нее он не должен сам открывать дверцу. Шофер, сняв фуражку (а он был в синей гимнастерке, синих брюках и сапогах или крагах, на голове – синяя фуражка), должен был открыть дверцу, посадить хозяина в машину, а затем, обежав ее сзади, занять свое место. Когда же машина останавливалась в том месте, где хозяин должен был выйти из нее, то он продолжал спокойно в ней сидеть, пока шофер,

обежав машину сзади, не добежит до дверцы, стоя, по существу, в положении «смирно», не снимет фуражку и не выпустит из открытой им дверцы своего уважаемого пассажира. И к этому я не был приучен, никто и никогда об этом мне, да и всем нам не говорил.

По утрам Шоколадный директор и я, явившись в контору фирмы, расходились по своим кабинетам и приступали к работе. Мы заслушивали доклады непосредственно каждому из нас подчиненных служащих, а также секретаршу, диктовали ей письма или ответы на полученную корреспонденцию. После этого начинали принимать посетителей.

Освободившись от всех упомянутых дел, Шоколадный директор заходил ко мне, в кабинет президента, и докладывал мне по всем необходимым вопросам. Как правило, все решения мы принимали вдвоем.

Всего этого, однако, было мало. Надо было приступать к настоящей коммерческой деятельности. Все чаще у меня возникал вопрос: с чего надо начинать, чтобы добиться положительных результатов?

Я пытался разобраться во всем, что произошло с провалившейся «крышей», созданной Отто. Во-первых, она никогда не была официально оформлена как самостоятельная, а являлась одним из подразделений фирмы «Король каучука»; во-вторых, существовавшая «крыша» имела право экспортировать изделия, выпускаемые основной фирмой, то есть плащи, накидки от дождя, резиновые сапоги и боты и т.п.; в третьих, мне никогда не приходилось ничего слышать ни от Отто, ни от Андре, ни от Жаспара о практической ее деятельности.

Новая официально зарегистрированная самостоятельная фирма, которую мы фактически создали, должна была заниматься такой деятельностью, которая помимо прикрытия резидентуры, то есть создания для нее надежной «крыши», и надежной легализации для самого резидента должна была давать достаточный доход для содержания всего состава бельгийской резидентуры, оказания материальной помощи другим резидентурам, а тем самым содействовала бы самой разведывательной деятельности. Надо было, кроме того, завоевать достаточный авторитет и доверие в деловом мире.

Мы не могли забывать и еще одно обстоятельство. Во главе акционерного общества стал, пускай даже «богатый», южноамериканец, по еще совсем молодой, сравнительно недавно появившийся в Бельгии и еще ничем не проявивший себя в коммерческой деятельности. Действительно, мне было тогда только около 27 лет. А мог ли я забывать о том, что у меня до этого не было никакого практического опыта в коммерческой деятельности? Все это затрудняло мою жизнь, и я подчас просто терялся в догадках, с чего надо начинать.

Посоветоваться с Отто или даже с Андре до создания нашего акционерного общества практически я не имел возможности, так как вначале не мог ездить во Францию, а они не могли приезжать в Бельгию. Однако даже и потом, уже после создания нашей фирмы в Бельгии и ее филиала в Париже, я чувствовал, что с Отто мне не следует особо советоваться. Чем же это объяснялось тогда и еще в большей степени находит подтверждение в настоящее время?

Мне всегда казалось, как впоследствии выяснилось вполне заслуженно, что он с определенным чувством зависти, иногда даже не скрываемым в достаточной степени, относился к тому, что малоопытный разведчик не только так быстро принят в общественных, даже аристократических и деловых кругах, но и сумел организовать твердую, официально оформленную «крышу», создание которой было подтверждено бельгийским «Королевским вестником». Итак, мне оставалось только одно – действовать на свой страх и риск, пользуясь возможностью советоваться только с Шоколадным директором в самой фирме и другими моими «друзьями», не имеющими к ней прямого отношения.

Мне кажется, что в подтверждение моего отрицательного мнения об Отто допустимо будет привести некоторые доказательства.

В своей книге «Большая игра» обнаглевший до предела Леопольд Треппер пытается приписать только себе заслуги создания «Симекско» и «Симекс». Все его домыслы

начинаются уже с абсолютно вымышленной схемы «Красного оркестра» (конец 1941 г.), в которой ему хотелось бы в личных интересах, с целью самовосхваления, даже «Симекско» в Брюсселе и «Симекс» в Париже подчинить только себе. В схеме указано, что в «Симекско» основную роль с прямым подчинением Отто играли Жюль Жаспар и Назарен Драйи; Виктор Сукулов, он же Кент, он же Винсенте Сьерра, тоже подчиненный только Леопольду Трепперу, имел с «Симекско» в Брюсселе только связь.

Неужели Леопольд Треппер, составляя эту схему, не знал, что ко времени создания фирмы «Симекско» Жюль Жаспар уже не находился в Бельгии, а был в Марселе, во Франции. Зачем понадобилось в схеме указывать все фамилии правильно (Леопольд Треппер, Лео Гроссфогель, Гилель Кац, Жюль Жаспар, Василий и Анна Максимовичи, Михаил Макаров и др.) и только одну исказить в полном смысле этого слова. Леопольд Треппер, действительно узнавший мою фамилию только после своего прибытия в Москву в 1945 г., но знавший ее правильно и во время организованной в МГБ СССР его очной ставки со мной, вдруг счел необходимым меня представить как Виктора Сукулова. Однако этой схемы автору книги «Большая игра» показалось мало, и вот (с. 111–113), увлекшись своими вымыслами, он пишет (привожу дословно): «Гилель Кац сразу же начинает сотрудничать со мной. Верные своим привычкам, мы создаем коммерческие предприятия, призванные служить нам "крышей". 13 января 1941 г. рождаются "Симекско" в Брюсселе и "Симекс" в Париже...».

Леопольд Треппер сообщает о том, что «нам проникнуть в официальные немецкие инстанции» удастся благодаря «Симекско» и «Симекс». Больше того, как он пишет, благодаря деловым связям с «организацией ТОДТ» были получены для руководящих работников «аусвайсы». Он описывает свое участие в пьянках, дающих возможность получить информацию. Имею полные основания утверждать, что, употребляя слова «мы», «нам», Леопольд Треппер приписывает себе участие во многих эпизодах жизни наших «крыш», к которым он не имел абсолютно никакого отношения.

Читая его книгу «Большая игра», выпущенную в переводе в «Издательстве политической литературы» в 1990 г., несмотря на направленные мною предупреждения о вымысле в этой книге, самовосхваление Леопольда Треппера, полное искажение исторической правды, попытка сделать из себя героя меня не удивили, к этому я привык по совместной работе с ним.

После официального оформления нашего акционерного общества «Симекско» мы вскоре погасили взятые в кредит суммы, которые нам были необходимы для доказательства фактического наличного капитала, предусмотренного законодательством. Средств в фирме оставалось мало. Надо было улучшить ее коммерческую деятельность.

Вскоре я смог доложить «Центру», что благодаря Блондинке у нас начали налаживаться деловые связи с фирмой Беранека в Праге и с фирмой Людвиг Махера в Мюнхене, занимавшейся военным строительством на оккупированных немецкими войсками территориях, а также рядом других фирм в Германии. Самое главное, чем мы были обязаны Блондинке, это то, что я получил не просто доступ в немецкую интендантуру, а для некоторых ее руководящих работников я даже стал доверенным лицом.

Помимо того что «Симекско» являлось официальным подрядчиком немецкой интендантуры, ее президент, то есть я, получил ряд привилегий. Весьма важным было получение «почетных» удостоверений и пропусков, дающих мне право совершать беспрепятственные поездки на моей служебной или лично мне принадлежащей машине по оккупированным районам Франции, а также по оккупированным Нидерландам и Люксембургу. В самой Бельгии, как я уже говорил, у меня тоже были не только пропуска на круглосуточное передвижение по Брюсселю, но и пропуск на автомашину со специальным письмом, требующим от всех служб оказывать хозяину во всем содействие и помощь. Больше того, если, как правило, все бельгийцы – владельцы частных автомашин получали горючего очень мало, в количестве, достаточном буквально только для того, чтобы вывести автомашину из гаража и ввести ее обратно в гараж, то я получал горючего столько, сколько

мне было нужно.

Возник еще один очень серьезный вопрос. Вскоре я убедился в том, что немецкие официальные лица делают все далеко не безвозмездно. Им хотелось и для себя получить определенную пользу. Некоторые даже совершенно в открытую хотели получить за свое содействие в организации фирмы определенный «гонорар» в бельгийских франках. Это им нужно было, в первую очередь, для покупки различных товаров для своих семей. Почти все хотели «хорошо провести время». Надо было организовывать их приемы не только в ресторанах, но и у себя дома, угощать и, если так можно выразиться, даже спаивать.

Занимаемая мною квартира была недостаточно респектабельной для президента, завоевавшего себе и акционерному обществу солидную репутацию. К этому времени я уже освоил и эту жизненную особенность. В обществе принято проживать в квартире, которая соответствовала бы служебному или деловому положению квартиросъемщика или владельца. Предположим, работник, получив повышение по должности, став заведующим отделом или директором предприятия, фирмы, обязательно тут же менял свою квартиру. Я понял, что мне, президенту, надо тоже поменять место своего проживания.

Мои «друзья» порекомендовали виллу. Точно я уже не помню ее адреса. Правда, из книги Жилия Перро узнал, что, беседуя с ним, Маргарет Барча назвала адрес виллы – авеню Слдер.

Я поехал посмотреть на нее. Вместе со мной поехал Тевене. Вот что мы увидели. Перед виллой был небольшой палисадник с красивыми цветами. На первом этаже снаружи была входная парадная дверь и ворота в гараж. Слева от входа размещался рабочий кабинет с письменным столом и встроенными в стену книжными шкафами. Был камин, перед которым стояли два кресла. Напротив кабинета была дверь, которая вела в гараж. Из гаража можно было через дверь попасть в небольшую квартиру для обслуживающего персонала и в подвальное помещение, где размещалась котельная, отопливающая виллу с помощью парового отопления и подогревающая горячую воду для ваннных комнат, умывальника и кухни. Слева от гаража было небольшое подсобное помещение, из которого был выход в сад. Над ним на втором этаже размещалась по всей длине виллы веранда с широким спуском в сад. Около выхода в сад находилось помещение, в которое завозился необходимый запас угля. Подача угля в топку котельной была автоматизирована. Рядом с этим помещением была лесенка, ведущая в кухню, расположенную на втором этаже.

Сад был довольно большой, с цветами и фруктовым кустами, в том числе и с грушами. До этого я не знал еще, что бывают деревья небольшой высоты, а вернее, своеобразные кусты, ветки которых натянута на провода вдоль дорожек сада. Сад заканчивался сетчатой перегородкой, отгораживающей птичник, где можно было держать кур.

На втором этаже виллы помещалась гостиная с широкой, во всю стену, стеклянной дверью и окном, выходящими на террасу. К гостиной, как бы составляя букву «Г», примыкала парадная столовая. Оба помещения были довольно большой площади, очень уютные, с хорошей мебелью. В гостиной полы были покрыты красивыми коврами.

Когда я снял виллу, ее хозяин, которому я был рекомендован моими «друзьями»-бельгийцами, сделал красивый ход или, точнее, красивый жест. Он показал мне в одном из отделений шкафа, размещенного у спальни, хорошо оборудованный тайник и сказал, что в этом довольно обширном тайнике я могу хранить деньги, различные драгоценности, дорогие вещи, подчеркнув, что он более надежен, чем обычный сейф. Естественно, этим тайником я пользовался совершенно для других целей, уже как резидент разведки.

Размещение виллы было очень удобным, что тоже понравилось. Она находилась несколько обособленно, и я мог легко следить, нет ли за ней нелегальной слежки.

Когда я снял виллу, у меня возник серьезный, повторяю, очень серьезный вопрос: как поступить с Блондинкой, которая продолжала успешно исполнять роль «хозяйки моего дома»? Многие считали ее моей женой, в то время как у нас близких отношений еще не было, она продолжала быть верной памяти покойного мужа, а я стремился соблюдать советы

«Центра» и не обзаводиться любовницами из хороших семей.

В очень осторожной форме я предложил ей вместе с Рене, который в дни отдыха и каникул возвращался из пансионата домой, а также с ее горничной переехать ко мне. Мы посетили вместе с ней снятую виллу. Она ей тоже очень понравилась. Мое предложение разместиться в спальне на третьем этаже, в которой на имеющихся там двух кроватях они могли бы спать с Рене, она отвергла. При этом ее объяснения были весьма обоснованными. Она пожелала разместиться на четвергом этаже, где рядом с ее комнатой будет жить горничная, а с другой стороны, бывая дома, будет спать Рене. Видимо, во всяком случае, мне так казалось в то время, Маргарет Барча решила оставаться вдовой, и только, а для этого она хотела воспользоваться свидетельствами горничной. Кстати, опережая события, хочу указать, что именно на четвертом этаже находилась комната, в которой в дальнейшем постоянно останавливался Отто при его посещениях Бельгии.

Решение было принято. Я разместился на третьем этаже, а Маргарет на четвертом.

Вскоре после создания в Бельгии акционерного общества «Симекско» в Париже был организован его филиал – «Симекс».

Директором филиала Андре был подобран француз, коммерсант, получивший псевдоним Хозяйственник, Альфред Корбен. По моему глубокому убеждению, базирующемуся на наших с ним встречах и даже поездке в Лейпциг на международную выставку, Альфред Корбен не имел никакого представления о действительном назначении нашей «крыши». Безусловно, он не мог также предполагать, что я или Андре и Отто являемся советскими разведчиками.

Альфред Корбен кроме занимаемой должности в «Симексе» имел еще свое частное предприятие по изготовлению комбикорма для кур и гусей. Очень часто он в беседе со мной жаловался на большие трудности в работе этого предприятия.

Андре и в особенности Отто в основном действовали в качестве коммерсантов, связанных соглашениями с «Симекс».

По опыту «Симекско» для повышения авторитета «Симекс» было принято решение снять помещение для конторы на Елисейских полях в доме, где на первом этаже находился знаменитый бар-ресторан «Лидо», работающий и в ночное время. Об этом ресторане более подробно я расскажу позже.

«Симекс», ссылаясь на тесные связи своего основного предприятия «Симекско» с немецкой интендантурой и организацией ТОДТ в Брюсселе, вскоре установил тесный контакт с парижским филиалом, а вернее, с отделением организации ТОДТ (организация, занимавшаяся строительными и фортификационными работами в самой Германии и на территориях всех завоеванных ею стран; названа в честь немецкого генерала и инженера, одно время занимавшего пост министра вооружения, Фрица Тодта). Это позволило не только получить хорошие заказы, но и по опыту брюссельской организации пользоваться рядом льгот, в том числе и правом получения постоянного пропуска для беспрепятственного проезда из Франции в Бельгию. Этот пропуск был выписан на имя коммивояжера Жильбера, то есть Отто.

Наличие у Отто постоянного пропуска позволяло ему совершать довольно частые поездки из Парижа в Брюссель, так как, повторяю, продолжительное время он поддерживал связь с «Центром», а после начала Великой Отечественной войны в особенности только через имевшуюся в моем распоряжении рацию. Это обуславливало то, что он направлял свои донесения, зашифрованные мною, только из Брюсселя и получал оттуда для себя указания, расшифрованные тоже мною. Еще раз хочу подчеркнуть, что во всех случаях Отто в целях своей безопасности всегда останавливался у меня на квартире, а затем на вилле.

Я, как президент акционерного общества, развел «бурную» деятельность. В этом мне очень помогали полученные в процессе учебы в институте знания. Через де Буа и других моих «друзей», в том числе и Тевене, у меня постоянно была возможность размещать получаемые от интендантуры и фирмы Людвиг Махера заказы в различных промышленных и деловых кругах Бельгии.

В моей «светской» жизни возникала еще одна сложность, о которой я частично уже упоминал. Я был одиноким, богатым, занимающим видное место в обществе молодым человеком, и мне надо было часто устраивать приемы на довольно высоком уровне. Для этого требовалась «хозяйка». Повторяю, о женитьбе или серьезной любовной связи с какой-либо женщиной, принадлежащей к хорошему обществу, не могло быть и речи. Я считал, что эта связь с моей стороны была бы предельно непорядочной. В этом отношении я нашел действительных помощниц. Блондинка еще на снимаемой ранее квартире часто выступала в качестве «хозяйки» на приемах. С переездом на виллу это положение укрепилось еще в большей мере. Второй помощницей и «хозяйкой» во многих случаях стала фрейлейн Аман.

Две «хозяйки» были необходимы, особенно во время больших приемов, где присутствовали руководящие работники немецкой интендантуры и организации ТОДТ, а также и фирмы Людвига Махера.

Конечно, все гости знали, что фрейлейн Аман, штатная сотрудница немецкой интендантуры, родственница Маргарет Барча, мне просто помогает, вернее, помогает нам с Маргарет. Что же могли думать в отношении Маргарет? Трудно, конечно, точно сказать. Многие от фрейлейн Аман знали, что она вдова недавно скончавшегося венгра господина Эрнеста Барча, что у нее есть сын. Думали ли наши гости, что она моя любовница? Могу полагать, что нет. Все видели даже на приемах, что мои отношения с Маргарет были чисто светскими. Многие знали, что я являюсь продолжателем коммерческой деятельности ее отца и покойного мужа, что по просьбе отца я опекаю ее и ее сына, что отвечало действительности. Знали, однако, что она в ряде вопросов помогает мне и в моей коммерческой деятельности. Еще раз хочу повторить, что Маргарет действительно была благодетельной женщиной и, видимо, память о муже исключала связи с кем-либо. Именно это меня очень устраивало!

Даже в то время, когда мы часто встречались с Блондинкой, проживая в одном доме, но в разных квартирах, а тем более, после нашего переезда на виллу, по её приглашению и по своим делам в Брюссель приезжал из Праги племянник владельца фирмы Беранек, совладелец этой фирмы Урбан. Для него я всегда бронировал номер в гостинице. У меня, а вернее, у нас он бывал часто во время своих посещений Бельгии, являясь нашим близким другом. У нас наладились и все расширялись деловые отношения. Больше того, вскоре получил даже специальное приглашение посетить их фирму в Праге. Я не мог тогда предполагать, что наступит день, когда я смогу воспользоваться этим приглашением, и оно тоже мне поможет принять меры к выполнению задания «Центра».

Как-то Урбан мне сказал, что у меня очень красивая и во всех отношениях привлекательная и симпатичная жена. Я тут же, не задумываясь, ответил: «Видите ли, мне, молодому человеку, действительно было бы очень приятно иметь такую жену. Однако вы должны понять и то, что я был в дружеских отношениях с ее покойным мужем и для меня было бы просто позором, если бы я стал одной из причин того, что молодая вдова так быстро сумела забыть недавно ушедшего из жизни хорошего мужа. Я вам уже говорил, что по просьбе родителей Маргарет, я просто забочусь об их дочери и внуке».

Я не всегда мог понять Урбана, когда он вдавался в различные детали, касающиеся любви мужей к женам, их верности, а также и любви и верности жен мужьям. Это я смог осознать значительно позже, в дни моего пребывания в 1941 году в Праге. Если событиям тех дней я еще уделю в моих воспоминаниях достаточное внимание, то сейчас мне хочется внести ясность именно в этот удививший меня вопрос.

Во время моего пребывания в протекторате, «бывшей» Чехословакии, я был приглашен в дом, в котором жил Урбан со своими родителями. Встречали меня очень дружески. Угощали разными национальными блюдами. Порой угощение вызывало у меня некоторое удивление. Видимо стремясь ответить на оказанное их сыну у нас в Брюсселе гостеприимство, родители Урбана помимо нива собственного приготовления, кстати очень вкусного, на стол поставили пару бутылок красного вина. Это сладкое вино предлагалось к

селедке хорошего посла и другим острым блюдам, что в мое понятие «президента» никак не укладывался принятый ритуал. Конечно, я не показал и виду, что подобное сочетание меня поразило.

Мы сидели еще недолго за столом, буквально успели только закусить селедкой первый выпитый бокал вина, вкусить редкую в те годы копченую, тоже очень вкусную колбасу. Совершенно неожиданно я заметил, что Урбан обменялся какими-то таинственными взглядами со своими родителями. Они меня почти не знали, если не считать, видимо, того, что им рассказывал обо мне и о Маргарет их сын, и того, что они могли освоить из той непродолжительной беседы, которая состоялась у нас при нашем знакомстве, перед тем как мы сели за стол.

Переглянувшись с отцом и матерью, Урбан вдруг вышел из-за стола и удалился, ничего не сказав. Через несколько минут вернулся с очень красивой молодой женщиной, вполне опрятно одетой. Несколько минут спустя все стало ясно.

В протекторате, вернее, в Чехословакии, оккупированной в то время немцами, как и в самой Германии, широко практиковалось гонение на евреев. Жена же Урбана, оказывается, была еврейкой. Ее очень любил не только муж, но и его родители. Поэтому с большим риском для себя они прятали молодую женщину в подвале дома, где специально для нее оборудовали приемлемое убежище. Естественно, никто, даже близкие соседи и знакомые, не должен был ничего об этом знать.

Признаюсь, было очень приятно, что мне оказали такое доверие и я не только познакомился с женой Урбана, но и узнал подробности о ней, скрываемые от других.

Тогда я мог только предполагать, что это доверие было вызвано не только теплым приемом, оказанным мною Урбану в Брюсселе, но и равной выгодой для обеих сторон наших деловых отношений и уже установившихся контактов. Я не мог исключить и возможности, что проявленному доверию способствовало и то, что глава фирмы Беранек, видимо, хорошо знал отца и мать Маргарет, знал, что они евреи, вынужденные покинуть Чехословакию. Это давало ему основание предполагать, что, после того как ее родители сочли необходимым покинуть Бельгию, а затем и Европу, я помогаю их дочери и внуку уклоняться от преследования со стороны оккупантов.

В месяцы, следовавшие за оккупацией Бельгии фашистскими войсками и предшествовавшие началу фашистской агрессии против Советского Союза, возможность которой нами ни на минуту не исключалась, все должно было быть направлено не только на развертывание коммерческих и деловых отношений с заказчиками и поставщиками, но и по возможности на использование таковых как можно шире в разведывательных целях.

Этому лично у меня должно было служить «сближение» с немцами, в первую очередь с офицерами интендантуры, и их доверие ко мне. Причем этому должны были служить не только выплачиваемые в разных размерах «гонорары» или вручаемые подарки, но и устраиваемые все чаще у меня на вилле приемы с обильной выпивкой.

Мне бы хотелось и в данном случае остановиться на некоторых, весьма, с моей точки зрения, курьезных, фактах.

Один из них сводится к вопросу приобретения мною собаки, которую у нас принято называть немецкой овчаркой. В Бельгии особенно ценились овчарки из бельгийского города Малина. Не знаю от кого, Блондинка узнала адрес одного из самых лучших в Бельгии собаководств. В этом собаководстве, как и в других, не только выращивали собак для продажи, но предварительно умело и тщательно дрессировали.

Мне казалось, что, живя на отдельно стоящей вилле, целесообразно приобрести хорошую собаку, своевременная дрессировка которой могла обеспечить не только охрану виллы, но и исключить приближение к ней посторонних людей. Ставя перед собой целью приобретение собаки, мы поехали с Маргарет по указанному адресу. Сославшись на одну из своих знакомых, давших ей адрес питомника, Блондинка сказала его хозяину, что мы хотим купить по его совету и выбору хорошую овчарку, гарантирующую охрану виллы, в которой мы живем. К этому времени кроме нас и горничной жил еще и шофер служебной

автомашины, с женой в отведенном им мною жиллом помещении рядом с гаражом.

Хозяин очень любезно провел нас по всему питомнику, показывая различных собак. Нас сопровождали служащие, в том числе и дрессировщик.

Демонстрируемые нам собаки бегали по своим клеткам, вернее, загонам, лаяли, но быстро успокаивались, когда хозяин или его помощник, сопровождавшие нас или встречаемые нами на всем пути нашей прогулки по питомнику, называли этих собак по именам.

Хозяин остановил нас у загона, в котором была очень красивая овчарка, и порекомендовал купить именно ее. Прислушавшись к его совету, несмотря на запрошенную значительную сумму, я решил остановить свой выбор именно на этой собаке.

Владелец питомника порекомендовал везти собаку с надетым намордником, придерживая её за поводок. Намордник, по его словам, можно будет снять только после того, как перед собакой будет поставлена в одной из комнат виллы миска с отваренной картошкой и пахнущим мясом.

Узнав примерное описание виллы, хозяин питомника рекомендовал отвести постоянное место для собаки у входной двери в виллу. Однако он не исключал возможности ее свободной прогулки по всей вилле. На мой вопрос, могу ли я, вернее, мы с «женой» доверить прогулку с собакой моему шоферу, он посоветовал, чтобы шофер присутствовал, по крайней мере первое время, при кормежке собаки, а потом, когда она привыкнет ко всем живущим на вилле и к нему, они могут уже и кормить её, и выгуливать каждый в отдельности.

Я строго придерживался советов хозяина питомника, и действительно скоро Джек, так звали собаку, вполне привык ко всем нам, включая шофера и его жену и даже приходящую уборщицу, которая в то же время являлась очень хорошей поварихой.

Что меня удивило в поведении собаки, на чем я хочу именно остановиться? Когда бы на вилле ни появлялась фрейлейн Аман, Джек, радостный, бросался к ней, визжал от удовольствия, когда она его поглаживала и прижималась к нему.

Джек почти не реагировал на наших друзей, но только не немцев. По совершенно непонятным причинам при входе к нам немецких офицеров или даже штатских немецких деловых людей Джек приходил в ярость и готов был прыгать, бросаться на них. При ожидаемом посещении виллы немцами приходилось заранее его запирают в одной из комнат самого верхнего этажа.

Еще что удивительно. Вскоре после нашего переезда на виллу и приобретения Джека я решил обеспечить затемнение всех окон, нельзя было забывать, что идет ожесточенная война с воздушными бомбардировками, которые могли с каждым днем дать о себе знать еще в большей степени, чем в период «странной войны». В этих целях я заказал на все окна и остекленные двери светомаскировочные занавески из черной плотной ткани. Драпировщик, предварительно замерив все окна и двери, изготовил их у себя в мастерской. После этого он пришел, чтобы их на специальных устройствах подвесить. Джек его повсюду сопровождал. Драпировщик приступил к работе. Время шло, и вдруг я услышал короткий лай собаки, а затем громкий крик драпировщика. Я побежал в ту комнату, откуда слышался крик. Передо мной стоял совершенно растерявшийся драпировщик, в руках он держал сложенные занавески, а Джек его крепко держал своими клыками за ногу. С моим приходом Джек немедленно отпустил свою «жертву», но продолжает еще рычать, хотя и негромко, устремив свой взгляд на драпировщика. Оказывается, собака была совершенно спокойной, когда шла работа, зато, когда драпировщик хотел вынести из одной комнаты свернутые занавески, по ошибке внесенные туда, и заменить их другими, Джек воспринял это как нарушение.

Этот факт мне придал уверенности, что нахождение в вечернее и ночное время Джека у входной двери рядом с моим кабинетом обеспечивает безопасность не только помещения, но и всего находящегося в кабинете.

Мы часто смеялись над полюбившейся не только нам, но и многим нашим «друзьям» собакой. Мы старались не хранить в тайне поведение, а, наоборот, широко рекламировать. Нам представлялось это очень полезным.

Интересно отметить, что Джек очень дружелюбно относился к Отто, когда тот бывал у нас.

Итак, уже не в первый раз я отвлекся от основной темы – моей коммерческой и разведывательной деятельности. Да, выпитые вина, хорошие закуски, веселые и непринужденные беседы, иногда даже танцы (были случаи, когда некоторые немцы приводили и своих «подруг») сближали меня, уругвайца Винсенте Сьерра, с теми, кто мог быть весьма полезным.

Мне хочется подтвердить это, сославшись на книгу Жилья Перро «Красная капелла». Сам автор признал в полученном мною от него письме, она не была предназначена для моего «восхваления». Тем не менее, встретившись с абверовцем Францем Фортнером, он услышал от него оценку, данную нашей фирме «Симекско». Перед тем как привести дословно цитату из этой книги, хочу сразу уточнить один весьма важный факт. Жиль Перро утверждает, что Франц Фортнер попросил называть его вымышленной фамилией в своих публикациях. В то же время Леопольд Треппер считал возможным в своей книге «Большая игра» привести фамилию этого абверовца, по которой он был нам известен во время его работы с «зондеркомандой» «Красная капелла». Так, описывая свой арест гестапо, Л. Треппер прямо и довольно подробно пишет о том, что его арестовывали Геринг, гестаповец, начальник «зондеркоманды» и абверовец капитан Пипе (с. 159–163).

Теперь приведу несколько выдержек из книги Жилья Перро, из его бесед с Францем Фортнером: «В Брюсселе, так же как и в других местах, этим фирмам были предоставлены всевозможные льготы. Они могли связываться по телеграфу со всей Европой; руководство получало необходимые для передвижения "аусвайсы". По сути дела, они работали так, будто военного положения не существует...» (с. 106).

Далее Фортнер переходит непосредственно к собираемой им информации о фирме «Симекско».

«... "Симекско", директором которой был латиноамериканский бизнесмен? "Симекско" являлась одной из крупнейших компаний Брюсселя: она заключала крупные торговые сделки с вермахтом, и ее руководство без конца разъезжало. Меня насторожило необычайное количество телеграмм, которыми фирма обменивалась с Берлином, Прагой, Парижем и т.д. Я рассказал об этом начальнику службы абвера, контролирующей телеграфно-телефонную связь. Он отреагировал абсолютно спокойно. "Симекско" – одна из солидных фирм, и нет никаких оснований лишать ее привилегий» (с. 106–107).

На этом, возможно, даже не желая того, Жиль Перро продолжает свой рассказ о деятельности абверовца, приводя слова Франца Фортнера: «Я решил повидать начальника интендантской службы Брюсселя, под наблюдением которого осуществлялись все торговые сделки с вермахтом. Когда я спросил его мнение о фирме "Симекско", он воскликнул: "О! Очень достойные деловые люди! Если бы все были такими... Они работают безупречно и к тому же очень хорошо к нам относятся. Из всех здешних дельцов только с ними у нас по-настоящему налажен личный контакт. Очень часто они приглашают нас на обеды и приемы и, должен сказать, принимают по-королевски..."»

Франц Фортнер, продолжая свой разговор с Жилем Перро, добавляет: «Меня же эти личные контакты скорее насторожили. Пировать со своими клиентами у сотрудников интендантской службы было не принято, такое не допускалось. Фирме "Симекско" определенно пришлось приложить немало усилий, чтобы приучить их к этим вольностям. Но с какой целью?» (с. 107).

Мне кажется, что приведенные утверждения Франца Фортнера вполне достаточны не только для подтверждения того, что я сам излагал в своих воспоминаниях, но и могут служить обоснованием моих подозрений в лживости Л. Треппера, во многих случаях его самовосхваления, в том числе и в указанной в книге схеме «Красного оркестра».

Жиль Перро, однако, остается верен утверждениям Л. Треппера и ставших на его защиту сионистских организаций. Оказывается, только Л. Треппер, крупнейший разведчик, обеспечивал всем работу нашей резидентуры. Достаточно вновь обратиться к книге Жилья

Перро: «Большой шеф мог тратить деньги без счета, поскольку они вытягивались из немецких карманов благодаря деятельности "Симекс" и "Симекско". Третий рейх, по сути, содержит "Красную капеллу" подобно тому, как живой организм питает раковую опухоль, его же развешивающую. И он содержит ее на такую широкую ногу, что в какой-то момент "Центр" подумывает о том, не назначить ли Большого шефа банкиром всех советских разведывательных групп на Западе...» (с. 123).

Большие заслуги Леопольду Трепперу, по мнению того же Жилия Перро, принадлежат и относительно финансовой деятельности «Симекско» и «Симекс». Не считая нужным указать, в чем заключаются усилия Отто в обеспечении финансовой деятельности этих фирм, а я имею полное основание утверждать, что он не имел никакого отношения к деятельности ни «Симекско», ни «Симекс». Жиль Перро ставит ему в заслугу и такой факт: «Что касается финансов – здесь дела идут превосходно. Чистая прибыль фирмы "Симекс" и "Симекско" достигла 1 миллиона 616 тысячи франков в 1941 году и 1 миллиона 641 тысячи франков в 1942 году, при этом все затраты, связанные с деятельностью бельгийской, голландской и французской сетей, были включены в пассив этих двух компаний. Треппер ведет строжайший учет расходов: как глава советской сети, он должен будет представить финансовый отчет в Москву» (с. 123).

Возникает, повторяю, вопрос, какое отношение к финансовой деятельности этих фирм имел «коммивояжер», которым являлся Леопольд Треппер, и то только в существовавшем в Париже филиале? Почему не приводится ни одного примера его существенной коммерческой деятельности, давшей определенный доход фирмам?

Нельзя, конечно, упустить и такой факт, что Отто, именно Отто благодаря акционерному обществу в Бельгии «Симекско» и его филиалу «Симекс» в Париже, и только благодаря их усилиям, получил «аусвайс» для проезда из Франции в Бельгию.

Абсолютным вздором являются и приводимые в книге Жилия Перро, видимо со слов Леопольда Треппера, данные о платежах, получаемых людьми, связанными с разведкой. Я не могу точно определить, сколько долларов, являвшихся якобы расчетной единицей «Центра» с его зарубежными работниками, получали в действительности разные люди, но приводимые данные, по моему глубокому убеждению, являются вымышленными. Если поверить им, то возникает опять-таки вопрос, почему Отто получал постоянную высокую оплату, а все остальные основные работники уравнивались в оплате, ведь они выполняли совершенно разные работы, – от резидента бельгийской резидентуры до радиста. Кто платил работникам резидентуры после начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г.?

С помощью Жилия Перро, опубликовавшего в своей книге «Красная капелла» утверждения Леопольда Треппера, приводятся абсолютно ничем не обоснованные данные, а именно: «С 22 июня 1941 года все агенты независимо от ранга получали одинаковую зарплату в 100 долларов: идет война, и они считаются солдатами действующей армии. Разумеется, размеры служебных расходов не ограничены» (с. 123).

Не знаю, как Треппер оплачивал «агентов» во Франции и своих любовниц, но в Бельгии оплату вел я, и она была совершенно другой, ее размер определялся фактическим вкладом в работу того или иного человека, связанного с работой резидентуры. Что касается меня, то как «агент» я не получал ни франка, с того момента как стал президентом «Симекско», из имеющихся фондов на оплату агентов. Я получал вполне достаточный оклад как президент и тратил эти бельгийские франки не только на свою личную жизнь, но и на приемы и другие расходы человека, занимавшего подобную должность.

Сплошной выдумкой является и приводимое в книге утверждение о том, что я, Кент, получал «с января по 30 апреля 1942 года, находясь в Марселе, на свою группу 810 долларов. С мая по 30 сентября 1942 года расходы во франках составляли... 185 тысяч – на Марсель» (с. 123).

На какую разведывательную группу я тратил деньги? Была ли у меня вообще какая-либо группа, члены которой требовали особой оплаты? Зачем же Отто понадобилось на меня списывать такие большие суммы?

Ответ может быть только один: чтобы при необходимости «представить отчет в Москву», объяснить свои чрезмерные расходы. Может быть, это потребовалось не только для того, чтобы покрыть собственные расходы, затрачиваемые на широкую жизнь, но еще и для того, чтобы создать для себя лично, на «черный день» клад? Тем более о каком-то клade и в книге Жилия Перро говорится: «На квартире Каца в банке из-под варенья хранится сокровище в тысячу золотых долларов, на случай финансового краха. Клод Спаак все это время прячет у себя золотой слиток, доверенный ему Соколами. Даже если "Симекс" и "Симекско" будут раскрыты, в движущей силе борьбы не будет недостатка» (с. 123).

Не знаю, полностью ли перечислены все составные части клада или только частично, но возникает вопрос: что стало с этим и другими запасами после ареста Отто? К этому мы еще вернемся.

Коммерческая деятельность «Симекс» мне известна далеко не полностью, в основном со слов ее директора Альфреда Корбена. А вот о разведывательной деятельности вплоть до 31 декабря 1941 г. я знал все, ибо, повторяю, связь с «Центром» Отто поддерживал только через мою рацию (особенно после начала немецкой агрессии против СССР). И вот в этом случае у меня тоже возникают вопросы.

Во-первых, могут ли быть доказаны кем-либо преимущества в разведывательной работе французской резидентуры по отношению к бельгийской резидентуре?

Во-вторых, была ли численность резидентуры во Франции выше численности резидентуры в Бельгии и значительнее помощи, оказываемой резидентуре в Нидерландах?

Получив ответы на эти вопросы, я думаю, любой читатель сможет понять меня, узнавшего по книге Жилия Перро, что «с 1 июня по 31 декабря 1941 года Брюссель обходился в 5650 долларов, а Париж – в 9421. С января по 30 апреля 1942 года было затрачено 2414 долларов на французскую сеть, 2042 – на бельгийскую сеть...» «С 1 мая по 30 сентября 1942 года расходы исчисляются во франках: 593 тысячи приходится на Францию, 380 тысяч – на Бельгию» (с. 123).

Меня поймут, безусловно, все и в том отношении, что ни в книге Жилия Перро, ни в книге Треппера не приводится ни одного факта, действительно доказывающего достижения самого Леопольда Треппера ни в области создания фирм «Симекско» и «Симекс», ни в их коммерческой деятельности, ни в их участии в разведывательной деятельности наших резидентур. Зачем же понадобилось Жилию Перро писать о том, что дела именно Леопольда Треппера после слежки гестапо стали плохи, «и он это понимает. Вокруг его коммерческой "крыши" сжимаются тиски. В течение восемнадцати месяцев "Симекс" и "Симекско" открывали ему доступ в самые закрытые слои немецкого общества, позволяли получать "аусвайсы" и пересекать границы, охраняемые гестапо. Эти две фирмы сделали его, вероятно, самым богатым шпионом за всю историю разведки. Но пора закрывать лавочку. За свою безопасность он не волнуется, ничего не грозит и его старой гвардии. Треппер, Кац и Гроссфогель не показываются в "Симекс"» (с. 150–151).

Ведь приводя это свое утверждение, Жиль Перро, безусловно, базируется исключительно на утверждениях восхваляющего себя Треппера. Почему нигде не приводятся доводы Треппера с другой стороны? Вспомним приводимые оценки фирмы «Симекско» и ее руководителя-директора, латиноамериканского бизнесмена, и вновь обратимся к рассказу Франца Фортнера. Он вполне конкретно говорит о деятельности «Симекско»:

«Благодаря "Симекско" и сделкам, которые эта фирма заключала с вермахтом, они знали все о численности немецкой армии в Бельгии, ее оснащении, о сооружении Атлантического вала (фирма принимала активное участие в этих работах) и т.д. Кроме того, работникам интендантской службы по характеру своей деятельности приходилось много ездить, встречаться с людьми, они были в курсе очень многих дел. И поскольку напитки Кента, должно быть, развязывали языки...» (с. 108).

Эти слова абверовца подтверждают мои высказывания, оценку не только моей личной деятельности, но и деятельности «Симекско». Почему же Жилию Перро не удалось ни от

одного абверовца или гестаповца услышать информацию, подтверждающую утверждения Леопольда Треппера о его руководящей роли в акционерных обществах «Симекско» в Бельгии и «Симекс» во Франции, о том, что «в течение восемнадцати месяцев "Симекс" и "Симекско" открывали ему доступ в самые закрытые слои немецкого общества»?

Я попрошу читателей вновь вернуться к опубликованной в книге Леопольда Треппера схеме «Красного оркестра» (конец 1941 г.). Среди ряда абсолютно ложных элементов этой схемы есть один еще в большей степени подтверждающий «правдивость» утверждений «порядочного», «самого богатого шпиона во всю историю разведки», «единственного руководящего резидента советской разведки в Европе». Леопольд Треппер в этой схеме безапелляционно утверждает, что «Берлин, Харро Шульце-Бойзен, Арвид Харнак и Адам Кукхоф» подчинены только ему, и он с ними, а они только с ним поддерживали связь. Оказывается, я, Кент, никакого отношения к Берлину не имел! Нет, Берлин, конечно, никогда не был мне подчинен, но только я по указанию «Центра» установил, и то только один раз, в октябре 1941 г., связь! Треппер же в подтверждение «правоты» своего утверждения о проникновении «в самые закрытые слои немецкого общества» и подчинения Берлина ему помещает в своей книге фотографии Харро Шульце-Бойзена и Арвида Харнака.

Леопольд Треппер в своей книге не мог привести ни одного примера выполнения им заказа организации ТОДТ. В то же время утверждения Франца Фортнера (капитана абвера Пипе), что именно мне удавалось использовать в разведывательных целях «хорошие отношения» с сотрудниками интендантуры в Бельгии, отвечают действительности.

Прежде всего, эта «близость» с офицерами немецкой интендантуры и организации ТОДТ позволяла получить нашей фирме именно через меня многие выгодные заказы. Они были весьма различными. Так, например, на простые металлические ложки и несколько меньший – на вилки. Мне удалось быстро и выгодно для фирмы разместить этот заказ. Правда, он несколько вызвал у меня удивление, так как и ложки, и вилки были слишком низкого качества, а у немцев, видимо, интерес к ним объяснялся не просто низкой ценой. Заказ на ложки еще раз повторился еще в большем количестве. Все это создавало такое положение, что трудно было представить себе, для какого «общества» эти ложки предназначались. Вскоре на одном из приемов у меня на вилле я узнал после «королевского ужина», что этот заказ был предназначен для предполагаемой широкой сети концлагерей и лагерей военнопленных. От меня даже это не скрывали, хотя должны были понимать, что даже малограмотный с точки зрения политики, а тем более в военных вопросах человек может легко предположить, что гитлеровцы собираются заменить «странную войну» на Западе более «мощной» войной на Востоке, то есть против Советского Союза.

Были и другие заказы – на разные виды щеток из щетины и кисти волосные и поглубже. Возникал вопрос: зачем понадобились армии эти изделия? Ответ был прост: они необходимы не только на фронте, но и во вновь оккупированных местностях и городах для восстановления или строительства казарм и других объектов, необходимых для армии.

По рекомендации де Буа я связался с одним фабрикантом, который с большим удовольствием стал поставщиком своих изделий акционерному обществу «Симекско». Этот заказ был выгоден не только для фирмы, но и для «Симекско», он давал возможность получить значительные прибыли.

Знакомство с фабрикантом, довольно богатым человеком, меня в ряде случаев очень удивляло. Я бывал у него на двух фабриках. Мне показалось, что там очень мало работников. Вскоре я узнал, что сам владелец является одновременно директором и главным инженером. Больше того, он сам, по его словам, вел бухгалтерию и производил все расчеты с банком, начислял заработную плату. В этом отношении ему помогала жена. Старший сын, хотя и учился в каком-то институте, тоже помогал отцу следить за соблюдением установленного технологического процесса и качеством выпускаемой продукции, затрачивая на это свое свободное время. В соблюдении технологического процесса и обеспечении высокого качества выпускаемой продукции были заинтересованы и сами рабочие, ибо за плохую работу они могли быть незамедлительно уволены с фабрики.

Однажды владелец фабрик приехал на своей автомашине хорошей марки в правление «Симекско». В это время Шоколадный директор выехал на нашей машине по служебным делам, а я хотел проехать в банк. Заметив, что я несколько встревожен, что «директор фирмы» еще не вернулся, а уже приближается время закрытия банка, фабрикант предложил меня подвезти, сказав при этом, что он и сам зайдет туда, чтобы узнать о поступлении денег на его текущий счет. После банка он обещал привезти меня обратно в «Симекско».

Мое удивление вызвало не то, что владелец фабрик сам был водителем машины, это часто встречалось у деловых людей, да и у нас в «Симекско», а то, в каком состоянии была сама машина внутри. Чистая и хорошего вида снаружи, внутри была испачкана остатками щетины, волос и шерсти. Поняв мое удивление, фабрикант пояснил, что сейчас фирма испытывает большие трудности с горючим, поэтому ему приходится часто ездить самому в разные места за сырьем и даже развозить небольшие партии товара, выпускаемого фабриками. Он был весьма не только доволен, но и поражен тем, что я, вынув из бумажника талоны на 20 литров бензина, вручил ему в знак благодарности за оказанную услугу.

Невольно, встречаясь с этим фабрикантом, как и со многими другими промышленниками и деловыми людьми, я думал о том, как я, да и не только я, а и мои друзья на Родине плохо представляли себе, кем в действительности являются фабриканты и другие владельцы предприятий. В своем большинстве они не только создавали капитал, но, как я мог часто видеть, и сами основательно трудились.

Среди заказов интендантуры было много и других товаров. Я уже говорил о том, что по некоторым заказам можно было с уверенностью судить о том, что они предназначены для оснащения армейских подразделений, направляемых в жаркие страны, где помимо нестерпимого зноя было и засилье мошкар. Однажды я получил заказ на так называемые москитные сетки, а также различные мази, опрыскиватели и т.п.

Вскоре появились заказы, явно для армейских частей, действующих в противоположном западным странам направлении, возможно на Востоке. Однако это было до поры до времени только предположением.

Винсенте Сьерра, президент и директор-распорядитель акционерного общества «Симекско», часто «вынужден» был посещать различные кабинеты ответственных работников интендантуры. Стоило появиться в приемной того или иного начальника «господину Винсенте Сьерра», как секретарша, мило улыбаясь, спешила доложить своему шефу о новом посетителе, а тот без промедления просил гостя пройти в свой кабинет.

Почему секретарша «мило улыбалась» Винсенте Сьерра и так поспешно стремилась допустить его до встречи со своим шефом? Нет, отнюдь не только потому, что она знала, что ее шеф находится в хороших отношениях с президентом известной ей фирмы. Она была любезна еще и потому, что в Брюсселе в это время было очень трудно достать хорошие французские духи, вкусные конфеты, шоколад. Молодой, всегда веселый и улыбающийся коммерсант, часто едва успев зайти в приемную, буквально тут же приближался к письменному столу секретарши, без спроса, «невежливо» выдвигал верхний боковой ящик стола и со словами: «Я опять побывал в Париже» – забрасывал в него либо сверточек с флаконом хороших парижских духов, с набором губной помады, пудры, лака для ногтей, либо хорошие марочные конфеты, плитки шоколада. Для некоторых секретарш ассортимент расширялся и включал в себя хорошие марочные сигареты различных известных фабрик или специальные дамские, тонкие и удлиненные, сигареты, изготавливаемые для узкого круга постоянных заказчиков моего друга Тевенс.

Секретарша хорошо знала, что все это достать было не так просто. Во всяком случае, она очень мило улыбалась, ласково поглядывая на любезного посетителя и едва слышно произносила: «О, данке шейн, майн либер». Так поступали все секретарши.

Я широко использовал эту практику. Мне очень хотелось побывать в кабинетах начальствующего состава интендантуры. Как я сообщал в «Центр» через «Метро», а затем и по рации, часто в кабинетах на стене помещалась карта Европы на немецком языке, где были обозначены расположения немецких воинских подразделений, скажем, в Румынии, Польше,

Болгарии и других странах. Все это, естественно, имело для меня не только чисто коммерческий интерес, но и в значительной степени могло принести пользу и моей разведывательной деятельности.

Хочу еще раз подчеркнуть, что «латиноамериканский бизнесмен», не занимающийся политикой и хорошо относящийся к Германии, пользовался доверием, а поэтому если при входе в каби нет других посетителей обычно карты зашторивались, то при президенте «Симекско», подчеркивая особое доверие к нему, карты не зашторивались.

Зная о моих тесных деловых контактах с интендантурой и организацией ТОДТ, об их покровительстве руководимой мною фирме, владелец «Селект скул» и рексист, работник комендатуры, относились ко мне с каждым днем все лучше и лучше, а это приводило к тому, что они иногда даже делились со мной своими мыслями и услышанными новостями. Особенно отличался мой «друг» рексист, и это проявлялось, особенно когда я приглашал его посидеть в ночном баре-клубе у «швейцарца». Так, например, однажды, попивая виски, он поделился со мной, как он выразился, «совершенно секретной информацией».

В северной части Франции, входящей в оккупационную зону, созданную совместно с территорией Бельгии, строился секретный немецкий аэродром. Строительство было закончено, и в назначенный день там ждали высокопоставленную приемочную комиссию. Буквально за два дня до назначенного срока она прибыла на аэродром и потребовала, чтобы все дороги к нему были перс крыты и допуск был разрешен только по предъявлении пропуска, образцы которого комиссия вручила командованию аэродрома. Комиссия очень торопилась. У нее было еще слишком много каких-то заданий. Быстро осмотрев аэродром, выпив в честь окончания столь важной работы, закусив, в целях экономии времени комиссия для составления необходимого акта захватила с собой все секретные чертежи, приказав при этом прибыть за ними в Брюссель через сутки в гостиницу «Метрополь», где, по утверждению комиссии, размещался штаб. Все с большой радостью и подъемом расстались. Ограничения допуска на аэродром, установленные комиссией, были со следующего дня сняты. Опять были объявлены действительными обычные пропуска. Все были предельно довольны успешным завершением работ по строительству важного объекта.

Каково же было изумление командования аэродрома, когда в установленный день прибыла другая, подлинная комиссия, наделенная всеми полномочиями. Немедленно были направлены офицеры в гостиницу «Метрополь» за чертежами и всеми изъятыми ранее документами первой комиссией. Одновременно была поднята тревога по линии гестапо и других спецслужб, а в том числе и абвера. В гостинице «Метрополь» никто ничего не знал о тех лицах, которые объявили себя при посещении аэродрома членами комиссии и указали адрес своей штаб квартиры.

По словам рексиста, проводимые поиски первой комиссии никаких результатов не дали и возникли основания предполагать, что одетые в немецкую офицерскую форму и прибывшие на военных машинах с немецкими армейскими номерами ее члены были фактически или непосредственными агентами секретной службы, вражеской для Германии, или членами какого-либо движения Сопротивления. Он добавил в беседе со мной, что пока аресты произведены только среди офицеров командования строительства аэродрома, а также среди строителей и охраны. Смеясь, добавил, что Гитлер считает, что умнее Гимmlера и Канариса, а следовательно, и возглавляемых ими служб в мире никого и ничего не существует и не может существовать.

Об услышанном я как-то упомянул в беседе с Отто, информация была направлена в «Центр» через «Метро».

Владелец «Сслект скул» в свою очередь поведал мне о том, что Гитлер, а по его заданию командование вермахта и дипломаты предлагали королю Леопольду III официально вернуться на королевский престол, конечно при условии, если он согласится назначить премьер-министром рексиста Леона Дегреля, вернувшегося после оккупации Франции из лагеря, в котором он находился после своего ареста союзниками в мае 1940 г. Король Леопольд III, вынужденный принять у себя во дворце Леона Дегреля, но существу,

отказывавшийся даже его выслушать, сразу же отклонил предложение этой одиозной фигуры.

Тогда была выдвинута вторая кандидатура на пост премьер-министра. Им являлся предательски заявивший в июне 1940 г. о «самороспуске» партии БРП, председателем которой был, де Муан. Он, официально объявив о роспуске БРП, стал на путь сотрудничества с оккупантами, создав Союз работников умственного и физического труда. Одной из главных задач этого союза было стремление путем пропаганды привлечь трудящихся Бельгии к сотрудничеству с завоевателями страны. Прав да, по рассказу моего собеседника, де Муан сразу же отказался от такой высокой чести.

Относительно Леона Дегреля более подробно мне пришлось услышать следующее. Он якобы, прибыв к королю во дворец Лаакен, как уже указывалось, по настоянию оккупантов, получил возможность встретиться с ним в его кабинете. Король Леопольд III, объявивший себя еще ранее «интернированным», принял Леона Дегреля, сидя и даже не поздоровавшись. Внимательно, во всяком случае, с виду, выслушав довольно пространную речь претендента на пост премьер-министра, содержащую грандиозные планы превращения Бельгии в мощного союзника Германии, король, взглянув на часы, сообщил, что аудиенция закончена и посетитель может быть свободен. Леон Дегрель буквально опешил, но был вынужден покинуть кабинет короля, а затем и вообще дворец. Это поведение короля повлекло значительные неприятности, закончившиеся тем, что в конце концов он с женой и маленьким ребенком был депортирован в Германию, где они находились до конца войны.

Поведение же Леона Дегреля явилось трамплином в дальнейшей его политической деятельности на службе нацистской Германии. Вскоре после начала агрессии гитлеровцев против Советского Союза он, согласившись воевать на их стороне, был назначен одним из офицеров в фашистскую армию и закончил войну бригадным генералом.

Позднее, уже несколько лет спустя после окончания Второй мировой войны, выслужившись в фашистской армии, с помощью гитлеровцев ему удалось в дальнейшем избежать военного плена и возмездия за свои преступления, совершенные против бельгийцев и других народов, сбежав в дальнейшем во франкистскую Испанию.

Организация ТОДТ и строительная фирма Людвиг Махера в основном заказывали в акционерном обществе «Симекско» различные стройматериалы, инструменты и даже некоторые средства для механизированных работ.

Если с организацией ТОДТ официальные отношения через ответственных её работников поддерживал не только я, но в основном и по моей рекомендации Шоколадный директор, то с фирмой Людвиг Махера связь поддерживалась исключительно мною. Объяснялось это тем, что с ним меня «свела» Блондинка, а отделение этой фирмы на оккупированной немцами территории возглавлял сын владельца фирмы. Их отцы когда то были в довольно близких, дружеских отношениях. Это было заметно даже и по отношениям между младшим Махером и Маргарет Барча – Блондинкой.

Основные заказы фирма «Симекско» размещала на бельгийских предприятиях не только через Шоколадного директора и меня, но и через нескольких работавших с ней по подписанным соглашениям обычных посредников, получавших определенную сумму в процентах от состоявшейся сделки, к которой они имели отношение.

Иногда у меня возникал вопрос, который подчас очень меня волновал. Правильно ли мы используем нашу «крышу», помогая оккупантам? Часто глубоко размышляя над этим, я всегда приходил, с моей точки зрения, к единственному выводу: правильно!

Стать поставщиками с большим удовольствием согласились многие бельгийские и иностранные фирмы. Все нуждались в увеличении своих капиталов. Кроме того, уже в Бельгии, Франции и других оккупированных немцами странах образовались в деловых, промышленных кругах определенные прослойки, получившие заслуженное наименование «коллорабационисты».

Из сказанного следовало, что наши деловые связи с немецкой интендантурой, организацией ТОДТ, фирмой Людвиг Махера и др., а также в бельгийских

торгово-промышленных кругах были вполне закономерными. В то же время эти связи во многом содействовали укреплению легализации наших резидентур и отдельных ее членов, создавали возможность расширять нашу разведывательную деятельность и, что было также в дальнейшем особенно немаловажном, давали возможность извлекать значительные средства для финансирования нашей и других резидентур.

Мне бы очень хотелось коснуться еще одного вопроса. Среди «немцев», с которыми наша фирма сотрудничала, даже среди некоторых офицеров, не говоря уже о работниках фирмы Людвиг Махера, встречались австрийцы. Они «преданно» служили фюреру, Третьему рейху. И вот, постепенно сближаясь с ними, оставаясь иногда с глазу на глаз за рюмкой крепкого напитка, можно было услышать:

– Вы знаете, уважаемый господин Винсенте, после аннексии Германией Австрии мы вынуждены служить нашим, по существу, оккупантам даже в рядах действующей армии, жандармерии, полиции. Однако почти все мы не расстанемся на всякий случай и с нашими австрийскими паспортами или удостоверениями личности. А вдруг произойдет нечто непоправимое и надо будет всеми силами бороться за сохранение нашей жизни!

Под понятием «непоправимое» можно было легко угадать окончание войны с поражением в ней Германии. Должен добавить, что услышанное не являлось пустыми фразами. Дальнейшая моя деятельность подтвердила, что так мыслили многие австрийцы. Этим я смог воспользоваться в дальнейшем при вербовке радиста Стлука, но об этом более подробно я еще расскажу.

Хочу привести еще один пример пользы, которую нам, советским разведчикам, приносила установившаяся крепкая связь с отдельными службами оккупантов.

Для поднятия авторитета «Симекско» было принято решение попытаться получить путевки на осеннюю и весеннюю ярмарки в Лейпциг. Мы отлично знали, что количество бельгийских и французских фирм, получивших путевки, будет довольно ограничено. Тем не менее, мною были приняты необходимые меры для того, чтобы от «Симекско» поехал в Лейпциг я, а от парижского филиала «Симекс» ее директор – Хозяйственник, Альфред Корбен.

Акционерному обществу «Симекско» никто, даже дипломатические ведомства или исполняющие их обязанности другие службы, не мог отказать в приобретении путевок по его заявке, а следовательно, и в выдаче виз на въезд в Германию.

Для нас, Альфреда Корбена и меня, Винсенте Сьерра, прибывших впервые в Лейпциг, весьма интересным, абсолютно непонятным было положение, в котором мы оказались. Несмотря на то, что Лейпциг уже много лет являлся местом проведения международных, весьма представительных выставок-ярмарок, в городе было очень мало гостиниц. Поток же посетителей выставок не только из почти всех городов Германии, но и из большинства стран мира всегда был весьма значительным. Правда, во время войны он несколько сократился, но все же продолжал быть весьма многолюдным.

Какой же выход из уже давно создавшегося положения нашли общегосударственные и городские власти, дирекция выставки? Оказывается, все это было учтено и составило общеизвестную для многих городскую традицию. Каждый житель Лейпцига, конечно, речь шла о тех, кто имел квартиры достаточной площади, считал для себя честью размещать на время пребывания на выставке, в первую очередь, иностранных гостей. В зависимости от комфортабельности предоставляемой площади, комнаты, определялась стоимость проживания, входящая в общую стоимость путевки. Конечно, выбор места проживания, а вернее, его стоимости зависел от материального положения покупающего путевку.

Нам предложили в Бельгии две путевки первого разряда. И мы, конечно, несмотря на повышенную стоимость, немедленно согласились их приобрести. Нельзя было ронять авторитет, которым пользовалось наше акционерное общество.

В определенное в путевке время Хозяйственник прибыл в Брюссель, и мы направились в Лейпциг. Встретившись на вокзале, на такси (а в это время в городе их было довольно много) отправились по указанному в путевке адресу. Я его до сих пор храню в памяти: улица

Коха, дом 25.

Квартира, в которой по нашей просьбе была предоставлена одна комната, оказалась весьма уютной. Но всему было видно, что владелец квартиры и его жена обеспеченные люди и комнату предоставляли гостям вовсе не из желания заработать деньги. Видимо, прием подобных гостей был для них уже привычным делом. Встретили нас очень гостеприимно. Правда, хозяин вскоре извинился, сказав, что должен ненадолго отправиться на работу. Где он работает, нам не говорили, естественно, мы не спрашивали.

Разместившись в отведенной нам комнате, слегка перекусив, мы решили паше пребывание в городе начать с хотя бы поверхностного ознакомления с его достопримечательностями. В то же время, конечно, нас больше всего интересовало все, что прямо относилось к завоевавшей уже давно мировую славу международной выставке-ярмарке.

Мы внимательно следили не только за выставленными экспонатами, но и за порядком оформления закупочных договоров. Естественно, для нас, представителей акционерного общества, это представляло особый интерес. И тут мы были поражены услышанным. Якобы немецкие и другие фирмы, принимая заказы на станки, электродвигатели и многие другие товары от японских фирм, должны были ставить перед собой обязательную задачу: не заключать договора на несколько единиц, на ограниченное количество продукции. Уже вернувшись на квартиру, где мы снимали комнату, ее хозяин пояснил, что действительно японцы стремятся всегда заказать минимальное количество заинтересовавших их товаров. Получив 1–2 образца той или иной заинтересовавшей их продукции, они быстро осваивают его массовый выпуск, чтобы затем наводнить мировой рынок по самой заниженной цене, исключая любую конкуренцию со стороны других фирм, включая и те, которые были первыми в производстве подобных товаров.

Несколько позднее я услышал довольно интересный рассказ, который мог быть оценен в полном смысле этого слова как правдивый. Японская судостроительная фирма разместила свой заказ в одной из фирм Франции на строительство заинтересовавшего их судна. Договор предусматривал, что французская фирма, сдавая судно, должна передать заказчику, японской фирме, подробные чертежи на него, которые позволили бы при необходимости вести соответствующие работы по его ремонту.

Судно было изготовлено, принято японской фирмой, которая и получила полный комплект чертежей на него.

Через некоторое время эта фирма предъявила иск на французских коллег в Международный суд в Гааге на значительную сумму в покрытие нанесенного ей материального ущерба. Оказывается, японская фирма построила по переданным ей чертежам одно или два подобных судна, но при выходе со стапелей в море одно или оба подобных судна, изготовленных японцами, незамедлительно перевернулись и затонули. Рассказ закончился якобы состоявшимся решением Международного суда, оправдавшего французов. Оказывается, они сумели доказать, что, получив заказ от японской фирмы на строительство только одного судна, она заподозрила нечистоплотность этой фирмы, потребовавшей включения в договор пункта о передаче ей полного комплекта чертежей. Этот пункт с согласия японской фирмы был так «точно» сформулирован, что было вполне обоснованным доказательством того, что французская фирма передала согласно договору все чертежи, которые могли понадобиться японцам для текущего и даже капитального ремонтов. К комплекту переданных чертежей не были приобщены только расчеты, обеспечивающие надежную стойкость и плавучесть судна на поверхности моря при любых погодных условиях. Эти расчеты, как сумела доказать французская фирма, японцам были не нужны при ремонте, но исключали возможность обманом путем приступить к строительству подобных судов на своих верфях.

Находясь в Лейпциге, как то мы решили с Хозяйственником побывать на выставке детских игрушек и игр для людей разных возрастов. И вот среди множества забавных и действительно хороших игрушек и игр мы увидели одну поразившую нас игру. Она

называлась «Черный Питер», но это название ей не совсем подходило.

Она отличалась от стандартных игр, была выполнена в духе времени, я бы даже сказал, носила политический характер. С любопытством разглядывая ее, мы увидели, что вместо отдельных различных фигурок на карточках были размещены фотографии ряда государственных и политических деятелей фашистской Германии: Гитлера, Гимmlера, Геббельса, Кейтеля и других. Этому мы особенно не удивились, но, когда увидели и фотографию Рудольфа Гесса (!), честно говоря, возмутились.

Выставка проходила вскоре после того, как Рудольф Гесс совершил свой «исторический побег» в Великобританию. Невольно возникал вопрос: как же могло быть, чтобы в игре участвовал не видный государственный деятель Германии, а признанный уже многими «изменник»?

Хочу напомнить о событиях, взбудораживших весь мир. 10 мая 1941 г. Рудольф Гесс на немецком истребителе «ME-110» вылетел из Германии в направлении Великобритании. Об этой операции, получившей впоследствии название «Миссия Гесса», не только рядовые граждане западноевропейских стран не знали ничего, но и многие государственные деятели.

Дело в том, что совершенно неожиданно английское радио первым сообщило о прибытии в Великобританию из Германии фюрера №2 Гесса. Это сообщение было очень кратким, и, как выяснилось, до его появления на радио правительству Черчилля понадобилось несколько дней, чтобы обсудить все связанные с этим перелетом вопросы. Хранивший полное молчание Берлин только после краткого сообщения английского радио развернул широкую волну пропаганды по этому вопросу.

В числе многих распространяемых версий причин осуществленного Гессом перелета были и такие, согласно которым Гесс через лорда Гамильтона, с которым он попытался встретиться, хотел добиться встречи с Черчиллем, в то время уже премьер-министром королевства. В официальных сообщениях говорилось о том, что эта встреча не состоялась и Гесс был арестован.

Вокруг этой неожиданной, по весьма важной истории сразу же распространились многочисленные совершенно противоречивые слухи. Англичане утверждали одно, немцы совершенно другое. Когда в Лейпциге увидели на выставке поразившую нас игру, мы еще ничего не знали. Только постепенно, сначала в Германии, а затем уже в бельгийских и немецких кругах многое услышали о том, что нас заинтересовало. Постараюсь вспомнить, что я узнал в те далекие годы. Хочется особо отметить, что многое из услышанного я не встречал на страницах ни зарубежной, ни нашей печати.

Итак, по одной из версий, Рудольф Гесс вырос в семье немцев, занимавшихся производством хлопка, чуть ли не в самом Египте. Рядом с их плантациями находились плантации семьи английского лорда Гамильтона. Два молодых человека, хорошо владевших английским языком, подружились. Их дружба сохранилась и в дальнейшем, когда Рудольф Гесс переехал в Германию и постепенно стал заниматься государственной политикой, достигнув положения ближайшего помощника Гитлера. Лорд Гамильтон переехал в Англию, где проживал в своем поместье в Шотландии. Англичанин якобы часто навещал Гесса даже после того, как он стал одним из лидеров нацистов в Германии. Встречаясь в Германии, оба друга вместе выезжали на охоту.

Дружескими отношениями между Рудольфом Гессом и герцогом Гамильтоном, видимо, было обусловлено убеждение Гесса, что он сможет использовать их в достижении реализации плана Гитлера. Это тем более, что, по мнению Гесса, лорд Гамильтон был в Великобритании одним из лиц, настроенных прогитлеровски, и в то же время входил в числе высокопоставленных придворных чинов английского королевства.

У меня, да и у многих, следящих за развитием политики, возникал вопрос: зачем второму фюреру Германии понадобилась встреча с Гамильтоном, а через него с Черчиллем?

Вскоре последовал ответ, объясняющий, но далеко не полный, что в действительности происходило. Среди народа, в основном в оккупированных немцами Франции и Бельгии, распространилась мысль, что якобы Гесс был специально направлен Гитлером в

Великобританию в целях примирения, что могло послужить вовлечению ее в готовившуюся фюрером войну, направленную против Советского Союза. Гесс должен был, по этой версии, во время своей встречи с английскими государственными деятелями доказать, что Гитлер и его окружение не хотят ссориться с Великобританией, не намерены у нее ничего отвоевывать, больше того, готовы гарантировать сохранность всех ее колониальных владений.

Многие мои собеседники, возвращаясь к «Миссии Гесса», утверждали, что Гитлер не только хотел полным примирением с Великобританией обеспечить надежность своего западного тыла, понимая, что одна, уже почти полностью оккупированная, Франция не сможет предпринять никаких значимых военных действий против Германии. Это тем более, что во главе неоккупированной зоны находились готовые служить фашистскому завоевателю маршал Франции Анри Филипп Петэн и премьер-министр Пьер Лаваль. Основным доводом Гитлера в разговорах Гесса с Черчиллем и другими государственными деятелями и должно было явиться желание Германии окончательно покончить с Версальским договором, вернуть себе все ранее принадлежащие ей колонии и за счет завоевания ряда стран на Востоке, включая Советский Союз, обеспечить себе прочное господствующее положение в Европе.

Многим уже в самом начале, после того как стало известно о перелете Гесса в Великобританию, становилось все более понятным, что именно он должен был привлечь к гитлеровским агрессивным действиям и вооруженные силы довольно мощной Великобритании. Не исключалась возможность, что это должно было явиться первым шагом, ведущим и к участию США в проводимой Гитлером политике. Основным аргументом в этих переговорах должна была являться многолетняя, выдуманная фашистами еще до их прихода к власти, широко пропагандируемая политика, утверждающая, что именно Советский Союз, и только он, представляет единственную подлинную угрозу для Запада. Германия, утверждал Гитлер и его верный служитель Йозеф Пауль Геббельс, всей проводимой ею во всех отношениях, включая и военную, политики уже с 1933 года намерена защищать все страны Западной Европы от «распространения коммунизма». Лучшим доказательством этой гитлеровской политики в последние годы, по мнению немецких пропагандистов, являлось содействие Франко в уничтожении Народного фронта, представляющего, по их мнению, «коммунистическую угрозу» в Испании, а также успешно проведенные военные действия по захвату Польши и Чехословакии, то есть проделанный путь по приближению непосредственно к границам СССР. Можно было слышать, что усилению мощи Германии должен был служить и захват Австрии.

Наряду с этими высказываниями существовал и ряд других версий, служащих основанием принятого Черчиллем и его правительством отказа от «взаимопонимания» между Великобританией и Германией, предложенного Гитлером, личным представителем которого являлся Гесс, направленный им для переговоров с правительством королевства. Часто подчеркивалось и то, что Гитлер рассчитывал на успешное завершение переговоров с премьер-министром еще и потому, что всем было хорошо известно, что Черчилль начиная с 1917 года, после революции и завоевания власти большевиками, никогда не скрывал своей враждебности по отношению к Советской России. Однако, судя по рассказам, у Великобритании оказались весьма веские доказательства ложности всех утверждений Гесса. В частности, англичанам было достоверно известно, что Рудольф Гесс присутствовал на состоявшемся незадолго до его вылета в Великобританию совещании верховного командования Германии, на котором разрабатывался дальнейший план военных действий, в том числе и по захвату Крита. Возникал вопрос: почему Гесс, совершивший «по собственной инициативе» опаснейший перелет из Германии в Великобританию с целью претворения в жизнь «своей миротворческой политики», скрывал факт готовящегося захвата Крита, ведь этот факт был направлен именно против Великобритании и не мог служить установлению дружеских отношений между двумя странами? Якобы были и другие настораживающие доводы.

Для всех было весьма странным и то, что англичане сообщили о высадке Гесса в Шотландии только через несколько дней после того, как таковая действительно состоялась, а Гитлер ни словом не обмолвился до того, как было передано это краткое сообщение по английскому радио, об исчезновении своего ближайшего помощника Гесса. Только после того, как стало известно, что «Гесс совершил измену», немцы поспешили сообщить, что он уже давно страдал серьезным психическим заболеванием. Они утверждали, что именно поэтому ему было уже с давних пор категорически запрещено самому пилотировать самолет. Однако, якобы воспользовавшись своим огромным авторитетом «второго лица» в управлении Германией, Гесс, прибыв на один из немецких аэродромов на территории Третьего рейха, потребовал, чтобы для него заправили истребитель, на котором он намерен совершить инспекционный облет ряда важных объектов. Ему поверили, и он сумел вылететь за пределы Германии.

Рассказывая об этом, многие из моих собеседников подчеркивали, что даже самым малограмотным в военном отношении людям подобная версия должна была показаться весьма подозрительной и несостоятельной. Разве мог военный самолет без предварительного предупреждения пролететь над всеми пунктами немецкой противовоздушной обороны, размещенными на территории самой Германии и других стран, где были расположены немецкие войска, пролететь незамеченным над Ла Маншем? Это действительно не стыковалось.

Обо всем этом Хозяйственник и я слышали еще во Франции и Бельгии до нашего отъезда в Лейпциг. И вот, находясь на международной выставке, мы, как уже указывалось, были буквально поражены тем, что в числе игральных карт в игре «Черный Питер» были фотографии уже известного «изменника» Гесса, которые почему-то не были моментально уничтожены. В то же время эта игра была в числе рекламируемых.

Нашим недоумением мы решили в легкой форме поделиться при случае с хозяином квартиры, в которой мы проживали. Это было уже накануне нашего отъезда. По случаю предстоящего прощания с хозяевами мы принесли пару бутылок вина, полностью отоварились на продовольственные карточки, а наши любезные хозяева, прощаясь с нами, угостили, кроме того, хорошим ужином.

Перед ужином мы выпили по несколько бокалов вина и, немного повеселев, пока хозяйка хлопотала на кухне, сидя в уютной гостиной, завели с хозяином довольно разносторонний разговор. Когда мы коснулись вопроса, касавшегося Гесса и увиденных фотографий на карточках

игры, хозяин, ничего не отвечая, покинул нас. Мы не могли понять, что произошло. Буквально через несколько минут он вернулся, держа в руках какой-то немецкий журнал. На обложке журнала была помещена фотография, на ней были сфотографированные где-то, на какой-то неизвестной нам улице, Иоахим фон Риббентроп и Роберт Антони Иден.

Мило улыбаясь, хозяин спросил, как нам нравится эта фотография.

Признаюсь, фотография ни Хозяйственника, ни меня несколько не удивила. Мы, переглядываясь, решили, что она была сделана в то время, когда И. фон Риббентроп был еще послом Германии в Великобритании или, во всяком случае, еще до начала Второй мировой войны, возможно при его посещении Лондона. Эти свои соображения мы и высказали, отметив, однако, некоторое удивление тем, что к этому времени Идеи не был министром иностранных дел Великобритании. В ответ на наши слова было предложено посмотреть на фотографию более внимательно. И это предупреждение ни к чему не привело, нас только очень удивило само поведение хозяина.

После этого хозяин, буквально заливаясь смехом, сказал, что мы, видимо, ничего не понимаем в фотографиях. Мы опять посмотрели на него с нескрываемым недоумением. Продолжая смеяться, он пояснил:

Если вы внимательно посмотрите на фотографию, то поймете, что Иден стоит на тротуаре, а Риббентроп, стоя около тротуара на мостовой, дружески пожимает ему руку. Если же вы внимательно присмотритесь, то поймете, что эта фотография смонтирована из

двух заснятых кадров. Посмотрите внимательно на ноги Риббентропа, они, особенно одна из них, как бы подрезаны.

После сказанного хозяин добавил:

Я показываю вам эту фотографию для того, чтобы вы могли понять, что наши руководители всегда были склонны, как хотите, к фальсификации или к прямому обману в пропагандистских целях.

Отложив в сторону журнал, хозяин несколько задумался и совершенно неожиданно для нас завел разговор на другую тему, предупредив, что, будучи уверенным, что мы честные, порядочные люди и не способны на предательство, не донесем на него, он решил поведать, видимо, мучившие его мысли.

Он подчеркнул, что многие немцы, пожалуй, большинство, не воспринимают в объеме внешнюю политику фюрера. Достигнув определенных успехов во внутренней политике, он явно стремится к достижению мирового господства и, конечно, в этом стремлении не пощадит ни одну страну, где бы она ни была расположена, ни один народ, включая и немецкий. Он хочет раз и навсегда покончить с теми потерями, которые Германия понесла в результате Первой мировой войны. По его убеждению, ей надо вернуть не только бывшие колонии, но и поработить целые народы стран, расположенных на всех континентах.

Говоря об этом, хозяин подчеркнул, что следует иметь в виду, что Гитлер пришел к власти в Германии в то время, когда страна еще переживала значительные трудности. Была массовая безработица, а он начал строить благоустроенные шоссейные дороги, часть которых составила всемирно высокооцененные автострасы. Благодаря этим строительным работам и другим безработица в стране резко сокращалась. Этим люди были очень довольны. Мало кто в то время задумывался над тем, для чего должны были служить эти объекты. Стратегическое значение строящихся дорог не оценивалось в полной мере и не вызывало поэтому ни у кого тревоги. Все немцы помнили, к чему привела последняя проигранная Германией война, а о новой почти никто не помышлял.

Сказав все это, рассказчик подчеркнул, что говорит он о немецком народе вообще. По его мнению, к этой категории не следует относить крупных промышленников, банкиров, а также непосредственных сторонников фашизма. Ведь для всех должно быть понятно, что развитие промышленности, размещение крупных военных заказов создавало возможность крупным промышленникам крупно наживаться. Именно поэтому они содействовали приходу к власти национал-социалистов.

В то же время хозяин отметил, что удивительным является совершенно другое. Как могут правительства Великобритании, Франции и даже США не только безразлично относиться к росту военной промышленности Германии, к вооружению армии, численность которой безостановочно росла, но и позволять своим промышленным и финансовым кругам не только материально, но и технически все это поддерживать. Были всевозрастающие существенные вклады этих стран, а в особенности США, в развивающуюся промышленность Германии.

Мы, простой народ, боялись развязывания повой мировой войны, но она уже идет, – сказал в заключение хозяин.

Хозяйка, мило улыбаясь, пригласила нас к столу. Во время ужина, естественно, не касались политики. Поужинав, перед тем как улечься спать, мы продолжили разговор, пожалуй, еще в более категоричной форме.

Наш хозяин признался, что, несмотря на то, что пока значительных военных действий на фронтах не происходит и продолжается «сидячая война», многие немцы сильно переживают, что

происходит, их не покидает тревога. Ведь в большинстве немецких семей есть мужья, сыновья и даже дочери и жены, которые находятся в рядах вооруженных сил Третьего рейха. Наш собеседник признался, что и он, и его жена сильно тревожатся за судьбу своего сына. И тут мы услышали честное признание:

– Наш сын находится в армии на Востоке. Мы понимаем, что Гитлер готовится напасть

на Советскую Россию. Мы понимаем и то, что русский народ сильнее других стран и народов, с которыми Германии уже довольно успешно довелось воевать за последние годы. Если начнется война с Советской Россией, то это потребует многочисленных жертв, и еще далеко не известно, к чему она может привести. Гитлер никогда не скрывал, что Россия является его основным врагом.

Мы были поражены всей этой беседой. Конечно, не потому, что для нас могло быть неожиданным сообщение о возможности агрессивной войны Германии против Советского Союза. Об этой возможности мы уже знали, а еще в апреле 1940 года на основании полученной от Шандора Радо (Дора) информации я докладывал «Центру». Нас удивило другое: не совсем рядовой немец и, видимо, не коммунист так откровенно беседует с нами при первой же встрече.

Я решил после всего услышанного задать еще один волновавший нас вопрос: как следует оценить «Миссию Гесса»?

В ответ мы слышали несколько подтверждений уже слышанного во Франции и Бельгии. Он сообщил, что в Германии распространяются слухи, будто Гитлер не только знал заранее о предстоящем перелете Гесса из Германии в Великобританию, но и был инициатором. Его решение направить именно Гесса к премьер-министру Черчиллю было обусловлено тем, что у Рудольфа Гесса имелись связи в правительственных кругах или в кругах, приближенных к ним. К этому перелету готовились уже давно. К претворению в жизнь планов Гитлера по налаживанию англо-германских отношений с целью заключения мирного договора был привлечен ряд нацистов. Вылет был ускорен, а молчание Гитлера и последующая пропаганда вокруг якобы имевшего место психического заболевания заместителя Гитлера по руководству нацистской партией Гесса, скорее всего, объясняется именно тем, что «Миссия Гесса» не увенчалась успехом. Свое высказывание хозяин закончил утверждением, что, несмотря на «измену» Гесса, прямых мер по преследованию его семьи и друзей принято не было. Больше того, ходят, видимо обоснованные, слухи о том, что во избежание возможных неприятностей с ведома руководства Германии семья Гесса благополучно выехала и укрылась в Швейцарии.

Более точные данные о «Миссии Гесса» мне удалось прочесть в различной литературе и в материалах, изданных в Советском Союзе, относящихся к Нюрнбергскому процессу, много лет спустя. Мне было очень приятно убедиться, что ранее полученная, хотя и не полная, информация была правдивой.

Действительно, Гесс 10 мая 1941 г., совершая перелет из Германии в Великобританию, выбросился на парашюте над Шотландией вблизи от поместья герцога Гамильтона. Последний был в курсе планов Германии по привлечению Великобритании в своих намерениях к налаживанию мирных отношений со странами Запада. Для этого были привлечены к участию сын политического советника Гесса – одного из создателей нацистской «теории геополитики» Карла Гаусгофера – Альбрехт Гаусгофер, и даже председатель Красного Креста в Швейцарии Бурхард.

Какова была дальнейшая роль герцога Гамильтона? Почему Гессу не удалось встретиться именно с премьер-министром Черчиллем, а пришлось ограничиться только беседами с лорд-канцлером Саймоном и представителем Форин-офиса Кирпатриком? Почему Гесса подвергли аресту в Великобритании, а затем включили в число главных немецких преступников, представших на Нюрнбергском процессе? Я и сейчас на эти вопросы дать точный ответ не могу.

Наше пребывание в Лейпциге заканчивалось. Мы были перегружены деловой частью поездки, но успели кое-что и повидать, в том числе и некоторые достопримечательности, о которых мы знали только по литературе.

Были и довольно смешные эпизоды, которые мне помогли в определенном смысле во время моей следующей поездки в Германию, на этот раз по поручению «Центра», как резидента бельгийской резидентуры. Приведу один пример. Мы побывали с Альфредом Корбенем в пивном баре. Залы были переполнены шумно разговаривающими немцами.

Широкие, из натурального дерева столы были уставлены кружками с пивом, стояли тарелки с тушеной капустой и сосисками. Кстати, потом нам рассказали, что сосиски были якобы изготовлены не из обычного мяса, а их каких-то синтетических смесей. Не знаю, правда ли это.

Этот пивной бар нам очень напоминал виденные ранее в кино и на фотографиях пивные бары, в которых еще до прихода к власти собирались будущие нацисты.

В первый приезд в Лейпциг у нас с Хозяйственником произошел довольно комический случай. Как-то, было очень жарко и на улице, и в выставочных павильонах, и очень хотелось пить, мы решили попить холодного пива. Зашли в пивбар, подошли к стойке и обратились к бармену с просьбой: «Два пива». Последовал вопрос, который нам был абсолютно непонятным: «Вам дубль?»

Мы ответили, не задумываясь, полагая, что это касается качества пива, его градусов, согласием. И вдруг бармен снял с полки два высоких сосуда типа огромных мензурок, каков их полный объем, мы не могли точно определить. В эти «мензурки» бармен налил до краев холодного пива с пеной. Мы опешили и поняли, что «дубль» в данном случае означает «двойной». Трудно было точно определить – не два ли литра пива содержал каждый сосуд. Во всяком случае, заплатив за «дубль», каждый из нас, выпив не более обычной кружки, отставил эти «сосудики».

В Лейпциге мы купили немного различных сувениров. Некоторые из них были предназначены для семьи, друзей и знакомых (так говорил Хозяйственник), а некоторые для уважаемых «клиентов», которым будет приятно получить от нас сувениры с их любимой родины.

Мне хочется особо отметить, что эти две поездки, а особенно та, во время которой мы останавливались на квартире любезного хозяина, нас очень сблизил с Корбеном. Я вынужден указать на то, что, хотя в литературе, в том числе и в книге Леопольда Треппера, говорится, что Альфред Корбен был осведомлен о нашей разведывательной работе и даже принимал в ней участие, я этого не знал. Я имел все основания быть уверенным, что он связан только с нашим филиалом «Симекс», являясь его директором.

Я знаю, что некоторые читатели могут меня обвинить в том, что, следуя примеру Леопольда Треппера, я тоже пытаюсь как-то его опорочить. Тем не менее я позволю себе сказать, что в наших очень частых беседах не только в Лейпциге, но и в Париже, касаясь Жильбера и Андре, Корбен всегда в своих оценках отдавал предпочтение Лео Гроссфогелю. а об Отто отзывался очень сдержанно. Иногда он даже позволял себе спрашивать меня, давно ли я знаю Жильбера и каково мое мнение о нем.

Задаваемый вопрос несколько настораживал меня, и я не мог сразу принять решение, каков должен быть ответ. Очень бегло сказал, что с господином Жильбером я познакомился сравнительно недавно и пока еще мало сталкивался с ним в работе нашей фирмы.

Однажды Корбен улыбнулся и сказал мне: «Вам повезло, что вы его мало знаете. Я его тоже мало знаю, мы встречаемся довольно редко, но он побывал даже у меня дома. Мне и моей жене он показался очень своеобразным человеком, держится замкнуто. Его деловые качества мне установить не удалось. Представляется, что его донимает только одна цель во взаимоотношениях с нашей фирмой: как можно больше заработать».

Услышав это, мне не пришлось удивляться относительно данной оценки Корбеном личных качеств Жильбера. В части же его стремления «как можно больше заработать» я подумал о том, что это объясняется его желанием получить деньги на содержание своей парижской резидентуры. Вернувшись из Лейпцига, один – в Париж, другой – в Брюссель, мы сразу же окунулись в обычную деловую жизнь, а я еще, соответственно, занялся разведывательной деятельностью.

О моей, вернее, о нашей поездке в беседе с Отто и Андре я рассказал довольно подробно, а краткий отчет направил в «Центр».

Хочу закончить этот раздел еще одним заявлением. В различных публикациях и в интервью иностранным корреспондентам в последнее время абсолютно ошибочно говорится,

что эта поездка была в разведывательных целях.

ГЛАВА XVI. Укрепление надежности «крыши» и легализация резидента. Очередная ошибка Отто. Новое важное задание.

Поступали все новые и новые тревожные сведения о готовящейся агрессии Германии против Советского Союза. Они базировались не только на различных слухах, распространявшихся в Бельгии, Франции и других странах, но и на получаемой мною благодаря прочно установившимся связям с немецкой интендантской ротой и организацией ТОДТ информации.

Работники интендантской роты почти не скрывали, что им было необходимо выполнять ряд заданий, связанных именно с этой политикой Гитлера. Даже некоторые работники организации ТОДТ поговаривали, что вполне возможен их перевод на Восток. Все это требовало от нас, членов бельгийской резидентуры, проявления максимальной бдительности, постоянно заставляло быть весьма настороженными.

«Симекско» значительно активизировало свою коммерческую деятельность и заметно стало повышать свои доходы. Наше акционерное общество становилось все более значимым в деловых кругах Бельгии. Безусловно, все это должно было как-то отражаться на жизненном уровне президента фирмы. Признаюсь, что эта сторона моей деятельности давалась нелегко.

Все «друзья» и те, с кем я поддерживал знакомство и деловые отношения, знали, что я веду размеренный образ жизни, строго регламентированный по времени. Вставал довольно рано, а это было принято в деловом обществе. Утром ко мне приходил массажист, с которым я вначале занимался физической зарядкой, а затем он проводил общепринятый для занимаемого мною положения в обществе сеанс массажа.

Массажист был рекомендован мне ван дер Стегеном и Ивон, с которыми после возобновления несколько прерванной связи таковая значительно окрепла. Он был мастером первого класса, и его клиентами были люди из видного общества.

Массажист был весьма разговорчив. Он не стеснялся рассказывать мне мелкие и даже интимные истории из жизни тех семей, которые он посещал.

Я не только внимательно, подчеркнуто внимательно его слушал, но и сам любил рассказывать о моей жизни, родителях, с которыми, к сожалению, с начала войны прервалась почтовая связь, о моих стремлениях воспользоваться войной в Европе, чтобы хорошо пожить и сколотить немалый капитал на мирные годы.

Из разговоров с массажистом я понимал, что он может мне быть полезным, и не только благодаря тому, что я смогу от него получать информацию о его клиентах самых различных рангов, но и в результате того, что он будет делиться с ними своими впечатлениями обо мне, президенте акционерного общества, что будет в определенном отношении содействовать и моей легализации. В этом отношении я не ошибся.

Как-то массажист доверительно спросил меня, как я живу в одиночестве, без женщин, или уже нашел себе какую-либо подходящую «подругу».

Пришлось «доверительно» рассказать и ему о том, что у меня на «родине в Уругвае» есть преданная мне невеста. Мы предназначены друг другу с раннего детства, и она меня ждет. Наши семьи очень дружат, и я могу быть вполне уверен в том, что она меня дождет. За ней с должным вниманием следят не только ее родители, но и мои, очень любящие ее. Она знает, что я ей не изменю. Измена любимой невесте противоречила бы обычаям, сложившимся в нашей стране.

Поскольку мы с массажистом были в хороших отношениях, я ему доверил «тайну». Сказал, что иногда, когда мне, молодому мужчине, бывает очень тяжело в одиночестве, я посещаю специальное заведение, где встречаюсь с различными девушками. На вопрос, какое это заведение, я «из скромности» не захотел ответить более точно. По правде говоря, я не знал ни одного подходящего адреса. Мой собеседник тоже по-дружески порекомендовал

очень хорошее заведение. При этом он попросил при посещении этого заведения указать, кто мне дал эту рекомендацию. Он сказал, что благодаря этому меня будут знакомить только с очень хорошими девушками. Он подчеркнул, что это заведение посещают мужчины из очень порядочных семей и даже занимающие очень видное положение в обществе. Я уже знал, что значит подобная «рекомендация». Для посетителя она мало что значила, а для того, кто рекомендовал, ссылка на рекомендовавшего могла принести ему определенный доход. Я пообещал обязательно воспользоваться его советом.

Через некоторое время массажист поинтересовался, бываю ли я в этом заведении. Боясь, что он может меня подловить, я признался, что не был там ни разу. Это была правда. А вот причина, названная мною, была чистейшим вымыслом. Я сказал, что уже обзавелся постоянной подругой из хорошего общества и больше не хочу пользоваться платными услугами.

Я остановился на этом разговоре только потому, что вопрос «одинокства» играл тоже немаловажную роль в моей легализации. Действительно, быть «одиноким» молодому, богатому человеку, не желающим обзавестись подругой или пользоваться услугами оплачиваемых девушек, многим могло показаться по крайней мере странным.

Даже в нашей резидентуре почти все имели семьи. Отто, Андре и другие жили со своими женами. Даже после отъезда Анны, до своего перехода с канадского «сапога» на французский, Отто мог всегда сослаться на то, что отправил жену к себе на родину. Правда, это продолжалось недолго. После же этого он почти официально заимел «подружку», у которой от него даже якобы был ребенок. Правда, как впоследствии мне стало известно, подобные «подружки» у него были и раньше, еще до того, как в мае 1940 года мне удалось Анну через «Метро» отправить в Москву. Видимо зная о моем дружеском отношении к Анне, Отто по вполне оправданным причинам этими вопросами со мной не делился. Я о наличии самой близкой «подружки» Джорджи де Винтер узнал уже значительно позже, после его бегства из гестапо. Об этом я расскажу более подробно далее.

Да, безусловно, молодому мужчине на протяжении нескольких лет жизни в особо сложных условиях быть в полном одиночестве, лишенным возможности всякого открытого общения с истинными друзьями, а особенно с женщинами, было очень сложно, больше того, тяжело. Этот молодой человек не мог не только поделиться своими мыслями, проявить свое подлинное отношение к окружающим, даже думать на родном языке, по и удовлетворять свои физиологические потребности. Заводить же «любовницу, случайную жену», как мне казалось, было совершенно недопустимо. Я уже говорил, что подвергать опасности полюбившуюся мне женщину, с моей точки зрения, исключено. К великому моему сожалению, даже созданная сознательно мною видимость моих «близких отношений» с Блондинкой очень дорого обошлась ей, а у меня вызвала самые тяжелые переживания.

Президент солидной фирмы, молодой иностранец, внедрившийся в светское общество, а тем более занятый помимо своей коммерческой деятельности еще и прямой разведывательной работой, должен был обдумать множество не только значительных, но и весьма мелких вопросов, касающихся его личной жизни.

Вот именно этим я и руководствовался в поддержании моих хороших отношений с массажистом. Именно от него, претендовавшего на личное знакомство с Полем Анри Спааком, я узнал некоторые детали из жизни и политической карьеры этого видного государственного деятеля Бельгии.

Касаясь личной жизни П. Спаака, мой массажист сообщил, что он держится довольно скромно, много работает. Возможно, потому, что по образованию юрист, несмотря на то, что он занимает пост министра иностранных дел, очень увлекается детективной литературой. Массажист был поражен тем, что в библиотеке у него было очень много книг именно этого жанра. Поль Спаак объяснит, что, очень перегруженный работой, возвращаясь очень усталым домой и, ложась спать, он долго читает детективы и, таким образом отвлекаясь, отдыхает.

Массажиста, по его словам, удивляло, что, являясь много лет членом Бельгийской

рабочей партии, преобразованной в дальнейшем в Бельгийскую социалистическую партию, он занимал особую позицию в части проводимой в мире политики. Некоторые его взгляды не разделяли многие бельгийцы. В особенности это касалось проводимой им политики, направленной против заключения каких-либо договоров или соглашений, обеспечивающих коллективную безопасность в Европе и в мире в целом. Непонятной для многих до войны была его позиция в части гитлеровской Германии, а также его взгляды по отношению к Советскому Союзу. В то же время, являясь министром иностранных дел Бельгии, он вместе с правительством Пьерло 28 мая 1940 г., в день подписания королем Леопольдом III акта о капитуляции с Германией, бежал во Францию, а затем вскоре перебрался в Лондон, где, как стало известно, находился до сентября 1944 г. Во время пребывания в Лондоне Спаак якобы был на стороне союзников в борьбе против фашистов. Для многих утешением являются его антикоммунистические настроения.

Стремясь упрочить свой авторитет у массажиста, в один из дней я рассказал ему о том, что был удостоен чести присутствовать в Брюгге на открытии новой экспозиции в музее заслуженного фламандского художника. Я особо подчеркнул, что в первый день открытия экспозиции было назначено два торжественных ритуала. Помещение было относительно небольшим и одновременно многочисленную публику вместить не могло. Первое, официальное, открытие состоялось в присутствии «покровительницы» культуры и искусства королевы Елизаветы, матери короля Леопольда III, находящегося на престоле. Несмотря на то что это торжество длилось очень долго, а у меня было много других обязанностей, я получил огромное удовольствие от возможности присутствовать на этом весьма престижном мероприятии. Это объяснялось и тем, что экспозиция была действительно очень интересной. Мне было особенно приятно, что моим друзьям удалось достать билет, в то время как многим из моих знакомых, в том числе де Буа, Гевенет, не удалось добиться подобного приглашения. Все откровенно мне завидовали и понимали, что присутствовать на столь заметном мероприятии, видимо, стало возможным благодаря моим друзьям, входящим в высшее общество.

В разговоре с массажистом я, однако, особо подчеркнул, что присутствие на открытии выставки было для меня не слишком простым и в то же время исключительно приятным. Почти все, имеющие пригласительные билеты, подходили к королеве матери и исключительно вежливо, с большим почтением приветствовали ее, даже целовали руку. Я, поразмыслив, набравшись смелости, решил, что мне не следует ничем отличаться от других присутствующих, проделал то же самое.

Массажист слушал очень внимательно, и я очень верю, что это предопределило мое знакомство с некоторыми из его клиентов.

Отношение ко мне массажиста проявилось однажды, когда он мне рассказал, что между королевскими дворами Великобритании и Бельгии и примыкающими к ним представителями высшего общества существует разница в методах массажа. В Великобритании особенно ценили индийский массаж, в то время как в Бельгии и во многих других странах применяли чаще всего шведский метод. Он подробно пояснил мне, в чем заключается разница, при этом подчеркнул, что массажистам, применяющим индийский метод, очень помогает чувствительность пальцев их рук. Они нащупывают имеющиеся на теле пациента узелки нервов и принимают необходимые меры к их ликвидации. Я слушал с вниманием, и у рассказчика сложилось мнение, что меня это очень заинтересовало. Прошло несколько дней, и он предложил присутствовать при демонстрации индийского массажа прибывшим из Лондона массажистом. Конечно, я выразил не просто согласие, но и явный восторг от такого предложения, тем более что демонстрация должна была состояться в узком кругу.

Действительно, в присутствии примерно 20–25 человек прибывший массажист демонстрировал свой метод на практике, в том числе отдельно мужчинам и женщинам. Когда в зале, где происходила демонстрация, оставались мужчины, женщины приглашались в другую гостиную, где их угощали кофе, и, наоборот, при демонстрации женщинам этого

вида массажа мы выходили, пили кофе и коньяк.

Среди приглашенных было 2–3 массажиста, друзья моего «покровителя». Все присутствующие познакомились друг с другом. Из разговоров, в которых я лично принимал малое участие, но своим поведением демонстрировал большой интерес к ним, я понял, что приглашенные в основном были из министерства иностранных дел, а некоторые из деловых кругов. Новое знакомство в дальнейшем мне очень пригодилось.

Массажист еще раз проявил свое расположение ко мне, познакомив с очень хорошим врачом, ставшим в дальнейшем моим «придворным» врачом, что очень помогло сохранить здоровье и избежать начинающихся у меня нервных приступов. Этот врач, как мне объяснили, был потомком личного врача Наполеона I.

Итак, Европа, и в первую очередь как раз те страны, правительства которых боялись, а быть может, больше делали вид, что боятся, и не столько Гитлера, его фашистского господства, сколько «коммунистического господства», «коммунистического нашествия», о возможности которого предупреждали реакционные круги этих стран и даже члены правительств, была уже фактически оккупирована фашистскими войсками (Австрия, Чехословакия, Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция и др.). Фашизм господствовал в Италии, а затем был навязан Португалии и Испании.

Переживая первые дни войны, я невольно вспоминал мой разговор еще в 1938 году с Николаем Николаевичем Васильченко, которого я знал как военного атташе при посольстве Советского Союза во Франции. Между мною, Николаем Николаевичем и его женой сложились достаточно дружеские отношения еще в 1937 году, когда я направлялся в числе советских добровольцев в Испанию. Уже тогда мы обменивались мнениями об обстановке в мире, не скрывая некоторую тревогу за будущее. Я хорошо помню по сей день, что тогда, смеясь, сказал Николай Николаевич: «Вы должны всегда помнить о том, что чаще всего бывает так: когда в мире начинают говорить о неизбежности войны, можно предполагать, что... мир продлится! Наоборот, когда еще более часто говорят о незыблемом мире, надо ждать скорой войны. Мы живем сейчас в такой период времени, когда эти два определения как бы сплетаются вместе. Трудно точно определить сейчас, что нас ждет впереди».

Многие годы мне вспоминались из литературы и прессы слова В.И. Ленина, произнесенные в 1921 году: «Первой заповедью нашей партии, первым уроком... который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это – быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам...»

Я невольно сравнивал их, читая в подаренном мне владельцем «Селект скул» подлиннике, якобы написанной еще в 1924–1926 гг. во время заключения в тюрьме книги «Моя борьба». Уже тогда будущий глава Третьего рейха, фюрер Адольф Гитлер, писал: «Когда мы говорим о новых территориях в Европе, мы должны думать в первую очередь о России и прилегающих к ней государствах... Сама судьба дала нам сигнал к этому... Гигантское государство на Востоке созрело для развала...»

Боясь допустить неточность в изложении приведенных цитат, я обратился к изданной издательством «Политическая литература» в 1984 году книге «Великая Отечественная война. Вопросы и ответы» и позволил себе привести их именно в соответствии с этой книгой (с. 13–14).

Вспоминая прочитанную книгу Адольфа Гитлера «Моя борьба», я позволю себе по памяти указать на то, что в этой книге автор, выражая свою ненависть к Советскому Союзу, не ограничивался этим. Он не пытался скрывать свою ненависть и по отношению к западным государствам, в первую очередь к Франции и Великобритании.

Оказавшись за рубежом, я получил возможность значительно шире ознакомиться с содержанием дипломатической игры, проводимой, в первую очередь, гитлеровцами, имеющей целью демонстрацию дружеских отношений по отношению к западным государствам. Пропагандистская кампания, проводимая Германией, Италией и Японией, должна была служить веским доказательством тому, что они, эти три страны, вынашивают

единственный план – план подготовки войны против Советского Союза.

Уже в 1939 году широко пропагандируемая антисоветская политика для многих начинала расцениваться как камуфляж. Фактически, как становилось все понятнее, Гитлер хотел добиться для Германии мирового господства над всеми крупными и мелкими государствами мира. Уже из литературы и ряда бесед с моими «друзьями» становилось очень ясно, что между Германией, Италией и Японией были поделены все возможные для них зоны влияния. Понятным становилось и то, что согласие Германии на разделение зон влияния носит только временный характер.

Многим становилось понятным, что Вторая мировая война охватит в свой начальный период в первую очередь Европу. Именно поэтому росло количество людей, полагавших, что должен быть создан союз против фашистских государств с демократически настроенным, мирным народом. Именно поэтому, мало кто, а вернее, никто из моих собеседников, из тех «друзей», с которыми я общался, не мог объяснить и понять, почему 21 августа 1939 г. в Москве безуспешно закончились переговоры между Великобританией, Францией и СССР, итогом которых должно было быть соглашение о коллективном отпоре уже начавшейся агрессивной политики фашистских государств. Конечно, никто не попытался возложить вину за срыв переговоров ни на Великобританию, ни на Францию. Можно было только предполагать, что основным виновником был Советский Союз. Правду надо было ждать довольно долго.

Враждебность по отношению к СССР, после того как именно Великобритания и Франция сорвали переговоры в Москве, получила широкую дорогу в пропаганде. После того как Советский Союз, согласившись с предложением Германии, 23 августа 1939 г. подписал с ней договор о ненападении, враждебность усилилась.

В особенности после начала агрессии против Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Франции первое время раздавались довольно громкие голоса, правда постепенно утихающие, утверждающие, что Гитлер осмелился напасть на Западную Европу только благодаря «ощутимой помощи» со стороны Советского Союза. При этом часто ссылались именно на договор от 23 августа, подписанный Германией и СССР.

Уже казались совершенно забытыми ранее широко рекламируемые на Западе кадры кинохроники, заснятые при возвращении из Мюнхена Чемберлена и Эдуарда Даладье, размахивающих «листочками» соглашения, подписанного при участии Муссолини с Гитлером. А ведь это соглашение «гарантировало» сохранение вечного мира между Германией, Великобританией и Францией, а также другими странами Западной Европы. Правда, ни после подписания Мюнхенского договора, ни даже после начала войны ни Чемберлен, ни Даладье никогда не упоминали о том, что эти «листки» были подписаны ценою предательства по отношению к Чехословакии, суверенного, дружеского Франции государства, безопасность границ которой в свое время правительство Франции гарантировало, согласившись даже при необходимости с участием вооруженных частей своей армии.

В самом начале мне не приходилось слышать, что господам Чемберлену и Даладье нравился Мюнхенский договор и что, к их всеобщему удовлетворению, его острие было явно направлено против Советского Союза. Потирая руки после подписания этого соглашения, «вершители судеб мира» верили, что Гитлер, довольный уступками, сделанными по его требованию Великобританией и Францией, направит свои агрессивные намерения исключительно против единственного «большевистского, социалистического» государства – Советского Союза, оставив их государства в полном покое. Именно это составляло их давнишнюю мечту.

Сейчас можно уже точно утверждать, что именно эта мечта заставила так называемое правительство социалистов, возглавляемое Леоном Блюмом, закрыть глаза на происки фашистских держав – Германии и Италии – по созданию на границе с Францией угрожающего для нее на случай развертывания фашистами военных действий положения. Его правительство спокойно и даже доброжелательно относилось, как я уже говорил, к

созданному по ту сторону границы «дружественному» государству фашистского типа во главе с Франко.

Мечта направить агрессивную политику Гитлера только в основном против Советского Союза заставила правительства Чемберлена и Даладье, не без согласия США, идти на все большие уступки Германии и Италии в их агрессивных планах и действиях не только в Европе, но и в Африке. Хочу еще раз подчеркнуть, что в «нейтральной» политике, проводимой США, значительную роль играл давнишний «антикоммунист» и беззастенчивый фальсификатор посол США в Париже Уильям Кристиан Буллит. Не следует забывать и то, что именно Буллит продолжал определенное время оставаться в Париже после его оккупации фашистскими войсками, в Бордо при эвакуировавшемся правительстве Франции исполнял обязанности посла Биддл.

Поверьте мне, ставшие уже привычными для многих в самых различных странах разглагольствования после Первой мировой войны различных немецких реакционных деятелей и представителей воинственно настроенной «патриотической» военщины, кричащих во всеуслышание о необходимости для Германии реванша после проигранной развязанной Германией войны, несколько изменились в годы господства в этой стране Гитлера. Пришедший к власти с помощью промышленников, финансистов и реакционеров Адольф Гитлер заменил ранее существовавшие лозунги новыми, воинственными, с требованиями присоединения к Германии необходимого, по убеждению фашистов, «жизненного пространства», охватывающего по меньшей мере значительную часть всей Европы. При этом свой основной лозунг, как многим становилось абсолютно понятно, геббелевская пропаганда стремилась обосновать не только своим желанием обогатить Германию за счет той же богатой России, но и стремлением положить конец существованию политического врага – Советского Союза. Все делаюсь гитлеровцами для того, чтобы внушить правительствам и народам Запада, что им ничего не угрожает со стороны Германии.

Стоит вспомнить и то, что происходило после того, как Германия развязала Вторую мировую войну, ставшую формально войной между двумя империалистическими коалициями. Советский Союз, его правительство отлично понимали, что существует реальная угроза перебазирования военных действий с Запада на Восток.

Речь идет, прежде всего, о «дружеской договоренности» между Германией и СССР в вопросе присоединения к Советскому Союзу части территории, «принадлежащей» Польше. Действительно, после того как 17 сентября 1939 г. Польша была фактически завоевана гитлеровцами и как государство прекратило свое существование, Советскому Союзу были возвращены захваченные еще 1920 году территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Официально эти территории вошли в состав БССР и УССР, и тем самым Советский Союз достиг такого положения, при котором его границы были несколько отодвинуты на Запад.

Еще с «большим непониманием» на Западе отнеслись к присоединению к Советскому Союзу Эстонии, Латвии и Литвы. Это было очень важно для обеспечения обороноспособности нашей страны. Эти три государства давно, еще, как я слышал, изучая в институте историю, в период существования Тевтонского ордена, рассматривались как плацдарм для успешных военных действий против России. Эту точку зрения позднее поддерживали не только Германия, но и правящие круги Великобритании и Франции в их стремлении включить государства Прибалтики в «крестовый поход», к которому они готовились в те годы.

Меня крайне удивило то, что правительства Латвии, Литвы и Эстонии после присоединения этих государств к СССР, по словам многих моих собеседников, срочно направились в США, которые признали как бы незаконность указанного присоединения Прибалтики к Советскому Союзу, назвав их «правительствами в изгнании».

Геббельсовская антисоветская пропаганда не умолкала даже и после нарушения фашистами нейтралитета Бельгии и других стран и захвата таковых немецкими войсками. Я убедился вскоре, что в этих странах были люди, которые не только верили этой пропаганде,

по и потворствовали ей. Мне стало известно, что даже в единственной, еще не покоренной, но уже осаждаемой фашистами Великобритании часто вторили употребляемым в немецкой антисоветской пропаганде доводам.

Я и мои «друзья» видели, что с начала 1941 года усилились стремления Великобритании и Франции, начавшиеся еще в самом начале «странной войны», а вернее, еще до ее возникновения, добиться положительных результатов в антисоветском сговоре с Германией. Именно поэтому на Западе публикации, распространяемые нацистами и их сторонниками, о «советской опасности», о «советской угрозе» всем «демократическим» странам набирали силу не только в Германии и ее сателлитах и даже в поработанных фашистами странах, но и по всему «свободному» миру, естественно включая и США.

До нас уже дошли слухи, «непринужденно» распускаемые с помощью все той же геббелевской пропаганды, что в Советском Союзе недовольство, больше того, ненависть к существующему политическому строю, к «коммунистическому» правительству получили настолько широкое распространение, что достаточно влиятельные и многочисленные слои советского общества только и ждут, чтобы к ним пришла помощь со стороны для полного освобождения от «красных».

Очень важным было то, что мне, как президенту правления акционерного общества, коммерсанту, «тесно сотрудничавшему» с организацией ТОДТ в Бельгии и частично во Франции с немецкой фирмой Людвиг Махера, строившей военные объекты, в том числе и военные аэродромы, с военной интендантурой, связанной с военным командованием оккупационной армии в Бельгии и на севере Франции, оказывали большое доверие. Даже иногда «приходилось помимо моего желания» принимать участие в различных переездах из Бельгии во Францию на военных немецких автомашинах в обществе офицеров вермахта и военных строителей, часто посещая обслуживаемые ими объекты. Эти поездки меня «мало интересовали», но из любезности к моим попутчикам, приглашавшим меня принять участие в них, я соглашался «потерять» некоторое время. Должен признаться, что иногда эти поездки меня даже тревожили, так как невозможно было избежать различных застолий, устраиваемых немецкими «друзьями» для своих друзей, на которых я «имел честь» присутствовать, а иногда приглашать к столу «немецких друзей» приходилось и мне.

Во время этих встреч вслед за тостами в честь непобедимого рейха и его дальнейших боевых успехов обычно начинались доверительные беседы и даже обсуждались важные вопросы, связанные с той или иной поездкой. Тревогу у меня иногда вызывало то, что мой попутчик, сидящий за рулем, не боялся слишком часто прикладываться к рюмке с крепким напитком. Однажды это привело даже к незначительной аварии, при которой водитель получил легкое ранение, я же, выброшенный из машины, отделался легким ударом.

Во время поездок немецкие офицеры и строители встречались со своими близкими друзьями. Меня они не стеснялись вообще, и доверительные разговоры не прекращались.

Так, например, прибыв как-то на север Франции в город Лилль, мой попутчик из интендантуры имел, видимо, служебный разговор с одним из офицеров вермахта, на котором я присутствовать не мог. Ко мне был прикреплен очень любезный офицер, и мы с ним прогулялись по городу. По-видимому, уже заранее было оговорено место прогулки, так как вскоре прибежал лейтенант и пригласил к обеду, где нас уже ждали. И вот в это время состоялся между присутствующими доверительный разговор.

Один полковник, только что вернувшийся из Берлина, затронул уже известный мне вопрос, когда я, находясь в Берлине вместе Альфредом Корбенем, услышал по английскому радио информацию о «Миссии Гесса». Не буду повторяться, хочу только добавить то, что я, спокойно сидя в Лилле за столом и вместе с другими попивая различные довольно крепкие напитки, услышал от полковника: Гесс якобы из-за нехватки горючего, и только поэтому, был вынужден сброситься на парашюте близ поместья герцога Гамильтона.

Вспоминая о «Миссии Гесса», предпринятой 10 мая 1941 г., мне вдруг вспомнилось событие, которое подтверждало уже сложившееся среди бельгийского народа, да и не только, мнение, что спасти мир от фашизма может только Советский Союз.

Да, действительно, имел место один эпизод, который вызвал у меня удивление и даже смех. Речь идет о происшествии в Брюсселе буквально за несколько месяцев до начала фашистской агрессии против Советского Союза. Тогда по одной из улиц оккупированной немцами столицы Бельгии мчалась со всей только ей «дозволенной» скоростью легковая машина вермахта. И вдруг из-за поворота, соблюдая правила дорожного движения, не превышая установленной скорости, выехала легковая машина, принадлежавшая советскому посольству в Бельгии. Немецкая машина наскочила на советскую. Жертв не было, но незначительное повреждение машин имело место. Пассажиры столкнувшихся машин отделались испугом и незначительными ушибами. Вокруг скопилась довольно значительная толпа прохожих, которых было принято называть зеваками.

Об этой аварии мне стало известно от Блондинки, прибежавшей в возбужденном состоянии. Она оказалась случайной свидетельницей. Смеясь без умолку, часто путаясь в словах, рассказала мне самое главное, поразившее ее больше всего. Неудивительно, ее отношение к нацистам, к тому, что происходило во время войны, смерть мужа, вынужденное бегство отца и матери в США вызывали у нее чувство ненависти к оккупантам.

А из толпы, не боясь, громко смеясь, даже ликуя, достаточно смело выкрикивали:

- Вот, наконец, между двумя «друзьями» произошло первое столкновение!

Так оценивали бельгийцы это событие, а некоторые даже утверждали:

- Первое столкновение, но далеко не последнее!

Ни Блондинка, ни бельгийцы, смело высказывавшие свое впечатление от увиденного, безусловно, не могли предположить, насколько близки к истине.

Этот случай превратился вскоре в ходячий анекдот, часто повторяемый не только в Брюсселе, но и во всей Бельгии.

Вскоре после случившегося мы решили посетить находящуюся в центре города чайную. Некоторые утверждали, что она ранее принадлежала англичанам и, соответственно, называлась «Файв о'клок ти», то есть «Пятичасовой чай». Кому эта чайная принадлежала во время войны, никому не известно. Однако сохранились привычки, и в этом заведении продолжали в пять часов пополудни собираться далеко не рядовые люди. Продолжал бывать в этой чайной и я. Иногда приходил туда не один, а с Блондинкой. Она не скрывала своего восхищения не только самим заведением, но и тем, что сопровождавшего ее Винсенте Сьерра многие гости знали и даже приглашали к своим столикам.

Я коснулся посещения Блондинкой чайной не случайно. Мы, а я в особенности, были удивлены услышанным от пригласивших нас к своему столику бельгийцев. Многие касались описанной мною аварии двух автомашин, смеялись и повторяли то, что слышала Блондинка. Были, однако, и другие мнения. Так, например, один уже пожилой мужчина высказал мысль, что Гитлер и его сторонники, мечтающие о войне против Советского Союза, сильно ошибаются. Он добавил, что история отлично знает, чем заканчивались войны, направленные на завоевание России. Не случайно даже среди военных в Германии есть такие, которые предупреждают Гитлера, что они еще далеко не готовы к войне против Советского Союза. Он приводил ряд примеров, подтверждающих его мнение.

Мне, часто посещавшему вполне респектабельные аристократические дома и клубы, различного рода казино, кафе, конторы коммерческих фирм и даже правительственные учреждения, легче было быть в курсе жизни в Бельгии, Франции, Нидерландов, Швейцарии, в которой я побывал дважды, и Германии. Это мне, как разведчику, было весьма полезно и, больше того, необходимо.

Я позволю себе привести точку зрения Отто в той части, которую он сформулировал отнюдь не в пользу меня, Кента. Более точно я коснусь далее, при каких обстоятельствах эта оценка была дана.

Сейчас хочу только сказать, что в привезенном мною в Москву и перехваченном органами государственной безопасности следственном деле, заведенном гестапо на Леопольда Треппера, имеются его показания, с которыми меня познакомили Геринг и Паннвиц. На вопрос о Кенте Леопольд Треппер примерно ответил так: Кент обладает определенными

свойствами, благодаря которым ему удалось очень быстро приобщиться к различным слоям общества, вызывая дружеское отношение к нему всех, с кем он знакомился, с кем у него устанавливался контакт. Он умел шутить, смешить собравшихся, держался непринужденно в беседах на разные темы и был желанным гостем в различных домах, обществах.

С моей точки зрения, эта оценка была слишком высокой, но действительно я всегда старался не чувствовать себя чужаком в том обществе, которое могло мне пригодиться не только с точки зрения моей легализации, но и в целях облегчения моей коммерческой и разведывательной деятельности. Не быть «чужаком» – под этим термином я понимал тогда и понимаю теперь стремление ничем не выделяться в данном обществе, в данной компании. Полагаю, что это мне в определенном смысле удавалось.

Моя «общественная жизнь» требовала значительных затрат времени, невероятной выдержки и нервного напряжения. В то же время она была для меня, как и для любого разведчика, абсолютно необходимой.

В беседах с «друзьями» мне тоже приходилось часто рассказывать различные, даже политические анекдоты, якобы услышанные где-то от кого-то. Я никогда не выдумывал, а только повторял то, что в действительности мне приходилось слышать.

Так, например, сидя с французскими «друзьями» в первом классе ночного кабаре «Таверна», в котором после объявленного комендантского часа могли находиться только немцы или лица, имеющие специальные пропуска, буквально через несколько дней после начала немецкой агрессии против Советского Союза я услышал довольно пикантный, придуманный на французский лад, с присущим французам юмором анекдот.

Как-то Париж посетил Адольф Гитлер. И вот, окруженный самыми высокопоставленными военачальниками, он решил навестить могилу Наполеона I в знаменитом здании Дворца инвалидов. Постояв вместе со всеми сопровождающими его некоторое время у гробницы императора, он, часто любивший во многом походить на Наполеона, совершенно неожиданно для всех вдруг потребовал, чтобы его оставили одного у усыпальницы. Оставшись один на один с Наполеоном, Гитлер внезапно заговорил, обращаясь к праху:

- Ты был великим полководцем, покорившим почти всю Европу. Почти вся Европа покорена мною. Ты был властелином Франции, она у моих ног теперь. Ты господствовал в Австрии, на землях, принадлежащих теперь Чехословакии и Польше. Теперь я господствую и там. Ты стоял у порога Англии; угрожая ей, я нахожусь теперь на пороге победы над ней.

Еще долгое время, находясь в абсолютной тишине, Гитлер сопоставлял былые ратные успехи Наполеона и его войск со своими, еще более грандиозными подвигами, с его точки зрения. Видимо радуясь этой беседе, сложив по-наполеоновски руки на груди под небрежно наброшенной на плечи накидкой, фюрер продолжал:

- Ты направил свои войска, прошедшие всю Европу, на Восток и хотел покорить необъятные просторы России, завоевав ее богатства для своей короны, но потерпел позорное, совершенно неожиданное поражение. Я направил свои героические войска на Восток, они победоносно продвигаются по уже завоеванной территории в направлении Москвы и Петербурга. Недалек тот час, когда этот мой поход закончится полной блестящей победой!

Не успел еще Гитлер закончить свою очередную тираду, как в зале, в котором он находился, раздался грохот, звон металла, абсолютно для него непонятный шум. Фюрер, несмотря на «присущую ему храбрость», резко вздрогнул, нервно зашевелился и громко закричал:

- Кто здесь, кто поднял шум?! Что за шум?!

Внезапно он услышал приглушенный, но абсолютно спокойный голос:

- Это, Адольф, я, Наполеон. Я готовлю тебе место рядом со мной!

Этот услышанный мною ночью от подвыпившей компании, состоящей почти полностью из коллаборационистов, шумно смеявшихся французов, анекдот, вскоре приобрел довольно широкую известность.

Меня крайне удивило, что он появился во Франции после того, как немцы, едва начав агрессию против Советского Союза, уже громогласно трубили о своем победоносном марше.

Кстати, позже из состоявшейся у меня беседы с Отто Бахом, о которой я буду еще подробно рассказывать, услышал, что Гитлер действительно очень любил Наполеона I и именно поэтому в его личной библиотеке были собраны многие труды, посвященные императору Франции.

Должен сказать, что «успехи» нацистов в начатой войне против СССР, эти «победные» марши и истерические восторженные выступления самого Гитлера, ряда его сподвижников и самых различных средств информации, рождаемой геббелевской пропагандой, возвещавшие немецкому пароду, народам всего мира о достигнутых «победах», не на всех людей действовали одинаково. Были и такие (а их число все время росло по мере того, как становилось известно о всевозрастающем сопротивлении, встречаемом фашистскими армиями со стороны советского народа и его вооруженных сил), которые не без иронии, но делая серьезные выводы, попросту издевались над фашистской пропагандой.

Мне приходилось встречать и таких собеседников, которые говорили о том, что утверждения Гитлера были «абсолютно обоснованными», когда он указывал на то, что в целях «защиты Германии и Европы в целом он вынужден» был начать военные действия против Советского Союза, ибо Сталин с минуты на минуту готов был напасть на Германию, а затем, завоевав ее, продвигаться дальше, покоряя все страны Западной Европы. В подтверждение этому нацистская пропаганда любила утверждать, что «войска фюрера действительно сразу же после начала военных действий наткнулись на многочисленную советскую армию, блестяще вооруженную самым современным оружием, готовую незамедлительно применить его в целях своей внезапной агрессии против свободного мира». Это уже не анекдот, но он вызывал у многих слушателей, даже среди немецких офицеров, смех. Всем было ясно, что Советский Союз не собирался ни на кого нападать и верил в то, что избежит участия в войне, во всяком случае, в ближайшие годы.

В Германии тоже рождались различные политические анекдоты. Их сочиняли и распространяли с опаской, втихую, с большими предосторожностями. И все же, некоторые из них доходили и до меня, и до связанных с нашей резидентурой людей.

Вот один из них, якобы родившийся тоже после начала фашистской агрессии против Советского Союза. Его попытаюсь по памяти передать дословно, рассказал мне один австриец, связанный с нашей фирмой.

– Как то Гитлер, Борман, Геринг, Геббелс, Гиммлер и другие на самолетах направлялись в сторону Чехословакии. Казалось, что война на Западе приближается к концу, осталось завоевать только небольшой, по сравнению с покоренной уже Европой, «островок» – Англию. Тогда еще никто не замыслил начать новую войну, войну против «большевиков», «полудиких» народов бывшей России, угрожающих сейчас всему миру. Вдруг самолет, на котором находились фюрер и его сподвижники, был вынужден произвести непредвиденную посадку в открытом поле где-то на территории рейха. Вслед за ним произвели посадку и сопровождающие его самолеты. Не успели еще приземлиться, как Гитлер увидел недалеко от места произведенной посадки большое незнакомое здание, спрятавшееся за высоким забором. Не получив от окружающих его лиц никаких пояснений, Гитлер приказал вывезти из самолетов автомашины и, усевшись в одну из них, сопровождаемый автомашинами с остальными нацистами, двинулся по направлению к этому забору. К изумлению всех, в здании была расположена больница для особо привилегированных сумасшедших. Это поразило всех, потому что было известно: по личному распоряжению фюрера к этому времени подобные больные, находившиеся в больницах на территории Германии, были умерщвлены, а сами здания использовались под казармы, госпитали и для других, связанных с войной целей. Гитлер решил посетить обнаруженную им больницу и даже лично увидеть больных. Врачи сопровождали высоких гостей, давали необходимые пояснения при входе в палаты, двери которых специально раскрывались, так как обычно они были заперты на замок. Врачи явно проявляли повышенную нервозность и всячески пытались побыстрее

увести посетителей, чтобы ознакомление с больницей и больными было закончено. Обход палат был уже почти закончен. Внезапно все остановилось у двери, закрытой на прочный замок.

Австриец, рассказывающий мне эту историю, которая якобы действительно имела место, вдруг сказал, что на этом месте можно было бы поставить точку, но он хочет добавить, что сам слышал в продолжение этого «события».

После того как Гитлер увидел тщательно закрытую дверь, он потребовал, чтобы ему показали, кто находится в этой палате. Врачи больницы пытались увильнуть от ответа. Грозный Гиммлер, заподозрив нечто недоброжелательное, угрожающее рейху, потребовал немедленных объяснений от врачей. Нехотя, в явном замешательстве, главврач медленно, буквально выдал из себя ответ: «В этой палате находится один особо опасный больной, который... (последовала пауза) который имеет наглость выдавать себя за нашего дорогого фюрера. Он и одет так же, и носит те же прическу и усы, очень похож...» Главврач не успел еще закончить фразу, как Гитлер потребовал, чтобы его впустили в палату и оставили с больным один на один до того времени, пока сам не постучит в дверь. Приказ есть приказ, и Гитлер уже в палате. Пробыл он там довольно долго, постучал в дверь, вышел из палаты и вместе с сопровождавшими его лицами покинул больницу. Казалось, что ничего особого не произошло, но врачи... не смогли больше нормально жить. Их мучила неуверенность: настоящего ли фюрера они выпустили из палаты или того, кто в ней находился раньше, выдавая себя за такового... Это сомнение возрастало не только у врачей, но и у многих немцев, после того как Гитлер (или тот больной, выдававший себя за него), стремясь к мировому господству, начал войну против «большевистской» России...

Анекдоты есть анекдоты, даже если в них есть вымысел, в какой-то степени подтверждаются имеющимися фактами и событиями. Безусловно, для разведчика они не могут служить достоверным, заслуживающим внимания материалом, но в то же время они часто способны пролить свет на настроение народа, определенные круги, общественное мнение по отдельным вопросам, в том числе и по поводу серьезных политических и исторических переживаемых или пережитых фактов, событий.

Именно поэтому я внимательно прислушивался к подобным анекдотам и пытался определить, какое они имеют распространение в народе. Приведенные анекдоты, как и следующий, заслуживали внимания с моей стороны.

Последний анекдот, который, как мне кажется, может заинтересовать читателей, был мною услышан во время поездки на военной немецкой машине через Лилль в Париж. Гитлер решил совершить вместе с Герингом полет на самолете, чтобы понаблюдать с воздуха имеющиеся во Франции укрепления немецкой армии. Увлечшись разговором, он внезапно посмотрел с высоты полета вниз. Ему показалось, что они летят не над Германией или Францией, а над Англией... Он был в восторге, увидев «достижения немецких пилотов, нанесших огромные разрушения острову». Свое восхищение он выразил в обращении к Герингу. Геринг не мог понять, шутит ли Гитлер, ведь они не собирались лететь над Англией, а фактически еще пролетали над Германией и видели разрушения, являвшиеся результатом бомбардировок английской авиации.

После установления контакта с Шандором Радо в Швейцарии, еще в марте-апреле 1940 г., я получил от него сообщение о неизбежности фашистской агрессии против Советского Союза. Тогда я еще не мог точно определить, чем закончится «странная война» на Западе, и, конечно, предположить, когда начнется оккупация Бельгии.

Позднее, уже после начала Великой Отечественной войны и на всем её протяжении, можно было наблюдать переброску находившихся на территории Франции, Бельгии и других оккупированных стран боевых, кадровых, закаленных в боях подразделений немецкой армии, направляемых на Восток, слабыми подразделениями. В их числе были не только соединения, формируемые в Германии из лиц, уже давно не подлежащих призыву по их возрасту, но и значительно потрепанные уже в боях против Красной армии.

Все это, несмотря на не покидающую нас нервозность, заставляло усиленно работать

как в «Симекско», так и в направлении активизации разведывательной работы. Усталость давала о себе знать. Иной раз приходилось спать не более двух-трех часов в сутки, а иногда и того меньше. Вопреки моему желанию, жизнь заставляла все больше курить и в то же время обращаться к рекомендованному мне врачу за практической помощью.

Напряжение нарастало. Все мои мысли были на Родине, со сражающимся за ее независимость советским народом. Не мог я не думать и о моих родных, близких, друзьях. В особенности тревожными были дни, когда до нас дошли слухи о том, что фашисты стремятся не только блокировать дорогой мне город, но и полностью уничтожить Ленинград. Помню о том, что я счел необходимым обратиться в «Центр» с просьбой оказать содействие отцу и матери в их эвакуации. «Центр» положительно откликнулся на мою просьбу, и они были вскоре эвакуированы.

В эти тревожные дни нам всем надо было максимально мобилизоваться, приложить все усилия для того, чтобы из отдельных наших источников, из бесед с «бельгийскими и немецкими друзьями» буквально по ниточке собирать все то, что могло представлять интерес для «Центра».

Вскоре мы убедились, что рексисты в Бельгии буквально ликовали, узнав, что идет война против Советского Союза. Ими была начата вербовка добровольцев для вступления в формируемое подразделение, предназначенное для включения в вооруженные силы немецких агрессоров. Леон Дегрель в открытую выступал за вооруженную борьбу против «коммунизма». Больше того, как уже указывалось, мы узнати о том, что именно он возглавил сформированное подразделение, ставшее впоследствии бригадой, и в бельгийской печати можно было прочесть о подвигах на фронте бельгийцев, о быстром продвижении самого Леона Дегреля и его награждении гитлеровскими боевыми орденами.

Слухи о роли рексистов, доходившие до нас, заставляли усилить нашу бдительность и конспирацию. Слишком много настроенных таким образом бельгийцев внезапно оказалось в стране.

Особое внимание также уделялось усилению деятельности нашей «крыши». Мы обнаруживали, что с каждым днем все яснее становится не только ее надежность, но и значительная польза резиденту ре. Нельзя забывать, что с началом Великой Отечественной войны полностью исключается возможность поддержания связи с «Центром», а следовательно, мы могли рассчитывать на финансирование нашей разведывательной деятельности только через «крышу».

Я был вполне доволен положением нашего акционерного общества.

Уже немало приведено примеров, как наша «крыша» приносила реальную пользу резидентуре в целом и мне, ее резиденту, в частности в легализации и создании возможности извлекать значительные средства. Считаю, что сейчас настало время коснуться одного весьма важного факта.

После своего вынужденного отъезда из Бельгии в Париж и создания там филиала нашей фирмы Отто посещал Бельгию. Он обосновывал свои приезды тем, что у него нет радиосвязи с «Центром» и он вынужден передавать всю информацию только через меня.

Во время одного из приездов в Брюссель Отто, как всегда, остановился у меня на квартире, вернее, уже на вилле. Его приезд объяснялся в основном тем, что, наконец, ему удалось создать во Франции свою резидентуру. Если я не ошибаюсь, на этот раз он приехал в июле или в августе 1941 г. Был весьма бодр, и чувствовалось, что он доволен достигнутым в своей и Гроссфогеля деятельности.

Широко улыбаясь, продиктовал мне для передачи в «Центр» «весьма важное», с его точки зрения, сообщение.

Действительно, когда я услышал от Отто содержание радиограммы, которую мне надлежало направить в «Центр», мне показалось, что ему удалось достигнуть во Франции немалых успехов. Важным являлось, безусловно, то, что он смог завербовать русского эмигранта из знатной семьи барона Василия Максимовича и его сестру Анну Максимович.

По словам Отто, кстати, это было включено в передаваемую в «Центр» радиограмму,

Василий Максимович успешно завоевал за год с лишним оккупации Франции немецкими войсками огромный авторитет у оккупантов. В радиোগрамме был упомянут и его псевдоним – Профессор. Его сестра, являясь крупным медиком, имела частное лечебное заведение, расположенное в провинции в изолированном от окружающего населения поместье. Если не ошибаюсь, Отто называл это поместье замком. Лечебное заведение могло быть, по его убеждению, легко использовано в качестве конспиративной явки для связанных с резидентурой источников или даже для безопасной работы радиопередатчиков его резидентуры. Именно поэтому он, Отто, очень заинтересован в том, чтобы я и Аламо, соответственно, ускорили окончание подготовки для французской резидентуры шифровальщика Софи Познанскую и радиста Альбера Десме.

Главной частью сообщения являлась возможность деятельности Василия Максимовича в интересах советской разведки. Отто сообщал, что в силу завоеванного Профессором авторитета у немецких оккупантов он имеет возможность в любое время посетить Германию, а будучи вполне проверенным и надежным человеком, сможет выполнить там любое задание «Центра».

Я не сомневался в том, что проведенная Отто вербовка столь ценного работника должна была заинтересовать «Центр». Шифруя эту радиোগрамму, я невольно не единожды повторял зародившуюся у меня мысль, что «Центр» с учетом создавшейся к тому времени обстановки, несомненно, немедленно заинтересуется возможностью использования особо доверенного человека, барона Василия Максимовича.

Вскоре Отто уехал в Париж, а я обещал ему незамедлительно сообщить о полученном из «Центра» ответе. Мы полагали, что он поступит до очередного приезда Отто ко мне в Брюссель.

Зашифрованную радиোগрамму мы срочно передали в «Центр». Жизнь продолжалась, продолжалась и даже расширялась моя коммерческая и разведывательная деятельность. Наша «крыша» и резидентура в Бельгии крепились.

Мои отношения с Блондинкой тоже окрепли. Мы соблюдали все правила хорошего тона, и она продолжала оставаться верной памяти своего умершего мужа. Мне казалось, что я могу ей вполне доверять, конечно, не в полном объеме, не раскрываясь перед ней как советский разведчик. Из разговоров со мной она постепенно начинала понимать, что хотя я и «сотрудничаю» с оккупантами, не исключая в том числе оказываемую мне ею и фрейлейн Аман помощь в этом отношении, однако я не разделяю нацистскую политику.

Иногда я даже использовал Блондинку как «почтовый ящик» или «связистку». Передавал через нее материалы, которые даже при тщательном их осмотре не могли вызвать никаких подозрений. Всегда это были исключительно деловые бумаги или частные дружеские письма. Она не могла даже предположить, что на этих бумагах тайнописью мне передаются важные, не подлежащие оглашению сообщения.

Блондинка с успехом продолжала исполнять свою роль «хозяйки» моего дома. По-прежнему в этом отношении ей помогали фрейлейн Аман и, конечно, «наша повариха». Число гостей не уменьшалось. Нас стали посещать и приезжие представители различных немецких организаций, с которыми связь поддерживала наша фирма «Симекско». Среди гостей были также и мои бельгийские «друзья», в первую очередь владелец «Селект скул», Тевенет де Буа.

Работы все время добавлялось. Часто приходилось для обработки шифровок, обобщения полученной информации затрачивать много ночных часов. В этом отношении мне очень помогали крепкий кофе, по 4–5 чашек которого я иногда выпивал за ночь, и трубка, которую я позволял себе беспрерывно курить только дома, оставшись наедине с самим собой. Дело в том, что меня предупредили, что трубку курят или студенты, или молодые парни, или старики. Людям в моем возрасте и с учетом моего светского положения разрешалось курить только сигареты, сигары. Я же очень полюбил трубочный табак, изготавливаемый табачными фабриками в Нидерландах, несколько в меньшей мере – английский.

И вот, наконец настал день, когда из «Центра» поступило очень важное задание, выполнение которого возлагалось на Профессора – Василия Максимовича в соответствии с радиограммой, подписанной Отто, получившего высокую оценку и достаточно уверенную рекомендацию. Ведь именно Отто, как я уже говорил, докладывал «Центру» о том, что Максимович может в любое время выполнить любой сложности задание на территории Германии.

О содержании полученного из «Центра» для Максимовича задания я подробно расскажу в специальном разделе моих воспоминаний. Сейчас укажу только на то, что Максимовичу поручалось выполнить исключительно важное задание по восстановлению имевшейся до начала Великой Отечественной войны связи с очень ценными резидентурами в Чехословакии и Берлине. В Берлине надлежало восстановить связь с двумя резидентурами, параллельно действующими, а в Праге – только с одной. В задании «Центра» были даны адреса, явки, пароли, фамилии всех, с кем Максимович должен был установить личную связь и обеспечить в дальнейшем прямую связь этих резидентур с Москвой.

«Центр» направил задание для Максимовича исключительно в ответ на запрос, направленный ему через меня лично Отто. Я это подчеркиваю только потому, что сейчас в некоторых публикациях Отто утверждает, что он был буквально потрясен полученным заданием. Больше того, он, не стесняясь, прямо говорит, что направление подобного задания является грубейшей ошибкой «Центра». Попытаюсь опровергнуть и это ложное утверждение Леопольда Треппера.

Изучив его, мы приняли решение, в соответствии с которым надлежало немедленно начать подготовку Максимовича к безоговорочному и быстрейшему выполнению задания. Естественно, именно в обязанности Отто и входила его подготовка. Пользуясь своими «широкими возможностями», он должен был приступить к срочному оформлению в оккупационной администрации необходимых документов для поездки в Чехословакию и Германию и в первую очередь выездных виз из Франции в эти две страны. При этом предполагалось, что Максимович проследует транзитом через Германию сначала в Чехословакию, а затем, выполнив задание «Центра» в Праге, направится в Берлин для выполнения двух других заданий.

Прошло довольно немного времени после нашего с Отто обсуждения задания «Центра», когда Отто неожиданно, на этот раз с нескрываемой растерянностью, прибыл в Брюссель. С вокзала позвонил мне в контору «Симекско» и попросил немедленно встретиться с ним. Сам топ Отто меня очень насторожил, и я немедленно направился к месту условленной встречи, а затем, не начиная разговора, мы направились ко мне на виллу.

Я привык к тому, что Отто любил со мной, как с младшим своим товарищем, разговаривать, «мило улыбаясь», но несколько свысока. На это раз он был совершенно неузнаваем. Мне показалось, что даже чем-то очень взволнован, – исчезла присущая ему улыбка. Предположить, что он меня просто стал стесняться, я абсолютно не мог. И вдруг, глядя куда-то в сторону, сидя напротив меня в кресле в моем кабинете, он заговорил:

– Не знаю, что и делать! Нас, – да, именно так было сказано, – совершенно неожиданно подвел эмигрант. У него не оказалось, вопреки его заверениям, никакой возможности для оформления необходимых для поездки в Чехословакию и Германию документов. Он мне врал. Теперь не знаю, что он собой представляет в действительности. Хорошо, что я из осторожности решил его ознакомить с полученным заданием только после того, как он оформит все документы.

Не буду вдаваться в подробности нашей беседы после всего услышанного. Не побоюсь, однако, утверждать, что у меня укрепилось мнение о полной безответственности этого «резидента».

Выслушав Отто, серьезно задумавшись над всем услышанным и случившимся, я воздержался от высказываний. Это объяснялось тем, что я задумался, как мы сможем выпутаться из создавшегося положения. Я говорю «мы», потому что шифровка, извещавшая «Центр» о возможности Максимовича и его готовности выполнить любое задание, хотя и

составлялась на основе личного донесения Отто, но шифровалась мною и, как мне казалось, под ним стояли наши две подписи. Если это так, то, естественно, в «Центре» могут считать, что ответственность за обоснованность сказанного в шифровке ложится и на меня. Конечно, я понимал, что подобное обвинение было бы необоснованным. Я отвечал исключительно за работу бельгийской резидентуры, к ней, по моему убеждению, основанному на заявлении Большакова при ее приеме от Отто, последний уже не имел никакого отношения.

Все мои мысли сводилось только к одному: не удастся ли мне лично, основываясь на достигнутом в бельгийской резидентуре, обеспечить выполнение этого задания? Нет, я понимал, что сразу принять какое-либо решение невозможно. Я не был в курсе того, каков в то время был порядок оформления документов, разрешающих иностранцу поездки в Германию и ее протекторат. Пожалуй, в особенности этот вопрос касался именно протектората. Я знал по доходившим до меня слухам, что въезд иностранцев туда был весьма ограничен или вообще запрещен.

Отто нервничал. Видимо, он хотел, чтобы я как можно быстрее отреагировал на полученный из «Центра» ответ. Подумав, я пообещал проверить, имеются ли в бельгийской резидентуре реальные возможности положительного решения, позволяющего надеяться на выполнение этого задания.

Честно говоря, на этот раз мне стало жаль Леопольда Треппера и очень хотелось ему помочь.

Любому человеку, а тем более Отто и мне, было совершенно ясно, что выполнение задания «Центра» в Германии и Чехословакии может принести большую пользу.

Отто не задержался в Брюсселе. Несколько успокоенный тем, что я обещал заняться изучением сложившейся обстановки и всех обстоятельств, мешавших выполнению задания «Центра», он решил незамедлительно вернуться в Париж. Мы обусловили с ним порядок дальнейшего поддержания связи между нами по взволновавшему нас вопросу.

Проводив на вокзал Отто, сидя в машине, я ни на минуту не переставал думать о случившемся и об отношении к этому парижского резидента. Я вспомнил, что у меня сохранилось еще несколько устаревшее приглашение фирмы Беранека посетить Чехословакию, Прагу. Я был в сомнениях относительно того, смогу ли воспользоваться этим документом и что практически он сможет дать.

Вскоре мне повезло. Неожиданно в Брюссель приехал Махер-младший. Он не преминул навестить меня и Блондинку. Она, как всегда, организовала хорошую встречу. В беседе с ним я коснулся вопроса о возможности расширения деловых отношений между нашими фирмами и более широкого использования «Дойче Банка», через который и «Людвиг Махер» частично производит расчеты с нашей фирмой «Симекско». Меня уже мало что удивляло в моей коммерческой деятельности, но все же в данном случае поразила предельная доброжелательная позиция, занятая Махером-младшим. Он не только тут же предложил написать письмо с рекомендацией заместителю управляющего банком, но и заверил меня, что он отнесется ко мне весьма доброжелательно. В дальнейшем, при посещении в Берлине конторы «Дойче Банк», я убедился, что обещание Махера-младшего не было пустыми словами. Мне даже показалось, что принимавший меня и прочитавший врученное мною на его имя письмо заместитель управляющего банком находился то ли в каком-то родстве, то ли в близкой дружбе с семьей Махера.

Итак, у меня уже было два письма, определявших желательность моей поездки в Германию и протекторат. Мне оставалось прощупать почву в интендантуре. Хотелось получить и от этой вполне авторитетной и пользующейся, безусловно, значительными правами инстанции определенную помощь в получении соответствующего разрешения и в оформлении необходимых документов для предполагаемой поездки.

В Бельгии стояла хорошая погода. Несмотря на военное время, немцы по-прежнему весело отдыхали. Я поговорил с Блондинкой, и мы решили предложить фрейлейн Аман и остальным «друзьям» и клиентам из интендантуры выехать в воскресенье за город, а после возвращения в Брюссель пообедать у нас на вилле. Уговаривать не пришлось. Согласие было

получено незамедлительно. Мы решили рано утром всей компанией выехать в Остенде. При благоприятной погоде и теплом море всем хотелось даже искупаться.

Наше пребывание в Остенде всем очень понравилось. Действительно, погода благоприятствовала. Мы хорошо искупались, поплавали, побродили не только по городу-курорту, но и по его холмистым окраинам, иногда подъезжая к отдельным весьма живописным местам на наших автомашинах. Я пригласил всех посетить казино, в ресторане мы «перекусили» или, вернее, «закусили», приняв «подкрепительные» напитки, правда в меру, так как надо было самим вести автомашины в Брюссель. Нагулявшись вдоволь, вернулись ко мне на виллу, где уже ждал настоящий обед. Блондинка, фрейлейн Аман и моя наемная «повариха» быстро закончили последние приготовления, после чего нас пригласили к столу. В ожидании приглашения, сидя на террасе, я угостил гостей специальным коктейлем, при них приготовленном по новому рецепту, преподанному мне моим «другом» «швейцарцем» из ночного бара-клуба.

Не успев еще сесть за обильно уставленный стол, проголодавшиеся гости и хозяева буквально набросились на вкусную трапезу, не забывая соответствующие блюда хорошенько «смачивать». За столом просидели довольно долго, а затем, удобно расположившись в креслах и на диване в гостиной и попивая крепкий кофе, ставили хорошие пластинки с музыкой для модных в то время танцев. Две наши дамы пользовались большим успехом, они непрерывно танцевали, доставляя удовольствие своим партнерам. Мне танцевать было некогда. Приходилось ухаживать за всеми остальными.

Только уже в конце приема я решил, между прочим, невзначай, упомянуть о моем большом желании побывать в Германии и позондировать там почву для расширения своих деловых связей с некоторыми немецкими фирмами.

Вдруг Бретшнейдер и другие немецкие «друзья» стали меня агитировать, уговаривать обязательно поехать в Германию и посетить Берлин, считая, что в моих коммерческих делах это может принести значительную пользу. Они знали, что я уже дважды побывал в Лейпциге на международной выставке и что там мне очень понравилось. Когда я упомянул, что имею приглашение в Прагу, в мой адрес раздались советы. Рекомендовали ехать в Прагу поездом с остановкой в Нюрнберге, прекрасном старинном городе. Из Праги, по их мнению, следовало ехать в Берлин через Дрезден и постараться там тоже задержаться на один-два дня.

Выслушав, я, глубоко задумавшись, высказал мысль, что сейчас, в период войны, видимо, не так-то просто будет получить необходимые визы. Бретшнейдер громко засмеялся и ответил, что в этом отношении интендантура, безусловно, сможет мне оказать необходимую помощь. «Не следует забывать, – сказал он, – сколько пользы ваша фирма принесла нам».

Приятно пораженный услышанной реакцией не только со стороны Бретшнейдера, но и других присутствующих немецких офицеров, я старался сделать вид, что затронутая мною между прочим, тема была далеко не основной для наших разговоров, а только лишь попутной. Я перевел разговор на другие житейские темы.

Как я уже сказал, несколько месяцев шла Великая Отечественная война. Мне очень хотелось узнать мнение моих немецких «друзей», офицеров, и по интересовавшему меня вопросу. Поэтому я высказал мнение, что, видимо, скоро война уже закончится. Германия станет победительницей, мощным государством, с большими экономическими возможностями, а это создаст мне возможность для расширения деятельности «Симекско», распространив ее и на мою «родную» страну, Уругвай. Я указал на то, что Россия будет, несомненно, скоро уже побеждена и все ее ископаемые, природные богатства, промышленность и многомиллионная рабочая сила достанутся победителям. Я повторил, что убежден в том, что мои связи с множеством фирм не только в отдельных странах Европы, но и в стране-победительнице – Германии и после войны не только сохранятся, но умножатся. Ведь я надеюсь на то, что не будет забыто, что моя фирма в тяжелые годы войны по мере своих возможностей помогала вермахту.

То, что я, наслушавшись разговоров, хотел услышать и на этот раз, действительно

услышал. В беседе со мной немцы, не скрывая, сказали, что Россия, по их мнению, не Бельгия и не Франция. В России весь народ встал на борьбу. «Мы думали, что нам удастся покончить с Россией за несколько месяцев, – добавили они, – а вот получается, что наши планы сорваны. Мы победим, но неизвестно, когда это будет и какой кровью обойдется нам эта победа».

Эти мысли они развивали и дальше. Разговор продолжался между ними, а я сидел молча, делая вид, что в этих вопросах ничего не понимаю. Можно было понять, что на душе у них далеко не спокойно. Они особенно долго останавливались на ходе битв за Ленинград и Москву. Предстоящее взятие Москвы они рассматривали как окончательную победу, а ко времени нашей встречи оказалось, что их расчет на быстрый захват Москвы полностью не оправдался.

Ленинград в их представлении был не только крупным промышленным центром, с многомиллионным населением, но и весьма важным стратегическим пунктом. Городом с большой историей. Бретшнейдер даже сослался на Петра I, прорубившего окно в Европу, создав этот город на Неве. Меня удивило не столько то, что он сослался на Петра, а то, что этот немец, очевидно, знал историю России более глубоко. Продолжая свою мысль, он подчеркнул, что, стремясь захватить Ленинград, Гитлер спровоцировал в свое время Маннергейма, Финляндию на открытое военное выступление против России. Немцы не постеснялись мне сказать о том, что, видимо, он слишком поспешил с началом Второй мировой войны, а в особенности после одержанных побед на Западе, начав военные действия против России. По этому вопросу я услышал и некоторые разногласия. Говорили о том, что, возможно, надо было продолжить военные действия на Востоке после завоевания Чехословакии и Польши, не дав Сталину времени на укрепление своих вооруженных сил. Тем более что Великобритания и Франция вряд ли захотели бы помешать Германии в ее стремлении покончить с «коммунизмом».

Я услышал впервые из разговора между немцами, что якобы Германия уже была готова к торжественному празднованию победы под Ленинградом в одной из его гостиниц. Название ее не прозвучало в то время, а впоследствии мне стало известно, что это гостиница «Астория», и для этого были уже отпечатаны пригласительные билеты. В них оставалось только проставить точную дату торжества, то есть день победы немецких войск на этом фронте.

Поздно ночью разошлись. Честно говоря, Блондинка и я были несколько обеспокоены тем, как сумели доехать к себе домой наши гости, сумевшие как следует «смочить» проведенный вместе отдых. Но все прошло спокойно.

Я решил пару дней переждать, прежде чем вновь вернуться к разговору о возможности моей поездки в протекторат и Германию. Почти каждый день я бывал в интендантуре, принимал новые заказы, угощал сигарами и выжидал... Не прошло и несколько дней, как я вновь затронул интересовавшую меня тему – возможности моей поездки в Прагу и Берлин. Бретшнейдер, выслушав меня, сразу предложил поговорить с его начальником, вторым лицом в интендантуре. Он позвонил и, назвав мою фамилию, указал, что хотелось бы посоветоваться с ним, и получил разрешение вместе со мной посетить его кабинет.

Немцы в большинстве своем в своих служебных кабинетах, как мне казалось, не любили продолжительных бесед, предпочитая быстрое решение возникающих вопросов. Так было и на этот раз. Решение было принято быстро, и меня даже сильно удивило. Бретшнейдеру было поручено подготовить необходимые ходатайства о предоставлении мне возможности посетить Прагу и Германию. При этом указывалось, чтобы в нем было подчеркнуто, что фирма «Симекско», которую я представляю, на протяжении более года, то есть с первых дней нахождения интендантуры в Бельгии, активно сотрудничает с ней и оказывает существенную помощь в ее работе.

Я еще был уверен в том, что мне действительно удастся полностью оформить надлежащим образом поездку в Чехословакию и Германию. Успел сдать в продолжавшее действовать в Бельгии генеральное консульство Германии все необходимые документы, не

забыв приложить и «Королевский вестник Бельгии», в котором были опубликованы материалы о создании «Симекско», устав акционерного общества и протокол об избрании меня президентом и директором распорядителем.

Я считал необходимым проинформировать обо всем Отто и с этой целью направился в Париж.

Конечно, первым адресом, куда я отправился, была контора «Симекс». Там я встретился с директором, с которым уже продолжительное время был в дружеских отношениях, Альфредом Корбенем. У нас состоялся исключительно деловой разговор, касающийся только деятельности фирм. После этого я встретился с Леопольдом Треппером – Отто.

Мне показалось, что он, выслушав подробное сообщение о принимаемых мною мерах, не был особенно им обрадован. Невольно у меня создавалось впечатление, что ему импонировало бы, если бы мне не удалось в дальнейшем совершить эту поездку. Возможно, в этом случае он хотел сослаться на якобы неожиданно возникшие трудности вообще, а для Максимовича в частности, и что только в силу этого выполнить задание «Центра» не представляется больше возможным. Можно было только предположить, что Отто считал, что, если Кент, а не он, Отто, сумеет выполнить важное задание «Центра», тем самым ему будет нанесен значительный удар.

Легко было понять состояние Отто, и поэтому я старался внушить ему, что еще далеко не все решено, что, возможно, мне не удастся окончательно и положительно разрешить все вопросы, связанные с поездкой. Кроме того, я указал, что для успешного выполнения столь сложного и опасного задания нам потребуется тщательно обсудить все связанные с ним вопросы.

Вернувшись в Брюссель, кроме работы в «Симекско» и в резидентуре я занялся хлопотами, связанными с получением разрешения на поездку. Я помнил, что чиновник в консульстве, обычно оформляющий визы, при первом моем посещении и передаче необходимых документов указал на то, что имеющиеся ходатайства должны быть рассмотрены непосредственно в Берлине, а это потребует времени. Тогда же он обещал мне сообщить о результатах непосредственно по телефону в контору фирмы или через интендантуру.

Не получив обещанного извещения, предполагая, что чиновник мог меня не застать, я направился к нему в консульство. Любезно встретивший чиновник сообщил мне, что, к сожалению, из Берлина не поступал никакой ответ.

О том, что решение Берлина затягивается, я при очередном посещении интендантуры как то «случайно» сообщил Бретшнейдеру. Он меня внимательно выслушал, но, как мне показалось, никак не отреагировал. В действительности дело было далеко не так. Совершенно неожиданно для меня ждать на этот раз пришлось не очень долго. Разрешение Берлина было получено. Началось быстрое оформление всех необходимых документов, в том числе и виз.

После того как мне удалось известить Отто о достигнутых результатах, он приехал в Брюссель, как всегда остановился у меня на вилле, и мы обсудили все детали поездки. Еще раз перечитывали задание «Центра». Казалось, все предельно четко отработано.

«Центр» поручил мне выехать в протекторат и в Праге установить связь с чешскими подпольщиками – Ольгой Воячек и ее мужем Францишеком. Для этого были даны явки и пароли. После этого я должен был выехать в Берлин и там установить связь с двумя параллельными группами антифашистов, одна из которых возглавлялась Харро Шульце Бойзенем и Арвидом Харнаком, а вторая Ильзой Штебе. Эти организации потеряли связь с «Центром» с начала войны. Обе группы имели огромное значение для «Центра», и связь должна была быть восстановлена.

Я задумывался над тем, как мне удастся выполнить столь ответственное задание «Центра» в самом сердце фашистской Германии, где гестапо следит за каждым шагом, и в первую очередь приезжих, иностранцев. Я не мог, конечно, объяснить себе, почему две

параллельные резидентуры в Берлине и одна в Праге потеряли связь с «Центром». Ведь еще в марте–апреле 1940 г. мне пришлось выезжать в Женеву для обеспечения восстановления утерянной связи Дора с «Центром». Прошло более года. Неужели «Центр» не сумел за это время принять меры к недопущению потери связи со своими резидентурами и, с группами антифашистского сопротивления, с которыми у него сложились хорошие отношения? Возникла страшная мысль: а вдруг эти три резидентуры провалились и гестапо установило слежку с целью выявления всех лиц, связанных с ними? В этом случае мне необходимо принять строжайшие меры не только конспирации, но и предосторожности, дабы не попасть в расставленные гестапо и абвером сети! Могло ли это все меня не волновать?!

Признаюсь, больше всего меня волновало то, что Хемницу стали известны не только наши организационные шифры, которыми, кстати, были зашифрованы и эти полученные из «Центра» задания, но и сведения о существующей «крыше» – «Симекско», а также фамилия, имя, адрес проживания и номер телефона Блондинки. Я не переставал сомневаться в его добросовестности. Об этом я докладывал уже очень давно через Анну руководителю бельгийской резидентуры Отто, об этом я лично говорил несколько раз ему, а кроме того, указывал Большакову при приеме мною от Отто бельгийской резидентуры.

Отто уже готовился к возвращению в Париж. Мне хотелось, чтобы он знал о том, как мне удастся организовать саму поездку в протекторат и в Германию. Для этого после получения всех необходимых виз я обратился в немецкое бюро путешествий, которое, по существу, заменило все существовавшие в Брюсселе до этого иностранные бюро.

Итак, с помощью бюро путешествий «Митропа» был досконально разработан план-расписание моей поездки, в который входили не только оплаченные железнодорожные билеты, но и указывались гостиницы в Праге и Берлине, в которых должны были быть забронированы уже частично оплаченные номера. Правда, дата моего приезда была точно указана только для гостиницы в Праге, а дату приезда в Берлин я должен был уточнить по телефону. Оплаченные билеты на обратную поездку я должен был также компостировать, соответственно, в Праге и Берлине. Должен признаться, я не считал возможным воспользоваться советами моих немецких «друзей» и при моей деловой поездке проводить по несколько дней в Нюрнберге и Дрездене. Всем могло быть понятно, что я деловой человек и в военное время у меня нет возможности для увеселительных поездок.

Отто смог, я не знаю, довольный или разочарованный, вернуться в Париж. Мне же оставалось тщательно подготовиться к моему отъезду из Брюсселя в назначенный по плану расписанию день.

Завершая необходимые дела в «Симекско», поручая ведение таковых во время моего отсутствия коммерческому директору фирмы Назарену Драи, я принял решение «организовать мои торжественные проводы».

Я понимал, что мне предстоит ехать не просто с туристами, таковых в это время не было, а в основном с немцами, среди которых могли оказаться офицеры и еще менее желательные попутчики. Именно поэтому мне казалось, что будет полезным, чтобы коммерсанта, снабженного иностранным паспортом уругвайца, провожали не только и не столько женщины, но и мужчины, бельгийские деловые люди, желательно, чтобы среди них были и немцы, возможно даже в офицерской форме.

И этот мой замысел был успешно выполнен. По обсужденному с Блондинкой плану у нас был организован прощальный обед, на который собрались и немцы, и бельгийцы. Все присутствовавшие, за исключением Бретшнейдера, который должен был вечером вступить на дежурство, после обильного обеда, «смоченного» довольно крепкими напитками, провожали меня по-дружески на вокзал. Отъезжающие, которых почти никто не провожал, могли наблюдать за веселой и дружной компанией, состоящей из штатских женщин и мужчин, а также из офицеров немецкой армии, сотрудников интендантуры, выкрикивающих добрые пожелания молодому человеку.

Крепкие рукопожатия и даже объятия, поцелуи рук провожающим женщинам... Поезд тронулся. Быстро передвигаясь по перрону, провожающие очень мило улыбались и, смеясь,

махали мне руками.

Несмотря на то, что пассажиров было мало, в купе рядом со мной оказался немецкий полковник, и к нему подсел еще один немец в штатском из соседнего купе, видимо его друг или просто знакомый. Мы представились друг другу и стали оживленно беседовать. Больше всего обменивались мнениями о Бельгии. Я из скромности сообщил, что первый раз буду в Нюрнберге, где мне предстоит пересадка на поезд в Прагу, в которой я тоже никогда еще не был, а затем отправлюсь в Берлин, о котором я тоже очень много слышал, но бывать не приходилось. Я пожаловался на то, что моя занятость да и предусмотренное мною время пребывания в Праге и Берлине не позволят как следует ознакомиться с этими городами. Конечно, жаль, но я ведь совершаю исключительно деловую поездку.

Нужно сказать, что мои попутчики не вспоминали о том, что идет война, не касался этой темы и я. Единственный раз полковник как бы мимоходом сказал с сожалением, что сейчас мне не удастся увидеть всего, что обычно привлекает не только туристов, но и тех, кто посещает Германию в качестве гостей.

Поезд, набирая скорость, приближал нас к границе Германии. Надо было быть готовым к таможенной проверке, к проверке документов. В чемодане ничего запретного у меня не было, только необходимое белье, пижама, верхние рубашки, галстуки, носки, сигареты и сигары в небольшом количестве, в кармане лежала зажигалка.

Паспорт со всеми необходимыми визами был в надлежащем порядке. Немецкие пограничники тщательно проверяли наши документы, сличали фотографии в паспорте с сидящими перед ними пассажирами. И тут мне стало очень «неудобно» перед ними, даже просто «стыдно». По моей «оплошности» и «забывчивости» в моем паспорте оказались «случайно» вложенные пропуска для круглосуточного передвижения по Брюсселю и Парижу, по Бельгии и по оккупированной зоне Франции, в том числе и в установленные комендантские часы, «аусвайсы» для неограниченных поездок из Бельгии во Францию и Нидерланды, «случайно» вложенный документ, выданный за соответствующими подписями, скрепленными надлежащими печатями. Напомню, что этот документ предписывал всем органам оказывать всяческое содействие при моем передвижении на принадлежащей мне автомашине. Как ни странно, пограничников очень заинтересовали «забытые» мною в паспорте документы, с которыми они весьма тщательно ознакомились, видимо очень заинтересовавшись ими. Мне показалось, что «случайно забытые» в паспорте листочки сыграли существенную роль в доброжелательном отношении ко мне со стороны проверяющих. Во всяком случае, они со мной, как и с немецким полковником, очень вежливо, я бы даже сказал, торжественно, попрощались и пожелали счастливого пути. На штатского, ехавшего с нами немца они обратили при прощании меньше внимания и не удостоили его столь теплых слов.

Поезд продолжал путь. Мои соседи стали более разговорчивыми. Узнав, что мне предстоит пересадка в Нюрнберге на поезд, идущий в Прагу, и пребывание в городе в ожидании поезда в городе несколько часов, мне начали давать советы, что надо обязательно посмотреть, что посетить. Полковник, рассказывая о богатой истории города, рекомендовал не только полюбоваться, прогуливаясь по улицам, старинными памятниками зодчества, сохранившимися очень красивыми домами, но и обязательно зайти в церкви, а особенно Забальдускирхе и Фрауэнкирхе. В том числе рекомендовал посетить ставший уже в то время знаменитым, сооруженный в городе огромный плац. По его словам, этот плац был специально построен и оборудован для массовых парадов и митингов, в которых принимали участие руководители рейха во главе с фюрером Адольфом Гитлером.

Хочу особо отметить, что если, проезжая по территории Бельгии, из окна поезда можно было увидеть мужчин, женщин и детей, представляющих в основном гражданское население, то сразу же, как только пересекли границу Германии, повсеместно встречались люди, в том числе и дети, в различных видах и цветах униформ.

Постепенно пассажиры покидали вагон, вскоре и мне пришлось прощаться с моими попутчиками, с которыми у нас были в свободное от сна время довольно интересные

разговоры, характеризующие культуру моих собеседников. О политических их взглядах я судить не мог.

Легко себе представить мое состояние на протяжении поездки. Все мои документы были, как это показала и проверка пограничниками, в должном порядке, но ведь ехал я не на прогулку, да и не просто по коммерческим делам. Для выполнения задания мне надлежало встречаться на территории оккупированной фашистами Чехословакии, а затем и в самой Германии с неизвестными мне людьми, советскими разведчиками или источниками, антифашистами. Мог ли я быть уверен, что все они не под наблюдением, не разоблачены, что за ними не ведется какая-либо слежка со стороны гестапо или абвера, не внедрило ли гестапо в антифашистские организации своих агентов, не было ли там «двойников»? Безусловно, можно было ожидать и самого плохого! Нет, я не боялся, я понимал, что рискую своей жизнью с первого дня начала работы в советской разведке, а до этого неся службу на подводной лодке в Испании. Я понимал, что у меня на Родине своей жизнью рискуют миллионы людей. Я был уверен, что должен внести свой вклад в общее дело нашего народа, всех пародов, охваченных ужасами войны.

Сейчас надо, ничем не проявляя своего волнения, быть разговорчивым, шутливым, веселым и спокойным бизнесменом. Так я приближался к Нюрнбергу.

ГЛАВА XVII. Нюрнберг. Прага

Приближался Нюрнберг. Надо было собирать вещи. На столике в купе у меня лежала только французская книга, которую я вынул из чемодана вскоре после посадки в поезд еще в Брюсселе, так как я рассчитывал ее «читать», не зная еще, какие у меня будут словоохотливые, интересные попутчики. В действительности эту книгу я должен был «подарить» в Берлине. Она являлась составной частью для применения кода при шифровке радиogramм, направляемых в «Центр» одной из берлинских резидентур, возглавляемой Альтой. Обучить работать с этим шифром должен был именно я.

Побрился, сложил чемодан, позавтракал и ждал встречи с этим старинным германским городом. Мне уже пришлось много слышать о нем, подробно изучать путеводитель. Очень хотелось узнать, чем он живет, посетить исторические места.

Благодаря буржуазной печати Франции, Бельгии и ряда других стран Нюрнберг превратился в город с нарицательным именем. Именно здесь осенью 1935 года фашистский рейхстаг принял ряд законов, встревоживших мировую общественность.

Так называемые законы, или, как их чаще называли, декреты, были направлены на избавление «чистой расы» от всех неугодных, людей другой «расы», живущих в Германии. Борьба за так называемую расовую чистоту была не случайной. Уже тогда Гитлер задумал для достижения своих целей, направленных на превращение Германии в мировую империю, разделаться с теми немцами, которые, по его мнению, могли представлять опасность для нации.

Признаюсь, в те годы я многого не знал. Более детально я узнал от Отто Баха, которого я уже упоминал. Я вспомнил его рассказ, читая книгу Г.Л. Розанова «Германия под властью фашизма» (1939), изд. ИМО, 1961. с. 200. Именно Отто Бах подчеркнул, что первые шаги в направлении очищения немецкой расы от неугодных его политике лиц были предприняты гитлеровцами еще в июле 1933 года, то есть вскоре после прихода к власти самого Гитлера и его партии. Тогда в бюллетене рейха (Reichsgesetzblatt, 1935 г. Т. 1) был опубликован закон, в соответствии с которым гитлеровцы могли лишить немецкого гражданства лиц, получивших его в период 1918–1933 гг., и немцев эмигрантов-антифашистов.

Теперь же, после принятия Нюрнбергских законов, все население Германии делилось на две категории: имперских граждан и имперских подданных. В рамках закона это гласило: «Имперским гражданином является только подданный немецкой и немецко-родственной крови, который доказывает своим поведением, что он желает и способен верно служить немецкому народу и империи».

В Бельгии, говоря о судьбе немецких евреев еще задолго до ее оккупации фашистами, всегда указывали на то, что Нюрнбергский закон был направлен, прежде всего, против них.

В действительности же, как выяснилось позднее, права евреев в Германии законодательно урезались, а по сути, полностью исключались. Это в еще большей мере обуславливалось специальным разъяснением к закону от 15 сентября 1935 г., датированным 14 ноября 1935 г. В нем прямо говорилось, что «еврей не может быть имперским гражданином; он не имеет права голоса в политических делах и не может занимать общественных должностей».

В те годы никто за границей Германии не знал, что автором этих нюрнбергских законов был советник фашистского министерства внутренних дел Ганс Глобке. Тот самый Глобке, как я узнал значительно позже, который после войны и образования ФРГ долгое время занимал пост статс-секретаря ведомства федерального канцлера – личного политического штаба Аденауэра и был вынужден покинуть этот пост только в результате возросшего всеобщего возмущения.

Гитлер и Геббельс широко рекламировали свою ненависть к евреям, объявляя их национальным несчастьем Германии. Для облегчения «всенародной» травли евреев заставили носить желтые шестиконечные звезды с четко написанным на них на немецком языке словом «еврей».

После оккупации других стран, в том числе Бельгии и Франции, оккупационные власти стали применять законы и там. Для себя я сделал вывод, что и в Германии, видимо, не все немцы одобряют антисемитские законы.

Мне не хотелось бродить по чужому, гитлеровскому, городу в одиночестве. Поэтому еще в Брюсселе я предусмотрительно приобрел специальный талон, дающий право пользоваться экскурсоводом. Естественно, зная полицейский характер рейха, я мог предположить, что в качестве экскурсовода мне, иностранцу, могли приставить гестаповца, хотя в данном случае это было даже и выгодно. Приставленный ко мне шпик смог бы легко убедиться, что коммерсанта, как всякого честного иностранца, интересует история и достопримечательности города. Я, приехав в Нюрнберг, не искал никаких связей, не вел никаких крамольных разговоров. Сам же факт заказа индивидуального экскурсовода доказывал и то, что я располагал достаточными средствами.

В филиале агентства «Митропа», куда явился с купленным талоном, меня уже ждали. Копия выданного в Брюсселе талона находилась здесь же. Я был крайне удивлен, что мне сразу же представили молодую, со вкусом одетую немку, которая назвала себя Эрной. Она, мило улыбаясь, сказала:

– Мне поручено сопровождать вас и показать достопримечательности нашего города. Заранее могу сказать, что он очень нравится всем туристам, – скромно продолжая улыбаться, сказала Эрна и спросила, с чего бы я хотел начать.

Естественно, я в свою очередь попытался Эрне представиться с достоинством, соблюдая принятый порядок. Для этого я вручил ей свою визитную карточку, на которой на немецком и французском языках были отпечатаны имя и фамилия, название фирмы и должность, служебный адрес и номер телефона в Брюсселе.

Затем, тоже улыбаясь, я сказал Эрне:

– Хотелось бы начать знакомство с городом с завтрака в хорошем кафе или ресторане.

Завтракали вместе. Я использовал свои талоны от продовольственных карточек, так как, несколько смутившись, едва мы сели за стол, Эрна предупредила, что будет пить только кофе, она не носит с собой продовольственных карточек. В очень уютном кафе было мало народу, и, отвечая на просьбу Эрны, официант обслужил двух молодых веселых посетителей очень быстро.

Эрна очень хорошо знала французский язык, но была довольна, даже рада, узнав, что я владею немецким. Хорошо позавтракав, мы приступили, словами Эрны, к «работе».

После совместного завтрака и начавшейся прогулки по городу, посещения храма святого Лаврентия отношения между экскурсоводом и мною становились все более и более

дружескими. Я узнал, что Эрна еще никогда не покидала Германию, а поэтому, укрепляя зародившуюся дружбу, я «решил пригласить ее» в Бельгию, чтобы мы смогли также вместе побывать во Франции и Нидерландах. Смеясь, я даже сказал, что в этих странах экскурсоводом буду только я. Подчеркнул, что ее приезд был бы более желательным после окончания войны, конец которой, несомненно, приближается с каждым днем, а неминуемая победа над Россией принесет и окончательную победу рейху.

Слушая, внимательно посмотрев мне в глаза, Эрна совершенно неожиданно удивленно спросила, неужели я верю в то, что говорю. Она сказала, что ее родной брат воюет на Восточном фронте. Если раньше, из Франции, где он тоже воевал, приходили вполне веселые письма, то сейчас – очень грустные. Показав мне на встречавшихся калек и еще не оправившихся раненых с повязками, она заметила, что фюрер, да и большинство немцев не думали даже и предположить, что русские с такой силой будут сопротивляться, защищать свою страну. В Германии многие были убеждены, что, покорив столько стран, имея такую передовую и могучую военную технику, германская армия сумеет полностью уничтожить вооруженные силы, состоящие из малограмотных «диких русских». Сейчас многие, кто в этом был убежден, уже начинают сомневаться, а мать Эрны, плача и причитая, теряет веру в то, что вновь увидит своего любимого сына живым и здоровым.

Признаюсь, что столь откровенное признание молодой немки почти незнакомому иностранцу просто поразило меня. Другое дело, когда об этом приходилось слышать из уст полупьяных офицеров или охмелевших деловых людей, с которыми я был связан в Бельгии по линии моей фирмы, но здесь, в Германии, где, как я был убежден, все находилось на подозрении гестапо, где все постоянно боялись агентов или «слухачей» тайной полиции...

Думать, что Эрна сразу отнеслась ко мне как к другу, которому все можно было доверять, вряд ли я мог. В то же время подобные рассуждения заставляли меня, разведчика, задумываться над многими вопросами, в том числе над тем, многие ли немцы так думают, как она говорила? Не пыталась ли Эрна, возможно как тайный агент гестапо, меня подловить? Неужели она прониклась ко мне доверием? Мысленно отвечая на них, я успокаивал себя тем, что наши разговоры с экскурсоводом и сам факт спокойного знакомства с городом могли быть использованы только мне на пользу!

После съеденного на скорую руку обеда с рейнским вином, еще до посещения плаца молодые люди, Эрна и я, уже перешли на «ты», и мне все больше казалось, что между нами сложились действительно дружеские отношения.

Задумчиво и грустно, как бы продолжая ранее начатое повествование, она тихо рассказала мне, как в те дни, когда в городе появлялся Гитлер, когда проводились съезды, парады и митинги, уже за несколько дней до этого Нюрнберг буквально наводняли гестаповцы, нацисты, состоящие на службе в СД и СС. Видимо, местных сил для поддержания порядка и обеспечения безопасности при появлении фюрера не хватало. В те дни многие местные жители, по ее словам, старались даже не выходить на улицу из дома. По городу мчались автомашины, полицейские на мотоциклетах, наполняя улицы воем и шумом. Наиболее «сознательные» нюрнбергцы надевали на себя все лучшее, прикрепляли значки и повязки со свастикой. Оказавшиеся в эти дни на улицах горожане демонстративно громко приветствовали друг друга, выбрасывая вперед и несколько вверх руки, крича: «Хайль Гитлер».

Вспоминая свое детство, Эрна рассказывала, что ее особенно пугали вечерние и ночные крики шумной толпы, заполнявшей улицы. Здесь гитлеровцы любили устраивать частые факельные шествия, к которым далеко не все немцы во всей Германии могли привыкнуть и которые даже вызывали какую-то тревогу. Многие не могли забыть то, что произошло 30 июня 1934 г. в «ночь длинных ножей», когда погибло много немцев, в том числе и сподвижников Гитлера, таких как Рем.

Я попытался задать Эрне вопрос: почему Гитлер еще до полного прихода к власти избрал Нюрнберг в качестве места своих самых различных оргий, называемых съездами, парадами, митингами? На этот вопрос Эрна не могла дать ответ. Я тоже не мог понять это

много лет. Вразумительный ответ я нашел в книге А.И. Полторака (с. 17–18). Оказывается, «гитлеровцы признавали три германские империи. Первой они считали Священную Римскую империю, второй – ту, которую создал в 1871 году Бисмарк. Основателя третьей тысячелетней империи нацисты считали себя. И поэтому Нюрнберг стал партийной столицей нацистов».

Значит, Гитлер, стремясь к своему возвеличиванию и доказывая свою историческую роль благословленного Богом руководителя новой империи, как бы перебрасывая мост в историю, следовал «Золотой булле» Карла IV, предписывавшей императорам проводить торжественные первые сеймы, как я уже указывал, именно в Нюрнберге.

До отхода поезда уже оставалось очень мало времени. Надо было спешить на вокзал.

Эрна и я, ускоряя шаг, почти уже подошли к вокзалу. Вдруг она очень вежливо, улыбаясь, мило поздоровалась с пожилой женщиной, на груди которой была желтая шестиконечная звезда с надписью: «Еврей». Нет, не сама встреча с женщиной, отмеченной желтой звездой, удивила меня, таких можно было встретить повсюду. Видя приветствия, которыми обменялись женщина и Эрна, я невольно вспомнил, как утром в бюро по выдаче продовольственных карточек меня поразило, что девушки, выдававшие карточки, очень вежливо обращались с евреями. Сделав удивленное лицо, я спросит Эрну: разве среди ее знакомых есть и евреи? Мне казалось, что я думал, что в Германии евреев уже почти нет, а изгой подвергаются преследованию и их осталось очень мало.

Эрна грустно, именно грустно спросила меня: «Вы ведь католик, но я заметила, что вы относитесь к протестантам и их храмам с достаточным уважением. Эта старенькая еврейка была близкой подругой моей бабушки. Они с детства дружили, любили друг друга и никогда не задумывались о существующей между ними разнице в вероисповедании». Подумав, добавила: «Правда, сейчас обстоятельства сложились так, что домой мы ее больше не приглашаем».

Эрна не сказала больше ни слова, но мне показалось, что и мой экскурсовод не может понять сущности расовой теории нацистов.

Подойдя к вокзалу, Эрна внезапно попросила разрешения проводить меня к поезду. Уже давно закончилось время, отведенное ей для работы в качестве экскурсовода, а Эрна на это не обращала никакого внимания.

Меня опять-таки удивило ее отношение ко мне. Я ничего не ответил. Улыбнувшись и посмотрев ей в глаза, я прижал к себе плотнее ее руку. Я вел свою попугчицу уже давно под руку.

Получив свой багаж в камере хранения, найдя свой поезд, вошел вагон, занял свое место и быстро вернулся на перрон к ожидавшей меня Эрне. Пассажиров было мало. Особенно штатских. Больше было офицеров вермахта СС и СД. Встречались на перроне и рядовые немцы, но они ехали в других вагонах.

Я еще раз тепло поблагодарил Эрну не только за интересный рассказ о городе и его истории во время проведенной со знанием экскурсии, но и за приятно проведенное в ее обществе время. Я еще раз попросил ее в удобное, мирное время воспользоваться адресом, указанным на врученной ей при нашем знакомстве визитной карточке.

Немного смутившись, Эрна попросила меня записать и ее адрес, чтобы мы могли продолжить наше знакомство и я мог ей писать. Она добавила, что ей было очень приятно познакомиться с первым в ее жизни южноамериканцем. Жаль только, что мы могли уделить друг другу так мало времени.

В непринужденной беседе прошли последние минуты моего пребывания в Нюрнберге в ожидании отхода поезда. Надо было уже прощаться. Я крепко пожал протянутую мне руку и поцеловал ее. Что произошло затем, я не мог точно определить. Эрна и я крепко поцеловались. Удивление у меня вызвало только одно, что инициатором этого поцелуя был не я, а Эрна.

Еще несколько минут, продолжая стоять на перроне и немного проследовав за отходящим поездом, милая Эрна провожала меня весьма элегантно взмахом руки. Мы

расстались. Вскоре в туалете я сжег записанный адрес Эрны. В моем положении он был ни к чему.

Поезд набирал скорость. В купе кроме меня было еще три пассажира. Один в штатском, а два других – офицеры вермахта, майор и подполковник.

Первым начал разговор подполковник. Посмеявшись, он очень мило сказал, что, видимо, его попутчику очень не хотелось расставаться с очаровательной девушкой. Поняв, что речь идет обо мне, я, тоже улыбаясь, выразительно развел руками, показав тем самым, что разлука не зависела от меня и была действительно не в радость.

Завязалась общая беседа, в которой я почти не принимал никакого участия, так как затрагиваемые в ней вопросы меня «абсолютно не интересовали», а кроме того, я в них мало разбирался. Немцы обменивались мнениями о последних событиях на Восточном фронте. Я понял, майору вскоре надо было вернуться в Россию. Признаюсь, я впервые услышал столь значимую оценку партизанского движения в Советском Союзе, которое оказывает всяческое сопротивление на завоеванных уже территориях России.

Не обращая никакого внимания на то, что среди них находится иностранец, попутчики высказывали свои мысли довольно откровенно.

Они высказывали мысль, что поход на Восток не похож на легко одержанные победы до того, как немецкая армия начала его. Они подчеркивали, что на Западе и даже в Чехословакии и Польше их успехи были достигнуты гораздо в более короткие сроки, чем они могли предполагать. Несмотря на то, что начало военных действий Германии на Востоке для русских было, видимо, полной неожиданностью, и они терпели поражение за поражением, все же воевали в большинстве своем отменно, а сейчас только начинают оправляться от неожиданных ударов. Свидетельством этому являются битвы под Москвой и Ленинградом.

Майор рассказывал, что, участвуя в военных действиях во Франции, он убедился, что немецкая армия обладает прекрасной организацией, боевым духом, хорошо вооружена и обеспечена значительными транспортными средствами, не говоря уже об авиации. Французы не оказывали немецкой армии существенного сопротивления, видимо чувствуя свою обреченность. Другое дело на Востоке. Здесь все говорило за то, что Россия будет побеждена в невиданно доселе короткий срок. Так думало не только верховное командование вермахта, но и большинство офицеров. Это мнение они смогли внушить и большинству рядовых солдат. На деле же все говорит за то, что Германия одержит победу в России не скоро, после длительных, тяжелых, упорных и кровопролитных боев с большими потерями.

Присутствующий штатский добавил, что русские всегда были хорошими солдатами, но фюрер и его окружение, командование вермахта думали, что «большевики не сумеют в данных условиях поднять русских воевать за Советы. Вот именно этого можно было ожидать, а оказываемое в действительности сопротивление представляет собой весьма странное явление.

Я «безразлично» смотрел в окно и не только не участвовал лично в разговорах, но и «не проявлял к ним никакого интереса». Подполковник, заметив состояние своего попутчика, иностранца, решил вновь продемонстрировать свое к нему доброе отношение. Улыбаясь, он повторил то, что я уже слышал: «Вы не можете забыть вашего расставания с очаровательной девушкой?» Он призвал меня успокоиться и отвлечься от тяжелых мыслей.

Вскоре проводник предложил чай, но без сахара, и все собравшиеся в купе решили закусить. Я предложил отпробовать арденского окорока и открыл баночку марокканских сардин. Все оживились, в особенности после того, как я вынул из чемодана еще не допитый плоский флакон коньяка «Мартель».

За веселыми разговорами прибыли в Прагу, претерпев по пути очередную, правда на этот раз несколько более строгую, проверку документов между Германией и протекторатом. Уже готовясь к скорому выходу из вагона, я мимолетно высказал тревогу, вызванную тем, что в Прагу еду впервые, города не знаю и смогу ли найти такси. Подполковник откликнулся мгновенно и поинтересовался, знаю ли я, где могу получить пристанище, так как все

гостиницы буквально переполнены.

Уже к этому времени мои попутчики знали, что я коммерсант, президент бельгийского акционерного общества и совершаю путешествие в интересах моей фирмы и поддерживающих с ней деловые отношения интендантуры вермахта и организации ТОДТ. Они, видя мой паспорт, который я предъявлял пограничникам, поняли, что я иностранец, а после моего уточнения узнали, что я уругваец.

Услышав заботливый вопрос подполковника, я ответил, что оказался настолько предусмотрительным, что еще в Бельгии в бюро путешествий «Митропа» забронировал для себя соответствующий номер в гостинице «Штраубек», а также билет в театр и на концерт, экскурсию по городу.

Подполковник знал хорошо эту гостиницу и одобрил сделанный мною выбор, так как гостиница, по его словам, очень удобно расположена, в самом центре Праги, и пользуется хорошей репутацией. Больше того, он предложил мне не волноваться и даже не пытаться заполучить такси, так как его должны встретить на автомашине и он с большим удовольствием по пути подвезет меня. Это действительно успокоило, и я с пылко высказанной благодарностью охотно принял его предложение.

Выйдя из вагона, подполковник и я, попрощавшись с нашими попутчиками, направились к месту, где должна была находиться автомашина. Мне повезло, она действительно ждала подполковника, и, усевшись, мы двинулись в путь. Шофер был предупрежден, что меня следует высадить у гостиницы «Штраубек». Не исключено, что по каким-то признакам я понравился подполковнику, и он набросал на кусочке бумаги свои служебный и домашний телефоны, предупредив, что при необходимости готов будет в чем-либо помочь, а если у меня будет время, то он не против и встретиться.

Так удачно началось мое пребывание в Праге. Однако меня не покидал вопрос: что будет дальше?

Мое прибытие в гостиницу не явилось неожиданностью. Действительно, бюро путешествий «Митропа» забронировало для меня «апартаменты» и, как подчеркнул портье, мне предоставляется хороший номер в стиле Людовика XV.

Как в былые добрые времена, мой небольшой багаж доставили в номер. Портье, открыв дверь, передавая мне ключи и включив свет в небольшой прихожей, гостиной, спальне и очень привлекательной ванной комнате, вежливо поинтересовался, не нужно ли мне чего. Я ответил с благодарностью, что уже успел с моими попутчиками хорошо поужинать в вагоне поезда, но не откажусь от бутылки хорошего пива, славившегося во всем мире. Портье улыбнулся, пообещал прислать, но... подчеркнул, что сейчас идет война, и она отразилась на качестве пива тоже. Портье был очень рад и благодарен мне за то, что я угостил его хорошей сигарой.

Вскоре мне принесли бутылку пива. Немного выпив и убедившись в правоте сказанного мне портье, уставший после дневной прогулки по Нюрнбергу и поездок, я решил побыстрее принять ванну и лечь спать.

ГЛАВА XVIII. Прага. Выполнение задания «Центра». Коммерческие связи. Отъезд в Берлин.

Однако заснуть удалось не так-то быстро. Мучили разные мысли.

Прежде всего, пытался установить со всеми уточнениями совершенно неожиданное для меня задание «Центра». Оно предусматривало, что именно в Праге я был обязан установить связь с нашей резидентурой, возглавляемой Ольгой и Францишеком Воячек. С этой резидентурой была прервана связь. Надо было сделать все необходимое, чтобы ее восстановить. Для этого в полученной мною шифровке был дан адрес принадлежавшего им магазина и, если не ошибаюсь, номер телефона.

После выполнения задания я должен был переехать в Берлин и там установить связь с

двумя параллельными резидентурами. Одна из этих резидентур возглавлялась Харро Шульце Бойзенем и Арвидом Харнаком, вторая – Ильзой Штебе. Для этого в Берлине указывались адреса и номера телефонов их руководителей, а кроме того, адреса Адама Кукхофа и Курта Шульце. В шифровке конкретизировались отдельные вопросы, касающиеся этих двух резидентур.

Совершенно неожиданно у меня в памяти вновь возникла встреча с чиновником, оформлявшим мои визы. Тогда он, внимательно прочитав все предъявленные мною документы, выданные интендантурой и организацией ТОДТ, с особой тщательностью изучив мой паспорт, задал ряд вопросов.

Перелистывая паспорт, он проявил интерес к тому, что время моего пребывания в Бельгии началось в мае 1939 года: кто же оставался у меня на родине, с какого времени и где я работаю в Бельгии, где живу. Смеясь, он заметил, что владелец паспорта аккуратный человек, так как, по установленному в Бельгии порядку, вскоре после прибытия в страну зарегистрировал свой паспорт, что, к сожалению, делают далеко не все иностранцы. Сам паспорт нейтральной южноамериканской страны был тоже доброжелательно принят чиновником. Когда же я заметил чиновнику, что не работаю в Бельгии, а являюсь президентом правления акционерного общества «Симекско» и в подтверждение моих слов предъявил «Королевский вестник», мой собеседник улыбнулся и пошутил, сказав, что это является доказательством, что я работаю и, больше того, моя работа признается интендантурой и организацией ТОДТ.

Я не случайно вспомнил об этом. Проезжая через границы, во время проверок пограничниками мне показалось, что они кроме ознакомления с моим паспортом с визами заглядывали еще в какие-то списки. Из этого я мог понять, что пограничники, а быть может, и полиция предупреждены о моем проезде. Это меня очень настораживало. Если мои предположения являются оправданными, то мне следует быть весьма осторожным в Праге, а затем и в Берлине. Ведь гестапо или какая-либо другая спецслужба могли быть также предупреждены и о том, в каких гостиницах я должен останавливаться!

Составляя в уме график моей работы, в том числе и установления связи с резидентурой, я заснул и проснулся уже около 9 часов утра, несколько возбужденный.

Едва встав, вызвал горничную и попросил подготовить мне ванну, а затем принести в номер завтрак. Я старался быть вежливым не только с горничной, но и со всеми служащими гостиницы. Был мало разговорчив, с тем, чтобы выдерживать дистанцию, учитывая мое положение богатого и делового постояльца. Продолжая свою тактику, я, каждый раз покидая свой номер, оставлял чемоданы открытыми и не закрывал шкаф на имевшийся ключ. Это тоже должно было служить признаком хорошего тона.

Гостиница «Штраубек» размещалась в центре города на Вацлавской площади (при немцах называлась Венцельсплац), действительно была на хорошем счету, и поэтому к моменту моего пребывания в ней останавливались в основном немецкие офицеры и должностные лица, прибывающие в протекторат в командировку.

С первого дня сразу же после моего прибытия в гостиницу я почувствовал к себе определенное расположение. Как только предъявил свой паспорт, бегло взглянув на него, отметив в лежащем в папке на столе списке забронированных номеров, портье по-французски сказал: «Бьенвеню», что означало «доброе прибытие». Столь любезный прием мог объясняться многими причинами. Прежде всего, видимо, я был южноамериканцем, коммерсантом, а не немцем, которых, как я успел в последующие дни убедиться, не очень-то жаловали. Во-вторых, в мою пользу говорило и то, что мне был зарезервирован дорогостоящий номер, расположенный очень хорошо. Все указывало на то, что гость принадлежит к обеспеченным деловым людям. Это подтверждали чаевые и общительность с обслуживающим персоналом, выражавшаяся в том, что я советовался с портье и даже швейцаром о местах, рекомендуемых для посещения, учитывая наличие сравнительно малого свободного времени.

Отведенный мне номер был очень уютным, хорошо обставленным красивой мебелью,

теплым.

Спустившись вниз и увидев, что не произошла смена портье и до этого остается немного времени, я попросил его, проявившего накануне вечером ко мне доброжелательность, показать наиболее примечательные места гостиницы. Не имея достаточно времени, мы быстро прошли по этажам, зашли в ресторан, посмотрели расположение номеров и имевшиеся на этажах вестибюли, а вернее, гостиные. Мне все очень понравилось, а в особенности царящий повсюду порядок и уют.

Меня поразило в первый вечер моего пребывания в гостинице то, что на главной лестнице, между первым и вторым этажами висел большой портрет Федора Ивановича Шаляпина с дарственной надписью. Я счел неудобным задать вопрос сопровождавшему меня портье: кто этот господин, который изображен на портрете, и что на нем за автограф? Только как-то поздно вечером, вернувшись в гостиницу и оказавшись вдвоем с портье, я все же спросил.

Портье улыбнулся и поведал довольно смешную историю, правдивость которой в некоторой части вызвала у меня сомнение. Я с «любопытством узнал», что на портрете изображен Шаляпин, великий русский артист, знаменитый представитель русской вокальной школы, непревзойденный бас. Пел в Москве и Петербурге в императорском Мариинском оперном театре. Его очень любили в России, но вскоре после революции 1917 года он решил оставить свою родину и выехал за границу. Долгое время жил в Париже, гастролировал во многих странах, где зрители могли восторгаться его талантом. Он бывал не только в странах Европы, но и в США.

Любезный портье особо отметил, что Шаляпин любил бывать в Праге и всегда останавливался в этой гостинице. В Чехословакии особым успехом пользовались его концерты, на которых он выступал, как правило, как камерный певец, исполняя старинные русские песни.

Выслушав, я поинтересовался, почему же этот портрет с дарственной надписью хозяину гостиницы висит на столь почетном месте. Портье, несколько смутившись, продолжил, подчеркнув, что портрет столь знаменитого певца служит хорошей рекламой для гостиницы. О причинах столь ценного подарка, служившего впоследствии прекрасной рекламой, из услышанного мною могу, не вдаваясь в подробности, упомянуть.

Во время очередного приезда в Прагу, остановившись в этой гостинице, Федор Иванович Шаляпин допустил один инцидент с обслуживающим персоналом, который вскоре стал известен хозяину. Вот тогда в качестве компенсации и с целью предания забвению этого инцидента, по договоренности между хозяином и Федором Ивановичем, и был подарен портрет с надписью. Владелец гостиницы решил использовать его в качестве рекламы.

Якобы немцы после захвата Праги тоже заинтересовались тем, кто изображен на портрете, и, узнав, что это артист Шаляпин, не тронули его. Они знали, что Шаляпин – русский, но, конечно, не большевик, так как покинул свою родину после революции. Этого было достаточно для сохранения портрета на столь видном месте в этой часто посещаемой нацистами гостинице.

Мой авторитет в гостинице удалось вскоре поднять и сохранить до самого отъезда. Это объяснялось тем, что молодой и богатый гость вел себя с достоинством. У меня в номере бывали только деловые люди. Женщин, как это было, видимо, принято даже в этой серьезной гостинице, среди гостей не было. В номере я поддерживал достаточный порядок, возможно даже слишком подчеркнутый. Это я делал тоже для того, чтобы не давать никакой возможности истолковывать мое поведение «недоброжелательным», а видеть в моем лице аккуратного делового человека.

И вот утром во время моего первого пребывания в Праге я решил немного прогуляться по городу, чтобы приблизиться к месту, где я должен был в соответствии с заданием «Центра» впоследствии установить связь с мужем и женой Воячек.

Выйдя из гостиницы на Вацлавскую площадь, был удивлен тем, что на площади даже в этот довольно ранний час было очень много народу. Немного погуляв по площади, я стал,

руководствуясь путеводителем, знакомиться с некоторыми достопримечательностями города. Вполне понятно, прежде всего, меня привлекла торговая галерея, несколько напоминающая наш «Гостиный двор», но, конечно, во много раз меньшая и выходящая только на одну сторону, где были расположены различные, не очень большие магазины. Меня интересовал только магазин, принадлежащий Францишеку и Ольге Воячек. Я уже сейчас точно не могу вспомнить, но мне кажется, что он предназначался для продажи антикварных или художественных товаров. Это был единственный адрес, по которому я должен был установить связь с нашей резидентурой в Праге. Магазин был закрыт. Я прогулялся несколько раз по галерее, но он так и не открывался. Я решил, что не исключена возможность, что владельцы магазина отдыхают в этот день. Удалившись от галереи, я из автомата попытался позвонить по телефону, номер которого был указан в полученном задании. Никто не отвечал. Я решил, что надо будет еще раз посетить эту галерею.

Действительно, пройдя несколько раз по этой улице и видя, что магазин по-прежнему закрыт, а попытки связаться с его владельцами тоже безуспешны, я решил, что мне следует проявлять максимальную осторожность. Я понимал, что у меня больше нет никакой возможности для установления связи с данной резидентурой, а рисковать не следует. Тем не менее, в день моего отъезда из Праги, проходя мимо этого магазина, любясь витриной, я решил спросить у соседей, почему магазин уже несколько дней закрыт? Мне показалось, а может быть, так было в действительности, немного смутившись и помедлив, мне ответили, что, видимо, он в ближайшее время будет закрыт. Подумав и поблагодарив за справку, данную мне, я не спеша вышел на улицу. Невольно я подумал, не арестованы ли Францишек и Ольга Воячек? Мысленно я даже обвинил «Центр» в том, что он не счел возможным в зашифрованном задании указать их домашний адрес. Почему-то «Центр» для установления связи с нашими резидентурами в Берлине приводил в задании несколько домашних адресов тех, с кем я должен был эту связь установить. Были там и резервные адреса.

Во всяком случае, я принял решение, в соответствии с которым рисковать мне больше не следует. Правильно ли я поступил? Этот вопрос продолжал мучить меня еще довольно долго. Оправданность принятых мною мер предосторожности нашла подтверждение более чем через год. После ареста гестапо, находясь в тюрьме в Главном управлении имперской безопасности, я был допрошен о моей поездке в Прагу. Помимо следователя, при допросе присутствовал неизвестный гестаповец. Он прибыл из Праги, где вел дело по обвинению Воячек. Его интересовал только один вопрос: кого я знал, кроме мужа и жены Воячек в нашей резидентуре? От меня не скрывали, что еще до моего появления в Праге те лица, которые были указаны в полученном мною задании, были арестованы. Причины происшедшего в Праге провала резидентуры Воячек я установить не мог.

На этом я мог бы поставить точку в описании принятых мною мер по выполнению сложного задания «Центра». Однако хочу отметить один небольшой факт, который меня возмутил. Читая книгу Леопольда Треппера «Большая игра», я обнаружил ссылку на то, что Кент не был в Чехословакии. Эта абсолютно ложная справка приводилась потому, что Отто утверждал, будто я знал многое после моих поездок в Германию, Чехословакию и Швейцарию (с. 149).

В целях оправдания делового назначения моей поездки я должен был посетить ряд фирм. Именно это было мною объявлено как цель приезда в протекторат при получении виз.

В первый же день моего пребывания в Праге, как я уже указывал, утром совершил небольшую прогулку по городу, в том числе и Венцельсплац. Наискосок по другую сторону площади от моей гостиницы возвышалось внушительное здание, принадлежащее знаменитому, прославленному во всем мире фабриканту обуви Батя.

В этом здании помещался магазин табачных изделий. Я вошел и на немецком языке попросил сигареты хорошей марки. Продащица ответила, что никаких хороших сигарет нет. Извинившись по-немецки и повернувшись, я направился к выходу и машинально по-французски с помощью идиоматического выражения, широко принятого во Франции и Бельгии, выразил свое недовольство... И вдруг на французском языке, а не по-чешски, как

это было в самом начале, продавщица, улыбаясь, спросила меня: «Господин из Франции? Вы француз?»

Тоже по-французски я ответил: «О нет, я не француз, я приехал в Прагу по делам фирмы, которую возглавляю во Франции и Бельгии, в действительности я...» И тут я назвал страну, гражданином которой являюсь в соответствии с находившимся у меня в кармане паспортом.

Перейдя с чешского, который в самом начале был заменен ломаным немецким, на значительно лучший французский язык, продавщица поинтересовалась, как сейчас живут во Франции и Бельгии, как там снабжается население продуктами питания и необходимыми товарами, не запрещают ли оккупанты в учебных заведениях сдавать экзамены на родном, французском языке?

Не совсем понимая тогда смысл задаваемых мне вопросов, в особенности последнего, постарался ответить. Я уже собрался было уходить и попрощался с моей случайной собеседницей, как неожиданно дама, продолжая очень мило улыбаться, задала поразивший меня вопрос: «Сколько пачек и каких сигарет господин хочет приобрести?» Я настолько растерялся, что не мог ответить. Тогда она удалилась и вынесла целый, как теперь принято говорить, блок хороших сигарет. При этом даже не взяла талоны из продовольственных карточек. Еще не придя в нормальное состояние, вежливо поблагодарив и попрощавшись, я покинул магазин.

«В чем дело? – невольно задумывался я. – Неужели здесь, в протекторате, так ненавидят немцев, что даже не хотят продавать им сигареты? Как же не боятся отказывать им, имея товар в наличии? Почему продавщицу заинтересовал вопрос, касающийся возможности сдавать экзамены в учебных заведениях на родном языке во Франции и в Бельгии?» Все это заставляло меня задуматься, и очень хотелось проанализировать обстановку, сложившуюся в протекторате после захвата гитлеровскими войсками всей Чехословакии.

В несколько нервном состоянии, в основном вызванном тем, что у меня возникали сомнения, смогу ли я выполнить задание «Центра», вернулся к себе в гостиницу и из своего номера связался по телефону с господином Беранек и его племянником Урбаном. После короткого разговора мы условились вместе пообедать в ресторане «Ванья». Так назывался тогда рыбный ресторан, расположенный поблизости от моей гостиницы на Венцельсплац. Этот ресторан рекомендовал мне любезный портье, предупредив, однако, что там требуют обычно много талонов продовольственных карточек. Так, например, даже для получения блюда с картофелем следует отдавать хлебные талоны. Несмотря на это и на высокие цены, питание в ресторане очень хорошее.

До обеда оставалось еще много времени, и я, как уже указывал, решил вновь «прогуляться» и посмотреть на магазин, принадлежащий семье Воячек. И на этот раз меня еще не смутило, что магазин закрыт, я подумал, что, возможно, владельцы поехали получать товар. Я уже подробно останавливался на том, как в дальнейшем разворачивались события вокруг магазина-явки для установления связи с пражской резидентурой. Больше к этому вопросу возвращаться не буду.

Время приближалось к назначенному обеду. Беранек и Урбан должны были зайти ко мне в гостиницу. До их прихода мне надо было еще переодеться, а поэтому я быстрым шагом направился к гостинице.

Предупредив портье, что ко мне должны прийти два господина, поднялся к себе в номер и быстро переоделся. На скорую руку просматривал только что приобретенные немецкие газеты. Настроение портилось. Действительно, как я уже говорил, читая ежедневно газеты, а еще в большей степени слушая в Брюсселе у себя в кабинете на вилле радио, в том числе иногда и сводки Совинформбюро, со всевозрастающей тревогой следил за разворачиванием событий в «деревне». Как бы мне хотелось быть дома, среди друзей, защищать Родину, открыто быть в боевом строю, прекратить эту тяжелую, малозаметную игру, которую я вел как разведчик во вражеском тылу. Мне бы очень хотелось видеть и

ощущать в большей мере результаты своих действий непосредственно на фронте. Мне очень хотелось знать, что происходит дома, в осажденном Ленинграде, как и где живут моя мать и отец, родственники и друзья. Ведь уже давно от них я не получаю почты. Я не знаю даже и о том, выполнена ли и как моя просьба, направленная в «Центр», о содействии в эвакуации моих родителей из блокадного города. В последнее время ко мне поступают только короткие успокоительные радиogramмы, извещающие о том, что все живы и здоровы, шлют мне привет. Где они сейчас, я этого не знал.

Из состояния оцепенения, в котором я находился под влиянием размышлений, вывел стук в дверь. Ко мне в номер вошли Беранек и Урбан. Лично я знал только Урбана. Тепло поздоровавшись, поинтересовавшись состоянием здоровья, дел, я и мои гости направились в ресторан.

Видимо, ни Беранек, ни Урбан давно уже не бывали в этом ресторане и, войдя в него, несколько смутились тем, что в залах были почти исключительно немцы в различной форме и очень немногие в штатском, по тоже почти все немцы. Видимо, чехи не жаловали по каким-то причинам этот ресторан!!!

Войдя, я назвал мою фамилию подошедшему метрдотелю, который и провел нас к заказанному портюе гостиницы по моей просьбе столику. Вновь прибывшим официант подал меню, в котором на чешском, немецком и французском языках были перечислены различные блюда.

В ресторане было шумно, слышалась громкая немецкая речь. Видимо, достаточно обильный выбор вин содействовал этому веселому настроению.

Беранек и Урбан отказались выбирать заказываемые блюда, ссылаясь на то, что они не особенно хорошо разбираются в рыбной кухне. Пришлось мне самому на мой вкус заказывать обед и вина к нему, хотя я сам плохо разбирался во врученном нам меню. В числе предлагаемых вин не было тех, которые мне были известны как качественные. При выборе блюд меня удивило то, что абсолютно все – от закусок до сладкого – было из рыбы. Кухня была хорошей. Все было очень вкусно, а вот поданный кофе, конечно, был ненатуральным.

Во время довольно продолжительного обеда между нами шел деловой разговор. Обсуждались вопросы, касающиеся продаж знаменитого чешского хмеля, с которым никто не мог конкурировать, даже широко рекламируемый нюрнбергский хмель. По этому вопросу была достигнута определенная договоренность, касающаяся представительства фирмы во Франции и в Бельгии.

Беранек посоветовал также переговорить о представительстве с фирмой, изготавливающей карандаши, тоже завоевавшие широкую известность во многих странах, включая Францию и Бельгию.

Подробно обсуждались детали взаимных услуг, могущих явиться взаимовыгодными. Я узнал многие подробности, касающиеся фирмы Беранека. Она имела большие плантации, на которых выращивался, как я уже указывал, лучший в мире хмель. Этим объяснялись поставки Беранеком хмеля не только во многие страны Европы, но и за океан.

Попрощавшись с Беранеком, который торопился вернуться в контору, которую я тоже позднее посетил, мы условились вместе побывать на плантации. Мне показалось, что у нас устанавливаются хорошие отношения. Вместе с Урбаном направились в контору рекомендованной фирмы по выпуску карандашей, расположенную недалеко от площади. Урбан был там известен. С владельцем фирмы и договорились в один из ближайших дней посетить принадлежащие фирме заводы.

На следующий день вместе с Беранеком и Урбаном выехали на плантации фирмы в Милостин. Впервые в моей жизни я увидел бескрайние плантации хмеля. Хмель был уже почти спелым, по словам Беранека. Мы подошли к одному из участков плантации, и хозяин сорвал головку хмеля, разломал ее на две половинки. Внутри была почти коричневая сердцевина. Беранек дал мне одну, а другой потер себе руку, понюхав то место, где рука стала коричневатой. Беранек порекомендовал мне проделать то же самое. Затем он объяснил довольно подробно, как определяется качество хмеля, в том числе по внешнему виду,

окраске сердцевины и запаху после ее растирания.

После осмотра, вернее, ознакомления, видимо, сотрудник фирмы, который отвечал за содержание плантации и сопровождал нас, пригласил на обед к себе в дом. Беранек вежливо пропустил меня во входную дверь как гостя первым. В одной из комнат был уже накрыт стол. Вымыв руки, Беранек, Урбан, смотритель плантации, так назовем хозяина дома, и я сели за стол. Хозяйка за стол не садилась, а вежливо обслуживала нас, демонстрируя дружеское гостеприимство.

На столе стояли обычные, принятые повсюду стеклянные кружки для пива, большой кувшин с холодным пивом, огромное блюдо с нарезанными кусками гусей. Я не оговорился, именно гусей, а не одного гуся – столь обильно нас пытались накормить. На столе стояло еще одно блюдо с какими-то доселе мне неизвестными ломтиками. Оказывается, что это кнедель – блюдо, хорошо известное в Чехословакии как дополняющее основное блюдо – гусятину. Рядом с ним стоял соусник специальной формы. Под соусником находилась подставка, в которой виднелось пламя. В соуснике был гусиный жир. Любезный хозяин пояснил мне:

– До войны наши пивоваренные заводы, а в особенности наиболее знаменитые, расположенные в городе Пльзень, выпускали очень хорошее пиво, крепостью не менее двенадцати градусов, а сейчас оно имеет крепость только порядка двух градусов. Поэтому мы варим сейчас пиво сами, попробуйте, и вы убедитесь, что оно действительно неплохое. Дело в том, что, когда едят гусятину, ее надо запивать крепким пивом, а кнедель надо запивать гусиным жиром. Вот попробуйте придерживаться этого порядка, и вы поймете правильность принятой процедуры.

Я был поражен буквально всем. Пиво в кружках, покрытое толстым слоем густой пены, было очень вкусным и действительно крепким. Мне даже говорили, что пиво домашнего приготовления иногда имеет крепость до 18 градусов. Аппетит у всех нас был очень хорошим, и хозяйка в определении необходимого количества каждого блюда в отдельности не ошиблась. Не ошиблась она и в том, что угостила нас очень вкусным компотом и к нему добавила еще и пирог.

Закончив трапезу и искренне поблагодарив хозяйку и смотрителя плантации, ее мужа, мы направились в Прагу. По пути Беранек сообщит, что, посоветовавшись с Урбаном, они решили прикомандировать ко мне сотрудника фирмы, которому поручили, при моем желании, сопровождать по всем необходимым адресам, а также познакомить меня с достопримечательностями города. Я поблагодарил Беранека, и мы договорились, к которому часу на следующий день этот сотрудник зайдет за мной в гостиницу. В свою очередь Урбан выразил надежду на то, что я не откажусь навестить его дом.

Знакомство с выделенным для сопровождения меня сотрудником фирмы состоялось на следующий день. Должен сказать, что сближение с ним было у меня подчас неожиданным, случайным и даже комическим.

Начну с последнего. Как то, переходя улицу, я услышал обращенное ко мне в резкой форме по-русски восклицание: «Позор!» Я едва удержался от вопроса, в чем заключается мой позор? Я спокойно приостановился и старался понять, что произошло. Успокоившись, я все же задал вопрос: «Что случилось?» Ответ был совершенно спокойным. Мой сопровождающий пояснил, что сбоку приближалась автомашина, и он невольно выкрикнул слово «позор», что означает по-чешски «осторожно».

В один из следующих дней я, как было условлено, посетил завод фирмы, выпускающий карандаши. После осмотра цехов у нас состоялся разговор, в результате которого я получил согласие на посредничество продажи продукции в Бельгии и Франции, а быть может, и в других странах. В подтверждение нашей договоренности я получил соответствующее письмо на бланке фирмы. Это письмо могло мне понадобиться в случае необходимости подтверждения делового характера моей поездки в Прагу. Я уже не говорю о том, что не менее авторитетным письмом я заручился от имени фирмы Беранека. Были у меня еще несколько писем от менее значимых фирм, которые я посетил.

С моим сопровождающим мы обедали, а иногда и ужинали в различных ресторанах. Он меня провел по городу и ознакомил со многими достопримечательностями. Экскурсовод рассказал о многих зверствах, которые оккупанты совершали в Праге. Это, конечно, был далеко не полный перечень, ибо массовые, особо жестокие зверства начались только после того, как в Праге убили Гейдриха. Так, например, он поведал, что когда в Пражском университете студенты стали протестовать против того, чтобы основным изучаемым языком стал немецкий, а оккупанты, видимо, стремились навязать немецкий язык как родной в протекторате, то в ответ на протест студентов университет был оцеплен немецкой полицией и эсэсовцами. Несмотря на сильный мороз, студентов согнали, поливали из брандспойтов ледяной водой и заставили стоять, пока они буквально не покрылись льдом. После услышанного, признаюсь, мне было просто трудно поверить в его подлинность.

Много болезненных вопросов затрагивал мой собеседник и вдруг задумчиво заявил: «Большинство чехов и, в первую очередь, словаков согласились бы на оккупацию их страны русскими, ведь они тоже славяне, предпочтя ее немецкому господству». Умолкнув на некоторое время, видимо медленно решаясь на очередное четкое признание, он все же сказал: «К сожалению, среди нас есть и люди, мыслящие иначе. Некоторые хотели бы, чтобы в Прагу вернулся Бенеш, хотя Эдуард Бенеш и вызывает осуждение многих за его политику, проводившуюся им во время нахождения у власти в Чехословакии до войны, а в особенности сейчас, пребывая в Лондоне во главе эмиграционного правительства».

Беседа наша тянулась довольно долго не только за обедом и во время предпринимаемых прогулок по городу, но и за столом в вечернем ресторане, размещавшемся в полуподвальном большом по размеру помещении вблизи от Венцельсплаца, на перпендикулярно к нему находящейся улице.

Видимо убедившись в том, что мне можно вполне доверять, сотрудник фирмы Беранека, пристально глядя мне в глаза, сказал: «Вы знаете, что является совершенно непонятным для меня и таких чехов, как я, что мой хозяин, Беранек, которого вообще я весьма уважаю, придерживается совершенно другого, особого мнения. Он считает, что самым полезным для Чехословакии и ее народа было бы восстановление Австро-Венгерской монархии, в которую в свою время, до Первой мировой войны, входила и Чехословакия. Самым главным, однако, является то, что Беранек в своем мировоззрении не одинок. Такой точки зрения, к сожалению, придерживаются также и некоторые промышленники, и деловые люди угнетенной немцами страны».

Я уже говорил, что неоднократно навещал закрытый магазин семьи Воячек. Вдруг мне пришло на память, что он является именно магазином художественных промыслов и именно поэтому был довольно популярен.

Казалось бы, не имеющую для меня по моей работе и цели посещения Праги никакого значения, но интересную по своему содержанию историю, я услышал от Урбана во время одной из прогулок в отношении фирмы Батя, как я уже указывал, выпускающей всемирно известную обувь. Как-то в разговоре с Урбаном я поинтересовался, почему большое здание напротив моей гостиницы принадлежит Батя. Урбан пояснил, что, хотя дом и принадлежит Батя, обувная фирма имеет здесь только отделение своей конторы. Большую часть здания сдают под конторы и другие бюро различных фирм и организаций. После этого Урбан, смеясь и вполне естественно вызвав смех и у меня, рассказал несколько удививший меня эпизод.

На большой фабрике фирмы Батя кабинет владельца расположен в лифте того довольно значительного здания, в котором находится все основное управление. Батя, нажимая кнопку нужного ему этажа, внезапно оказывается в том помещении, где трудятся его работники. В основном все работники довольно многочисленного отдела сидят в одном зале. Урбан подчеркнул, что в этом отношении Батя перенял даже опыт американцев. Это означает, что некоторые руководители размещаются на небольших возвышенностях, на которых находится их рабочий стол и кресло. Это позволяет им постоянно наблюдать за тем, как работают подчиненные. Все письменные столы, на которых установлены телефонные

аппараты, оснащены спереди и с боков стеклянными перегородками небольшой высоты, в значительной степени исключают распространение звуков имеющих место телефонных разговоров. Естественно, это сделано для того, чтобы не мешать работать всем остальным сотрудникам.

Продолжая свой рассказ, Урбан отметил, что однажды Батя, шагая по двору своей фабрики, случайно увидел шедшего ему навстречу инженера из управления. Батя остановил его и спросил, куда и для чего он ходил. Инженер ответил, что ходил в один из цехов, чтобы уточнить некоторые интересующие его сведения. На это Батя ответил, что он тратит много денег на оплату телефонной сети, имеющейся на фабрике, не для того, чтобы служащие тратили время на прогулки по ее территории. Все необходимое можно уточнить по телефону.

Больше того, добавил Урбан, Батя якобы не разрешал своим служащим во время работы при необходимости личного, не служебного разговора по телефону пользоваться телефонными автоматами, которые, кстати, он не разрешил устанавливать на территории фабрики. Он разрешал по срочным личным делам пользоваться только служебными телефонами, но требовал, чтобы разговор был предельно кратким. Это объяснялось тем, что время, затрачиваемое на подход к установленному автомату, ожидание очереди приводят к значительным затратам служебного времени и ему, фабриканту, может обойтись дороже, чем короткий разговор по служебному оплачиваемому фабрикой телефону.

Услышав рассказ Урбана, я невольно задумался над тем, что если все услышанное мною отвечает действительности, то Батя, безусловно, прав. Меня это заставило задуматься над тем, что у меня, на моей настоящей родине, люди в служебное и во внеслужебное время могут буквально часами разговаривать по телефону на любые темы, повторяя много раз одно и то же. Если действительно задуматься не только над тем, сколько теряется служебного времени, а также и над тем, насколько непродуктивно загружается телефонная станция, то, учитывая, что, как мне помнилось, при пользовании телефонными автоматами время не ограничивалось, действительно сколько терялось ценного, трудового времени.

Посещая предусмотренные планом моей поездки различные фирмы, знакомясь с городом и оставаясь наедине с самим собой, благодаря чему еще в большей степени все мои возникающие у меня тревожные мысли сосредоточились на одном, я задавал себе вопросы: что случилось с резидентурой? Почему мне не удалось выполнить задание «Центра» по установлению с нею связи? Неужели имел место провал резидентуры? Достаточными ли являются принимаемые мною меры предосторожности и конспирации? Избежал ли я в достаточной степени ловушки, возможно расставленной гестапо в целях захвата всех тех, кто попытается связаться с раскрытой сью резидентурой? Поверьте, у меня было очень нелегко на душе.

Я помнил, что перед отъездом было обусловлено, что я попытаюсь связаться с домом, чтобы узнать, как там дела, и успокоить мою «жену». Что надо сделать, чтобы не волновать Маргарет, мне подсказал еще сам Бретшнейдер. В этих целях он рекомендовал обратиться к немецкой администрации, в комендатуру в Праге. Для меня это было важно потому, что у нас была договоренность с Отто, что я буду пытаться по домашнему телефону сообщать Блондинке, которую назову моей «женой», о себе и ставить через нее в известность о моей «неприкосновенности» и о ходе выполнения задания. Для этого были уже заранее определены специальные нейтральные выражения. Блондинка, полагая, что услышанное имеет значение для моей фирмы «Симекско», и, конечно, не думая, что моя поездка и передаваемые «выражения» имеют отношение к разведке, в свою очередь должна была сообщить о содержании нашего разговора Хемницу, который ей был известен как Аламо, а тот знал уже, как действовать дальше.

Итак, я должен был связаться по телефону с Бельгией. При посещении телефонной станции, ранее служившей для международных переговоров, я узнал, что заявки на телефонные разговоры с зарубежными странами не принимаются, не принимаются и телеграммы за рубеж. Я решил обратиться в комендатуру.

Каково же было удивление, когда сразу же при обращении в немецкую комендатуру и

предъявлении имеющихся у меня документов я получил разрешение на телефонный разговор с Брюсселем, а также на отправление нужных мне «деловых» телеграмм. Я направился на междугороднюю телефонную станцию, где беспромедлительно соединили с моей «женой».

После того как Блондинка ответила, я очень мило поинтересовался, как она себя чувствует, как здоровье «нашего сына», и сообщил ей, что деловые встречи проходят хорошо, передал привет от Беранека и Урбана, но отметил, что «меня иногда мучает головная боль» и, естественно, «значительно устаю». Эти две фразы означали, что связь с резидентурой не установлена и у меня даже возникло опасение, что она больше вообще не существует. Заканчивая разговор по телефону с Блондинкой, сообщил, что, как и намечалось, я готовлюсь к моей поездке в Берлин. Протекторат я покину после того, как проведу в соответствии с планом-расписанием, отработанным бюро путешествий «Митропа», пару дней в Карловых Барах.

Действительно, я был рад тому, что в Брюсселе поддался на уговоры «Митропа» посетить хотя бы на пару дней этот прекрасный курорт. Мой отъезд в Карловы Вары, перед тем как выехать в Берлин, в создавшейся обстановке представлялся мне совершенно необходимым. Конечно, это было вызвано не необходимостью моего отдыха, несмотря на то, что я действительно чувствовал себя весьма усталым, а совершенно другими причинами. Во-первых, это должно было служить укреплению моего положения «богатого делового человека», а во-вторых, и это было еще важнее, я мог проследить, нет ли за мной какой-либо слежки.

Должен, однако, признаться, что пара дней, проведенных на курорте, завоевавшем себе мировую славу, где я проживал в прекрасной гостинице, с чудесным, несмотря на военное время, питанием, с уютными номерами, мне придали немного физических сил. Я почувствовал себя, несмотря на столь короткий срок пребывания, несколько отдохнувшим.

Курорт, окружающая природа мне очень понравились. Однако я с нетерпением ждал моего долгожданного прибытия в Берлин. В гостинице в Карловых Варах мне прокомпостировали железнодорожный билет и сообщили в Берлин точную дату моего прибытия в гостиницу.

Несколько дней довольно загруженного пребывания в протекторате прошли, в общем, довольно быстро. Конечно, я не мог еще тогда знать, что моя пражская поездка, несмотря на постигшую неудачу в смысле установления связи с нашей резидентурой, будет мне в дальнейшем служить с пользой и, наоборот, будет связана с некоторыми неприятностями. Об этом позже.

Мне хочется еще указать на то, что из бесед с Беранеком, из нескольких встреч с ним я мог понять, что он был уже много лет дружен с Зингером, отцом Маргарет, и с ней тоже был знаком, как и с ее покойным мужем. Во всяком случае, он все время проявлял к ним интерес и расположение, а затем попросил меня передать Маргарет очень хороший сувенир.

Мы очень мило распрощались с Беранеком, Урбаном и несколькими служащими конторы фирмы, с которыми я познакомился при ее посещении. Я рассчитался с гостиницей, в которой мне пожелали счастливого пути и просили не забывать.

Вокзал. У входа меня поджидали Урбан и тот сотрудник фирмы, который меня сопровождал по Праге. Они пришли проводить меня. Я совершенно забыл, что Урбану назвал дату моего отъезда и номер поезда. Мы не могли в то время предположить, что это наша последняя встреча, ни с кем из моих пражских знакомых я больше никогда не увиделся.

Поезд подан, занимаю отведенное мне место. Купе и вагон наполняются пассажирами. Все без исключения – немцы. Знакомлюсь с моими соседями по купе. Почти сразу завязывается разговор на разные темы. Мне не хочется долго разговаривать. Голова полна мыслей, связанных с необходимостью выполнить задание «Центра» в Берлине. Немного поучаствовав в беседе, я делаю вид, что дремлю, и действительно вскоре засыпаю. Проснулся я практически почти уже в самом Берлине.

Не всякому будет легко понять то состояние, в котором я находился, оказавшись в

Берлине – логове фашизма. Нет, я отроду не был трусом, и это я уже доказал. Однако тогда мне было страшно. Да, я боялся, боялся попасть в руки гестапо или абвера. Надо было держаться, надо было мобилизовать все силы и успокоить нервную систему.

Центральный вокзал Берлина. Нанятый мною носильщик по подземному переходу проводил в расположенную напротив вокзала гостиницу «Эксельсиор». Несколько позднее я узнал, что она находится напротив Ангальтер-банхоф, так назывался вокзал, на который я прибыл.

Номер был забронирован. После предъявления паспорта и направления «Митропа», сверив мои данные с имевшимся списком прибывающих гостей, меня быстро оформили, и молодой бой проводил, поднявшись вместе со мной в лифте, в отведенный мне номер.

Эта гостиница, как выяснилось в дальнейшем, в основном была предназначена для нерядовых немцев, но можно было здесь встретить и иностранцев, к числу которых позволю себя отнести, и коллаборационистов, к которым, очевидно, следует отнести и меня, а также эмигрантов из различных стран.

В гостинице был весьма приличный ресторан для проживающих, ибо вход в гостиницу был разрешен только при предъявлении специально выданной карточки-пропуска, подлежащей возвращению при выезде из нее. Я пользовался именно этим рестораном.

В первый же день за ужином я был буквально ошеломлен или, вернее, потрясен увиденным. Внезапно в ресторан вошла группа человек десять, а быть может, даже несколько больше. Это были мужчины, одетые в офицерскую форму с погонами различных рангов, вплоть до генеральских. Я впервые в моей жизни увидел офицеров в форме царской России. Прежде я видел эту форму, эти погоны только в музеях. Мне очень захотелось узнать, кто это такие? Лишь позднее я узнал, что это был атаман Шкуро со своим окружением. Все они находились на службе фашистской Германии, сформировав специальные воинские подразделения. Поговаривали, что атаман Шкуро зверствовал в Югославии. Так ли это было на самом деле, тогда узнать мне не удалось.

Недалеко от входа в ресторан, в одном из его залов находилась дубовая одностворчатая дверь. Она вела в так называемый бар. Туда вход был еще более ограничен. В этот бар допускались только особо привилегированные лица. Поговаривали, что там отпускаются блюда, намного отличающиеся от тех, которые подавались в общем ресторане. Утверждали, что даже кофе в баре был натуральным и с сахаром. Это оказалось правдой, и вскоре я сам смог убедиться.

Через несколько дней занимающий соседний с моим номер немецкий генерал, с которым я несколько раз имел возможность поздороваться и даже обменяться несколькими словами и даже однажды угостить хорошей сигарой, пригласил меня выпить кофе в этом малодоступном баре. Кофе с коньяком мы пили у стойки бара, но мне удалось увидеть, какие блюда подавались на столы запоздавшим к обеду. Они действительно резко отличались от тех, которые можно было заказать в общем ресторане.

Повторяю, в бар меня пропустили только потому, что этот генерал был, видимо, завсегдатаем. Во всяком случае, как мне показалось, его там все знали и относились к нему с определенным уважением.

Чтобы больше не возвращаться к этому, хочу еще сказать, что буквально в день моего отъезда из Берлина в гостинице я увидел еще одного царского генерала – Краснова. Не знаю, останавливался ли он сам или кого-либо навещал, но был в генеральской форме.

В первый день моего пребывания в Берлине я посетил «Дойче Банк», куда у меня было рекомендательное письмо фирмы «Людвиг Махер». Как я писал, в банке меня приняли очень хорошо и, в принципе, мы договорились о возможности сотрудничества «Симекско» с этим банком. Была назначена встреча в банке еще через несколько дней.

Времени у меня оставалось не так уж и много, мне надо было торопиться с выполнением задания «Центра», что и являлось основной целью моего прибытия в Берлин, в самое сердце гитлеровской Германии. Я понимал, что наступил самый сложный и опасный период моей весьма тревожной поездки. Надо было набраться решимости и сил, надо было

немедленно приступить к самому активному участию в антифашистской борьбе, к самому сложному периоду моей разведывательной деятельности. Так я уже тогда оценивал предстоящие встречи с Ильзой Штебе, Харро Шульце-Бойзенем и другими. Кто они такие в действительности, я, конечно, не знал, из полученной шифровки этого не было видно. Мне повезло! Если бы я знал, кем эти антифашисты являются в действительности, моя тревога за успешное выполнение задания возросла бы во много раз.

Итак, я должен приступить.

ГЛАВА XIX. Берлин. Восстановление прерванной связи с резидентурами Ильзы Штебе и Харро Шульце-Бойзена.

Я ничего не знал о немецких антифашистах, перечисленных в радиошифровке «Центра»: Ильзе Штебе, Курте Шульце, Харро Шульце-Бойзене, Адаме Арвиде Харнаке и Адаме Кукхофе. Я мог только предполагать, что они и все входящие в их «резидентуры» (в кавычках, потому что впоследствии я узнал, что это были группы немецких антифашистов) немцы являются разведчиками ми Главного управления разведки Красной армии.

Сейчас, уже после того, как прошло так много лет моего вынужденного молчания, я очень хочу ответить на не оставлявший меня все эти годы призыв Юлиуса Фучика: «Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!»

Хочется напомнить, что Юлиус Фучик (23.02.1903 – 08.09.1943) – коммунист, чехословацкий журналист, писатель, антифашист, руководил во время гитлеровской оккупации нелегальной «Rude pravo» и составлением антифашистских листовок. В апреле 1942 г. был арестован гестапо, содержался в пражской тюрьме Панкрац, после жестоких допросов препровожден в Берлин, где в сентябре 1943 г. был казнен в тюрьме Плетцензее. В 1945 г. в Чехословакии были изданы написанные им в тюрьме Панкраца записки «Репортаж с петлей на шее». Они получили всемирную известность, так как были переведены более чем на 70 языков.

Отвечая на призыв Юлиуса Фучика, я позволю себе эту часть моих воспоминаний разделить и посвятить не только личным контактам с немецкими патриотами, антифашистами, но и исследованию ряда публикаций и в зарубежной, и в нашей печати. Я не побоюсь высказать мое личное мнение по имеющим для меня большое значение вопросам, если они смогут внести ясность, опровергая ряд утверждений, встречаемых в прессе. Все это, с моей точки зрения, должно служить исключительно восстановлению исторической правды. К великому сожалению, многие читатели, уделив достаточно внимания прочитанным ранее материалам, смогут усомниться в правдивости моих утверждений. Однако я убежден, что глубокие и честные исследования подлинных исторических материалов подтвердят правдивость именно того, что будет сказано мною.

Мне хочется начать с уточнения вопроса, касающегося присвоения резидентурам советской разведки на Западе, Большим шефом которых называет себя Леопольд Треппер, а Маленьким шефом которым являлся я, Кент, наименования «Красная капелла» (в некоторых публикациях встречается наименование «Красный оркестр»). Возможно, я должен был бы гордиться тем, что являлся «Маленьким шефом», хотя и вторым лицом в столь мощной резидентуре. Однако я допустить этого не могу, ибо это было бы абсолютно необоснованным самовозвеличиванием. Итак, откуда появилось понятие «Красная капелла» и почему оно распространилось на ряд резидентур советской разведки и на группы

антифашистского сопротивления в Германии и в других странах Европы?

Как читатель увидит из дальнейшего моего повествования, движение антифашистов в Германии возникло еще до прихода к власти Гитлера и усилилось с первых же дней существования фашистской Германии. Вполне естественно, все силы секретных служб были направлены на борьбу против этих организаций. В первую очередь, они считали необходимым вести борьбу против Коммунистической партии Германии, руководимой Эрнстом Тельманом. Именно по призыву Тельмана еще в 1932 г. широко развернулось многочисленное движение «Антифашистское действие». После прихода к власти нацистов Эрнст Тельман и многие антифашисты, не прекращая свою борьбу, ушли в подполье. Сам Эрнст Тельман был уже арестован 3 марта 1933 г. Мне неоднократно указывали на то, что в его аресте принимал участие гестаповец Гиринг, о котором я еще многое расскажу.

Я не могу точно указать, когда возникло вошедшее в историю наименование «Красная капелла». Могу предположить, что это было между 1940 и 1941 гг. В своей активной деятельности по борьбе с антифашистским движением гестапо и абвер смогли установить, что где-то на территории Германии и в некоторых других странах существует движение, состоящее из неопределенного количества группировок. В особенности антифашистское движение усилило свои действия после начала Второй мировой войны и, конечно, после нападения Германии на Советский Союз. Спецслужбам удаюсь перехватить посылаемые неизвестными источниками в Москву, так они предполагали, радиogramмы. Расшифровать эти радиogramмы немцам не удавалось. Они были убеждены, что, несмотря на то, что Тельман содержится в тюрьме Моабит, существующее движение антифашистского Сопротивления состоит в основном из коммунистов и перехваченные радиogramмы принадлежат нелегальной организации Коммунистической партии Германии. Действительно, Эрнст Тельман был организатором различных групп антинацистского движения, но ведь он находился в тюрьме с начала 1933 г. (по приказу Гитлера и Гимmlера убит он был только 18 августа 1944 г. и сожжен в печи концлагеря Бухенвальд). Я имею основания утверждать, что в антинацистском движении в Германии наряду с активным коммунистическим ядром принимали участие многие беспартийные рабочие, интеллигенция и даже офицеры вермахта.

Вот после того, как немецкие секретные службы, гестапо и абвер перехватили радиошифровки, по их убеждению направляемые в Москву, они пришли к заключению, что разыскиваемые группы являются «красными» и по их заданию в эфире работают «радисты», которых немцы с удовольствием называли музыкантами, а именно эти «музыканты» и составляют «капеллу», так в древности называли «хор», «оркестр». Именно поэтому, еще не задумываясь над возможностью продолжения существования на территории Германии групп, «резиденций» советской разведки, которые, по убеждению Гимmlера, Гитлер считал полностью уничтоженными, подпольные организации Сопротивления и получили наименование «Красная капелла».

Именно поэтому называть наши резидентуры во Франции, Бельгии, Нидерландах разведывательной организацией «Красная капелла», по моему мнению, неправильно. Что касается организации Шульце-Бойзена – Харнака, ее, безусловно являющуюся одной из крупных ячеек антифашистского Народного фронта, действующего, в свою очередь, в подполье, стремясь принести пользу именно немецкому народу в борьбе против фашизма, называть «Красной капеллой» тоже неправильно.

Я упомянул, что Леопольда Треппера называли Большой шеф, а меня Маленький шеф. Мне бы хотелось сразу дать пояснения тому, откуда произошли эти наименования. Судя по утверждению французского писателя Жилия Перро, автора книги «Красная капелла», якобы высказанному в беседе с советским политическим обозревателем АПН Александром Игнатовым, «даже гитлеровцы поневоле с уважением именовали его Большим шефом» (Литературная газета. 1989. 10 мая.). Да, действительно, как следует из приводимых им в своей книге ссылок на различных абверовцев и гестаповцев, Леопольд Треппер заслуживал одно время «уважение» «даже гитлеровцев», то есть гестапо, ибо сразу же после своего

ареста Леопольд Треппер назвал эту фамилию, предложил сотрудничество с немцами и даже читал лекции перед гестаповцами по курсу об искусстве шпионажа, и вскоре при его непосредственном участии началась радиоигра гестапо – «Центр». Да, это могло вызвать у гестаповцев «уважение к крупному советскому разведчику». И все же хочется задать вопрос: откуда появилось определение Большой шеф? (Жиль Перро. Красная капелла. с. 163-164).

Вот здесь я должен указать, что Жиль Перро, видимо, отнесся к высказываемой Леопольдом Треппером лжи положительно. Из следственного дела гестапо, заведенного на меня, видно, что сразу после моего ареста в Марселе работниками французской полиции и гестапо я был доставлен в Бельгию в «главную тюрьму Бреендонк», где началось следствие. Из дела видно, что я отрицал свою принадлежность к какой-либо разведке. После этого гестаповцы организовали несколько очных ставок с моими бывшими «подчиненными». Наиболее значимыми были показания Германа Избутского – Боба. Увидев в тюрьме приведенного для очной ставки Боба, я был совершенно убежден в том, что его подвергли жесточайшим пыткам. Именно в результате этих пыток, не выдержав, он начал давать показания. Это было почти за месяц до ареста в Париже Леопольда Треппера. Он признал, что именно я был руководителем нашей резидентуры в Бельгии, но только занимая в ней второе место. Моим непосредственным руководителем был Большой шеф, а я его помощником – Маленьким шефом. С этого началось мое разоблачение. Более подробно я об этом еще расскажу.

Признаюсь, употребление Бобом наименований «Большой шеф» и «Маленький шеф» убедило меня в том, что я был прав, подозревая ранее, еще находясь в качестве резидента в Бельгии, что Отто поддерживает контакт со своими друзьями, бывшими ранее подчиненными, и, вполне возможно, что поддерживает их материально и выдает себя за Большого шефа. Я говорю, что не исключена возможность, что он бывших друзей поддерживал материально, так как я людям, не приносящим пользы нашей резидентуре, платил мало или вообще не платил.

Вот откуда пошло Большой шеф и Маленький шеф, встречаемое в прессе и в литературе. Находясь в гестапо, я ни разу не слышал подобных выражений.

Я, наконец, хочу еще остановиться на одном немаловажном вопросе. В своей книге «Большая игра» Леопольд Треппер неоднократно утверждает, что он проник в сердце высших кругов рейха. Больше того, в приведенной им схеме «Красного оркестра» (конец 1941 г.) указывается на прямое подчинение Берлина (Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака и Адама Кукхофа) непосредственно ему и только ему. Он счел возможным даже не указать, что в Берлине по поручению «Центра» для установления связи с перечисленными лицами находился только я. Кстати, никто из приведенных в схеме немецких антифашистов не был подчинен ни Большому шефу, ни Маленькому шефу. Это была совершенно самостоятельная организация немецких антифашистов. Я единственный раз встречался в октябре 1941 г. с Шульце-Бойзеном непосредственно в Берлине. В беседе с ним и его женой ни разу не слышал, что они принадлежали к какой-либо советской разведке. Часто употребляемые сейчас в нашей печати якобы присвоенные псевдонимы для Харро Шульце-Бойзена – Старшина, а для Арвида Харнака – Корсиканец мне не были никогда ранее известны. Они не встречались ни в моих беседах с Харро Шульце-Бойзеном, ни во время моего заключения в гестапо. Мне был, если память мне не изменяет, известен только один псевдоним – Хоро, данный Харро Шульце-Бойзену.

Помню, как меня взволновал и глубоко тронул и факт из нашей беседы с Харро Шульце-Бойзеном. Безусловно, он не мог предполагать тогда, что перед ним сидит человек, лично принимавший участие в борьбе испанского народа против фашизма. И вдруг, совершенно неожиданно для меня Харро рассказал, что после того, как Франко поднял в Испании мятеж, вскоре при министерстве воздушного флота Германии был создан отдел-штаб генерала Гельмута Вильберга, в задачу которого входило оказание всех видов помощи мятежникам. Ему стало известно, что в число направлявшихся немецких добровольцев, пересекавших тайно границу для вступления в существовавшие в

республиканской армии интернациональные бригады, гестапо сумело внедрить своих агентов. Служебное положение в имперском министерстве воздушного флота позволило Шульце Бойзену собрать информацию о многом, над чем работал особый штаб «W» генерала Вильберга. Немецким антинацистам хотелось сорвать замыслы Канариса, опиравшегося на выработанную Гитлером и Герингом программу по свержению республиканского народного правительства Испании. И вот Шульце-Бойзен после длительного размышления над тем, как помочь испанскому народу в его борьбе против фашистов, пришел к выводу, что весь собранный материал надо передать в советское посольство на Унтер-де-Линден. Но как это сделать? И вот тут-то и было принято решение: конверт со всеми материалами, собранными Харро, опустить в почтовый ящик посольства. Однако и это было не так просто. Можно было предполагать, что за зданием посольства гестапо установило круглосуточную слежку. Это задание было принято к выполнению одной молодой немкой, членом антинацистской группы Сопротивления. Она действительно опустила конверт в почтовый ящик посольства. Улыбаясь, Харро сказал, что он сумел потом установить, что республиканское правительство вполне воспользовалось полученной информацией.

Харро Шульце-Бойзен, видимо, не считал возможным уточнить ни содержание материалов, переданных в посольство, ни того, кто был непосредственно исполнителем задания. Только много позже я узнал, что это была дочь видного гитлеровского дипломата, не боявшаяся слежки со стороны гестапо, Гизелла фон Пельниц. Мне стало известно и то, что она была в связи с этим заданием арестована гестапо, но все же вскоре отпущена, так как веских доказательств ее преступной деятельности у спецслужб не было и сама она держалась на допросах совершенно спокойно и не поддавалась ни на какие провокации.

Выслушав до конца рассказ Харро Шульце Бойзена об оказанной им помощи республиканским борцам против мятежников и итало-германских интервентов, я мог понять, что это была первая попытка антинацистов воспользоваться помощью Советского Союза в их борьбе за освобождение немецкого народа от гитлеровской тирании.

Сейчас я хочу рассказать более подробно о выполнении мною ответственного задания «Центра» в Берлине.

После пережитой неудачи в Праге было каким-то особенно тревожным ожидание встреч с представителями групп, указанных мне в задании «Центра» как резидентуры советской разведки. Хотелось верить, что Ильза Штебе, Курт Шульце, Харро Шульце-Бойзен, Арвид Харнак и Адам Кукхоф живы, не разоблачены и мне удастся выполнить поручение и установить с ними связь. Хотелось верить еще и в то, что сообщенные пароли и явки были правильными и более точными, чем те, которые касались резидентуры Воячек в Праге.

В Берлине мне надо было выполнить не только поручение «Центра», но и решить ряд чисто деловых вопросов. Не буду тратить время на описание всех этих встреч. Прошу мне поверить, что определенная их часть была действительно полезной для нашего акционерного общества. Мне же хочется посвятить эту часть моих воспоминаний, одну из наиболее значимых во всех отношениях, результатам выполнения задания «Центра».

Проведя вечер и ночь в гостинице, не имея, по существу, возможности ни на минуту заснуть, несмотря на усталость, отвлекаясь от обуревавших меня мыслей о предстоящих встречах, я принял решение на следующий день немного времени затратить на посещение «Дойче Банка», а затем организовать мою первую встречу с Альтой – Ильзой Штебе. Как и о всех других немецких анти нацистах, об Альте я ничего не знал. У меня были ее адрес и номер телефона. Прежде всего, я позвонил именно Альте. К телефону подошла женщина, отрекомендовавшаяся как мать Ильзы. К моему огорчению, я услышал, что Ильза сейчас находится в Дрездене и в ближайшее время ее в Берлине не будет. После этого я принял решение немедленно направиться в пригород Берлина, где в соответствии с полученной шифровкой проживал радист резидентуры Альты Курт Шульце.

На этот раз повезло, я сразу же разыскал дом, где должен был проживать Курт, и застал

его.

У меня сложилось впечатление, что меня здесь как будто ждали. Мы сразу познакомились, обменялись паролями, и Курт познакомил меня со своей женой. Видимо, жена Курта уже привыкла к подобным посещениям, она почти сразу удалилась в сад, а затем на кухню, где приступила к приготовлению обеда.

И вот мы остались с Куртом одни. Начали с краткой беседы. Мне показалось, что он значительно старше. Потом из литературных источников я узнал, что он действительно был на 19 лет старше меня. Он не скрывал, что родился в малообеспеченной многодетной семье, был вынужден с ранних лет помогать родителям, зарабатывая своим трудом деньги. Во время Первой мировой войны в 1916 г. по призыву был направлен служить в военно-морской флот и именно там освоил специальность радиста. Подтверждение правдивости этой части рассказа Курта Шульце я встретил в литературе, где прямо указывалось, что он служил на крейсере «Штутгарт» радистом. Отслужив на флоте много лет, работал шофером вначале на такси, а потом на почте. В возрасте 26 лет (родился в 1894 г.) вступил в ряды Коммунистической партии Германии. Он не скрывал от меня, что верит: именно Советский Союз, втянутый Гитлером в войну, поможет немецкому народу в его борьбе против господства нацистов в Германии. Именно поэтому он, антинацист, видит в поддержке борьбы советского народа против гитлеровской армии свою основную обязанность.

Курт рассказал о том, что в работе резидентуры встречается много трудностей, но основная заключается именно в том, что при наличии передатчиков она не может ими пользоваться, так как у них нет программы радиосвязи с Москвой и шифровального кода. Его заявление подтвердило мое мнение о том, что в задании «Центра» говорилось о необходимости обучения радиста резидентуры Альты работе с привезенным мною шифром, а также передаче ему программы радиосвязи.

Я успокоил Курта Шульце, что именно с целью ликвидировать имевшиеся трудности в работе резидентуры я и прибыл к нему в берлинский пригород Каров.

Эта беседа подтвердила мое мнение, что Курт Шульце является радистом Альты. Я не мог предполагать, что указанные им трудности в работе резидентуры относятся к организации Шульце-Бойзена – Харнака, ибо в полученном задании «Центра» не упоминалось о необходимости вручения ей шифра.

Мне пришлось провести у Курта Шульце несколько часов. Я передал ему программу радиосвязи с «Центром» и тщательно обучил работе с шифровальным кодом. Для этого я вручил ему привезенную мною по заданию «Центра» книгу, используемую для работы с шифром. Курт несколько раз зашифровывал специально для этого набросанные нами несколько вариантов текста радиограмм. К моей радости, у него довольно быстро получилась работа по шифрованию различных текстов. Он быстро освоил код.

После окончания нашей работы Курт вышел из комнаты и вернулся через несколько минут вместе с женой. Представил меня. Он уточнил, что я один из приятелей его давнишнего друга, с которым уже много лет не виделся.

Любезные хозяева меня не отпустили, буквально заставив с ними пообедать. Несмотря на существовавшие продовольственные карточки в Германии, благодаря, видимо, собственному приусадебному участку обед был довольно обильным и очень вкусным. За столом у нас состоялась оживленная беседа, но мы не касались ни каких либо политических вопросов, ни, конечно, работы антинацистской организации, к которой Курт принадлежал. Очень бегло задели вопрос о желательности окончания военных действий и всеобщего мира.

В приподнятом настроении, понимая, что успешно выполнил одну часть задания «Центра», я отбыл в Берлин.

Значительно позже я узнал многое, касающееся Альты. В частности, то, что до этого времени, то есть до начала Великой Отечественной войны, она имела возможность направлять свою информацию в «Центр» через курьера. Ее разведывательная деятельность в пользу Советского Союза началась в 1931 г., советской разведчицей она стала в возрасте 20 лет (Карл Гейнц Бирнат - Луиза Краусхаар. Организация Шульце-Бойзена – Харнака в

антифашистской борьбе. М.: Прогресс, 1974. с. 166).

Герхард Кегель в своих записках разведчика антифашиста («Наши жертвы были не напрасны. 1933–1945 гг.». М.: Политиздат, 1988. Т. 2. с. 60) прямо указывает, что после его отъезда из Москвы вскоре после нацистской агрессии против Советского Союза именно ему было поручено для обеспечения радиосвязи Альты с «Центром» передать ей адрес радиста Курта Шульце. Я мог понять, что, несмотря на состоявшуюся встречу с Ильзой Штебе, из опасения попасть в руки гестапо, связь с этим радистом не состоялась (с. 62).

Итак, после успешного выполнения задания в части встречи с Куртом Шульце я возвращался в Берлин с единственной мыслью: надо немедленно приступать к выполнению второй части задания «Центра», то есть организовать мою встречу с Харро Шульце-Бойзенем, а если не с ним лично, то, во всяком случае с одним из членов его группы антинацистов, адреса которых были указаны в задании.

Надо признаться, что минуты казались часами, а часы превращались в вечность. Следовало принять надлежащие меры предосторожности: вернувшись от Курта, пройти определенную «очистку» на всякий непредвиденный случай. Нельзя было забывать, что я иностранец, прибывший в столицу Третьего рейха, где свирепствуют секретные службы и, в первую очередь, гестапо. И вдруг, как ни странно, куда-то девалась уже выработанная годами подпольной, нелегальной работы привычка к спокойному ожиданию намеченных конспиративных встреч с отдельными подпольщиками. Быть может, охватившее состояние тревоги вызывалось не просто желанием приблизить первую встречу с неизвестным мне лично соратником по борьбе с фашизмом, но, возможно, и страхом, ожидавшего меня провала.

Вернувшись в Берлин, не заходя в гостиницу, решил «прогуляться» по городу. Цель прогулки была ясна. Необходимо было ознакомиться с тем местом, где находился дом, в котором в соответствии с данным мне в радиограмме адресом проживал Харро Шульце-Бойзен, один из руководителей самой важной, по оценке «Центра», берлинской резидентуры, возглавляемой Харро и Адамом Харнаком.

Улицу я нашел довольно быстро с помощью путеводителя. Нашел и дом 19 на Альтернбургералле, большой и смотревшийся очень солидно. Мне не хотелось подходить близко, чтобы не обратить на себя внимание швейцара. Правда, я не знал, сохранились ли в Германии в годы войны в домах швейцары.

Поразмыслив, я решил, что в этот день мне не следует навещать Хоро. Надо было убедиться, что после посещения в Карове Курта Шульце за мной не увязался нежелательный «хвост».

Немного прогулявшись по городу, я вернулся в гостиницу и поинтересовался у портье, где лучше провести вечер. Он любезно назвал мне несколько адресов, в том числе театров, мюзик-холла и нескольких вечерних увеселительных заведений. При этом подчеркнул, что в названные им заведения иностранцы допускаются. Переодевшись и немного просмотрев купленные немецкие газеты, направился в одно из рекомендованных мне вечерних увеселительных заведений. Народу в залах было много. Естественно, большинство из посетителей, сидящих за столиками, попивали вино. Я остановился у стойки бара и заказал чашку эрзац кофе. Немного послушав концерт, весьма усталый и физически и умственно, направился к себе в гостиницу, чтобы по возможности как следует отоспаться и набраться сил на завтрашний день. Мне предстояло днем заниматься деловыми встречами в различных фирмах, а к вечеру я решил все же принять меры и добиться встречи с Хоро.

Несколько отдохнувший, сразу после завтрака направился по коммерческим делам. Оставалось только позвонить по телефону и договориться о встрече с Хоро. Не догадываясь даже о том, кем в действительности является Харро Шульце-Бойзен, но предполагая, что днем он должен быть на работе, я решил позвонить позже, вечером. Наконец настало время. Небольшая прогулка по полутемным улицам города – столицы Германии в войне, непродолжительная поездка под землей в вагоне метро, и вот я уже вблизи от Альтернбургералле у входа на станцию метро, а вот и телефон-автомат. Опускаю монету и

набираю нужный номер телефона, продолжительные гудки, и наконец, слышу чужой, абсолютно незнакомый голос женщины. Называю нужное имя. «Да, у телефона Либертас, кто говорит?» Нет, трудно представить мое состояние, мою радость. Значит, я попал по нужному мне адресу, а это означает, что и эту часть задания «Центра» я, скорее всего, смогу выполнить. Называю давно уже определенный пароль. Контакт установлен.

Незнакомый голос сразу становится более близким, можно сказать, более дорогим мне. Мне показалось, что и Либертас стала совершенно другой. В её голосе звучит нескрываемая радость, радость предстоящей встречи с близким человеком, пусть незнакомым, пусть еще никогда не виданным, по человеком-другом, прибывшим издалека, способным передать привет с Большой земли, из ставшего родным Советского Союза, из страны, где немецкие антифашисты могут не скрывать своей ненависти к Гитлеру и его бандитам, из страны, которую сейчас фашистские орды заливают реками крови, но народ которой встал на защиту своей священной Родины. Так мысленно я оценивал услышанный мною голос Либертас.

– Очень рада буду вас увидеть, заходите, как только сможете, заходите сейчас же. Правда, Харро нет дома, но мы с вами поговорим, позвоним ему по телефону на работу!

Радость с силой охватила меня. Я невольно улыбаюсь. Вздох облегчения. Значит, в Берлине все благополучно. Значит, задание будет выполнено. Значит, в этом огромном городе, за толстыми серыми стенами домов, на этих полутемных широких улицах и площадях живут не только враги, не только фашисты, с которыми мне пришлось уже встречаться в Испании, где были среди нас и немецкие антифашисты, которые сражались на фронте, а в часы досуга обращали взгляды в сторону своей родины, опозоренной коричневыми бандитами, приспешниками Гитлера. Невольно подумал, что в Берлине тоже еще живут те, кто, рискуя, требует освобождения вождя немецкого народа, трудящихся Германии коммуниста Эрнста Тельмана. Нет, значит, существует еще среди немецкого народа определенная часть немцев-патриотов, демократов, стремящихся к всеобщему миру, к дружбе народов, ведущих активную борьбу против господства нацизма. Нет, значит, Гитлеру не удалось еще убить или заточить в тюрьмы и концлагеря лучших, настоящих немцев.

Размышляя обо всем этом, убыстряя шаг, опьяненный радостью предстоящей встречи, возможностью вскоре выполнить задание «Центра», я вновь приближаюсь к дому, ставшему мне уже знакомым по предыдущей моей «прогулке». Напрасно я тогда опасался, что меня могут заметить. У двери никого не было.

Парадная дверь. Спокойно, даже не озираясь, вхожу и медленно поднимаюсь по лестнице, ищу нужный номер квартиры, но вдруг... ошеломлен: на дверях квартир медные таблички с фамилиями, на многих из которых проставлены различные звания, соответствующие фашистской иерархии, а некоторые и с изображением свастики. Этаж, еще этаж, а я вижу все те же таблички, разница лишь в том, что на них другие фамилии и звания, но в большинстве своем – со свастикой. Невольно мелькает мысль, могут ли здесь жить Либертас и Харро, могут ли жить в этом доме антифашисты и фашисты? А кто такой в действительности Харро? Какое он имеет отношение к живущей в этом доме фашистской элите?

Невольно дотрагиваюсь рукой до моего уругвайского паспорта, лежащего в кармане пиджака, и думаю, не подведу ли я своим присутствием на лестнице, стоя у квартиры Харро, ее владельцев, не говоря уже о себе. Да, мой паспорт принадлежит одной из нейтральных стран, гражданином которой я якобы являюсь, но все же иностранцу, а в фашистской Германии не доверяют никому!

Быстрыми шагами устремляюсь вниз по лестнице, и, только когда вдохнул свежий воздух, оказавшись на улице, ко мне возвращается спокойствие и уверенность в себе, появляется возможность здравого анализа обстановки. Нет, не следует вновь подниматься по лестнице. Не надо звонить ни в одну из незнакомых дверей. У меня возникло подозрение, выражающееся в том, что, возможно, в радиограмме при ее дешифровке номер дома указан ошибочно. Впервые я задумался и над более важным, как мне казалось, вопросом. «Центр»,

будучи абсолютно обоснованно уверенным, что его радиogramмы не могут быть расшифрованы, что, впрочем, является доказательством того, что в радиogramме приводились фамилии и адреса некоторых лиц, с которыми мне надлежало связаться, не считая возможным предупредить меня, кем в действительности по своему служебному положению является Харро Шульце-Бойзен. Далее читатель поймет.

После недолгих размышлений я принял окончательное решение. Я понял: мне надо еще раз позвонить по телефону Либертас и, услышав ее ставший уже знакомым милый голос, предложить вместо ранее оговоренной встречи у них дома совершить совместную прогулку. Неожиданно у меня возник тревожный, вполне оправданный вопрос. Либертас ведь может не узнать меня, и, назначая свидание ей близ станции метро, сумею ли я узнать ее в толпе – мы всего лишь разговаривали по телефону. Я понимал возникающие трудности, однако колебаться было нельзя, надо было найти правильное решение, надо было срочно действовать!

Медленно, делая вид спокойного человека, подошел к телефонной будке недалеко от станции метро. Вновь набрал хорошо запомнившийся номер телефона и, услышав голос Либертас, быстро заговорил: «Либертас, любимая моя, это вновь я. Я уже почти добрался до вашего дома, но, выйдя из метро, убедился в том, что сегодня такая хорошая погода, и подумал, может быть, для начала нашей встречи лучше прогуляться, подышать свежим воздухом. Правда, сейчас темно, но мы ведь друг друга сумеем увидеть. Хочу напомнить, что в ожидании у станции метро я, как всегда, буду курить сигару и тем самым освещать себя. Да, кстати, я привез вам показать папку из крокодиловой кожи, думаю, что именно такую вы хотели подарить Харро. Итак, если вы не возражаете, буду ждать вас у метро».

Ответ последовал быстро: «Хорошо, мне достаточно 10–15 минут на сборы, и я скоро буду. Итак, до скорой встречи!»

С радостью я ответил: «Я жду, не торопитесь!»

Либертас должна узнать меня по сигаре и папке, а затем, как обычно принято в подобных случаях при встрече со знакомой дамой, мне казалось, надо будет повторить уже названный пароль.

Надо было подумать и над тем, как мне держаться. Возможно, лучше всего спросить вначале у Либертас, как пройти на ту или иную улицу, назвав ту, где живут Либертас и Харро. По поведению Либертас я смогу понять, она ли это, а затем уже повторить называвшийся ранее пароль. Удобно ли это? Ведь услышав этот разговор, посторонний наблюдатель или просто рядом стоящий человек сможет потом удивиться, что дотолпе незнакомые люди, молодые женщина и мужчина, пошли куда-то вместе. Нет! Лучше поступить так, как думалось раньше: завести светский разговор двух знакомых людей о погоде, а затем невзначай повторить пароли.

Сколько уже состоялось различных конспиративных, сколько новых встреч при установлении связей со связистами, информаторами, с разными членами организаций всевозможных движений Сопротивления, сколько неожиданностей встречалось уже на пути. Казалось, что уже удалось достигнуть предельного умения владеть собой, и вдруг опять состояние, которое было присуще при первых встречах в самом начале моей подпольной деятельности во вражеском тылу. Неужели сдают нервы, неужели уже сказывается переутомление? Ведь уже несколько лет приходится работать без нормального отдыха, продолжая постоянно разыгрывать чужую роль, которая навязана легендой, созданной в момент назначения меня на разведывательную работу. Пет, сейчас нельзя расслабляться, именно теперь, когда на Родине идет война, надо собрать нервы, надо особенно хорошо владеть собой.

Не успел я еще обо всем поразмыслить, как неожиданно увидел, что к станции метро быстрой, я бы даже сказал, спортивной походкой направляется молодая, со вкусом одетая женщина. Ее лицо еще трудно рассмотреть. Она уверенно идет к тому месту, где стою я, человек, с нетерпением дожидаящийся ее. Теплое рукопожатие, возможно слишком крепкое для молодой женщины, но, безусловно, друга. Все мысли, все тревоги отлетают куда-то на

задний план, и вот уже первые слова, слова, вовсе не похожие на задуманные на это «случайное свидание». Первой заговорила Либертас. У нас состоялся довольно продолжительный разговор. Постараюсь хотя бы частично его восстановить.

Либертас: «Добрый вечер. Я очень рада, что вы приехали. Харро давно, очень давно ждет этого счастливого дня. Нам было так необходимо встретиться с кем-либо из наших друзей. Вы хорошо придумали историю с крокодиловой папкой и сигарой. Я едва подумала, как мы друг друга узнаем, и вдруг слышу ваше предложение. Признаюсь, готовясь к встрече с вами у станции метро, я очень смеялась над вашей находчивостью, вернее, над вашей выдумкой».

Кент: «Могу высказать и свое восхищение вами. Вы очень быстро сориентировались, и даже самый внимательный наблюдатель не мог бы определить по вашему поведению, что мы видимся в первый раз. Должен отметить и то, что ваша внешность легко могла привлечь к себе внимание многих, стоящих у станции».

Либертас: «Прошу учесть, что игра, игра на сцене – это моя профессия. И это часто мне облегчает необходимость преодолеть встречаемые жизненные трудности. Просто сейчас я не играю на сцене, а занимаюсь другими делами. Тем не менее, всегда помню, что я актриса».

Кент: «Как вы здесь живете? Вам всем большой привет от тех, кто считает себя вашими друзьями. Они очень беспокоились, все ли у вас в порядке. Слишком долго от вас не было новостей».

Либертас: «Все нормально, живы и здоровы, много работаем, боремся за наши идеалы, внимательно следим за тем, что происходит на фронтах, ждем перемен. Хороших перемен, обязательно в нашу пользу, в пользу немецкого народа. Конечно, нам нелегко, но сейчас мы чувствуем себя более уверенно».

Кент: «Милая Либертас, скажите, пожалуйста, когда я смогу встретиться с Харро?»

Либертас: «Харро работает очень много за городом, в последнее время в Берлин приезжает не каждый день. Я ему сегодня же позвоню и думаю, что завтра он обязательно вернется в Берлин и будет очень рад встретиться с вами. Повторяю, мы очень давно ждем подобной встречи».

Кент: «Я был в Германии в последний раз несколько месяцев тому назад. Правда, тогда я не заезжал в Берлин. Скажите, каково сейчас настроение немецкого народа? Верит ли он еще в безусловную победу вермахта? Как немецкий народ встретил начатую Гитлером войну против советского народа?»

Либертас, мило улыбнувшись, слегка задумалась и, несколько помедлив, ответила: «Подробно обо всем расскажет Харро. Мне только хочется вас несколько поправить, не обижайтесь на меня. Вы допускаете серьезную ошибку, когда спрашиваете меня о немецком народе в целом. Немецкий народ очень разобщен. Многие немцы постепенно начинают прозревать, и к антинацистскому движению Сопротивления приходят люди, которых еще совсем недавно нельзя было даже представить в рядах антифашистов. Такие люди начинают поддерживать связь и с нами, но это требует с нашей стороны большой осторожности».

Кент, улыбаясь в свою очередь, взяв Либертас еще крепче под руку, продолжил: «Мне очень приятно будет многое узнать от Харро. Правда, частичную информацию я уже имею. Встречается осторожная, еще очень осторожная критика, но и намеки на критику, и проявляемая даже некоторая враждебность к господствующему в Германии режиму, проводимой агрессивной политике как вне страны, так и в самой стране, весьма символичны. Больше того, встречаясь с деловыми людьми, имеющими немецкий паспорт, можно встретить и таких, которые имеют еще и второй – австрийский. Что это может означать? Может быть, это и есть проявление какой-то паники?»

Либертас: «Да, скорее всего, вы правы, но ясность в волнующие вас вопросы Харро внесет, безусловно, более точно, чем я, беседа с вами завтра. Я же хочу сказать еще одну вещь. Вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня, я не хочу вас обидеть. Вы очень хорошо говорите по-немецки. У вас вот сейчас, когда мы так мирно и спокойно беседуем, правильные, по-немецки правильно построенные фразы, неплохо даже получается и

произношение, но вам надо стараться реже говорить по телефону, в особенности это касается Германии. Здесь возможно прослушивание телефонных разговоров спецслужбами. Слежка "друг за другом", слежка официального аппарата тайной полиции, государственной полиции, гестапо очень хорошо организована. Харро и я в соответствии с занимаемыми нами должностями и положением вправе думать, что наш телефон тоже прослушивается. А вот когда вы говорите по телефону, то происходит некоторое искажение, можно, пожалуй, даже сказать точнее, вносится какая-то звуковая корректировка, что более подчеркивает, что по телефону говорит не немец, а иностранец. Это очень опасно, так как может возникнуть подозрение у тех, кто осуществляет прослушивание нашего телефонного разговора. Разговаривая с вами по телефону, я не могу даже объяснить почему, но по телефону я сразу определила, что вы иностранец, что со мной говорит иностранец. Вам даже удалось усвоить правильное произношение очень сложных для иностранцев звуков в немецком языке. Вот вам первый неприятный выпад с моей стороны, и о нем передайте, пожалуйста, нашим друзьям. Телефоном можно пользоваться только в исключительных случаях и ограничиваться одним, заранее обусловленным сигналом, одним словом, заранее продуманной системой повторных телефонных звонков».

Идущие нам навстречу немцы никогда не подумали бы, что эти двое молодых, элегантно одетых, беседующих между собой так дружно человека ведут совсем небезобидные разговоры, что эта красивая и элегантная дама с большим знанием правил конспирации поучает уже не новичка в подпольной, нелегальной деятельности, а успешного накопить определенный опыт боевой нелегальной работы разведчика.

Либертас поразительно мило, мягко, с большой чуткостью высказывала мне свои замечания, заставляющие думать, верить в то, что немецкие антифашисты прошли хорошую школу, школу нелегальной работы, и даже нам, советским разведчикам, есть чему поучиться.

Не хотелось расставаться, не хотелось вновь почувствовать свое одиночество в этом большом, но столь чужом для меня городе. Либертас была очень приятной собеседницей, поражающей своей культурой. Наш разговор перешел на другие, общие темы. Мне очень хотелось выяснить, как работают театры, какие демонстрируются кинофильмы. Из разговора было понятно, что Либертас внимательно следит за культурной жизнью, за достижениями искусства. Можно было понять, что среди её знакомых, быть может, друзей имеется много работников в области искусства, связанных с театрами, кино и литературой.

Я мог, однако, предположить, что Либертас, видимо придерживаясь правил жесткой конспирации, избегала более подробно говорить о самой организации, членами которой были она и Харро, оставляя это право своему мужу. Правда, она поинтересовалась, стоит ли еще подготовить какого либо товарища к встрече со мной и с кем конкретно я хотел бы еще увидеться. Мне показалось, что она весьма доброжелательно встретила мое заявление о том, что для меня предусматривалась только встреча с ней и с Харро.

Не хотелось говорить Либертас, что, если бы с ними что либо произошло и встреча между нами не состоялась, в полученном мною задании предусматривались встречи с другими людьми, возможно ей даже неизвестными, но такими же антифашистами, такими же борцами против фашизма, как она, Харро и другие их близкие друзья.

Внезапно Либертас обратилась ко мне со следующими словами:

Простите, но я даже не знаю, как мне обращаться к вам. Вы, видимо, так обрадовались встрече, что даже забыли представиться!

Мне стало неловко за себя, за еще один допущенный ляпсус. Но, действительно, столь молниеносно и с большим успехом разыгранная сцена нашей встречи, встречи, конечно, не по возрасту, а только по времени участия в одной и той же борьбе двух «старых друзей», правда никогда не видевших друг друга до этого, казалась, сделала ненужным специальное представление. Это тем более, что мою паспортную фамилию не следовало называть. И правила конспирации не допускали этого совершенно. Я не мог даже сказать Либертас, где я остановился, и она, безусловно, все это хорошо понимала. На замечание Либертас, немного подумав, я ответил:

Давайте условимся, что меня можно называть Вальдес. Когда-нибудь, когда мы встретимся в другой, более благоприятной обстановке, я с радостью представлюсь вам более точно.

Либертас с ярко выраженным восторгом и пониманием поспешила ответить:

Я смотрю на вас, и мне кажется, что вы еще очень молоды, а вам уже доверена связь с нами. Мне ясно, что вы уже давно ведете работу вдали от родины, как это хорошо. Вот это уже комплимент в ваш адрес, а не замечание! Так ведь?

Веселый смех стал ответом на эти слова. Невольно я, Вальдес, прижался к Либертас. Чувствовалось, что между нами крепнет дружба, совсем недавно рожденная. Разговор становился все более и более доверительным, но не выходя за рамки дозволенного. Видимо, Либертас захотелось что-то рассказать о себе, и она продолжила:

Мне сейчас приходится работать в системе имперского министерства пропаганды, возглавляемой Геббельсом. Я работаю на киностудии, но не в обычной, а в студии, где снимают мультфильмы, часто пропагандистского характера. Иногда встречаются очень забавные ситуации. Вот мне сейчас показалось, что наша встреча хорошо бы могла быть изображена художниками в студии в пропагандистских мультфильмах. Не думаю, что, работая даже на таком, казалось бы, маловажном участке, мы не приносим пользу Германии в нашей борьбе с нацизмом. Я хочу, чтобы вы знали: нам часто удается очень значимо саботировать распоряжения доктора Геббельса.

Либертас коротко рассказала о своих товарищах по работе, правда не называя точных имен, бросая мимоходом, как бы невзначай, имена того или иного человека, не подчеркивая, о ком конкретно идет речь, – просто, о сослуживце или о подпольной антифашистской организации, которой руководят ее муж и Арвид Харнак.

Прогулка затягивалась. Нам оставалось обусловить точное время и место предполагаемой встречи Харро со мной на следующий день. Либертас следовало, прежде всего, позвонить и узнать, сможет ли он приехать в Берлин. Затем мы договорились, что если сможет, то встреча состоится в 20 часов у одной из станций метро.

На мой вопрос, как можно будет узнать друга друга, Либертас с улыбкой сказала:

Ну это будет проще всего. У вас очень хорошие сигары, пальто из редко встречаемого в Германии материала, а самое главное, чудесная папка из крокодиловой кожи, которую я, кажется, хотела подарить Харро. – Последнее слово вызвало у Либертас веселый смех.

Я проводил ее. Пришлось прощаться вдали от дома Либертас. Не следовало появляться там, где существовала возможность неожиданной встречи с кем-либо из соседей. Тем более что «материал на пальто у сопровождающего Либертас молодого человека был редко встречаемым в Германии». Не следовало забывать, что и у Вальдеса в кармане лежал уругвайский паспорт, а случайная проверка была крайне нежелательной.

Тепло попрощавшись, новые друзья расстались, чтобы, быть может, больше никогда не встретиться.

Я вернулся в гостиницу. На душе было как то гораздо спокойнее. Приятно было сознавать, что вскоре я смогу встретиться с тем, кто был назван первым в полученном из «Центра» задании.

На следующий день снова деловые встречи, посещение фирм и деловые разговоры. Для этого мне необходимо было вновь перевоплотиться в коммерсанта, да не простого, а в президента акционерного общества, директора-распорядителя солидной фирмы. В то же время меня не покидали тайные мысли о предстоящей встрече с Харро. Трудно было набраться терпения и вызова по телефону Либертас. По вот наконец и настало время контрольного звонка, для того чтобы подтвердить возможность назначенной встречи с Харро. Я понял, что он приедет в Берлин, а поэтому надо было набраться терпения и ждать наступления условленного часа.

К вечеру погода резко испортилась. Пошел мокрый, липкий снег. В воздухе стало сыро и как-то особенно неуютно. Мне не хотелось выходить из кинотеатра, в котором пришлось провести около двух часов, однако время встречи приближалось, и следовало торопиться.

Сделав необходимую с точки зрения проверки «неуязвимости» прогулку, я заметил, что как-то совершенно незаметно неожиданно оказался около станции метро, где должна была состояться долгожданная первая встреча с Харро Шульце-Бойзенем, известным как Хоро. Стал ждать.

Вдруг неожиданно я заметил быстро приближающегося ко мне офицера с поднятым воротником. Издали в темноте, усилившейся от падающего снега, трудно было определить, какого его воинское звание и род войск на петлицах. Длинное, обычное для немецких офицеров защитного цвета кожаное пальто, фуражка... Больше ничего я не мог рассмотреть. Странное чувство неуверенности охватило меня с новой силой. Возникали вопросы в возбужденной голове. Почему в полученном мною задании «Центра» не было сказано, что он является офицером? Почему многое предвидящая Либертас накануне не предупредила меня о том, что Харро Шульце-Бойзен является офицером и может явиться на встречу со мной в военной форме? Я не находил ответа, и мучительно встал передо мной еще один вопрос: Хоро ли приближается ко мне, а быть может, вообще это провал для меня?

Вновь мелькают мысли, как важно в нашей работе все предусмотреть, каждую мелочь, каждую деталь, зачем создавать предпосылки для лишних волнений у встречающихся впервые работников нелегалов?

Замеченный мною офицер уже совсем близок. Точно определяется направление его движения. Уже нет сомнений: он движется ускоренным шагом прямо к месту обусловленной встречи, непосредственно в мою сторону. Он не задерживается, явно спешит! Что все это значит? Я смотрю на часы. Стрелки приближаются к 20 часам.

Поравнявшись со мной и поспешно протягивая руку, офицер тихо повторяет первую часть установленного пароля. Он не дожидается ответа – уверен в том, что правильно определил своего будущего собеседника. Либертас дала подробное и точное описание того, кого офицер должен был встретить. В этом отношении он был в лучшем положении, чем я, ожидавший его. Военная форма, так смутившая меня, в дальнейшем имела определенное значение в еще более сложной и неприятной для меня обстановке, но об этом, конечно, в этот вечер я еще не мог знать.

Первым начал разговор Хоро. Он, очень мило улыбаясь, какой-то особенной улыбкой, что совершенно не увязывалось с его строгой военной формой, проявил особую теплоту в нашей беседе. Постараюсь восстановить ее как можно точнее.

Хоро: «Я чуть не опоздал. Едва вырвался с работы, чтобы прибыть в Берлин и своевременно попасть на эту долгожданную встречу. Признаюсь, мы очень опасались, что никому не удастся связаться с нами. Идет война, и трудностей на пути к встрече существует немало. Вчера сразу же после совершенно неожиданного звонка Либертас я буквально примчался к ней. Она подробно рассказала все о вашей встрече. Между прочим, она очень точно описала вас, и сейчас я уже могу установить, что не ошиблась и в данной вам оценке. Я был очень взволнован всем рассказанным ею. Должен честно сказать, я очень рад, что все дождалось вашего, правда, совершенно неожиданного, приезда. И не только я, но и многие другие, которым мы уже успели об этом сообщить. Очень хорошо, что вы приехали».

Кент: «Я тоже очень рад нашей встрече. Это тем более, что полученное мною задание нашего руководства было для меня совершенно неожиданным и приступить к его выполнению было нелегко. Признаюсь, вы меня несколько напугали вашей военной формой. Я никак не мог предположить, что на встречу со мной явится офицер, что вы – наш разведчик вообще офицер немецкой армии. Об этом, к сожалению, меня никто не предупреждал. Единственное, что я знал, что, возможно, мне придется, если я вас не застану в Берлине, встретиться с одним немецким писателем».

Хоро: «Вообще являться в военной форме мне не следовало. К сожалению, у меня абсолютно не было времени переодеться, надеть на себя что-либо штатское. Сейчас я хочу вас пригласить к себе домой. Пока у меня дома – самое безопасное место, а кроме того, сегодня такая погода, что оставаться на улице нельзя. Прежде всего, надо как следует согреться, а для этого у меня дома есть все условия. Я предупредил Либертас, что вы будете

нашим долгожданным гостем. Она этому очень рада и ждет нас. Прошу не возражать. Поверьте, так будет лучше. Дома мы переговорим спокойно обо всем. А рассказывать, видимо, нам придется о многом».

Кент: «Не только не возражаю, но и принимаю ваше предложение с большим удовольствием. Буду очень рад еще раз встретиться с вашей весьма симпатичной супругой».

Хоро: «Не только симпатичной супругой, но и с надежной боевой подругой, моей бесстрашной Либертас. Мне очень повезло в жизни. Несколько лет тому назад я встретился с Либертас на соревнованиях по парусному спорту, и вскоре она стала моей женой. С тех пор мы вместе и очень любим друг друга». (Все это Хоро говорил с веселой улыбкой.)

Мы медленно шли к дому, до которого было недалеко, и в сопровождении Хоро, поднимаясь по изученной накануне лестнице с табличками на дверях, на этот раз я чувствовал себя более уверенным, на душе было абсолютно спокойно.

Во время встречи Либертас произвела на меня очень хорошее впечатление. Она была весьма привлекательной, красивой женщиной. Несмотря на пальто, чувствовалось, что у нее очень хорошая фигура. Её походка произвела на меня огромное впечатление. Она как-то выделялась среди других встречаемых мною в Берлине женщин. Обо всем этом я думал, поднимаясь вместе с Харро по лестнице.

Я еще не мог себе точно представить, каков Харро в действительности, но полагал, что у столь эрудированной и разносторонне развитой женщины и муж должен был обладать соответствующей подготовкой. В оценке Либертас я был уверен.

Мы остановились у двери, ведущей в квартиру, занимаемую семьей Шульце-Бойзена.

Харро не успел еще вынуть ключ из замка, как улыбающаяся Либертас открыла дверь и с теплыми приветствиями впустила нас в прихожую. Сняв пальто и шляпу, несмотря на возражения хозяйки, сменив туфли на домашние тапочки, я вместе с хозяевами вошел в комнату, где уже был накрыт стол. Пользуясь правами хозяйки, извинившись, Либертас отправилась на несколько минут на кухню. Мы остались вдвоем в уютно обставленной комнате. Среди красивой мебели бросались в глаза книжные полки. На них много книг. Присмотревшись, заметил, что они были не только на немецком, но и на других языках, и был буквально потрясен. Особенно меня поразило, когда я увидел и различные издания документального характера, и в частности труды В.И. Ленина.

Заметив мое смущение от увиденного, Харро успокоил меня, сказав, что ему это положено и связано с его работой и тем более он не должен ни от кого скрывать, что знает русский язык.

Показывая некоторые книги, Харро с лукавством признался, что очень любит поэзию, поэтому подобрал авторов наиболее нравившихся ему. В то же время он не постеснялся сказать, что и сам немного пишет. К сожалению, для этого увлечения не хватает времени.

Осматривая комнату, я приходил к заключению, что во всем чувствуется большой вкус хозяев. Несомненно, эта комната принадлежала работникам культуры и искусства. О Либертас я уже кое- что узнал из первой беседы с ней, а вот понять, кем является Харро – человек в офицерском мундире, – я еще не мог.

До начала деловых разговоров новые друзья сели за стол, красиво накрытый и уставленный вкусными блюдами приготовленного Либертас ужина, а Харро в дополнение к выставленным бутылкам вина поставил бутылку водки, настоящей советской водки. Увидев мое удивление, он рассмеявшись, сказал: «Не удивляйтесь, это действительно советская водка. Этот "трофей" привезли мне мои друзья с Восточного фронта. Думаю, что на этот раз она будет по прямому назначению – использована теми, кому по праву положено».

Уже за ужином Харро вкратце поведал мне о положении в руководимой им и Арвидом Харнаком антифашистской организации, о той работе, которую эти самоотверженные люди и настоящие патриоты Германии проводят на заводах, в учреждениях, среди населения и иностранных рабочих. Он подчеркивал значение проводимой разъяснительной и пропагандистской работы, в том числе и выпускаемых ими листовок.

Удивительно было слушать этот страстный рассказ. Трудно было поверить, что при

усиленном терроре, не прекращающейся слежке, проверках и отборе в различные государственные и военные учреждения смогли, рискуя жизнью, проникнуть люди, стремящиеся вернуть Германии ее честь, завоевать право немецкого народа на похищенную у него свободу, пользоваться всеми благами, которые создавались культурой, трудом настоящих немцев, лучшими его представителями, такими как Гете, Шиллер, Гримм, Граббе, Гауптман, Гольц, Ницше, Т. Манн, Дюрер, Штраус, Фейхтвангер, Эйнштейн и многими другими. Конечно, в мыслях у меня были и Карл Маркс, и Фридрих Энгельс.

Вальдес, под этим именем я представился Либертас и Харро, сидел и слушал ставшего дорогим собеседника, переносился в другой мир, в мир близких людей. Мне больше не приходило в голову, что в этом же доме живут и другие, гордящиеся коричневым цветом, своей ставшей ненавистной всему миру свастикой. Я начинал понимать, что в Германии рядом живут фашисты, предпочитающие, чтобы их называли национал-социалистами, и настоящие антифашисты.

Мне становилось все более ясно, что ни пропаганда Геббельса, ни террор Гимmlера, ни даже «Майн кампф» Гитлера не сумели затуманить мозги всем немцам, не смогли запутать тех, кто привык бороться за справедливость, свободу и счастье народов, безусловно, в первую очередь своего собственного. Эти люди не признавали себя побежденными. Они черпали из горя, к которому их привели фашисты, новые силы. Они предпочитали рисковать своей жизнью, погибать, но не сдаваться, не жить «своими личными» интересами ради «блага», которое им сулили главари гитлеровской Германии.

Хочу напомнить, что наша встреча состоялась, как я уже писал, в октябре 1941 г., то есть после ряда неудачных операций, проведенных немецкими войсками против советских вооруженных сил. Это вызвало чувство тревоги даже в некоторых высоких кругах вермахта, не говоря уже о простом народе. Это было заметно в особенности в связи с явными неудачами блицкрига, имевшего основной целью захват Ленинграда и Москвы. Несмотря на усилившуюся пропаганду геббельсовского ведомства, направленную на повышение боеспособности немецкой армии, в результате возросшего числа убитых, раненых и попавших в плен в Советском Союзе среди народа, правда, не всегда проявляемые открыто, растут растерянность и тревога за своих близких, сражающихся на Востоке.

Услышав эти суждения, я спросил Либертас и Харро, слышали ли они очень забавный анекдотик, рассказ по поводу успехов немецкой пропаганды, проводимой на уже захваченной вермахтом территории Советского Союза? Не дожидаясь ответа, я рассказал, что сам слышал уже неоднократно:

Если бы русские хотели правильно оценить результаты немецкой пропаганды, направленной против Советской России, в первую очередь, широко распространяемую непосредственно на оккупированной немецкими войсками территории, они должны были бы удостоить высокой правительственной награды вдохновителя этой пропаганды доктора Геббельса. Именно «удачная» геббельсовская пропаганда успешно поднимает советский народ на защиту своей Родины, на борьбу с агрессором!

Либертас и Харро, услышав этот пересказ распускаемых на Западе слухов, помолчали немного, и Харро отметил, что в этом народном сказании есть, безусловно, вполне оправданный смысл. Аппарат Геббельса, стремясь поднять дух немецкого народа, часто придумывает весьма неудачные, ни на чем не обоснованные истории и историйки, а они как раз и могут вызвать обратную реакцию не только в стане противника, но и у собственного народа.

Сидя за столом, ведя общие разговоры, я внимательно наблюдаю, больше того, пытаюсь изучить своих собеседников. Напротив сидит Харро Шульце-Бойзен. К сожалению, я знаю о нем очень мало, но он к себе располагает. Да, о нем потом скажут очень много хорошего. Отмечая, что он великолепный человек, может служить непревзойденным персонажем блестящего романа. Так характеризовали его многие из тех, кто его знал, многие его друзья. Действительно, у него было не только красивое, открытое, но и очень энергичное, принадлежащее человеку, словно сошедшему со страниц романа, лицо.

Стройная фигура. Не знаю, но мне показалось или действительно у него были голубые глаза. Смелый человек. За его внешностью скрывался пронизательный политик. Примерно так отозвался о нем его соратник, писатель Грюннер Вайзенборг, о чем я прочел много лет спустя.

Другой единомышленник Харро констатировал, что холодный огонь, горящий в его глазах, крупный худой подбородок могли принадлежать только натуре, которая не остановится ни перед чем!

Мы совершенно спокойно сидели за столом и пили вкусный, настоящий, а не эрзац-кофе и мирно разговаривали. Посторонний наблюдатель никогда не мог бы подумать, что рядом сидят резидент советской разведки в Бельгии, прибывший в Берлин по заданию «Центра» для восстановления связи между патриотической антифашистской организацией, и руководитель этой организации со своей женой.

Продолжая наш общий разговор, я смотрю на Либертас. Должен признаться, что дома она представляется мне еще более привлекательной, в красивом, хорошо сидящем на ней платье, подчеркивающим ее прекрасную фигуру. Она действительно красивая, у нее умное и ласковое лицо. Очень хотелось бы знать и о ней, и о Харро, побольше, по мое положение не позволяет задавать какие либо вопросы.

И эти люди, которых я впервые увидел в Берлине, сейчас разговаривают со мной на различные темы, но явно интересующие их именно для того, чтобы определить конкретно, что происходит в мире, что им самим надо сделать, чтобы спасти свою родину, свой народ, обеспечить мир на планете.

Неожиданно, обращаясь ко мне, Харро задает мне вопросы, на которые подчас мне нелегко дать ответ. К числу подобных относится и такой:

Объясните нам, мой друг, конечно, если вам самому это ясно, как все же получилось, что Советский Союз не верил, что Гитлер готовится в нарушение подписанного между Германией и СССР 23 августа еще 1939 года договора о ненападении коварно напасть на него. Мне известно, что сообщения о готовящейся агрессии направлялись в Москву по разным каналам. Об этом сообщали советские дипломаты и многие друзья Советского Союза, об этом за несколько месяцев до начала войны на Восточном фронте сообщали в Москву и мы. В чем же дело? Почему открытое нападение вермахта оказалось для Советского Союза неожиданностью?

Мне было трудно ответить на этот столь остро поставленный вопрос. Я сам себе неоднократно задавал его. Ведь я не мог забыть о том, что еще в 1940 г., после возвращения в Брюссель из Швейцарии, где у меня состоялась встреча с нашим резидентом Дора, Шандором Радо, по его поручению я лично сообщал в «Центр» о том, что в дипломатических кругах, близких к Лиге Наций, усиленно поговаривали об активности, развернутой Гитлером, к новому походу на Восток. Ведь уже тогда Дора просил меня сообщить, что в горах замечена подготовка лыжников, несомненно, для того, чтобы они успешно могли действовать в зимних условиях на территории Советского Союза. Все это я докладывал письменно через Большакова «Центру» еще до начала фашистской агрессии на Западе, в том числе и против Бельгии.

Говорить обо всем этом, о моих сомнениях другу, рискующему здесь, в центре Германии, своей жизнью, жизнью жены и многих других участников антифашистской борьбы, другу, смотрящему на Советский Союз как на силу, способную спасти человечество от всеобщей гибели, мне просто не хотелось, больше того, было нельзя. Пришлось кратко изложить те мысли, которые у меня самого возникали при обдумывании многих вопросов, связанных с военными действиями на Востоке. Вот коротко, что я счел возможным сказать: «Советский Союз никогда не нарушал своих договорных обязательств, и это тем более в таком ответственном деле, как в вопросе мира и войны. Не забудьте, что Владимир Ильич Ленин в одном из первых декретов, подготовленных им для молодого, первого государства рабочих и крестьян, провозгласил мирную политику, борьбу за мир. Я думаю, что имеющиеся у вас книги, в том числе сочинения В. И. Ленина, дал и вам возможность изучить

детально этот вопрос.

Подумайте и над другим. Вы не будете отрицать того, что именно Гитлер осмелился вскоре после прихода к власти выступить конкретно против Версальского договора, решившись на ремилитаризацию Германии только потому, что он чувствовал, что империалистические государства стремятся сохранить Германию как санитарный кордон против коммунизма. Доказательством этого является то, что они принесли вопреки, возможно, своим собственным интересам в жертву Испанию, а затем Австрию, Чехословакию и Польшу. Все это было предпринято только для того, чтобы направить гитлеровские армии на Восток, против Советского Союза. Даже в период "сидячей войны", Гитлер не терял надежды заключить с Западом мир. Он знал, что своим походом на Восток заслужит себе прощение за небольшую "шутку", за желание припугнуть Великобританию и Францию. Разве не твердая вера в то, что нацистам удастся заключить мир с этими странами, оправдывает решение Гитлера подвергнуть риску своего ближайшего друга Рудольфа Гесса?

Дорогие друзья, подумайте над тем, что было бы с войной, если бы Гитлеру удалось доказать, что в СССР проводится мобилизация, на границах скапливаются армейские части, что именно Германия первой становится жертвой коммунистической агрессии. Трудно, конечно, утверждать, но можно предположить почти с полной уверенностью, что, возможно, вместо антигитлеровской коалиции возникла бы антисоветская коалиция. Не следует забывать, что сейчас в антигитлеровской коалиции на стороне Советского Союза выступают империалистические державы, то есть те державы, которые начиная с 1917 года натравливали на него Германию, а со времени прихода к власти Гитлера усилили свою политику возрождения мощной в военном отношении Германии и поощрения его планов агрессивных действий на Востоке. Не исключена, таким образом, возможность того, что при концентрации наших войск на границе Гитлеру удалось бы доказать агрессивность Сталина, а следовательно, и необходимость создания объединенных сил стран Запада в намечаемой им агрессии».

Либертас внимательно смотрела на Харро, видимо, наблюдала его реакцию на мои слова. Харро же, дослушав, тут же сказал: «Вы правы, все могло быть совершенно в другом свете. Мы тоже, тщательно анализируя весь ход событий, приходили к заключению, что Гитлер не терял надежды, что к его высказываниям, в том числе и в книге "Майн кампф", и к проводимой пропаганде отнесутся на Западе с доверием. Это значит, что ему поверят, будто именно Сталин хочет завоевать всю Европу, а затем и весь мир, а он, Гитлер, принимает все меры к тому, чтобы не допустить претворения в жизнь этих коммунистических планов. Он рассчитывал на то, что на его сторону встанут многие государства Запада, а это должно было привести к созданию антисоветской коалиции. Однако сейчас все взоры обращены на Советский Союз, на его народ, решительно вставший на защиту своей Родины и свободы, народ, героически сопротивляющийся агрессивным силам фашизма, которые с такой легкостью завоевали почти всю Европу. Веру в могущество Советского Союза сейчас выражают многие народы. Что касается нас, немецких антифашистов, то мы считаем, что, начав агрессию против Советского Союза, Гитлер сам себе подписал смертный приговор».

«Мы – немецкие антифашисты», – сказал Харро. Всего несколько слов, а какой за ними скрывался подвиг. Из весьма скромного рассказа Харро мне стало многое известно, многое понятно. Я узнал, что группа, руководимая Харро и Арвидом Харнаком, насчитывает значительное количество людей, представляющих весьма различные слои общества. Можно было понять, что в этой организации объединились рабочие, коммунисты, беспартийные, офицеры гитлеровских вооруженных сил, работники различных министерств и правительственных учреждений, деятели культуры и искусства, науки.

Уместно было бы задать вопрос: что послужило основой для объединения немецких антифашистов, существовавших еще задолго до начала Второй мировой войны и в особенности активизировавшихся на протяжении всех военных действий, предпринимавшихся Гитлером?

В итоге нашего уже несколько затянувшегося разговора можно было бы сделать

следующие выводы, объясняющие создание этих объединений:

желание препятствовать Гитлеру и его сподвижникам в проведении их бесчеловечной захватнической политики, направленной на возврат к инквизиции, а ведь к этому толкали Германию коричневые банды;

стремление в Германии действовать совместно с антифашистами поработанных и захваченных гитлеровцами Испании и Австрии, Чехословакии и Польши, Бельгии и Нидерландов, Люксембурга, Норвегии и Дании, Франции в их борьбе за мир и дружбу народов;

желанием у себя на родине помогать всем, на кого обрушились преследования гитлеровских ищеек, гестаповцев, эсэсовцев, их мало интересовало, кто является этими жертвами – арийцы или евреи, они не верили в расовые теории Гитлера и Гимmlера и Нюрнбергские законы; они помогали чем только могли французам, полякам, чехословакам, датчанам, советским военнопленным и угнанным в Германию на каторжные работы из Советского Союза, Франции, Бельгии и других стран; они помогали английским летчикам, сбитым над Германией;

стремление нести честную пропаганду в немецкий народ, опровергающую фашистскую клевету и пропаганду, а для этого они печатали свои листовки и делали надписи на стенах, сочиняли памфлеты и разъясняли преступную политику Гитлера;

желание своим самоотверженным трудом приумножить ряды антифашистского движения.

Харро рассказывал о деятельности своей организации, и в каждом слове чувствовалось, что

он, его жена Либертас, друзья находятся на передовой великой битвы, развернувшейся на всей территории Европы, антифашистской битвы за мир и счастье народов.

Нет, ни Харро Шульце-Бойзен, ни Арвид Харнак, ни все разделяющие их идеи, ведущие антифашистскую борьбу, не продавали свою родину, не изменяли ей, не теряли свою честь, но хотели, чтобы те секреты гитлеровского командования, которые могли принести неисчислимые человеческие жертвы, разрушить созданные веками всенародные ценности, с целью все это предотвратить попали в руки тех, против кого намечались смертоносные удары.

Видимо понимая, что время на нашу встречу весьма ограничено, после того как мы выпили кофе, Либертас под предлогом, что ей надо заняться хозяйством, оставила меня с Харро наедине.

Оставшись вдвоем, я уже вполне открыто сообщил ему, что имел задание установить контакт с двумя параллельными резидентурами в Берлине, чтобы восстановить их прерванную связь с Москвой. К сожалению, резидента одной из них в Берлине не оказалось. Я не успел еще продолжить свою мысль, как Харро меня перебил. Он сообщил, что ему уже известно, что я встретился с радистом, предназначавшимся для этой резидентуры, передал ему программу радиосвязи и основательно обучил работе с кодом для шифрования радиограмм. Меня эта осведомленность несколько удивила, но он тут же указал на то, что их группа некоторое время тому назад установила связь с Куртом Шульце. Касаясь резидентуры Шульце Бойзена – Харнака, я сказал, что в полученном мною задании приводились три адреса трех названных по фамилии членов таковой. Помимо его фамилии, указывались еще Адам Кукхоф и Арвид Харнак. Я подчеркнул, что с двумя последними я не считал нужным устанавливать связь, так как сразу же, при первой попытке связался по телефону с Либертас, через нее обусловил встречу с ним, Харро. Харро считал мое решение правильным и просил передать в Москву, что Адам Кукхоф и Арвид Харнак продолжают нормальную жизнь и активно работают в резидентуре. Это имеет особое значение, так как у обоих обширные связи и оба приносят большую пользу. Харнак продолжает работать в министерстве и занимает одну из ведущих должностей. Что же касается самого Харро, то он просил передать, что продолжает нести службу в аппарате Геринга, а поэтому имеет доступ к весьма важным секретным материалам.

Должен указать на то, что, получив задание «Центра», я никогда не сомневался, что и не следовало приводить в радиограмме каких-либо данных о каждом из перечисленных лиц. Конечно, я не пугался возможности расшифровки радиограмм – знал, что шифр не поддается расшифровке. Я всегда считал, что текст должен быть по возможности наиболее коротким.

Харро был очень доволен тем, что я ему передал программу прямой радиосвязи с Москвой. Из разговора с ним я мог понять, что шифровальный код у них имеется и они умеют им пользоваться. Во всяком случае, этого вопроса он не коснулся, а «Центр», давая мне задание на поездку в Берлин, тоже поручал передать шифровальный код только Альте.

Из моих встреч с Куртом Шульце и Харро Шульце-Бойзенем я мог понять, что они ждали приезда представителя из Москвы, но что прибудет представитель из Бельгии и когда именно – не знали. Я был убежден, что у них никакой связи с Москвой после начала агрессии Германии против Советского Союза не было. Кстати, это можно прочитать и в нашей прессе. В то же время в некоторых публикациях за рубежом прямо указывается, что Берлин был предупрежден о моем прибытии. Так, например, даже Грета Кукхоф, жена писателя Адама Кукхофа, в своей публикации «Опасность ходила за каждым» прямо указывает, что ждут приезда в Берлин представителя из Брюсселя, которому сообщены три адреса (в сокращении публикуется в сборнике «Наши жертвы были не напрасны». М.: Политиздат, 1988. Т. 2. С. 142; полная публикация под заглавием «Воспоминания участницы движения Сопротивления» помещена в журнале «Новая и новейшая история». 1977. № 3. с. 89).

Оставшись вдвоем, мы еще обменялись рядом вопросов, и каждый из нас пытался дать на них необходимые ответы. Однако основным, самым главным в нашей беседе явилось то, что мне была сообщена для передачи «Центру» информация, содержащая весьма важные разведывательные данные.

Перед тем как записать, понимая важность наиболее точного доклада по всем затронутым вопросам «Центру», я принял решение сделать это с помощью симпатических чернил, рецепт которых был рекомендован «Центром». И вот я вместе с Хоро очень быстро приготовил эти чернила. Запись, сделанная ими, становится четкой, хорошо видимой только после тщательного нагревания, иногда даже с помощью утюга, или смачивания тоже заранее приготовленным химическим составом. Я носил с собой в обычной коробочке из-под капсул с порошком от головной боли одну или две особые капсулы, в которые насыпал порошок для изготовления указанных чернил и затем запаивал в капсулу. Я всегда имел с собой специально купленную «вечную» ручку со стеклянным пером. Она была очень удобна для пользования симпатическими чернилами и промывки после использования.

Итак, я был готов внимательно слушать все, что Хоро считал нужным передать в «Центр», делая соответствующие записи в моем блокноте. Должен немного отвлечься и указать на довольно неприятную деталь. Записывая все услышанное, из предосторожности я несколько условно зашифровывал текст. И вот, вернувшись в Брюссель, собираясь подготовить радиограмму в «Центр», взяв в руки блокнот, к моему ужасу, обнаружил, что записи, сделанные этими бесцветными чернилами, видимо под влиянием тепла в вагоне, а быть может, и в гостинице, проявились. Я невольно подумал о том, что могло бы случиться, если бы на границе таможенники или пограничники, проявив большую бдительность, обратили внимание на этот блокнот и перелистали его страницы. К счастью, этого не произошло. Правда, это обязало меня задуматься над дальнейшим использованием симпатических чернил и возможностью приобретения более качественных.

Часть из данных, несмотря на столь давний срок, попытаюсь восстановить и привести ниже.

Приводились точные данные о потерях немецкой авиации в первые месяцы после начала гитлеровской агрессии против Советского Союза, о затруднениях немецкого командования в связи с заменой сбитых самолетов новыми. Имелись данные и о количестве боевых самолетов германской авиации к началу войны против Советского Союза и о их месячном производстве.

О раскрытии захваченного немцами Петсамо, дипломатического кода, применяемого посольствами и консульствами Советского Союза, находящимися за рубежом. При этом подчеркивалось, что умение пользоваться существующими кодами всеми признано непревзойденным, а они никем практически к этому времени не подвергались расшифровке.

Агентам Канариса в Лиссабоне удалось завербовать руководителя разведки (БСРА) комитета, возглавляемого в Лондоне Шарлем де Голлем, Пасси.

Германия испытывает значительные трудности в обеспечении горючим боевой авиации, мотомехчастей, танков и автотранспорта.

Особо важным, с моей точки зрения, было сообщение о том, что Гитлер и его командование решили изменить ранее принятый план весенних военных действий на 1942 г. против Советского Союза. По новому плану основной удар немецких армий должен быть сосредоточен не на Москве, как это планировалось ранее, а в направлении Кавказа с целью захвата Майкопа. Были предусмотрены и военные действия близ Кавказа и ведущих к нему районов. Ставилась цель уничтожения Советской армии западнее Дона, чтобы захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти через Кавказский хребет.

Сообщение о местонахождении ставки верховного главнокомандующего вермахта.

Только документально, по архивным материалам Главразведупра Генерального штаба Советской армии можно точно установить все вопросы, входившие в переданную через меня в «Центр» информацию, собранную Харро Шульце-Бойзенем и его товарищами. Сейчас я хочу подчеркнуть, что все эти сведения я передал в «Центр» сразу же после моего возвращения в Брюссель, но не позднее первой декады ноября 1941 г.

Степень важности всех этих сообщений должна быть доказана документально. Во всяком случае важность сообщения о планируемом наступлении весной 1942 г. на Кавказ доказуема хотя бы тем, что, как мне стало известно из печати, директива Гитлера главному командованию сухопутных сил о подготовке операции против Кавказа была подписана и издана 11 ноября 1941 г., то есть после того, как Хоро сообщил об этом мне, а я доложил «Центру».

Считаю особо важным подчеркнуть, что на основе многих публикаций в печати я узнал, что о директиве Гитлера впервые было сообщено начальником Генерального штаба сухопутных сил начальникам штабов соединений Южного фронта только 13 ноября 1941 г., подробные указания были даны только 5 апреля 1942 г. в директиве № 41 Главнокомандующего вооруженными силами о летнем наступлении группы армий Юг.

Жизнь показала, что эта информация была правильной и весьма значимой. Именно ей за рубежом продолжают уделять значительное внимание.

Я позволю себе сослаться даже на весьма спорную по своей правдивости книгу французского писателя Жиль Перро. Он пишет, что «12 ноября 1941 года, время поможет тому, чему не помогло расстояние, и радиограмма из Брюсселя не затеряется в корзине какого-нибудь полевого штаба, а войдет в историю» (Жиль Перро. Красная капелла. М.: ДЭМ, 1990. С. 59). Приводится текст моей радиограммы от имени Хоро, извещающей о готовящемся наступлении на Кавказ. Подлинность содержания у меня несколько вызывает сомнение. Мне неизвестно, откуда Жиль Перро получил приводимую телеграмму. Важно то, что он подтверждает, что она была направлена в начале ноября 1941 г.

Меня крайне удивило, что в «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.» (М.: Воениздат МО СССР, 1975. С. 112) указывается: «23 марта 1942 г. органы госбезопасности сообщили в Государственный комитет обороны: "Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти..."»

Эта версия повторялась неоднократно и в прессе. Читатель легко сможет понять мое состояние после прочтения того, что о готовящемся наступлении на Кавказ «чекистам удалось узнать только в марте 1942 года». В чьих интересах роль сообщения Хоро умалчивалась?

Предупреждение Хоро о том, что Канарису удалось завербовать Пасси, имело значение не только для советской разведки, но и для Комитета свободной Франции, для французского движения Сопротивления. Могло появиться сомнение, заключающееся в том, что разведанные, получаемые от французских разведчиков и бойцов движения Сопротивления в Лондоне, могут стать достоянием немецких спецслужб. Это я учитывал тоже в своей разведывательной деятельности вплоть до возвращения 7 июня 1945 г. в Москву.

Мне пришлось услышать от Хоро много не только интересных, но и весьма ценных данных. В том числе представилось значимым и то, что он совершенно невзначай подтвердил, что Германия в военных целях широко использует военную промышленность не только всех своих сателлитов, но и оккупированных ею стран.

В процессе беседы с Хоро мне становилось все более понятным, почему «Центр» придавал такое большое значение группе антифашистов, возглавляемой Харро Шульце-Бойзенем и Арвидом Харнаком.

Сейчас память не позволяет восстановить все, что Хоро сообщал мне, в том числе и о месте нахождения ставок Гитлера и Геринга, о подготовке нового артиллерийского оружия, новых боевых самолетов, о подготовке химической войны против Советского Союза и многое-многое другое.

Ранее я встречался с различными разведчиками, с людьми, передававшими мне информационные и разведывательные данные, со своими агентами с помощью моих связистов. Это тоже были люди, которые хотели действительно помочь союзникам, иногда и даже непосредственно Советскому Союзу. Некоторые из них даже не спрашивали, кому передают сведения, догадываясь, что все это попадает в руки какой-то разведки, они делали это потому, что хотели освобождения Бельгии и Нидерландов, Франции. Причиной, толкавшей их к этим действиям, являлось и то, что одно время лондонский Комитет свободной Франции и руководители различных групп движения Сопротивления видели перед собой основную задачу – передачу разведывательных данных в Лондон. Думаю, что собранные мною в свое время сведения позволяют даже предположить, что правительство Великобритании и Комитет свободной Франции призывали временно воздерживаться от активных вооруженных, террористических действий против оккупантов, ограничивая свою задачу только сбором разведывательных данных.

В Берлине я увидел совершенно других людей. Многие из них занимали солидное положение, были материально вполне обеспеченными. У них было, безусловно, все впереди, а они рисковали всем, своей жизнью, и никто из них никогда не просил о какой-либо помощи со стороны советских разведывательных служб и ни о чем другом.

Уже было довольно поздно. Мы старались говорить коротко, но четко. Неожиданно Харро, немного повернувшись в сторону двери, попросил Либертас вернуться и присоединиться к нам, так как их гость скоро должен был их покинуть. Либертас незамедлительно, как всегда улыбаясь, вошла в комнату и обратилась к нам с вопросом: «Успели посекретничать, пока я мыла посуду?» Она села за стол и предложила кофе, который успела уже приготовить.

На этом можно было и закончить, но появился еще весьма важный факт в нашем разговоре. Не называя имени, Харро упомянул, что им повезло и в том, что один их друг побывал в Советском Союзе, и не один раз. Это помогло многим из движения, возглавляемого Харро Шульце-Бойзенем и Арвидом Харнаком, лучше понять значение заключенного между Германией и СССР договора о ненападении, то есть то, кому он должен был в первую очередь служить.

Харро указал, что один из членов группы, получив еще в 1931 г. экономическое образование (я позволю себе привести правильную фамилию этого человека, которую я узнал значительно позже: это был Арвид Харнак), став сторонником так называемой гиссенской школы (позже я узнал, что это было направление, представленное профессором Фридрихом Ленцем, которое заключалось в «принципе всеобщего планирования в хозяйстве без эксплуатации», то есть представленное в виде советских пятилетних планов), был

участником создания «Общества по изучению советского планового хозяйства» («Арплан»). Вот именно 23 члена этого общества (экономисты и инженеры), в том числе и Арвид Харнак, в августе 1932 г. совершили поездку по индустриальным центрам Советского Союза. Возможно, именно после этой поездки, как иногда встречается в прессе, Советская Россия явилась для Арвида Харнака путеводной звездой. Он становится убежденным сторонником мнения, что преодолеть экономический кризис в Германии можно только изученным их группой путем советского планового хозяйства.

В ноябре 1939 г. Арвид Харнак вновь посетил Советский Союз в составе правительственной делегации (уже гитлеровской Германии). В Москве эта делегация вела переговоры по вопросам, связанным с развертыванием внешней торговли между этими странами.

Вернувшись, Арвид Харнак утверждал, что в Москве гитлеровцам не верят. Именно поэтому, стремясь выиграть время, необходимое на подготовку к обороне страны, Советы добивались заключения с Германией договора о ненападении.

Видимо, именно на эту поездку Арвида Харнака в Советский Союз ссылался Харро в беседе со мной, утверждая, что договор о ненападении между Советским Союзом и Германией вызвал у многих антифашистов чувство облегчения. Они осознавали необходимость для Советской России выиграть время для дальнейшего мирного развития и укрепления своей обороноспособности. Говоря об этом, Харро, однако, подчеркнул, что его друзья отлично понимают, что договор не вечен и гарантирует мир между обоими государствами на ограниченное время. По его мнению, трудно было заранее предвидеть, как долго нацисты будут соблюдать договор.

Как бы заканчивая эту часть беседы, Харро подчеркивал, что все сказанное заставляет его товарищей внимательно следить за всеми действиями гитлеровского правительства, самого фюрера по подготовке и степени готовности агрессивных планов, направленных против Советского Союза.

Я еще вернусь не только к более подробному сообщению об Арвиде Харнаке, самом Шульце-Бойзене и других, связанных с ними антинацистах. Я постараюсь обобщить все, что узнал о них после моего ареста гестапо, после того, как мне удалось переманить на сторону советской разведки начальника зондеркоманды гестапо «Красная капелла» Х. Паннвица, а также в результате знакомства с рядом публикаций, и в первую очередь немецких и советских ученых.

Уже было поздно, но очень не хотелось расставаться с такими милыми и интересными людьми, как Либертас и Харро. Прощаясь с моими новыми друзьями, я крепко обнялся. Конечно, все мы желали новой встречи, но не могли надеяться, что это желание когда-либо сбудется. Расставаясь, обусловили возможность поддержания связи между Берлином и Брюсселем. Эта связь могла быть осуществлена с помощью почты или связиста. Сразу должен отметить, была ли налажена подобная связь, я никогда не узнал.

Несмотря на тяжелое расставание с Харро и Либертас, меня охватывало всепобеждающее чувство удовлетворения от своей поездки в Берлин и радости, что удалось выполнить в полном смысле задание «Центра».

Харро собрался проводить меня. Еще раз попрощавшись с Либертас, я в сопровождении Харро Шульце-Бойзена покинул гостеприимную квартиру. Дойдя до станции метро, мы еще немного постояли в стороне и, крепко пожав друг другу руки, по-дружески распрощались. Ни Харро, ни я не могли даже предположить, что судьбе будет угодно, чтобы мы еще раз встретились при весьма печальных обстоятельствах.

На пути следования и по возвращении в гостиницу меня буквально обуревали различные, подчас весьма сложные мысли. Я долго не мог заснуть. Не удавалось и после того, как я принял ароматную ванну и выкурил, сидя в кресле, не одну сигару.

У меня оставался только один день до отъезда из Германии. Предстояло вновь посетить «Дойче Банк». На этот раз я был принят самим директором в присутствии его заместителя, получил письменное согласие на сотрудничество с нашей фирмой – при необходимости

осуществлять банковские операции, не исключая для нас возможности даже предоставления кредита. Было совершенно понятно, что до этого дело вряд ли дойдет. Для меня было важно, чтобы на бланке банка стояла дата, соответствующая дню моего отъезда из Берлина, то есть был бы документ, объясняющий целесообразность моего пребывания в столице Германии.

В тот же день я покинул Берлин. Конечно, я не смог сообщить в Брюссель точное время моего отъезда и, следовательно, рассчитывать на то, что меня будут встречать. Однако Blondinka и

Шоколадный директор запомнили оформленный мною в «Митропа» план поездки и знали, что я должен прибыть поездом из Германии в предусмотренный составленным расписанием день. Они решили меня встретить на вокзале и вместе направиться на нашу виллу.

Дома было все готово, накрыт стол, чтобы мы вместе могли утолить «голод». За столом я рассказывал о моих впечатлениях от поездки в Прагу и Берлин, об остановке в Нюрнберге, о деловых визитах и успехах. Конечно, о разведывательной цели моей поездки никто не знал, и я не собирался посвящать их в эти вопросы.

Шоколадный директор сообщил мне о полученных «Симекеко» новых заказах и о ходе выполнения принятых еще до моего отъезда.

Blondinka сказала, что Жильбер несколько задерживается со своим приездом в Брюссель и прибудет через пару дней.

После того как я вручил Шоколадному директору сувениры, привезенные мною из Нюрнберга, Праги и Берлина для жены, детей и его самого, мы расстались до моего появления на следующий день в конторе.

Уединившись, я принял ванну и сразу же стал готовить шифровки для передачи в «Центр» отчета о моей поездке и выполнения задания. Мне было особо важно передать всю полученную от Хоро разведывательную информацию.

Крепкий кофе и многочисленные выкуриваемые мною трубки с нидерландским, тоже крепким и ароматным, табаком помогли допоздна работать над шифровкой радиограмм. Конечно, в первый вечер, а вернее, в первую ночь всю намеченную работу я не сумел закончить, а продолжил в последующие ночи.

На следующий день я передал первую партию шифровок радисту Хемницу для немедленного их направления по нашей рации в «Центр».

Через несколько дней после возвращения в Брюссель все шифровки в «Центр» с отчетом о моей поездке в Чехословакию и Германию, о конкретном выполнении задания, а самое главное, с передаваемой по поручению Хоро информацией переданы были Хемницей.

Получение «Центром» шифровок было с необычной поспешностью подтверждено. Признаюсь, тогда полученная мною из «Центра» шифровка меня крайне взволновала. В ней прямо указывалось, что полученная от меня информация доведена до «Главного хозяина». Под понятием «Главный хозяин» нам был известен Главнокомандующий вооруженными силами, Председатель ГКО И.В. Сталин. От его имени мне объявлялась благодарность за выполнение задания и полученную информацию и сообщалось, что я представлен к правительственной награде.

Когда я получил из «Центра» указанную шифровку, подписанную Директором, то есть начальником Главразведупра, меня охватило какое-то необъяснимое чувство, я бы сказал – чувство растерянности. Я был совершенно уверен в том, что за столь важную переданную мною разведывательную информацию заслуживает благодарности Хоро, а не я, а за быструю и своевременную передачу шифровок благодарности заслуживают мои работники, в том числе и Хемниц, хотя я и не всегда положительно оценивал его поведение и работу.

Кроме того, я был совершенно убежден, что, если бы Шоколадный директор и другие сотрудники «Симекеко» не вложили значительный труд в создание и развитие нашей «крыши», в ее деловую жизнь, мне одному со всеми трудностями, стоявшими на пути, было бы не справиться. А если бы этой «крыши» не было, то и моя поездка в Чехословакию и Германию, скорее всего, не состоялась. А разве в общем деле нашей резидентуры не было

значительных заслуг Блондинки, которая действительно внесла решающий вклад в установление моих не только деловых, но и «дружеских» отношений с работниками немецкой интендантуры в Брюсселе через свою родственницу фрейлейн Аман, а также с фирмами Беранека в Праге и Людвиг Махера в Германии.

Исходя из этого, в ответной шифровке я выразил свою благодарность за полученную радиограмму Директора, но указал, что заслуга в том, что послужило основанием для нее, принадлежит далеко не только мне. Я считаю, что был, безусловно, прав, отвечая так на полученную благодарность.

Действительно, я не мог приписывать только себе все заслуги в работе нашей резидентуры. Меня очень радовало и то, что мы не допускали никакой дезинформации, обманов, умышленных ошибок, опрометчивых решений. Говоря так, я не могу, забегая вперед, не подчеркнуть особо, что в это время я не знал о допускаемых нарушениях правил конспирации, в частности со стороны Хемница. Мне казалось, что он принял во внимание те разговоры и замечания, о которых я уже говорил раньше. Подлинное его лицо я видел значительно позже.

Мы все, вся наша страна переживали тяжелый период в нашей истории, шла ожесточенная война, решался вопрос, быть или не быть Советскому Союзу. Советские люди всех национальностей, подчас рискуя жизнью, истекая кровью, вставали на защиту своей Родины. Росли ряды коммунистов. На фронтах и в тылу люди, осознавая тяжелое положение, в котором оказалась страна, искренне отвечая на призывы партии к новым боевым и трудовым подвигам, невзирая на возраст вступали добровольцами в армию, шли в партизанские отряды, становились к станкам, уходили в поле, чтобы в меру своих сил и возможностей, преодолевая болезни и страдания, голод, собрать по зернышку хлеб для армии, для народа. Люди, соответственно, всех возрастов вступали в пионерские боевые отряды, комсомольские и партийные, коммунистические организации. Обо всем этом я часто слышал от моих товарищей, которым удавалось слушать радиостанции Москвы.

К этому времени я еще был членом Ленинского комсомола, неоднократно избирался в руководящие органы различных комсомольских комитетов по месту работы или учебы. Несмотря на мой возраст, в Коммунистическую партию вступить еще не смог. После убийства С.М. Кирова долгое время прием в партию был прекращен. Затем этому препятствовали мое нахождение в Испании в числе советских добровольцев – участников национально-революционной войны, весьма короткое пребывание в Москве, где я даже не состоял на учете в комсомольской организации, а билет находился в ГРУ, а затем мое пребывание вдали от Родины на разведывательной работе.

Учитывая все это, считая, что верно выполняю долг коммуниста, я решил направить в «Центр» еще одну шифровку. В этой шифровке я просил о моем приеме в ряды Коммунистической партии. Вскоре я получил ответ. Мне сообщили, что вопрос о моем приеме в партию будет решен после возвращения на Родину. Признаюсь, меня это огорчило. Я ведь тоже, как многие мои соотечественники, повседневно рисковал своей жизнью, и мне искренне хотелось, если будет суждено умереть во имя моей Родины на не совсем обычном участке работы, уйти из жизни с сознанием того, что я умираю коммунистом.

Невзирая на все, работа нашей резидентуры продолжалась. Все больше и больше требовалось времени и затрачиваемых сил на успешное выполнение обязанностей президента акционерного общества, директора-распорядителя «Симекско», расширялась и моя работа резидента.

Высокая оценка полученной через меня разведывательной информации от Хоро придавала силы и воодушевляла на дальнейшее выполнение того, что было связано с оказанным мне доверием при назначении резидентом нашей разведки в Бельгии.

Я не могу на этом закончить рассказ о моей встрече с Либертас и Харро Шульце-Бойзенем, с Куртом Шульце. Я еще буду вынужден вернуться к берлинской резидентуре, но уже сейчас я хочу моим читателям дать возможность ознакомиться с собранными мною в течение многих лет материалами, касающимися биографии и

характеристики некоторых членов антифашистского подполья, возглавляемого Харро Шульце-Бойзенем и Арвидом Харнаком, ставшего общеизвестным во всем мире гестапо с подачи наименованием «Красная капелла».

Хочу предупредить, однако, что полностью данные обо всех качествах немецких патриотов мне, конечно, собрать не удалось.

Харро Шульце-Бойзен родился 2 сентября 1909 г. в городе Киле. Отец Эрих Шульце – морской офицер. В ряде публикаций говорится, что он дослужился в военно-морском флоте гитлеровской Германии до звания капитана 1 ранга и в годы Второй мировой войны нес службу в штабе военно-морских сил Германии в Нидерландах. Мать Мария Луиза, урожденная Бойзен, племянница гросс-адмирала кайзеровского флота с 1911 г. Альфреда фон Тирпица, одного из основателей германского военно-морского флота.

Изучая биографию Харро, я невольно вынужден был соглашаться с некоторыми выводами, изложенными в различных публикациях. Ряд авторов подчеркивали, что Харро принадлежал к социальному слою, далекому от борьбы с нацизмом. Семья родителей была с твердыми понятиями о традициях германского офицерства, и в ней даже господствовали неонационалистические консервативные взгляды. Больше того, Мария Луиза, мать Харро, в свое время была увлечена «националистической романтикой», нацистской демагогией и вступила в гитлеровскую партию еще задолго до прихода фашистов, именующих себя национал-социалистами, к власти.

Все это меня не удивляло, так как, ознакомившись только с некоторыми данными о гросс-адмирале Тирпице, я смог осознать многое из того, что происходило в семье родителей Харро. Вот некоторые данные из биографии Тирпица. Родился в 1849 г. (умер в 1930 г.). Много лет был видным германским военным и политическим деятелем. Выходец из буржуазной среды, в возрасте 16 лет (с 1865 г.) служил в военно-морском флоте Пруссии, а с 1871 г. – Германской империи. С 1892 по 1895 гг. являлся начальником штаба главного командования германского флота, а в 1896 г. командовал германской крейсерской эскадрой в Восточной Азии, где создал военно-морскую базу на китайском острове Циндао. 1897–1916 гг. – статс-секретарь военно-морского ведомства, играл весьма значительную роль в определении политического курса кайзеровской Германии, выражал стремление крайних империалистических кругов, ставящих перед собой задачу передела мира в пользу Германии. Тирпиц предвидел войну Германии против Франции и России, стремился к созданию мощного военно-морского флота в целях исключения возможности вступления Великобритании в войну против Германии. Еще не закончилась Первая мировая война, как вынужденный 15 марта 1916 г. уйти в отставку Тирпиц уже осенью 1917 г. явился одним из основателей ультрареакционной аннексионистской Немецкой отечественной партии. Веймарская республика позволила занимающему реваншистские позиции Тирпицу в 1924–1928 гг. быть депутатом от Немецкой национальной партии рейхстага.

Трудно представить, какую позицию мог бы занять реваншист Тирпиц при Гитлере. Одно ясно, что морской офицер гитлеровской Германии Эрих Шульце и член нацистской партии Мария Луиза, видимо, во многом придерживались его позиций и хотели бы в этом направлении воспитать и своего сына, Харро.

Рано, еще в 1923 г., четырнадцатилетний Харро, ученик реальной гимназии в Дуйсбурге, болезненно переживая оккупацию Рура французскими войсками, принял участие в подпольной борьбе буржуазной молодежной организации против оккупантов. Обнаружив его участие в этой борьбе, французы даже ненадолго арестовали. С этого времени у Харро укреплялось все с большей силой чувство патриотизма, любовь к своему, немецкому, народу.

Надо отметить, что до этих событий Харро, которому едва исполнилось 9 лет, был свидетелем восстания военных моряков, в том числе и находившихся в подчинении у его отца. При этом во время подавления восстания было арестовано 600 матросов. «Эти события часто и подробно обсуждались в семье. Националистические, консервативные взгляды близких не только не оказывали влияния на юного Харро, но, наоборот, вызывали в нем пока

еще не осознанный протест и желание действовать и бороться» (А.С. Бланк. В сердце «Третьего рейха». М.: Мысль, 1974. с. 34 –35).

Возможно, именно эти два события побудили Харро после окончания учебы в гимназии примкнуть к правой националистической организации, известной под названием «Младогерманский орден». Ее возглавлял Артур Мараун. Эта организация объявляла о своей верности Веймарской республике. В ней Харро оставался недолго.

Во Фрайбурге Харро начал изучать право, но прервал свои занятия и выехал в Швецию и Англию, где интересовался социально-экономическими вопросами (Воспрянет род людской. М.: Иностранная литература, 1961. с. 530).

В его жизни не могли остаться незамеченными события, которые имели место в Берлине. Харро переехал в Берлин в 1930 г. Здесь его жизнь началась в пролетарском районе Веддинге, что позволило ему ближе познакомиться с жизнью рабочих. Он узнал, что именно в этом районе в марте 1929 г. представители 18 стран в количестве 314 делегатов выразили протест против разгула фашистской реакции и террора, проявившего себя в Болгарии, Венгрии, Италии и других странах. Это был Международный антифашистский конгресс.

Примерно за год до того, как Харро приехал в Берлин, в начале мая 1929 г. улицы Веддинга, революционного района, увидели баррикады, воздвигнутые революционными рабочими. Кровавопролитные бои сохранились в памяти народа. Кстати, именно в этом районе летом 1929 г. состоялся последний, XII легальный съезд Коммунистической партии Германии.

Еще во время своей учебы в Берлинском университете Харро проявлял все больший и больший интерес к политическим вопросам, к изучению истории и социальных проблем. Уже в 1930 г. ему пришлось принять участие в борьбе с гитлеровцами, так как нацистские студенты попытались организовать погром, в результате которого было ранено 3 студента-коммуниста и 4 социалиста.

На укрепление антифашистских взглядов Харро оказывало влияние многое. Из различных публикаций я мог понять, что он был воспитан на принципах гуманизма. С юношеских лет идеалы свободы, незыблемости демократических прав личности имели для него большую ценность. Прав да, в некоторых прочитанных мною материалах отмечается, что первоначально эти понятия у него были в весьма неопределенной и расплывчатой форме. Во всяком случае разгул нацистского бандитизма не мог не вызвать у Харро омерзения и открытого протеста.

Осенью 1931 г. начал выходить еженедельник «Факел», издаваемый группой социалистов, переименованный в начале 1932 г. в «Боевой сигнал». Журнал занял позицию, направленную против фашистской реакции в области культуры и идеологии, и, вполне естественно, вызвал у Харро большой интерес.

Внимание многих настроенных против нацизма немцев привлекала получившая массовое распространение уже в 1933 г., написанная Гитлером еще в 1924 г., как уже я указывал, книга «Майн кампф». Внимание Харро особенно привлекли те места, где уже вполне открыто говорилось о взглядах будущего фюрера на роль Германии в мире. Мог ли он оставить без внимания такие высказывания в книге: «Перед Германией, как перед Первой мировой войной, так и теперь, стоит альтернатива: либо расшириться, либо погибнуть». Уже ни для кого не было секретом и то, что Гитлер заявлял, что политика Германии, именно «территориальная политика» должна заключаться в присоединении к ней новых территорий, а это, как он видел, должно осуществляться в первую очередь, «за счет России».

Имея желание разобраться во всем, что происходило в годы, предшествовавшие захвату нацистами власти в Германии, Харро присматривался вскоре после опубликования Штрассером в конце 1929 г. манифеста «14 тезисов германской революции», являвшегося якобы выражением политики «левых» национал-социалистов, к этому движению. Убедившись в том, что манифест и проводимая «левыми» политика являются смесью демагогии и нелепости, он перестал интересоваться и этой организацией.

Гитлеровцы расширяли свою пропагандистскую деятельность. Появляется ряд газет и

журналов. Уже в 1930 г. начал выходить журнал под редакцией Гитлера и Розенберга «Национал социалистический ежемесячник». В 1932 г. начинает выходить фашистский политико-сатирический журнал «Крапива», затем газета «Рабочее сословие», а Геббельс издает свой журнал «Ангриф».

Стремясь активизировать антифашистскую борьбу, группа молодых антинацистов, студентов Берлинского университета, собирает средства и приступает к изданию своего журнала – «Противник» («Gegner»). Под общим названием журнала были помещены слова: «Журнал за новое единство». Просуществовал он недолго. Уже 3 марта 1933 г. эсэсовцы совершили налет на редакцию, и Шульце-Бойзен и его друзья, издатели журнала Генри Эрландер и Андриен Турель (швейцарец кий подданный), были схвачены.

Вполне естественно, нацисты видели в арестованных и брошенных в лагерь издателях своих врагов.

В прочитанной мною литературе часто указывается, что в октябре 1932 г. лейтмотивом политического обзора сдвоенного номера 5 и 6 журнала было «Фашизм стоит на пороге».

Посвятивший много усилий изучению исторической правды, касающейся деятельности антифашистской организации Шульце-Бойзена – Арвида Харнака, советский профессор, историк А.С. Бланк в своей книге «В сердце "Третьего рейха"» много внимания уделяет журналу «Противник» и роли, которая принадлежала лично Харро Шульце-Бойзену. В одном из номеров журнала Харро прямо пишет: «Будущее Европы – в союзе ее молодежи с пролетариатом всех стран и особенно Советского Союза». И для них не было вопроса, на чьей стороне они... «Призыв к защите Советского Союза, – писал Шульце-Бойзен, – будет пользоваться поддержкой всех революционных группировок, в том числе, и в первую очередь, немецкой прогрессивной молодежи» (с. 48-49).

Я лично мог убедиться во время моей встречи с Харро, даже знакомясь с собранными в его библиотеке книгами, насколько он интересовался жизнью в Советском Союзе, искусством и литературой его народа. Я с большим удовольствием прочитал в книге А.С. Бланка мысль, целиком и полностью подтверждающую мое мнение, сложившееся не только во время посещения Берлина и Лейпцига, но даже в результате некоторых бесед с немцами. А.С. Бланк прямо пишет: «В дружбе и сотрудничестве немецкого и советского народов видели авторы "Противника" залог надежного будущего своей страны... С Востоком, писал "Противник", имея в виду Советский Союз, немецких трудящихся сближает "родство душ"» (с. 48).

Из литературы послевоенных лет, в том числе и из исследований А.С. Бланка, я многое узнал о Харро Шульце-Бойзене – то, что не мог даже предположить при нашей встрече.

Я мог понять, что еще в 1933 г. именно сотрудничество в молодежном журнале «Противник», арест и пережитое в лагере привели его к прямому столкновению с фашизмом. Этому способствовало многое, в том числе нахождение его друзей в камере пыток. Он испытал на себе более ста ударов резиновой дубинкой по голому телу. Только благодаря тому, что Харро был с детства хорошо тренированным спортсменом, занимался парусным спортом и греблей, гимнастикой, был физически сильным человеком, он выжил. В то же время его друг и сотрудник по журналу «Противник» Генри Эрландер был подвергнут пыткам и избиению до смерти. К нему относились по-особому еще и потому, что он наполовину еврей, а это обусловило особо зверское избиение и суровые пытки.

Этот второй за его жизнь арест явился для него и школой по подготовке сильного борца против нацизма. В камере Харро находился с уже достаточно испытанными антифашистами. Его положение в тюрьме он описывал в письме, адресованном 4 марта родителям:

«Дорогие родители, только что провел день и ночь в тюрьме. Без всяких причин вместе с другими 55 арестованными я был загнан в темную, невыносимо натопленную камеру. В эти часы я познакомился с прекраснейшими людьми...»

И вновь я обращаюсь к книге А.С. Бланка «В сердце "Третьего рейха"». Привожу дословную цитату из этой книги: «Узнав об аресте Харро, в Берлин немедленно приехала его мать, пустила в ход все свои связи, заручилась поддержкой нескольких влиятельных лиц из

числа родственников и друзей мужа и, надев партийный значок, отправилась к эсэсовскому офицеру штандартенфюреру Хенце, в распоряжении которого был концлагерь, где находился Харро.

После долгих уговоров Хенце согласился освободить Шульце Бойзена: фрау Шульце Бойзен была "партийным ветераном", племянницей гросс-адмирала Тирпица, ее поддерживали влиятельные друзья. Да и кроме того, "партайгеноссин" Шульце твердо обещала, что ее сын отныне не будет заниматься "враждебной государству" деятельностью и уедет из Берлина.

Когда Харро привели, вид его был ужасен. "Бледный, как смерть, – вспоминала мать, – с черными кругами под глазами, волосы острижены садовыми ножницами, ни единой пуговицы на одежде. Он рассказал, как эсэсовцы зверски забили до смерти его друга Эрландера". Даже спустя более чем полгода на лице Харро еще оставались следы истязаний – красноватые, едва зарубцевавшиеся раны. Кожа была изрезана и рассечена, половина уха оторвана» (с. 52–53).

В третий раз в своей жизни он был арестован 30 апреля 1933 г. В данном случае причиной послужила написанная матерью Харро жалоба по его просьбе на б-й полк СС. Благодаря ее вмешательству он был вскоре освобожден.

Все это не уменьшило, а, наоборот, укрепило ненависть Харро к нацизму. Однако, получив очень хорошее гуманитарное образование, успев уже пройти школу борьбы с фашизмом, он решил действовать более осмотрительно. В этом отношении ему помогло его происхождение из семьи потомственных военных: благодаря тому, что отец был офицером военно-морского флота, Харро поступил в летную школу в Варнемюнде. Как он потом вспоминал, учеба была омрачена тем, что в школе среди учащихся были в основном нацистски настроенные немцы, а его они принимали весьма недружелюбно. Плохо к нему относились и руководители школы, в результате чего он не смог сдать экзамен по высшему пилотажу. Это означало, что он никогда не сможет стать летчиком. Однако Харро стал унтер-офицером и попытался стать переводчиком в какой-либо летной части. К этому времени он уже изучил в достаточной степени французский, английский, шведский, датский языки, язык, распространенный в Нидерландах, и изучал русский язык.

Почти через год после окончания училища Харро назначается переводчиком в одну из летных частей, которая размещалась в Шлезвиге.

Постепенно он убеждался, что Гитлер делает все для того, чтобы подготовить Германию к развязыванию Второй мировой войны.

Он жил уединенно, оторванный от друзей, на заброшенном островке, где был расположен гарнизон, в котором нес службу. И вот летом 1935 г. Харро принимает участие в соревнованиях по парусному спорту. На этих соревнованиях он знакомится с Либертас Хаас-Хейе. Она родилась в Париже 20 ноября 1913 г. По материнской линии – внучка графа Ойленбург унд Хертефельда, кайзеровского вельможи. Мать – графиня Тора. Либертас провела беззаботное детство в имении отца Либенберг. Отец Либертас, профессор Вильгельм Хаас-Хейе, заведовал школой прикладного искусства в Берлине на Принц-Альбрехтштрассе, 8, где потом размещалось Главное управление имперской безопасности и, в том числе, одно из управлений – гестапо.

Мать Либертас развелась с мужем, но значительную часть времени проживала в имении Либенберг. Рядом с этим имением находилось роскошное поместье Карин-Халло, принадлежащее Герингу.

Либертас получила отличное образование в Германии и Швейцарии, в Берлине сдала экзамен на аттестат зрелости. Некоторое время после этого жила в Англии. С 1933 по 1939 гг. работала ассистентом в берлинском филиале американской кинокомпании «Метро-Голдвин-Майер».

Описывая мою встречу с ней в Берлине в 1941 г., я подчеркивал, что она произвела на меня очень положительное впечатление. В литературе иногда указывают на то, что Либертас была привлекательной блондинкой. Она была действительно красивой, а после того, как я

увидел ее у них дома, убедился еще и в том, что она обладала очень хорошей фигурой, безусловно, выглядела спортивной.

Есть ссылки при описании Либертас и на то, что матери Харро она казалась излишне роман гичной и незрелой. С моей точки зрения, это могло быть оправдано тем, что Либертас с молодости чувствовала себя актрисой.

Несмотря на особое мнение своей матери и даже на ее возражения, Харро увлекся и очень полюбил Либертас. Это привело к тому, что 26 июня 1936 г. Либертас и Харро поженились.

В жизни Харро его супружество с Либертас помимо чисто человеческих чувств, счастья семейной жизни принесло взаимопонимание в вопросах политических взглядов, что привело в дальнейшем к их совместному участию в борьбе против гитлеровской диктатуры и сыграло в его дальнейшей жизни непредсказуемую роль.

На брачной церемонии в качестве свидетеля со стороны Либертас присутствовал имперский министр авиации, а с 1935 г. главнокомандующий военно-воздушными силами Герман Геринг. Хочу сразу добавить, что он сотрудничал с Гитлером уже много лет. В Национал-социалистической (а по существу в фашистской партии) он состоял с 1922 г. Его участие в брачной церемонии не было случайным. Я уже указывал на то, что мать Либертас проживала в отцовском имении Либенберг, находящемся по соседству с богатейшим имением Геринга Карин-Халлом. Несмотря на свое значение в государстве, Геринг очень любил слушать пение своей соседки графини Тора и часто бывал ее гостем. Он очень хорошо относился и к дочери графини, молодой Либертас.

Либертас, став женой Харро, продолжала свою журналистскую деятельность и писала для эссенской газеты «Националь цайтунг». Я из бесед с Либертас знал, что она работает в ведомстве Геббельса и проводит и там полезную для антинацистов линию. Впоследствии я уточнил уже из различных источников, что она была референтом по вопросам искусства, краеведения и этнографии в Германском центре научно-популярных фильмов. Действительно, этот центр был подчинен имперскому министерству пропаганды. Если Либертас мне в разговоре намекала, что ей удастся кое-что полезное для их организации сделать по месту своей работы, то сейчас я могу уточнить, что действительно, «ссылаясь на якобы "постановочные трудности", она тормозила выпуск так называемых "национал-социалистических учебно-просветительных фильмов"» (А.С. Бланк. В сердце «Третьего рейха». с. 138).

В молодой семье возникал вопрос: как быть со службой Харро в гарнизоне в Шлезвиге?

Пришлось вмешаться графине Тора. Она решила прибегнуть к помощи своего соседа, обладающего непревзойденной властью в стране, Германа Геринга, и она не ошиблась. Харро Шульце-Бойзен оказался под покровительством этого высокопоставленного государственного деятеля гитлеровской Германии. Харро знал о предпринятых своей тещей шагах и надеялся, что с помощью Геринга перед ним откроется широкая дорога для продвижения по жизненному пути. Свой жизненный путь Харро уже давно наметил, конечной целью являлась безусловная борьба против фашизма, против агрессивной гитлеровской политики. Так, в письме своим родителям 15 сентября 1933 г. он прямо указывал: «У меня несколько неопределенное, но уверенное ощущение, что мы движемся навстречу европейской катастрофе гигантских масштабов».

Чувство тревоги за будущее не только Германии, но и за судьбу многих народов мира, в первую очередь Европы, укреплялось у Харро беспрестанно. Нужно отметить, что, к его счастью, жена Либертас тоже уже давно стала антифашисткой, полностью разделяла взгляды своего мужа и была готова поддержать любой шаг «неистового» Харро.

Безусловно, Харро не мог даже предположить в полном объеме, куда может привести ожидаемая помощь со стороны Геринга. Он не мог забывать, что уже дважды арестовывался гитлеровцами. У него не было сомнений, что после арестов 1933 г. на него, как на неблагонадежного человека, заведена специальная карточка в гестапо. Это предположение нашло подтверждение несколько лет спустя. Действительно, Харро Шульце-Бойзен был

известен тайной гитлеровской полиции именно с 1933 г. Уже с тех пор близких ему друзей считали членами настроенной «явно радикально-коммунистически» организации. На них было заведено полицейское досье.

Вопреки рождавшимся у Харро сомнениям в 1936 г., то есть вскоре после церемонии бракосочетания, Геринг проявил к молодой чете большое внимание. Он отдал приказ, подлежащий безоговорочному и немедленному исполнению и в то же время являвшийся исключительно положительной рекомендацией, о приеме на работу Харро Шульце-Бойзена в министерство гражданской авиации (РАМ) в качестве сотрудника группы заграничной прессы. Этому назначению способствовали полученное Харро отличное гуманитарное образование и знание иностранных языков.

Отданный Герингом приказ требовал немедленного исполнения, а это привело к тому, что никто не стал проверять степень благонадежности Харро и в этих целях обращаться в секретную картотеку гестапо, где он мог находиться на учете.

Получив назначение в РАМ, Харро оказался у дверей мозгового центра возглавляемого Герингом министерства. Чем занималась группа заграничной прессы РОА? Чисто формально сотрудники этой группы должны были следить за публикациями в иностранной прессе, сбором появляющейся в ней информации по вопросам гражданской авиации (!).

В действительности группа, в которую был направлен Харро, входила в состав ставшего известным пятого отдела Генерального штаба ВВС фашистской Германии. Стоящие перед этим отделом задачи во многом предопределяли дальнейшие возможности Харро. Этот отдел должен был собирать и обрабатывать встречаемую в иностранной печати информацию о воздушных силах зарубежных держав. Больше того, отдел должен был осуществлять постоянное наблюдение за военно-воздушными силами потенциальных противников Третьего рейха.

Начальство обратило внимание на прилежность референта, что предопределило то, что ему был доверен ряд дополнительных заданий. Так, например, капитан Эйхельбаум из отдела пресс-центра, фактически являвшегося отделом печати министерства, часто обращался к Харро Шульце-Бойзену, когда возникала необходимость составления обзора или написания статьи для «Ежегодника германских ВВС». Естественно, что для составления грамотного, соответствующего действительности материала автор Харро Шульце-Бойзен нуждался в ознакомлении и изучении различных подлинных материалов, а это предопределило его допуск ко многим секретным данным.

Совершенно справедливо в зарубежной и в нашей печати отмечается, что с приходом в министерство гражданской авиации Харро очутился в самой гуще военных приготовлений, проводимых в Германии. Это дало ему огромные возможности для извлечения значительной пользы для продолжения начатой еще в юности борьбы против нацистов. В то же время его новое служебное положение не только давало возможность, но и обязывало усиленно изучать военно-политическую литературу. Возможность получения для изучения литературы, издаваемой в Советском Союзе, потребовала от Харро усиления изучения русского языка, применяемой специальной терминологии.

Отношение к рекомендованному Герингом сотруднику позволило Харро поступить на курсы офицеров запаса. Он закончил эту учебу с высокой оценкой и получил первое офицерское звание лейтенанта авиации.

Продвигаясь по службе, Харро Шульце Бойзен получил новое назначение в 5 отделение оперативного отдела, которым командовал полковник Беппо Шмидт.

В это отделение поступали дипломатические и военные донесения атташе при немецких посольствах и дипломатических миссиях. Харро было достаточно переписать или сфотографировать поступающие секретные донесения, заинтересовавшие его, чтобы знать и проинформировать своих соратников по борьбе, как державы «оси» оценивают военную обстановку.

По своей должности Шульце-Бойзен отвечал за связь с атташе ВВС в союзных Третьему рейху странах и в нейтральных государствах, часть из которых могла стать

сателлитами при развязывании Германией военных действий. К нему поступали сведения о трудностях и проблемах военно-воздушных сил стран «оси». Все это открывало для него новые возможности для доступа к секретам гитлеровской коалиции.

Кроме того, Харро стремился установить более тесные контакты со своим начальником – Беппо Шмидтом, который хранил в огромном командном бункере Вердера карты с нанесенными на них целями бомбардировочной авиации, а также и многие другие очень важные донесения и документы.

Я уже знал к этому времени, что такое Вердера. Ведь Харро мне поведал, что командный пункт Геринга находится именно в Вердера, близ Берлина. Я знал и то, что Харро находился ко времени моего прибытия в Берлине, как всегда именно на этом командном пункте.

Он убедился в том, что политическая обстановка в Германии с каждым днем все обострялась. Несмотря на все опасности и не имея возможности быть убежденным, что родители его правильно поймут, он все же решил написать вскоре после мюнхенского сговора в октябре 1938 г. своим родным письмо, в котором прямо говорил о своих убеждениях: «Я предвижу сейчас, что самое позднее в 1940–1941 годах, а вероятно всего, в течение ближайшего года в Европе начнется мировая война, которая выльется в классовую войну. И я утверждаю, что Австрия и Чехословакия будут лишь первыми жертвами новой войны» (А.С. Бланк. В сердце «Третьего рейха». с. 67).

Убежденные антинацисты Харро и Либертас в конце 1938 г. в доме берлинского адвоката Энгельзинга встретились с Адамом и Гретой Кукхоф. После этого последовало несколько встреч, во время которых они обменивались мнениями по многим волнующим их вопросам. У них обнаружилось много общего во взглядах и зародились общие интересы. Они убедились, что могут стать настоящими друзьями. Правда, Грета Кукхоф в своих воспоминаниях указывает, что первое время после знакомства с семьей Шульце Бойзена она и Адам мало еще знали о нем, но у них вскоре сложилось впечатление, что Харро является человеком исключительной храбрости. У него в это время появлялись сомнения, касающиеся того, какой жизненный путь он должен выбрать. Учитывая, что в это время ужесточилась борьба испанского парода против фашистских мятежников, Харро стал колебаться, не следует ли ему бросить в Германии все и как летчику включиться в эту борьбу на стороне республики? Грета Кукхоф вспоминает, что он даже в беседах с ней и ее мужем высказывал об этом свои сомнения. Было принято решение, и Харро остался в министерстве, возглавляемом Герингом.

Поскольку в радиোগрамме «Центра» упоминались фамилия и имя Адама Кукхофа, я позволю себе привести некоторые собранные мною в различных литературных источниках его биографические данные и примеры из его деятельности.

Адам Кукхоф – писатель, драматург – родился 30 августа 1887 г. в Аахене. Он был единственным сыном крупного рейнского фабриканта. В семье царил дух наживы. Деньги, деньги и еще раз деньги. Любыми средствами, любым путем. Юноше предстояло с годами пополнить ряды настоящих эксплуататоров. По молодой Адам Кукхоф мечтает о другом. Его интересуют гуманитарные науки, поэзия. С детских лет он стремится стать писателем. В семье его не понимают и, что может показаться довольно странным, сына окружают презрением. Адам не выдерживает создавшейся в семье обстановки, ни на чем не основанного отношения к нему и принимает окончательное решение... Он уходит из дома насовсем. Затем следуют годы скитаний, лишений, раздумий. Нет, он думает не только о себе, о своей судьбе. Главным образом, он думает о том, что нужно, что можно сделать для того, чтобы кучка эксплуататоров не наживалась, а при этом не беднели бы миллионы простых людей, чьими руками и потом строятся дома, прокладываются железные дороги, добываются руда и уголь, варится сталь, выращивается хлеб.

Диалектика поиска приводит его к коммунистам. В 1932 г., то есть еще до прихода к власти фашистской клики Гитлера и его подручных, Адам Кукхоф вступил в Коммунистическую партию Германии.

Стремясь к получению действительно хорошего образования, Адам Кукхоф тщательно изучал политэкономия, германистику и философию. Он находил достаточно времени, чтобы писать стихи и делать наброски драм. Уже в годы учебы в университете задумал ряд позднейших своих литературных работ. Он выступал против националистического духа, появившегося в среде студентов-корпорантов.

В 1912 г. в университете в Галле за выполненную Адамом Кукхофом работу «Шиллеровская теория трагического» он был удостоен ученой степени доктора философии.

Путь Адама Кукхофа к движению Сопротивления был далеко не из простых. Сама жизнь подготовила его к этому.

Ноябрьская революция 1918 г. оказала на Адама Кукхофа как на гуманиста, постоянно стремившегося к более глубокому осознанию действительности, большое влияние. Одним из проявлений этого стремления явилось то, что с целью сделать доступными трудящимся творения великих драматургов он основал Франкфуртский художественный театр. С этой же целью в 1927 г. он предпринял первое народное издание произведений Георга Бюхнера. Когда я натолкнулся при изучении биографии и творчества Адама Кукхофа на фамилию Георга Бюхнера, признаюсь, мне было трудно установить, о ком идет речь. Пришлось и здесь немного потрудиться. Оказывается, Георг Бюхнер еще в 1831–1834 гг. изучал в университетах Страсбурга и Гисена естественные науки и практическую медицину. В 1834 г. был одним из основателей в Гисене и Дармштадте тайного «Общества прав человека». В это общество входили наряду с оппозиционно настроенными мелкими буржуа, студентами также и ремесленники. Была составлена антимонархическая программа общества с призывом «Мир хижинам! Война дворцам!». В своих произведениях Бюхнер впервые в немецкой литературе показал народ как активную силу исторического процесса. Его драматургия, в том числе и вышедшее в 1835 г. произведение «Смерть Дантона», была посвящена в значительной степени яркому социальному протесту против феодально-деспотического режима.

В 1928–1929 гг. Адам Кукхоф был редактором газеты «Ди таг», первое время имевшей националистическое и религиозное направления, в которой при нем могли печататься такие прогрессивные журналисты, как коммунист Ион Зиг, вначале известный в Германии под псевдонимом Зигфрид Небель.

В 1930 г. Адам Кукхоф обратился вновь к сцене и стал художественным руководителем Государственного театра в Берлине.

В 1932 г. работал редактором в издательстве «Дойчер ферлаг» в Берлине. В годы Веймарской республики опубликовал ряд новелл, а в 1937 г. вышел в свет его роман «Немец из Байенкура».

Еще до завоевания Гитлером власти и установления фашизма в Германии Адам Кукхоф избрал путь решительного противника фашизма, а после установления гитлеровской диктатуры посвятил себя всецело окончательному участию в активной антифашистской борьбе немецкого движения Сопротивления.

Адам Кукхоф познакомился с будущей женой Гретой Лорке, дипломированной экономисткой. Она училась до их знакомства в Медисонском университете вместе с Арвидом Харнаком. После окончания учебы они расстались и длительное время не встречались с Арвидом. Вскоре после возвращения в Германию, в 1930 г., она уехала в Цюрих, в Швейцарию, чтобы там заняться партийной работой. Лишь три года спустя партия призвала ее обратно уже в гитлеровский рейх. Вскоре они с Харнаком встретилась вновь. К этому времени она была уже коммунисткой-подпольщицей со стажем. Грета и Арвид были очень дружны.

Адам Кукхоф, являясь уже с 1932 г. членом Коммунистической партии Германии, вскоре познакомился с Арвидом Харнаком, и их знакомство переросло в большую дружбу единомышленников. Именно Арвид Харнак и познакомил Грету со своим другом Адамом.

Вернувшись в Берлин, Грета Лорке поступила на службу в «расово-политическое управление» национал-социалистической партии, возглавляемое непосредственно

заместителем фюрера Рудольфом Гессе. В числе выполняемых Гретой работ были и ее переводы на английский язык речей Гитлера и Геббельса, а иногда и отрывков из книги Гитлера «Майн кампф».

Работа Греты в этом управлении была очень важной для развертывания антифашистской пропаганды, так как она имела возможность своевременно знакомиться с различными материалами, подробно информирующими о политических планах гитлеровского руководства.

Адам Кукхоф и, ставшая уже его женой, Грета Лорке первоначально вступили в кружок антифашистов, группировавшихся вокруг Арвида Харнака, и затем некоторое время принадлежали к нему.

Как я уже указывал, однажды, будучи приглашенными к своим друзьям, Адам и Грета Кукхоф познакомились с Харро и Либертас Шульце-Бойзен. Читая воспоминания Греты Кукхоф, я с удовольствием отметил, что их первое впечатление о новых знакомых полностью совпадало с моим.

В полученном мною задании «Центра» упоминалось еще имя Арвида Харнака. Все, что я смогу сейчас поведать читателям об этом весьма заслуженном человеке, имя которого вошло в завоевавшую себе мировую известность немецкую организацию Харро Шульце-Бойзена – Арвида Харнака, мне удалось узнать уже значительное позже, чем в 1941 г.

Арвид Харнак родился 24 мая 1901 г. в Дармштадте. Отец – видный ученый-историк Отто Харнак. Дядя отца Адольф фон Харнак был очень известным в Европе теологом.

Жизнь Арвида осложнилась тем, что в возрасте 13 лет он потерял отца. Семье пришлось жить довольно скудно. Арвид с юношеских лет стремился к получению знаний, обнаружил любовь к чтению книг. У его отца, ученого-историка, была весьма обширная библиотека, состоящая из многих ценных любившихся ему книг. После смерти отца пришлось значительную часть книг продать и сменить квартиру на меньшую.

По неустановленным причинам 18 летний Арвид в 1919 г. был в числе бойцов «добровольческих отрядов», сражавшихся против революционных рабочих. В числе бойцов он пробыл всего несколько недель, был ранен и взят «красными» в плен. Именно эта случайная страница в биографии Арвида во многом предопределила развитие его дальнейшей судьбы. У него изменилось отношение к «революционным рабочим». Он смог лучше понять их стремления, цель их борьбы.

Свое стремление к получению высшего образования он начал осуществлять в Йене и Граце с изучения юридических наук. Уже в 23 года он был удостоен ученой степени доктора юриспруденции. На этом, однако, его интерес к научным познаниям не закончился, и он их решает расширить в области экономических наук. В этих целях он направляется в Соединенные Штаты, где поступает в университет в Мэдисоне на экономический факультет. По некоторым публикациям, он отправился в США в 1926 г. стипендиатом Рокфеллеровского фонда («Наши жертвы были не напрасны. 1933-1945 гг.». М.: Политиздат, 1988. Т. 2. с. 95).

В Мэдисоне Арвид познакомился с молодой преподавательницей американской литературы Милдред Фиш (А.С. Бланк. В сердце «Третьего рейха». с. 69). По другим источникам, она училась в одном университете с Арвидом. Вскоре, в 1926 г., они поженились.

В 1928 молодые супруги вернулись в Германию и продолжили свое обучение в Гиссене. В 1931 г. Арвид защитил диссертацию «Домарксистское рабочее движение в Соединенных Штатах» и был удостоен ученой степени доктора философии. Милдред Харнак продолжала свое обучение не только в Гиссене, но и в Йене и Берлине. В 1939 г. она также получила степень доктора философии.

Из сказанного выше видно, что Арвид Харнак был незаурядной личностью, высокообразованным человеком с определенным стремлением к лучшему познанию жизни, права народов, полезной направленности их деятельности. Изучение марксистской

экономической теории, значительный практический опыт, контакты с членами Коммунистической партии Германии привели Арвида Харнака, сына буржуазного профессора, в ряды убежденных коммунистов. Он пришел к совершенно обоснованному выводу, что его место – на стороне рабочего класса, в рядах ведущих борьбу пролетарского фронта за освобождение человечества от угнетения и эксплуатации.

В его развитии значительную помощь оказал профессор Фридрих Ленц, являвшийся научным руководителем Арвида Харнака.

Собирая информацию об основных членах и, в первую очередь, о руководителях организации Харро Шульце-Бойзена – Арвида Харнака, мне удалось обнаружить многие сведения, подтверждающие ряд высказываний Харро в беседе со мной.

Следуя полученным у профессора Фридриха Ленца навыкам, Арвид стал убежденным сторонником основанной профессором гисенской школы. Мне уже было известно от Харро, что Арвид Харнак совместно с профессором Ленцем в 1931 г. основали в Берлине научное (сейчас могу назвать более точно) «Сообщество по изучению советского планового хозяйства» («Арплан»). Арвид был избран первым секретарем этого сообщества. В «Арплане» работали видные экономисты: Отто Хетц, Адольф Грабовски, Альфред Мойзель, Карл Август Витфогель, Эрнст Никиш, Стефан Буэр и другие. «Арплан» работал в тесном контакте с «Обществом друзей новой России» и другими немецкими прогрессивными организациями.

Специалисты «Арплапа» в составе группы численностью 24 человека, в том числе экономисты и инженеры, совершили поездку в Советский Союз и провели там три недели – с 20 августа по 12 сентября 1932 г. Они посетили Москву, Ленинград, Одессу, Киев, побывали на «Днепрострое». Наиболее полно исследовавший многие вопросы, связанные с деятельностью организации Шульце Бойзена – Харнака, советский профессор Бланк в уже цитированной мною книге указывает: «Арвид и Милдред Харнаки около 20 дней провели на предприятиях, в колхозах, институтах, школах и учреждениях. На основании материалов, привезенных Харнаками из поездки в СССР, и на базе личных впечатлений они подготовили книгу о Советском Союзе, которая должна была выйти в издательстве "Ровольт". Но захват власти гитлеровцами помешал этому» (с. 70–71; примечание: А.С. Бланк, приводя фамилию Арвида, пишет – Гарнак, я употребляю наиболее часто встречающееся в русских переводах написание – Харнак).

После прихода к власти фашистов профессор Фридрих Ленц и Арвид Харнак были вынуждены распустить «Арплан». По совету друзей во избежание возможного преследования со стороны фашистов Арвид и Милдред покидают Берлин и полтора года проводят в Йене.

Арвид со всевозрастающей тревогой наблюдает за тем, как увеличивается идеологическое воздействие гитлеровцев на массы населения Германии. Он начал собирать вокруг себя всех, кто был готов вести среди различных слоев населения работу по разъяснению сущности фашизма (Карл Гейнц, Луиза Краусаар. Организация Шульце Бойзена – Гарнака в антифашистской борьбе. М.: Прогресс, 1974. с. 53).

Арвид Харнак был убежденным коммунистом, и его убежденность глубоко влияла на все, что он делал, на всех, кто входил с ним в контакт. У него имелись постоянные и прочные связи с Коммунистической партией Германии. Они усилились после знакомства в 1936 г. с Ионом Зигом. Это привело уже к его теснейшему сотрудничеству с КПГ.

С 1935 г. Арвид Харнак – в ранге правительственного, а затем и старшего правительственного советника – служил в имперском министерстве экономики.

Позволю себе привести цитату из приведенной выше книги Карла Гейнца Бирната и Луизы Краусаар, позволяющую оценивать деятельность Арвида Харнака во время его службы в министерстве экономики: «Глубоко сознавая, что Советский Союз отстаивает общественный прогресс и интересы мирного будущего всего человечества, а также учитывая антисоветизм гитлеровского режима и открытый курс на войну, Арвид Харнак с 1935 года стал вести разведывательную деятельность в пользу СССР. Тем самым он поступил как

настоящий немецкий патриот и подлинный интернационалист. Используя служебное положение и многочисленные связи в обществе, он самоотверженно и добросовестно информировал Советский Союз о военной и экономической подготовке фашистов к захватнической войне. Так, он своевременно сообщил о готовившемся нападении на СССР...

Из литературных источников мне стало известно, что по совету друзей-антифашистов с целью укрепления своего служебного положения Арвид Харнак 8 июля 1937 г. вступил в фашистскую партию и получил членский билет № 4153589. Нет, он, конечно, не изменил своих взглядов, его борьба против фашизма активно продолжалась.

В ноябре 1939 г. Арвид Харнак вновь сумел посетить Советский Союз. Он побывал в Москве в составе правительственной делегации Германии. Делегация вела переговоры по вопросу внешней торговли между двумя странами. Харнак внимательно присматривался ко всему, наблюдал за тем, как реагируют советские люди на появление в общественных местах немецких дипломатов.

Продолжая свое повествование по этому вопросу, А.С. Бланк в своей книге прямо указывает: «По возвращении в Берлин он с удовлетворением говорил друзьям: в Москве гитлеровцам не верят. Советы должны были выиграть время, и они добились своего.

Как вспоминает одна из подпольщиц, рассказ Арвида Харнака о посещении Советского Союза вызвал огромный интерес» (с. 104).

Хочется кратко остановиться еще на некоторых принадлежащих группе Шульце-Бойзена – Харнака антифашистах, имена которых в беседе со мной коротко упоминал Харро.

Ганс Коппи родился 25 января 1916 г. в Берлине в семье рабочих. Обучался в школе и в школе-интернате на острове Шарфенберг, на озере Тегелерзее, в северной части Берлина. Еще до установления фашистской диктатуры в Германии Ганс Коппи стал членом Коммунистического союза молодежи Германии. Одно время он был политическим главой комсомольской ячейки, одним из организаторов подпольной молодежной коммунистической организации в Берлине. В результате своей активной антифашистской деятельности Гансу Коппи приходилось иногда «нырять» в подполье, так, например, это было в 1933 г., поскольку нацисты разыскивали его как участника одной из акций по выпуску нелегальных антифашистских листовок, которая была проведена в берлинском районе Тегель. Нельзя однозначно утверждать, что в этой акции принимал участие Ганс Коппи и руководимая им шарфенбергская ячейка. Его имя было названо на допросе одним из участников этой акции. Почти полгода он с помощью друзей и единомышленников скрывался, но уже в феврале 1934 г. был пойман и арестован гестапо. Его судили, но, учитывая возраст – ко времени совершения им «преступления» он не достиг еще совершеннолетия, – он был приговорен к одному году заключения.

Жизнь Ганса Коппи складывалась тяжело. После того как в 16 лет закончил обучение на учебной ферме Шерфенберг, он не смог устроиться на какую-либо работу.

В 1935 г., выйдя на свободу из гестаповских застенков, Ганс Коппи вновь присоединился к своим соратникам по антинацистской борьбе. Начав работать на предприятии рабочим-подсобником, стал токарем, а затем, как это указывается в некоторых публикациях, служил техником на фабрике металлоизделий. Будучи коммунистом, он активно участвовал в деятельности загнанной в подполье КПГ. Именно здесь он познакомился и очень полюбил ставшую в 1941 г. его женой Хильду Раке. Несмотря на разницу в возрасте (Хильда родилась в Берлине 30 мая 1909 г.), они полюбили друг друга и, невзирая на все трудности в жизни, жили очень дружно. В то время как Ганс Коппи работал токарем на заводе, Хильда работала в Имперском страховом банке для служащих. Она приобрела специальность секретаря.

Действуя в подполье Ганс и Хильда вместе со своими друзьями по антинацистской борьбе приобрели значительный опыт конспирации, что помогало им быть более бдительными, распознавать степень надежности каждого, с кем им приходилось работать. Они немало сил вложили, участвуя в создании антифашистских групп на ряде берлинских

предприятий, в том числе и на военных заводах.

Ядро антифашистской группы, в которую входили Генрих Шеель, Ганс и Хильда Коппи, включилось в 1939 г. в организацию антифашистского Сопротивления, возглавляемую Харро Шульце-Бойзенем и Арвидом Харнаком.

Хильда Коппи во время Второй мировой войны, в то время как ее муж принимал активное участие в антифашистской борьбе, тоже вносила свой значимый вклад в общее дело. Она регулярно слушала и записывала передачи московского радио на немецком языке и «Немецкого народного передатчика». Со своими записями она знакомила многих своих товарищей. Нельзя упустить еще один весьма важный ее вклад. Ей удавалось записывать передаваемые по радио приветы тех немецких солдат, находившихся в советских лагерях для военнопленных, которых фашистские службы объявляли погибшими. С риском для себя Хильда передавала эти приветы родственникам этих солдат.

После того как Харро Шульце-Бойзен принял решение включиться в разведывательную деятельность, в 1941 г. и Ганс Коппи выразил свою готовность вести в качестве радиста разведывательную деятельность, проводимую группой антифашистского Сопротивления в пользу Советского Союза. К этой деятельности подключилась и Хильда Коппи. Для успешного проведения этой работы Ганс Коппи вскоре установил связь с Куртом Шульце – радистом, с которым я встречался во время моего пребывания в Берлине, обучил работе с шифровальным кодом и вручил программу радиосвязи с «Центром».

В приводимой мною книге Карла Гейнца Бирната и Луизы Краусхаар дается оценка работе Ганса Коппи как радиста. Привожу дословно: «Постоянно меня местонахождение своей радиостанции, ведя передачи то с лодки в окрестностях Берлина, то из квартиры Эрики фон Брокдорф и других антифашистов, Ганс Коппи (временами вместе с Куртом Шульце и Альбертом Хесслером) передавал важную информацию о запланированных фашистами военных действиях против Советского Союза. Тем самым немецкие антифашисты поддерживали героическую борьбу советского народа против фашистского германского империализма – главного врага немецкого народа, народов Европы, дела мира, демократии и социализма во всем мире. Таким образом, они вносили важный вклад в освобождение своего народа» (с. 83).

Признаюсь, читая многие публикации о Гансе и Хильде Коппи, я уже знал, что они вместе со многими их соратниками по борьбе были арестованы гестапо 12 сентября 1942 г. Об этом я знал уже после моего ареста гестапо 9 ноября 1942 г., а вот некоторые места, прочитанные мною значительно позднее, вызвали у меня тяжелые переживания. Не могу о них не сказать уже сейчас. Я узнал, что Хильда была арестована на последних месяцах беременности и 27 ноября 1942 г. родила в женской тюрьме в Берлине, на Барнимштрассе, мальчика. Ганс Коппи, отец мальчика, как один из самых активных борцов группы Сопротивления Шульце-Бойзена – Харнака, был вскоре после ареста приговорен к смерти, а уже 22 декабря, то есть всего через три дня после того, как Имперский военный суд 19 декабря 1942 г. вынес свое решение, он был казнен. Его казнь, как и казнь многих других членов этой группы, состоялась в берлинской каторжной тюрьме Плетцензее.

Молодая мать, узнав о смерти мужа, пожелала, чтобы их сын имел честь носить имя своего отца – Ганса. Тяжело переживая казнь мужа, Хильда кормила маленького Ганса, находясь в тюрьме. Трудно себе представить варварство нацистского суда, который 20 января 1943 г. счел возможным молодую кормящую мать ребенка, еще не достигшего полных двух месяцев, приговорить к смертной казни. Нацисты проявили после вынесения приговора «совершенно неожиданную гуманность», разрешив Хильде Коппи еще несколько месяцев кормить ребенка, а затем передать его на воспитание матери Хильды. 5 августа 1943 г. вместе с десятью товарищами по борьбе Хильда Коппи была повешена в той же тюрьме, в которой был казнен и ее муж.

Тяжелые переживания у меня вызвало и то, что я и моя жена совершенно неожиданно для нас получили возможность в Ленинграде на нашей квартире познакомиться с Гансом Коппи, сыном казненных почти пятьдесят лет тому назад Ганса и Хильды Коппи. Приятно

было узнать, что он посвятил в значительной степени свою жизнь сбору материала о героической жизни рано покинувших его отца и матери.

Хотелось бы очень многое рассказать о фактах, ставших мне известными из литературных источников, изданных за рубежом и в Советском Союзе, о членах организации Харро Шульце-Бойзена и Арвида Харнака, но к этому вопросу я буду еще вынужден несколько раз вернуться в разделе моих воспоминаний, который я посвящу моему аресту гестапо, ведению следствия на разных уровнях нацистских спецслужб, так как именно тогда я увидел альбом гестапо с фотографиями всех арестованных немецких антифашистов, тогда я узнал оценку, которую гитлеровцы давали деятельности этой организации, направленной против них на пользу народов мира, конечно, и самого немецкого народа.

Сейчас мне хочется очень коротко еще упомянуть о том, что мне удалось узнать об Йоне Зиге, имя которого я уже упоминал.

Йон Зиг (в некоторых источниках его имя – Джон Зиг) родился 3 февраля 1903 г. в Детройте (США), сын эмигрировавшего в США немца-механика. Мне не удалось точно установить, в результате чего Йон Зиг с 1910 го жил в Германии, учился в народной школе и на учительском семинаре. В 1923 г. вновь переселился в Америку. Он мечтал о продолжении учебы, но, к великому для него сожалению, у него не хватило на это средств. Работая на заводах автомобильных королей Форда и Паккарда, он находит все же в себе силы для того, чтобы после тяжелого трудового дня у конвейера изучать в вечернем университете философию, филологию и педагогику. Получить законченное образование в университете ему не удалось.

Убедившись в том, что в США он не может удовлетворить свои умственные потребности, в 1928 г. в возрасте 25 лет Йон Зиг вернулся в Германию. В соответствии со своими мыслями и стремлениями он вступает в Берлине в члены Коммунистической партии Германии в 1929 г. Свою деятельность в Германии Йон Зиг начал в области журналистики, и под псевдонимом Зигфрид Небель его статьи публиковались в газетах «Берлинер гагеблатт» и «Фоссише цайтунг», а также в упоминавшемся мною журнале «Ди таг», репортером которого был Адам Кукхоф. В этом журнале Зиг публиковал свои репортажи о прожитой им нелегкой жизни в Америке.

В конце 1929 г. Йон Зиг был признан весьма одаренным журналистом и был приглашен в качестве сотрудника центрального органа КПГ газеты «Роте фане».

Начиная с 1941 г., организация Шульце-Бойзена – Харнака стала регулярно выпускать нелегальную газету «Ди иннере фронт» («Внутренний фронт»). Эту газету, которую в ряде публикаций называют журналом, выпускали подпольщики в районе Нейкельи в Берлине, печатая на гектографе. Он был единственным в своем роде журналом, так как издавался не только на немецком языке. Проникнутая духом интернационализма группа немецких антифашистов переводила этот журнал на пять языков, распространяя его среди тех тысяч иностранных рабочих, которые оказались пригнанными в Германию и которых немецкие антифашисты рассматривали как своих союзников (см. журнал «Новый мир». 1965. № 19; рассказ Греты Кукхоф «По ту сторону фронта». с. 29).

В издании журнала принимали участие бывший редактор газеты «Роте фане» Вильгельм Гуддорф, Вальтер Хуземан, Мартин Вайзе, а также и авторы публикуемых статей Арвид Харнак, Адам Кукхоф, Харро Шульце-Бойзен и Йон Зиг.

В своих воспоминаниях «"Красная капелла" действует» Генрих Шеель указывает, что всего вышло около 20 номеров журнала «Ди иннере фронт». Он приводит некоторые выдержки из изданного в августе 1942 г. журнала, в статье «Год похода на Восток» давалась высокая оценка героической борьбы советского народа и его Красной армии против полчищ фашистского террора и аргументировалась неизбежность поражения гитлеровской Германии (см. «Наши жертвы были не напрасны». С. 107–109).

Все это было совершенно не случайно. Еще в 1936 г. писатель Адам Кукхоф ввел Йона Зига в круг антифашистов, группировавшихся вокруг Арвида Харнака. После начала Второй мировой войны руководство нелегальной берлинской организации КПГ поручило Иону Зигу

наряду с Вильгельмом Гуддорфом тесно сотрудничать с оберлейтенантом (старшим лейтенантом) Харро Шульце-Бойзенем и доктором наук Арвидом Харнаком, чтобы объединить всех противников Гитлера независимо от их мировоззрения в Народный фронт с целью свержения нацистской диктатуры, прекращения войны и создания миролюбивой, демократической Германии (см. цитируемую книгу Карла Гейнца Бирната и Луизы Краусхаар. с. 58).

Йон Зиг продолжал свою многолетнюю антифашистскую борьбу до 11 октября 1942 г., дня его ареста гестапо. По день своего ареста Йон Зиг являлся служащим германской государственной железной дороги, на которую он поступил по совету и при помощи своих друзей еще в 1933 г. В самом начале он был простым рабочим в пакгаузе на Штеттинском вокзале в Берлине. Постепенно он продвигался по службе и стал начальником службы движения, что дало ему возможность вести, работая на разных должностях на железной дороге, важную политическую работу. Используя свои служебные поездки и право бесплатного проезда, Йон Зиг устанавливал связь с подпольными коммунистическими партийными организациями Франкфурта-на-Майне и Гамбурга. Во время Второй мировой войны Йон Зиг продолжал более активно вести систематическую антифашистскую борьбу на государственных железных дорогах. Ему удавалось направлять эшелоны с боеприпасами и войсками не по назначению или же заставлять простаивать их на загруженных линиях.

Находясь в тюрьме, расположенной в подвале здания, в котором размещалось управление гестапо на Принц Альбрехтштрассе, дом 8, в Берлине, Йон подвергся жестоким пыткам, продолжавшимся около пяти дней, и предпочел покончить жизнь самоубийством.

Во время моего нахождения в этой же тюрьме в ноябре 1942 г. я услышал, что именно из-за попыток некоторых арестованных покончить жизнь самоубийством, а в особенности из-за совершенного 15 октября 1942 г. самоубийства Йона Зига режим в тюрьме ужесточился, а за арестованными членами группы Шульце Бойзена – Харнака и связанными с ней арестованными было обеспечено персональное круглосуточное наблюдение дежурных гестаповцев.

Сейчас мне хотелось бы сказать несколько слов об Альте – Ильзе Штебе.

Как уже я указывал, в полученном мною задании «Центра» мне было поручено установить в Берлине связь (в целях восстановления прерванной связи) с параллельной с антифашистской организацией Шульце-Бойзена – Харнака группой, возглавляемой Ильзой Штебе. Я уже указывал и на то, что с Альтой мне не удалось во время моего пребывания в Берлине установить личную связь. Однако ее группа тоже заслуживает особого внимания, и на деятельности самой Альты и сотрудничавших с ней антифашистов следовало бы весьма подробно остановиться. Несмотря на то, что мне удалось изучить довольно много публикаций, посвященных Ильзе Штебе, сейчас я позволю себе очень коротко познакомить читателей с этой прекрасной немкой, патриоткой и ее деятельностью.

Ильза Штебе родилась в Берлине 17 мая 1911 г. в семье передовых рабочих в том самом пролетарском районе «Красный Веддинг», который я уже упоминал. Получив образование в народной школе, Ильза поступила в торговое училище, став впоследствии секретарем-машинисткой. Свою трудовую деятельность начала в соответствии с полученной специальностью в берлинском издательском концерне Моссе. Через некоторое время стала секретарем видного демократа и публициста Теодора Вольфа. Именно в это время Ильза свою журналистскую деятельность начинает с опубликования своих первых журналистских работ и становится по профессии журналисткой.

Надо отметить, что с ранних лет Ильза Штебе симпатизирует проводимой борьбе и объявленным целям Коммунистической партии Германии. Не теряя своих юношеских убеждений, еще до прихода к власти Гитлера и установления в Германии фашистской диктатуры Ильза Штебе работала в качестве корреспондента немецких и швейцарских газет в Варшаве. Совершенно правильно в немецкой печати отмечается, что своими профессиональными навыками, знаниями, умом, человечностью и доброжелательностью она завоевала не только заслуженное уважение своих коллег- журналистов, но и авторитет в

дипломатических кругах.

Все укреплявшиеся с самого начала юношеских лет идеологические и политические взгляды с каждым годом все больше и больше крепились, и она сумела превратиться в подлинную антифашистку и пролетарскую интернационалистку.

Внимательно следя за всем происходящим в Советском Союзе, крепко полюбив эту страну, Ильза Штебе с 1931 г. начала свою разведывательную деятельность в пользу СССР и стала известна в «Центре» под псевдонимом Альта.

Только исходя из того, что мне приходилось слышать от гестаповцев после моего ареста и из чтения различных произведений исторических исследований и публикаций в прессе, я могу утверждать, что Ильза Штебе действительно отдавала все свои силы, знания и способности этой высшей форме антифашистской борьбы, повседневно рискуя своей жизнью. Как подлинной разведчицей, немецкой патриотке и антифашистке, ей, как и большинству вставших на этот путь людей, приходилось, все силы отдавая этой опасной работе, пренебрегать своими личными жизненными интересами и склонностями. Жизнерадостная молодая журналистка еще в Варшаве установила умело сохранившийся на многие годы контакт с немецким дипломатом, выходцем из аристократической семьи Рудольфом фон Шелиа и продолжала с ним сотрудничать на разведывательном поприще многие годы.

После гитлеровского нападения на Польшу Ильзе Штебе пришлось вернуться в Берлин. Пользуясь своим завоеванным авторитетом, ей удалось устроиться на службу в информационный отдел министерства иностранных дел Германии. Она и на этой работе проявила себя весьма надежной и осторожной подпольщицей. «Центр» поручил ей руководить группой советских разведчиков. Ей удавалось добывать чрезвычайно важную информацию, особенно о дипломатических маневрах гитлеровской Германии по осуществлению его преступных планов, информировала о намерении фашистской Германии порвать договор о ненападении, подписанный с Советским Союзом, и даже о планах фашистов совершить на него вероломное нападение.

Советский историк, профессор А.С. Бланк в уже цитированной мною книге, изданной в Москве в 1974 г., приводит среди многих успешных информаций, переданных ею в «Центр», несколько приводимых мною сейчас: «В конце февраля 1941 года Альта передала в "Центр": "Подготовка к войне против СССР зашла далеко. Руководящие круги, как и прежде, придерживаются точки зрения, что война с Россией будет еще в этом году. Формируются три армейские группы под командованием фельдмаршалов Бока, Рундштедта и фон Лееба... Сроком наступления необходимо считать 20 мая"» (с. 177).

Этому сообщению в «Центр» предшествовало не менее важное сообщение Альты, переданное еще в мае 1940 г.: «Из кругов МИД поступают сведения, что военные действия против России запланированы и готовятся, хотя военное министерство разослало директивное письмо всем своим военным атташе о необходимости опровержения слухов о том, что Германия якобы готовит военные действия против России... Ариец заявил мне, что он не верит содержанию этого письма, что оно не соответствует фактам, свидетельствующим о подготовке Германией войны с Россией, что эта война стоит уже у дверей. Ариец считает, что письмо написано... с целью маскировки истинных намерений...» (с. 166).

Считаю необходимым особо подчеркнуть, что псевдоним Ариец был установлен Альтой для уже упомянутого мною гитлеровского дипломата Рудольфа фон Шелиа, работавшего ранее в Варшаве в посольстве Германии, а затем он был переведен с повышением в министерство иностранных дел Германии в Берлин и продолжал сотрудничать с Ильзой Штебе.

В начале марта 1941 г. Альта снова сообщает в «Центр», что наступление против России запланировано на ближайшее будущее. «Имеются, – передает она, – и другие факты, говорящие о том, что выступление против России состоится в ближайшем будущем. Называю сроки: 15 мая – 15 июня... Ариец указывает, что о предстоящем выступлении против СССР ему передали те же самые лица, которые в начале 1940 года говорили ему о

готовящемся выступлении против Голландии и Бельгии...» (с. 177).

7 июня 1941 г. Альта сообщила в «Центр»: «На Восток, как и раньше, ежедневно идет 50 составов... Генералитет опасается трудностей в снабжении горючим, так как в войне с Россией потребуются ежедневно 24 состава с горючим, а у военных может быть только 16 составов...» (с. 178).

17 июня 1941 г., то есть за пять дней до нападения гитлеровцев на Советский Союз, Ильза Штебе передала в «Центр», что в кругах штаба верховного командования вооруженных сил Германии упорно циркулирует версия о выступлении против России в ближайшее время (с. 178).

Я привел эти несколько примеров, потому что они подтверждают во многом ранее передаваемые и передаваемые одновременно информации Доры, Хоро, мною и Отто. Ведь по поручению Доры я передал еще в апреле 1940 г. в «Центр» сообщение о готовящемся нападении гитлеровцев на Советский Союз.

Хочется еще подчеркнуть, что Альта долгое время в целях конспирации не имела прямой радиосвязи с «Центром». Было обусловлено, что она будет эту связь поддерживать только через курьеров или с помощью личных контактов с представителями Москвы. Для этого у нее были большие возможности. Надо иметь в виду, что до 1939 г. у нее, как у журналистки, были возможности путешествовать по разным странам и в Варшаве, соблюдая жесткие правила конспирации, встречаться с различными людьми. Эта возможность сохранилась и после нападения гитлеровцев на Советский Союз. Я уже указывал, что при моем посещении Берлина в октябре 1941 г. я не застал Альту в Берлине. Как потом выяснилось, в это время она была в Дрездене, где уже продолжительное время работала в качестве представителя, заведующего бюро рекламы химического концерна. Это тоже давало ей возможность легко путешествовать не только по самой Германии, но и выезжать за границу.

Итак, с тем, чтобы сохранить эту группу на долгое время, было решено, что Альта не будет выходить в эфир, у нее не будет своей прямой радиосвязи с «Центром». Однако события разворачивались слишком быстро, и она практически лишилась всякой возможности передачи какой-либо информации в «Центр». Естественно, это ее очень мучило, накапливалось слишком много информации, а невозможность своевременной передачи ее обесценивала в значительной степени. Попытки, предпринимаемые «Центром» установить с ней прямую радиосвязь, передать ей для этого шифры и программу работы рации, не увенчались успехом. Вот поэтому-то и было мне дано задание установить с ней или её радистом Куртом Шульце связь.

О других участниках организации Шульце-Бойзена – Харнака и группы, возглавляемой Ильзой Штебе, в то время, когда я побывал в Берлине, я ничего не знал. Они не упоминались ни в полученном мною задании «Центра», ни в моих беседах с Харро и Либертас Шульце-Бойзен, с Куртом Шульце. О некоторых из них я узнал несколько позже, как и об оценке деятельности этих антифашистских организаций. К этим вопросам я еще вернусь.

Сейчас, как мне это ни больно, я все же должен сказать, что провал берлинских организаций, стоивший жизни многих их членов, лишивший «Центр» источников ценнейшей информации, произошел не в результате их некомпетентности, как некоторые неграмотные люди позволяют себе, допуская явную клевету, утверждать, и не в результате, как это позволяет себе утверждать Отто и последовавший за ним французский писатель Жиль Перро в своей книге «Красная капелла», совершенно неоправданной ошибки «Центра», передавшего задание на поездку в Берлин с указанием адресов некоторых членов этих организаций. Провал произошел исключительно в результате прямого предательства арестованного 13 декабря 1941 г. в Брюсселе радиста Хемница (советского разведчика Макарова), выдавшего гестапо шифр, которым было зашифровано задание «Центра», переданное через его передатчик, и которым был зашифрован доклад мой, Кента, о выполнении полученного задания. Об этом более подробно будет мною еще рассказано.

ГЛАВА XX. Возвращение в Бельгию после выполнения задания «Центра» в Праге и в Берлине.

Когда я вернулся в Брюссель, мне сразу же пришлось очень много работать и днем, и по ночам. Я не имел права уединиться, сосредоточить все мои усилия на выполнении работ, связанных только с моей разведывательной деятельностью. Я был обязан уделять достаточно много времени моей коммерческой деятельности, руководству «Симекско», проводить массу деловых встреч. Прежде всего, я должен был вновь посещать интендантуру.

Сразу же после моего возвращения в Брюссель, ненадолго задержавшись у себя в кабинете в «Симекско», коротко пообщавшись со всеми сотрудниками и оказавшимися в конторе посетителями, я выехал в интендантуру.

Там меня встретили очень дружелюбно, с радостью приняв незначительные по стоимости, но очень приятные сувениры из Берлина, меня долго расспрашивали о впечатлениях о жизни и настроении их земляков, немцев, о том, как меня принимали в протекторате и Германии. Отвечая на все вопросы, я не забыл упомянуть и о моих деловых встречах, в том числе и согласии «Дойче Банка» на сотрудничество с нашей фирмой и предоставлении при надобности кредита.

Мы рассмотрели полученные «Симекско» от интендантуры во время моего отсутствия заказы, договорились в принципе о сроках их выполнения, рассмотрели возможность выполнения дополнительных заказов.

Несмотря на то, что я спешил и мне не хотелось затрачивать много времени на посещение интендантуры, пришлось несколько задержаться... Меня угостили крепким кофе. Разговор несколько затянулся, и меня спросили, как в немецких и чехословацких деловых кругах оценивают обстановку на Восточном фронте. Я признался, что меня этот вопрос «мало интересовал», а поэтому в наших разговорах мы его почти не затрагивали. Однако все же приходилось слышать и мнение о том, что война затянулась и уже принесла порядочно жертв. Конечно, мне простили мою «неосведомленность» в военных вопросах, а отметили большую компетентность в разрешении вопросов, связанных с моей фирмой.

Я вернулся в контору «Симекско», и там меня уже ждал Анри Раух. Он поздравил с успешным возвращением в Брюссель и тоже поинтересовался моими впечатлениями. Вместе мы покинули контору, и, расставшись с ним на улице, я направился в магазин к Тевенет, а затем в «Селект скул», где встретился и с де Буа.

Так прошел весь день. Вернувшись к себе на виллу, я убедился, что меня там ждали с нетерпением. Блондинка приготовила совместно с обслуживавшей нас горничной и приходящей домработницей вкусный и, как всегда, обильный обед. После этого, немного посидев у камина, покуривая и беседуя с Маргарет, я направился к себе в кабинет и с небольшим перерывом на чашечку кофе, выпитую в обществе Маргарет, работал, шифруя дальше свой доклад в «Центр».

На следующий день на работе я узнал по телефону, что из Парижа выезжает в Брюссель находящийся на связи с «Симекско» коммерсант Жан Жильбер. Как всегда, Отто остановился у меня на вилле.

Я уже писал о том, что Отто за прошедший год заметно изменился, и не только в лице, по и в характере. Вначале мне казалось это легко объяснимым – в силу сложившихся обстоятельств ему пришлось самому покинуть Бельгию, переехав во Францию, его жена с детьми была вынуждена уехать из Бельгии в Москву, а он остался один. В то время я еще не знал, что ему удалось из Брюсселя в Париж переправить не знакомую мне Джорджи де Винтер, которая, оказывается, была его любовницей, и у них был даже сын, время рождения которого, естественно, я не знал и не знаю.

Настало время, когда после выполнения задания в Праге и Берлине я вновь встретился с Отто. Признаюсь, возможно преувеличивая необходимость максимального соблюдения правил конспирации, я не считал возможным подробно доложить Отто все детали нашей

встречи с Харро и Либертас Шульце-Бойзен и Куртом Шульце. Еще в большей степени я сохранил в тайне содержание уже направленных к этому времени в «Центр» шифровок со всей полученной от Харро информацией. Мне казалось, что распространение этой информации среди наших работников, разведчиков, не имело значения.

При встрече с Отто и на этот раз мне показалось, что он воспринимает результаты моей поездки, даже доложенные ему вкратце, с еще большим раздражением, чем до моей поездки в Германию.

Я продолжал прилагать все усилия к тому, чтобы наши отношения не портились.

При следующем появлении Отто в Брюсселе он узнал от Хемница, что нами получена была из «Центра» шифровка с благодарностью от «Главного хозяина».

Узнав об этом от Хемница, Михаила Макарова, Отто, увидев меня, сразу укорил в том, что я не поставил его об этом в известность. Тут я осмелился уже не просто предполагать, а был в полной мере убежден в том, что успехи моей поездки в Прагу и Берлин были для него совершенно нетерпимыми. Это тем более, что последовала благодарность. Он лично остался совершенно в стороне, а тщеславие, как я уже твердо мог убедиться, было присуще его характеру.

Потребовалось много времени, даже многие годы, чтобы я в полной мере мог осознать, к глубокому моему сожалению, правильность моих предположений, моих предчувствий. Сейчас у меня уже есть совершенно обоснованные твердые доказательства того, что Отто не только при представлявшихся ему возможностях прилагал все усилия, чтобы мстить за достигнутые мною в работе успехи. Ему это часто удавалось. Признаюсь, в то, ставшее уже весьма далеким, время мне все чаще, с новой и новой силой вспоминались ранее слышанные предупреждения. Были у меня друзья намного старше меня по возрасту, которые предупреждали, что в жизни при разных контактах с людьми надо, в первую очередь, опасаться людей с тонкими, загнутыми по углам губами и пальцами с как бы обрубленными короткими ногтями. Да, это предупреждение полностью оправдалось при моем непосредственном контакте с Отто, а в особенности подтвердилось его преступными действиями уже после того, как он стал считать меня умершим.

В Брюсселе я мысленно отметил 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции и в тот же день 28-ю годовщину со дня моего рождения. И то и другое было только мысленно. Ибо о дне моего рождения, 7 ноября 1913 г., никто не знал и не должен был знать. По моему «сапогу» у меня был другой возраст и другой день рождения. В своей книге «Красная капелла» французский писатель Жиль Перро, основываясь на неизвестных мне источниках, указывает: «Как ни странно, капитана Гуревича, который великолепно справляется с работой, наоборот, никто не любит. Он прибыл в Брюссель 17 июля 1939 года из Монтевидео. Его паспорт за №4643 был выдан в Нью-Йорке 17 апреля 1936 года. По паспорту Гуревич – Винсенте Сьерра, родившийся 3 ноября 1911 года и проживающий в Монтевидео на улице Колумба, 9» (Жиль Перро. Красная капелла. М.: ДЭМ, 1990. с. 35).

Мне трудно определить источник, на который опирается Жиль Перро в своих высказываниях. Очень жаль, что писатель, претендующий на роль исследователя всех вопросов, связанных с разведкой, определенной гитлеровцами под именем «Красная капелла», не ссылается конкретно на источник приводимой информации. Я могу только предположить, почему два пункта этой цитаты по каким-то причинам не являются точными: во-первых, как мог я, капитан Гуревич, великолепно справиться с работой в то время, как меня никто не любил? Во-вторых, почему указана дата моего прибытия в Брюссель – 17 июля 1939 г.?

Если утверждение, касающееся первого вопроса, основывается, безусловно, только на утверждении самого Леопольда Треппера, так как ни с одним подчиненным мне работником или связанным со мною человеком Жиль Перро не имел возможности встретиться, то он должен был бы поверить Леопольду Трепперу и в том, что в Брюссель я прибыл во второй половине апреля 1939 г.! Я понимаю, что «исследователю» Жилью Перро, видимо, удалось

ознакомиться с регистрационными данными бельгийской полиции или отдела регистрации иностранцев, с тем чтобы установить мои паспортные данные, но все остальное должно быть тоже официальными источниками!

Как можно утверждать, что «Гуревич (Сьерра) легко внедряется в брюссельское общество... завязывает многочисленные связи...», «но он никому не нравится, за исключением Маргарет, которая, конечно, по нему сходит с ума...». «Его считают гордецом, хвастуном, очковтирателем...» (с. 36). Сопоставляя даже только эти высказывания, уместно задать вопрос: как же, учитывая все это, его принимали в брюссельском обществе, с ним завязывали многочисленные знакомства?

Итак, как я уже указывал, праздник 24-летия Октября я тоже отмечал только мысленно, но все же поздравил Хемница, Боба, Профессора и еще кое-кого, то есть тех, кто действительно знал, на кого работает.

Налаживалась нормальная, ставшая уже привычной напряженная жизнь. Потребовалось организовать еще один прием. Нас решил навестить Брегшнейдер. Вскоре он оставил свою работу в интендантуре и уехал из Бельгии, не собираясь больше возвращаться. Фрейлейн Аман нам сообщила, что, пользуясь своими солидными связями, ему удалось впоследствии покинуть военную службу, перебраться поближе или даже, быть может, проникнуть в оккупированную немецкими войсками территорию Советского Союза с целью крепко там обосноваться после окончания войны, развивая свою табачную промышленность.

Иногда, говоря о Бретшнейдере, некоторые немцы, посмеиваясь, рассказывали, что он был одним из первых в Германии, кто с «огромным успехом» начал выпускать на своих предприятиях сигары «повышенного качества». Я не мог вначале понять, не является ли это простой шуткой. Вскоре мне, однако, ее разъяснили.

В Брюсселе через Тевенет я еще доставал на «черном рынке» настоящие сигары. И вот, как-то сидя в моей гостиной перед камином, беседуя в ожидании приглашения Блондинки к ужину, мы с двумя руководящими работниками интендантуры с наслаждением курили эти сигары. Совершенно неожиданно один из моих гостей задал вопрос: знаю ли я, как изготавливаются сейчас в Германии сигары? Я улыбнулся и сказал, что, конечно, в точности не знаю, так как мне никогда не приходилось наблюдать за процессом их изготовления, но предполагаю, что на специальных установках табачные листы плотно прессуются, а затем оборачиваются опять-таки табачными листьями. В ответ услышал, что я почти угадал. Продолжая свой разговор, оба гостя, смеясь, сказали, что в Германии многие стремятся как можно больше заработать. Поэтому Бретшнейдер изобрел другой метод изготовления сигар. Судя по их рассказу, в связи с тем, что табак в листьях, да и вообще хороший табак в Германии стал крайне дефицитным, а многие еще любили курить сигары, был придуман новый метод технологии изготовления. В соответствии с ним количество табака для изготовления резко сократилось. Достаточно было иметь единственный настоящий табачный лист, необходимый для поверхностного слоя сигары. Внутри табака почти не было. Используя буквально отходы, их размачивали в теплой воде, а затем процеженным раствором, довольно крепким, пропитывали пористую толстую бумагу, несколько напоминающую картон. Затем эта бумага листьями и даже частично нарезанная закручивалась в табачный лист. Все это, в том числе и тщательная обертка табачным листом, служило для «обмана» курильщиков и для собственного обогащения.

«Вот так и наш друг Бретшнейдер делает себе деньги, и значительные!» – сказали мне мои собеседники и продолжили свои взгляды дальше, выразив свое убеждение в том, что я сумел сам убедиться в том, что этот человек любым путем хочет заработать на жизнь себе и своей семье. После этих разговоров я долго не мог прийти в себя.

Мои собеседники переключились на другую тему и, продолжая курить хорошие сигары, вдруг высказались в «защиту» Бретшнейдера. Постараюсь воспроизвести последующую часть беседы, в данном случае служащую «защите обвиняемого».

Два офицера вермахта пояснили мне, что сейчас их семьям в Германии довольно тяжело, надо иметь много денег для минимального обеспечения своего существования.

Офицерам, находящимся в оккупированных странах, тоже требуются средства, в том числе и для того, чтобы иметь возможность кое-что приобретать для своих жен и детей. Получаемые по службе деньги нельзя считать достаточными, вот и надо придумывать, как заработать дополнительно.

Услышав это, я понял, чему должен служить затеянный разговор, и для дальнейших успехов «Симекско» разными путями некоторым сотрудникам интендантуры я находил возможность помогать... помогать деньгами, так как в дальнейшем, до провала фирмы в 1942 г., фирма имела значительную прибыль.

Между прочим, довольно много времени общаясь с немцами самых различных слоев общества, убедился в том, что они весьма сложные люди. У многих из них было развито чувство собственного достоинства, но больше желание создать себе прочное положение, обеспеченную жизнь, поэтому они были способны на всякие «жертвы». Я имею в виду умение пресмыкаться, стоять навтыжку перед человеком, которого они и вовсе не уважали. Наблюдая со стороны, трудно было даже точно предположить, что думает тот или иной немец, во что или в кого он верит, храбр он или в действительности труслив и готов на все, лишь бы сохранить себя и иметь достаточно прочное положение для себя и своей семьи. Правда, война есть война, и тот или иной воин, не зная, будет ли он жить еще завтра, сегодня хочет пожить получше и повеселей, часто даже забывая о своей семье. Именно эти свойства, как мне показалось, присущи немцам, возможно, только тем, с которыми мне приходилось общаться. Хочу особо подчеркнуть, что все это относится, по моим наблюдениям, к гестаповцам, ээсовцам и касается даже ряда офицеров вермахта.

Безусловно, я не имею в виду рядовых немцев, часто оторванных от своих семей, познавших фронтовую, да и «мирную» жизнь в оккупированных странах, в которых существовало партизанское движение, как это было у нас в Советском Союзе и в других странах, где действовали силы движения Сопротивления.

Конечно, бывая в самой Германии, я мог убедиться и в том, что многим немцам, и не только рядовым, жилось нелегко. Однако из страха быть наказанными им приходилось терпеть и молчать.

Я считаю необходимым остановиться еще на некоторых вопросах, касающихся общественной и личной жизни отдельных народов. Так, например, меня в свое время крайне удивила узаконенная, больше того, взятая под покровительство и контроль со стороны государственных служб открытая организованная проституция.

Во время Второй мировой войны после оккупации Бельгии, Нидерландов и Франции я мог наблюдать и отношение немецких властей к затронутому выше вопросу.

Значительная часть немцев, главным образом, офицеры вермахта, ээсовских частей и служб, а также и высокопоставленные чиновники оккупационных служб предпочитали иметь близкое знакомство с «дамами общества», артистками, горничными, женщинами из обслуживающего персонала ночных увеселительных заведений. Среди подобных «дам», близких с этой клиентурой, я видел и некоторых дочерей русских эмигрантов, молодых, родившихся за рубежом. Эту категорию «дам» прельщала возможность хорошо пожить, повеселиться, получить подарки и просто деньги.

На этих фактах можно было бы не останавливаться, но и это иногда приобретало особое значение. Нередкими были случаи, когда офицеры абвера, гестапо, других секретных служб рей ха, сближаясь с некоторыми женщинами, превращали их в своих информаторов, доносчиков, опять-таки заинтересованных, выполняя отдельные задания, увеличить свои доходы. Некоторые из них по заданию немцев делали даже попытки внедриться в качестве двойников в местные движения Сопротивления. Об этом мне стало известно из достоверных источников, а следовательно, я должен был предупредить всех, связанных с нашей резидентурой мужчин о необходимости быть весьма бдительными. Сам же я должен был как следует проверять женщин, выдающих себя за антифашисток.

Рассказывая об этом, хочется остановиться еще на одном вопросе: а были ли способны немецкие женщины после вступления на территорию Германии армий союзников к

подобным действиям, стремясь «сблизиться» с офицерами и солдатами этих войсковых соединений? Могло ли быть иногда это стремление немцам к «сближению» с мужчинами вступивших армий продиктовано указом различными органами гитлеровской Германии?

На эти вопросы мне трудно ответить. Вспоминается одно из обвинений, высказанное в книге «Майн кампф» Гитлером по отношению к французской армии, в особенности в части воинов ее колониальных подразделений в период Первой мировой войны. Гитлер утверждал, что немцы никогда не забудут, как французские, в первую очередь африканские, солдаты буквально насиловали немецких женщин. Не могу оспаривать этих домыслов. В то время я не мог еще быть свидетелем подобных явлений. А вот в 1945 г. я лично видел, как немцы буквально вешались на шеи солдатам вступившей в Германию американской армии, отдавали предпочтение неграм. А как вели себя эти солдаты? Не могу обобщать их поведение, но я лично видел, как многие негры, с тем, чтобы прекратить подобные приставания, бросали в этих женщин скомканные денежные купюры разного достоинства.

Когда на территорию Германии начали вступать советские войска, геббелевская пропаганда стремительно стала распространять слухи, что солдаты и офицеры этих подразделений допускают массовое изнасилование немецких женщин. Мало кто из немцев верил этой озлобленной и ни на чем не основанной пропаганде. Мне лично довелось услышать распространяемый среди немцев смехотворный анекдотик на эту тему. Две совсем старенькие немки, встретившись, «с тревогой» обсуждали это геббелевское утверждение и с огорчением, чуть не со слезами высказались:

– Неужели нельзя надеяться на то, что советские солдаты именно так поведут себя по отношению к нам, немецким женщинам, неужели и это является обманом, присущим геббелевской пропаганде?!

Я отвлекся от серьезной части своих воспоминаний и сейчас хочу вернуться именно к ним.

Работа продолжалась не только в нашей фирме, но и в направлении работы нашей резидентуры, то есть основной задачи, стоящей передо мной и моими товарищами.

Поездки в Париж перестали быть частыми, слишком много дел было в Бельгии. Наоборот, Отто не прекращал навещать Брюссель. Я не мог определить, с какой целью он это делает. Единственным объяснением могло служить, как мне это казалось, его стремление использовать меня, а теперь и непосредственно Познанскую для шифровки его сообщений, направляемых по моей рации в «Центр». Подобное было нежелательным, так как загружало мою линию связи и радистам приходилось иной раз слишком подолгу находиться в эфире. Свое мнение я даже высказал Отто, указав на то, что пора ему завести свою рацию, а Познанская уже достаточно подготовлена мною для выполнения шифровальной и дешифровальной работы. На это замечание он никак не отреагировал, абсолютно спокойно выслушав меня.

Кстати, читая его книгу «Большая игра» и приводимые в книге Жилия Перро «Красная капелла» высказывания Отто, я был возмущен тем, что он, именно он критиковал занятую «Центром» позицию по многочасовой загрузке работы наших радистов в каждом отдельно взятом сеансе связи. Тогда я не мог даже предположить, что Отто продолжает считать себя «главой всех наших резидентур», и не только во Франции и Бельгии, но даже и в Германии, в Берлине, где я только что побывал, а до этого ни я, ни он даже не знали об организации Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака и Адама Кукхофа абсолютно ничего. Однако, как я уже указывал, в приводимой Отто – Леопольдом Треппером схеме в его книге «Большая игра» четко означено непосредственное подчинение Берлина ему. Опережая несколько свое изложение, имею возможность указать на то, что подобное самохвальство вызвало возмущение в кругах немецких исследователей, изучающих антифашистское движение в Германии. Они абсолютно правильно указывают на то, что организация Шульце-Бойзена – Харнака была самостоятельной и Парижу не была подчинена.

Кстати, о моем подчинении ему после приема бельгийской резидентуры, как я уже указывал, ни он, ни «Центр» мне никогда не говорили. Однако из беседы с Бобом, Рене,

Хемницем и другими я начал понимать, что на время своих поездок в Бельгию Отто с ними встречается, не ставя меня в известность. Во время одной из бесед с ним я затронул этот вопрос, и он старался мне внушить, что эти встречи были случайными, и высказал даже свое обещание в дальнейшем избегать их.

К чему привело это поведение Отто, его самовозвышение и стремление поддерживать прямую связь с моими подчиненными, можно будет правильно судить из моего дальнейшего повествования. Этому вопросу, к сожалению, будет посвящена не одна глава. Пока же надо было стараться как можно лучше работать, собирать, проверять, изучать и, убедившись в достоверности получаемой информации, передавать ее в «Центр».

Приближался конец 1941 г. Все с большей и большей тревогой я задумывался над вопросом, успеет ли Советский Союз подготовиться к предсказанной Хоро весенне-летней кампании, к началу военных действий фашистских армий на Кавказе.

Немцы предпринимали все для того, чтобы убедить народы мира, что они планируют и не отказываются от своих намерений захватить острова, на которых расположена Великобритания. Многие пароды оккупированных стран вспоминали внезапно, совершенно неожиданное вторжение фашистских войск в мае 1940 г. в Бельгию, Нидерланды, Люксембург и Францию, породив шее у них убежденность, что военные действия на Западе на этом не закончатся, а будут продолжены ближайшей высадкой гитлеровцев в Великобритании. Поговаривали даже о якобы уже предпринятых немцами попытках высадить своих десантников на Британские острова. Некоторые из моих «друзей» даже делились «достоверными» сведениями о том, что англичане нанесли этим гитлеровским вооруженным частям сокрушительное поражение, вызвав значительное число жертв, в том числе и большое количество раненых. Некоторые даже указывали на то, что англичанам это удалось благодаря тому, что при приближении фашистских вооруженных сил они создали вокруг островов огненное поле. Для этого якобы они выпустили в море значительное количество нефти и подожгли ее. Некоторые даже утверждали, что во Франции госпитали переполнены немцами, пострадавшими от этого пламени.

В то время, когда курсировали эти слухи, я находился в Бельгии. Ни мне, ни моей резидентуре получить достаточно вескую информацию, подтверждающую эти слухи, не удалось. Одно казалось мне и моим «друзьям» странным, что обычно быстро реагирующая на всякие распускаемые слухи, способные дискредитировать немцев, немецкая пропаганда в данном случае казалась незаинтересованной в разоблачении этой «клеветы». Мы были вправе верить в то, что, если действительно распускаемые слухи о поражении и значительном количестве понесенных жертв являлись вымыслом, немцы должны были отреагировать.

В гораздо более осведомленных кругах бельгийцев утверждали часто, что о поражении немецких войск при попытке высадки на Британских островах слухи распускались в интересах гитлеровцев, стремящихся доказать, что Германия просто не готова к подобной операции. Однако постепенно появлялись и другие мнения, участвовавшие после 22 июня 1941 г., с которыми начинали считаться и в Бельгии. Многим казалось, что Германия прекратила выполнение своего плана по захвату Британских островов, считая, что все ее усилия должны быть в данное время направлены против СССР; поражение этого государства, естественно, по их мнению, должно было обеспечить победу гитлеровцев во всем мире без дополнительных жертв.

В результате первых побед гитлеровцев на Востоке многие задавались вопросом: неужели все кончено, неужели неоткуда больше ждать избавления? Стоит ли обеспечивать рост собственных движений Сопротивления и их вооружение? Стоит ли создавать вообще боевое движение Сопротивления, которому тоже неоткуда ждать ни оружия, ни военной поддержки?

Так начинали думать во Франции, Бельгии, Нидерландах. Появилось даже, в первую очередь во Франции, убеждение о необходимости превратить имеющиеся боевые группы движения Сопротивления в аттентистов (attentiste), придерживающихся выжидательной

политики. В этом случае предлагалось бойцам движения Сопротивления приложить свои силы для сбора военной, политической и экономической информации и её передачи в Лондон. Часто подчеркивалось, что, сопротивляясь разрозненно, насколько возможно оккупантам, каждое отдельно взятое разобщенное движение Сопротивления, а тем более каждая из попавших под иго фашистских завоевателей страна не могут рассчитывать в той или иной степени на решающую «победу» над врагом. Они могли в тот период, по мнению некоторых патриотически настроенных людей, кроме сбора информации стремиться мешать «нормальной жизни» оккупантов, не давать им в полном объеме эксплуатировать экономическую и промышленную базу стран, попавших под господство оккупационных фашистских властей.

Люди начинали понимать, что по сути Гитлер уже завоевал всю Европу. Осталась Великобритания, но ее дни были сочтены. До 22 июня 1941 г. была еще Россия. Осознавая стремление Гитлера завоевать весь мир, еще задолго до начала этой войны Советский Союз предлагал всем странам создать коалицию против фашистской Германии. Почему же этому предложению не последовал никто?

Невольно вспоминались мои разговоры в Швейцарии с англичанами, которые высказывали свое мнение в апреле 1940 г., что в случае возникновения в Европе войны и возможной опасности для Великобритании в их государстве к власти придет «человек войны» Уипстоп Черчилль. Именно на него они возлагали надежду и глубоко верили, что он сможет оградить Великобританию от возможной угрозы ее покорения Гитлером. И вот он уже давно премьер-министр Великобритании (с 10 мая 1940 г.). Что же происходит в стране после начала продвижения гитлеровцев на Запад?

Этот разговор с англичанами в Швейцарии я вспомнил в 1941 г., когда, вернувшись из Германии, встретился с де Буа. Меня поразило то, что он, заговорив о положении в мире и на фронтах, вдруг вспомнил У. Черчилля.

Он спросил, слушал ли я выступление по радио У. Черчилля вскоре после начала войны. Боясь исказить, допустить ошибку в изложении рассказанного мне де Буа, я решил попытаться найти подлинный текст в печати. Мои поиски оказались успешными, и я смогу даже привести две цитаты. Начну с выступления Уинстона Черчилля по радио 1 октября 1939 г.: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмелится напасть».

Я думаю, что читателю понятно, о какой «этой линии» говорил У. Черчилль. Он имел в виду границу Советского Союза, в скоплении вооруженных сил на которой обвиняли его гитлеровцы, «предостерегая» весь мир о готовящемся нападении Советского Союза на Западную Европу.

Не успела еще начаться гитлеровская агрессия против Советского Союза, как в конце первого дня войны, 22 июня 1941 г., премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль выступил по радио, заявив в открытую: «Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, поэтому Великобритания окажет России и русскому народу всю помощь, какую только сможет».

И вот уже почти кончается 1941 год, а я услышал мнение бельгийского промышленника де Буа, которое, по его словам, требует пояснений, так как сам он не может разобраться во всем происходящем сейчас в мире.

Де Буа прямо поставил вопрос: неужели Великобритания и находящиеся на ее территории правительства, члены которых спаслись бегством на Британские острова после нападения на их страны, в том числе и продолжающий призывать к борьбе против фашистских оккупантов Шарль де Голль, фактически бездействуют, ожидая, что победу им сниспошлет Господь Бог? Неужели они верят в то, что советскому народу удастся полностью одержать победу над Германией, покорившей все страны западного континента?

Больше того, дать правильный ответ на все вопросы, волновавшие не только де Буа, но и многих людей на Западе, мешали распускаемые слухи со ссылкой на того же Уинстона

Черчилля, якобы заявившего, что англичане допускают возможность насильственной оккупации Британских островов гитлеровскими войсками. Королевская семья, правительство Великобритании и находящиеся на ее территории правительства других покоренных стран должны были бы переехать в расположенный вдали свой доминион – Канаду, с тем, чтобы оттуда руководить военными действиями против Германии и ее сателлитов. Великобритания вправе рассчитывать на поддержку в этой антифашистской борьбе, на помощь со стороны своих колоний и связанных с ней исторически стран.

Пассивность Великобритании была проявлена, по мнению многих, еще в том, что она допустила полное разрушение промышленного города Ковентри, подвергнувшегося двум крупным налетам гитлеровской авиации, первый – в ноябре 1940 г., второй – в апреле 1941 г. Тогда нам еще не были известны точные последствия этих налетов. В последующие военные и послевоенные годы мне стало известно, что в этом старинном городе был полностью разрушен прославивший себя архитектурными памятниками центр. В этом городе имелись предприятия авиационной промышленности, часть которых была тоже разрушена.

К сожалению, мы не знали некоторых очень важных подробностей, касающихся этих налетов, и, самое главное, причин, помешавших Великобритании принять меры по предотвращению таковых. Только в 1943 м или в начале 1944 г., уже находясь в заключении в гестапо, если не ошибаюсь, от Отто Баха, о котором я буду еще говорить достаточно подробно несколько позднее, я узнал, что Уинстон Черчилль (!), якобы зная заранее о готовящихся налетах, не принял никаких мер по их предотвращению. В соответствии с информацией Отто Баха англичанам удалось захватить аппарат шифровки, по которому немецкое командование могло передавать частям свои зашифрованные указания, а в частях могли с помощью этого же аппарата их расшифровывать. Рассказывая мне об этом, Отто Бах, ставший известным через меня в «Центре» как Карл, подчеркивал, что подобных аппаратов было не очень много, а вот один из них оказался у Великобритании. Англичане боялись огласки, а больше всего того, что фашисты смогут догадаться, что англичане своевременно, до начала полетов узнали о том, что они угрожают Ковентри, и могут легко заподозрить, что они овладели способом расшифровки передаваемых этими аппаратами секретных указаний воинским частям. Это лишило бы Великобританию, ее секретные службы возможности перехватывать важные стратегические указания фашистского верховного командования.

Время шло, а меня не покидали различные мысли, вызванные моей поездкой в Берлин. Полученная от Хоро краткая информация о положении на Восточном фронте меня не могла успокоить. Я чувствовал, что военные действия на Родине будут все более расширяться. Мог ли я спокойно жить, отвергать победоносные сообщения геббельсовской пропаганды, не переживать за своих родителей, о положении которых я конкретно ничего не знал, за советский народ. Надо было усиливать работу по сбору надежной информации и ее своевременной передаче в «Центр». Надо было направлять всю энергию и на расширение деятельности «Симекско», и на участие в упрочнении деятельности филиала в Париже.

Я чувствовал себя очень усталым, нервное напряжение возрастало. Мне несколько помогали в сохранении сил утренняя гимнастика и массаж, принимаемые по совету врача таблетки. Не покидающее меня чувство ответственности, возложенной на меня, за порученную работу заставляло усиленно работать.

Я не переставал посещать интендантуру, принимать у себя не только ее сотрудников, но и некоторых офицеров вермахта, с которыми успел познакомиться, как и с одним работником комендатуры, а также моих деловых друзей.

Все чаще и чаще мне приходилось слышать от всех, с кем приходилось встречаться, конечно, в первую очередь от немецких «друзей», о том, что советско-германский фронт является адом для сражающихся там немцев. До меня доходили даже такие слухи, что гитлеровское командование стало часто направлять на этот фронт считавшихся провинившимися офицеров и даже отдельных эсэсовцев. Все чаще стали поступать сведения и о том, что из оккупированных на Западе стран на Восток направляются новые войсковые

подразделения.

Хотя немцы и продолжали строить береговые оборонительные сооружения, у многих моих собеседников складывалось впечатление о том, что оккупанты не опасаются какой либо высадки из Великобритании во Францию и Бельгию.

Нельзя умолчать еще и тот факт, что после начала агрессии против Советского Союза, уже 24 июня 1941 г., то есть буквально через два дня после выступления У. Черчилля, президент США Франклин Делано Рузвельт в свою очередь заявил о готовности его государства оказывать всю возможную помощь Советскому Союзу. Правда, США оставались еще вне войны, придерживались установившейся у них политики «нейтралитета», но... Эти два заявления столь высокопоставленных государственных деятелей не могли остаться незамеченными.

Мне это придавало бодрости и уверенности, что моя разведывательная деятельность будет успешнее при определенном настроении народных масс. Ведь весь период времени до 22 июня 1941 г. у западноевропейцев настроение было безнадежным, большинство из них уже не верило, что удастся освободиться от нацистов, по существу завоевавших всю Европу. Я. да и не только я, многие замечали, что с началом военных действий, направленных против Советского Союза, у многих настроение приподнялось. Люди верили не только в мощь СССР, но и в высокий патриотизм советского народа, народа России, не раз доказавшего за всю свою историю непобедимость.

Все чаще мы обсуждали в самых различных кругах наших собеседников вопросы, связанные с последними событиями, в том числе и с только что совершенным нападением Японии 7 декабря 1941 г. на мощную военно-морскую базу США Нерл-Харбор. Буквально на следующий день, 8 декабря, Япония уже объявила войну Соединенным Штатам и Великобритании, начались наступательные операции на Филиппинах, в Малайе и в голландской Индии. Не успели еще правильно оценить эти события, как совершенно внезапно мне был задан по телефону вопросом владельцем «Селект скул»: слышал ли я о том, что Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам? К этому времени я еще ничего не знал. Это было 11 декабря. Я подумал о том, что мне следовало бы немедленно выехать в Париж, с тем чтобы посоветоваться с Отто, Андре о том, какую позицию нам следует занимать в создавшейся обстановке.

С каждым месяцем после 22 июня 1941 г. у многих бельгийцев и французов появлялось все больше и больше надежды, что удастся объединенными силами одержать над фашистской Германией окончательную победу. Постепенно укреплялась антигитлеровская коалиция. Большинство понимало, что оказывающий, несмотря на первые неудачи, серьезное сопротивление гитлеровской агрессии Советский Союз не будет уже больше одиноким. Всем было ясно, что Ф. Рузвельт, правящие круги США, одного из самых мощных государств, были уже обязаны целиком и полностью понять необходимость ближайшего сотрудничества с СССР.

После моего телефонного разговора с владельцем «Селект скул» я немедленно поехал к нему. К моему удивлению, у него уже был де Буа. Оба высказывали свое недоумение, вызванное тем, что Германия и Италия осмелились объявить войну США. Мне пришлось услышать их мнение, заключавшееся в том, что, несмотря на огромное расстояние, отдаляющее США от Европы, они верят, что США в борьбе за освобождение не только начнут помогать странам Европы своей техникой, оружием, но и примут непосредственное участие в продолжающейся уже более двух лет войне. Не исключалась возможность, что военно-морской флот и воинские подразделения США помогут путем высадки на оккупированные фашистами территории вернуть самостоятельность оккупированным странам. Между прочим, это мнение быстро распространялось, и французы надеялись, что освобождение от оккупантов прежде всего произойдет во Франции, бельгийцы, в свою очередь, надеялись, что именно Бельгия будет первой осчастливленной страной. Тогда мало еще говорили о возможности или, вернее, необходимости открытия на Западе второго фронта.

Прошло еще совсем мало времени с тех пор, как я вернулся из Германии в Бельгию. Несмотря на различные мнения о дальнейшем развитии Второй мировой войны, многие продолжали надеяться и верить в то, что освобождение их стран произойдет не в результате развертывания военных действий союзниками на Западе, а именно поэтому все взгляды обращались на Восток. Все больше людей начали сомневаться в заверениях геббельсовской пропаганды о том, что блицкриг на Востоке вот-вот закончится полным разгромом Советского Союза. Этому способствовали противоречивые слухи, чаще всего относящиеся к совершенно неожиданным для немецких армий встречаемым на Востоке трудностям и поражениям.

Поверьте мне, дорогие читатели, душевное состояние у меня неожиданно стало все более и более тревожным. Появлялись необъяснимые мысли, вызывавшие тревогу, не может ли повлиять на мою легализацию вступление США в антигитлеровскую коалицию, не начнут ли немцы предпринимать какие-либо действия не только против граждан США, но и против имеющих паспорта граждан латиноамериканских государств. Для меня, как мне казалось, может оказаться неприятным и тот факт, что мой паспорт выдан был в Нью-Йорке.

Необычно нервное состояние было вскоре замечено Блондинкой. Я должен признаться, что к этому времени я ее очень любил, любил за ее отношение ко мне, за оказываемую мне во всех отношениях помощь. Нет, оказываемая помощь не ограничивалась только рамками деловых успехов в «Симекеко», организацией столь необходимых для моей деловой и разведывательной деятельности частых приемов, в том числе немецких офицеров, которых, как я понимал, она должна была по своим жизненным переживаниям ненавидеть. Она мне оказывала помощь в том, что в ответ на проявляемую мною заботу о ней и о Репе она заботилась и обо мне. Ее безусловная близость ко мне для меня была тоже очень тяжелой. Это не так просто объяснить и тем более понять.

Хочу напомнить, что только недавно, а точнее 7 ноября 1941 г., не по моему уругвайскому паспорту, а в действительности, мне исполнилось только 28 лет. Жизнь сложилась так, что у меня никогда не было еще ни одной женщины, с которой я поддерживал бы даже случайную, временную, интимную связь. И вот судьба уготовила мне еще одно испытание. Рядом была не просто красивая, но привлекательная во всех отношениях женщина. Многие предполагали, что мы являемся супружеской парой, а некоторые, в том числе и Отто, считали, что Маргарет является моей любовницей. И то и другое было ошибочным. Правда, в силу ряда обстоятельств, о которых я еще расскажу, в доставшихся мне написанных Маргарет воспоминаниях она прямо указывает, что 20 июля 1941 г. она стала моей официальной женой. К сожалению, это не отвечает действительности. Мы никогда не были соединены браком.

Больше того, Маргарет была предельно порядочной женщиной, любила своего покойного мужа и не помышляла ему изменять. Что касается меня, то от интимного сближения с Маргарет меня удерживало не только ее поведение, но и полученные в «Центре» перед моим отъездом за рубеж рекомендации, превратившиеся впоследствии и в мое личное убеждение. Читатель, видимо, помнит, что в «Центре» меня предостерегали против каких-либо интимных связей со случайными женщинами, объясняя это тем, что среди них могут быть агенты полиции и различных секретных служб. В то же время мне не рекомендовали вступать в близкие отношения с женщинами хорошего общества, чтобы в случае моего провала я не мог их скомпрометировать. Да, в некотором смысле я нарушил это предупреждение. После того как я дал Зингеру, отцу Маргарет, обещание помогать ей и Рене во время проживания в Бельгии в ответ на оказанную мне помощь в расширении моих деловых связей не только в Бельгии, но и в Германии и Чехословакии, я ее открыто выдавал на всех устраиваемых мною с её помощью приемах за «хозяйку» моего дома, что давало многим возможность полагать, что она является моей женой. Однако это была только видимость.

Поверьте мне, зная, что Отто, Андре и некоторые другие, связанные с разведкой мужчины живут действительно со своими женами, я понимал, насколько им легче живется,

чем мне. Зная о любовных похождениях Хемница – Михаила Макарова, осуждая его за это, в то же время я его понимал, но сам, испытывая полное одиночество, избегал нарушить полученные в Москве рекомендации.

11 ноября 1941 г. мы очень долго сидели у камина вдвоем с Маргарет, пили кофе и, как это ни странно, большую часть времени даже молчали. У камина и даже после того, как мы разошлись по нашим комнатам, я долго думал обо всем, что уже знал о полюбившейся мне женщине.

Знал, что она старше меня больше чем на год, родилась 14 августа 1912 г. в Чехословакии в небольшом городке Затеке, родители были очень богатыми людьми. Маргарет часто, рассказывая об отце, указывала, что он был коммерсантом в области химии, что дало ему возможность стать миллионером, что, по ее словам, она жила в роскоши. Пять лет училась в школе и три года в колледже, где среди прочих предметов изучала латынь. Достигнув 14-летнего возраста, Маргарет целый год провела в Вене, посещая занятия в пансионате по современной программе. Вернувшись домой в Затеку, увлеклась спортом – теннисом и участвовала в некоторых турнирах, однако ее мечта стать профессионалом в этой области не сбылась. В то время для девушки в таком возрасте было не принято одной разъезжать с членами клуба, в котором она играла. Играть она действительно умела очень хорошо. В этом я убедился. Несмотря на то что юношей я тоже любил теннис и выступал даже за границу, часто выигрывая, во время игры с Маргарет я чаще всего проигрывал. Родители жили, создав очень дружную семью. «Я никогда, – часто подчеркивала Маргарет, – не слышала в разговоре между отцом и матерью ни одного громко сказанного слова». Это, по ее словам, тоже способствовало хорошему воспитанию ее и брата, который был старше на пять лет. «Отец, разъезжая по своим делам и выбирая место для семейного отдыха, много путешествовал и брал очень часто нас с собой. Как правило, наши каникулы мы проводили, – продолжала Маргарет, – в Австрии, Швейцарии, Германии, Италии, Франции и даже на известном курорте в Карлсбаде».

В 1931 г. она познакомилась с одним венгром в Затеке, где он отдыхал у общих друзей. Возник флирт, приведший к серьезным отношениям, и 7 апреля 1932 г. состоялось бракосочетание, не смотря на то, что муж был старше на 18 лет. 22 декабря 1932 г. у них родился сын, которому они дали имя Рене. После бракосочетания новый член семьи, господин Барча, стал работать в конторе отца Маргарет.

После того как в 1938 г. Гитлер добился, что Чехословакия ему уступила Судеты, отец с матерью, Маргарет с мужем и сыном переехали в Прагу, а затем... В апреле 1939 г. они эмигрировали в Бельгию. Напомню, что в этом месяце мы встретились с Отто после моего прибытия в Бельгию.

Дальше события разворачивались довольно быстро, о значительной части таковых я уже повествовал. Напомню только, что во время моего пребывания в Швейцарии, в ночь на 15 марта 1940 г. внезапно скончался Эрнест Барча. Скончался он скоропостижно в возрасте 45 лет, а Маргарет, в 27 лет потеряв любимого мужа, осталась вдовой с 7 летним сыном Рене. Эрнеста Барча похоронили на кладбище в одном из районов Брюсселя, Икселе.

После смерти мужа Маргарет полностью посвятила себя воспитанию Рене. После вынужденного отъезда родителей из Бельгии в отношении воспитания Рене помогал Маргарет в соответствии с данным мною её отцу обещанием я. Маргарет очень часто посещала могилу любимого мужа.

Надо признаться, много времени воспитанию Рене уделять я не мог, как, впрочем, и Маргарет. Слишком часто мне приходилось покидать Брюссель и Бельгию, совершая поездки по делам «Симекско» и по моей разведывательной деятельности. Признаюсь, иногда у меня даже возникала тревога, вызванная сомнением, не думает ли Маргарет, что у меня на стороне есть женщина, с которой я провожу ночи, пренебрегая Маргарет, которая, как потом выяснилось, меня тоже полюбила. Во всяком случае, каждый мой отъезд из Брюсселя воспринимался ею с каким-то мне непонятным чувством тревоги. Возможно, она опасалась, что я покину ее, и она останется одна с Рене. Я понимал, что опасение было не случайным.

Уже прошло столько времени после нашего знакомства, больше того, со времени нашего совместного проживания на вилле, а я, молодой и одинокий человек, хорошо относящийся к ней и к Рене, не предпринимаю никаких попыток для сближения с ней, присущего обычным молодым женщине и мужчине.

Думая обо всем этом, я категорически отвергал возможность объяснения Маргарет, кем я в действительности являюсь. Могли ли служить оправданием сложившихся между нами отношений мои утверждения, что в Монтевидео у меня осталась невеста, которая меня ждет? При продолжительном пребывании в Бельгии могло ли это мое утверждение быть воспринято всерьез? Скорее, можно было верить в то, что у меня где-то есть скрывающаяся любовница.

Все эти думы перемешивались с думами о работе, о том положении, в каком я смогу оказаться, если американцы предпримут высадку в Бельгии или немцы в ожидании подобной высадки посчитают нужным разделаться со всеми выходцами из заокеанских стран.

Рано утром я встал, как всегда последовали зарядка, массаж, душ, бритье, и вышел на веранду. Я был поражен: в столь ранний час в кресле сидела задумавшаяся Маргарет. У нее был усталый, не присущий ей уже давно, опечаленный и встревоженный вид. После обычного приветствия мы пошли в столовую завтракать. Вскоре я направился в контору «Симекско». Совершенно неожиданно Маргарет по телефону сообщила мне, что к нам прибыл наш обычный гость, Жан Жильбер. Они удивляются, что я допоздна задержался в конторе, и просят побыстрее приехать ужинать.

Это было 12 декабря 1941 г.

ГЛАВА XXI. Провал бельгийской резидентуры и его последствия.

Как только Маргарет сообщила о неожиданном прибытии в Брюссель Жана Жильбера, я поспешил домой. Встреча, состоявшаяся в присутствии Маргарет, сопровождалась, как всегда, проявлением дружеских чувств. В беседе за ужином были затронуты, конечно, только совершенно общие, характерные для того времени в семейных кругах вопросы. Затем мы втроем вышли на террасу, стояла довольно теплая погода, я покурил, принимая меры предосторожности, чтобы дым от сигары не попадал к моим собеседникам. Посидев немного на террасе, Отто и я, как всегда извинившись перед нашей собеседницей, направились ко мне в кабинет.

Признаюсь, в создавшейся сложной обстановке и при моей повышенной нервозности я встретил приезд Отто с некоторой радостью. Чувствуя все возрастающую ответственность за порученную мне работу, хотелось поговорить о многом.

Мы долго, сидя в моем кабинете, беседовали и разошлись уже далеко за полночь. Отто никуда не спешил, ведь, как всегда, он во время своих приездов в Брюссель останавливался у меня на вилле, ночуя во всегда готовой для его приема комнате.

Совершенно неожиданно для меня Отто вновь выразил мне благодарность, что в сложившейся сложной обстановке мне удалось обеспечить отpravку его семьи в «деревню». Выражение благодарности было в наших беседах весьма редким явлением.

Продолжая начатый разговор, мой собеседник подчеркнул, что, несмотря на то, что прошло уже много времени, почти полтора года после отъезда Любы с детьми, он никогда не может забыть их и, конечно, ту помощь, которую я оказал им.

Невольно у меня возникали мысли, которые я вслух не высказывал. Была середина декабря 1941 г. Новости, получаемые нами из «деревни» и извлекаемые из радиопередач и прессы, не всегда были утешительными, скорее, их можно было отнести к тревожным. Мне вспоминалось, как мы предупреждали о возможности начала агрессивных действий гитлеровцев против Советского Союза. Вспоминалось и то, что, не имея права уточнять ни место моего пребывания, ни характер выполняемой мною работы, я не выдерживал и иногда в письмах, направляемых через «Центр» в Ленинград, еще задолго до этих событий писал мужу моей сестры о том, что надо внимательно следить за всеми событиями развернувшейся

войны. Естественно, я не мог прямо писать о том, что следует ожидать развертывания войны на Востоке, но, зная, что он работает в оборонной промышленности, я позволял себе высказывать свои пожелания в части его успехов по работе, подчеркивая, что это весьма важно. Я был убежден, надеялся, что до него дойдут мои намеки.

Понимая переживания Отто, вызванные тем, что он не имеет никаких сведений о том, как устроилась его жена Люба с детьми в Москве, как проходит их жизнь, я тоже задумывался над тем, как живут мои родители, сестра с дочкой. Очень тяжело было, что в результате сложившейся обстановки я с мая 1941 г. перестал получать письма от моих близких, а сейчас изредка по радию передавались только лаконичные приветы от них, направляемые мне «Центром». Тревога и озабоченность за судьбы моих близких и, конечно, за все то, что происходило на Родине, не покидали меня ни на минуту.

Отто мне поведал, как работает в Париже наша «крыша» – «Симекс» и ее филиал в Марселе. При этом подчеркнул, что организация ТОДТ в Париже осведомлена о связи «Симекско» с представителями вермахта в Брюсселе, а это приносит пользу и «Симекс». Он коротко рассказал и о том, как все наши, в том числе Андре с женой, Рене (Кац), Корбен, живут и работают. Очень коротко, без уточнения конкретных вопросов он остановился и на работе его резидентуры. После этого Отто подчеркнул, что настало время для возвращения в Париж обучавшихся у нас радиста Давида Ками (Альбера Десме) и шифровальщицы Софи Познанской, так как им предстоит большая работа в его резидентуре. Правда, заметил, что Андре тоже освоил имеющийся у них специально предназначенный для их резидентуры шифр. Мне стало известно и о том, что в Париже он готовит и дублеров для радиста, так как убежден, что им достанется много работы. По не совсем понятным для меня причинам он выразил желание, чтобы я в мой очередной приезд в Париж встретился бы с этими радистами и помог им организационной с точки зрения приступить к работе. Конечно, он проявил свою любезность, заявив, что, конечно, убежден, что его радист и шифровальщица получили в нашей резидентуре достаточно хорошую подготовку и смогут сразу же организовать независимую от нас параллельную прямую радиосвязь с «Центром».

Мне было, как это уже вошло в традицию, неудобно задавать вопросы, касающиеся цели его приезда в Брюссель. Как всегда, я мог предполагать, что это продиктовано личными интересами и что, учитывая высказанное ранее мною мнение, он не сочтет удобным встречаться со своими бывшими подчиненными, а вернее, друзьями, не предупредив меня.

Утром, как обычно, довольно рано мы позавтракали, и я отправился в контору «Симекско», а Отто, как я мог понять из его слов, решил заняться в городе «своими делами», мне неизвестными. Маргарет намеревалась посетить Репе в пансионате и затем проехать на кладбище.

Днем я должен был встретиться с Хемницем. В эту ночь он должен был работать на нашей конспиративной вилле, снимаемой для этой цели по моему указанию Жюльетгой. Я ждал новых радиogramм.

Прибыв в «Симекско», я занял свой кабинет и пригласил к себе Шоколадного директора. Совместно мы приступили к рассмотрению неотложных текущих дел, которых у нас всегда хватало. Надо было все решить до обеда, так как после встречи с Хемницем и получения от него новых радиogramм из «Центра» я стремился при возможности пораньше вернуться домой и заняться их расшифровкой. Я мог предполагать, что и в них могут быть сообщения, адресованные Отто. Возможно, нам надо будет срочно дать ответ, а это потребует от меня шифровальной работы.

Время шло довольно быстро, но не прошло и 40 минут, как раздался телефонный звонок по прямой линии, минующей мою секретаршу. Взяв трубку, я услышал совершенно необычный, встревоженный голос Отто. Он сообщил, что срочно идет ко мне домой, и настойчиво требовал, чтобы я немедленно тоже прибыл к себе на виллу. Он предупредил меня, что предстоит очень срочный «деловой» разговор.

Тон Отто и его настойчивость меня крайне удивили. Еще никогда так резко он со мной не разговаривал. Естественно, я не уточнял Шоколадному директору причину, но только с

поспешностью предупредил, что поступил срочный вызов и я вынужден немедленно выехать.

Вернувшись домой и увидев Отто, я его не узнал. На нем не было лица. Чувствовалось, что он находится в предельно нервном состоянии, чего-то опасается. Он сказал только, что немедленно выезжает в Париж. Я понял, что произошло что-то, о чем он в присутствии Маргарет не хочет говорить. Я не мог подумать, что и от меня он что-то скрывает. Я попросил его пройти в кабинет...

Не понимая, в чем дело, заметив, что Отто даже не хочет присесть, я попросил его рассказать, что случилось.

Его волнение начало передаваться и мне. Отто настолько был взвинчен, что не знал, с чего начать. Он присел и попросил чашку кофе. Пока я готовил в имеющейся у меня специальной небольшой установке кофе, невольно мелькнула мысль, что он хочет выиграть немного времени, чтобы обдумать содержание нашей последующей беседы. Приготовив кофе и войдя в свой кабинет, я не застал его там. Он появился через несколько минут уже со своим маленьким чемоданчиком-несессером. К кофе он так и не притронулся, что меня вначале тоже крайне удивило: зачем же было его заказывать?

Путаясь, нервничая, совершенно непохожий на себя. Отто начал разговор.

В день своего прибытия в Брюссель, еще до появления у нас на вилле, он успел предупредить Хемница, чтобы в доме Жюльетты собрались утром следующего дня, помимо хозяйки дома и проживающей у нее Софи Познанской, Давид Ками, Михаил Макаров и еще кто-то, не помню, называл ли он мне еще кого-либо, или ограничился только выражением «и немногие еще».

Перебивая его, я вновь высказал мое недовольство тем, что он встречается с «моими» людьми, даже не предупредив меня. В данном случае, указал я, тем более это недопустимо, что подобная встреча назначена нескольким лицам на конспиративной квартире, на вилле, арендуемой Жюльеттой, рано утром, после того как ночью там работала наша рация!

Отто не обратил на это никакого внимания и продолжил:

– Когда я приблизился к дому Жюльетты и нажал кнопку дверного звонка, мне открыл какой-то незнакомец, в нем было нетрудно сразу же определить немца. За его спиной в нескольких шагах стоял еще какой-то мужчина. Заподозрив неладное, я не растерялся и назвал вымышленную фамилию того, кого я якобы разыскиваю. К нам приблизился второй мужчина, оказавшийся тоже немцем. Он попросил меня войти в дом и закрыть за собой дверь. Я выполнил его требование. После этого он потребовал, чтобы я предъявил свой паспорт или удостоверение личности. Едва сдерживая волнение, я в резкой форме спросил, что это значит. Не получив ответа, я предъявил имеющиеся у меня документы: удостоверение личности на имя француза Жильбера, постоянный пропуск на право беспрепятственного проезда из Франции в Бельгию, оформленное командировочное удостоверение нашей фирмы и то, что явилось самым главным, – письмо-заказ на имя «Симекс», парижской фирмы, выданное парижским отделением организации ТОДТ.

Проверив все предъявленные документы, внимательно сличив мою внешность с фотографией, имевшейся на удостоверении личности, немец, даже вежливо извинившись, попросил меня покинуть этот дом и продолжить поиск того, кто мне нужен, в другом месте. Я с болью понял, что произошел провал. Установить, кто именно попал в руки немецких захватчиков, конечно, я не мог и не могу точно сказать, но боюсь, что это все, с кем я условился встретиться. В то же время я понял, что лично мне ничего не угрожает, и поэтому стремился сюда, чтобы взять мои вещи и немедленно, ближайшим поездом вернуться во Францию...

Услышав этот рассказ Отто, я едва сдерживался, мне очень хотелось высказать все, что у меня накопилось. Я был буквально потрясен, я едва сдержался от того, чтобы не нахамить «опытнейшему разведчику, моему бывшему шефу» за то, что он нарушил не только все правила конспирации, но и общепринятый порядок, – без моего ведома считал вправе встречаться по каким то причинам с моими, подчеркиваю, моими подчиненными,

входящими в мою резидентуру. Я боялся, что он мог скрыть от меня, что на эту встречу мог пригласить и других своих «старых друзей» – Боба, Вассермана и неизвестно кого еще.

Меня глубоко возмутило и то, что он считал возможным незамедлительно после случившегося направиться к моей вилле, не боясь слежки за собой. После того как я высказался, Отто весьма нагло заявил мне: «Вы боитесь только за себя, не думаете ни о ком другом, а я был твердо убежден, что за мной не установлено никакой слежки!»

Видимо впоследствии осознав допущенную им очередную оплошность, в своей книге «Большая игра» Леопольд Треппер нагло пишет, привожу цитату: «Вдруг вспоминаю, что условился встретиться со Шпрингером совсем близко отсюда. Нельзя терять ни минуты, иначе, не дождавшись меня, он, скорее всего, тоже устремится прямехонько в мышеловку на улице Атребат. К великому счастью, Шпрингер терпеливо ждал меня...» (с. 145).

А разве эта встреча не является тоже оплошностью? Разве не должен был он, пройдя мимо, дать понять, что существует опасность? Ведь мы всегда предусматривали резервную встречу. Но может возникнуть еще один вопрос: зачем понадобилось Отто, сдавшему мне, повторяю, в присутствии Большакова, представителя «Центра», бельгийскую резидентуру, не ставя меня в известность, встречаться со Шпрингером? Ответ на этот вопрос я тоже нашел, читая его книгу. Леопольд Треппер, не стесняясь, пишет на той же странице: «Я вспоминаю, что несколькими неделями раньше мой Директор выразил желание получить подробные планы этого порта с обозначением мест, куда могли бы прокрасться подводные лодки. Эти планы Шпрингер каким-то образом сумел раздобыть...» (с. 145).

Леопольд Треппер прямо указывает, что речь идет о планах «антверпенского порта».

Мог ли «опытный разведчик» назначить встречу другому разведчику неподалеку от того места, где только что встречался с несколькими членами моей, подчеркиваю опять, моей резидентуры? На каком основании мог резидент в Париже давать задания моим разведчикам в Бельгии, не ставя меня в известность? Почему Отто умолчал, сообщая мне об имевшем место провале, что «не прямо из дома Жюльетты» направился ко мне, как это он утверждал, а имел еще встречу со Шпрингером? Мог ли резидент в Париже, не имея прямой связи с «Центром», пользуясь только моими радистами и мною как дешифровщиком, получить указания «его Директора» о сборе сведений об Антверпене? Почему Директор, зная, что я принял от Отто развалившуюся резидентуру и мои возможности, дает поручение по Бельгии резиденту в Париже, конечно, если это не выдумка самого Отто в подтверждение его наглости. Почему мой работник, выполняя «задание» резидента в Париже, не ставит меня об этом в известность?

Ответ может быть только один: Кент не справляется со своими обязанностями! В Западной Европе существует только один «опытнейший» резидент – Леопольд Треппер!

Хочу продолжить рассказ о нашей беседе с Отто, последовавшей за провалом. Я решил проанализировать совместно с ним, каковы возможности гестапо напасть на наш след в результате показаний, возможно даже под пытками арестованных.

Прежде всего, не выражая вслух свои мысли, я был очень доволен тем, что все, почти все, за исключением тех, которые достались мне от Отто, привлеченные мною к работе лица, все мои связи не были известны тем, кто был сейчас арестован немцами. Невольно вспоминалась моя оценка некоторых из арестованных и известных им лиц, данная мною представителю «Центра» Большакову еще в мае 1940 г. Я был доволен принятыми мною мерами по обеспечению наиболее четкой конспирации в моей резидентуре. Рассматривая каждого в отдельности из тех, кто был или мог быть арестован, я приходил к выводу, что наиболее опасным лицом является Хемниц. Нет, я тогда не мог и подумать, что он встанет на путь предательства. Я верил в то, что он сумеет молчать, но... я ведь не знал, каковы методы, применяемые гестапо или другими немецкими спецслужбами. Именно поэтому наибольшую тревогу у меня вызывал тот факт, что перед отъездом в Прагу и Берлин я ознакомил его с шифром, которым до этого пользовался только сам. Я мог предвидеть, что пеленгаторы записывают уже давно передаваемые по рациям шифровки, но я знал из различных источников, что наши шифры не поддаются дешифровке. К работе «Симекеко» я его не

привлекал, но о существовании фирмы и о том, что я являюсь ее президентом, он знал и от Отто, и от меня лично. Однако я думал, что он не знает ее названия и, конечно, адреса. Следовательно, гестапо могло определить, в какой из бельгийских фирм президентом является южноамериканец, а следовательно, узнать и мою точную фамилию. Отто признал, что Хемниц, он и Андре уже в 1939 г. познакомились с Шоколадным директором. Они знали его настоящую фамилию и то, что он принимал участие в создании нашей фирмы. Правда, со слов Отто я понял, что Хемниц знал о том, что Шоколадный директор не имеет прямого отношения к нашей разведывательной деятельности, а только используется нами как коммерсант.

Меня очень тревожило и то, что, по указанию того же Отто, я установил связь Хемница с Блондинкой и он пользовался ею во время моего отсутствия, то есть во время моей поездки в Чехословакию и Германию в октябре 1941 г. Не зная нашего адреса, он вполне мог знать ее фамилию и имя. Хочу сразу оговориться. В своих воспоминаниях Маргарет пишет, что у нас в доме часто бывали Жан Жильбер и Карлос Аламо. Это является ошибкой. Видимо, уже после встречи с Маргарет это утверждение продиктовано Леопольдом Треппером или Жилем Перро. Аламо у нас, во всяком случае, при мне, не бывал, и я не допустил бы, чтобы во время моего отсутствия Отто устраивал бы у нас встречи с ним.

Хемниц знал Жюльетту, Ромео, Боба, радиста Профессора, Софи Познанскую, Давида Ками и, конечно, не только знал, но и дружил с Отто и Андре, правда, он не мог знать, под какими фамилиями они проживали во Франции. Во всяком случае, так я мог думать. Я не мог точно определить, кого он еще знал. Повторяю, и, видимо, придется еще не раз повторять, что я лично Хемницу давно не доверял.

Я мог быть уверенным в том, что он знает хорошо, что собой представляет «Центр», то есть он мог признать, что это высший орган советской разведки. Знал он и то, что именно по заданию «Центра» я выезжал в Чехословакию и Германию, но он не мог знать, с каким именно.

Итак, Хемниц в силу своих знаний и непосредственного отношения именно к советской разведке был наиболее опасным возможным «свидетелем-разоблачителем». Все остальные из числа арестованных или, возможно, впоследствии выданных ими знали меня как резидента, но прямых показаний против меня они дать не могли. Они не знали ни моей фамилии, ни места жительства, ни названия фирмы, которую я возглавлял, и, тем более, что я советский разведчик. Теперь мне известно, что Отто поддерживал с большинством из них прямую связь, выдавая себя за «крупного руководителя». Поэтому я был уверен, что никто, кроме Софи Познанской и Давида Ками, ничего о нем показать в гестапо не могут, ибо не знают, что он продолжает работать во Франции.

Конечно, нам надо было невольно задуматься: а если на основании показаний того же Хемница смогут быть арестованы Блондинка, Шоколадный директор и другие, может ли это отразиться на мне, угрожать мне?

Частично мы обсуждали все эти вопросы еще совместно с Отто до его отъезда из Брюсселя. Мы понимали, что ни Блондинка, ни Шоколадный директор не могут сообщить ничего компрометирующего меня гестапо. Они, безусловно, о моей разведывательной деятельности ничего не знали. В то же время в случае моего разоблачения Хемницем и другими необходимо принять срочные меры для сохранения нашей «крыши». Для этого разоблаченный президент, если это удастся гестапо, должен немедленно покинуть «Симекско», больше там не появляясь, якобы «бежал». До его разоблачения следует всем распространять слухи о его болезни, а еще лучше указывать на срочный вызов в Монтевидео в связи с болезнью отца. Во всяком случае мы могли надеяться, что это может спасти фирму.

Надо было решать еще очень сложный вопрос. Было совершенно необходимо немедленно вывезти из Бельгии Блондинку. Хотя она не знала ничего о разведывательной деятельности своего «покровителя» Винсенте Сьерра, нельзя было пренебрегать возможностью, что в случае, если Хемниц начнет давать показания, он, зная ее как «связистку» между ним и мною с Отто во время моего отъезда в Германию, мог

предполагать, что она является прямым участником нашей резидентуры. В дальнейшем это могло привести к разоблачению фрейлейн Аман, благодаря которой был установлен контакт с индентантурой, с Беранеком и Людвигом Махером. Ведь все немцы, с которыми я поддерживал связь, знали Блондинку как «хозяйку моего дома». Это тоже могло подтвердить ее принадлежность к резидентуре. Имел ли я право подвергать ее опасности? Нет, но возникал еще один весьма важный вопрос: согласится ли Блондинка вместе с сыном Репе, находящимся в очень хорошем католическом интернате, покинуть Бельгию? Возникал и еще один вопрос: куда ее можно отправить? Ведь надо было еще подумать и о ее содержании. Ведь до этого я выделял ей средства не столько непосредственно из моего собственного заработка, сколько из действительно причитающихся ей отчислений от коммерческих операций, проводимых «Симекс ко» благодаря переданным нам Зингером, ее отцом, деловым связям и связям, полученным через фрейлейн Аман, правда, последние почти не учитывались. Единственной возможностью, кажущейся более или менее реальной, было ее направление в неоккупированную зону Франции, а оттуда в Швейцарию, чтобы в дальнейшем, как принято теперь говорить, она могла добиваться возможности перебраться к своим родителям, получив их материальную поддержку. Но возникал еще один вопрос: а как Блондинке объяснить причину «нашего» срочного выезда из Бельгии? На этот вопрос нелегко было ответить, ведь я не мог ей сказать правду. Было принято решение сказать, что необходимо укрепить наши филиалы, в том числе и во Франции. Был еще один вариант. Помимо возможности переезда в США к отцу и матери можно было предложить ей переправку в Марсель, чтобы она устроилась там на работу в филиал «Симекс». Но как можно предлагать ей устроиться на работу в «Симекс», если она никогда в своей жизни нигде не работала.

Выбрать наиболее подходящий вариант и предложить его Маргарет должен был, естественно, именно я. Но любой вариант, связанный с нелегальным переездом, а вернее, бегством из Бельгии, а другого выхода не было, весьма сложен. У Маргарет мог образоваться солидный багаж. Ведь она принадлежала, как уже указывалось, к весьма обеспеченной семье. Получить возможность официально переехать во Францию, а затем куда-либо еще в короткий срок было совершенно невозможно. Переправить багаж при создавшемся положении было тоже абсолютно невозможно. Согласится ли она оставить все свои вещи на хранение у кого-либо до лучших времен? Ответ на этот вопрос в моем понимании не мог быть однозначным. Другого выхода не было. Надо было решаться на разговор с Маргарет.

Отто очень нервничал, торопился на вокзал, поэтому я принял решение, что все возникающие вопросы я обдумаю после того, как провожу его.

Совершенно неожиданно в дверь позвонили. Я выглянул из окна кабинета и посмотрел, кто звонит. Признаюсь, не без тревоги я заметил, что перед виллой стоит и внимательно смотрит в окно тот рексис, который работал в комендатуре оккупантов и с которым я поддерживал некоторую связь. Чем мог быть вызван приход рексиса в рабочее время ко мне домой? Надо было рисковать, и я решил открыть дверь и впустить его в дом. Отто в испуге буквально помчался по лестнице на второй этаж. Как потом выяснилось, он даже хотел уже бежать через сад. Несмотря на мое состояние, пришлось проявить гостеприимство, из бара достал коньяк и выпил с ним пару рюмок. Он очень спешил и, не стесняясь, сказал, что решил меня побеспокоить, так как ему срочно нужны на пару дней 750 бельгийских франков, и он очень просит, если, конечно, у меня есть наличные, одолжить их ему. При этом подчеркнул, что он заезжал в «Симекско», где ему сказали, что я уехал в город по делам. Вот тогда он и решил посетить наш дом, полагая, что если не застанет меня, то, возможно, помощь ему окажет моя «жена». Я тут же выложил ему необходимую сумму, предупредив, что ненадолго уезжаю по делам фирмы в Швейцарию, а по возвращении позвоню ему или заеду в комендатуру, где я часто бывал. Как только попрощались с ним, мы с Отто на машине помчались на Южный вокзал.

На вокзал мы прибыли очень быстро и буквально успели к поезду, через несколько минут отправлявшемуся в Париж.

Друг, приятель и защитник Леопольда Треппера, французский писатель Жиль Перро пишет: «Вечером 13 декабря Кент и Маргарет провожали Треппера на вокзал, но, выйдя на перрон, они увидели лишь удаляющийся красный огонек парижского поезда. Все трое отправились на авеню Слежер. Недалеко от дома Кента путь им преградил полицейский кордон, а у самого дома стояло несколько машин. Кент позвонил из кафе; подошедший к телефону человек ответил по-немецки. Кент и Маргарет укрылись у одного из бельгийских друзей. Треппер уехал следующим поездом» (с. 66).

В написанных, видимо, после встречи в 1965 г. с Жилем Перро своих воспоминаниях Маргарет Барча излагает новый вариант «сказки» Леопольда Треппера. По этому варианту, она, возвращаясь домой вместе со мной и Леопольдом Треппером с вокзала, после того как он опоздал на парижский поезд, заметила у нашей виллы гестаповские машины. Она позвонила по телефону, подошла горничная и прокричала: «Не возвращайтесь к себе, так как вас разыскивает гестапо!» Далее она продолжает, что после того, как мы спрятались в доме Назарена Драи, в течение нескольких дней вечерами ездила на нашу виллу и возвращалась с вещами.

И наконец, позволю себе привести еще одну «сказку», которая уже принадлежит самому Леопольду Трепперу и изъята мною из его книги «Большая игра». Там написано: «Надо было действовать предельно быстро. Я поехал на машине в Лилль. Там сел в поезд на Париж» (с. 145).

Позволительно задать несколько вопросов. Зачем понадобились Леопольду Трепперу эти «сказки»? Зачем ему надо было ехать в Лилль, для того чтобы сесть на поезд? На какой машине он поехал в Лилль? Признаюсь, я не знал, что при его тревожном состоянии он сумел втайне от меня достать себе машину.

В действительности, когда я, вернувшись с вокзала и успокоившись, что я посадил Отто в поезд, затеял разговор с Маргарет об ожидающих нас событиях и возможных вариантах, она очень растерялась и даже не могла произнести ни слова. Несколько минут прошло в полном молчании, а затем последовал несколько удививший меня вопрос: «А куда переберется Винсенте Сьерра?» Последовали и другие: чем вызвано это поспешное бегство из Бельгии, где в общем-то жилось неплохо? А как же будет с могилой Эрнста, кто будет за ней смотреть? Что она сможет делать в Марселе или Швейцарии? Как она сможет связаться со своими родителями?

Естественно, мне было трудно объяснить создавшееся положение и дать ответ. Пришлось все это объяснять довольно запутанно. Я пояснил, что мой «приятель», тоже гражданин моей страны по фамилии Аламо, которого она знала, арестован за деятельность, якобы направленную против оккупантов. Он хорошо знал меня, а главное, гестапо может установить, что в Брюсселе проживает еще один уругваец, а это может подтолкнуть немцев потянуть за ниточку. Если это будет так и подозрение сможет пасть на меня, то, зная, что мы с Маргарет находимся в дружеских отношениях, а некоторые немцы, которые бывали у нас, могут даже подумать, что она моя «жена», неприятности могут распространиться на нее и на Рене. Я лично намечаю переехать в Париж, а ей рекомендую переехать к родителям в США. До получения этой возможности некоторое время задержаться в Марселе. Там я смогу через Жилия Жаспара помочь ей устроиться, а при необходимости даже получить временную работу в филиале нашей фирмы. Руководит этой фирмой в Марселе тот пожилой человек по фамилии Жаспар, брат бывшего премьер-министра Бельгии. Он эвакуировался туда вместе со своей женой. Я выразил даже надежду, что Жиль Жаспар сможет ей помочь добиться по возможности быстрее необходимых разрешений на выезд в США, так как у него есть связи с Виши.

Маргарет, как-то странно взглянув на меня, задумалась и неожиданно заплакала. Признаюсь, я был встревожен и не мог понять, чем были вызваны эти слезы. Несколько помедлив, она тихо произнесла: «А как же я буду вдвоем с Рене? Ведь когда вы были с нами, я чувствовала опору. Я знала, что вы всегда поможете, сдержите слово, данное вами моему отцу! Сейчас мы останемся вдвоем, а я ведь абсолютно не приспособлена к жизни, да еще в

таких сложных условиях! Что будет с нами дальше? Что будет со всеми нашими вещами?»

Мне было действительно ее очень жаль, но другого выхода не было. Ведь только из-за того, что она часто на всяких приемах появлялась рядом со мной, выступая в качестве «хозяйки дома», что именно она мне во многом помогала как разведчику, все это могло быть основанием для обвинения ее в принадлежности к нашей разведке. Я все понимал. Понимал и то, что если Хемниц начнет давать показания в гестапо, то и он будет считать вправе настаивать на том, что Маргарет была моей связной и, передавая ему от моего имени во время поездки в Прагу и Берлин «сигналы», не могла не знать о том, что я являюсь разведчиком.

Любому человеку понятно мое состояние. Выхода не было, надо было немедленно покинуть виллу. Я должен был опасаться и того, что если Хемниц не выдержит допросов вместе с пытками и начнет давать показания, то сможет назвать ее телефон, а немцы установят и адрес, по которому мы проживали. Это предположение тоже вынуждало меня принять срочные меры к тому, чтобы Маргарет перевезти в какое либо другое место, обезопасить ее. Нам повезло в том отношении, что Рене находился в интернате, а следовательно, ему ничего не угрожало.

Я не стал терять времени, понимая, что, возможно, уже завтра я должен буду принимать меры к временной консервации резидентуры, с тем, чтобы с помощью «Центра» впоследствии решить вопрос о ее дальнейшем подключении к работе и подборе соответствующего резидента. Мне надо было ликвидировать все, что хранилось у меня в тайнике, и определить тот минимум вещей, который я мог бы захватить с собой, чтобы вместить в мой небольшой чемодан-несессер. В него я вложил книгу, служившую для шифровки радиограмм. Я еще не отдавал себе отчета в том, что пользоваться этим кодом я никогда больше не смогу, и не только потому, что у меня, во всяком случае в ближайшее время, не будет своей рации, но, главным образом, потому, что он стал известен Хемницу. Я надеялся, что Хемниц не поддастся следователям гестапо и хотя бы некоторое время будет еще молчать. Надо было быстро действовать. Я вскочил в машину и помчался на встречу с Шоколадным директором. Еще по пути к нему мучили вопросы: что мне ему сказать? Как объяснить ему сложившуюся обстановку? Решение принял совершенно неожиданно: раскрыть ему частичную правду. Поэтому я сказал сразу же при нашей встрече, что мне кажется, что после моей поездки в Чехословакию и Германию за мной и даже за Маргарет Барча, видимо, началась слежка. Во всяком случае, нам показалось, что за нашей виллой установлено наблюдение. Конечно, это был с моей стороны чистейший вымысел, но мне надо было еще все обдумать и сразу решить многие вопросы. В том тревожном состоянии, в котором я находился, было очень трудно что-либо быстро решать.

Я, пытаясь взять себя в руки, вдруг вспомнил, что еще на Родине, а особенно на подводной лодке в Испании мои друзья часто смеялись надо мной, подчеркивая, что у меня совершенно необъяснимые стальные нервы. Я напряг свои нервы, взял себя в руки, пытаюсь не впасть в панику наподобие той, которая, как мне показалось, охватила Отто. Того самого Отто, которому удалось, возможно чисто случайно, не стать жертвой того провала, за которым последовали аресты, виновником которого он, несомненно, частично был сам.

Выслушав, Шоколадный директор предложил мне и Маргарет временно переехать к ним вплоть до окончательной проверки, снятия слежки за нами. Он снимал в другом районе Брюсселя довольно большой домик, принадлежавший племяннику министра иностранных дел Бельгии Поля Анри Спаака. С чувством искренней благодарности я принял это предложение и помчался домой, полагая, что Маргарет, выполнив мою просьбу, уже подготовилась к тому, чтобы переехать на другую квартиру. Приняв предложение Шоколадного директора, учитывая, что нам, возможно, придется задержаться в Брюсселе, не желая стеснять семью друзей, я подумал на следующий день переехать в Женваль, где мы тоже снимали виллу, используемую в настоящее время уже несколько месяцев в качестве конспиративной квартиры. На ней работал на рации иногда Профессор, Иоганн Венцель. Из нашей резидентуры никто о существовании этой виллы не знал.

Действительно, Маргарет была уже готова, и я тут же, усадив ее в машину, отвез к Назарену Драйи. Предвидя возможность на следующий день прибытия из интерната Рене, им отвели гостевую спальню, а я разместился в домашнем кабинете Шоколадного директора.

Должен признаться, что мне было очень тяжело расставаться не только и не столько с самой виллой, к которой я уже очень привык, сколько с собранной мною замечательной библиотекой. Там были книги и альбомы по искусству, и я ее очень любил. Кроме того, в моей библиотеке я морально отдыхал от всех неприятностей и тягостей моей жизни. Надо было задуматься и над тем, как поступить с обслуживающим персоналом.

Мне повезло в одном отношении. Перед моим отъездом в Германию я узнал, что к моему шоферу вернулся из плена сын, и они решили переехать на свою старую квартиру. Шофер пообещал мне и в дальнейшем аккуратно помогать ухаживать за садом и небольшим огородом.

Сейчас мне оставалось предупредить его и приходящую повариху, что нас некоторое время не будет в Брюсселе. Шофера я попросил продолжать следить за машиной, которую я передаю оставшемуся за меня в «Симекско» директору. Я имел в виду Шоколадного директора. Это его не удивило, так как официально он числился шофером фирмы и водил машину при необходимости официальных поездок руководства фирмы.

С поварихой я на всякий случай рассчитался. Возникал вопрос, а как быть с горничной, нанятой Маргарет? Мы приняли решение заплатить ей за несколько месяцев вперед, и она переехала жить к своей матери, которая, кстати, этим была очень довольна.

Знакомясь с рукописью Маргарет, подаренной мне нашим сыном Мишелем, я не мог понять, кто ее поучал во многих вопросах. Я еще остановлюсь позднее на некоторых из них, а сейчас хочу только высказать удивление по поводу того, что она вспоминает, будто я ее посылал каждый вечер на нашу виллу. Во-первых, как я мог рисковать, когда мы «уже знали», что наша вилла оцеплена гестаповцами, на что указывают сейчас в различных публикациях. Заявляю, что это ложь, но, тем не менее, даже если бы мы не знали о том, что «гестапо получило наш адрес», а только учитывали эту возможность, разве мог бы я допустить, чтобы Маргарет предпринимала подобные поездки, то есть рисковала бы своей свободой и жизнью? Блондинка и ее сын Рене, но существу, не покидали дом Шоколадного директора. Исключение составляли разве только буквально минутные выходы на улицу у самого дома. Покинули они этот дом только тогда, когда мне удалось через Вассермана препроводить их нелегально, через «зеленую границу» во Францию, в Париж. Сопровождала их Мальвина. Однако это было уже через несколько дней. Мне надо было задержаться в Брюсселе. В бюро фирмы я больше не появлялся. Шоколадный директор был в курсе всех ее дел. То, что ему еще надо было узнать, я сообщил дополнительно, сидя у него дома. В интендантуре, в организации ТОДТ, в других оккупационных учреждениях, с которыми мы были связаны, моим «друзьям» во всех деловых кругах Шоколадный директор должен был сообщить, что я неожиданно срочно выехал на некоторое время по делам фирмы в Швейцарию, получив оттуда срочный вызов.

Юридическое оформление Шоколадного директора как исполняющего обязанности директора распорядителя не потребовалось, так как уставом акционерного общества это было предусмотрено.

Много времени я затратил на то, чтобы законсервировать нашу резидентуру. Хочу подчеркнуть, что большая часть привлеченных мною к работе источников и членов резидентуры была известна только мне и из моих шифровок частично «Центру». Я не хотел подвергать их никакому риску, а поэтому связь поддерживал только лично. К этой группе лиц относились и немцы. Следовательно, мне надо было заботиться в первую очередь о тех, кого могли знать ранее арестованные, о тех, кто остался еще на свободе. Их было тоже немало.

Время шло быстро. Я почти не бывал в доме у Шоколадного директора. Как мне показалось, его жена предполагала, что я просто не желаю их беспокоить и стеснять своим присутствием. Я, предполагая это, все же не пытался ее разубедить.

Наконец настал день, когда я выехал в Париж. Маргарет и Рене должны были в сопровождении Мальвины выехать через два дня. Все было обусловлено, и я должен был их встречать в Париже. На всякий случай им были даны адреса, по которым они могли явиться, если бы я их не встретил.

Было бы неправильно полагать, что мой переезд из Бельгии во Францию не вызывал у меня никаких тревог. Естественно, я опасался при проверке на границе моего паспорта быть задержанным. Я не был полностью уверен, что Хемниц сразу после своего ареста не назвал моей фамилии. Это могло быть при его желании создать возможность реабилитации для себя, так как он знал, что я занимаю хорошее положение в обществе. Он мог назвать нашу фирму «Симекско», а гестапо могло сразу же установить, что возглавляет ее тоже уругваец, как и Аламо. Я не был тогда достаточно осведомлен, как происходит допрос арестованных в гестапо. Мне рассказывали о различных методах ведения допросов в различных спецслужбах, полиции и, конечно, гестапо, но точно предвидеть, какой метод будет применен по отношению к Хемницу, предположить не мог. Я не исключал возможности применения тяжелых пыток, не выдержав которых мог даже назвать меня как основного резидента советской разведки в Бельгии.

Признаюсь, только из книги «Большая игра» я узнал о том, что Михаил Макаров, будучи в числе советских добровольцев, сражавшихся на стороне республиканцев против фашизма в Испании, уже тогда «как человек и солдат отличался безрассудной отвагой». Больше того, как пишет его друг и покровитель Леопольд Треппер, «оваянный славой героя, он прибыл к нам из Испании, где сражался в подразделении республиканских военно-воздушных сил» (с. 97). Из этого утверждения можно было бы сделать вывод, резко изменивший мое мнение о нем, но... Встречаясь в «Центре» в Москве, разговаривая с Макаровым, я узнал, что он служил в Испании переводчиком в танковых войсках, которыми руководил в то время Дмитрий Григорьевич Павлов. Не знаю, где правда?

Буквально ошеломила меня цитата из книги Жилия Перро «Красная капелла». Этот «исследователь и стремящийся к правде» французский писатель указывает: «Большой шеф прибыл в Брюссель 12 декабря и отправился к Кенту, где для него всегда была готова комната.

Он приехал в Брюссель, чтобы встретиться с Макаровым (Аламо). Бедняга погибал от скуки и замучил его своими жалобами: "Товарищ дорогой, ну что я здесь делаю? Подобные дела слишком сложны для меня! Уверяю тебя, я мог бы сделать немало хорошего! Пусть мне дадут самолет, по крайней мере, я принесу хоть какую-то пользу..."

Они должны были встретиться на улице Атребат на следующий день, 13 декабря» (с. 61).

Нет, я не собираюсь обвинять Жилия Перро в задуманной им сознательно лжи. Я могу только обвинить его в том, что он слишком доверчиво относился ко всем вымыслам Леопольда Треппера!

Мог ли Хемниц писать или сообщать своему «дорогому товарищу», что он погибает от скуки? Жиль Перро пытается со слов Отто утверждать, что Макарову делать было нечего в Бельгии! Несмотря на мое, не всегда положительное, отношение к поведению и работе Хемница, я считаю себя обязанным утверждать, что с момента начала работы подчиненных мне раций он, Макаров, очень много работал, не только сам передавая и принимая шифровки, но и обучая присланного из Парижа радиста.

Несмотря на то что проверка моих документов на границе прошла без каких либо затруднений, свой путь до Парижа и довольно продолжительное время пребывания в Париже я продолжал находиться в нервном состоянии. Меня весьма беспокоило, как удастся нелегально перебраться из Бельгии во Францию Маргарет с Рене.

Из соображений конспирации я не решился останавливаться в гостинице, а поэтому остановился в доме, которым я иногда пользовался во время моего пребывания в Париже. Он находился недалеко от Булонского леса, на улице, по существу, закрытой для посторонних прохожих. Здесь до войны проживали различные дипломаты. Большая часть домов была

занята немцами. Один из этих немцев был представителем фирмы Людвиг Махера. Правда, я точно не знал, кем он числится. Во всяком случае, я счел возможным «погостить» у него. Естественно, в первый же день после моего прибытия в Париж я встретился с Отто. Я мог понять, что он очень хотел бы, чтобы я как можно скорее покинул Париж. Но не до конца понимал, чем продиктовано его желание. Я продолжал пользоваться «сапогом» на имя Винсенте Сьерра, а следовательно, в случае, если бы Хемниц меня назвал, мое присутствие в Париже могло бы навлечь опасность и на «Симекс». Ведь Париж был столицей оккупированной фашистами Франции. Да, пожалуй, не следовало рисковать и подвергать опасности резидентуру Отто и созданную нами совместно «крышу».

Меня несколько удивила позиция, занятая при нашей встрече Андре – Лео Гроссфогелем. Он был другого мнения, предлагал и, больше того, настаивал на том, чтобы я поступил так, как Отто и он поступили, покинув Бельгию после ее оккупации немцами и переехав во Францию, то есть сменили «сапоги», продолжая работать в Париже. Частично можно было с ним согласиться, но только частично. Когда они «бежали» из Бельгии и обосновались по их новым «сапогам» в Париже, там не было еще ни резидентуры, ни «крыши». Сейчас была уже солидная «крыша». Мое появление в ней, весь аппарат которой во главе с Хозяйственником – Альфредом Корбеном, а также и связанные с «Симекс» деловые люди знали меня как уругвайца по фамилии Сьерра, под другой фамилией было просто невозможно. Мое внедрение в резидентуру тоже не было бы в полной мере безопасным не только для меня, но и для самой резидентуры.

Разговор с Андре с глазу на глаз меня несколько удивил. Я знал, что Лео Гроссфогель и Леопольд Треппер давние друзья. Мне казалось, что они сработались. Совершенно неожиданно Лео, обняв меня по-дружески, вдруг сказал: «Говоря честно, познакомившись с вами, я не думал, что вы сумеете так работать, преодолевая многие трудности!» На этом наш разговор закончился. Мне показалось, что Андре недоволен в чем-то работой Отто. Подумав, я решил, что, видимо, ошибаюсь.

Возникший вопрос мы еще раз обсуждали совместно с Отто и Андре. Было принято окончательное решение, что я задержусь на некоторое время в Париже, дождусь прибытия Маргарет и Рене, провожу их в Марсель, а затем выеду туда и сам. Марсель находился в то время в неоккупированной зоне Франции, и там у нас была «крыша» в филиале «Симекс». Филиал возглавлял Жиль Жаспар. Мне надо было помогать ему в коммерческой деятельности и попытаться организовать там хотя бы маленькую разведывательную группу, сосредоточив ее внимание на многих вопросах, но, в первую очередь, на деятельности правительства Виши.

Когда мы приняли окончательное решение, Отто попросил меня встретиться с мужем и женой – Гершем и Мирой Сокол. Я не знал в то время, Сокол настоящая фамилия или псевдоним, по которому эти люди известны в резидентуре. Они были, как мне сказал Отто, единственными радистами его парижской резидентуры. Для того чтобы с ними встретиться, я должен был посетить!) их квартиру. Передо мной стояла задача немного с ними поработать, проверить качество их подготовки, умение владеть ключом и записывать передаваемые в эфир цифры, применяемые многими рациями для радиошифровок.

Пару раз я побывал у них дома. В ожидании прибытия в Париж Маргарет я даже один раз заночевал у них. Это были довольно симпатичные молодые люди, явно настроенные доброжелательно по отношению к Советскому Союзу.

Видимо доверяя мне, Герш и Мира очень коротко рассказали о себе. Если память мне не изменяет, он по профессии врач, а она получила гуманитарное образование. По происхождению поляки. Я мог понять, что они коммунисты. Более подробных сведений о них, в том числе и о том, как они оказались во Франции, я не услышал. Узнал еще только, что они с увлечением изучали радиодело.

Закончив работу с Гершем и Мирой Сокол, успев немного побеседовать с ними на разные темы, обменявшись мнением о создавшемся в мире положении, мы расстались, убежденные в том, что нам в ближайшее время больше не удастся увидеться.

Немного я поработал с Андре – Лео Гроссфогелем и Рене, Гилелем Кацем, чтобы они могли более успешно работать с имеющимися у них шифровальными кодами при шифровке и дешифровке направляемых в «Центр» радиogramм и получаемых оттуда.

По предложению Андре мы посетили «Симекс», где я встретился почти со всеми сотрудниками, но больше всего мы беседовали, что вполне естественно, с Альфредом Корбеном.

Не знаю почему, но в «Симексе» ко мне относились многие неплохо, но как-то более доверительно была расположена ко мне мадам Лихонина. Иногда даже появлялась мысль, а не подозревает ли она, что я по происхождению русский? Думаю, что это было с моей стороны ошибочным мнением. Мне показалось уже при первой встрече с ней, что она явно настроена не только против фашизма, но и против коммунизма. Я уже точно не помню, но мне кажется, что она доверительно рассказывала, что ее муж был одно время военным атташе царского правительства. После Великой Октябрьской революции она не пожелала вернуться на родину. Услышав от нее, что ее муж был царским военным атташе, я усомнился, так как до этого я слышал, что им был граф Алексей Александрович Игнатьев. Уточнять я не стал, чувствовал, что это неуместно.

От мадам Лихониной я узнал, что многие русские эмигранты, хотя и не признавали никогда Советский Союз, не любили его, все же очень внимательно следят за событиями на родной земле.

Однажды мы даже пообедали в ресторане вместе, и мадам Лихонина, как бы в доказательство своего утверждения, что многие русские эмигранты не выступают против России, поведала еще одну очень увлекшую меня историю. По ее словам, в Париже жил полковник царской армии, который в свое время преподавал в военной академии. Он был известен как весьма грамотный военный. Совершенно неожиданно для него немцы предложили ему принять участие в разработке стратегического плана нападения на Советский Союз. По ее словам, якобы выслушав это предложение, Голиков (точно сейчас фамилию уже не помню) ответил: «Я никогда не признавал произошедшей в России революции, свергнувшей царя. Я не принимаю и сейчас право коммунистов быть во главе России, но я никогда не соглашусь под чужими знаменами воевать против моей родины, с тем, чтобы ее впоследствии уничтожить...» Я опираюсь только на рассказ мадам Лихониной.

Мадам Лихонина с большим уважением относилась к Альфреду Корбену и Лео Гроссфогелю. Альфреда Корбена она очень любила, высоко оценивая его деловые связи, умение работать, а кроме того то, что он владел еще и фабрикой, изготавливающей... комбикорм. Не очень любезно она отзывалась о иногда посещающем «Симекс» господине Жильбере, который всегда держался вызывающе.

Признаюсь, я точно не знал, каковы отношения Отто с «Симекс» и посещает ли он вообще эту фирму, находившуюся в центре Парижа на Елисейских полях. Я думал, что в основном он использует для своей легализации только подготавливаемые для него аусвайсы и другие документы. О том, за кого с помощью журналистов и писателей Леопольд Треппер выдает себя в деловых кругах, мы еще поговорим. Во всяком случае, вымыслу и самохвальству его нет предела.

Я познакомился и с сыном мадам Лихониной. Впоследствии я услышал, что якобы он устроился шофером на работу к оккупантам по заданию одной из групп французского движения Сопротивления.

Неожиданно для меня в Париж из неоккупированной зоны Франции, а точнее, из Марселя прибыла Марго (точной ее фамилии сейчас уже не помню). Она официально числилась секретаршей в марсельском филиале «Симекс», а фактически выполняла обязанности связистки парижской резидентуры. Ее я увидел только через несколько дней.

Прошло дня три, и мне удалось вместе с Андре встретить на вокзале Маргарет с Рене. Уже по пути в гостиницу она коротко рассказала о том, какой путь им пришлось проделать, чтобы прибыть в Париж. Действительно, их сопровождала Мальвина, которая предупредила Маргарет еще до отбытия из Брюсселя, чтобы она и Рене были одеты во все темное, дабы не

бросаться в глаза. Двигаться пришлось медленно до границы, где их ждал мужчина, в обязанность которого входило провести их незамеченными через границу. Они сели в крытую часть лодки и благополучно переправились во Францию. Счастье улыбнулось, как утверждает Блондинка, им в этот день, так как, когда они прибыли на станцию, уже на территорию Франции, в пограничной зоне им не пришлось подвергаться паспортному контролю, и они совершенно благополучно сели в поезд, следовавший в направлении Парижа. Мы их уже ждали и даже накануне встречали, правда, безрезультатно. На этот раз нам повезло, и мы с Андре правильно выбрали именно то место, где должен был остановиться вагон, в котором согласно нашей предварительной договоренности с Маргарет они должны были разместиться. Встреча была теплой, хотя, как мне потом сказала Маргарет, я был в нервном состоянии.

Мы разместили Маргарет и сына в одной из небольших гостиниц, администрацию которой оба хорошо знали. Одно время я в этой гостинице постоянно снимал номер.

Конечно, оставаться долго в Париже не было смысла. Мы приняли решение, что, немного ознакомившись с городом, они выедут в Марсель. Репе должен был подготовить их организованную переправу через демаркационную линию между оккупированной и неоккупированной зонами Франции. Я постарался показать им хотя бы немного город, славившийся красотой.

По прошествии нескольких дней с помощью Рене Маргарет с сыном были переправлены через демаркационную линию.

Как потом оказалось, Марго прибыла в Париж уже после того, как Маргарет прибыла в Марсель. Это я узнал только при нашей первой встрече в Париже. По непонятным причинам Отто этот факт не уточнил в беседе со мной, когда извещал о прибытии в Париж Марго. Кстати, он очень любил потом рассказывать Маргарет, что во время ее и Репе пребывания в Париже именно он проявлял максимальную заботу о них и, больше того, их переезд в Марсель тоже организовал только он.

С Марго я встретился впервые, прежде о ней ничего не знал. Меня она, конечно, очень обрадовала, сообщив, что Маргарет с Рене прошли без всяких затруднений в неоккупированную зону. Пока их приютил чех, к которому они попали по рекомендации проводника. Жаспар с женой поехали на несколько дней в Ниццу. Волноваться не следует, семья чеха вполне надежна. Она подчеркнула, что меня с большим нетерпением ждут в Марселе. Ждут там и дальнейших указаний.

Не знаю, имел ли Отто до моей встречи с Марго разговор обо мне. Когда же при моей встрече с Марго к нам присоединился Леопольд Треппер, разговор уже зашел о нашей марсельской группе. Марго высказала мнение, что в Марселе можно было бы проводить интересную работу, полезную для нашей разведки. В этом крупном городе неоккупированной зоны имеется много весьма ценных людей не только из числа эмигрантов разных стран, но и французов. Пока же в Марселе некому работать, так как нет подходящего организатора. Контора, возглавляемая Жаспаром, может служить в основном только «крышей», и то требует определенной деловой помощи. Конечно, она сможет служить для моей легализации и, возможно, даже для налаживания для меня полезных связей.

В то же время Марго отметила, что сейчас в неоккупированной зоне положение довольно спокойное. Она сказала, что мне, как Винсенте Сьерра, уругвайскому «сапогу», будет совершенно безопасно проживать в Марселе.

Случайное ли, или заранее подготовленное высказывание Марго совместно с Отто, очень его обрадовало, и он тоже «порекомендовал» мне переехать в Марсель и спокойно жить там и работать. Больше того, он подчеркнул, что меня это должно также устраивать еще и потому, что со мной будет Маргарет Барча с Рене. Последнее меня не только удивило, но, я бы даже сказал, обидело. Неужели Отто думает, что Маргарет находится уже продолжительное время со мной потому, что является моей любовницей?

Мое проживание в Марселе, думаю, устраивало его не столько потому, что он хотел организовать новую резидентуру, понимая, что, появившись внезапно в Марселе, не имея ни

одного знакомого, я, скорее всего не смогу наладить там успешную разведывательную работу. Что же могло его еще интересовать? У меня внезапно появилась мысль: не хочет ли он, чтобы я взял под свой контроль доходы филиала, с тем, чтобы они аккуратно передавались ему в Париж? Он же отлично понимал, что со стороны Жаспара я не могу ожидать никакой помощи в развитии нашей разведывательной работы, он ведь действительно к этому не только не имел никакого отношения, но и, по моему мнению, не мог даже предполагать, для чего нам нужна фирма.

Марго до этого времени выполняла обязанности только секретаря филиала и деловой «связистки» между «крышами» в Париже и Марселе. В декабре 1941 г., то есть вскоре после провала в Бельгии, во время моего пребывания в Париже перед отъездом в Марсель он сообщил о том, что уже послал в «Центр» радиограмму об имевшем место провале. Он не знал, что я успел еще до моего отъезда из Брюсселя зашифровать и передать Профессору радиограмму в «Центр» по этому вопросу. Я не мог быть уверенным, получил ли «Центр» своевременно мое сообщение и сообщение Отто. Только прочитав «прим. ред.» к книге Леопольда Треппера «Большая игра», я узнал, что и на этот раз Отто вводил меня в заблуждение, утверждая, что о провале в Бельгии он уже успел доложить «Центру». В указанном примечании прямо говорится: «Л. Треппер доложил о провале радиоквартиры в Брюсселе 1 февраля 1942 года» (с. 145). О получении «Центром» моего сообщения, направленного через Профессора, я никакого подтверждения не получил.

Я верил в то, что «Центр», зная о провале в Бельгии, об аресте принадлежащих к резидентуре лиц, а в особенности Хемница, владевшего нашим шифровальным кодом, примет все необходимые меры для предотвращения окончательного провала. К сожалению, как покажет время, я очень ошибался.

Итак, окончательное решение было принято. Я должен был переехать незамедлительно из Парижа в еще не оккупированную зону, принадлежащую находящемуся в Виши правительству Анри Филиппа Петэна и Пьера Лавала. Я должен обосноваться в Марселе.

Естественно, хлопотать о получении официального разрешения на этот переезд не следовало. Безусловно, я, как президент «Симекско», мог бы получить подобное разрешение для посещения филиала «Симекс». Главным, однако, являлось стремление по возможности скрывать от немецких властей мое дальнейшее местопребывание. В связи с этим мне нужно было перейти через демаркационную линию. Для этого надо было прибегнуть к помощи проводника.

Марго, имевшая необходимые документы для проезда в неоккупированную зону, должна была сопровождать и связать меня с теми людьми, которые безопасно могли обеспечить мой переход. Марго должна была выдать меня за своего мужа, бежавшего из плена. Конечно, не было необходимости предъявлять им паспорт.

Я с небольшим чемоданчиком-несессером, а Марго с небольшой сумочкой покидали Париж. Наиболее тепло прощался со мной Лео Гроссфогель от своего имени и имени своей жены Жанны. Он пожелал мне по возможности скорее вернуться в Париж, а затем и на мою настоящую родину. Конечно, ни он, ни я не могли даже предположить, при каких обстоятельствах состоится «мое возвращение» в Париж.

Вблизи от демаркационной линии «наши доверенные лица» поместили нас в одном крестьянском домике, где предстояло переночевать и дожидаться того времени, когда придет «специалист» по нелегальному переходу через границу. Было очень холодно. Любезная хозяйка, которая, естественно, за свое гостеприимство получила от нас немалый куш, согрела кровати, положив на некоторое время под одеяла горячие утюги.

Я почти всю ночь не спал, а моя «жена» Марго спала очень хорошо. Меня же не покидали мысли о том, что происходит в Бельгии, как сейчас устроилась Маргарет с Рене в Марселе, какое дальнейшее развитие событий может последовать за провалом в Брюсселе и о многом другом.

Еще не рассвело, а нас уже разбудили. Надо было еще затемно перебираться в неоккупированную зону. Наш переход был весьма удачным до границы – до стороны

неокупированной зоны Франции. Французская полиция оказалась более бдительной, чем несшие охрану линии немцы. Нас задержали и доставили к комиссару местной полиции.

Марго предъявила не вызвавшие никакого подозрения свои оформленные в предусмотренном порядке документы для перемещения из одной зоны в другую. Меня же она представила как гражданина нейтральной страны, латиноамериканца, уругвайца, владельца крупной фирмы, один из филиалов которой находится в Марселе. При этом она указала на то, что мы просто не имели достаточного времени для оформления соответствующего пропуска.

Я предъявил свой уругвайский паспорт и, естественно, все необходимые документы, подтверждающие факт моей принадлежности в качестве президента АО и директора распорядителя фирмы «Симекско». Кроме того, я предъявил разрешение немцев на постоянный проезд из Бельгии во Францию и обратно.

Еще не дождавшись ответа комиссара, Марго попросила разрешения позвонить по телефону в Марсель директору филиала фирмы Жаспару, чтобы его предупредить, что мы уже на этой стороне демаркационной линии и скоро прибудем в Марсель. Марго спросила комиссара, не желает ли он получить подтверждение того, что нас уже ждут в фирме. Видимо, из вежливости комиссар согласился взять трубку и переговорить с директором фирмы, предварительно поинтересовавшись фамилией директора. Я мог понять, что это была лишняя перестраховка, ибо комиссар и без того отнесся к представителю одной из нейтральных стран Латинской Америки, да тем более не являющемуся простым беженцем, а имевшему официальное положение в Бельгии, признанное даже немцами, достаточно доброжелательно.

Время было уже обеденное, и я попросил комиссара доставить нам удовольствие, то есть мне и сотруднице фирмы, пообедав с нами. Он согласился и повел нас в сельскую избу, которая, видимо, во всяком случае, по нашему понятию, была «забегаловкой». Нас там хорошо накормили и даже дали выпить неплохого вина.

Можно прямо сказать, что, проведя несколько часов с комиссаром, любезно беседуя с ним, рассказывая ему о моей родине, Уругвае, о жизни в Бельгии до и после оккупации, мы как-то сблизились и по-дружески распрощались. Он даже проводил нас до ближайшей станции, а затем уже на поезде мы совершенно спокойно добрались до Марселя и сразу проехали на квартиру к Жаспару. Там я встретился с Жилем Жаспаром и уже немолодой, но очень симпатичной его женой. Их я знал еще по Бельгии. Оба они встретили нас по-дружески, очень тепло. Конечно, тут же я увидел очень обрадовавшихся моему приезду Маргарет и Рене.

Моему дальнейшему, во многом сложному и нелегкому проживанию в Марселе я хочу посвятить еще один специальный раздел моих воспоминаний. А сейчас, мне кажется, надо более подробно остановиться на постоянно мучивших меня вопросах, связанных с последствиями провала бельгийской резидентуры, и на тех ошибках, которые были допущены Отто и мною, но не только нами...

Безусловно, я мог предполагать, что нашу работающую рацию немцы могли обнаружить, запеленговав ее в ночь с 12 на 13 декабря 1941 г., а быть может, и раньше, но решили накрыть ее именно в эту ночь. Могли ли последовать аресты тех, кто был захвачен в тот момент гестапо или абвером? Не являлось ли со стороны Отто грубейшим нарушением конспирации назначение ветречи в этом доме с людьми, ему не подчиненными?

Как уже известно, после внезапного ареста Хемница, Жюльетты и других, застигнутых в доме № 101 по улице Атребат, явившийся в этот дом на назначенную лично им встречу, случайно избежав своего собственного ареста, Отто незамедлительно направился ко мне, на виллу, а затем, предупредив меня о провале, с невероятной поспешностью отбыл в Париж, продолжая там жить под фамилией Жильбер. Я задумывался над тем, что могло привести к его провалу. Его видели арестованные и могли на следствии опознать как советского разведчика, хотя, быть может, и не могли назвать гестаповцам эту фамилию – Жильбер. Однако немцы, проверившие его документы, могли запомнить не только его фамилию, но и

название фирмы, которую он представлял.

Я оставался еще несколько дней в Брюсселе с целью обеспечить временный перевод на нелегальное положение всех, имевших отношение к резидентуре, а ее саму постараться тоже временно законсервировать, пытаюсь тем самым предотвратить возможные последствия начавшегося провала. Мог ли я быть в то время уверенным, что Хемниц на первых же допросах в гестапо не назовет пашу «крышу» – «Симекско»? Имел ли я право вместе с Блондинкой и ее сыном скрываться несколько суток у Шоколадного директора?

Переезжая в Марсель, я сохранил свой паспорт на имя Винсенте Сьерра, а Блондинка – свое удостоверение на имя Маргарет Барча-Зингер. Не следовало ли нам заметить наши «сапоги»? Я понимал, что в части Маргарет это невозможно, так как мы будем все же добиваться ее отъезда в США к родителям.

Возникал невольно еще один вопрос: правильно ли мы поступили, что не ликвидировали в Бельгии, а может быть, и во Франции наши «крыши»? На эти вопросы ответить было мне очень трудно. У меня появлялись и такие мысли: если бы мы ликвидировали наши «крыши», то не могли бы гарантировать неприкосновенность всех тех лиц, которые были связаны с ними не только в Брюсселе, но и в Париже. Список причастных к нашей коммерческой фирме немцы могли установить по имевшимся документам. После ликвидации фирмы их всех без исключения могли заподозрить в принадлежности к разведке. Перевести их на нелегальное положение вместе с семьями было абсолютно невозможно уже только потому, что мы не могли даже объяснить причину этой необходимости. Единственное, на что мы могли обоснованно надеяться, что никто не может дать показания о них как о советских или любых других разведчиках и даже об их участии в какой-либо группе движения Сопротивления. Это действительно было правдой. Поэтому я считал, что мой личный ход, бегство из Брюсселя, даже в том случае, если кто-либо из арестованных даст против меня показания, сможет доказать, что в фирму «пробрался» только один настоящий разведчик.

Буквально через несколько недель, во время первого своего визита, в беседе со мной Отто поведал, что ему стало известно о том, что резидент параллельной резидентуры некто Паскаль (Константин Ефремов) был арестован. Леопольд Треппер высказал твердое убеждение, что он был арестован именно немцами. По его словам, Паскаля неожиданно выпустили на свободу и он начал искать пути к установлению связи с «необходимыми ему советскими разведчиками», то есть пути к установлению контактов с параллельными группами. Как я вскоре узнал, Отто установил с ним связь и стал относиться к нему с доверием. В дальнейшем Отто пытался в печати, используя различных журналистов и писателей, утверждать, что к установлению этой связи его вынудил «Центр». Я не могу оспаривать приводимую позицию «Центра», но вынужден задать вопрос: мог ли «Центр» не знать о том, что о якобы предательстве Паскаля было известно Отто? Несомненно, до него могли не дойти эти сведения, а ведь Отто в беседе со мной заявлял об этом безапелляционно. Услышав даже непроверенные слухи о роли двойника – Паскаля, мог ли Отто к нему относиться с доверием? К чему это привело в дальнейшем, мы еще увидим. Мне удалось впоследствии установить, что Паскаль действительно был арестован гестапо и завербован им и абверовцами. Он дал согласие сотрудничать с ними в целях дезинформации «Центра». Имеются основания утверждать, что в результате его предательства был арестован Профессор, необходимый ему для работы на рации, чтобы исключить возможность установления компетентными радистами «Центра», что у рации Паскаля находится другой радист.

Одновременно с передачей в «Центр» дезинформации в его обязанности входило также установление как можно более широких связей с советскими разведчиками. После моего ареста гестапо я получил подтверждение того, что Константин Ефремов – Паскаль добросовестно выполнял эти свои обязанности у своих «новых хозяев».

Я упомянул, что с помощью Паскаля был арестован Профессор. Это тот самый радист, который очень помог в свое время наладить работу моей рации, обучал работе Хемница и

сам дублировал его работу, передавая мои шифровки в «Центр». Впоследствии мне удалось установить достоверно, что он одно время, выполняя после своего ареста указания Паскаля и гестаповцев, работал на радию, участвуя в радиоигре «Паскаль» (гестапо) – «Центр». Неожиданно для гестаповцев ему удалось бежать. После войны Профессор (Иоганн Венцель) якобы был в Москве арестован.

В один из приездов в Марсель Отто рассказал мне о том, что ему удалось установить, что Хемниц начал вскоре после своего ареста давать показания и назвал себя советским разведчиком, указав фамилию... Отто задумался и, продолжая свой рассказ, вспомнил, что якобы он назвал фамилию... Молотов. Мне было абсолютно неизвестно, откуда мог Отто получить такие сведения, и отвечает ли это действительности, тоже было трудно проверить. Я лично настоящую фамилию Хемница в то время не знал.

Одновременно с разговором о Хемнице Отто утверждал также, что сразу же после ареста у себя в доме Жюльетта стала давать гестапо показания.

Эти разговоры состоялись примерно через два месяца после провала в Бельгии. Следовательно, Отто, по его словам, знал, что провал уже имеет негативные последствия, которые могут в дальнейшем еще в большей степени развиваться. Я не могу утверждать, правдивы ли утверждения Отто, что он обо всем этом своевременно докладывал «Центру». Однако у меня все больше и больше появлялись сомнения, а укрепились они после моего ареста, после того как я узнал, что еще в декабре 1942 г., когда я еще находился под следствием в Берлине, при участии Отто гестапо начало радиоигру с «Центром», на этот раз уже по радию, принадлежащей его парижской резидентуре.

Аресты в Бельгии продолжались. Были арестованы Боб, Вассерман, Мальвина и другие. Обо всем этом я узнавал только от Отто, все чаще навещавшего нас в Марселе. Я пишу – «нас», потому что я проживал в Марселе в нанятой нами с Маргарет квартире.

Утешительным для меня было то, что немцы не трогали наши «крыши» ни в Бельгии, ни в Париже. Как выяснилось потом, это было не случайно. Обе «крыши» преднамеренно сохранялись, так как гестапо установило за ними усиленную слежку. Этим путем они хотели обнаружить советских разведчиков.

В то время у меня не возникало особых опасений в том, что провал в Бельгии может иметь какие-либо чрезвычайно серьезные последствия, которые могли бы затронуть не только наши параллельные резидентуры в самой Бельгии, но и проникнуть значительно глубже. Ведь если Отто говорил мне правду не только во время своих посещений Марсея, но и раньше, еще в Париже, то «Центр» был им извещен по всем важным вопросам, а следовательно, Главное разведывательное управление должно было тоже предпринять ряд экстренных мер, не исключая необходимость предупреждения всех резидентов, имевших связь с Бельгией и Францией.

Меня волновало: могли ли немцы через свои пеленгаторные станции перехватить и записать шифровки, направляемые в «Центр» мною или Отто, а также получаемые от него в наш адрес, по шифру, ставшему им известным от арестованного Хемница? В числе этих шифровок ведь было и задание на мою поездку в Чехословакию и Германию, а также мой отчет о выполнении задания.

Можно было ли быть уверенным в том, что «Центр» успеет предупредить тех лиц, которые упоминались во многих передаваемых в последнее время по радию шифровках, о возможной для них угрозе?

Следовало ли ожидать решения «Центра» о немедленной ликвидации «крыш» или, во всяком случае, о полной изоляции от них всех без исключения лиц, связанных в той или иной степени с нашими резидентурами?

Весь 1942 г. нервы были напряжены до предела. Я был вынужден, скрывая от Маргарет, через Жаспара установить контакт с невропатологом и под его наблюдением стараться сохранить спокойствие.

ГЛАВА XXII. Марсель – легализация, разведывательная

деятельность. Арест.

Итак, я уже в Марселе, побывал на вокзале Сен-Шарль, проехали по небольшой улочке, а затем направились прямо на квартиру Жюля Жаспара. Я не мог тогда подумать, что одно из зданий, находящихся на этой небольшой улочке, сыграет значительную роль в моей дальнейшей судьбе.

Жюль Жаспар уже вернулся к этому времени в Марсель из Ниццы, где он пару дней, встречая Новый год, провел у своей дочери. Вскоре вернулась и его жена.

Мне повезло на этот раз, так как во время моего задержания на демаркационной линии французским комиссаром Жаспар уже был в Марселе, что дало возможность, как я уже указывал, связаться с ним по телефону.

Я, конечно, не хотел обременять пожилых людей, а ведь и Жюль, и его жена были уже в солидном возрасте. Поэтому мы решили разместиться в гостинице. Нам это удалось очень хорошо. Я только задумался, как нам следует поступить. Можем ли мы снять один апартамент или два разных номера? Безусловно, мы могли бы очень удобно и хорошо разместиться в одном апартаменте, но... Волнения меня не покидали, а поэтому я решил снять два номера. В одном из них должен был поселиться Винсенте Сьерра, а во втором – не зависящая от него, но «знакомая» его Маргарет с сыном. Мне казалось, что это связано с предосторожностью на тот случай, если со мной что-либо произойдет.

После короткого обмена мнениями по разным вопросам Маргарет уложила Рене спать, и мы продолжили уже не особенно приятный разговор. Я услышал от Маргарет о её переходе через демаркационную линию и о прибытии в Марсель.

Маргарет и Рене покинули Париж и подошли к условленному месту перехода, чтобы пересечь его затемно. Задача была не из легких, так как было холодно, температура держалась порядка 13 градусов. Покинуть поезд пришлось, не доезжая до места перехода. Им пришлось пешком добираться до линии около 10 часов. Они слышали лай собак и полагали, что это их преследуют полицейские собаки, что, естественно, вызывало у Маргарет тревогу. В маленькой деревушке их уже ждали в небольшом доме, где они провели ночь. На следующий день рано утром небольшая грузовая крытая машина, служившая для доставки хлеба, довезла их до небольшой станции, где их ждал другой проводник, и, используя разные возможности, зигзагообразно передвигаясь, доставила их в Марсель, как уже спокойно говорила Маргарет. И вновь, явно нервничая, она поведала, что в результате длительного хождения и низкой температуры они очень замерзли. Она буквально не могла больше идти и предполагала, что у нее отморожены ноги. Ей было трудно говорить. Она очень переживала за Рене. Пришлось сдерживаться и почти ни с кем не разговаривать, так как она чувствовала, что ей надо тщательно скрывать, что она иностранка из нефранкоязычной страны. Маргарет подчеркивала, что это было особенно необходимо тогда, когда ей казалось, что французская полиция их выслеживает.

Маргарет должна была воспользоваться одним из трех данных мною адресов в Марселе: филиала «Симекс», домашними адресами Жюля Жаспара и некоего Тони. Кроме того, добросовестно и с сочувствием относившийся к Маргарет и Рене их последний проводник, покидая их уже в Марселе, дал им еще один – адрес адвоката. Проводник предупредил Маргарет, что в случае, если у нее возникнут какие-либо трудности, связанные с ее удостоверением личности, выданным в Бельгии, что вполне возможно, так как в это время французская полиция в подведомственной Виши зоне не была «снисходительной» к беженцам, она сможет заручиться поддержкой этого адвоката.

Первый адрес, по которому направились Маргарет, был «Симекс». В конторе никого не было. С уверенностью она направилась по адресу, где проживал Жаспар с женой, – никого не было. Итак, последней её надеждой был адрес Тони, но, к полному ее потрясению, и там никого не было. Оставался только адрес адвоката, данный ей проводником. И вот повезло. По этому адресу она нашла именно того, кто ей был совершенно необходим.

Адвокат объяснил отсутствие разыскиваемых ею людей тем, что все они, очевидно,

направились куда-либо встречать Новый год. Очень любезный, он дал Маргарет адрес одной семьи, эмигрантов из Чехословакии, просил сказать, что их адрес сообщил он, и выразил убеждение, что эта семья не оставит ее с сыном без должного внимания, учитывая тем более тот факт, что и она по происхождению чешка и может с ними разговаривать на родном языке. Адвокат назвал ей и фамилию: Эрлих.

Измотанная, усталая от перехода предыдущего дня, почти без сна и пищи, с совершенно обессиленным Репе, Маргарет направилась по указанному адресу в незнакомом городе. К счастью, небольшая улочка, в одном из домов которой жила семья Эрлих, находилась у главной магистральной улицы города – Каннебьер. Па этот раз уставшим путешественникам очень повезло. Вся семья была в сборе: муж, жена и двое детей, мальчик и девочка примерно в возрасте Рене.

Маргарет нашла возможным коротко рассказать господину и мадам Эрлих о ее жизни, причинах, побудивших покинуть Бельгию, а вернее, бежать оттуда, и высказать тревогу за благополучное прибытие в Марсель ее «мужа» – уругвайца, коммерсанта. Весь ее рассказ базировался только на том, что я говорил ей о причинах, побудивших меня покинуть Бельгию, но она не сочла удобным рассказать им, оставшись один на один, что я намеревался отправить ее в США, к родителям. Таким образом, Эрлихи уже твердо думали, что она с тревогой ожидает прибытия своего мужа.

Видя усталость молодой дамы и ее сына, господин Эрлих приготовил на скорую руку ужин. Пока они ужинали, он подготовил свою постель для того, чтобы в ней мог спать Рене. Несколько позднее Маргарет должна была лечь вместе с мадам Эрлих, а хозяин и его сын должны были лечь на раскладушках в общей комнате.

Эрлих проявил большое внимание и обещал Маргарет до прибытия в Марсель ее «мужа» заботиться о ней и Рене. Разговор между Маргарет и супружеской парой Эрлих немного затянулся.

На следующий день Маргарет вновь направилась к Тони. Рене остался с детьми Эрлих. По совету самого Эрлиха, в связи с тем, что она опять не застала Тони, ей удалось опустить в его почтовый ящик заранее заготовленную маленькую записочку с указанием адреса их нахождения. Совет оказался совершенно правильным.

В тот же день поздно вечером господин Тони появился в доме у Эрлихов. «Он увез нас в свой маленький домик и разместил с небольшим багажом, состоящим из зубных щеток, зубной пасты, мыла, полотенца и спальных рубашек», – уточнила Маргарет.

На следующий день господин Тони поставил в известность своих случайных гостей, что уезжает на несколько дней в деревню к теще и тестю, у которых в это время находилась его жена. Он должен был помочь старикам по хозяйству. Просил гостей чувствовать себя как дома и делать все так, как бы они делали у себя. Он показал хранящиеся в шкафу и в холодильнике продукты питания, разрешив ими пользоваться, так как знал, что у них нет еще продуктовых талонов. Запросить талоны до моего приезда в Марсель Маргарет не решалась, так как надо было пройти соответствующую регистрацию в полицейском участке. Сделать это без меня она боялась.

Меня несколько удивило в рассказе Маргарет, что господин Эрлих и его жена, учитывая, что занимаемая ими жилая площадь была маловата, согласились, чтобы они с Рене ночевали в доме Тони, но все дневное время проводили у них, питаясь вместе с ними. Это предложение было принято, так как дом Тони был изолирован и целый день они могли только общаться друг с другом, а Рене с большим удовольствием хотел бы играть с братом и сестрой Эрлих.

Длительное проживание в гостинице мне казалось невозможным, ибо, во-первых, я был предельно стеснен в средствах, а во-вторых, мне всегда казалось, что проживающие в гостинице люди находятся под определенным наблюдением полиции. Думаю, что и в этом отношении я не ошибался. Я был стеснен материально. Это действительно, правда. В Брюсселе я получал солидную должностную оплату президента и директора-распорядителя «Симекско», Блондинке мы иногда выплачивали определенные проценты с наших доходов,

связанных с переданными нам ее отцом деловыми связями. В Марселе мы зависели только от «подающий» Леопольда Треппера. Действительно, Жиль Перро в своей книге «Красная капелла», видимо получив эти сведения от Леопольда Треппера, сообщает, что нам платили еще в 1939 г. из средств ГРУ отдельно Большому шефу 350 долларов в месяц, после отъезда его жены (хочу напомнить, что это произошло уже в мае 1940 г.) эта сумма была уменьшена до 275 долларов, а мне, Аламо и Гроссфогелю сначала платили по 175, а затем по 225 долларов. С 22 июня 1941 г. все агенты независимо от ранга получали одинаковую зарплату в 100 долларов. Жиль Перро продолжает указывать, что с января по 30 апреля 1942 г. было затрачено 2424 доллара на французскую сеть, 2042 – на бельгийскую сеть, Кентом на свою группу в Марселе – 810 долларов. С мая по 30 сентября 1942 г. расходы исчислялись во франках: 593 тысячи приходилось на Францию, 380 тысяч – на Бельгию, 185 тысяч – на Марсель (с. 123).

Я сумею доказать, что эти цифры вымышленные. Находясь в Бельгии, занимая определенное положение в «Симекско», я не получал ни одного доллара дополнительно к моей должностной оплате. В Париже нее сотрудники «Симекс» вне зависимости от того, имели ли они отношение к советской разведке, получали только должностные оклады, такое лицо, как Леопольд Треппер, получал иногда даже больше из кассы «Симекс», чем директор Альфред Корбен, так как ему выплачивали проценты за его «коммерческие сделки», которые зачастую были выдуманными.

Я сумею доказать, что значительные суммы из прибылей «Симекско» и «Симекс» затрачивались на повышенные жизненные расходы самого Леопольда Треппера и его любовницы Джорджи де Винтер и на увеличение спрятанных «кладов», которые ему потребовались не только после бегства из гестапо, но и после «успешного» возвращения из Польши как «жертвы антисемитизма» во Францию, в Париж.

В Марселе нам приходилось жить очень скромно. Надо было снять частную дешевую квартиру, чтобы переехать в нее из гостиницы.

Жюль Жаспар помог нам и в этой части. У него уже порядочное время были хорошие отношения с директором почтового отделения, расположенного вблизи от дома, в котором снимал квартиру Жаспар. В результате случайного или преднамеренного разговора между Жюлем Жаспаром и господином Пейер выяснилось, что у второго имеется собственная пустующая квартира, правда неважно меблированная, расположенная по улице Аббе де Л'эрге (Abbe de L'Érge), 85. С владельцами квартиры вскоре у нас тоже установились дружеские отношения.

Переехав на новую квартиру, мы направились в полицию, чтобы встать на учет, а для Маргарет и Рене оформить все необходимые бумаги, приведя в надлежащий порядок все имеющиеся у Маргарет на руках документы.

Не успели мы еще освоиться и, как принято говорить, акклиматизироваться, как стали чувствовать «прелести» Средиземного моря. Вскоре нам поведали, что в Марселе можно ждать мягкую влажную зиму и жаркое сухое лето. Это нас тревожило, ибо мы прибыли в Марсель без вещей. У нас не было абсолютно никакой одежды, кроме той, в которую мы были облачены. Это сказывалось не только на нашей частной жизни, но и на моей возможности проникать и здесь в местное общество.

Температура воздуха в Марселе держалась для зимы высокая, в январе-феврале – около 12–14 градусов, а летом доходила до 30 градусов. Именно этим объяснялось то, что в квартире, в которую мы переехали, как и во всех почти других, не было отопления.

Совершенной неожиданностью для меня было то, что однажды, выйдя на улицу, я буквально не мог стоять: дул сильнейший ветер и было довольно холодно. Едва передвигаясь по улице, я видел разрушительные следы этого ветра. Потом мне рассказывали, да и сам я убеждался, что этот северный ветер, иногда северо-западный, достигающий силы шторма, приносит значительный ущерб. Он способен срывать с домов крыши, вывески, переворачивать киоски и лотки уличных торговцев. Больше того, он способен перевернуть автомашины, трамваи, автобусы. Мне говорили, что мистраль чаще всего бывает именно в

феврале марте.

Влияние этого ветра я почувствовал и на себе. К счастью, стремясь не опоздать на назначенную встречу, выскочил из дома без головного убора, что его и спасло, ибо ветер сорвал бы его и унес. Неожиданно я почувствовал во рту что то непонятное, напоминающее песок. Оказывается, ветер нес с побережья песок, на первый взгляд совершенно незаметный.

Первое время я не мог понять проявляемое провансальцами отношение к возникающим штормам, могучим ветрам. Вскоре, однако, понял, что этим ветром они тоже гордятся. Говорили, что мистраль даже тогда, когда вызывает настоящие бедствия и заставляет почти всех сидеть по домам, приносит огромную пользу, уберегая население от многочисленных инфекций, проникающих с моря.

Об этом я услышал, сидя как-то в кабинете у Жаспара, от его друзей – и тут впервые их буквально поразил. Дело в том, что еще в Брюсселе, я уже точно не помню, Ивонн или Эллен, кто-то из них подарил мне томик стихов одного поэта, и мы часто вместе с Маргарет читали их. И вот, услышав рассказ о ветре мистраль, я невольно вспомнил фамилию автора этих стихов. Фредерик Мистраль. И я назвал его. Почти все присутствовавшие были поражены и сказали, что если провансальцы, марсельцы гордятся Каннебьер и ветром мистраль, то в еще большей степени они гордятся поэтом Мистралем. Один из принимавших участие в нашем разговоре даже подчеркнул, что огненные слова любимого провансальского поэта, уподобляясь ветру мистраль, своими порывами разносят далеко от Марселя чудесные рифмованные строки, охватывают и зажигают тех, кто их слушает и читает. Как ветер мистраль, поэт Мистраль обладает огромной силой и неумолимо мчится вперед.

С первых дней пребывания в Марселе у меня возникли и трудности. Одной из весьма весомых было мое поведение по отношению к Маргарет. Она знала, что директором «Симекс» в Марселе является Жюль Жаспар, изредка к нему приезжал директор «Симекс» из Парижа Альфред Корбен. Если мне память не изменяет, то за более чем десятилетний период моего пребывания в Марселе он приезжал не более двух трех раз. Мы с ним встречались, за редким исключением, только в конторе филиала. Мне было, конечно, интересно узнать, как идут дела в наших фирмах в Брюсселе и Париже, как он сам живет. Никогда каких-либо разговоров, связанных с моей разведывательной деятельностью, я с ним не вел и, конечно, не использовал его приезды для передачи разведывательных данных Отто. Я был убежден, что о нашей разведывательной деятельности он ничего не знает и к разведке никакого отношения не имеет. Парижская резидентура, возглавляемая Отто, по моему глубокому убеждению, Корбена ни к какой разведывательной деятельности не привлекала. Если бы это имело место, то означало бы очередную грубейшую ошибку со стороны Отто. Корбен должен был постоянно находиться вне всяких подозрений, и его следовало использовать исключительно только как коммерсанта, как не запятнанного ничем директора нашей парижской «крыши».

Более часто заезжал в Марсель, как мне казалось, только для встречи со мной Отто. Сейчас я хочу более подробно остановиться на том, что меня связывало с Отто за все время моего пребывания в Марселе вплоть до моего ареста 9 ноября 1942 г. французской полицией по поручению гестапо.

Итак, Отто уже считал абсолютно принятым установленный им еще во время моего проживания в Брюсселе порядок, заключавшийся в том, что он всегда останавливался у меня, хотя квартира в Марселе у нас была не из больших.

К этому времени наши отношения стали весьма сложными. Это объяснялось многим.

Блондинка постоянно возмущалась тем, что, уединившись у меня в комнате или даже находясь в столовой, когда она выходила на кухню, мы вели непрекращающиеся споры. Это вызывало у нее негодование и даже слезы.

В своих воспоминаниях, которые были написаны перед ее смертью и переданы мне нашим сыном только в феврале 1991 г., после того, как ему удалось установить, что я жив, проживаю в Ленинграде, и прибыть для первой встречи со мной, Маргарет пишет, постараюсь дословно перевести с французского на русский язык: «Это было слишком

невыносимо для меня, так как в действительности я была ревнивой и не переносила никакого вида скрытности. Я уронила на пол блюдо с завтраком, вернулась к моей кровати и приняла решение: начиная с этого дня больше не заботиться о Треппере».

Эти слова последовали за описанием того, что происходило за ранним завтраком в столовой, когда она вышла на кухню, а между Треппером и мною шел обычный спор, который прекратился, как только она появилась. Нет, не следует думать, что Маргарет была «ревнивой» по отношению ко мне. Для этого не было никаких оснований. Она просто не выносила такого положения, которое характеризует, что между мной и Отто существуют какие-то секреты, содержание которых мы утаиваем от нее.

Чем же были вызваны имевшие место между мною и Отто споры? Причин было больше чем предостаточно. Приведу некоторые из них.

Я настаивал на том, чтобы Отто нашел возможность переправить мне в Марсель радиопередатчик, так как накапливается значительная информация, а я вынужден ее направлять в «Центр» только через Париж, то есть через него, Отто. Это замедляет передачу моей информации, так как ее можно переправить только через него, редко посещающего меня, или Марго, редко направляющуюся в Париж, ибо она должна была это делать с согласия Жильбера. Жильбер не знал, зачем ей нужны эти поездки. Не знал он и того, что она связистка советской разведки.

Не знаю, из каких соображений, но Отто исключал возможность выполнения этой моей просьбы, и я до моего ареста не имел прямой связи с «Центром».

В то же время, именно со слов Л. Треппера, иногда в литературе приводятся совершенно ложные утверждения. Так, например, в книге Ал. Азарова и Вл. Кудрявцева «Забудь свое имя», изданной в 1972 г. издательством «Политическая литература» массовым тиражом в 300 тыс. экземпляров, помещена явная ложь. Там указывается, что Райт (под этим псевдонимом они сочли удобным меня упоминать) был якобы арестован в одном из номеров пансионата, где проживал, во время работы на передатчике, что позволило немцам его запеленговать. Зачем понадобилась Леопольду Трепперу эта ложь? Ответ прост: чтобы с себя лично снять всякую вину за мой арест.

Кстати, и сам Леопольд Треппер, а с его слов и другие публицисты утверждают, что я имел свою радиосвязь с «Центром» из Марселя. Это тоже ложь.

Я неоднократно просил Отто, чтобы он запросил у «Центра» для меня новый шифровальный код, с тем чтобы всю направляемую мною информацию даже через Париж я мог лично зашифровывать. Я не хотел разглашать свои источники и, признаюсь честно, не хотел даже знакомить Отто с содержанием направляемой информации. Он и этой просьбы не удовлетворил.

Только теперь мне становится ясной причина невыполнения и этого моего поручения. Отто любил все передавать от своего имени, приписывая заслуги других только себе. До сего времени мне неизвестно, передавал ли Отто в «Центр» вообще мою информацию, а если да, то указывал ли он, что она поступает от меня.

У меня есть все основания быть уверенным, что в радиограммах не указывалось, что источником является Марсель. Объективно говоря, может быть, это принесло мне пользу после ареста гестапо, ибо именно я на следствиях указывал, что с приездом в Марсель прекратил всякую разведывательную деятельность. После ареста успел предупредить Блондинку об этом моем утверждении, и она в своих показаниях в гестапо тоже утверждала, как и я, о прекращении моей разведывательной деятельности.

Совершенно неожиданно для Блондинки и меня мы получили на квартиру, где проживали, извещение о том, что на мое имя прибыл багаж из Бельгии. С одной стороны, мы должны были радоваться, так как практически были полуголыми. В Марсель мы прибыли без багажа, а средств на приобретение даже самого необходимого у нас не было.

Я был буквально потрясен получением этого извещения. Меня мучили вопросы: кто знает мой адрес? Кто получил доступ к нашим вещам? Кто осмелился направить нам вещи, находившиеся в Брюсселе в доме, который мог находиться под наблюдением гестапо?

Если по приведенным мною первым двум вопросам у меня с Отто не возникало особых споров, а я только выражал свою неудовлетворенность и вновь и вновь повторял свои просьбы, то в данном случае я был настолько возмущен, что потребовал от Отто ответа на все возмущавшие меня вопросы и заявил ему откровенно, что это является не просто повторением ранее допущенных им серьезных ошибок, но прямым нарушением элементарных правил конспирации. Сообщение моего точного адреса кому-либо в Брюсселе при создавшихся условиях после ареста членов нашей резидентуры в Бельгии могло привести к весьма плачевным результатам. Отто был тогда возмущен моим поведением и моим «поучением» его, опытного разведчика.

Забегая вперед, хочу особо отметить, что у меня есть все основания утверждать, что высказанные мною опасения полностью оправдались при моем аресте. Однако, почувствовав, видимо, свою вину, Леопольд Треппер после своего освобождения и отъезда из Советского Союза стал широко распространять версию, что немцы узнали о месте моего проживания от арестованной ими Мальвины, которая, осуществляя переправу Блондинки с Рене через франко-бельгийскую границу, узнала от нее, что «мы будем жить дальше именно в Марселе». Эту очередную ложь Леопольда Треппера легко доказать: во первых, Блондинка знала только одно, что ей надлежит прибыть в Париж и там будет решен вопрос, как ее в дальнейшем переправить в Швейцарию, а затем к ее родителям в США; во-вторых, как могла сообщить гестаповцам наш точный адрес Мальвина, ведь до нашего прибытия в Марсель мы сами не знали его (Большая игра. С. 156).

Кроме того, при нашей встрече в 1956 г. в Москве я еще раз подчеркнул Леопольду Трепперу, что был прав, указывая на допущенную им оплошность, которую он совершил, сообщая кому-то мой марсельский адрес для пересылки наших вещей. Не задумываясь, он сказал мне, что это подтверждает предательство Паскаля. Считаю, что Маргарет, Рене и я живем в Марселе в трудных условиях, он решил оказать нам еще одну существенную помощь (?) – переслать часть наших вещей из Брюсселя. В этих целях он сообщил наш адрес Паскалю, являвшемуся в то время резидентом в Бельгии, он выдал его гестапо.

Я несколько раз обращался к Отто, претендующему на наличие у него возможностей изготовить для нас новые «сапоги», с тем чтобы мы могли переехать из Марселя в другое место.

Умалчивая этот факт, в целях отстранения от него допущенной ошибки, во многом содействовавшей аресту Маргарет и меня, в своей книге «Большая игра» Леопольд Треппер указывает: «Надо сказать, что Кент вполне мог бы улизнуть у немцев из под носа. Еще в августе я дал ему указание выехать в Алжир, но он не последовал ему. А ведь для него именно это и было бы самым простым и легким выходом из положения: Жюль Жаспар, директор марсельского филиала "Си- мекс" – близкий друг генерала Кагру, губернатора Алжира. По деморализованный Кент не способен ни рассуждать, ни действовать...» (с. 157).

Наглость Треппера и в этом отношении не имеет предела. В этой же книге он дает ни на чем не основанное утверждение, сплошную ложь. Приведу еще несколько цитат из книги Большого шефа – Леопольда Треппера «Большая игра».

Прежде всего, Леопольд Треппер объясняет причину моего отказа от выполнения его указаний о выезде в Алжир: «Не могу я уехать в Алжир, – говорит он мне. – Оттуда меня отзовут в Москву и там заставят расплатиться за разгром бельгийской группы» (с. 157).

Это утверждение Отто не только является его личной выдумкой в целях доказательства моей трусости, результатом которой явился мой арест в Марселе. Нет, это место книги дает возможность ее автору приписать мне вину за провал моей, повторяю, моей резидентуры в Бельгии и опровергнуть свою, доказанную вину в провале на улице Атребат и аресте нескольких человек. Я верю в то, что читатели поймут, как произошел этот провал и кто виноват в нем и в аресте нескольких человек, связанных с советской разведкой.

Свою выдумку о причине моего «отказа выехать уже не в Алжир, а в Швейцарию согласно его указаниям» Леопольд Треппер продолжает с еще большей наглостью. Он пишет: «Я знаю, что не убедил его. В ответ на мое предложение укрыться в Швейцарии он

мне говорит, что его подруга, с которой он ни за что не хочет расстаться, ожидает получения паспорта» (с. 157).

Прежде всего, никакого такого предложения не было. Самым же главным является его утверждение, что я «не хотел расстаться с моей подругой». Леопольд Треппер отлично знал, что присутствие Маргарет в Марселе после ее вынужденного бегства из Бельгии было оправдано не тем, что она была моей «подругой», а именно тем, какой вклад она внесла в создание нашей «крыши» в Брюсселе.

Ложь Леопольда Треппера идет еще дальше и с еще большей наглостью, и в части моего ареста в Марселе он прямо пишет: «На первом же допросе Кент заговорил. Гестаповцам было достаточно пригрозить ему разлукой с Маргарет. Кент знает, какое место в нашей сети занимают фирмы "Симекс" и "Симекско"...» (с. 157).

В соответствии с привезенным мною и Паннвицем в Москву следственным делом гестапо, заведенным на меня, видно, во-первых, что следствие началось только после моей доставки в Бельгию; во-вторых, что только в результате моей выдержки и отрицания принадлежности к советской разведке была организована очная ставка с избличившим меня Германом Избутским – Бобом, назвавшим меня Маленьким шефом, а Леопольда Треппера, своего друга, Большим шефом (именно с этого момента Л. Треппер стал «признанным за свои заслуги перед гестапо "Большим шефом"»); в-третьих, ведь Отто лично ознакомил Хемница и Паскаля с существованием «Симекско», а именно они, будучи арестованными задолго до меня, назвали нашу «крышу». Правдивость моего утверждения я могу доказать не голословно. В 1961 г. случайно оказавшиеся при рассмотрении одной из моих жалоб исключительно честные, порядочные работники КГБ СССР и Военной прокуратуры обнаружили в личном архиве Абакумова показания Панцингера, одного из главарей гестапо, который утверждал, что «задолго до моего ареста» им стали известны фирмы «Симекско» и «Симекс» и в целях максимального выявления советских разведчиков они установили наблюдение за этими фирмами.

Одним из поводов резкого обострения отношений между мною и Леопольдом Треппером в Марселе явилось полученное в самом начале сообщение из Парижа через Марго, а затем повторенное самим его инициатором Отто: якобы он лично был связан с организацией ТОДТ в Париже, а также поддерживал с этой организацией связь через мадам Лихонину, которую в своей книге он изображает чуть ли не предательницей, агентом гестапо.

Вот именно благодаря этому организация ТОДТ настаивала на посещении своими представителями филиала «Симекс» в Марселе. Отто предупреждал меня, что мне следует с этими представителями ТОДТ встретиться.

Услышав о необходимости этой встречи, я был возмущен и в резкой форме заявил Трепперу протест. Я указал ему на то, что никто не имел права любым организациям оккупантов сообщать о моем пребывании в Марселе.

Как потом выяснилось не только из имевшей место после моего ареста беседы с Гирином, но и нашло подтверждение в некоторых литературных источниках, именно он, стремясь выявить меня, должен был вместе с Лихониной, как переводчицей и сотрудницей «Симекс», прибыть в Марсель в качестве представителя ТОДТ.

Может возникнуть вопрос: почему же он не выполнил задуманный им план? Ответ был очень простым, и его дал мне сам Гириг. Он намечал на 10–11 ноября 1942 г. захват неоккупированной зоны Франции, он и Бомельбург, начальник гестапо в Париже, прибыли буквально накануне намеченной даты, с тем чтобы меня арестовать, не дав возможности скрыться от вступающей в Марсель немецкой армии и проникающих в этот город гестапо и прочих секретных служб Германии.

Может возникнуть вполне оправданный вопрос: не является ли еще одной оплошностью, допущенной Треппером и облегчившей мой арест гестапо, тот факт, что именно он являлся инициатором «моей встречи в Марселе с представителями организации ТОДТ»? Зачем Отто понадобилось организовывать эту встречу?

Мне хочется вернуться к написанным Маргарет воспоминаниям. Она прямо указывает, что после высказанного ею протеста по поводу поведения Треппера при проживании у нас в Марселе он, по ее словам, больше у нас не появлялся. Правда заключается в том, что не только складывающиеся между нами (между Отто и мною) сложные и все более обостряющиеся отношения мешали его поездкам в Марсель, а неожиданно быстрое развитие событий.

В своих поездках в Марсель Леопольд Треппер был очень заинтересован, так как целый ряд имеющей значение разведывательной информации он мог получить только от меня в Марселе. Может возникнуть вопрос: чем можно объяснить мои возможности сбора важной разведывательной информации, ведь в Марселе я был новичком? Постараюсь более подробно ответить на этот вопрос.

В моей легализации и проникновении в определенные полезные для меня слои общества во многом помог Жюль Жаспар. Этому содействовала и его жена. Я уже немного сообщал о Жюле Жаспаре. Сейчас попытаюсь рассказать о нем как о личности, о человеке.

Встречаясь в Марселе с Ж. Жаспаром, мы часто беседовали на разные темы, но больше всего меня заинтересовала его личная жизнь.

Мне доставляло удовольствие смотреть на лицо этого старика, ставшего мне близким. Оно навсегда сохранило загар палящего солнца далеких стран. Глубокие морщины на лбу и на щеках тоже свидетельствовали о продолжительной колониальной жизни этого человека. Умные старческие глаза не по возрасту были всегда задорными и бойкими.

Жюль Жаспар, как я уже указывал, происходил из известной семьи политических и государственных деятелей. Его брат был долгое время премьер-министром Бельгийского королевства, а племянник, по его словам, был министром в предвоенные и первые годы Второй мировой войны. Сам Жюль Жаспар провел большую часть своей жизни в колониях. Он был в Индокитае, на Мадагаскаре, в различных странах Африки.

Жюль был консулом Бельгии в течение 35 лет в колониях, за что его удостоили высокой награды: он с гордостью носил в петлице своего костюма красную розетку Почетного легиона. Находясь уже в отставке, считался почетным консулом. Очень хорошо знал жизнь колониального населения и мог без конца рассказывать много интересного из того, чему его научила жизнь, с чем его познакомили годы консульской работы.

Жена Жюля тоже происходила из видной семьи. Она была интересной внешне, и можно было даже предполагать, что в молодости она была весьма красивой. Она отличалась своей культурой и высокой образованностью.

Старики вспоминали свою незаурядную жизнь, временами даже, очевидно, очень бурную, радовались настоящему, были счастливы своими дочерью, сыном и внуком.

Часто муж и жена Жаспар рассказывали Маргарет и мне о своих весьма интересных путешествиях и о том, как в бытность консулом Ж. Жаспара они принимали у себя многих видных людей. Особенно они любили рассказывать о том, как принимали у себя кронпринца Леопольда и его жену принцессу Астрид, совершавших свою свадебную поездку по ряду стран Европы, Азии и Африки.

Жюль Жаспар был дипломатом в полном смысле этого слова и умел очень красиво говорить. Его французский язык был изысканным и воспринимался как лучший в салонах высшего общества. Его голос был очень приятным и запомнился мне на всю жизнь. Его умение изысканно говорить заставило меня внимательно прислушиваться к его речи, стараться запомнить многие идиоматические выражения, часто употребляемые им. Это, в свою очередь, оказалось для меня весьма полезным во время моего посещения тех людей, с которыми меня Жюль считал возможным познакомить, а они оказались во многом мне полезны в моей разведывательной деятельности.

Сейчас нет необходимости подробно останавливаться на всем, что мне поведал Жюль Жаспар, ставший действительно моим подлинным другом, несмотря на значительную разницу в возрасте. Я упомяну лишь только, что, как мне кажется, имеет прямое отношение к моей жизни и деятельности того времени. Естественно, Жаспар, как и некоторые из его

друзей, с кем он считал возможным нас с Маргарет, а иногда только меня познакомить, беседуя со мной, не могли предположить, что кое-что из их рассказов я могу использовать в моей работе. Я всегда был убежден, что Жюль Жаспар не только не имел никакого отношения лично к советской разведке, но и не мог подозревать, что он имеет дело в моем лице с советским разведчиком. Да, мы обязаны признать, что своим отношением к Андре и ко мне, своими знаниями и связями в высшем обществе не только Бельгии, но и Франции он оказывал нам, советским разведчикам, большую помощь.

Я уже упоминал о роли сестры жены брата Маргарет, Зингера, фрейлейн Аман в Бельгии, но мог ли я когда-либо предположить, что и в Марселе будет продолжена эта помощь?

И вот однажды весной 1942 г., когда мы прогуливались по Каннебьер, совершенно неожиданно на шею Маргарет бросилась женщина, которая после продолжительных поцелуев и выражений восторга от нашей встречи бросилась и ко мне. Это была фрейлейн Аман.

Мы стали довольно часто встречаться, и вскоре наша дружба окрепла. Она очень любила Рене и Маргарет, именно поэтому, услышав от них о моем покровительстве и заботе о них, стала относиться ко мне не только по-дружески, но и с большим доверием. Однажды за чашкой кофе она призналась, что является сотрудницей разведслужбы правительства Виши, которая якобы в каком-то отношении связана и с разведкой лондонского комитета Шарля де Голля, и даже с какими-то еще разведслужбами союзников. Вскоре Аман предложила мне оказать содействие в установлении моего контакта с её шефами в Марселе. При этом ею были названы фамилии и имена, номера телефонов именно этих шефов. Это предложение было ею предопределено как необходимость на всякий случай, если понадобится помощь при дальнейшем нашем проживании в Марселе. Конечно, Аман не могла и предположить, что в действительности я являюсь резидентом советской разведки. Зная, что я в Марселе живу недавно, а также и то, что мало интересуюсь политикой, она не предлагала мне сотрудничество с французской разведкой, но обещала предупредить своих шефов, что я могу в случае надобности обратиться к ним лично или через Маргарет.

Много интересной информации я получал от Аман в процессе состоявшихся бесед. Она была убеждена, что её рассказы останутся навсегда между нами и не будут ни мною, ни тем более Маргарет разглашаться.

Уже многие на Западе ждали открытия второго фронта. Просочились слухи о том, что в июне 1942 г. была достигнута договоренность между США, Великобританией и СССР и что в этом году предусматривается открытие второго фронта во Франции, в Нормандии. Все ждали с нетерпением, ибо считали, что это приблизит окончательную победу над фашистской Германией и воцарение мира в Европе. Терпение уже почти полностью иссякло, когда совершенно неожиданно 19 августа 1942 г. в Дьеппе, расположенном на побережье Ла-Манша, высадились союзники.

Бодрое настроение тех, кто ждал скорого освобождения Франции от немецко-фашистской оккупации именно путем открытия второго фронта, продержалось недолго. Вскоре были распространены слухи о том, что попытка союзников не удалась, десантные войска гитлеровскими войсками без особых трудностей были отброшены назад, понеся, как тогда говорили, немалые людские потери.

Почему союзниками был выбран именно участок побережья в районе Дьеппа?

Неужели англо-американские союзники не подготовлены еще в достаточной степени к открытию второго фронта вообще и Дьеппской десантной операции в частности?

Неужели нацистским войскам удалось создать настолько сильную оборону французского побережья, что она является абсолютно неприступной?

Быть может, немецкое командование было своей военной разведкой предупреждено заблаговременно о готовящейся высадке союзных десантных войск именно в районе Дьеппа, что дало немцам возможность сконцентрировать в этом районе свои хорошо вооруженные боевые части?

Признаюсь, встречаясь с моей вновь образуемой агентурой в Марселе резидентуре, с новыми коммерческими деятелями, связанными с филиалом «Симекс», наконец, с новыми «друзьями» из различных слоев марсельского общества, в которые мне удалось в основном проникнуть с помощью Жюля Жаспара, и с рядом эмигрантов из разных стран, с которыми я познакомился через Эрлиха, я пытался сам разобраться во всем, что произошло в Дьеппе. Конечно, мне это полностью не удалось.

И вот совершенно неожиданно для меня, именно вскоре после Дьеппской десантной операции мадам Аман дала мне возможность впервые услышать ряд версий, которые, по ее словам, могут служить более точным объяснением неудачи, постигшей союзные десантные части. Правда, в этих версиях был ряд противоречий, но были и довольно интересные, казавшиеся мне заслуживающими внимания мысли. Приведу некоторые из этих высказываний:

Англо-американские союзники по антигитлеровской коалиции, считая, что советско-германский фронт отвлекал основные вооруженные силы гитлеровской Германии, видя и понимая, что их союзник, Советский Союз, несет основное бремя в борьбе против гитлеровской Германии, желая ему продемонстрировать свою готовность оказать помощь Вооруженным Силам СССР путем высадки на побережье Франции в целях отвлечения части вооруженных сил фашистов с Восточного фронта на Запад в соответствии с договоренностью между союзниками, предприняли эту десантную операцию в районе Дьеппа. Такова была наиболее распространяемая англо-американскими союзниками пропаганда.

В то же время некоторые мои источники, базируясь на услышанных радиопередачах США и Великобритании, на некоторых ставших им известными выступлениях как в США, так и в Великобритании, высказывали мысль, в соответствии с которой англо-американцы не только не готовы к открытию на Западе второго фронта, но и стремятся оттянуть срок высадки союзных вооруженных сил.

Уже вскоре после вступления США в антигитлеровскую коалицию и начавшейся переброски их вооруженных соединений в Великобританию большинство народа в оккупированных немцами странах ждало высадки союзников, действительно активного их включения в вооруженную борьбу с оккупантами. Но...

И вот тут-то впервые я услышал от человека, связанного с разведками Франции и, скорее всего, союзников, новую версию. Она гласила: предприняв высадку в районе Дьеппа, англо-американские союзники решили продемонстрировать миру свое стремление к выполнению данного Советскому Союзу обещания открыть в 1942 г. на Западе второй фронт. В то же время они не считали себя еще достаточно готовыми к своему включению в активные военные действия против Германии, а быть может, и просто не желали этого по каким-то политическим мотивам, и высадка в Дьеппе должна была лишь доказать высказываемую вымышленную мысль, что в 1942 г. англо-американские союзники не могут предпринять указанную высадку для открытия второго фронта.

Кстати, эта версия нашла полное подтверждение в документах и в исторической литературе. Даже в официальной телеграмме посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 сентября 1942 г. М. Литвинов докладывал: «Сегодня Гарриман мне говорил, что опыт с высадкой в Дьеппе укрепил мнение англичан о невозможности создания в настоящее время второго фронта...»

Между прочим, но поступающим ко мне из различных источников сведениям называлась примерно одинаковая численность участвующих в Дьеппской операции. Она приближалась к 6 тысячам. Этот факт, как мне казалось в то время, подтверждал осведомленность и порядочность моих источников.

Существовали и другие версии, несколько отличавшиеся от уже приведенной. В соответствии с одной из них союзники еще не теряли надежды на возможность достижения сепаратного мира с фашистскими державами.

Якобы именно с этой целью они хотели доказать своим народам, что для продолжения

борьбы против агрессивных фашистских сил потребуются значительные человеческие жертвы и разрушения всего самого ценного на Британских островах. В то же время реакционеры с горечью все больше убеждались, что их народы поддерживают борьбу Советского Союза, всего его народа против фашистских агрессоров, даже, больше того, твердо настроены на совместное продолжение этой борьбы до победного конца.

Легко было видеть настроение трудящихся Великобритании и даже США (правда, из различных источников ко мне поступали данные, касающиеся в основном Великобритании), работающие в военной промышленности, поставляющей частично свою продукцию в СССР. Именно на этих предприятиях в результате личной убежденности в необходимости оказания существенной помощи советскому народу производительность труда рабочих при выполнении заказов для Советского Союза была неизмеримо выше, чем раньше это было на других предприятиях.

Народы многих стран начинали не только понимать, но были абсолютно уверены в том, что все расчеты гитлеровцев на успешное проведение на Восточном фронте, то есть против Советского Союза, «блицкрига» окончательно провалились и Германия, по существу, на советско-германском фронте терпит одно поражение за другим. Этим полностью разбивались утверждения реакционеров, стремящихся к примирению с гитлеровцами, заключающиеся в том, что Германия сильна и непобедима.

Вполне возможно, что и эта версия имела твердые основания. Во всяком случае, как мои хорошо осведомленные источники утверждали, даже во Франции, в правительстве Виши тоже были сторонники подобных мыслей. Скорее всего, к числу подобных относились маршал Анри Филипп Петэн и Пьер Лаваль, предпринимавшие все, что им казалось в их силах, для наиболее «дружеского» сотрудничества с гитлеровской Германией.

Вполне возможно, что эта версия о занятой реакционными силами позиции, несовместимой с антигитлеровской коалицией, тоже имела основания. Во всяком случае геббельсовская пропаганда воспользовалась неудавшейся попыткой высадки союзников в Дьеппе именно для того, чтобы и со своей стороны доказывать, что атлантический вал является абсолютно неприступным.

Где правда? Отвечали ли действительности услышанные мною от моих информаторов версии? Я, к моему сожалению, ни тогда, ни даже в послевоенной литературе не мог обнаружить достаточно полного анализа причин неудавшейся высадки союзников в районе Дьеппа, способного опровергнуть или подтвердить ту информацию, которую я просил Отто передать в «Центр». Не получил я и подтверждения того, что Отто выполнил своевременно мою просьбу.

Справедливость требует, однако, чтобы я все же упомянул, что в выпущенном в 1985 г. «Воениздатом» в Москве «Военно-энциклопедическом словаре» (с. 248) приводятся некоторые сведения о Дьеппском десанте. В некотором отношении они подтверждают переданную мною еще в августе 1942 г. Отто для «Центра» вышеприведенную информацию, но есть и другие определения. Мне представляется, что читателю будет полезно ознакомиться с некоторым изложением опубликованного в словаре материала.

Прежде всего хочу отметить, что Дьеппский десант определен как «диверсионно-разведовательный рейд союзников из Англии в р-н Дьеппа». Далее утверждается, что этот десант «имел задачу разведать берег, оборону, уничтожить некоторые артиллерийские батареи, оборудование аэродромов, портовые сооружения, РЛС, захватить пленных и возвратиться в Англию». Признается, что, «несмотря на большие потери (главным образом из-за отсутствия внезапности), в основном выполнили поставленную задачу». Приводимые в словаре сведения заканчиваются словами: «Дьеппский десант способствовал оперативной маскировке готовившейся Северо-Африканской операции 1942 года». Далее говорится о том, что Дьеппский десант «использовался реакционными силами как доказательство невозможности открытия второго фронта в Западной Европе в 1942 г.».

Естественно, мне очень приятно было из публикаций в словаре определить подтверждение некоторых версий, сообщенных мною уже в августе 1942 г. Я вынужден

подчеркнуть, что имеются и весьма существенные расхождения. Хочется верить, что наступит время, когда и в другие «версии», имеющие значение с точки зрения восстановления исторической истины, будет внесена полная ясность.

Несколько нарушая последовательность событий, считаю возможным, поскольку в Энциклопедическом словаре в материале о Дьепском десанте упоминается готовившаяся «Северо-Африканская операция», коснуться ее, несмотря на то, что первую информацию я получил в Марселе буквально за несколько дней до моего ареста.

Тогда в Марселе, как и во всей Франции, быстро распространился слух о том, что президент США Франклин Делано Рузвельт выступил по радио и сообщил, что к нему и другим членам антигитлеровской коалиции обратился «весьма уважаемый, авторитетный, известный французский политический деятель». В своем обращении он призвал помочь французским колониям в Африке выйти из-под подчинения и повиновения правительству Виши, продавшемуся гитлеровцам. Он просил активной поддержки со стороны союзников тех сил, которые борются за освобождение Франции от фашистских оккупантов. Это обращение французского деятеля, о котором заявил по радио президент США, явилось прелюдией начала высадки союзников в Африке.

Между прочим, в это время уже утверждали, что на стороне действительно борющейся за свое освобождение Франции и ее союзников, в первую очередь Великобритании, в вооруженных силах было свыше 1 млн. африканцев из колоний.

Всем, кто слышал по радио обращение Франклина Рузвельта, было ясно, что под «весьма уважаемым, авторитетным, известным французским политическим деятелем» он не имел в виду Шарля де Голля. Многим было известно, что в политических кругах США генерала не уважали и к нему даже относились враждебно. Это объяснялось, в первую очередь, тем, что с ранней юности Шарль де Голль очень любил свою родину и на всю свою жизнь выбрал единственно правильный, по его убеждению, путь: добиваться могущества Франции, превращения ее в независимое государство, одну из ведущих держав Европы. После того как Шарль де Голль провозгласил в 1940 г. создание в Лондоне Комитета свободной Франции и объявил, что им, главой этого комитета, поднимается флаг борьбы за подлинное освобождение Франции – флаг «Лоренского креста», официальный Вашингтон демонстративно стал относиться и к комитету, и к его главе, попросту говоря, совершенно враждебно.

Это подтверждается многими послевоенными публикациями. О враждебности к нему со стороны США говорит и сам Шарль де Голль в своих военных мемуарах.

«С тех пор, как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира, – он хотел, чтобы страны, раздавленные испытаниями войны, признали за ним право судить и считать, что, в частности, он станет спасителем Франции и вершителем ее судеб.

Таким образом, то обстоятельство, что в самый разгар борьбы Франция могла воспрянуть не просто в форме разрозненного и тем самым приемлемого сопротивления, но в качестве суверенной и независимой нации, противоречило его намерениям. Политически он отнюдь не испытывал ко мне склонности» (Шарль де Голль. Военные мемуары. М.: Иностранная литература, 1960. Т. 2. с. 95).

Даже среди большинства французов Шарль де Голль до 1940 г. был малоизвестен. Я многое слышал о нем еще в Бельгии, в Париже, но, как мне кажется, составить более точное представление о нем я смог именно в Марселе с помощью Жюля Жаспара и его друзей. Должен сразу оговориться. Я буду излагать то, что мне становилось известно от людей, которым я имел полное право доверять. Даже в послевоенные годы многое я не мог подтвердить никакими попавшими мне в руки публикациями. Вот коротко, что я знал о Шарле де Голле еще до моего ареста и немного позднее, уже находясь в гестапо.

Шарль де Голль родился в 1890 г. в богатой аристократической семье. В этой семье все придерживались националистических взглядов и католической веры. Мне говорили, что в семье якобы старались, чтобы дети воспитывались в соответствии с этими взглядами.

Пытались меня даже убедить в том, что родившихся мальчиков должны были воспитывать так, чтобы один из сыновей, достигнув определенного возраста, становился «рыцарем шпаги», а второй «рыцарем креста».

Шарль должен был стать «рыцарем шпаги». Он получил среднее образование в иезуитском коллеже. В возрасте 19 лет поступил в Сен-Сирское военное училище, которое окончил в чине младшего лейтенанта, и в 1912 г. был направлен для несения службы в пехотный полк.

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Шарль де Голль участвовал в боях, был трижды ранен, а в 1916 г. попал в немецкий плен под Верденом. Освобожден только после установления перемирия.

Некоторые из моих источников или французов, беседовавших со мной, выражали некоторое сомнение относительно изменения политики Шарля де Голля. Указывали, что он находился в 1920-м и частично в 1921 г. в Польше в составе миссии генерала Максима Вейгана. Я был вынужден признаться в том, что лично незнаком с тем, что собой представляла миссия в Польше. Мне рекомендовали прочесть книгу «Чудо на Висле», написанную бывшим немецким разведчиком о войне, проводимой Юзефом Пилсудским против Советской России. При этом указывали, что и де Голль в составе миссии М. Вейгана принимал активное участие в руководстве военными действиями белополяков в развязанной войне 1920 г.

Вернувшись во Францию, Шарль де Голль занялся глубоким изучением военной истории и одно время преподавал в Сен-Сирском военном училище и даже в Военной академии. В это время он якобы сблизился с маршалом Анри Филиппом Петэном, который являлся вице-председателем Высшего военного совета Франции. Шарль де Голль прослужил в этом совете с конца 1925 г. в течение примерно двух лет. После этого продвигался по службе, начиная с командира егерского батальона. В 1932 г. был назначен генеральным секретарем Высшего совета обороны. В этой должности находился до конца 1936 г. Вот именно с этого момента у него началась новая жизнь. Полковник Шарль де Голль назначается командиром танкового полка в департаменте Мец (иногда его называли Мозель или военным округом Мец). Во всяком случае, он вступил в прямое подчинение генералу Анри Опоре Жиро.

Уже значительно позднее, находясь короткое время в специальном гитлеровском лагере, Маргарет, а затем и я подружились с женой генерала Жиро и женой его брата. От жены генерала Жиро я узнал, что по многим причинам между ее мужем и полковником Шарлем де Голлем были натянутые отношения, хотя она сама относилась очень дружелюбно к полковнику и к его весьма привлекательной во всех отношениях мадам. Жена генерала Жиро, по ее словам, была патронессой нескольких экипажей танков полка Шарля де Голля. Натянутые отношения между генералом Жиро и полковником де Голлем ухудшились в особенности, по утверждению многих, после его назначения личным представителем премьер-министра Франции Поля Рейно для связи с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. Это произошло в июне 1940 г. уже после того, как Шарль де Голль в начале Второй мировой войны командовал бронетанковой дивизией. Вот в этом вопросе имеется ряд противоречий. Мои «источники» поясняли, что во Франции существует строгий порядок присвоения офицерскому составу более высоких званий. Якобы существуют специальные списки, в соответствии с которыми поочередно в зависимости от времени окончания военных учебных заведений и начала строевой военной службы может происходить повышение в звании. Какое это могло иметь отношение к Шарлю де Голлю?

И вот до меня дошли слухи, правильность которых, к сожалению, мне проверить не удалось. Став премьер-министром правительства Франции, Поль Рейно стремился подобрать среди военных достойного человека, который мог бы являться личным его представителем в Лондоне у Уинстона Черчилля и одновременно военным представителем военного министерства Франции при аналогичном министерстве в Великобритании. Несмотря на то, что с 1919 г. он избирался неоднократно депутатом парламента, занимал ряд министерских

постов, в подборе желаемой кандидатуры у него обнаружилось затруднение.

Я не собираюсь клеветать на Поля Рейно, но считаю нужным привести еще одну информацию, полученную мною. Якобы, сидя со своей весьма близкой возлюбленной, он коснулся и этого вопроса. Не задумываясь, она, по этой версии, предложила полковника Шарля де Голля. Поль Рейно не знал подобного полковника, а поэтому он задал встречный вопрос: «А кто такой полковник Шарль де Голль?» Его возлюбленная сразу же ответила: «Ты же знаешь мадам де Голль, мы бывали не один раз на устраиваемых ею шикарными приемами, так вот это ее муж!» Выход был найден. На следующий день Шарль де Голль был вызван к премьер-министру, и они пришли к согласию. После этого полковник был назначен заместителем военного министра Франции и должен был вскоре выехать в Лондон для связи с английским правительством и... представителями высших военных органов. Вот здесь и происходит резкое расхождение с тем, что я встречал в литературе.

Так, даже в Советской исторической энциклопедии (М., 1963. Т. 4. С. 498) указывается, что Шарль де Голль в начале Второй мировой войны получил звание бригадного генерала. Из моих «источников» ко мне поступили абсолютно противоречащие этому утверждению сведения. Мне рассказывали, что, после того как Поль Рейно остановил свой выбор на Шарле де Голле, им было принято якобы решение подготовить соответствующее постановление президента Франции Альбера Лебрена о временном присвоении полковнику де Голлю звания бригадного генерала, необходимого на период выполнения возлагаемого задания. Это постановление многих французских офицеров дополнительно настроило против Шарля де Голля. По дошедшим до меня слухам, после прихода к власти во Франции маршала Анри Филиппа Петэна и образования правительства Виши он «приказал» Шарлю де Голлю немедленно вернуться из Лондона во Францию, а в связи с отказом выполнить приказ, который был якобы подписан Вейганом около 20 июня 1940 г. (генерал Вейган после капитуляции Франции стал министром национальной обороны правительства Виши), отменил постановление о присвоении Шарлю де Голлю звания бригадного генерала. Я не нашел в печати подтверждения полученной мною в свое время информации, что одним из первых принятых маршалом Петэном решений он отменил постановление президента Лебрена о присвоении Шарлю де Голлю звания бригадного генерала. Меня тогда же информировали, что полковник Шарль де Голль был Петэном и Вейганом предан за измену военному суду.

Я указывал на то, что якобы Поль Рейно подобрал кандидатуру Шарля де Голля по совету своей возлюбленной. Несколько позднее я узнал, что, видимо пытаясь покинуть Францию, Поль Рейно с этой женщиной ехал на автомашине, которая претерпела аварию, закончившуюся гибелью его попутчицы. Сам Поль Рейно остался жив и, как мне известно, дожил до 1966 г. и умер в возрасте почти 88 лет.

Малоизвестный в народе Шарль де Голль вызывал среди офицерского состава Франции и даже среди политических деятелей далеко не всегда равнозначную оценку. Это объясняется в значительной степени тем, что, увлекшись с юности военной историей, молодой офицер расширил свое стремление к укреплению армии самостоятельного суверенного государства, начав издавать отдельные книги и публикации в периодической печати. Еще находясь в Бельгии, после того как полковник де Голль стал известен как создатель в Лондоне Комитета свободной Франции, я очень захотел ознакомиться с книгами, изданными им, и журнальными публикациями.

Прошло более пятидесяти лет, и, естественно, сейчас я не могу вспомнить названий прочитанного, но запомнился очень важный для меня, неожиданный факт. Думаю, что память меня не подведет. Читая одну из книг, я вспомнил, что уже читал ее или о ней в выпускаемой в Советском Союзе «Библиотечке командира». В этой книге с определенной четкостью и уверенной настойчивостью Шарль де Голль определял необходимость маневренной профессиональной армии и, самое главное, доказывал решающую роль в создаваемых механизированных войсках боевых танков. Эти высказывания, как я определил, читая и другие его произведения, видимо, шли в противоречие с занимаемой в

стратегическом направлении политикой генерального штаба и взглядами значительной части офицерского состава, что определяло в значительной степени проявление среди этих людей далеко не дружелюбного отношения.

Я решил попытаться проконсультироваться у достаточно осведомленных людей. Как это сделать? Ведь все знают, что я военными вопросами вообще совершенно не интересуюсь.

В разговорах с владельцем «Селект скул», а в особенности со случайно встретившимся вновь де Стартером я упомянул «между прочим», что случайно мне попала книга Шарля де Голля, в которой он очень «преувеличивает» роль танков в будущей войне. После этого вступления я поставил вопрос прямо: правильно ли я понял и что в действительности представляют собой танки?

Я услышал от собеседников поразивший меня своей аналогичностью ответ. По их словам, действительно, Шарлю де Голлю удалось, подчеркиваю – удалось, во Франции издать эту книгу очень маленьким тиражом – до трех тысяч экземпляров. Книга вызвала озлобление, и положение ее автора становилось тревожным. Это тем более, что в 1938 м или даже в 1939 г. во Франции вызвала большой интерес книга генерала Шавино «Возможно ли еще вторжение?». В книге было предисловие маршала Петэна, который в нем отразил мнение значительного числа офицеров, – в противоречие Шарлю де Голлю он утверждал, что танки не будут играть в будущей войне той роли, которую им приписывал полковник. Мне даже указали и на то, что в Германии придерживались того же мнения, что и Шарль де Голль. К нему якобы стали прислушиваться более внимательно после выхода в Германии в свет книги генерала Гудерьяна приверженцы идеи большого значения танков.

Итак, учитывая ненависть, проявляемую к главе Комитета свободной Франции Шарлю де Голлю, все мои «источники» и «собеседники» приходили к единому мнению, сводившемуся к тому, что Ф.Д. Рузвельт в своем выступлении по радио не мог иметь в виду его. А кто же мог в таком случае явиться «авторитетным известным политическим деятелем», обратившимся к США с призывом оказать помощь французским колониям в Африке выйти из-под подчинения Виши?

Прежде чем дать правдивый ответ на этот вопрос, я должен опять прибегнуть к небольшому отступлению.

От многих и, в первую очередь, от друзей Жюля Жаспара я услышал совершенно ошеломившие меня новости, несколько позднее в значительной степени подтвержденные и дополненные в беседе со мной мадам Аман.

Все чаще высказывалось мнение, что этим «авторитетным лицом», обратившимся к США, мог стать при определенных обстоятельствах генерал Анри Жиро, ставку на которого в реакционных кругах Америки уже делали немало времени. Вот то мнение, появившееся в весьма авторитетных слоях французского общества, с представителями которого я общался, мнение, которое мне пришлось услышать. Именно эти мысли вскоре были подтверждены развернувшимися событиями.

Командующий военным округом Меча, получивший за несколько лет уже до начала Второй мировой войны звание генерала, Анри Жиро с начала военных действий на Западе, развязанной гитлеровцами агрессии против Бельгии, командовавший военными подразделениями французской армии, в том числе и в Бельгии 7-й, а затем 9-й армиями, вскоре попал в немецкий плен, не успев еще в достаточной степени проявить себя как крупный военачальник. До второй половины 1942 г., то есть почти два года, генерал содержался в Германии в лагере для военнопленных офицеров.

При таинственных обстоятельствах Анри Жиро удалось бежать из лагеря и, как многие утверждали, через Швейцарию тайным путем добраться до Франции, до Виши. Вокруг «тайны» его бегства из немецкого лагеря ходило немало самых различных слухов еще до того, как он таинственно и совершенно неожиданно появился в Виши.

Некоторые утверждали, что генералу Анри Жиро удалось бежать из лагеря военнопленных офицеров в Германии и через Швейцарию, нейтральную Швейцарию, добраться до Виши только благодаря тому, что его побег был тщательно подготовлен

англо-американскими спецслужбами. Чаще всего, однако, высказывалось мнение, что подготовку и осуществление самого этого побега проводили только американские спецслужбы. Почему же в этих разговорах предпочтение отдавалось именно и, пожалуй, исключительно американским спецслужбам?

Все с большей настойчивостью утверждалось, что Франклин Делано Рузвельт видел в лице генерала Жиро возможность подготовки полезной для США замены неугодных им маршала Петэна, а в особенности Шарля де Голля в объявленной им решительной борьбе против гитлеровской Германии за освобождение не только самой Франции, но и других стран Западной Европы от фашистских оккупантов. Вот именно после того, как Анри Жиро, как утверждалось, на американской подводной лодке прибыл в Африку, было положено начало открытого соперничества между двумя генералами – Анри Жиро и Шарлем де Голлем.

Конечно, до моего ареста в Марселе в начале ноября 1942 г., я был далеко не полностью осведомлен об основных причинах этого соперничества. Имевшиеся у меня довольно скромные сведения в значительной степени подтвердились и пополнились позже. Это произошло тогда, когда судьбе было угодно свести Маргарет и меня с женами генерала Жиро и его брата в одном из лагерей для интернированных в Фридрихсроде в Тюрингии в Германии. Я в этом лагере, правда, находился короткое время.

Во время нахождения в Марселе ко мне стали поступать сведения, которые по-разному позволяли оценивать события, последовавшие за появлением генерала Жиро в Виши.

Еще до прибытия генерала Анри Жиро в Виши мне было известно, что маршал Петэн и Лаваль не без согласования с Абецом, представлявшим и защищавшим интересы Германии на всей территории Франции, способствовали тому, что правительством Виши была учреждена почетная медаль «Эваде», которая вручалась всем французским военнопленным, бежавшим из немецкого плена и поддерживающим существующее в Виши правительство и проводимую им политику в отношении Германии. По праву эту медаль должен был получить и генерал Жиро. Однако мне так и не удалось узнать, был ли он ее удостоен.

От друзей Жюля Жаспара и из других источников мною была получена очень интересная информация: бежавший из немецкого плена генерал Жиро был радушно принят маршалом Анри Филиппом Петэном. После того как оба связанных давнишней дружбой военачальника обнялись, маршал сердечно поздравил генерала с благополучным бегством из плена и успешным прибытием в не оккупированную немцами зону Франции. Далее, как мне рассказывали, в течение 40 минут друзья обменивались мнениями о сложившейся в Европе, на Западе и на Востоке обстановке.

Прежде чем генерал Жиро покинул маршальский кабинет, Анри Петэн рекомендовал ему посетить кабинеты адмирала Жана Луи Дарлана и Пьера Лавала. В кабинете адмирала Дарлана генерал задержался тоже продолжительное время. Они, видимо, обсуждали не только сложившуюся в мире обстановку, но и личное отношение ко всему происходящему.

Услышав о встрече Жиро и Дарлана, я попросил уточнить, что собой представляет Дарлан. Один из моих собеседников коротко сообщил, что Дарлан уже давно служит в военно-морском флоте Франции, что еще до войны ему было присвоено звание адмирала. Участвовал он и в Первой мировой войне. Если не ошибаюсь, то еще в 1936 г. он был назначен начальником штаба военно-морского флота Франции, а в самом начале Второй мировой войны стал главнокомандующим военно-морского флота Франции. После того как Франция капитулировала, стал сторонником маршала Петэна и входил в состав созданного им правительства, вошедшего в историю как правительство Виши. Занимал в этом правительстве различные посты. Был министром обороны и главнокомандующим вооруженными силами правительства. Если я не ошибаюсь, гитлеровская Германия разрешила Петэну иметь армию в 100 тыс. человек, якобы для внутренней обороны неоккупированной зоны Франции. Одно время являлся даже премьер-министром, сменив Лавала, но на этом посту в силу проводимой им политики долго не удержался.

Дарлан с первых дней капитуляции Франции прилагал все силы, чтобы доказать

Гитлеру, лично Гитлеру, через Абеца и других свое расположение к Германии и свою ненависть к Великобритании. Хочу напомнить, что Париж на 10 июня 1940 г., правительство на машинах бежало среди колонн массовых беженцев в направлении Бордо. Понимая, что поражение Франции усиливает опасность для Великобритании, Черчилль несколько раз вылетал для переговоров с французским правительством. Среди ряда «просьб» и требований было и обращение Уинстона Черчилля к командующему французским военно-морским флотом Дарлану передать ее флот в случае окончательного поражения Франции Великобританией.

Многие французы меня часто поражали своей говорливостью, а в некоторой степени и прямолинейностью. Эти черты были присущи и марсельцам. В 1940–1941 гг. мне приходилось слышать, не знаю, каким образом проникли в некоторые слои общества эти обоснованные сведения, что Дарлан заявил резким отказом на высказанное Черчиллем желание. Правда, он не намеревался передать флот и Германии. Якобы он мог согласиться направить при возникшей строгой необходимости военные корабли только на базы США. Петэн и Дарлан якобы не хотели, чтобы флот покидал базы, непосредственно расположенные на территории континентальной Франции. Они боялись, что даже при переброске флота в африканские колонии Франции он мог попасть к гитлеровцам или в Великобританию. Флот, по мнению маршала, должен был быть козырной картой в развязанной игре.

Дарлану надо было, как указывалось выше, доказать Германии свою ненависть к Великобритании и свое стремление добиться сотрудничества с Третьим рейхом. В этих целях он указывал, что на протяжении веков французский военно-морской флот постоянно видел во флоте Великобритании своего основного противника. Являясь верным служителем отечественного флота, он, Дарлан, продолжает ненавидеть флот и даже Великобританию в целом.

Уже находясь в Марселе, до отставки Дарлана с поста премьер-министра правительства Виши, мне часто приходилось слышать о том, что с самого начала поражения Франции Дарлан занимался и политикой. В частности, именно он входил в комиссию, которая с французской стороны подготавливала основные документы, связанные с капитуляцией Франции.

То, что в Марселе приходилось мне слышать об отношении Дарлана к Петэну и Лавалю, было самыми противоречивыми слухами, но мне все же казалось, что на отношения с Лавалем оказывала влияние его целеустремленность к сотрудничеству с Германией и невоздержанность к уступкам выдвигаемых фашистами требований. Правда, ходили и такие слухи, что Дарлан сам заигрывал с фашистами и даже настойчиво добивался личного приема у самого Гитлера. Точно определить, что соответствовало действительности, мне тогда было трудно.

Конечно, никаких сведений, никакой информации о содержании затянувшегося разговора между генералом Жиро, только что бежавшим из немецкого плена, и адмиралом Дарланом, недавно сдавшим портфель премьер-министра правительства Виши, мне никто сообщить не мог. Разговор состоялся за закрытыми дверями с глазу на глаз. Единственное, отмечалось, что адмирал по- дружески проводил генерала до дверей своего кабинета. Это было замечено.

Оставался последний рекомендованный генералу Жиро маршалом Петэном визит к премьер-министру Пьеру Лавалю. Один из друзей Жюля Жаспара рассказывал мне некоторые подробности этого визита.

Об ожидаемом визите генерала Жиро Лаваль, видимо, предупрежденный маршалом, поставил в известность находящихся в его приемной чиновников. Как только генерал вступил в приемную, поздоровавшись с ним, один из чиновников открыл дверь кабинета Пьера Лавалья и впустил его. Он не успел еще закрыть дверь, как, по словам моего собеседника, услышал поразившие его слова, в еще большей степени омраченные самим поведением премьер-министра. Вот что мне удалось услышать.

При входе в кабинет премьер министра генерала Жиро Пьер Лаваль даже не счел возможным попросту хотя бы поздороваться с гостем, а якобы сразу же изрек следующую высокомерную фразу: «Генерал (имя якобы не было даже произнесено), немедленно добровольно возвращайтесь туда, откуда вы бежали. Своим бегством вы лишаете меня возможности проводить начатую мною весьма успешную внешнюю дружественную экономическую политику по отношению к Германии во имя спасения Франции!»

Не предложив генералу присесть, даже не подав ему руки, Лаваль якобы буквально выпроводил генерала Анри Жиро из своего кабинета.

Мнение Лавала подкреплялось высказанным Германией недовольством и возмущением по-поводу бегства генерала Жиро из военного плена и, как некоторые утверждали, чуть ли не требованием его немедленного возвращения, вернее, выдачи. Требование Лавала не было выполнено генералом Жиро. Кстати, оно не было поддержано ни маршалом Петэном, ни адмиралом Дарланом.

Вскоре стало известно, что гитлеровцы дали указание маршалу Петэну оставить в покое бежавшего генерала, предоставив ему право проживания вместе с его семьей в неоккупированной зоне Франции. Единственным выставленным ими требованием было получение от генерала заверения и даже, больше того, клятвы не выступать никогда на стороне врагов Германии.

Широко стало известно, что генерал Анри Жиро официально «покаялся никогда не нарушать политической программы, принятой маршалом Петэном и адмиралом Дарланом».

Клятва генерала Анри Жиро была воспринята в Германии как достаточно убедительная. Это произошло тем более потому, что она была как бы подтверждена и маршалом, и адмиралом. Петэн всеми своими действиями уже завоевал у гитлеровцев доверие. Не могли они не верить и адмиралу Дарлану, который, как я уже указывал, сумел доказать фашистам свою ненависть к Великобритании, а о его связях с США немцам ничего тоже не было известно, как, между прочим, и всем марсельцам, в том числе и моим источникам и собеседникам. Все шире распространялась, возможно, специально созданная адмиралом, автобиография, которую никто не пытался разоблачить.

Хочется дополнить то, что уже было мною приведено из биографии адмирала Дарлана, еще некоторыми деталями. Дарлан якобы утверждал, что он и его предки на протяжении столетий всегда продолжали представлять французский военно-морской флот, постоянно враждовавший с Великобританией, ее флотом, в стремлении завоевать господство в мировом океане, в морях, так как Франция и Великобритания имели самые обширные колонии и морские пути к ним. Именно это в значительной степени оправдывало в глазах гитлеровцев его появление и продолжительное пребывание в администрации Франции в одном ряду с Петэном. Они не забывали и то, что сам маршал Петэн, находясь на посту посла Франции в Мадриде, во франкистской Испании, постоянно поддерживал искренние дружеские отношения с послом Германии.

Многие знали, что до ноября 1942 г. США поддерживали дипломатические отношения с правительством Виши. Я слышал, что, после того как правительство Франции покинуло Париж, при нем был назначен исполняющим обязанности посла США Антони Биддл. Эти сведения подтверждены во многих послевоенных публикациях. Правда, неясным для меня остается, почему переведенный из СССР в Париж посол США Уильям Буллит остался в оккупированном немцами Париже, ведь все послы иностранных держав, находившиеся в Париже, последовали за правительством Франции в Бордо, а затем находились в Виши. В Париже было разрешено оставить только «отделения связи» («Verbindings-stelle») нейтральных стран, поддерживающие связь с Абецом и оккупационными властями.

Постепенно среди населения неоккупированной зоны Франции, в том числе Марселя, нараста ла сильная тревога.

8 ноября 1942 г., то есть в тот день, когда началась высадка американских и английских войск в Северной Африке (Алжир, Оран, Касабланка), никакие подробности не были известны.

Я сидел в кабинете у Жюля Жаспара. Вдруг вбежал один из её французских друзей и совершенно неожиданно сообщил, что в Африку направлен командующий вооруженными силами Виши адмирал Дарлан. Как следует понимать его направление в Африку, какая поставлена перед ним цель?

Уже значительно позднее у меня возник новый очень острый вопрос: было ли правительство Виши заранее оповещено о готовящейся высадке союзников в Африке? Мне стало известно уже после моего ареста и нахождения в Париже в тюрьмах гестапо, что притерпевшийся «дружеского» отношения к Германии адмирал Дарлан приказал французским войскам в Алжире, где он находился 11 ноября 1942 г., и Северной Африке прекратить сопротивление высадившимся английским и американским войскам.

Что меня, да и не только меня, поразило и потрясло – это быстро распространившиеся слухи о том, что исчез генерал Анри Жиро. Еще никто точно не мог определить, где он находится, кто ему помог накануне высадки союзников в Северной Африке исчезнуть. Впоследствии выяснилось, что он был из Марселя (а быть может, и из другого места на побережье) доставлен на американской подводной лодке в Гибралтар, а затем переправлен в Алжир. Якобы у него состоялась встреча с верховным главнокомандующим союзными войсками, вторгшимися в Северную Африку. Значительно позднее я узнал, что генерал Жиро претендовал на назначение на пост главнокомандующего союзными, повторяю, союзными войсками в Северной Африке. Уже до этого многим стало ясно, что именно Жиро был тем авторитетным деятелем, который обращался к США за помощью, и именно на него США делали основную ставку в вопросе их дальнейшего влияния на Францию, включая уже и послевоенные годы.

Что же происходило дальше с Жиро, как сложились его отношения во время нахождения в Африке с адмиралом Дарланом? И на этот вопрос я смог получить ответ много позже. Сейчас уже всем известно, что 4 декабря 1942 г. Дарлан объявил себя главой французского государства в Северной Африке и даже образовал Государственный совет, в состав которого вошел и генерал Жиро. «Господствовать» Дарлану довелось недолго. Вскоре он был убит в Алжире. Кем и почему? Мне кажется, что до настоящего времени в изучаемой мною литературе, в справочниках и прессе четкого ответа я не нашел. Так, например, в «Военном энциклопедическом словаре», изданном в 1986 г. «Воениздагом», прямо указывается: «...убит французским националистом» (с. 222). Я не считаю себя вправе оспаривать это утверждение. Однако мне хочется остановиться на некоторых уже давно полученных мною сведениях. Тогда многие утверждали, что Дарлан был убит «голлистами», считавшими, что адмирал является сторонником «всемирного господства» США и полнейшего покорения Франции и ее колоний, в то время как Шарль де Голль и его сторонники были за мир во всем мире, но за сохранение Франции наряду с другими государствами тоже самостоятельной могучей страной. Мне могут указать, что это не расходится с мнением, что он был убит «французским националистом». Возможно, это и так. Во всяком случае, в те годы ко мне поступала информация, категорически опровергающая какое-либо участие в убийстве адмирала самого Шарля де Голля, его агентов и даже каких-либо его сторонников.

Ходили слухи о том, что устранение с политической арены адмирала Дарлана было исключительно в интересах Великобритании, стремящейся тоже в определенной степени «владычествовать» над Францией. В то же время сам Дарлан всегда прилагал усилия к тому, чтобы доказать свою ненависть к военно-морскому флоту и самой Великобритании. Однако от многих людей, с которыми мне приходилось на эту тему беседовать, приходилось слышать однозначный ответ: Великобритания к убийству Дарлана не имела никакого отношения.

Наконец, последний услышанный мною тогда вариант. Якобы в устранении Дарлана был заинтересован генерал Жиро. Поговаривали о том, что Анри Жиро, считавший, что именно он завоевал авторитет у США и именно он имеет полное право быть первым лицом, с завистью узнал, что Дарлан еще до высадки союзников стал поддерживать связь с США, и,

по его мнению, наиболее ярким примером завоеванного у США авторитета являлось то, что буквально за два дня до его убийства, совершенного 24 декабря 1942 г., правительство США согласилось с тем, что Дарлан объявил себя главой французского государства в Северной Африке.

Считаю нужным привести ту часть беседы, которая состоялась у меня в 1945 г. с женой генерала Анри Жиро.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что мне при беседе с мадам Жиро показалось, что она лично доброжелательно относилась к подчиненному мужа в военном округе Мец полковнику Шарлю де Голлю и его жене. Сам генерал Жиро, однако, считал, что Шарль де Голль слишком много приписывает себе знаний и стремится к какому-то особому положению для себя.

В части Лавалья, как мне показалось, у нее отношение было более отрицательное. Якобы он стремится, в первую очередь, к личному обогащению, и ничто не может остановить его в этом стремлении. Не исключена возможность, что именно поэтому он добивается с помощью проводимой им нацистской политики достигнуть высокого положения в стране, что создаст ему гарантию высоких не только должностных окладов, но и коммерческой прибыли.

Пожалуй, худшего мнения она была о маршале Петэне. Я впервые услышал о том, что он, призывающий всех следовать католицизму, сам является одним из наиболее грубых нарушителей церковных законов. Одним из существенных примеров этого являются его брачные отношения, его вторичный брак с разведенной дамой. Кроме того, мадам Жиро несколько подчеркнула и то, что, по мнению многих высокопоставленных офицеров, маршал Петэн приписывает себе слишком большие, фактически не доказанные ничем заслуги. Он всю свою жизнь был пессимистом и пораженцем. Особенно, по ее словам, всех возмущало то, что его считают героем-победителем над кайзеровской армией под Верденом в Первую мировую войну. Несомненно, кое-какие заслуги перед страной у него были, но далеко не в том объеме, который ему самому и с помощью сподвижников удалось приписать себе, создав ореол героя вокруг своего имени.

О Дарлане мадам Жиро почти ничего не могла сказать, за исключением того, что он действительно хорошо отнесся к ее мужу при их встрече после его бегства из военного плена в Германии.

Во время одной из наших бесед с мадам Жиро, на которых, как правило, кроме меня присутствовала и Маргарет, часто и жена брата генерала, она держалась абсолютно спокойно. Вдруг ее лицо изменилось до неузнаваемости и она сказала, что, уже наметив свой «побег» из Франции в Африку, Анри Жиро решил взять с собой очень любимую им и любящую его дочь в возрасте пятнадцати лет. Так оно и свершилось, они бежали на подводной лодке.

Чувствуя могущие настичь их неприятности, им удалось буквально чуть ли не на носилках переправить больного брата генерала в Швейцарию. Сын, который во многом не разделял якобы взглядов отца, занял сторону Шарля де Голля и служил в созданной им армии национального освобождения. Сама мадам Жиро и жена брата, а вместе с ними и старшая дочь генерала продолжали жить в неоккупированной зоне Франции. Неожиданный удар вскоре последовал. Вся Франция была оккупирована нацистами, а оставшиеся не территории Франции женщины были арестованы гитлеровцами и направлены в лагерь для интернированных. Явно волнуясь, мадам Жиро, посмотрев на жену брата генерала, видимо, решилась на рискованный шаг... Не выдержав и заплакав, она, едва произнося слова, буквально выдавливая из себя каждое слово, поведала, что через некоторое время после их ареста, когда они находились уже в Германии, немцы сообщили ей, что ее дочка... скончалась. После небольшой паузы, полная слез мадам Жиро указала на то, что немцы ей вручили герметично закрытую банку, в которой в спирте хранилось сердце умершей дочери. Передавая эту банку, немцы пояснили, что сохраняемое сердце после обретения матерью свободы и ее желаний сможет служить для медицинской экспертизы, способной доказать,

что дочка не была убита немцами, а скончалась от разрыва сердца...

Маргарет и я с большим трудом и тяжелыми переживаниями слушали мадам Жиро. Мы не знали, как нам поступить, когда она предложила посмотреть на эту банку. Нас, видимо понимая наше состояние, выручила бельгийская графиня Руспули. В самом начале этой беседы она вышла из комнаты, где мы сидели, и через несколько минут вернулась, держа в руках золотой крест большого размера, который мы уже видели лежащим у ее постели в комнате, которую она занимала. Когда мадам Жиро окончила разговор и предложила нам посмотреть банку, графиня вмешалась в разговор и, приподняв крест, предложила всем помолиться за усопшую.

Чтобы пока закончить свои воспоминания о генерале Жиро и адмирале Дарлане в части их участия в африканских событиях, хочу кое-что уточнить.

От моих собеседников мне стало известно об утверждениях маршала Петэна, что адмирала Дарлана он направил в Алжир совершенно официально для того, чтобы координировать действия между правительством Виши и генерал-губернатором Алжира Сустелем по обеспечению должного сопротивления армиям союзников.

Как же восприняли немцы «бегство» генерала Анри Жиро в Северную Африку? Мне бы хотелось, базируясь на услышанном мнении многих из моих собеседников-французов, а затем после моего ареста и немцев, отметить, что в Германии бегство генерала было воспринято с большим негодованием. Якобы они даже официально обвиняли его в полной непорядочности, в отсутствии чести, в нарушении данного под прикрытием офицерской чести обязательства не выступать против Германии.

Должен указать, что прошло немного времени, как широко стали распространяться слухи о содержании этого данного генералом обязательства. Якобы в нем говорилось примерно следующее: «Я, генерал Анри Жиро, после моих личных бесед с маршалом Франции Анри Филиппом Петэном и адмиралом Жаном Луи Дарланом, будучи солидарным с их взглядами по международной обстановке, положении Франции и стоящими перед нею задачами, обязуюсь не выступать вразрез с проводимой ими политикой!»

Если генерал действительно давал подобное обязательство, то его объяснение о том, что он его не нарушил, не может быть сколько-нибудь обоснованно опровергнуто. Есть основания утверждать, что уже тогда предвиделась командировка Дарлана в Алжир или, по крайней мере, у маршала Петэна и адмирала Дарлана уже появилось сомнение в правильности сделанного ими выбора в части проводимой политики по отношению к Германии.

Я еще вернусь к вопросу о высадке союзников в Северной Африке и о том, к чему это привело. Сейчас хочу особо подчеркнуть, что напряженное состояние наблюдалось не только у марсельцев, напряжение ощущал и я. Мне казалось, что я должен еще в большей степени укрепить свою работу разведчика. Я был убежден, что это мне удастся в полном смысле. Ведь я обрел помощь в этом отношении со стороны Жюля Жаспара.

Я уже упоминал и о том, что благодаря Маргарет я встретился с женой ее брата, Зингера, мадам Аман, которая имела прямое отношение к французской разведке и, тоже не подозревая не только о моей разведывательной деятельности, но вообще о моей осведомленности в политических и военных вопросах, пыталась меня просветить, часто рассказывая о том, что ей, как разведчице, становилось известным.

Считаю необходимым коротко остановиться и на роли Эрлиха в моей разведывательной деятельности.

С самого начала между нашими семьями сложились дружеские отношения. Я не мог и подозревать о том, что сам Эрлих или его друзья, в том числе и переехавшие в Марсель чехословаки, принадлежат к какой-либо группе французского движения Сопротивления или непосредственно к какой-либо разведывательной службе, связанной с союзниками. Постепенно я все больше и больше уверовал в последнее. Это относится в особенности к одному из ближайших друзей самого Эрлиха. Складывавшемуся у меня мнению во многом способствовало то, что Эрлих и его друг любили уединяться и даже довольно часто

проводили вечера вне дома.

Наступил день, когда Эрлих предложил мне поиграть в «Скат» в доме его друзей. При этом он извинился перед Маргарет за то, что этот вечер мы не будем вместе у них дома.

Вот именно тогда он познакомил меня со своим другом, казавшимся мне связанным с чьей-либо разведывательной службой. Он поинтересовался, не нуждаюсь ли я в какой-либо материальной поддержке и не нахожу ли целесообразным, с моей стороны, оказывать помощь антифашистам в борьбе за мир. Не стесняясь, он подчеркнул, что сам связан с Эдуардом Бенешем, бывшим президентом Чехословакии, находящимся вместе со своим кабинетом в Лондоне, и поддерживает постоянную, непрерывную связь с ним часто через курьеров. Продолжая неожиданно для меня начатый разговор, мой собеседник, взглянув на присутствующего при нашем разговоре Эрлиха, сказал, что он лично знал Зингера, отца Маргарет, и очень тронут тем, что я, выполняя данное ему мною обещание, помогаю его дочери, оставшейся еще совсем молодой вдовой с маленьким сыном. Зная, что я уругваец и даже немцами не преследуемый коммерсант, имеющий широкий круг знакомых, он порекомендовал мне на тот случай, если я узнаю какие-либо новости, которые могут принести пользу союзникам, передать их лично ему или через его друга господина Эрлиха.

Беседа происходила в кафе, мы выпили кофе и немного коньяка. Я был в замешательстве, не зная, какую позицию мне занять, что я должен ответить на полученное предложение. Немного подумав, я спокойно ответил: «К великому сожалению, у меня нет сведений, которые могут представлять интерес для разведок. Я даже не могу предположить, в чем эти сведения могут заключаться. Должен признаться, что в то время, когда я направлялся в Европу, я относился ко всем европейским странам однозначно. Я хотел получить в Европе гуманитарные знания и заработать деньги. И то и другое мне в определенной степени удалось. Однако, после того как я побывал, как вам стало известно, в 1941 году в Чехословакии и Германии, в оккупированных гитлеровцами Бельгии, Нидерландах и Франции, у меня резко изменилось отношение к Третьему рейху, я стал осознавать ту угрозу миру, которую представляет фашизм. Мне показалось, что после моего возвращения в Бельгию из Германии, видя все, что происходит вокруг, я не смогу спокойно жить и вот, взяв Маргарет и Рене, выехал в неоккупированную зону Франции, но и здесь спокойствия у меня не наступило. Мне очень хотелось бы помочь людям, но я не знаю, как это сделать».

Собеседники, видимо, поняли меня, и на этот раз наш разговор переключился на другую тему. Мы больше касались вопросов беженцев, проживающих в Марселе, самого Марселя и немного истории. Между прочим, к моему стыду, я впервые услышал, как появилась «Марсельеза». С юных лет я представлял себе, что этот гимн Франции был создан именно в Марселе, и я полагал, что, видимо, именно здесь родился революционный дух французского народа. Каково было мое изумление, когда разговаривающие со мной чехословаки оказались и в этом отношении гораздо более грамотными, чем я. Я даже не знал, что первоначально эта ставшая революционной песня называлась «Боевой песней Рейнской армии». Во время революции ее подхватил Париж и песня распевалась батальоном марсельских революционеров. Она понравилась всем и стала известна как «Марсельеза». Мне казалось, что песня, ставшая гимном, была создана коммунистами. Поэтому, задумавшись, спросил у моих собеседников, не являются ли они коммунистами? Последовал молниеносный отрицательный ответ. Мы поспешили домой, чтобы я, прихватив с собою Маргарет, направился к себе. У читателей может возникнуть вопрос, а где же был в это время Рене, сын Маргарет?

Я его очень любил, помогал в учебе, но не мог быть спокоен и за ребенка. Поэтому однажды предложил Маргарет поместить Рене, так же как это было в Брюсселе, в католический пансионат. Я доказывал ей, что лично очень верю в Бога, а из всех религий предпочтение отдаю именно католической. Не скажу, что Маргарет с большой охотой приняла мое предложение. Как мне стаю известно потом, не ставя меня в известность, она решила посоветоваться и по этому вопросу с Жюлем Жаспаром и его супругой. Только после

того, как они меня поддержали, она дала свое согласие, и мы поместили Рене в пансионат с наиболее хорошей репутацией. Что это было – предчувствием или предвидением, ниспосланным Господом Богом? Ответ на эти вопросы мы получили далеко не сразу. Пока же навещали его минимум один раз в неделю, каждый четверг утром, а иногда даже чаще. В субботу в полдень мы направлялись за ним, а в понедельник рано утром отвозили вновь в пансионат.

Я привел пример с «Марсельезой» для того, чтобы подчеркнуть необходимость действительно достаточной грамотности во многих вопросах для любого разведчика. Что касается моих чехословацких друзей, то я убедился в допущенной мною ошибке в самом начале нашего знакомства с семьей Эрлиха. Тогда я полагал, что глава семьи человек средней грамотности. Видимо, он тогда так держался только потому, что не знал, с кем имеет дело. А разве теперь он мог догадаться, кто я такой? Нет, дело не в том, что он мог догадаться, что я разведчик, а в том, что Маргарет и я имеем достаточно обширное знакомство в кругах, не всегда поддерживающих «коллаборационистскую» политику, проводимую Виши по отношению к немцам. Мне кажется, что именно это нас сближало, и он, стремясь иногда остаться наедине со мной, касался многих вопросов, именно связанных с этим.

Однажды, беседуя со мной, он заговорил о Шарле де Голле, проводимой им политике и его окружении. Я позволил себе в самом начале разговора выразить мое мнение и признаться в том, что я с большим уважением отношусь к генералу. Мне всегда очень нравилось в нем то, что он очень любит Францию и не мыслит себе ее иначе, как крепкую, признанную всеми, самостоятельную, имеющую международное значение республику. Что касается его окружения, то я пояснил моему собеседнику, что мало слышал об этом.

Неожиданно для меня мой собеседник, согласившись со мной в оценке Шарля де Голля и его политики, вдруг коснулся совершенно других вопросов. Он счел нужным предупредить меня, что полностью доверять окружению генерала нельзя. Среди самых его приближенных имеются «двойники», одним из которых является даже некто Пасси. Я сделал вид, что слышу эту фамилию впервые. Тут же я услышал пояснения, заключающиеся в том, что этот господин был при Шарле де Голле начальником его разведки, а затем при таинственных обстоятельствах был завербован немцами. Услышав это, был буквально ошеломлен, я сделал для себя простой вывод: мой новый «друг», безусловно, связан с какой-то иностранной разведкой. Я подумал, что этой разведкой может быть, в первую очередь, английская, так как Великобритания во многом, как я уже указывал, поддерживала Эдуарда Бенеша, а сейчас могу несколько уточнить свое тогдашнее мнение, указав, что не исключена возможность того, что во многом Черчилль желал использовать президента «в изгнании» в интересах своей страны.

Наша беседа продолжилась последовавшим вопросом, обращенным ко мне: каково мое отношение к Лавалю, вернувшемуся в правительство Виши?

Я знал, что с конца 1940 г., то есть после того, как Лаваль возглавлял более пяти месяцев правительство Виши, неожиданно маршалом Петэном был смещен с этого поста. Причина такой вынужденной отставки мне была, естественно, абсолютно неизвестна. Пьер Лаваль вернулся в Париж, именно там я его впервые увидел на Елисейских полях. Его пост занял адмирал Дарлан, который оставался на этом посту почти четырнадцать месяцев.

Вот в этой беседе я впервые услышал более четкое определение ряда вопросов, которые, возможно, далеко не всегда для меня были еще ясными. Одним из первых явилось утверждение, что после поражения Франции в течение пяти месяцев Лаваль возглавлял правительство именно потому, что ни у кого не вызывало сомнений, что именно Германия будет безусловным победителем в этой кровавой войне. До этого я не слышал и того, что разрыв между Лавалем и Петэном произошел якобы потому, что Лаваль продолжал верить в Германию, несмотря на то что гитлеровцам не удалось захватить Великобританию, он, повторяю, мечтал об объединении с Германией, в то время как Петэн хотел сохранить независимую республику, находясь с немцами в дружеских отношениях. До этого мне

приходилось только слышать, что Петэн согласился 13 декабря 1940 г. на отставку Лавалья только потому, что французский народ возненавидел Лаваль за его стремление к слишком опасному для Франции «коллорационизму» с Германией.

Я знал, что, проживая в Париже, Лаваль, делая вид, что не занимается политикой, а живет только личными интересами, деловыми связями и интересующими его заработками, в действительности поддерживает дружеские отношения с Абецом, некоторыми немцами из числа оккупантов, занимавшими видные должности. Андре рассказывал мне о том, что Лаваль не скрывает своих добрых отношений с бывшим членом социалистической партии, правда порвавшим с ней еще в 1933 г. и все больше и больше становившимся открытым французским национал-социалистом, Дэа. Дэа в период оккупации играл у гитлеровцев заметную роль. От Андре я слышал и то, что Лаваль в сопровождении Дэа выезжал в Версаль, где был организован первый смотр добровольцев «антибольшевистского легиона», созданного во Франции и ожидавшего уже отправки на фронт на Восток. Неизвестный стрелял в Лаваль и Дэа. Лаваль якобы был тяжело ранен.

Естественно, обо всем этом я не стал рассказывать моему «другу», но был удивлен тем, что он буквально слово в слово повторил ранее слышанное мною. Немного добавил, в том числе и о том, что неизвестный, совершивший террористический акт, был арестован, его дальнейшая судьба была ему не известна. Он подчеркнул и то, что в Париже Лаваль поддерживал связь со многими нацистами из числа французских граждан.

Мы были вынуждены прервать нашу беседу, так как оба торопились домой, но условились продолжить в ближайшее время.

На следующий день я встретился с Розой, итальянской коммунисткой, поддерживающей связь со мной. Встреча была очень короткой. Она передала мне некоторые информационные данные и успела только сказать, что в Италии обстановка накаляется и еще очень трудно предсказать, чем она закончится. Совершенно определенным является падение авторитета Муссолини. Резко, хотя, конечно, тоже трудно предсказать, к чему это может привести, возросли антифашистские выступления, а с особой силой отмечается стремление значительной части населения к выходу Италии из войны и незамедлительного отзыва итальянских войск со всех фронтов.

Перед тем как закончить воспоминания о моей разведывательной деятельности, я позволю себе рассказать об одной из встреч с «чешским другом». Это заставит меня несколько отвлечься от прямой темы, но в то же время может подчеркнуть мою убежденность, что очень многое в частной жизни разведчика приносит пользу его разведывательной деятельности. Так было и на этот раз. Мы условились встретиться около ратуши, у мемориала на месте убийства в Марселе Жана Луи Барту и югославского короля Александра I.

Опять должно последовать мое признание. Мимо этого памятника и огромного, очень красивого здания ратуши Марселя Маргарет, Рене и я часто проходили. Имена были мне тоже немного знакомы, но никаких подробностей об этих двух политических и государственных деятелях я не знал.

Когда мы встретились с моим «чешским другом», он спросил, заинтересовал ли меня этот памятник и знаю ли я основную причину, побудившую террориста убить этих двух государственных деятелей. Мне пришлось признаться, что я далеко не полностью знаю суть дела. Вот после этих слов он мне поведал: «Жан Луи Барту получил высшее юридическое образование. Еще довольно молодым человеком был избран в парламент. За время своей политической и государственной деятельности занимал ряд министерских постов, в том числе и пост премьер-министра. Много сил затратил на посту председателя Репарационной комиссии, направляя все усилия на обеспечение выполнения Германией принятых в Версале положений мирного договора, касающихся ее дальнейшей государственной политики, включая экономику и численность вооруженных сил. Он был одним из первых, кто испытал тревогу за дальнейшую судьбу человечества, за возможность возникновения новых войн после прихода в Германии к власти фашистов (да, он прямо сказал: фашистов, а не

национал-социалистов, как этого требовал Гитлер) во главе с фюрером, являющимся единственным столь всесильным диктатором во всем мире».

И вот тут произошло невероятное, как некоторые государственные деятели не только в Германии расценивали. Этот видный политический деятель после 1933 г. осознал, что единственным способом спасти Европу и, конечно, Францию является не только сближение с Советским Союзом, но и франко-советское сотрудничество. Мой собеседник назвал Восточный пакт, предлагаемый Барту. Придавая большое значение роли Советского Союза в международных отношениях, министр иностранных дел Франции поддержал ряд инициаторов приглашения СССР в Лигу Наций. Все это происходило в 1934 г., но самым главным, по мнению просвещающего меня моего «чешского друга», является то, что предложение о создании Восточного пакта встревожило многих, враждебно относящихся к Советскому Союзу. Им не понравилось и то, что Жан Луи Барту посетил СССР. Он не дожил до того дня, когда благодаря немалым его усилиям был подписан франко-советский договор 1935 года.

Югославия во главе со своим королем Александром I поддерживала и ориентировалась на внешнюю политику Франции, являясь в определенном отношении сторонником курса, проводимого министром иностранных дел Жаном Луи Барту. Враждебно настроенные политики, видимо, предполагали, что в результате ожидавшейся во Франции очередной встречи Барту и Александра I может еще четче определиться их «дружелюбное» отношение к Советскому Союзу. Это не устраивало гитлеровцев, их сторонников и других представителей всяческих оппозиционных течений в различных странах. Именно этим многие объясняли совершенный 9 октября 1934 г. террористический акт, унесший жизни двух незаурядных политических деятелей.

Рассказав все это, мой собеседник, продолжая, поставил вопрос, предварительно предупредив, что ответ на него будет дать далеко не просто. Соответствуют ли действительности высказываемые предположения агентами германской и итальянской разведок, что исполнителем явился хорватский террорист, усгашами (это и есть хорватские террористы, организация которых была создана лидером хорватских сепаратистов, руководимая Анте Павеличем, ставшим открытым главарем хорватских фашистов)?

Должен отмстить, что среди моих знакомых большая часть строила свои предположения на том, что убиты они были непосредственно гитлеровцами по личному приказу Гитлера. Где правда, я не мог тогда ответить.

Беседуя, мы прогуливались по улицам Марсея и оказались почти в самом его центре. Нам захотелось перекусить и выпить по чашечке кофе. Мой собеседник предложил зайти в имеющее хорошую репутацию кабаре-кафе «Буат а мюзик», основанное французской артисткой эстрады Мариан Мишель. Пару лет тому назад я как-то оказался за соседним с ней столиком в одном из вечерних увеселительных заведений в Париже. Не успели мы сесть, как Мариан подошла к нам и поздоровалась, пожелав хорошо провести вечер. Мы предупредили, что долго задерживаться не можем, но рады побывать в ее заведении.

Внезапно Мариан Мишель сообщила нам, что в этот вечер у нее в гостях находится приятельница Эдит Пиаф. Во Франции к этому времени её уже все знали и любили как создательницу нового, своего собственного, крайне своеобразного жанра. Она выступала на многих сценах Франции, пользовалась успехом, ей аплодировали, ее «хвалили», о ней много говорили, правда, находились и такие, которые осуждали.

Мариан Мишель обрадовала нас, очень мило улыбаясь, тем, что её гостя согласилась принять участие в вечернем концерте... И если бы мы захотели, она бы нас познакомила с Эдит Пиаф после ее выступления, пригласив к нашему столу. Естественно, мой «друг» обрадовался. Оказывается, он не только никогда раньше не слышал ее песен, но даже впервые услышал ее имя. Мариан Мишель, пообещав пригласить Эдит Пиаф к нашему столу после ее выступления, буквально через несколько минут нас покинула.

Мы заказали кое-что закусить и кофе, конечно с рюмочкой коньяка. Я решил коротко познакомить моего «друга» со ставшими мне известными версиями биографии и

артистической карьеры заинтересовавшей его певицы.

Вот та из рассказанных мною версий, которая мне уже давно стала известной, и я полагал, что, возможно, она самая правдивая.

Эдит Пиаф в детстве очень нуждалась и почти ребенком была вынуждена искать возможность заработать на жизнь. Ей удалось устроиться уличной певицей. Что это значит? Многим это понятие совершенно незнакомо.

Во Франции очень любят песни. Французы воспевают в них любовь, женщин, свои и чужие города (Париж, Авиньон, Марсель и другие, а мне, «уругвайцу», пришлось даже слышать песню о моем «родном» городе – Монтевидео), солнце, дни недели, горе и радость, войну и мир – одним словом, все, даже на забывая о трудах рабочего и крестьянина. Вот их очень часто поют «уличные певцы». Поет он или она новую песню и раздает собравшемуся народу, слушателям, ноты с музыкой и словами, а затем собирает деньги, зарабатывает и себе на жизнь. Только я никогда не слышал, чтобы подобных певцов называли нищими, хотя, по сути, они таковыми и являются. Их принято называть, во всяком случае, так было в мое время, просто певцами. Они не собирают в шляпу или на тарелку подаяния, нет. Они собирают только «плату за свой труд, за пение, за розданные ноты». Мне представлялось, что это менее унижительно, но это было именно так, и, с моей точки зрения, повышало культуру, доброту и сознательность французов.

Так вот Эдит Пиаф тоже пела новые песни на улице, обычно ее окружало много народа, слушателей, любителей новых песен в хорошем исполнении. Она собирала «плату за свой труд». Правда, в народе поговаривали и о том, что до этого, еще совсем маленькой девочкой, она продавала цветы у ночных кабаре, но ведь это тоже труд, и не только довольно тяжелый, но и опасный, даже подчас и унижительный. Продавцу цветов часто приходится иметь дело с пьяницами, загулявшими, сутенерами или проститутками.

Начав петь на улице, Эдит Пиаф пела не как все, а по-своему. Она закрывала часто глаза, ее туловище раскачивалось из стороны в сторону, руки она расставляла в стороны, подносила к лицу, заламывала так, что пальцы хрустели, она пела с чувством, не обычным голосом, а громко выкрикивая слова песни, с успехом стараясь выдерживать такт и мелодию.

Эдит Пиаф нечего было надеть на себя. Пела она в поношенном, заношенном спереди темном платье, черном или синем, не помню точно.

У Эдит Пиаф не было достаточно денег, чтобы пользоваться услугами парикмахера и маникюрши. Возможно, она и сама старалась расчесать и уложить свои волосы, но ветер на улице, разнося песни, распеваемые ею, развеивал и путал их.

Вот в таком виде, поющую на улице, увидел ее один из довольно известных антрепренеров. Ему понравилась эта поющая девушка. В ней было много экспансивности, а в ее пении – где-то новое, необычное. Он внимательно прислушивался к этому голосу, к словам песен, он наблюдал и за самой исполнительницей и понимал, что в ней все привлекает, в том числе и этот небрежный вид, это поношенное платье, эти странно выкрикиваемые нараспев слова.

Антрепренер решил на ней заработать и, подойдя к Эдит Пиаф, представившись, предложил подписать контракт. Несколько растерявшись, она подписала. Контракт был выгоден для обеих сторон: для антрепренера потому, что он мог хорошо заработать, выставив на сцену новизну в лице подобной певицы, а для Эдит Пиаф потому, что не надо было больше думать о завтрашнем дне, ей обеспечивался достаточный заработок. Контракт якобы был хитро составлен. Понимая, что заработать много денег на Пиаф можно только благодаря своеобразию ее внешнего вида и исполнению песен, антрепренер включил в контракт разные пункты, в том числе и такие, которые предусматривали, что Эдит Пиаф должна была продолжать выступать и на различных сценах в том же платье, в каком пела на улице, с такой же прической, при которой волосы были словно «спутаны ветром улиц», без маникюра на руках.

Я лично слушал Эдит Пиаф на сценах Парижа и вправе утверждать, что публика встречала ее очень хорошо и даже бурными аплодисментами. Многим парижанам и даже

иностранным гостям надоели ставшие обыденными песни, исполняемые хорошенькими, чистенькими артистками, о туалетах которых можно было прочесть в программах концертов. С целью создания рекламы для крупных фирм дамских туалетов часто указывалось, что эти артистки и в жизни, и на сцене одеты такой-то известной фирмой. Иногда даже в программах указывались и адреса парикмахерских салонов, которыми пользовались певицы.

Вскоре после подписания указанного контракта Эдит Пиаф начала выступать в лучших концертных залах, мюзик-холлах, в пользующихся успехом пристойных кабаре. На ее концерты часто просто невозможно было достать билеты. Вскоре она стала знаменитостью.

Едва я успел ознакомить моего «друга» со всем, что я знал об Эдит Пиаф, как она вышла на сцену и стала петь все тем же голосом, все в том же платье, все с той же прической – распущенными волосами, так же часто закрывая глаза и раскачиваясь из стороны в сторону. Большинство из исполненных ею песен оказались для меня новинкой. Мой «друг» очень был рад не только тому, что увидел на сцене, исполнению песен Эдит Пиаф, а, как мне показалось, был поражен тем, что я ему рассказал.

Нас несколько огорчало, что обещание, данное нам Мариан Мишель пригласить к нашему столику Эдит Пиаф, чтобы выпить по бокалу шампанского за ее здоровье и дальнейшие успехи, не сбывается. В ожидании появления Эдит Пиаф мы продолжили нашу беседу на интересовавшую нас военно-политическую тему. Об этом я еще расскажу. Время шло, и мы уже собирались позвать официанта, чтобы расплатиться и покинуть «Буат а мюзик». Неожиданно к нашему столику направилась Мариан Мишель и в ее сопровождении ещё какая то весьма привлекательная дама. Ни я, ни мой партнер, сидящий рядом за столиком, не могли точно определить, кто направляется к нам. Уже прошло продолжительное время с тех пор, как приглашенная нами Эдит Пиаф закончила свое выступление, и мы потеряли надежду, что она приняла наше приглашение. И вот за нашим столиком сидят две дамы – Мариан Мишель и Эдит Пиаф. Однако это совсем другая женщина, чем та, которая еще недавно пела на сцене. На ней нарядный вечерний туалет, модная современная прическа, она даже успела покрыть свои ногти ярким лаком. Эдит улыбается, понимая, что на нас произвели впечатление происшедшие в ней перемены.

Нам повезло и в том, что официант, не теряя времени, принес шампанское и наполнил бокалы. Тем не менее, мы молчим, а Пиаф, смеясь, говорит только пару слов: «Я пленница контракта».

Мне и моему «другу» все стало ясно. Он внимательно посмотрел на меня, не скрывая своего удивления. Я поднял бокал и произнес тост за здоровье и дальнейшие жизненные и творческие успехи наших очаровательных дам. Все с большим удовольствием, по крайней мере, мне так показалось, приняли тост и до дна выпили по бокалу шампанского.

Время нашей беседы пролетело очень быстро, и мы расстались. Эдит Пиаф торопилась, возможно, чтобы успеть ответить на остальные полученные ею приглашения, а мы спешили домой. Прощаясь и целуя дамам руки, я не мог предположить, что больше никогда не увижу ни Мариан Мишель, ни Эдит Пиаф.

Казалось бы, чем мне может помочь Эдит Пиаф и моя осведомленность о ее артистической карьере? Представьте себе, что и это сыграло определенную роль в моей деятельности. Мои чехословацкие друзья и связанные с ними французы и другие иностранные эмигранты, видимо услышав от моего «чешского друга» пересказ истории Эдит Пиаф, стали относиться ко мне, я бы сказал, с уважением, считая, что я даже в военное время интересуюсь культурой, мирной жизнью Франции больше, чем надоевшей многим политикой. Те же мои знакомые, которые сами интересовались происходящим не только во Франции, но и в мире вообще, понимали, что у меня имеется доступ в различные, даже высшие слои общества. Это дает возможность через меня выяснять многие интересующие их вопросы, однако, одновременно не скрывая от меня многое из того, что и я мог извлечь с пользой для себя из наших бесед. Признаюсь, иногда у меня создавалось такое впечатление, что мои «друзья» не исключали для себя возможности привлечения меня к их разведывательной деятельности. Не будучи уверенными, что я дам согласие на мое участие,

они в этом вопросе проявляли особую осторожность.

Не предвидя, что мне уже не особенно долго остается быть на свободе, я все же старался собрать как можно больше различных сведений. Мне стал известен ряд уточнений, касающихся ухода 13 декабря 1940 г. Лавалья с поста премьер-министра. Немалую роль в этом отношении сыграл принятый закон о роспуске Генерального совета, а также об отстранении от занимаемых должностей выборных мэров. Этот закон якобы давал право маршалу Петэну и его правительству увольнять со своих должностей не только выборных мэров, но и избранных на выборах советников в коммунальных и департаментских администрациях.

Мои собеседники очень часто подчеркивали, что к моменту возвращения Лавалья к власти произошли общеизвестные перемены в создавшейся в Европе и в мире вообще обстановке. Ведь эти весьма опасные изменения, по мнению многих, были не всегда лучшими, но и худшими. Это было связано, в первую очередь, с вынужденным вступлением в войну Советского Союза и США. Для многих сторонников Германии была утеряна уверенность в скорой ее победе. Большая часть французов, бельгийцев и других народов не были не только уверены в победе гитлеровцев, но и в том, что война способна еще долго продолжаться. Это вызывало особую тревогу у тех, кто стал «коллорационистом» сам, или у тех, кто их косвенно поддерживал. Это отражалось в определенном отношении и на активизации французского движения Сопротивления.

Для меня было совершенно неожиданным и то, что поведал мне мой «чешский друг». По его словам, до возвращения на свой ранее им занимаемый пост премьер-министра Лаваль помимо различных встреч с немцами был якобы удостоен приема Германом Герингом. Во время этого приема, видимо, обсуждалось много вопросов, но мое внимание привлек в основном только один. Указывая на то, что среди французов существует много враждебно относящихся к Германии, а рейх не имеет сейчас возможности в связи с обострившимся положением на Восточном фронте использовать достаточное количество своих вооруженных сил и даже полиции для умиротворения этой части французского населения, Геринг призвал правительство Виши к оказанию помощи в выявлении и борьбе с врагами Германии.

Эти вопросы относились не только к той части Франции, где уже господствовали немцы, но и к неоккупированной части тоже. В чем это должно выражаться, мой собеседник то ли не знал сам, то ли не счел возможным мне высказать. Уже почти закончив эту беседу, он затронул еще несколько вопросов. Во-первых, предостерег меня от посещения Лиона, так как в этом городе свирепствует, в особенности после возвращения Лавалья в Виши, гестапо. Во-вторых, он мне задал вопрос: знаю ли я, что привлекало немцев к Петэну? После того как я ответил на вопрос отрицательно, он мне пояснил: «Петэн, хотя и является маршалом Франции, уже давно относится доброжелательно к Германии и... – тут мой собеседник немного задумался и вдруг продолжил, – и к фашистам». Ссылаясь на то, что я, видимо, знаю о том, что несколько лет тому назад, сравнительно недавно, в Испании фашистами был поднят мятеж, поддержанный и Гитлером. Я «удивился» этому, признавшись, что если я что-либо в этой части и слышал, то уже давно, и ничего не помню. После этого моего отступления «друг» вдруг заявил, что установление фашизма в Испании являлось угрозой не только Франции, с которой она граничила, но и Средиземному морю, связывающему метрополию с ее колониями, и вообще всем странам Европы.

Ни для кого не секрет, подчеркнул мой «друг», что еще до развязывания Второй мировой войны Лаваль всячески пытался наладить отношения между Францией и Гитлером. Он широко использовал ряд французов в этом направлении и даже свои хорошие контакты с итальянским послом в Париже. А вот о Петэне почти никто не говорил, возможно, многими он был забыт вообще, а если его вспоминали, то в основном для осуждения его частной жизни.

Мало кто знал и то, что после «победы» Франко над Испанской Республикой и установления угодного Гитлеру фашистского режима в стране, как это ни странно, послом Франции в Мадриде, то есть при мятежном генерале Франко, ставшем вершителем судеб в

стране, диктатором, был назначен именно маршал Петэн. Да, у него уже тогда были дружеские связи и с послом Германии. И тут еще произошло одно уточнение моих знаний. Оказывается, именно 16 мая 1940 г., то есть в разгар агрессии на Западе, премьер-министр Франции Поль Рейно вызвал из Мадрида маршала Анри Филиппа Петэна, а через два дня, 18 мая, он уже был назначен заместителем премьер министра. С этого началось быстрое восхождение маршала на Олимп власти в находящейся под господством Германии побежденной Франции.

Не знаю до сих пор, на чем обосновывается утверждение моего «чешского друга», что якобы между Фридрихом Вильгельмом Канарисом, являвшимся начальником управления разведки и контрразведки при гитлеровском военном министерстве – управления, которое было всем известно под коротким наименованием «абвер», – и вишистами было достигнуто соглашение, к которому примкнуло и гестапо, о совместных действиях против движения Сопротивления, против всех видов антифашистов, а также и против вражеской разведки французских сил.

Признаюсь, выслушав это сообщение в то время, примерно в середине 1942 г., я не придавал ему большого значения, совершив тем самым значительную ошибку. Потом на моем личном примере я мог убедиться, насколько тесным было сотрудничество французской полиции с гестапо и абвером.

Тщательно подбирая себе не только непосредственных сотрудников, но в еще большей степени различные возможные полезные для советской разведки источники, я постепенно расширял свою деятельность и, как уже не раз указывал, настойчиво просил Отто запросить для меня у «Центра» шифровальный код, а кроме того, просил его лично оказать мне помощь в обеспечении созданной мною вновь группы в Марселе радиопередатчиком. Все мои просьбы оставались и до последних дней моего пребывания в Марселе без внимания.

Обстановка обострялась с каждым днем все больше и больше. В особенности среди народа возросло волнение с момента высадки союзников в Северной Африке. Радуюсь тому факту, что, наконец, союзники активизировали свои военные усилия, вскоре французы и все люди различных гражданств, которые проживали в неоккупированной зоне Франции, пришли к печальному выводу. Они предчувствовали, что действия англо-американцев в Северной Африке будут восприняты немцами отрицательно, будут представлять непосредственную угрозу начала военных действий союзников в Средиземном море, а следовательно, приведут к неминуемой высадке и на территории Франции, руководимой из Виши. Многие понимали, что до этого вокруг правительства Виши немцами создавалась видимость независимого управления частью Франции, но понимали и то, что это была только видимость. Всем или, по крайней мере, большинству было совершенно ясно, что маршал Петэн и почти все, собравшиеся вокруг него, его «славного и героического» имени, пляшут под дудку гитлеровцев.

К чему же все это должно привести? Тревога среди всего населения возрастала не по дням, а буквально по часам. Всем было понятно, что полнейшая оккупация Франции фашистскими силами Германии и Италии совершенно неизбежна. Если это произойдет, то начнутся не просто аресты неугодных немцам лиц, но в буквальном смысле слова будет развязан новый террор.

8 ноября 1942 г. я направился в «Симекс», встретился с Жюлем Жаспаром и одним из его друзей, только что приехавшим из Виши. Оба были в повышенно нервном состоянии. Мы обменялись буквально несколькими словами, и я поспешил уйти. Мне хотелось еще навестить Эрлиха. Перед моим уходом я договорился с Марго на следующий день в 16 часов встретиться. Мы предусматривали и такую возможность, что встреча наша может состояться в 19 часов. Ведь могло так случиться, что она не сможет рано покинуть бюро.

Эрлиха я застал дома. Он только что вернулся со встречи со своими друзьями. Он был явно встревожен, не имея возможности предпринять какие либо эффективные шаги, чтобы покинуть Францию или, по крайней мере, переехать в другой город и попытаться некоторое время прожить там на нелегальном положении. Прощаясь, мы договорились, что будем

ежедневно поддерживать контакт.

Я направился домой, где меня ждала Маргарет. По пути многое обдумывал. Прежде всего, пытался проанализировать, в достаточной ли степени обеспечил конспирацию в созданной мною группе и с поддерживающими с ней связь людьми. Мне казалось, что после проявленной Отто «заботы о нас», выразившейся в том, что он кому-то в Брюсселе сообщил наш точный адрес в Марселе, я по отношению к нему должен стать более сдержанным, но, когда был вынужден называть в своих сообщениях в «Центр», передаваемых через Отто, источники полученной информации, я не всегда, далеко не всегда мог утаивать «источник», ибо в противном случае сама информация могла потерять смысл.

Задумывался я и над тем, как сам должен поступить в ожидании оккупации Марселя, как должен поступить с Маргарет. Сейчас Отто, а с его слов и другие «честные публицисты и даже писатели» доказывают, что я якобы имел возможность покинуть Марсель, Францию, перебраться за границу, в частности в Швейцарию, но не сделал этого только потому, что не хотел покинуть «горячо любимую жену». Отто выдумывает даже и такой вариант, что во исполнение его задания Жюль Жаспар создал возможность бежать всем и даже перевести фирму «Симекс» в Африку. Все это сплошная ложь. В действительности я должен был не допустить попадание даже вместе со мной, если такая угроза существовала, в руки гестапо Маргарет. Слишком много моих связей исходило именно от нее, в том числе сестры Аман в Брюсселе и Марселе, Раух и других. Она знала моих «друзей», в том числе и деловых, и... просто друзей, которые фактически были моими или сотрудниками, или источниками.

Кроме того, я был обязан задуматься и над тем, как избежать для Маргарет и Рене преследования со стороны немцев из-за меня.

Я не мог недооценивать, что Маргарет лично была знакома с бывавшим у нас в Брюсселе и Марселе Отто, знала его паспортную фамилию, она знала Корбена и наш филиал в Париже «Симекс» и основную фирму в Брюсселе – «Симекско».

Надо было все обдумать, надо было многое решать. С тяжелыми мыслями я вернулся домой. Маргарет весело встретила меня. Не было заметно у нее какого-либо волнения. Сразу же предложила вечером сходить на Каннебьер в кинотеатр. Я согласился, согласился несмотря на то, что у меня голова была полна различных мыслей.

Не помню, какую картину мы смотрели, а вот покинув кинотеатр, несколько удивился, даже насторожился. Я заметил, что нами «любуется» какой-то незнакомый человек, и это уже не в первый раз. Сразу скажу, это был гестаповец, с которым мне приходилось не раз встречаться в зондеркоманде «Красная капелла».

Вернувшись домой, мы улеглись спать. Правда, в своей комнате я еще немного посидел, обдумывая все те же вопросы. Ночь почти не спал.

На следующий день, 9 ноября 1942 г. (мне кажется, что я не ошибаюсь, хотя в некоторых публикациях говорится, что это произошло 11 или даже 12 ноября), как и каждый четверг, мы направились навестить в пансионате Рене. Это было важно еще и потому, что это был, якобы так указывают некоторые, день святого Рене. Встреча была более печальной все по той же причине – все ждали оккупации и не знали, как сложится дальше жизнь.

Мы вернулись домой. По пути я предупредил Маргарет о том, что сложившаяся обстановка требует повышенной осторожности, а поэтому в том случае, когда в нашу дверь кто-либо позвонит, надо осторожно, перед тем как открыть, спросить, кто звонит, и посмотреть в глазок. Признаюсь, я не раскрыл Маргарет тот факт, что меня продолжал тревожить увиденный накануне и еще ранее «любовавшийся» нами незнакомец. Я высказал мнение, что не следует отвечать и на телефонные звонки.

Войдя в квартиру, Маргарет сразу же, еще не сняв пальто, направилась на кухню и поставила на газ кастрюлю с картошкой. Я прошел к себе в комнату. Примерно в 13–14 часов раздался звонок в дверь. Я поспешил выйти из комнаты, но у двери первой оказалась Маргарет. Посмотрев в глазок, она спросила, кто звонит. В глазке она увидела нашу консьержку, которая, кстати, за плату помогала поддерживать порядок в нашей квартире, и услышала ее голос. Маргарет открыла дверь, а дальше все произошло мгновенно.

Консьержку оттолкнули в сторону несколько французов в штатском и вошли в нашу квартиру. Один из них, предъявив удостоверение французского полицейского, объявил, что мы арестованы. На нас надели наручники. Трудно словами выразить состояние, в котором оказалась Маргарет. Я старался держаться спокойно, с возмущением указывая на то, что меня арестовывают, как уругвайского гражданина, без предъявления документа с санкцией соответствующей инстанции, а быть может, и посольства или консульства Уругвая никто не имеет права. Это относится, конечно, подчеркивал я, и к моей жене. Меня не стали слушать.

Весьма бегло, явно непрофессионально они сделали вид, что проводят обыск, правда, к обыску они еще раз приступили позднее, видимо получив дополнительные указания своего начальства. При первом обыске меня крайне удивила их некомпетентность. Обнаружив в одном из ящиков письменного стола вырезки из журналов и даже целые вкладные листы с выкройками, предназначенными для кройки и шитья, они сочли их важным доказательством. Захватив с собой только эти выкройки, нам предложили следовать за ними. Внизу нас ждало несколько автомашин. В одну из них посадили Маргарет, в другую меня. Тревога усилилась. Причиной послужила прикрепленная к ветровому стеклу моя фотография... Та фотография, которая мною сдавалась при регистрации в бельгийской полиции еще в 1939 г. Это означало, что французскую полицию побудило что-то, «совершенное мною» в Бельгии. Эта фотография убедила меня в том, что мое возмущение тем, что Отто сообщил кому-то в Брюсселе мой точный адрес в Марселе, чтобы нам переслали часть наших вещей, было правомерным, а его решение абсолютно ошибочным, преступным и, видимо, навело французскую полицию на меня. В этот момент совершенно невольно вспомнилось и то, что мне сообщил мой «чешский друг, – между спецслужбами Германии и Франции достигнута договоренность о совместной работе по борьбе с антифашистами, движением Сопротивления и проч.

Долго размышлять не пришлось. Вскоре мы оказались вблизи вокзала в том здании, мимо которого проезжали уже не один раз. Там помещалась специальная служба французской полиции. Нас ввели в здание, и почти сразу Маргарет куда-то увезли, как потом выяснилось, ее повезли в отделение полиции в порту, так как там были женщины-полицейские, а здесь были только мужчины. Меня обыскали здесь, а Маргарет именно в порту. После личного обыска меня опять посадили в машину, и мы вернулись вместе с полицейскими домой. Быстро еще раз осмотрев квартиру, они предложили мне взять необходимые вещи, и, уложив их в чемодан, мы вернулись в полицейское управление. Оказывается, после личного обыска в полиции в порту Маргарет проделала тот же путь и с той же целью.

Время бежало довольно быстро, и вскоре мы оказались с Маргарет сидящими в одной из комнат, где было несколько полицейских. Немного позднее их осталось только двое или трое. Один из них привлек мое внимание. У него была надета медаль «Эваде». Я предположил, что после бегства из плена он поступил на службу в вишийскую полицию. Сделав вид, что мне надо в туалет, я вместе с этим полицейским прошел в другую комнату, куда я попросил его зайти. И там я осмелился спросить у него разрешения позвонить начальнику бюро французской разведки. Я показал ему данные мне мадам Аман номер телефона и фамилию ее начальника и, выразив свое предположение, что французская полиция арестовала нас по заданию гестапо, сказал, что мне обязательно надо принять меры к уничтожению ряда записанных номеров телефонов, адресов, фамилий и других пометок, чтобы они не попали в руки к немцам.

Выслушав меня внимательно и в течение нескольких минут не проронив ни слова, вдруг этот полицейский подтвердил, что действительно мы арестованы по заданию немцев, но по специальному указанию Виши. Он не хочет рисковать и давать мне возможность с кем-либо связываться по телефону, но предлагает, укрывшись в уборной, все то, что, по моему мнению, не должно попасть к немцам, сжечь и спустить в унитаз. Что мною и было сделано.

Полицейский предупредил меня, что завтра рано утром мы будем переданы немцам,

которые хотят нас вывезти из неоккупированной зоны еще до того, как их войска вступят на эту территорию Франции. А это должно произойти буквально 10–11 ноября 1942 г.

Бюро полиции, видимо, было специального назначения, возможно, являлось отделением секретной полиции, а поэтому никаких «удобств» для содержания арестованных не было. Мы провели ночь буквально на полу. Естественно, не могли ни на минуту заснуть. Много всяких мыслей было у каждого из нас, но одна мысль была тождественна: что будет с Рене?

Утром в бюро вернулся начальник, а вместе с ним и немцы, как я потом установил, начальник гестапо в Париже Бемельбург и начальник зондеркоманды гестапо «Красная капелла» Карл Гириг. Именно им нас французская полиция и передала. Вот так мы были арестованы. С этого дня начались самые тяжелые дни моей жизни и жизни Маргарет. Более тяжелыми для меня будут дни после моего возвращения на родину, а для Маргарет невозможность долгое время увидеть Рене – 8 месяцев в камере смертников, а затем нахождение в лагере для интернированных в Германии и очень тяжелые годы в послевоенный период.

ГЛАВА XXIII. В руках гестапо. Гестаповские тюрьмы. Допросы.

10 ноября 1942 г. в помещении специального бюро французской полиции около вокзала Сан-Шарль (центральный вокзал в Марселе на линии Париж–Марсель) Маргарет и я были переданы гестаповцам, среди которых, как я указывал, был начальник зондеркоманды гестапо Карл Гириг. Именно с ним мне пришлось пережить немало очень тяжелых месяцев. Об этом по возможности коротко я попытаюсь рассказать, касаясь наиболее важных фактов.

Однако, прежде всего, считаю необходимым остановиться на некоторых вопросах, которые вызвали у меня тревогу, но были и такие, которые вызвали у меня удивление.

Если отношение полицейского со знаком «Эваде» ко мне могло быть оправданным тем, что он, бывший военнопленный, бежавший из немецкого лагеря, допущенный до службы в полиции, не изменил своего отношения к нацистам, знал, что мы арестованы с согласия Виши по требованию немцев, то остальное я не мог понять.

Как я указывал уже, ночь мы провели вдвоем в одной из комнат французской полиции.

Естественно, Маргарет я мог высказать только одно «предположение», а именно то, что я «убежден», что немцы потребовали у французов моего ареста только потому, что я гражданин Уругвая и имел какие-то связи с немцами в Бельгии.

Маргарет моему предположению поверила, и я счел совершенно необходимым не только просить ее, но, скорее, обязать, в случае если немцы подвергнут ее допросу, ни в коем случае не называть ни одной из фамилий наших и моих знакомых. Я подчеркивал, что она может знать только фамилии официально поддерживающих со мной отношения, только тех, кто стал ей известен из должностных лиц фирм «Симекско» в Брюсселе и «Симекс» в Париже. В число этих фамилий входили только Назарен Драи Раух, Жюль Жаспар и Альфред Корбен. Учитывая, что Маргарет очень отрицательно относилась к Жану Жильберу, она с пониманием отнеслась к моей просьбе его фамилию не называть. Не должна была она упоминать и фамилий Карлоса Аламо (Михаила Макарова), с которым она один два раза встречалась только во время моего пребывания в октябре – ноябре 1941 г. в Праге и Берлине, а также и еврея Лео Гроссфогеля, который после оккупации немцами Брюсселя одно время скрывался в квартире, ранее снимаемой братом Маргарет и еще числящейся за ним.

Естественно, я уже понимал, исходя из того, что увидел в полицейской машине свою фотографию из Бельгии, а затем из упоминания французского полицейского, что наш арест произведен по заданию немцев, о возможности моего разоблачения как советского разведчика кем-либо из ранее арестованных в Бельгии. Я не мог ни на минуту успокоиться по многим причинам. Я понимал, что Маргарет подверглась аресту из-за меня.

Сам арест в Марселе вызывал у меня значительную тревогу. Я мог предположить

только две возможности. Первая из них заключалась в том, что меня выдал кто-то из ранее арестованных в Брюсселе, ставший на путь предательства, допустивший использование ошибки Леопольда Треппера, сообщившего, как я уже указывал, без предварительного уведомления меня мой точный адрес в Марселе. В этом случае могла быть разрушена и наша «крыша» в Бельгии, созданное мною АО «Симекско».

Вторая возможность заключалась в том, что мой арест мог означать провал не только нашей резидентуры в Брюсселе, руководство которой было передано Леопольдом Треппером резиденту существовавшей параллельной резидентуры Ефремову, но и других резидентур, в том числе и в Париже, возглавляемой Отто (Леопольдом Треппером). Конечно, в то время я еще не мог предположить, что провалы в Бельгии и во Франции могут в какой-то степени коснуться и Берлина.

Правда, я продолжал мыслить и в том направлении, что мой личный арест был немцами ускорен потому, что они могли опасаться, что полная оккупация всей Франции может привести к моему бегству. Это несколько меня успокаивало только в той части, что факт моего ареста мог насторожить всех находящихся на свободе наших людей.

Все возникавшие у меня в первую проведенную нами в полиции ночь мысли заставляли срочно продумать различные варианты моего поведения в гестапо. Мне казалось, что прежде всего в ходе начавшегося допроса или в лучшем случае в ходе возникшей между гестаповцами и мною беседы надлежало постараться как можно точнее определить не только причину последовавшего моего ареста французской полицией и передачи гестаповцам, но и состав предъявляемого мне обвинения. Конечно, это была задача не из легких. Однако, только определив все это, я мог принять соответствующее решение.

Мысленно я благодарил французских полицейских за то, что они создали условия, давшие мне возможность предупредить Маргарет по ряду вопросов, в связи с которыми не исключена была возможность ее допроса. Меня удивляло то, что двум арестованным по «одному делу» предоставилась возможность, целую ночь оставаясь вдвоем, «вырабатывать» план своих действий относительно возможных допросов и предъявления каких-либо обвинений.

Еще я не покончил со многими размышлениями, как примерно около 9 часов утра 10 ноября 1942 г. немцы распрощались с руководителями французской полиции, присутствовавшими при передаче нас гестаповцам, и нас вывели на улицу, где стояло несколько автомашин. Маргарет и меня посадили в две автомашины. В первой из них вместе со мной находились начальник гестапо в Париже Бемельбург и начальник зондеркоманды гестапо «Красная капелла» Карл Гириг и еще один сотрудник этой команды, а также шофер. Признаюсь, я еще тогда не знал, кто меня сопровождает, но я и не видел какого-либо оружия у них.

Маргарет усадили во вторую машину. В своих воспоминаниях, которые мне только в 1991 г. передал нашедший меня после длительного поиска наш сын, она указывает, что кроме шофера в ее машине находились «еще три человека, двое из них были полицейскими, арестовавшими нас накануне». По ее словам, три сопровождавших ее человека «направляли на нее автоматы».

Машины двинулись в неизвестном направлении, а мы, я и мои спутники, не вели каких-либо серьезных разговоров. Это тем более, что я владел только испанским, моим «родным» языком, и французским, что затрудняло нашу беседу. Маргарет в своих воспоминаниях подчеркивала, что с ней вообще никто из сопровождавших ее в машине не разговаривал. Оба мы усиленно курили, и должен признаться, что нас сигаретами снабжали наши конвоиры.

Во время нашей поездки была совершенно неожиданная остановка. Мы вместе с нашими «попутчиками» оказались в ресторане, где должны были пообедать. Разместились мы за двумя разными столами.

У меня за столом разговор завел Бемельбург. Это было уже после того, как он и Карл Гириг основательно выпили вина и коньяка, а к ним несколько более осторожно

присоединился третий сопровождавший нас. Шофер и я почти не пили.

Возможно, потому, что Бемельбург выпил много, а быть может, и по другой причине в разговоре с К. Гиригом, пытаясь дать мне понять, о чем идет речь, он много уделил времени войне на Восточном фронте. Мне показалось, что двух собеседников сближает то, что у каждого из них есть по сыну, которые стали инвалидами войны. Не знаю, где потерял руку сын Гирига, мы с ним на эту тему никогда не разговаривали. Что касается сына Бемельбурга, то я мог понять, что свою инвалидность он «заработал» на Восточном фронте, а это заставляло отца верить в то, что армия Советского Союза является самой мощной из всех, с кем Германия уже столкнулась в результате ее агрессивной политики.

Во второй половине дня, уже ближе к вечеру, мы прибыли в Лион. Это был один из наиболее крупных городов не оккупированной еще немцами зоны Франции. Однако по договоренности между немецкими властями и, в частности, между Канарисом и правительством Виши в Лионе, несмотря на то что город находился в непосредственном подчинении правительству Лавала, нам было разрешено обосновать свою службу гестапо.

Нас разместили в реквизированной немцами гостинице. Естественно, гостиница не была приспособлена для приема заключенных, поэтому было принято также поразившее нас решение. Нас разместили в отдельную комнату, опять-таки вдвоем, накормили, а затем, оставив в нижнем белье, закрыли снаружи на ключ.

В моем представлении гестапо должно было нас разъединить, не дать возможности после ареста общаться. Почему они поступили иначе, не понятно до сих пор. Единственным объяснением, как мне тогда показалось, могло служить только то, что не один из ранее арестованных в Бельгии членов нашей резидентуры не мог своими показаниями вызвать у гестаповцев подозрение в принадлежности к советской разведке Маргарет. Это мое заключение позволило мне принять ряд решений.

Ночью, убедившись, что под подушкой нет подслушивающего устройства, тесно прижавшись губами к уху Маргарет, я прошептал ей, что меня гестаповцы могут обвинить в разведывательной деятельности по заданию союзников, что отвечает действительности только в некоторой степени. С переездом в Марсель я полностью прекратил всякую связь с разведслужбами, так как помнил, что по данному мною обещанию её отцу я должен оберегать её и Рене, чтобы помочь им выехать в США к отцу и матери.

Маргарет была по-прежнему убеждена, что имеет дело с честным уругвайцем, который в основном занимался только коммерческой деятельностью. В этом отношении ее уверенность была еще в большей степени основана на существовавшей между мною, Жюлем Жаспаром, Альфредом Корбеном, Назареном Драи и многими другими лицами, принадлежность которых к какой-либо разведке было совершенно невозможно предположить, связи.

Маргарет верила в то, что мы скоро будем на свободе с помощью уругвайского посольства или консульства и она сможет встретиться с Рене.

На следующее утро, совсем рано нам принесли в комнату завтрак. Не дали ни ножей, ни вилок, а только ложки. Было не совсем легко и не совсем удобно завтракать. Надо было преодолевать трудности, так, например, намазывать еще застывшее масло на хлеб, резать куски хлеба и т.д. Времени нам было отведено мало. Вскоре принесли одежду и приказали быстро подготовиться к дальнейшему передвижению в автомашинах. Действительно, немного времени спустя Бемельбург, Гириг и сопровождавшие нас немцы пришли за нами, и все мы направились к ожидавшим уже машинам. Полная тяжелых мыслей и переживаний дорога продолжалась, а мы так и не знали, куда направляемся.

Неожиданно нас остановили военные в форме французской армии и полиции. Мы заметили, что вблизи находится порядочно военных. К машине, в которой я находился, подошли французские офицеры и потребовали документы. Совершенно спокойно Бемельбург предъявил какое-то письмо, прочитав которое офицеры, откозыряв, приказали нас пропустить. Это была демаркационная линия между оккупированной и

неокупированной зонами Франции, которой оставалось существовать считанные часы. Конечно, содержание предъявленного документа я еще не знал, только позднее по моей просьбе было показано это письмо. Оно было написано на немецком языке и адресовано премьер-министру Пьеру Лавалю. В нем говорилось, что на основании существующей договоренности с правительством Виши немецкая администрация обращается с просьбой оказать содействие в немедленном аресте французской полицией уругвайского гражданина Винсенте Сьерра и находящейся при нем женщины.

На письме имелась рукописная резолюция Пьера Лавалья, предписывающая осуществить упомянутый арест и разрешить вывоз арестованных из неокупированной зоны. Я удивился, что письмо сохранилось у Бемельбурга, а не было сохранено французами. Смеясь, Бемельбург ответил: «Не всегда надо оставлять след за собой!»

Дальнейший наш путь лежал уже к Парижу. Совершенно неожиданно наша машина и следующая за ней вторая, в которой под усиленной охраной находилась Маргарет, направляются на улицу Соссэ к зданию, где раньше размещалось основное управление французской полиции («Сюретэ»), а сейчас гестапо, в том числе и зондеркоманда «Красная капелла».

Опять-таки вдвоем нас поместили в одной комнате, но на этот раз там находился охранник, гестаповец. Он не спал всю ночь, читая вслух нам какие-то стихи и не давая возможности заснуть.

Утром, едва позавтракав, мы вновь двинулись в путь. На этот раз Бемельбург нас не сопровождал. Остался только Гириг. Вся сопровождавшая нас бригада была, как нам казалось, полностью заменена другими гестаповцами. Следует указать на то, что нас крайне удивило. Позднее в подтверждение моего мнения я услышал и высказывание Маргарет. Эти люди держались совершенно иначе, они были более внимательными, я бы даже сказал, более симпатичными. На протяжении всего пути Гириг и сопровождавшие нас гестаповцы разговаривали между собой на различные темы. Сидевший рядом со мной гестаповец, владевший французским языком, почти со мной не говорил. Мы курили, естественно, меня обильно угощали сигаретами, так как мои закончились.

Машины, быстро передвигаясь, шли хорошо мне знакомой дорогой, и я уже не сомневался, что мы направляемся в Брюссель. Что меня ждет в Бельгии, я не мог точно предположить. Меня продолжало волновать состояние Маргарет, сможет ли она, переживая сам арест и совершенно неожиданное расставание с Рене, узнав, что я от нее скрывал более двух лет тот факт, что я разведчик, а это она могла узнать при допросах в гестапо, выдержать и следовать моим указаниям. Запомнила ли Маргарет мои указания, данные ночью во время нахождения во французской полиции, а затем уточненные тоже ночью в Лионе? Все это меня, вполне естественно, волновало.

Достигнув Бельгии, не останавливаясь ни на минуту в Брюсселе, мы продолжали наш путь. Куда же мы едем, куда гестаповцы хотят нас доставить? На эти вопросы у меня не было никакого ответа.

Внимательно следя за нашим продвижением по территории Бельгии, вскоре я смог понять, что мы направляемся в сторону Антверпена. Это усилило тревогу, так как я до этого мог только предположить, что нас везут именно в Брюссель. Совершенно неожиданно машины свернули несколько в сторону и остановились перед какими-то воротами. Я успел немного оглядеться по сторонам еще до того, как ворота открылись, и у меня появилась мысль, не является ли сооружение, в которое мы направлялись, фортом Бреендонк, который я, проезжая мимо, видел еще в 1939 г.?

Я увидел у открывшихся ворот несколько человек, одетых в штатские костюмы и в немецкую форму. Позднее я узнал, что вскоре после оккупации фашистами Бельгии форт был преобразован в жесточайшую тюрьму для арестованных гестаповцами и другими службами наиболее опасных, с их точки зрения, военных и политических преступников.

Маргарет и меня вывели из автомашин и сразу же разъединили. Безусловно, я не мог тогда предположить, кто из известных мне лиц находится в «тюрьме особого назначения»,

какие условия содержания нас ожидают. Сразу же после нашего прибытия в Бреендонк в сопровождении Карла Гирина и еще нескольких неизвестных немцев я оказался в довольно большой комнате, где был накрыт стол для нашего обеда и стояли бутылки с коньяком и виски, вином. Хотя я еще не разобрался, где нахожусь, но у меня сложилось впечатление, что комната находится в подвальном или полуподвальном помещении.

Мне предложили вместе со всеми остальными, а нас оказалось за столом человек пять или шесть, пройти в туалет и вымыть руки. Все были очень вежливы. Признаюсь, обед был довольно обильным. Немцы вели между собой шумный разговор, возможно предполагая, что я не могу понять всего того, о чем они говорили. Ко мне обращались только с предложением выпить лишнюю рюмку крепкого напитка. Я мог предположить, что это является тщательной подготовкой к тому разговору, который должен был все же начаться между нами по вопросам, связанным с моим арестом. Поэтому, естественно, я отказывался от употребления алкогольных напитков.

Вскоре после окончания обеда стол был убран, и на нем остались только рюмки и бутылки с виски и коньяком. За столом сидел Гиринг, рядом с ним – неизвестный немец и еще три человека, двое из которых прибыли с нами из Парижа. Вскоре я узнал, что рядом с Гирингом сидел капитан абвера Гарри Пипе. Чувствовалось по его поведению, что он более знаком с моей деятельностью, чем Гиринг. Тем не менее, большую часть вопросов задавал мне Карл Гиринг.

Естественно, учитывая, что я почти «не владею» немецким языком, вопросы, задаваемые мне, а также и мои ответы переводил один из присутствующих при нашей беседе немцев. Подчеркиваю, все делалось для того, чтобы я верил, что со мной беседуют, а не ведут допрос.

Читатели могут задать вопрос: как же так, я, человек, вступивший в контакт с оккупационными войсками в Бельгии, встречавшийся с немецкими офицерами разных рангов, должностными лицами и представителями немецких фирм, побывавший несколько раз без переводчика в Германии, вдруг почти «не владел» немецким языком? Подобное решение я принял по нескольким соображениям, сейчас хочу подчеркнуть главное из них.

Услышав задаваемый мне на немецком языке вопрос, отлично поняв его смысл, я, делая вид, что нуждаюсь в переводе, хотел выиграть время на обдумывание моего ответа. Это мне очень пригодилось.

В самом начале нашей «беседы» я попросил пригласить представителя уругвайского посольства или консула, так как являюсь подданным этой страны. Конечно, мне отказывали, мотивируя тем, что «сможем найти взаимопонимание». То, что я не являюсь гражданином Уругвая, могли знать только два человека: Отто и Хемниц. Я мог быть уверен, что Отто еще не арестован, так как Гиринг интересовался, не знаю ли я, где находится Жан Жильбер. Считая возможным в «беседе» рассказывать о себе как об уругвайце, президенте и директоре-распорядителе АО «Симекско» в Брюсселе, переехавшим в Марсель, где продолжал свою коммерческую деятельность в филиале парижской фирмы «Симскс», я отвечал, что с Жаном Жильбером не встречался и точно не знаю, где он находится.

Беседу нашу прервал вбежавший в комнату немец. Полагая, что я не знаю немецкого языка, он, встревоженный чем-то, сообщил Гирингу, что Маргарет находится в бессознательном состоянии... Гиринг и Пипе выбежали из комнаты, оставив меня с остальными немцами. Я продолжал курить, делая вид, что не понял, о чем идет речь.

Минут через пятнадцать Гиринг и Пипе вернулись и, явно продолжая находиться в тревожном состоянии, выпив по рюмке коньяка, несколько изменив свой тон разговора со мной, продолжали задавать вопросы: был ли я знаком с Карлосом Аламо, тоже гражданином Уругвая? Знаю ли я Германа Избутского, Иоганна Венцеля, мужа и жену Сокол, Альфреда Корбена и других? Каковы мои отношения с Маргарет Барча?

Мне казалось, что никто не ведет протокол, и на французском языке я давал казавшиеся мне наиболее правильными ответы на заданные вопросы. Я назвал только тех людей, с которыми был связан по моей коммерческой деятельности, но отрицал какую-либо связь с

Карлосом Аламо, Германом Избутским, Иоганном Венцелем и семьей Сокол, заявив, что эти фамилии слышу впервые.

Более подробно остановился на моих отношениях с Маргарет Барча. Я подчеркнул, что по коммерческой деятельности был связан с ее покойным мужем, а также и с отцом. Благодаря их помощи, вернее, ее помощи, основанной на коммерческих связях покойного мужа и проживающего за рубежом отца, а также вложении денег в создаваемую мною фирму «Симекско», я очень ей обязан. Кроме того, мы полюбили друг друга и собирались впоследствии вступить в брак. Пока же, будучи весьма порядочной женщиной, она продолжала быть верной памяти скончавшегося внезапно более двух лет тому назад мужа и очень любила их десятилетнего сына.

Признаюсь, меня несколько удивляло отношение ко мне гестаповцев, они были весьма любезны и выдержанны. Видимо не добившись в беседе со мной никаких результатов, а быть может, в ожидании дополнительных указаний из Берлина, после того как мы еще раз закусили, уже поздно вечером два гестаповца сопроводили меня в специально отведенную мне камеру. Это была очень холодная подземная камера одиночка. Должен отметить, что по пути меня завели и в камеру, где находилась Маргарет. Это было, видимо, сделано по настоянию врача, наблюдавшего за состоянием здоровья заключенной, и с разрешения Гириंगा. Мы побыли вместе, конечно в присутствии гестаповцев и врача, всего несколько минут. Вот тогда я узнал, что после нашего прибытия в форт Бреендонк, после того, как Маргарет прошла по подземным коридорам и увидела лежащие наручники, кандалы и еще какие-то предметы, говорящие о применяемых пытках, потеряла сознание. Как выяснилось потом, у нее произошел первый сердечный кризис.

Состояние здоровья Маргарет меня очень тревожило не только потому, что я опасался, что это может способствовать получению гестаповцами от нее тех показаний, от дачи которых я ее ранее предупреждал и предохранял, но и потому, что за нее только я в ответе, ибо из-за меня она оказалась в этих действительно адских условиях. Не знаю, понимали ли гестаповцы, о чем мы говорили по-французски, но у нас не было никаких секретов. Она высказывала тревогу за положение Рене, оставшегося в Марселе в одиночестве в католическом интернате, который следовало постоянно оплачивать, а кто будет этим заниматься, если нам не удастся выбраться из рук гестапо? Что касается меня, то не было и мысли о моем освобождении. В то же время я все-таки надеялся, что, поскольку Маргарет действительно не имела никакого отношения к нашей разведывательной деятельности, а это никто из ранее арестованных в Бельгии не сможет опровергнуть, ей удастся обрести свободу. Я узнал, что она еще ничего не ела, а сознание теряла несколько раз, и, вероятно, это способствовало тому, что условия ее содержания несколько улучшились.

Маргарет мне сообщила по-французски, что все задаваемые во время допроса, которому ее подвергли, вопросы сводились только к одному: где и когда, через кого она познакомилась со своим «мужем» и чем он в действительности занимался? Гестапо называло меня ее мужем. Вопрос о том, что ей известно о моей деятельности, успокаивал. Я имел все основания верить в то, что даже гестаповцы не попытаются превратить Маргарет в разведчицу, если моя принадлежность к разведке будет доказана.

Мы выкурили по паре сигарет. Маргарет попросила попить. Она с жадностью проглотила прохладную воду из алюминиевой кружки. На этом наша кратковременная встреча закончилась.

Я не спал почти всю ночь. На голодный желудок меня снова повели на допрос. В коридоре я увидел Маргарет. Она меня не видела, так как, не знаю почему, на голову ей накинули капюшон.

Отношение ко мне продолжало оставаться спокойным, но, несмотря на это, почувствовал, что в планах Гириंगा и Пипе произошли какие-то изменения. Это выразилось прежде всего в том, что я заметил за специально дополнительно установленным столиком человека, которому, видимо, было поручено вести протокол моего допроса. Безусловно, я не мог определить причины, вызвавшие некоторые происшедшие изменения. Невольно только

мог подумать, что это объяснялось полученными дополнительными указаниями старших начальников.

Наша беседа и на этот раз началась с крепкого кофе, и Гириг и Пипе пили коньяк и предлагали мне. На этот раз ведущих собеседников больше всего интересовало то, чем я занимался в Марселе, продолжал ли свое весьма активное участие в разведывательной деятельности и как сумел стать вообще на этот путь, примкнув к врагам Третьего рейха. Я продолжал настаивать, что в Марселе занимался, как и прежде, только коммерческой деятельностью.

Видимо, занятая мною позиция уже поднадоела Гиригу, а быть может, и Пине. Они решили внести существенные изменения в проходившую уже второй день беседу.

Совершенно неожиданно для меня Гириг достал из лежащей перед ним папки несколько отпечатанных на машинке листов бумаги и протянул их мне, «попросив» в вежливой форме ознакомиться с ними, внимательно прочесть, что в них напечатано. Сам факт, что мне предъявлялись напечатанные на немецком языке страницы, убедил меня, что усилия прошедшего дня доказать, что я не знаю немецкий язык, опровергнуты. Значит, гестаповцам обо мне уже стало многое известно. Я стал внимательно «изучать», в буквальном смысле слова «изучать» протянутые мне листки бумаги. Это был один из протоколов допроса Михаила Макарова, арестованного в Брюсселе еще 13 декабря 1941 г.

Он в открытую признавал, что президент фирмы «Симекско» «уругваец» Винсенте Сьерра является Кентом, руководителем резидентуры советской разведки в Бельгии. Естественно, сейчас я дословно не могу привести все, что было в показаниях Макарова. Думаю, что этот привезенный мною протокол и перехваченный со всеми другими документами Абакумовым сохранился в архивах КГБ СССР. Могу только со всей ответственностью за правдивость сказать, что в протоколе допроса в гестапо Макаров признался, что находился в моем прямом подчинении в качестве радиста. Он подчеркивал, что еще до того, как Отто был вынужден покинуть Бельгию и передать мне ранее руководимую им резидентуру, я, являясь его ближайшим помощником, поддерживал прямую связь с тремя представителями нашего торгового представительства в Бельгии. Среди них были двое мужчин и одна женщина. Думаю, что память меня не подводит, и могу сказать, что в протоколе приводились фамилии указанных лиц. Они служили связистами между нашей резидентурой и «Центром» в «деревне» (так называлась Москва).

В 1940 г. или в начале 1941 г., точно не помню, указывал Макаров, от этих представителей я получил, в частности, полный комплект аппаратуры для нашей радиопередаточной станции, которую он, Макаров, возглавлял впоследствии. Полученный из торгпредства чемодан с радиоаппаратурой я лично передал ему, Макарову.

Макаров подчеркивал в протоколе допроса в гестапо, что именно я передавал большинство из зашифрованных мною лично радиogramм в «Центр», а он передавал для дешифровки все полученные им и другими радистами радиogramмы «Центра».

Я не согласился с показаниями Макарова. Я понимал, что названным Макаровым представителям торгпредства, служившим связистами, больше ничего не угрожает, так как наши полпредство и торгпредство были вынуждены покинуть Бельгию сразу после начала немецкой агрессии против Советского Союза. Из показаний Макарова больше всего тревожило то, что, признавая, что я, резидент советской разведки, возглавлял АО «Симекско», он ставил под угрозу ареста всех работников фирмы. Впоследствии я в этом убедился. Правда, находясь в руках гестапо, я мог заподозрить и то, что об этой фирме и ее филиале в Париже немцы узнали и от Константина Лукича Ефремова, которому Леопольд Треппер, якобы по указанию «Центра», несмотря на имевшиеся у него обоснованные подозрения в адрес этого разведчика, передал остатки нашей резидентуры в Бельгии и связал с «Симекско», видимо для получения средств, необходимых на содержание резидентур.

Во всяком случае, сейчас я имею все основания утверждать, что именно после ареста Михаила Варфоломеевича Макарова и Константина Лукича Ефремова гестапо подробно узнало о «Симекско» и «Симекс», что позволило более быстро выйти на след многих из нас,

в том числе Отто, Андре и на мой след тоже. В этом я убедился из обнаруженных в архивах КГБ СССР материалов, в том числе выписки из протокола допроса Фридриха Панцингера, с которой ознакомили меня в 1961 г. старший следователь КГБ СССР Лунев и военный прокурор Беспалов.

То, что я стойко держался занятой мною позиции, видимо, подействовало на Гириंगा. Результатом был еще один, более мощный удар, который вызвал у меня сильное нервное напряжение. Гиринг что-то написал на переданной одному из гестаповцев записке, и тот на один из допросов вскоре ввел в кабинет Германа Избутского, известного в нашей резидентуре под псевдонимом Боб. Признаюсь, я далеко не сразу его узнал. Мне стало совершенно ясно, что он испытал тяжелейшие пытки и истязания. Буквально дрожа, не имея сил стоять на ногах, в особенности увидев меня, Боб стал отвечать на задаваемые вопросы.

Первый вопрос был задан очень лаконично: «Кого вы видите перед собой?»

Ответ меня потряс в буквальном смысле слова. Боб ломаным голосом ответил: «Я вижу Маленького шефа советской разведки в Бельгии Кента! – Несколько помедлив, Боб продолжил: – С ним я поддерживал связь».

Ему был задан следующий вопрос: «Кто являлся Большим шефом, о котором вы уже говори ли? Повторите сказанное вами!»

Вид Боба, его голос, а в особенности сказанное им меня потрясли. Отвечая на заданный вопрос, допрашиваемый на очной ставке твердо заявил, что Большим шефом является Адам Миклер, который после своего переезда в Париж стал Жаном Жильбером. «Он продолжал руководить всеми нами», – закончил свой ответ Боб.

Все это потрясло меня не потому, я убедился, что Избутский давал на следствии в гестапо показания. По его внешнему виду, голосу и манере держаться, едва стоя на ногах, я понял, что только пытки вынудили его встать на путь, который обычно назывался предательством.

Потрясло меня то, в первую очередь, что его показания совершенно определенно подтвердили давние мои сомнения. Эти сомнения сводились к тому, что я подозревал Отто в том, что он своим друзьям, бывшим подчиненным не признавался в том, что в присутствии представителя «Центра» Большакова, как я уже указывал, он был вынужден передать мне руководство нашей резидентурой в Бельгии. Оправдались мои подозрения в том, что Отто, часто приезжая в Бельгию, правда «признавая» меня резидентом, постоянно останавливаясь у меня на квартире, а затем и на вилле, скрывая по непонятным мне причинам, что он поддерживает прежние связи, продолжал встречаться с некоторыми членами моей резидентуры, которых он знал по бывшей совместной работе, и всячески внушал им, что продолжает быть Большим шефом.

Итак, я имею абсолютное право утверждать, что именно на моей очной ставке с Бобом я впервые услышал применительно к Отто определение «Большой шеф». Это определение, которое очень понравилось Отто, уже после окончания войны часто употребляемое в его воспоминаниях и интервью, дало основание ряду авторов, даже в нашей прессе, считать, что оно было дано гестапо именно из «уважения» к Трепперу.

Хочу еще подчеркнуть, что к моменту моей очной ставки в гестапо с Бобом Леопольд Треппер еще находился на свободе, и я полагаю, что гестаповцы еще мало были знакомы с его деятельностью. Как будет видно из дальнейшего хода следствия в гестапо, у немцев были основания считать именно нашу бельгийскую резидентуру одной из основных, принимавших наиболее активное участие в проводимой разведывательной работе. Работа резидентуры Отто во Франции была гестаповцам неизвестна. В особенности это относится к периоду после провала в Брюсселе, так как по имевшейся у нас радиосвязи передавались некоторые сведения о работе резидентуры в Париже в «Центр», а оттуда поступали указания в адрес Треппера. Во всяком случае, до конца 1941 г. у Треппера не было из Парижа прямой радиосвязи с Москвой.

Очная ставка с Бобом, организованная гестапо в целях заставить меня заговорить, видимо, создала у Гириंगा и Пипе впечатление, что надо действовать более решительно.

Несмотря на вид Боба, который давал мне возможность предполагать, что и я могу быть подвергнут таким же пыткам, чтобы заставить и меня заговорить, я сумел совладать с собой.

Отвергая показания Боба, я продолжал молчать. Внезапно гестаповцы организовали еще одну очную ставку для моего опознания. На этот раз в комнату была введена Мира Сокол. Ее я знал еще с декабря 1941 г., когда при переезде в Марсель по заданию или, вернее, просьбе Леопольда Треппера с ней и ее мужем Гершом Соколом встречался у них на квартире в Париже для дополнительного инструктажа будущих радистов его резидентуры.

Если внешний вид Боба меня потряс, то вид молодой, симпатичной женщины вызвал у меня еще более тяжелое впечатление. Я убедился, что и она подверглась еще более кровавым пыткам и истязаниям.

Мира смотрела на меня ничего не выражающим взглядом. Гириг задал вопрос: «Узнаете знакомого вам человека? Кто это такой?»

Совершенно изменившимся голосом Мира спокойно ответила, утверждая, что меня она видит впервые и никогда раньше не видела. Ее показания подтвердил и я, отрицая мое знакомство с женщиной, которую тоже увидел впервые.

Наша «беседа» продолжалась. Еще несколько раз Гириг ссылался на показания Макарова и даже угрожал организацией очной ставки с ним.

Я мог ожидать начала применения и ко мне разработанной системы пыток. Тогда я еще не знал, что существовали указания Берлина о том, что разрешенные Гиммлером и другими пытки арестованных для получения показаний не должны применяться к ведущим работникам разведки. Гитлеровцы хотели всеми способами привлечь их на свою сторону. К моменту моего ареста им уже в ряде случаев это удалось в Бельгии. Именно этим и можно объяснить, что вскоре после нашего прибытия в Бреендонк отношение к Маргарет и ко мне резко изменилось. Нас сняли с голодного пайка, установленного для заключенных. Гестаповские офицеры лично доставляли обильную, высококачественную пищу. Нам давали отдохнуть после многочасовых допросов. Повторяю, мне давали хороший кофе, который пили и допрашивавшие меня, а также настойчиво предлагали выпить коньяку, который, видимо, очень любил Гириг.

Прошло уже несколько дней. Гитлеровцам не удалось добиться от меня того, чего они хотели. Я продолжал утверждать, что я уругваец и занимался только коммерческой деятельностью. Объяснял показания Боба тем, что он, возможно, зная о «Симекско» и моей роли в этой фирме, мог предполагать, что я являюсь, как он определил, Маленьким шефом его друга и руководителя советской разведки. Что касается показаний Макарова, то на них не останавливался, так как достоверно опровергать их не мог. Макаров был в гораздо большей степени знаком с моей деятельностью помощника резидента, а затем и резидента в Бельгии.

Гириг начинал нервничать, у него изменился голос, он стал чаще глотать коньяк. Предполагая, что на него нажимают из Берлина, я не ошибся, ибо именно там я был срочно нужен. Совершенно неожиданно мне был нанесен, пожалуй, самый тяжелый удар за все время пребывания в руках гестапо.

Примерно через неделю после моего ареста 9 ноября 1942 г. в Марселе я был вновь вызван, как и каждый день, в кабинет, где гестаповцы вели со мной беседы. Гириг был более спокоен и, даже улыбаясь, посматривал на Пипе. Объяснения происшедшей перемене настроения начальника зондеркоманды я не мог найти. Вступление продолжалось недолго. «Мило» поздоровавшись со мной, продолжая улыбаться, Карл Гириг «попросил» меня прочесть несколько листов бумаги, на которых что-то было напечатано по-немецки. Это меня насторожило, так как я мог заподозрить, что немцы уже точно определили, что я ранее прикидывался в незнании их родного языка.

Тяжелый удар был нанесен тем, что мне дали прочесть переведенные на немецкий язык два весьма важных документа. Первый – задание «Центра» на мою поездку в Берлин, в котором были указаны адреса и фамилии наших разведчиков в Германии и Чехословакии. Второй – мой отчет о поездке, о моей встрече с Харро Шульце-Бойзенем и его женой

Либертас, а также с Куртом Шульце, радистом резидентуры Ильзы Штебе. В этом документе точно излагалась важная информация, полученная мною от Харро Шульце-Бойзена и переданная мною немедленно по возвращении в Брюссель в «Центр».

Из предъявленных документов я мог понять, что в Берлине произведены уже аресты, по крайней мере, тех лиц, фамилии и адреса которых указывались в полученном мною задании. Удар был страшным. Прежде всего, конечно, потому, что «Центр» лишился очень важной, ценной резидентуры, с которой по его заданию мне удалось в октябре 1941 г. восстановить прерванную между ними связь. Тяжело было еще и потому, что я понял: в руки гестапо попались преданные своему делу, постоянно рискующие своей жизнью, честные патриоты, антифашисты гитлеровской Германии.

Гириг заметил мое состояние, которое я был не в силах полностью скрывать. Он вновь потребовал для нас крепкого кофе и буквально уговорил меня выпить вместе со всеми присутствующими коньяку.

Возможно, это решение Гирига было частично и его ошибкой, так как, не возвращаясь уже теперь к моему допросу, он дал несколько минут на размышление, как мне следует теперь поступить.

Решение было незамедлительно принято: сосредоточить все мои показания только на том, что уже безусловно было известно немцам. В то же время меня мучил еще один весьма серьезный вопрос: как немцам удалось расшифровать предъявленные мне радиogramмы? Я был уверен, что наши шифры никто не знает, а следовательно, не может и расшифровать наши радиосообщения и получаемые из «Центра» задания. Невольно я задумывался и над тем, что если немцам это удалось, то они могли сделать то же самое с сотнями радиogramм, в которых приводились не только информационные материалы, но и сведения о новых завербованных нами разведчиках, наших источниках, о наших «крышах». Следовательно, арестован не только я, а произведен полный разгром всей нашей организации.

Гириг и Пипе продолжали меня допрашивать. Однако, видимо заметив мое утомление и тяжелые переживания, они решили дать мне отдохнуть некоторое время. Сидящий за столом с первого дня наших бесед спокойный и молчаливый немец, далеко не молодой, подошел к Гиригу и шепотом поговорил с ним. После этого Гириг предложил мне немного подышать свежим воздухом. Я с большим удовольствием принял это предложение. Меня сопровождал по территории, вернее, по небольшому ее участку этот пожилой немец. Вскоре я узнал, что это ближайший сотрудник Гирига Берг.

Я не мог себе представить, что происходит с этим немцем. Не успели мы выйти из форта на открытую территорию, конечно огражденную и усиленно охраняемую, как Берг стал меня успокаивать, рекомендовать мне все спокойно переносить, предложил мне закурить, по его словам, наиболее крепкие, употребляемые им сигареты. Молча мы курили. Не знаю, о чем думал Берг, но меня не покидали мысли, как удалось немцам расшифровать предъявленные мне шифровки, к чему их знание нашего кода может привести?

Неожиданно для меня Берг остановился и, стряхивая пепел с сигареты, совершенно спокойно заговорил. Прежде всего, он выразил свое понимание волнующего меня вопроса о том, каким образом немцам удалось расшифровать указанные радиogramмы. Затем он поинтересовался, использую ли я для моей связи с Москвой старый свой код, которым пользовался еще до провала в Бельгии, или у меня уже есть новый код.

Я не мог правильно понять смысл задаваемого мне вопроса и продолжал ранее высказанную уже легенду о том, что с переездом в Марсель я совершенно отошел от разведывательной деятельности. Выслушав меня, Берг коротко сообщил мне: «Ваш код передал нашим дешифровальщикам ваш радист Макаров вскоре после его ареста!» Признаюсь, это меня поразило не только потому, что я впервые услышал фамилию Макарова, но и потому, что Берг решил мне сообщить о допущенном предательстве названного им советского радиста. Уверенность в правдивости этого сообщения появилась у меня немедленно. Ведь кроме меня и Хемница (Макарова), наш код никто не знал.

Я не доверял гестаповцу Бергу и, несмотря ни на что, подумал, а не хочет ли он таким

путем и меня спровоцировать на дачу показаний. Продолжая меня успокаивать, Берг сказал, что за свою судьбу я не должен опасаться. Что значило это предупреждение, я, конечно, не мог понять.

Покуриив и немного подышав свежим воздухом, мы вернулись в кабинет, где нас ждали все те, кто принимал участие в наших «беседах». Оказывается, нас ждали еще и потому, что хотели все вместе пообедать.

Забегая несколько вперед, хочу подчеркнуть, что сообщение Берга о предательстве Макарова в части выдачи немцам нашего шифра нашло подтверждение не только в ходе дальнейшего моего пребывания в стенах гестапо, но и в прессе и литературе, не только ГДР и других стран, но и даже у нас.

В журнале «За рубежом» (1969. 7–13 ноября. № 45. С. 24) прямо цитируются утверждения Карла Гайнца Биргната, сотрудника ЦК СЕПГ: «С помощью гестапо и фашистских секретных служб нацистам удалось в Брюсселе арестовать одного из радистов и заполучить код, которым пользовался и Харнак. После длительной слежки, наблюдений и перехватов нацисты перешли к арестам, они начались 31 августа 1942 года...»

В книге Карла Биргната и Луизы Краусхаар «Организация Шульце-Бойзена – Харнака в антифашистской борьбе» (М.: Прогресс, 1974. с. 41–42) указывается: «В результате усиленной, лихорадочной деятельности гестапо и фашистских секретных служб нацистам удалось арестовать в Брюсселе одного из разведчиков, а также захватить шифр, которым пользовался Арвид Харнак, что дало им возможность дешифровать ранее перехваченные радиোগраммы».

В этой книге подчеркивается, что «после слежки, дознаний и наблюдений 31 августа 1942 г. начались аресты, продолжавшиеся до начала 1943 года...» (с. 42).

Из сказанного мною выше было совершенно ясно, что этим радистом, арестованным гестапо 13 декабря 1941 г. был Хемниц, то есть Макаров.

Несколько позднее, как мне кажется, весьма осведомленный в изучаемом вопросе и авторитетный автор О. Царев в газете «Труд» от 26 апреля 1991 г. в своей статье «Спроси себя в этот час роковой...» более конкретно отмечал: «В декабре 1941 года гестапо совершило налет на брюссельскую радиоточку, обслуживавшую нелегальную резидентуру РУ РККА в Брюсселе. Был захвачен ее радист Хемниц. Начались допросы и пытки, которые Хемниц не выдержал. Он дал показания о шифре, которым пользовался...»

После совместного обеда следствие с допросами Гиригом было продолжено. Уже в достаточной степени разоблаченный гестаповцами, я, как и раньше, стремился затянуть следствие и полностью запутать его своими вымышленными показаниями. Одной из главных причин являлось мое желание создать возможность предупреждения Треппера о моем аресте. Я надеялся на то, что в Марселе был арестован только я и находившаяся со мной Маргарет Барча.

Исходя из этого предположения, я полагал, что, убедившись в том, что я не явился на назначенную на 10 ноября 1942 г. встречу с нашей связисткой Марго, а также и на запасной ее вариант, она займется незамедлительно установлением причин моей неявки. Мне казалось, что ей будет нетрудно установить через консьержку нашего дома, а она знала адрес моего проживания, что мы арестованы французской полицией. Это, несомненно, дало бы ей возможность срочно доложить Трепперу, что позволило бы ему и другим членам парижской резидентуры принять все необходимые меры к полной конспирации и предотвращению последующих арестов.

Тщательно обдумывая порядок дальнейшего моего участия в осуществляемых гестапо допросах, я принял решение до последней минуты моей жизни не называть гестаповцам ни настоящей фамилии, ни места моего проживания в Советском Союзе, то есть адреса родителей в Ленинграде.

Это решение было продиктовано, в первую очередь, тем, что спецслужбы нацистов способны разыскать сведения обо мне, а следовательно, узнать, что я в молодости являлся работником штаба МП ВО и имел отношение к составлению мобплана района и знал многое

другое, что, естественно, могло быть использовано гестаповцами против меня.

Мне казалось, что не только в моих личных интересах, но и в целях исключения возможности нанесения вреда советской военной разведке и отдельным советским разведчикам я должен настойчиво доказывать при допросах, что не являюсь военным разведчиком Советского Союза, а был завербован в Москве плохо говорящими по-русски людьми, что создавало мнение, что меня вербуют не советские разведчики.

Конечно, я скрывал и прохождение специальной подготовки по линии ГРУ. Это было мне вполне доступно, так как никто из членов наших резидентур в Бельгии и во Франции не мог знать, что я проходил индивидуальную подготовку, находясь на пригородной даче.

Из предъявленных мне протоколов допросов Макарова, направленных на мое разоблачение, я убедился, что он не сообщал немцам о том, что мы проходили с ним совместно присягу в ГРУ. Возможно, он не помнил этого, но не исключалась возможность и того, что он стремился это скрыть от гестапо даже в своих личных интересах.

Считаю уместным, вновь опережая мои воспоминания, сказать, что Гириг узнал, что я давал ложные показания в 1942 г. и в начале 1943 г., только после того, как по линии радиоигры гестапо с «Центром» при непосредственном участии Леопольда Треппера была передана для передачи мне поздравительная телеграмма ГРУ в связи с 23 февраля 1943 г. Ее мне предъявил Гириг, стремясь все же убедить меня в необходимости примкнуть к «Большой игре» (правда, тогда она так не называлась), проводимой Отто.

После того как меня изобличили расшифрованными радиogramмами, возможно после соответствующего сообщения Гирига в Берлин, следствие в Брюсселе стало проводиться ускоренно. Попытались от меня узнать как можно больше о нашей разведывательной деятельности и о тех людях, которые были с ней связаны, в том числе и о сотрудниках «Симекско» и «Симекс».

Не только в Брюсселе, но и в Берлине, а затем и в Париже, находясь в гестапо, я принимал все меры для введения следователей в рамки моей задуманной легенды. В моем деле, заведенном в гестапо и привезенном мною и Паннвицем в Москву, видно, что мною составлялись совершенно путаные схемы моей резидентуры в Брюсселе (повторяю, я утверждал, что в Марселе уже прекратил свое участие в разведслужбе). Больше того, я скрывал многих людей, с которыми был связан, а в части Жюля Жаспара, Альфреда Корбена и Назарена Драйи, а также и других сотрудников наших фирм я настойчиво доказывал, что никто из них не имеет никакого отношения к разведке.

Примерно через неделю после пребывания в Бреендонке, поздно вечером, возвращаясь с очередного допроса, усталый, я вновь имел возможность в отведенной для этого комнате встретиться с Маргарет. Я застал ее в состоянии непонятного, абсолютного потрясения. Что произошло? Ее допросы уже были прекращены. Я знал от нее, что днем она находилась в комнате надзирателей, как она пояснила, ее удивило то, что ими были фламандцы.

Не стесняясь дежурившего при нашем свидании с Маргарет немецкого офицера и караульных, она мне пояснила, что, находясь в комнате надзирателей, она услышала из их разговора о том, что нас вскоре должны препроводить в Берлин. Возмущенная подслушанным разговором, вернувшись в камеру, она задала дежурному офицеру вопрос: соответствует ли услышанное ею действительности? При этом она не уточняла, от кого и при каких обстоятельствах узнала об этом. Офицер, по её словам, удивившись, ответил вопросом, откуда она это узнала? Не отвечая, Маргарет стала ждать возможности встретиться со мной, чтобы узнать, известно ли мне о намерении гестаповцев отправить нас в Берлин.

Я видел тяжелые переживания Маргарет. Помимо волнения, вызванного самим фактом нашей доставки в Берлин, что нам показалось непонятным и даже опасным, она не хотела на какое-то время удалиться еще больше от Марселя, где находился в пансионате одинокий Рене, которого мы даже не смогли предупредить, что некоторое время не сможем с ним видеться. Кроме того, у Маргарет были все основания надеяться на скорое, по крайней мере, освобождение из гестапо.

Мы договорились, что на следующий день она попросит быть принятой Гиригом. Встреча у них состоялась через день, а уже на следующий после нашего разговора, оказавшись вновь в комнате надзирателей, она поняла, что те были очень недовольны, видимо, им попало за услышанный ею разговор о Берлине.

Встретившись с Гиригом, Маргарет, по ее словам, услышала подтверждение намерения гестаповцев препроводить нас в Берлин. Однако, понимая, что в Берлине нужен только я, Гириг предложил ей некоторое время подождать моего возвращения, находясь в Брюсселе в тюрьме Сен-Жиль. После того как Маргарет отказалась расставаться со мной, якобы Гириг заверил ее, что в Берлине нам будут созданы все необходимые условия для нормального проживания вместе. Об этом разговоре я узнал только вечером. В то же время, видимо, после состоявшегося между Гиригом и Маргарет разговора он сообщил мне, что в связи с тем, что дело по обвинению членов группы Шульце-Бойзена уже закончено, Берлин затребовал меня для дачи дополнительных показаний. Мое, тут же уточнил, – наше пребывание в Берлине будет коротким, непродолжительным. Это был мой последний разговор в Брюсселе с Карлом Гиригом.

На следующий день рано утром офицеры дали нам поесть и предупредили, что следует «быть готовыми», так как скоро прибудет машина.

Должен признаться, о Берлине, вернее, о гестапо в Германии у меня было совершенно определенное мнение. Я понимал тогда, что мой вызов может означать для меня как резидента советской разведки в Бельгии, в особенности в связи с тем, что я выполнял задание Главного разведывательного управления РККА, посещая группу Шульце-Бойзена – Харнака и затем передав полученную в этой группе очень важную военную информацию, может означать только одно – расстрел. Я должен был быть готовым и к тому, чему уже подверглись Боб, Макаров, Мира Сокол и, возможно, многие другие, арестованные еще до меня, то есть к зверским пыткам и истязаниям, чтобы от меня получить не только мое собственное признание в совершенных против Германии преступлениях, но и добиться разоблачения всех связанных с советской разведкой людей.

Все знали, во всяком случае, большинство людей во многих странах, что именно Гиммлер возглавлял главное управление имперской безопасности, куда входило и гестапо. Мне уже приходилось слышать и в Германии, что именно он является опорой Гитлера, главным организатором массового террора не только в Третьем рейхе, но и во всех оккупированных странах. Я уже слышал и о том, что в руководимое Гиммлером главное имперское управление безопасности (РСХА) входило и IV управление, то есть государственная тайная полиция (гестапо во главе с Мюллером). Невольно возникал вопрос: в чьи руки попаду и что меня ждет впереди?

На двух машинах мы вскоре отбыли из форта Бреендонк и, к моему удивлению, направились в сторону Брюсселя. Достигнув на улице Луизы здания, где размещалось гестапо, тут же пересадили в ожидавшую нас более крупную легковую автомашину. Мне пришлось воспользоваться дверкой с левой стороны и усесться на заднее сиденье справа. Входная дверка справа, как мне казалось, была снаружи запломбирована. Рядом со мной посадили Маргарет, а рядом с ней уселся вооруженный, очевидно гестаповец. Впереди сидел шофер и еще один вооруженный человек. Мы двинулись в путь. Примерно около 13 часов машина остановилась у небольшого ресторанчика, расположенного почти у самой дороги. Нас вывели из машины, и три гестаповца, Маргарет и я заняли места у стоявшего в стороне столика. Здесь нам было оказано «максимальное внимание». Три гестаповца были «снабжены продовольственными талонами», и у них состоялся обильный обед. Из-за отсутствия у нас необходимых для питания талонов гестаповцам удалось уговорить обслуживающий персонал подать нам картошку под каким-то соусом.

В Германии мы рулили довольно долго. Наш путь лежал и по зарекомендовавшей себя весьма положительно автостраде. Признаюсь, ее я не узнал, хотя посещал в мою бытность в Лейпциге. Широкая, она была почти полностью покрыта ветками хвойных деревьев. Оставался извилистый узкий проезд.

Один раз уже в темноте внезапно услышали удар по нашей машине. Гестаповец, сидящий рядом с шофером, передал ему свой автомат, а сам с пистолетом в руке выбежал из машины.

Оказывается, машина ударила о перебегающего тропку зайчика, убив его. Как нам пояснили, это бывает очень часто. Я воспользовался тем, что гестаповцы заговорили с нами, и задал вопрос, что означают узкие тропки, сжатые ветками хвойных деревьев. Смеясь, гестаповец объяснил мне, что широкая автодорога может помочь летящим вражеским самолетам определить место своего нахождения и облегчить выбор правильного направления полета.

Уже через пару часов за полночь мы остановились у огромного серого здания. Я вспомнил, что, гуляя в 1941 г. по Берлину, я видел это здание и узнал тогда – в нем расположено РСХА, в том числе и гестапо. Раньше это здание принадлежало Академии художеств. Это была Принц-Альбрехтштрассе, 8. Если память мне не изменяет, то оба гестаповца высадили нас из машины и завели в дом, но... Маргарет не пустили дальше, а заставили остановиться внизу в вестибюле. Меня же вскоре вызванные два надзирателя препроводили в погреб, где размещалась «главная тюрьма» гестапо, в нее помещали только особо опасных государственных преступников.

Я еще не успел покинуть вестибюль, как двое сопровождавших нас из Брюсселя гестаповца, получив от охранника какой-то конверт, вскрыв его, заставили Маргарет выйти из здания. Не успев со мной попрощаться, Маргарет, заплакав, была вынуждена выполнить полученное распоряжение быстро, так как ее подталкивали гестаповцы. Только потом я узнал, что ее сопроводили в большую женскую тюрьму, размещавшуюся на Александерплац, от ведущего следствия гестаповца Ортмана.

Вопреки имеющимся в литературе вымыслам я увидел Маргарет только после того, как было принято решение направить нас обратно в распоряжение начальника зондеркоманды Карла Гириंगा. Тогда я еще не знал, что подразделение гестапо уже переместилось в Париж.

Что касается вымысла в части моей встречи с Маргарет, необходимо уточнить.

В книге Леопольда Треппера «Большая игра» я прочитал: «На первом же допросе Кент заговорил. Гестаповцам было достаточно пригрозить ему разлукой с Маргарет...» (с. 157). В дальнейшем описании событий автор указывает, что он «17 ноября встретился с Корбеном», и тот в ответ на высказанную возможность предательства по отношению к нему Кента ответил: «Единственный, кто мог бы меня скомпрометировать, это Кент. Но он советский офицер, а советские офицеры не предадут...» (с. 157).

Французский писатель Жиль Перро в своей книге «Красная капелла» утверждает, что Кент, то есть я, впервые заговорил только в Берлине, и то после того, как гестаповцы устроили мне на пятый день пребывания в центральной тюрьме встречу с Маргарет, оставив на весь день вдвоем для наших любовных отношений. После этого они пообещали устраивать нам многочасовые встречи, оставляя вдвоем, при условии, что в ночное время я начну давать показания (с. 170). Я якобы дал согласие и встал полностью на путь предательства.

Значительно позднее я убедился, что Жиль Перро и Леопольд Треппер по непонятным причинам, возможно только став на путь моей дискредитации, начиная с первой встречи в Брюсселе в 1965 г. с Маргарет Барча, убедили её в необходимости подобного варианта. Она пошла на провокацию, видимо стремясь, по их совету, помочь моей реабилитации, улучшению ее положения в уже мирной Бельгии, положения сыновей, Рене и Мишеля, в своих написанных воспоминаниях подтверждала эту ложь.

Маргарет пишет, что после того, как она провела десять дней в женской тюрьме, ее доставили на Принц-Альбрехтштрассе и там нас оставили вдвоем до 17 часов. После этого гестаповцы якобы сказали мне, что, если я «отвечу на некоторые вопросы в ночное время», «меня они будут согласны приводить на свидание с ней каждый день за исключением выходных».

Итак, я оказался в одиночной камере. Там были крепко закрепленная у одной из стенок

койка, к другой стороне накрепко прикрепленный стол, одна табуретка и небольшая параша. Боюсь сейчас точно сказать, какова была площадь камеры. На одной из малых стенок, напротив входа, под потолком было небольшое оконце, снаружи «защищенное» металлическим щитом. В дверях было небольшое окошечко – кормушка, через которое впоследствии передавали мне пищу, но оно было открыто. Только потом я заметил, что в коридоре у моей двери на стуле круглосуточно дежурил гестаповец. Подобные дежурные находились и у некоторых других, особо охраняемых камер.

Я был удивлен и проявленными ко мне «уважением» и «доверием». Оказавшись в камере, надзиратель, не успев покинуть ее, закрепил мои руки за спиной в наручники. Правда, только днем они были за спиной, а ночью замыкали спереди. Свет в камере горел круглые сутки. Режим был очень строгий.

Я еще вернусь к условиям моего содержания в тюрьме, а сейчас хочу только подчеркнуть, что, несмотря на усталость, я почти всю первую ночь не мог заснуть. Совершенно неожиданный режим подтверждал те мысли, которые у меня уже появлялись раньше, что я могу рассчитывать не только на расстрел, но и на пытки и истязания. В этих мучительных мыслях прошла оставшаяся часть ночи. Утром принесли довольно приличный кофе и завтрак. До этого вывели в туалет и дали возможность умыться, и это – не встречаясь с заключенными, связанными по одному со мной делу.

Еще не успел я дать руки надзирателю, чтобы он надел на меня за спиной наручники, как за мной пришли, чтобы доставить в управление гестапо.

Меня ввели в кабинет, как выяснилось потом, Иоганна Штрюбинга, криминального комиссара, унтер штурмфюрера. Наручники сняли. Я был удивлен тем, что в кабинете было довольно много народу. Естественно, я никого из присутствующих не знал, но вскоре удалось разобраться. Одним из главных был Гестапо-Мюллер, то есть начальник, Панцингер, Хорст Копков, следователь Ортман, с которым в дальнейшем мне пришлось часто встречаться, так как он вел мои допросы, секретарша-стенографистка Грудель Брайтер и др.

Крайне удивило поведение одного из присутствующих, казавшегося мне генералом, а как потом выяснилось, это и был Гестапо-Мюллер. Не успели меня ввести, как он встал и, обратившись к Штрюбингу и другим руководящим гестаповцам, задал весьма странный вопрос: «Вы достаточно четко и хорошо проверили, действительно этот молодой юноша является тем самым Кентом, который возглавлял в Бельгии крупную фирму, а главное – советскую разведку? Это он совершил поездку в Берлин и встретился здесь с Шульце-Бойзенем, получил от него очень важную информацию и передал её в Москву? Из-за него Шульце-Бойзен нанес огромный ущерб нам – его информация стоила жизни тысяч наших солдат?!»

Штрюбинг и Копков поспешили утвердительно дать ответ на заданный вопрос. Гестапо-Мюллер буквально выбежал из кабинета. Мне пришлось видеть его еще два-три за все время моего пребывания в Берлине. После некоторого замешательства большинство из находившихся в кабинете покинули его. Остались кроме меня только Штрюбинг, Ортман и секретарша. После того как кабинет покинул и Копков, мне было предложено сесть, и Штрюбинг сообщил, что времени терять не следует, а поэтому я должен понять, что в моих интересах в целях сохранения жизни я должен сознательно отнестись к предстоящему допросу.

Еще до того, как началось следствие в Берлине, Штрюбинг протянул мне толстую папку, в которой лежали скрепленные листы бумаги с наклеенными на них небольшими фотографиями, расположенными рядами. Мне было предложено указать на фотографии тех лиц, с которыми я встречался, которых знал. Естественно, под фотографиями не было фамилий изображенных на них.

Я действительно мог бы узнать из множества фотографий фактически только четырех, с которыми встречался и о встречах с которыми докладывал в моих донесениях в Москву. Это были Харро и Либертас Шульце Бойзен и Курт Шульце с женой. Однако я узнал на фотографиях только двоих – Харро и Либертас; Курта Шульце и его жену Марту, несмотря

на то что встречался с ними только немногим более года тому назад, я не узнал. Что касается Харро и Либертас, то при первом предъявлении мне альбома я сделал вид, что тоже незнаком с ними. Лично их мне не показывали и очных ставок не устраивали.

Штрюбинг был заинтересован в выяснении, была ли у меня встреча с Ильзой Штебе и знал ли я вообще ее – резидента советской разведки в Берлине. Именно поэтому, однажды в его кабинет в моем присутствии привели Ильзу Штебе. Нам был задан один и тот же вопрос: «Знаете ли вы друг друга, встречались ли вы друг с другом?»

Я раньше никогда не видел Ильзу Штебе, не видел и ее подлинных фотографий. Однако, несмотря на это, был поражен представшей передо мной женщиной – не пожилая, а, скорее, старая, измученная. Я мог только предположить, что ее подвергли пыткам и истязаниям. Во всяком случае, вид у нее был ужасен. Посмотрев на меня, она в резкой форме категорически заявила, что меня не знает и видит впервые. Это была чистейшая правда. Поэтому мне не доставило труда подтвердить ее заявление.

Много лет спустя я увидел фотографии Ильзы Штебе, красивой молодой женщины. Я узнал, что она родилась 17 мая 1911 г., была видной и опытной журналисткой, имела широкие связи и знакомства в значимых кругах немецких дипломатов и политических деятелей.

Штрюбинг находил время на беседы со мной, а следствие было поручено криминальному секретарю Рейнхолду Ортману. Штрюбинг казался мне умным, спокойным и даже добросовестным. Последнее было вызвано тем, что он, во всяком случае, по отношению ко мне, был сдержан и, спокойно задавая вопросы, без настойчивости выслушивал ответы. Однако вскоре я изменил о нем свое мнение и пришел невольно к убеждению, что все казавшееся мне в нем положительным, было чистейшим, хорошо отработанным методом расследования при ведении следствия.

Началось это вскоре после его прибытия в Берлин. Иоганн Штрюбинг в «мирной» беседе со мной совершенно неожиданно приступил к определенной форме дискредитации Харро и Либертас Шульце-Бойзен. Он пытался меня заверить, что это была весьма легкомысленная и даже сексуально распущенная семья. В подтверждение своих слов Штрюбинг достал из письменного стола несколько фотографий Либертас, на которых она была изображена в голом виде. Он пытался меня заверить в том, что в таком виде она бывала на устраиваемых в их доме и у друзей приемах.

Описанный факт я рассматривал не иначе как попытку Штрюбинга натравить меня на Харро и Либертас Шульце-Бойзен и тем самым заставить как можно больше дать показаний о них на следствии, проводимом Ортманом. Правда, некоторые фразы, услышанные от Штрюбинга, а затем от Ортмана, меня несколько насторожили. Нет, мне не были предъявлены протоколы допросов Харро и Либертас, но показалось странным, что гестаповцы могли сослаться на некоторые мелочи, относящиеся к моей встрече с Либертас и вечеру, проведенному в их семье. Эти ничего не значащие мелочи могли быть известны только Либертас и мне. Неужели Либертас была подвергнута пыткам и истязаниям и, не выдержав их, начала давать показания на следствии? Что-либо серьезное о нашей беседе с Харро, о переданной мне информации она не могла точно показать, ибо в этот момент нашей беседы мы с Харро оставались наедине. Я быстро отбросил все сомнения в части Либертас и признал услышанные мелочи фактами, не имеющими никакого отношения к моей деятельности. Я продолжал с уважением и любовью относиться к Харро и Либертас.

Вскоре меня вновь вызвал Штрюбинг и распорядился, чтобы я вошел в соседнюю комнату. Там меня ждали два офицера: полковник Манфред Рёдер и еще один, звание которого я не запомнил. На столе перед ними лежали какие-то толстые подшитые папки. Штрюбинг заявил мне, что со мной назначил встречу прокурор, занимающийся «нашим делом».

Не успел я сесть на стоящий у стола стул, как мне был задан вопрос: «Когда у вас состоялась встреча с Шульце-Бойзенем у станции метро, он пришел к вам на встречу в штатской одежде или в военной форме?»

Я не мог понять, какое это имеет значение, в каком виде Харро пришел на встречу со мной. В то же время из заданного мне вопроса я мог понять, что кто-то дал показания на следствии в гестапо о месте нашей встречи с Харро.

Я ответил, не задумываясь, что точно не помню, так как этому вопросу я не уделял никакого внимания, а кроме того, я не знал, что Шульце-Бойзен офицер германской армии.

Меня удивило и то, что мой допрос «прокурором Рёдером» на этом закончился. Только несколько позднее я узнал от Ортмана, что уже состоялся суд над Харро Шульце-Бойзенем и его соучастниками в преступлении. Это было уже в середине декабря 1942 г. Хочу особо подчеркнуть, что задолго перед этим Ортман при ведении следствия неожиданно заявил, что мои показания в части поездки в Берлин хотя и могут еще пригодиться, но не имеют большого значения, так как преступление этой группы совершенно доказано и следствие полностью закончено. Действительно, по берлинской группе следствие было очень сокращенным.

Только значительно позже, много лет спустя, я смог понять, что происходило во время моих допросов в Берлине, в IV управлении РСХА, в частности, из изданной в СССР в 1974 г. книге советского историка профессора А.С. Бланка «В сердце "Третьего рейха"». Я считаю нужным привести несколько объемистую цитату из этой книги: «Во второй половине дня 17 октября 1942 года Геринг вызвал в свой штабной вагон близ Виннице советника военно-юридической службы полковника Рёдера. Рейхсмаршал сообщил Рёдеру, что речь идет "о секретном государственном деле, на терпящем отлагательства". Адьютант Геринга майор фон Браухич вручил Рёдеру заключение гестапо по поводу проведенного следствия по делу подпольной группы Шульце-Бойзена – Гарнака. Судье было предложено ознакомиться с заключением и вечером вновь явиться к Герингу».

Далее в книге приводятся воспоминания самого Рёдера. «Мне сказали, – вспоминает Рёдер, – что необходимо немедленно, соблюдая строгую секретность, провести процесс против 117 арестованных членов берлинской "Красной капеллы". Фюрер одобрил, – добавил Геринг, – предложение гестапо о том, чтобы процесс происходил на заседании судебной палаты; он, Геринг, как верховный судья, будет руководить процессом, но Гитлер оставляет за собой право утверждения важнейших приговоров».

Есть в книге А.С. Бланка и очень ценное для меня указание в части «разоблачения» мною группы Шульце-Бойзена, моего предательства по отношению к нашим берлинским друзьям, немецким патриотам, интернационалистам. Приведу и эту цитату: «Рёдер с большим рвением принял на себя роль обвинителя по делу берлинской антифашистской организации. 16 ноября 1942 года он в срочном порядке приступил к составлению обвинительных заключений, заполнивших 800 страниц.

Рёдер и его помощник Фалькенберг почти непрерывно диктовали текст обвинительных заключений двум секретаршам. Они настолько спешили, что спали по три часа в сутки на раскладных кроватях в кабинете. Гитлер требовал провести первый судебный процесс до Рождества 1942 года».

Все цитаты взяты из книги А.С. Бланка «В сердце "Третьего рейха"» (М.: Мысль, 1974. с. 189-190).

Теперь уже общеизвестным является и тот факт, что уже 16 декабря 1942 г. начался судебный процесс над первой группой из 12 арестованных по делу группы Шульце-Бойзена – Харнака и 19 декабря был объявлен приговор о смертной казни, который и был приведен в исполнение уже 22 декабря 1942 г.

Я остановился на вышеперечисленных фактах, чтобы еще раз подтвердить мои утверждения, высказываемые по сей день, что я был арестован в Марселе уже после того, как фактически дела по обвинению арестованных в Берлине, в Германии, были давно уже закончены. Следствию уже было известно о моей причастности к группе Шульце-Бойзена – Харнака, то есть к единственной встрече с Харро и Либертас, с Куртом Шульце, не только из расшифрованных в первой половине 1942 г. радиogramм с заданием на мою поездку в Берлин и полным отчетом о таковой, но, возможно, и из некоторых показаний уже

арестованных.

Во время моих допросов в Берлине именно из этих соображений мало уделялось внимания берлинской группе Сопротивления нацистам.

Однажды в кабинете Ортмана, куда меня в очередной раз вызвали, присутствовал человек, которого, видимо, ранее я никогда не видел, сидящий рядом с хозяином кабинета. Оказывается, это был сотрудник гестапо, прибывший из Праги. Ортман сообщил ему, что я являюсь Кентом, который его интересует. После этого незнакомец потребовал, именно потребовал в довольно нахальной форме, чтобы я дал показания в части разведывательной деятельности арестованных в Праге советских агентов Францишека и Ольги Воячек. Меня этот вопрос весьма удивил, что в Праге идет еще следствие. В то же время я знал, что к моменту моего приезда в Прагу оба были уже арестованы. Возникал вопрос: неужели меня тогда в Праге дезинформировали и названные в полученном мною задании «Центра» разведчики просто скрывались? Если же действительно они уже были арестованы, то чем можно объяснить столь затянувшееся следствие? Ведь в Берлине аресты начались только в самом конце августа 1942 г. и уже ко времени моего прибытия в Берлин следствие по их делу было закончено, а ведь группа Шульце Бойзена – Харнака была многочисленной.

Мое положение облегчило то обстоятельство, что о группе в Праге я действительно ничего не знал. Мне было известно только, с кем я должен был встретиться в соответствии с заданием «Центра». Это было уже хорошо известно и гестапо из расшифрованного, благодаря Макарову, задания «Центра» на мою поездку в Прагу и Берлин.

Явно неудовлетворенный моими показаниями гестаповец из Праги вскоре покинул кабинет Ортмана.

Следствие по вопросу наших резидентур в Бельгии, Париже и Марселе было продолжено. Я по-прежнему настаивал на том, что в Марселе уже не занимался разведывательной деятельностью, а следовательно, за год моего пребывания там я не мог ничего нового узнать о нашей организации ни в Брюсселе, ни в Париже.

Ортман весьма настойчиво добивался моих показаний в части наших фирм «Симекско» и «Симекс», фактически являвшейся филиалом АО в Бельгии. Я настойчиво доказывал, что эти фирмы служили только для финансирования наших резидентур и частично для нашей легализации, причем легализация в основном касалась меня, резидента в Бельгии, до декабря 1941 г., а также для создания возможностей их использования для установления связи с оккупационными властями, для оформления необходимых документов для передвижения наших людей, в первую очередь между Бельгией и Францией. Эти люди не входили в аппарат фирм, а иногда числились только внештатными коммерсантами, с которыми фирма поддерживала действительно деловые отношения.

В Берлине, а затем и в Париже я продолжал утверждать, что Альфред Корбен, Жюль Жаспар и Назарен Драи никакого отношения к нашей разведывательной деятельности не имели. Это я утверждал до конца моего пребывания в гестапо, несмотря на совершенно противоречивые показания Леопольда Треппера.

Находясь в гестапо, я был очень рад констатировать правоту моего решения не ставить в известность Отто о всех моих связях и источниках, ограничиваясь только теми, которые были ему уже известны. Однако и в данном случае, составляя схемы руководимой мною в Бельгии резидентуры, я стремился к введению немцев в заблуждение. Этого я и добивался, говоря об известных мне деталях, касавшихся в первую очередь моей разведывательной деятельности в Марселе и частично имевшихся у меня сведений о резидентуре в Париже.

Мне казалось, что Штрюбинг и Ортман верят моим показаниям. Это тем более, что, как мне стало известно, Маргарет Барча, в строгом соответствии с моими указаниями, на допросах утверждала, что я в Марселе не занимался разведывательной деятельностью, а все свое время затрачивал только на прогулки и увеселения с ней и на деловые контакты с филиалом фирмы «Симекс».

Должен указать еще на один тяжелейший моральный удар, перенесенный мною в Берлине во время нахождения в гестапо.

Меня вызвали вновь в кабинет Штрюбинга 25 ноября 1942 г. И на этот раз присутствовали кроме Штрюбинга и Ортмана уже ставшие мне известными Гестапо-Мюллер, Фридрих Панцингер и Хорст Копков. Не успели меня ввести в кабинет и снять наручники, как Фридрих Панцингер (думаю, я не ошибся, именно он) совершенно неожиданно протянул мне отпечатанный на машинке по-немецки текст. Я не знаю, как он был передан из Парижа начальником зондеркоманды Карлом Гиригом – по телефону или курьером. Совершенно ошеломленный, я стал читать врученный мне документ. Об этом я часто упоминал в моем письменном докладе, обнаруженном в 1961 г. в личном архиве, и в других материалах.

Карл Гиринг докладывал, что 24 ноября 1942 г. ему и абверовцу Пипе удалось арестовать Жана Жильбера – Отто, сразу же назвавшего им свою настоящую фамилию – Леопольд Треппер. Арестованный ошеломил арестовавших тем, что, не успев еще сесть в автомашину гестапо, предложил свое сотрудничество. Не найдя объяснения этим поступкам советского разведчика, Гиринг до принятия решения по высказанному предложению решил запросить Берлин и поместил арестованного в страшную тюрьму в Париже – Френ.

Дав прочитать это сообщение, Панцингер язвительно отметил, что Отто, которого в свое время Избутский назвал Большим шефом, сделал подобное заявление и даже назвал свою фамилию. Он отметил, что я, Кент, веду себя совершенно иначе, хотя, по моим словам, уже почти год не работаю на советскую разведку.

Мне трудно было поверить в правдивость предъявленного мне документа. То, что в нем приводилась фамилия Леопольда Треппера, мне ничего не говорило, так как никто из нас не знал наших настоящих фамилий. Поверить в то, что Отто сразу после своего ареста изъявил желание сотрудничать с гестапо, я, конечно, не мог. Это даже, несмотря на то, что он уже многократно вызывал у меня своим поведением возмущение и я, по существу, уже давно потерял к нему доверие.

Мюллер, Копков и другие внимательно, молча следили за мной и тем, какое впечатление вызвал у меня этот документ.

Признаюсь, я некоторое время предполагал, что это фальшивка, призванная заставить меня быть более откровенным. Я не мог поверить в то, что Отто способен на открытое предательство.

Сейчас я считаю вполне допустимым привести одно доказательство допущенного Леопольдом Треппером предательства. В 1956 г. для рассмотрения моего очередного заявления в КГБ СССР полковник Шарапов организовал очную ставку между мною и Леопольдом Треппером. Цель этой очной ставки было доказательство моих «ложных показаний» в части опровержения показаний Отто на предварительном следствии в Москве о том, что я содействовал гестапо в его розыске после бегства в 1943 г. из гестапо. Он утверждал, что я навел гестапо на след его любовницы Джорджи де Винтер, у которой он якобы скрывался.

На этой очной ставке Леопольд Треппер был вынужден признать лживость этих и других показаний, направленных против меня. Мы покинули вдвоем здание КГБ СССР, и, несмотря на свойственный ему характер, чувствовалось, что он не совсем спокоен. Я задал ему ряд вопросов. Сейчас остановлюсь только на одном из них. «Как могло случиться, что вы сразу после вашего ареста предложили сотрудничество с гестапо, верно ли это?»

Несмотря на то, что у меня уже было множество доказательств этого сотрудничества, мне очень хотелось услышать от самого Леопольда Треппера, полностью уже реабилитированного в 1955 г., объяснение этого факта. И в данном случае его объяснение меня буквально потрясло. Он ответил на мой вопрос утвердительно. Пояснил, что еще до своего ареста гестапо задумал сдать немцам, с тем, чтобы точно определить, кто из ранее арестованных оказался предателем. Он даже о своем решении собирался поставить в известность «Центр», но гестаповцы его опередили, и он не успел претворить в жизнь ранее задуманный план.

О моем разговоре с Леопольдом Треппером в 1956 г. и о приведенных выше его

объяснениях я неоднократно писал в различные инстанции, и в том, что мои ссылки на нашу беседу могли быть истолкованы как ложные, меня никто и никогда не обвинял и действительно не мог это сделать, ибо это была чистейшая правда.

Мое пребывание в кабинете Штрюбинга несколько затянулось, хотя, кроме хозяина, криминального секретаря Оргмана и меня, никого уже не оставалось. Штрюбинг задал только один вопрос: «Как вы расцениваете существующую разницу между вашим поведением у нас на следствии и тем, что произошло сразу же после ареста Леопольда Треппера?»

Я, признаюсь, в тот момент, вполне естественно, ответа дать не мог в надлежащем смысле. Я сказал только, что держусь правдиво на следствии, а как поведет себя Леопольд Треппер, фамилию которого я услышал впервые, не знаю.

Тревогу у меня вызывало то, что если Отто начнет давать показания, то он может разоблачить меня и доказать, что я даю ложные показания. Он мог начать свое изобличение с того, что я после провала в Бельгии моей резидентуры, переехав в Марсель, не прекратил свою разведывательную деятельность. Он мог доказать переданной мною ему для дальнейшего направления в «Центр» информацией, что я не только продолжал её, но оказался способным установить контакт с ценными источниками. Меня несколько успокаивало, что, как мне казалось, отношение ко мне не изменилось.

Это продолжалось недолго. Вскоре мне начали задавать вопросы, доказывающие, что Леопольд Треппер начал давать на следствии в гестапо в Париже показания, разоблачающие меня, способные вызвать в Берлине недоверие к моим показаниям.

Уже более месяца я находился в центральной, возможно самой жестокой, тюрьме гестапо, в одиночной камере, с круглосуточным ношением наручников (за исключением времени проведения следствия), при ярком освещении и непрерывном наблюдении приставленного к окошку в двери моей камеры гестаповца. От этого каждый день становился все более и более невыносимым. Тяжелые переживания вызывало и то, что я не мог себе представить, в каких условиях содержится Маргарет в женской тюрьме.

Как-то у меня поинтересовались, почему в Советском Союзе называют эту тюрьму «кровавым погребом». Я не нашел объяснения, так как практически слышал это наименование впервые. Жаловаться на тяжелое пребывание в этой тюрьме я не считал возможным. Задававший мне этот вопрос, сейчас уже не помню, кто именно, рассмеявшись, пояснил: «Вы заметили, что в коридорах, для того чтобы в камерах соблюдалась тишина и не был слышен шум шагов передвигавшихся по коридору людей, лежат мягкие красные ковры? Вот что привело к подобному названию нашей тюрьмы».

Шли дни, меня уже стали реже вызывать на допросы. Но совершенно неожиданно произошло событие, которое вызвало у меня нервную напряженность. Однажды утром, как всегда, меня повели в туалет. Почти достигнув двери, я вдруг увидел идущего в мою сторону Харро Шульце-Бойзена. Он был одет в синий трикотажный спортивный костюм, в руках, как и я, держал парашу.

Наши взгляды встретились, и мы прошли, не останавливаясь и не замедляя шаг, делая вид, что друг друга не знаем. В то же время я был очень рад тому, что видел спокойного Харро, без следов пыток или уже оправившегося от них. Невольно я подумал: значит, и Харро, а возможно, и другие члены его организации, во всяком случае, некоторые из них, в том числе Адам Кукхоф, Арвид Харнак, Курт Шульце, находятся в той же тюрьме и еще живы. Конечно, я не знал, где находятся женщины.

Проведя несколько минут в туалете, умывшись, еще полный впечатлений об этой неожиданной встрече, я вновь оказался в своей «уютной» камере. Едва успев надеть мне наручники, другой явившийся надзиратель срочно вызвал меня и препроводил в кабинет Штрюбинга. Несмотря на довольно ранний час, там уже были сам Штрюбинг, Оргман и Копков. Не успел я еще поздороваться, как хозяин кабинета, едва сдерживая себя, выкрикнул в буквальном смысле слова: «Вы встретились только что с Шульце-Бойзеном? Вы успели что-либо ему сказать или подать условленный сигнал?»

Я был поражен, а особенно тем, каким образом вызвавшие меня гестаповцы узнали об этой нашей встрече. Понятно, я сделал вид, что никого в коридоре не встречал, а если и встретил кого-либо, то сопровождаемый надзирателем, быстро передвигаясь, не успел никого рассмотреть. Видимо, мой спокойный тон успокоил и гестаповцев. Они мне поверили и больше не наседали на меня. Это была моя вторая и последняя встреча с Харро, человеком, заслуживающим уважения и любви, убежденным патриотом, интернационалистом, борцом за счастье своего народа, за мир между всеми народами, против господства нацистов. Конечно, я не знал, что ему оставалось жить еще буквально несколько дней, что вскоре состоится судилище и казнь.

Вместе с Ортманом мы прошли в его кабинет. Задержался я там недолго, и меня вновь направили в камеру.

Еще несколько раз меня вызывали для «уточнения» данных мною ранее показаний, которые пытался абсолютно необоснованно опровергнуть Отто, добиваясь получения от меня следователями признаний в моей активной деятельности в Марселе и связи со многими нашими, вернее, его работниками в Париже. Он даже дошел до такой наглости, что утверждал, будто я в Марселе имел свою радиоприемно передаточную станцию. Это была сплошная ложь! На основе его показаний от меня потребовали внесения изменений в сочиненную мною схему, которая, как я уже указывал, не отвечала действительности. Возникали и многие другие обвинения, в том числе и мое отрицание причастности Альфреда Корбена к нашей разведывательной деятельности. Я продолжал утверждать, что он использовался нами только как директор коммерческой фирмы «Симекс». Я отрицал показания Отто, что именно через Корбена я пересылал в Париж собранную мною разведывательную информацию.

Приближались рождественские праздники и встреча Нового года. Большую часть времени я проводил у себя в камере, как всегда с наручниками, правда, теперь, очевидно, я уже «пользовался доверием» и носил их не за спиной, а спереди. Больше того, мне было разрешено читать немецкие журналы и книги, которые приносили в камеру. Многое весьма интересное, неизвестное мне не только о Германии, но и о Советском Союзе, я вычитал в журналах и даже в некоторых книгах на политические темы.

В одном из журналов я прочитал не только удивившую, но и поразившую меня статью. В ней говорилось о том, что вождь Советского Союза Иосиф Сталин чувствовал себя плохо и было принято решение пригласить к нему наиболее известного, лучшего кардиолога (возможно, невропатолога, точно не помню) из Австрии. Этот крупный специалист прибыл в Москву, в Кремль и был там поражен. Ему представили шесть одноликих, буквально похожих друг на друга не только лицом, но и телосложением Сталиных. У каждого из них имелся порядковый номер. Профессору надлежало осмотреть каждого из представленных ему Сталиных и письменно сообщить свой диагноз, все свои замечания и рекомендации.

В журнале указывалось, что все это было предпринято с единственной целью – дать возможность уже нашим, приближенным к Сталину медикам установить правильный диагноз, касающийся настоящего Сталина. Этим порядком медицинского освидетельствования вождя создавалась возможность скрыть от всего мира подлинное состояние его здоровья.

Конечно, я не мог тогда и подумать, что это действительно имело место. Возникло сомнение, не является ли это результатом антисоветской пропаганды со стороны Германии.

Точно такой же вопрос у меня возникал и при чтении статьи об отношениях, сложившихся между Сталиным и Жаком Дорио, членом французской Коммунистической партии с 1920 г., с 1924 г. находившегося на ряде руководящих постов во ФКП и в Коминтерне. Он бывал в это время на встречах у Сталина. В 1934 г. за его троцкистские взгляды и враждебную антипартийную деятельность был исключен из рядов ФКП. В статье указывалось, что, посещая Сталина, Жак Дорио пользовался его расположением. Приводился пример, который вызвал у меня не только недоумение, но и смех. Утверждалось, что, посетив Сталина на его даче, он любовался стадом овец. Якобы ему особо понравилась одна

овца, и Сталин, вынув револьвер, пристрелил ее, чтобы были приготовлены шашлыки. Зачем понадобилась подобная статья в журнале? Должен признаться, что к тому времени, когда я ее читал, еще не знал некоторых подробностей политической деятельности Жака Дорио. Оказывается, зная о подготовке Второй мировой войны, вернее, предполагая её возможность, Жак Дорио создал во Франции новую партию, определив её как Французская народная партия. Эта партия вскоре начала сотрудничать с немцами, а вернее, с нацистами. В годы Второй мировой войны, после начала агрессии против Советского Союза, Жак Дорио вступил в организованный нацистами с помощью оккупационных властей во Франции «Легион французских добровольцев против большевизма». Именно в целях поднятия авторитета Жака Дорио и была опубликована эта большая статья. Хочу указать, что, несмотря на все его старания, Дорио не удалось достигнуть высот, доставшихся рексисту Леону Дегрелю, командовавшему мотобригадой СС «Валлопия», воевавшей совместно с гитлеровской армией против Советского Союза.

Не помню точно число, но во всяком случае это было уже в конце декабря 1942 г., меня вызвали в кабинет Штрюбинга. Кроме него находились Копков и секретарша Грудель Брайтер. Успели снять с меня наручники и усадить на стоящий у стола стул. Близко, напротив от меня сидела секретарша. Внезапно Копков сообщил мне, что меня и Маргарет намереваются в ближайшие дни отправить в Париж. При этом меня предупредили, что для спасения нашей жизни я должен присоединиться к Леопольду Трепперу, который уже участвует в радиоигре с «Центром», проводимой гестапо.

Я и на этот раз был ошеломлен подобным сообщением. Ни Копков, ни Штрюбинг, никто другой в Берлине не могли надеяться на то, что я соглашусь сотрудничать совместно с Отто в радиоигре, затеянной гестапо с советской разведкой. О сущности этой радиоигры я не имел никакого представления. Я задумался ненадолго и поинтересовался, какая роль мне отводится в этой игре. До этого я не знал, что немцы уже привыкли вести необычные для разведки радиоигры. Продолжая занятую мною позицию на всем протяжении моего пребывания в гестапо, я довольно резко ответил, что никогда не соглашусь на сотрудничество с Отто, в особенности после того, как здесь в Берлине я узнал, что он сразу после своего ареста сам предложил сотрудничество со спецслужбами Германии. Если у гестапо будет достаточно оснований, я готов отдать жизнь, но не согласен идти по пути предательства.

Копков и Штрюбинг вышли из кабинета. Они отсутствовали буквально несколько минут, но этих минут оказалось достаточно, чтобы секретарша шепотом, совершенно неожиданно для меня, постаралась меня успокоить, видимо заметив мое волнение, и сказала, что мне не следует волноваться, что ко мне ее начальство относится хорошо и с пониманием, а поэтому я смогу принять решение, способное спасти мне жизнь. Я чувствовал и раньше, что секретарша как-то непривычно для работников гестапо относилась ко мне, но ее слова заставили меня задуматься.

Штрюбинг вернулся в кабинет один и тут же сказал мне, что я имею еще время обдумать свое решение. Он подчеркнул, что все зависит от меня, так как радиоигра уже идет при непосредственном участии Леопольда Треппера и присоединившихся к нему его друзей по парижской резидентуре. Она может быть продолжена и без моего участия. Однако я не должен забывать и того, что с учетом разоблачения меня показаниями других арестованных и моего личного поведения на допросах я могу рассчитывать только на то, что меня ждет расстрел. Он еще раз подчеркнул, что мое будущее зависит только от меня самого.

Эту часть разговора Штрюбинг вел спокойно, и мне даже показалось, что он относится ко мне с некоторым сочувствием. Разговор на этом закончился, был вызван надзиратель, на руки мне надел наручники, несмотря на то, что уже были видны некоторые следы крови и синяки, он затянул их довольно крепко. Я вновь оказался в своей камере.

Прошло несколько дней, мучительных дней ожидания нашего препровождения в Париж и напряженного размышления над тем, что нас ждет впереди. Я еще не мог в полной мере поверить, что Леопольд Треппер вместе с гестапо завел радиоигру с «Центром».

Неужели его предательство, о котором я узнал из прочитанного сообщения Гирига, дошло до такой степени, что ему удалось втянуть в сотрудничество с гестапо еще кого-либо из членов его резидентуры? Пег, я не верил этому. Кроме того, я задумывался и над тем, кого он мог привлечь к этому сотрудничеству. Лично я знал довольно хорошо только Лео Гроссфогеля. Я не мог поверить в то, что и он согласился пойти на предательство.

Время шло медленно, я ходил по камере, и самые отчаянные мысли не покидали меня. Что могли извлечь гестаповцы из этой радиоигры? Ответ у меня был совершенно однозначным. Гестаповцы хотели раскрыть с помощью радиоигры еще не разоблаченных и находящихся в подполье советских разведчиков. В этом случае я мог только подумать о том, что даже Отто, по моему мнению, не мог рисковать жизнью других людей. Для чего ему это нужно? И я пришел к выводу, что только для спасения собственной жизни. Несмотря на имеющееся у меня довольно отрицательное мнение о Леопольде Трейлере, честно говоря, я не верил еще в то, что он способен на такое предательство, и не только по отношению к Советскому Союзу, но и к патриотам Франции, Бельгии и других стран, о разведывательной деятельности которых гестапо с его помощью может узнать во время радиоигры.

В столь напряженном состоянии я продолжал ждать, когда надзиратель объявит: «Арестованный, готовьтесь на выход со всеми вашими вещами!» И вот такой день и час настали.

У выхода из здания РСХА на Принц-Альбрехтштрассе уже стояли две автомашины, в одной из которых я заметил Маргарет. Во вторую машину должен был сесть с конвоирами и я. Помимо наручников мне надели на ноги кандалы. Я не мог понять, зачем гестапо это сделало. Понял я только тогда, когда нас доставили на вокзал и направили к поезду. Тут я заметил, что на Маргарет тоже были надеты наручники и кандалы. Вид у нее был ужасный.

Нас поместили в отдельное купе. Сопровождающими были двое мужчин и женщина. Как только за ними закрыли дверь, я потребовал, чтобы кандалы немедленно с нас были сняты. Мне пояснили, что они собирались и сами это сделать, так как кандалы были необходимы при продвижении по вокзалу во избежание возможности нашего побега.

Не знаю, понимали ли сопровождавшие то, о чем мы говорили по-французски с Маргарет. Не боясь, мы вели довольно откровенный разговор. Первое, что мне сообщила Маргарет, было воспринято мною с определенной радостью, но в то же время и с тревогой. Она сказала, что, предупреждая ее о нашем направлении в Париж, ей сказали, что будет сразу же освобождена, так как доказано, что она не имела никакого отношения к советской разведке. Естественно, это вызвало у меня радость. А чем же была вызвана возникшая у меня тревога? Я не мог себе представить, как она сможет проехать в Марсель, взять из пансионата Рене, видимо предварительно оплатив значительную задолженность, образовавшуюся после нашего внезапного ареста. Я задумывался и над тем, как они смогут жить дальше? Единственной надеждой являлся Жаспар. Я еще не знал, что вскоре после ареста Отто в Марселе были арестованы Жюль Жаспар с женой, его секретарша и моя связистка Марго.

Мы расспрашивали друг друга о состоянии нашего здоровья. Я не жаловался, а Маргарет поведала, что у нее сильно повысилась нервозность и появились боли в области желудка. Заплакав, она сказала, что «слезы, обильные слезы» помогали ей переносить все то, что было связано с нашим арестом, пребыванием в тюрьме и, конечно, с вынужденной разлукой с Рене и мною.

Ночью мы прибыли в Париж. Нас уже ждали у вагона гестаповцы, которые сопроводили нас к автомашинам, а затем самую большую и, я бы сказал, самую жестокую тюрьму в Париже – Френ. Что произошло? Где же данное в Берлине обещание Маргарет, что она будет в Париже освобождена? Почему и ее доставили в тюрьму?

Оформление было совершенно обычным для государственных преступников и тянулось довольно долго. Первой была оформлена Маргарет, и я увидел, что её повели опять-таки в наручниках. Видимо, ее заключили вместо обещанной в Берлине свободы в камеру. Вскоре повели в камеру и меня. О существовании подобных тюрем я не имел никакого представления. Я побывал уже в Брюсселе в форте Бреидоик, условия там были

ужасными, но она не являлась тюрьмой как таковой. Это было временное размещение заключенных в бывшем укреплении Бельгии. А Френ была известной, мощной тюрьмой, рассчитанной на тысячи заключенных. Камера, в которую меня поместили, была сравнительно небольшая, я думаю, не более 8 квадратных метров, а скорее, даже и того меньше. В ней находилась «надежно» закрепленная койка, нечто похожее на довольно широкую полку, прикрепленную к одной из стен, служившее столом, и табуретка. Около двери в камеру, в углу, находилось нечто, похожее на чугунный унитаз, над которым был кран для холодной воды. В камере было холодно, стены влажные. Напротив входной двери было окно, снаружи защищенное металлическим щитом, оставляющим открытым небольшой участок уже расположенного наверху окна.

Едва я разместился, как надзиратель и вместе с ним какой-то, видимо, заключенный с тачкой подошли к двери и в миску налили мне жидкость, едва напоминающую эрзац-кофе. Первый день пребывания в этой тюрьме убедил меня, что условия содержания в ней заключенных ужасные. Это касалось не только трудноописуемого скудного питания, но и ужесточенного режима. Не знаю, всем ли заключенным в тюрьме, а их было очень много, надевали такие наручники, но на меня надели очень плохие наручники. Они резали руки. Поздно вечером их сняли на несколько минут, чтобы я мог раздеться, ложась в копку.

Весь день прошел очень тяжело. Меня не покидала тревожная мысль, что происходит с Маргарет, неужели она содержится в этой тюрьме в равных со мной условиях? Да, мучительно было сознавать, что она абсолютно незаслуженно, исключительно по моей вине вынуждена переносить эти муки.

Тяжелые мысли не давали покоя – что ждет впереди? Я вновь пришел к выводу, что тактика, избранная мною на следствии после моего ареста, отказ от какого-либо сотрудничества с гестапо, в том числе и стремление скрыть все, связанное с моей разведывательной деятельностью, то есть то, что не может стать известным немцам из каких-либо источников, в том числе и из показаний арестованных, входящих в наши резидентуры, правильная. Мучил вопрос, с какой целью из Берлина меня доставили в Париж, действительно ли хотели добиться моего сотрудничества с Леопольдом Треппером и в чем оно должно выражаться? Усталый и обуреваемый размышлениями, я заснул, не зная, когда будет внесена ясность во все возникшие у меня вопросы.

ГЛАВА XXIV. Париж. Узник зондеркоманды «Красная капелла». Начало участия в радиоигре «гестапо – "Центр"».

Утром, едва успев «позавтракать», я был вызван надзирателем и был препровожден к ожидавшей автомашине. Мы мчались по улицам Парижа и приехали в знакомое здание на улице де Соссэ. Ранее оно было известно как «Сюртэ Женераль». Вскоре я узнал, что именно здесь после переезда из Брюсселя была размещена зондеркоманда гестапо, возглавляемая Карлом Гиригом, где он имел свой кабинет.

Гириг, видимо, уже ждал меня, так как не успел я еще войти в кабинет и еще у меня не сняли наручники, как он обратился ко мне: «Итак, Кент, мы встретились с вами вновь. Я думаю, что вскоре вы поймете, что вам надлежит полностью изменить свое поведение, находясь у нас. Берлин, который считал вначале, что только за ваши контакты с резидентурами Шульце-Бойзена – Харнака и Ильзы Штебе вы заслуживаете расстрела, принял решение удовлетворить мое предложение и приобщить вас к начатой нами при участии Треппера радиоигре с Москвой. Вы и сейчас находитесь в тяжелых условиях, в тюрьме Френ. Я гарантирую вам, что при вашем участии в радиоигре вы будете в тех же благоприятных условиях содержания в гестапо, каковые созданы нами для Треппера. Подумайте над всем и сделайте соответствующие выводы».

Какие условия были созданы для Леопольда Треппера, я, конечно, еще не знал. Я знал только, что в соответствии с сообщением Гирига в Берлин, с которым мне дали

возможность ознакомиться, он сам предложил свое сотрудничество с немцами. Приняли ли немцы его предложение, я еще не знал. Из хода допросов в гестапо в Берлине я мог только понять, что Отто дает показания, разоблачающие не только меня, но и других лиц, принадлежащих к нашим резидентурам. Только позднее выяснилось, о каких «благоприятных условиях содержания в гестапо, созданных для Треппера», шла речь. Оказывается, в камере тюрьмы Френ он провел одну неполную ночь, а затем был переведен в специально отведенную для него комнату в здании, где размещалась зондеркоманда.

Я думаю, что любому читателю должно быть понятно, что каждый человек, услышав о том, что его поведение в карательных органах фашистской Германии должно привести его к верной смерти, мог бы оцепенеть и задуматься, следует ли ему идти и дальше на верную смерть. В то же время я над этим вопросом не задумывался нисколько. Считал, что избранный путь моего поведения в гестапо, безусловно, должен закончиться именно смертной казнью. Однако другого выхода я не видел и должен был делать все от меня в какой-то мере зависящее, чтобы продолжать приносить пользу моей Родине. Да, я хотел жить, но мне уже приходилось рисковать своей жизнью, находясь рядом с командиром испанской подводной лодки С-4 Иваном Алексеевичем Бурмистровым.

Разница заключалась лишь в том, что тогда я действовал как советский доброволец, следуя примеру моего командира. Сейчас обстановка была более сложной, а кроме того, я не имел права никогда забывать, что перед отъездом на разведывательную работу я принес присягу, что буду всегда верно служить Советскому Союзу.

Выслушав предложение Гириंगा, прежде всего я решил задать ему волновавший меня вопрос: «Почему данное в Берлине Маргарет Барча обещание о ее немедленном освобождении при прибытии в Париж не выполнено и она продолжает содержаться в ужасной тюрьме Френ?»

При этом я подчеркнул, что, судя по камере, в которой я нахожусь, по господствующему в тюрьме режиму, наше положение несравнимо с тем, которое мы испытывали в Берлине, хотя тоже были в тяжелых условиях.

Гиринг, пытаясь, видимо, оправдать свои действия, а быть может, и говоря правду, ответил мне, что ему ничего не известно о данном в Берлине обещании мадам Барча. Он еще раз подчеркнул, что не только мое положение во время нахождения в гестапо, но, соответственно, и положение мадам целиком и полностью зависит от того решения, которое приму я.

В кабинете Карла Гириंगा во время нашего с ним разговора находился только один из сотрудников зондеркоманды Вилли Берг, помощник и друг Гириंगा. Он как-то изменился за эти пару месяцев, с тех пор как я его увидел в первый раз во время моего нахождения в Бреендонке. Сидел он тихо и внимательно прислушивался, не проронив ни слова.

В основном наш разговор с Карлом Гирингом касался только его желания, чтобы я принял участие в радиоигре. Пока не было задано ни одного вопроса, который можно было бы считать продолжением моего вопроса. У меня сложилось странное впечатление не только о внешнем виде Берга, но и самого начальника зондеркоманды. Он тоже резко изменился. Я предполагал, что на него и на его помощника свалилось слишком много работы. Тогда я еще не знал, что Карл Гиринг тяжело болен, что у него очень тяжелая болезнь – рак горла. Именно поэтому у него был очень странный голос, и он, не стесняясь меня, заключенного, время от времени вставал и, подходя к стоящему в углу столику, выпивал рюмку коньяку. В отличие от первой нашей встречи он не предлагал мне ни разу выпить вместе с ним.

Наш разговор закончился тем, что я выразил мое несогласие участвовать в какой-то мне абсолютно непонятной игре «гестапо – "Центр"», якобы проводимой совместно с Треппером. Что касается моего поведения во время проводимого следствия, то я еще раз подчеркнул, что не мог внести никакой ясности во многие вопросы, так как после моего отъезда из Бельгии в период проживания в Марселе не занимался разведывательной деятельностью, а принял решение навсегда остаться за рубежом.

Гиринг не дал мне возможности продолжать объяснения и, перебив, в непривычной для

меня резкой форме начал осуждать за то, что я продолжаю давать ложные показания. Так Гириг со мной никогда еще не разговаривал. Прервав меня, криминальный советник прямо заявил, что сейчас у гестапо появились доказательства в ложности моих показаний, ранее данных. Показаниями ведущего советского разведчика Леопольда Треппера уже доказано, что Кент продолжал свою разведывательную деятельность, находясь в Марселе, создал там резидентуру и даже встречался с представительницей итальянской (думаю, что я не ошибаюсь) Компартии.

Кроме того, еще в более резкой форме Гириг обвинил меня и в том, что я пытался запутать следствие гестапо, заявляя, что не принадлежу к военной разведке Советского Союза. Леопольд Треппер на следствии утверждал обратное, заявляя, что с первого дня моего пребывания в Брюсселе отлично знал, что я был завербован именно советской разведкой и меня принимали в ГРУ, которое организовало мою подготовку к будущей работе.

Гириг почему-то не считал нужным ссылаться конкретно на показания других арестованных, тоже разоблачающих меня. Однако я мог понять, что он имел в виду показания Макарова, Избутского, Гроссфогеля, Каца и других.

Он высказал свое удивление, а может быть, просто упрек в мой адрес, говоря о том, что я, молодой человек, рискуя своей жизнью, отказываюсь сотрудничать с немцами, в то время как более опытный разведчик держится на следствии по-иному.

Криминальный советник не прекращал убеждать, видимо с целью заставить меня задуматься над его предложением сотрудничать с гестапо. Он начал приводить примеры показаний Треппера, способные меня разоблачить. В частности, он указал и о моей поездке в Швейцарию для встречи с резидентом советской разведки в Женеве и восстановления его связи с Директором, о том, что я переводил деньги из Брюсселя в Женеву на имя этого резидента. Из сказанного я мог понять, что действительно Леопольд Треппер дает показания, разоблачающие меня. Только он и я знали об этом, так как задание было получено еще в начале 1940 г. в письменной форме, в опечатанном конверте через «Метро», то есть через Большакова. То, что Гириг не назвал фамилию резидента в Швейцарии, убедило меня, однако, что Отто просто не запомнил ее, а отчет об этой поездке я лично передавал в «Метро» для отправки в «Центр». Удивило меня то, что Гириг не останавливался более подробно на этом вопросе. Только позднее я смог объяснить себе, что к этому вопросу вернуться еще во время проводимого следствия, чтобы зафиксировать в следственном протоколе. Эта беседа с криминальным советником не фиксировалась.

Вернувшись снова к вопросу о желательности моего сотрудничества с гестапо, мой собеседник еще раз подчеркнул, что от моего решения, только от моего решения будет зависеть, удастся ли мне спасти жизнь и улучшить положение во время нахождения в тюрьме. Он подчеркнул, что возможность улучшить положение во время заключения касается не только меня лично, но и Маргарет Барча.

Принесли обед, я, признаюсь, ел нехотя, так как нервы были напряжены до предела. Берг продолжал молчать, не мешал есть, не мешал задаваемыми вопросами и Гириг. Только после обеда беседа была продолжена. Мне было еще раз подчеркнуто, что из всех арестованных в Бельгии и во Франции именно я нанес самый большой ущерб Германии, и не только моей поездкой в Берлин, но и передаваемой из Брюсселя собранной мною важной информацией. Доказательства этому уже собраны почти полностью, так как в руках гестапо имеются сотни расшифрованных радиogramм, которые передавались мною в «Центр» в течение 1941 г. Кроме того, уже доказано, утвердительно заявил начальник зондеркоманды, что созданные именно при моем участии фирма «Симекско» в Брюсселе и ее филиал «Симекс» в Париже помимо создания возможности проведения усиленной разведывательной деятельности еще и обеспечили наши резидентуры крупными денежными вложениями.

Наша встреча закончилась тем, что передо мной еще раз был поставлен вопрос о моем желательном сотрудничестве с гестапо. В том случае, если я буду продолжать от этого отказываться, мне предстоит продолжать находиться в тюрьме Френ и я буду подвергаться

настойчивым допросам сотрудниками зондеркоманды. Под понятием «настойчивые допросы» я, признаюсь, понимал применение пыток.

На автомашине довольно поздно вечером я был доставлен в тюрьму Френ. Несколько дней провел в тяжелых условиях в своей камере с круглосуточным ношением наручников. Видимо, Гириг решил дать мне возможность осмыслить его предложение о сотрудничестве. Я мог только предполагать, что это сотрудничество должно выражаться только в выдаче наших разведчиков и источников, то есть в прямом предательстве по отношению к лицам, настроенным против нацистов, сотрудничавших с советской разведкой. На это я согласиться не мог. Я не мог забыть, что из-за меня уже страдает абсолютно невиновная Маргарет.

Совершенно неожиданно для меня надзиратели распорядились, чтобы я подготовился к вызову в гестапо. Вскоре на автомашине я был под усиленным конвоем и даже с надетым на голову капюшоном доставлен на рю де Соссэ. Опять меня препроводили в кабинет Гирига, где находился еще один человек, которого я увидел впервые.

Гириг спокойно спросил: «Итак, слушаю ваше решение. К какому выводу вы пришли? Принимаете ли вы наше предложение?»

Тоже сохраняя спокойствие, я ответил: «Мое решение остается без изменений. Оно вам уже хорошо известно!»

Обращаясь к сидящему в кабинете человеку, криминальный советник дал указание начать следствие по моему делу. Он, стоя выслушав указание, в грубой форме предложил мне следовать с ним. Провел меня в другой кабинет, где начал допрашивать.

Прежде чем начать задавать вопросы, следователь указал, что, очевидно, мне известно о том, что произошло в Берлине с ранее арестованными советскими разведчиками резидентуры Шульце-Бойзена – Харнака. Я ответил, что частично мне известно, но Шульце-Бойзен не был советским разведчиком, а был патриотом, антифашистом, в чем я убедился при встрече с ним.

После этого началось следствие. Вскоре я узнал, кто ведет следствие: им был очень грубый, державший себя вызывающе Эрик Юнг. Были и другие непохожие по их поведению, вернее, по их отношению ко мне, подследственному, но фамилии их я не запомнил. Если они держались довольно вежливо, собранно и не допускали грубостей, то Юнг не останавливался ни перед чем. Его грубость, я бы даже сказал, нахальство, бескультурье на меня действовали отрицательно и убеждали в правильности моего мышления, то есть в том, что ничего хорошего для себя я ждать не могу.

В ходе допроса Юнг касался многих вопросов. Он продолжал настаивать на моих показаниях как на ложных в части непричастности Корбена, Жаспара и других работников наших фирм к советской разведке. Я не имел никакого основания отказываться от моих ранее данных показаний и доказывал их непричастность к нашей деятельности. Он настойчиво добивался от меня показаний о Гарри и моей непосредственной связи с ним. Я действительно не имел ее. Я знал только, что через меня «Центр» передал указание Леопольду Трепперу об установлении с ним таковой, так как он являлся очень ценным нашим разведчиком

Конечно, я и об этом не давал показаний. Во время следствия в гестапо Юнг и другие добивались от меня показаний и в части поездки в Швейцарию к Шандору Радо. Здесь я не мог отрицать саму встречу, ибо о ней дал показания Отто, но, ссылаясь на давность этой поездки, я не уточнял его адреса, места встречи, содержания нашего с ним разговора и, безусловно, не назвал код, которому я его обучал для шифрования радиопередач и программы радиосвязи. Об этом Отто не мог дать показаний. Не мог он уточнить и какую информацию по его поручению я передал в «Центр», вернувшись из Швейцарии.

Следствие добивалось от меня показаний и в части моей резидентуры в Марселе. Я продолжал утверждать, что с переездом на юг Франции полностью отошел от разведывательной деятельности.

Юнга очень интересовали мои связи с членами резидентуры во Франции. Но я ответил, что не только не поддерживаю никаких связей, но и раньше почти ни с кем не был связан.

Мне пришлось признаться в том, что Лео Гроссфогеля и Каца я знал, но последнего весьма поверхностно.

На протяжении всего следствия я не раскрыл, каким образом вошел в доверие к оккупационной интендантуре в Брюсселе, то есть не назвал фамилию фрейлейн Аман и ее любовника.

Следственное дело, заведенное на меня, Кента, в гестапо (повторяю еще раз, считая это весьма важным, до моего прибытия в Москву никогда я не называл моей настоящей фамилии ни Отто, ни в гестапо), привезенное мною в Москву и перехваченное Абакумовым, может доказать, что на протяжении всего моего нахождения в гестапо я не выдал ни одну подчиненного мне разведчика или моего источника. Ни один из них не был арестован в результате моего предательства. Все арестованные в Бельгии были захвачены гестапо до моего ареста. Большинство из них были схвачены немцами и до ареста Леопольда Треппера. Правда, некоторые были арестованы и после.

Я счастлив тем, что считал возможным, больше того, необходимым после принятия от Отто нашей резидентуры в Бельгии, а тем более после моего переезда в Марсель тщательно скрывать даже от Леопольда Треппера мои разведывательные, деловые и даже «дружеские» отношения с различными людьми. Правда, мне из литературы стало известно, что якобы в Марселе был арестован чех Эрлих. Не знаю, кто назвал его фамилию. Могу только предположить, что это был Жюль Жаспар или его секретарша Марго. Однако она могла назвать только по причине, что он помогал Маргарет и мне устроиться в Марселе и мы поддерживали с ним дружескую связь. О его роли в моей разведывательной деятельности никто не мог дать показаний.

Следствие продолжалось еще долго, но произошли определенные изменения. Однажды я из тюрьмы Френ был вновь доставлен в зондеркоманду и принят Гирином. Вид у него был ужасный, что вызвало у меня на этот раз подозрение, не болен ли он. В кабинете никого, кроме меня, не было. Он вновь переспросил, не надумал ли я изменить свое поведение, находясь в заключении. Он услышал мой обычный в таких случаях ответ. Я еще раз подтвердил, что считаю свое поведение правильным и не собираюсь его изменять, а тем более соглашаться на непонятное мне предложение о сотрудничестве.

Выслушав, Карл Гиринг дрожащей рукой снял телефонную трубку и, соединившись с кем-то, попросил зайти к нему. Через несколько минут в кабинет вошел мужчина средних лет. Вскоре я узнал, что это был прикомандированный к зондеркоманде дешифровщик доктор Вальдемар Ленц. О нем я еще многое расскажу. В первый день нашего знакомства Гиринг попросил у него расшифрованную радиogramму, адресованную мне. Это меня буквально поразило.

Вальдемар Ленц, видимо заранее предупрежденный об этой необходимости, достал из папки листок и протянул его криминальному советнику, а тот в свою очередь передал мне. Я с удивлением прочитал эту радиogramму. В ней содержалось поздравление в мой адрес с 23 февраля 1943 г. Явно было, что это поздравление адресовано офицеру Советской армии.

Дав мне внимательно прочесть радиogramму, Гиринг, мило улыбаясь, сказал: «Значит, на следствии вы даете только правдивые показания? Вы не только не являетесь офицером Красной армии, но и не имеете к ней никакого отношения? Вы были завербованы какими-то иностранцами, плохо говорящими по-русски, и вы считали, что они являются представителями Коминтерна? Или теперь вы будете уже говорить на следствии правду? Ведь мы можем считать, что все ваши показания являются ложными».

Я продолжал отказываться от его предложения, расценивая его как предательство. Разговор наш был прерван, и меня направили вновь в тюрьму Френ. После этого еще через несколько дней я был вновь вызван к Гирингу. И на этот раз у него в кабинете оказался доктор Вальдемар Ленц.

Только с этого дня начала раскрываться тайна «сотрудничества» Леопольда Треппера с гестапо. Впоследствии доктор Вальдемар Ленц помог еще в большем отношении узнать многое об этом сотрудничестве. Хочу сразу рассказать о том, что стало известно мне об этой

«Большой игре», которой все время уже после войны, находясь за пределами не только Советского Союза, но и Польской Народной Республики, так гордился бывший советский разведчик, часто возводимый в ранг «героя».

Оказывается, вскоре после своего ареста Леопольд Треппер принял в ответ на свое предложение о сотрудничестве предложение организовать еще одну линию радиогры «гестапо – «Центр». Якобы уже до него подобную игру вели Константин Ефремов и Иоганн Венцель из Брюсселя и Антон Винтерник, или Якоб Хильболлинг, из Нидерландов.

У него, однако, возникли трудности в организации этой игры. Отто не знал ни кода для шифрования своих радиограмм, направляемых в «Центр», ни получаемых от него указаний, а также и программы радиосвязи. Ранее арестованные Герш и Мира Сокол не давали никаких показаний, и гестапо еще не знало о том, что они принадлежали к резидентуре Леопольда Треппера. Код для шифрования знал только Лео Гроссфогель. Гестапо надо было прибрать к рукам его и Гилеля Каца. Только эти два человека могли помочь их бывшему резиденту организовать радиогру. Он решается на этот шаг, и с его помощью гестапо арестовывает двух его «верных помощников», а сам Отто уговаривает их принять участие в радиогре. Каково было участие Лео Гроссфогеля, мне установить точно не удалось, но я уже тогда знал, что именно от него Гириг узнал столь необходимые ему шифры для начала радиогры. Несколько позднее стало известно, что Лео Гроссфогель был арестован гестапо ровно через шесть дней после ареста Леопольда Треппера – 30 ноября 1942 г., а Кац – уже 1 декабря.

Понадобилось некоторое время для организации радиогры, и, как мне стало известно из литературы, а точнее, из послесловия, написанного бывшим сотрудником ГРУ А.И. Галаганом к книге Леопольда Треппера «Большая игра» (с. 374), «25 декабря 1942 года уже начала работать под контролем гестапо радиостанция Л. Треппера».

Согласно послесловию ни Леопольд Треппер, ни гестапо зря времени не теряли, и вскоре после ареста его самого начались повальные аресты в Париже. В декабре 1942 г. были арестованы «прославившиеся разведчики, завербованные в свое время Отто, Василий Максимович и его сестра Анна, а в январе были взяты под стражу все их агенты. Как мне стало достоверно известно, 21 декабря при непосредственном участии Леопольда Треппера был арестован и Гарри – Робинсон. А.И. Галаган подводит итог, заявляя, что после этих арестов «французская группа прекратила свое существование».

Поскольку я сослался на послесловие к книге «Большая игра» А.И. Галагана, считаю необходимым отметить и допущенную автором грубейшую, правда, далеко не единственную, ошибку. Он утверждает, что 3 марта 1943 г. начала работать станция Сукулова. Хотелось бы задать вопрос бывшему работнику ГРУ, уже в 1966 г. высказавшему свое твердое убеждение, что дело, мое дело, сфабрикованное «Смерш», не нуждается в пересмотре: кто такой Сукулов? Неужели он не знал, что подобного псевдонима я никогда не имел? Кроме того, чем он может доказать, что станция Сукулова начала функционировать именно 3 марта? Думаю, что архивными материалами того же ГРУ, ответственным сотрудником которого являлся А.И. Галаган, может быть полностью подтверждено то, на чем я хочу сейчас остановиться.

От Гирига я узнал то, что было впоследствии уточнено Вальдемаром Ленцем: вскоре после начала Леопольдом Треппером радиогры, уже войдя вновь в доверие «Центру», он своей шифровкой сообщил о том, что Кент в Марселе был арестован французской полицией, после соответствующей проверки освобожден, сейчас хорошо легализован и может начать, вернее, продолжить свою разведывательную деятельность. Из этой радиограммы следовало, что Отто установил с Кентом связь и просит для него сообщить программу для прямой радиосвязи и код для шифрования его радиограмм, то есть для прямого поддержания радиосвязи с «Центром». Именно после этого «Центр» на имя Отто сообщил для «передачи» мне требуемые сведения.

Смею заверить, что я к этому времени еще не давал и не думал давать согласие на мое участие в радиогре с «Центром». Мне стало известно от Гирига и от Ленца, что «по линии

Сукулова» гестапо вело уже продолжительное время радиоигру – только при участии Леопольда Треппера.

Сейчас можно было бы привести много примеров того, что участие в радиоигре было начато мною значительно позднее и только благодаря тому, что мне стало известно от доктора Ленца, которому я стал по многим причинам доверять. Именно от него я узнал, что на мое имя стали поступать отдельные задания «Центра», в том числе и задание на установление связи с бывшим латышским генералом Озолсом. Обсудив этот вопрос вместе с Леопольдом Треппером, Гириг решил поручить именно Ленцу, свободно говорящему по-французски, от моего имени попытаться установить связь с этой резидентурой.

Эту связь Ленц установил, представившись генералу моим секретарем. Именно эта связь Вальдемара Ленца с Озолсом, Золя, послужила причиной сближения меня с известным мне до этого дешифровальщиком, прикомандированным к зондеркоманде.

Вальдемар Ленц сообщил мне, что по заданию Гирига он запросил у Золя список его резидентуры с указанием адресов якобы для передачи их в «Центр». Список он получил и передал криминальному советнику. Они каждый раз при очередной встрече с Золя обсуждали вопросы в присутствии Треппера.

Встречи Ленца с Золя продолжались довольно долго, и уже начали поступать от него некоторые информационные сообщения. Ко всему этому «мой секретарь» относился весьма спокойно, пока не встретился с Золя и не узнал от него, что, несмотря на то, что он и его жена пожилого возраста, им пришлось удочерить маленькую девочку, родители которой были лишены жизни немцами. Им жилось очень трудно, и особенно в материальном положении. Не говоря Гиригу о факте удочерения девочки, Ленц уведомил его, что резидент испытывает значительные материальные затруднения. Видимо, по согласованию с Берлином сумма франков, передаваемая Золя, была увеличена. Рассказывая об этом, воспользовавшись, что мы остались с Ленцем вдвоем, он в нервном состоянии сообщил мне, что тяжело переживает сам факт удочерения девочки стариком генералом и, по его мнению, надо сделать все для спасения этой семьи.

Его отношение ко мне и, конечно, не только ко мне, но и к другим ставшим известными гестапо членам резидентуры Золя, а затем и французского движения Сопротивления меня многие годы крайне удивляло. Недавно, знакомясь с врученным мне в качестве подарка альбомом, изданным в Германии в 1992 г., «Erfasst Der gestapo-allum zur Roten Kapelle», я узнал, вернее, нашел объяснение доброжелательности Ленца (с. 62).

Вальдемар Ленц, родился в Германии, в Дормштадте 2 декабря 1909 г., доктор наук. В 1935 г. занимался коммерческой деятельностью в Вене, но уже в 1936–1939 гг. являлся заграничным корреспондентом «Volkischen Beobachter» в Варшаве и Риме. В 1939–1940 гг. работал в сфере радиовещания, где познакомился с журналистом и писателем Гюнтером Вайсборном, на квартире которого зимой 1940–1941 гг. встретился с супружеской парой Шульце-Бойзен, естественно, в деятельности патриотической группы Шульце-Бойзена никакого участия не принимал. Несколько позднее, в 1941 г., познакомился с Иоганессом, братом Либертас Хаас-Хейе, жены Шульце-Бойзена. В 1942 г. в мае был призван в армию и служил одно время вместе с Хорстом Хайльманом. Кстати, это был тот самый Хорст Хайльман, который учился с 1940 г. в Берлинском университете и познакомился с Харро Шульце-Бойзеном. Вскоре Харро укрепил в сознании Хорста Хальмана стремление к антифашистской борьбе и тем самым превратил его в дальнейшем в одного из своих соратников по патриотической борьбе против нацизма. Согласившись участвовать вместе с Харро в этой борьбе, понимая ее значение после начала фашистской агрессии против Советского Союза, он вступил добровольно в немецкую армию, а затем оказался сотрудником отдела дешифровки Главного военного командования сухопутной армии (ОКХ). Это помогло ему оказывать значительную помощь организации Шульце-Бойзена – Харнака, и не только в сборе информации о деятельности своего отдела. Немаловажным оказалось его предупреждение Либертас Шульце-Бойзен о том, что ее муж арестован 31 августа 1942 г., он помогал ей в уничтожении следов антифашистской деятельности Харро.

Это продолжалось недолго, так как сам был арестован 19 декабря 1942 г. и Имперским военным судом приговорен к казни.

Вальдемар Ленц изредка поддерживал знакомство с Харро Шульце-Бойзенем и даже получал приглашения участвовать в спортивных соревнованиях, прогулках на яхте на Ванзее. Не исключена возможность, что эти приглашения должны были дать Харро возможность вербовки Ленца. Однако это ему не удалось, Ленц остался вне рядов организации антифашистов. Мне трудно утверждать это, но встречаемые в литературе сведения не говорят о его непосредственном участии в деятельности организации Шульце Бойзена – Харнака.

Безусловно, обо всем этом я узнал только теперь. В годы «совместной работы» с Ленцем я никак не мог определить причину его желания помогать мне. В особенности это проявилось после того, как я дал Гиригунгу согласие на мое участие в радиоигре. Это было примерно в мае или даже июне 1943 г.

Я еще коснусь роли Вальдемара Ленца в «некоторых успехах» моей деятельности после «согласия сотрудничать» с гестапо, а они были немалыми именно благодаря помощи с его стороны.

Первое время после моего согласия на «сотрудничество» с гестапо меня чаще стали вызывать из тюрьмы Френ, где я продолжал содержаться в камере, которую многие называли «камерой смертника», с наручниками на руках.

Внезапно, если память мне не изменяет, примерно в начале июня 1943 г. надзиратель предложил мне подготовиться с вещами для того, чтобы покинуть эту страшную тюрьму. Я был препровожден на улицу Соссэ к Гиригунгу.

Приняв меня в своем кабинете, криминальный советник сообщил, что в соответствии с принятым мною решением о сотрудничестве с гестапо и о моем включении в проводимую радиоигру «гестапо – "Центр"» при участии в ней Леопольда Треппера принято решение переселить меня из тюрьмы Френ в здание, в котором находится зондеркоманда. Поэтому мне было предложено спуститься на первый этаж и расположиться во временно приспособленном для моего нахождения помещении.

Меня провели вниз. На этот раз при моем передвижении по лестнице наручники, которые были уже сняты в кабинете Гиригунга, больше не надевали. Открыли расположенную в стороне на первом этаже дверь, которая была не заперта, и я оказался в довольно большой комнате, от которой с помощью крепкой металлической решетки был отгорожен коридор. Я заметил, что слева от входа в эту комнату стояли кресло и небольшой столик. В кресле сидел гестаповец. При моем появлении он открыл закрытую на ключ дверь в решетчатой перегородке и впустил меня в комнату, в которой стояли кровать, стол и стул. Дверь за мною была закрыта, и надзиратель (или, вернее, сопровождавший меня гестаповец) покинул помещение, а сидевший в кресле гестаповец предупредил, что скоро будет принесен для меня обед. Одновременно он указал и на то, что я могу пользоваться журналами и книгами классиков французской и немецкой литературы. Он спросил, курю ли я и не будет ли мне мешать, что он курит. Во всяком случае, мы сможем открывать для проветривания форточку в окне. Я обратил внимание на то, что большое окно упиралось в близко расположенную стену и было огорожено крепкой решеткой.

В ожидании обеда мы закурили и довольно громко продолжили начатый нами разговор. Естественно, я не знал тогда, кто находится в соседней комнате.

Мой разговор с гестаповцем продолжался недолго и касался погоды, немного даже поэзии. Оказалось, что этот человек очень любил поэзию и готов был просвещать меня в этой области. Наша беседа была прервана принесенным обедом. Тут я почувствовал, что в соседней комнате содержится тоже заключенный. Кто именно, я не мог себе представить. То, что там находится заключенный, я мог догадаться, так как дежуривший гестаповец открыл запертую на ключ дверь и туда внесли обед, после чего вновь закрыли.

Я пообедал и решил прилечь. Только тогда я заметил, что кровать крепко закреплена к полу. Лежал я недолго. Вскоре дежурившего в коридоре на некоторое время подменил

другой в форме СС. Вернувшийся дежурный принес мне несколько французских и немецких журналов. Я стал их просматривать. Мы немного еще поговорили, как мне и моему соседу принесли ужин. Сразу хочу оговориться, питание на улице Соссэ ничем не напоминало тюремное. Думаю, что даже не все французы в то время так питались.

Ужиная, я невольно продолжал думать о положении, в котором находилась Маргарет. Я решил на следующий же день переговорить по этому вопросу с Гиригом. Одновременно хотел попросить у него разрешение на свидание с ней.

Этот разговор состоялся, и я узнал, что в этом помещении я буду находиться недолго. Выясняется возможность создания для меня лучших условий и для перевода Маргарет из тюрьмы Френ в лучшие условия. Пока же Карл Гириг пообещал мне создать возможность для наших свиданий. Это обещание он действительно выполнил, и почти каждую неделю ее привозили, и мы даже вместе обедали. Ее вид меня ужасал. Она не только сильно похудела, но в противоположность тому, как я ее знал раньше, превратилась в комок нервов, все ее раздражало. Радуясь прибытию на свидание со мной, она в слезах покидала меня, чтобы вернуться в свою тюремную камеру.

Видимо, гестапо четко разработало график моего пребывания в занимаемой комнате. Долгое время я вызывался на пятый этаж или выводился во двор на прогулку, видимо, с тем, чтобы не знать, кто находится в соседней комнате, и не встречаться с находившимся рядом со мной в отдельной комнате заключенным.

Ошибки бывают во всех случаях. Видимо, этому в большой степени способствовало и то, что уже гестаповцы не считали нужным скрывать от меня, что рядом находится Леопольд Треппер. И вот однажды он проходил в свою комнату по моему коридору, взглянув в мою сторону, проявил заметное смущение, как мне показалось, именно потому, что увидел меня. До этого гестапо считало нужным скрывать от нас наше соседство.

Леопольда Треппера часто вызывали в зондеркоманду, вызывали туда и меня, но вызов осуществляли разные лица. Конечно, я уже теперь не могу точно вспомнить фамилии всего состава зондеркоманды. Мне кажется, что я мог бы добавить к уже названным мною Гиригу, Бергу, Юнгу еще одного очень неприятного следователя, с которым мне приходилось встречаться, фамилия его – Рихтер.

Первое время мое сотрудничество с зондеркомандой заключалось в том, что я пытался доказать Гиригу, что направлять в «Центр» дезинформацию совершенно недопустимо, так как во Франции и в другой оккупированной стране могут быть параллельные резидентуры, которые смогут направляемой в Москву своей информацией обоснованно опровергнуть нашу. Кроме того, я пытался доказать, что поступающая от Золя информация должна сразу же направляться в «Центр». Это я обосновывал тем, что не исключена возможность, что Золя связан еще с кем-либо поддерживающим связь с «Центром» и там могут установить, что мы передаем не все материалы, поступающие к нам от этого резидента. Казалось, что в определенном отношении мне это удавалось.

Я во многом не мог понять Гирига. Я знал, что он опытный полицейский, но не знал, имеет ли он опыт проводимой радиоигры. Все это не давало мне оснований объяснить отношение криминального советника ко мне. Иногда казалось, что он относится ко мне доброжелательно, но все же в определенной степени недоверчиво, настороженно. Видимо, он чувствовал, что, согласившись на участие в радиоигре, я не полностью открылся перед ним, перед гестапо.

Он никогда больше не возвращался к вопросу, кем я был завербован, когда начал свою разведывательную деятельность, какова моя настоящая фамилия, чем занимался в Советском Союзе.

Это меня в определенном смысле успокаивало, но и в то же время настораживало. Конечно, я не мог предположить, что это уже известно гестапо, так как в этой части никто из арестованных не мог дать показаний. Иногда у меня возникало сомнение, не мог ли назвать мою фамилию Макаров? Ведь только он встречал меня в ГРУ и мы одновременно присягали. Успокаивало то, что я сам не помнил, назывались ли наши фамилии при принесении

присяги.

Вспоминая о Макарове, я задумывался и над тем, откуда гестапо знало о моем участии в национально-революционной войне в Испании. Нет, Макаров этого не знал. Кто же тогда, кто мог выдать меня в этом отношении немцам?

В конце концов, я безошибочно определил: этим доносчиком мог быть только Леопольд Треппер. Коротко изложу основание для этого убеждения. В архивах может быть найдено подтверждение моему заявлению. Итак, в 1940 г. вскоре после оккупации Бельгии фашистскими войсками, точно сейчас не помню, но все же почти убежден, что именно на бульваре Анспах в Брюсселе, вместе с немцами прогуливался русский эмигрант, участвовавший в войне в Испании, являясь переводчиком при штабе старшего военно-морского советника, советского военного моряка, в Картахене. Он знал меня как лейтенанта республиканского флота, адъютант переводчика при командире подводной лодки. Невольно испугавшись этой встречи, я счел необходимым доложить об этом резиденту в Бельгии Отто. Я не уточнял, однако, кем был во время национально-революционной войны. Следовательно, только Отто мог сообщить гестапо и об этой детали моей биографии.

Возможно, только этим объясняется, что в вышедшей после войны 1941–1945 гг. в западных странах литературе встречаются утверждения, что в 1937 г. я был уже разведчиком, советским разведчиком во Франции и в Испании, что, естественно, не отвечает действительности.

Я решил воспользоваться этим «добрым» отношением ко мне Карла Гириंगा и предложил ему для «укрепления моего положения в «Центре» направить туда через Болгарию, то есть через наше посольство в Болгарии, мой доклад. Гиринг, видимо согласовав этот вопрос с Берлином, дал согласие. Мы с помощью Вальдемара Ленца составили зашифрованную радиограмму в «Центр» с указанием предполагаемого порядка передачи этого доклада, заснятого на пленку. Получив согласие «Центра», мы направили выполненный в гестапо доклад. Доклад не извещал «Центр» о том, что я нахожусь в гестапо. В этом докладе, направленном в 1943 г., я умышленно изменил свой обычный способ трактовки всех пунктов и полагал, что «Центр» может задуматься над тем, я ли являюсь автором этого доклада.

Должен особо подчеркнуть, что при Гиринге и даже в самом начале деятельности вновь назначенного начальником зондеркоманды Х. Паннвица все мои радиограммы шифровались только Ленцем. Это, конечно, объяснялось тем, что полностью доверить мне содержание передаваемых сведений в «Центр» гестапо не могло.

При шифровке моих радиограмм Гиринг неоднократно интересовался, не обладаю ли я обусловленным в ГРУ каким-либо условным знаком, способным уведомить «Центр» о моем провале. Гиринг и Ленц часто утверждали, что для различных разведчиков многих стран подобный сигнал для направляемых радиограмм предусматривался. В то время я не знал, что эти заявления соответствовали действительности, ибо нам в ГРУ подобный сигнал не давали.

В связи с усилившейся работой по шифровке и дешифровке направляемых Отто и мной радиограмм в «Центр» и получаемых от него в наш адрес указаний Гиринг принял решение запросить еще одного шифровальщика в свое распоряжение. Я уже не помню точно его фамилию, по-моему, Курфесс. Не знаю, по чьей инициативе он был введен в работу по радиолинии Отто, в то время как Ленц продолжал вести свою основную работу только со мной, сохраняя за собой право руководить Курфессом, то есть проникать в деятельность Леопольда Треппера, в его «Большую игру».

Именно от Вальдемара Ленца я начал узнавать некоторые детали «дружеского сотрудничества» Леопольда Треппера с гестапо. Мне показалось тогда, что Ленц начал со мной еще в большей степени откровенничать. Так, например, он мне поведал, что ценный разведчик Гарри (Робинсон) был выдан гестапо именно Отто. Сообщение Ленца опровергает то, что я потом слышал и читал. Правда, Паннвиц мне подтвердил высказывание Вальдемара Ленца. Отношение Отто к аресту Гарри, произведенному в конце декабря 1942 г. (в

литературе указывается, что это произошло 21 декабря), сводилось к тому, что он якобы назвал адрес конспиративной квартиры Гарри, по которому от его имени был направлен «связной», назначивший встречу этих двух резидентов. Версия о том, что сотрудник зондеркоманды по непонятным причинам хотел, чтобы Отто издали, сидя вместе с ним в автомашине, мог проследить за арестом Гарри, с тем, чтобы установить его отношение к случившемуся в сопоставлении с услышанным от Ленца и подтвержденным материалами следственного дела на Леопольда Треппера, заведенным гестапо, не отвечает действительности. Сам Отто пытается в своей книге «Большая игра» именно так представить его участие в аресте Гарри.

Тогда мне стало известно, что именно Отто сумел с Робинсоном на обусловленном месте встретиться, и в этот момент Гарри был арестован. Возможно, сейчас уже более точно установлено, кто выдал важного советского разведчика и кто принимал непосредственное участие в его аресте. Однако я могу указать на то, что во время нашей встречи с Леопольдом Треппером в 1956 г. в Москве, о которой я уже говорил, я решил проверить полученные от Ленца и Паннвица сведения по этому вопросу. Отто в некотором замешательстве, не дав прямого ответа, указал на то, что он относился к аресту Гарри спокойно, так как знал, что он «двойник» и работал на второе бюро Франции. Меня этот ответ не успокоил, но я не считал нужным вступать в полемику с Большим шефом.

Кстати, во время всего моего пребывания в руках гестапо ни от Гириंगा, ни от Паннвица, ни от кого-либо другого из сотрудников зондеркоманды я никогда не слышал применительно к Леопольду Трепперу присвоенного ему, по мнению Жилье Перро, из «большого уважения со стороны гестапо» столь почетного имени Большой шеф. Это имя я слышал только один раз, как я уже указывал, на моей очной ставке с Избутским именно от него, назвавшего меня Маленьким шефом.

Французский писатель Жилье Перро не останавливается только на этом ложном утверждении. В своем интервью политическому обозревателю АПН Александру Игнатову, тоже допускающему ряд искажений исторической правды, Жилье Перро утверждал, что оценка деятельности «Красной капеллы», выразившаяся в том, что она обошла Германию в 200 000 солдатских жизней, относится исключительно к оценке деятельности Леопольда Треппера. В действительности эта оценка может относиться исключительно к деятельности группы немецкого Сопротивления, патриотов Шульце Бойзена – Харнака.

Я не имею права давать оценку деятельности Леопольда Треппера ни в период его пребывания резидентом в Париже, ни в период после его ареста гестапо и сотрудничества с немцами. Правду можно установить только при подробном анализе, возможно при моем участии, архивных материалов ГРУ и следственного дела гестапо, заведенного на Леопольда Треппера. Я говорю, что желательно мое участие только потому, что сейчас уже ни для кого не секрет, что Леопольд Треппер на протяжении всей своей деятельности в Бельгии и во Франции любил присваивать себе достижения других людей в разведывательной деятельности. Повторяю, об этом, в частности, писал и О. Царев в газете «Труд» от 26 апреля 1991 г.

Вскоре после того, как я поселился на улице Соссэ рядом с Леопольдом Треппером, он исчез. Конечно, я не мог предположить, куда он делся и что с ним происходит. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что мое соседство пришлось очень не по душе Леопольду Трепперу. Видимо, он не исключал возможности, что при допросах в гестапо я мог убедиться в том, что, во всяком случае меня он пытается в меру своих сил разоблачить и заставить давать отвечающие действительности показания в угоду гестапо. Видимо, это даже его, с его характером смущало. В самом начале я предполагал, что ему отвели другую комнату в этом же самом доме. Однако вскоре узнал, что он переведен в совершенно другое здание.

Начальник гестапо в Париже, принимавший в свое время участие в моем аресте в Марселе, Вернер Бемельбург, пользуясь своими неограниченными правами, реквизирует довольно большую виллу в Париже в районе Нейи. Руководством гестапо было принято решение на этой вилле на углу улицы Виктора Гюго и улицы де Рувре не только разместить

квартиру самого криминального советника, но и использовать ее для содержания особо видных заключенных. Именно на эту виллу и был переведен Леопольд Треппер.

Судя по разговорам с Гиригом, Бергом и другими сотрудниками зондеркоманды, аресты в Бельгии и во Франции закончены и сейчас это подразделение гестапо в основном направляет свои усилия на различного рода дезинформацию «Центра» и на поиск возможности розыска еще не разоблаченных советских разведчиков и информационных источников.

Однажды во время моего разговора с Гиригом в его кабинете, что называется с глазу на глаз, он как-то спросил: «Вы работали продолжительное время с Леопольдом Треппером, какое впечатление у вас сложилось о его характере? Не кажется ли вам, что он слишком большого мнения о себе?»

Постановка этого вопроса меня удивила, но в то же время создала впечатление, что Гириг чем-то недоволен в общении с Большим шефом. Однако я не считал возможным раскрывать криминальному советнику мое подлинное мнение об Отто.

В проведенное на улице Соссэ время у меня появились полезные знакомства. В первую очередь хотелось бы упомянуть радиста Стлука. В дальнейшем он мне очень пригодился. Наше знакомство при первой встрече было минутным. Он вошел в комнату, чтобы передать Вальдемару Ленцу принятые им по радиации шифровки из «Центра» и вернуть те, которые Ленц ему давал для передачи в Москву.

Я тогда, конечно, не знал, что Стлука был ранее австрийским гражданином, служил в жандармерии Австрии. После того как Австрия была силой присоединена к Германии, он оказался зачисленным в ряды радистов, в том числе и тех, которые перехватывали имевшиеся в эфире шифровки, конечно не зная, кому они принадлежат. Через некоторое время он оказался прикомандированным к гестапо для непосредственного участия в проводимых его подразделениями радиоиграх. Это привело к тому, что он стал сотрудником зондеркоманды в Бельгии, а затем во Франции. Какую роль Стлука сыграл в моей деятельности, я более подробно изложу в следующей главе.

Мое «сотрудничество» продолжалось. У меня сложилось впечатление, что гестапо очень хотело убедить меня в целесообразности моего искреннего «сотрудничества». В этих целях в Париже были организованы с прибывшим из Берлина криминальным советником Хорстом Копковым встречи. Он интересовался многими вопросами, которые мне казались уже не имевшими для гестапо значения. В их числе были и такие, которые должны были заинтересовать Берлин. Остановлюсь на некоторых.

Копкова интересовало, каким образом я, молодой человек, приехавший из Советского Союза (уже для гестапо не являлось секретом, что я офицер Красной армии, это было подтверждено, как я уже указывал, телеграммой «Центра» с поздравлением к 23 февраля 1943 г.), мог организовать столь крупное акционерное общество «Симекско» с филиалом в Париже, установить тесные деловые связи не только с частными немецкими фирмами, но и с представителями различных ведомств оккупационных войск в Брюсселе и Париже. Он подчеркнул указал и на то, что, по его мнению, я не из трусов и имел достаточно храбрости, чтобы предпринимать поездки в Швейцарию, в протекторат (в Прагу) и даже в Берлин для выполнения задания Москвы по установлению связи с теми резидентурами, с которыми была прервана связь.

Весь этот разговор меня несколько удивил. Гириг спокойно сидел за своим письменным столом, не проронив ни слова. Вскоре я понял.

Копков подчеркнул, что мое поведение в гестапо, даже мое согласие участвовать в радиоигре не дают еще возможности окончательно понять, на что я решился. Берлину, при этом он назвал имена Мюллера и Панцингера, хотелось бы верить мне, а именно верить в то, что я готов служить Германии. В этом случае со стороны руководства будут приняты все необходимые меры, дабы «создать личные условия жизни не только в военное время, но и в послевоенное время, – добавил Копков и продолжил: – Мы хотим быть уверенными, что вы решились на честное сотрудничество с нами». Больше того, добавил, все сказанное

относится не только ко мне, но и к Маргарет Барча и ее сыну.

Выслушав все это, я ответил Копкову смело, что меня крайне огорчает тот факт, что руководство не поняло, что в результате убедительных бесед с Гиригом я решил, что должен менять ранее принятую позицию после моего ареста, и дал согласие на сотрудничество. Я надеялся, что в данном случае у гестапо были основания верить в мою честность.

Я не знаю, сколько времени Копков оставался в Париже, чем он занимался, чем был вызван его приезд. Однако наша беседа с ним не прошла без следа. Видимо поверив в мою искренность, он организовал направление в Париж весьма показательного письма Гестапо-Мюллера. Я не могу точно сейчас указать, когда это письмо было мне предъявлено для чтения. Ему я придавал большое значение и в дальнейшем иногда просил нового начальника зондеркоманды Паннвица дать мне его для прочтения. Это я делал для того, чтобы убедиться, что его хранят в документах зондеркоманды.

Речь идет о письме Мюллера, привезенном Паннвицем и мною 7 июня 1945 г. в Москву и со всеми прочими документами перехваченного Абакумовым. Разница заключается только в том, что если привезенные документы хранились в никому не доступных архивах и на них никто не имел права, видимо, ссылаться, то письмо Гестапо-Мюллера оказалось для «Смерш» «исключительно необходимым, выгодным и полезным». В первом же сфабрикованном на следствии после моего прибытия в Москву следователем «Смерит» Кулешовым протоколе, после того как было записано, что я отказываюсь признать свои «предательство и измену Родине», мне было в «доказательство» совершенно выдуманного преступления предъявлено это письмо. В протоколе моего допроса в «Смерше» Кулешовым, могу предположить, по прямому указанию Абакумова, с предельной наглостью утверждалось, что «следствие располагает письмом генерала Мюллера, подтверждающим совершенную мною измену Родине» (дословная цитата может быть приведена только по имеющемуся в моем деле протоколу). Хочу подчеркнуть, что при ссылках на это письмо не было упомянуто, что «изобличающее меня» письмо было доставлено в Москву, как я указывал, нами. Доставив это письмо, я надеялся, что оно сможет послужить не только доказательством того, что, несмотря на все обещанные немцами мне «блага», я продолжал быть человеком-патриотом, принесшим присягу верно служить своей Родине, но и поможет Главному разведывательному управлению Генерального штаба РККА лучше изучить все то, что предпринималось немцами для крушения нашей разведки и привлечения на свою сторону тех разведчиков, которые попались в их сети.

Внешний вид и полнейшее молчание Гирига навели на мысль, что с ним что-то происходит. Ответ на этот вопрос найти я не мог. Меня только предельно удивляло, что даже в присутствии представителя руководства гестапо из Берлина Копкова Гириг довольно часто попивал, как всегда, коньяк. Правда, пару раз он наливал рюмки Копкову и мне. Только вскоре после этой моей беседы с Копковым я понял, что, быть может, его приезд в Париж был вызван не только и не столько желанием встретиться со мной, а именно тем, что уже в то время решался вопрос о скорой вынужденной отставке Гирига, так как у него сильно обострилась болезнь – рак горла.

Не знаю, сколько времени Копков пробыл в Париже, чем он занимался, с кем встречался, но всё же вскоре уехал. После его отъезда мы продолжали «усиленно работать». В основном я встречался с Гиригом, Ленцем, реже с Бергом и еще более редко со Стлукой. Ленц в моем присутствии уточнял, видимо предварительно согласованные с Гиригом, тексты радиограмм для их направления в «Центр» и зашифровывал их только лично. В основном они были составлены на основе полученной от Золя информации. Эту информацию Золя передавал в мой адрес через доктора Ленца, зная, что я переправляю все в Москву.

«Мой секретарь» Вальдемар Ленц передавал уже несколько раз Гиригу и мне, что Золя настойчиво добивается личной встречи со мной. По непонятным причинам Гириг воздерживался от этого. Если я не ошибаюсь, то буквально за несколько недель до того, как

Гириг передал возглавляемую им зондеркоманду «Красная капелла» вновь назначенному Берлином начальнику, внезапно в его кабинет, в котором находился и я, вошел участвовавший в моем аресте в Марселе начальник гестапо в Париже Бемельбург. Я его уже очень давно не видел. Очень мило, едва успев сесть в кресло, он поинтересовался моим состоянием здоровья и настроением, условиями, в которых я сейчас «живу». В ответ на его вопросы я не стал распространяться, а вежливо поблагодарив за проявленное внимание, умолк. Немного погодя, как всегда обращаясь в основном к Гиригу и как бы даже не замечая меня, Бемельбург коснулся обстановки, сложившейся в данное время в Париже, и некоторых других чисто политических вопросов. Как и при первой нашей встрече, когда он участвовал в моем конвоировании в Париже, меня удивило то, что гестаповец, не стесняясь, высказывает свои мысли, не всегда отвечающие интересам проводимой нацистами политики.

В кабинете Бемельбург не задержался долго и, уже собираясь уходить, совершенно неожиданно обратился с вопросом к криминальному советнику: «Карл, а почему ты не хочешь перевести Кента ко мне, в мой дом?» Конечно, понять, о чем идет речь, я не мог, но услышал поразивший меня ответ начальника зондеркоманды: «Ты прав, надо весьма срочно Кента убрать с улицы Соссэ!»

Буквально через пару дней меня перевели, а вернее, перевезли под конвоем в какой-то мне абсолютно незнакомый дом. Это была вилла в несколько этажей, занимаемая Бемельбургом в Нейи на бульваре Виктора Гюго, которую он превратил также в тюрьму для «особо привилегированных» заключенных. Здесь мне была отведена, если не ошибаюсь, на втором этаже комната с большим окном, возможно с решеткой. Конечно, комната не могла быть похожей на тюремную камеру. Единственно, чем она отличалась от комнаты для гостей, которые могли бы жить на этой вилле, это тем, что ее снаружи закрывали на ключ. Строгость режима заключалась в том, что, видимо, никто из помещенных в эту «тюрьму» не мог знать, кто еще здесь находится.

Безусловно, эта «тюрьма» отличалась многим, я уже не говорю, от тюрьмы Френ, но и даже от моей «уютной камеры» на улице Соссэ. Здесь было отличное питание, внимательное отношение. Приведу хотя бы пару примеров. Я мог сдать белье, включая носовые платки, в стирку, мне могли погладить брюки, по моей просьбе принести чай и т.д.

Между прочим, обслуживающий персонал был не всегда «достаточно на страже», то есть был иногда невнимательным. Например, вскоре после моего размещения в этой тюрьме я сдал в стирку свое белье, включая и носовые платки. Время прошло довольно быстро, и, когда я получил обратно все сданное в стирку, обнаружил, что один из носовых платков не мой. Я заметил, что на нем были вышиты две латинские буквы «Л. К.». Естественно, несмотря на то, что платок был очень хорошим, я вынужден был его сдать «надзирателю» (по своей внешности и поведению он не был похож на надзирателя). Он очень вежливо извинился за допущенную девушкой, стиравшей белье, ошибку. Очень мило, посмотрев на меня, нагнувшись, шепнул на ухо: «Это платок Ларго Кабальеро, может быть, слышали его фамилию. Он возглавлял республиканское правительство, которое воевало против Франко и помогавших ему немецких солдат». Я был поражен. Сделав вид, что я не ведал о таком человеке, в то же время мог понять, что в данное время он содержится в этом же доме. Хочу сказать, что только значительно позже я узнал, что в этой «тюрьме» якобы содержались брат Шарля де Голля Альбер Лебрен и еще некоторые государственные и политические деятели.

Первое время моего пребывания прошло тихо и спокойно. Время от времени вызывали на улицу Соссэ, там я встречался с Гиригом, Ленцем и другими. Мне рассказывали, что Бемельбург живет в этом же доме, но я его не видел и ничего о нем не слышал.

Прошло немного времени, и за мной заехал Берг. Он был, как всегда, довольно молчалив и только, видимо из вежливости, спросил о моем здоровье и о том, как мне «живется» на новом месте.

Мы прибыли на улицу Соссэ, и Берг проводил меня в чей то пустой кабинет. Сняв трубку телефона, он куда-то позвонил и коротко доложил о том, что мы прибыли. Неожиданно дверь открылась и в кабинет вошел Карл Гириг. Он поздоровался со мной, а

Берг вышел. Я знаю, что не каждый читатель сможет поверить в то, что я собираюсь описать, но мне кажется, что я обязан это сделать, и прошу поверить, что я не искажаю действительности.

Гириг, явно в нервном состоянии, не присаживаясь, обратился ко мне со словами: «Я вынужден покинуть вас, так как тяжело болен. Прибыл в Париж новый начальник зондеркоманды, сейчас я должен буду вас представить ему. Он ждет нас в моем кабинете. Поверьте, мне очень тяжело уезжать. Я сделал все для того, чтобы вам сохранить жизнь, и я верю, что мое желание сбудется. Я очень давно, всю мою жизнь работаю в полиции, начинал еще в кайзеровской Германии, потом служил в полиции в период Веймарской республики, с приходом Гитлера к власти служу в гестапо. Вы, очевидно, слышали, что именно я вел усиленную борьбу против коммунистов, не буду сейчас останавливаться на деталях, именно мне приписывается арест Тельмана и многое другое. Да, я был настоящим полицейским и имел дело со многими подозреваемыми и арестованными по доказанному обвинению. Поверьте мне, я умею ценить в людях порядочность и честность, проявляемые даже с риском для жизни. Нам надо уже идти, нас ждут. Разрешите мне пожать вашу руку. Нет, не подумайте, что я перестал вас считать преступником по отношению к Германии. Вы нанесли ей безусловный ущерб, но у нас обнаружилось другое свойство. Поверьте мне, нам, работникам гестапо и полиции вообще, часто приходилось добиваться силой признания у арестованных, и они наказывались. Среди ваших товарищей по работе нашлись такие, которые ради спасения собственной жизни были готовы на все, даже на принесение в жертву жизни своих соратников, своих друзей. Пошли!»

Гириг, наклонив голову, крепко пожал мою руку и немного помедлил с выходом из кабинета. Он, видимо, заметил, какое сильное впечатление на меня произвели его слова, какое они вызвали у меня нервное потрясение. Над тем, что произошло, я думал долго, много лет. И только в разговорах с Паннвицем и Ленцем, с Отто Бахом, о котором я еще буду многое рассказывать, постепенно начинал понимать суть сказанного Гиригом при прощании со мной.

Мы медленно прошли в кабинет, ранее занимаемый Гиригом. Войдя, я увидел довольно молодого человека, раскинувшегося в кресле, в котором обычно сидел Гириг. Он даже не счел нужным встать при входе того, который долгое время руководил зондеркомандой «Красная капелла», прозванной так потому, что гестапо и абвер установили, что эти резидентуры советской разведки и связанные с ними патриотические, антифашистские силы действовали именно в пользу Советского Союза, то есть красных.

Гириг представил меня, употребив только псевдоним Кент, и указал, что в кресле сидит прибывший из Берлина новый начальник зондеркоманды, криминальный советник Хейнц Паннвиц. Признаюсь, вызывающий вид нового шефа, необычный даже для дерзких и грубых, нахальных следователей, с которыми мне пришлось встречаться, на меня произвел весьма отталкивающее впечатление, я бы даже сказал, вызвал у меня чувство враждебности. Это первое свидание длилось недолго. Меня отвезли вновь на виллу Бемельбурга.

Моя работа «на пользу гестапо» продолжалась. Однако произошли сильные изменения. Мне казалось, что для Паннвица я не представляю никакого интереса. Практически он меня почти не вызывал. По улице Соссэ меня привозили реже, и то только для того, чтобы встретиться и продолжить работу с доктором Ленцем и доктором Курфессом, который тоже иногда нам помогал.

Я все больше убеждался в том, что Хейнц Паннвиц уделял все свое внимание только Леопольду Трепперу, сумевшему завоевать у него полное доверие и вызвать убеждение в том, что именно он, Отто, верой и правдой служит немцам.

Мое предположение впоследствии подтвердилось. Я уже не говорю о том, что в дальнейшем в разговоре со мной с возмущением и раздражением криминальный советник даже с огорчением высказывал свою «ошибку». Оказывается, гестаповец, возможно в результате своей недостаточной опытности, шел на все уступки Леопольду Трепперу. Достаточно сказать, что ему разрешалось выезжать под незначительной охраной в город;

якобы в целях проводимой им радиоигры Паннвиц пошел даже на то, чтобы удовлетворить его хитрость.

От Берга и от самого Паннвица я узнал, что Леопольд Треппер сумел убедить, что при выезде в город он должен был снабжаться специально изготовленным для него удостоверением личности и даже небольшими суммами денег. Он утверждал, что в случае осуществляемой проверки полицией при отсутствии того и другого он может быть арестован, что не исключало возможности провала проводимой при его участии радиоигры.

Это я узнал гораздо позже, хотя прежде думал, что по отношению к нему принимаются гестапо такие же меры предосторожности, как и по отношению ко мне. Конечно, тогда я не знал и того, что ему были разрешены по непонятным для меня причинам поездки по Парижу. Я имел все основания предполагать, что Леопольд Треппер доставлялся только, как и я, под охраной с на улицу Соссэ. Я, конечно, не знал и того, что мы «проживали» с ним на одной и той же вилле, принадлежавшей Бемельбургу.

Так или иначе, Паннвиц совершил в самом начале своей работы в зондеркоманде непоправимую ошибку, которая могла ему впоследствии принести много неприятностей и даже весьма дорого обойтись. Об этом более подробно я расскажу позже.

Отношение Паннвица ко мне и ни с чем не сравнимое отношение к Отто вызывали у меня, с одной стороны, тревогу, а чаще всего – недоумение.

Я вспоминал наши взаимоотношения с Гиригом, которые всегда были довольно строгими и осторожными, а особенно в последнюю нашу встречу, когда он проявил, не боюсь этого сказать, определенное уважение ко мне и определенное отрицательное отношение к «некоторым ранее арестованным советским разведчикам». Мне уже тогда казалось, что он намекает, а вернее, прямо имеет в виду Леопольда Треппера. Да, действительно, опытного полицейского, сыщика с многолетним стажем, участника многих арестов могло удивить, что резидент советской разведки, не теряя ни минуты, сразу после ареста, по собственной инициативе предложил свое сотрудничество. Вспоминая дословно последнюю мою беседу с Гиригом, я не мог забыть и того, что гестаповец, доверенное лицо Гестапо-Мюллера, Панцингера и Копкова и, больше того, самого Гимmlера, по существу, открыто осуждал не только Леопольда Треппера, ставя его, конечно, на первое место, но и некоторых других советских разведчиков, допустивших прямое предательство.

Я знал, что Гириг и многие другие выделяли значение советской разведки и всех сотрудничавших с нею лиц, сравнивая с разведками других стран. Что же толкало Гирига на подобную оценку? В литературе, в том числе и в книге Леопольда Треппера, делаются попытки определить поведение Гирига и Берга тем, что у них появилось сомнение в возможности победы Германии над Советским Союзом. Скорее всего, действительно так. Однако я бы сделал другой вывод. Я объяснял их поведение, их отношение, а в особенности Гирига, к ранее ими арестованным советским разведчикам тем, что сам он, всегда стремившийся честно служить полиции, уважал эту честность и в других. Добиваясь признания арестованных в совершенных ими преступлениях по отношению к Германии, я думаю, он с определенным уважением относился к тем, несмотря на пытки и издевательства, сохранил честь и достоинство, предпочитая отдать свою собственную жизнь, сохранив жизнь других.

Невольно вспомнил один случай, четко охарактеризовавший строгость режима в тюрьме Френ. Однажды ко мне в камеру, как и во все остальные, ворвались не только надзиратели, но, видимо, специально вызванные оперативники. В камере перевернули все вверх дном. Буквально самым тщательным способом прощупывали матрац, подушку, всю мою одежду, осматривали каждый уголок, стыки пола со стенами, мебель. Этот необъяснимый вначале обыск, проводимый с невероятной яростью, вскоре нашел себе объяснение.

В одной из «камер смертников», такой же, как и моя, покончил жизнь якобы один из принадлежащих «Красной капелле» разведчиков. Для этого он использовал странным образом оказавшееся у него лезвие от безопасной бритвы. Помимо тщательно проведенных

обысков, это самоубийство вызвало ярость по отношению к привлеченным к обслуживанию политических заключенных арестованным французской полицией уголовникам. Появилось подозрение, что кто-то из них передал политическому заключенному, арестованному гестапо, это лезвие. Помню, что, тогда еще не зная причины этого обыска, я его очень тяжело переживал и едва сумел навести порядок в совершенно обезображенной камере.

Я остановился на этом сейчас только потому, что вскоре пошли слухи, что самоубийство было совершено якобы арестованным с помощью Леопольда Треппера в Лионе, бежавшим из Бельгии, сотрудничавшим со мной Исидором Шпрингером. Правильность этого утверждения я не мог установить до сего времени. Важно другое. Коснувшись вопроса самоубийства арестованного гестапо, правда, не уточняя, кто это был такой, Гириг в разговоре со мной, как мне показалось, не придавал этому случаю большого значения и не осуждал умершего.

Должен отметить, что равнодушные Паннвица по отношению ко мне, казавшееся нежелание с его стороны контактировать со мной вскоре несколько изменились. Мне трудно сейчас точно определить, каковы были причины, побудившие криминального советника начать более частые встречи со мной.

В то далекое время казалось, что это объясняется необходимостью продолжать радиоигру с «участием» Озолса – «Золя». Возможно, это было именно так. В этом случае определенную роль сыграл и Вальдемар Ленц, сумевший убедить Паннвица в необходимости более активного моего участия в проводимой гестапо работе.

Позднее у меня появилось и другое мнение. Через доктора Ленца я познакомился с «подружившимся» с Паннвицем Отто Бахом, который уже в пожилом возрасте представлял Германию в оккупированной Франции по экономическим вопросам. Кто такой Отто Бах я, конечно, в то время не знал. О его «дружбе» с Паннвицем я мог судить только весьма поверхностно. О сложившихся отношениях между криминальным советником, вновь назначенным начальником зондеркоманды, и доктором Ленцем и Отто Бахом я буду вынужден подробно рассказать в дальнейшем.

Так или иначе, неожиданно для меня Паннвиц стал меня вызывать к себе и длительное время беседовать со мной. Его интересовало многое. Он не оставлял без внимания мои встречи в Берлине с Харро Шульце-Бойзенем и Куртом Шульце. Он неоднократно возвращался к вопросу моей поездки в Швейцарию и встреч с Шандором Радо, которого он продолжал называть только нашим резидентом в Женеве. Его интересовали пройденные мною пути к организации фирмы «Симекско» и ее филиала в Париже «Симекс», а также и все то, чему эти фирмы должны были служить и фактически служили. Он вновь интересовался, естественно, и тем, кто из сотрудников наших коммерческих организаций имел отношение к советской разведке и в чем это выражалось. Особый интерес у него вызывала личность директора нашего филиала в Париже Альфреда Корбена. Тогда я объяснял это тем, что Корбен во Франции был известен и как промышленник, ему принадлежал завод по изготовлению корма для разводимых кур и других домашних животных.

Значительно позже от того же Паннвица и из документов, с которыми он решил меня ознакомить, я узнал о существовавшей разнице между моими показаниями и показаниями Отто. В то время как на протяжении всего следствия в гестапо я продолжал утверждать, что Корбен не имел никакого отношения к советской разведке, а использовался нами только как грамотный и деловой человек, Отто дал совершенно необоснованные, с моей точки зрения, показания о причастности Корбена к советской разведке и, даже больше того, указывал, что во время моего нахождения в Марселе я именно через него поддерживал связь с парижским резидентом. Это являлось сплошным вымыслом, так как, во-первых, если Корбен и приезжал в Марсель, то это было очень редко и в основном только для поддержания связи с подчиненным непосредственно ему Жаспаром; во-вторых, как мог я поддерживать с его помощью связь с парижским резидентом, если я действительно ничего не знал о якобы существовавшей его связи с нашей разведывательной деятельностью.

С негодованием мне приходилось во многих книгах читать, что Леопольд Треппер утверждал и в гестапо, что «Симекс» и «Симекско» являются руководимыми только им фирмами. Между прочим, это утверждается и в увиденном мною кинофильме, созданном в Бельгии по сценарию с участием Жилия Перро.

Паннвиц постепенно все больше и больше начинал интересоваться моим мнением по многим вопросам, но, как мне показалось, особенно его интересовало, нужно ли продолжать радиоигру, поддерживая связь с Золя. Иногда у меня даже возникала тревога, не возникает ли у криминального советника мысль уменьшить опасность провала радиogramмы и сократить ее линии, ликвидировав мою связь с «Центром» и оставив за собой только линию связи Леопольда Треппера.

Эта мысль иногда тускнела, так как Хейнц Паннвиц временами проявлял интерес к Золя. Он открыто ставил передо мной вопрос, не может ли этот наш источник содействовать нашему внедрению во французское движение Сопротивления? Невольно я задумывался, не является ли это попыткой претворения в жизнь советов доктора Ленца. Я все больше убеждался, что именно он хочет помочь семье Озолса. Допустив прекращение «моей связи» с Золя, мы могли допустить и его арест, а следовательно, и арест жены. Что же станет с удочеренной малюткой этой чуткой семьи? Так мог думать Вальдемар Ленц.

Чаще бывая на улице Соссэ, я убеждался в том, что обстановка в зондеркоманде сильно меняется. У меня были все основания предполагать, что она превращается в большей степени в орган контрразведки, нежели орган гестапо. Если раньше интересы зондеркоманды и ее шефа в основном заключались в выявлении советских разведчиков и связанных с ними лиц, их аресте и ведении ожесточенного следствия, то теперь мне казалось, что Хейнц Паннвиц больше заинтересован в проведении действий контрразведывательного плана путем внедрения в существующие резидентуры и другие чисто патриотические, антифашистские организации с целью выявления планов союзников в борьбе против гитлеровской Германии.

Именно это заставляло меня о многом думать и стремиться правильно определить цель, которую я должен поставить перед собой. Время шло, уже был, если я не ошибаюсь, август 1943 г.

ГЛАВА XXV. «Красная капелла» развивает деятельность. Бегство Леопольда Треппера из гестапо – один из фактов, содействующих вербовке начальника зондеркоманды Ханца Паннвица.

Я старался более внимательно следить за тем, что происходит на Восточном фронте. Это, однако, мне тоже удавалось в малой степени, так как радио, естественно, у меня в камере не было, а возможности следить за прессой я был почти полностью лишен. Однако иногда мне удавалось улавливать некоторые фразы из разговоров между сотрудниками зондеркоманды, а в еще большей степени между теми, кто нас «обслуживал» на вилле Бемельбурга. Я мог понять, что события, происходящие на этом фронте, вызывают у немцев определенную тревогу.

Да, и мое положение было тревожным. Я переживал не только за себя лично, но и за всех остальных, оставшихся на свободе. Мои переживания усилились после того, как совершенно неожиданно в начале сентября 1943 г. меня перестали вызывать на улицу Соссэ. Я пришел к заключению, что мои волнения были обоснованными.

Я продолжал находиться в своей камере в Нейи. Правда, отношение ко мне мало в чем изменилось. Меня выводили на прогулку в сад, оставляли в камере, режим был тот же. Волнения мои продолжались. Внезапно ко мне в камеру вошел Бемельбург и поинтересовался здоровьем и моим настроением. Мне показалось, что криминальный советник немного выпил, от него пахло алкоголем. Он поинтересовался моим мнением о ходе военных действий. Он подчеркнул, что за положение во Франции он не волнуется, так как в Париже и во всей Франции даже после ее полной оккупации оно не вызывает особой

тревоги. Движение Сопротивления не является, по его мнению, серьезной опасностью. Это тем более, что не исключена возможность, что США и в особенности Великобритания> могут согласиться на компромисс и заключение мирного договора с Германией. Признаюсь, это был первый случай, когда об этом заговорил со мной гестаповец.

Продолжая разговор, Бемельбург поинтересовался, давно ли я видел Леопольда Треппера, не встречался ли я во время прогулок в саду или при вызове на улицу Соссэ с Леопольдом Треспером? Я понял, что Отто тоже содержится в этой же тюрьме. Утверждая, что я его уже больше года не видел, что в тот единственный раз, когда Отто проходил мимо решетки моей комнаты, он даже старался не смотреть в мою сторону. Не боясь высказать правду, я подчеркнул, что Отто и не захотел бы со мной встретиться, так как на следствии в гестапо он меня пытался оговорить.

На этом наш разговор с Бемельбургом закончился, и только несколько позднее у меня сложилось мнение, что после того как мне казалось, что я никогда больше не увижу этого криминального советника, его посещение моей камеры и беседа были не случайными. Видимо, он по собственной инициативе, а быть может, и по просьбе Паннвица решил прощупать, знаю ли я что-либо о том, где сейчас находится Отто.

Прошло еще несколько дней, и меня вызвал Паннвиц. Я был поражен его видом и даже резко изменившейся манерой разговаривать со мной. Он усадил меня в кресло, предложил выпить кофе и, помедлив, задал вопрос, предварительно сказав, что Отто по непонятным причинам исчез. Все сводилось к одному: не могу ли я предположить, где может скрываться Леопольд Треппер?

Увидев, что я потрясен, начальник зондеркоманды продолжил разговор. Он поинтересовался у меня, не мог ли Леопольд Треппер являться «двойником», то есть работать не только на советскую разведку, но еще и на какую-либо разведку союзников? Явно нервничая, мой собеседник высказал мысль, с которой я целиком мог согласиться. Он был убежден, что после всего того, что Отто предпринял после своего ареста гестапо, принимая участие в организованной совместно с ним радиоигре, в арестах многих сотрудничавших с нами людей, больше того, сделав все для того, чтобы втянуть в проводимую им «Большую игру» (тогда Паннвиц назвал ее несколько иначе, а именно в «большое предательство») и меня, и Озолса, и других, продолжение его работы с советской разведкой полностью исключено, а тем более какая-либо из попыток вернуться в Москву. Москва имеет все основания немедленно его не только арестовать, но и ликвидировать.

Наблюдая за состоянием Паннвица, тогда я мог полагать только одно: казалось, что он буквально удручен и сильно переживает случившееся. Это было вполне естественно. Бегство Леопольда Треппера наносило не сравнимый ни с чем удар по карьере вновь назначенного начальника зондеркоманды. Не успев сменить опытного полицейского Гирина, Паннвиц сразу доказал свою неопытность и безответственность. Я подумал и о том, насколько Гириг был умен, проявляя осторожность в своих отношениях с Треппером.

Что же может произойти с Паннвицем, со всей зондеркомандой «Красная капелла», со мной, всеми арестованными ранее и теми, кому еще предстоит быть арестованными? Мне казалось, что все возлагаемые гестапо надежды на радиоигру с бегством Отто рухнули. Если это так, то куда же денется сам Паннвиц и все, кто вступил в его подчинение после приема им зондеркоманды?

Трудно сейчас правильно описать и оценить то состояние, в котором я очутился после всего услышанного, после того, как я узнал, что Отто «исчез». Прежде всего, что означает употребленное Паннвицем слово исчез? Мог ли он просто бежать и к чему это должно было его лично привести? Мог ли он рассчитывать на продолжение активной разведывательной деятельности в пользу Советского Союза после нанесенного им ущерба? Мог ли он связаться с французской Коммунистической партией и предложить ей свои услуги или попытаться только через нее связаться с Москвой? В этом случае я мог предполагать, что Отто мог разработать продуманный план для полнейшего обмана Главного разведывательного управления. А обманывать он умел.

Для проведения разведывательной деятельности, создания новой резидентуры, для личного проживания Трепперу необходимы были средства. Имевшиеся солидные источники для получения средств и для образования надежной «крыши», позволившей впоследствии обеспечить легализацию самого Треппера и других, рухнули. На что же мог рассчитывать Отто?

Я понял из дальнейшей беседы, что гестапо уже ведет усиленный поиск бежавшего Отто. Естественно, ни при каких обстоятельствах я не стал бы помогать гестаповцам в повторном аресте Леопольда Треппера. Нет, я никогда не был способен кому-либо мстить, и, несмотря на все, что узнал о поведении Леопольда Треппера в гестапо, я не мог забыть, что у него есть жена и дети. Прав ли он в своих действиях, пусть разберутся в Москве, если когда-либо он там появится. Кроме того, я не мог ничем помочь и Паннвицу, так как действительно ничего не знал, где беглец может скрываться, если он действительно бежал. Думаю, что это понимал и криминальный советник.

Паннвиц, видимо, многое обдумал и принял какое-то решение. Может быть, ему помогли в этом отношении Отто Бах и Вальдемар Ленц. Мои мысли были направлены на определение дальнейшей позиции, которую мог бы занять Паннвиц, и что бы это могло дать мне и связанному со мной Золя и его резидентуре.

Мне показалось, что Паннвиц понял мое состояние тоже и решил несколько успокоить, заявив, что бегство Леопольда Треппера не может отрицательно повлиять на нашу «совместную работу», а, скорее, наоборот, заставит нас более усиленно действовать, обеспечивая выполнение поставленных Берлином задач. «Кстати, – заявил Паннвиц, – я полагаю, что ваши встречи с Маргарет Барча не только могут быть продолжены, но и стать более частыми, или сможете быть с ней вместе, если сами на это согласитесь». Помедлив немного, Хейнц Паннвиц, несколько успокоившись, сказал мне и о том, что с согласия Берлина и с помощью Бемельбурга он подыскивает для размещения зондеркоманды отдельное здание, и если ему удастся, то, возможно, он именно в нем разместит и меня. Это, конечно, произойдет в том случае, если я стану более активно и честно сотрудничать с ним.

Мы расстались с криминальным советником после того, как он лично проводил меня в кабинет, где сидели и работали Ленц и Курфесс. Сам факт, что он лично меня сопровождал до этого кабинета, тоже несколько удивил.

Курфесс, поздоровавшись со мной, покинул на некоторое время кабинет. Возможно, ему надо было о чем либо переговорить с начальником зондеркоманды. Ленц предложил мне сесть и, как будто ничего не произошло, хотя в течение некоторого периода времени мы с ним не встречались, положил передо мной несколько расшифрованных радиogramм, полученных из «Центра» на мое имя, и несколько текстов, подлежащих шифровке, состоящих в основном из информационных сообщений Золя и некоторых чисто организационных вопросов. Я стал внимательно просматривать, а Вальдемар Ленц молчал. Все это продолжалось несколько минут, и вдруг он заговорил: «О чем вы так долго разговаривали с Паннвицем и какое у вас сложилось о нем впечатление? Смогли ли вы понять, в какой он оказался сложной обстановке после бегства Отто? Не сложилось ли у вас впечатление, что он делает большую ставку на вас, на вашу линию радиоигры, а также на вашу связь с Золя?»

Задав вопросы и не ожидая ответа, Ленц продолжил наш разговор, поинтересовавшись, знаю ли я, кто такой Отто Бах. Я ответил отрицательно, так как действительно о нем ничего вообще не знал, а только удивлялся, что он бывает в зондеркоманде, но держится некоммуникабельно, весьма сдержанно. Что касается заданных мне вопросов, я опасался дать правдивый ответ, да и говоря честно, сам еще не мог во всем происшедшем разобраться. Тем не менее я сказал, что, возможно, мне показалось, он, Паннвиц, держался по отношению ко мне достаточно откровенно, но не вдавался в подробности затрагиваемых вопросов. Я лишен еще возможности судить о Паннвице как о личности, то, что он попал в сложное положение, это я понял, но могу это объяснить только тем, что он слишком доверился Отто и сам создал все условия для его побега.

Касаясь самого побега, я выразил мысль, что он мне непонятен и я не могу точно определить, какую цель перед собой поставил Отто. Я подчеркнул свое опасение, что и побег, как и занятая после ареста Отто позиция гестапо, может привести еще к жертвам. Что касается моего взгляда на возможность криминального советника решить уделить предельное внимание моей линии «радио игры», я еще не имел по этому вопросу суждения, но все же высказал сомнение: во-первых, действительно ли Паннвиц стал на позицию доверия ко мне и, во-вторых, согласится ли Берлин с тем, что моя линия радиоигры сможет заменить ту, которую вел Треппер при участии Гирига и Паннвица?

Я не мог удержаться, чтобы не выразить своего удивления по поводу того, что Паннвиц вдруг заговорил о наших свиданиях с Маргарет и даже высказал предположение, что не исключена возможность нашего совместного содержания в тюрьме, которую он, очевидно, еще не определил. Я поделился с Ленцем своей тревогой по поводу того, что сын Маргарет продолжает оставаться в Марселе, брошенный на произвол судьбы.

Еще не закончив нашей беседы, мы были вынуждены прервать ее, так как в кабинет вернулся Курфесс. Ленц, не стесняясь, предупредил меня, что к этому разговору мы еще не один раз вернемся. Тут же добавил, что в связи с возможным увеличением объема нашей работы Паннвиц принял решение в помощь ему прикомандировать Курфесса. Он даже высказал мнение, что скоро мы все подружимся. Курфесс и мы искренне рассмеялись, понимая, что эта мысль не только неуместна, но и совершенно недопустима в отношениях между заключенным и теми представителями гестапо или абвера, с которыми ему надлежит работать.

Ленц набрал номер телефона, и за мной пришли. Мы сразу же уехали в Нейи. Хотя уже было довольно поздно, мне гут же принесли обед. Честно говоря, не хотелось есть, а только ходить вдоль и поперек камеры и размышлять над тем, что произошло в этот день. Мне почему-то казалось, что между беседами с Паннвицем и Ленцем есть какая-то цепочка, ниточка. Что будет дальше? Какая судьба ждет Золя и членов его резидентуры? Мне ведь всегда казалось, что именно с помощью «моего секретаря» доктора Ленца, поддерживающего связь между мною и Золя, мне удавалось уговорить Гирига и в определенном смысле обеспечить их безопасность. Что ждет Маргарет, да и меня самого в ближайшее время?

Для того чтобы понять, что произошло после бегства из гестапо Леопольда Треппера, дало мне возможность резко изменить мое положение в гестапо, я должен именно сейчас поведать, что я начал медленно узнавать, постепенно накапливать и использовать на пользу советской разведки, Советского Союза.

Объективность требует, чтобы я признал, что первым «положительным» фактором в моей дальнейшей деятельности послужило бегство Леопольда Треппера из гестапо. Я понимаю, что мне могут возразить, сказав, что оно явилось причиной массовых арестов и, больше того, человеческих жертв. Все это верно, но благодаря этому бегству было и спасено много жизней, был значительно уменьшен вред, наносимый гестапо Советскому Союзу.

Прежде всего, несколько слов об Отто Бахе. Я уже упоминал о том, что он стал чаще бывать в зондеркоманде с приходом Паннвица к её руководству. Видимо, не случайно произошло определенное сближение между ним и мной. Однажды Бах поведал, что был официально членом социал-демократической партии Германии. Официально он покинул ее с приходом к власти. В Париже он находится с тем, чтобы спасти свою жизнь. Поэтому сотрудничает с оккупационными властями в вопросах экономической деятельности. Видимо убедившись в том, что мне может доверять, он однажды спросил, бывал ли я в Москве в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина. Услышав мой утвердительный ответ, спросил, приходилось ли мне читать его публикации. Пришлось признаться, что нет. Он порекомендовал мне, чтобы, «вернувшись на Родину, в Москву», я попытался найти их и прочесть. В дальнейшем я представил Баха «Центру» под псевдонимом Карл. О том, какую роль он сыграл в дальнейшей моей деятельности, читатель еще узнает.

Медленно, по все же накапливались у меня знания о жизни и деятельности Хейнца

Паннвица. В этом отношении мне помог сам Хейнц, а также установившееся, правда очень поверхностное знакомство с его родителями и семьей, а также тетей. Попробую более или менее точно изложить его биографию.

Родился Хейнц Паннвиц в 1911 г. в семье тружеников. Его отец был железнодорожником. По своим религиозным убеждениям они принадлежали к христианской католической церкви. Жили в Магдебурге, где я с ними, с его женой и, если не ошибаюсь, двумя маленькими детьми, познакомился уже в конце 1944 г. Его тетя посвятила себя служению христианству и была монашенкой в монастыре близ Гаарца. Ее я тоже вместе с Хейнцем посетил и имел возможность познакомиться.

О Хейнце Паннвице у меня сложилось мнение, что уже маленький Хейнц был хитрым, самолюбивым, неглупым и под влиянием решил посвятить себя служению церкви. Для этого несколько лет он изучал не только теологию, но и все, что могло пригодиться ему впоследствии, чтобы стать пастором и жить в хороших условиях. Свободное детское время он тоже употреблял с пользой для себя – вступил в имевшийся отряд католических скаутов. С юных лет считал обычную трудовую жизнь никому не нужной. Вот именно это и побудило его выбрать церковную службу. Однако все в жизни меняется, изменилась и судьба будущего пастора. Он пришел к заключению, что его жизнь должна быть совершенно иной.

В 1933 г. в Германии пришел к власти Гитлер. Хейнцу Паннвицу было уже 22 года. Казалось бы, он уже стал взрослым человеком, его заинтересовала фашиствующая молодежь. Ему очень нравились оргии фашиствующих молодчиков, их песни, сборища в различных пивных. Привлекло и то, что этим молодчикам все разрешалось и путь был перед ними открыт. Что же произошло потом?

Потом Хейнцу понравилась идея возможности поступления на службу в криминальную полицию Третьего рейха. Уже хорошо узнав Паннвица, я мог понять, что служба в уголовной полиции его не устраивала по многим причинам, основной из которых являлось то, что он в этом ведомстве не сможет заметно продвинуться и продемонстрировать свой «талант». Ему удалось все же осуществить свою давнишнюю мечту – добиться медленного, но все же продвижения вперед. Он был замечен в криминальной полиции, кое-кто уловил его мысли, направленные на борьбу не с уголовниками, а гораздо в большем смысле – против антифашистов, политических врагов Гитлера. Ему повезло, его перевели на службу непосредственно в гестапо. Работа в этом ведомстве ему пришлась по вкусу. Нет, не только потому, что он получил возможность носить форму, которая вызывала у большей части немецкого народа не столько уважение, сколько страх. Его это не пугало. Ему нравилось, что он мог щеголять званьями, а главное, пользоваться большими правами.

Он очень любил женщин, различные алкогольные напитки, правда, иногда мне казалось, что он отдает предпочтение вину и виски. Вначале, с переходом из криминальной полиции в гестапо, у него не было возможности пользоваться всем этим, но он был достаточно терпелив и ждал, когда обстановка позволит ему пользоваться всем тем, о чем он мечтал, ждал возможности не только удовлетворить свои прихоти, но и продвижения по служебной лестнице.

Не знаю, отвечает ли сложившееся у меня мнение действительности, но во всяком случае мне казалось, что Паннвиц убедился в том, что для завоевания большего авторитета ему следует жениться, обзавестись семьей. Он женился, у него появились дети, но семья, видимо, мало интересовала гестаповца. Как я уже упоминал, в силу сложившихся обстоятельств я познакомился с женой и маленькими детьми Хейнца Паннвица. Они жили у его родителей в Магдебурге, и мне казалось, что отец и мать относятся к их невестке и внучатам очень доброжелательно.

Обратив на себя внимание во время службы в гестапо со стороны начальства, он добился того, что его приблизил к себе один из ведущих руководителей гестапо Р. Гейдрих. В самое тяжелое время, создавшееся в оккупированной Чехословакии, характеризующееся и повышением роста ненависти к оккупантам, и активизацией движения Сопротивления, в сентябре 1941 г. в протекторате было объявлено гитлеровцами чрезвычайное положение.

Уже 28 сентября 1941 г. исполняющим обязанности протектора на оккупированных территориях Чехии и Моравии был назначен видный гестаовец, отличавшийся своим зверством, – Гейдрих.

В конце мая 1942 г. было совершено покушение чешских патриотов на жизнь зверски зарекомендовавшего Гейдриха. В июне он умирает от полученных ран. Убийство Гейдриха ускорило восхождение Паннвица по служебной лестнице. Сразу же после покушения на Гейдриха Паннвиц, хотя ему был только 31 год, становится криминальным комиссаром и руководителем особой комиссии по расследованию подготовки акции чешских патриотов. Его кабинет был расположен в здании Пражского управления гестапо – «Печкарне». Он подчинялся непосредственно его шефу Гешке и имел к нему доступ в любое время.

Предательство бывшего чешского солдата Чурда (думаю, что фамилию сумел сохранить в памяти), ставшего парашютистом и заброшенного на самолете в Чехословакию прямо из Лондона, его показания, данные добровольно в гестапо, и дальнейшее «сотрудничество» основательно помогли Паннвицу в его деятельности.

Паннвицу удалось установить, что основные участники покушения на Гейдриха скрываются в хорошо известном во всем мире храме Карла Боромейского, ставшем позднее католической церковью, нареченной именем святых Кирилла и Мефодия. Осадой этого собора руководил криминальный комиссар, штурмфюрер СС Хейнц Паннвиц. Операция по его осаде, с его слов, была весьма удачной. По совокупности всей работы деятельность руководителя по расследованию всего связанного с покушением на Р. Гейдриха была «достойно оценена». Паннвиц стал, несмотря на свой возраст, быстро продвигаться вперед. Он был удостоен звания криминального советника – гауптштурмфюрера СС. Его даже наградили гитлеровским железным крестом.

Паннвиц сам обо всем этом вскоре после бегства Отто счел возможным мне рассказать. При этом показывал мне фотографии, на которых был запечатлен в строю с другими головорезами СС при получении наград. Он очень любил похвастаться высоким доверием и самого Гимmlера, и шефа IV управления – начальника гестапо группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Генриха Мюллера.

«Талант» Хейнца Паннвица был оценен еще и тем, что его после непродолжительного времени нахождения в Берлине в IV управлении перевели в Париж, назначив начальником зондеркоманды «Красная капелла» вместо ушедшего в отставку по болезни Карла Гириंगा. Он был подчинен непосредственно Берлину. Мне точно трудно сказать, кому именно. По его словам, подчинение это было РСХА. Мечта Паннвица сбылась. Криминальный советник – высшее звание в оперативной службе СД, а перевод в Париж тоже означал многое. Не следует забывать тот факт, что деятельностью зондеркоманды «Красная капелла» интересовались все, в том числе Гимmlер, Мюллер, Панцингер, Копков, а также Канарис, Шелленберг, Риббентроп и даже сам Гитлер. Это, конечно, не мое суждение. В свое время пришлось слышать, а уже значительно позже извлекать сведения из прочитанной исторической литературы, посвященной «Красной капелле».

Мне представлялось, что, достигнув новой должности, Паннвиц возомнил себя не просто гестаповцем, а крупным контрразведчиком. Со временем я убеждался все больше и больше, что ему нравилось абсолютно все: возможность жить на широкую ногу, пользоваться неограниченной властью, а это подтверждалось тем, что с ним считались руководители гестапо в Париже и даже сам генерал полиции Оберг.

Все то, что я пока рассказал о Паннвице, мне постепенно становилось известно непосредственно от него, когда мы с ним оказались в одном доме, а Отто Бах и Вальдемар Ленц содействовали установлению моих с Хейнцем Паннвицем «близких» отношений. Безусловно, во многом в этом отношении помог мне и побег Леопольда Треппера из гестапо.

Изменение отношений между нами наступило далеко не сразу. Правда, после переезда зондеркоманды в большое здание на улице Курсель в нем проживали почти все влиятельные члены зондеркоманды. Было отведено удобное помещение и для моего проживания. Память мне подсказывает, что было две или три комнаты.

Меня очень обрадовало решение Паннвица о переводе ко мне из тюрьмы Френ Маргарет Барча. Именно после этого, отлично осознавая все перенесенное Маргарет и считая себя единственным виновником всего пережитого ею и что теперь мне нечего от нее скрывать, тем более она знала, что я являлся одним из советских разведчиков, решил быть с ней вполне искренним и правдивым.

Я не буду оправдываться перед читателями за то, что неожиданно решил коснуться моей личной жизни, моих тяжелых переживаний. Да, действительно, Маргарет мне уже давно нравилась не только как весьма порядочный человек, но и как красивая, умная и весьма культурная женщина. Я ее полюбил, но говорить ей об этом откровенно уже несколько лет не смел. Попав в гестапо, я все больше и больше понимал, что не имел права поступать так, ставя ее и Рене под угрозу преследования со стороны иностранных контрразведок, в первую очередь немецкой.

Итак, измученная Маргарет появилась на улице Курсель. Мы действительно крепко, очень крепко обнялись и поцеловались. Нет, не следует думать, что это были первые объятия и поцелуи. Они уже бывали еще во время нашего нахождения на свободе и имевших место свиданий при нашем нахождении в заключении. Тогда они были чисто дружеские. На этот раз я признался Маргарет в давнишней любви к ней и объяснил, почему раньше не мог решиться на доказательство двух искренних чувств. Понимая, что не следует касаться вопроса о ее вдовстве, я все же сказал, что ее верность покойному мужу, память о нем меня всегда восхищали.

Мое признание в любви, мои поцелуи вызвали у Маргарет продолжительные слезы. Долго она не могла успокоиться. В это время я уже мог надеяться на то, что добьюсь ее освобождения, а больше того, у меня даже появлялись мысли, что мы оба будем на свободе, и я всегда надеялся на то, что мы сможем быть счастливыми у меня на Родине.

Я подробно остановился на этом, чтобы читатели моих воспоминаний полностью осознали, поняли, какую тяжелую жизнь пришлось мне и, конечно, Маргарет пережить. Хочу подчеркнуть, что сближение между нами принесло значительную пользу моей дальнейшей деятельности, но не обошлось, конечно, и без трудностей. Могу честно признаться, что даже очень счастливое событие для меня было тоже далеко не легким. Я говорю о рождении сына. Тяжелые переживания не покидали меня, а мне следовало думать и о том, как я должен себя вести дальше, находясь в руках гестапо.

Общаясь более часто с Паннвицем, я не мог не заметить его нервного состояния. Как-то Ленц прямо сказал, что у Паннвица имеются опасения, заключающиеся в том, что его могут изгнать из гестапо и попросту направить на Восточный фронт. Впервые Вальдемар Ленц признался, что среди многих немцев, даже довольно высокопоставленных, появилась тревога, вызванная успехами Советского Союза в боевых действиях против немецкой армии. Даже высказывалось среди многих сомнение, сможет ли Гитлер и его армия одержать победу, которой он обещал добиться в кратчайший срок.

Однажды, не предупредив о том, куда мы направляемся, меня вместе с Паннвицем и еще некоторыми сотрудниками зондеркоманды повезли в пригород Парижа. Мы остановились у какого-то дома. Мне показалось, что дом находится под наблюдением подошедшего к Паннвицу гестаповца. Мы вошли. Я увидел двух женщин и маленького мальчика. Нас спросили, знаем ли мы друг друга. Ответ был отрицательным, а ребенок заплакал. Паннвиц попросил меня повнимательнее посмотреть на мальчика. После этого мы покинули дом.

Сев в машину, Паннвиц спросил меня, похож ли мальчик на Леопольда. С удивлением я ответил, что жена Леопольда Треппера с детьми была направлена в Советский Союз и, конечно, этот мальчик не может быть его сыном.

Вновь я услышал имя Джорджи де Винтер, якобы являвшейся уже несколько лет любовницей Леопольда Треппера, и что вместе с ней, видимо, он сейчас где-то скрывается. Есть основания полагать, что этот мальчик является незаконнорожденным его сыном.

Имя Джорджи де Винтер Паннвиц мне называл уже несколько раз, а я его заверял, что

никогда раньше его не слышал и, конечно, ни с какой любовницей Отто не встречался. Я еще раз повторял, что знал только его жену, которая была в мае или июне 1940 г. препровождена с детьми в Москву. На его вопрос, не могла ли Джорджи де Винтер быть в нашей резидентуре, кроме всего, еще и связисткой, я честно ему ответил, что состава парижской резидентуры мне не было известно. В то время я не знал, что Джорджи де Винтер действительно была любовницей Леопольда Треппера уже много лет, а их любовные отношения начались чуть ли не в 1938 г. в Брюсселе. По утверждению Каца, который, не знаю, при каких обстоятельствах, назвал адрес, где проживала Джорджи, у них действительно был сын.

Разговор с Паннвицем взволновал меня. Это объясняется тем, что он назвал увиденного нами мальчика незаконнорожденным сыном Отто. С дрожью в сердце я подумал, а кем же будет ребенок, который может родиться у Маргарет? Тоже незаконнорожденным? Думать об этом было тяжело.

На улице Курсель, куда мы вернулись после нашей поездки, проживало еще несколько сотрудников зондеркоманды. Среди них была малопривлекательная, но еще молодая немка фрейлейн Кемпа. Она была уже при Гиринге секретарем зондеркоманды, продолжала нести службу и при Паннвице.

Молодой девочкой она стала работать в аптеке или аптекарском магазине. Умела хорошо печатать на пишущей машинке. Когда Германия начала войну, Елена Кемпа, естественно, не задумывалась над тем, что она означает для немецкого народа вообще и для нее лично. Вскоре была объявлена мобилизация. Это был один из первых этапов тотальной мобилизации. Не только ряду государственных учреждений, но и армии, гестапо и другим будущим оккупационным властям потребовались машинистки... На след Елены Кемпа вышло гестапо, её проверяют и убеждаются, что за ней нет ничего порочащего, она далека от политики, хорошо, умело и добросовестно работает, у нее не обнаружено каких-либо опасных связей. Ее призывают на службу в гестапо и направляют в Париж.

В Париже жизнь фрейлейн Кемпа резко изменилась, особенно после прибытия нового начальника зондеркоманды Паннвица. Вскоре она становится его любовницей. Могла ли простая и малопривлекательная девушка мечтать о том, что заинтересует высокопоставленного сотрудника гестапо, чиновника, живущего на широкую ногу, пользующегося значительным покровительством в Берлине?

Даже события на Восточном фронте, включая поражение немецкой армии под Сталинградом, не поколебали ее веру в безусловную победу немецкого оружия. Вскоре из общения, имевшего место, между фрейлейн Кемпа и Маргарет, у меня сложилось мнение о том, что ей хотелось даже, чтобы эта кровопролитная война длилась дольше, так как в Париже для нее жизнь была очень приятной, а главное, вполне обеспеченной и доходной.

Фрейлейн Кемпа стала бывать в узком кругу некоторых сотрудников зондеркоманды и прикомандированных к ней различных специалистов, в том числе и шифровальщиков доктора Вальдемара Ленца и доктора Курфесса, а также и тех, кто поддерживал связь с Паннвицем и руководимой им зондеркомандой.

Часто вечерами к веселому обществу присоединялся и бывший социал демократ Отто Бах. Вначале на устраиваемых вечеринках было очень весело – только пили, танцевали, рассказывали смешные истории, но вскоре постепенно стала появляться тревога за судьбу отнюдь не только самой Германии, а, главным образом, самих собутыльников. Уже не скрывая своих взглядов, начали обсуждать перспективы возможного поражения Германии в развязанной Гитлером войне.

Естественно, на этих вечеринках ни я, ни Маргарет не присутствовали. Больше того, мы оказывались за закрытыми на ключ дверями в отведенных нам комнатах. Однако, стараясь уловить содержание шумных разговоров веселящегося общества, мы, стоя у двери, тщательно прислушивались к высказываниям.

Я не случайно подробно остановился на описании некоторых вопросов, касающихся фрейлейн Кемпа. Это объясняется тем, что она начала играть некоторую положительную

роль в новых условиях нашего содержания в заключении и в моей новой деятельности. Если можно так выразиться, она вскоре подружилась с Маргарет. Это объяснялось очень просто. Кемпа все больше хотела нравиться Паннвицу, а для этого ей понадобились практические советы ставшей известной как дама светского общества Маргарет как в вопросах выбора отдельных моделей одежды, наиболее привлекательной прически, а также способа приготовления наиболее вкусных и красивых блюд, подаваемых к столу. Вскоре Маргарет завоевала у фрейлейн Кемпа не только доверие, она даже стала относиться к заключенной с некоторым сочувствием и была одним из наиболее осведомленных источников, через который мы узнавали не только о настроении и содержании имевших место во время вечеринок разговоров, но часто даже об обсуждаемых в узком кругу сотрудников зондеркоманды вопросах.

Однако уже сейчас считаю нужным указать на то, что фрейлейн Кемпа с некоторым удивлением и, я бы даже сказал, раздражением поговаривала о становившихся все более близкими отношениями между Паннвицем и Отто Бахом. Возможно, она опасалась, что эти отношения могут отрицательно сказаться на ее близости с криминальным советником.

Ближайшие месяцы подтвердили мое предположение, что увлекшийся после своего прибытия в Париж радиоигрой, проводимой гестапо при непосредственном участии Отто, которая, по его мнению, сулила ему большие достижения не столько на поприще гестапо, сколько в области контрразведки, Паннвиц понимал, что Отто уже полностью разрушил свою резидентуру и аресты советских разведчиков, которых он знал ранее, уже осуществлены. Но оставались еще надежды, что через Леопольда Треппера «Центр» может вывести гестапо на новые, еще неизвестные резидентуры или на отдельных разведчиков. Он понимал также, что передаваемая от имени Отто дезинформация может вызвать со стороны «Центра» ряд дополнительных вопросов, содержание которых может представлять интерес для органов немецкой контрразведки.

И вот, повторяю, бегство Отто, которое произошло совершенно неожиданно для Паннвица, вызвало у него чрезвычайную тревогу. Он понимал, что это бегство привело к тому, что карьера гестаповца находится под непосредственной угрозой. Он мог стать жертвой.

Первые месяцы после бегства Отто Паннвиц развил бурную деятельность, активное участие полиции усиливалось с каждым днем. Уже проводились довольно массовые аресты. В числе арестованных была и любовница Леопольда Треппера Джорджи де Винтер. После ареста она подтвердила, что Отто уже давно собирался с ней бежать в США. Об этом мне рассказывал сам Паннвиц. Об этом, по его словам, уже давно давали показания Мальвина и Фабрикант, находившиеся многие годы на связи у Отто и пользовавшиеся его полным доверием. Оба эти «свидетеля» попали в поле зрения гестапо сразу же после провала в Бельгии, и есть основания считать, что они стали «двойниками».

Наши отношения с Вальдемаром Ленцем и Отто Бахом становились все более близкими, более крепкими. От них я услышал впервые то, что потом доверительно сообщил мне и Хейнц Паннвиц. Он утверждал, что первоначально думал, что Отто исключает для себя возможность установить связь с Москвой, предпринимать в этом направлении какие-либо шаги. Слишком Леопольд Треппер скомпрометировал себя, находясь в гестапо.

Неожиданными явились показания некоторых арестованных в связи с его бегством, заключающиеся в том, что через связистов французской Компартии Отто предпринимает попытки установить связь с «Центром». Эти показания заставили активизировать еще в большей степени кампанию, проводимую гестапо и полицией и направленную не только на поимку самого Леопольда Треппера, но и всех, кто мог оказаться замешанным в его укрывательстве после побега и даже облегчить его стремление к установлению связи с «Центром», проведению им какой-либо работы.

Паннвиц понимал, что, как только «Центр» узнает о проводившейся с ним радиоигре, существование зондеркоманды и его личное пребывание в Париже станет для РСХА абсолютно ненужным.

Вечеринки, выпивки, отношения с фрейлейн Кемпа не могли успокоить Паннвица. Его волнения усиливались еще и потому, что он понимал, что обязан подробно доложить обо всем случившемся и высказать свои предположения о возможности продолжения работы зондеркоманды непосредственно руководству.

Наступил день, когда Хейнц Паннвиц выехал в Берлин. Он говорил Отто Баху и даже Кемпе, что очень боится, что ему крепко достанется за то, что он допустил возможность бегства Леопольда Треппера. Его опасения не оправдались. Расположение к нему начальника гестапо генерал-лейтенанта полиции Мюллера, а быть может, и самого Гимmlера спасло его. Ему удалось также доказать, что радиоигра продолжается, что она представляет интерес в целях служения немецкой контрразведке. Как потом утверждал Паннвиц, ему удалось доказать, что Кент представляет для радиоигры большую ценность, чем ранее Отто. Якобы он указывал и на то, что установленные еще через Леопольда Треппера по его линии радиоигры связи в соответствии с полученными для Кента указаниями имеют большое значение.

Услышав от Паннвица это утверждение, я не мог понять вначале, чем оно вызвано, вернее, чем оно оправдано. Только со временем уже сумел понять сущность всего, что разворачивалось вокруг меня. Признаюсь уже тогда, когда еще не было ничего определенного, из участвовавших разговоров с Отто Бахом и менее откровенных с Ленцем я начал понимать, что меня ждет очень трудный, сложный путь. После того как Паннвиц провел несколько дней в Берлине и, видимо, встречался со многими своими друзьями, бывшими соратниками, а не только с самыми высокопоставленными работниками СД, он вернулся в Париж, как мне показалось, совершенно другим человеком. Вскоре до меня дошли слухи, что криминальный советник стал понимать, что и в верхах теряется надежда на обещанную любимым фюрером скорую победу. Возможное поражение стало темой, обсуждавшейся Хайнцем Паннвицем с теми, кого он считал искренними друзьями, преданно относящимися к нему. В то же время он, очевидно, понимал, что доверять нельзя почти никому, так как даже в самом гестапо принято следить друг за другом, а в случае обнаружения каких-либо вызывающих подозрения фактов немедленно докладывать, а точнее, доносить вышестоящим начальникам.

Это знал не только Паннвиц, но знали все. Не могла не знать это и Кемпа. В то же время она стала замечать, что Кент часто ведет беседы с Ленцем, Бахом и реже с Курффессом. Это были умные и весьма грамотные люди, во многом более опытные и знающие, чем большинство работников зондеркоманды. Эти беседы заметно привлекли ее внимание, и она сама стала еще лучше относиться не только к Маргарет, но и ко мне, Кенту, который в ее глазах, очевидно, становился загадочной личностью, к которому даже приближенные к Паннвицу люди начали относиться по-новому. Мне стало известно, что этими мыслями она поделилась и со своим любимым Хайнцем. Неожиданностей становилось все больше и больше. И вот однажды криминальный советник, вызвав меня в кабинет, предложил более тщательно побриться, надеть имевшийся костюм. Он спросил, есть ли у меня чистая рубашка, и, не дожидаясь ответа, вынул из выдвинутого ящика письменного стола рубашку и галстук.

Естественно, я не мог понять, о чем идет речь, куда и для чего Паннвиц меня готовит. Однако я был заключенным и не чувствовал себя вправе задавать гестаповцу какие-либо вопросы, способные меня успокоить. Я пошел в наши комнаты и приступил к выполнению полученного задания. Маргарет тоже стала нервничать, но я и ей не мог ничего объяснить. Я все проделывал в поспешности и уже собирался выходить, как неожиданно в комнату вошли Паннвиц и Кемпа. Он предложил мне накинуть плащ, а на голову надеть берет. Улыбаясь, «успокоил», заявив, что для того чтобы Маргарет не было скучно, он просил провести с ней вечер фрейлейн Кемпа. Из сказанного я мог понять, что мы отбывали на продолжительное время.

Паннвиц сам сел за руль стоявшей у дома автомашины, я рядом. Машина побежала по улицам Парижа в сторону Булонского леса. Я сейчас не могу точно определить, около какого

ресторана она остановилась. Мы вышли и направились на второй этаж. Здесь со знанием планировки ресторана Паннвиц провел меня в отдельную комнату, в которой уже находились Отто Бах и Вальдемар Ленц. Мне показалось, что криминального советника в ресторане знали, так как по пути нас приветствовали официанты. Отто Бах и Вальдемар Ленц поздоровались со мной, видимо, с Паннвицем они недавно уже виделись. Мы уселись за стол, и буквально через несколько минут вошел метрдотель и протянул нам, поздоровавшись, меню. Невольно недоуменно я обратил взор на Паннвица. Меня не просто интересовал, но даже в некоторой степени волновал вопрос, что означает эта встреча и как я должен себя держать. Улыбаясь, он предложил начать с аперитива и соответствующей закуски, а потом перейти к более крепким напиткам и каждому по своему вкусу. Я придерживался выбора, сделанного самим Паннвицем. Ленц предложил начать с виски, подчеркнув – «виски сэк». Все было заказано. Начался совершенно спокойный разговор с обсуждения погоды. Вечер проходил непринужденно, хотя некоторые затронутые вопросы вызывали у меня волнение, нервное напряжение. Я старался сделать так, чтобы никто не замечал моего состояния.

Трое моих собеседников почти открыто высказывали мнение, что в ходе войны будет поворот вовсе не в пользу Германии. Отмечалось, что руководство, видимо, это понимало и уже делало многое, предпринимая попытки достижения мирного соглашения с США и Великобританией, с тем, чтобы иметь возможность сосредоточить все силы на Восточном фронте. В разговоре об этом приводился ряд примеров, одним из которых был полет Рудольфа Гесса в Англию. Пока все попытки оказались неудачными, а поэтому следующий удар следовало ждать на Западе, выражающийся в высадке союзных армий во Франции.

Поговорив довольно подробно на эту тему, мы услышали высказывание Отто Баха, буквально поразившее меня. Однако не знаю, прав ли я, но еще тогда мне показалось, что он осмелился открыто высказывать свое мнение, безусловно, предварительно обсудив не только с Вальдемаром Ленцем, но и с самим Паннвицем.

Бах прямо поставил вопрос о том, что каждый из нас должен уже сейчас как следует обдумать все, что нас может ожидать впереди при любом завершении войны: чего каждый из нас должен бояться или, наоборот, с нетерпением ждать.

Обращаясь лично ко мне, Отто Бах осмелился в присутствии криминального советника прямо заявить, что, зная хорошо о моем поведении в гестапо с первого дня после ареста, он убежден, что если я продолжу занятую мною линию поведения, то мне ничего не может угрожать ни со стороны союзников, ни со стороны моей Родины. Я выслушал молча.

К этому времени я уже слышал многое от Паннвица о его «выполнении своих служебных обязанностей» в Чехословакии. Когда он мне это рассказывал и даже показывал фотографии, о которых я уже говорил, мне казалось подчас, что этим он просто хотел поднять в моих глазах свой авторитет. И вдруг я услышал от него, что ему уже сейчас тяжело вспоминать, как он руководил осадной операцией у собора святых Кирилла и Мефодия после совершенного в мае 1942 г. убийства Р. Гейдриха, который скончался в начале июня. Он понимает, что эти действия были направлены против чехословацких патриотов, против движения Сопротивления. Он помнит, как тогда в результате предательства узнал, что в соборе скрываются чехословацкие парашютисты, которые погибли в гробнице собора, где они прятались, отстреливаясь. Конечно, говоря о том, что ему пришлось принимать активное участие в осаде этого собора, слово «гитлеровцы» он не употреблял, а попросту говорил «мы осаждали».

Казалось, что Паннвиц ведет вполне откровенный разговор, не скрывая ничего. Однако впоследствии я узнал еще об одном его «подвиге» в борьбе с движением Сопротивления. Речь идет об уничтожении шахтерского поселка Лидице. Жители этого поселка были обвинены в том, что скрывают участников чехословацкого движения Сопротивления, в том числе и тех, которые принимали участие в убийстве 27 мая 1942 г., вернее, в покушении, результатом которого было убийство протектора Чехии и Моравии Гейдриха. Все мужчины в возрасте старше 15 лет были оккупантами расстреляны, а женщины и дети отправлены в

зверские концлагеря. Сама деревня была полностью сожжена. Все это произошло 10 июня 1942 г. Паннвиц долго скрывал от меня и этот факт и решился на признание своей ответственности, как руководителя этой жесточайшей расправы над безвинными людьми, только тогда, когда уже была достигнута между нами полная договоренность о сотрудничестве, в результате которой он согласился перебраться в Советский Союз.

После окончания нашей встречи за рюмкой крепкого напитка в ресторане, при очередной встрече с Отто Бахом он мне сообщил, что эта встреча состоялась после их длительных бесед, из которых следовало, что Паннвиц особенно боится попасть в руки союзников. Отто Баху удалось внушить ему, что представляется единственная возможность всеми своими действиями в последующее время доказать, что он согласился предпринять необходимые меры для доказательства того, что еще во время войны, вскоре после его прибытия в Париж, а в особенности после бегства Отто он начал не только сотрудничать со мной, Кентом, но в еще большей степени предпринимать все меры для спасения Озолса и всех связанных с ним людей, в том числе и членов французского движения Сопротивления. Якобы уже тогда удалось прозондировать почву на возможность Паннвицем сбора материалов, которые могут принести пользу не только «Центру», но и Советскому Союзу в целом.

Отто Бах, а к нему присоединился и Ленц, доказали мне, что боязнь криминального советника попасть в руки союзников, то есть США и Великобритании, может помочь мне направлять деятельность руководителя зондеркоманды в выгодном для меня, представителя «Центра», направлении.

Роль Отто Баха в достигнутом мною сотрудничестве с Паннвицем я никогда не скрывал и даже указал «Центру» его псевдоним – Карл. Я и сегодня продолжаю считать, что главную роль во всем том, что произошло с Паннвицем до его прибытия в Москву, играл Отто Бах, а ему помогал и доктор Вальдемар Ленц.

Я «завербовал» Паннвица, его секретаршу фрейлейн Кемпа и радиста Стлука в соответствии с полученным от ГРУ разрешением, обеспечивал их «доставку» в Москву. Как я к ним относился? Мое отношение к Хейнцу Паннвицу, крупному гестаповцу, и другим я, возможно, недостаточно полно, но все же совершенно правдиво, не скрывая ничего из того, что мне стало о них известно, указывал в моем письменном докладе на имя Директора, написанном еще в Париже в мае-июне 1945 г. и привезенном мною вместе с другими материалами в Москву. Все эти материалы были сразу же по прибытии в Москву вместе с Паннвицем, Кемпой и Стлукой перехвачены Абакумовым, организовавшим наш арест еще у трапа только что приземлившегося самолета.

В указанном докладе я приводил все ставшее мне известным о преступных действиях Паннвица и приводил мою собственную оценку его характера с его постоянным стремлением обеспечить себе карьеру. Я указал и все то, что мне было известно к моменту составления доклада не только о Паннвице, но и о фрейлейн Кемпе и Стлуке. Так как о Паннвице и Кемпе я уже достаточно рассказал, мне хочется еще немного остановиться на том, что стало известно о Стлуке.

Стлука служил в уголовной полиции в Австрии радистом (правда, я иногда слышал, что в жандармерии). Продолжал он служить в полиции и после того, как в марте 1938 г. Австрия была оккупирована немецко-фашистскими войсками. После начала войны его, как опытного со стажем радиста, направили в армию – в уже существовавшую службу подслушивания и слежки за появлением в эфире вражеских, нелегальных радиопередатчиков. Затем еще в 1942 г. его прикомандировали к зондеркоманде гестапо в Бельгии. Именно там он начинал принимать участие в радиоигре с «Центром», начатой Константином Ефремовым и Иоганном Венцелем. Затем после перевода зондеркоманды в Париж участвовал в проводимой Гиригом и Леопольдом Треппером радиоигре с «Центром».

Встречи со Стлукой постепенно становились более частыми, в особенности после того, как мы переехали на улицу Курсель. Вскоре я узнал, что он очень переживает свою разлуку с

семьей, постоянно проживающей в Австрии.

Не составляло большого труда убедиться, что Стлука оставался верным сыном Австрии. У меня уже не было сомнений, что, хотя и нервничая, Стлука верил в то, что ему удастся доказать в любом случае, а в особенности в случае поражения Германии, что его совесть чиста и участие в сотрудничестве с гестапо, в том числе и в проводимой немцами радиоигре, было вынужденным. Он мог легко доказать, что действовал по приказу, а послушаться, отказаться от выполнения, безусловно, значило бы, что это приведет его и всю его семью к преследованию. Он знал, сколько людей, проявивших свой патриотизм и уклонившихся от служения оккупантам, было арестовано, а затем загнано в концентрационные лагеря, из которых мало кто возвращался.

Все это заставило меня более тщательно присматриваться к Стлуке. Я понимал, что он мне совершенно необходим, может оказать огромную помощь в моей совершенно необычной для разведчика, попавшего в руки иностранной контрразведки, деятельности. Я понимал, что использование Стлука в интересах моей деятельности крайне опасно не только для него, но и для меня самого, а быть может, и для Паннвица тоже. Надо было рисковать, и я на это пошел.

Приближалось начало очень опасной, но совершенно необходимой деятельности. Это «сотрудничество» с криминальным советником, начальником зондеркоманды гестапо «Красная капелла» должно было не только спасти жизнь многих людей, в том числе и французских патриотов, участников движения Сопротивления, но также, по возможности, исключить вероятные последствия от направляемой в «Центр» дезинформации, что имело место во время игры, проводимой гестапо с «Центром» при непосредственном участии Леопольда Треппера. Надо было и обдумать объем вопросов, требующих тщательного изучения, дабы в будущем избежать тех ошибок, которые имели место в работе наших резидентур.

ГЛАВА XXVI. «Сотрудничество» с завербованным для советской разведки начальником зондеркоманды. Положительные результаты.

Естественно, слушая все высказывания Хейнца Паннвица, я не мог еще полностью ему доверять. Я мог предполагать, что и эти разговоры, которые затеял со мной криминальный советник, начальник зондеркоманды гестапо «Красная капелла», основаны на интересах немецкой контрразведки и начаты совместные действия на тот случай, когда понадобится что-либо предпринять в интересах Германии.

Интуиция мне подсказывала, что из всех участников разговоров доверять я могу, в первую очередь, с наибольшей уверенностью в его правдивости только Отто Баху. Однако я уже говорил о том, что действия доктора Вальдемара Ленца, хотя бы в вопросе выполнения его функций «связиста» между Озолсом и мною, тоже располагали к нему, мне очень хотелось верить, что он искренний, доброжелательный и порядочный человек.

Постепенно я начинал больше доверять и Хейнцу Паннвицу. Немалую роль в этом отношении сыграла фрейлейн Кемпа. Я не исключал возможности того, что он делится с ней своими планами и не скрывает свои намерения поддерживать со мной близкие контакты в их, повторяю, интересах. Для нее «интересы» заключались прежде всего в том, чтобы сохранить надолго, а быть может, даже навечно их любовные отношения. Именно поэтому она и стала стараться сблизиться со мной. Так мне казалось, я хотел в это верить и пытался ее отношение ко мне использовать в своих интересах. Опережая события, сразу укажу, это мне удавалось и выражалось в том, что я все больше был в курсе многих событий, характеризующих повседневную деятельность зондеркоманды. Больше того, она предупреждала меня, по отношению к кому из работников команды надо относиться с большей осторожностью и с меньшим доверием.

Не буду скрывать, с каждым днем у меня крепло предположение, что все действия начальник зондеркоманды «Красная капелла», связанные со мной, согласовывает с руководством в Берлине. Мне казалось, что отношение ко мне со стороны Хорста Копкова, изредка навещавшего Париж, тоже в значительной степени изменилось. Он стал ко мне относиться, я бы даже сказал, с демонстративным доверием и симпатией. Это меня настораживало. Я принял решение быть предельно бдительным и анализировать тщательно все, что нужно предпринимать в дальнейшем.

Однажды по просьбе Озолса Паннвиц разрешил мне встретиться с ним. При нашей встрече должен был присутствовать Вальдемар Ленц. Меня доставили на автомашине, которую остановили на довольно большом расстоянии от обусловленного для встречи места, куда мы медленно направились с Ленцем. Несколько в стороне за нами следовали два сотрудника зондеркоманды.

Вновь проявляя искреннюю заботу о Золя, его жене и удочеренной девочке, Вальдемар предложил мне потребовать, повторяю, потребовать от Озолса, чтобы он и все члены его резидентуры, все связанные с ней лица перешли полностью на нелегальное положение, переменяв немедленно свои адреса, которые были указаны в ранее переданном «для меня», хотя в то время я еще не участвовал в радиоигре с «Центром», списке. Сразу укажу, что это мое «распоряжение» было всеми выполнено, за исключением Питера. Именно это дало возможность полиции его арестовать. Как я писал в своем докладе на имя Директора, об этом аресте я узнал буквально за несколько дней до нашего отъезда в Москву. При этом Паннвиц дал понять, что лично он к этому аресту не имеет никакого отношения.

Указанный факт позволил мне в дальнейшем быть с Вальдемаром Ленцем более откровенным и относиться к нему с большим доверием. В некотором отношении еще определенную роль сыграло то, что я услышал тогда о Ленце. Вальдемар Ленц женат на одной артистке, их семья вполне обеспеченная, он и его жена мечтают о мирной счастливой жизни, возможно даже вне Германии.

Нет, на прямую «вербовку» Ленца я решиться еще не мог, а попробовал использовать его по мере возможности в интересах своей деятельности, на путь которой я стал. Признаюсь, это мне вполне удалось, и во многом я должен ему быть благодарен.

Я уже довольно подробно останавливался на описании австрийца радиста Стлука. Его вербовка была необходима, но надо было еще выждать определенное время. В данный момент он не мог еще приносить никакой пользы в прямом отношении, то есть для поддержания с «Центром» скрытой от Паннвица радиосвязи. Прежде всего, это объяснялось тем, что я еще не знал шифровальный код, который «Центр» через Отто по поддерживаемой им совместно с гестапо радиоперехватной линии якобы направил для передачи мне. Этим кодом, как мне было известно, пользовался только Ленц. Я не мог себе позволить поручать Ленцу шифровать что-либо для «Центра» из того, что мне хотелось бы передать без контроля со стороны криминального советника.

Продолжительное время по этим причинам я старался только сблизиться со Стлукой. Поддерживал с ним разговоры и на «политические темы». Мне хотелось более точно определить его взгляды на то, что происходило в мире. Я хотел убедиться в том, что в нужное время я смогу его все же завербовать и использовать в интересах советской разведки.

Доказывая Паннвицу целесообразность сохранения не только самого Золя, но и его людей, я одновременно испытывал тревогу. Мне казалось, что и в этом вопросе бегство Отто может оказать отрицательное влияние. Я понимал, что от бывшей его резидентуры во Франции на свободе не осталось ни одного из известных ему и другим членам его организации источников, даже радистов. Все это произошло, главным образом, в результате его стремления доказать свое желание лучше «сотрудничать» с гестапо. Следовательно, если он захочет возобновить свою связь с «Центром», то должен будет искать новые пути, скорее всего, по линии французской Коммунистической партии, с некоторыми членами ее подпольных организаций, быть может, у него сохранилась еще связь. В этом случае он должен будет попытаться скрыть от «Центра» большую часть фактического сотрудничества

с гестапо. Это может привести к тому, что любой ценой он захочет ликвидировать группу Золя, с которой гестапо удалось установить связь только при его участии.

Предположить, что Отто проявит порядочность и постарается установить связь непосредственно с Золя в целях его предупреждения об имеющейся опасности захвата его группы гестапо, я не мог. Во-первых, это сделать трудно, он мог не сохранить в памяти координаты, сообщенные ему в период радиоигры с «Центром» для установления связи с Озолсом. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, он не решится рисковать своей собственной жизнью, пытаясь установить связь с Золя.

Мне не оставалось ничего другого, как все поставить на карту и приложить все усилия для уменьшения вреда, нанесенного ранее в результате проводимой радиоигры, а также для принятия мер к спасению людей, рискующих своей жизнью в борьбе с гитлеровским фашизмом.

Золя начал передавать информацию через линию радиоигры, организованной гестапо, «Гестапо – "Центр"» после установления от моего имени с ним доктором Ленцем связи. Я сумел доказать Паннвицу, что изменение содержания передаваемой от имени Золя информации или вообще воздержание от ее передачи крайне опасно. Я мотивировал это тем, что у «Центра» может быть в Париже еще одна резидентура, в какой-то степени связанная с Золя, и она сможет вызвать подозрение по отношению к нашей радиолинии, к повой резидентуре Кента.

Особое значение мои доводы стали иметь после того, как Золя установил «мою связь» с одним из руководителей одной из групп французского движения Сопротивления Лежандром.

Лежандр, ставший известным от меня «Центру» как Виктор, по имевшимся у меня сведениям, был одним из основных руководителей «Комба», движения Сопротивления на юге Франции. Попав под наблюдение гестапо, был вынужден бежать и скрыться непосредственно в Париже, где тоже был одним из руководителей имевшегося там подобного движения. Естественно, он тщательно соблюдал все правила конспирации, что, однако, не помешало установить связь со мной, встречаться не только со мной, но и с «моим секретарем» доктором Ленцем и, конечно, с самим Золя.

Одним из фактов, сблизивших меня с Лежандром, явилось то, что, как только я узнал от него, что его жена была арестована немцами, которые добивались у нее сведений о месте пребывания ее бежавшего мужа, а она сумела убедить их, что сама этого не знает, после чего ее направили в концлагерь в Германию, я предпринял попытки к ее освобождению.

Я сумел доказать Паннвицу, что для нас было бы крайне полезным освобождение жены Лежандра из лагеря, и предложил, поскольку Виктор нам доверяет, уговорить его в сопровождении «моей сотрудницы» направить ее в тот район Франции, где, возможно, будут действовать после открытия второго фронта союзнические войска. «Моя сотрудница» могла передавать нам полезную военную информацию.

Из имеющихся в архивах материалов и из моего доклада легко можно догадаться, что эта версия была придумана для того, чтобы с ней выступить в Берлине. У нас с Паннвицем уже было «сотрудничество», и ему я мог обосновать это мое предложение тем, что освобождение жены Лежандра поднимет наш авторитет у Золя и Виктора.

Паннвиц со мной согласился и сразу же по этому вопросу связался с Берлином. Каково было мое удивление, что вскоре криминальный советник получил положительный ответ, трудно себе представить! Буквально через два-три дня Паннвиц сообщил мне о том, что договорился с Берлином и жену Лежандра освободят, а поскольку в Берлин едет Отто Бах, то была достигнута договоренность, что освобождение будет осуществлено с таким расчетом, чтобы она могла направиться в Париж в его сопровождении.

Действительно, через несколько дней Отто Бах привез с собой жену Лежандра. Трудно себе представить, с какими чувствами, с какой радостью встретились муж и жена. На встрече присутствовали Ленц и я. Мы тоже едва сдержались, увидев радость и слезы.

Как мы договорились предварительно с доктором Ленцем, он, извинившись, вышел. Я тут же дал указание, чтобы мадам Лежандр немедленно покинула Париж и перешла на

полное нелегальное положение с соблюдением всех правил строгой конспирации.

Только во время следующей встречи с Лежандром я «случайно» узнал, что его жена покинула вскоре после своего прибытия Париж и направилась к своим родственникам в Марсель. Из этого следовало, что «моя сотрудница» больше не сможет её сопровождать. Посоветовавшись с Паннвицем, мы решили несколько позднее совершить поездку в Марсель.

О «моем желании» побывать в Марселе я поведал Лежандру. Он был этому очень рад и просил поставить его в известность о дне моего отъезда, чтобы дать мне адрес своей родственницы, с тем, чтобы я передал от него ей привет.

Действительно, наша поездка, Паннвица, Ленца и моя, состоялась. Лежандр дал мне адрес мадам Ж. Когда я приехал в сопровождении Ленца к ней на квартиру, удивился ее внешнему виду. Она была уже немолодая, но по всему было видно, что принадлежит к высшему обществу. В квартире было весьма уютно и все указывало на зажиточность. Сама она держалась изысканно и весьма сдержанно.

Я ей представился как друг Лежандра, представил Ленца как нашего друга и передал несколько слов от Лежандра, после чего она резко изменила свое отношение к нам, став дружески настроенной и очень доброжелательной. Хочу особо отметить, что я понял: ее уже успели предупредить о возможности моего прибытия в Марсель. Свидетельством этому было ее обращение ко мне: «Господин полковник, а я вас уже так давно жду. Мне очень хочется узнать как можно точнее все о Лежандре и его жене. Кое-что и я должна передать ему».

Тот факт, что она «присвоила» мне звание полковника, меня очень рассердил, и я даже обиделся на Лежандра. Во-первых, я не имел такого звания, а во-вторых, я не думал, что она считает на основании сообщения своего родственника меня, иностранца, одним из руководителей движения Сопротивления, а значит, она могла меня считать только разведчиком союзной разведки. Однако вскоре из нашего разговора за чашкой кофе я мог понять, что она сама лично делала много для освободительного движения. Это нашло подтверждение и в переданных ею материалах для Лежандра. Я понял, что Лежандр имел все основания доверять своей родственнице. Что касается «присвоенного» мне звания полковника, то я подумал, что в этом отношении, возможно, виноват Озолс.

Невольно, находясь в Марселе, особенно во время моего пребывания у мадам Ж., я вспоминал о том, что уже значительно раньше знал об организации движения Сопротивления «Комба». Я никогда не спрашивал у Лежандра, что представляла собой организация, к которой он примыкал, находясь на юге Франции. Мне было это просто неудобно. В то же время я помнил, что об этом движении Сопротивления приходилось слышать в 1942 г., когда проживал в Марселе.

При рождении движения Сопротивления в 1940 г. и даже в начале 1941 г. вступавшие в него еще не признавали за де Голлем роли руководителя продолжающейся борьбы за сохранение независимой, суверенной Франции, а следовательно, и значение его в объединении антифашистского движения во Франции. Говоря об этом, я не могу не упомянуть Жана Мулена, имя которого услышал, правда, только в 1943 г. от Лежандра. Он тогда сказал, что Жан Мулен был префектом, отстраненным от этой должности правительством Виши. Вскоре после своей отставки он присоединился к движению Шарля де Голля. Уже в самом начале 1942 г. он вернулся во Францию и приступил к исполнению обязанностей представителя де Голля, находясь на нелегальном положении. Ему удалось внести значительный вклад в объединение многих групп движения Сопротивления. Он был арестован в середине 1943 г., и о его дальнейшей судьбе, о мерах, принятых арестовавшими его немцами, я ничего не знал.

Из разговоров с Лежандром и Озолсом я мог понять, что одна из самых значительных организаций на юге Франции, к руководству которой принадлежат и Лежандр, в начале своего существования тоже не признавала де Голля инициатором и руководителем создаваемого во Франции движения Сопротивления. Это была именно организация,

известная как «Комба». «Комба», как и другие группы Сопротивления, утверждала, что это движение во Франции возникло первоначально по воле и инициативе самого народа, не следуя призывам Шарля де Голля продолжить борьбу против гитлеровских агрессоров и не признавать подписанный акт капитуляции Франции с Германией. Они утверждали, что это движение не могло возникнуть с самого начала по воле народа.

Лежандр дал мне понять, что еще задолго до нашего с ним знакомства, когда он находился на юге Франции, а именно в 1941 г., то есть примерно через год после оккупации значительной части Франции фашистами, деятельность де Голля и его сторонников произвела на «Комба» и на него лично сильное впечатление. С тех пор к движению, возглавляемому де Голлем, стали присоединять все больше и больше течений в движении Сопротивления.

Разговаривая со мной, Лежандр неоднократно подчеркивал, что он лично все это время, а в особенности после перехода на нелегальное положение и бегства в Париж, делал все для того, чтобы он и создаваемая им группа приносили как можно большую пользу Лондонскому комитету, возглавляемому генералом Шарлем де Голлем. Из этого разговора я мог понять, что, несмотря на угрозы ареста участников Сопротивления, пытки и даже смертные приговоры, он и его друзья помогают де Голлю, а следовательно, антигитлеровским союзникам путем сбора по возможности наиболее значимой информации и срочной передачи в Лондон.

Я не знаю точно, в качестве представителя какой разведывательной службы антигитлеровских союзников Золя представлял Лежандру «полковника», то есть меня. Мое выступление перед ним в качестве резидента одной из стран антигитлеровской коалиции, возможно даже без точного определения, заставляло меня быть не только бдительным, но и осторожным, чтобы не вызвать подозрений. Именно поэтому, как я писал в докладе или в одном из очередных донесений, точно сейчас не помню, «дал согласие» на передачу по линии движения Сопротивления отдельных вопросов, освещенных в передаваемой мне информации, в Лондонский комитет генерала де Голля. Это касалось, в первую очередь, вопросов, характеризующих приближающуюся опасность именно для Великобритании.

У нас сложились весьма доверительные отношения и с Золя, и с Лежандром. Это приобретало все большее значение не только для моей непосредственной деятельности, но и для оказания практической помощи различным группам Сопротивления, а в ряде случаев и для спасения жизни разыскиваемых гестапо политических деятелей и участников движения, враждебно относящихся к гитлеровской Германии и оккупантам во Франции.

Однажды Лежандр указал мне на то, что ему удалось встретиться с бывшим губернатором Алжира, сенатором Франции, неким Виолеттом, который сейчас находился на нелегальном или, во всяком случае, на весьма опасном положении вместе со своей женой в одном из городов близ Парижа. Касаясь этой встречи, Лежандр рекомендовал мне тоже встретиться с этим видным французом, побеседовать с ним, а в дальнейшем, возможно, оказать помощь в исключении возможности его ареста немцами, совместно решив вопрос конспирации.

В это время моя вера в то, что Паннвиц готов ради спасения своей жизни быть правдивым человеком и действительно выполнять все, что может быть необходимым нам после его согласия на «сотрудничество» с советской разведкой, укрепились. Поэтому поделился с ним содержанием этого разговора с Лежандром. Я подчеркнул, что речь идет о бывшем губернаторе Алжира, и указал даже на то, что, возможно, именно этот Виолетт являлся автором «законопроекта «Виолетта», направленного на некоторое расширение избирательных прав арабов. Этот законопроект был внесен в 1936 г. вскоре после прихода к власти правительства Блюма. Мне рассказывали об этом проекте примерно в 1940 г., указывая, что он встретил сопротивление реакционных французских колониальных властей.

Паннвиц согласился с предложением Лежандра организовать подобную встречу и для этого выехать к месту проживания Виолетта. Если я не ошибаюсь, а это может быть точно установлено по архивным материалам, на встречу с Виолеттом выехали вместе со мной

Паннвиц, Ленц и даже Лежандр, о чем я подробно докладывал «Центру». Во время нашей беседы было затронуто много интересных вопросов. В беседе принимали участие не только прибывшие вместе со мной, но и некоторые «друзья» Виолетта и его жена. «Друзьями» Виолетта я называю представителей движения Сопротивления.

Я мог понять из разговора с Виолеттом, что сторонником Жана Луи Барту он был уже давно. Как известно, Барту, родившийся еще в 1862 г., в раннем возрасте начал свою политическую карьеру. В 27 лет был избран в парламент, а с 32 лет являлся неоднократно министром и был даже премьер-министром. Известен как сторонник Версальского мирного договора, в особенности в части недопущения вооружения и подготовки к войне Германии. После прихода в Германии к власти фашистов стремился к франко-советскому сотрудничеству. Весной 1934 г., являясь министром иностранных дел Франции, Барту посетил ряд стран Восточной Европы, в том числе и СССР. За исключением Польши, поддерживавшей противоречивые отношения с Германией, все страны поддерживали стремление Барту обеспечить безопасность Европы, предотвратив фашистскую агрессию. Именно он выступил инициатором приглашения СССР в Лигу Наций. Помимо Германии политика Барту, видимо, не устраивала и Великобританию. Наиболее враждебно к нему относилась Германия, и именно она приняла решение прекратить в кратчайший срок антифашистскую деятельность Барту. 9 октября 1934 г., как я уже указывал, агентам Германии удалось убить в Марселе при встрече Барту с югославским королем Александром I этих двух политических деятелей. Рассказывая обо всем этом, Виолетт подчеркнул, что место Барту в кабинете министров занял Пьер Лаваль, до этого занимавший в этом кабинете пост министра колоний.

После этого вступления Виолетт прямо высказал свое мнение, заключающееся в том, что он убежден, что все силы в Европе должны быть направлены на нанесение поражения фашистской Германии и объединение всех стран, ставших в Европе подлинными демократами, а во главе этого союза должны быть Париж–Берлин–Москва. Он особо подчеркивал, что, говоря о гарантии постоянного мира в Европе и подчеркивая необходимость цепочки Париж–Берлин–Москва, он имеет в виду, что после свержения фашизма Германия станет настоящей демократической страной, а этому ей поможет все пережитое при фашизме.

Говоря о движении Сопротивления, Виолетт и его «друг» подчеркнули, что, несмотря на непонятную позицию, занятую США по отношению к де Голлю, его авторитет возрастает, что помогает объединению антифашистских сил во Франции в борьбе за возвращение их родине значения независимого, мощного, мирного государства.

Попрощавшись с Виолеттом и всеми, кто оставался у него, мы обусловили, как ему следует в дальнейшем держаться. Что стало во время продолжавшейся войны и после ее окончания с Виолеттом и его женой, я не знаю. Несколько раз в беседе с Лежандром он передавал мне приветы от них. Паннвиц заверял меня, что им приняты все необходимые меры для обеспечения безопасности Виолетта и его семьи.

Однажды, встретившись с Лежандром и поддерживающим с ним связь, а быть может, и даже подчиненным ему одним из руководителей группы, довольно многочисленной, движения Сопротивления, я узнал буквально ошарашившую меня новость. Эта группа намерена осуществить налет на бензохранилище завода «Рено» в Париже, с тем, чтобы захватить одну-две цистерны бензина, предельно необходимого для имевшегося в распоряжении движения Сопротивления автотранспорта. Что меня взволновало? Разумеется, я был встревожен тем, что «нападающая» группа патриотов может быть захвачена французской или даже немецкой полицией, а это может привести их на след не только руководителей этого отряда, но и Золя и наш.

Услышав о готовящемся нападении, я «спокойно» предложил пока воздержаться от намеченного плана и подождать моего дополнительного сообщения. Я выразил надежду, что смогу помочь французским патриотам добыть для себя горючее, не рискуя попасть в руки полиции. Мое предложение было принято.

Вернувшись на улицу Курсель, я сразу предупредил через фрейлейн Кемпу о необходимости моей встречи с Паннвицем. Он об этом уже узнал от доктора Ленца и срочно принял меня, прислав за мной одного из сотрудников зондеркоманды. Встретившись у него в кабинете, я ему рассказал подробно о нашей встрече с Лежандром и о том, что меня взволновало. Паннвиц подтвердил правильность моего суждения и пообещал все обдумать. Ждать пришлось и на этот раз недолго. Паннвиц вызвал меня буквально через два дня. В кабинете находился тот сотрудник зондеркоманды, фамилию которого я не запомнил, помню только, что его брат был инженером в объединении «Симекс». Криминальный советник сообщил мне, что он принял решение и согласовал это с нужными инстанциями. Необходимо только уточнить вопрос с цистернами. Имеются ли они в наличии? В назначенный день и час Паннвиц, Ленц и я направились на автомашине в сторону бензохранилища. Остановились в стороне и наблюдали, как подъехали цистерны, как их наполнили бензином и как они отбыли

Ленц связался с Лежандром и тот подтвердил, что мы очень хорошо выполнили намеченную операцию. Представитель движения Сопротивления хочет нас отблагодарить, а поэтому просит на следующую встречу прибыть на автомашине. В обусловленный день и час мы прибыли, оставили нашу машину несколько в стороне от места встречи. Вскоре подъехала машина, и из нее вытащили два довольно длинных ящика. Ящики оказались очень тяжелыми, мы едва с Вальдемаром Ленцем оттащили их немного в сторону, и он сходил за машиной, чтобы их погрузить.

Поездив немного по городу для проверки, не следят ли за нами, мы остановились недалеко от нашего дома. Ленц пошел, чтобы открыть ворота и въехать во двор. В машине кроме меня и шофера находился гестаповец.

Ящики подняли наверх в кабинет Паннвица и поразились увиденным. В них были консервы, марокканские сардины в масле. Все засмеялись и решили сразу же попробовать. Контакты с движением Сопротивления усиливались все больше и больше. В самом начале июня 1944 г. началась Нормандская десантная операция «Оверлорд». (6 июня 1944 г. вооруженные силы США и Великобритании форсировали Ла-Манш. Открытия второго фронта уже с нетерпением ждали многие, в том числе и участники движения Сопротивления. Помогали, чем могли, и подразделения Лежандра. По его просьбе Паннвиц передал им несколько радиопередатчиков. Правда, я пошел на обман криминального советника и дал указание разработать свою собственную программу, а так же подготовить и свои шифры. Эти передатчики по врученной одновременно с ними программе «не работали». Однако через Лежандра мы продолжали получать довольно важную информацию, передаваемую в «Центр».

Если раньше к нам поступали сведения о размещении установок для запуска немецких ракет по Великобритании, о подготовке к обороне военно-морской базы в Шербурге и ряд других важных сообщений, они передавались не только в «Центр» – а у меня уже появились не только предположения, но и уверенность, – но и непосредственно союзникам по антигитлеровской коалиции.

Наступил момент, когда получаемая от движения Сопротивления информация отличалась во многом от ранее поступавшей. Лично у меня она вызывала подчас недоумение и удивление. Мы многое слышали о тех мерах, которые предпринимал, будучи командующим группой «Б» немецкой армии во Франции, Эрвин Роммель, генерал фельдмаршал, о том, что у него были расхождения во взглядах, касавшиеся подготовки линий обороны во Франции. Якобы именно он был инициатором возведения линии обороны, несколько отодвинув ее от берега, где могла состояться высадка союзников. Что же нас удивляло? К нам начала поступать информация, что американские и английские войска после их высадки на побережье Нормандии очень медленно продвигаются. Нам даже сообщали, что имели место случаи, когда продвигающиеся войска, уловив выпущенный одинокий выстрел из панцерфауста (фаустпатрона), замедляя свое продвижение, приостанавливались и вызывали авиацию, которая должна была прочесать впереди

расположенную территорию. Это предпринималось во избежание, как их командование считало, излишних жертв. Больше месяца длилось это продвижение армий участников десантной операции. У нас было очень тревожное состояние. Я пишу «у нас», потому что Паннвиц и не только его зондеркоманда, но и все находившиеся в Париже и во Франции оккупационные ведомства, включая полицию, гестапо и, конечно, в первую очередь армейские подразделения, не могли предположить точно, когда будет им нанесен удар и в чем именно он выразится.

Отто Бах и Хейнц Паннвиц вызвали меня в кабинет начальника зондеркоманды. Я увидел взволнованные лица сидевших и ожидавших уже «сотрудничавших» со мной немцев. Сразу же мне был задан вопрос, как я расцениваю события и каково, по моему мнению, должно быть их дальнейшее развитие, как мы должны держаться, что предпринимать? Это было примерно в первой половине июля 1944 г. Я несколько растерялся и не знал, что ответить, а вернее, что предложить. Некоторое время все мы молчали. Думаю, что мои собеседники отлично понимали, что мне нелегко ответить конкретным предложением на их вопрос.

Я предложил несколько вариантов. Основным было принятие решения в части нашего положения. Возможно, учитывая уже предпринятое нами и фактически выполненное задание в пользу советской разведки, французского движения Сопротивления, включая исключение возможности ареста тех лиц, которые поддерживали с нами связь (это касалось не только Озолса и Лежандра, но и многих других, действовавших в наших интересах), мы можем уже решать вопрос о переходе через линию фронта на территорию, занятую советскими войсками. В этом случае мы должны запросить Москву о месте возможного «моего перехода с завербованными немцами» через линию фронта. При получении соответствующего разрешения мы должны будем всеми возможными средствами обеспечить нашу связь с Озолсом, Лежандром. Этому мы, по существу, уже положили начало, передав Лежандру несколько радиопередатчиков.

Второй предложенный мною вариант предусматривал, что мы останемся в Париже или прилегающих к нему окрестностях, чтобы дожидаться прихода союзников. В этом случае, конечно, мы должны принять все меры к тому, чтобы скрыть, что собой представляют оставшиеся со мной немцы. Я заметил, что этот вариант вызвал у Паннвица некоторую тревогу. Он, безусловно, продолжал бояться попасть в руки союзников из-за своих «подвигов» в Чехословакии. Отто Бах, видимо заметив это, счел возможным успокоить его, сказав, что, скрывая настоящую фамилию Паннвица, с помощью Озолса, а в особенности Лежандра легко может быть доказано, что оставшиеся в Париже со мной немцы оказывали значительную помощь участникам движения Сопротивления. Паннвиц молчал. Тогда Отто Бах добавил еще одну деталь, которую я упустил из виду.

Он напомнил, что по просьбе Лежандра состоялась встреча моя и сопровождавшего меня немца (а это был, по словам Отто Баха, сам Паннвиц) с американским офицером летчиком, сбитым немцами и укрывавшимся у французского движения Сопротивления. Это важная деталь для нас, подчеркнул он. Это тем более, что об этой встрече сообщалось «Центру». Последнее меня несколько удивило, ибо я на эту тему никогда не говорил с Отто Бахом.

Действительно, эта встреча состоялась и была довольно интересной. Тогда офицер высказал впервые услышанную мною версию о том, что якобы в США существует убеждение, что их дипломатия отдает сейчас Советскому Союзу то, что вооруженным путем они должны будут от него впоследствии отобрать. Действительно, об этой встрече я в свое время, конечно с согласия Паннвица, передал в «Центр» в радиোগрамме, зашифрованной Ленцем.

Хочу сразу оговориться, около тридцати лет тому назад один из работников Управления КГБ в Ленинграде сказал, что ему было поручено ознакомиться с моим следственным делом. При ознакомлении с ним он натолкнулся на имевшее место в каком-то материале следствия утверждение, что в результате моего «предательства» этот офицер был

расстрелян немцами. Сейчас в некоторых литературных источниках указывается, что этот офицер благополучно покинул территорию Франции и добрался до американской армии. Во всяком случае, любому читателю может быть совершенно понятно, что Паннвиц, согласившись на донесение об этой встрече в «Центр», не мог, стремясь спасти свою жизнь, согласиться на уничтожение этого американского офицера.

Мне долгое время казалось, что ответ на мое предложение о переходе через линию фронта не был получен из «Центра». Правда, в литературе и даже у Жюль Перро утверждается, что ответ был получен и в нем мне рекомендовалось не покидать завербованных мною немцев, следовать за ними, так как они могут принести нам еще большую пользу. В любом из этих случаев становилось ясно, что мы будем вынуждены покинуть Париж. Поэтому родился третий вариант. Я предложил Паннвицу встретиться еще раз с Озолсом и поручить ему после освобождения Парижа связаться с кем-либо из наших официальных представителей и через него или по радио сообщить о том, что я отбыл из Парижа до его освобождения союзниками с моими немецкими довольно высокопоставленными товарищами, так как нам предстоит еще значительная работа на территории самой Германии. Примерно об этом пишет в своей книге «Большая игра» Леопольд Треппер (с. 278).

Положение зондеркоманды было напряженным не только потому, что надо было принять решение, что делать дальше, но и в связи с тем, что вообще происходило не только во Франции, но и в самой Германии. Мне сейчас уже трудно перечислить все события, которые вызывали тревогу не только у немецких оккупантов в Париже, но и у всего населения этого города.

Безусловно, Паннвица, а, следовательно, и меня не могли миновать события, разыгравшиеся в Германии 20 июля 1944 г. Я имею в виду заговор против Гитлера. Мы, конечно, ничего не знали о действительных планах и ходе заговора. Тревога была вызвана тем, что ночью в Париже начались довольно массовые аресты против членов СС, СД и самого гестапо. Слухи об этом дошли до Паннвица довольно быстро. Он узнал, что даже начальник полиции генерал Оберг был арестован. Естественно, Паннвиц волновался и за себя, и за всех сотрудников зондеркоманды. Всех, кто проживал на улице Курсель, он разбудил и приказал быть предельно осторожными и при необходимости отстреливаться. Утром обстановка изменилась, и Паннвиц узнал, что все арестованные ночью освобождены и начались встречные аресты тех офицеров вермахта, которые подозревались в осуществлении ночных арестов и несколько позднее – в их принадлежности к заговорщикам.

Через некоторое время Паннвиц уже знал, что в Берлине арестовано много офицеров даже с высокими званиями. Он уточнил, что сам заговор 20 июля должен был положить начало широкому путчу против Гитлера, его ближайших соратников и даже послужить антифашистским переворотом в Германии.

Не могу быть уверенным в слухах, которые появились в зондеркоманде, утверждающих, что главнокомандующий войсками на Западе генерал фельдмаршал Юноге сумел доказать, что, не смотря на существовавшие в его адрес обвинения о том, что и он ранее соглашался на свержение самого Гитлера и полное уничтожение фашистского господства Германии, буквально в последнюю минуту, перед тем как начать аресты в Париже и во Франции вообще, несмотря на настойчивость Берлина, узнав, что при покушении на Гитлера, произведенном полковником вермахта, начальником штаба армии резерва графом Клаусом Шауффенбергом, он был только слегка ранен, фактически вопреки своим прежним убеждениям воздержался от участия в производимых арестах.

Волнения, вызванные заговором 20 июля 1944 г. против Гитлера, и его последствия не были исключением во второй половине 1944 г. Через Золя и Лежандра начали поступать различные слухи об усилении деятельности французского движения Сопротивления. Этим поступающая информация не была исчерпана. Видимо, по линии полиции и немецкой контрразведки Паннвиц начинал получать информацию о готовящемся восстании в Париже, которая тоже его настораживала. Возникал вопрос: какую подготовку следует проводить

вообще зондеркоманде и нам, то есть Паннвицу, Отто Баху, Вальдемару Ленцу и мне?

Становилось непонятным, где следует видеть правду, в чем она скрывается? Паннвиц в разговоре с Отто Бахом и со мной как то сказал, что имеются сведения, что в результате арестов после заговора 20 июля 1944 г. только в Париже было посажено более 1000 человек из СС, СД и гестапо. А называя эту цифру, криминальный советник указал и на то, что осуществлявшие аресты солдаты и даже офицеры были вполне довольны, считая, что жизнь в Германии резко изменится к лучшему благодаря уничтожению фашизма. Хейнц Паннвиц был удивлен и тем, что, по поступающим к нему сведениям, почти никто из подвергшихся аресту не сопротивлялся. Было предположение, что аресты производились не немецкими солдатами, а переодетыми в их форму французами, входившими в отряды движения Сопротивления. Но, несмотря на то что оно не находило подтверждения, заставляло многих немцев все же волноваться. Не могли исключить возможности силовых действий со стороны бойцов движения Сопротивления.

Сведения, поступающие к Паннвицу и ко мне все больше настораживали. Паннвиц принял решение все подготовить к эвакуации из Парижа, если угроза его захвата войсками союзников станет актуальной. В то же время Хейнц Паннвиц, удивленный, что из «Центра» нет ответа на запрос о возможности перехода через линию фронта, все же счел необходимым принять все необходимые меры к продолжению начатой нами уже не «Большой игры», развязанной гестапо, Гиммлером при непосредственном участии Леопольда Трейлера, а игры за спасение его жизни ценою пользы, приносимой Главному разведывательному управлению Генерального штаба Красной армии.

Отто Бах, опираясь на какие-то полученные им от неназванных источников сведения, заявил, что влияние Шарля де Голля не только среди бойцов значительной части французского движения Сопротивления, но и войсковых частей и всего населения Франции возросло. Он напомнил, что де Голлю удалось в Алжире одержать «победу» над Дарланом и Жиро, которые делали все для того, чтобы не признавать власть Лондонского комитета де Голля. Этим путем он возглавил Французский комитет национального освобождения, который буквально чуть ли не накануне начала высадки англо-американских войск во Франции, осуществленной, как я уже указывал, 6 июня 1944 г., объявил Временным правительством Французской Республики. Исходя из сказанного, можно было понять, что генерал де Голль становится во всевозрастающей степени общепризнанным главой Франции, борющейся за свое освобождение от оккупантов и превращение вновь в одно из ведущих независимых государств Западной Европы.

Мы уже тогда знали, что только 25 июля 1944 г. после высадки на побережье Нормандии, началось ускоренное продвижение американских и английских войск вглубь континента, что позволило создать плацдарм, положивший, по существу, начало активному второму фронту. По мнению Паннвица, и это должно было вызывать у нас тревогу и направлять нашу деятельность в новом направлении. Надо было стараться узнать как можно точно обо всем, что ждет в ближайшее время Париж, а следовательно, и нас.

Меня многое волновало. Я не мог предвидеть, что предпримут немцы по отношению к Озолсу - Лежандру и их людям. Ведь даже, помимо Паннвица, может быть предпринята попытка ликвидации этой группы движения Сопротивления и советских разведчиков. Первые могли принять участие в вооруженном восстании в Париже, а вторые, которые «участвовали» в радиогре, могли быть признаны не нужными в дальнейшем.

Конечно, не мог не мучить вопрос, касающийся Маргарет и нашего сына. Я позволю себе несколько отступить от изложения всего, что непосредственно касается моей разведывательной деятельности, и остановиться на личном положении, на главном вопросе моей личной жизни, который меня очень волновал.

Читатель, безусловно, помнит, что, после того как Маргарет была доставлена из тюрьмы Френ в дом, занимаемый гестапо на улице Курсель, мы не выдержали и в результате пережитых тяжелых испытаний признались в любви. В результате ждали ребенка. С тех пор как благодаря помощи в основном Отто Баха я сумел добиться «сотрудничества» с

Паннвицем, мы оказались с Маргарет на улице Курсель, к нам заметно проявлялось доброжелательное отношение. Я мог предполагать, что он окажет мне необходимую помощь не только в сохранении моей жизни и в продолжении преданной службе моей Родине, но и в сохранении моей будущей семьи.

Наступил март 1944 г. Маргарет все чаще стала поговаривать о наступающих родах. Я предполагал, что это объясняется ее нервозностью. Ведь срок еще не пришел. Наступил апрель. Паннвиц по собственной инициативе, видимо узнав от фрейлейн Кемпы о тревогах Маргарет, вызвал врача, который подтвердил, что все проходит нормально. Это нас успокоило, и вдруг в середине апреля, ночью Маргарет разбудила меня, закричав, что она чувствует, что начинаются роды. Пришлось «поднять тревогу»! Первыми прибежали Паннвиц и Кемпа. Буквально через несколько минут Паннвиц набрал номер телефона и совершенно неожиданно для меня сообщил, что мадам Барча будет немедленно доставлена... Куда, кто ее ждет? Потом уже выяснилось, что Паннвиц, связавшись с французской полицией, определив лучший, более реномированный родильный дом, договорился, что мадам Барча будет доставлена для принятия родов.

Все происходило буквально молниеносно. Две машины у дверей дома. В одну сели Паннвиц, Маргарет, я и Кемпа. Во второй машине я знал, кто нас сопровождает. Я понимал, что ночью по Парижу немцам ездить было опасно, а кроме того, меня всегда почти сопровождали в поездках два-три, а то и четыре человека.

Вскоре мы остановились у родильного дома. Из машины вышли только Паннвиц, Маргарет и я. Нас уже ждали и сразу, оформив регистрационные бланки, проводили в большую одноместную палату. У дверей палаты уже ждали врач и сестра. В палате нам с Паннвицем задерживаться не разрешили, и мы вышли и ждали заключения врача в коридоре. Меня весьма удивило, что, несмотря на войну, в роддоме были, видимо, зажиточные люди. В коридорах на полу стояло много ваз с цветами. Как оказалось позднее, цветы, которые приносили роженицам, в палатах не разрешали долго хранить, а выносили в коридор, а затем ненадолго днем вносили в палату.

Вскоре из палаты вышел врач и успокоил, сказав, что в этом возрасте женщины первого ребенка рожают несколько раньше принятого срока. Он попросил номер нашего телефона, чтобы мы были в курсе хода родов. Меня удивило то, что при выходе врача из палаты к нам подошел мужчина, поздоровавшийся с Паннвицем, и именно он назвал номер телефона. Это был французский полицейский в штатском. Единственное, что я понял, – он договаривался с родильным домом. Он знал и врача по имени.

Вскоре появился на свет мальчик. Мои волнения еще продолжались. Бывая у Маргарет один, а то и два раза в день, я ее всячески успокаивал, а Паннвиц приносил фрукты. Почему же я волновался? Меня не покидала мысль, а как можно будет оформить регистрацию младенца? Ведь гестапо не знало моей настоящей фамилии, да если бы и знало, вряд ли согласилось бы его занести в книгу регистрации. Мою уругвайскую фамилию не следовало вообще называть. Что же делать? Этой мыслью я поделился с криминальным советником и присутствующим при нашем разговоре Отто Бахом. Они приняли решение зарегистрировать ребенка на фамилию матери – Барча-Зингер, состоящей из фамилии умершего в 1940 г. в Брюсселе первого мужа, Барча, и ее девичьей фамилии, Зингер. Таким образом, ребенок, родившийся в стенах гестапо, получил имя Мишель, его матерью была признана Маргарет, а отцом – умерший за четыре года до его рождения Барча.

Принимая подобное решение, мои собеседники подчеркнули, что после окончания войны в соответствии с нашим планом мы переедем ко мне на Родину и там сможем заменить документ, в котором записано имя Мишель, то есть Миша.

Тогда, сидя в кабинете гестаповца, мы не могли предположить всего того, что пришлось в дальнейшем пережить Маргарет и нашему с ней сыну. Об этом читателю предстоит еще узнать. Сейчас же хочу только подчеркнуть, что, будучи счастливым, став в 31 год отцом, я не переставал угнетать себя в том отношении, что я, несмотря на все, от чего воздерживался столько лет, все же решился на подобный шаг.

После того как Маргарет вернулась на улицу Курсель из родильного дома, в довольно узком кругу было отмечено рождение сына и... «наш брак» с Маргарет. Были подарки родителям и ребенку. Кстати, меня поразило то, что в родильный дом различные фирмы, подчеркиваю это происходило во время войны в оккупированной Франции, присылали в виде рекламы различные изделия. Это были пеленки и рубашечки, продукты детского питания. Это тоже нам очень помогло, хотя Паннвиц не скупился на снабжение Мишеля всем необходимым.

Продолжу описание всего того, что происходило в сочетании с моей обычной деятельностью.

Еще до разжигания восстания в самом Париже и в ближайших районах я и Ленц, встречаясь с Лежандром, неоднократно слышали от него высказываемое чувство радости и удовлетворения тем, что движение Сопротивления «Комба», к которому он с самого начала войны принадлежал, продолжало быть сильным и преданным политике генерала де Голля. На мой вопрос, а как «Комба» относится к возможности восстания в Париже, в то время как якобы де Голль еще не принял соответствующего решения, Лежандр всегда отвечал, что, несмотря на его еще недостаточную осведомленность в подготовке к восстанию, в принципе он считает, что поможет освобождению Парижа.

Этот вопрос нас интересовал еще и потому, что просачивались слухи, что еще не принято окончательное решение о направлении удара англо американских армий в целях освобождения Парижа. Некоторые источники утверждали, что планируется обход Парижа, что аргументировалось нежеланием допустить разрушение прекрасного города. Обойдя город, союзники вынудят немецких оккупантов капитулировать.

Часто слышалось и то, что в Великобритании и США существовало убеждение, что не следует допускать Шарля де Голля к руководству освобожденными районами Франции. Решая вопрос, кто должен овладеть Парижем якобы опять высказывалось мнение, что в Париж должны вступить англо американские войска. Де Голль претендовал и, больше того, настойчиво требовал, чтобы, в столицу освобождаемой Франции вступили вполне готовые к бою французские войска, которые уже высадились на французскую территорию. Некоторые даже утверждали, что главнокомандующий Дуайт Эйзенхауэр обещал ему решить положительно этот вопрос.

Нас это в некоторой степени удивило, ибо мы знали, что генерал Шарль де Голль не располагал к себе Вашингтон, так как всегда провозглашал в результате стремления к освобождению Франции и необходимость сохранения ее независимости, суверенитета и всего, что составляло ее империю.

Наша беседа закончилась тем, что мы приняли решение постараться уточнить вопрос, действительно ли готовится восстание в Париже и что предпринимают немцы.

Рассказывая обо всем, что составляло нашу встречу с Озолсом, Паннвицу, я услышал от него, что удивительным ему представляется то, что движение Сопротивления не сумело осведомиться о проводимой немецкими властями в Париже подготовке к его защите от союзников. Он поделился якобы имеющимися у него сведениями, что немцы предпримут ряд мер для запугивания населения и предотвращения возможности восстания. В то же время криминальный советник сообщил мне и о том, что сменивший на посту командующего немецкими войсками генерала Карла фон Штюльпнагеля, якобы тоже замешанного в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г., генерал Дитрих фон Хольтиц (военный комендант Парижа) занимает какую-то странную позицию. Есть все основания полагать, что Гитлер его назначил не случайно, что он ему вполне доверял и считал, что только он сможет выполнить в полном смысле слова его приказ о разрушении Парижа, но ни в коем случае не допустить его сдачи ни восставшим вооруженным французам, ни союзным войскам. Позднее я узнал, что действительно Дитрих фон Хольтиц был уже известен как разрушитель многих городов, в том числе и Варшавы. Доводилось слышать и такое утверждение, что якобы Гитлер приказал не сдавать Париж, а в случае надвигающейся опасности разрушить значительную его часть, не стесняясь самых ожесточенных репрессий.

Паннвиц поручил мне при первой же встрече с Озолсом или Лежандром предупредить их о возможности тяжелейших боев за Париж и неисчислимых жертв. Этот разговор состоялся у нас в первых числах августа 1944 г. Я еще сумел об этом предупредить Лежандра.

Вдруг совершенно неожиданно меня привели из занимаемых нами комнат в кабинет Паннвица. Когда я вошел, мне стало страшно. Не только потому, что я увидел Паннвица с совершенно изменившимся лицом, но и заметил, что он спешит, сортируя хранившиеся у него в сейфе, в письменном столе и в шкафах папки с документами.

Криминальный советник, обратившись ко мне, отрывисто произнес: «Надо подготовиться к отъезду... Мы еще не получили указаний "Центра"... Я еще верю в данное вами обещание... Вам надо немедленно встретиться с Золя и предупредить его, что в соответствии со сложившейся обстановкой вы покидаете Париж... Вы будете сопровождать верных вам немцев... Ему надлежит принять все меры предосторожности для себя, своей семьи, Лежандра и всех французских патриотов... Когда Париж будет в руках союзников и сюда придут представители Советского Союза, Золя должен с ними установить связь и передать от вашего имени, что вы сопровождаете немецкие части и будете пытаться не потерять с Директором связь... Я лично буду вас сопровождать на эту встречу... Не знаю, где находится Ленц... У вас есть возможность связаться с Ленцом, если нет, то попытайтесь сами назначить встречу...»

После этого отрывистого обращения ко мне Паннвиц поручил препроводить меня в наши комнаты. Признаюсь, я был настолько взволнован, что не задал Паннвицу ни одного вопроса.

Маргарет, увидев меня в возбужденном состоянии, взволнованная, отбежала от люльки, где спал наш Мишель, приблизившись ко мне, задала вопрос: «Что случилось?» Я не знал, что отвечать. Сразу же нажал на кнопку звонка, и сейчас же прибежала Кемпа. Я попросил, чтобы меня срочно принял Паннвиц. Кемпа убежала, и через несколько минут меня препроводили в кабинет начальника зондеркоманды. Увидев меня, он тоже несколько растерялся и, не говоря ни слова, посмотрел в мою сторону.

Я незамедлительно выпалил несколько вопросов: «Кто должен подготовиться к отъезду? Маргарет с Мишелем тоже уедут с нами? Где Стлука и будет ли он нас сопровождать? Если вы не знаете, где Ленц, то пускай Стлука и еще кто-либо из сотрудников зондеркоманды проводят до того места, где я должен оставить вызов Золя. Можно сделать это быстро? Где Отто Бах?»

Хейнц Паннвиц, присев в кресло, ответил, сказав при этом, что действительно мне надо немедленно поехать и сделать вызов Золя на утро следующего дня. Он подчеркнул, что Маргарет и Мишеля в Париже оставлять опасно, он примет меры к их личной безопасности. Отто Бах собирается вместе с нами отбыть из Парижа. С некоторым удивлением он спросил, почему меня интересует Стлука? Действительно, где находится Ленц, он не знает. После этого он позвал Кемпу и поручил ей предупредить Стлука и еще одного сотрудника о том, что мы сейчас отправимся в город. Обращаясь ко мне, он сказал, что после возвращения из города я должен буду зайти к нему, так как он хочет посоветоваться со мной, какие документы могут интересовать, какие из них надо сохранить.

Не заходя к нам в комнату, подготовив условленную записку для Золя, я, как всегда под охраной выехал в город. Поездка продолжалась буквально около получаса. Вернувшись на улицу Курсель, я прежде всего попросил, чтобы меня проводили в наши комнаты, а через пятьдесят минут Стлука сопроводил меня в кабинет шефа.

Надо было успокоить Маргарет. Как это сделать, я не знал. Предупредить ее о нашем скором отъезде не решался, я понимал, что у нее может возникнуть обычный вопрос: не будем ли мы снова подвергнуты разлуке? Поэтому я, стараясь казаться совершенно спокойным, заверил ее, что об этом речь не идет. Дело в том, что в Париже ожидаются тяжелые бои и мы должны быть в более спокойном месте.

Вернувшись в кабинет Паннвица, я пробыл там довольно долго. Были просмотрены

уже отобранные им документы, которые он считал нужным сохранить. Просмотрели и те, которые он отложил, не зная, могут ли они нам пригодиться. До того как меня отпустить, начальник зондеркоманды еще раз поинтересовался, почему я хотел знать, будет ли вместе с нами Стлука. Я ему ответил в общих словах, что если он не изменил своего решения быть до конца вместе со мной, то нам надо иметь рядом хорошего радиста, которому мы могли бы доверять. Я подчеркнул, что Стлука мне кажется именно таким человеком.

Я считал еще преждевременным раскрывать перед Паннвицем тайну, что мне уже удалось завербовать Стлуку и даже пользоваться его услугами без предупреждения криминального советника. В действительности к этому времени я уже вполне доверял Стлуку, так как именно он задал первым вопрос о возможном нашем сотрудничестве. Тогда он мне рассказывал и о том, что «сотрудничал», помогая чем мог, с Венцелем, радистом в Бельгии, который сумел сбежать еще 1942 г. из гестапо, находясь в котором участвовал в радиоигре по линии Ефремов (гестапо) – «Центр».

Я счел необходимым сообщить Паннвицу и о том, что, передвигаясь сейчас в машине по Парижу, я заметил, что усилились посты и патрули немецких солдат, а город абсолютно тих. Паннвиц, посмотрев внимательно в мою сторону, как мне показалось, искренне, тихо сказал, что у него имеются все необходимые данные о том, что со дня на день может вспыхнуть в Париже восстание. Несмотря на то, что представитель де Голля, находящийся в Париже, сдерживает ситуацию, подготовку восстания усиленно форсирует коммунист Анри Роль Танги, якобы являющийся офицером в звании полковника. Фамилию руководителя, подготавливаемого восстание, немцы узнали от захваченного ими бойца движения Сопротивления. Кроме того, указал Хейнц Паннвиц, французы из движения Сопротивления уже не скрывают, что готовятся участвовать в освобождении Парижа от немцев. Полицией и армейскими патрулями были обнаружены на стенах города афиши с призывом к вооруженному восстанию. В это должна была внести свой решительный вклад начавшаяся 10 августа забастовка железнодорожников. Точных данных у Паннвица еще не было, но он высказал мнение, что даже во французской полиции началось движение за поднятие вооруженного восстания в самые ближайшие дни. Исходя из этого, он принял решение не дожидаться начала восстания и открытого наступления союзников на Париж и направиться в Германию. Мне трудно судить, откуда у Паннвица появились сведения, но он утверждал, что Шарль де Голль сумел добиться согласия на то, что для освобождения города в Париж первыми смогут вступить французские воинские части.

Оставалось ждать еще буквально несколько часов до нашей «эвакуации» из Парижа. Мог ли я спокойно себя чувствовать, не волноваться, не переживать за все то, что, может быть, ждет нас впереди? Мог ли я полностью доверять Паннвицу? Единственное, что меня несколько успокаивало, – это то, что Кемпа буквально после нашего последнего разговора с Паннвицем стала проявлять еще большее внимание к Маргарет, Мишелю и ко мне. Казалось, что это происходит не столько по заданию Паннвица, сколько из стремления самой Кемпы, видимо, повторяю, уже осведомленной о моем сотрудничестве с ее любовником, в нашем лице получить своих союзников, чтобы ей не пришлось расстаться с Хейнцем. Она верила, так я тогда предполагал, что я действительно способен спасти их от грозящего пленения союзниками.

Вечером, оставшись вдвоем с Маргарет, конечно, с нами был и наш малыш, я попытался успокоить ее, рассказав о том, что уже теперь становится совершенно ясно, что скоро начнется восстание и, несмотря на то, что мы находимся в изолированном доме, восставшие могут напасть и на нас, зная, что здесь живут гестаповцы.

ГЛАВА XXVII. Бегство зондеркоманды «Красная капелла» из Парижа в Германию. Подготовка к возвращению на Родину совместно с завербованными мною гестаповцами.

Август 1944 года. Неожиданно сотрудники зондеркоманды «Красная капелла» уже перестают скрывать охватившую их тревогу. Если в самом начале после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз большинство немцев, увидевших успехи своей армии на Западе, позволившие завоевать основные страны Европы, продолжали верить в то, что планы Гитлера на Востоке будут осуществлены в кратчайшее время, то дальнейшее развитие событий порождало обоснованную тревогу. Уже в декабре 1941 г. началось и контрнаступление Красной армии на отдельных участках фронта.

Бывая в Лейпциге, а затем, посетив в ноябре 1941 г. Берлин, встречаясь с рядовыми немцами, я заметил усилившуюся в них тревогу не только за их отцов, мужей и сыновей, сражавшихся на фронте, но и за будущее Германии, за свое будущее.

Прошел только один год, с тех пор как в Берлине Шульце-Бойзен поручил мне сообщить в «Центр» о намечаемых Гитлером наступательных действиях его армии, в том числе в направлении Кавказа и Сталинграда, как наступательные операции немецких войск начали ощущать значительные затруднения. Им начали давать отпор. Уже тогда с тревогой был встречен приказ Гитлера о всеобщей мобилизации, который усиленно начал претворяться в жизнь весной 1943 г.

С большой тревогой немцами было воспринято сообщение о полном поражении их армии под Сталинградом и после капитуляции 6-й армии сдача в плен фельдмаршала Фридриха фон Паулюса. Это было в начале февраля 1943 г. Во второй половине 1943 г. советские войска с успехом начинают продвигаться на Запад, освобожден Донецкий бассейн, уже приближаются к Днепру, а в ноябре, буквально накануне всенародного праздника 7 ноября, был освобожден Киев.

Не могли остаться незамеченными у немцев и разворачивающиеся события на Западе. Разве могли немцы спокойно отнестись к тому, что первый в мире фашистский диктатор Бенито Муссолини был в Италии свергнут, а новое правительство возглавил маршал Пьетра Бадольо, оно заключает перемирие с США и Великобританией, что предопределило усиление высадки союзных армий на Апеннинском полуострове.

Не могло пройти незамеченным и то, что, по существу, к концу 1943 г. вся территория Советского Союза была освобождена от фашистских армий.

Я уже не говорю и о той тревоге у немцев вообще и у сотрудников зондеркоманды «Красная капелла» в частности, которая была вызвана высадкой союзных армий 6 ноября 1944 г. в Нормандии и приближением их к концу июля 1944 г. к Парижу. «Странное совпадение» доходящих до всех уже в открытую слухов, что в конце июля к границам Германии приблизились и советские войска. Союзники по антигитлеровской коалиции 15 августа 1944 г. высадились на юге Франции, а это означало скорое изгнание оккупантов из Франции.

Гестаповцев не могло не волновать, правда, неудачное, но все же покушение на Гитлера. Оно означало, что среди не только рядовых немцев, но и в армии открыто начали выступать против фашизма, за мир, правда, в это время только за мир с США и Великобританией.

Если первое время многие немцы, находившиеся в Париже, еще сдерживали тревогу за свое будущее, то после затянувшихся боев в Нормандии уже начинали верить тем утверждениям, которые появлялись с каждым днем все в большем объеме, а именно о том, что осуществляется успешный прорыв французских, американских и английских войск в сторону Парижа, а в самом Париже приближается день вооруженного восстания.

Тревожное состояние сотрудников зондеркоманды невольно передавалось и мне. Вспоминалось, что вскоре после того, как уже я, а не действовавшие от моего имени гестаповцы при участии Леопольда Треппера, установил связь с Золя, у меня появлялась мысль организовать с его помощью побег Маргарет и мой из гестапо. Была мысль о том, что это может быть осуществлено, возможно, даже путем вооруженного нападения небольшой группы бойцов движения Сопротивления на дом на улице Курсель, где, как мне казалось, не может быть оказано сильное вооруженное сопротивление. Идея о моем и только моем побеге

появлялась у меня еще и раньше, когда я находился на вилле Бемельбурга. И в том и в другом случае я понимал, что это совершенно невыполнимо. Полностью эти намерения первоначально пропали у меня в связи с побегом Отто. Да, бежать мне, даже одному, было совершенно невозможно. В Париже не было возможности спрятаться, полагаться на Золя я тоже еще не мог. Воспользоваться им для того, чтобы раздобыть фиктивные документы и деньги, чтобы бежать в Бельгию или Марсель, я тоже не мог. Должен признаться, что эта мысль отпадала у меня еще и потому, что я не мог себе позволить оставить в руках гестапо Маргарет, а кроме того, подвергнуть опасности Золя, его семью, всех тех, кто с ним и Лежандром был связан. Я ведь видел, скольких человеческих жизней и арестов стоило бегство Леопольда Треппера.

Прошу мне поверить, что моя нервозность объяснялась еще и тем, что я вспоминал о рискованных первых шагах по «вербовке» Паннвица и других. Уверенности, что все это удалось, у меня еще не было. Мучил еще один весьма важный вопрос: как мне удастся, в конечном счете, вернуться на Родину, привезти с собой в Москву не только те материалы, которые мы уже частично подготовили с Паннвицем, но и его самого, а с ним еще Кемпу и Стлука.

Мне представлялось тогда, что мое возвращение, в особенности вместе с криминальным советником Хейнцем Паннвицем, должно принести значительную пользу не только Главному разведывательному управлению РККА, но и Советскому Союзу. Прежде всего, я был абсолютно убежден, что для советской разведки будет очень полезно узнать обо всем, что касается имевших место в нашей работе ошибок, а также положительных сторон нашей деятельности. В то же время ГРУ, а вместе с ним и советская контрразведка смогут от Паннвица получить много интересных, малодоступных для нас сведений, касающихся работы различных зарубежных разведок и контрразведок.

Одним словом, я был убежден, что после нашего возвращения в Москву, если, конечно, нам удастся его осуществить, совместно с нами должны быть в ГРУ тщательно изучены все привезенные материалы. Тогда я еще не мог предполагать, насколько Паннвицу удастся пополнить уже имевшиеся материалы новыми, возможно, еще более ценными.

Я сейчас не буду касаться личных переживаний, а они были тоже не из легких. Ведь уже много лет я не видел своих родителей, родственников, друзей. Я ничего не знал о том, как они перенесли все ужасы Великой Отечественной войны. В то же время я мог только предположить, как тяжело моя мать и отец переживают, что уже давно не имеют от меня никаких сведений. У них мог возникнуть вопрос, жив ли я вообще.

Паннвиц заметно волновался. Сильное волнение я наблюдал и у Отто Баха, Курфесса, Ленца (до его исчезновения), Кемпы. Мне казалось, что спокойным продолжал быть только гестаповец, сотрудник зондеркоманды Реннер. Мы с ним уже некоторое время назад сблизились, так как Паннвиц прикрепил его ко мне, а он проявлял к Маргарет, ко мне и Мишелю чисто человеческое внимание, был заботлив. Подчас мне даже казалось, что порученная ему работа по установлению контакта с вражеским разведчиком и строгое наблюдение за ним его даже не интересовали. Мне казалось, что его забота о нас оправдывается тем, что он в повседневной деятельности гестаповца больше всего озабочен тем, что еще не все приобрел для своей жены, а покупал он много, и в первую очередь атропин для расширения зрачков, различного цвета и оттенков краски для ресниц и бровей, лак для ногтей, крем для лица и рук и т.п.

И вот настал день, когда тревога, еще недавно скрываемая от других, переросла в действие, паническое, принимались ускоренные решения, отдавались довольно путанные распоряжения по подготовке к бегству из Парижа. Эта тревога заметно увеличивалась еще и потому, что уже стало известно, как я уже указывал, что французская полиция не только перешла на сторону движения Сопротивления в Париже, но и принимала участие в вооруженных нападениях на немецкие посты и даже некоторые обороняемые объекты.

Паннвиц уже разработал детальный план бегства из Парижа. Одному из сотрудников зондеркоманды – Штофе он приказал подготовить к длительной поездке предоставленный

Обергом грузовик огромной вместимости. Все, взвинченные, бросились упаковывать свои личные и служебные вещи, документы, все, что можно было увезти с собой в Третий рейх. Были подготовлены и легковые машины для сотрудников зондеркоманды.

Криминальный советник, начальник зондеркоманды «Красная капелла» Хейнц Паннвиц, не скрывая, готовился к отъезду отдельной колонной, в которую кроме него должны были войти Отто Бах, Кемпа, Реннер, Берг, Маргарет, Стлука и я. В распоряжение этой колонны были выделены две легковые машины. На одной из них должны были ехать сам Паннвиц, Кемпа, Стлука и я. На второй – Отто Бах, Реннер, Берг и Маргарет с Мишелем.

Надо было ждать решения о дне отъезда. Паннвиц непрерывно, по нескольку раз в сутки уезжал куда-то на различные совещания, в том числе к Обергу, Кнохову и к другим. Однажды, вернувшись на улицу Курсель, где к этому времени постоянно находился Отто Бах, он сообщил, что его очень взволновало, что генерал фон Хольгиц держится весьма замкнуто и не принимает никаких конкретных мер по разрушению Парижа, его мостов, по обеспечению защиты города от внутренних сил движения Сопротивления и наступающих воинских частей. Его это крайне удивило, потому что генерал пользовался доверием Гитлера, а его приказ не выполняется. Конечно, в то время криминальный советник, да и более высокопоставленные должностные лица гестапо и немецкой полиции не могли еще предположить, что фон Хольгиц ведет уже переговоры с представителями генерала Шарля де Голля в Париже Шабан Дельмасом и Пароди при участии шведского консула о подписании акта о перемирии, с тем, чтобы получить возможность полностью, без особых жертв эвакуировать немецкие войска из Парижа. О подписании этого соглашения мы узнали уже позднее, находясь в Германии. Оно состоялось 20 августа 1944 г.

Когда уже было твердо установлено время нашего «отъезда» из Парижа, Паннвиц решил, что я должен еще раз, в последний раз встретиться с Золя.

Паннвицу к этому времени удалось доказать Берлину, что целесообразно оставить Золя, Лежандра и связанных с ними людей на свободе. Они будут, утверждал он, поддерживать с Кентом радиосвязь, а это позволит немецкому командованию через них получать информацию о положении в тылу отходящей из Франции немецкой армии. Якобы поэтому ему было разрешено их не арестовывать. Эту версию излагал мне сам криминальный советник. Мне казалось, что основной причиной, побудившей Паннвица воздержаться от арестов, в особенности Золя и Лежандра, и их вывоза в Германию являлось то, что он хотел укрепить себе перед ГРУ алиби, учитывая его стремление перейти на «службу» ГРУ. Естественно, ему должно было казаться, что оставление Золя и Лежандра в Париже с заданием связаться с первыми же представителями нашего командования или дипломатической службы явится подтверждением лояльности его, криминального советника, по отношению к советской разведке.

Выполняя задание Паннвица, я встретился с Золя на его новой конспиративной квартире, адрес которой не был известен гестапо, его от Озолса получил только я. Именно здесь я в последний раз увидел «Балтийского генерала», его жену и удочеренную девочку, оставшуюся в результате злодеяний немцев без родителей. Наше прощание было весьма трогательным и очень грустным, ведь я уезжал, не зная, что меня ждет впереди, удастся ли, находясь в руках гестапо, сохранить жизнь и до конца быть преданным Родине, о возвращении на которую я уже так долго мечтал.

Сейчас у меня уже были все возможности покинуть гестапо и Паннвица, остаться в Париже, доказать, что я с успехом сотрудничал с французским движением Сопротивления, спас жизнь многим французским патриотам. У меня было достаточно доказательств того, что я никогда не сотрудничал с немцами не только против моей Родины, но и ее союзников по антигитлеровской коалиции. Все возможности остаться за рубежом, воспользоваться моими деловыми связями для меня были абсолютно неприемлемы. Слишком большое значение для моей Родины и для меня лично, по моему глубокому убеждению, имеет доведение начатой не такой уж простой «игры» до конца.

Значение «игры» я видел всегда в том, чтобы не допускать дезинформации «Центра»

направляемыми радиogramмами, а, наоборот, стараться, рискуя жизнью, направлять только правдивую, имеющую значение информацию. Да, я был убежден, что, ставя на карту собственную жизнь, я должен стремиться спасти жизнь не только наших разведчиков и связанных с ними людей, но и антифашистов, патриотов любой страны. Я шел еще дальше, я направлял все усилия на то, чтобы Паннвиц, которого я вправе был считать «палачом Праги», завербованный мною и более полутора лет с помощью Отто Баха и Вальдемара Ленца стремящийся собрать достаточные доказательства того, что он «сотрудничал» со мной, не приносил ущерба ни «Центру», ни движению Сопротивления, ни нашим союзникам по антигитлеровской коалиции. Я потом в своем докладе, написанном в Париже и доставленном в Москву для передачи Директору, честно описывал Паннвица, указывал на его преступления и на то, что для своего благополучия, для спасения жизни своей любовницы Кемпы он решился на все, даже на бегство из Парижа в Германию, с тем, чтобы в конечном счете прибыть вместе со мной в Москву.

Учитывая все это, я ждал последней команды «по машинам!». Этот день настал. Сейчас я уже боюсь точно назвать дату, однако убежден в том, что мы покинули Париж 15 или 16 августа 1944 г. В результате уличных боев французских патриотов 24 августа в Париж вступили подразделения 2-й танковой дивизии. 25 августа Париж был полностью освобожден от фашистских оккупантов. Об этом мы узнали, уже находясь с Паннвицем, Кемпой и Стлукой в Берлине.

Машина с Маргарет и Мишелем отбыла из Парижа за несколько дней до нашего отъезда. Не могу точно определить путь, пройденный Маргарет и Мишелем по Германии. Мне, конечно, об этом Паннвиц не сообщал. В то же время в некоторых опубликованных уже после войны книгах указывается, что они вместе с другими арестованными поездом были доставлены в Мец, а потом в Карлсруэ и только после этого в Тюрингию, где в местечке Фридрихрода, довольно близко от города Гота, находился «лагерь для привилегированных интернированных». В этом лагере, как я уже указывал, познакомился с женой генерала Жиро, с женой его брата и итальянской княгиней, вдовой итальянского принца, Изабеллой Русполи, такова была настоящая фамилия бельгийской графини. В литературе указывается, что Маргарет была доставлена со своими двумя детьми – двенадцатилетним Рене и почти четырехмесячным Мишелем – лично Паннвицем. Так пишет в своей книге и Леопольд Треппер («Большая игра»), а также и Жиль Перро в своей книге «Красная капелла» (с. 287). Некоторые авторы утверждают также, что Маргарет была препровождена с улицы Курсель гестапо с некоторыми находившимися в этом доме заключенными.

Мне очень неприятно, но я должен это сделать, указать на то, что в 1991 г. мне удалось ознакомиться с написанными Маргарет воспоминаниями, в которых тоже повторяется ряд искажений действительности. Ознакомившись с воспоминаниями, которые она передала сыну и невестке буквально накануне своей смерти в 1985 г., предупредив их, что они могут с ее «мемуарами» ознакомиться только после ее смерти, по встречаемым в этих записях неточностям, а вернее, искажениям действительности я осмелился обсудить встревоживший меня вопрос с нашим сыном, Мишелем. Мы пришли к общему мнению, что встречавшийся в Брюсселе в 1965 г. с Маргарет французский писатель, пользуясь недостаточной компетентностью своей собеседницы, уговорил ее в воспоминаниях утверждать только то, что ему, как писателю и защитнику Леопольда Треппера, было выгодно. Он объяснял необходимость выполнения его советов тем, что это имеет положительное значение, в первую очередь, для ее мужа, то есть для меня, оказавшегося в живых и проживающего в Ленинграде, а также и для нее лично, и нашего сына Мишеля, и сына от ее официального брака с Э. Барча. Последнее он аргументировал тем, что ей надо очистить свою биографию и биографию Мишеля от имевших место в то время нападков на них в Бельгии. Мне удалось уточнить у Мишеля, что с его матерью Маргарет около пятнадцати раз встречался и Леопольд Треппер. Мишель подчеркнул, что этот человек всегда устраивал свои встречи с ней только тогда, когда он был уверен, что Мишель будет отсутствовать. Несмотря на все

попытка Мишеля встретиться лично с Леопольдом Треппером, последний категорически избегал возможности лично переговорить с ним. У Мишеля и у меня сложилось твердое убеждение в том, что Жилью Перро и Леопольду Трепперу удалось уговорить Маргарет согласиться с рядом абсолютно ложных утверждений, которые были в их интересах, только в интересах Леопольда Треппера, а не отвечали не только правде, но и интересам Маргарет, Рене, Мишеля и его отца. Мне еще придется на этих вопросах остановиться в следующих главах.

Итак, наступил день нашего отъезда, а вернее, бегства из Парижа. Машина, на которой мы ехали, проезжала почти все населенные пункты с большой скоростью. Первый раз мы остановились в Страсбурге, где вновь встретились, если не ошибаюсь, с полковником Биклером, по своему происхождению уроженцем Эльзаса и Лотарингии. Как известно, Эльзас-Лотарингия была возвращена Франции только в 1919 г. по Версальскому мирному договору. Это, однако, не мешало многим из населения этих мест продолжать себя считать немецкими патриотами. Биклер считал себя не только немецким патриотом, но и патриотом гитлеровской Германии. Это сумели в рейхе оценить, и он был назначен начальником отдела VI РСХА, возглавляемого Вальтером Шелленбергом. Отдел, начальником которого был Бемельбург, распространял свою деятельность на всю Францию.

Как я мог понять из начатого в моем присутствии разговора между Паннвицем и Биклером, он оказался в Страсбурге на короткий промежуток времени и ждал с нетерпением нас. На этот раз разговор был откровенным, и оба собеседника не только не смущались моим присутствием, но, наоборот, были ему рады. Биклер и Паннвиц поставили передо мной конкретный вопрос: могу ли я запросить Москву о гарантиях их личной неприкосновенности и о согласии на переход их на службу Советскому Союзу?

Паннвиц тут же сказал, что я могу, используя мою радиолинию с «Центром», послать туда подобный запрос. Никакой опасности подслушивания и расшифровки нашей радиограммы не существует. Он не считал нужным объяснять, что служит гарантией этого, а я не стал рассекречивать тот факт, что по нашей договоренности со Стлукой, не зная, что нам ничего не угрожает, мы уже иногда передавали некоторые зашифрованные радиограммы без ведома Паннвица. К концу разговора я пообещал срочно направить радиограмму. Между Биклером и Паннвицем была достигнута договоренность о дальнейших встречах. Прощаясь, Биклер подчеркнул, что, если Москва даст просимые гарантии, к нему и начальнику зондеркоманды «Красная капелла» могут присоединиться еще не только военные, но и входящие в СС и СД.

Мы продолжили нашу поездку. Во время этой поездки, как я уже указывал, был убит Дорио, о чем мы сообщили в «Центр». Быстро передвигаясь по дороге уже на территории Германии, нам пришлось пережить неожиданную неприятность. Мы заметили в воздухе английские самолеты, два из них пошли на снижение. Боясь пулеметного обстрела, Паннвиц загнал машину в кювет, протянутый вдоль дороги и прикрываемый ветками деревьев. Мы выскочили из машины и вчетвером побежали в сторону. В нашу сторону побежали и пассажиры нескольких других автомашин. Мы прятались под кустами, находящимися в поле. Для меня этот случай, к сожалению, не прошел даром и запомнился надолго. Видимо, в результате прыжка из сильно наклонившейся в кювет автомашины у меня образовалась паховая грыжа, которую, к великому сожалению, я в силу сложившихся обстоятельств не мог, естественно, удалить в Германии, но надеялся, что эта несложная операция будет осуществлена вскоре после моего прибытия в Москву, что оказалось совершенно невыполнимым. Ни в тюрьме, ни в исправительно-трудовых лагерях я от этой довольно мучившей меня грыжи не мог отделаться. Ее мне удалили только в 1957-м или в 1958 г. в Ленинграде.

Мы доехали до Констанца. Видимо, Паннвиц знал, где там можно остановиться. Там был когда-то, как мне рассказывали, большой дом для психически больных. По приказу Гитлера все больные подобных лечебных заведений, как и больные дети, были уничтожены. В этом доме нам отвели место, и мы спокойно расположились. Днем остались вместе со

Стлукой и фрейлейн Кемпой, а Паннвиц неожиданно для меня вернулся к одному пережитому мною факту. Мне кажется, что в начале 1944 г. он предложил мне проехать вместе с ним в Испанию. Я, конечно, не знал, в каких целях он предпринимает эту поездку, но я мог понять, что я ему могу там пригодиться только как переводчик. Видимо, предложение о моей поездке в Испанию он выносил в Берлин. Для этого, конечно, предполагалось выдать новые «сапоги», то есть новый паспорт. Мой уругвайский паспорт, как он мне говорил, не может быть использован. В последнюю минуту, буквально за день до его отъезда в Испанию он сообщил, что моя поездка отменяется.

Зачем ему понадобилось теперь возвращаться к вопросу об отмене моей поездки в Испанию? Тогда я рассматривал это как запрет Берлина, так как там могли подозревать возможность моего бегства. Сейчас он вернулся к этому вопросу, потому что сам ли он, или кто-то другой принял решение о выдаче мне нового паспорта. Я получил бельгийский паспорт.

Вернувшись к этому вопросу, Паннвиц повторил то, о чем мне уже рассказывал и что, если мне не изменяет память, я в шифровке передал в «Центр». Он вернулся из Испании крайне взволнованным. Это было вызвано тем, что Франко и его правительство, скорее всего, решили отречься от Германии и сблизиться с США. Ему было хорошо известно, что после окончания национально-революционной войны в Испании и одержанной Франко с помощью итало-немецких интервентов победы в стране существовал благоприятный для немцев порядок, то есть они могли свободно передвигаться по всей территории. К моменту его поездки порядок был изменен, и он получил пропуск для передвижения по Испании по строго предусмотренному маршруту. В то же время он узнал, что лично Франко делает все для того, чтобы сблизиться с Америкой. Для этого у него были козыри. Один из наиболее важных заключался в том, что он отказался удовлетворить требования Гитлера о вступлении во Вторую мировую войну, сражаясь на стороне Германии. Тогда, прикрываясь возросшим партизанским движением против его власти, он согласился только направить на Восточный фронт добровольцев, составлявших так называемую Голубую дивизию. Паннвиц на этот раз сделал вывод, что против гитлеровской Германии готовятся выступить и многие немцы.

Нам было некогда задерживаться в Констанце, так как Паннвицу надо было срочно прибыть в Берлин. Там должен был решаться вопрос о его дальнейшей служебной деятельности. Что касается меня, то он был полностью убежден в том, что ему удастся доказать целесообразность продолжения радиоигры с «Центром». Ведь до сих пор Берлин верил ему, что эта радиоигра проводится исключительно на пользу Германии. Руководители РСХА не могли усомниться в его преданности рейху. Заподозрить, что он свяжется с союзниками по антигитлеровской коалиции, а тем более с Советским Союзом и пойдет на предательство, никто не мог. Это тем более, что его действия как гестаповца в Праге делали этот шаг, по мнению руководства, невозможным.

Мы выехали из Констанца и, как я уже указывал, по пути заехали к его тете, монахине. Встреча была непродолжительной. Однако мне удалось извлечь из нее для себя интересный факт. Мне показалось, что эта монахиня выражает не только свое личное, но и мнение своих подруг, а возможно, и вообще церковнослужителей. Я не мог точно понять, почему монахиня называла имя Папы Римского Пия XII, но мне показалось, что его политику тоже уже почти открыто осуждают. Я вспомнил, что во время национально-революционной войны в Испании католическая церковь поддерживала мятежников и итало-германских интервентов в борьбе против республики. В это время в Ватикане Папой Римским был Пий XI, открыто поддерживавший фашистский режим в Италии еще с 1929 г., а затем и фашистский режим в Германии, подписав в 1933 г. конкордат с ним. Он всячески одобрял империалистическую политику, проводимую Бенито Муссолини и Адольфом Гитлером, но в то же время постоянно проводил политику, направленную против Советского Союза, а в 1930 г. уже открыто провозгласил «крестовый подход» против него, что предопределило стремление к достижению международной антисоветской кампании.

Он, именно он занял враждебную Испанской Республике позицию. Тогда мне не было

известно, что статс-секретарем Ватикана, а вернее, персональным советником Папы Пия XI был Пачелли, ставший уже в 1929 г. кардиналом. После смерти Пия XI стал в 1939 г. Папой Римским Пием XII. Именно он официально приветствовал победу франкистов и их вдохновителей и интервентов над Испанской Республикой. Узнав об этом в те годы, я заинтересовался личностью Пия XII и узнал, что, будучи нунцием в Баварии, а затем и в Германии с 1917-го по 1929 г., он поддерживал фашистское движение в этой стране, а затем постоянно, до своей смерти, последовавшей в 1958 г., оставался верен фашистскому течению, что особенно проявилось в годы Второй мировой войны. Сейчас всем уже известно, в какой нескрываемой степени он поддерживал в 1939–1945 гг. агрессивную политику Германии и ее сателлитов. В то время, когда я присутствовал при встрече Паннвица с его тетей, я знал уже несколько больше о роли католической церкви, но я не мог предположить, что монахиня в открытую скажет о том, что итальянский (так она сказала), а вернее, Папа Римский Пий XII все предпринимал в угоду Гитлеру для снижения в Германии религиозных разногласий, а ведь фактически национал-социалистическая партия все делала для уменьшения роли церкви, религии в немецком народе.

Признаюсь, мне беседа с монашенкой, на которой я присутствовал, понравилась, а Паннвица, как мне показалось, она раздражала, и он делал все для того, чтобы ее прервать. Вскоре мы продолжили путь в направлении Берлина.

Когда я проезжал в этот раз, а затем и еще несколько раз по территории Германии, меня крайне удивило то, что я мог заметить. Не знаю, соответствует ли в полной степени создавшееся впечатление о Германии, но мне тогда казалось, что из промышленных предприятий почти ни одно не пострадало в достаточной степени, не было разрушено в результате налетов англо-американских бомбардировщиков. Наоборот, многие, очень многие жилые дома, расположенные вблизи от этих предприятий, были полностью разрушены. Это, очевидно, заметили Паннвиц и Стлука тоже. Неожиданно я услышал, что они оба тоже удивлены увиденным. Меня особенно удивила реплика Стлука, который не побоялся прямо сказать, что существующее положение может быть объяснено только тем, что в свое время многие утверждали, а именно что после Версальского мирного договора, явившегося результатом поражения Германии, некоторые государства, вопреки этому договору, многое сделали для дальнейшего развития немецкой промышленности и, возможно, в эти предприятия вложены немалые капиталы иностранных фирм. Паннвиц согласился со Стлукой только частично. Он выразил убеждение, что помимо, возможно, вложенных капиталов крупные промышленники большинства стран Европы и даже США усиленно поддерживают деловые контакты.

Хейнц Паннвиц высказывал особое беспокойство в связи с тем, что его родители и семья живут в Магдебурге. Он подчеркивал, что в этом городе, расположенном в огромной излучине Эльбы, имеется много промышленных предприятий, в том числе и крупный завод тяжелого машиностроения «Круппа-Тузоп». Имеются там химические и другие предприятия. Не подвергнется ли Магдебург тоже усиленным налетам авиации?

Не менее ужасное впечатление произвел на нас и Берлин, тоже уже подвергавшийся бомбежке авиации. Когда я оказался в городе в начале 1945 г., он произвел на меня еще более тяжелое впечатление. Мне показалось, что большая часть города разрушена полностью.

Когда мы прибыли в конце августа или начале сентября 1944 г., мы задержались там не особенно долго. Видимо, Паннвиц торопился получить новое задание или новое назначение. Кемпа оставила нас тоже вдвоем со Стлукой – надо было ждать криминального советника. Со мной во время вызова, длившегося буквально не более 30 минут в присутствии Паннвица, вел разговор абсолютно незнакомый человек. Цель этого вызова была, видимо, очень простой. Моему собеседнику было поручено еще раз подчеркнуть в разговоре со мной, что, продолжая свою деятельность совместно с Паннвицем, я могу иметь гарантии полного благополучия после окончания войны, а также и благополучия Маргарет и Мишеля.

Выслушав заявление представителя РСХА, я ответил, что уже давно сотрудничаю с

криминальным советником, а по вопросу обещания обеспечения после войны полного благополучия я уже поставлен в известность, так как мне было зачитано письмо начальника гестапо генерал- лейтенанта Мюллера. На этом мой вызов в РСХА был закончен, и мы вернулись вместе с Паннвицем и Стлука в отведенное нам помещение.

Я не знал, чем закончились переговоры Паннвица с начальством, но по его бодрости и хорошему настроению я мог понять, что его будущее в рамках Главного управления имперской безопасности уже определено и оно его не волнует.

На следующий день к нам присоединилась Кемпа, и, опять усевшись в привычную нам машину, мы двинулись в путь.

Машина доставила нас вновь в Констанц. Оттуда мы направили со Стлукой одну или две радиограммы в «Центр». Мне помнится, что я повторно просил «Центр» направить заверения о неприкосновенности и приеме на службу в интересах Советского Союза тех немецких офицеров и гестаповцев, которые выразят желание на прибытие в Москву или встречу в каком-либо другом месте с нашими представителями.

Мы продолжали ездить по территории Германии. Цель этих поездок в то время для меня не была ясна. Отдельные эпизоды, однако, мне запомнились до сегодняшнего дня. Мы посетили ряд городов, в том числе Франкфурт, Майнц, Мангейм, Людвигсхафен, Штутгарт и другие. Иногда ожидали покидавшего нас Паннвица, сидя в машине, иногда в каком-нибудь ресторанчике. Куда ходил криминальный советник, нам было неизвестно. Узнали мы об этом спустя пару месяцев.

Однажды, заехав всего на пару часов в Берлин, Паннвиц вернулся из Главного управления имперской безопасности в приподнятом, хорошем настроении. Уже в пути он сообщил нам, что предполагаемое его новое назначение уже приняло законную форму. Итак, он больше не является начальником зондеркоманды «Красная капелла», которая полностью распущена. Его назначили начальником отдела «А». Конечно, я, да и не только я, а и Стлука, и Кемпа не могли понять, что это за отдел и чем он должен заниматься. Паннвицу поручали обеспечить, как он выразился, разведывательную сеть на территории Германии и на подступах к ней, для того чтобы в случае продвижения союзников получать надлежащую военную информацию. Повернувшись в мою сторону, он подчеркнул, что ему удалось убедить руководство в том, что между ним и мною уже установились необходимые отношения, гарантирующие, что в этой его работе я смогу оказывать ему надлежащую помощь, активно сотрудничая с ним.

Уже зная, что Маргарет и Мишель находятся в лагере для интернированных во Фридрихсроде, я задал вновь назначенному начальнику отдела «А» давно интересовавший меня вопрос: когда я смогу с ними увидеться, навестить их? Хочу особо подчеркнуть, что к этому времени ни я и никто из нас еще не знали точное время нашего перехода за линию фронта на Востоке или непосредственного прибытия в Москву. Поэтому я действительно хотел только увидеться с моим сыном и Маргарет, не думая о том, что наша встреча может стать последней до окончания Второй мировой войны и установления мира, что могло позволить обеспечить нормальный образ жизни у меня на Родине, а вернее, в Ленинграде, где продолжали жить мои родители.

Паннвиц пообещал мне, что предпримет необходимые меры для того, чтобы я действительно мог немного побыть вместе с Маргарет и нашим сыном. Немного отклонившись от развития дальнейших событий, вынужден указать, что в различных публикациях и даже воспоминаниях, написанных лично Маргарет, часто указывается, что, еще находясь в заключении в Париже, она могла перевести Рене из пансионата в Марселе в пансионат в Париже, а затем он уже был вместе с нею и Мишелем препровожден в лагерь для интернированных. Эта вымышленная версия тогда мне была неизвестна. Поэтому я коснулся волновавшего меня вопроса, а именно положения Рене в Марселе в пансионате без соответствующей оплаты. Вразумительного ответа я не получил. После этого не переставал думать о том, что происходит с Рене.

Сейчас я вправе задать вопрос: кому и в чьих интересах понадобилось создать ни на

чем не основанную версию о том, что Рене находился в немецком лагере? К великому моему сожалению, должен высказать несколько взволновавшую меня обоснованную версию с моей стороны. Выдуманная версия о пребывании Рене во Фридрихроде была, видимо, придумана Жилем Перро и Леопольдом Треппером и ими, только ими навязана Маргарет. Какую пользу это могло принести им и Маргарет? Им это могло служить только доказательством их «честного расположения» к Маргарет, ее детям, что позволяло навязывать ей другие ложные высказывания. Маргарет это могло, с их точки зрения, принести пользу в том отношении, что она могла затребовать от ФРГ компенсации за троих. Я не могу утверждать, что она, пользуясь их советом, давая ложные показания, смогла получить материальную выгоду, но то, что она нуждалась в таковой, сомнений у меня нет. Зарабатывая миллионы франков, ни Жиль Перро, ни Леопольд Треппер не считали возможным поделиться с несчастной нуждающейся женщиной с двумя детьми своим гонораром, полученным за их «детективные романы», в которых помещались навязанные ей, Маргарет, вы годные им мысли. Она, безусловно, не могла предположить даже, что это было не в ее лично, а тем более не в мою пользу. Сейчас их личные утверждения, подтвержденные «свидетельствами» Маргарет, уже полностью опровергнуты подлинными архивными документами.

Итак, я не получил от Паннвица еще ответ на мой вопрос о возможности встречи с Маргарет и Мишелем во Фридрихроде. Возможно, ему надо было и этот вопрос согласовать с Берлином, или другое – просто боялся разъединиться со мной. Ему важно было доказывать Берлину, что наша совместная работа приносит пользу, и мы должны постоянно оставаться вместе. Возможно, этим он стремился меня предохранить от репрессий, в том числе и от расстрела. Это было ему совершенно необходимо, ибо на меня он делал ставку в начатой игре, финалом которой должно стать спасение его жизни. Этому я тоже верил.

Вновь оказавшись в Констанце, мы встретились еще раз, в предпоследний, с полковником Биклером. Явно нервничая, он вновь спросил нас, вернее, именно меня, получили ли мы ответ из Москвы о гарантиях неприкосновенности в Москве тех, кто согласился сотрудничать с Советским Союзом. К моему сожалению, и на этот раз я ничем не мог его обрадовать. Однако мы еще не теряли надежды, что ответ поступит. В то же время положение на Западном фронте ухудшалось, немцы терпели поражение.

Естественно, начальник отдела «А» должен был с большим вниманием следить за всем происходящим на территории Франции, Бельгии и самой Германии. Уже было известно, что бои за освобождение от оккупации Бельгии проходят успешно. В самом начале сентября 1944 г. союзные войска пересекли границу Бельгии и уже 3 сентября освободили Брюссель, а на следующий день освобожден был Антверпен, в середине сентября – Люксембург. Особенно взволновало Паннвица сообщение о том, что на довольно большом участке фронта немецкие войска стали отходить на «линию Зигфрида». Считаю нужным отметить, что мне случайно пришлось присутствовать, сидя в машине, при короткой беседе Паннвица, видимо, с хорошо знакомым ему немецким офицером, если не ошибаюсь, в чине полковника. Их машины ехали друг другу навстречу. Остановились, Паннвиц вышел из машины, а полковник подошел к нему.

Полковник выражал мысль, что «линия Зигфрида» тоже оказалась в силу ряда допущенных ошибок не вполне подготовленной к обороне Германии со стороны Запада. После агрессии гитлеровцев против Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и особенно Франции, их поражения и оккупации, как отметил полковник, видимо, Гитлер решил, что со стороны этой границы Германии больше ничего не грозит. Поэтому были прекращены проводимые работы по возведению оборонительных сооружений, даже были сняты по непонятным причинам проволочные заграждения, проведены работы по разминированию подступов к уже известной во всем мире могучей «линии Зигфрида». Несколько задумавшись, полковник продолжил свои высказывания, указав на то, что Гитлер, видимо, не терял надежды на возможность заключения со странами Запада мирного договора. Все это должно было сконцентрировать внимание Германии только на Восточном фронте.

Паннвиц слушал, как мне кажется, полковника с большим вниманием и вдруг, не

спеша, высказал свое личное мнение, заключающееся в том, что верховное командование Германии, убедившись в опасности начавшегося открытия второго фронта на Западе, приняло решение, вернее, ряд срочных решений. По его словам, он лично убедился, совершая поездки частично и вдоль «линии Зигфрида», что там осуществлялись срочные работы по укреплению всех оборонительных сооружений на ней и по заминированию новых подступов к ней.

Позднее услышанное мною нашло подтверждение во время проводимых союзниками попыток прорыва воинских подразделений через «линию Зигфрида». Долгое время им это не удавалось сделать.

Оба собеседника сошлись в одном: Гитлер был прав, объявив в конце сентября о необходимости скорейшего создания фольксштурма. Может быть, действительно, по их мнению, немецкий народ не допустит оккупации союзниками Германии и полного ее разрушения. Я отметил тогда для себя, что ни один из двух собеседников ни словом не обмолвился о том, что немецкий народ будет защищать гитлеризм как таковой и его стремление к мировому господству, к завоеванию новых территорий.

Наступил уже ноябрь, а вскоре нам стало известно, что союзникам удалось занять Мец, а затем и Страсбург.

Взволновало многих то обстоятельство, что Гитлер и его верховное командование решили предпринять крупную военную операцию, контрнаступление фашистских войск в Арденнах. Всем тем, кто следил за событиями на фронтах, было совершенно понятно, что, начиная эту крайне опасную операцию, гитлеровцы ставили перед собой основную цель – нанести решительный удар по англо-американским войскам, сосредоточенным в этом районе, и тем самым добиться некоторого улучшения положения фашистов на Западном фронте. К участию в этой операции были привлечены крупные подразделения, оснащенные большим количеством танков, артиллерийских орудий, минометов и другой военной техники. Вскоре стало известно, что большое количество боевых немецких самолетов осуществили налеты на военные аэродромы в Бельгии, Франции, Нидерландах. Конечно, точные сведения о понесенных сторонами потерях до нас доходить тогда не могли.

Могли ли немцы извлечь для себя в Арденнах пользу и в чем она должна была выражаться? На этот вопрос я не слышал никакого объяснения. Только позднее мне пришлось услышать мнение некоторых немцев, что верховное командование стремилось нанести союзникам значительный удар, последствием которого должны были быть большие потери в войсковых частях англо-американских войск, уничтожение не только вооружения этих частей, но и боевых самолетов. Они рассчитывали тем самым получить возможность хотя бы на некоторое время отвести с Западного фронта некоторую часть своих войск, с тем, чтобы остановить продвижение Красной армии на Запад, перебросив освободившиеся части на Восточный фронт. Да, к этому времени у меня на строение поднялось, я узнавал все больше и больше о победах Красной армии, ее продвижении на Запад. В моем понятии это приближало в значительной степени победу над Германией, а следовательно, приближало возможность моего возвращения на Родину. Я все еще надеялся на то, что Паннвиц и другие выразившие свое согласие в дальнейшем сотрудничать с Советским Союзом не изменят своего решения.

Операция в Арденнах длилась почти полтора месяца. Немцы были вынуждены прекратить ее после того, как Советский Союз начал крупные наступления в Восточной Пруссии и Польше. Это потребовало немедленного отвода немецких войск в возможно большем объеме с Западного фронта. Паннвицу удалось с кем-то встретиться, возможно даже из участвовавших в Арденнской операции. В разговоре, который имел место после этой встречи у меня с криминальным советником, я заметил, что он продолжает быть немцем во всех отношениях и глубоко переживает тот факт, что немцы понесли очень большие потери в Арденнской операции. Будучи в очень подавленном состоянии, Паннвиц прямо сказал, что более глупого решения верховное командование Германии не могло придумать.

Этот разговор с Паннвицем состоялся уже в конце февраля 1945 г., когда уже им было

принято окончательное решение выехать вместе со мной, Кемпой и Стлукой в Москву. Тогда мы еще верили, что к нам присоединится и полковник Биклер.

Читатель, видимо, заметил, что мои повседневные связи с Паннвицем прервались, если память мне не изменяет, в январе и возобновились во второй половине февраля 1945 г. Действительно, в это время я по моей просьбе Паннвицем был помещен в лагерь во Фридрихроде для того чтобы мог с находящимися там Маргарет и Мишелем попрощаться на некоторое время до нашей встречи. Мы, Паннвиц и я, уже твердо верили, что в ближайшее время все же удастся добраться до Красной армии, а затем добиться приема в Москве в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Красной армии.

В лагере для интернированных Маргарет и Мишель были размещены в здании, в котором, видимо, ранее находилась или маленькая гостиница, или пансионат для туристов. Наша встреча была очень трогательной и в то же время для меня крайне тревожной. Ведь я не мог сообщить Маргарет, что в лагерь меня поместили на очень короткое время специально для прощания с ней и нашим сыном, которому тогда уже было девять месяцев. После этого мы будем опять вынуждены расстаться на неопределенное время. Тяжело было видеть радость Маргарет, вызванную нашей встречей и надеждой, что мы уже никогда больше не расстанемся. Не менее тяжелым состоянием мое было и в результате того, что я увидел моего любимого малютку. Неужели мы не увидимся больше никогда или в лучшем случае – не скоро? Этот вопрос меня не покидал ни на минуту.

В этом же доме, где проживала Маргарет, были размещены, как я уже указывал, вдова погибшего во время войны летчика, принца Италии, бельгийская графиня Изабелла Русполи, жена французского генерала Анри Оноре Жиро и жена его брата, арестованные немецкими оккупантами после того, как генерал на подводной лодке направился в Африку. Я обязан оговориться, в книге Жюль Перро «Красная капелла» Русполи упоминается как итальянская княгиня. Она мне лично говорила, что она бельгийская графиня и только вдова итальянского принца.

К моменту моего прибытия во Фридрихроду у Маргарет уже были близкие и очень дружеские отношения с перечисленными мною тремя дамами. Это вскоре сказалось и на моих отношениях с ними. Именно благодаря этим отношениям мадам Жиро и графиня Русполи удовлетворили нашу просьбу стать свидетелями, крестными родителями в католической церкви во Фридрихроде при крещении нашего сына Мишеля. Крещение состоялось, в церкви собралось немало народу, а после службы мы собрались в узком кругу у нас в комнате, и хозяйка пансионата, которая обеспечивала нашу обычную кормежку, угостила обедом.

Графиня Русполи сблизилась с нами еще в большей степени. Однажды она попросила меня зайти к ней в комнату, так как хотела поговорить со мной. Войдя в комнату, я был поражен, увидев огромный золотой крест, думаю, что не преувеличиваю, он был длиной не менее 25 сантиметров. Меня пригласили сесть, и между нами состоялся доверительный разговор. Графиня рассказала о своей жизни в Бельгии до выхода замуж за итальянского принца, о своей близости к королевской семье, в особенности к сестре Леопольда 111, которая тоже стала женой одного из итальянских принцев.

Изабелла Русполи высказала свое предположение, что ее арест в основном был вызван ее близкими отношениями, частыми встречами с командующим фашистскими войсками в Бельгии и на севере Франции. Она указала, не называя его фамилию и фамилии других встречаемых ею немецких офицеров, что среди них, видимо, находились те, которые не всегда соглашались с политическими и военными планами Гитлера. Так, один из них, имеющий высокое звание в немецкой армии, якобы, по ее словам, одно время был советником в Китае у Чан Кай Ши. Этот крупный военный, повторяю, якобы на одном из совещаний у Гитлера предупредил, что план «Барбаросса» нереален. Ему, этому высокопоставленному офицеру, удалось иметь близкие контакты с советскими советниками у Чан Кай Ши, ознакомиться с «военной мощью» Советского Союза, а это означает, что Германия еще далеко не готова к началу военных действий против этого мощного

государства. Этим объяснялось, по ее словам, по существу, его отстранение от командования действующей армией. Я впервые услышал тогда, что этот офицер относится с огромным озлоблением к гестапо и с огромным недоверием к имевшей место игре в проповедующейся разведывательной деятельности службы контрразведки.

Графиня внесла некоторую ясность в причину, побудившую её вести со мной подобный разговор. Мне даже показалось, что о том, что он состоится у нас с глазу на глаз, знала и Маргарет. Видимо, Изабелла Русполи была предупреждена Маргарет по двум пунктам. Во-первых, она могла сообщить графине, что гестапо ведет еще следствие по моему обвинению и она опасается, что меня могут вновь вызвать на допрос, то есть она или не понимала в то время, что с Паннвицем у меня возникло «сотрудничество» во имя интересов моей Родины, Советского Союза, или не верила в реальность такового и возможности спасения нашей жизни. Во-вторых, уже зная к этому времени, что я являюсь офицером Красной армии, а это она могла узнать не от меня, а от Елены Кемпы или Паннвица, боялась, что я захочу вернуться на Родину, а это могло вызывать у нас нервную напряженность, так как она могла предполагать, что я захочу, чтобы и она с нашим сыном перебралась в Советский Союз. Нервную напряженность могло вызвать у нее и то, что я смогу, возвратившись на Родину, отказаться от них.

На чем основывались эти мои предположения? Графиня начала мне рассказывать, что у нее имеются значительные богатства в Латинской Америке, размещены там значительные поместья. Зная о том, что я опытный бизнесмен, она предложила мне после войны согласиться стать управляющим одного из её поместий. Сама она, конечно, в Латинскую Америку не переедет, так как у нее есть в Европе сыновья, и она хочет всегда быть рядом с ними. Она сможет съездить вместе с нами, то есть со мной, Маргарет и Мишелем, в свои поместья, выбрать одно из них, которое я соглашусь взять под свое управление, а затем она вернется в Европу.

Видимо предупрежденная Маргарет о том, что лично мне может что то угрожать, графиня, не выслушав еще мое мнение по первому ее предложению, высказала еще одно очень забавное предложение. Я говорю «забавное» потому лишь, что это не только я, но никто не мог посчитать серьезным. Оказывается, в случае если меня тревожит моя будущая судьба, то я мог бы, воспользовавшись возможностями одной приятельницы Изабеллы Русполи, проживающей в городе Гота, сбежав от гестапо, скрыться в надежном месте.

Для меня было совершенно ясно, что сбежать из лагеря не так-то просто, а надежное убежище, гарантирующее мою безопасность, не способно решить более существенный вопрос: к чему может привести мое бегство? Прежде всего, к репрессиям, к уничтожению Маргарет и Мишеля. Конечно, я не мог графине доверительно сообщить о принятом мною окончательном, рассматриваемом мною как единственно правильном решении – выполнить свой патриотический долг, долг человека, продолжительное время рисковавшего своей жизнью, вернуться на Родину и, продолжая честно и дальше служить ей, помочь Главному разведывательному управлению тщательно изучить все имевшие место в работе наших резидентур ошибки, приведшие в конечном итоге к провалу наших резидентур, а также и всех тех фактов, которые имели место для расширения арестов наших разведчиков, бойцов движений Сопротивления в Бельгии, Германии и Франции. Безусловно, я возлагал большие надежды и на то, что принятое мною решение с помощью Отто Баха и Вальдемара Ленца завербовать начальника зондеркоманды «Красная капелла» Паннвица и других работников гестапо и немецкой контрразведки принесет тоже пользу Советскому Союзу.

Что касается первого предложения, то есть принятия на себя обязанностей управляющего одного из принадлежащих Изабелле Русполи в Латинской Америке поместий, то я решил со всей твердостью, поблагодарив за высказанную возможность, отвергнуть. Мотивировал это тем, что взять на себя обязанности управляющего помещьем я, коммерсант, незнакомый со всем, что должно происходить в поместье, просто не имею права.

Изабелла неоднократно повторяла, что, будучи вполне обеспеченной в Бельгии, она

всегда будет готова Маргарет, мне и Мишелю оказать необходимую помощь. В то же время, будучи уверенной, что конец войны, поражение фашистской Германии приближаются, она убеждена, что все мы будем жить нормально, вполне обеспеченными людьми. Иногда, прогуливаясь по Фридрихроде, графиня помогала мне разобраться в том, кто интернирован в этот лагерь. Она неоднократно подчеркивала, поясняя мне, что представляет собой встречаемый нами тот или иной прохожий. Здесь были и французские генералы, и политические и деловые деятели, были и аналогичные им бельгийцы. С некоторыми из них она меня даже знакомила.

Мое пребывание во Фридрихроде было омрачено рядом обстоятельств. Прежде всего, конечно, тем, что Маргарет еще до моего приезда сломала себе левую ногу и полностью не смогла восстановить свои силы. Это имело немалое значение в сложившейся обстановке. Часто приходилось прятаться в погребе дома, в котором мы жили, из-за повторявшихся налетов самолетов союзников и иногда даже допускаемого сбрасывания ими бомб или обстрела Фридрихроды с самолетов. Вскоре пришлось, однако, изменить установившийся порядок использования подвала дома в качестве бомбоубежища. Мы считали более надежным наше в буквальном смысле слова бегство в расположенный вблизи лес. Рельеф был гористым. Передвижение по лесу было тяжелым для Маргарет с еще не полностью восстановленной ногой и для нас, так как приходилось брать коляску, в которой находился не только Мишель, но и небольшой запас детского белья, кое-какие вещи для нас на случай разрушения нашего дома. Мишеля приходилось нести на руках большую часть времени, а тяжелую тележку я тащил за веревку, шагая впереди, а сзади ее подталкивала Маргарет. Иногда Мишеля укладывали в коляску, на дне которой находилось детское белье, а наши вещи в небольшом чемоданчике нес я.

Нам удавалось едва-едва следить за тем, что делается на фронтах, ибо у нас не было ни радиоприемников, ни радиотрансляционной сети. Мы не получали и каких-либо газет. Однако кое-что свежее просачивалось. Местное население относилось к нам заметно более дружелюбно и иногда даже считало возможным втихую информировать об успехах англо-американских и французских войск на Западе, а Советского Союза – на Востоке.

Маргарет чувствовала себя несколько лучше. Я имею в виду ее поломанную ногу. Кроме того, мое пребывание во Фридрихроде, наше совместное проживание успокаивали ее нервное состояние. Мы были, конечно, очень рады тому, что имеем возможность быть вместе с нашим сыном, которого очень любили.

Несмотря на все это, мое состояние становилось все более и более тяжелым. У меня вызывало тревогу то обстоятельство, что я уже более месяца не имел никаких сведений о Паннвице и Стлуке. Не передумал ли криминальный советник, не решил ли он отказаться от сотрудничества со мной и с «Центром» и не удрал ли куда-либо? Стлука меня беспокоил еще и потому, что его «исчезновение» лишало меня, по существу, возможности поддерживать радиосвязь непосредственно с ГРУ. Конечно, мою тревогу я не высказывал и не мог высказать Маргарет. Я с большим напряжением пытался казаться спокойным.

Дни шли, как мне казалось, очень медленно, и вдруг все встало на свое место. Около нашего дома остановилась автомашина, в которой сидели Паннвиц, Кемпа и Стлука. Они вышли из машины и поднялись к нам. «Совершенно неожиданно» Паннвиц предложил побыстрее, не задерживаясь, подготовиться к нашему отъезду. Я поставил слова «совершенно неожиданно» в кавычки, ибо так это было воспринято именно Маргарет, что вызвало у нее слезы. Не буду сейчас подробно останавливаться на дальнейших «событиях» во Фридрихроде. Да, я лично знал, что должен уехать, и, несмотря на моральные тяжелые переживания, ждал своего отъезда из лагеря Паннвицем. Итак, тяжелое прощание, не лишённое слез не только у Маргарет, но и у отца девятимесячного сына.

Легко понять мое состояние. Ведь я не знал, что будет дальше со мной, сохраню ли я свою жизнь, сумею ли вновь увидеться с теми, с кем с болью в сердце прощался. Да, это было большое переживание. Хочу подчеркнуть, что к нашим переживаниям присоединились не только графиня Русполи, жена генерала Жиро и ее родственница, но и все проживающие в

доме, включая и владельцев. Задерживаться мы не могли. Сам факт приезда Паннвица к нашему дому мог быть истолкован многими по-разному. Я спешно собрался. Еще одно прощание, сопровождаемое слезами, и я последним сажусь в автомашину. Мы покидаем Фридрихроду. Вновь Констанц.

Уже по пути, а тем более в занятом нами помещении Паннвиц, явно нервничая, часто сбиваясь, рассказывал о положении на фронтах и о явной угрозе скорого поражения Германии, отмечая, однако, странную позицию, занимаемую союзниками на Западе. Я впервые услышал от Паннвица, а в особенности от Стлуки о том, что верховное военное командование Германии, видимо, принимает все меры к тому, чтобы не оказывать особого сопротивления продвигающимся армиям союзников на Запад. В особенности это стало происходить после того, как 28 января немецкие воинские части потерпели огромное поражение в начатой именно в результате принятого верховным командованием решения о проведении Арденнской операции, понеся значительные потери.

Почти каждый день происходили события, имевшие значение для меня, оказывающие влияние на мою деятельность, на задуманные нами мероприятия. Я имею в виду, в том числе, и привлечение на нашу сторону еще различных немцев, могущих оказаться полезными ГРУ в частности и Советскому Союзу в целом. Не могу, однако, не отметить, что на всех немцев по-разному оказывало влияние наступления союзников на Запад с явным стремлением как можно быстрее подойти к реке Рейн, которую будет не так просто преодолеть.

Мы поддерживали связь с «Центром» и не могли понять, почему оттуда не поступило еще сообщение об удовлетворении нашего ходатайства о гарантиях для немцев, согласившихся прибыть в Москву, об их неприкосновенности. Эта задержка ответа вскоре сказалась.

После многочисленных поездок по территории Германии Паннвиц, выполняя обязанности начальника отдела «А», докладывал Берлину различные сведения, содержание которых, конечно, я не знал. В то же время мои отношения со Стлукой крепли, я все больше и больше начинал доверять ему.

В первых числах апреля произошло событие, в значительной степени определившее дальнейшее развитие событий. Нам стало известно, что союзники заняли Франкфурт на Майне, Мюнстер, а французам удалось захватить город Карлсруэ. Трудно было определить, каково настроение у всех немцев. Нам надо было действовать более решительно, чтобы побыстрее прорваться к своим, в Советский Союз.

Усиленно распространялись слухи со ссылкой на источники, якобы принадлежащие союзникам, о том, что они, а в особенности США и армия под командованием Дуайта Эйзенхауэра, должны предпринимать все необходимые меры к завоеванию наибольшей части территории Германии, в том числе не допустить победы Красной армии по «захвату» Берлина. Нам, я подчеркиваю, нам, то есть Паннвицу, Стлуке и мне, начало казаться, что стремление американцев поддерживается уже приговоренной к поражению Германией.

У нас состоялась встреча с полковником Биклером. По внешнему виду его было трудно узнать, настолько он изменился. Не успев поздороваться с Паннвицем и мною, полковник задал вновь все тот же волновавший его уже давно вопрос, касающийся того, получили ли мы ответ из Москвы в части гарантии неприкосновенности согласившимся на сотрудничество с Советским Союзом бывшим гестаповцам и абверовцам. Подчеркиваю, он именно под понятием гестаповцы и абверовцы называл тех, кто предложил свое сотрудничество. К великому сожалению, и на этот раз мы не могли дать утвердительный ответ.

Не теряя времени, полковник Биклер сообщил, что 4 апреля Генрих Гиммлер собрал ведущих своих работников и предупредил их, что, без всякого сомнения, Германия проиграла войну. Поэтому всем работникам возглавляемого им Главного управления имперской безопасности надлежит принять необходимые меры к самоспасению любым путем. Он предложил тут же воспользоваться заготовленными различными бланками

паспортов для того, чтобы иметь возможность под вымышленными фамилиями, и даже в некоторых случаях изменив гражданство, перебраться в Швейцарию или в какую-либо другую страну. В некоторых случаях заинтересованным лицам он сможет оказать и материальную помощь.

Мы еще не успели закончить наш разговор, как к нам присоединился военный, как мне показалось, в ранге генерала. Не задумываясь над его званием, я очень хотел определить, к какому ведомству или какому роду войск он принадлежит. Из немногих высказанных слов я мог только понять, что он тоже убежден в том, что Германия уже окончательно близка к поражению. Однако я мог понять еще, что он обеспокоен тем, что в руководстве Германии имеются люди, которые предпочитают окончание войны с предоставлением широких возможностей, больших преимуществ союзникам во главе с США победе Советского Союза и установлению именно с ним добрососедских отношений, включая и те страны, которые в данное время находятся в числе сателлитов гитлеровского рейха и подключились к проводимой антисоветской политике. Мне показалось, что он, как, впрочем, Биклер и Паннвиц, предпочитает послевоенный союз с Советским Союзом и враждебно относится к стремлению некоторых гитлеровцев сегодняшнего дня присоединиться к западным союзникам и, возможно, продолжить войну против СССР.

Встреча не длилась долго. Я мог понять, что Биклера и его приятеля я больше никогда не увижу. На этот раз не ставился вопрос о времени и месте новой встречи. Пожав друг другу руки, мы расстались. Явно в нервном состоянии Паннвиц и мы продолжали колесить по Германии. Однажды Паннвиц высказал мысль, что, может быть, нам следует присоединиться временно к вервольфу, к организации которого призвал Гитлер, а быть может, нам следует направиться в Австрийские Альпы, где могут сосредоточиться и сторонники Гимmlера. Последнее у меня лично вызвало сомнение, но только в той части, что в Альпах будут сторонники Гимmlера. Самим отойти в эти места я не возражал. Решение еще не было принято.

Однажды нам навстречу попала уже немолодая немка. Оказывается, она была хорошо знакома с Паннвицем. Мы провели целый день вместе. Она возглавляла геббельсовский журнал «Актюн». Должен признаться, что эта встреча осталась у меня в памяти, видимо, до конца моей жизни. Мы познакомились. Я запомнил ее фамилию – Видеман. Из разговора я мог понять, что она дочь бывшего в царской России посла Германии. Именно поэтому владела неплохо и русским языком. Правда, ее отец был переведен на работу, сейчас уже точно не помню, то ли в Иран, то ли в Афганистан. Одно время она целиком и полностью поддерживала идеологию и политику гитлеровской Германии, но постепенно изменила свои взгляды, и, возможно, это было замечено Геббельсом и его окружением. Именно поэтому она оказалась на нелегальном положении, то есть пряталась от возможного преследования. Ей повезло, в это время уже у полиции, да и у гестапо было слишком много других забот, чем розыск мадам Видеман.

Мне казалось, что Паннвиц уже до нашей встречи с мадам Видеман чем-то ей помог, чтобы избежать преследования не только со стороны Риббентропа, но и гестапо. Во всяком случае, они во время нашей совместной встречи держались очень дружелюбно. Мне даже показалось, что у них появилось отрицательное отношение к гитлеризму. Чувствовалось и то, что они расставались по-дружески и не надеялись на новую встречу.

Паннвиц, Стлука, Кемпа и я, как и многие немцы, находились под впечатлением от всего того, что становилось известно о положении на фронтах. Уже в конце марта мы узнали, что в районе Торгау на реке Эльбе советские войска встретились с войсками союзников. Почти одновременно мы узнали о внезапной, во всяком случае, нам так казалось, смерти президента США Франклина Делано Рузвельта, а затем и о вступлении в руководство страной Гарри Трумэна. Как я указал, почти одновременно мы узнали и о том, что столица Австрии Вена освобождена советскими войсками.

Естественно, ни Паннвиц, ни я почти ничего не знали о Гарри Трумэне, а о том, что покинувший этот свет Франклин Рузвельт играл заметную роль в политике Соединенных

Штатов, мы, конечно, далеко не в равной степени знали.

Сообщение об освобождении Вены, возможно, ускорило принятие Паннвицем решения о нашем перемещении в Австрийские Альпы. Это тем более, что на территории Германии происходили победы как с Запада, так и с Востока. Принятое криминальным советником решение означало, что мы направляемся в Австрию и там, близ границы со Швейцарией, в Альпах найдем себе укрытие. Как-то он, даже смеясь, бросил реплику, что после взятия советскими войсками Вены он не исключает возможности полного освобождения Австрии именно советскими войсками.

Мне показалось, что наша машина передвигается по хорошо знакомой Паннвицу дороге, мы уже пересекли границу между Германией и Австрией. Должен указать на то, что именно при нашем продвижении в Альпы мы увидели какую-то большую группу людей. Немного проехав, криминальный советник приостановил нашу автомашину и у стоящих у дороги австрийцев спросил, что эта за группа. Без всякого замешательства австрийцы убежденно ответили, что это бежит из Германии в Швейцарию бывшее правительство Виши. На вопрос о том, присутствуют ли в этой группе Пьер Лаваль и маршал Анри Петэн, последовал положительный ответ.

Доехав до небольшого городка Блуденц, мы стали подниматься высоко в гору. Здесь в Альпах Паннвиц подвез нас к очень привлекательному охотничьему домику, и мы вошли в него. Быстро разместившись в этом особнячке, каждый занялся своим делом. Кемпа стала готовить ужин, Стлука устанавливал радиоаппаратуру, а Паннвиц и я внимательно еще раз просмотрели документы, которые предполагали доставить в Москву. К моему удивлению, среди них оказались и некоторые ранее не встречаемые мною, в том числе «доклад» советского разведчика Шувалова в адрес спецслужб гитлеровской Германии, подобранные материалы, характеризующие результаты расследования дела о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., и еще некоторые материалы о деятельности гестапо и самого Паннвица, в том числе и его удостоверение за подписью Гимmlера о назначении начальником отдела «А». К моему удивлению, оказался мой уругвайский паспорт, еще некоторые ранее изъятые при аресте гестапо документы. Меня обрадовало и то, что Паннвиц, по моей просьбе, сохранил «Бельгийский королевский вестник», в котором были помещены материалы о создании АО «Симекско», о моем избрании президентом этой акционерной компании и моем назначении директором-распорядителем фирмы. Были у нас и пустые бланки паспортов, и ряд других могущих пригодиться «Центру» материалов и документов. Я пообещал Паннвицу найти место для их сохранения при любых обстоятельствах.

Несколько подробнее считаю нужным остановиться на Стлуке. Я многое знал об австрийце, безумно любившем свою родину, вынужденном после оккупации Австрии служить радистом у немцев. Я знал и то, что он до того, как согласиться сотрудничать со мной, по заданию гестапо работал с немецким антифашистом, коммунистом, входившим в резидентуру Ефремова (Паскаля) Иоганном Венцелем.

Иоганна Венцеля я хорошо знал. По моей просьбе «Центр» установил с ним мою связь, и мне он помог установить прямую радиосвязь моей резидентуры с «Центром», а также хорошо подготовил Макарова (Хемница), для работы на радиопередатчике и приемнике. Полученная им подготовка в Москве оказалась недостаточной. Правда, следует иметь в виду и то, что, уже находясь за рубежом, он около двух лет не имел никакого отношения к работе по радиосвязи.

Иоганн Венцель (Профессор), был в 1942 г. арестован во время радиопередачи. Под влиянием Ефремова, уже давно сотрудничавшего с гестапо, он дал согласие участвовать в проводимой от его имени радиоигре «гестапо – "Центр"». Вскоре ему удалось бежать из гестапо, а поймать его так и не удалось.

Стлука был очень хорошего мнения о Профессоре и был в буквальном смысле этого слова счастлив, что ему удалось бежать и сохранить свободу. Дальнейшую судьбу этого человека он не знал. В то же время Стлука был уверен, что с Профессором он встретится в Москве. Ему очень хотелось видеть этого храброго человека, присоединившегося к

антифашистам и делавшего очень много в борьбе с нацизмом на пользу своему народу. Продолжал он верно служить своему народу и даже после того, как попал в лапы гестапо. Он не выдал никого, а для этого создавал впечатление, что верно служит тем, кто его арестовал и мучил.

Роль Стлуки в особенности получила большое значение после того, как зондеркоманда покинула Париж. Как и раньше, он получал готовые шифровки и мог видеть в них только цифры, не зная, конечно, их содержания. Тем не менее, теперь направляемые в «Центр» шифровки подготавливались непосредственно мною, а Стлука был предупрежден, что опасность в их передаче может существовать для него так же, как и для меня. Ведь Берлин мог перехватить направляемые по радио шифровки и расшифровать. Я предупреждал и о том, что содержание шифровок не всегда известно Паннвицу. Были случаи, когда я, расшифровав ту или иную полученную Стлукой телеграмму из «Центра», показывал ему и переводил на немецкий язык. Так было и в том случае, когда мы наконец получили уже в Альпах заверения «Центра» о том, что завербованные мною немцы могут вполне рассчитывать на полную свою безопасность при прибытии в Москву.

Доверяя Стлуке больше, чем Паннвицу и даже Елене Кемпе, я дал указания ему вскоре после того, как мы выехали из Парижа, внимательно следить за ними. Эти указания я повторил еще раз, уже находясь в Альпах, в особенности с целью недопущения уничтожения чего-либо из приготовленных и отобранных нами архивных материалов.

Особенно мое доверие к Стлуке возросло после того, как он согласился передавать мои шифровки, зная, что они составлены без ведома Паннвица. Их передача была и для него большим риском.

В чем же в особенности проявилось мое доверие к Стлуке? Пообщав Паннвицу обеспечить сохранность приготовленных для «Центра» материалов, я вместе со Стлукой замуровал их в стенке в подвале охотничьего домика. Мы надежно упрятали и радиоаппаратуру.

Во все время пребывания в охотничьем домике нас не покидала тревога. Если сюда мы добрались вполне благополучно, то возникал вопрос, что будет с нами дальше. Поездка сюда была тоже напряженной. Мы знали, что этот район находится под усиленным надзором верных Гитлеру служб. Однако бояться нам было тоже нечего. Ведь у Паннвица были документы, подготовленные нами для доставки в Москву, а среди них были и подписанные Гиммлером, позволяющие Паннвицу и сопровождающим его людям свободно передвигаться по всем территориям, подвластным еще рейху.

Здесь в домике мы, казалось, тоже жили спокойно. Нам, вернее, Паннвицу удалось запастись продуктами на довольно долгое время, а кроме того, до занятия Блуденца союзниками Паннвиц иногда спускался вниз и пополнял наши запасы. Его появление в Блуденце помогало уточнять положение на фронтах. Уже до нас доходили слухи о том, что к Берлину приближаются советские войска, более точных сведений о Красной армии и ее успехах мы не получали. Напротив, мы уже знали, что союзники, передвигаясь с Запада, уже захватили Лейпциг, Штутгарт, Аугсбург, Бремен и другие города. Однако, видимо, посещения им этого городка на автомашине, поднимающейся высоко в гору, вызвали у местного населения некоторое подозрение. Это касалось, в первую очередь, тех, кто принадлежал к антифашистам. Возможно, мы недооценивали это обстоятельство, впоследствии создавшее опасность для нас.

Каждый раз, возвращаясь из Блуденца, Паннвиц проявлял некоторую нервозность. Он предупреждал, что бои приближаются к австрийской границе, а следовательно, к месту нашего нахождения. Это значило, что нас могут захватить в плен союзники. Он говорил всегда «ваши» союзники, подразумевая союзников Советского Союза по антигитлеровской коалиции. Это его пугало. Пугало еще и потому, что Директор не реагировал, по существу, на все наши предложения.

Нервозность Паннвица, его обычные мысли о грозящей именно ему опасности заставили меня задуматься. Я закрылся в одной из комнат и, буквально не выпуская изо рта

сигарету, беспрерывно втягивая никотин, начал все обдумывать. И вот, наконец принял решение – я продумал вариант нашего захвата союзниками: Я майор Красной армии Виктор Михайлович Соколов, продолжи тельное время нахожусь на территории Германии, куда был заброшен командованием для того, чтобы оказывать содействие нашим военнопленным при их бегстве из немецких лагерей. При мне находятся три немецких антифашиста, которые оказывали помощь в моей нелегальной работе. Среди этих антифашистов имеется и одна женщина, оказавшаяся мне очень полезной. После того как для всех немцев становилось ясно, что близится конец этой кровопролитной войны, мы поняли, что усиливается преследование, розыск врагов. Именно поэтому из желания попасть как можно быстрее к союзникам мы укрылись здесь, в Австрийских Альпах.

Все присутствовавшие слушали меня с большим вниманием и попросили повторить сказанное еще раз. Паннвиц тут же принял решение всем поменять паспорта и, явно встревоженный, спросил меня, надежно ли спрятаны все документы. Я успокоил его, и мне показалось, что придуманная мною легенда всех удовлетворила.

Мы слышали также, что по территории Германии передвигается 1-я французская армия под командованием генерала Жана Мари де Латтр де Тассиньи, но мы не могли предположить, что именно эта армия окажется в Австрии, то есть и в Блуденце. Вместе с тем чувствовалось, что бои приближаются, продвигаясь в нашу сторону. Мы слушали до глубокой ночи различные радиопередачи, пытаясь уточнить, что происходит. Слушали о том, что окончательное поражение Берлина приближается. И вдруг сообщение о том, что Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством. Потом нам стало известно, что, прежде чем пойти на это, он якобы убил Еву Браун, свою любовницу. Паннвиц сделал вывод, что захват Берлина советскими войсками неизбежен. Видимо окончательно убедившись в своем поражении и боясь предстать перед судом, Гитлер и решился на самоубийство. Фактически Берлин был захвачен нашими войсками полностью лишь 2 мая, а ставшее историческим событие водворения красного знамени на фронте рейхстага состоялось уже 30 апреля 1945 г. Именно тогда мы и услышали о самоубийстве Гитлера.

Меня лично несколько встревожило сообщение о том, что 4 мая 1945 г. между англо-американскими войсками, с одной стороны, и вооруженными силами Германии был подписан акт о капитуляции в Дании, Нидерландах и на северо-западе Германии, а уже 5 мая распространился и на южный участок Западного фронта, включая Баварию и, хочу подчеркнуть особо, западную часть Австрии, то есть на ту часть территории, где как раз мы и находились.

Неужели наши союзники по антигитлеровской коалиции положительно откликнутся на высказываемые некоторыми руководящими деятелями фашистской Германии предложения и, подписав с ними эти документы, согласятся объединить свои усилия для продолжения военных действий против Советского Союза, против армии, которая, по признанию широких слоев населения Запада, внесла решающий вклад в поражение гитлеровского рейха? Во-вторых, подписав акт о капитуляции, распространенный и на западную часть Австрии, союзники обеспечат свое господство и на Блуденц, то есть, повторяю, на ту территорию, где находились мы. Что нам следует ждать от этого?

Ответ не заставил себя ждать. Мы узнали, что этот район Австрии, включая и Блуденц, захвачен 1-й французской армией, возглавляемой генералом Жаном Мари де Латтр де Тассиньи. Развязку ждать долго не пришлось, в один из дней дверь нашего дома распахнулась, и в нее вошел лейтенант французской армии. У него в руках был пистолет, и он командовал всем находившимся в комнате, а были за завтраком все вместе, поднять руки вверх.

В ответ на его команду я встал и совершенно спокойно, во всяком случае, я старался демонстрировать свое спокойствие, попросил лейтенанта опустить пистолет и на хорошем французском, сообщив, что я майор Красной армии, изложил всю задуманную мною легенду. Должен признаться, что меня несколько удивило, что и Паннвиц сумел сохранить определенное спокойствие.

Услышав мое заявление, как мне показалось, лейтенант несколько растерялся. Его растерянность явно усилилась после того, как я в довольно решительной форме потребовал, чтобы он незамедлительно доставил меня к своему начальству. Несколько поразмыслив, лейтенант приказал мне следовать за ним, а остальным оставаться на месте, предупредив, что дом будет охраняться солдатами подразделения, которым он командовал. Внутри дома он впустил одного сержанта и одного солдата.

Сев в машину, мы медленно начали спускаться вниз. Прибыли в Блуденц (возможно, и расположенный вблизи жилой городок) и вошли в дом, где, видимо, был штаб одной из дивизий армии. Лейтенант, оставив меня рядом с часовыми, сам вошел в какой-то кабинет. Через несколько минут предложил войти в кабинет, в котором сидел за письменным столом капитан французской армии. Он стоя приветствовал меня, представившись как капитан Лемуан.

Я изложил подробно всю выдуманную мною легенду. Вполне естественно, капитан поинтересовался, чем я могу доказать правдивость всего рассказанного мною. В ответ на его вопрос я заявил, что поддерживаю непрерывную, почти ежедневную связь с Москвой по имеющемуся у меня радиопередатчику. Поэтому я могу немедленно попросить Москву подтвердить все, что изложил, но для этого мне надо знать, в чей адрес следует направить это подтверждение. Капитан Лемуан, не задерживаясь с ответом ни на минуту, посоветовал мне, чтобы Москва направила свое подтверждение непосредственно в Париж в военное министерство.

Мы договорились, что лейтенант, доставивший меня в штаб, вместе со мной поднимется опять в Альпы к нашему дому, где я смогу зашифровать мое донесение в Москву, а затем мы его передадим по имеющемуся у нас радиопередатчику. Капитан тут же заявил, что лично мне вполне доверяет, но обстоятельства требуют, чтобы до получения ответа из Москвы мы продолжали находиться под охраной. Для этого он предложил нам перебраться вниз в одно из помещений.

Так было предопределено наше ближайшее будущее. Мы тут же поднялись наверх к нашему дому. Лейтенант, войдя вместе со мной в дом, приказал находящимся в комнате сержанту и солдату покинуть помещение, а сам сел и, спросив разрешения, довольно часто курил, даже угощал меня французскими сигаретами. Я составил довольно объемистое сообщение, адресованное «Центру». Мне надлежало подробно изложить придуманную мною легенду. Я переживал, что не догадался сделать это раньше. Составив радиограмму, я ее тут же зашифровал, а Стлука, подготовив уже радиопередатчик, сразу вышел в эфир и отстучал на ключе шифровку.

После того как была выполнена эта работа, успокоившись, я вновь с лейтенантом спустился вниз, оставив моих «немецких друзей» под охраной еще наверху. Вновь посетив капитана Лемуана, доложил ему о выполненной работе и испросил у него разрешения некоторое время, то есть до получения мною ответа из Москвы, подтверждения получения моей радиограммы, под охраной, если он считает это нужным, несколько задержаться наверху в нашем доме. Видимо, нехотя капитан дал согласие. Я уже не помню, сколько дней мы провели еще в нашем доме, во всяком случае, очень скоро мы, получив подтверждение «Центра» о поступлении нашей радиограммы, спустились вниз, прихватив с собой только радиоаппаратуру. Все архивные материалы остались замурованными Стлукой и мной в стене подвала.

Не знаю, исходя из каких соображений, возможно только опираясь на установившиеся нравы в части отношения французов к немцам, а быть может, по каким-либо другим причинам, наше пребывание внизу в расположении французской армии было отдельным. Я был помещен в отдельную комнату и, как мне казалось, без охраны. Мои «немецкие друзья» находились в другом помещении, и я не знал, были ли они под охраной.

На этот раз меня крайне поразила проявленная «Центром» оперативность. Не успели мы еще «акклиматизироваться» в новых условиях, как я был вызван к капитану Лемуану, который меня встретил на этот раз весьма дружелюбно. Он сообщил, что Париж получил

подтверждение из Москвы правильности всего того, что я ему рассказывал. Он очень будет рад мне помочь. Единственное, о чем он сожалеет, – это то, что генерал де Латтр де Тассиньи отсутствует, так как вызван в Берлин для участия в качестве представителя Франции в подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии. Ему было бы интересно встретиться с советским офицером, который в Германии помогал военнопленным бежать из лагерей. При этом он подчеркнул, что и многим французам удалось тоже бежать из плена. Он очень смеялся, услышав от меня версию о том, что в этом очень сложном мероприятии большую помощь оказывала известная французская певица Эдит Пиаф, та самая, которую одно время абсолютно незаслуженно некоторые немцы обвиняли в сотрудничестве с фашистскими оккупантами.

Вдруг совершенно неожиданно для меня Лемуан выразил свое расположение к русским, он поправился сразу же – к советским людям, в особенности к москвичам, так как провел некоторое время в Москве, являясь сотрудником военного атташе во французском посольстве. Обменявшись в нескольких словах о его впечатлениях о Москве, а моими о Париже, мы перешли опять к серьезной части нашего разговора.

Лемуан сообщил мне, что очень хотел бы, чтобы мы отправились в Париж через несколько дней. Он не пояснил мне тогда, что в штабе армии ждали дня признания окончательной победы над Германией, хотели его отпраздновать. Этим днем они считали тот, когда генерал де Латтр де Тассиньи поставит свою подпись под актом о безоговорочной капитуляции Германии и окончательного прекращения войны.

Капитан подчеркнул, что в полученном из Парижа указании, подтверждающем мою личность, подчеркивалась просьба Москвы об организации силами французской армии доставки нас в Париж в миссию СССР. Эта миссия расположена в здании какого-то бывшего посольства. Он не уточнял, о какой миссии шла речь и какой адрес сообщался. В связи с просьбой Москвы он лично предложил нас сопровождать до Парижа на машине. Его предложение было командованием принято. Улыбаясь, добавил, что сопровождение нас в Париж даст ему возможность побывать в семье и среди друзей.

Мне было разрешено о принятом решении сообщить моим «немецким друзьям». Мы договорились, что перед нашим отъездом побываем в доме в горах, чтобы собрать наши вещи.

Лемуан привстал, мы крепко пожали друг другу руки, но он меня несколько задержал: вызвав, очевидно, своего адъютанта, поручил ему обеспечить меня радиоприемником. Он ему гут же заявил, что мое общение с немцами (он не сказал моими «друзьями немцами») разрешено без всякого контроля. Это я заметил вскоре. Однако отношение к моим «друзьям немцам» со стороны французов было, вернее, продолжало быть холодным.

В полночь 8 мая, как мы узнали утром, в юго-восточной части Берлина, в Карлсхорсте состоялось подписание долгожданного акта о безоговорочной капитуляции Германии. Признаюсь, я проспал и сам этого сообщения по радио не слышал. Довольно рано утром ко мне постучался Лемуан и, войдя, сообщил эту радостную весть. Тут же объявил, что полковник, который в данное время замещает генерала де Латтр де Тассиньи, принял решение отметить эту историческую дату торжественным столом, за который будут приглашены офицеры штаба, некоторые приехавшие к ним жены и французенки, несшие службу в медицинских подразделениях и в подразделениях связи. Полковник просил капитана Лемуана передать мне его приглашение на это торжественное мероприятие. Он подчеркнул, что они считают неудобным, несмотря на то, что находящиеся при мне немцы принадлежали к антифашистам, входящим в движение Сопротивления, их приглашение к столу. Им в их комнате будет организовано соответствующее застолье.

В числе приглашенных за торжественно накрытый стол сел и я. Слева от меня восседал полковник, а справа капитан Лемуан. Торжественный обед начался с госта, поднятого полковником, который, по существу, произнес не очень коротенькую речь. Она была посвящена победе союзников над фашистской Германией и ее сателлитами, за содружество армий союзников и Советского Союза. Он отметил решающий вклад в одержанную победу

именно Советской армии, а также высокий патриотизм всего советского народа. Первый бокал был выпит за победу, за мир, за дружбу между народами, одержавшими историческую победу в кровопролитной войне, развязанной Гитлером и его сторонниками. Все, стоя, выпили бокал прекрасного французского шампанского.

Сев на свое место, полковник обратился ко мне с вопросом: не соглашусь ли я, офицер Красной армии, сказать несколько слов в этот знаменательный день? Честно говоря, я просто растерялся, так как на подобное предложение не рассчитывал. Я был очень доволен тем, что меня пригласили к праздничному столу, но не знал, что я должен, что могу сказать, поднимая тост. Меня мучило сознание, что отказаться от предоставляемого мне слова я не имею морального права, а вот о чем я имею право сказать? Ответить на этот вопрос сам себе не мог.

Мне было очень неудобно, что полковник уже два-три раза обращался ко мне с вопросом, готов ли я к провозглашению тоста, а я еще не давал положительного ответа. Наконец понял, что дальше ждать нельзя, и, подняв очередной бокал, встав, сказал примерно следующее:

– Господин полковник очень ярко описал нашу общую победу над фашистской Германией, он очень правильно оценил дружбу между народами всех стран, входящих в антигитлеровскую коалицию, и в особенности между французским и советским народами, дружба между которыми уже доказана многими годами. Он абсолютно правильно охарактеризовал кровопролитную войну, роль каждого народа, воевавшего против Германии, и мне было очень приятно услышать данную им оценку вклада, который внесен в общую победу Советским Союзом, его народом и армией. Позвольте мне напомнить вам, что война уже закончена. Поэтому мне хочется предложить выпить за всех прекрасных женщин, сидящих здесь за столом, за тех женщин, которые воевали рядом с нами, за тех женщин, которые своей любовью помогали нам, мужчинам, переносить ужасы войны. Сейчас перед чудесными женщинами стоит тяжелая задача всем своим существом, любовью помочь нам, помочь всем народам, перенесшим войну, забыть все пережитые ужасы, сделать нас всех счастливыми. Итак, за прекрасных женщин!

Все, стоя, выпили и громко зааплодировали.

Я не случайно почти полностью изложил мое выступление. Это объясняется тем, что произошло после окончания торжественной трапезы. Об этом мне, смеясь, сообщил Лемуан. Оказывается, присутствующие за столом женщины упрекнули мужчин, офицеров, в том, что до моего выступления они только и слышали, что все советские граждане занимаются исключительно пропагандой. Как же могло случиться, что советский офицер произнес не пропагандистский тост, как делали почти все выступавшие французские офицеры, а предложил выпить за женщин, которые внесли свой вклад в победу.

Вечером я зашел к Паннвицу, Стлуке и Кемпе, поздравил их тоже с днем победы и сообщил, что через два-три дня мы направимся в Париж. Мне было очень приятно видеть, что мои «друзья немцы» чувствуют себя спокойно, не волнуются, а верят в то, что все будет в их жизни хорошо.

Спокойствие Паннвица было для меня совершенно неожиданным. Еще совсем недавно он предлагал мне воспользоваться разными возможностями для того, чтобы остаться в Европе или... Совершенно неожиданно он предложил мне воспользоваться известным ему установленным спецслужбами Соединенных Штатов Америки паролем «Кодак» для перехода на службу к ним. Эти службы были заинтересованы в советских разведчиках, в том числе и тех, кто был арестован гестаповцами или абверовцами, а также тех немцев, гестаповцев или абверовцев, которые знакомы с деятельностью советской разведки или даже вели следственные дела на арестованных гитлеровцами советских разведчиков. Как я писал в своем докладе на имя Директора, привезенном в Москву, а напечатанном еще в Париже, я категорически отказался от этого предложения Паннвица и сам предостерег его от возможности попасть в ловушку. В то же время я знал, что США действительно заинтересованы не только в переходе на службу к ним советских разведчиков, но и в

тщательном изучении всего, что известно спецслужбам Германии о советской разведке. Ни тот да, ни теперь не является секретом, что не только в США, но и в Великобритании считали нашу разведку самой заслуженной из всех стран.

Встретившись после банкета, назову так праздничный обед, с Паннвицем и другими моими «соратниками», я, конечно, не считал возможным посвятить их в то, что произошло после описанного мною застолья. Этому можно было бы посвятить целую главу, но я предпочитаю в детали не вдаваться. Укажу только на то, что, как только мужчины вышли в специально обставленную комнату, уселись удобно в кресла или на диваны и закурили, многие курили сигары, в том числе и я, начались беседы, задавались вопросы, и часть из них была адресована ко мне. Все вопросы не перечислишь, но вывод был однозначным. После моего выступления, вернее, провозглашенного гостя многие захотели услышать именно от меня ответ на распускаемые пропагандистами суждения. Приведу несколько вопросов. Первый: правда ли, что у нас в стране все обобществлено, все принадлежит только государству, вплоть до подаваемых к столу тарелок, вилок и ножей? Второй: правда ли, что у нас в стране свобода любви? Были вопросы и о ценах на товары, на жилье и много другого. Я старался доказать ложность утверждений вражеской пропаганды, и мне верили.

Приблизился день нашего отъезда из Блуденца. Паннвиц, Стлука и я поднялись к дому и погрузили на предоставленную нам машину вещи. Пока Паннвиц возился со своими и Кемпы вещами, Стлука и я спустились в подвал и достали из замурованной стены все подготовленные архивные материалы. У нас был даже ящичек, в который мы сложили все наши пистолеты, их было, возможно, около десяти. После погрузки машина двинулась в Блуденц, где мы все перегрузили в автомашину, в которой должны были ехать вместе с капитаном Лемуаном.

Итак, нам оставалось попрощаться с оставшимися в Блуденце немцами и двинуться в путь. Я попросил разрешения посетить полковника, который вел праздничное застолье, и попрощался с ним. Провожать вышли несколько женщин и офицеры. Я чувствовал себя неловко, потому что все прощались практически только со мной, а «немецких друзей» почти все провожающие, делая вид, не замечали. Прощание закончилось. Лемуан запустил мотор, и наша машина двинулась в долгий путь, конечной целью которого был пока еще только Париж. Что нас ждет впереди, долго ли мы задержимся в Париже и каков будет наш путь в Москву?

Я считаю своим долгом в заключение этой главы остановиться еще раз на моих тяжелых переживаниях, вызванных возмущением оттого, что я мог прочесть в зарубежной литературе и, в особенности в тех публикациях, которые появились у нас.

Итак, у меня в руках книга «Большая игра», автором которой является претендующий на героя нашей разведки Леопольд Треппер.

В разделе «Возвращение» он пишет, что из Парижа в Советский Союз вылетел 5 января 1945 г. По прибытии в Москву его «с большой горячностью приветствовали». Затем на машине направили на специально отведенную квартиру, где были предоставлены две комнаты, к нему был приставлен капитан для исполнения обязанностей офицера-адъютанта. Не буду оспаривать всего сказанного, для этого у меня нет оснований. Быть может, это правда. А вот приводимая мною ниже цитата из этой книги потребует специального пояснения. Итак, Леопольд Треппер пишет: «На следующий день меня посетили два полковника. Я сразу понял, что они досконально изучили досье "Красного оркестра"».

- Я убежден, – начал я, – что Гроссфогель, Макаров, Робинсон, Сукулов, Максимович еще живы. Их можно и должно спасти. Но тут очень важно, будете ли вы и впредь поддерживать контакт с Паннвицем...

- Он бежал в Австрийские Альпы и спрятался там. Об этом мы знаем из надежного источника...

Тогда я предложил направить к Паннвицу двух офицеров, хорошо знакомых с историей "Красного оркестра". Они ему объяснят, что с февраля 1943 года благодаря моей информации "Центр" подробно осведомлен о "Большой игре" и согласен принять меры,

необходимые для спасения заключенных членов "Красного оркестра". Я также предложил пообещать Паннвицу, что если он поможет спасти этих людей, то после войны такой поступок будет учтен при решении вопроса о его судьбе...» (с. 292–293).

Кстати, на этой же странице (с. 292) помещено примечание к этому тексту, которое тоже считаю нужным процитировать: «Чтобы не оставалось никаких сомнений, повторяю: Паннвиц, начальник зондеркоманды, обладал всеми полномочиями для отсрочки казни заключенных, если эти заключенные были ему нужны для "работы". Понятно, что в описываемое время я не мог знать о судьбе моих товарищей».

Далее в своей книге «Большая игра» Леопольд Треппер пишет: «Однажды июньской ночью около двух часов меня вызывают. Улыбаясь, полковник спрашивает:

- Угадайте-ка, кого я привез из аэропорта?

- Паннвица и Кента!

Тут у меня никаких сомнений не было. Он рассмеялся.

- Не только их. Паннвиц приехал со своей секретаршей, с радиостанцией и пятнадцатью чемоданами! В своем крайнем усердии он привез с собой списки немецких агентов, действующих на советской территории, и даже код расшифровки переписки между Рузвельтом и Черчиллем» (с. 307).

Я мог бы привести еще множество цитат из этой книги, опровергнуть их и доказать полнейшую ложь того, что Леопольд Треппер пытается внушить читателям. Это сложная и длительная работа. Сейчас считаю нужным в качестве доказательства лживости всех приведенных утверждений Большого шефа перечислить несколько:

Как видно из моих правдивых рассказов, подтвержденных моим докладом, Паннвиц, Стлука, Кемпа и я находились в Австрийских Альпах только с конца апреля 1945 г., а до этого еще в феврале я находился в лагере для интернированных во Фридрихсроде, куда прибыли благодаря «заботе» Паннвица для прощания с Маргарет и сыном. Кроме того, в апреле мы разъезжали по территории Германии, встречаясь с Биклером и Видеман. Возникает вопрос: как могли сообщить Леопольду Трепперу уже в январе 1945 г., что в Москве известно, что Паннвиц скрывается в Альпах?

Мог ли Леопольд Треппер предлагать план захвата Паннвица, понимая, что именно он может полностью разоблачить преступную деятельность Большого шефа в гестапо?

Мог ли в соответствии с утверждениями Леопольда Треппера Паннвиц спасти ранее арестованных заключенных, если он «бежал в Австрийские Альпы и скрылся там»? Из этого ведь следует, что он уже не являлся начальником зондеркоманды, скрывался от своего начальства, а следовательно, не обладал больше никакими правами. Кроме того, мог ли Паннвиц утверждать, что сохранение жизни ранее арестованных ему необходимо для совместной «работы» после ликвидации зондеркоманды и ее бегства из Парижа?

Как сопоставить ряд утверждений, имеющихся в книге «Большая игра», о том, что до бегства из Парижа Паннвиц лишил жизни всех ранее арестованных? Претендующий на осведомленность во всех вопросах, «успешно» проводивший расследование деяний Паннвица и гестапо, затратив на это много времени после своего бегства из гестапо, а в особенности после освобождения Парижа, Большой шеф не мог не знать, что все преданные и даже участвующие в «Большой игре» люди за ненадобностью для гестапо уже давно лишены жизни?

Мог ли Паннвиц прибыть в Москву с «пятнадцатью чемоданами» и теми материалами, которые перечисляет Леопольд Треппер? Не проще ли было бы сказать, что Леопольд Треппер очень боялся прибытия Паннвица в Москву, так как он мог разоблачить Большого шефа не только словесными показаниями, но и привезенными документами, в том числе и следственным делом, заведенным в гестапо на Леопольда Треппера, а также и следственным делом, заведенным на Кента?

Я мог бы на этом остановиться. Читатель может это понять, прочитав книгу «Большая игра». Радость захвата Паннвица и Кента, произведенного, видимо, только благодаря предложенному ГРУ или «Смершу» Леопольдом Треппером, тоже является сплошной

выдумкой.

В приведенной цитате, как, впрочем, и в других местах в этой книге, Леопольд Треппер под псевдонимом Сукулов подразумевает только меня. Возникает вопрос: откуда Леопольд Треппер, его защитник французский писатель Жиль Перро и другие «писаки» взяли этот псевдоним? Мне представляется, что это служит блестящим доказательством обоснованности утверждения моего сына Мишеля и даже опубликованного в книге Шандора Радо «Псевдоним "Дора"» указания, что Жиль Перро и Леопольд Треппер несколько раз встречались с Хейнцем Паннвицем. Почему? В чем это выражается? О том, что, будучи в Австрийских Альпах и уже находясь в руках французской армии, я выдумал легенду, которой и придерживался, что я майор Красной армии Виктор Михайлович Соколов, знали только Паннвиц, Кемпа, Стлука, французские офицеры и ГРУ. Исказать эту мою фамилию – Соколов – мог только Паннвиц! В этом я совершенно убежден.

Я позволил себе довольно подробно остановиться на допущенной Леопольдом Треппером лживости, на искажении правдивой истории. Не могу, однако, не указать, что, чрезмерно доверяя ему и в целях распространения своего стремления превратить в героев не только Большого шефа, но и преданного Советскому Союзу не в меньшей степени криминального советника, начальника зондеркоманды «Красная капелла» Хейнца Паннвица, этот выдумщик Жиль Перро, французский писатель, счел возможным в своей книге «Красная капелла» допустить абсолютно лживые утверждения.

Он рассказывает, что наш дом в Австрийских Альпах был оцеплен взводом французской армии с «выдвинутым на огневую позицию орудием 37-го калибра». Уже только этот факт является ложным, а нужен был он только для того, чтобы показать «героизм» Паннвица, выразившийся в том, что он не решился воспользоваться возможностью «сразиться в честном бою», а предпочел доказать, что «он не настолько глуп, чтобы умереть за проигранное дело. Он помахал белой тряпкой, и его люди подняли руки» (с. 288).

Мне, по словам Жилия Перро, пришлось играть второстепенную роль, а все действия и переговоры предпринимал только Паннвиц. Ложью является и то, что за нами пришел через неделю другой взвод французской дивизии. А разве это не выдумка, что Паннвиц принимал какой-то полковник, который у криминального советника спросил, «не слышали ли они о гестаповской группе со странным названием – зондеркоманда "Красная капелла"? Паннвиц заерзал на стуле и попросил уточнить...» (с. 289). Повторяю, я совершенно обоснованно утверждаю, что не с полковником, а именно с капитаном Лемуаном все переговоры вел я. С Паннвицем никто не хотел даже встречаться, так как он был всего лишь из немецкого движения Сопротивления и, будучи второстепенным лицом, только помогал мне.

Сплошной ложью является утверждение Жилия Перро и в очень важном вопросе. Он уверенно говорит о том, что в Париж нас доставили только потому, что «генерал де Латтр решил переложить заботы по выяснению этого дела на военное министерство».

Оказывается, военное министерство в Париже связалось с советским представительством и мы были переданы в это представительство. Из этого утверждения Жилия Перро следует, что изложенные мною факты о созданной мною легенде о майоре Соколове, высказанной в моих воспоминаниях, а также сам факт, что капитан Лемуан просил у меня найти способ подтвердить мои высказывания, что мною было сделано с помощью Стлуки путем направления подробной шифровки в «Центр» и полученного положительного ответа не только в мой адрес, но и в адрес военного министерства в Париже, являются вымыслом с моей стороны. Нет, вымыслом являются не мои утверждения, а выдумки Жилия Перро. Правдивость моих высказываний легко доказуема архивными материалами, в том числе и привезенным мною докладом на имя Директора.

ГЛАВА XXVIII. Париж – усиленная подготовка к возвращению на Родину.

Покинув Блуденц, машина, которой умело управлял капитан Лемуан, медленно набирая скорость, покинула территорию Австрии, освобожденной французской армией под командованием Жана Мари де Латтр де Тассиньи. Мы вновь на ставшей нам хорошо известной территории Германии, еще недавно принадлежавшей гитлеровскому Третьему рейху. Нас поражает спокойствие на дорогах, в пересекаемых нами городах и поселках и то, что многие жилые дома не только повреждены, но и полностью разрушены... И на этот раз меня удивляет то, что большинство промышленных предприятий почти не повреждено. Почти все время молчим. Иногда я вступаю в разговор с капитаном Лемуаном, но эта часть разговоров носит исключительно частный, личный характер.

Лемуан интересовался, тяжело ли мне приходилось действовать, выполнять задание командования по оказанию помощи тем военнопленным нашей армии, которые пытались бежать из лагерей. Мне пришлось вновь создать легенду, что мне помогали в этой тяжелой работе немцы антигитлеровского движения Сопротивления. Ведь надо было не только помогать бежавшим скрываться, но надо было их снабжать паспортами и другими, соответствующими установленному в Германии порядку документами, а иногда хоть и незначительными денежными средствами, а кроме немецких антигитлеровских источников у меня не было возможности добыть и деньги тоже. Что касается меня, подчеркивал я, то, как задержавшие меня представители французской армии могли убедиться, у меня и моих помощников были надежные паспорта и другие документы.

Внезапно я заметил, что Кемпа усиленно успокаивает Хейнца Паннвица, чем-то очень расстроенного. Мне даже показалось, что он тихо плакал. Я не стал вмешиваться и сделал вид, что не заметил происходящего. Не выдержал сам Паннвиц. Совершенно откровенно, не стесняясь, он высказал, что его так сильно волновало:

– Мы с вами едем по Германии, территория которой только что завоевана англо-американцами и французами. Все спокойно. Еще недавно Гитлер призывал к созданию народного ополчения, партизанских отрядов для сопротивления вражеским силам... Вы помните это, Виктор. А вот мы с вами без охраны, без оружия передвигаемся по Германии и не встречаем никакого сопротивления... Вспомните, после многих лет оккупации Бельгии, Нидерландов, Франции так спокойно передвигаться в дни боев, даже только закончившихся, не могли бы. Подумайте о Советском Союзе. Там мы без охраны, вплоть до броневиков, не могли бы спокойно ехать, там действовали настоящие партизаны, там весь, почти весь народ оказывал нам сопротивление. Посмотрите направо и налево, вперед, вы видите немцев, а они стоят совершенно спокойно... Вот в кого мы столько верили, и даже за кого, за чью политику мы сражались. Поверьте, даже мне тяжело смотреть на все это. Нет, не подумайте, что я хотел бы увидеть сопротивление с чьей либо стороны. Вы знаете мое отношение ко всему, что было в Германии. Тяжело потому, что мне, да и большинству казалось, что весь народ объединился вокруг Гитлера. Вы знаете, что я уже давно изменил свои взгляды, и сейчас мне хотелось бы только одного – чтобы мой народ, народ, к которому я принадлежу, быстрее бы оправился от всего пережитого и стал бы действительно счастливым!

Я счел необходимым перевести высказывание Паннвица Лемуану, оно на него подействовало положительно, и он правильно оценил. Мы остановились у Рейна. Обильно закусили приготовленными в путь бутербродами, запивали их хорошим кофе из термоса и даже поели фруктов. Немного отдохнув, Лемуан предложил нам сесть в автомашину, чтобы мы могли засветло прибыть в Париж.

Во время нашего отдыха и утоления голода разговоры были интересными, но они не касались политики. Один только раз, в совершенно осторожной форме, Лемуан затронул вопрос, смогут ли Франция и Германия жить в дальнейшем всегда в мире? Он подчеркнул, что, даже учитывая положение Великобритании, хотелось бы, чтобы дружба была между Францией, Германией и Россией. Подчеркиваю, он назвал Советский Союз Россией. Второе, что мне хотелось бы отметить, его идея целиком и полностью совпала с той, которую Лежандр, Паннвиц и я услышали от бывшего губернатора Алжира, с которым, как я уже

писал, мне пришлось встретиться в 1944 г.

Мы все, подчеркиваю, все сидящие в его машине с ним согласились.

Уже находясь на территории Франции, видя нанесенные ей разрушения, французов, которые, видимо, уже старались у себя навести порядок, я немного коснулся истории Франции и героизма ее народа. Эта тема не нашла продолжительного развития. Мне казалось, что мы проехали не так много, и вдруг заметил, что мы уже находимся в окрестностях Парижа. Еще немного времени, и мы остановились у сравнительно небольшого домика, где помещался «уполномоченный по репатриации Советского Союза».

Наша автомашина остановилась, капитан вышел, вошел в дверь, мы продолжали сидеть на своих местах. Читателю трудно себе представить, с каким удовольствием я выпрыгнул бы из автомашины и помчался по этому прекрасному городу, который я так любил. Ждать пришлось недолго, капитан вскоре вышел в сопровождении незнакомого полковника, и нас попросили войти в дом, ставший в моем понятии кусочком территории моей Родины. Я уже не помню сейчас, сколько времени нам понадобилось на проезд из Австрии в Париж, но не чувствовал себя абсолютно усталым, наоборот, был полон сил, и, несмотря на поздний час, нас проводили в кабинет генерала Драгуна. Правда, предварительно, до начала нашего разговора генерал и мы, находившиеся в его кабинете, тепло поблагодарили капитана Лемуана и попрощались с ним. Все понимали, что французские патриоты, воевавшие против гитлеровской Германии, нам помогли не только прибыть в Париж, но, возможно, и спастись от преследования фашистов и даже от того, чтобы не попасть в руки англо-американцев. Капитан Лемуан был одним из тех, кто приложил немало сил во всех этих действиях. Прощаясь, мы понимали, что, скорее всего никогда больше не увидимся с ним.

Не успела закрыться за ушедшим капитаном дверь, как я совершенно опешил. В кабинете увидел знакомого мне полковника. Правда, я знал его, когда он был еще капитаном или майором, сотрудником ГРУ РККА. Тогда он помогал мне в подготовке к разведывательной деятельности. Именно он вместе с комбригом провожал меня на вокзал, когда я покидал Москву. Почему он оказался здесь в кабинете, я понять не мог. Правда, на следующий день в беседе со мной он намекнул, что сейчас находится в штабе при маршале Г.К. Жукове. Зачем он приехал в Париж?

Ответ на этот вопрос я не получил. Только позднее предположил, что его присутствие в Париже было вызвано необходимостью опознать меня, подтвердить, что я действительно являюсь тем самым Кентом, за которого себя выдаю. Когда мы остались в кабинете уже только в присутствии трех советских офицеров, генерала Драгуна, полковника Новикова и полковника, фамилию которого я вспомнить не мог, совершенно неожиданно не только для меня, но в особенности для Хейнца Паннвица генерал Драгун, протягивая ему руку, произнес его настоящую фамилию. Несколько встревоженный, криминальный советник взглянул вопросительно на меня. Я понял, что у него возник ошеломивший его вопрос: откуда здесь, в миссии Советского Союза, знают его фамилию? Безусловно, он решил, что я сообщил в Москву, не посоветовавшись с ним, через рацию Стлуки. Я мог понять, что это было для него неприятно, так как он еще раз мог подумать о том, что Берлин мог записать наши радиogramмы, а расшифровав, понять, что он стал на путь предательства. У него мог возникнуть еще один вопрос. Если Берлин из радиogramм узнал о том, что он готов служить Советскому Союзу, не отомстили ли за него его матери и отцу, жене и детям?

Учитывая поздний час, познакомившись, нам предложили поужинать, и полковник Новиков сопровождал нас в столовую, а после ужина в отведенные нам комнаты. Меня поместили в отдельную комнату. По моей просьбе была предоставлена пишущая машинка с русскими буквами.

Пожелав спокойной ночи друг другу, Паннвиц, Стлука, Кемпа и я разошлись по отведенным комнатам в ожидании утренней встречи с генералом Драгуном и другими.

Трудно себе представить мое состояние. Прежде всего, я спал впервые с 15 апреля 1939 г., то есть со дня моего отъезда из Москвы, как советский гражданин, на кусочке «родной земли» – то, что представляла для меня миссия уполномоченного по репатриации Советского

Союза во Франции. Кроме того, впервые со дня моего отъезда из Москвы я получил право говорить на моем родном языке, по-русски. Я понимаю, что полностью осмыслить то, что со мной происходило, не каждый читатель сможет. Во всяком случае, несмотря на то, что довольно продолжительное время я не мог заснуть, думая обо всем, что произошло в последние дни, а потом заснул как убитый. Утром меня разбудил стук в дверь. Ко мне вошел полковник, знакомый еще по Москве. В его присутствии я стал быстро одеваться, умылся, но все это время мы продолжали нашу беседу. Я услышал, что полковник был очень рад меня увидеть, так как боялся, что меня уже нет в живых. Он не уточнял почему, а я не знал, что он знает о моей разведывательной деятельности.

К установленному времени мы прошли в столовую, где оказались одни, и очень хорошо позавтракали. После этого мы прошли в кабинет генерала Драгуна.

Понимая, что я обязан ознакомить генерала и двух полковников с тем, кого я привез, и с перечнем тех документов, которые мы доставили в Париж для их дальнейшего сопровождения в Москву, с этого и начали нашу беседу. Мне пришлось не только разговаривать, но и заниматься переводом с русского на немецкий и, наоборот, с немецкого на русский, чтобы все присутствующие были в курсе.

По выражению лица Паннвица, Стлуки и Кемпы я мог понять, что они нашли в себе достаточно сил, чтобы полностью успокоиться и убедиться, основываясь на проявляемом к ним отношении, что им ничто не угрожает и в Москве.

Полковник Новиков тут же предложил вместе со мной упаковать все привезенные нами материалы и документы, чтобы сохранить для вручения нами в Главное разведывательное управление после прибытия в Москву.

Нас предупредили, что придется несколько дней провести в Париже, то есть до дня прибытия соответствующего самолета. Услышав это, я попросил создать необходимые для меня условия, чтобы я мог уже в Париже начать писать подробный отчет обо всей своей деятельности, включая и то, что происходило после провала в Бельгии и после моего ареста в Марселе.

Я еще остановлюсь более подробно на вопросах, связанных с моим докладом, сейчас хочу только указать, что, когда с ним ознакомились обнаружившие его старший следователь КГБ Лунев и военный прокурор полковник Беспалов, смеясь, сказали, что если бы они не знали, что этот доклад писал я, то по стилю и по правописанию они определили бы, что его писал иностранец, немного освоивший русский язык.

Я писал его с большим напряжением. В нем мне надо было остановиться на основных вопросах, касаясь которых я должен был не допустить никаких ошибок. Каждое мое слово, каждое утверждение должно было быть доказано материалами и подтверждено фактами. Кроме того, я и в этом докладе не намеревался приписывать только себе заслуги в нашей работе, ибо во многом они принадлежали если не всему коллективу наших работников, то, во всяком случае многим из них. Во-вторых, и это тоже имело определенное значение, с моей точки зрения, надо было в докладе осветить все вопросы, которые не только могли бы принести пользу при рассмотрении привезенных нами материалов, но и применены для извлечения пользы от завербованных мною и привезенных в Москву Паннвица, Стлуку и Кемпы. Следовательно, я должен был, ничего не скрывая, дать каждому из них отвечающую действительности характеристику.

Иногда некоторые обстоятельства вызывали у меня непонимание и, не боюсь даже признаться, недовольство. Так, например, полковник Новиков разрешал Паннвицу, Стлуке и Кемпе на принадлежащей миссии автомашине выезжать в центр Парижа, ездить по городу и даже в отдельные магазины. Из какой то, не всегда понятной предосторожности мне было категорически запрещено покидать здание миссии. Да, в этом доме я мог себя чувствовать как дома, но очень свободно передвигаться по нему мне тоже не рекомендовали.

Понимая, что миссия обеспокоена моей «безопасностью», я, хотя и переживая многое, все же старался все меры предосторожности в какой-то степени оправдать.

В один из дней, когда мои «помощники» выехали в город, меня пригласил к себе

генерал Драгун. Мы были с глазу на глаз, и вдруг, устремив в меня свой пронизательный взгляд, он подчеркнул, что поражен всем тем, что успел услышать, хотя еще и очень мало. Как мне удалось все вынести, все перенести?! Он, конечно, по его словам, мало осведомлен о работе разведки во вражеском тылу, но поражен, как мне удалось, попав в руки иностранной разведки, все выдержать, да еще, вдобавок ко всему, завербовать одного из далеко не рядовых контрразведчиков, гестаповца!

Возможно воспользовавшись тем, что мы с ним вдвоем, спросил о том, что мне известно о действиях Власова, изменника родины. Я коротко изложил то, что мне было уже известно, но был поражен услышанным. Оказывается, уже перед самым крахом гитлеровской Германии Власов несколько растерялся. Он не знал, что ему надлежит предпринять. В Русской освободительной армии, которую возглавлял Власов, появились желающие перейти на сторону американской армии и, сражаясь вместе с нею против Германии, заслужить покровительство после войны со стороны США. В части самого Власова имелась другая версия. Якобы он боялся перехода на сторону американцев, а поэтому решил на новую авантюру. Он стремился доказать, что делал все от него зависящее, чтобы РОА никогда и нигде не предпринимала военных действий против советского народа. Создавая РОА, он по выработанной им легенде стремился только к одному – спасению жизни голодающих в лагерях советских военнопленных путем их вовлечения в ряды «несуществующей РОА». Что касается проводимой РОА пропагандистской антисоветской деятельности, то Власов считал возможным впоследствии доказывать, что ее вело исключительно министерство пропаганды Риббентропа, а представляли ее от имени различных деятелей РОА, не исключая и самого руководителя.

Итак, война приближалась к концу, надо было принимать решение. Большинство стоящих во главе РОА решились на опасный, но многообещающий шаг. Они якобы посылали одного офицера в ставку американских воинских подразделений с вопросом: не согласится ли американское командование принять их, а возможно, и рядовой состав к себе на службу? По этой версии, американские вояки дали согласие. После этого группа руководящих офицеров, прихватив с собой некоторое достояние РОА, направилась в американский штаб. Там их приняли любезно, переодели в другую форму и, накормив, направили спать. Утром разбудили и вызвали в штаб. Как мне рассказывал генерал, кстати, слышал я это и от других, когда переодетые русские, офицеры РОА, приблизились к зданию, где был расположен штаб, они заметили несколько автомашин и около них офицеров в форме Красной армии. Увидев это, они поняли, что их предали.

Войдя в штаб, они услышали буквально следующую легенду. «Мы решили дать вам возможность спастись от преследований в Советском Союзе. Внезапно рано утром к нам прибыли представители Красной армии, которые заявили, что, узнав о том, что у нас скрываются предатели из "Русской освободительной армии", потребовали их выдачи. Мы не можем спорить, воюя вместе с Советским Союзом против Германии, многим обязанные Красной армии, мы должны передать вас ее представителям. Идти на конфликт с Советским Союзом мы не имеем права!»

После этого офицеры были доставлены в Париж, а затем отправлены в Москву на самолете. В Париже остался только один офицер, который попытался покончить жизнь самоубийством, перерезав себе горло. Удалось с помощью французских врачей, вставив металлическую трубку, спасти ему жизнь, и он предстанет тоже перед судом Отечества.

О самом Власове генерал знал мало. Те, которые «побывали» у него перед тем, как быть отправленными в Москву, высказывали мысль, что Власов с командиром одной из дивизий, хорошо вооруженным, направился для участия в освобождении Праги. При этом они рассказывали, что находящегося при Власове немецкого генерала он даже отпустил, чтобы тот не попался врагам.

Генерал Драгун высказал такое предположение, что не исключена возможность, что Власов задумал принять участие в освобождении Праги, Чехословакии силами англо-американских союзников, ибо до него доходили слухи, что именно союзники хотят

опередить, Красную армию, которая уже готовится принять активное участие в освобождении Праги.

На этом наш разговор закончился. Вернулись из поездки по городу Паннвиц, Стлука и Кемпа. Это мы узнали от вошедшего в кабинет полковника Новикова. Когда он вошел, мне показалось, что он был удивлен, а возможно, и не совсем доволен тем, что увидел меня у генерала.

Наша четверка направилась обедать, а после этого Паннвиц и я были вызваны в кабинет генерала Драгуна. На этот раз при нашей встрече присутствовал и полковник Новиков.

Из разговора, который носил откровенный характер, мы узнали, что в Москве уже порядочное время находится Леонид Треппер, которого туда отправили на самолете из Парижа с помощью нашей миссии, то есть миссии уполномоченного по репатриации. Конечно, о его дальнейшей судьбе в Париже якобы ничего не было известно.

Узнали мы также и то, что Озолс и Лежандр после освобождения Парижа были арестованы французской полицией по подозрению в сотрудничестве с немцами. При этом не уточнялся вопрос, с кем именно из немцев они сотрудничали – с гестапо или с абвером. Только благодаря ходатайству Москвы оба были освобождены. Об их дальнейшей судьбе ничего не было сказано.

На вопрос, а не были ли арестованы еще какие-либо связанные с ними лица, ответа я не получил.

Полковника Новикова больше всего интересовало, что именно заставило Паннвица и его соратников согласиться на сотрудничество с советской разведкой и, в первую очередь, со мной. Паннвиц пояснил, что его убедили события, происходящие на фронтах и... даже внутри страны, доказывающие, что Гитлер потерпел поражение как фюрер, а Германия как руководимая им страна. Это заставило его задуматься, как он может лучше служить своей Родине, своей семье? И вот он, как и целый ряд других офицеров армии, гестаповцев и абверовцев, убедился, что самой сильной державой, единственной из всех воевавших против Германии, понеся значительные жертвы, благодаря единству своего народа был Советский Союз, которому удалось обеспечить общую победу над теми, кто хвастался своей непобедимостью и обещал окончание победоносной войны в самый кратчайший срок. Ему показалось, что Кенту в Москве верят, и он сможет помочь им сохранить жизнь, жизнь их близких. Высказав все это, криминальный советник умолк... Только спустя несколько минут он вдруг решительно заявил: окончательному решению во многом содействовали полученные из Москвы заверения в надежности их безопасности...

По окончании второй нашей серьезной беседы мы прошли с Хейнцем Паннвицем ко мне в комнату. Мне показалось, что с некоторой тревогой он задал мне вопрос: как объяснить, что совершивший столько предательств Леопольд Треппер решил вернуться в Москву? Мог ли он быть в уверенности, что меня уже нет в живых, а он, конечно, примет все меры к тому, чтобы не попасть в руки иностранных контрразведок. Ведь Треппер, подчеркнул Паннвиц, не мог и предположить, что мы сотрудничаем вместе, а сотрудничество это началось вскоре после его побега. Продолжая свои мысли, вызванные этой тревогой, мой собеседник сказал, что Леопольд Треппер не мог не знать, скольких человеческих жертв стоил его побег, сколько невинных людей после его побега были арестованы не столько усилиями зондеркоманды, сколько немецкой и даже французской полиции. Что касается ареста Золя и Лежандра, то здесь можно только предположить, что на них донес какой-либо, возможно даже, «двойник», а сам факт их освобождения по ходатайству Москвы может подтвердить, что, учитывая факт поддержания их связи с Кентом, это означает, что в Москве ему доверяют и его деятельность не вызывает никакого сомнения.

Порассуждав на эти и ряд вытекающих из затронутых тем вопросов, я поинтересовался его впечатлениями о поездке по Парижу. Паннвиц сказал, что полюбил Париж, работая в нем более года, а сейчас чувствует, что город оживает и будет значительно более прекрасным.

Должен признаться, меня одолевала зависть... Мне очень хотелось тоже посмотреть Париж, проехать по полюбившимся мне улицам, по набережной Сены. Хотелось посетить ставший историческим остров Ситэ, где зародился Париж. Хотя бы издали полюбоваться вновь знаменитым дворцом, в котором находится известный во всем мире музей Лувр, увидеть старинную часть города, его окраины, Бельвиль, Шаронн и многое другое. Конечно, мне очень хотелось побывать в районе Монмартра. Мог ли я не мечтать о том, чтобы вновь побывать на площади Звезды, подойти поближе к Триумфальной арке, поклониться вечному огню, горящему на могиле Неизвестного солдата?

Немного отойдя от Триумфальной арки по Елисейским полям, я мог остановиться у большого здания, где внизу помещался общеизвестный ночной ресторан «Лидо», а мы сумели арендовать в этом доме контору для нашего филиала «Симекс».

Все это заставило меня переживать, почему мне было запрещено выехать в город, а начальнику зондеркоманды Хейнцу Паннвицу разрешено? Иногда у меня появлялась мысль, неужели у кого-либо могло возникнуть сомнение в том, что я твердо решил возвращаться на Родину и не соглашусь воспользоваться никакой возможностью «бежать», скрыться от тех, кого я уже несколько месяцев просил ускорить возможность моего перехода на территорию за линией фронта Красной армии с тем, чтобы быстрее прибыть для моего доклада в «Центр»? Нет, я не мог себе это представить. Ведь даже писатель Жиль Перро в своей книге «Красная капелла», несмотря на то что он никогда не относился ко мне дружелюбно, признавал, что я «десять раз мог бежать» только по пути из Блуденца и Линдау в Париж. Писатель продолжал свою мысль: «Шаг в сторону – и он бы исчез». Конечно, я не могу согласиться с утверждением Жилия Перро, что якобы «Кент продолжает идти прямо навстречу смерти» (с. 292). Нет, я не только не предпочитал идти прямо навстречу смерти, но у меня и мысли не могло быть, что мне что-либо могло угрожать.

Значит, генералом Драгуном и полковником Новиковым руководило что-то другое, а что именно – предположить я тогда не мог.

Настал день, когда надо было уже паковать все документы и материалы, предназначенные для Главного разведывательного управления. Перед тем как мы с полковником Новиковым стали упаковывать, он и генерал Драгун бегло их просмотрели. Новиков был абсолютно спокоен. Видимо, это объяснялось, как мне казалось тогда, его молодостью. Генерал Драгун, увидев подготовленные для упаковки, привезенные Паннвицем, Стлукой и мною следственные дела гестапо, заведенные на Леопольда Треппера и на меня, присел в свое кресло и, покачивая головой, молча смотрел в мою сторону. Его удивление было вызвано и рядом других документов. Видимо, он не мог себе представить только одно: как мне удалось, безусловно рискуя собственной жизнью, все это осуществить. Нет, я не мог себе представить, чтобы генерал Драгун вдруг оказался в таком подавленном настроении по каким то другим причинам. Зная, что я лично запрашивал «Центр» о предоставлении мне возможности вернуться как можно быстрее в Москву и привезти с собой гестаповцев и документы, получив соответствующее указание Москвы для оказания мне помощи, он не мог усомниться в моем счастливом будущем. Во всяком случае, мне тогда так казалось. Единственное, что, по моему мнению, оказывало на него влияние, – это то, что молодому человеку удалось, попав в руки гестапо, все это совершить.

В дни моего пребывания в миссии я не мог уточнить также вопрос и о том, что там известно о Леопольде Треппере, что он им рассказывал о своей деятельности. Из отдельных реплик как генерала Драгуна, так и Новикова я не мог установить, кто из них или они оба встречались с Леопольдом Треппером, что он им рассказывал о себе. Несколько подумав, я даже почувствовал некоторую тревогу в той части, что имел ли я право им, сидя в кабинете генерала, кое-что коротко рассказывать о себе, знакомить их с имевшимися при мне документами и не скрывать от них, кто такие Паннвиц, Кемпа и Стлука. Единственное, что меня в этой части успокаивало, – это то, что они сами назвали фамилию Паннвица, значит, Москва, давая указания парижской миссии, видимо, их в какой-то степени проинформировала обо мне.

Мы с полковником Новиковым вышли и, пройдя в его кабинет, тщательно упаковывали все документы, привезенные нами, и даже мой доклад, написанный в дни пребывания в Париже в миссии, предназначенный для передачи начальнику ГРУ. Я счел необходимым коротко некоторые вопросы подготовить и для расследования всего происшедшего, а в особенности для правильной оценки перенесенного тяжелого провала в Берлине, повлекшего за собой не только сотни арестов, но и десятки казней.

Мы упаковали также несколько пистолетов, имевшихся у Паннвица, Сглуки и в последнее время у меня. Я хотел упаковать и сохранившийся в гестапо, изъятый у меня при аресте, очень хороший, дорогостоящий фотоаппарат, если не ошибаюсь, фирмы «Кодак». Полковник Новиков мне пояснил, что его я смогу иметь при себе при посадке в самолет. Одновременно я узнал, что мы должны подождать прибытия в Париж советского самолета, который «сможет» нас «спокойно» доставить в Москву. Я поставил эти два слова в кавычки, так как в те счастливые для меня дни моего возвращения на Родину я не мог себе представить, что должны означать эти произнесенные полковником слова на самом деле.

Упаковывать личный багаж не представляло труда, так как у нас почти не было вещей. Так, например, мой состоял в основном из макинтоша, пиджака, брюк, нижнего белья, носков и туфель, и все это находилось на мне. В чемодане были пижама, полотенце, зубная щетка, зубная паста и мыло. Я уже точно не помню, но, возможно, еще кое-какие мелочи. У моих «немецких друзей» тоже почти ничего не было. Это объяснялось тем, что они были убеждены, что вскоре окажутся у себя на Родине, в своих семьях.

Прибытия самолета нам пришлось ждать еще несколько дней. Паннвиц с компанией имел возможность несколько раз выезжать в город, а я в целях «предотвращения каких-либо неприятностей», в частности встречи с кем либо из знавших меня, продолжал оставаться в миссии, читая новые газеты и журналы, слушая радио. Хочу отметить, что, не выдержав, однажды я спросил у Новикова, как можно объяснить тот факт, что, не желая моих рискованных встреч со знавшими меня людьми, как он позволяет выезд Паннвица и других в город, не опасаясь их разоблачения французами, которые могли их знать как гестаповцев. Ответа вразумительного я не получил.

Однажды, сидя втроем в кабинете генерала Драгуна, беседуя, продолжая касаться интересующих моих собеседников вопросов о моей разведывательной деятельности, мы были прерваны телефонным разговором в несколько минут. Из приемной генералу сообщили, что к нему хочет пройти генерал Лукин. Услышав это, я хотел покинуть кабинет, но мне посоветовали остаться и увидеть очень интересного человека. Конечно, я не мог даже предположить, о каком генерале Лукине шла речь, и, совершенно спокойно продолжая сидеть в своем кресле, абсолютно неожиданно я увидел вошедшего в кабинет инвалида с протезом. Это был Михаил Федорович Лукин, с которым я дважды до войны встречался совершенно случайно. Однажды увидел его, находясь в кабинете у Роберта Петровича Эйдемана, когда он был председателем Центрального совета «Осоавиахима» СССР, а я приезжал с заданием посетить эту организацию, получив таковое от Понеделина, руководителя Ленинградской городской и областной организации этого общества.

Лукин, видимо, тоже узнал меня. Мы тепло поздоровались, но не начинали никакого разговора обо мне, о моей деятельности. Только после его ухода я признался, что встречался с ним ранее один раз у Эйдемана, а один раз случайно в НКО СССР, когда я стоя беседовал с Александром Ивановичем Тодорским, начальником Военно-воздушной академии им. Жуковского. С ним меня познакомил незадолго перед этим мой дядя, который одно время был заместителем начальника военно-медицинской службы РККА.

После того как я признался в моем знакомстве с генералом Лукиным, узнал то, что мне еще раньше в такой степени не приходилось слышать. По словам генерала Драгуна, генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, командуя во время Великой Отечественной войны одной из армий, был уже в октябре 1941 г. тяжело ранен и не сумел спастись от военного плена. Попав к немцам, они узнали, что он командующий армией (якобы немцы предприняли ряд мер в медицинском плане, с тем чтобы поднять его на ноги), и он оказался

в специальном лагере для военнопленных, в котором содержались и наши генералы.

Якобы немцы предложили позже генералу Лукину возглавить Российскую освободительную армию. Он категорически возражал и отказался от этого предложения. В разговоре было подчеркнуто, что еще до Лукина с аналогичным предложением фашисты обращались к попавшему тоже после тяжелой контузии в немецкий плен генерал-лейтенанту Дмитрию Михайловичу Карбышеву и другим. Все отказались. Генерал рассказывал о том, что его миссии удалось большую группу советских генералов доставить из лагеря военнопленных в Париж, а затем на самолете отправить в Москву. Поскольку он видел мучительное состояние Михаила Федоровича Лукина, им было принято решение, согласованное с Москвой, об оставлении последнего на некоторое время в Париже для изготовления для него хороших протезов.

Видимо стремясь поблагодарить генерала Драгуна за проявленное к нему внимание и, как он выразился, прекрасно изготовленный протез, генерал лейтенант Лукин и посетил его кабинет, не стесняясь моего присутствия. Что произошло дальше с Михаилом Федоровичем Лукиным, как и с другими генералами, находившимися с ним в немецком плену, я долгое время не знал. Уже находясь на Лубянке, я оказался в одной камере с генералом, в качестве обвинения которому было предъявлено его «сотрудничество» с фашистами во время нахождения в плену, в лагере, выразившееся в том, что его использовали там в лагерной администрации. Он поведал довольно подробно о судьбе всех доставленных из Парижа освобожденных из лагеря военнопленных генералов. После прибытия в Москву все они были помещены в пригороде, где началось следствие по выдвигавшимся против каждого из них обвинениям. Через некоторое время их вывели с незначительными вещами в пакетиках и усадили в три разных автобуса. Как выяснилось потом, один из автобусов доставил своих «пассажиров» непосредственно на Лубянку, другой – в Лефортовскую тюрьму, а третий, с небольшим количеством «пассажиров» направился в Наркомат обороны, они были освобождены.

К числу не подвергнутых преследованию принадлежал и генерал-лейтенант Лукин. В дальнейшем он находился в отставке и дожил почти до восьмидесяти лет. Я точно не помню, когда я его мимоходом видел в Москве. Мы буквально только обменялись приветствиями. На мой вопрос о его самочувствии он ответил, что все нормально. О себе я ничего не имел права рассказывать, а поэтому постарался ни на минуту не задерживаться.

Наше пребывание в Париже затягивалось, и я стал замечать, что Хейнц Панныц начинал нервничать. Однажды он спросил полковника Новикова, с которым больше поддерживал контакт, не могли бы тот узнать, как живут его родители и жена с детьми, а также сообщить им, что он жив и здоров. Ему посоветовал полковник подождать прибытия в Москву, оттуда будет легче установить связь с Магдебургом. Услышав этот совет, Хейнц умолк и больше, во всяком случае, в моем присутствии, к этому вопросу не возвращался. Некоторую нервозность я замечал и у Кемпы. Единственный из «моих помощников», который держался более спокойно, был Стлука. Я мог это объяснить тем, что он мне верил, а еще за много месяцев, перед тем как мы оказались в Париже, я пояснил ему, что лично не испытываю ни за себя, ни за них никакой тревоги, так как верю в то, что я смогу доказать в Москве в любой инстанции, что всегда был преданным и честным гражданином своей родины и действовал только в ее интересах, даже после того, как оказался в руках гестапо.

Время шло, и я уже задумал заняться еще своего рода литературной деятельностью. Мне вдруг захотелось написать более подробно о том, что пришлось пережить за все годы моего пребывания за рубежом, начиная с 1937 г., когда в его конце я направился в числе советских добровольцев в Испанию, чтобы помочь героическому испанскому народу в борьбе против фашизма. Конечно, в планах моей работы особое место должны были занять годы, проведенные в Европе во время выполнения задания по моей разведывательной деятельности, включая, безусловно, и те тяжелые годы, которые последовали за моим арестом гестапо.

Мне очень хотелось написать правду, только правду, не уподобляясь бежавшему на

Запад Вальтеру Германовичу Кривицкому и другим. Именно его книга «Я сталинский агент», изданная в 1938 г. в Париже, полная не только различных измышлений, но и являющаяся, по существу, предательством, прочитанная мною с большим вниманием, подталкивала меня к мысли, что я должен написать свои воспоминания, но только соблюдая историческую правду. Поразмыслив, решил, что, несмотря на окончание войны, на то, что и о нас будут проникать в литературу какие-то сведения, мне еще следует повременить. Хочу особо отметить, что я тогда еще не знал, что Вальтер Кривицкий, а его настоящая фамилия Самуил Гинзбург, вскоре после издания своей книги бежал в США и там в резкой форме изменил свои публикации, придав им еще более враждебную тенденцию, направленную против не только лично Сталина, но и всего Советского Союза и его народа.

Пришлось все свое терпение сосредоточить на чтении журналов, прерываясь ненадолго, когда имел возможность побеседовать с генералом Драгуном и полковником Новиковым, а также с Паннвицем, Кемпой и Стлукой.

Наконец настал день, когда Новиков предупредил меня, что самолет, на котором мы сможем совершить перелет Париж–Москва, уже прибыл на аэродром, должен пройти проверку технического состояния, заправиться горючим и, приняв нас на борт, вылететь на Родину. Я предупредил об этом Стлука, а пока Паннвицу и Кемпе не счел возможным об этом говорить. И в данном случае я вновь попросил Стлука присматривать за Паннвицем.

Прошло уже довольно продолжительное время нашего пребывания в миссии, а я так и не мог точно определить, в чем и почему ощущался разный подход, разное отношение к нам со стороны генерала и полковника. Эти мысли я относил исключительно не к моей повышенной бдительности, а, скорее, к какому-то внутреннему нервозному состоянию. Нет, я становился более и более уверенным, что оба эти представителя Москвы к нам относятся хорошо и всячески стараются помочь в нашем стремлении благополучно и побыстрее добраться до Москвы. То, что меня несколько удивляло в отношении ко мне со стороны Новикова, а именно его стремление «изолировать» меня от Парижа, не разрешать покидать здание миссии, я объяснял тогда тем, что он мог опасаться не моего бегства, а моего «разоблачения» как советского разведчика.

И вот вечером 6 июня 1945 г., не объясняя Паннвицу, Стлуке и Кемпе, чем могло быть вызвано желание генерала и полковника провести несколько часов последнего вечера вместе, мы ужинали втроем. Не знаю, я всегда считал, что умею разбираться в людях, а на этот раз я заметил, что существует какая-то разница между генералом Драгуном и полковником Новиковым, имеется необъяснимая разница характеров. Новиков, хорошо относящийся ко мне, был всегда более сдержанным и, я бы даже сказал, напряженным. Генерал, несмотря на то, что он был выше по занимаемому положению и по званию, как мне казалось, относился ко мне лучше. Мне даже казалось, что он переживает из-за всех тех тягот, которые мне пришлось перенести, находясь на разведывательной работе, а в особенности во время моего нахождения в гестапо.

Вечер прошел, мы направились в салон, где Паннвиц, Стлука и Кемпа проводили время, смотря телепередачи или видеофильмы, точно сказать не могу. Мы провели несколько минут вместе и, тепло попрощавшись, разошлись по комнатам.

Ночь была тяжелой. Я не мог успокоиться, ведь на следующий день я должен был уже быть на Родине, а, следовательно, скоро, сделав доклад начальству, направлюсь к моим родителям в Ленинград.

Нет, память у меня еще сохранилась хорошая, и вспомнились невольно слова Тараса Григорьевича Шевченко (правда, прежде чем их сейчас написать, я счел необходимым сверить с подлинником):

Святая Родина! Святая!
Иначе как ее назвать -
Ту землю – милую, родную,
Где мы родились и росли

И в колыбели полюбили
Родные песни старины.

Настало утро, раннее утро 7 июня 1945 г. Перед тем как сесть в машины, мы должны были еще попрощаться со многими из тех, с кем пришлось встречаться в миссии.

Неожиданно ко мне подбежал старший лейтенант, который нес службу у входа в миссию. Это был единственный человек, которого мне пришлось несколько лет спустя увидеть при очень неприятных обстоятельствах. Уже находясь в ИТЛ, принимая участие в приеме пополнения заключенных, он первым меня, тоже заключенного, узнал и высказал уже несколько позднее при встрече свое крайнее удивление, так как в Париже, видя отношение ко мне генерала Драгуна, полагал, что я нахожусь в почете.

Мы в машинах. Я в одной из них сижу рядом с полковником Новиковым, который, «проявляя любезность», решил нас проводить на аэродром.

Машины промчались по полупустым в этот ранний час улицам Парижа. Париж! Трудно не полюбить этот город, даже если ты прожил в нем не особенно много времени. Жить в Париже, часто бывать в нем, видеть его в дни радости и печали, видеть нарядных и веселых парижан и парижанок и видеть в печальные для Франции дни патриотов, ведущих борьбу против оккупантов за свободу и счастье своей родины, видеть печальных французов, многие из которых потеряли своих близких, не полюбить этот красивый, с весьма поучительной историей город невозможно.

Прощаясь с Парижем, каждый раз, а в этот раз в особенности, вспоминались бессмертные слова Владимира Маяковского, написанные им еще в 1925 г. в стихотворении «Прощанье». Я очень хорошо помнил их, в полном собрании сочинений этого любимого мною автора в шестом томе у меня по сей день имеется закладка на с. 227. Вот отрывок из этого стихотворения:

Париж
бежит,
провожая меня,
во всей
невозможной красе.
Подступай
к глазам
разлуки жижя,
сердце мне
сентиментальностью расквась!
Я хотел бы жить
и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли –
Москва!

Машины остановились в аэропорту. Нам разрешили подъехать к стоящему советскому самолету известной международной фирмы «Дуглас». Предстояло прощание с провожающими нас офицерами во главе с полковником Новиковым, посадка в самолет. Ждать отлета оставалось недолго.

ГЛАВА XXIX. Радостное возвращение на Родину и... самый тяжелый удар в моей жизни.

Мы знали, что нам предстояло лететь целый день: вылет из Парижа в 8 часов утра, а

прибытие в Москву – уже поздно вечером.

Багаж, доставленный на автомашинах, стал более весомым. По приказу генерала Драгуна нашей четверке была передана довольно объемистая корзина с продуктами. Она добавилась к нашим небольшим чемоданчикам и довольно большому мешку дипломатической почты, в котором находились и наши материалы (доклад Директору, важные документы из архивов гестапо, а также и личное оружие и т.п.).

Войдя в самолет, мы удивились увиденному. Салон был не обычным: в нем отсутствовали мягкие откидные кресла. Несмотря на то, что самолет и салон были довольно больших размеров, сидящих мест было очень мало. Вскоре мы заметили, что нет стюардессы.

Оставшиеся еще у трапа самолета полковник Новиков и другие, дождавшись, пока авиалайнер не оторвался от взлетной полосы парижского аэропорта, сняв фуражки, махали на прощание.

Пассажиров было мало. Кроме завербованных мною Паннвица, Стлуки, Кемпы и меня находились еще жена бывшего военного атташе Суслопарова, вызванная в Москву, но, видимо, еще не знавшая о том, что ее муж арестован и находится в тюрьме, и два молодых офицера, как я предполагал, сопровождавшие нашу «дипломатическую почту». Они держались как-то странно, отчужденно.

Мы прильнули к стеклам и всматривались в удалявшийся город. Еще видны были Эйфелева башня, собор Парижской Богоматери, Сена, Сигэ, Сакре-Кер. Угадывались Елисейские поля, Рон Пуэн, Большие бульвары, Пантеон, Латинский квартал и его центр «Бульмиш» – бульвар Сен-Мишель, Сорбонна, «Чрево Парижа»... Мне хотелось увидеть высокий забор и мрачное огромное здание, отнявшее у многих, в том числе и у меня, если не всю жизнь, то на долгие годы много здоровья. Ловил себя на мысли, как повезло Большому шефу – Леопольду Трепперу, который после ареста гестапо и до бегства в этой кошмарной тюрьме провел только одну ночь.

Настроение у всех было разное, но, соответственно, у каждого напряженное. Я мог только предположить, что Паннвиц, Стлука и Кемпа думали о том, что каждого ждет впереди, как их встретят в Москве и как сложится их дальнейшая судьба. Я не исключал возможности, что они, а в особенности Хейнц Паннвиц, несмотря на полученные гарантии личной безопасности и неприкосновенности, все же сомневался.

Лично мои мысли были направлены совершенно в другое русло. Прежде всего еще раз отчетливо вспоминалось, как в 1938 г. я возвращался в Советский Союз после участия в национал-революционной войне в Испании. Тогда было мое первое возвращение на Родину, после сравнительно непродолжительной отлучки, ведь я пробыл за границей в то время менее года. При этом возвращался я по своему советскому паспорту, как гражданин Советского Союза. Вместе со мной в мягком вагоне ехали мои друзья, и среди них ленинградец Михайлов. Мы и тогда спешили, знали, что нас ждут родители, а кого-то жены и дети. Было радостно, не умолкали наши веселые разговоры.

Я улыбнулся, вспомнив, что, как только в Негорелом мы вышли из вагона после пересечения нашей государственной границы, увидели своих, очень близких нам пограничников. Мы были готовы броситься им на шею, обнять и поцеловать, поцеловать и нашу родную землю.

Пролетая над Берлином, всюду виднелись следы только что закончившейся войны. Много было разрушений, но это нас не удивляло, ибо сравнительно недавно Паннвиц и я проехали по значительной части территории горячей Германии и побывали в Берлине. Тяжело было смотреть на разрушенные дома, на людей, лишенных жилья, а их было много.

Хейнц Паннвиц, видимо не выдержав, наклонился ко мне и тихо вновь повторил то, о чем мы раньше уже говорили: при таком разрушении жилых домов большинство промышленных предприятий продолжало стоять нетронутыми. Тяжело вздохнув, он продолжил: «Дай бог, чтобы моя семья осталась жива!»

Заместитель начальника зондеркоманды «Rote Kapelle» гауптштурмфюрер СС Хайнц Паннвиц. Снимок сделан в советском лагере. 1940-е годы

И вот нам предстояло уже приземлиться в Минске. Подлетая к столице Белоруссии, мы оказались невольными свидетелями ужасающих разрушений. Почти все жилые дома были полностью разрушены, торчали только кое-где уцелевшие стены. Мы приземлились близ Минска и задержались там ненадолго; пополнив запас горючего, мы продолжили наш полет. Теперь оставалось ждать приземления в Москве.

Меня несколько удивило, что наши попутчики, лейтенанты, буквально не отходили от меня и моих «немецких друзей». Они с нами не контактировали, со мной не перебросились ни одним словом, а вот «любопытство» по отношению к нам не сумели скрыть.

У меня же в уме четко вырисовывались встречи с отцом и матерью, уже далеко не молодыми людьми. Вспоминая мой приезд в Ленинград из Испании в 1938 г., я как бы наяву видел, как тогда тепло, со слезами встречали меня мои родители, хотя по времени мы не виделись значительно меньше, чем теперь. Я не мог забыть и того, как расставались перед моим повторным отъездом за границу в 1939 г. Сколько было печали, тревоги у отца и матери, но ведь они не только не знали, но и не могли предположить, куда и в качестве кого их сын отбывает...

Я представлял себе, что уже в Москве, вхожу в кабинет начальника «Центра» – Директора, а после короткой беседы с ним встречаюсь с полковником Старуниным (я не знал, какое он звание имел в это время, а тогда он был полковником). Хотел также встретиться с комбригом Брониным.

Я не терял веры, что просьба о моем приеме для доклада лично И.В. Сталиным будет тоже удовлетворена, а это, как мне представлялось, должно было иметь немаловажное значение для интересов нашего государства.

Время от времени я смотрел на «завербованных» мною гестаповцев и даже заговаривал с ними, подчеркивая свое абсолютное спокойствие и убежденность, что мы поступаем правильно, решив вместе направиться в «Центр» для продолжения совместной работы в интересах Советского Союза.

Неожиданно один из членов экипажа с улыбкой на лице сообщил нам, пассажирам самолета, что «путешествие» заканчивается и мы приближаемся к столице могучего Советского Союза – победителя. Мне казалось, что после этого объявления время потянулось слишком медленно, хотелось быстрее вступить на родную землю. У меня, по непонятным причинам, создавалось впечатление, что я покинул Москву совсем недавно, и, больше того, мне уже начинало казаться, что не было никаких тяжелых переживаний, трудностей в моей разведывательной деятельности и в жизни вообще за все время моего

пребывания за рубежом. В то же время невольно думал о том, где сейчас находятся Золя и Виктор, их семьи, хотя от генерал-майора Драгуна я знал, что они и их семьи живы и здоровы, что с ними установлена «Центром» связь. Думал я и о многих других, о судьбах которых ничего не знал. Не знал я ничего и о Блондинке, которая осталась вместе с нашим сыном Мишелем, с женой генерала Жиро, бельгийской графиней Изабеллой Русполи и женой брата генерала Жиро, интернированными в Германии. Думал я и о глубоких стариках Жаспар, с которыми меня связывала искренняя дружба, и о многих других. Не мог я не думать и не переживать за судьбу Рене.

Меня угнетали мысли и о том, как состоится в «Центре» моя встреча с Отто, настоящую фамилию которого я узнал от гестаповцев, – с Леопольдом Трешпером.

Неожиданные толчки и непривычный звук подсказали мне, что самолет идет на посадку. Невольно промелькнула тревожная мысль: а как пройдет «проверка» пограничниками документов и таможенниками багажа? Ведь у нас не было советских паспортов, на имевшихся иностранных не было надлежащих виз. Что же должно подтвердить наши личности? До того как самолет пошел на посадку, обо всем этом я даже не задумывался. Возникшие сомнения были мимолетными, так как я понимал, что «Центр», безусловно, принял надлежащие, то есть необходимые, меры для нашей безопасности и мы легко пройдем все предусмотренные правила проверок.

Я буквально прильнул к стеклу иллюминатора.

Мы приземлились на родной земле. Казалось, что пределу моего счастья не было границ. Очень хотелось попросить в «Центре», чтобы мне разрешили побывать у моего дяди, у которого я до отъезда за границу часто ночевал, и у других родственников. Я не знал тогда, что мой дядя, несмотря на состояние здоровья, плохое зрение, настоял на претворении в жизнь своего желания вступить в ополчение и встать на защиту своей любимой Москвы. Вскоре он погиб на фронте.

К самолету подведен трап. Мотор уже заглушён. Первыми спустились молодые офицеры, о которых я уже говорил, затем жена генерала Суслопарова, а совсем последними на выход были приглашены мы.

Спустившись по трапу, я обратил внимание на то, что недалеко от места посадки нашего самолета находились офицеры разных рангов, включая и генерала. Стояло довольно много автомашин. Мелькнула приятная мысль: неужели нас с таким вниманием встречают? Я еще не успел опомниться, как из увиденной мною группы офицеров почти одновременно отделились несколько человек. Они направились к Паннвицу, Стлуке и Кемпе, к каждому из них в отдельности. Не дав нам даже попрощаться друг с другом, эти офицеры усадили каждого из привезенных мною гестаповцев в отдельную машину, сев по два-три человека с каждым на заднее сиденье автомашины, и буквально в считанные минуты направились в неизвестном направлении.

Не успели еще автомашины удалиться, как ко мне подошел майор, назвавший себя Коптевым. Генерал-лейтенант и группа оставшихся офицеров продолжали стоять на своем месте, и никто из них не счел нужным даже поздороваться, что, естественно, меня несколько насторожило.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все происходило так стремительно, что я и «завербованные» мною немцы не могли даже попрощаться, что, безусловно, могло вызвать у них определенную тревогу. Что же произошло? Почему потребовалась подобная поспешность? Чем она могла быть оправдана?

Все эти вопросы молниеносно пронеслись в моей голове. Конечно, они остались без какого-либо ответа. Я был буквально обескуражен! Меня взволновало и то, что думают Паннвиц, Стлука и Кемпа? Неужели в «Центре» будут их тоже принимать поодиночке и чем это вызвано?

Представляется Коптевым, майор «очень любезно» пригласил меня пройти в одно из пустых помещений аэропорта. Только там он обратился ко мне по кличке, которая предусматривалась еще в 1939 г. на случай необходимости встретиться за рубежом с

представителями контрразведки. Это меня несколько насторожило. Майор тут же сказал мне: «В соответствии с вашей просьбой вы будете приняты начальством... Сегодня вас примут в Особом отделе НКВД СССР... В Москве вас ждали уже давно в соответствии с вашими радиogramмами...»

Вежливость майора Коптева, проявляемое им внимание ко мне, его вопросы о том, как мы долетели, как перенес полет, как я себя чувствую, не давали мне оснований для волнения. Я бы даже сказал, что все это заставило меня подумать о необоснованности всех моих сомнений, возникших сразу после приземления нашего самолета в Москве. Но несколько удивило сказанное майором, что «сегодня меня примут в Особом отделе НКВД». Почему встреча со мной по «моей просьбе» должна начаться именно в НКВД СССР, а не в Главном разведывательном управлении РККА? Ответ на этот вопрос я получил в ту же ночь, а полное разъяснение – только через несколько лет, в 1961 г.

- 4 -

НКО — СССР

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОНТРРАЗВЕДКИ „СМЕРШ“

ОРДЕР № 793

Июня 22 дня 1945 г.

Зыдан _____

ов. Коптеву

на производство: Ареста и обыска

Буревича

Анастасия Марковича

по адресу по месту нахождения

Место для печати

Начальник Главного Управления Контрразведки „Смерш“

Начальник 10 отдела Главного Управления Контрразведки „Смерш“

Зам. Т. Вогт.

Арест санкционирован Прокурором СССР
Полковником Юстиции
тов. Чайковским

После короткой беседы мы вышли из помещения, у дверей уже ждала автомашина. Оглянувшись вокруг, я не увидел ни одного из ранее стоявших офицеров. Удобно расположившись с «дружески» расположенным ко мне майором, мы направились по улицам

окрестностей, а затем и самой Москвы к центру города.

Легко себе представить мое состояние, мою радость, мое волнение, вызванные тем, что, наконец я вновь на Родине, в Москве, и скоро смогу встречаться с моими родителями в Ленинграде. Мне вспомнилось, как уже но давно установившейся традиции после принесения присяги, военной присяги и верности и преданности Советскому Союзу, перед самым моим отъездом в командировку, длительную командировку для работы по заданию «Центра» за границей, я посетил на Красной площади Мавзолей Владимира Ильича Ленина и, как делали все, мысленно повторил, смотря на саркофаг, принесенную клятву верно служить Родине, всегда быть ее патриотом.

Я, еще не доехав до центра города, спросил Коптева, лежит ли наш маршрут через Красную площадь? Улыбаясь, он, подшучивая надо мной, сказал, что я, видимо, совсем уже забыл Москву и не помню, что мы приближаемся к центральной части города с совершенно противоположной стороны.

Надо признаться, что, несмотря на все, поездка с майором Коптевым по Москве была для меня очень приятной. Меня поразило все увиденное. Я не видел разрушений, подобных тем, которые были в Брюсселе, Париже, а главным образом, в Берлине, видел я их и в других городах, которые пришлось мне посетить во время Второй мировой войны. Я внутренне понимал, что у многих шагающих по Москве траур был и был он вызван, в первую очередь, теми потерями близких им людей, членов их семей, отцов, братьев, сыновей, дочерей, мужей и жен, погибших на фронте. Тогда, вернувшись на Родину, я еще не знал, в каком количестве, но знал, что народ выжил, что он внес решающий вклад в победу над фашистской Германией.

Не останавливаясь, мы подъехали к воротам, тяжелым металлическим воротам. Слабый гудок автомашины, и к нам навстречу вышел часовой. Он недолго задержался, едва взглянул, видимо, на пропуск майора Коптева, и ворота открыли. Все было четко отработано, что проявилось в дальнейшем. Мы остановились около одной из дверей, выходящих во двор, и майор Коптев предложил мне выйти из машины, прихватив с собой мой чемоданчик. Мы подошли ближе к двери. К моему удивлению, я прочитал выполненную четкими буквами надпись: «Прием арестованных». Я посмотрел в сторону майора. Он «вежливо» пропустил меня вперед, предварительно нажав кнопку звонка. Дверь открылась очень быстро. Не переступив порога, пропустив меня еще раз вперед, майор вручил открывшему дверь лейтенанту какой-то запечатанный конверт. Не попрощавшись со мной, до этого очень внимательный и по дружески расположенный ко мне, быстро удалился.

У меня вновь сложилось впечатление, что и здесь, как и в аэропорту, я являлся не случайным «гостем». Видимо, обо мне и здесь уже знали и, больше того, даже ждали.

«У вас имеется личное оружие?» – таков был первый вопрос, обращенный ко мне. Получив отрицательный ответ, меня «препроводили» без дальнейших слов в один из многих имевшихся в этом помещении боксов. Перед тем как закрыть дверь бокса, прощупали карманы и, убедившись, что действительно нет оружия, спокойно, не проронив ни слова, закрыли за мной на замок дверь. Хорошо, что у меня были сигареты и сигарильос, зажигалка – их у меня не отобрали. Мне было разрешено курить.

Бокс, его площадь равна полутора квадратным метрам, был мрачным. Я сел на встроенную у задней стенки скамейку и, чувствуя себя очень неудобно, стал с нетерпением ждать, когда же меня пригласят на долгожданный прием, повторяю, по моей личной просьбе, к руководителям различных инстанций.

Невольно возникал вопрос: неужели всем записавшимся или назначенным на прием к начальству приходится ждать так долго и в таких ужасных условиях, с соблюдением установленного странного порядка?

Время шло, медленно передвигались стрелки на моих наручных часах-секундомере в корпусе из золота, выпущенных одной из известных швейцарских фирм. Приближалась полночь. Вдруг послышались шаги, кого-то вызвали, а я продолжал сидеть и ждать. Сейчас уже трудно сказать точно, сколько времени я пробыл в боксе до того момента, когда

услышал, как в двери щелкает замок.

Старший сержант, открывший дверь, в руках держал какую-то бумажку и очень тихо, читая написанное на ней, назвал мою настоящую фамилию, а вслед за ней имя и отчество. Убедившись, что я откликаюсь на зачитанные данные, старший сержант предложил мне «следовать за ним». Мы ускоренным шагом прошли через помещение, в котором было много дверей, подобных той, которая была у моего бокса, в котором я просидел много часов. Выйдя из помещения, мы оказались на площадке лестничной клетки. Мне было предложено войти в лифт. Не помню, на какой этаж мы поднялись. Помню только, что совершенно неожиданно для меня, у себя на Родине, после того как я лично добивался ускорения моего возвращения, после всего тяжелейшего, пережитого мною за время моей работы за рубежом и в застенках гестапо, часто рискуя для принесения пользы Советскому Союзу своей жизнью, я услышал резкую команду: «Руки назад!» Я был ошеломлен и не мог сообразить, что случилось, и быстро повернулся лицом к тому, кто подал эту дерзкую команду. Видимо, он понял мое состояние, а поэтому, не повторяя, менее резко сказал: «Идите вперед!»

Только в тех случаях, когда нам навстречу кто-либо попадался, старший сержант брал меня за руку, чуть повыше локтя. Передвигаясь по коридору ставшей знаменитой Лубянки, я далеко не полно знал о том, кто здесь побывал уже задолго и недавно до меня. Во всяком случае, как казалось тогда, мне ничего не угрожает. Обвинить меня в чем-либо ни у кого нет никаких оснований, я всегда был честен по отношению к моей Родине, к ее народу.

Наш путь по коридорам был довольно далекий и закончился у какой-то двери. Предварительно осторожно постучав, сопровождавший меня старший сержант, приоткрыв её, спросил разрешения войти.

В комнате, оказавшейся приемной, я понял, что и здесь нас уже ждали. Не успев войти в эту большую комнату, оказавшуюся приемной начальника «Смерша» Абакумова, я, не зная, конечно, еще того, кто меня будет принимать, вновь почувствовал, что меня ждали. Несмотря на то, что уже было за полночь, а в приемной сидело несколько офицеров, ожидавших приема, дежурный офицер пропустил нас, а вернее, только меня, так как старший сержант остался за дверью.

Итак, я оказался в большом кабинете. Кабинетов такой величины ранее мне не приходилось посещать. В глубине стоял очень большой письменный стол, за которым восседал незнакомый человек. Так впервые в жизни я увидел САМОГО Абакумова. Слева от меня, несколько в стороне стоял большой, очень длинный и довольно широкий стол со значительным числом стульев вокруг. Справа от меня, у самого стола Абакумова выстроилось несколько офицеров, в том числе и тот, если не ошибаюсь, генерал-лейтенант, который нас «торжественно встречал» у трапа самолета, едва приземлившегося в аэропорту. Взглянув на эту шеренгу, я убедился, что почти все они были в генеральском звании.

Не поздоровавшись со мной, Абакумов в довольно резкой форме не пригласил и не попросил даже, а, скорее, приказал сесть. Я уже подошел близко к письменному столу, оглянувшись вокруг в поисках стула – и не обнаружил ни стула, ни кресла. Продолжая оглядываться, я увидел, что приготовленный для меня стул находился сзади, на расстоянии трех-четырех метров от письменного стола. Это меня опять-таки несколько удивило. Вернувшись назад, я сел.

Все увиденное мною «представление», явно приготовленное специально для меня, не только удивило, но и встревожило в значительной степени. Я не мог понять, что происходит, чем вызван столь странный прием, да к тому же «начальником Особого отдела НКВД СССР». Несмотря на все это, я не мог еще себе представить того, что меня ждет в ближайшее время.

Буквально через несколько минут Абакумов задал в вызывающей по резкости форме свой первый вопрос:

- Вы ехали в Москву за очередными правительственными наградами?

Эти слова заставили меня несколько растеряться. Я еще ни разу не получал правительственных наград, несмотря на то что за мое участие в перегоне подводной

испанской лодки я представлялся к таковой, получал я поздравления и позднее.

Увидев мое удивление, в еще более резкой форме Абакумов продолжил свои выпады в мою сторону; в мой адрес были направлены прямые оскорбления. Вот одно из них, которое мне запомнилось на всю жизнь:

- Когда и кем вы были завербованы? С каким заданием вас послали в Москву?

Не получив ожидаемого ответа на столь резкий, ошеломляющий, а для меня предельно оскорбительный, я бы даже сказал, провокационный вопрос, Абакумов повернулся направо и что-то тихо сказал сидящему сбоку от письменного стола человеку в штатском, как, впрочем, был одет и сам начальник «Смерша». Как мне потом пояснил следователь Кулешов, сидящий справа у стола человек был В.Н. Меркулов, народный комиссар внутренних дел СССР. Я не слышал, о чем эти два начальника между собой говорили, но вскоре, несколько помедлив, Абакумов, продолжая в том же тоне, задал мне еще один, удививший меня не в меньшей степени вопрос:

- Почему вы добивались личного приема у товарища Сталина? О чем вы хотели с ним говорить?

В данном случае я, не задумываясь, поспешил дать четкий ответ:

- В 1941 году я, выполнив ответственное задание «Центра» по восстановлению прерванной с началом Великой Отечественной войны связи в Берлине с нашей разведывательной группой Шульце-Бойзена и Харнака, подробно доложил «Центру» и передал полученную от ее руководителя очень ценную информацию. Я подчеркнул, что вскоре я получил зашифрованную радиограмму, в которой сообщалось, что о выполнении мною задания «Центра» и полученная от меня информация доложены «Главному хозяину». От его имени была передана мне его благодарность и сообщалось, что им я представлен к правительственной награде. Под понятием «Главный хозяин» мы подразумевали Иосифа Виссарионовича Сталина. Я был убежден в том, что и те материалы, о которых я хотел докладывать после моего прибытия в Москву «Центру», в первую очередь касающиеся проводимой нашими союзниками политики, должны заинтересовать и его, руководителя нашего государства.

Отвечая на этот вопрос, я умолчал еще один очень важный факт, уже несколько лет тревоживший меня. Я считал необходимым доложить И.В. Сталину о вскрытых мною причинах провала берлинской патриотической антинацистской группы Сопротивления «Красная капелла», его дальнейшего расширения в связи с неприятием своевременных мер по предотвращению всего этого, быть может, самим «Центром», а в первую очередь, органами нашей контрразведки. Мне показалось уже тогда, что именно этого опасались в НКВД СССР и «Смерше».

Вновь посмотрев в сторону Меркулова и перекинувшись с ним какими-то словами, Абакумов, внезапно изменив принятый им тон разговора со мной, в уже более мягкой форме, улыбаясь и повернувшись в мою сторону, сказал:

- Мы все знаем о вас, вам ничего не угрожает, вам предстоит некоторое время поработать с нами, помочь разобраться во многих интересующих нас вопросах. Вы будете работать с полковником (точно не помню, может быть, было сказано – с подполковником) Кулешовым.

Продолжая улыбаться, Абакумов полушутя-полусерьезно сказал:

- Я понимаю, что вы хотите быстрее увидеть свою семью, отца и мать. Все будет зависеть от вас. Мы ждем значительной помощи. Повторяю, вам ничего не угрожает. Только от вас лично зависит, сколько времени вы пробудете здесь. Для вашего удобства, учитывая необходимость продолжительной ежедневной работы, вы будете жить в так называемой внутренней тюрьме, а в действительности в бывшей гостинице «Россия»!

Конечно, при первой встрече с Абакумовым, при изменившемся его отношении ко мне, при услышанных от него заверениях я не мог предположить, что все это злобная игра, а фактически я уже рассматриваюсь как «опасный преступник» и 7 июня 1945 г. арестован и являюсь арестантом уже строгого режима.

Уже на основании личного опыта я привык к тому, что за рубежом у арестованного сразу же снимают галстук, подтяжки, наручные часы, а из тужель вынимают шнурки, не оставляют и ремней. Поэтому я мог предположить, вернее, не исключить возможность того, что и у нас при аресте внедрен подобный ритуал. Я же продолжал перед САМИМ Абакумовым сидеть в пиджаке, в верхней рубашке при галстуке, в брюках, поддерживаемых ремнем, в туфлях со шнурками. Иногда я посматривал на мои золотые наручные часы. Это могло, казалось бы, меня несколько успокоить.

Услышав от Абакумова приведенные мною выше слова, а также не совсем понятные для меня объяснения, в том числе о моем временном пребывании в комфортабельных условиях во внутренней тюрьме, я все же решился сделать со своей стороны следующее заявление, если можно так выразиться, а вернее, просто попытаться продолжить нашу уже ставшую «дружеской» беседу, в то же время, стремясь внести дополнительную ясность в казавшийся мне весьма важный вопрос. Поэтому сказал:

- Я думаю, что за время моего пребывания здесь мне удастся обобщить немало важных данных, смогу их дополнить привезенными материалами и показаниями привезенных «завербованных» мною немцев, а в первую очередь, безусловно, начальника зондеркоманды гестапо «Красная капелла» Хейнца Паннвица. Кроме того, ряд весьма важных вопросов я уже в достаточной степени осветил в доставленном с дипломатической почтой моем докладе на имя начальника «Центра». Я высказал уверенность, что мой доклад в присутствии в определенной его части и Хейнца Паннвица, который, как я предполагаю, в ближайшие дни смогу сделать, принесет не только «Центру» существенную помощь. В доказательство того, что я хотел принести пользу не только «Центру», но и органам нашей контрразведки.

Я подчеркнул, что надеялся, что все привезенные мною материалы и документы, а также наши дополнительные устные и письменные данные будут изучены совместно «Центром» и Особым отделом НКВД. Не мог я не указать и на то, что все это сможет не только высветить, кто и как держался в гестапо после ареста на допросах, но и более правильно оценить, кто из нашей резидентуры встал, попав в руки гестапо, на путь предательства. Не только «Центру», но и Особому отделу будет полезно знать все допущенные нашими резидентурами ошибки и существующие недоработки, чтобы в дальнейшем избежать их.

Особо я подчеркнул и то, что Паннвицу удалось заполучить некоторые материалы, касающиеся покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., из которых, в частности, просматривается двурушническая политика наших союзников по антигитлеровской коалиции.

В беседе с Абакумовым в числе перечисленных доставленных нами в Москву материалов я назвал также письмо Гимmlера о назначении Паннвица начальником отдела «А» на Западном фронте. Я был убежден, что в «Центре» уже давно знали, что абвер, которым руководил Фридрих Канарис, уже перешел в подчинение Генриху Гимmlеру и Вальтеру Шелленбергу. В связи со своим назначением на этот пост Хейнц Паннвиц должен был знать немало важного не только для «Центра», но и для Особого отдела, для советской контрразведки в части деятельности гестапоабвера против западных наших союзников, вполне возможно, и о них самих. Мог он знать и о том, что немецкая разведка может предоставить США и другим нашим союзникам и против нас.

Коснувшись в «беседе» с Абакумовым доставленного нами в Москву с дипломатической почтой письма генерал-лейтенанта Мюллера на имя начальника зондеркоманды «Красная капелла», в котором говорилось о том, что при сотрудничестве с гестапо мне гарантируется дальнейшая неприкосновенность и обеспеченная жизнь после окончания войны (!!!), я подчеркнул, что, несмотря на письмо, с которым меня познакомил доставивший его в Париж Копков, я продолжал до последнего дня вести ту линию, которую избрал и которая казалась мне всегда абсолютно правильной, только в интересах доверенной мне работы, уменьшения причинения вреда, наносимого имевшими место провалами и последовавшими за ними событиями.

Перечислив все это, я просил Абакумова принять меры для немедленного получения из дипломатической почты всех материалов, предназначенных мною для «Центра» и для Особого отдела, а также нашего личного оружия.

Еще веря в правдивость слов Абакумова, я просил в целях ускорения окончания «моей работы» во время пребывания в ГУКР НКВД СССР, так, я тогда предполагал, называлась организация, носившая, как я узнал впоследствии, имя «Смерш», выделить в мое распоряжение стенографистку.

Мне казалось, что Абакумов внимательно меня слушал, во всяком случае, он не перебивал меня и не задавал каких-либо дополнительных вопросов; Меркулов и выстроившиеся в шеренгу генералы продолжали молчать, они почти не двигались, мне даже казалось, как будто застыли по стойке «смирно».

После некоторых еще уточнений с моей стороны и со стороны Абакумова наша «беседа» мирно подошла к концу. Она закончилась словами Абакумова:

– Как я уже сказал, для работы с вами выделен полковник Кулешов. Ваша просьба о выделении стенографистки будет нами удовлетворена. Можете идти. – Последние слова, скорее всего, предназначались не для меня, а для полковника Кулешова.

Откуда-то сзади я услышал голос, произнесший: «Слушаю, можно идти!»

Я взглянул в сторону, откуда раздался голос. Далеко за моей спиной, у самой двери стоял навытяжку офицер. Это и был Кулешов.

Попрощавшись вежливо с Абакумовым, находившимися в его кабинете офицерами и сидящим за столом сбоку от ХОЗЯИНА кабинета человеком в штатском, я медленно встал и направился к двери.

Оказавшись вновь в большой приемной, я был поражен тем, что в ней продолжали сидеть офицеры, которых я уже видел, вступив в эту комнату в сопровождении старшего сержанта. Я заметил, что прибавились еще и новые офицеры. Наша «беседа» с Абакумовым, как мне казалось, продолжалась не менее двух, а быть может, и даже трех часов.

Признаюсь, меня несколько удивило и то, что, когда я прощался в кабинете в приемной, никто не удостоил меня ответным прощанием. Только в 1961 г., рассматривая мою очередную просьбу о направлении моего дела на пересмотр Военной коллегии Верховного Суда СССР с моим обязательным присутствием, так как я считал абсолютно необоснованным и незаконным решение Особого совещания МГБ СССР, старший следователь КГБ СССР товарищ Лунев и военный прокурор товарищ Беспалов предъявили мне обнаруженную ими в личном архиве Абакумова шифровку за подписью «Копос». В этой шифровке сообщалось, что я, Паннвиц, Стлука и Кемпа прибыли в Париж. Я представил привезенных, завербованных мною немцев, ознакомил с материалами и не имел сомнения в правильности всех моих действий. Прочтение этой шифровки нанесло мне очередной удар. Только теперь я понял, почему полковник Новиков не выпускал меня из здания миссии, почему он провожал нас с офицерами на аэродром, с какой целью в самолете с нами были два лейтенанта. Я понял и тот факт, почему нас не встречали представители «Центра», почему фактически нас арестовали уже на аэродроме. Ни тогда, ни теперь я не могу ответить только на два вопроса. Первый: кто из двоих представителей миссии в Париже был Копосом? Я склонен думать, что это был Новиков, и этим объяснялось различие в отношении ко мне с его стороны и со стороны генерал-майора Драгуна. Второй вопрос: зачем понадобилось именно «Смерш» не допускать меня с докладом ни в «Центр», ни к И.В. Сталину? Не нанесло ли это вред нашей разведке?

В сопровождении Кулешова мы молча проследовали в его кабинет. У окна стоял письменный стол, за который сел Кулешов. На большом расстоянии от него, почти у самой двери стоял маленький столик и стул. Мне было предложено сесть именно там.

Подобное расположение кабинета – расстояние между «моим столиком» и письменным столом Кулешова – меня несколько настораживало и вызывало удивление. Если то, что у Абакумова предназначавшееся для меня место находилось тоже в нескольких метрах от его письменного стола, я мог еще объяснить тем, что прием происходит в кабинете у САМОГО,

перед которым даже генералы и офицеры стояли навтыяжку, то в данном случае, после предупреждения, сделанного Абакумовым о том, что мне предстоит «работать» с полковником Кулешовым, я уже ничем не мог оправдать существующее расстояние между нами.

В моей жизни это был первый случай, когда от меня удалялись на порядочное расстояние. Невольно вспомнилось, что в самом начале допроса в гестапо еще в Брюсселе, а затем при его продолжении в Берлине и Париже я сидел всегда за общим со следователем столом или близко от него. Что же происходит здесь, на Лубянке? Единственным казавшимся мне в данном случае объяснением являлось то, что, возможно, кабинеты были приспособлены не для «работы» с кем-либо, а только для проведения допросов арестованных преступников!

До утра оставалось уже не так много времени. Кулешов вежливо предупредил, что в целях ускорения окончания нашей «совместной работы» мы будем встречаться не только днем, а частично и ночью. Это меня нисколько не удивило, так как еще в предвоенное время я знал, что в различных наркоматах сотрудники работают уплотненно именно так. Больше того, эти слова Кулешова меня даже несколько успокоили. Они явно подчеркивали сам факт, высказанный Абакумовым, что время моего пребывания в здании НКВД СССР будет зависеть только от моей активности, только от меня лично.

Беседа наша с Кулешовым на этот раз была очень короткой, и в кабинете я задержался недолго. Из этой беседы стало ясно, что Кулешов тоже заинтересован в том, чтобы я как можно быстрее все продиктовал стенографистке и тем самым помог ему во всем разобраться в самый короткий срок. Он еще раз подчеркнул, что тоже заинтересован в скорейшем окончании нашей совместной работы, так как ее результаты ждет начальство.

В разговоре мы выкурили по паре сигарет, и Кулешов рекомендовал мне отдохнуть до следующей нашей встречи, которая состоится вскоре. По телефону он вызвал «сопровождающего» (не конвоира, а сопровождающего!) и при появлении пришедшего лейтенанта коротко сказал ему:

– Проводите!

Перед тем как покинуть кабинет, Кулешов спросил, достаточно ли у меня имеется сигарет, и, усмехнувшись, сказал, что будет мне в этом отношении помогать, так как знает, как трудно обходиться без курева. Выйдя из кабинета, «провожающий» меня лейтенант снова предложил держать руки за спиной. Это вновь вызвало у меня недоумение, но до лифта мы прошли абсолютно спокойно, не разговаривая, а затем, достигнув уже знакомого мне помещения, я вновь был помещен в тот же блок, в котором находился уже ранее. Возможно, только через час – время как-то невыносимо тянулось – меня вывели из бокса, и тут все неожиданно началось с самого начала, но уже в порядке, явно присутствием настоящей тюрьме.

Мне предложили из тужельки извлечь шнурки, снять и также сдать галстук, ремешок от брюк, наручные золотые часы, золотое кольцо. Меня заставили полностью раздеться и обыскали тщательно все карманы в костюме. При этом изъяли еще ручку с вечным пером производства лучшей английской фирмы (мне говорили, что эта фирма уже давно специализируется и на изготовлении ручек для тайнописи, которыми снабжаются английские разведчики). Забрали бумажник, извлекли из него немецкие марки и французские франки, то есть то, что было принято считать валютой. Эти деньги мне в последнее время выдавал Паннвиц. Мне казалось, что все изъятые предметы и деньги заносились в печатный бланк описи. Туда же были занесены и другие изъятые предметы, в том числе очень хороший и дорогой даже по тому времени фотоаппарат «Кодак».

Закончив досмотр, мне выдали весьма поношенные гимнастерку, бриджи и повели в душевую.

Там находился какой-то пожилой военный в халате, видимо банщик. Я заметно нервничал. Невольно у меня рождалась мысль: зачем меня подвергают подобному издевательствам? Иначе все то, что мне уже пришлось перенести, я не мог рассматривать. Чем

это вызвано? Как это сопоставить с утверждением Абакумова, что мне ничего не угрожает? Мое нервное состояние «банщик» не мог не заметить, и, видимо стремясь успокоить, он, я бы даже сказал в дружеской форме, спросил меня о том, не приехал ли я из-за границы. Услышав мой положительный ответ, он совершенно спокойно ответил: «Не волнуйтесь, многие приезжающие из-за границы проходят через эти стены». Пока я вытирался и одевался, «банщик» любезно угостил меня папиросой.

Вымывшись под душем, надев на себя всю выданную мне, уже значительно поношенную одежду и выкурив с «банщиком» папиросу, я был вновь «под конвоем» сопровожден в то помещение, где меня обыскивали, раздевали и оформляли документы. Здесь мне пришлось немного подождать, пока принесли еще совсем теплый мешок с весьма неприятным запахом. Из него извлекли и выдали прошедшие специальную дезинфекцию мои пиджак и брюки, верхнюю рубашку и носки. Нижнее белье было казенное. Одевшись и нервничая, я просидел опять-таки некоторое время в боксе. Это был уже другой бокс, видимо рассчитанный на тех, кто прошел дезинфекцию. Затем уже «под конвоем» я был препровожден во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, в тюрьму, завоевавшую себе мировую «славу».

Сопровождаемый «конвоиром», я подошел, выйдя из лифта, к какой-то двери, у которой стоял часовой. Внимательно прочитав поданную ему «конвоиром» какую то бумажку, часовой нажал кнопку электрического звонка, а сам, вставив ключ во врезанный в дверь замок, стал чего-то ждать, в свою очередь готовый в любую минуту открыть дверь. Оказывается, с другой стороны двери стоял тоже часовой.

Мы ждали чего-то мне непонятного. Оказывается, часовой, стоящий внутри помещения по ту сторону двери, убедившись, что в помещении никого из заключенных нет, проверив, кто звонит, был готов открыть дверь. Как бы по команде, оба часовых одновременно повернули ключи в двух врезанных замках и впустили меня в дверь. Только после того, как часовой, находившийся внутри помещения, просмотрел сопроводительную записку, поданную ему сопровождавшим меня конвоиром, меня окончательно впустили внутрь помещения, а дверь закрыли на замки.

Я оказался в обширном «зале», очень высоком. На «первом этаже» я заметил очень много дверей с «глазками». Они находились по стенам «зала». Это и были двери камер для заключенных.

По всему было видно, что о моем поступлении заранее были поставлены в известность те, которым было доверено содержать под стражей «государственных преступников». Больше того, уже было predeterminedено, в какую камеру следует меня поместить.

Я вошел в открытую дверь камеры, которая сразу же была закрыта на замок. Меня несколько удивило, что при повороте ключа в замке раздавался необычный, громкий звук. Думаю, что и это было сделано преднамеренно.

Хочу особо подчеркнуть, что внутреннему мне понятию, что внутренняя тюрьма носит следы «уютной гостиницы», во многом служило как бы подтверждением и того, что камера, в которую меня поместили, ничем не напоминала те ужасные камеры, в которых я в своей жизни успел уже побывать у фашистов в Брюсселе, Берлине и Париже. Кое-что, конечно, могло напомнить некоторые особенности тех камер: плотно закрытая на замок входная дверь, глазок в ней, железный козырек, если можно так выразиться, свисающий снаружи на плотно закрытое окно. Перешагнув через порог камеры, я оказался в чистой комнате, сравнимой, пожалуй, действительно, с номером, правда, далеко не в перворазрядной, но все же, в гостинице. Стояли кровати, стол, стулья. С первого взгляда можно было не заметить в углу парашу. Главное, что бросалось в глаза, – это довольно большая площадь «комнаты», высокий потолок, большое окно, чистые, светлые, побеленные стены.

Когда я вошел в камеру, а вернее, в «номер» гостиницы «Россия», как эту тюрьму назвал Абакумов, электрический свет был уже выключен, именно круглосуточное освещение камер, в которых мне пришлось побывать, было очень тяжелым для арестантов.

В камере, в которую меня привели, находился еще один «государственный

преступник». Им, как выяснилось потом, оказался полковник авиации Михайлов. Думаю, что я сохранил в моей памяти правильную фамилию соседа. Он уже встал к тому времени, когда я вошел, и готовился к завтраку. Мы представились друг другу, но держались пока еще очень отчужденно. Во время завтрака наш разговор шел не совершенно отвлеченные темы.

И здесь, в камере, положение у меня оказалось не из легких. Я не знал, что говорить моему сокамернику о себе, о том, в чем меня обвиняют, где и как меня арестовали. По вполне понятным причинам я не мог раскрыть своему соседу, кем я являлся во время Великой Отечественной войны и еще задолго до ее начала, был ли я военным и в каких частях служил.

Должен чистосердечно признаться в том, что я еще не испытывал чувства страха за мою дальнейшую судьбу. Я был убежден в том, что со мной не может ничего произойти. Я не чувствовал за собой никакой вины. Я твердо верил, что, часто рискуя своей жизнью на протяжении всех лет моего пребывания за рубежом, я делал все только для того, чтобы принести пользу моей Родине, строго соблюдать данную мною присягу.

Больше того, я был совершенно убежден, что столь высокопоставленное лицо, которым являлся САМ Абакумов, не мог разыгрывать со мной какую-то комедию. Его заверения, что обо мне все известно и мне ничего не грозит, а здесь, в «гостинице», я только временно нахожусь, и то в целях создания условий для облегчения моей работы и ее ускорения, не могли быть ложными.

Теперь я мог бы добавить, что в то время я глубоко верил органам государственной безопасности. Не только я так верил, но, думаю, все советские люди, возможно за малым исключением были убеждены в том, что в Советском Союзе не может быть никаких неправомочных действий с любой стороны. Мы не знали, да и не могли знать, что проводимые аресты, суды и выносимые приговоры имели место в нарушение законности. Больше того, я полагаю, что большинство из советских граждан не могли даже подумать, что эти приговоры были сфабрикованы.

Хочу напомнить, что с 1937 г. я почти все время находился за рубежом и многое не знал, что происходит в Советском Союзе. Я почти ни с кем за все это время из своих друзей даже не общался. Да, мне приходилось читать некоторые приговоры, выносимые судебными органами, но под многими из них стояли подписи весьма заслуженных, пользующихся абсолютным уважением и доверием людей. Стоит только вспомнить приговор по обвинению одного из первых маршалов Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского. Можно ли было заподозрить необоснованность приговора? Под приговором стояли подписи тех, кто его судил. Не хочу сейчас называть их, но могу напомнить читателям, что подписи принадлежали высокопоставленным военачальникам. Мы им верили. Правда, мы не знали тогда, что большинство из тех, кто судил М.Н. Тухачевского, вскоре последовали за маршалом, были расстреляны.

Вот и, оказавшись неожиданно для меня в тюрьме, мог ли я тогда знать, что существуют «особые совещания», «тройки», «двойки», которым предоставляется право заочно выносить какой-либо приговор, вплоть до высшей меры?!

О возможности рассмотрения какого-либо дела по обвинению подсудимого в совершении преступления во внесудебном порядке я не знал. О существовании «Особого совещания» НКВД СССР я узнал намного позже, уже не «работая» с Кулешовым, а находясь под его преступным ведением следствия. И то не от него, а от моих сокамерников, которые тоже конкретно ничего не могли сказать ни о его правах, ни об установленной процедуре рассмотрения им дел, а уж тем более о проверке доказательств выдвигаемых обвинений, о которой никто ничего вообще ни сказать, ни даже предположить не мог. Не были известны состав «Особого совещания» и его права в части вынесения приговора.

С моим сокамерником полковником Михайловым и другими последующими «товарищами» по камерам, довольно часто меняющимися, я не мог обсуждать вопросы не только моей «работы» с Кулешовым, но и предъявляемые мне протоколы следствия, возмущавшие до предела своей ложью.

Единственное, что почти все мои сокамерники, начиная с полковника Михайлова, высказывали уверенность – конечно, до поры до времени – в том, что справедливость всегда восторжествует, что не могут быть, как принято теперь оценивать гот период, применены репрессии по отношению к совершенно невиновным людям.

Часто возвращаясь с допроса в камеру после вынужденного подписания ряда протоколов, многие из нас высказывали опасение в том, что не совершаем ли мы тем самым преступление, соглашаясь подписывать протоколы с излагаемыми в них вымыслами.

Большинство из моих сокамерников в течение двух с половиной лет были коммунистами с немалым партийным стажем, и поэтому они в еще большей мере чувствовали свою ответственность перед партией за то, что, ставя свою подпись под протоколом с вымышленными обвинениями и даже признанием в якобы совершенном преступлении, идут на поводу у каких-то случайных, бесчестных людей.

В первые дни «проживания в гостинице» я не испытывал чувства страха. Я не мог только понять, почему меня, добывавшегося от «Центра» ускорения моего прибытия в Москву для срочных докладов в различных инстанциях, доставившего не только многие документы, в том числе, повторяю, доклад на имя Директора, следственные дела, заведенные в гестапо на Кента и Отто, но, главным образом, и «завербованных» мною гестаповцев, сочли нужным поместить в тюрьму?

Неужели человек, переживший так много в своей жизни, на протяжении нескольких лет выполняя доверенную Родиной работу, познавший одиночные камеры и камеры смертников в фашистских тюрьмах с круглосуточным ношением наручников, совершенно неожиданно, у себя на Родине, куда он столько лет мечтал вернуться, сразу же после своего прибытия для доклада Главному разведывательному управлению РККА был перехвачен органами государственной безопасности? Можно ли понять тот моральный удар, который мне был уготован на Родине?

Да, переживания были у меня ужасными, и уже с первых дней они отразились на состоянии моего здоровья на всю последующую жизнь. Признаюсь, еще задолго до того, как я узнал, что задумал в отношении меня «Смерш», не зная преступного ведения следствия, в отдельные мгновения появлялась мысль: а не следует ли мне уйти из жизни немедленно? Я находил в себе достаточно сил, чтобы эту мысль отогнать сразу же после ее появления.

Мы еще не успели подготовиться к завтраку, как дверь камеры с громким щелканьем замка открылась. Принесли завтрак. Несмотря на усиленные уговоры моего сокамерника, естественно, есть я ничего не мог. Отдохнуть на кровати я тоже не мог. Да это и не разрешалось. Прошло немного времени, и вдруг дверь опять открывается, и меня вызывают на «допрос». Подчеркиваю, надзиратель сказал, что меня вызывают на допрос, а не для работы, о чем меня, как я уже указывал, предупреждали. Я быстро собрался и тут же последовал за надзирателем внутренней тюрьмы. У выходной двери на лестничную площадку повторилась утренняя процедура, только в обратном порядке. Дверь открылась, и, оформив какую-то записочку, часовой передал меня конвоиру. Вновь был проделан уже знакомый путь «государственного преступника» по коридорам.

Меня доставили не в кабинет Кулешова, а в кабинет генерал-лейтенанта Леонова, как мне тогда сказали, начальника следственного отдела ГУКР НКВД СССР. Там находилось несколько человек, в том числе и его заместитель Лихачев, которого я видел в первый раз, и уже знакомый мне следователь Кулешов.

Генерал майор обратился ко мне очень вежливо, если не сказать, как мне тогда показалось, дружелюбно. Он сообщил, что по моей просьбе о выделении мне стенографистки принято решение о предоставлении в мое распоряжение двух стенографисток.

Начальник следственного отдела не постеснялся повторить сказанные мне ночью слова Абакумова о том, что им обо мне все известно, что мне лично ничего не угрожает и я после окончания предусмотренной «работы» вместе с Кулешовым смогу «продолжить» предусмотренные мною доклады, и том числе и не только в «Центре», а затем вернуться, перед

тем как направлюсь на отдых в какой-либо санаторий, домой в Ленинград, к моим родителям. Больше того, явно желая меня успокоить, он подчеркнул, что на вполне заслуженный и необходимый отдых я буду направлен в хороший санаторий. Понятие «Смерш» и имя И.В. Сталина, возможность моего приема у него для доклада и на этот раз не упоминались. Я мог только предполагать, что Леонов имел в виду и эту инстанцию.

Беседа в этом кабинете была весьма непродолжительной. Никто из присутствующих не обронил ни слова. Вел разговор только сам генерал-майор. Хочу подчеркнуть, что Леонов очень мило со мной попрощался и высказался о скорой новой встрече. Все сидевшие в кабинете наклонили головы, и я мог понять, что они тоже прощаются со мной в вежливой форме. После этого я вместе с Кулешовым проследовал уже в принадлежащий ему кабинет.

Кулешов и на этот раз продолжал держаться довольно вежливо. На столике, за которым я должен был сидеть, лежала пачка сигарет и коробок спичек. Мы закурили, хозяин кабинета сел за свой стол и тут же позвонил по телефону и попросил принести кофе.

Ссылаясь на свое начальство, Кулешов предупредил меня о том, что мы не должны терять времени, а поэтому немедленно приступим к работе. Сняв вновь трубку телефона и набрав номер, Кулешов пригласил, видимо уже ожидавшую нас, стенографистку, которая явилась незамедлительно. Тоже вежливо поздоровавшись, она села за стол сбоку от Кулешова. Мы начали усиленно работать, я диктовал стенографистке все, что считал нужным, – правда, большая часть уже входила в привезенный мною доклад, но все, же кое-какие уточнения и добавления я считал необходимым внести.

Работа продолжалась почти четверо суток. Мы начинали, как правило, примерно около 10 часов утра, а заканчивали около 18 часов, чтобы возобновить наш труд часа в 21–22, а затем уже разойтись на отдых часа в 3–4. Стенографистки менялись довольно часто. Сам Кулешов занимался какими-то другими делами, какими именно, конечно, я не знал. Во всяком случае, он ни разу не уточнял что либо из диктуемого мною и не задавал никаких вопросов. У меня создавалось впечатление, что он демонстративно самоустраивается.

Во время дневной работы обед мне приносили в кабинет. Конечно, он здесь был лучше, чем тот, который я впоследствии получал в камере. Кулешов иногда покидал свой кабинет, но всегда просил по телефону, чтобы его кто-либо заменил. Видимо, оставить меня наедине со стенографисткой не полагалось.

После моего возвращения в камеру по окончании первого «допроса» сокамерник поинтересовался, в чем меня в конечном счете обвиняют. Мой ответ, что мне не предъявлено никакого обвинения (естественно, я не предупреждал о том, что мне была поручена «совместная работа»), его нисколько не удивил. Наоборот, он сказал, что часто обвинения предъявляют позже, а иногда даже после окончания следствия. Он поинтересовался и тем, что было написано в ордере на арест или постановлении о взятии меня под стражу. Я ответил, что ни то и ни другое еще не было предъявлено. Это его немного, как мне тогда показалось, удивило. Видимо стараясь меня успокоить, Михайлов тут же добавил, что и это не должно меня волновать, потому что, хотя и довольно редко, бывает и так, что ордер на арест предъявляют через пару дней.

Вот сейчас, когда я пишу впервые всю правду, во всем признаюсь перед моими близкими, а их уже осталось очень мало, отец и мать, возможно не выдержав всего случившегося, уже давно умерли, с моими друзьями и соратниками по национально-революционной войне в Испании, а их уже тоже осталось немного, признаюсь, мне не очень-то легко все вспоминать из всего перенесенного мною. Я как бы вновь переживаю все, что меня долгие годы угнетало, но в то же время, в некотором отношении, мне делается и легче. Я бы сказал, что с меня снимается какой-то груз, какая-то тяжесть, давившая все эти годы, начиная с 7 июня 1945 г., то есть после моего возвращения в Москву. Только сейчас я перестал бояться рассказывать, как меня нагло принял в первую же ночь и еще в несколько последующих «приемов» Абакумов и как вели себя по отношению ко мне его, опять-таки только теперь не боюсь употребить это слово, сатрапы. Правда, я обо всем этом писал сразу же после моего прибытия в Воркуту в ИТЛ в 1948 г., в том числе и в адрес

САМОГО Абакумова. Одновременно с направляемыми из ИТЛ письмами Абакумову, Сталину, Берии и другим, а в особенности уже находясь на свободе, отправляя их в различные инстанции, я всюду указывал на допущенные следствием извращения действительности, фальсификацию и самые настоящие подлоги. Я всегда просил только одного – четкого рассмотрения моего дела в судебной инстанции с обязательным моим присутствием.

Мне кажется, любой читатель сможет понять, что переживал в те годы довольно молодой человек – а мне было тогда еще неполных тридцать два года, – который в своей жизни, куда бы ни занесла судьба, не думал лично о себе, о своем веселье, о возможности создать нормальную семью и иметь детей, а отдавал всего себя только доверенной ему работе. Тогда мне казалось, что, именно принося пользу другим, Родине, заключается человеческое счастье. И вдруг подобное унижительное отношение. Больше того, этот человек, то есть я, убеждался все больше и больше в том, что люди, которым партией, правительством, народом доверены высокие, ответственные должности в аппарате наркомата и прокуратуры, способны разыгрывать комедии с единственной целью – обмануть того, кто попал тем или другим, даже незаконным путем в их руки. Безусловно, тогда, после «приемов» Абакумовым и Леоновым, я еще не знал, что они не только разыгрывают комедию, но и уже намерены и усиленно готовятся к осуществлению совершенно неоправданного подлога, который может, по существу, стоить жизни попавшему к ним невинному человеку.

Пройдут считанные дни, и я смогу убедиться в нечестности, нечистоплотности этих людей, облачившихся в тогу служителей, защитников государства, правосудия. Тем не менее уже с первого часа, с первой «беседы» с Абакумовым меня тревожила одна мысль: зачем понадобилось меня «перехватывать», изолировать полностью от внешнего мира, лишать меня возможности быть принятым для доклада моим непосредственным начальником, командованием «Центра» и в других инстанциях? Неужели они опасались, что я, приехавший в Москву по личной просьбе, доставивший завербованных гестаповцев и многие материалы, смогу скрыться и, будучи кем-то завербованным, начну вредить Советскому Союзу?

Трудно было мне, очень трудно. И тем не менее, еще не зная, что мне угрожает, еще до предъявления ордера на арест, почти без сна, потому что даже в камере, куда меня приводили на несколько часов для отдыха, я как бы продолжал начатое в кабинете Кулешова, обдумывал все, что мне предстояло еще надиктовать стенографисткам, все, как я полагал, что имеет значение и представляет интерес не только для ГУКР НКВД СССР, но в первую очередь для ГРУ РККА и даже для нашего государства в целом.

Нет, еще не было «допросов». Повторяю еще раз, я еще не был официально объявлен арестантом. Я просто «временно», для моего же «удобства», как говорил Абакумов, а ему вторил Леонов, проживаю в «бывшей гостинице "Россия"».

Я думаю, что не всякий даже с очень крепкими нервами человек мог бы выдержать это испытание.

Менялись стенографистки, выкуривались одна сигарета за другой, а я продолжал диктовать, не теряя уверенности, что скоро наступит конец испытаниям, выпавшим мне совершенно неожиданно.

ГЛАВА XXX. Начало следствия в ГУКР НКВД СССР. Продолжение и окончание подлога.

Мне кажется, что память волшебная сила, что дар воскрешать прошедшее столь же изумителен и драгоценен, как дар предвидеть будущее. Воспоминание – благо.

Анатоль Франс

Итак, почти четверо суток с огромным переутомлением и нервным напряжением я диктовал время от времени сменявшимся стенографисткам все то, что знал и мог, а вернее, был обязан доложить «Центру».

В эти дни было над чем подумать. Надо было сконцентрировать все внимание, постараться вспомнить все детали, все, что должно было позволить «Центру» и органам советской контрразведки правильно оценить, разобраться и сделать выводы относительно работы бельгийской резидентуры, а особенно того, что произошло после декабрьского (1941 г.) провала в Брюсселе.

Окончив работу со стенографистками, я, естественно, спросил у Кулешова, когда же смогу явиться для доклада непосредственно в «Центр» и другие инстанции, подчеркивая, что время не ждет. Ряд вопросов, по которым я хотел докладывать, являются не менее срочными, чем «оказываемая мною помощь» органам государственной безопасности. Я ведь знал, что Кулешов присутствовал при моих «беседах» с Абакумовым и Леоновым, а следовательно, он должен был помнить, что они мне говорили о скором моем выходе из гостиницы «Россия» после окончания работы с ним.

Естественно, я интересовался у Кулешова, где находятся в настоящее время сопровождаемые мною в Москву Паннвиц, Стлука и Кемпа, а также все доставленные с диппочтой документы и материалы. Ответ Кулешова был однозначным: «Стенограмму, которую вы продиктовали, я представлю руководству». Больше того, он сказал, что только «после этого будет решен вопрос о продолжении нашей совместной работы».

После этого разговора Кулешов продолжал вызывать меня, как всегда, и днем и ночью. Войдя в его кабинет, я каждый раз усаживался у отведенного мне столика вблизи от входа и вдали от письменного стола, за которым сидел хозяин кабинета. На моем столике благодаря вниманию, проявляемому ко мне этим хозяином, и его услужливости лежали пачки сигарет, коробки спичек, свежие газеты и журналы, стояла пепельница. Я мог спокойно читать, в неограниченном количестве курить. Мне было очень приятно, что имею возможность читать газеты и журналы, которых я уже так давно даже не видел.

Несколько удивляло то, что, как мне казалось, сам Кулешов не обращал на меня никакого внимания, как бы даже не замечал моего присутствия в кабинете. Все проведенные в таком положении часы он что-то писал, рвал листки бумаги с отпечатанным на них текстом. Мне он не только не задавал никаких вопросов, но даже не говорил ни слова. У меня было основание предполагать, что он занимается не моим «делом», а каким-то новым полученным заданием руководства. Мне же во время этих вызовов он очень любезно предоставляет возможность отдохнуть от тюремной камеры, а читая газеты и журналы, лучше узнать, что сейчас происходит у нас в стране и в мире. Иногда он даже угощал меня обильным и вкусным обедом.

Однажды, набрав по телефону номер, он попросил кого-то зайти. В кабинет вошла сначала одна стенографистка, а затем ее сменила другая. Обе записывали диктуемый мною текст. Кулешов что-то спросил у одной, а потом у другой, держа в руках листок с отпечатанным текстом. У меня появилось подозрение, что Кулешов что-то сочиняет, руководствуясь продиктованной мною стенограммой, и именно её он после этого рвет и бросает в корзинку. Это меня, конечно, удивило, и я не мог понять: если действительно у него в руках текст моей стенограммы, то зачем он ее рвет и что он с ее помощью пишет. Удивило и то, с каким вниманием и, мне даже показалось, сочувствием каждая входившая в кабинет стенографистка смотрит в мою сторону.

Возникшее у меня подозрение несколько позже полностью подтвердилось. Он делал это демонстративно с единственной целью: чтобы я не мог сослаться на продиктованный мною текст. Когда я подписывал протокол об окончании следствия, моя просьба о приобщении стенограммы была отвергнута. При этом Кулешов в грубой форме подчеркнул, что я мог видеть, как он в свое время рвал их за ненадобностью. Самым неожиданным для меня явилось сообщение, сделанное старшим следователем МГБ СССР Луневым и военным

прокурором Беспаловым лишь в 1961 г. Ими был обнаружен один экземпляр стенограммы, датированный 8–12 июля 1945 г. Дата не соответствовала действительности. Ведь я диктовал стенографисткам начиная с первого дня моего заключения в тюрьму. С аэродрома я был доставлен на Лубянку в ночь на 8 июня 1945 г., а уже утром 8 июня начал работать со стенографистками. Трудно дать точный ответ, что явилось причиной ошибки, но можно предположить, что ГУКР НКВД СССР не хотело, чтобы стенограмма была датирована ранее предъявленного мне ордера на арест 21 июня 1945 г.

Фото, сделанное на Лубянке после ареста

Уже прошло трое суток, как я закончил работать со стенографистками, а Кулешов все еще продолжал меня вызывать по-прежнему днем и ночью. Я уже очень устал и физически, и морально. По моему глубокому убеждению, мне нужно было как можно скорее попасть для доклада в «Центр», а затем и направиться домой.

И совершенно неожиданно, как-то во время одного из ночных вызовов Кулешов подал мне бумаги и довольно вежливо попросил прочитать их и поставить подпись.

Надев очки, я стал внимательно читать. Первое, что меня поразило, даже невероятно потрясло: в верхней части название, на каждом из трех отдельных, скелотых скрепками, состоящих из нескольких листков «документов» значилось ни много ни мало: «Протокол допроса»... далее следовали моя настоящая фамилия, имя и отчество.

Еще даже не успев прочитать текст этих «документов», я задал «любезному» Кулешову вполне объяснимый вопрос:

- Что это значит, о каком допросе идет речь? Ведь вам хорошо известно, что Абакумов в вашем же присутствии предупредил меня о том, что я должен помочь ГУКР НКВД СССР в работе. Вы же лично присутствовали при моем вызове к генерал-майору Леонову. Вы слышали, что он повторил слова, сказанные Абакумовым, и для скорого завершения «моей работы» были выделены не одна, а две стенографистки. Я честно четверо суток диктовал им мой материал. О каком же «протоколе допроса» может идти речь?

Только после несколько возбужденного высказывания Кулешов заявил мне более строгим, если не сказать, нахальным, голосом:

- Стенограмма ваших «показаний» была мною представлена лично Абакумову, и он приказал переоформить ее в принятые у нас формы допросов.

В полном недоумении, буквально перестав владеть собой, охваченный тревогой, что происходит значительная задержка моего вынужденного пребывания в тюрьме, а следовательно, по каким-то соображениям откладываются на неопределенное время прием в «Центре» и возможность моего отъезда в Ленинград для встречи с родителями, я стал читать предъявленные мне на подпись «протоколы допроса».

В первом же предъявленном мне на подпись протоколе допроса был поставлен вопрос:

- Все ли вы показали о вашей преступной деятельности?

Далее следовало, что якобы ответы, продиктованные мною, абсолютно вымышленные, не содержащие правды, только выгодные для фальсифицированного следствия.

После моего утверждения, что я никакой преступной деятельностью никогда не занимался, последовал не вопрос, а абсолютно наглое заявление следователя Кулешова:

- Лжете, следствие располагает письмом генерала Мюллера на имя начальника зондеркоманды «Красная капелла», из которого видно, что вы сотрудничали с гестапо!

Я не мог дольше терпеть и, сделав над собой усилие, несколько помедлив, в уже довольно грубой форме закричал:

- Как вам не стыдно! Вы имеете наглость в протоколе утверждать, что я что-то скрываю, и только благодаря тому, что «следствие располагает письмом генерала Мюллера», вы имеете возможность меня изобличать в якобы совершенном мною предательстве, измене Родине? Кто дал вам подобное право?! Ведь это письмо с другими документами, в том числе и следственным делом, заведенным на Кента гестапо, в Москву доставил именно я. Почему вы об этом не пишете? Кроме того, как я мог «скрывать свою преступную деятельность в пользу гестапо», когда лично завербовал и уговорил не переходить на службу к американским спецслужбам, а приехать вместе со мной в Москву начальника зондеркоманды гестапо «Красная капелла» Хейнца Паннвица. Ведь привезенное нами письмо генерала Мюллера было направлено на имя начальника зондеркоманды только с одной целью – склонить меня к сотрудничеству с гестапо, то есть поступить так, как уже поступил Леопольд Треппер. Почему вы ни в одном из предъявленных сейчас мне на подпись протоколов не указываете на то, что именно я обеспечил по согласованию с «Центром» прибытие в Москву Паннвица, то есть одного из руководящих работников гестапо, которому было поручено полностью разрушить нашу разведывательную службу во Франции и Бельгии, и вместе с ним еще двух сотрудников гестапо? Согласитесь с тем, что подобное бывает не слишком часто или вообще не случалось в истории иностранных разведок и контрразведок!

Меня крайне удивило полнейшее спокойствие Кулешова. Он совершенно не реагировал на мои возражения и, смею даже заявить, на допускаемую мною грубость при высказывании упреков в его адрес. Только потом я понял, что к подобной оценке действий следственных органов и его самого, как одного из далеко не рядовых сотрудников, допускающих откровенные подлоги, он уже давно привык.

В первые дни я предпринимал попытки отказаться от подписания явно подложных, фальсифицированных протоколов. Однако это оказалось абсолютно бесполезным. Единственная моя надежда опиралась на то, что я смогу добиться встречи с представителем военной прокуратуры. Постепенно я уже начинал понимать, что фактически мне угрожает продолжительное проведение следствия, а не столь сердечно обещанная «совместная работа».

Несмотря на весьма тяжелые моральные переживания, я все же еще не терял надежды, что после окончания следствия мне будет предоставлена возможность изложить истину, предоставить доказательства моей абсолютной невиновности, представить документы и свидетелей в подтверждение правильности моего утверждения в ходе слушания дела в Военной коллегии Верховного суда СССР.

Еще до того, как я был вынужден подписать первые одновременно предъявленные мне три протокола, на которых последовательно стояли разные даты, я внимательно смотрел на спокойно сидящего у себя в кресле Кулешова. Невольно думал: а представляет ли себе этот «следователь», что такое вообще работа разведчика во вражеском тылу? Возможно, он в этом кресле просидел всю Великую Отечественную войну, именно этим и объясняется, тоже в некоторой степени, его личное поведение.

Буквально за один-два дня до предъявления указанных протоколов гот же Кулешов, совершенно неожиданно для меня, выразил мне благодарность, указав, что привезенными мною материалами я помог изобличить Леопольда Треппера в предательстве!

Хочу особо подчеркнуть, что до происшедшего изменения в отношении ко мне со стороны Кулешова Абакумов после нашей первой «беседы» в ночь на 8 июня 1945 г. вызвал меня еще пару раз ночью к себе в кабинет. Его разговоры со мной, во всяком случае так мне

тогда казалось, явно контрастировали с теми, что вскоре произошло в кабинете следователя.

Я уже касался вопроса о демонстративном уничтожении продиктованной мною стенограммы 8–12 июня 1945 г. Значительно позднее это мною было абсолютно точно определено как очередная провокация, привычная для лиц, ведущих следствие. Кулешов стремился убедить меня, что этот документ больше не существует и в ходе следствия я не смогу никогда на него сослаться в целях опровержения. Вопрос о стенограмме, продиктованной стенографисткам в уже указанные числа июня 1945 г., и сегодня имеет большое значение. Именно поэтому я еще раз возвращаюсь к этому вопросу. До 1960–1961 гг., то есть до рассмотрения моего далеко не последнего обращения в различные инстанции, меня постоянно обвиняли в том, что я указывал на два якобы несуществующих материала: доклад, написанный в Париже и доставленный мною в Москву для вручения начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской армии, и стенограмму. Этим доказывали ложность всех моих утверждений.

Благодаря честности, порядочности и чувству ответственности, как я уже указывал, только два человека за все годы встали на мою защиту: старший следователь КГБ СССР Лунев и военный прокурор Беспалов сумели в закрытых архивах Абакумова обнаружить ряд документов в мою пользу. Там были и стенограмма, и доклад.

Первые протоколы с моими признаниями были нужны органам госбезопасности и для того, чтобы вообще получить официальный ордер на мой арест. Ведь до моего прибытия в Москву, видимо, ничего в компетентных инстанциях не было известно о моей деятельности, за исключением того, что они могли узнать в «Центре», опираясь на мои шифровки, направляемые в разное время в его адрес.

Мне была совершенно неизвестна участь Леопольда Треппера после его прибытия в Москву. Сумел ли он ограничиться только своим докладом в «Центре» и вновь быть со своей семьей, выехать к себе на Родину, в Польшу, или в появившееся на карте новое государство – Израиль, где он, покинув Польшу, проживал. Я не предполагал, что и он уже к моменту моего прибытия в Москву находился на Лубянке. Во всяком случае, я мог быть уверен, что не в его интересах давать показания или докладывать что-либо, направленное против меня, ибо в этом случае он должен был бы раскрыть многие факты из своей фактически преступной деятельности. Мое мнение подтверждается и той благодарностью Кулешова, которую я имел возможность в самом начале нашей «совместной работы» услышать от него за «оказанную помощь» в изобличении Леопольда Треппера в его преступной деятельности. Поскольку я еще не касался моих личных высказываний по этому вопросу, понял, что этому «изобличению» послужили привезенные документы, в том числе и следственное дело на самого Треппера.

По моему все более и более укрепляющемуся мнению, органы государственной безопасности, будучи по многим причинам заинтересованными в недопущении меня к докладам не только в «Центре», но и лично И.В. Сталину, все делали для того, чтобы скрыть факт моего прибытия в Москву. Именно поэтому они с помощью «Копоса» скрыли от «Центра» время моего прибытия и сами сразу же после приземления нашего самолета арестовали меня, Паннвица, Стлуку и Кемпу, а также сделали все от них зависящее, чтобы не допустить поступления в «Центр» привезенных нами материалов с диппочтой, – тут же их «перехватили».

Уже в то время я все больше и больше думал о том, что не исключена возможность, что в действительности НКВД СССР и «Смерш» стремились не столько к моему «разоблачению» в качестве врага народа, сколько к умышленному «разоблачению» действий, якобы совершаемых советскими разведчиками за рубежом. Я вспомнил то, что мне приходилось слышать еще в 1938 и 1939 гг. в Москве о существовавшем стремлении НКВД СССР целиком подчинить себе военную разведку.

Должен признаться и в том, что сам факт предъявления ордера на арест меня просто потряс. Мне было особенно трудно представить себе, чтобы органы государственной безопасности, а тем более Генеральная прокуратура СССР смогли стать «жертвами подлога»,

виновниками которого были не просто рядовые, в определенном смысле слова, сотрудники типа Кулешова, но и такое «особо доверенное» лицо, каким являлся в то время Абакумов.

Могли кто-либо из моих сокамерников и я лично в 1945 и 1946 гг. предполагать, что пройдет сравнительно немного лет и Берия, Меркулов, Абакумов и другие, непосредственно причастные к созданию абсолютно необоснованных обвинений в измене Родине, которые были повинны во множестве злоупотреблений и уничтожении честных граждан, будут сами во время судебного разбирательства признаны преступниками, нанесшими значительный вред нашему государству, нашему народу. Они понесли заслуженную кару, высшую меру наказания, но, к сожалению, по каким-то причинам у нас медлили, а быть может, и сейчас еще продолжают медлить с тщательным изучением архивов, содержащих вымышленные следственные дела и «решения» по ним, принятые «Особым совещанием».

Несмотря на то, что я, как уже указывалось, безгранично всем своим существом в те годы верил И.В. Сталину, в справедливость, в соблюдение законности, силы у меня начали сдавать. Я еще надеялся, что мне удастся на суде, в Военном трибунале, в случае если, несмотря на все, сочтут необходимым подвергнуть разбирательству мое дело по выдвигаемым ложным против меня обвинениям, доказать свою полную невиновность.

И вот, вернувшись в ставшую мне «по закону близкой» камеру внутренней тюрьмы НКВД СССР, предназначенную для содержания далеко не рядовых государственных преступников, только сейчас увидев потрясший меня ордер на арест, впервые в моей жизни, даже после всего перенесенного в фашистских тюрьмах, я начал терять сознание. Мой сокамерник был вынужден, громко стуча в дверь, вызвать врача.

Приходить в сознание я начал после нескольких уколов тюремного врача.

Все, с кем мне пришлось провести почти двадцать месяцев в общей камере во внутренней тюрьме и некоторое время в Лефортовской, отмечали, что я очень тяжело переношу свой арест и следствие. Конечно, они не могли правильно оценить все то, что происходило со мной. Уже после подписания ордера на мой арест я вкратце в общих чертах намекал на то, что следователь в протоколах явно искажает мои показания, они посоветовали мне потребовать встречи с прокурором. При этом подчеркнули, что добиться подобной встречи будет тоже нелегко.

Следуя советам моих сокамерников, я действительно стал настойчиво добиваться встречи с прокурором. Более того, я настаивал на составлении подробной описи доставленных нами в Москву материалов и документов.

Одним из наиболее существенных требований являлось стремление добиться также и очной ставки с Отто, с Х. Паннвицем в первую очередь, а затем, конечно, со Стлукой и Кемпой.

Прошу учесть еще немаловажный факт. Ни в одном из предъявленных мне на подпись протоколов ни разу не было ссылки на показания вышеперечисленных лиц. Никогда и нигде не фигурировало, что ГУКР НКВД СССР завело одно следственное дело на меня и на Леопольда Треппера. Впервые я увидел в «Неделе» от 30.09 – 6.10.91, № 40, с. 16 фотографию нескольких папок из Особого фонда 3-го Главного управления контрразведки «Смерш». На одной из них, с двумя разными архивными номерами проставлен год – 1946 и написано: «ДЕЛО на Треппера Леопольда Захаровича». Фамилия написана четкими большими буквами. И вдруг, совершенно неожиданно для меня над фамилией ТРЕППЕР приписано мелкими буквами «Гуревич А.М.».

18 января 1988 г. я обратился в Комиссию при Политбюро ЦК КПСС по вопросу восстановления справедливости. Я просил в этих целях «добиться пересмотра моего дела в Военном трибунале с обязательным моим присутствием». Я указывал, что я добиваюсь этого уже более 40 лет. Обращение было с тремя приложениями, объемом 94 страницы.

Не получив из ЦК КПСС ни одного ответа и узнав, что при Политбюро ЦК КПСС создана «Комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями», председателем которой являлся член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев, я уже 5 января 1989 г. направил первое письмо лично на его имя с

просьбой «поручить одному из сотрудников комиссии сообщить, поступили ли мои ранее направленные просьбы и принимаются ли меры по их рассмотрению».

Ни на это письмо, ни на последующие Александр Николаевич не считал возможным поручить кому-либо дать ответ.

Справедливости ради должен указать, что 13 января 1989 г. мною было получено письмо за № 13/223 88. Его подписал старший помощник Генерального прокурора СССР, государственный советник юстиции 2-го класса В.И. Андреев.

Поскольку оно меня в буквальном смысле потрясло, считаю необходимым привести его дословно:

«По Вашему заявлению, адресованному Комиссии при Политбюро ЦК КПСС, о реабилитации в судебном порядке Прокуратурой СССР изучены материалы архивного уголовного дела в отношении Вас и Треппера Л.З., проведена дополнительная проверка изложенных в заявлении фактов.

Установлено, что на допросах в 1942–1943 гг. Вы сообщали представителям контрразведывательных органов фашистской Германии известные Вам совершенно секретные сведения, составлявшие в тот период государственную тайну, дали свое согласие на сотрудничество с немецкой разведкой. Получая сведения от советских разведчиков, передавали их гестапо. Кроме того, по заданию немцев направляли в Москву ложные сведения военно-политического характера, дезинформируя тем самым советское командование.

Перечисленные выше Вами действия правильно квалифицированы по ст. 58-16 УК РСФСР (в редакции 1926 г.).

Ваша вина в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 16 УК РСФСР, полностью доказана показаниями Треппера Л.З., Панцингера Ф., Паннвица Х. и другими имеющимися в деле материалами.

Изложенные в заявлении доводы при проверке не подтвердились.

Для постановки перед руководством Прокуратуры Союза ССР вопроса об опротестовании обжалуемого постановления "Особого совещания" при МГБ СССР от 08.01.47 в отношении Вас не имеет оснований».

Это письмо вызвало у меня нервное потрясение, я не выдержал и поспешил опротестовать содержание вышеприведенного письма в моем обращении к Генеральному прокурору СССР А.Я. Сухареву от 20 января 1989 г. Я подробно изложил основания для опротестования (на 16 стр.).

Одновременно копию моего протеста направил 20 января 1989 г. Александру Николаевичу Яковлеву. Председатель Комиссии при Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, и на этот раз не считал нужным не только ответить лично, но даже и не поручил какому либо из своих сотрудников дать мне соответствующий ответ. Меня крайне огорчило, что специально созданная комиссия для рассмотрения материалов, связанных с репрессиями, проявила абсолютное невнимание к моим просьбам.

Полностью анализировать ответ Генеральной прокуратуры сейчас не буду. Могу сделать предварительный вывод. Прежде всего, справедливость требует, чтобы я подчеркнул тот факт, что, по моему глубокому убеждению, ответственные лица, подписывающие отдельные ответы в мой адрес, не несут ответственности за правдивость таковых. Ответственность лежит исключительно, в первую очередь, на тех, кто осуществлял следствие и фабриковал протоколы, а также на тех, кто в то время обязан был контролировать их работу; во-вторых, на тех, кто давал следователю указания заниматься подлогом и скрывать достоверные материалы, доставленные нами и перехваченные «Смершем»; а в-третьих, конечно, на сотрудниках той же Генеральной прокуратуры СССР, отличавшихся недобросовестностью и нежеланием тщательно проверять, исследовать объемистое дело.

До сегодняшнего дня меня удивляет то, что совершенно неожиданным оказалось в ходе многочисленных проверок моих обращений, жалоб – изменение статьи, по которой «Особое совещание» сочло возможным меня «осудить». Тогда в решении «Особого совещания», предъявленного мне, указывалось, что я совершил преступление, предусмотренное ст. 58 1а УК РСФСР. Во всех документах, сопровождающих меня в ИТЛ, указана тоже именно эта статья, что видно и из справки №062941 от 20 июня 1960 г., выданной лагогделением № 7 Управления ИТЛ «ЖХ», и даже в военном билете, выданном после моего освобождения 5 августа 1961 г. Лужским объединенным горвоенкоматом.

Кто и на каком основании, не предупреждая меня о вынесении какого-либо изменения в «решении Особого совещания МГБ ССР», имел право вносить поправку, что, оказывается, я был осужден по ст. 58 1 «б», то есть как офицер Советской армии.

Более существенными являются еще и следующие замечания.

Во-первых, на основании каких документов или чьих-либо показаний совершенно неожиданно более чем через сорок лет после ареста меня стали обвинять в том, что в период следствия в гестапо в 1942–1943 гг. я сообщал гестапо известные мне «совершенно секретные сведения, составляющие в тот период государственную тайну», и по многим другим вопросам? Мною, а вернее, начальником зондеркоманды «Красная капелла» Паннвицем доставлено в Москву следственное дело, заведенное гестапо на Кента. Я уже не говорю ни о моем докладе, ни о стенограмме моих «показаний»: продиктованные в «Смерше» 8–12 июня 1945 г., во всех моих обращениях в различные инстанции, но даже только по этому «следственному делу» видно, что гестапо еще в Брюсселе в результате предательства, а быть может, данных под давлением пыток Михаилом Макаровым показаний, им удалось расшифровать полученное мною задание «Центра» на поездку в Прагу и Берлин и мой отчет, направленный по радию в Москву с весьма важной информацией, полученной в Берлине от Шульце-Бойзена. Так неужели сейчас, то есть в ответе Генеральной прокуратуры СССР, именно этот мой отчет является теми «секретными сведениями», переданными мною гестапо? А ведь именно ими, в основном только ими в ноябре 1945 г. гестапо меня изобличало!

Во-вторых, «моя вина в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-16 УК РСФСР полностью доказана показаниями Л.З. Треппера, Ф. Панцингера, Г. Паннвица и другими имеющимися в деле материалами».

Так сочла возможным указать в ответе Генеральная прокуратура СССР. Почему же не поинтересовались хотя бы только одним вопросом: были ли мне в ходе следствия в «Смерше» предъявлены направленные против меня показания? Нет. Конечно, если впоследствии «Смерш» не подшил к делу какие-либо протоколы показаний этих «обвинителей» и не подделал под этими протоколами мою подпись, подтверждающую факт моего ознакомления с ними. «Исключительно добросовестный» сотрудник Генеральной прокуратуры СССР, подготавливающий на подпись начальству ответ, должен был обнаружить, что в 1956 г. старший следователь КГБ СССР Шарапов пытался меня изобличить на очной ставке с давшим для моего обвинения показание Леопольдом Треппером. Не удалось ни Шарапову, ни Леопольду Трепперу – последний вынужден был признаться, что данные им на предварительном следствии обвинительные показания в мой адрес являются ложными и не отвечают действительности.

Показания Ф. Панцингера во время следствия никогда не предъявлялись. О том, что Панцингер Ф. арестован в Австрии и скрывает свое прошлое, как я уже неоднократно указывал в моих заявлениях, я узнал только после предъявления мне его фотографии Кулешовым. За что тоже Кулешов высказал мне благодарность. Единственная выписка из показаний Панцингера Ф. была предъявлена мне в 1960–1961 гг. старшим следователем КГБ СССР Луневым и военным прокурором Беспаловым. Эта выписка, по их словам, была обнаружена ими в личном архиве Абакумова.

Однако показания Ф. Панцингера не служили поводом для моего обвинения по какому-либо вопросу, а скорее могли быть использованы в мою пользу. В выписке

указывалось, что вскоре после провала в декабре 1941 г. в Брюсселе гестапо удалось установить значение фирм в Бельгии «Симекско», а в Париже «Симекс», что позволило фашистам установить наблюдение не только за самими фирмами, но и за имеющими к ним отношение разведчиками.

Наконец, моя преступная деятельность доказывается и показаниями Паннвица Г. Здесь ограничиться только вопросом – почему мне их ранее не предъявляли, нельзя. Здесь нужно внести определенные уточнения. Мог ли крупный гестаповец, «который руководил ликвидацией нашей сети» (Треппер Л. Большая игра. Послесл. А.И. Галагана. с. 370), зная о действительной преступной деятельности Кента против своей Родины, против советской разведки, согласиться на проводимую им вербовку, на продолжительное сотрудничество с ним, удовлетворение всех его требований и даже не отказаться от прибытия совместно с этим «предателем своей Родины» именно на его Родину?

Мог ли Паннвиц выдвигать конкретные обвинения против меня, Кента, исключая возможность их распространения и на него самого?

Однажды Кулешов, в несколько уже ставшем непонятным состоянии, пожалуй, будучи слишком веселым, вдруг совершенно неожиданно дал возможность прочесть «протокол» показаний Озолса (Золя). Звучно смеясь, он сказал: «Смотрите, как ваш бывший подчиненный, генерал, хорошо отзывается о вас и пишет о том, какой вы хороший человек и руководитель». После этих слов я понял, что у меня в руках был не протокол, а составленная лично Озолсом записка. Я прочитал эту записку и моей радости не было предела. Нет, не следует думать, что меня обрадовал теплый отзыв обо мне, высказанный латвийским генералом. Радость моя была вызвана, главным образом, тем, что я убедился, что Озолс, а, следовательно, его милая жена и удочеренная этими людьми столь преклонного возраста девочка живы и находятся в Москве и, быть может, скоро смогут уже быть у себя на Родине.

Приходится вновь, несколько опережая ход следствия, остановиться на той «счастливой» ночи, когда мне надлежало подписать протокол об окончании следствия. «Весьма любезный» Кулешов положил на столик, за которым я сидел, кипу не подшитых и не пронумерованных бумаг – следственных протоколов. Среди этой кучи бумаг указанного отзыва Озолса уже не было. Как я неоднократно писал во многих моих обращениях в самые различные инстанции, начиная с 1948 г., он был заменен другими показаниями Озолса, оформленными в виде следственного протокола. Эти показания были направлены исключительно против меня.

Случившееся меня очень встревожило. Невольно я подумал, неужели и старый генерал, так много переживший за свою жизнь, мог оказаться одним из заключенных этой, ставшей для меня уже невыносимой, внутренней тюрьмы НКВД СССР?

Во время одного из проводимых Кулешовым «допросов» в его кабинет вошел неизвестный офицер, если память мне не изменяет, в звании подполковника. Я не знал, кто это такой, но меня крайне удивило его поведение. Мне показалось, что в этом кабинете он был абсолютно чужим. Он подошел тихо к письменному столу Кулешова, не обращая никакого внимания на меня. Мне показалось, что он чего-то боялся, возможно... самого Кулешова. Несколько минут они тихо между собой о чем-то переговаривались. Разговор у них был недолгим и велся почти шепотом. Вежливо попрощавшись с хозяином кабинета, посетитель тихо, скромно прошел мимо, боясь взглянуть в мою сторону и задеть столик, за которым я сидел, ни минуты не медля, он вышел в коридор.

Позднее, совершенно случайно я узнал, что это был военный прокурор Новиков, которому, как выяснилось впоследствии, и было поручено наблюдать за ходом следствия по моему делу. Узнав об этом, я спросил Кулешова о том, почему прокурор, встречу с которым я с таким нетерпением ждал и неоднократно просил о ней, не обратил внимания на меня и не поинтересовался, почему я прошу свидания с ним. Кулешов коротко ответил: «Когда надо будет и – встретитесь, на этот раз он приходил по совершенно другому вопросу!»

Не теряя надежды на то, что моя просьба будет все же удовлетворена, я продолжал ждать. Однако встреча эта так и не состоялась. Когда же мне была предъявлена стопка бумаг

для ознакомления с делом и подписания протокола об окончании следствия, я обнаружил совершенно неожиданно для себя один протокол якобы состоявшегося моего допроса, под которым стояла подпись «присутствующего при этом допросе» военного прокурора Новикова!

Возбужденный, не владея собой, в резкой форме я сказал Кулешову, уже не боясь употребляемого мною выражения, что этот факт является прямым подлогом.

Выслушав мое полное возмущения резкое замечание, ничуть не смутившись, Кулешов совершенно спокойно мне ответил: «Вы незнакомы с порядком ведения следствия, составления и оформления протоколов допроса! Прокурор не обязан лично присутствовать на допросе, а ему вполне достаточно иметь возможность ознакомиться с одним из протоколов, а подписать он может в любое время после его прочтения!»

Этим Кулешов окончательно подорвал мое доверие и укрепил сомнения в части того, соблюдаются ли в органах, наследниках Чека, правила, предусмотренные революционной, советской законностью, в которую я продолжал еще верить!

Естественно, после состоявшегося между мной и Кулешовым разговора у меня продолжала все же оставаться единственная надежда, что, несмотря на подписание мною протокола об окончании следствия со всеми допущенными следственными органами не только нарушениями законности, но и явными подлогами, я смогу на заседании Военного трибунала все опровергнуть и доказать свою полную невиновность в совершении каких-либо преступлений. Я не считал нужным просматривать остальные протоколы, вернее, не подшитые листки дела и потребовал только приобщения к нему привезенного мною моего доклада. Спор продолжался несколько дней, и, добившись моего требования в дело, абсолютно обессиленный, я подписал последний протокол.

Окончание следствия вызвало у меня весьма тяжелые переживания, вызванные тем, что я впервые перестал верить не только органам государственной безопасности, но еще в большей степени прокуратуре.

Ни Абакумов, ни Леонов меня больше не вызывали, но однажды я был «удостоен» вызова заместителем Леонова полковником Лихачевым. В его кабинет мы вошли вместе с Кулешовым. Лихачев был очень возбужден, резок и явно настроен против меня. В самом начале я не мог понять, чем это вызвано. Буквально через несколько минут все стало ясно из-за характера задаваемых полковником вопросов.

- Как вам удалось из тюрьмы сообщить в Наркомат обороны СССР, в Главное управление советской разведки о том, что вы арестованы? Кто вам дал на это право и кто вам в этом помог?

Я не мог понять, что происходит. Прибыв в Москву 7 июня 1945 г., я был немедленно арестован или, как я привык уже говорить, «перехвачен» непосредственно в аэропорту сотрудниками НКВД СССР. Кому-кому, а полковнику Лихачеву должно было быть хорошо известно, что из внутренней тюрьмы НКВД СССР общения с внешним миром достигнуть было абсолютно невозможно! Что же означал подобный вопрос?

Несколько помедлив, поразмыслив, я ответил, тоже в довольно раздраженной форме:

- Вы хорошо знаете, гражданин полковник, что в Москве я ни с кем не мог до моего ареста, произведенного непосредственного у трапа самолета, встретиться или переговорить каким-либо способом, в том числе и по телефону. Вам хорошо известно и то, что во внутренней тюрьме установлен очень строгий режим, и, естественно, я не мог никому, в том числе и в Наркомат обороны СССР, сообщить о моем аресте!

Явно нервничая, Лихачев, выслушав мой ответ, с раздражением распорядился, чтобы Кулешов меня вывел.

И этот разговор, длившийся несколько минут, вызвал у меня весьма сильные моральные переживания. Вернувшись в кабинет Кулешова, я, находясь еще под впечатлением, попросил следователя пояснить мне, чем могли быть вызваны подобные вопросы. Кулешов отделался только улыбкой и «пояснил», что он лично ничего не знает. Мне же показалось, что он был заранее осведомлен, чем Лихачев будет интересоваться. Я

был уверен, что эта «беседа» для него не была неожиданной.

Следствие продолжалось. Меня ежесуточно вызывали, как днем, так и ночью. Я курил, читал газеты и журналы, а Кулешов что-то писал и писал, продолжая рвать какие-то бумаги, умышленно убеждая меня в том, что это текст моих «показаний».

В это время, без моего прямого участия, создавались все новые и новые протоколы «допроса», которые время от времени предъявлялись мне на подпись. Это делалось не сразу, то есть существовали некоторые перерывы в ведении следствия, на время которых я направлялся в камеру. В лучшем случае они клались мне на стол один раз в сутки, а иногда даже через какое-то количество дней по несколько «протоколов» одновременно. Между тем меня вызывали, и Кулешов продолжал свою «сложную работу». Чаще всего это происходило под утро, когда я уже был до предела усталым. Все это создавало впечатление, что, до того как «созданные его усилиями» протоколы давались мне на подпись, Кулешов считал необходимым их содержание согласовать со своим начальством.

Моральное состояние и усиливающаяся усталость вызывали постоянно растущую тревогу, что и было замечено моими сокамерниками. По их совету я даже стал просить у надзирателей валерьянку или другие успокаивающие капли либо таблетки, и даже снотворное, хотя большую часть времени моего содержания во внутренней тюрьме на сон оставались буквально считанные часы.

Прием снотворного был еще и опасен, так как никто из нас, ложась спать в камере, не знал, будет ли внезапно вызван на допрос этой ночью. Естественно, этот неожиданный ночной вызов порождал нервозность и даже страх, а у оставшихся в камере заключенных – определенную возбудимость. Чаще всего после этого никто не мог заснуть. Постепенно все стали понимать, что ночные вызовы, в первую очередь, касались меня. Сокатерников обычно вызывали на допросы значительно реже и чаще всего днем.

Продолжал я размышлять и над тем, что происходит с Блондинкой и нашим сыном Мишелем? Удалось ли ей выбраться из Фридрихроды, где они находились в лагере для интренированных? Сумела ли она разыскать своего старшего сына, Рене? Где все они в настоящее время? Не сочли ли органы государственной безопасности СССР выловить и ее во Франции или в Бельгии? Не доставили ли и их насильно в Москву?

Мысль о Блондинке возникала и крепла постоянно, особенно после того, как Кулешов заявил мне, что она, якобы разыскивая меня, неоднократно обращалась в наше посольство. В какое именно посольство, в какой стране, он не уточнял. Однако я не мог понять того, как она могла обращаться в одно из наших посольств в целях моего розыска, ведь она, как и все члены моей резидентуры, даже и Леопольд Треппер, не знали моей настоящей фамилии, только, что по паспорту я значился Винсенте Сьерра. Правда, то, что я являюсь советским разведчиком, она узнала после моего ареста гестапо.

Думая обо всем этом, я дошел до такой степени состояния, что днем и ночью прислушивался к шуму и голосам в тюремном коридоре. Особое внимание и тревогу вызывали у меня крики голубей, а их было немало. Эти крики напоминали мне мучительный плач женщин. Более приглушенные – голос жены Жаспара, а более тонкие – голос Блондинки, а иногда и Мишеля.

Одним словом, моральные переживания, повторяю, были гораздо более страшными, чем те пытки, о которых я только слышал, находясь в гестаповских тюрьмах, или от тех, кто там побывал и которым удалось остаться в живых. При применении пыток подчас были невероятные боли, люди страдали физически, а здесь на Лубянке были ни с чем не сравнимые переживания, не прекращающиеся ни на минуту, ни днем ни ночью.

Однако я не тонул в уготованном мне болоте, а старался держаться на плаву, следовательно, мог еще существовать. Много лет спустя, читая роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», я неожиданно наткнулся на строки, целиком и полностью совпадавшие с моими мыслями на Лубянке. Автор констатировал: *«Кто научился думать, того лишит свободы нельзя».*

Нет, не буду скрывать, иногда я сожалел, что по моей вине все так в моей жизни. Но я

ни на минуту не сожалел о том, что вернулся к себе на Родину!

Могу предположить, что Кулешову было очень приятно, что состряпанное им против меня обвинение не потребовало для «Особого совещания» никаких обоснований. Оно принято начальством, которое сумело, возможно, даже не знакомясь с делом, подписать решение по нему. «Особое совещание», в свою очередь, не будет искать доказательств моей невиновности. Я думал, что для этой «тройки» достаточно поручить машинистке отпечатать на типографском бланке: «слушали, постановили», и он тут же будет подписан, а затем все пойдет в тщательно оберегаемый архив – и никто не будет разбираться в действительной сущности дела, опровергать сфабрикованное следователем обвинение.

С тяжелыми переживаниями я ждал этапа в ИТЛ. Ждать пришлось почти целый год.

ГЛАВА XXXI. Последний год тюрьмы. Дальний путь по этапу и многие годы в исправительно-трудовых лагерях Воркуты, а также короткий миг свободы.

Выписка из протокола постановления о заключении Анатолия Гуревича в исправительно-трудовой лагерь. 18 января 1947 года

После неожиданного свершившегося объявления решения «Особого совещания» МГБ СССР, приговорившего меня по ст. 58-1а к 20 годам ИТЛ, я в напряжении ждал направления этапом в какой-то лагерь для заключенных. Должен признаться в том, что я не имел никакого представления, в какой лагерь меня направят и что такое вообще исправительно-трудовой лагерь. Не мог себе я представить и того, что означает этап. Впервые услышал это слово от моих сокамерников, но и они точно ничего не могли объяснить.

Продолжая находиться на Лубянке, мне оставалось только превозмочь боль, вызванную незаслуженным осуждением. Мне надо было найти в себе силы, для того чтобы сохранить уважение лично к себе, не потерять лица достойного гражданина своей Родины. Не буду скрывать, что эта боль становилась все более нетерпимой в результате того, что вынесенные в отношении меня незаслуженное обвинение и приговор заставляли задумываться над тем, что происходит у нас в социалистическом государстве. Чем могло бы быть оправдано нарушение всех форм законности, предусмотренных не только Конституцией СССР, но и другими правовыми документами?

В этих тяжелых переживаниях еще целый год я провел в камере внутренней тюрьмы НКВД СССР.

С одной стороны, тот факт, что меня продолжают содержать в этой тюрьме, мог

несколько успокоить. Это могло означать, что я мог быть еще нужен органам государственной безопасности. Конечно, зачем – представить себе не мог.

С другой стороны, это меня волновало, так как я мог предположить, что в ИТЛ меня решили вообще не направлять, а в результате возникал вопрос: что со мной будет дальше, как вообще решили со мной разделиться?

Я отлично понимал, что после всего происшедшего Абакумов был заинтересован ни при каких обстоятельствах не дать мне возможности обжаловать решение «Особого совещания» и подробно изложить командованию и даже лично И.В. Сталину все, что Абакумов и его сатрапы удачно пытались скрыть исключительно в своих интересах. Тогда я мог думать только о немногом: в чем состоят эти интересы? Мои сомнения основывались следующими предположениями:

Абакумов стремился приписать только себе и руководимой им организации «Смерш» мой захват (не указывая, однако, где именно ему удалось меня арестовать) и «разоблачение», в результате которого я был «вынужден» признаться в допущенной мною «измене Родине»;

Абакумов умышленно ни в одном протоколе проводимого следствия не потребовал, чтобы было указано, при каких обстоятельствах были арестованы без малого два года перед моим «арестом» завербованные мною начальник зондеркоманды гестапо «Красная капелла» Паннвиц, его радист Стлука и секретарша Кемпа, доставленные мною с разрешения ГРУ в Париж в миссию по репатриации и, наконец, в Москву (это тоже должно было служить поднятию авторитета Абакумова и его службы);

Абакумов стремился к своим заслугам приписать и то, что «Смерш» сумел захватить из архивов гестапо очень важные документы, с тем, чтобы их представить лично И.В. Сталину (тогда я еще не мог думать, что Абакумов эти документы вообще утаил от руководства);

Абакумов стремился скрыть от руководства, допущенные нашими органами контрразведки ошибки, что, по моему мнению, создавало возможность гитлеровцам разгромить наши резидентуры и в особенности группу немецких патриотов, руководимую Харро Шульце-Бойзеном.

В то же время тюремная камера меня несколько и успокаивала. Я еще продолжал верить, что Главразведупру, возможно с помощью Генерального прокурора, удастся заставить Берия и Абакумова пересмотреть все материалы проведенного следствия, а в результате и обеспечить рассмотрение выдвигаемого против меня обвинения в Военной коллегии Верховного суда СССР. Мне казалось, что именно и это могло заставить органы государственной безопасности продолжать мое содержание в тюрьме.

Итак, следствие уже закончилось. Я был вправе считать, что меня больше не будут вызывать к следователю. Это тем более, что Кулешов «дружески» со мной попрощался еще до того, как мне стало известно решение «Особого совещания». В последний раз, когда мы встретились с ним в его кабинете во время моего очередного вызова, мне показалось, что у него изменилось настроение в лучшую сторону по отношению ко мне.

Я ошибался, что это были мои последние встречи с Кулешовым. Через некоторое время после предъявления мне решения «Особого совещания» он вновь вызвал меня к себе. И на этот раз проявил свое «дружелюбие», что, естественно, меня очень удивило.

Выкурив по сигарете и даже выпив по чашечке заказанного им кофе, он позвонил по телефону и попросил зайти к нему. Вскоре в кабинет вошел довольно молодой, хорошо подтянутый, в форме майора человек. Своим поведением он не был ничем похож на Кулешова. Вежливо поприветствовав меня, направился к столу, за которым восседал Кулешов.

Назвав фамилию вошедшего в кабинет майора Леонтьева, Кулешов представил ему меня, что в дальнейшем я буду работать с ним. После этого Кулешов вызвал сопровождающего и меня препроводили в камеру.

Перед тем как я покинул кабинет, майор Леонтьев предупредил о том, что вскоре он меня вызовет к себе. Кулешов в необычной для него форме, вежливо со мной попрощался и, встав из-за письменного стола, проводил меня до двери кабинета.

Я не мог, конечно, себе представить, в чем будет заключаться моя совместная работа с майором Леонтьевым. Я не выдержал и поделился с сокамерниками вызванными у меня сомнениями. Они высказали свои предположения, что следствие по моему делу будет, возможно, возобновлено, несмотря на подписание протокола об окончании следствия и принятого «Особым совещанием» решения. Что могло послужить причиной для этого, никто определить не мог. Во всяком случае, мои сокамерники предпринимали все от них зависящее, чтобы своими высказываниями в процессе наших бесед по этому вопросу меня успокоить. Несмотря на это, я не мог успокоиться и найти подходящий ответ.

Вскоре был вызван к майору Леонтьеву. Первый вызов мне не позволил понять, в чем точно будет заключаться наша «совместная работа». Наоборот, я мог только еще глубже задуматься над тем, с какой целью я был передан этому майору.

Несколько часов, в отличие от того, как проходило следствие в кабинете Кулешова, мы сидели за одним столом, беседовали по многим вопросам. В основном они касались моей зарубежной работы, того, что я знал о гестапо и абвере и фашизме вообще. Он очень интересовался, какими языками я владею.

В ответ на задаваемые мне вопросы я уточнил, что довольно свободно владею французским и немецким, что касается испанского языка, то я стал его уже несколько забывать, так как последние годы у меня не было возможности на нем разговаривать. Я подчеркнул, что английский и итальянский знаю на самой начальной стадии, так как к их изучению приступил, находясь уже на разведывательной работе за рубежом.

Майор Леонтьев держался во время нашей беседы очень просто, внимательно прислушиваясь к тому, что я ему рассказывал. К моему удивлению, мне казалось, что он относился ко мне даже с некоторым сочувствием. При первой нашей беседе я не мог предположить, как сложатся наши отношения.

Собакамерники, относясь ко мне дружелюбно, интересовались, в каком направлении идет вновь начатое следствие. Естественно, на этот вопрос я ничего не мог ответить.

Уже значительно позже, проводя совместно с майором Леонтьевым работу, абсолютно не затрагивавшую ни мою конкретную деятельность за рубежом, ни мой арест в Москве, ни ведение следствия и принятое решение по созданному против меня обвинению, я убедился, что он, видимо, сохранил порядочность и честность, которыми, в моем понимании, обладали настоящие чекисты.

После того как майор Леонтьев сообщил мне, что он имел возможность полностью ознакомиться с моим следственным делом, обнаружил, что к делу не был приобщен и мой доклад на имя руководства Главного управления военной разведки, о чем я просил при подписании протокола об окончании следствия. Поинтересовавшись, какой доклад я просил приобщить к делу и где он находится, я ответил, что речь идет о докладе, написанном мною в Париже перед вылетом в Москву и доставленном нами вместе с документами, о которых уже шла речь, – Леонтьев задумался. Насупившись, несколько помедлив, он, как я уже говорил, сообщил мне о том, что им обнаружена приобщенная к делу справка командования о том, что никакой доклад на его имя не поступал.

Став, по существу, «сотрудником» майора Леонтьева, мы уже редко касались вопросов, связанных с ведением следствия по моему делу.

Чаще всего меня привлекали к уточнению выполненных переводов некоторых документов с немецкого на русский. Это объяснялось тем, что имевшиеся в НКВД СССР переводчики, видимо, вызвали сомнение в их подлинном знании политической и экономической терминологии. Моей работой, по словам майора, начальство было довольно.

Правда, иногда меня привлекали и в качестве «консультанта». Это, прежде всего, касалось известных мне действий гитлеровских оккупантов в Бельгии и во Франции, в том числе и направленных против местных движений Сопротивления. Мои ответы удивляли майора осведомленностью по многим вопросам.

За почти целый год моей «совместной работы» с Леонтьевым я ни разу не обнаружил какую-либо предвзятость по отношению ко мне, желание вынудить на какие-либо ложные

показания. Да, мне казалось, что в данном случае я помогал не только ему, желавшему расширить объем своих знаний, но и органам, которым мне все же хотелось верить. Мне казалось, что наряду с нечистоплотными сотрудниками НКВД СССР типа Кулешова, не говоря уже о самих Абакумове, генерал-майоре Леонове и полковнике Лихачеве, которые меня с первого дня после моего ареста все время обманывали, есть и честные работники.

Время шло медленно. Вызовы к майору продолжались. К меняющимся сокамерникам я постепенно привык. Часы, проводимые в камере, не казались длинными. Шли беседы на разные темы, избегая, однако, всего, что касалось наших арестов и дел. Обменивались взглядами по отдельным вопросам, касающимся литературы, истории. Конечно, в первую очередь часто обсуждались вопросы, связанные со Второй мировой войной, с Великой Отечественной войной. Бывшие гитлеровские военнопленные – наши генералы, а их было немало в числе моих сокамерников, рассказывали о своих военных действиях на фронтах, до того как они попали в плен, о своих переживаниях в фашистских лагерях.

В январе 1948 г. совершенно неожиданно для меня открылась дверь камеры и мне предложили собраться с вещами. Естественно, я подумал, что решили перевести меня в другую камеру. Я оделся в свой довольно поношенный костюм, конечно без галстука и подтяжек. На этот раз поведение сопровождавших было совершенно иным, непривычным для меня. Меня препроводили не в камеру и не к майору, а вниз.

Оказавшись внизу, я понял, что, видимо, меня ждет этап, так как выдали часть вещей, которые были отобраны при аресте. Конечно, не были возвращены ни мои золотые наручные часы, ни кольцо, ни авторучки, ни очень хороший фотоаппарат «Кодак». Безусловно, не могла идти речь о возвращении привезенных мною документах и пистолетах, не говоря уже о имевшейся, правда незначительной, валюте.

Ждать пришлось недолго, и вдруг меня усадили вновь в «черный ворон», которым мне уже пришлось пользоваться для переезда в Лефортовскую тюрьму, а затем при возвращении на Лубянку. Мы двинулись в неизвестном направлении. До этого ничего не объявили.

Сидя в «черном вороне», я еще в большей степени, чем в тюремной камере, чувствовал, что со здоровьем у меня не все в должном порядке, не говоря уже о повышенном нервном состоянии после неожиданного вызова для отправки этапом в лагерь. Нет, общее мое самочувствие было плохим.

В тюремной камере более двух лет мало дышал свежим воздухом. Совершаемые прогулки на специально оборудованных, огороженных высокими стенками изолированных друг от друга площадках на крыше внутренней тюрьмы не могли восполнить недостаток свежего воздуха, а следовательно, и поступления кислорода в организм.

Справедливость требует, чтобы я особо подчеркнул, что после начала «совместной работы» с майором Леонтьевым меня кормили по усиленному рациону, но, видимо, отсутствие достаточного количества свежих овощей, полное отсутствие фруктов, малое количество употребляемых жиров тоже не могло не сказаться на здоровье.

Кроме того, я никому не признавался – ни сотрудникам НКВД СССР, с которыми мне пришлось за все тюремные годы встречаться, ни моим сокамерникам, – что я все больше чувствовал левостороннюю паховую грыжу.

«Черный ворон» остановился. Открылась дверка, и из каждой находящейся в нем камеры начали выводить доставленных заключенных. Я оказался одним из первых. Видимо, нас уже ждали – около каждого «черного ворона» была размещена охрана. Нас провели к одному из огромных товарных вагонов, которые назывались телятниками. Их было довольно много.

Увидев наш эшелон, я окончательно убедился, что меня направляют в исправительно-трудовой лагерь. Куда именно – ни я, ни те, с которыми уже встретился в вагоне, конечно, не знали.

Как вскоре выяснилось, и в вопросе формирования эшелона, видимо, ответственными лицами были допущены необдуманные ошибки. Наш этап должен был состоять из «политических» и уголовных преступников. Предусматривалось, что каждая из этих групп

будет размещена в разных вагонах.

Однако все обстояло иначе. К месту посадки заключенных был подан железнодорожный состав, состоявший из сдвоенных вагонов. В каждом из них были размещены заключенные из двух следующих друг за другом вагонов. Так было и с вагоном, в котором оказался я.

Смешение в одном вагоне «политических» и уголовных преступников в скором времени про явилось в невыгодном свете для «политических». Этап оказался длительным и сложным.

В моем вагоне, как и во всех остальных, были нары в несколько ярусов. На них и под ними, на полу, с боем разместились все многочисленные заключенные. Вполне естественно, уголовники завоевали себе лучшие места. В вагоне были установлены парашаи значительных размеров. Их можно было выносить только на полустанках, когда последовательно открывалась створка вагонов, и конвоиры выводили тех заключенных, которые должны были выносить парашаи. И в этом случае преимущество оказывалось уголовникам.

На этих же полустанках в вагоны подавались продукты питания. Здесь тоже появились некоторые особенности, которые не учитывались сопровождавшей этап службой охраны. Например, сахар и хлеб подавались в вагон не порциями для каждого заключенного, а в общем количестве для всех, и те, кто принимал их, обязаны были делить пропорционально каждому из нас. В действительности же их принимали и захватывали в основном господствующие в вагоне уголовники. В лучшем случае минимальными дозами они раздавали «политическим» заключенным.

Особо хочу отметить, что между собой уголовники были не только в контакте, но относились друг к другу весьма дружелюбно. К нам, «политическим», были настроены очень враждебно и всячески унижали, даже предпринимали попытки дележа между собой имеющимися у нас вещами.

Разговаривая шепотом, мы, «политические», высказывали мысль, что наше размещение по вагонам вместе с уголовниками было тоже не случайным. Видимо, это облегчало исполнение обязанностей сопровождающих нас конвоиров. Им не было необходимости «тревожиться» за нашу судьбу. Они понимали, что мы ничего не сможем предпринять в наших интересах, будучи окруженными соседями-уголовниками.

В вагоне я оказался под нарами на холодном полу, занятом уголовниками. Вскоре разговорился с моими соседями. Не знаю, чем было вызвано, но, узнав от меня, что я бывший военный, они стали относиться доброжелательно и всячески помогали мне, в том числе и питанием.

Вскоре ставшие моими «друзьями» уголовники, потеснив несколько себя, подняли меня с пола и отвели место на нижних нарах, улучшив тем самым мое положение. Больше того, уголовники, успевшие захватить переданные в вагон сахар и хлеб и, перед тем как положенные порции вручить «политическим», поделив в основном между собой в значительной степени, по непонятным причинам буквально через пару дней нашего совместного «путешествия» начали передавать мне увеличенные порции поступающих продуктов.

Естественно, я, стараясь делать незаметно, делился полученным пайком с наиболее ослабленными «политическими» заключенными. Это впоследствии оказалось очень полезным. Об этом я еще расскажу.

С моими «новыми друзьями» мы мирно беседовали, собираясь на нарах. О чем мы могли беседовать? К моему удивлению, молодых уголовников, а их было большинство, очень интересовали рассказы о прочитанных мною в свое время книгах, в том числе и об истории нашей страны. В имевших место беседах я придумал новую версию, согласно которой я был арестован потому, что попал в плен к гитлеровцам, а уже это считалось изменой Родины. Это их очень заинтересовало и они подробно расспрашивали меня, как я жил в фашистских лагерях. Пришлось многое выдумывать. Это было уже несложно, так как о фашистских лагерях я много слышал, а кроме того, и недолго побывал.

Среди «политических» заключенных находился довольно молодой, не помню сейчас уже точно, татарин, узбек или казах. Он очень плохо себя чувствовал. Я делился с ним перепадавшими мне продуктами и уговорил моих соседей по нарам поместить его тоже рядом со мной. Возражений не последовало. Этот факт оказал мне значительную помощь во время моего пребывания в первом из лагерей – Воркутлагере.

Состав товарных вагонов нашего эшелона, переполненных заключенными, передвигался очень медленно, часто по непонятным причинам останавливался. В вагоне, конечно, было невыносимо душно и шумно, кроме того, давали о себе знать и огромные параша, которые освобождались довольно редко.

К сожалению, должен отметить, что некоторые «политические» заключенные, наблюдая за моими «дружескими» отношениями с уголовниками, стали ко мне относиться с некоторой осторожностью.

Так шли сутки за сутками. Наконец состав остановился, и мы услышали шум, окрики и лай собак. Оказалось, что мы прибыли в конечный пункт нашего этапа, в город Горький. Началась медленная высадка заключенных из вагонов. Наконец очередь дошла и до нашего. Мы увидели, что вокруг нашего состава расставлена усиленная охрана. Нас сгруппировали вместе с вещами в отдельные конвойные отряды. Под охраной вооруженных винтовками и автоматами конвоиров, в сопровождении лающих овчарок, едва сдерживаемых собаководами, нас повели в неизвестном направлении. Дорога была не из легких. Земля покрыта толстым слоем снега. Стоял жуткий холод. Вещей у меня было мало, но передвигаться и нести их все же было очень тяжело. У меня опять стала чувствоваться паховая грыжа. К моему счастью, она была еще незначительной.

Время от времени начальник конвоя подавал команду: «Остановка!» Все старались восстановить нормальное дыхание. Собаки продолжали еще более громче лаять. Их, рвущихся в нашу сторону, едва сдерживали. Несколько раз во время остановок подавалась команда: «Ложись!» Мы буквально валились на снег. Некоторым заключенным было очень тяжело передвигаться. Среди нас было немало престарелых. Им, нашим соседям по строевому ряду, мы пытались помочь. Некоторых поддерживали под руку, несли вещи. Тяжелый, довольно длительный переход закончился в пересыльной тюрьме.

Уже привыкнув к внутренней тюрьме на Лубянке, а в особенности к Лефортовской, то, что я увидел в Горьком, меня просто потрясло. Условия были жуткими. Немного они мне напомнили парижскую тюрьму Френ, где я содержался, будучи гестаповским заключенным, в камере одиночке. Несмотря на все это, я должен признаться, что в пересыльной тюрьме в Горьком, где я оказался, условия были самые худшие из всех. Камеры набиты буквально до отказа. О нормальном размещении в них нечего было и помышлять. Многие, в том числе и я, впритирку друг к другу, не имели возможности даже повернуться или встать, валялись на полу. Параша, имевшиеся в камерах, переполнялись, и постоянная вонь не покидала нас. Кормили плохо, правда, немного лучше, чем на этапе.

Конечно, при поступлении в пересыльную тюрьму опять повторились обыски, сверка личности каждого заключенного с сопроводительными пакетами. Чувствовалось, что охрана тюрьмы готова к любым издевательствам, что обуславливалось невиданным переполнением тюремных камер. Всем было не только морально, но и физически очень тяжело. Иногда к некоторым заключенным даже приходилось вызывать в камеру врача. Не знаю, кто был на самом деле – врач или санитар, но одно могу сказать со всей ответственностью, что это были не медики, принесшие клятву Гиппократу. Они были грубы, жестоки и не проявляли никакого внимания к тем заключенным, к которым их вызывали.

В ужасных условиях шли дни нашего пребывания в пересыльной тюрьме. Изредка из нашей камеры вызывали отдельных заключенных. Мы могли только предположить, что их уже направляют на этап в какой-то лагерь. Все мы ждали с нетерпением своей очереди. Понятно, что общение между сокамерниками было сдержанным, или даже натянутым. Это объяснялось не плохим отношением друг к другу, а невыносимыми условиями. Все были в возбужденном, нервном состоянии. Конечно, почти никто не говорил, за что был арестован и

к чему приговорен. Вообще о каких-либо беседах не могло быть и речи. Все переживали то, что нам было уготовано. Волновало, в каких условиях мы окажемся в лагере.

Неожиданно настал долгожданный день и для нас. Неожиданно вскоре после завтрака дверь в камеру с шумом открылась. Стояло несколько человек из охраны. У каждого в руках была пачка пакетов, и по ним поименно вызывались заключенные. Все были до предела настороженными, каждый из нас ждал своего вызова.

Наконец я услышал свою фамилию со словами: «Приговорен "Особым совещанием" по ст. 58-1а к 20 годам ИТЛ». Захватив вещи, я вышел из камеры. Опять конвой с лающими собаками, ставший уже привычным, внимательно следящий за нами. Опять нелегкий путь с теми же командами, вновь на каком-то полустанке, размещаемся по товарным вагонам. Их несколько меньше, чем в эшелоне из Москвы в Горький. Они были одинарными, то есть в два раза меньше, чем те, в которых мы находились раньше.

И на этот раз вагоны были переполнены и те же условия размещения. Несколько часов ожидания, и состав медленно тронулся с места. Куда теперь лежит наш путь, никто ответить не мог. Тем не менее, все мы немного успокоились. Подумали, что в лагерях условия все же должны быть лучше, чем в этой невыносимой пересыльной тюрьме и в эшелонных вагонах. Однако невольно приходилось задумываться, а что все же ждет впереди? Общение между нами стало более активным, начались разговоры. На этот раз опять вместе со мной в вагоне оказался тот молодой заключенный, которому я помогал в пути. Наше общение стало еще более дружеским.

На этот раз наш путь был достаточно коротким, во всяком случае, мне показалось, что эшелон шел быстрее. Мы прибыли на конечную станцию, нас выгрузили из вагона, построили небольшие группы и повели... Я оказался в той, которая должна была следовать под конвоем пешком. По пути снега было еще больше, чем в Горьком, и сильнее чувствовался мороз. Холод ощущался тем более, что я, как и почти все, был легко одет. Признаюсь, находясь на работе за рубежом, я уже давно забыл, что такое холод, а здесь стоял сильный, очень сильный мороз.

Двигались медленно, изредка останавливались, чтобы немного передохнуть, команды «Ложись!», которой подвергались в Горьком, не последовало ни разу. Помимо воли, думалось: куда мы доставлены, куда нас ведут, что за лагерь нас ожидает, неужели здесь будут вечные столь сильные морозы?

Мы прошагали мимо каких то небольших домиков и дальше продолжали путь. Вскоре остановились у больших ворот. Эти ворота служили, как нам казалось, для впуска в лагерь. По внешнему виду лагерь представлял собой большую территорию, огороженную высоким забором из колючей проволоки. Виднелись над забором вышки с часовыми. За забором – длинные бараки.

Стоять пришлось недолго. Вскоре ворота открылись, и нас опять поименно в соответствии с врученными местному начальству сопроводительными пакетами вызывали и разделяли на группы. Я в числе других заключенных был препровожден в большой барак. Здесь пришлось ждать, пока каждого не подзывали к окошкам. В первые минуты это очень удивило, как и то, что в передней части барака, на некотором расстоянии от перегородки, возле которой мы находились в ожидании вызова, передвигались мужчины в бушлатах, валенках и теплых шапках. Они проводили «осмотр» личных вещей. Многие из наших мешков или чемоданов, скромных по виду, тут же исчезало, и навсегда. Потом я узнал, что это были уголовники, которые содержались в этом лагере и, продолжая привычную им деятельность, грабили. По всему было видно, что из лагерного начальства никто не интересуется их действиями и не мешает им.

После того как мы прошли очередную проверку, оставшиеся после ограбления вещи и все, что было надето на нас, упаковали с составлением описи и оставили у проверявших нас надзирателей, нас повели в баню. Помывшись, нам выдали брюки, портянки, валенки и теплые шапки. Снятую с нас одежду, в том числе и нижнее белье, уложили в мешки с ранее упакованной одеждой и внесли их тоже в уже заведенные описи.

На этом прием закончился, и нас препроводили в пустой барак. Он был временным пристанищем, пока нас не распределили по разным трудовым подразделениям, бригадам.

Вскоре мы узнали, что этот лагерь называется ПГС. В нем содержались заключенные, большинство из которых предназначались для выполнения различных строительных работ вне лагеря. Правда, постепенно некоторых направляли, как выяснилось, в другие подразделения Воркутлага.

Мне, да, пожалуй, и всем остальным прибывшим заключенным, было как-то неудобно и непривычно в этих выданных нам довольно тяжелых большого размера бушлатах и стеганых ватных брюках, которые плохо держались, так как для некоторых из нас они были слишком широкими или слишком узкими в поясе. Меньше внимания мы обращали на черные куртки. Видимо, в целях не допустить, чтобы все заключенные знали фамилии находящихся в лагере, на бушлатах и куртках на рукавах были номера. При выводе на работу на вахте нас вызывали не по фамилии, а по номерам.

Выданные шапки были неуклюжими. Падевая на ноги поношенные валенки, я вспоминал, когда в юности пользовался сапогами, как надо наматывать портянки.

Вскоре повели в столовую. Здесь выдали алюминиевые кружки, которые мы имели право взять с собой в барак, и ложки, изготовленные тоже из простого металла. Нам приказали подходить к окошкам для получения мисок с какими-то щами и кусочков черного хлеба. Затем разместились за длинными столами. Есть очень хотелось, но вкус щей не привлекал. После выдали еще немного какой-то каши. Трудно было определить, из какой крупы она была сварена. Во всяком случае, мы ее съели несколько с большим удовольствием. Обед закончился совершенно непонятным эрзац кофе.

После обеда нам было приказано сидеть в бараке в ожидании вызова к начальству. Вызовы последовали только на следующий день. После столь же скромного ужина мы буквально повалились на пары. Большинству из нас достались очень жесткие матрасы и такие же жесткие небольшие подушки. Утром разбудили на очередную поверку. В бараке было довольно тепло. Печку топили дневальные, как выяснилось впоследствии, они назначались из состава уголовников.

Настал долгожданный вызов к начальству. Меня принял какой-то старший лейтенант, как выяснилось впоследствии – начальник лагерного подразделения ПГС. Просматривая вынутые из именного пакета документы, он поднял голову и направил в мою сторону довольно внимательный взгляд. После некоторого молчания сказал:

– Ну вот вы и прибыли в лагерь для отбытия наказания, предусмотренного приговором «Особого совещания». Было время, когда вы нами командовали, а теперь покомандуем вами мы. Вас зачисляю в строительную бригаду. Сейчас направляйтесь в барак, где ночевали, возьмите те вещи, которые у вас есть, а затем проследуйте в другой барак, где размещена строительная бригада... – Он назвал номер нового барака. – Там вам скажут, кто будет вашим бригадиром!

Я до сих пор не могу себе представить, что находилось в пакете с документами, сопровождающими меня. Естественно, я не мог объяснить себе, чем были вызваны услышанные мною слова: «Было время, когда вы нами командовали!» Я подумал о том, что, может быть, в сопроводительных документах было указано мое офицерское звание – капитан. В то же время я не мог этому поверить, так как и здесь указывалось, что я осужден по ст. 58-1а, то есть как гражданское лицо.

Вернувшись в барак, в котором провел первую мою лагерную ночь, взяв полотенце, выданное мне еще в бане, кружку и ложку, я в сопровождении надзирателя проследовал в предназначенный мне барак. Там уже находилось много заключенных из нашего этапа. Кроме них, в бараке я застал очень немногих людей, которых увидел впервые. Это были дневальные бараки, где находились и те, которые по каким-то причинам не могли выйти на работу. Мы поздоровались, представились друг другу. Некоторые назвали только свои имя и отчество, а некоторые – имя и фамилию.

Так начался, по существу, мой первый лагерный день из тех многих лет, которые я был

вынужден провести в лагерях. Как я узнал от встретивших меня в бараке заключенных, наши лагеря, а вернее, лагерные подразделения, а их было немало, были расположены в Коми АССР, в Воркуте и входили в Воркутлаг. Больше того, мне пояснили, что большинство лагерных подразделений расположено вблизи от уже действующих или еще строящихся угольных шахт. Именно в них работают заключенные. Наш же лагерь в основном занимается строительством жилых домов и различных служебных помещений.

На следующий день я был поднят рано утром и мне было приказано выходить на работу. Позднее я узнал, что обычно вновь прибывшие в лагерь заключенные пользуются правом и возможностью после тяжелых этапов отдохнуть два-три дня. Нам, многим, не повезло в этом отношении, и мы были вынуждены приступить к работе сразу же по прибытии. Видимо, было много строительных объектов и не хватало в достаточной степени рабочих рук...

У ворот лагеря скопилось много народу. Прежде всего, это были бригады заключенных, которые должны выйти на работу. Были и держащие в руках какие-то бумажки. Они несколько суетились, бегая то в одну, то в другую сторону. Подбегая к стоящим группам заключенных и вместе с ними подходя к воротам, внимательно следили за тем, чтобы все зарегистрированные в этой группе, а вернее, в бригаде выходили за ворота.

У ворот кроме обычной охраны стояли какие-то офицеры. Они не проявляли особой активности, но внимательно следили за действиями заключенных с бумажками.

Когда к нашей бригаде приблизился один из заключенных с «бумажкой», я услышал, как наш бригадир докладывал ему, сколько человек выходит на работу. Впоследствии я узнал, что это были простые, рядовые нарядчики.

Вместе с офицерами у выхода из лагеря стоял высокий молодой заключенный. Несмотря на то, что надетый бушлат был тщательно подогнан по фигуре и хорошо сидел на нем, ноги обуты в новые валенки, а на голове была шапка, тоже отличавшаяся от шапок остальных заключенных, а на бушлат был прикреплен номер, я понял, что это заключенный. Потом узнал, что это старший нарядчик, назначенный на эту должность начальником лагеря.

Выйдя из ворот под конвоем, мы начали нелегкий путь, ибо нам пришлось опять-таки передвигаться на морозе по толстому слою снега. Переход наш был довольно продолжительным. Наконец приблизились к строящемуся дощатому домику. Конвоиры заняли свои места вокруг новостройки. Все уже знали свои рабочие места. Я остался стоять в одиночестве. Несколько в стороне от меня стояли еще двое заключенных, прибывших в лагерь одновременно со мной этапом. Через некоторое время ко мне подошел бригадир, посмотрев на меня, он спросил, какую работу я мог бы выполнять. Я не мог точно ответить, а поэтому он предложил первый мой рабочий день начать с тачки – подвозить шлак, сваленный в кучу.

Стены домика выполнялись довольно своеобразно: каждая была выполнена из двух рядов набитых на стойки досок. В остающееся между стойками пространство засыпался мелкий шлак, который я подвозил. Он служил утеплителем стенок.

Вся бригада работала слаженно. Бригадир внимательно следил за качеством выполняемых работ и сам помогал работающим. Вскоре он подошел ко мне и, видимо заметив, что я стараюсь тоже выполнять добросовестно порученную мне работу, но уже заметно основательно устал, предложил мне немного отдохнуть, подменив меня у тачки. Через некоторое время он к тачке поставил другого заключенного, попросив меня весьма в вежливой форме помочь ему разобраться в чертежах. Я понял, что он просто пожалел меня. Мы рассмотрели чертежи, и я ему действительно немного помог. Затем он спросил, приходилось ли мне когда-либо работать с топором. Я ответил отрицательно, так как действительно никогда не работал с топором. После этого он повел меня к заключенным, которые разбирали доски, проверяли их стыковку и подносили отобранные доски к тем заключенным, которые ставили стенки.

Незаметно прошел первый трудовой день. Вернувшись под конвоем в лагерь, мы пообедали и прошли к себе в барак. Там на печке, в которой ярко горел огонь, в котелке

кипела вода. Я вместе с несколькими заключенными и нашим бригадиром сидел близко от этой печки. Неожиданно один из сидящих с нами достал из своей тумбочки пакетик кофе. Конечно, это был не натуральный кофе, но мы с большим удовольствием его попили.

Каждый рассказывал понемногу о себе, в большей степени о своей семье, иногда касался причины его осуждения. Вскоре я убедился, что и здесь были не только «политические» заключенные, но и уголовники. У меня сложилось впечатление, что среди уголовников были не столько профессионалы, сколько случайно согласившиеся или вынужденные ими стать.

У нас в бараке ко мне относились доброжелательно, и я мог спокойно всех беседовавших со мной слушать. Мне же никаких вопросов не задавали.

Естественно, ни в этом бараке, в котором я находился с моими товарищами по бригаде, ни в других коллективах на протяжении всех лет моего пребывания в Воркутлаге я никогда и ничего не рассказывал ни о себе, о моей разведывательной деятельности, ни о причинах моего ареста и осуждения. Это относилось не только к заключенным, с которыми мне приходилось отбывать срок наказания, но и к лагерному начальству, с которым приходилось даже совместно работать. Все это тоже осложняло мое пребывание в Воркуте.

В дальнейшем, возвращаясь с работы в довольно мрачный и неуютный барак, постепенно переполняющийся новыми заключенными, мне хотелось побыстрее лечь на отведенные мне нары. Это объяснялось не только сильным переутомлением, ухудшением состояния моего здоровья, но и моим моральным, духовным состоянием. Между прочим, подобное состояние продолжалось постоянно во всех лагерных подразделениях, даже тогда, когда мне была поручена ответственная работа среди заключенных, привлекаемых к организационной работе лагерным начальством.

Да, безусловно, ранний подъем, довольно тяжелый переход под конвоем от ворот лагеря до «строительной площадки», многочасовая работа тоже оказывали влияние на физическое состояние. Однако, видимо, не последнюю роль в этом отношении играли годы, проведенные мною в теплых, даже во многом слишком жарких странах, которые я иногда посещал. Я имею в виду Испанию (в особенности исключительно жаркую Картахену), Бельгию, Францию, в том числе почти годичное проживание в Марселе, Нидерланды и проч. Нельзя исключить отрицательное влияние на мое состояние и в годы, проведенные в фашистских, а особенно в наших отечественных тюрьмах.

Климатические условия в Воркуте, на Севере, были очень тяжелыми для всех, в том числе и для меня. Температура воздуха часто опускалась до -40 – -45°C , были сильные снегопады, туманы. Правда, многие из тех, кто уже провел в Воркуте значительное число лет, начиная с конца 30-х и в 40-е гг., утверждали, что климат все же стал лучше.

Мне приходилось слышать о том, что в прошлые годы в Воркуте бывали настолько сильные метели, что приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Буквально для прохода из одного барака в другой, я уже не говорю о столовой, натягивались канаты, держась за которые люди передвигались. Якобы были случаи, когда заключенный, выходя из барака, не сумев дойти до уборной, оправившись поблизости, исчезал и больше не возвращался. Розыски не давали никаких результатов. Продолжая рассказы, поговаривали, что подобные случаи не были единичными. Пропавших заключенных находили только с наступлением теплых дней под растаявшей толщей снега, замерзшими. Таковы были снегопады, предшествовавшие моему прибытию в лагерь. Они были довольно частыми и вынуждали даже временно прекращать работу вне лагеря. При мне тоже выпадал довольно значительный снег, были туманы, когда совсем близко ничего не рассмотреть.

Вскоре, видимо заметив ухудшение моего физического состояния, бригадир поручил мне выполнение одной из самых легких работ. Я должен был врезать в навешенные уже на петли двери замки, а также задвижки к окнам, дверные и оконные ручки. И эти порученные мне работы, как правило, выполнялись не в одиночку, а совместно с каким-либо другим заключенным из нашей бригады, который с охотой меня обучал.

Работа на стройке продолжалась. Проживание в бараке с заключенными из

строительных бригад дало возможность подумать о том, что даже они понимают мои переживания, переживания человека, только сейчас оказавшегося в лагере на далеком Севере, обреченного в его физическом состоянии впервые в жизни работать на стройке. На стройке, к которой надо было преодолевать тяжелый и довольно далекий путь. Я чувствовал себя по отношению к ним очень многим обязанным.

Вскоре я получил возможность написать письмо моим родителям. Правда, не знал, где они проживали в то время. Поэтому я написал в Москву и в Ленинград моим родственникам, с тем, чтобы уточнить адрес матери и отца. Так началась моя переписка с моими родителями.

Многие заключенные получали регулярно посылки с продуктами питания, с куревом. Особенно заслуживающими одобрения были посылки из Прибалтики. В этом отношении меня тоже поразило, что некоторые с большим удовольствием делились со своими соседями. Правда, были и такие, кто полностью замыкался в себе, но, я полагаю, их было меньшинство.

Вскоре я начал писать письма, заявления, жалобы в разные инстанции, а в первую очередь И.В. Сталину, Л.П. Берии, Абакумову и другим.

Кстати, как я узнал впоследствии, на имя Сталина писали из всех подразделений, в которых мне пришлось находиться, многие «политические» заключенные, содержащиеся в Воркутлаге и в других. Писали ему беспартийные, но в большинстве своем члены и ветераны ВКП(б), оказавшиеся в заключении, по их глубокому убеждению, исключительно в результате надругательства над их добрым именем и создания вымышленных, ни на чем не обоснованных обвинений. Большинство из них было осуждено не судебными органами, а различными «совещаниями» или «тройками» при НКВД СССР или МГБ СССР, а также краевых, республиканских, областных и других их подразделений.

Ответы на письма И.В. Сталину не поступали не только мне, но и членам партии. Однако никто из нас в те годы еще не терял веры в признанного вождя, строили предположения, согласно которым исключалась осведомленность И.В. Сталина в допускаемой органами государственной безопасности революционной законности, признанной в Советском Союзе, в подрыве тем самым доверия партии и правительству.

Проведя в возбуждении ночь, плохо выспавшись, хотя некоторое время я все же засыпал, вновь отправился на работу, на строительную площадку. С каждым днем я все больше ослабевал, терял силы и худел. Мои товарищи замечали происходящие изменения в моем поведении и в моем состоянии. Я уже почти не мог выполнять даже те легкие работы, которые мне поручал любезный бригадир. Товарищи, замечая и это, уговаривали отдыхать, делать только вид, что я работаю. Так я должен был поступить, согласно их уговорам в особенности тогда, когда на стройку прибывало контролирующее нашу работу начальство. Я не мог с этим согласиться, ведь всем было нелегко. Допустить, чтобы за меня кто-то выполнял работу, которую записывали бы в мой актив, я, конечно, не мог. Так продолжалось еще пару недель.

Однажды, уже при выходе за пределы лагеря, направляясь на работу, почувствовал, что у меня почти нет сил, и я едва дышу. Шел довольно сильный снег, было очень холодно. К стройплощадке я добрался едва-едва, с трудом продолжал работать. Закончив рабочий день, встал в строй, чтобы сопровождаемый конвоем смог вернуться в лагерь. Вдруг у меня закружилась голова и я, потеряв сознание, упал. Меня подхватили товарищи по бригаде и понесли на руках, да, повторяю, на руках с разрешения конвоиров понесли в лагерь. В самом начале я не соображал ничего, но немного позднее, придя в сознание, я удивился поведению конвоя. Передвижение нашей бригады с разрешения конвоиров было замедленным. Учитывая погоду, нести меня товарищам было тяжело, а конвоиры разрешили заключенным выходить из рядов и заменять друг друга.

Позднее, вспоминая о том, как я был доставлен в лагерь, в памяти у меня возникали случаи, когда конвоиры, которым что-то в строю нашей бригады не нравилось, приказывали всем лечь на покрытую толстым слоем снега землю. Некоторые конвоиры, становясь на колени, открывали даже над нашими головами огонь из автоматов. Тогда это было очень страшно. Думая обо всем этом, я не мог понять, почему в данном случае конвоиры были

настроены совершенно по-другому. Не кричали, собак отвели в сторону, нас временами останавливали, чтобы те, кто меня нес, могли сами отдохнуть или передать меня другим заключенным, выразившим желание помочь. Так мы добрались до лагеря.

В лагере меня сразу же доставили в санчасть, затем поместили в санитарный барак. У меня установили дистрофию, резкое понижение давления крови, значительные перебои пульса.

Часто вспоминая этот день, я всегда думал над тем, выжил бы я, если бы меня не окружали хорошие люди, принесшие, преодолевая значительные трудности, меня в лагерь. К этим хорошим людям я относил также поразивших меня своим поведением конвоиров.

В санитарном бараке меня сразу же очень внимательно осмотрел врач, тоже заключенный, и препроводил в один из отсеков, в котором на двухъярусных нарах были размещены многие больные. Все мои вещи уложили в мешок, а мне выдали чистое нижнее белье. Врач предупредил, что после того, как я отдохну, мне предстоит пройти санобработку, помыться.

Все больные, которые могли ходить, разгуливали по бараку в нижнем белье. Меня уложили на второй ярус нар. Лежал я на довольно твердом матраце, покрытом простыней. Была чистая подушка. Накрыли меня простыней и одеялом. Мне очень хотелось спать. Видимо, действовали выпитое мною лекарство и сделанный укол.

Утром легким прикосновением к плечу меня разбудил улыбающийся попутчик по товарному вагону в эшелоне, в котором мы были отправлены на этап из Москвы до Горького. Он прислонился к моей «койке» и коротко рассказал, как добрался до этого лагеря и сразу же попал в санчасть. Вначале я не заметил стоящего немного в стороне высокого мужчину. На нем было, как у всех, нижнее белье, а на ногах высокие хромовые сапоги. Мой «попутчик» познакомил меня с этим человеком, своим знакомым по фамилии Абдыш.

Естественно, я не мог предположить, что в бараке, а тем более и во всем лагере подразделения, господствующее положение занимает Абдыш, глава всех уголовников. Он, по прозвищу Пахан, буквально всеми командовал. Надо иметь в виду, что в санитарном бараке врачи, медперсонал, фельдшеры и санитары были из числа заключенных.

Абдыш выделялся среди всех больных. У него была «койка», а вернее, нижняя нара, особенно ухоженная, с двумя матрацами, двумя подушками и двумя одеялами. Ходил он в высоких хромовых, хорошо начищенных сапогах.

Перед тем как меня познакомить с Абдышем, мой «попутчик», видимо, рассказал, будто я спас ему на этапе жизнь. Буквально через несколько минут после этого санитары перевели меня с верхних нар на нижние, более удобные, с дополнительным выделением мне подушки и еще одного одеяла, но и заметно улучшили во всех отношениях мое положение в бараке, в том числе и питание. Мой паек пополнился неизвестно откуда поступающими к Пахану хорошими продуктами. Все это сказалось на улучшении состояния моего здоровья и дальнейшего пребывания в этом бараке.

Я остановился подробно на знакомстве с Паханом, так как именно оно во многом изменило в лучшую сторону мое дальнейшее пребывание в лагере ПГС и даже, быть может, вообще в лагерных подразделениях Воркутлага. Это объясняется, как я впоследствии узнал, тем, что Пахан был не только признан уголовниками, содержащимися в этом подразделении, их «вождем», но пользовался значительным авторитетом и у лагерного начальства. Да, в ПГС, как принято теперь называть, существовала «мафия», а Абдыш ее возглавлял.

В санитарном блоке он находился не потому, что заболел, а только потому, что ему хотелось отдохнуть от одолевавших его «забот», а потому его желание было гут же удовлетворено, и он стал числиться за санчастью и проживать в санитарном бараке.

С каждым днем наша «дружба» с Абдышем крепла. Он не только меня подкармливал далеко не лагерными продуктами, но и внимательно следил за всеми необходимыми мне удобствами. Вскоре для меня не стало уже секретом, откуда у Пахана были столь редкие для лагеря продукты. Оказывается, в лагере находились заключенные из Прибалтики и с Украины. Большинство из них уже получали обильные продуктовые посылки, а «мафия» не

брезговала поделиться с владельцами посылок их содержанием. Безусловно, из приобретенных «мафией» продуктов значительная часть и доставлялась Пахану.

Приближалось время моего полного выздоровления. Все больше и больше я задумывался над тем, что ждет меня впереди, какую работу я должен буду выполнять. Неужели вновь на стройке? Совершенно неожиданно меня вызвал врач, обслуживающий санитарный барак, и спросил, не соглашусь ли я некоторое время поработать санитаром. Он подчеркнул, что это поможет полностью восстановить мое здоровье. Не задумываясь, я дал согласие. Оказалось, как выяснилось впоследствии, предложение врача базировалось на «рекомендации», данной Паханом.

Так я стал санитаром. Не скажу, что эта работа была одной из наиболее приятных. Были лежачие больные, даже весьма тяжелые, им приходилось подавать не только еду, но время от времени судно или подносить параша. Надо было подмывать их, натирать пролежни и выполнять многое другое, что было необходимо для улучшения положения больных и их состояния.

Работающие санитары уже привыкли к своей работе, мне же следовало еще многому научиться. Самое главное, что я обнаружил в себе, – это было чувство сострадания к больным, стремление всеми силами помочь им, облегчить их нелегкое положение. Казалось, что мне это удастся, и, признаюсь, я был счастлив.

Прошло немного времени, меня все же были вынуждены выписать и направить вновь в строительную бригаду. Один из санитаров, временно предоставив мне теплую одежду, препроводил меня к вещевому складу, где выдали предусмотренное для заключенных обмундирование. Оно было еще хуже, чем то, которое я получил после поступления в лагерь. Особенно поношенными оказались ботинки: они давили и в них было нелегко ходить. То, что мне выдали в столь морозную погоду подобные ботинки, меня крайне удивило. Правда, сказали, что в зависимости от того, куда меня назначат на работу, возможно, мне выдадут взамен ботинок валенки.

Сдав санитару одежду, полученную в санитарном бараке, надев на себя все полученное на складе, я направился в свой барак. На работу на стройплощадку я должен был выйти уже на следующий день.

Вернувшись к моей «койке», убедившись, что она в полном порядке, вскоре направился в столовую. По пути меня встретил Пахан. Мы поздоровались, он поинтересовался моим самочувствием, удивился моей скорой выписке на работу и спросил, куда меня теперь направили трудиться. Коротко поговорив, мы дружелюбно расстались с ним. Не прошло и нескольких минут, как в барак вошел незнакомый заключенный и спросил у дневального, где я нахожусь, назвав при этом мою фамилию. Дневальный подвел его ко мне. Заключенный передал мне записочку, сказав, что меня просили передать ее на вещевой склад – вручить тому, кому она была адресована.

Конечно, я не знал, от кого эта записка и что это значило. Пройдя на склад, я назвал фамилию того, кому она должна была быть вручена. Я показал записку стоящему у перегородки заключенному, работнику склада. Он попросил подождать и, пройдя внутрь склада, вышел с еще одним заключенным, на куртке которого был нашит номер, установленный для него. Тот взял бумажку, быстро прочитал ее и весьма вежливо попросил войти за перегородку на склад. В помещении склада на нарах лежало различное обмундирование, предназначенное для нас, заключенных. Я заметил, что оно примерно такого же качества, которое было на мне. Мы прошли в конец склада, где на нарах лежало совершенно новое обмундирование и новые валенки. Сопровождавший меня заключенный стал подбирать для меня это новое обмундирование. Я удивленно смотрел на него. Он почти не разговаривал со мной, сказал только: «Примеряйте и одевайтесь».

Во всем новом, еще без номера, закрепленного за мной как заключенного, я пошел, как было сказано, к нарядчикам, которыми тут же были отпечатаны номера, а я должен был найти их на бушлат, брюки и куртку.

На следующий день со строительной бригадой я направился к воротам лагеря. Как

всегда, у воров было много народу. Нарядчики проверяли личный состав бригад и продвигали их к воротам. Лагерное начальство молча стояло поблизости. В отдалении я увидел Пахана, окруженного верными ему уголовниками. Он подозвал к себе старшего нарядчика и что-то ему сказал. Наша бригада уже почти подходила к воротам, и вдруг, совершенно неожиданно для меня, старший нарядчик, обращаясь к лагерному начальству, что-то сказал. Через несколько минут он оказался около меня и коротко сказал:

– Выйдите из строя и подождите в стороне, только никуда не уходите!

Когда все бригады были выведены за пределы лагеря на работу, старший нарядчик вновь подошел ко мне и предложил следовать за ним. Мы прошли в барак, где располагались служебные помещения, и оказались в комнате, где находилась планово-производственная часть лагеря. Он вошел в другую комнату, предложив мне подождать, затем предложил мне войти, и мы подошли к письменному столу, за которым сидел офицер. Назвав мою фамилию, он представил меня этому офицеру.

Так я был назначен на работу в планово-производственную часть лагерного подразделения, 11 ГС. Начал я свою работу с того, что подбирал и подшивал различные документы, в том числе какие-то списки, наряды и непонятные мне бумажечки. Вскоре поручили помогать экономисту, тоже заключенному.

Меня перевели в другой барак для проживания. Жить стало лучше. В бараке было меньше народу, более чисто и тихо, заключенные встретили меня дружелюбно.

Всем этим я был обязан Пахану, который дал «указания» о моем использовании на легких работах внутри лагеря. Об этом при нашей очередной встрече рассказал мой бывший попутчик, познакомивший меня еще в санитарном бараке с Абдышем – Паханом.

Примерно через две-три недели работы в планово-производственном отделе меня стал часто вызывать к себе начальник отдела. Иногда при нашем разговоре в его кабинете присутствовал и главный бухгалтер лагеря. Они показывали различные документы и интересовались моим мнением. Вначале я не понимал, чем вызван ко мне интерес. Вскоре экономист, с которым мне приходилось работать, оказавшийся весьма порядочным человеком, убедившись, что я смыслю в экономике и бухгалтерии, рассказал об этом начальнику отдела, которого это заинтересовало. Он вызвал к себе и спросил, кем я работал до моего ареста и откуда я знаю экономику и бухгалтерию.

Конечно, я не считал возможным ему все рассказывать, а поэтому повторил то, что раньше доверительно сообщил экономисту. Я сказал, что работал на ответственной хозяйственной работе, подготовку прошел на специальных курсах. О том, что проходил учебу в Бельгии в специализированном институте, где готовились руководящие работники промышленных предприятий и коммерческих фирм, конечно, умолчал. Вот именно после этой беседы меня продолжали вызывать к начальству.

Больше того, однажды вызвал начальник лагерного подразделения, если не ошибаюсь, Павлов. Это тот самый начальник, который принимал меня при поступлении в лагерь. Тогда он отнесся ко мне очень несдержанно. На этот раз резко изменился – сразу же, после того как я вошел к нему в кабинет, очень вежливо стал со мной беседовать, тоже на тему о моей подготовке в вопросах экономики и бухгалтерии. После этого разговора я стал исполнять обязанности старшего экономиста. Эту должность ранее никто не занимал, а может быть, её и не было вовсе.

Медленно текло время. В некотором отношении мое состояние изменилось. Я стал более спокойным.

Вскоре я познакомился с молодым, очень симпатичным парнем. Его я раньше видел на складе, получая лагерную одежду. Его звали Роберт Фердинандович Шютц. Сразу хочу сказать, что, несмотря на случайность нашего знакомства, судьба нас соединила на многие годы, совместно проведенные и в Воркутлаге, и уже после нашего освобождения и нахождения на свободе. Очень надеюсь, что наша дружба, дружба наших семей сохранится на всю жизнь.

В бараке, где я проживал, как начал работать экономистом, рядом по койке находился

заклученный, как мне казалось, намного старше меня. Мы познакомились. Как выяснилось впоследствии из наших бесед, он известный грузинский писатель Л. Готуа. Естественно, вначале я не считал возможным поинтересоваться причиной его ареста и осуждения. Продолжительное время мы с ним беседовали на различные темы. Чаще всего они сводились к литературе, в основном к русским классикам, но затрагивали и широко известную у нас зарубежную литературу.

Удивляло то обстоятельство, что Готуа большую часть времени проводил на койке, и я не мог установить, к какой работе он был привлечен. Оказывается, Готуа с юношеских лет очень увлекался лыжным спортом и даже любил участвовать в лыжных походах высоко в горах. Однажды он отморозил ноги, и ему были вынуждены ампутировать пальцы на ногах.

Готуа был, по существу, первым истинным лагерным другом. К великому сожалению, наша дружба оказалась кратковременной, и я долгое время не знал ничего о нем. Опережая многое, хочу сказать, что в газете я прочитал, что Л. Готуа введен в комиссию, занимающуюся подготовкой и проведением, если память мне не изменяет, юбилея Тбилиси, которому исполнялось 750 лет со дня объявления города столицей Грузии. Я подумал, наконец-то моего друга полностью реабилитировали. Мне очень хотелось бы разыскать его, встретиться с ним, но этому мешало то, что я не был реабилитирован, а только находился на свободе по амнистии. Несмотря на наши дружеские отношения, в силу понятных читателям обстоятельств я не имел права, даже не мог ставшему моим другом ничего рассказать о себе.

Л. Готуа был в этом отношении в более выгодном положении. Он многое рассказал о себе, в том числе и раскрыл тайну его ареста и осуждения.

Меня очень заинтересовал тот факт, что грузинский писатель в одной из встреч с И.В. Сталиным заслужил его рукопожатие и благодарность за высоко оцененную главой государства поставленную в одном из театров Москвы пьесу, автором которой был Л. Готуа. Эта газетная публикация полностью подтвердила все высказывания, которые я с вниманием выслушал от него самого, тем более что я впервые услышал имя того, кто был виновником его ареста и водворения в лагерь.

Оказывается, известного грузинского писателя и почти всех его родственников арестовал Лаврентий Павлович Берия. Находясь еще в Грузии, он руководил местным НКВД, отличался увлечением молодыми красивыми женщинами или, как утверждал Готуа, даже девочками. Якобы это у Берии началось с юных лет, получило развитие во время его партийной работы в Грузии, в том числе и в должности первого секретаря ЦК КП Грузии, а особенно в Москве, когда он стал пользоваться покровительством Сталина и никто не мог сделать ему какое-либо замечание.

Готуа сообщил, что Берии очень понравилась его, Готуа, сестра. Она была молода и очень красива. В то же время получила очень хорошее воспитание.

Попытки Берии «приручить» сестру Готуа оказались бесполезными, и вот тогда он арестовал свою «любимицу», а так как в ее поведении и отказе стать любовницей Лаврентия Павловича поддерживали члены семьи, то и они были арестованы. Так Готуа оказался в Воркуте, а на его обращения в различные инстанции и, в первую очередь, лично к И.В. Сталину, который, по словам Готуа, проявлял к нему уважение до ареста, ни одно обращение, ни одно письмо не возымели ожидаемого положительного результата.

Готуа многое интересное рассказывал мне о жизни в Грузии и его личной жизни. Я слушал внимательно, но настороженно. О Берии мне уже иногда приходилось слышать не всегда лестные отзывы, но было трудно поверить, что не просто коммунист, еще и уже немолодой, занимающий в государственной администрации столь высокий пост, способен пасть настолько низко.

Изменить свои суждения я смог несколько лет спустя. Находясь в лагерном подразделении около шахты № 8 «Воркутуголь» и занимая должность старшего экономиста планово-производственного отдела лагерной администрации, участвуя в приеме нового этапа заключенных, я вскоре сблизился с одним примерно моего возраста.

После того как у нас установились дружеские отношения, Сергей Щиров, как звали

этого заключенного, находясь в очень подавленном состоянии, поведал мне коротко о своей жизни и о причинах его ареста и водворения в исправительно-трудовой лагерь.

Во время Великой Отечественной войны он служил в Военно-воздушных силах летчиком-истребителем. За проявленное мужество был удостоен звания Героя Советского Союза. В мае 1945 г. во время торжественного Парада Победы командовал одной из участвующих эскадрилий истребителей.

Оставшись на некоторое время в Москве, Сергей Щилов в один из прекрасных дней отправился посетить своих знакомых, проживающих недалеко от станции метро «Сокол». В одном с ним вагоне ехала молодая, по его словам, очень красивая девушка. Он влюбился в нее с первого взгляда. Он тут же принял решение познакомиться с ней. Быстро приблизившись к девушке, Сергей спросил: «Вы едете не до станции метро Сокол?». Получив положительный ответ, продолжил: «О, это очень хорошо. Вы, наверное, знаете, как пройти на улицу, куда я должен направиться!» Оказалось, что девушке с ним по пути, и она с удовольствием покажет, как пройти на эту улицу. С этого началось их знакомство, дружба, закончившиеся бракосочетанием.

Я уже точно не помню, на каком приеме или мероприятии присутствовала молодая пара. Здесь же находился и Лаврентий Павлович Берия. Как выяснилось, жена Сергея Щилова очень понравилась Берии. Это предопределило быстрое продвижение по службе летчика-истребителя, Героя Советского Союза. Вскоре он был назначен в Главное управление ВВС на должность инспектора. Несмотря на то, что это была престижная должность, которая помогла Сергею Щилову благоустроить свою семейную жизнь в новой, довольно большой квартире в Москве, она повлекла за собой и непредвиденные обстоятельства. Вновь назначенный инспектор был вынужден значительную часть времени проводить в командировках в разных районах Советского Союза. Это означало, что он стал реже видеться с женой. Я уже не помню, успел ли у них родиться ребенок, или они ждали его появления.

Командировки были непродолжительными, и Щилов возвращался домой всегда в предусмотренный командировочным удостоверением день. Однако однажды ему удалось выполнить задание в более короткий срок, и он возвратился на два дня раньше намеченного срока. Войдя в дом, он не застал своей жены. Встретившая его теща несколько растерялась и не смогла ответить точно, где жена. Она сказала, что, очевидно, пошла в гости к своей подруге.

Жена вернулась поздно ночью. Нервничая, Сергей с удивлением почувствовал, что от нее впервые пахло спиртным и табаком. Ответ был коротким: она была у подруги, у которой праздновали... Сергей немного успокоился и полностью отдался чувствам неугасимой любви.

Весело начался и воскресный день. Сели за обеденный стол. Неожиданно зазвонил звонок. Жена с явным волнением вскочила из-за стола и бросилась к двери. Сережа побежал за ней, быстро спускающейся по лестнице. Почти одновременно оба оказались на улице. У подъезда стояла автомашина. Жена Щилова первой подбежала к ней и начала с кем-то разговаривать. Звонивший в дверь человек помешал Щилову приблизиться к машине, но он все же узнал сидящего в ней человека. Это был Лаврентий Павлович Берия... Жена Щилова отскочила от машины и с тревогой увидела, что сзади стоит встревоженный Сергей. Они вернулись домой, обед продолжился, но молодожены почти не разговаривали друг с другом.

Началась следующая неделя и... начальство предписало Сергею Щилову вылететь незамедлительно в инспекторскую командировку на турецкую границу. Не успел он закончить выполнение порученного в Главном управлении ВВС задания, как был подвергнут аресту и в срочном порядке осужден за попытку покинуть СССР и нелегально перейти через советско-турецкую границу.

Сергей Щилов заверял не только меня, но и других заключенных, с которыми он общался, что никогда он не собирался покинуть Родину. Он подчеркивал, что свою преданность Родине успел доказать во время Великой Отечественной войны. Сергей считал,

что единственной причиной его ареста являлось стремление развратника и бесчестного человека – Л. Берии убрать с пути Щирова. Кстати, несмотря на все переживания, Щиров был убежден, что его жена согласилась на «измену» только под угрозой, что он и все родственники подвергнутся преследованию.

Из лагеря по состоянию здоровья Сергей Щиров был эвакуирован. Не знаю, из каких источников, до ряда заключенных дошло, что его нервы не выдержали и «лагерные врачи-заключенные» были вынуждены принять меры и поместить его в больницу. Якобы он был направлен в Казань в специализированную больницу для психических больных.

Во время нахождения в лагере ПГС произошло несколько событий, на которых я хотел бы остановиться.

Не помню точно, но, по-моему, именно в этом лагерном подразделении мне пришлось встретиться с женщинами-заключенными. Они находились в отдельно отведенных бараках и были защищены от проникновения к ним мужчин. Я имел право с ними поддерживать контакт, больше того, в силу моего «служебного» положения я просто был обязан встречаться с ними. Признаюсь, я старался их избегать. Мне было очень жалко их, не хотелось даже смотреть в их сторону, я очень переживал за них.

Однажды в наше подразделение прибыло какое-то начальство. Среди них был один уже пожилой высокого роста человек. Только что он посетил наш отдел и прошел в кабинет начальника. Вскоре меня вызвали. «Гость» очень внимательно интересовался выполняемой мною работой. После короткой беседы он поинтересовался, на каких работах я находился до ареста. Как и раньше, я не счел возможным раскрыть действительность. На этом наш разговор был закончен.

Хочу остановиться еще на одном факте. Мне стало известно, что почти всех уголовников направили по этапу, если не ошибаюсь, в Магадан. Среди них был и Пахан. Несколько позднее я узнал, что, еще не доезжая до конечной станции, Пахана убили находящиеся вместе с ним уголовники. Меня это очень удивило. Ведь в нашем лагере он пользовался большим авторитетом.

Прошло некоторое время, и совершенно неожиданно в нашем лагерном подразделении была сформирована группа заключенных, подлежащих переводу в другой лагерь. В эту группу был включен и я, привыкший уже к нашему лагерю и порученной мне работе. Куда нас направляли, естественно, никто не знал. Даже мне, работавшему в планово-производственном отделе, это узнать не удалось.

Ставший уже привычным, этап и на этот раз был нелегким. Нас доставили довольно далеко, на вновь строящуюся угольную шахту № 18. Рядом постепенно разрастался и лагерь для заключенных – строителей шахты.

Шахта и лагерь находились в тайге, ко времени нашего прибытия покрытой толстым слоем снега. Территория лагеря и примыкающая к нему стройплощадка были больших размеров и огорожены колючей проволокой.

Начальником лагеря был полковник, фамилию которого сейчас я уже не помню. Он мне с первой встречи показался очень порядочным человеком. Это мнение окрепло за все время моего пребывания в лагере. Я был удивлен дошедшим до меня слухом о том, что он тоже, якобы являясь строевым офицером Советской армии, за что-то «провинился» и только за это был отстранен от своей должности и направлен на Крайний Север для выполнения ему абсолютно непривычной работы. Во всяком случае, к нам, заключенным, он относился строго, но по-человечески. В лагере, как мне казалось, к нему все заключенные относились с уважением и старались быть дисциплинированными, выполнять все порученные работы добросовестно.

В бараке лагеря я провел только одну ночь. Конечно, в этом лагере, как и во всех других при шахтах, жизненные условия были значительно лучше, чем в лагере ПГС (если не ошибаюсь, это расшифровывается как промышленно-гражданское строительство), значительно лучшим было и питание. Вскоре после моего прибытия в этот лагерь начальник вызвал к себе в кабинет. Мне показалось, что он кое-что обо мне знает. Я имею в виду – о

моей лагерной жизни. В результате нашей беседы я услышал о моем назначении диспетчером строительной шахты. Он предупредил, что на следующий день я буду размещен в отдельном домике, в котором будет находиться диспетчерская служба.

Действительно, сразу после завтрака полковник вызвал меня, и мы пошли к домику, стоящему несколько в стороне за железнодорожной линией, по которой на стройку доставлялся груз. Нас встретил дневальный, молодой, аккуратно одетый заключенный. Смеясь, полковник, представляя дневального, сказал, что он будет моим «ординарцем». Помимо дневального в домике был еще один заключенный, которого мне представили как моего помощника, тоже диспетчера. Я должен был проживать вместе с дневальным в этом домике и здесь выполнять порученную мне работу, согласовывая все принимаемые мною решения со многими службами строительства шахты и отдельными подразделениями лагеря.

Так началась моя новая лагерная жизнь. В этом лагерном подразделении я пробыл до июня 1949 г. Работа была сложная. Приходилось большую часть суток отводить выполнению порученной мне работы. Я должен был внимательно следить за расстановкой на всех участках стройки работающих заключенных, посещать все строительные участки. Я был удовлетворен тем, что начальство, видимо, положительно оценивало мою работу.

На шахте № 18, я имею в виду будущую шахту, я впервые встретился с одним из руководящих работников Воркутлага, Епифановым. Мне казалось, что он отвечает за все работы на строящихся и действующих шахтах, за энергетику. На нашей стройке он бывал несколько раз, и несколько раз мне пришлось с ним разговаривать. Конечно, я не знал того, что относилось к его прошлому, и не считал возможным об этом спрашивать. Пару раз он пытался задать мне вопросы, касающиеся моего прошлого, причины моего ареста и осуждения. Думаю, что он меня понял, понял причины, по которым я уклонялся от прямого ответа, и мы больше не касались этих вопросов. Естественно в моем деле, сопровождавшем меня по лагерям, никаких данных ни о моей разведывательной деятельности, ни о выдвинутом против меня обвинении и конкретном составе моего «преступления» не было.

Однажды, беседуя со мной, Епифанов, не касаясь причин моего ареста и осуждения, задал вопрос:

- Скажите, а вы, осужденный «Особым совещанием», пытаетесь из лагеря обращаться в какие-либо инстанции с просьбой о пересмотре вашего дела в соответствующей судебной инстанции?

Я был вынужден признаться, что пока еще не обращался, но обдумываю этот вопрос и, возможно, начну.

После того как Епифанов мне задал вопрос, я принял решение немедленно приступить к моим обращениям в различные инстанции не о моей реабилитации, а только с настойчивой просьбой о пересмотре моего дела и присутствии в Военном трибунале, в Военной коллегии Верховного суда СССР.

Из этого лагеря я направил, начиная с 3 апреля 1948 г. и кончая 30 января 1949 г., мои обращения в «Особое совещание», министру Госбезопасности СССР, И.В. Сталину, министру обороны маршалу Василевскому, вновь И.В. Сталину. Все мои обращения остались без ответа.

Общаясь с Епифановым, меня невольно заинтересовало, кем и давно ли он является и является ли вообще сотрудником НКВД СССР. Среди заключенных в этом лагерном подразделении и в других я, правда, редко, слышал утверждения о том, что он, продолжая честно работать, в свое время, находясь на руководящих работах в системе энергетики Советского Союза, был еще в тридцатые годы репрессирован и отбывал наказание, в том числе и в Воркуте. Некоторые утверждали, что он сумел доказать свою преданность, порядочность и высокую квалификацию. Именно поэтому и был оставлен на руководящей работе в Воркутлаге.

Вспоминая о моем пребывании в лагере при шахте № 18, я хочу остановиться еще на одном моем переживании. Однажды была присущая Воркуте очень холодная погода. На градуснике было около -45°C , шел невероятный снег. Мне надо было добраться до

строящейся шахты. Я вышел из домика и, как мне казалось, пошел в обычном направлении. Вскоре заметил, что путь мой затянулся. Вокруг ничего не было видно, и я с большим трудом, тяжело дыша, медленно шагал вперед. Прошло уже много времени, и вдруг навстречу, совершенно неожиданно, буквально в нескольких шагах, шел человек. Он остановился и спросил меня, правильно ли он следует в направлении здания, в котором располагается управление шахты. Я ответил, что я тоже иду туда, но боюсь, не сбился ли я с пути. Мы постояли немного и решили двинуться в обратную сторону, несколько правее. Медленно передвигаясь, почувствовали под ногами рельсы железнодорожного пути и поняли, что до этого мы сбились с пути. Очень усталые, мы дошли до намечаемой нами конечной цели.

Вошли в здание управления, немного постояли, стряхнули с себя снег и разошлись. Я направился к полковнику, но решил вначале немного отдохнуть и отдышаться. Вижу: он направляется к своему кабинету. Заметив меня, сидящего на табуретке, покачал головой, пропустил впереди себя и вошел в кабинет. Первое, что он мне сказал, заметив, что я очень тяжело дышу, был упрек, что я в такую погоду решился прийти к нему. Он дал мне какую-то таблетку, я пососал ее, и у меня улучшилось дыхание.

Полковник коротко сказал:

- Я знаю, что вы отдаете все силы порученной вам работе, но надо думать и о себе, о своем здоровье. Ведь вы же знаете, что я даже запретил выводить на работу ряд бригад, выполняющих на поверхности свои обязанности. В такую погоду надо думать и о себе. Вы обязаны следить за своим здоровьем!

Немного помедлив, полковник продолжал меня поучать:

- Из-за сильного снега вы не могли правильно ориентироваться. Могли уйти в тундру, потерять силы и замерзнуть. Об этом нельзя забывать.

Я привел этот случай, чтобы еще раз подтвердить человечность начальника лагеря, его заботу, да не боюсь употребить это слово, о простом заключенном.

Чем может быть оправдано мое столь добросовестное отношение к работе, отмеченное полковником? Я чувствовал, что даже в лагере, работая на стройке новой угольной шахты, мне предоставлена возможность с пользой для нашего государства вложить свой труд и мои знания.

Должен признаться, что мне было очень жаль покидать это лагерное подразделение, к которому уже успел привыкнуть, где ко мне так доброжелательно относились не только полковник, другие сотрудники управления лагеря, руководители стройки, но и заключенные. Кстати, их хорошее отношение не ограничивалось только мною, но, как я мог постоянно наблюдать, и ко всем, абсолютно ко всем, за редким исключением, заключенным. Я понимал, это объяснялось, в первую очередь, тем, что большинство заключенных в ответ на оказываемое им доброжелательное отношение со стороны руководства были дисциплинированными и постоянно старались работать с полной отдачей.

Я должен был понимать, что новый этап, новый лагерь не за горами. Должен был настать день, когда и мне придется проститься со строящейся угольной шахтой М> 18.

Действительно, совершенно неожиданно однажды вечером ко мне в домик зашел полковник. Мы остались с ним с глазу на глаз. Некоторое время оба молчали. Явно несколько обеспокоенный, он заговорил и уведомил меня, что, к сожалению, завтра меня отправляют в новое лагерное подразделение. Помедлив, видимо задумавшись над тем, имеет ли он право сказать, куда меня собираются направить, продолжил и сообщил, что я буду в лагерном подразделении при большой, уже действующей шахте. Больше того, он добавил, что мне там будет гораздо лучше, чем на шахте № 18... и они сожалеют, что лишаются такого помощника!

На следующий день группу заключенных, в том числе и меня, этапом направили в лагерное подразделение при шахте № 40 «Воркутуголь». Прием в лагере был уже и для меня привычным. Особой проверке нас не подвергали и сообщили, что следует в особо отведенном для нас бараке отдохнуть, а распределение на работу будет произведено на

следующий день.

Мы проследовали в барак, мест оказалось довольно много, и даже после того, как все разместились, остались свободные места. Нас тут же препроводили в большую столовую, где плотно поели. Едва вернулись в барак, как вошел нарядчик и громко назвал мою фамилию. Я подошел к нему, и он предложил пройти вместе с ним в управление лагеря.

В кабинете начальника сидели два человека. Один из них был начальником лагерного подразделения, если память мне не изменяет, по фамилии Чекунов, второй, фамилию которого уже не помню, занимал должность начальника планово-производственного отдела. Мне показалось, что оба присутствующие были несколько удивлены, увидев меня. Сразу же было объявлено, что я назначаюсь старшим экономистом и, если хочу, могу уже сегодня перейти в другой барак, а если чувствую себя усталым, то могу переспать здесь, а утром после завтрака за мной придет нарядчик и покажет, где размещается отдел, в который я получил назначение. Я принял второе предложение и, выйдя из кабинета вместе с ожидавшим меня в приемной нарядчиком, проследовал в барак. Заключенные, с которыми я прибыл в этот лагерь, сразу же поинтересовались, кто и зачем меня вызывал. Я рассказал, и они восприняли мое сообщение с большим удовлетворением и даже высказали мысль, что, находясь на этой должности, я смогу им помочь в трудоустройстве. Признаюсь, я лично не мог понять, почему сразу после прибытия меня привлекли к этой работе. Единственное, что мог подумать, что при ознакомлении с сопровождаемым меня делом они могли установить, что, несмотря на мое короткое пребывание в ПГС, исполняя работу экономиста, я справлялся со своими обязанностями неплохо.

С этого началась моя, я бы сказал, совершенно новая лагерная деятельность, которая помогла пережить далеко не легкие годы заключения.

Несмотря на некоторую усталость, ночью мне поспать не удалось. Вполне естественно, меня волновало, как я смогу справиться с новыми обязанностями в этом огромном лагере. Не покидала меня и мысль, как сложатся мои отношения не только с лагерным начальством, но и с заключенными, а их было, как я успел узнать от нарядчика, несколько тысяч.

Встав утром одним из первых, приведя себя в должный порядок, с нетерпением ждал завтрака, а затем нарядчика. Все прошло быстро, и я оказался в кабинете начальника планово-производственной части лагеря.

Планово-производственная часть была расположена в довольно обширном помещении. В нем были два отдельных кабинета – у начальника и старшего экономиста, то есть у меня. Довольно много сотрудников заключенных размещалось в большом зале. Было еще одно подсобное помещение.

Прежде чем меня ввести в курс дел части и познакомить со всеми ее работниками, начальник «решился» сказать, что на эту должность меня рекомендовали соответствующие работники Воркутлага, проверявшие работу лагерного подразделения и посчитавшие нужным укрепить планово-экономическую работу. Кто именно дал эту рекомендацию, он не сказал.

Знакомясь в течение нескольких дней с имеющимися документами, я был вынужден, с разрешения начальника части, ознакомиться и с бухгалтерскими документами. Я беседовал с каждым сотрудником нашей части, интересовался, какова связь с шахтоуправлением, как оформляется совместная работа. Мне пришлось ознакомиться и с работой имевшихся в лагере нарядчиков, руководимых старшим нарядчиком.

Впервые за время моего пребывания в Воркутлаге я узнал, что далеко не все заключенные питаются, как говорят, из одного котла. На действующей шахте они выполняют различную по своей тяжести работу. Именно от этого зависел «котел», который должен был помогать им восстанавливать затраченные силы. Если не ошибаюсь, то существовало шесть групп питания: первая – для заключенных, используемых на легких работах, далее увеличивалось до шестой группы, которая охватывала заключенных, работающих в забоях и приравненным к ним видах выполняемых работ.

Естественно, я относился к первой группе питания и должен признаться, мне было

вполне достаточно. Я не слышал жалоб и со стороны других заключенных.

Несколько дней спустя в столовой я встретился с Робертом Шютцем, с которым познакомился еще на ПГС. Он работал в пищеблоке в бухгалтерии. Паши встречи участились, и мы с ним подружились на долгие годы, а говоря точнее, эта настоящая дружба, сродни кровным отношениям, продолжается по сей день. Скажу сразу, ведь недаром еще в лагере многие, правда, смеясь, называли Роберта моим «сыночком».

Его судьба тоже, как и моя, во многом такая же тяжелая. Как я вскоре узнал, он из немцев Поволжья. Естественно, он прекрасно владел русским и немецким языками, а также хорошо знал французский.

Началась Вторая мировая война. Великая Отечественная война, Роберт оказался в действующей армии, защищая свою подлинную родину, которую он всегда и по сей день очень любил и любит. Добросовестно, с оружием в руках защищая Советский Союз, он попал в немецкий плен. Там Роберт узнал, что республика была упразднена, а все население немецкого происхождения, проживавшее в районе Поволжья, срочно эвакуировано. Несмотря на это, он продолжал быть верен своей стране и всеми силами пытался, находясь в лагере для военнопленных, постоянно по мере сил и возможностей помогать своим товарищам – советским воинам.

Учитывая, что Роберт в совершенстве владеет немецким языком, немцы решили использовать его в качестве переводчика при руководстве лагеря. Я имею основания утверждать, что, прежде чем дать на это согласие, Роберт «проконсультировался» с некоторыми своими товарищами по плену. Он дал согласие и постоянно делал все для него возможное, чтобы помогать всем заключенным.

Кстати, на мой вопрос о том, каково было содержание в лагере советских военнопленных, Роберт постоянно утверждал, что оно было несравнимо хуже, чем то, в котором мы жили в Воркуте.

Советская армия, советский народ одержали победу в Великой Отечественной войне. В Германию из Советского Союза были направлены многие комиссии, в том числе и по репатриации. Видимо узнав от бывших военнопленных о Роберте как прекрасном и добросовестном патриоте, переводчике, руководство советских администраций прикомандировало его в качестве переводчика к миссии (или комиссии) по репатриации.

В этой миссии Роберт познакомился и с инженер-капитаном Женей... (фамилию не помню). Они не только дружили, но очень полюбили друг друга, что привело в конечном счете к их бракосочетанию. С Женей я познакомился, когда она приезжала на свидание с Робертом в Воркуту, а после моего освобождения встретился в Москве. Она работала в Министерстве химической промышленности и курировала заводы по изготовлению резины в Ярославле. Жила она в собственном доме, половина которого досталась ей по наследству, а вторая – ее брату, на ст. Быково Московской области.

Еще до освобождения Роберта, бывая в командировках в Москве, я всегда посещал ее дом и иногда ночевал. Это особо участилось после того, как на свободе оказался Роберт, и вскоре, думаю благодаря Жене, был реабилитирован.

К великому сожалению, брак между Женей и Робертом совершенно неожиданно распался. Я был у них в Быкове, когда Женя почувствовала себя плохо, ее уложили на операцию в больницу. Надлежало удалить аппендицит. Оба горячо любящих друг друга, переживших немало тяжелых в их жизни лет. Да, это была действительно прекрасная во всех отношениях пара. Я постоянно восторгался их отношениями. И вот Роберту пришлось перенести еще один тяжелейший удар... Женя скончалась... Причиной смерти было совершенно другое заболевание. Роберт буквально слег. Он не мог выдержать смерти Жени.

Его лечением занялась Людочка Щепеткова, проживавшая со своими родителями в Раменском-2 и работавшая участковым врачом. Только благодаря ее усилиям Роберт восстановил свои силы и встал на ноги. Проявленные Людочкой чувства по отношению к Роберту вызвали ответные чувства – чувство любви со стороны больного. Прошло некоторое время, и была создана новая семья, окрепшая и являющаяся примерной по сей день. Любовь

подарила им двух прекрасных сыновей – Диму и Женю. Во всей их совместной жизни значительную роль играла и играет мать Людочки – Лидия Александровна. К сожалению, отец уже давно скончался, но и он любил Роберта.

Я не знаю, какое образование Роберту удалось получить. Знаю только, что до войны он учился в Педагогическом институте. Во всяком случае, работая по сей день в НИИ угольной промышленности, он зарекомендовал себя очень грамотным, добросовестным работником.

Я остановился, насколько возможно, слишком подробно на личности Роберта, но я считал это совершенно необходимым для того, чтобы читатель мог лучше понять наши взаимоотношения в лагере при шахте № 40.

Итак, Роберт работал в пищеблоке бухгалтерии. Его честность, грамотность помогли ему завоевать уважение не только у товарищей, заключенных, но и у той, которая обеспечивала руководство пищеблоком. Иногда встречаясь с Робертом в ее присутствии, я убеждался, что она переживает за его судьбу. Ее теплое отношение к Роберту в некоторой степени отражалось и на мне. Однажды, совершенно неожиданно эта начальница поставила вопрос, почему я, так много работая, ограничиваю себя первой группой питания, ведь я могу присылать моего дневального и получать питание шестой группы. Ее очень удивили услышанные пояснения, заключающиеся в том, что я считаю себя заключенным, а поэтому не должен пользоваться никакими незаконными льготами.

Кстати, о дневальном. Действительно, в качестве дневального я подобрал себе испанца по фамилии Умбьерто. Мальчиком он был эвакуирован в Советский Союз из Испании и помещен в интернат. Совсем молодым он пошел защищать свою вторую родину и попал в фашистский плен. По окончании войны был освобожден нашими войсками и... попал в исправительно-трудовой лагерь в Воркуту. Мы с ним много говорили на испанском языке. Он мне подробно рассказал все, что было, прежде чем он стал советским заключенным. Стало жалко его, и мне удалось взять его к себе дневальным. Часто вечерами мы говорили с ним и, предупредив его о том, что услышанное от меня он должен держать в секрете, признался, что в 1937–1938 гг. воевал на стороне Испанской Республики против фашизма, против Франко и итало-немецких интервентов. Умбьерто был моим дневальным около двух лет.

У Роберта были хорошие отношения с одним заключенным по фамилии Окреперидзе. Он был малоразговорчив, что касалось причин его ареста. Держался дружелюбно и вскоре вошел в нашу компанию. Только значительно позже я узнал, что он имел непосредственное отношение к созданию нацистской партии, членом которой был с 1933 г., удостоенным звания гауптштурмфюрера СА Оберлендером «особой части». Уже осенью 1941 г. Оберлендер создал «особую часть». Если не ошибаюсь, впоследствии именно она под его командованием получила название «Нахтигаль», занималась диверсиями и организацией убийств на оккупированной части территории Советского Союза.

Когда я обнаружил в лагере заключенного французской национальности, мы с Робертом постарались установить с ним контакт. Мы узнали, что он якобы хорошо знаком с сельским хозяйством. Посоветовавшись с Робертом и согласовав с руководством лагеря, мы решили оборудовать на территории лагеря теплицы, в которых пытались выращивать овощи и даже немного цветов. Руководство этим хозяйством было поручено Окреперидзе и французскому заключенному. Наше «предприятие» имело успех. Не могу точно определить, кому достались выращенные овощи, но имею основание предполагать, что часть из них, безусловно, досталась и лагерному пищеблоку.

Немного о лагерном руководстве. Однажды, совершенно неожиданно я был вместе со старшим нарядчиком вызван к начальнику лагеря. В кабинете мы увидели впервые совершенно незнакомого полковника. Конечно, его фамилию, Бганко, мы узнали позже. Посмотрев на нас несколько возвышенно, он обратился к нам с достаточно «поучительной речью», занявшей немало времени:

– Я ваш новый начальник. Я сменил не оправдавшего оказанного ему доверия и не справившегося со своими обязанностями начальника лагеря Чекунова. Я вас научу работать

и потребу, чтобы вы выполняли все мои указания. Я потребую от вас не только соблюдения личной дисциплины, но и обеспечения дисциплины и поручаемых работ всеми заключенными... повторяю, я научу вас работать и не допущу с вашей стороны стремления оставаться на тех позициях, которые вы занимали при Чекунове...

Старший нарядчик, буквально пресмыкаясь, часто низко опуская голову, свое выступление ограничил словами: «слушаюсь», «понял», «будет сделано»! Слушая его, Бганко, видимо, был очень доволен, мило улыбаясь, внимательно смотрел на говорящего.

Очередь дошла до меня. Я совершенно спокойно возразил вновь назначенному начальнику лагерного подразделения. Я указал на то, что при начальнике Чекунове мы честно выполняли порученную нам работу, все его указания, стараясь прилагать все наши силы и знания, чтобы иметь действительный успех в работе, направленный на принесение пользы лагерю и шахте. Закончил я свое краткое выступление заявлением о том, что мне сейчас еще трудно судить, как мы будем работать под руководством вновь назначенного начальника. На это понадобится время. Я подчеркнул, что Чекунов мне лично, да и не только мне, казался вполне грамотным и чувствующим ответственность, стремящимся к достижению положительных успехов в работе руководства лагеря.

Полковник Бганко молча выслушал все, что я сказал, а затем, не ответив ничего по существу сказанного мною, предложил нам покинуть кабинет.

Мы молча вышли и не нашли нужным обменяться мнениями со старшим нарядчиком о том, что произошло при первой нашей встрече с новым начальником.

Я даже не упомянул никому о том, что я был вызван к новому начальнику лагеря... Допоздна проработав, я направился к себе в барак и лег спать. Правда, уснул я далеко не сразу...

На следующий день, очень рано, может быть в 5–6 часов, прибежал Умбьерто и, весьма возбужденный, сказал, что меня срочно вызывает начальник лагеря. Я стал быстро одеваться. Признаюсь, меня несколько взволновал неожиданный, столь ранний вызов. Конечно, я не мог предположить, что настанет день, который вновь придаст мне силы и облегчит в значительной степени мое пребывание в лагерях.

Быстро приведя себя в порядок я, сопровождаемый Умбьерто, быстрым шагом направился к зданию, в котором располагалось руководство лагеря. В приемной, перед кабинетом Бганко никого, кроме дежурного, не было. Он уже ждал меня и, приоткрыв дверь кабинета, сразу впустил меня. За столом в шинели, сняв только головной убор, сидел начальник лагеря. Он молча смотрел в мою сторону и предложил сесть у своего письменного стола.

Молчание длилось несколько минут, и вдруг полковник Бганко заговорил:

– Я не первый год работаю в лагерях, и мне приходилось многократно иметь дело с разными, самыми разными заключенными, но то, что произошло вчера, меня просто потрясло, и я даже не мог спокойно спать. Из сопровождающего вас личного дела невозможно определить, кем вы были до вашего ареста и конкретно за что вас осудило «Особое совещание». Я внимательно слушал подхалима – старшего нарядчика. И вдруг... совершенно неожиданно для меня я выслушал то, что сказали вы... Меня удивила и взволновала ваша речь... Я понял, что вы, во-первых, храбрый и честный человек, во-вторых, после услышанного я понял, что из заключенных я имею право полностью вам доверять. До этого мне никогда еще не приходилось слышать, чтобы какой-либо заключенный осмелился в резкой форме и, признаюсь, видимо, вполне обоснованно, высказать мне свое собственное мнение. Итак, я пришел к твердому решению. Впредь вы будете иметь право высказывать все свои замечания, советы в нашей совместной работе. Я сегодня же отдам распоряжение, чтобы вас допускали ко мне в любое время без очереди. Даже если в приемной будут ждать посетители, в том числе и офицеры, вы получите право быть принятым, как я сказал, вне всякой очереди. Я дам соответствующие указания начальнику части, в которой вы работаете, чтобы он создал все необходимые условия для вашей успешной работы.

Несколько помолчав, Бганко поразил меня тем, что, встав и обойдя свой письменный

стол, подошел и протянул мне руку (!) и, попрощавшись, разрешил направиться в мой барак. Но я прошел в свою часть и вскоре, немного успокоившись после происшедшего, направился завтракать.

Этот день дал мне возможность еще с большими усилиями выполнять свою работу. Мне очень помогал вновь назначенный недавно начальник части майор Лейкин. Кстати, отношения у нас сложились, не побоюсь сказать, весьма дружеские. Доказательством этому было то, что я, получив свободу и вернувшись к своей больной, старой матери в Ленинград, был однажды поражен, что майор Лейкин посетил меня и, беседа с моей матерью, очень положительно отзывался обо мне. Наша встреча на свободе была довольно продолжительной и весьма дружелюбной.

После нашего разговора с полковником Бганко действительно мое положение в качестве старшего экономиста, а по существу исполняющего прямые обязанности заместителя начальника части очень укрепилось. Фактически при приеме каждого нового этапа заключенных, в котором принимал участие и я, в значительной степени распределение вновь прибывших на работу проводилось совместно с полковником Бганко и майором Лейкиным.

Создавшееся для меня положительное положение вызывало у некоторых представителей лагерного руководства отрицательное отношение. В первую очередь это относилось к двум помощникам начальника лагеря, если не ошибаюсь, к подполковнику Павлову и к еще одному, фамилию, которого не помню (не исключена возможность, что он был татарин). Они не проявляли открыто свою враждебность. Это проявилось значительно позже, когда Бганко находился на отдыхе.

Самое негативное отношение ко мне было со стороны начальника режима старшины Колесникова. Видимо, он получил указание от полковника Бганко, в соответствии с которым он и его работники должны были относиться ко мне иначе, чем ко всем заключенным. Его отрицательное отношение ко мне проявилось, когда мне пришлось вмешаться непосредственно в его деятельность. Это произошло при возникшем инциденте в отношении Роберта и Окреперидзе. Об этом я еще расскажу более подробно.

Сейчас хочу остановиться еще на одном случае. Однажды наше лагерное подразделение посетил начальник Воркутлага генерал майор Деревянко. Его сопровождали руководящие работники управления, в том числе и Епифанцев, и тот, с которым я имел уже несколько встреч, фамилию не помню, но который, видимо, полностью руководил всеми частями в лагерях, занимающихся вопросами, связанными с плановым и производственным ведением дел.

Они присутствовали и на вахте во время выхода заключенных на работу на шахту. Выводом в основном занимались нарядчики, а в определенной степени их работу контролировал непосредственно я. Было довольно холодно, и я, как все остальные, надел бушлат, ватные брюки и теплую шапку. Они ничем не отличались от тех, которые были надеты на других заключенных.

Внезапно генерал-майор обратил на меня внимание. Он уже знал меня и по шахте № 18, и по нашей шахте № 40. Он о чем-то говорил с начальником лагеря полковником Бганко. О чем именно, я узнал потом подробно от полковника. Он подозвал меня после окончания выхода заключенных на работу и сказал, что «получил замечание от генерала за то, что не принял меры, чтобы мою одежду сделали более удобной в нашей пошивочной мастерской, швальне, так как я нахожусь на ответственной работе». Генерал-майор Деревянко внимательно смотрел на меня и прислушивался к тому, что говорил мне полковник. Полковник Бганко продолжил разговор, задав вопрос: «Можете ли вы объяснить генералу свое поведение по этому вопросу?» Не задумываясь, я, обращаясь к генерал-майору Деревянко, тут же пояснил:

– Я являюсь заключенным, выполняю ту работу, которую мне поручили, однако не имею права и не должен отличаться от других заключенных, пользоваться какими бы то ни было льготами. Этим я могу объяснить тот факт, что не пользуюсь нашей пошивочной

мастерской!

Генерал майор Деревянко и полковник Бганко, стоя рядом, слушали меня, а генерал, внимательно следя за мной, ответил: «Пожалуй, вы правы, но такого принципа придерживаются далеко не все заключенные!» При этом он смотрел в сторону нарядчиков, которые позволяли себе в пошивочной мастерской переделывать по их фигурам выданную лагерную одежду.

С представителем Воркутлага в присутствии майора Лейкина у нас состоялся еще продолжительный разговор. Он ознакомился со всей имеющейся у нас документацией и остался ею доволен. Я не знаю, какие именно пометки он делал у себя в блокноте в процессе нашей беседы.

К великому сожалению, мною были недовольны не только перечисленные выше представители руководства лагеря, но и начальник шахты № 40. Он даже рекомендовал перевести меня на другую работу. Я не мог понять причину его озлобления. Случайно я получил ответ. Я шел по территории шахты и планировал в очередной раз спуститься в шахту, чтобы проследить, как и в каких условиях выполняют порученную в забоях работу наши заключенные. Неожиданно я встретился с начальником шахты, и он подозвал меня к себе.

Из состоявшегося разговора я понял его действительное отношение ко мне. Он в открытую задал мне вопрос: «Почему вы не хотите перейти на работу к нам на шахту. Работая в плановом или производственном отделе шахты, вы бы имели больше времени на отдых, у вас повысилась бы группа питания». И тут же пояснил, что среди заключенных мало имеется людей, имеющих достаточную подготовку по данным вопросам, а вольнонаемных не хватает, а в лагере могли бы справиться и без меня.

Я пояснил ему, что мне очень приятно пользоваться доверием начальника лагеря и, честно работая, приносить необходимую пользу. Кроме того, сказал, что, являясь заключенным, я обязан думать и об улучшении их далеко не легкой жизни и работы в условиях лагеря. Начальник шахты, попрощавшись со мной, сказал: «Поступайте так, как вы считаете правильным».

Должен отметить, что после этого разговора наши отношения улучшились. Думаю, что этому способствовало и отношение ко мне со стороны главного инженера шахты. Фамилию его, к действительно великому сожалению, я уже не помню.

Наши хорошие отношения определялись тем, что я ему докладывал все, что устанавливал, спускаясь в шахту, или слышал от заключенных, работавших в шахте, о встречаемых ими недостатках. Это в первую очередь касалось службы вентиляции и правил техники безопасности. Не знаю, докладывал ли он об услышанном от меня начальнику шахты, но я мог констатировать, что меры по предотвращению указанных недостатков принимались незамедлительно. Конечно, это сближало меня с главным инженером.

В нашем лагере среди заключенных было немало доносчиков, то есть тех, кого теперь принято называть стукачами. Со всей ответственностью должен сказать, что большинство из них были непорядочными, нечестными людьми. Они действовали исключительно в своих собственных интересах. И вот однажды мне пришлось непосредственно столкнуться с действием подобных «стукачей».

Ко мне прибежал Умбьерто и сообщил, что только что начальник режима старшина Колесников арестовал Роберта Шютца и Окреперидзе, во всеуслышание заявив, что за попытку к побегу. Естественно, я этому не поверил. Зная Роберта и его порядочность, я был убежден, что на подобный шаг он не способен. Мое мнение еще в большей степени окрепло, зная об отношении Роберта с Женей. Размышлять было некогда. Я знал о том, что подобное обвинение может привести к предельно печальным последствиям. Я мгновенно решил обратиться к полковнику Бганко, с тем чтобы попытаться заверить его в том, что донос несостоятельный, как и сам доносчик, который, конечно, остается неизвестным.

Полковника Бганко в кабинете не оказалось, мне подсказали, что он вышел. Я, нервничая, стал ждать. Через несколько минут начальник лагеря вернулся и, увидев меня,

направился в мою сторону, глядя с изумлением, ничего не понимая. Когда он приблизился ко мне, я снял кепку и, держа ее в опущенной руке, обратился:

- Гражданин полковник, вы видите мою уже поседевшую голову. На моих друзей, по словам начальника режима Колесникова, поступили сведения о том, что они, Роберт Шюгц и Окреперидзе, готовили побег. Роберт мне очень близок, я уверен, что эти сведения ни на чем не основаны. Поэтому я готов, в случае если это будет доказано, нести наравне с ним ответственность. Умоляю вас, до принятия окончательного решения их судьбы провести тщательную проверку имеющихся фактов.

Полковник Бганко внимательно выслушал и предложил мне немедленно и совершенно спокойно идти на свое рабочее место, предупредив о том, что он немедленно займется проверкой. Мы расстались, я направился в часть, а он сразу же пошел в здание, где размещались служба режима и... камеры строгой изоляции.

Мое волнение продолжалось довольно, как мне казалось, долго. Я попросил Умбьерто следить за тем, когда полковник вернется к себе. Более полутора часов длилось мое ожидание, пока не прибежал дневальный и не сообщил мне, что начальник вернулся к себе. Я сразу же побежал к Бганко. Он принял меня, как было заранее обусловлено, вне очереди. Войдя в кабинет, я услышал:

- Не волнуйтесь, я все проверил, ваши друзья уже покинули камеры строгого режима и пошли на работу!

Я не выдержал и, сильно нервничая, сказал:

- Я вам, гражданин полковник, очень благодарен за то, что вы спасли жизнь моим друзьям.

Ответ был кратким:

- Вам не за что меня благодарить. Вы были абсолютно правы, а вот доносчик понесет должное наказание. Он хотел выслужиться даже ценой жизни двух заключенных.

Прошли многие годы, но по сей день Роберт и я не можем забыть порядочность начальника лагеря, проявленную им уже не в первый раз во многих отношениях.

В этом лагерном подразделении я находился примерно до августа 1951 г. Естественно, у меня сложились хорошие отношения со многими заключенными. О некоторых я уже упоминал. Сейчас хочу остановиться еще на некоторых, произведших на меня большое впечатление и оставшихся по сей день в моей памяти. Одним из них являлся профессор медицины Александров.

До ареста Александров принадлежал чуть ли не к кремлевским врачам. Мне говорили, что в числе его больных был Максим Горький. Я никогда не спрашивал его о причинах, послуживших основанием к его аресту, но мог понять, что его обвинили незаслуженно. Возможно, одной из причин явилось то, что он очень критиковал постановку обучения и дальнейшее отношение со стороны властей к медикам. Не исключалось и то, что существовавший режим обвинял его в умышленном неправильном лечении людей высокого ранга.

С профессором Александровым у нас были очень теплые отношения, и однажды он предложил меня осмотреть. Конечно, я принял это с удовольствием. Осмотрев, профессор похвалил меня за хорошее сердце, хорошее состояние сосудов, за то, что у меня очень крепкие нервы. В то же время он обнаружил у меня левостороннюю паховую грыжу и рекомендовал сделать операцию. Поинтересовался, где и при каких условиях я ее «заработал». Конечно, я не мог признаться.

Мы договорились с Александровым, что мне сделают необходимую операцию. Срок госпитализации я счел необходимым согласовать с полковником Бганко. Он порекомендовал лечь в больницу, когда уйдет в отпуск. Такое решение и было принято.

Несмотря на то, что профессор Александров указал мне на крепкие нервы, он счел необходимым, чтобы я принимал специальные, нервоукрепляющие лекарства и даже рекомендовал сделать несколько уколов. Его советов я строго придерживался.

К великому сожалению, в больнице я провел всего лишь несколько дней и до операции

дело не дошло. Однажды рано утром ко мне в палату вошел Александров и, не скрывая своей тревоги и волнения, сообщил, что меня собираются куда-то этапировать.

У меня невольно возник вопрос: чем вызвано мое столь срочное этапирование? Первым впечатлением было, что Павлов и его единомышленники решились воспользоваться отсутствием полковника Бганко и у них появилась возможность отделаться от меня. Должен признаться, что до прибытия в новый лагерь (Воркутлаг 175/3) я несколько изменил свое мнение.

Прибыв в новый лагерь, обслуживающий тоже действующую угольную шахту «Воркутуголь», я убедился, что меня ждали. Сразу же я был принят начальником лагеря и направлен на работу старшим экономистом в планово-производственную часть. Разместили меня, я бы даже сказал, в очень уютном бараке, в котором было мало народу. В основном заключенные, занимающие руководящие должности на шахте, в ее различных службах и даже начальники отдельных забоев. Познакомился со всеми живущими в бараке и с некоторыми подружился. Начальник лагеря представил меня не только моему начальнику и другим сотрудникам руководства лагеря, но и, лично сопровождая, с начальником лагеря. Я приступил к работе незамедлительно. Вскоре успокоился, и началась моя нормальная лагерная жизнь.

В этом лагере, что меня удивило, среди заключенных было немало немцев. Знание немецкого языка позволило мне легко с ними общаться. Помнится, был немецкий врач, который в беседе со мной не побоялся даже сказать, что во время войны ему приходилось быть личным врачом Гимmlера и Геббельса.

Были и наши советские заключенные, которые вызвали у меня тревогу и жалость. К числу таковых хотелось бы отнести в первую очередь бывшего секретаря обкома, нашего ленинградца Ефремова. Он был арестован и осужден по «Ленинградскому делу». Мне удалось с помощью начальника лагеря устроить его на относительно посильную работу на поверхности шахты. Возможно, благодаря этому у нас буквально с первых дней сложились хорошие отношения. Кстати, несколько опережая наше совместное пребывание в лагере с Ефремовым, считаю совершенно необходимым сказать, что наши добрые отношения сохранились надолго и после освобождения.

Находясь на этапе опять в горьковской тюрьме, еще, пожалуй, в более тяжелых условиях, лежа на полу большой камеры, совершенно случайно рядом со мной увидел знакомого мне человека. Я не мог вначале определить точно, кто это такой. Только услышав голос, узнал, что это комкор Александр Иванович Тодорский, с которым я случайно познакомился в доме моих родственников, если не ошибаюсь, еще в 1932-м или 1933 г. Во всяком случае, я уже знал, что он был в свое время начальником Управления военно-учебными заведениями РККА, а затем начальником Военно-воздушной академии им. Жуковского. Тогда я узнал, что он являлся автором любимой В.И. Лениным книги «Год с винтовкой и плугом». Уже в пересыльной тюрьме я узнал от Александра Ивановича о том, что начальником Военно-воздушной академии он пробыл с 1933 г. по август 1938 г. После этого был назначен начальником Управления высших военно-учебных заведений, а затем абсолютно необоснованно арестован. Ко времени нашей встречи в пересыльной тюрьме ему уже было около шестидесяти лет.

В те годы, до моего поступления в 1935 г. в институт, мы виделись с Александром Ивановичем несколько раз. Он знал, что, несмотря на мою молодость, я являлся заместителем начальника штаба ПВО Нарвского района Ленинграда и поэтому носил военную форму. После нашей после дней встречи, к моему стыду, как-то ни разу не вспоминал о нем. И вот неожиданная встреча в тяжелых условиях. На этот раз мы были оба заключенные. О причинах его ареста он мне ничего не говорил. Из разговоров с ним я узнал, что до нашей встречи он находился в лагере близ Инты в Коми АССР, где в последнее время являлся заведующим пошивочной мастерской. Одновременно с ним находился один из руководящих работников Наркомата обороны, если не ошибаюсь, Степанов или Смирнов, он был связан по работе с зарубежными странами. В лагере он заведовал столярной мастерской.

Я заметил при наших разговорах, что Тодорский очень нервничает и переживает тот факт, что совершенно неожиданно он был направлен этапом, как и предполагал, на Колыму.

Естественно, ни он и ни я не говорили ничего о предъявленных нам обвинениях, послуживших основанием нашего осуждения. Мы больше касались вопросов, связанных со Второй мировой войной и Великой Отечественной войной, с развитием событий в послевоенное время. Он подчеркивал, что, хорошо зная РККА, патриотизм советских воинов и достаточную мощь нашего государства с хорошо развитой военной промышленностью, он никогда не сомневался, находясь уже в лагере, что победа над гитлеровцами будет нашей. В то же время я впервые услышал о том, что, по его глубокому убеждению, репрессии, развязанные против видных военных деятелей, начиная с маршала Тухачевского, являются необоснованными. Виновными в этом отношении он видел Сталина, Ворошилова, Буденного и, главным образом, руководителей органов государственной безопасности и прокуратуры.

Александр Иванович с большим вниманием выслушал мои рассказы и проявил удивление, услышав от меня многое о Второй мировой войне и наших союзниках по антифашистской коалиции. Я чаще всего ссылаясь на якобы извлеченные сведения из прессы.

После моего освобождения из лагеря по амнистии и уже работая в Ленинграде в научно-исследовательском институте («ЦНИИбуммаш»), я прибыл в Москву в командировку. Около гостиницы «Метрополь» случайно увидел генерал-лейтенанта, лицо которого мне было знакомо. Я еще не успел точно узнать, кто это такой, как меня узнал он. Это был А.И. Тодорский. Он шел с довольно молодой и симпатичной женщиной. Мы подошли друг к другу. Это была наша первая, но не последняя встреча. По его приглашению мы направились к нему домой. Я узнал, что жена его умерла, а рядом с ним шла его дочь, которая проявляла к нему не только большое внимание, но и любовь.

Александр Иванович был полностью реабилитирован в 1953-м или 1954 г. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, и мне показалось на основе наших разговоров, что он принимает участие в рассмотрении дел незаконно репрессированных военачальников. У меня есть основания полагать, что А.И. Тодорский решил, что и я полностью реабилитирован. Я ему не имел права сказать, что я только освобожден по амнистии и продолжаю добиваться своей полной реабилитации. Возможно, если бы я имел право ему рассказать, кем был до ареста, что, по моему убеждению, без всяких оснований арестован и осужден решением «Особого совещания», возможно, он помог бы мне добиться моей реабилитации. К великому сожалению, я не счел возможным об этом ему рассказать.

Через некоторое время я узнал, что его дочь внезапно скончалась, что оказало тяжелый удар отцу. Она отдыхала на юге, сорвала розу и укололась шипами, не придав этому значения. Заболела столбняком, но не приняла надлежащих мер, и наступила смерть. Вскоре в 1965 г. скончался и Александр Иванович Тодорский.

Теперь могу продолжить мои воспоминания о моей лагерной жизни. Из Москвы я вернулся в лагерь в Воркуту. Находясь здесь, мне пришлось многое пережить. Хочу подчеркнуть, что ко мне продолжали относиться очень хорошо. В начале 1953 г. мне был нанесен тяжелый удар. Лагерное начальство предприняло все для того, чтобы этот удар смягчить. Для этого однажды меня вызвал к себе один работник руководства лагеря, который, видимо, отвечал за проверку отправляемой нами и получаемой почты. Я был удивлен, что он предложил мне выпить водки, дав закусить бутербродами. Заметив, что я был не только удивлен случившимся, но уже успел и охмелеть, после непродолжительной беседы на отвлеченные темы мой собеседник вынул из письменного стола конверт и, вручая мне, сказал: «Это письмо вашей матери, прочтите его спокойно и не переживайте». Я с некоторой тревогой взял письмо и прочел о том, что моя мама сочла необходимым сообщить мне, что умер отец. Могу сказать, что это был для меня поистине тяжелый удар. Сам факт смерти отца, исключая возможность когда либо с ним увидиться и рассказать все, что произошло со мной, был для меня тяжелым. Однако я не мог успокоиться еще и потому, что был убежден в том, что все случившееся со мной, мое нахождение в лагере ускорило его

смерть. Долго я не мог успокоиться. Это был не последний удар, перенесенный мною в этом лагере.

Мои товарищи по лагерю успокаивали, старались отвлечь от тяжелых мыслей, и я постепенно немного успокоился, хотя память об отце меня не покидала.

В лагере жизнь продолжалась. К этому времени я уже знал, что в Воркутлаге произошли некоторые изменения. Выделили ряд лагерных подразделений, в которых была исключена возможность одновременного пребывания в них уголовников и «политических». Если не ошибаюсь, эти лагеря назывались Речлагами. Наш лагерь, объединявший три шахты (№ 12, 14 и 16), впоследствии обозначался, если память мне изменяет, ШУ-2, вернее, он обслуживал это управление. Мне приходят сейчас на память фамилии начальника шахты Бульбенко и начальника оперслужбы Шокина. Однако больше в памяти сохранились некоторые фамилии заключенных: Николая Вишневого, бывшего военнопленного в фашистских лагерях, бежавшего оттуда, по своему происхождению из аристократической семьи; Алексея Киселева, научного работника, ставшего после освобождения доктором наук; Гершова, художника. Кстати, две его большие картины украшали столовую. Они назывались «Утро в сосновом лесу» и «Витязи на распутье». Многие работники шахт и руководство лагеря, которым картины очень нравились, просили его сделать для них небольшие копии.

Неожиданная смерть Сталина резко изменила сложившееся в лагере спокойствие. Это было вызвано не только тем, что даже среди заключенных было немало таких, которые его считали истинным «вождем», обеспечившим одержанную победу в Великой Отечественной войне. Больше того, ветераны партии часто обращались к нему со своими письмами, веря, что именно он поможет им вновь обрести свободу.

Справедливость требует, чтобы я указал и на то, что многие среди нас, участников Великой Отечественной войны, по разным причинам оказавшиеся среди осужденных не только «Особым совещанием» и всевозможными «тройками», но даже судебными органами по абсолютно необоснованным обвинениям в «измене Родины», вспоминая все пережитое и считая, что именно советский народ, его армия, благодаря принимаемым мерам именно Сталиным, внесли решающий вклад в победу над фашизмом. Мы считали, в своем большинстве, что стали жертвами не Сталина, а его окружения. Многие называли, что среди этого окружения особо виновными являются Каганович, Маленков, Берия, Абакумов, Меркулов и другие.

Несмотря на все, спокойствие в лагере все же вновь наступило, что ликвидировало, по существу, настороженность его руководства. Итак, в спокойной обстановке прошло некоторое время. Совершенно неожиданно это очень благоприятно отразилось на мне тоже. 7 ноября 1953 г. ко мне в мою рабочую комнату, которую многие заключенные называли кабинетом, внезапно вошли дежурные надзиратели, в обязанность которых входило обеспечение прекращения уже в вечерние часы, если не ошибаюсь, с 20 или 21 часа, передвижения заключенных по территории лагеря. Для этого, проверив полный состав в бараке свободных от работы заключенных, их двери закрывали с наружной стороны на замок.

Старший дежурный надзиратель, едва успев открыть дверь, предложил мне проследовать в барак. Я был очень удивлен и попытался возразить ему, указав на то, что мне предоставлено право работать в моей рабочей комнате в любое время суток. Ведь тогда, не понимая ничего, я с раздражением воспринял, что, несмотря на мое вполне обоснованное возражение, надзиратель, не объясняя причины, настаивал на своем. И вот, сопровождаемый надзирателями, я проследовал к себе в барак. Еще в большей степени я был в буквальном слове поражен, что, открыв дверь, в повышенном тоне буквально приказал мне войти в барак. Только здесь, в бараке, они поздравили меня с моим сорокалетием. Я был удивлен, увидев большой, составленный из нескольких стол, на котором стояли закуски и даже немного водки. Все товарищи по бараку с явным нетерпением ждали меня и немедленно сели за стол. Был поднят тост за мой юбилей, и, немного выпив, мне пожелали здоровья, счастливого будущего, скорой свободы.

Праздничный стол был недолгим, так как некоторым следовало вскоре направиться на работу на глубину шахты, в забои. Правда, оставшиеся еще продолжали сидеть некоторое время, и к нам вскоре присоединились те, кто вернулся с работы.

Я был весьма тронут организованным с разрешения руководства лагеря празднованием моего юбилея. Кстати, на следующий день с днем рождения меня поздравили представители лагеря и шахты. Для меня это было тяжелым и в то же время очень радостным событием. Тяжелым потому, что это было совершенно неожиданным, первым после моего возвращения на Родину посвященным мне торжеством. Радостным потому, что своим отношением к окружающим, несмотря на далеко не легкие переживания, я сумел заслужить столь дружеское и доброе отношение.

Спокойствие в лагере, однако, продолжалось недолго. Когда стало известно, что состоялся совершенно неожиданный и необычный судебный открытый процесс по обвинению в совершенных преступных действиях Берии, Абакумова, Меркулова и других и избрания по отношению к ним высшей меры наказания – расстрелу, вспыхнули волнения.

Волнения среди заключенных усилились еще и в связи с тем, что внезапно были поданы вагоны и из лагеря выводили заключенных по национальности немцев, как я уже говорил, которых было в нашем подразделении много. Как нам стало известно вскоре из разговоров, этих немцев возвращали в Западную Германию в соответствии с договоренностью, якобы достигнутой между Хрущевым и Аденауэром. Это добавило повода для появления своего рода «восстания» заключенных. Вначале я точно не знал, что в действительности происходило, так как днем находился в своем рабочем помещении, а ночью в закрытом бараке. Однако и до меня доходили слухи о том, что, видимо опасаясь крупного бунта, результатом которого мог стать массовый побег из лагеря, органы МВД оцепили всю территорию с внешней стороны и якобы были даже слышны какие-то выстрелы. Возможно, что находящиеся за проволочным ограждением лагеря солдаты действительно произвели предупредительные выстрелы в воздух.

Признаю, эти слухи, все происходящее вызвало у меня некоторую тревогу. Правда, я не терял веры, что вскоре все успокоится и в лагере жизнь наладится вновь.

Очередной тяжелый удар был мне нанесен на следующий день. Совершенно неожиданно рано утром в барак вошли надзиратели и, вызвав, предложили мне немедленно собираться с вещами и следовать за ними. Мне надлежало еще забрать вещи в камере хранения, а затем проследовать на вахту. Затем я узнал, что в числе более ста заключенных меня направляют в штрафной лагерь. Я не мог понять, чем это вызвано. Кстати, как я узнал впоследствии, мое направление в штрафной лагерь вызвало не только недоумение, но и возмущение у большинства заключенных. Они не могли тоже понять, почему вдруг меня превратили в штрафника. Все знали, что я не принимал участия ни в каких беспорядках, а всегда вел себя дисциплинированно и к порученной работе относился добросовестно. Кроме того, я всегда был доброжелательным к заключенным, часто помогал им в направлении на работу в соответствии с их возрастом и состоянием здоровья.

В этапе в штрафной лагерь я испытывал страх, так как мог предположить, что это может для меня плохо кончиться. Возникал вопрос: кто хотел со мной разделаться? Среди руководства лагеря ко мне все относились хорошо, пожалуй, за исключением только уполномоченного МВД. Мне уже давно казалось, что он относится недоброжелательно ко мне, что я находился как бы на особом положении у начальства.

Полный тревог, я прибыл во вновь образованный штрафной лагерь. Не успел пройти наравне с остальными заключенными надлежащую проверку, меня вызвал начальник лагеря старший лейтенант. Он предложил сесть и тут же заявил, что просит меня оказать ему содействие в организации работы с привлечением поступающих в лагерь заключенных. При этом подчеркнул, что он постарается, чтобы я недолго задержался в этом лагере. Покинув кабинет, я не мог себе объяснить, что происходит. Я и здесь стал старшим экономистом и подчинялся непосредственно начальнику лагеря.

Не следует думать, что в этом лагере был какой-либо ожесточенный режим. Конечно,

режим был более строгий, чем в других лагерях, обслуживающих шахты.

Не буду подробно останавливаться на описании моего пребывания в этом лагере. Укажу, однако, что вскоре несколько успокоился и продолжал честно относиться к порученной мне работе. Начальник лагеря, видимо, был вполне удовлетворен моим поведением, а в еще большей степени выполняемой мною работой. Вскоре мы обеспечили для всех заключенных различного рода работу. Я мог понять, что произошли изменения в режиме и что, видимо, никому из находящихся в лагере заключенных ничего не угрожает.

Прошло немногим больше грех месяцев, и во время очередного вызова к начальнику этого лагеря меня вновь ждал сюрприз. Старший лейтенант приветливо встретил меня и, улыбаясь, пояснил, что он всегда умеет выполнять свои обещания, именно поэтому вынужден, к сожалению, попрощаться со мной, так как меня доставят в лагерь, в котором я уже побывал, то есть в лагерь при угольной шахте № 40. Он поблагодарил меня за оказанную помощь в организации использования заключенных на работах.

Вскоре я был препровожден в обещанный мне лагерь, в котором меня очень любезно встретил замначальника лагеря Павлов и тут же объявил, что сейчас при лагере создано особое подразделение для заключенных, пользующихся пропуском на выход в любое время вне зоны. Принято решение о том, что я буду размещен именно в этой части лагеря. Павлов поинтересовался, на каких работах меня использовали после того, как меня были «вынуждены» этапировать в другой лагерь. Выслушав это заявление, я усомнился в том, был ли прав, предполагая, что меня в 1951 г. отправили из этого лагеря, воспользовавшись отсутствием полковника Бганко, в результате плохого отношения ко мне как раз этого Павлова. Я подумал о том, что, быть может, было получено указание из Воркутлага в целях укрепления работы планово-производственной части того лагеря, куда меня направляли.

Павлов поинтересовался также моим самочувствием. Я признался, что очень устал, так как по существу с 1939 г. не имел ни одного отпуска, – то в лагерях, то находясь на сложной работе, я хотел бы начать работать на более легкой работе. Павлов предложил мне немного отдохнуть и подумать о том, какую работу я хотел бы для себя выбрать в лагере или непосредственно на шахте. На этом наш разговор не закончился. Я поинтересовался, буду ли иметь право, находясь в этом лагерном подразделении, посещать и основной лагерь. Ответ был положительным.

Я прошел на пищеблок, так как мне очень хотелось узнать, находится ли в этом лагере Роберт Шютц и где он работает. К моей радости, он действительно работал еще в пищеблоке. Правда, вскоре перешел во вновь созданную коммерческую столовую, в которой посетители могли выбрать себе еду сами, оплатив наличными деньгами. Создание такой столовой объяснялось тем, что к этому времени заключенные получали оплату за выполняемую работу.

Наша встреча с Робертом была очень теплой, и я был очень рад тому, что и он проживал в подразделении лагеря, в котором содержащиеся заключенные пользовались свободным передвижением. Мы имели возможность часто подолгу беседовать. После того как я приступил к работе и начал получать заработную плату, мы по очереди приглашали друг друга в платную столовую. Правда, я, зная, что мать, пенсионерка живет одна, переводил ей основную часть моего заработка. Иногда переводы составляли от 300 до 1000 рублей.

После некоторого отдыха по совету друзей я устроился на работу на научно-исследовательскую мерзлотную станцию (ВНИМС) Института мерзлотоведения Академии наук СССР в Воркуте, которая была расположена на территории шахты № 40. На этой станции я проработал с ноября 1953 г. Вначале был оформлен рабочим, а затем старшим лаборантом экспедиции. На этой работе я познакомился с и.о. начальника ВНИМС АН СССР Ф.Я. Новиковым. Непосредственно мною руководил научный сотрудник А.В. Надеждин. Во время работы зарекомендовал себя с хорошей стороны. В подтверждение этому позволю привести выдержку из выданной мне характеристики (от 22 октября 1955 г. № 296): «Термометрические наблюдения, проводимые т. Гуревичем, отличаются точностью и

объективностью в показаниях, журналы наблюдений ведутся с большой тщательностью. Все необходимые для работы приборы и инструменты т. Гуревич содержит в образцовом порядке, проводя им своевременно профилактический ремонт. Помимо своих непосредственных обязанностей, связанных с проведением термометрических наблюдений, т. Гуревич выполняет большую работу по камеральной обработке материалов и их графического оформления.

За время пребывания на работе во ВНИМС т. Гуревич проявил себя как исключительно добросовестный и исполнительный работник».

Характеристику подписали и.о. начальника ВНИМС АН СССР Ф.Я. Новиков и руководитель темы, мл. научный сотрудник А.В. Надеждин. Сразу хочу указать, что после моего освобождения по амнистии оба подписавшие характеристику усиленно меня уговаривали остаться работать у них в Воркуте. Именно поэтому, хорошо понимая мое моральное состояние, они рекомендовали мне «провести отпуск с моей матерью в Ленинграде», а затем вернуться в Воркуту для продолжения работы. Это подтверждается имеющимся у меня удостоверением № 298 от 23 октября 1955 г. В нем говорится, что я, ст. лаборант научно-исследовательской мерзлотной станции Академии наук СССР, нахожусь «в очередном трудовом отпуске с 23 октября по 23 ноября 1955 г. включительно».

Совершенно неожиданно для меня наступил тот день, когда я оказался на свободе. Правда, имея пропуск свободного передвижения и имея необходимость посещения Воркуты по моим служебным обязанностям, я встречался со многими, в том числе и ленинградцами, реабилитированными и продолжавшими работать в Коми АССР. От них я узнал, что в печати опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. от 17 сентября 1955 г. Мне показывали даже этот Указ, подписанный Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошиловым и секретарем Н. Пеговым.

Естественно, показав мне этот Указ, не могли предположить, что он имеет какое-либо отношение ко мне, так как никто не знал, кем я был до моего ареста и за что осужден.

Лично меня заинтересовали два пункта этого Указа. Я имею в виду пункт 7, гласящий: «Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сдались в плен или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях».

Больше того, в этом же пункте прямо указывается: «Освободить от ответственности и тех, ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды...» Приводятся следующие слова: «...в том числе и вовлеченные в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной».

Читая Указ, я понимал, что он прямого отношения ко мне не имеет, так как я был всегда убежден в том, что никогда не служил фашистской Германии и даже после ареста гестапо продолжал все делать для принесения только пользы моей Родине, Советскому Союзу.

Конечно, ко мне не мог иметь никакого отношения и пункт 4-й Указа, гласящий: «Не применять амнистии к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан». Во-первых, даже у Абакумова, по моему глубокому убеждению, не было оснований обвинять меня в подобных преступлениях.

Вернувшись в лагерь, я поделился новостями с Робертом Шютцем, но пока мы не чувствовали, что Указ возымел какое-то действие на заключенных.

Совершенно неожиданно меня вызвал Павлов и, очень мило улыбаясь, поздравил с освобождением из лагеря и заявил, что он очень рад тому, что именно ему довелось меня первым поздравить.

При освобождении мне была вручена справка АХ № 070807 от 5 октября 1955 г. В справке говорилось, что я освобожден в соответствии с упомянутым выше Указом (пункт б)

со снятием судимости и поражения в правах. Больше того, в справке указано, что я следую к месту жительства в город Ленинград и мне выдан билет до ст. Москва и деньги на питание в пути – пятнадцать руб. 15 коп.

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма А

АХ

ИТЛ „Ж“

СПРАВКА № 070807

5 октября 1955 г.

10-114
738220
718-552

Выдана гражданину(ке) Гуревич
Анастасию Марковичу

год рождения 1913 национальность еврей

уроженцу(ке) гор. Харьков, УССР

в том, что он(она)
содержался(ась) в местах заключения МВД с 21 июня 1945 г.
по 5 октября 1955 г., откуда освобожден(а)
по Указу Президиума Верховного Совета СССР
от 17.8.55. „Об амнистии“ со снятием
судимости и поражения прав

Следует к месту жительства гор. Ленинград
(город/ село)

район, область)

 1515 Начальник лагеря (колонии) тюрьмы № 175/5
Начальник отдела
М. П.

[Signature]
(подпись)

[Signature]
(подпись)

Справка «Об амнистии» со снятием судимости и поражения в правах. 5 октября 1955 года

К великому сожалению, нам ничего не было известно в части того, распространяется ли

этот Указ и на Роберта Шютца. Он меня провожал. Паше расставание было очень тяжелым, так как он был единственным поистине моим настоящим другом в лагере. Я очень переживал за то, что он остается, и пообещал в Москве встретиться с его женой Женей, чтобы уведомить ее о происходящем.

Итак, я уже в плацкартном вагоне в поезде «Воркута–Москва». Со мной почти не было вещей. Я на свободе, скоро увижу мою мать!

В Ленинград из Воркуты я добирался через Москву. В столице мне очень хотелось встретиться с моими родственниками, которых я не видел долгие годы. Встреча с близкими была очень трогательной. Они все время расспрашивали меня о моей жизни в лагере и почему-то постоянно плакали. А я наслаждался тем, что впервые за многие годы могу помыться в обыкновенной ванне. Мне это казалось вершиной блаженства. Неловко признаваться, но по прошествии многих лет именно то мытье в обычной московской ванне запомнилось больше всего. Даже встреча с родными и очень любимыми мною людьми теперь в памяти сохранилась не так отчетливо, как то, казалось бы, совсем обычное действие.

Очень трудно пересказать все то, что творилось в моей душе, когда, наконец, я приехал в Ленинград и встретился со своей дорогой мамой. Ей уже исполнилось 75 лет, по мне, сорокадвухлетнему человеку, она по-прежнему казалась молодой и красивой. А себя я время от времени ощущал почти ребенком, словно не было за моими плечами войны в Испании, долгих лет разведывательной работы за рубежом и кошмара бельгийских, французских, немецких и «родных» советских застенков. В то время мама была очень больна, но я всячески старался ее беречь, не огорчать. Не знаю, насколько хорошо это у меня получалось, но я очень и очень старался.

В Ленинграде мне несказанно повезло с работой. Мой бывший товарищ по заключению – Ефимов – работал главным инженером на заводе бумагоделательного машиностроения. В свое время он был осужден по так называемому «Попковскому» делу. Так получилось, что несколько лет назад в лагере в Воркуте я, по существу, спас ему жизнь. Дело для той обстановки в общем то обычное, но Ефимов помнил добро. Преодолев многие формальности, он сумел устроить меня в НИИ при этом предприятии, где меня приняли на должность инженера отдела технико-экономических исследований и научно-технической информации. В то же время я трудился по совместительству во Всесоюзном институте научной и технической информации. Поскольку я вполне прилично владел французским, английским, немецким и испанским языками, мне поручалось изучать многочисленные специализированные зарубежные издания, делая потом краткие обзоры их содержания для журнала «Машиностроение». Работа мне казалась очень интересной. Хотя машиностроительная тематика не была близка мне, разобрался я в ней довольно быстро. Читая иностранные книги и статьи, я словно окунался в свое прошлое и продолжал жить им. Мне не с кем было поделиться моими воспоминаниями и переживаниями. О моей работе разведчика никто из окружающих людей не знал. Поэтому единственными моими «друзьями», с которыми я мог «поделиться» воспоминаниями и не утихающей болью, были те зарубежные издания.

Сотрудники моего НИИ удивлялись моей квалификации. Но не мог же я рассказать им, что она не результат моей добросовестной учебы в каком-нибудь ин.язе, а следствие огромной практики, о специфике которой лучше было молчать.

Несмотря на мой общительный характер, я не мог позволить себе общаться с довоенными друзьями и знакомыми, потому что неминуемо у них появились бы вопросы, на которые я не имел права, да и желания тоже, давать ответы.

С женщинами я тоже близких отношений не поддерживал. В те годы в нашей стране и в Ленинграде тоже мужчин было гораздо меньше, чем женщин. Война и до той поры давала о себе знать: сказывались последствия гибели миллионов молодых мужчин. Поэтому женщины, конечно, обращали на меня внимание. Но я их сторонился. Это была не столько «профессиональная» привычка, сколько непонятный мне самому почти что страх от такого общения. Да и память о Маргарет продолжала жить в моем сердце. Мама и другие

родственники мягко и тактично советовали мне жениться, но я под разными предлогами уходил от разговоров с ними на эту тему. Порой даже казалось, что я никогда никого из женщин не полюблю. Но, как выяснилось потом, я ошибался.

В 1956 г., летом, я получил долгожданный отпуск. Зарплата у меня была хорошая, и я скопил денег для покупки путевки в Сочи. Очень хотелось отдохнуть в санатории, поправить здоровье, пошатнувшееся за время пребывания в тюрьмах и лагерях. С трудом достал билет на поезд «Ленинград–Сочи» и отправился в путь. Моими соседками оказались две симпатичные девушки, одна из которых мне явно симпатизировала. Но, видимо, так устроены мужчины: я сразу же проникся симпатией к ее подруге Лидочке. Лидочка была очень хороша собой, скромна и не очень-то общительна. Все же между нами наметилась какая-то невидимая духовная связь. Вскоре мы оба поняли, что наша встреча в жизни не случайна. Мы встречались несколько месяцев, а потом начали строить планы совместной семейной жизни.

Лидия Круглова в молодости

Встречались мы два года, после чего решили подать заявление в загс. Это случилось в августе 1958 г. Расписать нас должны были во второй половине сентября. Свою свадьбу мы решили отпраздновать поездкой в Сочи, то есть туда, где начиналась наша любовь. Там мы хотели провести свой медовый месяц.

Мы даже купили билеты на поезд, но 10 сентября 1958 г. ко мне на работу пришли сотрудники Комитета госбезопасности и без всяких объяснений взяли меня под арест. Я был доставлен в 13-е отделение милиции Ленинского района Ленинграда. По иронии судьбы, некоторые сотрудники того отделения помнили меня еще с довоенных времен. Мы сталкивались по работе, когда я был сотрудником штаба ПВО. Мне это немного помогло: знавший меня дежурный по отделению, ничего мне не говоря, разыскал мой адрес и, встретившись с моей мамой, рассказал ей об аресте. Больше того, он позвонил моей сестре и сказал, что на следующий день меня повезут в тюрьму «Кресты». Сестра сообщила об этом моей невесте Лидочке Кругловой. Следующим утром они стояли у входа в отделение милиции, чтобы не пропустить момент моей отправки в тюрьму. Мы успели увидеться,

заглянуть друг другу в глаза, но попрощаться конвой нам не позволил.

Несколько дней я провел в одиночной камере в «Крестах». Трудно передать все то, что творилось в моей душе. После стольких лет мучений наступившая в жизни счастливая пора вновь становилась лишь прошлым, о котором мне предстояло вспоминать уже в новых лагерях – в Мордовии.

Новый срок я отбывал с октября 1958-го по 20 июня 1960 г. Мне объяснили, что повторный арест был связан с тем, что Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко отменил мое прежнее освобождение. Мне объяснили также, что полученная мною амнистия не распространяется на лиц, участвовавших в нацистских карательных действиях. Правда, никто не мог объяснить мне, какое отношение к этим самым карательным действиям имел я – советский военный разведчик. Однако вскоре истинная причина моего повторного ареста стала ясна. Таким образом КГБ отреагировал на мои письма с требованием восстановить мое честное имя и полностью реабилитировать, которые 12 мая 1958 г. я отправил Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву, Председателю КГБ СССР И.А. Серову и Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко.

ГЛАВА XXXII. Репрессии продолжают. Неожиданно вместо ожидаемого ответа на просьбу о реабилитации, вновь арестованный, нахожусь в ИТЛ. Мое вторичное освобождение.

Анатолий Маркович в Мордовии, февраль 1959 г.

Итак, мы прибыли в один из исправительно-трудовых лагерей Мордовской АССР. По установленному для всех подобных лагерей порядку нас оформили, дали возможность разместиться по баракам и воспользоваться лагерной столовой.

Прошло немного времени, и за мной прибыл лагерный надзиратель, препроводивший в кабинет начальника лагеря майора Коломытцева. Кроме хозяина кабинета во время моего вызова находились еще замначальника по политическо-воспитательной работе подполковник

Толбузов и начальник отряда Корнели.

Вызвавшие меня, видимо, ознакомились с моим личным делом, сопровождавшим меня. Я не мог понять из начавшейся беседы, является ли это дело тем, которое меня сопровождало и по лагерям Воркуты, или вновь заведенным. Во всяком случае, им стало известно, что я осужден решением «Особого совещания» при МГБ СССР от 18 января 1947 г. по ст. 58-1а УК к 20 годам лишения свободы. Им было известно также, что уже отбывал наказание в ИТЛ в Воркуте, был освобожден в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., от 17.09.1955 г. со снятием судимости и поражения прав.

Я понял, что в деле имелось решение Генерального прокурора СССР Руденко о моем вторичном аресте якобы по причине неправильного применения Указа при моем освобождении из Воркутлага. Сообщая мне об этом, начальник лаготделения майор Коломытнев, однако, не привел никаких доводов к указанному решению Генерального прокурора.

После этой части нашей беседы разговор пошел о том, вернее, на каких работах я был использован в Воркуте. И в данном случае мне показалось, что в моем личном деле, лежащем на письменном столе, были приведены и эти данные.

Подполковник Толбузов поинтересовался, как я воспринял мой повторный арест, считаю ли я его справедливым и обоснованным.

Признаюсь, мне было очень нелегко ответить на эти вопросы. Я еще не смог найти у себя достаточно сил для того, чтобы перенести новый удар. Меня все еще мучил ряд вопросов, связанных именно с тем, на каком основании и с какой целью Руденко счел необходимым меня вновь изолировать от окружающих, поместив в отдаленный от Ленинграда ИТЛ.

Несколько помедлив, подумав над тем, какой правильный ответ должен от меня последовать, я все же принял твердое решение, как должен держаться перед сотрудниками НКВД СССР. Довольно решительно и громко сказал:

– Я буду со всей решительностью продолжать борьбу за свою полную реабилитацию. Для меня сейчас она имеет особое значение, ибо моя мать, а также и моя невеста, безусловно, тяжело переживают совершенно неожиданный вторичный арест. Моя честная работа в лагере, убежденность в том, что справедливость восторжествует, придают и сейчас при продолжении тяжелых переживаний мне силы для того, чтобы все выдержать.

Я считаю вправе заверить руководство лагеря в том, что приложу все мои силы и знания для того, чтобы добросовестно выполнить любую доверенную мне работу.

После этих слов произошло нечто совершенно для меня неожиданное. Начальник лагерного отделения майор Коломытцев сообщил мне, что уже принято решение, в соответствии с которым я буду вскоре назначен для выполнения сложной и ответственной работы – старшим нарядчиком большого деревообрабатывающего завода, на котором в основном работают заключенные нашего лагеря. Правда, им бы очень хотелось, чтобы предварительно я ознакомился и предоставил свои заключения о состоянии работы бухгалтерии и экономики.

Еще в большей степени меня поразила заключительная часть высказывания начальника лагеря. Он прямо заявил, что руководство верит в то, что я, продолжая так же честно работать, как это было в Воркуте, смогу помочь значительно лучше, при участии наших заключенных, в работе на заводе. Лагерное начальство, по его словам, не останется безучастным к моей судьбе и в меру своих сил и возможностей поможет мне добиться правды и вскоре вновь приобрести свободу, вернуться к моей старой и больной матери, начать счастливую семейную жизнь.

Коломытцев указал мне, что основным моим руководителем будет являться начальник части Корнели, а в части моего участия в проводимой в лагере политико-воспитательной работы я буду обязан руководствоваться указаниями подполковника Толбузова.

На этом наша первая встреча с руководством лагеря закончилась. Покидая кабинет, я продолжительное время старался оставаться один, не вступая в разговоры с другими заключенными.

Меня не могло не удивить высказанное Коломытцевым и явно поддержанное Толбузовым и Корнели заявление о том, что они намерены помочь мне в борьбе за мое скорейшее освобождение и возвращение в Ленинград. Естественно, в то время я не мог понять, в чем может выразиться эта помощь.

Проходили дни, недели, месяцы, а мысль над тем, что послужило основанием для моего повторного ареста, меня не покидала. Вновь всплывало в памяти все, что я слышал на Лубянке от моих сокамерников, в Воркуте, а затем и в лагере после моего повторного ареста от тех грех руководителей, к которым я обратился за оказанием мне помощи добиться моей реабилитации, так как осмеливался предполагать, что они встали на путь ликвидации «культы личности Сталина», а следовательно, будут стремиться к пересмотру всей преступной деятельности Берии, Абакумова и других, к пересмотру всего того, что произошло в период репрессий и в первую очередь вынесенных «приговоров» внесудебными органами – «Особым совещанием», «тройками».

Я не мог себе представить, чтобы Серов и Руденко приняли решение о моем повторном аресте, минуя того, к которому одновременно с ними я обращался, – Н.С. Хрущева. Я суммировал все, что о каждом из них я слышал, добавляя и то, что мне приходилось слышать и находясь в Ленинграде после моего первого освобождения из ИТЛ. Постараюсь кратко воспроизвести эти слухи.

Р. А. Руденко, Генеральный прокурор СССР. Несмотря на то, что учился в Киевском университете на юридическом факультете, долгое время не мог продвинуться по службе. Начиная с конца 1930 го или 1929 г. работал на Украине в провинциальных прокуратурах. Только в 1942 году с помощью первого секретаря ЦК ВКП(б) Украины, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.С. Хрущева Руденко продвинулся вперед и в 1942 г. стал заместителем прокурора УССР. Этому способствовало то, что многих работников прокуратуры уже не было в живых, а большая часть Украины вообще была оккупирована фашистскими агрессорами. Именно Хрущев помогал ему и дальше. Уже в 1944 г. он становится прокурором УССР и сохраняет эту должность до 1953 г.

Многие мне говорили, что именно Хрущев рекомендовал Сталину назначить Руденко главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. После окончания этих полномочий он вернулся и продолжал в Киеве занимать до 1953 г. должность прокурора УССР. После смерти Сталина и при восхождении по партийной лестнице Н.С. Хрущева Руденко стал Генеральным прокурором СССР. По всему было видно уже в те годы, что Генеральный прокурор является особо доверенным лицом Первого секретаря ЦК партии. Многие из моих собеседников по этому вопросу указывали еще до моего повторного ареста, что благосклонность Н.С. Хрущева за прислуживание ему в проводимой им политике помогла Руденко стать действительным государственным советником юстиции, а в 1956 г. – кандидатом в члены ЦК КПСС.

Вспоминая все это, я невольно задумывался над тем, что, явно принимая участие в моем вторичном аресте, Руденко или выполнял волю своего покровителя, или действовал, не боясь вызвать его недовольства.

Сейчас, после того как я получил возможность ознакомиться с решением о моей реабилитации, получил точный ответ на вопрос, какова роль в моем повторном аресте принадлежала Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко. Оказывается, именно он принял 5 августа 1958 г., то есть через два с половиной месяца после моего обращения, решение о моем повторном аресте как неправильно амнистированного по Указу от 17 сентября 1955 г. При этом основанием для принятия подобного решения послужило представление КГБ СССР.

Несколько слов хочу сказать и о Председателе КГБ при Совете Министров СССР И.А. Серове. Не могу ручаться, что все услышанное отвечает действительности, но, для того

чтобы этому поверить, основания все же есть.

Мне говорили, что И.А. Серов был в дружеских отношениях с Н.С. Хрущевым еще на Украине. После того как, пользуясь доверием Сталина, являясь первым секретарем Московского областного и секретарем Центрального комитета партии, Хрущеву удалось добиться назначения на ответственную должность в руководстве МГБ СССР М.А. Серова, он заручился и своим влиянием на эту организацию еще при Берии. Когда Берия, Абакумов и другие ответственные работники МГБ СССР были арестованы и предстали перед судом, Серов, якобы как многие утверждали, изъясил из архивов органов все документы, способные дискредитировать Хрущева, в том числе и доказать его прямое участие в репрессиях против партийных кадров. Больше того, он передал их все непосредственно Н.С. Хрущеву. Именно этим заслужил еще раз особое доверие у первого секретаря ЦК партии, вскоре ставшего и Председателем Совета Министров СССР. Даже только этим можно объяснить допущенную широту власти И.А. Серова.

Думаю, что подробно личности Н.С. Хрущева не следует уделять особого внимания. Многое уже известно, а многое еще, безусловно, станет предметом гласности, и наш народ узнает правду и об этом руководителе КПСС. Должен, однако, признаться, что вскоре после смерти Сталина и восхождения Н.С. Хрущеве на пьедестал после выступления на съездах партии и различных публикаций я в некотором отношении стал менять свое мнение, многое стал относить к явной клевете на него. Мне казалось, что он встал на правильный путь, ведущий в нужном направлении нашу страну.

Позднее я сделал для себя вывод, что ни о ком и ни о чем нельзя правильно или ошибочно судить, не имея возможности тщательно все проверить.

Могли я спокойно забыть, что слышал еще в Воркуте от ветеранов партии, ставших жертвами репрессий, в том числе членов партии с Украины, и в частности бывшего члена ЦК партии Украины, ставшего жертвой именно репрессий, осуществляемых в этой республике.

Я отлично понимал, что не обладаю достаточными сведениями обо всем происходившем в Советском Союзе. Ветераны партии из Москвы заверяли меня, что без санкции лично Хрущева многие из них не могли быть арестованы.

Многое отрицательное о Хрущеве я не мог воспринять как истину. Я помнил С.М. Кирова, помнил партийных и советских руководителей Ленинграда и его районов, а поэтому не мог себе представить, что рассказываемое о Хрущеве отвечает правде. Ведь уже тогда до меня в тюрьме, в лагерях и находясь короткое время на свободе, доходили слухи о нарушениях этики, о стремлении создания для себя и своей семьи особых жизненных привилегий, вплоть до строительства чуть ли не дворцов. Поговаривали и о его стремлении окружить себя красивыми женщинами и создавать и для них исключительные условия жизни. Трудно было всему этому верить, а тем более слухам о том, что он, критикуя культ личности Сталина, создает культ вокруг себя, не останавливаясь и перед продолжением массовых репрессий, убирая с дороги тех, кто осмеливался его критиковать.

Невольно вспомнился еще услышанный мною рассказ одного арестованного, бывшего партизана, получившего почетное звание Героя Советского Союза.

Он утверждал, что после окончания войны работал прорабом, инженером строительства, и ему «даже доверяли» реставрацию и благоустройство усадеб, принадлежавших крупным руководящим деятелям. Именно один происшедший во время этой работы инцидент и послужил причиной его ареста и водворения в лагерь для отбывания наказания.

Итак, перед своим арестом рассказчик якобы работал на дачном участке, предоставленном Екатерине Алексеевне Фурцевой. Ему было поручено около дачи оборудовать бассейн, что он с удовольствием сделал. Бассейн был облицован светло-серым мрамором. И вот Фурцева прибыла для принятия работ. Подойдя к бассейну, она возмутилась тем, что производитель работ подобрал для его облицовки мрамор серого цвета, и... приказала немедленно заменить этот мрамор на розовый.

Этот «приказ», в свою очередь, вызвал протест у инженера, и он, не постеснявшись,

возразил Фурцевой, заявив, что, как коммунист, не собирается выполнять ее требования. Он считает, что уже до этого допустил оплошность, расходуя большие народные деньги на ее дачу, а в данном случае это было бы просто преступлением с его стороны. Выслушав сказанное, не говоря ни слова, «хозяйка» удалилась... а вскоре последовал его арест и осуждение по вымышленному обвинению.

Вскоре я приступил к исполнению обязанностей старшего нарядчика. Мне были созданы все необходимые условия для того, чтобы мог добросовестно работать. Я не только следил за работой наших заключенных на заводе, но и контролировал и помогал в работе тем заключенным, которые своевременно занимались сельским хозяйством. Это было весьма важно, в первую очередь для улучшения питания находящихся в лагере.

На заводе меня очень заинтересовал цех, занимающийся изготовлением корпусов для телевизоров. В то же время я уделял внимание и другим цехам. Непосредственно с работой деревообрабатывающего завода до этого я был почти незнаком. Однако полученная мною еще в Бельгии подготовка в институте, готовящем руководителей предприятий, позволила мне внести ряд предложений, направленных на организацию работ, на повышение производительности труда. Дирекция завода высказывала часто положительные отзывы о моей работе.

Старшему нарядчику приходилось много работать не только на заводе, но и в самом лагере. В данном случае я использовал опыт, полученный еще в лагерях в Воркуте. Это касалось в первую очередь улучшения условий проживания заключенных в бараках. Нельзя было исключать и необходимости организации полезного для проживающих в лагере препровождения выходных дней и свободного от работы времени.

Должен признаться, что во всей моей работе меня воодушевляло очень доброжелательное отношение ко мне со стороны руководства лагеря. Я хочу привести несколько примеров.

Видимо, в результате переживаний, связанных с моим повторным арестом, я стал плохо себя чувствовать. Мне пришлось несколько раз обращаться в санчасть лагеря. Первый раз я почувствовал, что под мышкой правой руки образовалась небольшая опухоль. Ее успешно ликвидировал медфельдшер. Второй раз я почувствовал боль в руках, в особенности ниже локтей. В данном случае я был принят начальником санчасти майором, фамилию которого уже не помню. Во время приема присутствовала женщина, капитан медсанслужбы. Майор сделал заключение, что у меня образовался тромбофлебит в острой форме, что требует хирургического лечения. Он подчеркнул, что медлить с операцией не следует. Тут же было произведено тугое бинтование. Я понимал, что в случае хирургического вмешательства я не смогу некоторое время выполнять функции старшего нарядчика. Надо было подумать, что делать. При выходе из кабинета майора, начальника медсанчасти, ко мне подошла женщина, капитан, присутствовавшая при осмотре. Я ее много раз уже видел, знал, что она врач, но мне не приходилось даже слышать ее фамилию.

Очень милая женщина с большим, как мне показалось, сочувствием ко мне, медленно шагая рядом со мной, вдруг сказала: «Я прошу вас не принимать никакого решения в части операции до изучения мною вопроса о ее целесообразности». Сказав это, расставаясь со мной, женщина-врач попросила меня на следующий день в назначенный час посетить начальника лагеря.

Я уже принял решение оперировать мои вены на руках. Слишком было больно. Закончив свою утреннюю работу, еще не заходя в медсанчасть, я направился в кабинет начальника лагеря, не понимая, по какой причине мне было предложено посетить его.

Меня удивило то, что начальник лагеря был уже предупрежден о моей явке к нему. Мое удивление усилилось еще и тем, что в кабинете кроме Коломытцева находилась и женщина-врач, с которой накануне я беседовал. Очень мило поздоровавшись со мной, она сообщила, что после определения майором необходимости операционного вмешательства в целях излечения моих вен на руках от тромба она на протяжении нескольких часов тщательно изучала имеющуюся у нее соответствующую литературу и пришла к заключению,

что соглашаться на операцию я не должен. Она подчеркнула, что берется сама за лечебный процесс, который, безусловно, приведет в ближайшее время к полному излечению моих вен.

Вот только после этого разговора я узнал, что так внимательно отнесшаяся ко мне женщина-врач является женой Коломытцева. В назначенные ею часы я посещал ее кабинет. Она применяла лечение, состоявшее в обогревании моих рук в тех местах, где образовались тромбы, синей лампочкой, а самое главное, мне накладывали спиртовые компрессы. В начале применяемой процедуры спирт значительно разбавлялся водой, но постепенно его крепость увеличивалась. Должен признаться в том, что некоторое время мне было тяжело переносить эту процедуру, ощущались сильные боли. Вскоре, однако, я почувствовал резкое облегчение, и мне даже начали снимать повязки. Прошло много лет, но я никогда не забуду не только оказанной мне помощи женой начальника лагеря, но и ее отношения ко мне.

Процедуры, которые она проводила со мной, по времени были довольно продолжительными, а мы оставались в кабинете чаще всего вдвоем. В этих случаях лечащий врач часто затрагивала ряд вопросов, связанных с моими переживаниями. Заканчивая с компрессами на моих руках, она прямо поставила передо мной вопрос: «Уверены ли вы, что ваша невеста дождетя вашего возвращения?» Выслушав мой положительный ответ, врач ответила мне: «Искренне желаем вам этого!»

Прошло несколько дней после этого разговора, как в один из вечеров, проводимых с выступлением самодеятельных артистов из числа заключенных, мы «случайно» оказались рядом с Коломытцевым и немного прошли с ним по территории лагеря, беседуя на разные темы моей работы, он даже выразил удивление, заключающееся в том, что на заводе принят ряд моих предложений. Перед тем как расстаться, начальник лагеря поинтересовался, почему я не вызову на свидание в лагерь мою жену? Я был вынужден повторить еще раз то, что в связи с внезапностью моего ареста мое бракосочетание не состоялось. «Мы здесь этого не знаем, – вдруг сказал Коломытцев, – вы вправе оформить официальное приглашение вашей жене!»

Я думаю, что нет надобности пояснять мое моральное состояние. Мне могут разрешить свидание с моей невестой, любимой Лидочкой, признавая ее моей женой. Кто призвал меня к оформлению приглашения на встречу с Лидочкой, начальник лагеря, ответственный работник НКВД СССР. Конечно, я незамедлительно сделал все необходимое для оформления приглашения моей «жены» на свидание ко мне в лагерь. Я не сомневался в том, что Лидочка предпримет меры на работе, чтобы получить возможность приехать на несколько дней в Мордовию. Вскоре я получил письмо, извещающее меня о времени прибытия Лидочки в лагерь. С этим письмом я сразу же направился к Коломытцеву, чтобы поставить его в известность о времени прибытия моей «жены». Мне показалось, что начальника уже уведомили об этом. Я мог только предположить, что и это письмо прошло лагерную проверку.

С большим нетерпением я стал ждать приезда Лидочки.

Наконец настал долгожданный день. Она добралась до проходной лагеря, где уже были необходимые документы для ее расположения в одной из комнат находящегося вблизи дома свиданий. Меня сразу же предупредили о ее прибытии, и я буквально помчался на встречу с ней. В доме свиданий нам была отведена, как утверждали, лучшая комната. Наша встреча была волнующей, но в то же время очень радостной.

Я старался как можно быстрее выполнить возложенные на меня обязанности старшего нарядчика, чтобы продлить часы, минуты нашего совместного пребывания с Лидочкой. В часы моей работы Лидочка выходила, прогуливалась и знакомилась с окружающей наш лагерь природой, дышала свежим воздухом. Время, проведенное вместе с Лидочкой, укрепило во мне уверенность, что, казалось бы, случайная встреча в вагоне по пути в Сочи в действительности внесла весьма положительный вклад в мою жизнь. Эта уверенность нашла себе подтверждение в течение многих дальнейших лет нашей совместной жизни.

Свидание с Лидочкой облегчило и мою жизнь в лагере. Конечно, тогда я не мог даже предположить, что заверения Коломытцева, Толбузова и Корнели о том, что они помогут

мне в кратчайший срок вновь приобрести свободу, действительно сбудутся. Ведь я понимал, что это зависит далеко не только от них. Да, я не мог, в свою очередь, заверить Лидочку, что скоро вернусь в Ленинград и наше бракосочетание состоится. Тем не менее, я мог понять, что она твердо решила дождаться моего возвращения.

Пребывание Лидочки на свидании со мной в лагере вызвало у меня чувства, на которые я не мог рассчитывать, которые я не мог даже предположить. Нас с Лидочкой очень тронуло внимание, проявленное к нам со стороны руководства лагеря, в первую очередь его начальником Коломытцевым. В первый же день нашей встречи с Лидочкой Коломытцев посетил нашу комнату, вручил ей большой арбуз и поинтересовался, не нуждается ли она в какой-либо помощи. Он заверял, что сделает все возможное, чтобы наш брак был оформлен по возможности быстрее и чтобы мы были вместе, чтобы у нас была счастливая семья.

Нет, Коломытцев не являлся исключением. К нашей встрече все относились с большим вниманием и старались во всем помочь. Начальник части Корнели буквально «прогонял» к Лидочке, даже часто подменял меня при выполнении тех обязанностей, которые были на меня возложены. Если память не изменяет, то именно он вместе с Коломытцевым обеспечили нашу комнату электроплиткой и электрочайником. Безусловно, благодаря их вниманию было обеспечено и наше питание.

Однажды мы были совершенно ошеломлены. В нашу комнату прошел молодой симпатичный парень. Он находился в лагере, осужденный за якобы существовавшую его связь с «бандеровцами», его участие в активной борьбе против Советского Союза.

Он в дрожащих руках держал магнитофон и со слезами на глазах обратился ко мне с просьбой: «Разрешите мне с вашей женой потанцевать два три танца!» Получив наше согласие, он потанцевал с Лидочкой и, буквально плача, поспешил поблагодарить нас и покинул комнату. Легко было понять его состояние, состояние молодого парня, мечтавшего хотя бы на несколько минут забыть, что он находится в заключении и имеет возможность даже потанцевать под музыку.

Уже после отъезда Лидочки я однажды смог побеседовать с этим «бандеровцем». Он понимал, что я тоже заключенный, а поэтому счел возможным откровенно коснуться своего ареста. Он утверждал, что был честным комсомольцем, никогда не принадлежал к какой-либо фашистской группировке. Действительно, в числе его друзей могли быть и враждебно настроенные юноши. Однако он и это ставил под сомнение. Однако он продолжал доказывать, что это обвинение абсолютно необоснованное. Он особенно переживал за своих родителей и за свою сестру, высказывая тревогу, не повлиял ли его арест на их жизнь. Это тем более, что его сестра уже успела до его ареста поступить в институт.

Да, многое мог бы я рассказать о тех днях, которые провел вместе с Лидочкой. Они были счастливыми и в то же время очень тяжелыми. Тяжелыми не только потому, что мы должны были вскоре расстаться, не зная, когда увидимся вновь, но еще и потому, что я не имел права рассказать моей любимой, кем я являюсь на самом деле и чем было вызвано мое заключение, повторный арест.

День нашей разлуки приближался. Мы оба переживали это тяжело. Настали крепкие объятия и поцелуи, высказывание убежденности, что вскоре увидимся и больше никогда никто нас не разлучит, а Лидочка сможет узнать всю правду обо мне.

Мы прощались. Мне было очень тяжело, тяжело было и Лидочке. Неожиданно я заметил вблизи от вахты, как бы в стороне, «случайно оказавшуюся» жену Коломытцева. Она, видимо, не хотела, чтобы я ее заметил. Хотя и заметил ее, мысли мои были вдалеке. Мысленно я был с Лидочкой. Когда я остался один, ко мне подошли те, кто в это время нес дежурство на вахте. Улыбаясь, они сказали, что мне повезло, у меня очень хорошая во всех отношениях жена.

Конечно, свидание с Лидочкой повлияло на мое состояние и настроение в положительном отношении. Я стал работать еще с большей отдачей, не только как нарядчик, но и как активный участник в организации общественной работы под руководством подполковника Толбузова.

Лидочка произвела очень хорошее впечатление и на Коломытцева, и на его жену, и на Корнели (он нас навещал в связи с моей работой несколько раз). В этом я мог убедиться в оставшееся время моего пребывания в лагере.

Уже начался 1960 год. Для меня совершенно неожиданным оказался Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1960 г. о снижении срока наказания до 15 лет всем ранее осужденным. Регулярно переписываясь с моей матерью и невестой, я, конечно, ничего успокаивающего сообщить им не мог. Я знал, что невеста продолжает меня ждать, знал и то, что она бывает у моей матери и поддерживает ее во всех отношениях.

Из одного из писем, полученных от Лидочки, я узнал, что мои московские друзья порекомендовали московского адвоката, который занялся моим делом, но пока его поиски не дали никаких результатов.

Однажды я узнал, что к нам в лагерь должна прибыть выездная сессия Верховного суда МАССР. Конечно, мне не было известно, с какой целью эта сессия намечает свое прибытие. Естественно, об этом мне никто ничего не сообщал. Я не мог предположить, что ее приезд может иметь какое-либо отношение и ко мне лично.

Лагерная жизнь продолжалась. Я был очень доволен тем, что мне вновь объявили благодарность. Должен отметить, что благодарности объявлялись отдельным заключенным, но это было все же довольно редким явлением.

Однажды мне понадобилось зайти к Коломытцеву. В кабинете у него сидел заведующий вещевым столом лагеря. Увидев меня, посмотрев в сторону начальника лагеря, он обратился ко мне: «Все вами довольны, а я недоволен! Почему вы поспешили прервать свою работу у нас в бухгалтерии? Вы проработали всего около двух месяцев, а, по мнению моих сотрудниц, внесли значимый вклад в налаживание грамотного ведения бухгалтерии. Спасибо вам. Конечно, говоря, что я недоволен вами, вы понимаете, я смеюсь, так как работа старшего нарядчика более важна для завода и лагеря».

Выслушав сказанное в мой адрес и решив те вопросы, которые побудили необходимость моего прихода к начальнику лагеря, я вернулся к себе и продолжил свою работу. Конечно, то, что произошло в кабинете, было для меня очень приятным.

Наступило лето. Я задумывался над тем, правильно ли поступлю, попросив у руководства лагеря разрешения на повторное свидание с моей невестой? Я должен был задумываться и над тем, следует ли укорачивать время отдыха Лидочки во время очередного отпуска и лишать ее возможности со своей подругой отправиться на юг. Принять решение мне было довольно сложно. Я не мог решиться, как мне следует поступить.

Утром, после очередного выхода работавших на завод, я узнал, что в лагерь прибыла выездная сессия Верховного суда МАССР. Большого внимания я этому вопросу не уделил. Волнение наступило только на следующий день. Меня совершенно неожиданно посетил Коломытцев и предложил следовать за ним. Мы прошли в небольшой зал, за столом которого я увидел членов выездной сессии.

Меня усадили на стоящем в стороне стуле. В зале находились Коломытцев и его жена, Корнели, Толбузов и еще несколько представителей руководства лагеря. Председательствующий на заседании сессии предложил мне встать и внимательно выслушать причину моего вызова. Мне было сказано, что сессия будет рассматривать по ходатайству руководства лагеря закономерность применения ко мне Указа Президиума Верховного Совета СССР. Указ, определяющий снижение предельного срока заключения для осужденных за различные преступные действия до 15 лет, предусматривает возможность по представленной руководством лагеря характеристике помимо сокращения установленного приговором срока пребывания в заключении применить возможность условно-досрочного освобождения.

После выступления председательствующего слово было предоставлено Коломытцеву, зачитавшему характеристику, представленную в Верховный суд. Затем слово было предоставлено мне, с тем, чтобы я смог заверить сессию, что, получив досрочное освобождение, я все сделаю от меня зависящее, чтобы оправдать доверие, оказанное мне

Верховным судом МАССР.

Заседавшие в составе выездной сессии удалились на совещание, после чего был оглашен приговор, вернее, решение суда, в соответствии с которым я должен был быть освобожден условно-досрочно на 2 года 11 месяцев и 2 дня. Признаюсь, выслушав это решение, я не мог оставаться спокойным. Видимо, в нарушение существующего порядка я попросил предоставить мне слово. Я высказал то, что мне легло на сердце:

– Позвольте поблагодарить Верховный суд МАССР за то, что мне вновь предоставлена свобода и я смогу вернуться к моей престарелой матери. После всего мною пережитого я смогу вступить в законный брак с моей любимой невестой. Хочу поблагодарить руководство лагеря за его ходатайство перед судом о моем досрочном освобождении и за данную им характеристику за время моего пребывания в лагере после моего повторного ареста. Я хочу заверить суд, что благодаря его решению я смогу, находясь на свободе, добиваться моей полной реабилитации, так как убежден в том, что смогу доказать, что «Особое совещание» МГБ СССР вынесло необоснованное решение о моем осуждении за «измену Родины».

После этого заседание выездной сессии было закрыто. Коломытцев задержался с членами выездной сессии, а его жена, Корнели и Толбузов попросили меня пройти вместе с ними в кабинет начальника лагеря. Вскоре нас догнал сам Коломытцев. Явно волнуясь, он подошел ко мне, пожал мне руку и сказал:

– Мы сердечно поздравляем вас с обретенной вновь свободой. Мы все желаем вам счастья и успехов во всем. Как только мы получим решение Верховного суда, оформленного в надлежащем порядке, вы будете на свободе. Разрешите нам пожелать вам, чтобы вы добились той полной реабилитации, к которой стремитесь.

Руководство лагеря поручило мне передать дела старшего нарядчика другому заключенному. К выполнению этого задания я приступил немедленно. Я усиленно работал, и ночью я не мог заснуть. Передо мной были многие вопросы, ответы на которые я не мог себе представить. Нет, надо было набраться терпения и ждать, ждать окончательного решения, получения необходимых документов, позволяющих мне вернуться к себе в Ленинград.

Наконец ожидаемый мной день настал. Он был очень радостным, но один факт меня крайне удивил и огорчил.

20 июня 1960 г. мне была вручена справка № 062941 на бланке, угловая печать которого означала: «Министерство внутренних дел РСФСР. Управление ИТЛ "ЖХ" лаготделения № 7». В самой справке указывалось, что я был осужден «Особым совещанием» при МГБ СССР 18 января 1947 г. по ст. 58-1а УК к 20 годам лишения свободы. Далее указывалось, что я отбывал наказание в местах заключения с 21 июня 1945 г. по 20 июня 1960 г. Освобожден по определению Верховного суда МАССР от 15.06.60 г. В соответствии с Указом от 25 апреля 1960 г. срок снижен до 15 лет и на основании ст. 44 «Основ» – условно-досрочно на 2 года 11 месяцев и 2 дня.

Хочу еще раз подчеркнуть, что и в этой справке указано, что осужден по ст. 58-1а, то есть следствие и «Особое совещание» скрывали гот факт, что я являлся офицером, «капитаном», Советской армии к моменту моего ареста, произведенного 7 июня 1945 г.

Вручая мне эту справку, Коломытцев проявил некоторую нервозность. Чем она могла быть вызвана, я, естественно, понять не мог. Прочитав ее, я еще раз поблагодарил начальника лагеря за оказанную мне помощь. И вот только после этого он предложил мне прочесть то, что было написано на оборотной стороне справки. И тут нервозность Коломытцева невольно передалась и мне. В справке указывалось, что я «следую к месту жительства в г. Лугу Ленинградской области».

Тут же начальник лагеря пояснил мне, что, поскольку с меня судимость как таковая не снята, я имею право жительства на расстоянии 100 километров от Ленинграда. Сказав это, Коломытцев тут же вручил мне отпечатанное ходатайство. Я полагаю, что в интересах читателей будет интересно ознакомиться с полным текстом этого документа. Привожу его дословно:

«Начальнику 3 отделения милиции
Ленинского района Города Ленинграда
ХОДАТАЙСТВО

Лагерная администрация возбуждает перед Вами ходатайство о прописке в городе Ленинграде условно досрочно освобожденного Гуревича Анатолия Марковича, 1913 года рождения.

Гуревич А.М., отбывая наказание, зарекомендовал себя только с положительной стороны, был председателем совета коллектива лаготделения. Выполнял работу старшего нарядчика. За активное участие в общественно-массовых мероприятиях и за выполняемую работу имеет ряд благодарностей и денежных премий. Кроме того, Гуревич имеет в Ленинграде родственников (мать и сестру), где ему предоставляется жилая площадь.

Учитывая вышеизложенное, просим поддержать наше ходатайство, п/п Начальник 7 лаготделения Дубравного ИТЛ

майор
Зам. начальника лаготделения
по политико-воспитательной работе
подполковник
Начальник отряда
20 июня 1960 года.
Гербовая печать».

Коломытцев

Толбузов
Корнели

Нет, видимо, все пережитое уже за многие годы непоправимо отразилось на моей нервной системе. Прочитав это ходатайство, я не мог спокойно поблагодарить начальника за проявленное и в этом случае внимание ко мне. Ведь трудно было себе представить, что в созданной Берией и его сатрапами системе исправительно-трудовых лагерей могут оказаться среди офицеров НКВД такие внимательные, честные, отзывчивые люди, как те, с которыми жизнь меня свела в Воркуте и в этом лагере.

Коломытцев, услышав мой необычный для него голос, заметив на моих глазах слезы, перевернул еще одну бумажку, лежащую на столе, и передал молча мне. Это была подготовленная для меня характеристика. Вот ее содержание.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А.

На ГУРЕВИЧ АНАТОЛИЯ МАРКОВИЧА, 1913 года рождения.

Находясь в п/я ЖХ 385/7 с 26 сентября 1958 года по 20 июня 1960 года ГУРЕВИЧ А.М. зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Работал старшим нарядчиком при деревообрабатывающем заводе, к труду относился добросовестно, установленный порядок соблюдал. Все указания администрации своевременно и аккуратно. Являясь председателем совета коллектива подразделения принимал активное участие в проводимых общественно-массовых и культурных мероприятиях и в выпуске стенной газеты. Давал ценные рационализаторские предложения направленные на повышение производительности труда на производстве. Оказывал большую помощь администрации в воспитательной работе среди производственников, в среде которых пользовался большим авторитетом. Активно участвовал в благоустройстве общежития производственников. За честное отношение к труду, примерное поведение и активное участие в общественной жизни имеет восемь благодарностей от администрации, награжден премией в сумме 150 рублей и занесен на фото-выставку передовиков социалистического соревнования. К социалистической собственности относится бережно. Своим примерным поведением оказывал положительное влияние на окружающих его производственников.

Чемсканиям не подвергался.

НАЧАЛЬНИК п/я ЖХ 385/7

КОЛОМЫТЦЕВ /

НАЧАЛЬНИК ЧАСТИ

КОРНЕЛИ /

20 июня 1960 года.

Увидев, что я окончил чтение характеристики, Коломытцев, тоже волнуясь, произнес несколько слов: «Хочется верить, что эта характеристика тоже поможет вам не только в нормализации вашей жизни, но и в вашем стремлении добиться полной реабилитации. По вашему поведению в нашем лагере мы верим вам и в то, что вы действительно незаслуженно оказались в числе репрессированных».

Я встал и подошел к Коломытцеву, с тем, чтобы пожать руку. И вдруг он меня схватил за плечи и прижал к себе.

Приблизились часы моего выхода из лагеря. Корнели меня предупредил, что будет автомашина, которая по пути сможет доставить до железнодорожной станции. Я спешно направился на завод, попрощался со всеми служащими, с которыми мне приходилось сотрудничать. Затем обошел многих работников руководства лагеря. Естественно, с

чувством глубокой благодарности я попрощался с Коломытцевым, его женой, Корнели, Толбузовым и другими, включая надзирателей.

«Бандеровец», который побывал во время моего свидания с Лидочкой в отведенной нам комнате, проводил меня до вахты и, расплакавшись, крепко обнял и поцеловал. Кстати, до вахты меня провожали многие заключенные и очень тепло прощались, желая полного благополучия. Эти про воды мне напомнили то, что я пережил во время моего отъезда после освобождения из Воркутлага. Смею заверить, что это было нелегко.

Буквально за пару минут до выхода через вахту успели подойти Коломытцев и Корнели. Мы еще раз попрощались, а Корнели проводил до стоящей машины и попросил шофера довезти меня по возможности поближе к станции. Шофер уже об этом знал и, улыбаясь, предложил мне сесть рядом с ним.

Итак, я вновь в поезде и скоро должен буду прибыть в Ленинград к моей матери и невесте. Мне надо было остановиться в Ленинграде, прежде чем проследовать до Луги, с тем, чтобы начать хлопоты с целью получения разрешения на прописку в самом Ленинграде.

ГЛАВА XXXIII. Продолжение моей трудовой и общественной деятельности в Ленинграде. Наконец я обзавелся семьей. Решительная борьба за мою реабилитацию.

Приближается конец июня 1960 г. Поезд, замедляя ход, останавливается у перрона. Все пассажиры медленно покидают вагон... Я задерживаюсь у окна... Внимательно слежу за встречающимися... И вдруг я увидел встревоженную Лидочку... Значит, они получили мою телеграмму... Бегу к ней навстречу... Объятия, поцелуи и... слезы.

Медленно направляемся к нашему родному Ленинградскому вокзалу, вокзалу, известному многим приезжим как Московский. Ускоряя шаг, направляемся к станции метрополитена... Приближается долгожданная встреча с мамой, угнетает мысль, как она себя чувствует, как и на этот раз все перенесла.

Наконец мы у дома № 45 по Московскому проспекту, поднимаемся по лестнице и входим в квартиру № 5. Нас встречает мама и почти все живущие в квартире, свободные от работы и учебы.

Опять тяжелая встреча, но... еще не все известно. Я понимаю, что, после того как узнают, что я не имею права на ленинградскую прописку, что за нее надо еще бороться, возникнет повод для новых переживаний. Именно это побудило меня в первый вечер этого вопроса не касаться.

Телефона у нас в квартире не было, поэтому кое-кто из моих родственников нас навестил. Довольно поздно вечером я проводил Лидочку домой, договорившись с ней, что на следующий день обсудим все волнующие нас вопросы, в том числе и примерный срок официальной регистрации нашего брака. Я пообещал навестить ее родителей, а для этого встретиться с ней после окончания ее рабочего дня. Моя невеста продолжала работать на старом месте конструктором высокой квалификации.

После моего возвращения к маме мы еще долгое время беседовали даже после того, как улеглись в обычном порядке с использованием для меня раскладушки.

Утром, после завтрака, я направился в 3-е отделение милиции Ленинского района, на территории которого я был прописан после освобождения из ИТЛ Воркуты с ноября 1955 г. по день моего вторичного ареста, 9 сентября 1958 г.

В это отделение я подал заявление с просьбой возобновить мою прописку и приобщил к нему ходатайство 7-го лаготделения Дубравского ИТЛ МАССР.

22 июля 1960 г. начальник райотдела милиции Ленинского района Ленинграда в прописке отказал, мотивируя существующим положением о паспортах и паспортном режиме. Начались новые тяжелые переживания у Лидочки и моей матери, которая в ее возрасте и состоянии здоровья боялась оставаться одинокой.

Действительно, райотдел милиции отказал удовлетворить ходатайство руководства лагеря, в котором я провел около двух лет после моего абсолютно, как я уже указывал, необоснованного повторного ареста, предоставив право на прописку у матери, то есть на квартире, где до 9 сентября был прописан после моего освобождения по Указу об амнистии 5 октября 1955 г. При этом из предъявленной характеристики руководства НИИБуммаша было видно, что за время моего пребывания и работы в институте я проявил себя как добросовестный, знающий работник.

Больше того, при посещении указанного райотдела милиции я указывал на свою автобиографию и документы, случайно сохранившиеся в архивах. Из автобиографии было видно, что я в возрасте неполных одиннадцати лет с 1924 г. с родителями прибыл на постоянное жительство в Ленинград. Здесь учился в школе, а затем работал на заводе учеником разметчика по металлу, разметчиком, а затем был переведен для работы в Нарвский райсовет РК и КД с зачислением на должность участкового инспектора 14-го отделения милиции. Продолжительное время работал инспектором райсовета и в штабе ПВО района, в спецчасти, затем учился в институте, откуда был отозван для службы в НКО СССР. Да, милиция знала, что 7 июня 1945 г. я был арестован и 18 января 1947 г. осужден «Особым совещанием» МГБ СССР, то есть в период проводимых Берией репрессий. Милиция не сочла возможным принять во внимание ни один из этих фактов.

После того я был вынужден выехать на «постоянное» жительство в г. Лугу, где уже побывал, снял для себя жилье и получил паспорт с пропиской. Несколько позднее Лужским объединенным городским военным комиссариатом был выдан мне и военный билет. В соответствии с этим билетом я был отнесен к запасу первой очереди. По билету я числился рядовым писарем в/ч 38729 с июня 1939 г. по июнь 1945 г. В военном билете не сочли возможным уточнить, на какой конкретно работе я находился и в каком воинском звании был уволен из армии. На ст. 23 военного билета было указано, что я осужден «Особым совещанием» при МГБ СССР 18 января 1948 г. по ст. 58-1а УК сроком на 20 лет.

Состояние здоровья матери и желание видиться с невестой заставляли меня часто выезжать в Ленинград. Все мои силы были направлены на разрешение двух основных вопросов: во-первых, добиться права на постоянную прописку в Ленинграде и, во-вторых, добиться личного приема в соответствующей инстанции в Москве в целях обеспечения объективного пересмотра моего дела с тем, чтобы был решен вопрос о моей полной невинности и полной реабилитации.

Получив от начальника райотдела Ленинского района Ленинграда отказ в моей прописке в Ленинграде 22 июля 1960 г., я на следующий день обратился с письменным заявлением на имя начальника Управления внутренних дел Леноблгорисполкома комиссару милиции II ранга Абрамову. Свое заявление я заканчивал убедительной просьбой моего личного приема в самые ближайшие дни. Эту просьбу я мотивировал тем, что необходимо учитывать специфический характер ареста и осуждения, а также моего настоящего положения, о которых я могу доложить только лично. Я подчеркивал также, что по определению, вынесенному первым заместителем Генерального прокурора СССР тов. Мишутиним, мое дело находится на «тщательном исследовании».

Моя просьба о личном приеме не была удовлетворена, а 11 августа 1960 г. за № 7330/3 из секретариата УВД Леноблгорисполкома был получен отказ в прописке в Ленинграде «на основании Положения о паспортах». Ответ имел подпись начальника секретариата УВД Леноблгорисполкома Васильева, но вместо него расписался кто-то другой.

В ответ на полученное сообщение секретариата 17 августа я обратился еще раз к начальнику Управления внутренних дел Леноблгорисполкома комиссару милиции II ранга Абрамову и вторично (после первого обращения 23 июля) просил о моем личном приеме. Я подчеркивал, что дважды назначался на прием, но в связи с отсутствием в Ленинграде Абрамова не мог быть им принят.

В моем обращении к тов. Абрамову я счел необходимым еще дополнительно сообщить о том, что я был принят в Главной военной прокуратуре прокурором подполковником

юстиции тов. Беспаловым, которому поручено производство доследования по моему делу, а вопрос о моей реабилитации рассматривается, по словам тов. Беспалова, в настоящее время одновременно в ГВП и в КГБ при Совете Министров СССР. В ходе проверки ряд обвинений, выдвинутых против меня, уже отпал.

Я подчеркнул, что подполковник юстиции Беспалов предупредил меня о том, что я буду в ближайшее время вызван вновь в ГВП и КГБ СССР для дополнительных показаний. Контроль за ходом проверки моего дела осуществляет непосредственно Генеральная прокуратура СССР.

В ГВП я при моем посещении оставил свой адрес в Ленинграде, адрес моей матери, для моего вызова.

В этом обращении к тов. Абрамову я указал и на то, что в Москве мне сообщили, что в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 03.12.59 г. за № 1347 предусмотрена возможность, в виде исключения, выдачи разрешения на прописку в городах для лиц освобожденных из ИТЛ.

22 августа 1960 г. я был принят лично тов. Абрамовым, который обещал мне принять решение через 2–3 дня. Напоминая ему об этом через три недели, я просил ускорить решение о моей прописке в Ленинграде. При этом я просил разрешить мне хотя бы временную прописку на срок до шести месяцев, то есть до окончательного решения по моему делу в ГВП.

Я был вынужден в этом заявлении от 9 сентября 1960 г. указать еще на некоторые возникшие за это время вопросы. Прежде всего, видимо в результате многолетних переживаний, усилившихся в последние годы, у меня ухудшилось состояние здоровья. Я вынужден был находиться на лечении в поликлинике № 24. То же самое я указывал и в отношении моей матери, которая большую часть времени проводит в постели, требует ухода и находится под наблюдением врача той же поликлиники № 24. В результате отсутствия у меня ленинградской прописки я не мог устроиться на работу в институт, который тоже ходатайствовал о моей прописке, что ставит меня в исключительно тяжелое материальное положение.

Я подчеркивал в заявлении, что почти два с половиной месяца после моего освобождения я не могу наладить нормальную жизнь в Ленинграде.

У меня сохранилось адресованное моей матери извещение, полученное на ее адрес: Ленинград - Л-52, Московский пр., д. 45, кв. 5. Гуревич Юлии Львовне. Извещение отправлено из Управления внутренних дел Леноблгорисполкома. Привожу дословно его содержание:

«Гр. Гуревич

Паспортный отдел Управления внутренних дел Леноблгорисполкома ставит Вас в известность о том, что Ваше заявление, адресованное в ЦК КПСС о разрешении прописки в г. Ленинграде Гуревич А.М., рассмотрено руководством УВД ЛО и в просьбе отказано на основании Положения о паспортах.

п/п Зам. н-ка паспортного отдела

УВД Леноблгорисполкома

№ 18/М-337/5

29 декабря 1960 г.».

Соблюдая существующие правила, я был вынужден проживать в Луге. Там устроиться на работу я не имел возможности. Кроме того, довольно часто был вынужден выезжать в Москву.

Крайне удивленный тем, что УВД Леноблгорисполкома, несмотря на ходатайство руководства лагеря, в котором я отбывал наказание, а также не учитывая мое многолетнее проживание в Ленинграде до моего командирования в качестве добровольца НКО СССР для участия в национально-революционной войне в Испании в 1937 г., а затем для выполнения

сложных заданий за рубежом, я счел необходимым 10 июля 1961 г. обратиться в Министерство внутренних дел РСФСР с просьбой о моем личном приеме для рассмотрения возможности разрешения моей прописки в Ленинграде.

Указанное выше заявление от 10 июля 1961 г. было мною вручено во время приема заместителю министра внутренних дел РСФСР тов. Никитаеву, к которому я дополнительно письменно обращался 18 июля 1961 г.

22 июля 1961 г. замначальника отдела Управления милиции МВД РСФСР тов. Безруков извещением под № 4/ж-107608 сообщил мне, что мое заявление получено, рассматривается, а результаты будут сообщены.

26 августа 1961 г. мною было получено уведомление № 4/ж 10760/8 за подписью начальника отдела УМ МВД РСФСР Цыпленкова, в котором указывалось, что мое заявление о прописке в Ленинграде рассмотрено и «до погашения в соответствии со ст. 57 УК РСФСР или снятия судимости судом разрешить прописку в гор. Ленинграде не могут».

Пришлось еще несколько месяцев заниматься различными хлопотами, и добиться прописки я смог только в начале 1962 г.

Несмотря на все переживания и нервное состояние, в моей жизни все же было радостное событие, осчастливившее всю мою дальнейшую жизнь. 30 сентября 1960 г. в отделе загс Петроградского райисполкома г. Ленинграда был зарегистрирован брак с моей любимой Лидией Васильевной Кругловой.

Анатолий Маркович, 1961 г.

Моя жена, зная, что я отбывал многие годы наказания в исправительно-трудовых лагерях, не знала самого главного – за что я был осужден. По понятным причинам, я был предупрежден в МГБ СССР, что о моей разведывательной деятельности, а следовательно, и о характере обвинения я никому не имею права сообщать. Так я поступал не только с моей женой, но и со всеми родственниками и друзьями.

Только в марте 1962 г. я сумел поступить на работу в Ленинградский ремонтно-монтажный комбинат «Росторгмонтаж», где проработал до июня 1976 г. и еще на временной работе с октября 1977 г. до апреля 1978 г. За время работы имел более 75 поощрений и был занесен в книгу почета комбината.

Во время работы на комбинате в начале 1969 г. я обратился в Ленинградский городской суд с просьбой о снятии с меня судимости. Одновременно 27 февраля 1969 г. я обратился с аналогичной просьбой в Выборгский районный народный суд Ленинграда.

9 апреля 1969 г. зампреда Ленгорсуда тов. Исакова своим сопроводительным письмом № К-26 направила председателю Выборгского райнарсуда тов. Косыревой Е.М. мое ходатайство о снятии судимости для рассмотрения в соответствии с п. 8 ст. 57 УК РСФСР в порядке, предусмотренном ст. 370 УПК РСФСР. К письму было приложено ходатайство на восьми листах.

После рассмотрения в открытом судебном заседании Выборгского районского суда Ленинграда было вынесено следующее определение:

«Снять с Гуревича Анатолия Марковича судимость по приговору "Особого совещания" при МГБ СССР от 17 января 1947 года по ст. 58-16 УК РСФСР. Определение обжалованию не подлежит».

Определение, вынесенное 23 мая 1969 г., скреплено подписью и гербовой печатью.

Итак, только в 1969 г. я уже имел право во всех анкетах указывать о том, что не судим.

1969 год стал для меня не только радостным, но и довольно значимым. Кончился первый этап моей борьбы хотя бы за частичную справедливость, которой я безрезультатно добивался уже более девяти лет, обращаясь в различные, даже самые высокопоставленные инстанции. В этой связи хочу привести еще только один пример столь безжалостного отношения ко мне, рядовому гражданину Советского Союза, и самой непонятной для меня безответственности, проявленной не только отдельными малозначимыми сотрудниками, но различными высокопоставленными инстанциями в целом. Это хочу подтвердить полученным мною на бланке Секретариата Президиума Верховного Совета СССР, датированным 17 января 1968 г. за номером БП-120/24, подписанным начальником Секретариата В. Васильевым извещением, содержание которого привожу дословно: «Сообщаем, что Ваше ходатайство о снятии судимости рассмотрено и отклонено».

Для меня было совершенно ясно, что до принятия подобного достаточно ответственного решения в Секретариате Президиума Верховного Совета СССР его сотрудники, конечно, должны были бы поинтересоваться по меньшей мере в Генеральной прокуратуре СССР, в Главной военной прокуратуре СССР материалами, касающимися непосредственно моего осуждения и повторного ареста в 1958 г. Я имел также основания предполагать, что в Секретариате должны были знать, что после моего осуждения в 1947 г. я и моя мать неоднократно обращались в различные инстанции и даже в Президиум Верховного Совета СССР с единственной просьбой – о пересмотре моего дела в Верховном суде СССР. Эти просьбы мотивировались тем, что мое дело создавалось без всяких оснований под руководством Берии и Абакумова, а на его основании решением «Особого совещания» МГБ СССР был вынесен приговор, предусматривающий наказание в размере 20 лет ИТЛ как «изменнику Родины». Мы продолжали с аналогичными просьбами обращаться и после того, как Берия, Абакумов и другие были признаны государственными преступниками и расстреляны. Кроме того, решение «Особого совещания» не могло рассматриваться как приговор, вынесенный соответствующим судебным органом.

Секретариату Верховного Совета СССР из моих обращений было легко установить, что 5 октября 1955 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.55 г. «Об амнистии» со снятием судимости и поражения прав я был освобожден из Воркутлага. Второй арест в 1958 г. последовал без объяснений. Только потом я узнал, что Генеральный прокурор СССР по представлению председателя КГБ СССР отменил применение вышеуказанного Указа без всяких на то оснований.

Получив извещение Секретариата, я не мог себе представить, что этот документ является безответственным, простой отпиской без какого-либо предварительного ознакомления с материалами дела.

Хочу особо подчеркнуть, что к этому времени у меня было много оснований полагать, что в результате многочисленных обращений в различные инстанции и оказываемой помощи адвокатом Московской городской коллегии адвокатов Михаилом Мироновичем Черняком КГБ СССР, Генеральная прокуратура СССР и Главная военная прокуратура уже после 1960 г. встали на правильный путь рассмотрения моих жалоб, обращений и ходатайств.

Не буду сейчас слишком подробно разбирать все основания, которые дали мне право так мыслить. Остановлюсь только вкратце на некоторых достаточно убедительных доводах. Правда, не буду скрывать и того, что в это время у меня появилось какая-то тревога. Это

чувство возникало в связи с тем, что еще в 1956 г., как читатель может помнить, меня вызвали на Лубянку в КГБ СССР и сделали вид, что предпринимаются надлежащие меры для объективного изучения моего дела.

Тогда, во время одного из приемов, проверяющих мое дело в соответствии с моими заявлениями, в том числе и на имя председателя КГБ СССР Серова, подполковник Шарапов организовал мне очную ставку с Леопольдом Трейлером. Во время этой очной ставки, явно чувствовавший себя в растерянности, Леопольд Треппер был вынужден признаться в том, что во время предварительного следствия он клеветал на меня, давал ложные показания в целях обвинения меня в измене Родины. Подполковник Шарапов, видимо осмыслив, что эта очная ставка не создаст возможности меня в чем-либо обвинить, ограничился всего несколькими вопросами.

Уже тогда, во время моих вызовов в КГБ СССР, я мог надеяться, что принимаются надлежащие меры для пересмотра дела в целях моей полной реабилитации. Моя надежда укреплялась тем более, что сам Шарапов пытался внушить мне, правда в весьма сдержанной форме, эту мысль. Мне уже не следует напоминать, чем закончилась моя надежда пятидесятых годов в 1958 г. В то же время я и сейчас часто смотрю на полученную от Шарапова рукописную записочку от 29 октября 1956 г. Этой записочкой он извещал в ответ на мое письменное обращение к нему от 21 октября 1956 г., в которой я напоминал, что еще в июле 1956 г. я был принят в 3-м Главном управлении КГБ СССР и имел беседы лично с ним. Тогда меня заверили, что вскоре мое дело будет направлено для окончательного решения в ГВП СССР. Я указывал, что прошло уже более четырех месяцев, а я не получил никаких сведений из КГБ СССР. Привожу дословно содержание полученной от Шарапова рукописной записочки:

«Ваше дело со всеми материалами направлено нами 10 сентября в Главную военную прокуратуру. Шарапов».

Получив ее, уже 11 ноября 1956 г. я обратился в ГВП Советского Союза и позволил себе на основании всего услышанного от Шарапова и его «записочки» дословно, одновременно с рядом уточнений, указать: «...можно предполагать, что вопрос о моей полной реабилитации, которой я добиваюсь много лет, должен найти справедливое разрешение».

Итак, получив прописку в комнате моей матери занимаемой ею в коммунальной квартире, уже женившись на Лидочке, по рекомендации моих друзей я был принят директором Ленинградского ремонтно-монтажного комбината треста «Росторгмонтаж» Павлом Михайловичем Ворониным.

У нас состоялась довольно продолжительная беседа. Коротко я рассказал ему о своей работе еще до Великой Отечественной войны в Ленинграде, о моем участии в качестве советского добровольца в национально-революционной войне в Испании на подводной лодке и на фронте, а затем в аппарате наших торговых представительств (!) в различных странах, в том числе и в период войны, а после войны был арестован органами НКВД СССР, продолжительное время находился в различных ИТЛ. После моего освобождения в 1955 г. по рекомендации главного инженера завода бумагоделательного машиностроения был принят на работу ЦНИИбуммаш, где работал в отделе технико-экономических исследований и научно-технической информации, исполняя обязанности инженера, а затем продолжительное время до 9 сентября 1958 г. на должности старшего инженера и заместителя начальника этого отдела.

Институт я был вынужден покинуть в связи с совершенно неожиданным повторным арестом. После моего вторичного освобождения по решению Мордовского Верховного суда (МАССР) был вынужден добиваться разрешения на прописку в Ленинграде. Только получив это разрешение по рекомендации моих бывших сослуживцев в указанном институте, ныне работающих на комбинате начальниками отделов, я решил просить о моем приеме на работу

в «Росторгмонтаж». Воронин уже знал о моем приходе и об этой просьбе. Больше того, он знал лично многих ленинградцев, с которыми мне приходилось работать до 1937 г. и после моего первого освобождения. Именно все это предопределило его решение о моем приеме на работу. С марта 1962 г. я начал работать инженером, а с 1 ноября 1962 г. старшим инженером в техническом отделе, а затем замещал должности начальника отдела технической информации с дальнейшим перемещением на должность начальника отдела научно-технической информации размножения технической документации, начальника отдела-лаборатории, управления производством и т.д.

Комбинат я окончательно покинул, уже находясь на пенсии, только в апреле 1978 г. Будучи занесенным 26 декабря 1972 г. в книгу почета комбината, поддерживаю с комбинатом по сей день дружеские связи.

Прежде чем коротко остановиться на моей работе на комбинате, мне бы очень хотелось особо подчеркнуть тот факт, что, не сумев окончить Ленинградский университет, студентом четвертого курса которого я оказался после слияния с ним 1-го Педагогического института иностранных языков, я с поощрения руководства комбината поступил в 1963 г. на факультет международных отношений и внешней политики СССР Вечернего университета марксизма-ленинизма при Ленинградском городском комитете КПСС, который окончил в 1965 г., сдав экзамены по истории международных отношений и внешней политики СССР и международно-коммунистическому движению и актуальным проблемам современности на отлично. По пропагандистской работе мною был сдан зачет.

В Вечернем университете марксизма-ленинизма я прослушал также лекции по: (1) экономической и политической географии зарубежных стран, (2) основам дипломатического и международного права, (3) методике пропагандистской работы.

За два года учебы в университете по разным дисциплинам я сумел сдать 14 успешных зачетов. Не хочу заниматься самохвальством и тем не менее считаю возможным отметить, что многие наши преподаватели, даже имеющие кандидатские или докторские степени, часто отмечали свое удивление моим познаниям в части истории зарубежных стран. Ни один из них, даже мой друг, муж моей соратницы по участию в национально-революционной войне в Испании Семен Выгодский, не мог представить себе, каким путем я получил по всем этим вопросам возможность столь глубокой подготовки. Ведь для достаточной грамотности, необходимой для моей разведывательной деятельности, легализации и поддержания хороших отношений в светском обществе, все знания, входящие и в программу университета, мне были необходимы. Не знали они и того, что я был студентом Брюссельского свободного университета, где изучал многие вопросы, относящиеся к истории зарубежных стран, международным отношениям и многим другим темам.

Окончание учебы в Университете марксизма-ленинизма и многочисленные выступления в самых разных аудиториях предопределили необходимость моего вступления в ленинградское отделение Всесоюзного общества «Знание». Я был очень рад тем, как меня слушали самые различные аудитории. Мне посчастливилось выступать перед слушателями в различных школах, ПТУ, техникумах, высших учебных заведениях, на различных предприятиях, в домах и дворцах культуры и т.п., в самых различных военных учебных заведениях, в воинских частях, перед допризывниками.

В особенности мне запомнились частые выступления в ленинградских школах, в том числе в школе № 67 с изучением испанского языка, в школе № 269, в которой оборудован музей подводников Балтики. Запомнился Дворец культуры им. Ленсовета, в котором я часто выступал перед юными защитниками Ленинграда в период блокады во время Великой Отечественной войны, перед членами Ленинградской секции советских добровольцев – участников национально революционной войны в Испании, а также перед делегациями из Испании. Во Дворце культуры им. Горького перед комсомольским активом, а ведь в этом дворце я начинал выступления еще совсем юношей в начале тридцатых годов. Во Дворце культуры им. С.М. Кирова выступал перед различными аудиториями, в том числе перед студентами высших учебных заведений и ветеранами Великой Отечественной войны.

Никогда я не мог забыть выступления на истфаке и филфаке Ленинградского университета. Однажды после выступления на истфаке по теме, связанной с международной солидарностью народов многих стран с борющимся против фашизма испанским народом, с историей этой прекрасной страны, ректор факультета, профессор, подойдя ко мне, улыбаясь, задала вопрос: «Почему вы не представили материал вашего выступления для защиты диссертации на нашем факультете?» Организовавший мое первое выступление на этом факультете профессор Выгодский, автор многих публикаций в печати и изданных книг на историческую тематику, засмеявшись, ответил за меня: «Ваше замечание далеко не первое, я много раз предлагал представить материал не только для защиты диссертации, но и для их опубликования в печати. Видимо, скромность мешает прислушаться к даваемым советам!»

Казалось бы, что услышанное мною должно было принести радость. В действительности же, покинув здание факультета и расставшись с С.Ю. Выгодским, как это уже частенько бывало, у меня начались тяжелые переживания. Вновь возник вопрос: имею ли я право, несмотря на высказывания в Москве представителей КГБ СССР, разрешавшие мне участие в общественной деятельности, скрывая от всех свое прошлое, выступать перед различными слушателями? Эти тяжелые переживания начались у меня вскоре после моего повторного освобождения.

Тяжелые нервные переживания были вызваны, в первую очередь, встречами с моими давними друзьями, которым я ничего не имел права рассказывать о себе, о том, чем я занимался после моего возвращения в 1938 г. из Испании, в годы Второй мировой войны, Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, то есть примерно до 1961 г. В особенности это было связано с моим привлечением к активной общественной деятельности, к выступлениям с докладами, лекциями и, вынужден поставить в кавычки, с моими «воспоминаниями».

Все это началось совершенно неожиданно с того дня, когда по маминому адресу на мое имя пришло письмо с просьбой обратиться в Ленинградский музей Великой Октябрьской социалистической революции к сотруднице музея Елене Николаевне Приваловой. В письме указывалось, что при музее организован Совет советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании (1936–1939). Письмо было подписано Виталией Абрамовной Штейнер, которую я знал как участницу этой войны. Если не ошибаюсь, то она была военной переводчицей на Теруальском фронте.

Я позвонил по указанному в письме номеру телефона. Видимо, Штейнер ее предупредила о том, что она меня разыскала. У нас начался интересный разговор. Она мне сообщила номера телефонов некоторых уже принятых в совет моих соратников по Испании. Меня особенно заинтересовали две переводчицы: Елена Евсеевна Константиновская, с которой я встречался до моего отъезда в 1939 г. на разведывательную работу и даже переписывался впоследствии некоторое время через Главразведупр, а также Люсия Лазаревна Покровская, которую я хорошо знал еще с 1935 г., по институту «Интурист», где она была преподавательницей и в то же время женой директора нашего института. Узнав их номера телефонов, я попытался почти сразу же дозвониться. Мы договорились встретиться, а затем в заранее обусловленный день и час совместно посетить музей. К этому времени Люсия Лазаревна была уже в звании подполковника. Мы с ней не виделись более двадцати лет. Конечно, я к этому времени знал только то, что она была переводчицей в Испании, приехав туда одной из первых в конце 1936 г. В Буньель вместе с москвичкой О.Н. Филипповой организовала курсы усовершенствования для переводчиков и вдвоем преподавали современный испанский язык.

Прежде всего, возникал вопрос: а что именно я могу рассказать о себе? Л.Л. Покровская знала меня достаточно хорошо, и было совершенно ясно, что ей будет трудно понять мой жизненный путь, который я прошел после Испании. Меня мучил и еще один более важный вопрос: имею ли я право признаться ей, а затем предупредить Елену Николаевну Привалову, других товарищей, желающих включить меня в состав группы советских добровольцев – участников национально революционной войны в Испании, о том,

что был осужден «Особым совещанием» при МГБ СССР как «изменник Родины» и отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере?

Читатели могут задаться вопросом: зачем надо было мне все это переживать, в то время как сотрудники КГБ СССР в Москве, принимая меня, указывали на то, что я могу вести нормальный образ жизни, обзавестись семьей, трудиться и заниматься общественной деятельностью? Но любому человеку должно быть понятно мое состояние. Ведь все знали меня по работе в Ленинграде, учебе в институте, участию в борьбе против фашизма в Испании как честного человека, патриота. Как же мог я объяснить им тот факт, что я не участник Великой Отечественной войны?

Могло возникнуть много вопросов, но я решил твердо, что работника музея Елену Николаевну Привалову я должен предупредить хотя бы только о том, что побывал в ИТЛ. К этому времени уже многие знали о незаконности имевших место репрессий и о реабилитации необоснованно осужденных. Именно поэтому я, предупредив о необходимости неразглашения сказанного мною, признался и в том, что добиваюсь моей полной реабилитации.

Вскоре состоялось собрание членов нашей группы. Именно тогда произошла моя встреча со многими моряками, с которыми я одновременно служил в испанском республиканском флоте. Это были адмиралы разных рангов: В.А. Алафузов, Н.О. Абрамов (в то время председатель нашей группы), В.Л. Богденко, Н.П. Египко, С.А. Осипов, капитан I ранга С.П. Лисин (председатель одной из комиссий – организационной). Было много офицеров разных войск, военных переводчиков. Неожиданно, с некоторым опозданием в зал вошел контр адмирал С.Д. Солоухин. Внезапно я узнал еще одного моряка, которого тоже хорошо знал по Картахене, контр-адмирала Н.И. Яхненко.

На первом собрании, на котором я присутствовал, меня предложили избрать в комиссию, возглавляемую Героем Советского Союза капитаном I ранга, подводником С.П. Лисиным, которого я узнал вскоре после его прибытия в Испанию еще в 1938 г. Мне доверялось стать его заместителем в указанной комиссии. Я не знал, как поступить. Ведь я оказался среди многих моих давних друзей, которые не могли даже предположить, что я могу стать «изменником Родины». Следует ли мне отказаться от высказанного предложения, какой следует привести довод – или дать согласие? С немалым нервным напряжением я принял это предложение и активно включился в деятельность нашей группы (или как мы ее называли – секции).

После официального окончания состоявшегося собрания я перезнакомился со многими, которых до этого не знал. В первую очередь мне бы хотелось назвать тех, с которыми мы стали вскоре весьма близкими друзьями. Правда, большинство из них пришлось впоследствии провожать в последний путь. Я вспоминаю ставших мне близкими, очень близкими друзьями генералов П.Л. Котова, В.А. Яманова, В.В. Пузейкина, Е.Е. Ерлыкина, К.В. Введенского и многих других. Я увидел ставшего мне еще близким в Барселоне генерал-майора медицинской службы И.С. Колесникова.

В зале были и многие переводчики, часть из которых я знал еще до 1939 г., в том числе Р.Л. Боровская, О.Я. Гольвер, Е.Е. Константиновская, Е.А. Корсика, Е.И. Глузман, Г.А. Гринберг, О.М. Гуревич, Р.И. Евнина, Л.Л. Покровская и другие.

Контр-адмирал И.О. Абрамов скончался вскоре после того, как я его увидел. Председателем нашей секции был выдвинут С.П. Лисин, а я стал его заместителем и на этой должности. Сергей Прокофьевич Лисин чувствовал себя неловко и предложил вскоре на должность председателя секции вице-адмирала В.Л. Богденко. Я продолжал работать в должности заместителя много лет.

Успокоение в волновавшем меня вопросе я получил позднее. Во-первых, я побывал в Москве и посетил СКВВ, где встретился с ответственным секретарем СКВВ. Героем Советского Союза А.П. Маресьевым. Мы познакомились и решили ряд вопросов, выяснение которых мне было поручено В.Л. Богденко. Позднее я встретился в СКВВ с его председателем, Маршалом Советского Союза Семеном Константиновичем Тимошенко.

Думаю, что не ошибаюсь, предполагая, что обо мне многое он уже знал. Именно поэтому, видимо по его рекомендации, я был вскоре привлечен к еще более активной работе в Ленинградской секции СКВВ, председателем которой в то время был бывший заместитель командующего ЛВО генерал-полковник, Герой Советского Союза Михаил Петрович Константинов, а его заместителем – генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Свиридов Александр Андреевич.

Это вынудило меня вновь постараться выяснить вопрос, имею ли я право выполнять эти работы. В Москве мне посоветовали связаться в Ленинграде с работником Ленинградского управления КГБ Новиковым Юрием Васильевичем.

С Юрием Васильевичем у нас было несколько встреч. Он относился ко мне внимательно и хорошо. По его словам, он вскоре ознакомился с моим следственным делом и другими документами. Полагал, что день моей реабилитации приближается, он считает, что я вправе заниматься начатой мною активной общественной деятельностью, которая, безусловно, может принести пользу. Однако он предупредил меня, что пока о моей разведывательной деятельности вести с кем-либо переговоры не следует, так как это еще представляет государственную тайну. В то же время он высказал свое предположение, что все, что я пережил, находясь на нелегальной разведывательной работе, должно помочь разобраться во многих мало еще известных исторических событиях.

Совершенно неожиданно для меня начальник отдела кадров комбината, на котором я работал, сообщил мне по секрету, что из Большого дома на Литейном проспекте его посетили двое сотрудников, присланных к нему их начальником Новиковым. Они, по словам начальника отдела кадров, сообщили ему дословно, что «ко мне могут относиться на работе с полным доверием».

Однажды мне пришлось услышать, что якобы какая-то иностранная разведка может заинтересоваться мною. Явившийся ко мне товарищ, назвавший меня Кентом, предупредил, что я обязан тут же сообщить об этом на Главпочтамт а/я 373 Зарубину Юрию Ивановичу. Прошло много лет, и ко мне никогда никакая иностранная разведка не обращалась.

Общественная деятельность расширилась в неожиданном темпе. Михаил Петрович Константинов и Александр Андреевич Свиридов, убедившись в том, что я совместно с Валентином Лукичем Богденко умело организую работу, – стали меня привлекать к деятельности в ряде других комиссий Ленинградской секции СКВВ.

Ответственному секретарю секции я помогал в разработке, составлении совместно с рядом комиссий планов работы ленинградской секции СКВВ, которые потом размножались типографским путем.

Самым неожиданным для меня явилось предложение стать ответственным секретарем комиссии по связи с зарубежными странами, во главе которой вначале стоял генерал-майор И.П. Кныш, а после его смерти его заменил генерал майор Н.К. Богатин.

Мне объяснили причину моего выдвижения на эту работу тем, что я владею рядом иностранных языков, а кроме того, являясь студентом института «Интурист», изучил еще до войны многие страны, побывал в Испании, во Франции и других странах. Считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что никто не знал о моей роли в различных странах во время Второй мировой войны.

Работа в комиссии Ленинградской секции СКВВ по связи с зарубежными странами была очень интересной и в значительной степени пополняла секции советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. Многое осталось у меня в памяти, всего не перечислишь. Хочется отмстить хотя бы некоторые отдельные эпизоды.

Так, например, много внимания было уделено воспоминаниям о Матэ Залка, ставшем широко известным как испанский генерал Лукач. Началось с организованного в кинотеатре «Меридиан» вечера, организованного Московским райкомом партии (РК КПСС) и кинотеатром, коллективными членами Общества дружбы «СССР–Венгрия» в связи с 30-летием со дня подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Венгрией. Вечер состоялся 7 февраля 1978 г. Была показана премьера фильма

«Псевдоним "Лукач"». На вечере выступали зав. отделом пропаганды Московского РК КПСС, зампредела ленинградского отделения Общества дружбы «СССР–Венгрия», известный журналист Артур Юстус, дочь генерала Лукача Н.М. Залка, а от Ленинградской секции СКВВ было доверено выступить мне.

На следующий день, 8 февраля 1978 г., Н.М. Залка и я выступали в этом же кинотеатре на торжественной пионерской линейке района в связи с приемом в пионеры. Наталии Залка и мне было поручено повязать вновь принятым пионерам красные галстуки. В зале было более 600 человек, все они смотрели с большим вниманием фильм «Псевдоним "Лукач"», перед которым выступили Наталия Залка и я.

М.П. Константинов, председатель Ленинградской секции СКВВ, его заместители И.П. Кныш, А.А. Свиридов часто отмечали мое активное участие именно во встречах с иностранными делегациями. В те годы их было тоже очень много.

Для меня лично они представляли особый интерес. Конечно, в первую очередь это относится к многим группам из Франции, в составе которых были не только французы – бойцы интербригад в Испании, но и многие участники французского движения Сопротивления периода Второй мировой войны, сражавшиеся против немецких фашистских оккупантов. Правда, встреча с ними для меня была не всегда спокойной: возникала иногда тревога, заключающаяся в том, не встречу ли я кого-либо из моих французских друзей, знавших меня как антифашиста вообще, а быть может, даже и как советского разведчика? Мне повезло, за все годы различных приемов делегаций и туристических групп я никого не встретил из моих знакомых. Некоторых из них я знал только по фамилии.

Прежде всего хочу назвать одно легендарное имя – генерала армии ВВС Франции Марсиала Валэна. У меня хранится врученная им, как «нашему соратнику, в знак дружбы» его большая цветная фотография. Я горжусь этой фотографией и буду хранить ее до конца жизни. Этот генерал, родившийся 14 мая 1898 г., находился на действительной службе без предела возраста. Он являлся при де Голле в 1940–1944 гг. командующим французскими свободными воздушными силами и государственным комиссаром ВВС при правительстве генерала в Лондоне. После 1944 г. руководил до 1946 г. генеральным штабом ВВС. После этого – почти два года французской делегацией при штабе ООН в Вашингтоне, а затем являлся главным надзирателем ВВС Франции. Именно он был в годы войны создателем эскадрильи «Нормандия–Неман».

Генерал Валэн был кавалером Большого креста Почетного легиона и награжден более 40 другими официальными французскими и зарубежными орденами. Одновременно с генералом армии Марсиалом Валэном в числе почетных гостей, побывавших 10–13 мая 1978 г. в Ленинграде, были бригадный генерал Жорж Берже и руководитель группы движения Сопротивления Лейштеншнейдер. Всю группу «Ветераны войны – парашютисты свободной Франции», 144 человека, возглавлял полковник Андрэ Леметр.

При посещении Пискаревского мемориального кладбища некоторым французам, в том числе и генералу армии Марсиалу Валэну, были вручены памятные медали.

Вскоре мы прочли во многих газетах, что генерал армии Франции Марсиал Валэн в связи с 80-летним юбилеем и проявляемой многие годы дружбой по отношению к Советскому Союзу и его народу награжден орденом Дружбы народов.

Мне очень запомнилось и то, что во время посещения Ленинграда были еще две группы французов – ветеранов войны, участников движения Сопротивления и узников концлагерей (124 чел.) – одна, возглавляемая французским бригадным генералом Грапоном, другая, возглавляемая Роже Антисом. Совместно эти три французские группы приняли участие в организованной нами встрече с ветеранами войны, членами Общества дружбы «СССР–Франция», членами Секции советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании (1936–1939), узника ми фашистских лагерей, советскими воинами – участниками французского движения Сопротивления и советскими партизанами.

Эта встреча была нами организована в большом зале ленинградского Дома дружбы. Здесь выступали зампредела Ленинградской секции СКВВ генерал майор И.П. Кныш.

председатель ленинградского отделения Общества дружбы «СССР–Франция», член Академии наук, директор всемирно известного музея Эрмитаж Б.Б. Пиотровский, генерал армии Франции Марсиал Валэн.

Среди незабываемых встреч с иностранцами хочу привести одну – с соратником и другом убитого генералом Пиночетом избранного президента Чили Альенды. Им был бывший посол Чили в Италии Карлос Вассало, которого сопровождала очень красивая жена Кармен Вассало.Guestы встречали ранним утром 1 июня 1978 г. на Московском вокзале зампредела Ленинградской секции СКВВ генерал-майор Иван Павлович Кныш, ответственный секретарь Ленинградской секции СКВВ, Герой Советского Союза капитан I ранга Сергей Прокофьевич Лисин и и. о. председателя комиссии по связям с зарубежными странами, лично я. С ними приехала и переводчица.

Карлос и Кармен Вассало были помещены в номере люкс в гостинице «Европейская», очень уютном и хорошо обставленном.

Утвержденная программа пребывания в Ленинграде была весьма насыщенной. В первый же день после завтрака мы совершили двухчасовую прогулку в автомашине по городу с целью ознакомления с его достопримечательностями. Еще перед обедом посетили Пискаревское мемориальное кладбище, возложили цветы. Гостям были вручены памятные медали.

Перед возвращением в гостиницу посетили крейсер «Аврора», а после обеда в гостинице совершили экскурсию по Эрмитажу. Ознакомившись с историей крейсера, Карлос Вассало произвел символический холостой залп из исторического орудия крейсера...

Иван Павлович Кныш и я не могли спокойно наблюдать, перенести то волнение, глубокую скорбь и слезы, которые были вызваны у Карлоса и Кармен посещением кладбища. Это волнение продолжалось и на крейсере «Аврора», покидая который, едва сев в отъезжающую машину Кармен молчала, а Карлос не выдержал и, обращаясь к Ивану Павловичу и ко мне, явно едва сдерживая свое волнение, заявил, что произведенный им на крейсере символический холостой залп был для него особенно волнующим, так как борьба чилийского народа продолжается, и он хотел бы, чтобы этот выстрел был дан на последнем, уже близком этапе борьбы.

Во время обеда и ужина мы старались отвлечь наших гостей, уставших от тяжелых мыслей. Особо радостным было для Карлоса и Кармен присутствие в Академическом малом театре оперы и балета на «Сильфиде» и большом классическом па из балета «Праздник цветов в Чензано». Театр и исполнители произвели на них очень хорошее впечатление. По их словам, особенно приятно для них было увидеть и вспомнить «Праздник цветов в Чензано», так как они присутствовали в Чензано действительно на празднике цветов и это им позволило особенно с большим чувством определить яркий характер постановки и исполнения балета.

Карлос Вассало, безусловно, являлся высококультурным человеком и очень интересовался всем, что касалось всеобщей истории и, в частности, истории нашей страны, нашего города.

Сравнивая издавшие ранее страны и города, Карлос и Кармен пришли к заключению, что Ленинград является наиболее прекрасным и чистым городом. Они отметили, что, перенеся 900 дней блокады, подвергшийся многочисленным артиллерийским и авиационным обстрелам, город обеспечил устранение всех следов разрушения, продолжает быть значительным промышленным и экономически развитым городом. Большое впечатление произвели центры культуры, памятники истории, большое многочисленное строительство в районах новостроек, массовые зеленые насаждения, чистота улиц, протекающих рек и каналов.

Второй день пребывания гостей был посвящен посещению Петродворца, ознакомлению с Большим дворцом, Монплезиром, парком с прекрасными фонтанами.

Гостям были показаны фотографии разрушений, причиненных фашистскими агрессорами во время Великой Отечественной войны. Экскурсоводы пояснили встречаемые

трудности в выполнении планов полной реставрации дворцов, фонтанов и всех прочих разрушений.

Сопровождавшие Карлоса и Кармен Вассало в Петродворце С.П. Лисин и я наблюдали внимательно за тем, как они все воспринимают. Карлос Вассало, рассматривая внимательно фотографии отображенных на них разрушений, показывая их Кармен, обратившись к нам, сказал, что все это не только вызвало у него чувство возмущения и презрения к варварам XX века и существовавшему вандализму, но и напомнило о том, что фашизм делает в его стране и всюду, где еще господствует. Особенно он подчеркивал существующую опасность в тех странах, где фашизм находится и сейчас в подполье или даже на полулегальном положении.

И.П. Кныш и я сопровождали гостей при посещении Петропавловской крепости, Смольного, Мемориального памятника героическим защитникам Ленинграда, имеющийся при нем музей и многое другое.

Нельзя забыть и имевшие место беседы с членами Ленин градской секции СКВВ, в частности о структуре секции СКВВ и проводимой работе по воспитанию патриотической молодежи, по поддержанию пародов в борьбе за вечный мир, по укреплению культурного обмена и дружбы между всеми народами мира. В беседах придавалось большое значение встречам с зарубежными делегациями.

Очень интересным было выступление Карлоса Вассало. Он особо остановился на предвыборной кампании президента Альенде, об активном участии в ней лично его и жены Кармен. Коротко изложил политику, провозглашаемую Альенде. Он отметил, что Пиночет был рекомендован Альенде генералом Праг, но вскоре вновь избранный президент сумел правильно оценить Пиночета и то, насколько он был опасен. Пиночет, узнав о готовящемся выступлении президента по радио, в котором тот собирался разоблачить его и ряд примкнувших к нему военных и объявить об их смещении, решил форсировать проведение заговора, подготавливаемого им уже более шести месяцев, закончившегося убийством Альенде.

Рассказывая о заговоре, готовившемся Пиночетом, Вассало особо подчеркнул, что всем было совершенно ясно, что в этом ему оказывали значительную помощь, стремясь к перевороту, спецслужбы иностранных государств, в первую очередь США. Карлос прямо не назвал ЦРУ, но мы могли понять, что он имел в виду именно эту службу.

Сдав свои полномочия посла Чили в Италии, Карлос Вассало со своей женой продолжали проживать в Италии. Он уже дважды ходатайствовал перед правительством Пиночета о разрешении вернуться в Чили. Оба раза ему отказывали под предлогом, что его возвращение на родину «не в интересах внутренней безопасности». Услышав это, ему был задан вопрос: а не боится ли он своего возвращения в Чили, учитывая тот факт, что внутри страны продолжается борьба за возвращение ее на путь демократического развития? Карлос Вассало с улыбкой ответил, что продолжает оставаться «борцом».

В ходе частых бесед Карлос и Кармен Вассало неоднократно возвращались к внешней политике Советского Союза, к неуклонному выполнению им своих обязательств в деле обеспечения мира, к проявляемому им интернационализму и помощи народам. Они подчеркивали, что внешняя политика СССР вселяет в народы веру в возможность сохранения мира, и это несмотря на то, что США и НАТО разжигают отдельные очаги напряженности и различные военные конфликты.

Перед отъездом из Ленинграда И.П. Кныш, С.П. Лисин и я присутствовали на ужине в ресторане гостиницы, а затем прошли в номер Карлоса и Кармен Вассало. Они нам сообщили свой адрес в Италии. Вместе с кофе мы немного выпили коньяка за нашу дружбу, а Кармен поразила своим пением, исполняя испанские и итальянские песни, аккомпанируя себе на пианино.

Прощаясь, уже у вагона Кармен и Карлос Вассало выразили свою искреннюю благодарность за проявленные к ним внимание и дружелюбие и даже, смеясь, сказали, что в Ленинграде они приобрели не только друзей, но «новую семью».

Я мог бы упомянуть еще много о различных встречах с иностранными делегациями и

туристическими группами, но это заняло бы слишком много места в моих воспоминаниях. Поэтому я выберу только те, которые для меня имели особое значение. Однако, прежде всего я вынужден указать на то, что мне пришлось очень тяжело пережить смерть Ивана Павловича Кныша. Он был для меня не только знающим и умелым руководителем в работе, но и большим другом. Некоторое время нашу комиссию возглавлял контр адмирал Алексеев Александр Степанович, а затем генерал-майор Богатин Николай Константинович. Между Н.К. Богатиным и его женой Тamarой Васильевной у нас сложились очень дружеские отношения. К великому сожалению, мне пришлось проводить в последний путь и Николая Константиновича. С его женой у моей жены и у меня дружеские отношения сохранились по сей день.

Генерал-майор Н.К. Богатин, я в качестве ответственного секретаря комиссии по связям с зарубежными странами и другие представители Ленинградской секции СКВВ принимали в Ленинграде поезд Дружбы, организованный Федеральным комитетом Союза антифашистских борцов (САБ) ЧССР.

Поезд прибыл на Московский вокзал. Многочисленную группу прибывших возглавляли:

- член президиума Федерального Центрального Комитета Союза антифашистских борцов (САБ) ЧССР и ветеранов войны (руководитель по политической части), инженер Йозеф Крчик;

- член Центрального комитета Словацкого союза ветеранов войны, бывшая партизанка, участница Словацкого народного восстания Екатерина Горская;

- член Президиума Центрального комитета Чешского союза ветеранов войны Людвик Пеха;

- руководитель по кадрам Центрального комитета ветеранов войны полковник Антонин Клейнбучек;

- работник политотдела ЦК Чешского союза ветеранов войны полковник Вилем Гофман.

В поезде Дружбы прибыло 328 человек (кроме того, 12 сопровождающих из Москвы). Из общего числа прибывших из ЧССР 158 были членами КПЧ, 203 – членами Союза ветеранов войны, 38 – участниками боев против фашизма в составе 1-го корпуса Чехословацкой армии под командованием Людвиг Слобыды, 38 – участниками Словацкого народного восстания. Так можно было определить состав – 338 человек, прибывших в Ленинград.

Следует особо отметить, что в поезде Дружбы было достаточно много женщин, а это обязало нас на организуемую встречу с ленинградцами – ветеранами войны пригласить и наших женщин.

Встреча с женщинами – участницами Великой Отечественной войны, участницами обороны Ленинграда в тяжелые дни блокады, в том числе и юными защитницами и защитниками нашего любимого и родного города, была одобрена и нашими гостями.

Она была организована Ленинградской секцией СКВВ и Ленинградским бюро туристической организации «Спутник». Во встрече с нашей стороны принимало участие много ветеранов, некоторые из них выступали (А.Н. Полозов, ветеран партии, подчеркнувший большое значение города в Великой Отечественной войне и тот факт, что за всю историю нашего города на священную землю его никогда не ступала вражеская нога; В.И. Федисова выступала с личными воспоминаниями об участии в обороне Ленинграда; Г.И. Павлов вручил памятный вымпел Ленинграда и приветствовал от имени ветеранов Азовской и Дунайской флотилий, 18-й армии; В.И. Гришанов рассказал о Дороге жизни и вручил карту Ладоги с изображением ее и др.).

Должен отметить, что на участников поезда Дружбы произвело большое впечатление, что еще на вокзале их встречали ветераны, в том числе генерал-майор Н.К. Богатин и контр-адмирал В.И. Обидин.

Встреча участников поезда Дружбы с ветеранами войны состоялась в кинотеатре

«Молния». Легко себе представить, с какой радостью я встретил предложение, вернее, доверие, оказанное мне, председательствовать на этой встрече.

От имени участников поезда Дружбы выступал Йозеф Крчик. Еще в самом начале встречи он подарил мне сохранившийся у меня до сего времени хрустальный колокольчик для обеспечения тишины в зале. Заканчивая свое выступление, он выразил благодарность за радушную, хорошо организованную встречу, за отличное ознакомление с городом, его культурной жизнью и вручил мне для передачи Ленинградской секции СКВВ две очень большие хрустальные вазы и ряд других сувениров.

От имени Ленинградской секции СКВВ и всех участников встречи я передал Йозефу Крчику тоже сувениры, в том числе книги и альбомы с видами Ленинграда.

Наши гости совершили экскурсию по городу, посетили крейсер «Аврора», посмотрели кинофильм «Подвиг Ленинграда», побывали на Пискаревском кладбище и в Эрмитаже, совершили поездку в Петродворец и проч. Из Ленинграда наши гости отбыли с Варшавского вокзала в Таллин.

Среди многих встреч состоялась еще одна весьма интересная. Ленинград посетили участники штурма казармы на Кубе Монкадо: полковник, командир действующей танковой бригады Риккардо Сиснеро и начальник военно-морского училища Кубы капитан I ранга Хуго дель Рио. Оба были почетными гостями. Поэтому им отвели хорошие номера в гостинице Обкома КПСС, размещенной у Смольного. Вполне естественно, что на протяжении всего времени пребывания в Ленинграде с ними не расставались С.П. Лисин и я.

Гости посетили Мемориальный музей В.И. Ленина в Смольном, а также памятные места о его пребывании в Разливе – «Шалаш» и «Сарай», Петропавловскую крепость, летний домик Петра I в Летнем саду, Пискаревское кладбище, где возложили цветы монументу Матери Родины, мемориалу героическим защитникам Ленинграда. На автомашине, предоставленной нам Обкомом КПСС, совершили экскурсию по Ленинграду, а затем направились в Петродворец, где посетили дворец и Монплеизир, познакомились с парком и увлеклись осмотром фонтанов.

Во Дворце спорта «Юбилейный» на представлении «Балет на льду» провели с восторгом вечер.

Как правило, завтракали, обедали и ужинали в ресторане гостиницы, где проживали. Однажды во время обеда за нашим соседним столом обедали две женщины, говорившие между собой по-французски. Неожиданно одна из них, оказавшаяся переводчицей, сидящая вблизи от меня, обратилась ко мне с вопросом, из какой страны приехали наши гости. После того как я ответил на французском, что с Кубы, со мной заговорила вторая женщина – представилась вдовой Жака Дюкло. Оказалось, что она прибыла в наш город по приглашению, связанному с торжественным присвоением одной из улиц имени ее покойного мужа. Мы провели некоторое время вместе за чашкой кофе. Мадам Дюкло интересовалась Кубой и немного рассказывала о своем покойном муже, в том числе и о его пребывании после июня 1940 г. на нелегальном положении во Франции, являясь одним из основных организаторов французского движения Сопротивления. До этого он в июне 1940 г. в Москве якобы вместе с М. Торезом подписал манифест ЦК французской Компартии, призывавший народ их страны к активной борьбе против фашистских оккупантов. Именно после этого, по ее словам, он прибыл нелегально во Францию, где успешно скрывался, активно действуя в рамках подписанного манифеста. Свою работу он проводил, несмотря на то что еще в 1940 г. был заочно приговорен к тюремному заключению. Вдова подчеркнула, что уже после войны Жак Дюкло резко выступал против стремления американцев властвовать во Франции. За эту деятельность был в 1952 г. арестован, но, правда, благодаря всенародному возмущению вскоре был освобожден.

Беседы с Риккардо Сиснеро и Хуго дель Рио, которые я вел на испанском языке, были для меня всегда очень интересными. Приведу еще только один пример. В одной из бесед я затронул вопрос истории Кубы – давних отношений с США, стремления американцев выдворить в свое время с Кубы испанцев. Оттолкнувшись от этой темы, я перешел к

событиям, участником которых был, то есть к вопросу национально-революционной войны в Испании. Я указал на то, что в числе антифашистов разных стран против Франко и итало-германских интервентов участвовало более 850 кубинцев.

Услышав о том, что я принимал участие в гражданской войне в Испании, мои собеседники, кубинцы, задали вопрос, не приходилось ли мне слышать имя кубинца – участника защиты Испанской Республики Альберго Байо. Я признался, что никогда не слышал. Вдруг я вспомнил имя кубинского добровольца в Испании Мануэля дель Песо. Не успел произнести эту фамилию, как мои собеседники указали, что он является личным другом Фиделя Кастро и их самих.

Нам поведали, что во время развернутых событий после штурма казармы Монкадо к зданию, в котором размещался штаб одного из революционных кубинских военных подразделений, приблизился «какой-то мужчина». Естественно, часовые приказали ему остановиться, угрожая автоматами, и потребовали, чтобы он себя назвал. В ответ услышали: «Я генерал Байо!» Часовые подготовились немедленно стрелять в него. К великому счастью, из штаба выбежал один из его членов, который слышал весь этот разговор, и крикнул: «Вы что, с ума сошли? Ведь генерал Альберго Байо друг Фиделя Кастро, его учитель военного дела и руководитель его группы "Грамны"».

При этом разговоре присутствовали С.П. Лисин, контр-адмирал А.С. Алексеев, полковник Мунштаков, а также привлеченный мною в качестве переводчика бывший воспитанник школы-интерната для прибывших в 1937 г. в Ленинград испанских детей Пако Мартини. Кстати, недавно он около четырех лет работал на Кубе в качестве переводчика и даже встречался там с нашими гостями. О своих встречах Пако Мартини на Кубе первым вспомнил Риккардо Сиснеро.

На организованном прощальном ужине, где присутствовали некоторые члены Ленинградской секции СКВВ и представитель Обкома КПСС В.И. Нифатов, кубинские гости выразили большое удовлетворение дружеской, братской встречей и вручили нашей секции сувениры. Мы в свою очередь тоже вручили гостям сувениры. Кроме того, по их просьбе мы сумели обеспечить своевременное изготовление многих фотографий, выполненных за время их пребывания в Ленинграде. Я очень рад, что и у нас, в том числе и лично у меня, сохранилось много фотографий.

Огромное впечатление на меня оказало пребывание в Ленинграде встреченных нами двух групп американцев. Одна проживала в гостинице «Ленинград», а вторая – в гостинице «Мир». Это объяснялось ценой оплачиваемых американцами путевок. Пребывание в гостинице «Ленинград» обходилось значительно дороже, чем в гостинице «Мир».

Не буду подробно останавливаться на выполнении насыщенных планов их пребывания в Ленинграде. На меня лично особое впечатление произвело все, что произошло во время нашей встречи в Доме дружбы и мира с американцами и ветеранами войны нашего города.

Характер встречи был нами непредвиденным. В деловой части, на которой присутствовало довольно много народу, в том числе прибывшие в двух группах американцы, выступило несколько человек – членов секции СКВВ и наши гости из США.

Поскольку мы были заранее предупреждены, что в эти две туристические группы входят бывшие американские добровольцы – участники национально-революционной войны в Испании, ведущий нашу деловую часть встречи председатель секции СКВВ слово предоставил мне, как представителю Совета бывших советских добровольцев – участников этой войны. Еще раз хочу признаться, что, чувствуя свою ответственность, я много времени уделил подготовке моего выступления, изучению многих вопросов, касавшихся сложившихся в те годы (1936–1939) отношений между США и Испанией. В этом отношении мне очень помогли публикации, в частности и груды Светланы Петровны Пожарской (в том числе и изданные Академией наук СССР – Институтом всеобщей истории).

Я уже знал к этому времени, что среди почти пятидесяти тысяч добровольцев в Испании американцев было немногим больше грех тысяч. Все эти добровольцы, направляясь на войну в Испанию, рисковали не только своей жизнью на фронтах, но и значительными

преследованиями в самих США. Сразу хочу отметить, что незадолго до прибытия к нам американцев были по существу признаны утратившими силу «черные» списки, имевшиеся в США, в которые были занесены участники войны в Испании. Знал я из книги Д. Ибаррури «Единственный путь», что уже в 1938 г., то есть еще до «победы» Франко над Испанской Республикой, председатель Союза американских писателей Дональд Огден Стюарт провел среди писателей анкету. На вопрос: «Вы за или против Франко и фашизма?» – ответили 418 писателей. Из них 410 высказались за республику, 7 объявили себя нейтральными и только один высказался в поддержку фашизма.

Зная, что в прибывших к нам группах в основном находятся те, кто воевал в Испании, или члены их семей, а в группе, остановившейся в гостинице «Мир», имелись и вдовы погибших добровольцев в Испании, я был уверен, что большую часть из моего выступления все они хорошо знают. Тем не менее, стремясь не злоупотреблять отпущенным мне временем, я остановился на одном вопросе дополнительно. Упомянул, что 6 января 1937 г. на совместном заседании палат конгресса США было принято решение о введении эмбарго на вывоз из США вооружения в Испанию до окончания гражданской войны. Против принятия этого закона проголосовал только один конгрессмен, представитель от рабоче-фермерской партии штата Миннесота. Не придавая особого значения, я позволил себе назвать фамилию этого конгрессмена – Джон Бернارد! Вскоре я закончил свое выступление, подчеркнув еще огромное значение, проявленное американскими добровольцами – участниками войны Испанской Республики против фашизма.

Выступавшие после меня, в том числе и американские гости, доброжелательно относились ко всем выступлениям, в том числе и к моему.

После окончания деловой части нашей встречи был объявлен некоторый перерыв, после которого должен был начаться довольно продолжительный концерт. Правда, мы были немного ограничены, так Дом дружбы и мира мог предупредить нас, что время, отпущенное на наше мероприятие, подходит к концу.

Если я не ошибаюсь, то вместе с Николаем Константиновичем Богатыным и Сергеем Прокофьевичем Лисиным мы несколько уединились для «перекура», а точнее, для обмена мнениями о происходящем. Мы подходили к залу уже после того, как концерт начался. Совершенно неожиданно для нас, к нам приблизились руководители присутствующих двух американских групп. На английском языке они, явно волнуясь, обратились ко мне. Хотя в то время я еще не полностью забыл английский язык и даже иногда пользовался им успешно в разговорах с иностранцами, на этот раз я с большим трудом смог понять приблизившихся к нам американцев.

Смысл их обращения к нам, и в частности ко мне, заключался в том, что среди присутствующих оказался Джон Бернارد. Нас попросили довести до сведения всех находящихся в зале эту сенсацию. Н.К. Богатын и С. П. Лисин разрешили мне попросить конференсье прервать на несколько минут концерт и предоставить мне слово для объявления ставшего нам известным факта.

После того как я попросил конференсье приостановить на несколько минут концерт, сопровождаемый переводчицей, вышел на сцену. Стремясь не затягивать перерыв в концерте, я буквально дословно сказал следующее: «Дорогие друзья, в своем выступлении, говоря о событиях в Испании в 1936–1939 гг. и участии американских добровольцев в гражданской войне, часть из которых мы рады принять в эти дни в Ленинграде, я назвал Джона Бернарда. Я указал, что он был единственным проголосовавшим еще в январе 1937 года в конгрессе против закона об эмбарго на вывоз оружия в Испанию. Совершенно неожиданно нас попросили сообщить о том, что среди наших друзей присутствует и тот самый Джон Бернارد, что, естественно я и делаю!»

Не успел я закончить это неожиданное сообщение, как среди сидящих в зале встал, встреченный аплодисментами, пожилой человек. Не говоря ни слова, он медленно направился на сцену и буквально со слезами на глазах коротко выступил. Прежде всего он попросил прощения у «своих американских друзей», с которыми приехал, за то, что уже

давно, став стариком, отойдя от политики, он никому не рассказывал, что происходило в его деятельности конгрессмена. После того как он принес свои извинения, все встали, а он, тяжело переживая, сказал: «Дорогие друзья, уже много старческих лет я провожу замкнутую жизнь. Всю жизнь мечтал побывать в Москве и низко поклониться Мавзолею Ленина, побывать в городе, завоевавшем во время Второй мировой войны признание во всем мире звания города-героя, города, заслуженно носящего имя Ленина. Народы всех стран мира должны низко склонить головы перед городом, выдержавшим 900-дневную блокаду мощных фашистских агрессоров и прорвавшим её.

Дорогие друзья, мог ли я когда-либо предположить, что именно в этом прекрасном городе знают обо мне, помнят меня. Ведь у себя на родине я почти всеми полностью забыт. Конечно, в этом есть и доля моей вины. Ведь даже моим попутчикам, направлявшимся в Советский Союз, я и то ничего о себе не рассказывал. Еще раз прошу простить меня. Сейчас коротко постараюсь представиться...»

Однако должен признаться, до этого никогда не видел того, что произошло в зале. Все стояли, нет, не только аплодировали, но даже плакали.

Поднявшийся в зале шум привлек внимание дежурившего персонала Дома дружбы и мира с народами зарубежных стран. Те, которые сумели, поднялись наверх и вошли в зал. Концерт был продолжен. Вечер закончился поздравлениями в адрес Джона Бернарда.

Имею право подчеркнуть, что и организаторы этой встречи были очень довольны её результатами.

Учитывая факт, что у нас все с большим вниманием относились к Испании и что я сам, а также многие активисты – ветераны войны были в числе добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании, являвшейся первой вооруженной битвой против фашизма, войной, ставшей авангардной битвой Второй мировой и Великой Отечественной войн, позволило мне еще остановиться более подробно хотя бы на некоторых прибывших в Ленинград делегациях и туристических группах, по своему составу очень близких нам. Речь идет о многочисленных группах прибывших из Испании антифранкистов, испанских партизан, воинов революционных сил Испанской Республики, все тех, кто боролся, защищая свой народ. Конечно, были и группы, состоящие из бывших испанских детей, находившихся в Ленинграде в школах-интернатах, а после войны, в основном после смерти Франко, вернувшихся в Испанию, на родину.

Мне посчастливилось не только принимать делегации и туристические группы, состоящие из испанцев, но и встречаться со многими не только на их родине, но у нас, в Советском Союзе, и в других странах. Смею даже подчеркнуть, что некоторые стали моими близкими друзьями. Перед тем как привести некоторые их имена, считаю нужным укать, что уже 14 января 1967 г. я получил билет Почетного члена Общества испанских политэмигрантов в СССР. Правление этого общества находилось в Москве на ул. Жданова. Сам факт моего выдвижения Почетным членом определял признание той пользы, которую я приносил, неся службу на испанской республиканской подводной лодке, а уже начиная с шестидесятых годов в Ленинграде продолжал приносить пользу испанскому народу, выступая перед различными советскими и даже иностранными слушателями со своими личными воспоминаниями, а в еще большей степени с подробным изложением многих деталей испанской истории, гражданской войны.

Я особенно подружился с проживающими в Ленинграде и Москве испанцами. Конечно, я встречался в Москве даже с Долорес Ибаррури, но это были хотя и очень теплые встречи, но носили чисто деловой характер. Во время одной из них она подарила мне написанную ею книгу «Единственный путь», изданную в Москве в 1962 г. издательством «Политическая литература». Я эту книгу тщательно храню и сейчас. Долорес Ибаррури в мае 1966 г. написала в книге на испанском языке: «Товарищу Гуревичу с сердечным приветом от Долорес Ибаррури».

Одна из моих встреч с Долорес Ибаррури была особенно трогательной. Это произошло после того, как я с моей женой Лидочкой совершили туристическую поездку на теплоходе по

Волге и посетили Сталинград. На этом теплоходе был организован клуб с довольно комическим названием «Клуб встреч с интересными людьми». Все участники туристической поездки, во всяком случае, большинство из них, довольно часто присутствовали. Один из пассажиров, который узнал меня по фотографии в издании нашего сборника «Ленинградцы в Испании», предложил организатору клуба предоставить мне слово и на эту тему. После моего выступления руководство теплохода предложило мне в Сталинграде выступить на могиле сына Долорес Ибаррури, Рубене Руиса, погибшего в сентябре 1942 г., будучи командиром пулеметной роты, в боях за Сталинград. За проявленное мужество и героизм, он был удостоен, правда, только в 1956 г. посмертно, звания Героя Советского Союза.

Фотограф сделал ряд снимков и предложил мне прислать их в Ленинград. Я попросил фотографии выполнить в двух экземплярах с тем, чтобы один из них передать Долорес Ибаррури. Фотокорреспондент выполнил мою просьбу, а я поспешил при очередном посещении Москвы вручить их по назначению в одном экземпляре, а второй тщательно храню у себя.

Запомнились мне встречи в Москве и Ленинграде с испанским генералом, в то время членом Политбюро Коммунистической партии Испании, Энрике Листером. Первая состоялась в Москве во время посещения им Советского Союза – в Испанском центре на ул. Жданова отмечали его шестидесятилетие. Мне было поручено от имени Ленинградской секции советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании поздравить его. Прошло уже тридцать лет с того дня, как мы с ним впервые встретились, познакомились на фронте под Барселоной и провели довольно долгое время за столом с офицерами его армии, я его не узнал, он постарел, но меня сразу узнал, и мы уделили немного времени нашим воспоминаниям. Второй раз мы встретились с ним дважды в Ленинграде. Первый – за праздничным столом у проживающих в нашем городе испанцев. Для участия в этой встрече были приглашены В. В. Пузейкин и я. Вторая встреча была в Таврическом дворце на конгрессе Всемирного совета мира, посвященного 50-летию ленинского Декрета о мире. У меня сохранилась фотография, на которой я стою рядом с Энрике Листером, кроме нас вице-адмирал В.Л. Богденко, приехавший в Ленинград для участия в конгрессе из Риги, писатель Жан Грива, подполковник Л.Л. Покровская, генерал-майор К.В. Введенский и замкафедрой иностранных языков Ленинградской консерватории, бывшая переводчица в Испании Е.Е. Константиновская. Особо хочу отметить, что Энрике Листер был членом Всемирного Совета Мира, проживал в то время в Париже. Мы же входили в незначительное число приглашенных на конгресс.

После возвращения Энрике Листера в Испанию я еще поддерживал связь с ним, правда с помощью Луиса Балагера, проживавшего в Москве, ближайшего сотрудника Долорес Ибаррури в ее литературной и прочей работе, до того как был исключен из ЦК КПИ бывшим генеральным секретарем С. Карильо. Он был единомышленником в то время Энрике Листера. Именно поэтому я переслал через него Энрике Листеру вышедший сборник «Ленинградцы в Испании» и через него получил выпущенную в Испании (потом переведенную на русский язык) в первом издании его книгу «Наша война».

В Москве в близких отношениях был с Луисом Балагером, и перед его отъездом с семьей в Испанию и Лида встретились с ними, вместе пообедали в ресторане и провели немало времени.

Среди других друзей могу назвать Л. Эррайса, М. Морхильеса, Хуана Айстарана, М. Кампусано, М. Мендиета, Сагуэса Хуана, И. Сиия и других. В Ленинграде наиболее близкие отношения у меня сложились с руководителем ленинградского землячества Артуро Олано и его женой, русской, Викторией Федоровной, и многими другими испанцами.

Полностью были выполнены тщательно отработанные программы экскурсий по городу, пригородам, музеям и памятным местам, а также организуемых встреч с ветеранами войны и участниками национально-революционной войны в Испании. На всех прибывших Ленинград произвел очень хорошее впечатление. Первые две группы были тепло встречены в лучшей в нашем городе школе с изучением испанского языка.

Одной из групп руководил испанский сенатор, врач-хирург Хавьер Паулино Перес, который в годы национально революционной войны в Испании в военном госпитале на аэродроме Сан Хо вер, неподалеку от Барселоны, совместно с советским врачом-хирургом, в то время капитаном РККА И.С. Колесниковым, оперировали летчиков-республиканцев. Это были первые столь сложные операции на грудной клетке.

Совершенно неожиданно для меня испанский сенатор (я не знал еще о том, что он врач хирург) обратился с просьбой организовать встречу с его другом, советским хирургом Иваном Степановичем Колесниковым, с которым, кстати, я был уже многие годы в дружеских, весьма близких семейных отношениях.

Хавьер Паулино Перес был в полном восторге, узнав, что он жив, проживает в Ленинграде и уже стал генерал-майором медицинской службы, действительным членом Академии медицинских наук СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий, Заслуженным деятелем науки РСФСР, доктором медицинских наук, профессором. К сказанному я добавил, что многие годы он был начальником кафедры и клиники госпитальной хирургии Военно-медицинской академии, а с 1976 г. – профессор-консультант и председатель ученого совета хирургов. Я подчеркнул, что Иван Степанович имеет много печатных трудов, в том числе и по грудной хирургии, которую он начал осваивать еще в Испании. Я пообещал организовать их встречу, и она действительно состоялась в Доме дружбы и мира. Я присутствовал при этом и, должен признаться, был весьма поражен. На следующий день по просьбе испанского друга Ивана Степановича я передал привезенный им специально для этого изданный во Франции журнал медицинских наук, представляющий для них большой интерес.

Сенатор, член генеральных кортесов Испании Хавьер Паулино Перес, как и многие другие наши гости, оставил в книге почетных гостей очень теплые отзывы.

Четвертую группу гостей возглавлял летчик Хуан Ларио Санчес, участник национально- революционной войны в Испании, после её окончания он эмигрировал в СССР. В годы Великой Отечественной войны защищал нашу страну в составе ВВС, в том числе и под Сталинградом, в составе 127-го авиационного полка, которым командовал Владимир Васильевич Пузейкин. Еще до того, как покинуть Советский Союз и вернуться к себе на родину, Санчес женился на ленинградке. На этот раз Ленинград они посетили в составе группы вместе. Предвидя свою встречу с В. В. Пузейкиным, испанская чета привезла с собой и вручила ему букет живых цветов из Валенсии.

Эта группа испанцев, как и все остальные, с большой любовью относилась не только к нашему городу, но и вообще ко всем советским людям с неопишным вниманием, с открытым сердцем. Это выразилось в оставленной в книге почетных гостей записи. Лично мне повезло, мы вместе с женой присутствовали на встрече двух друзей и их жен дома у В.В. Пузейкина.

Как всегда, проводы этих четырех групп общей численностью почти 400 человек были очень трогательными. Мы, ленинградцы, были особенно взволнованы и рады получению изданной в Овьедо (Испания) брошюры с впечатлениями о пребывании этих четырех групп в СССР и, в частности, в Ленинграде. Позволю себе привести в воспоминаниях стихотворение, написанное одним из участников этих встреч с испанскими гостями. Луис Гутьерас Арагон после предисловия «Стихи, вдохновленные вечным огнем, увиденным мною в Москве и Ленинграде» привел текст:

Ленинград! Ленинград!
Неправда, что ты потерял
Лучших своих сыновей!
Неверно это! Неверно!
Герои не умирают,
Мученики не погибают!

Они навсегда остаются живыми,
Чтобы служить примером
для всего человечества!
Ленинград!
Не оплакивай своих сыновей,
Потому, что они будут еще
существовать в анналах истории
Столько же, сколько будешь существовать ты,
Ленинград!
Любимый!
Героический!
Мученик!
Город Ленинград!
02.10.82

Все имевшие место встречи иностранных делегаций и туристических групп, в которых мне доводилось участвовать в тяжелый период моей жизни, в то время, как мне еще не удавалось добиться полной реабилитации, воодушевляли меня, придавали сил. Мне было разрешено, как я уже писал, участвовать в общественной деятельности на правах только советского добровольца – участника национально-революционной войны в Испании, скрывая от всех разведывательную деятельность. Я уже указывал, встречаясь с иностранными делегациями, что всегда опасался встретиться с человеком, который мог опознать меня как советского разведчика, как человека, связанного с различными группами или течениями движения Сопротивления, существовавшими во многих странах.

Вскоре после того, как вступил в Секцию советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании, я встретился со многими моими друзьями, соратниками, как принято теперь говорить. В первую очередь коснусь моряков. Передо мной фотография нашей морской группы: вместе со мной сняты вице-адмиралы В.Л. Богденко и Герой Советского Союза Н.П. Египко, контр-адмирал Герой Советского Союза С.А. Осипов, контр-адмиралы И.А. Яхненко, С.Д. Солоухин А.П. Лабутин и капитан 1 ранга Герой Советского Союза С.П. Лисин На снимке, который у меня сохранился, отсутствует хорошо мне известный по Испании адмирал Владимир Антонович Алафузов. С ним приходилось встречаться в Ленинграде очень мало. В 1966 г. вместе с вице-адмиралом В.Л. Богденко мы приняли участие в похоронах адмирала.

Активно участвуя в работе нашей секции в Ленинграде с 1963 г. я близко сдружился с Героем Советского Союза генерал-майором авиации Евгением Ефимовичем Ерлыкиным, генерал майором Константином Владимировичем Введенским, генерал майором, бывшим начальником МПВО Ленинграда в дни блокады Емельяном Сергеевичем Лагуткиным, а также летчиками генерал-майором Владимиром Васильевичем Пузейкиным и Валерианом Александровичем Ямановым.

Не буду продолжать список ставших мне близкими людей, с которыми хорошие отношения начали складываться еще в Испании. Укажу только, что наиболее близким мне другом являлся генерал-майор медицинской службы Иван Степанович Колесников. После того как я женился на Лидочке, вскоре дружеские отношения у нас сложились уже между семьями. Мы обменивались нашими фотографиями и даже часто письмами. Были очень рады тому, что в мае 1978 г. в генеральном консульстве Болгарии нам с Иваном Степановичем были вручены в соответствии с указом № 955 от 17.05.78 г. НРБ медали «Интернацбригадив Испании 1936–1939 гг.». Это тем более приятно, что генеральный консул, вручавший медали, был видным болгарским врачом и уже ранее знаком с Иваном Степановичем, который неоднократно делал сложные операции болгарским гражданам в СССР и даже специально выезжал в Болгарию.

Мне было очень тяжело встречаться с моими близкими друзьями, хотя эти встречи для меня были просто праздничными. Тяжело было потому, что я не имел права рассказать им о каком-либо участии в Отечественной войне, вообще обо всем том, что произошло со мной почти на протяжении тридцати лет, прошедших после войны в Испании.

Не менее тяжело в этом отношении было переносить встречи с видными ленинградцами, знавшими меня еще до войны, и с теми, с которыми я познакомился уже во время моей работы в комиссиях Ленинградской секции СКВВ, а также с друзьями моей молодости, в том числе с любимым мною журналистом и историком Арениным (Каганер) Эдуардом Мироновичем, студентами по совместному обучению в институте и даже школьниками и многими другими.

Перебирая полученные в подарок от авторов книги в моей библиотеке, наткнулся на изданную в 1976 г. в Ленинграде книгу Вл. Дмитриевского «Наставитель». Под заглавием книги имеется уточнение: «Страницы жизни ветерана партии Героя Социалистического Труда В.П. Виноградова». С волнением читаю надпись:

«Дорогой Анатолий Маркович!

В год 60-летия Великого Октября дарю небольшое повествование о моей жизни.

Желаю здоровья, творческих успехов и личного счастья, с уважением, Виноградов В.П.
23/IX- 1977 г.»

Одновременно с этой книгой мне была с соответствующей надписью подарена лично фотография Василия Петровича Виноградова, председателя Совета ветеранов КПСС Ленинграда. Я бы не останавливался слишком долго на моих дружеских отношениях с Василием Петровичем, если бы не вместе с ним, являвшимся также председателем Совета содействия ветеранов КПСС историко-революционного музея, не сотрудничал и не выступал часто перед различными аудиториями в Государственном ордена Октябрьской революции музее Великой Октябрьской социалистической революции. Просматриваю имеющиеся у меня фотографии различных времен, и вот передо мной та, на которой заснят В.П. Виноградов и тоже ветеран КПСС с большим стажем Александр Нестерович Полозов. Между ними сижу я, а рядом со мной генерал-майор В.В. Пузейкин. Этот снимок был сделан во время организованных наших выступлений в музее. И вот еще один снимок. На нем кроме В.П. Виноградова и меня за столом сидит еще вице адмирал В.Л. Богденко. Нам в музее после выступлений устроили чаепитие. Этот снимок до сих пор меня очень волнует. Василий Петрович и в очередной раз неожиданно, но более настойчиво обратился ко мне: «И ты до сих пор не состоишь в партии? Я даю тебе немедленно рекомендацию и вступай сейчас же в партию!» Обращаясь к Валентину Лукичу, он спросил: «А вы как поступите?» Богденко В.Л. тут же ответил: «Я знаю его много лет и готов дать хоть две рекомендации!»

Услышав, я едва сдерживался, не знал, что ответить. Ведь я и этим близким мне людям не имел права сказать, что еще являюсь по решению «Особого совещания» при МГБ «изменником Родины». Признаюсь, и сейчас, глядя на эту фотографию, мне становится тяжело. Василия Петровича нет уже в живых. Валентин Лукич, слава богу, еще жив. После моей реабилитации, напомнив ему о совместной фотографии, я спросил, помнит ли он об этом разговоре и понимает ли теперь, в каком тяжелом состоянии я тогда находился? Валентин Лукич мне по телефону коротко ответил: «Помню и только теперь понимаю!»

Совершенно неожиданно в Ленинградской секции СКВВ я встретился с Григорием Харитоновичем Бумагиным, с ним мы встречались еще до моего отъезда на зарубежную работу. Мы узнали друг друга, и у нас установились дружеские отношения. Этому способствовало то, что и он часто принимал участие в организуемых встречах с иностранными делегациями и туристическими группами, а также в проводимой патриотической воспитательной работе среди молодежи.

Григорий Харитонович вначале был очень сдержан в разговорах, поэтому многое я узнал о нем от других, что потом удалось в некоторой степени уточнить уже в беседах с ним

лично. Я знал только, что Г.Х. Бумагин многие годы был на ответственной партийной работе, что вскоре после начала Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда в целях активизации населения прилегающих к городу областей и районов было принято решение об объединении руководства партизанского движения. Для этого создавалась «тройка», возглавляющая все партизанское движение в Ленинградской области. Именно секретарю Ленинградского обкома партии Г.Х. Бумагину было поручено возглавить эту «тройку».

Еще задолго до сближения с самим Григорием Харитоновичем я услышал некоторые подробности о его деятельности как руководителя «тройки», которая была высоко оценена. Закончил войну он якобы в звании генерал-майора. По слухам, которые дошли до меня, Г.Х. Бумагин был репрессирован в период провокационного, сфабрикованного Л.П. Берией так называемого «Ленинградского дела». Эти слухи в дальнейшем подтвердились в моем разговоре непосредственно с Григорием Харитоновичем. Он не входил в подробности причин его репрессии, не указывал точно, в какое время это было, но как-то признал сам факт нахождения под арестом и реабилитации уже после состоявшегося суда над Берией и его компанией. Правда, он указал мне на то, что после реабилитации ему было установлено звание только полковника.

Не имея возможности даже предположить, что мне пришлось пережить после наших довоенных встреч, Г.Х. Бумагин с удивлением часто задавал один и тот же вопрос: «Как могло случиться, что я не являлся участником Великой Отечественной войны?» Свой вопрос иногда он изменял и сводил его к следующему: «Чем же вы занимались во время Отечественной войны, как могло случиться, что вы оставались полностью в стороне от нее?»

Вслед за этими вопросами Г.Х. Бумагин часто вспоминал о том, что ему было известно обо мне. Он указывал, что многим до войны была хорошо известна моя работа в штабе ПВО Нарвского района, мои «лекции» по радио о необходимости всего населения готовиться к ПВХО, моя активная деятельность в «Осоавиахиме» и в издаваемой этой общественной организацией многотиражной газете. Он даже ссылался на мое участие в комиссии Ленсовета, возглавляемой комбригом Н.Н. Вороновым, ставившим своей целью тщательную проверку готовности Ленинграда не только к ПВО, но и вообще к его готовности к обороне на случай возникновения войны.

Тяжело и сейчас вспоминать о том, что до его смерти я не мог признаться и этому моему другу в том, что я «изменник Родины» и только пока безрезультатно добиваюсь моей полной реабилитации. Мы были с ним вместе на Пискаревском кладбище, брали немного земли, которую С.П. Лисин должен был отвезти в Испанию и в Мадриде возложить к воздвигаемому памятнику погибшим во время национально-революционной войны в Испании советским добровольцам. Внезапно Григорий Харитонович задал вопрос Сергею Прокофьевичу Лисину: «Вы тоже давно знаете Толю (подчеркиваю – не Анатолия Марковича, а Толю, что является доказательством наших весьма близких дружеских отношений), как он проявил себя в Испании? Он не любит уточненно говорить о себе, а всегда говорит о том, что считает полезным для знания народом истории. Чем можно объяснить, что он не участник Отечественной войны?»

На задаваемый вопрос С.П. Лисин ответил тоже с недоумением и указал, что, когда идет речь об участии советских добровольцев в боевых действиях республиканского испанского военно-морского флота, Толю характеризуют как героя. Он подчеркнул, что написал об этом на одной из фотографий, где мы сняты вместе, и подарил ее мне.

Вернувшись домой, я незамедлительно попытался найти среди многих фотографий и ту, о которой говорил С.П. Лисин. Я ее нашел. На ней сфотографировались, кроме меня, генерал-майор Валериан Александрович Яманов, генерал-майор Владимир Васильевич Пузейкин, капитан I ранга Герой Советского Союза Сергей Прокофьевич Лисин, бывшая переводчица в Испании Елена Евсеевна Константиновская. Я перевернул фотографию и прочитал, что на ней было написано: «Славному старпому республиканской подводной лодки Испании в героические 1936–1939 гг. Толе Гуревичу в память о встрече на юбилее

испанского землячества. В восторге от вашей энергии в деятельности в испанской секции. Сергей Лисин. 11.12.69».

При очередной встрече с Сергеем Прокофьевичем я спросил его, почему он возвел меня в ранг «старпома»? (Признаюсь, раньше я не обращал на это внимания.) Ответ был лаконичен: «Ведь после отъезда из Испании И.А. Бурмистрова именно вы передали нам лодку С-4, на которую я был назначен старпомом. Вскоре мы узнали, что весь испанский экипаж считал именно вас при Бурмистрове старпомом».

К этому разговору с Г.Х. Бумагиным мы возвращались довольно часто, вспоминая мнение, высказанное С.П. Лисиным, и он всегда указывал на то, что ему очень хотелось бы узнать обо мне все более подробно. С большим доверием он делился своими мыслями обо всем, что происходит в стране, в частности в Ленинграде. Часто с явным непониманием оснований, проявляемых внимания и желания ему в чем-либо помочь, он говорил о члене Политбюро ЦК КПСС, секретаре Ленинградского обкома КПСС Г.В. Романове. Одним из примеров своего удивления Григорий Харитонович привел телефонный звонок референта Г. В. Романова с просьбой явиться в Смольный к секретарю обкома. Будучи принятым Романовым, Бумагин совершенно неожиданно услышал, что благодаря ходатайству секретаря Обкома КПСС размер установленной персональной пенсии ему увеличен!

Нам, членам Ленинградской секции СКВВ, пришлось провожать в последний путь Григория Харитоновича. Для меня это было особо тяжело, так как я чувствовал себя перед ним виноватым, не удовлетворив его желания и не рассказав ему о своей тяжелой жизни и проявленной ко мне несправедливости при осуждении меня как «изменника Родины». Впрочем, аналогичный стыд я испытывал и провожая в последний путь многих моих друзей, в том числе генерал-майора Героя Советского Союза Е.Е. Ерлыкина, Е.С. Лагуткина, К.В. Введенского, В.В. Пузейкина, вице-адмирала Н.П. Египко, контр-адмирала Героя Советского Союза С.А. Осипова и других. Конечно, я чувствовал себя виноватым, провожая в последний путь В.П. Виноградова и его жену Александру Васильевну, очень близкую моей жене и мне Екатерину Александровну, жену И.С. Колесникова.

Нелегко было мне быть одним из членов комиссии по похоронам председателя Ленинградской секции СКВВ генерал-лейтенанта Героя Советского Союза Александра Андреевича Свиридова. Этот заслуженный человек делился со мной всем пережитым, давал мне на прочтение свои дневники и воспоминания, рассказывал о своих отношениях с Л.И. Брежневым, далеко не дружелюбных, и о дружбе, имевшей место его семьи с семьей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Петра Мироновича Машерова. О многом весьма интересном у нас состоялись разговоры с Александром Андреевичем. После смерти его жены, которую мы тоже очень любили, после его неожиданной смерти мы продолжаем поддерживать дружеские отношения с одним из двух его сыновей, невесткой и внуком. До сих пор мне не только стыдно, что я не имел права рассказать о себе правду моему другу, но весьма тяжело сознавать, что он не мог знать ничего обо мне как о разведчике, как о человеке, знавшем многих военных, в том числе и тех, которые были с ним в хороших отношениях, ставших потом жертвами репрессий, в частности Г.М. Штерне, Понеделине и других.

Должен признаться, что из всех моих друзей, знакомых, ничего не знавших обо мне, только одному, тоже, к сожалению, умершему в 1985 г., я публично в декабре 1991 г., в день 90-летия со дня рождения Ивана Степановича Колесникова, перед собравшимися в Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова в клинике госпитальной хирургии военными хирургами Советской армии, выступая с воспоминаниями об этом прекрасном человеке, начал его с прощения перед памятью моего друга, перед всеми теми, кто в академии знал меня, за то, что до свершившейся наконец моей полной реабилитации я скрывал от всех тяжелые переживания, вызванные сфабрикованными против меня обвинениями и осуждением как «изменника Родины». В зале было много военных хирургов, приехавших в Ленинград, и ленинградцев, все отнеслись с пониманием к моему заявлению.

Эта часть моих воспоминаний – только малая доля тех переживаний, которые мне

пришлось перенести в моей сложной жизни. Я хочу заверить всех моих читателей, что многие торжественные мероприятия, участником которых я был, стоили мне тоже много здоровья, вызывали у меня не менее тяжелые переживания. И в этом случае я коснусь только немногих подобных мероприятий.

В феврале 1967 г. в ленинградском Доме дружбы и мира в Большом зале состоялось торжественное собрание, на котором присутствовали члены Секции советских добровольцев – участников национально революционной войны в Испании, ветераны Великой Отечественной войны, преподаватели высших и средних учебных заведений, студенты и школьники и другие приглашенные. В президиуме сидели представители СКВВ, Обкома и Горкома КПСС и ВЛКСМ, Ленсовета, общественных организаций, школ и высших учебных заведений.

Торжественное заседание было посвящено вручению памятных медалей Советского комитета ветеранов войны «Участнику национально-революционной войны в Испании 1936–1939 гг.». СКВВ поручил вручение указанных медалей в Ленинграде председателю Ленинградской секции СКВВ, бывшему зам. командующего ЛВО генерал полковнику Михаилу Петровичу Константинову.

В альбоме у меня сохранилась фотография, на которой видно, как торжественно и по-дружески М.Н. Константинов вручает мне медаль и удостоверение к ней. Отношение ко мне со стороны вручавшего награду объяснялось тем, что мы уже несколько лет совместно с ним работали. Я был выделен из Совета советских добровольцев – участников национально революционной войны в Испании в созданное при председателе Ленинградской секции СКВВ бюро.

Получив медаль и удостоверение, я вновь занял место в президиуме. Сразу же посмотрел на удостоверение и увидел, что на нем имеются две надписи: первая – председателя Советского комитета ветеранов войны Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза, бывшего наркома обороны СССР С.К. Тимошенко, а вторая – майора авиации, легендарного летчика периода Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза Алексея Петровича Маресьева. Увидев личную подпись А.П. Маресьева, я вспомнил, что он был в начале 1942 г. тяжело ранен, в результате чего у него были ампутированы голени на обеих ногах. Уже с протезами, он вернулся в полк, совершил значительное число боевых вылетов и еще сбил несколько немецких самолетов. С 1956 г. он являлся ответственным секретарем СКВВ.

Невольно вспомнились встречи с Семеном Константиновичем Тимошенко и Алексеем Петровичем Маресьевым при посещении СКВВ. Первым, с кем я встретился, был Алексей Петрович. Тогда СКВВ помещался еще в старом здании близ Музея искусств им. А.С. Пушкина. Не могу не отметить, что меня поразило при нашей первой встрече. К моему приходу в СКВВ Маресьева в кабинете не было. Мне сказали, что он скоро должен приехать. Я решил выйти на улицу и перекурить. Со мной вышел один из сотрудников комитета. Мы курили и вели непринужденную беседу о Москве. Совершенно неожиданно к зданию подъехала автомашина, из которой выпрыгнул спортивного вида человек. На ногах у него были обычные сандалии. Он быстро вошел в дверь и побежал вверх по лестнице.

Мой собеседник поинтересовался, почему я не поздоровался с Маресьевым? Я объяснил, что я еще никогда с ним не встречался, видел только фотографии, а предположить, что человек с ампутированными голениями мог так быстро передвигаться, я не мог.

Вскоре я был принят Алексеем Петровичем, и мы выяснили некоторые вопросы, рассмотрение которых с ним было мне поручено Ленинградской секцией СКВВ. Безусловно, я имел все основания, чтобы быть уверенным, что А.П. Маресьев ничего обо мне не знал. Не знал он ни того, что я был разведчиком РККА, а затем Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской армии, ни того, что я был осужден решением «Особого совещания» при МГБ СССР и отбывал много лет наказания в ИТЛ. Он знал только, что я был добровольцем и участвовал в первой схватке с фашизмом в Испании. Это он мог знать от активистов СКВВ – контр-адмирала Николая Алексеевича Питерского, Ивана

Никифоровича Нестеренко, полковника Александра Алексеевича Шукаева и других участников войны в Испании.

При моей встрече с Маршалом Советского Союза, председателем СКВВ Семеном Константиновичем Тимошенко, не знаю точно, отвечает ли это действительности, но мне показалось, что он знает обо мне несколько больше. Во всяком случае, мне запомнились примерно следующие его слова, которые он сказал мне перед уходом: «Я говорил с М.П. Константиновым и рекомендовал привлечь вас к активной работе как участника войны в Испании. Более точно о вас я ему ничего не говорил, да и вам не следует этого делать». Из слов С.М. Тимошенко я сделал для себя вывод, возможно, и не совсем правильный. Во всяком случае, оказавшись уже на улице, я не мог не задуматься над тем, знает ли маршал о моей разведывательной деятельности, моем аресте органами государственной безопасности и отбывании наказания. Я приходил к убеждению, что, видимо, знал, верил и поэтому рекомендовал меня Ленинградской секции СКВВ. Во всяком случае, меня все больше стали привлекать к работе еще до того, как в феврале 1967 г. вручили медаль и удостоверение.

Почти через год после получения указанной медали и удостоверения одновременно вице-адмиралу В.Л. Богденко и мне были вручены медали и удостоверения от 20 февраля опять-таки за подписью маршала С.М. Тимошенко, председателя СКВВ, и ответственного секретаря А.П. Маресьева. В удостоверении указывалось, что постановлением президиума Советского комитета ветеранов войны я был награжден «Почетным знаком СКВВ».

Это награждение, как и целый ряд других, в том числе почетными грамотами, для меня были очень приятными. Они подтверждали, что, несмотря на проявленную ко мне несправедливость, я продолжаю быть честным человеком и всем, чем могу, стараюсь приносить пользу моей Родине.

Не вдаваясь в подробности, укажу только на некоторые из врученных мне наград, в том числе и почетных грамот.

Центральный комитет ДОСААФ наградил меня «Почетным знаком ДОСААФ СССР» с выдачей удостоверения № 7779 за подписью председателя Центрального комитета ДОСААФ генерала армии, Героя Советского Союза Андрея Лаврентьевича Гетмана и председателя Центральной наградной комиссии ДОСААФ Маршала Советского Союза, трижды Героя Советского Союза Семена Михайловича Буденного.

В честь тридцатилетия Победы советского народа в Великой Отечественной войне президиум Советского комитета ветеранов войны вручил мне «Памятную медаль» и удостоверение за подписью председателя СКВВ, дважды Героя Советского Союза генерала армии Батова Павла Ивановича и ответственного секретаря СКВВ, Героя Советского Союза А.П. Маресьева.

Аналогичные медаль и удостоверение к ней я получил и к 35-летию Победы 9 мая 1980 г.

В 1986 г. президиум СКВВ к 50-летию национально-революционной войны в Испании наградит «Памятным знаком СКВВ». Удостоверение подписали председатель СКВВ генерал полковник, Герой Советского Союза Алексей Сергеевич Желтов и ответственный секретарь СКВВ А. Малов.

Грамотами меня награждали в разное время. В основном этими грамотами отмечали «мою активную работу по военно-патриотическому, трудовому и нравственному воспитанию призывной и допризывной молодежи, а также воинов Советской армии». Позволю себе перечислить некоторые грамоты, которые мне были вручены по этому разделу моей работы:

- СКВВ от 25.11.67 г. за подписью зампредела и ответственного секретаря А.П. Маресьева;

- Таицкого гарнизона от 11.06.69 г. за подписью начальника гарнизонного Дома офицеров майора Айраметяна;

- в/ч 36939 от 11.10.69 г. за подписью командира в/ч подполковника А. Иванова;

- 19.02.81 г. ЛВО за подписью члена военного совета – начальника политического

управления ордена Ленина Ленинградского военного округа генерал-полковника И. Репина;
- СКВВ от 07.11.82 г. за подписью председателя СКВВ, Героя Советского Союза генерал-полковника А.С. Желтова;
- Ленинградского горвоенкомата от 22.02.88 г. за подписью горвоенкома генерал-майора И. Павлова.

На двух грамотах этого раздела хочу остановиться особо. Поздравительная грамота от 7 ноября 1978 г. подписана многими членами Ленинградской секции добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании, в том числе председателем секции генерал-майором В.В. Пузейкиным, членами секции вице-адмиралом В.Л. Богденко, подполковником Л.Л. Покровской и многими другими. Вот выдержка из этой грамоты: «Отправившись добровольно в конце 30-х годов в Испанию, будучи совсем еще молодым, ты с бесстрашием и отвагой участвовал в переходе подводной лодки через Гибралтар, проявив себя как подлинный патриот, защищавший на берегах Средиземного моря передовую идею Нового мира интернациональной помощи народов в борьбе против империалистического гнета и мракобесия фашизма.

Не перечисляя всех твоих заслуг на гражданской службе, лишь скажем, что в настоящее время благодаря крепкой жизненной закалке, прочным политическим и экономическим знаниям, владению несколькими иностранными языками ты на общественной работе блестяще справляешься со сложными заданиями международной комиссии Ленсекции СКВВ, ответственным секретарем которой состоишь.

Ты являешься заместителем председателя нашей испанской секции, которой искренне предан и в которой работаешь с присущим тебе организаторским талантом, огоньком и умением...»

Положительную оценку моей деятельности дало в связи с моим 70-летием 7 ноября 1983 г. руководство Ленинградской секции СКВВ в грамоте, подписанной председателем Ленинградской секции СКВВ, Героем Советского Союза генерал-лейтенантом Д.А. Медведевым и ответственным секретарем генерал-майором А.В. Петровым. Текст этой грамоты привожу дословно:

«Уважаемый Анатолий Маркович!

Президиум Ленинградской секции Советского комитета ветеранов войны сердечно поздравляет вас с знаменательным юбилеем – семидесятилетием со дня рождения.

Своей многолетней и плодотворной деятельностью в мирное время и, особенно во время войны в Испании вы внесли большой вклад в дело борьбы с фашизмом.

Пройденный вами путь служит примером для молодого поколения.

В настоящее время вы продолжаете активно участвовать в работе Ленинградской секции СКВВ и в Совете добровольцев – участников гражданской войны в Испании.

За активную работу по военно-патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи вы неоднократно поощрены Советским комитетом ветеранов войны.

Выражая признательность за активную общественную работу, желаем вам, Анатолий Маркович, доброго здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни».

За 10 лет перед этой грамотой я получил еще одну – к моему 60 летию в 1973 г., под которой стоят подписи многих моих соратников по Испании, в том числе генералов В.В. Пузейкина, В.А. Яманова, контр-адмирала И.А. Яхненко, вице-адмирала В.Л. Богденко, доктора исторических наук Д.П. Прицкера и многих других. Вот что написано в этой грамоте:

«Твои товарищи и друзья – члены Ленинградской секции советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании 1936–1939 гг. – сердечно приветствуют и поздравляют тебя в день 60-летия.

Мы знаем тебя давно как энергичного и активного, инициативного и исполнительного товарища, длительное время выполнявшего обязанности зампреда нашей секции, вложившего много труда в организационную и военно-патриотическую работу.

Здесь сегодня ты остался таким же патриотом, как тогда – в Испании, куда поехал

добровольцем по зову совести, как истинный интернационалист.

Являясь одним из авторов сборника "Ленинградцы в Испании" (2-е издание), ты вписал новую страницу в историю вопроса о переходе подводной лодки через Гибралтар, причем сделал это мастерски с литературной точки зрения и достоверно с точки зрения исторической справедливости.

Желаем тебе, дорогой Анатолий Маркович, успехов в твоей деятельности, здоровья и счастья».

На этот раз среди многих подписей советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании имеются и подписи нескольких членов ленинградского испанского землячества во главе с председателем Артуро Олано-Эренья.

Мне хотелось бы в подтверждение высказываемой оценки проводимой мною военно-патриотической работы среди молодежи, в первую очередь, к приведенным уже выше грамотам, еще указать только на некоторые. Речь идет о грамотах, полученных от районных, городской и областной ленинградских комсомольских организаций. К ним относятся:

- Юбилейная почетная грамота Ленинградского обкома ВЛКСМ, 1988 г.;
- Почетная грамота Ленинградского городского комитета ВЛКСМ от 8 июня 1976 г. за подписью секретаря;
- Почетная грамота Ленинградского областного комитета ВЛКСМ за подписью секретаря от 24 сентября 1981 г.;
- Грамота Ленинградского горкома ВЛКСМ за активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи и в связи с 40-летием Великой Победы за подписью секретаря, награжден 29 апреля 1985 г.;
- Почетная грамота Кировского РК ВЛКСМ Ленинграда за подписью секретаря Е.И. Бабочкиной;

Мне были вручены также Почетные грамоты:

- директора Государственного ордена Октябрьской революции музея Великой Октябрьской революции Л.А. Шевцова от 5 мая 1980 г. за активную помощь музею;
- директора музея Л.А. Шевцова и председателя Совета содействия ветеранов КПСС В.П. Виноградова «За активное и плодотворное сотрудничество с музеем в деле героико-патриотического воспитания трудящихся и молодежи» от 18 апреля 1983 г.

Я мог бы в подтверждение правдивости моей полезной общественной деятельности привести еще много примеров, основанных на полученных мною не только наград в виде почетных грамот, но и письменных отзывов.

1986 г. В честь 50-летия национально-революционной войны в Испании Анатолию Гуревичу вручают «Памятный знак СКВВ»

ГЛАВА XXXIV. Радостный день. Тяжелые переживания. Наконец счастье, предшествовавшее полной победе!

Человек, выполняющий или выполнявший доверенную ему деятельность нелегального военного разведчика во вражеском тылу, в любой стране обречен, как правило, на полное безмолвие. Даже своим детям, жене, матери и отцу, своим близким и друзьям он долгие годы не мог раскрыться. Естественно, в моем положении, совершенно необоснованно осужденного в «измене Родины», обязанного молчать обо всем, что касалось не только моей работы резидента военной разведки в Бельгии и Марселе, но и хода следствия по моему делу и воздвигнутых обвинений, это было все еще в большом запрете.

Медленно продвигались и мы в нашей стране и за рубежом к новому понятию того, что находилось за семью печатями. Правда, у нас к этому продвигались медленнее, чем в других странах. Некоторые читатели могут со мной не согласиться. Действительно, часто не только в художественной литературе, в прессе, на сцене театров и в основном на киноэкранах и даже не исключая многосерийные фильмы, специально заснятые для телевидения, но даже в претендующей на мемориальную литературе различных разведчиков, а также в публикуемых «исторических исследованиях» допускается искажение действительности. Во многих случаях это объясняется, в первую очередь, желанием отдельных разведчиков встать на необоснованный путь самовосхваления, придания себе больших заслуг и значения для решающего хода военных действий армий их стран. Что касается авторов «исторических исследований», публикуемой литературы и подготавливаемых для прессы материалов, то чаще всего ими являются те люди, которые не имеют прямого отношения к разведывательной работе. Это относится в особенности к тем публикациям, которые пытаются осветить деятельность разведывательных резидентур и отдельных разведчиков, действовавших не только в военное, но и в мирное время в самых различных государствах.

Прошло более 45 лет после моего решения вернуться в Советский Союз, стремясь и дальше приносить ему пользу. Я об этом уже знакомил читателя. Сейчас хочу только особо подчеркнуть, что все эти годы я был обречен на безмолвие по всем вопросам, касающимся моей деятельности за рубежом в сети военной разведки, а это распространялось и на мою личную жизнь во время проживания за рубежом. Я был вынужден скрывать от всех и тот факт, что в сентябре 1943 г. после нескольких лет моей разведывательной деятельности, находясь в гестапо, я признался в любви Маргарет Барча, в результате чего у нас в 1944 г. 20 апреля родился сын. Весьма понятно, какими были мои переживания, когда уже в 1972 г. я смог прочесть в книге совершенно безответственных авторов Ал. Азарова и Вл. Кудрявцева «Забудь свое имя», выпущенную «Политиздатом» (Москва, 1972), много абсолютно необоснованных, оскорбительных высказываний в отношении этой исключительно порядочной женщины, знакомство с которой я во время работы за рубежом ни от кого не скрывал. Больше того, об оказанной мне помощи в моей деятельности мадам Барча я докладывал в «Центр», присвоив ей псевдоним Блондинка. Свои доказательства этому высказыванию я приведу несколько дальше. А сейчас хочу коснуться того важного момента, который вынесен в заголовок этой главы – «Радостный день...».

29 ноября 1990 г. неожиданно раздался телефонный звонок. Мне и Лидии Васильевне сразу показалось, что звонит кто-то из-за границы. Сняв трубку, я услышал женский голос, предупредивший, что со мной будет говорить Мадрид. Особого удивления это у меня не вызвало, так как иногда мне звонили из Испании, в том числе члены Ассоциации летчиков-республиканцев. Я стал ждать соединения и вдруг услышал незнакомый голос и ошеломившие меня слова: «Папа, я Мишель!»

Сохраняя еще определенное спокойствие, усомнившись, правда, не является ли это провокацией, я сразу же задал на том же французском языке вопрос: «Мишель, скажи мне, кто были твои крестные родители и где тебя крестили?»

Ответ последовал немедленно: «Меня крестили в католической церкви во Фридрихсроде, а крестными родителями были жена французского генерала Жиро и бельгийская графиня Русполи...»

Услышав это, я, сидя на стуле у телефона, опустил трубку и больше не мог разговаривать. В первое время мне показалось, что я попросту потерял сознание, но нет, я просто не мог поверить... Еще на Лубянке меня заверили, что Маргарет и Мишель погибли в фашистском концлагере. Мне безмолвно сидеть пришлось недолго. Лидочка не могла понять, что происходит, ведь я ей еще пока ничего не сказал. До этого телефонного звонка мы с ней никогда не говорили о том, что у меня есть сын. Ведь я и сам не знал, что он жив.

Минут через тридцать-сорок раздался вторичный звонок из Мадрида, и я вновь услышал ставший мне уже дорогим голос Мишеля.

«Папа, наконец после стольких лет невероятных усилий мне удалось узнать от жены французского писателя Жюль Перро твой адрес и номер телефона в Ленинграде. Я счастлив. Я уже послал тебе через частную компанию почтовой связи письмо и бандероль. Ты их получишь скоро. Мама, к сожалению, нет уже в живых, она умерла в 1985 году, до последних дней помня о тебе и любя тебя. Я, мои родственники и друзья убеждены, что ты очень хороший человек, а не предатель. Я сделаю все для того, чтобы тебя увидеть скоро. Этого же хотят моя жена Каролина и сын Саша, они тоже очень тебя любят».

Я не мог понять, почему мои координаты Мишелю передала жена французского писателя Жюль Перро. У меня возник вопрос, откуда она могла узнать мой адрес и номер телефона? Я мог только догадаться о том, каким образом Жюль Перро мог их узнать, но почему именно жена сообщила об этом Мишелю, я не мог предположить.

О существовании французского писателя Жюль Перро я смог узнать после получения очередного номера «Литературной газеты» от 10 мая 1989 г. Эту газету я выписывал много лет. В этом номере на целой полосе был опубликован материал под громким названием «Большой шеф выходит из тьмы», подготовленный и предпосланный большим вступлением политического обозревателя АПН Александром Игнатовым.

Александр Игнатов привел свою краткую беседу с французским писателем Жилем Перро и считал даже возможным поместить его статью под заглавием «Красная капелла». Прочитав все опубликованные на этой полосе материалы, а также ознакомившись с помещенными на этой полосе фотографиями, моему возмущению не было предела. Я понимал, что книга, о которой я уже упоминал, – «Забудь свое имя» могла читателями, несмотря на все, рассматриваться как «роман с выдумками». Этого нельзя было предполагать о статье, опубликованной в выходящей большим тиражом весьма популярной газете. Для себя лично я сделал простой вывод: решил прекратить подписку на эту газету. Однако на этом мое решение не ограничилось. Я решил написать для Александра Игнатова подробное письмо с конкретными возражениями против подготовленных им для газеты материалов.

Вполне объяснимо, что в письме Александру Игнатову не указывал на то, что я являюсь разведчиком, больше того, резидентом одной из нелегальных групп советской военной разведки, входящей в названную немцами сеть в Европе «Красной капеллой». Я писал ему, что как участник национально революционной войны в Испании я познакомился со многими немцами антифашистами, с некоторыми встречался и впоследствии. Я останавливался и на причинах, побудивших меня посвятить значительное время, а точнее, многие годы сбору и анализу, сопоставлению материалов, касающихся деятельности так называемой «Красной капеллы».

Не указывая, при каких обстоятельствах, я все же считал возможным даже указать на то, что мне «приходилось, а вернее, случалось встречаться с некоторыми советскими разведчиками». Я дополнил свое утверждение еще и тем, что, в частности, в 1956 г. в Москве я встречался с Леопольдом Треппером, а еще до этого знал его жену Любовь Евсеевну Бройде.

Заканчивая вступление к письму, я подчеркнул, что все это предопределило, что уже очень давно я постоянно знакомился с изданной не только у нас, но также и за рубежом литературой. Мне удалось, писал я Александру Игнатову, собрать довольно обширные материалы о советских разведчиках и о движении Сопротивления в самых различных странах Европы.

В редколлегию «Литературной газеты» я отправил заказное письмо 20 июня 1989 г., предназначенное Александру Игнатову. Оно состояло из 21 страницы. Только 1 августа 1989 г. отдел писем «ЛГ» за подписью Н. Ефремова дал мне ответ за № 42818.

Должен признаться, полученный ответ меня попросту поразил. Поэтому приведу его текст дословно:

«Мы постараемся переслать ваше письмо тов. Игнатову. В то же время мы, безусловно, не вправе обязывать его, как и кого-либо другого, вступать с кем-либо в личную переписку, и обязанность отвечать на письма распространяется только на организации, но никак не на отдельных граждан. Поэтому давать какие-либо обещания мы не можем, поймите нас правильно. Всего доброго».

Я мог, получив это письмо, только предположить, что более чем за месяц «Литературная газета» могла уже передать письмо своему коллеге. Тогда я еще не мог утверждать, что, получив мое письмо с указанными в нем всеми необходимыми адресами и фамилией, именем и отчеством, такой «видный» политический обозреватель АПН, как Александр Игнатов, легко мог установить, что письмо ему пишет не просто мало осведомленный в вопросах деятельности советских военных разведчиков, но именно один из тех, который входил в «Красную капеллу», то есть Кент. Несколько позднее я уже мог прийти к убеждению, что этот человек узнал от Жилия Перро мою настоящую фамилию, стоящую в конце письма.

К убеждению в том, что Александр Игнатов знал, кто я такой на самом деле, я пришел 21 ноября 1990 г. В этот день ко мне позвонил редактор Леннаучфильма, не назвавший своей

фамилии, но указавший на то, что он совместно работает над каким-то фильмом с Александром Игнатовым и звонит мне по его поручению. Игнатов просил получить мое согласие на передачу моих координат французскому писателю Жилью Перро. Убеденный в том, что Жиль Перро уже давно узнал от Леопольда Треппера мою настоящую фамилию, которая, кстати, прямо указана в книге, изданной организованным Юлианом Семеновым совместным предприятием СССР и Франции «ДЭМ» в том же 1990 г. под уже принятым названием «Красная капелла», возмущенный, в первую очередь, клеветником Жилем Перро, а также и Александром Игнатовым, не откликнувшись на мою просьбу полтора года назад о нашей встрече, я в категоричной форме запретил следовать желанию этих двух «друзей».

Несмотря на это, Александр Игнатов сообщил в Париж мои координаты. Забегая вперед, хочу привести высказанное Мишелем и Каролиной, убеждение. Они считали, что нам повезло. Александр Игнатов сообщил мои координаты по чистой случайности не Жилью Перро, находившемуся в отъезде, а его жене. Именно она немедленно сообщила их Мишелю. Они подчеркивали, что в то время, как Жиль Перро избегал с ними поддерживать какие-либо контакты, зная о том, что они стремятся восстановить правду об отце Мишеля, а тем самым разоблачить стремящегося к наживе автора книг Леопольда Треппера, его жена относилась к Каролине, Мишелю и Саше, а еще ранее и к Маргарет с любовью и вниманием, а также и с пониманием.

Вот после этого отступления продолжу мое повествование о первых наших контактах с Мишелем. По телефону мы разговаривали относительно недолго. Мы условились, что он будет звонить два раза в неделю, в среду и в воскресенье утром. Более подробно мы поговорим с ним после того, как я получу от него письмо... Его указания на то, что в бандероли, которую он пошлет, будет недавно изданная в Испании книга писателя Луиса Т. Бонмати «Последний аккорд "Красной капеллы"», включающая воспоминания Маргарет и Мишеля, а также и копии их собственных воспоминаний.

Только я закончил разговор с Мишелем, как с тяжелым напряжением обо всем рассказал Лидочке. Легко представить себе мое состояние, я ведь даже не мог описать, вернее, представить себе, каков мой сын. Я понимал и то, что этому девятимесячному малютке, которого я видел в последний раз во Фридрихроде, сейчас уже сорок шесть лет, что у меня еще есть внук, которому уже четырнадцать. Рассказывая все Лидочке, я заметил, что и она тяжело переживает. Наш разговор с ней закончился тем, что она выразила искреннюю надежду, что мы все увидим друг друга и сможем себя чувствовать счастливой семьей.

Охватившая нас радость повлекла за собой тяжелые переживания. Я не мог простить себе, что виновен во всех тех испытаниях, которые было суждено перенести Маргарет, Рене и Мишелю. Правда, я осознавал, что все то, что произошло в отношениях между мной и Маргарет в 1943 г., смогло осуществиться только после того, как у меня появилась уверенность, что в прямом смысле нам больше ничего не угрожает и мы сможем быть счастливыми у меня на Родине.

Более сорока лет я тяжело переживал, что Маргарет и Мишель погибли, что для меня остается абсолютно неизвестной судьба оставленного после нашего ареста с Маргарет в Марселе в одном из пансионатов Рене. Что мне предстоит узнать обо всем том, что все они переживали за эти годы, я не мог себе представить.

Медленно шло время, тяжелые переживания не прекращались. Я не мог дождаться, а правильнее сказать, мы, Лидочка и я не могли дождаться получения обещанной бандероли. Наконец настал счастливый день. Представитель частной почтовой компании доставил нам на дом долгожданную бандероль. Едва успев расписаться в сопроводительном листе с перечнем многих адресов, едва успев закрыть дверь за покинувшим нас «гостем», как мы оба ринулись к тому, что находилось в упакованной бандероли. Прежде всего, наше внимание привлекло отпечатанное на четырех страницах на французском языке письмо Мишеля. Это было первое за всю жизнь письмо от моего сына.

Мы оба читали это письмо буквально со слезами на глазах. Естественно, я читал для Лидочки, переводя его текст с французского на русский.

Не могу удержаться и хочу хотя бы некоторые места письма все же довести до сведения читателей. Я уже не говорю о том, что все письмо полно искренней любви и уверенности в порядочности отца. Кроме того, он прямо указывает на то, что «после последнего четверга, то есть 29 ноября, я живу как наиболее счастливый человек на земле». Он подчеркивает, что со дня своего рождения, 21 апреля 1944 г. и до 1965 г. он и Маргарет были убеждены, что меня больше нет в живых. Только в этот год внезапно появился у «нас некий Жиль Перро, который сообщил нам, что ты жив и живешь в Ленинграде».

Мишель подчеркивает, что после того, как книга французского писателя Жилия Перро, в которой говорится о «Красной капелле», была опубликована в 1967 г., он был потрясен ее содержанием в части Маргарет и меня. Его возмущало и то, что Жиль Перро, встречавшийся с Леопольдом Треппером и со многими оставшимися в живых людьми из «Красной капеллы», ничего не предпринял для того, чтобы встретиться со мной и обо всем поговорить.

Вот с 1965 г. Мишель и, конечно, Маргарет развернули активную деятельность по поиску Кента, оставшегося, по словам Жилия Перро, живым и проживающего в Ленинграде. Абсолютно резонно Мишель подчеркивает, что в этой сложной работе им автор книги «Красная капелла» ничем не помогал. Больше того, не назвал даже ставшей ему известной фамилию Кента.

Из письма Мишеля мы узнали, что в 1972 г. он женился на Каролине, бельгийке, и вскоре переехал к ее родителям, проживавшим в Испании. Маргарет дважды каждый год навещала их, а один раз в году они всей своей семьей, Мишель, Каролина и Саша, навещали ее в Бельгии, где она продолжала проживать.

Из письма Мишеля мы узнали и то, что в 1989 г. на экранах Бельгии и Франции появился кинофильм по сценарию Жилия Перро. Больше того, Мишель прямо написал в письме, что этот фильм для него был ужасным. Фильм показывал Леопольда Треппера героем, а его жена Любовь Евсеевна дала Мишелю понять противоположное.

Нам оказалось очень интересным и имеющим значение то, что Каролина была единственной, которая действительно никогда не любила Жилия Перро и не верила ему. Именно благодаря этому, признается Мишель, продолжил поиск материалов, разоблачающих Жилия Перро, а следовательно но, и самого Леопольда Треппера, а для этого и особенно еще в большей степени меня лично.

Лиду и меня очень тронули последние строки письма. Привожу его дословно: «Я счастлив, очень счастлив, что ты женился, и надеюсь, что наступит день, когда я смогу познакомиться с твоей женой. Блестяще было бы, если бы вы могли вдвоем нас навестить в каникулы в Испании».

На этом письмо еще не заканчивалось. Мишель утверждал, что Маргарет своими рассказами обо мне, теми фотографиями, которые он видел, дала ему основание утверждать, что он похож на меня. Спрашивая мое мнение о книге Жилия Перро, он утверждал, что его единственным самым важным намерением является «вернуть Европе удивительный образ моего отца». Он ставит перед собой задачу доказать, что этот писатель в своей книге лгал.

Он интересовался в своем письме, имеет ли он право говорить обо мне с различными корреспондентами, предупредив, что мой адрес он никому не будет сообщать. Он стремится только к тому, чтобы и с их помощью отомстить за меня Жилию Перро.

Одно место в письме нас очень обрадовало и, честно говоря, просто поразило. Мишель упомянул о том, что в надежде иметь ребенка его жена Каролина стремилась их ребенку дать русское имя и выбрала для девочки, если она родится, имя Наташа, а если родится мальчик, дать ему имя Саша.

Заканчивая свое письмо, Мишель еще раз подчеркнул, что будет стремиться повидать нас как можно быстрее в Ленинграде, а если мы не сможем приехать в Испанию, то он вновь посетит нас уже вместе с Каролиной и Сашей.

Из бандероли мы поспешно извлекли книгу, изданную в Испании в 1990 г. Она была написана писателем Луисом Т. Бонмати благодаря огромным усилиям не только самого писателя, но в основном и самого Мишеля. Важно отметить и то, что входящий в книгу

материал был собран еще до нашей встречи, а вернее, до нашего прямого знакомства с Мишелем. Много лет Мишель собирал материал, читал литературу, смотрел кино и телефильмы, в которых упоминался незнакомый ему отец. В сборе материалов ему помогала в первую очередь мать, Маргарет, а кроме того, и ее воспоминания, написанные ею и переданные Мишелю и Каролине, находившимся у ее постели буквально за час до ее смерти. Передавая свои воспоминания, Маргарет просила прочесть их только после ее смерти. Возможно, под влиянием уже прочитанных воспоминаний матери, Мишель не удержался написать и свои воспоминания.

С автором изданной в Испании книги под заголовком «Последний аккорд о "Красной капелле"» я познакомился вместе с Лидой в 1992 году, когда мы находились в гостях у Каролины и Мишеля и их сына Саши в Аликанте. К этому времени я уже успел ознакомиться с содержанием этой книги «Último acorde para la Orquesta Roja», и многое меня просто поразило. Читая книгу, я мог кое-что вошедшее в нее сравнить с подлинными воспоминаниями, написанными Маргарет и Мишелем. Должен отметить, что первоначально, как только мы извлекли книгу из бандероли, нас поразило ее переплет. На нем мы увидели цветное изображение двух соприкасающихся друг с другом географических карт. Большую карту окрасили в красный цвет и снабдили гербом «Серп и молот». Меньшую карту окрасили в желтый цвет, и на ней была изображена свастика. Тот факт, что обе карты соприкасались, дал понять, что Советский Союз и фашистская Германия находились в состоянии войны друг с другом. Лидочка и я, мы были потрясены тем, что на этом переплете, на карте, изображающей Советский Союз, прикасаясь к карте Германии, была помещена в виде прямоугольника моя фотография. Мишель вместе с автором решили поместить фотографию моей молодости, периода моей разведывательной деятельности. Могу предположить, что эта фотография совершенно неожиданно для меня сохранилась у Маргарет и, видимо, от нее досталась Мишелю. К изданию книга подготавливалась в феврале–августе 1990 г. и должна была служить ответом на выдумки, с которыми многие ознакомились по книге Жилия Перро «Красная капелла» и созданном на ее основе кинофильме.

Мне кажется, что стоит особо подчеркнуть тот факт, что книга подготавливалась при непосредственном участии моего сына Мишеля, безгранично верящего в честность своего отца и неспособность для него стать предателем своей горячо любимой страны, еще до того, как ему удалось получить мои координаты.

Последнее, что мы извлекли из бандероли, – копии отпечатанных на пишущей машинке на французском языке воспоминаний Маргарет, а им были предпосланы вступительная часть и воспоминания самого Мишеля.

При нашей первой же встрече с Мишелем он с возбуждением поделился своими переживаниями, связанными с воспоминаниями, написанными его матерью и переданными ему и Каролине буквально, возможно, за пару часов до ее смерти.

Маргарет умерла в муках от рака в 1985 г. Мишель и Каролина не отходили от постели умирающей, специально приехав из Испании в Брюссель, где она продолжала проживать. Понимая, что ей суждено жить последние часы, она совершенно неожиданно вручила им свои воспоминания, но попросила не читать до ее смерти, что Мишель и Каролина с далеко

не легкой для них выдержкой и сделали.

Мишель, приехав в августе 1991 г. с женой и сыном к нам в Ленинград, привез несколько книг, их число увеличилось после того, как Лидочка и я побывали с ответным визитом в Испании у нашего сына, невестки и внука. Нас поразила библиотека Мишеля. У него собрано множество книг, изданных в разных странах (кроме Советского Союза), посвященных «Красной капелле» и Второй мировой войне, в которых почти во всех говорилось и о самой «Красной капелле».

Анатолий Гуревич с сыном Мишелем.

Ознакомление с большим числом имеющихся у Мишеля книг подтвердило высказанное мне Мишелем еще в Ленинграде мнение, что во многих из них приводятся различные толкования. Речь идет о немецких, французских и даже американских книгах. Среди американских одно из первых мест занимает та, которая написана Виктором Александровым, американским корреспондентом. Он принимал активное участие во Второй мировой войне, в том числе, как мне рассказывали, был специальным корреспондентом у Дуайта Эйзенхауэра, в то время, когда он был с 1942 г. командующим американскими

войсками в Европе, затем командующим и даже главнокомандующим, а потом верховным главнокомандующим союзными экспедиционными военными силами в Северной Африке и Средиземноморье. Напомню, что с 1943 г. с декабря Эйзенхауэр уже являлся верховным главнокомандующим экспедиционными силами союзников в Западной Европе, а после окончательного поражения Германии назначен командующим оккупационными силами США в Германии.

Капитан американской армии Виктор Александров, как мне довелось услышать, являлся спец-корреспондентом на Нюрнбергском процессе с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г. Все это дало ему возможность не только более тщательно изучить существующие слухи и толкования по теме «Красная капелла», но и ознакомиться с подлинными архивными материалами, в том числе и принадлежащими ранее гестапо и абверу.

Свою книгу, которая была издана в США, а затем переведена в других странах, Виктор Александров назвал «O.S.1 Services secret de Staline conte Hitler», издана в Париже в 1968 г., что в переводе означает «Организация специальная-1. Секретная служба Сталина против Гитлера». Еще до того, как мне удалось ознакомиться с содержанием этой книги, Мишель дал мне понять, что притом, что излагаемые в книге исторические факты можно считать тождественными с некоторыми другими книгами, роли, касающиеся Леопольда Треппера и моего отца, в ней противоположны с другими. Интересно то, что уже в своей книге автор приводит фамилию Кента – Соколов, а в книге Леопольда Треппера «Большая игра», изданной у нас в Советском Союзе в 1990 г., в схеме фамилия Кента стоит рядом с фамилией Сукулов. В книге Л. Треппера, изданной в Париже, тоже Кенту приписывается фамилия Сукулов.

Только этот приведенный пример свидетельствует о большей правдивости, осведомленности Виктора Александрова о деятельности Виктора Соколова – Кента. На стр. 7 помещено вступление, состоящее из четырех различных фотографий, рядом с которыми помещены указания страниц, на которых освещено содержание публикуемых материалов. Первая фотография вызвала у меня крайнее удивление. На ней я узнал себя в те далекие годы моей разведывательной деятельности за рубежом, возможно даже, в предвоенный период. Еще больше я удивился, прочитав – специальная организация-1 вступает в бой против абвера и СД.

Приводится рассказ всего того, что Виктор Александров слышал, нашел в архивных материалах, в том числе и принадлежавших гестапо. Конечно, утверждать, что все описанное автором полностью отвечает истине, нельзя. Однако впервые я обнаружил в тексте и правдивые описания деятельности советской разведывательной сети в Западной Европе и даже деятельности Соколова, Кента. Конечно, меня насторожила одна из первых пометок о том, кто такой Кент.

Виктор Александров на стр. 14 указывает:

«Несколько имен, только один человек: Виктор Соколов, он же Сьерра или Кент, советский офицер, руководил европейской сетью специальной организации 1 (Plusieurs noms. un seul homme: Victor Sokolov alias Sierra ou Kent, officier sovietique; il 'dirigeait le reseau europeen de l'O.S.1).

Мне говорили, что книга Виктора Александрова была написана и издана в США в самом начале шестидесятых годов. Если это так, то читателю будет ясно, что меня крайне удивило, что автору были уже известны две принадлежавшие мне фамилии, а именно Соколов и Гуревич (с. 18). Я уже несколько раз указывал на то, что фамилию Соколов я ввел в создаваемую мною легенду в конце апреля 1945 г. и о ней могли знать только завербованные мною и находившиеся одновременно со мной в Австрийских Альпах Папвиц, Кемпа и Стлука. Под этой фамилией я представился офицерам французской армии и она была подтверждена «Центром» в министерство обороны Франции в Париже. Возникал единственно возможный вопрос: как мог, работая над своей книгой, автор уже узнать, что

одна из используемых Кентом фамилий была Соколов? Еще в большей степени совершенно необъяснимым являлось то, что Виктор Александров уже тогда узнал мою настоящую фамилию – Гуревич. Во время моей разведывательной деятельности за рубежом, в том числе и после ареста гестапо, фамилию эту никто не мог знать. Правда, у меня мелькнула мысль, что ее мог знать только Макаров, так как мы с ним в Москве встретились один раз, когда приносили присягу в ГРУ. Эта мысль не могла, однако, отвечать действительности, ибо Макаров, дававший в гестапо показания, в том числе и обо мне, эту фамилию не называл. Во всяком случае, гестапо меня ею не изобличало.

Я не буду анализировать все то, что излагал в своей книге Виктор Александров. Однако хочу указать только на один ставший мне известный факт. В 1968 г. Мишель встретился с Виктором Александровым, и он, сделав на книге, автором которой был, трогательную надпись, адресованную сыну «своего героя», заверил его, что его отец был весьма честным человеком, патриотом своей Родины и никогда ей не изменял. Следует особо подчеркнуть, что к этому времени Виктор Александров уже собирался издавать свою книгу в Бельгии. Об этом Мишель узнал из самой авторитетной бельгийской газеты, в которой был опубликован отрывок из готовившейся уже к печати книги. Мишель не выдержал и обратился к автору с письмом.

Виктор Александров, получив письмо Мишеля, счел нужным опубликовать в своей книге, издаваемой в Бельгии, часть этого письма (с. 325). Книгу, трогательную надпись на ней и опубликованную часть письма мы с Лидочкой увидели, находясь при счастливой встрече с Мишелем, нашей невесткой и внуком в Аликанте. Я был настолько взволнован увиденным, что попросил Мишеля снять фотокопию дарственной надписи и опубликованного письма. Я храню их с большим вниманием у себя в архиве.

Итак, возвращаясь к обнаруженным нами в бандероли воспоминаниям Мишеля и Маргарет. Прежде всего должен подчеркнуть, что воспоминания были написаны еще задолго до того, как с помощью Александра Игнатова и жены Жилья Перро Мишель получил наши координаты в Ленинграде, а тем более еще до нашей встречи с ним и до того, как он узнал о том, что в Советском Союзе начато глубокое изучение материалов, касающихся разведывательной деятельности его отца, закончившееся тем, что 16 июля 1991 г. было принято решение о реабилитации Кента, правда, об этом ему было официально объявлено только 8 августа.

Ко времени написания воспоминаний Маргарет и даже Мишель имели возможность «изучать» деятельность Кента только по публикуемым за рубежом книгам и статьям в различных журналах и газетах и даже по созданным кинофильмам. Все это было весьма противоречиво. Несмотря на это, как пишут Мишель и Маргарет, они всегда были уверены в том, что Кент не предатель, а честный человек, патриот Советского Союза, интернационалист. Я не буду подробно останавливаться на всех вопросах, затронутых в полученных нами воспоминаниях. Хочу начать с того, что писал Мишель о французском писателе Жиле Перро. Изданная в 1967 г. книга «Красная капелла», по мнению Мишеля, имела наибольший успех. Она была издана почти в 20 странах.

Мишель подчеркивает в своих воспоминаниях, что он был всегда очень благодарен Жилю Перро за то, что в 1965 г., после того как прошедшие двадцать лет после окончания Второй мировой войны они с матерью считали, что Кент исчез или мертв, именно этот писатель вернул ему отца, вернул его живым и указал конкретно, что он жив и здоров, проживает в Ленинграде. Именно с этого момента, как пишет Мишель, он решил вплотную заняться розыском своего отца, сбором информации, изучением всех публикаций, касающихся сети советской разведки, именуемой теперь все чаще «Красной капеллой».

Далее Мишель пишет в своих воспоминаниях: «...факт заключается в том, что я как сын с самого начала отвергал все то, что было направлено против моего отца». Он отмечает, что Жиль Перро, безусловно, был писателем, способным завоевать себе успех, раскрывая историю разведки, которая никогда не будет действительно раскрыта публично. Мишель признает с учетом сказанного, что Жиль Перро как писатель написал замечательную книгу,

ставя перед собой создание написания романтической книги, способной заинтересовать читателей всех поколений. Однако основной целью, которую он, безусловно, ставил перед собой, – обеспечение помощи Леопольду Трепперу, в том числе и получение им разрешения на выезд из Польши во Францию. Для того чтобы осуществить свое стремление. Жиль Перро несколько раз выезжал в Польшу, стремясь как можно больше узнать о «Красной капелле». Видимо, тогда он узнал и о Кенте – его фамилию, которая до этого скрывалась, и то, что он жив и проживает в Ленинграде. Учитывая сказанное, Мишель ставит в своих воспоминаниях и в последующих беседах со мной один весьма существенный вопрос: почему Жиль Перро не попытался ни разу встретиться с Кентом во время своих поездок по разным странам, а возможно, даже и находясь в Советском Союзе?

Мишель не скрывает, что до того, как в 1967 г. вышла книга Жилия Перро, ему казалось, что они близки друг к другу. В то же время он замечал, что Жиль Перро, начиная с 1965 г., встречаясь с Маргарет, старался вести с ней переговоры вне присутствия ее сына, Мишеля. Не понимая, что являлось поводом к этому, однако осмыслить это он смог только после прочтения воспоминаний Маргарет. В своих воспоминаниях, а еще в большей степени при наших разговорах с ним и с Каролиной появились некоторые уточнения причин, послуживших разрыву отношений между ними. Между писателем и Мишелем образовался не только разрыв отношений, но и полнейшая отчужденность на несколько лет. Причинами, по убеждению Мишеля, являлось то, что он не мог согласиться с созданным в книге образом его отца, Кента, не пытаясь предварительно встретиться с ним. В то же время Мишель высказывал свою убежденность в том, что создать себе мнение о ком либо или высказать столь суровое суждение, только слушая толкования некоторых «оставшихся в живых», нельзя. Кстати, у нас с Мишелем совпало еще одно весьма существенное мнение, вернее, мы ответили на один важный вопрос, а именно: кого подразумевает Жиль Перро под понятием «оставшиеся в живых из "Красной капеллы"»? Ответ довольно сложный. Даже из появившейся литературы известно, что «Красной капеллой» неправильно именовать нашу советскую разведывательную сеть. Это имя было присвоено гестаповцами еще до раскрытия наших резидентур сразу же после того, как в их руки попали еще не расшифрованные радиogramмы. Позднее под этим именем действовали гестаповцы и абверовцы, объединенные в зондеркоманду под наименованием «Красная капелла». Жиль Перро сумел встретиться с оставшимися в живых и спокойно проживающими после войны в ФРГ членами этой зондеркоманды и другими причастными к разгрому наших резидентур фашистскими деятелями.

У Мишеля и Каролины контакт с писателем возобновился только в 1985 г., тогда, когда он счел нужным сообщить Жилию Перро о смерти своей любимой матери.

Чаще всего дети гордятся своими родителями. Мишель и Каролина тоже гордятся своими родителями. Они в разговоре с нами, с Лидочкой и мной, утверждали, что они гордятся своими родителями. Это относится в первую очередь к Маргарет, так как она все делала для своих двух сыновей. После того как Мишель и Каролина создали свою дружную семью и у них появился сын Саша, Маргарет делала все для того, чтобы им помогать, а главное, воспитать в них любовь к Кенту, веру в его порядочность и верность своей Родине и ее народу, в качестве человека любящего детей, и не только своих.

Естественно, я не смогу полностью воспроизвести воспоминания Мишеля и его матери Маргарет, но остановиться на некоторых вопросах, освещенных в них, обязан.

Хочу начать с нашего разговора с Каролиной и обмена мнениями о писателе Жиле Перро. Каролина считала, что для него самым важным в его творчестве является возможность заработать как можно больше, не стремясь говорить правду. Ему это удастся по сей день. Получив возможность более тщательно ознакомиться со всеми тонкостями истории «Красной капеллы», он в открытой печати, в публикациях не считает возможным проявить честность и признать допущенные им грубейшие ошибки.

Особенно Мишель был потрясен, узнав, что Жиль Перро написал сценарий для фильма, который Мишелю удалось увидеть в 1989 г. Па просмотр фильма, как мне говорил Мишель,

его не хотели допускать. После предъявленного им ультиматума с угрозой организовать протест, ему удалось посмотреть этот фильм на первом просмотре. Еще до того, как Мишелю удалось увидеть этот фильм, он уже знал, что сценарий «Красной капеллы» был написан, руководствуясь книгой Жилия Перро, а реализован он был режиссером Жаком Руффю, исполнителями основных ролей были: роль Леопольда Треппера исполнял Клод Брассер, Кента – Мартин Ламогге, Маргарет Барча – Эва Ионеско. Фильм потряс Мишеля. Он был очень доволен тем, что его мать, ушедшая из жизни в 1985 г., не увидела этот фильм, ибо он предельно восхвалял Леопольда Треппера, создавая образ Большого шефа советской разведки в Западной Европе, а из образа Кента и его жены Маргарет создавались легкомысленные люди легкого поведения. Иначе говоря, составитель сценария Жиль Перро, как о нем говорили в 1991 г., посетив нас в Ленинграде Каролина и Мишель, более чем через двадцать лет с того дня, когда в 1965 г. получил возможность встретиться с Маргарет и Мишелем, заработав огромные капиталы на издании своей книги, продолжал занятую им позицию дискредитации Кента и Маргарет. В то же время, как они указывали из имевших место бесед с Маргарет, Мишелем, а в особенности с ознакомлением различных публикаций во многих странах, Жиль Перро должен был убедиться в допущенном им в 1967 г. искажении подлинной истории, за освещение которой он взялся.

Мишель коснулся темы фильма еще во время нашего пребывания в гостях у нашей любимой семьи в Аликанте. В частности, он указал на то, что после просмотра в Бельгии фильма он, совершенно потрясенный, высказал свой протест и возмущение Жилю Перро, режиссеру и отдельным исполнителям. Больше того, рядом с ним оказалась вдова Леопольда Треппера Любовь Евсеевна Бройде. Взволнованная, она обратилась к Жилю Перро, упрекнув его в том, что он «героем» сделал только ее мужа, а на самом деле более заслуженно им может быть назван отец Мишеля.

Любовь Евсеевна всегда проявляла к Мишелю, по его словам, внимание. Примером этому, по его словам, может служить то, что, когда Леопольд Треппер со своей женой приехали в Испанию, чтобы представить изданный перевод на испанский язык книги «Большая игра», он отказался встретиться с Мишелем и Каролиной, а Любовь Евсеевна не только нашла для этого время, но и проявила желание, стремление, и только она с ними встречалась. Она при одной из встреч указала, что правду о ее муже и о Кенте узнают из ее воспоминаний, которые она оставит своим детям. С ее слов, сыновья знают о жизни и деятельности своего отца только по его личным рассказам, а они не всегда отвечают действительности.

В разговоре с Мишелем я высказал свое мнение о том, что Маргарет в своих мемуарах часто приводит буквально дословно свои высказывания, которые от её имени в книге Жилия Перро публикуются. Я приведу несколько дальше некоторые из этих выдуманных высказываний, а сейчас мне хочется коротко остановиться на послевоенных переживаниях Маргарет, ее сыновей Рене и Мишеля.

Я уже указывал, что в последний раз видел Мишеля и Маргарет в феврале 1945 г. в лагере в Германии в небольшом городке Фридрихрода. Естественно, многие годы меня волновала их судьба и, конечно, судьба Репе. Стоит ли еще раз напоминать, что меня заверяли продолжительное время, что их нет в живых, а их – что меня нет в живых.

Все то, что произошло с ними после окончания Второй мировой войны, я узнал впервые из присланных мне в бандероли, как я уже указывал, воспоминаний Маргарет и Мишеля, а более подробно уже при моей встрече с Мишелем только в феврале 1991 г.

Действительно, они продолжали содержаться все в том же лагере. В начале мая 1945 г. лагерь во Фридрихроде был освобожден американскими войсками, освобожденный город был американцами «передан», как пишет Жиль Перро (Красная капелла. Париж, 1989. с. 454) Советской армии. Так он находился в зоне ее оккупации. Автор продолжает свое повествование, указывая на то, что Маргарет, воспользовавшись переменой этого суверенитета, посетила советскую комендатуру и представилась постоянно дежурившему офицеру как жена советского агента, у которого псевдоним Кент. Офицер привскочил и

воскликнул: «Что! Кент? Но мы его разыскиваем повсюду! Это предатель!» Заметив волнение Маргарет, он добавил: «Разумеется, вы не отвечаете за ошибки вашего мужа».

Это место в книге Жилия Перро меня очень удивило. Я не мог этому поверить. Во-первых, откуда о случившемся узнал автор, а во-вторых, откуда наш советский комендант мог знать, что Кент разыскивается и его уже считают предателем? Ответ на эти вопросы я смог получить, только прочитав, полученные в декабре 1990 г. от Мишеля воспоминания Маргарет и нашего сына. Читая книги Леопольда Треппера «Большая игра» и Жилия Перро «Красная капелла», у меня начала зарождаться мысль, что эти два «преданных друг другу» друга могли приложить значительные усилия для того, чтобы при «получаемых», начиная с декабря 1945 г., интервью у Маргарет заставить ее освещать различные вопросы только в их интересах, – листая каждую страницу ее воспоминаний, я все больше и больше в этом убеждался. Вот еще пара примеров, на которых я хочу остановиться.

Сразу после того, как Жиль Перро рассказал о том, что Маргарет услышала от советского офицера о предателе Кенте, автор приходит еще к более извращенному, авантюрному рассказу. По его словам, в июне 1945 г. она находилась во Фридрихроде, когда почтальон вручил ей конверт, надпись на котором была сделана рукой Кента. Она чуть не упала в обморок. Письмо было сжатым: «Когда ты прочтешь это, я буду трупом. Открой наш маленький чемоданчик. При необходимости взломай его». При этом автор прямо указывает на то, что я оставил Маргарет этот чемоданчик при повторном моем отъезде вместе с Паннвицем. Она взломала крышку и нашла отпечатанное на пишущей машинке письмо, начатое такой фразой: «Я изменил моей стране». Затем Кент признается своей любовнице (так пишет Жиль Перро) в первый раз, что он был агентом советской разведки... Автор после еще некоторых якобы сделанных Кентом признаний подчеркивает, что Маргарет сожгла это письмо.

Измышления Жилия Перро на этом не ограничились. По его словам, в сентябре 1945 г. административные формальности для репатриации были наконец согласованы и Маргарет получила возможность покинуть Фридрихроде, где больше ничего ее не удерживало, так как Кент исчез. Она решила вернуться во Францию. На границе ее высадили из поезда с детьми и взяли под стражу, ее непрерывно допрашивали в отношении Кента для того, чтобы она могла понять, кем его французские контрразведчики считают – советским агентом или покорным сотрудником зондеркоманды. Обнаруженная в ее кармане его курительная трубка вызвала у этих полицейских очень значительное возбуждение: они были убеждены, что Кент сел в поезд вместе со своей любовницей, которую он покинул до того, как они прибыли к границе. В действительности своеобразная Маргарет заменяла недостающие сигареты окурками при курении из старой трубки Кента.

Из книги я мог узнать, что после непрекращающегося допроса Маргарет, Рене и Мишеля заключили в лагерь для интернированных, в котором было сосредоточено несколько сот личностей, подозреваемых в коллаборационизме. Режим был суровый, ни чем несравнимый с Найи, ул. Курсель, Фридрихрода. Они испытывали голод и холод; переживали больше всего из-за непонимания, почему несчастье продолжает их преследовать. Немцы продолжали содержать их как арестованных более двух лет, и вот французы их держат в заключении в свою очередь... Ей казалось, что мир стал сумасшедшим, что суждено кончить жизнь за колючей проволокой, что она умрет, даже не зная, какое преступление она совершила. Если оно состояло в том, что она полюбила Кента – солнце ее жизни, почему не прекратят преследование сейчас, когда он уже мертв?

Приказ об ее освобождении был подписан в конце года, но Мишель был настолько болен, что было необходимо подождать его полного выздоровления для того, чтобы уехать. Она покинула лагерь спустя шесть месяцев, 18 мая 1946 г. Полицейские заставили ее подписать обязательство на тот случай, если она получит какие-либо новости от Кента – предупредить их об этом.

Итак, оказавшись на свободе, ей было необходимо заботиться о двух детях: одному из которых было 14 лет, а второму два года. Она была без денег и без какой-либо

специальности, а здоровье ее было очень подорвано.

Прочитав все это в книге Жилия Перро (изд. 1989 г., с. 455–456), я невольно вспомнил все то, что уже читал в книге Жилия Перро «Красная капелла», изданной в 1990 г. Юлианом Семеновым и его издательством «ДЭМ», все это дало мне возможность сопоставить прочитанное с тем, что говорил Кулешов во время моего нахождения на Лубянке, а именно: в первой беседе на тему Маргарет, он указал на то, что она меня разыскивает через наши посольства, а вскоре он занял другую позицию, утверждая, что она и Мишель погибли в гестаповских лагерях.

Сопоставив все это, я не мог не задать себе вопрос, касающийся судьбы Маргарет. Я уже не мог быть уверенным в том, соответствуют ли действительности высказывания Кулешова, и в том, что позволил себе утверждать в своем повествовании французский писатель. У меня возникал только один серьезный вопрос: если действительно меня. Кента, разыскивали все – советские, американские, французские спецслужбы, то почему Главразведупр, то есть военная разведка Советского Союза, зная с конца апреля 1945 г. на основе полученной от меня радиограммы, что я и завербованные мною гестаповцы готовимся к приезду в Москву, не предпринял никаких мер к недопущению союзниками и даже нашими службами моего ареста. Это тем более, что примерно 12 мая я уже с Паннвицем, Кемпой и Стлукой прибыл в миссию по репатриации в Париже. Однако это был только один вопрос, которому я не находил ответа. Второй вопрос заставил меня задуматься над тем, какое отношение со стороны Главразведупра могло или даже должно было быть по отношению к Маргарет, Рене и Мишелю? Ведь из моих радиограмм, начиная с 1940 г. и в особенности после того, как я ознакомил со многими вопросами моей деятельности генерала Драгуна и полковника Новикова в Париже уже в мае 1945 г., Директор должен был знать, что Блондинка очень помогала в моей разведывательной деятельности. Учитывая все это, до сего времени я не могу найти объяснение тому, что Главразведупр ничего не предпринимал для того, чтобы оказать не только материальную помощь, но и для того, чтобы прекратить преследование Блондинки после ее освобождения из немецкого лагеря, а в особенности после возвращения в Бельгию в 1946 г.

Да, чтение полученных только в декабре 1990 г. воспоминаний Маргарет и Мишеля создавали все условия и основания для того, чтобы мои нервы были вновь напряжены до предела. Я должен был представить все тяжести судьбы Маргарет, Рене и Мишеля в период их нахождения в лагере в Германии во Фридрихроде, а также после их освобождения из этого лагеря и повторного ареста уже во Франции и водворения в лагерь в Лиле, а затем и после освобождения из этого лагеря. Из Лилия они направились в Марсель, где пробыли довольно недолго, а затем уже окончательно вернулись в Бельгию.

Находясь в лагере в Лиле, Маргарет получила разрешение написать пару писем раз в неделю объемом в семь строчек. Первое она направила в Марсель госпоже Пейер, той самой, у которой мы, находясь в Марселе до нашего ареста, снимали квартиру. Она и ее муж в свое время проявляли к нам дружеские чувства. После нашего ареста и неожиданного для всех исчезновения в ноябре 1942 г. они отличились заботой об оставшемся в пансионе Рене, которые никто не мог себе даже представить. Как выяснилось потом, несмотря на арест французской полицией, они продолжали верить нам, в нашу порядочность.

Мадам Пейер сразу же ответила Маргарет на полученное от нее письмо. Она сообщила, что ее муж скончался, а она поселилась вновь в своей квартире, которую они сдавали нам. «Узнав о том, что мы находимся в лагере в Лиле, она обещала направить нам продукты питания, а также и одежду для детей», – пишет в своих воспоминаниях Маргарет. Действительно, вскоре они получили продуктовую посылку, а также одежду. Для Мишеля ей удалось прислать много вещей без всяких затрат на их приобретение, так как у нее сохранилось много одежды от уже выросших внуков. Для Рене она была вынуждена купить одежду, так как на его возраст у нее и у ее родственников одежды не было. Для этого ей потребовалось продать часть оставленных нами после ареста в квартире вещей, а они, проявив и в этом отношении предельную порядочность, сохранили их.

Второе письмо Маргарет написала своей тете, с которой в последний раз виделась в 1928 г., она жила в Клермонт-Ферране, а адрес ее у нее был. Тетя тоже прислала им продукты питания в посылке. Однако самым значимым было то, что тетя установила контакт с организацией франкмасонства, с которой до своей смерти был связан её муж и даже являлся одним из руководителей этой организации. Именно благодаря этому она смогла добиться ускорения освобождения Маргарет с детьми из лагеря.

Из лагеря в Лиле они выехали в Марсель. Получив бесплатные билеты для поездки, Маргарет с детьми заняли места в поезде. Однако, как указывает Маргарет, у них не было ни копейки денег. Именно поэтому, прибыв в Марсель, Маргарет с детьми, оставив все вещи на вокзале, сразу же пешком направилась на улицу Аббе де Л'эрре в ранее занимаемую нами квартиру. Мадам Пейер оказала им сердечный прием. Они пробыли у нее несколько дней, она вернула Маргарет оставшиеся от продажи вещей деньги, но отказалась получить что-либо за проведенные у нее дни.

После некоторых поисков Маргарет удалось подыскать себе работу, чтобы заработать деньги для проживания. Она могла дома вязать по заказу ряд вещей, а кроме того, изготавливать тряпочки для мытья посуды, которые продавались в магазине.

Естественно, Маргарет не знала, где находится ее брат, но знала, что их мать живет в Нью-Йорке, правда, точного адреса не знала. Вскоре она узнала, что ее любимый отец после длительной болезни скончался 20 февраля 1941 г., а мать, несмотря на свой возраст, работает.

В своих воспоминаниях Маргарет подчеркивает, что именно через свою тетю Финн, живущую в Клермонт-Ферране, она вновь обрела свою семью, узнав о матери, и поддерживала непрерывный контакт и переписку с тетиной невесткой из Каракаса. Эта невестка, читая эмигрантскую газету, однажды увидела объявление, гласящее, что мадам Элиз Зингер (мать Маргарет) ищет свою дочку Грету и ее сына Рене. Естественно, не имея никаких сведений о дочери с 1940 г., её мать не могла знать, что у нее появился еще один внук, Мишель. В результате всех предпринимаемых мер Маргарет узнала адрес матери в Нью-Йорке, а та – ее адрес в Марселе.

Мать начала посылать посылки с вещами для детей и для самой Маргарет.

В сентябре 1946 г. Маргарет опасно заболела. Врач установил у нее перитонит. У нее была повышена температура до -40°C . Она не захотела быть госпитализированной и осталась дома и только через четыре недели встала вновь на ноги.

В начале октября она получила письмо, в котором хозяин, у которого работала ее мать, сообщил им, что она находится в Париже, где ждет ее, будучи готовым оплатить все расходы на поездку. После того как договорилась, что за детьми будет уход, она выехала в Париж, где была встречена весьма доброжелательно хозяином своей матери. Несмотря на его работу, он уделил Маргарет много времени. Они посещали очень хорошие рестораны, а вечером присутствовали в кабаре на замечательных спектаклях.

Через пять дней она направилась в Марсель, по пути посетив тетю в Клермонт-Ферране, которая так много для нее уже сделала. С ней она провела очень приятно целые сутки.

Маргарет в своих воспоминаниях отмечает, что его удивило то, что американец, с которым она встречалась в Париже, и ее тетя Фили, несмотря на то, что они не были знакомы, в равной степени советовали ей покинуть пригород Марселя, где она жила, и вернуться в Бельгию.

Хозяин матери Маргарет имел в Брюсселе ателье мод и предложил ей приехать в Бельгию с детьми хотя бы на пятнадцать дней и проверить, не сможет ли она обнаружить что-либо из вещей, которые мы оставили там в 1942 г.

В декабре 1946 г. Маргарет с Рене и Мишелем поездом направились в Брюссель, где их встретил хозяин её матери, и препроводил в гостиницу, где проживал и он. Во время продолжительных разговоров между ними он ее уговаривал поехать к ее матери в США и больше не возвращаться в Марсель.

В конце года на новогодние праздники хозяин уехал в Нью-Йорк, Маргарет пришлось переехать с детьми в другую, более дешевую гостиницу, так как у нее уже оставалось мало денег, вырученных мадам Пейер от продажи вещей. После этого Маргарет пришлось искать магазин, который мог бы обеспечить ее заказами на выполнение вязальных работ на дому. Кроме того, ее брат присылал ей ежемесячно по две тысячи бельгийских франков. Одновременно она подыскивала недорогую меблированную квартиру, так как проживание в гостинице с детьми не могло долго продолжаться. Ей удалось снять небольшую квартиру из двух комнат, с кухней, ванной комнатой, куда они переехали в 1947 г. Так началась их нелегкая жизнь. Вскоре Маргарет начала работать кассиршей в кафе в небольшом городке Шарлеруа. Она получала зарплату в две тысячи бельгийских франков в месяц, а также ее обеспечивали жильем и питанием для всех троих.

Жизнь у них налаживалась, но они не знали, что за ними продолжается слежка со стороны бельгийской сыскной полиции с первых дней их возвращения в Бельгию. Вначале полиции следить за ними было нетрудно, так как Маргарет вела скромный образ жизни и мало с кем общалась. Однако со времени начала ее работы в кафе слежка осложнилась. «В результате этого ко мне в Шарлеруа явились полицейские и препроводили в Брюссель, где совершили у меня на квартире обыск, изъяли всю имевшуюся у меня почту, видимо полагая, что я имею переписку с моим мужем», – выражая свое удивление, пишет в своих воспоминаниях Маргарет. В изъятой почте были только письма, которые она получала от своих родственников. Она отметила, что через несколько недель ей все письма были возвращены.

После обыска Маргарет получила приказ вернуться за детьми и вещами в Шарлеруа, прекратить работу в кафе и вернуться в Брюссель. С этого времени она не могла нигде работать без соответствующего разрешения полиции. Маргарет должна была оставаться в Брюсселе, так как за ней была и здесь, как во Франции, постоянная слежка, так как предполагали, что она переписывается со мной, своим «мужем Кентом». Конечно, с момента нашего ареста в ноябре 1942 г. в Марселе мы никогда с Маргарет не переписывались.

Слежка сыскной полиции велась буквально круглосуточно, и не только за домом, где Маргарет с детьми проживала в Брюсселе, но даже и при ее выходе на улицу. Никаких поводов для подобной слежки не существовало. У Маргарет появлялось желание переехать с детьми в США к матери и брату, но и это было невозможно, в подобном разрешении на выезд ей отказывали. Такое положение, слежка со стороны полиции меня удивляли, так как из воспоминаний Маргарет и Мишеля, из писем и личных разговоров с Мишелем я знал, что после их возвращения в Бельгию у них сложилась, кроме всего вышесказанного, еще и очень тяжелое моральное состояние. Это объяснялось многими причинами, а в первую очередь тем, что, оказавшись в Бельгии и будучи обязанной пройти регистрацию в полиции, Маргарет предъявила все имеющиеся у нее документы, в том числе и справку, полученную в Париже о рождении Мишеля. Не постеснявшись, в полиции обвинили ее в том, что она принадлежит к женщинам легкого поведения. Это основывалось на том, что в справке о рождении Мишеля была указана фамилия ее мужа Барча, который скончался в Бельгии за более чем четыре года до рождения Мишеля и, естественно, не мог являться его отцом. Ее упрекали в том, что в результате ее легкого поведения она спуталась с каким-то мужчиной, фамилию которого, возможно, и не знала. Оскорбительная позиция, занятая полицией по отношению к Маргарет, на этом не заканчивалась и сказывалась на Мишеле. Его в детстве многие относили к категории безотцовских детей, то есть, как теперь принято называть, считали ублюдкой.

Безусловно, невольно возникает вопрос: неужели обычная полиция не имела связи с сыскной полицией? Ведь сыскная полиция организовывала слежку за Маргарет и ее детьми по причине, что ее считали «женой» Кента, обвиняемого в сотрудничестве с гестапо.

Удивляет и то, что обращение Маргарет, а впоследствии и Мишеля в посольство Советского Союза по розыску Кента ни к чему не привело, хотя я уже находился на Лубянке в Москве, а в моем докладе на имя Директора (правда, он был перехвачен Абакумовым и до

ГРУ так и не дошел) упоминал и Блондинку, то есть Маргарет. Из этого можно было сделать вывод, что наши органы государственной безопасности скрывали не только от ГРУ, но и от наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции факт моего возвращения в Москву вместе с Паннвицем, Кемпой с Стлукой. То, что Москва в ответ на мои радиogramмы подтвердила французам, что я действительно майор Виктор Соколов, а немцы сотрудничали со мной из движения Сопротивления, борющегося против гитлеризма, не давало им возможности догадаться, что Лемуан сопровождал в нашу миссию по репатриации Кента и начальника зондеркоманды «Красная капелла» Паннвица. Я имею основания утверждать, что не только офицеры французской армии, но даже и спецслужбы Франции и других союзных с ней государств не могли даже предположить, что разыскиваемый ими по подозрению в сотрудничестве с гестапо Кент мог решиться вернуться к себе на родину. Больше того, могли ли они предполагать, что он, попав в руки гестапо, сумел завербовать начальника зондеркоманды Паннвица, сотрудничать с ним в пользу своей страны и даже французского движения Сопротивления, а затем уговорить выехать в Москву.

Из прочитанных воспоминаний Маргарет и Мишеля я мог понять, что жизнь у них была сложная и тяжелая. Все это привело к тому, что в 1950 г. Маргарет пришлось делать вторую операцию, так как у нее на этот раз была обнаружена язва желудка. Несмотря на постоянно ухудшающееся здоровье, приведшее в конце концов к смерти в 1985 г., Маргарет была вынуждена очень много работать, для того чтобы прокормить и содержать себя и детей. В своих воспоминаниях она упоминает, что с 1955 г. стала получать небольшую пенсию из Германии, где она числилась политической ссыльной.

Некоторые уточнения из жизни Маргарет, Рене и Мишеля я позволю привести, опираясь на полученные письменные воспоминания Мишеля и наши последующие с ним разговоры.

Для того чтобы улучшить материальное положение, Рене в возрасте 14 лет прекратил свою учебу и начал работать.

Детство Мишеля было тоже весьма нелегким. Благодаря своей матери, даже ее кратким в его детские годы рассказам, он очень полюбил своего отца и преклонялся перед ним. Это было очень нелегко, так как у Мишеля появлялись многие вопросы, связанные с тем, что на протяжении всей его юности он наталкивался на ряд книг и статей в прессе, в которых все излагалось с чувством определенной озлобленности по отношению к любимому Маргарет его отцу.

Несмотря на то, что были люди, которые относились к Маргарет и ее сыновьям, в особенности к Мишелю, не имевшему отца, весьма сдержанно, жители квартала, жители, являвшиеся их соседями, были к ним всегда очень любезны и даже пытались помочь, приглашая к столу, чтобы вместе поесть. Эти соседи старались не затрагивать в разговорах ничего касающегося того, что мать с двумя сыновьями пережила.

Еще совсем у маленького ребенка, у Мишеля, возникали вопросы, связанные с тем, что у его друзей имелись отцы, а у него не было. Как пишет в своих мемуарах, он находил мир несправедливым и жестоким. Он старался не проявлять на виду своих переживаний.

Начиная с того дня, когда Мишель в возрасте пяти с половиной лет поступил в школу, и на протяжении всего его детства Маргарет всегда пыталась внушить ему, что его отец был только положительным человеком, честным и не способным стать изменником своей Родины. Больше того, она часто говорила о Кенте как о выдающемся человеке. Она пыталась всячески опровергнуть все, что можно было прочесть в прессе отрицательного об отце Мишеля, и он постепенно начинал все больше и больше верить в ее доводы. Как каждому ребенку, Мишелю тоже хотелось быть похожим на своего отца, только, конечно, он никогда не мыслил стать изменником.

Мишель и Маргарет в своих воспоминаниях часто указывали на то, что Рене всегда обо мне тоже хорошо отзывался и все делал для того, чтобы его браг всегда любил и верил в то, что у него, а вернее, у них был очень хороший отец. Рене действительно любил меня. Итак, мать и двое сыновей любили и верили тому, кого в прессе пытались представить изменником

и порочным человеком.

В 1954 г., когда Рене было уже почти двадцать два года, он женился. Маргарет была этим довольна, но женитьба старшего сына невольно у нее вызывала и тревогу. Нет, эта тревога не была связана с самой свадьбой Рене, но заставляла задуматься над тем, что может произойти с Мишелем, когда он вырастет и пожелает жениться тоже. Что вызывало у нее эту тревогу? Она задумывалась над тем, что в день свадьбы Мишеля ему трудно будет раздобыть необходимые для этого события документы. Все нормальные люди получают их без всяких проблем... В то же время у Мишеля, как это утверждается в его воспоминаниях, свидетельство о рождении считалось фиктивным, учитывая тот факт, что администрация Нейи на Сене была вынуждена выдать его на основании указаний гестапо в том порядке, который их устраивал.

Справедливость требует, чтобы я указал, что, несмотря на то, что в своей книге «Большая игра» Леопольд Треппер утверждает, что Кент и Маргарет стали мужем и женой в июне 1941 г. (с. 149), это не отвечает действительности. Видимо, по настоянию Леопольда Треппера и Жилия Перро Маргарет указывает на это и в своих воспоминаниях.

Кстати, в своих воспоминаниях Мишель приводит еще один интересный, не отвечающий действительности факт. В вышедшей в Париже книге «КГБ во Франции» Мишель прочитал следующее утверждение: Виктор Соколов, находился как агент КГБ в 1971 г. во Франции. Вполне логично, что у Мишеля возник вопрос: если действительно Кент, его отец, был во Франции в 1971 г., то как могут некоторые авторы издаваемых книг и отдельных статей в прессе его называть изменником? Чем можно объяснить в этом случае тот факт, что в 1945 г. Советская армия и союзники проводили его розыск. Мишель расширяет свой вопрос, заключающийся в том, что как Россия, якобы считавшая изменником Кента, смогла направить его вновь на разведывательную деятельность, назначив атташе при посольстве Советского Союза в Париже.

Мишель, возвращаясь к этому вопросу, в разговоре со мной уточнил, что писателю вскоре удалось установить, что, говоря о Викторе Соколове, он заинтересовался им и установил, что в данном случае речь идет не о Кенте, который в конце войны, попав в руки французской армии, так себя назвал.

Даже читая воспоминания Мишеля и Маргарет, мы не могли себе точно представить, каким мальчиком мой сын вступил в жизнь, каким он стал в настоящее время. Видимо следуя примеру своего старшего брата, Мишель в возрасте пятнадцати лет тоже решил прекратить свою учебу и начать работать, с тем, чтобы помочь матери. Ему повезло, и он смог в Брюсселе устроиться на работу в качестве мелкого канцелярского служащего в издательстве финансовой газеты «Le Monimat».

Проработав в этой газете некоторое время по занимаемой им должности, Мишель начал удачно писать статьи о спектаклях «l'Ancienne Belgique». Убедившись в том, что его статьи воспринимаются читателями положительно, Мишель решил изменить характер своей работы, а следовательно, и ее место. Ему и это удалось. Он дебютировал в одном из крупных агентств печати в Бельгии «Associated Press» тоже как канцелярский служащий. Его работа заключалась в том, что он должен был классифицировать требующие хранения и поступающие в агентство документы, а также еще произведенные агентством фотоснимки распределять и направлять в различные газеты, выходящие в Брюсселе, и вообще по провинциям Бельгии.

Наряду с перечисленными видами работы Мишель увлекся фотографией и даже приобрел себе кинокамеру. Приближался декабрь – день свадьбы короля Бельгии Бодуэна с принцессой Фабиолой. Этот день должен был стать первым значительным «выполнением репортажа для агентства», в котором Мишель работал. В то же время он явился и самым неудачным в его жизни днем. Агентство поручило одному из своих сотрудников провести кино съемку непосредственно во дворце во время бракосочетания, а Мишель должен был осуществить аналогичную съемку вне дворца. Не исключена возможность, что агентство печати допустило ошибку, выразившуюся в том, что молодой ее сотрудник (Мишелю было

около 16 лет) не получил предусмотренного удостоверения. Видимо, жандармы не могли допустить, что молодой юноша, в руках которого камера, выполняет задание официального агентства печати. Совершенно неожиданно Мишель получил сильный удар полицейской дубинкой по голове. Удар ему нанес один из дежурных жандармов. Пострадавший оказался в клинике с переломом черепа и сотрясением мозга.

Не вдаваясь в подробности последствий нанесенного удара, в соответствии с воспоминаниями Маргарет и самого Мишеля, он находился в клинике почти шесть месяцев. Клиническая палата, в которой большую часть времени находился Мишель, принадлежала госпиталю св. Петра в Брюсселе. Он почти все это время не мог ни читать, ни писать, что объяснялось потерей памяти.

О случившемся с Мишелем Маргарет позвонила немедленно по телефону, а она в свою очередь сообщила об этом Рене, который, несмотря на то, что со своей семьей жил далеко, немедленно заехал на машине за своей матерью, и они вместе помчались в госпиталь. Легко себе представить переживания Маргарет. Она все делала для того, чтобы облегчить страдания любимого младшего сына, сына любимого Кента. Она с разрешения врачей ежедневно его навещала дважды по полчаса, а в четверг и воскресенье по часу.

О случившемся, как пишет в своих воспоминаниях Маргарет, она направила жалобу в соответствующую государственную инстанцию, а также написала и королю Бодуэну и королеве, матери Елизавете. Королева Елизавета проявила внимание, звонила в госпиталь, с тем, чтобы узнать о состоянии Мишеля. Она даже хотела посетить его, но сложившаяся в это время политическая обстановка в Бельгии не позволила ей это осуществить. Однако в госпиталь она продолжала звонить ежедневно.

Маргарет пробовала даже принять меры к наказанию жандарма, нанесшего такой страшный удар Мишелю, но осуществить это ей не удалось. Причиной было то, что она не могла назвать ни одного свидетеля случившегося, а ни один жандарм не признался, что этот удар нанес он.

Рене, возможно, даже не предполагал, что может последовать за врученным им Мишелю подарком, а именно коробкой детского волшебства. Однако Мишель считает, что именно этот подарок изменил коренным образом его жизнь. Он очень полюбил волшебство, так как считал, что оно позволило властвовать над мастерством, которое действительно не являлось легким. Он считал, что жонглер может на самом деле допустить падение кегли, которая служила ему для выполнения задуманного им номера, а волшебник не может потерпеть неудачу в одном из своих номеров. Я остановился подробно на волшебстве потому, что хочу привести выдержку из воспоминаний Мишеля, касающихся его творчества. Мишель дословно написал: «Получил ли я эту особенность в наследство от моего отца, так как действительно разведывательная деятельность также не позволяет допускать каких-либо ошибок».

После шестимесячного пребывания Мишеля в постели клиники, а затем и у себя дома с Маргарет, он случайно увидел телепередачу, которую представлял один бельгийский клуб волшебников, занимавшийся активной деятельностью. Этот клуб являлся бельгийским кружком иллюзионизма. Посмотрев эту передачу, Мишель принял решение позвонить в радиотелевизионную компанию Бельгии, с тем, чтобы узнать адрес клуба. Это оказалось вполне возможным.

Узнав адрес, Мишель направился в клуб. При его появлении все смотрели на юношу удивленными глазами, так как в действительности к этому времени еще не существовали юные волшебники. У Мишеля сложилось мнение, что члены бельгийского кружка иллюзионизма и его президент господин Моттинг искренне думали, что он был одним из той молодежи, которая хотела познать секреты волшебства, ни о чем другом и не помышляя. После первого своего визита в клуб Мишель начал посещать каждый четверг его собрания. Он стремился, не рассчитывая на помощь членов клуба, чуждо смотревших на него, все же совершенствоваться в новой избранной им профессии.

Только по истечении шести месяцев, с согласия президента, к которому Мишель

обратился с просьбой, ему разрешили в один из четвергов выступить с небольшим, пятнадцатиминутным, номером. После этого у членов клуба сложилось мнение, что Мишель посещал их клуб для того, чтобы в действительности стать фокусником... Больше того, его стали охотно принимать, и каждый член клуба был готов объяснить ему секреты каждого из его номеров.

Один раз в месяц, в четверг, в клубе организовывались публичные сеансы, на которые приглашались друзья и семьи членов клуба. Каждый из членов клуба представлял маленький, десятиминутный, спектакль. Все это сказалось на будущем Мишеля, хотя вначале он еще и не помышлял о том, чтобы магия стала его профессией...

Его успехи вскоре были признаны всеми, и однажды в четверг, когда состоялось очередное собрание клуба, его президент сообщил Мишелю, что немецкое телевидение решило организовать в Гамбурге своего рода конгресс волшебников, объединяющий волшебников из европейских стран. Естественно, Мишель был поражен тем, что президент клуба предложил именно ему представлять на конгрессе бельгийский кружок иллюзионистов и вообще Бельгию... Он счел необходимым дать ответ на это предложение после того, как посоветуется с Маргарет. Получив согласие матери, Мишель усиленно стал готовить с помощью других членов клуба короткий, но производящий хорошее впечатление номер.

В Гамбурге Мишеля на вокзале встречали представители немецкого телевидения. Мишель заметил, что они были удивлены, увидев юношу, которому едва исполнилось шестнадцать лет. Их удивление было еще больше, когда они узнали, что он прибыл для того, чтобы показать фокусы, представляя одну из европейских стран на этом конгрессе.

Программа немецкого телевидения имела огромный успех, а Мишель стал признанным Самым Юным Волшебником Европы. Это дало ему основание задуматься над вопросом: имеет ли он право стать профессиональным волшебником, заключая различные договоры на выступления, зарабатывать деньги? Вернувшись в Бельгию, он решил перед принятием окончательного решения посоветоваться с Маргарет. Она в свою очередь, прежде чем согласиться, решила посоветоваться со своим братом, который уже давно жил в Канаде. Мишель в 1957 г. в одиночку уже ездил в Канаду к дяде и провел у него летние каникулы. Они полюбили друг друга.

На обращение Маргарет за советом к ее брату она вскоре получила ответ. Он указывал в своем письме на то, что все зависит от того, нравится ли юноше эта профессия, и если он считает, что сможет сейчас и в дальнейшем зарабатывать достаточно денег на жизнь, то, по его мнению, не может быть никаких оснований Мишелю в этом помешать. Свое письмо дядя заканчивал, по мнению Мишеля, прекрасной фразой: «Каждый человек, который честно зарабатывает на свою жизнь, является достойной уважения личностью». Итак, Мишелю был дан зеленый свет.

Трудовая жизнь Мишеля началась с того, что телевидение Бельгии предложило ему заключить, правда, небольшой, контракт на телепередачи. Это позволило юному волшебнику создавать различные спектакли. Они показывались вначале в Брюсселе, затем по всей стране... Первый спектакль на сцене Мишель поставил в известном заведении, носящем имя «Fontaine». После того как этот спектакль прошел с успехом, молодой артист старался многие годы внедриться в артистическую среду, что ему удавалось.

Постепенно Мишель двигался вперед в избранной им карьере. Он начал организовывать в различных ратушах Бельгии свои выступления. Затем был дан публичный спектакль, на котором присутствовало много народу, на котором было организовано голосование всех присутствующих с оценкой выступлений всех артистов. Результат для Мишеля был совершенно неожиданным. Выступая под именем Люк Мишель, в результате голосования присутствующих в зале он завоевал первый приз. Это послужило началом для заключения многих контрактов.

Мишель узнал от одного артиста, что во Франкфурте-на-Майне в Германии существует итальянское артистическое агентство, которое вербует артистов для подписания контрактов

на многие месяцы, с тем, чтобы они показывали свои спектакли на различных американских военных базах в Германии, Италии и еще некоторых странах на Западе. Воспользовавшись полученным адресом, Мишель написал письмо в это агентство. Он в своих воспоминаниях подчеркивал, что не верил в шанс на успех. Однако вскоре ему позвонили по телефону из Франкфурта на Майне, выразив просьбу, чтобы он как можно скорее прибыл в агентство с тем, чтобы организовать просмотр его выступлений перед начальствующими офицерами американской армии.

Получив приглашение, Мишель предложил Маргарет сопровождать его в намечаемой поездке. Она согласилась. В то же время сам Мишель был несколько в тревоге. Он являлся человеком без гражданства, а поэтому ему надлежало получать соответствующие визы на право въезда в ряд стран. Это он уже знал, так как даже для поездки в Бенелюкс ему пришлось хлопотать, чтобы получить соответствующую визу. Обратившись в посольство Германии в Брюсселе, он получил визу, и они выехали на автомашине, которую Мишель уже приобрел, по автодороге через Льеж, Анкен во Франкфурт. Прибыв в Германию, Мишель немедленно направился в артистическое агентство, где его принял директор-итальянец, проявив к нему внимание, и Мишель определил его как очень симпатичного человека. Директор сразу же сообщил ему о том, что в тот же вечер в самом прекрасном зале города, предназначенном для спектаклей, состоится публичный просмотр выступлений артистов самыми высокопоставленными офицерами американских военных баз. Просмотр должен был определить тех артистов, которые будут наняты на длительный срок.

Естественно, Мишель нервничал, но все же решил организовать выступление так, чтобы одна часть была в сопровождении оркестра, а вторую часть представить разговорной с юмором... Просмотр прошел удачно, но представитель агентства заговорил с упреком о том, что он собирается выступать перед американцами не на английском, а на французском языке. Это было сказано на репетиции в 17 часов. Он даже подчеркнул, что этот факт может сорвать его поступление на работу, несмотря на прекрасное выступление. Узнав, что просмотр состоится в 21 час, Мишель заверил упрекающего, что он вечером будет сопровождать свою программу на английском языке.

Вернувшись после репетиции в гостиницу, Мишелю с помощью товарищей-артистов, знавших английский язык, удалось перевести текст его выступления. После того как перевод был сделан, Мишель начал его учить наизусть, пытаясь запомнить, в какой момент он должен был произносить ту или иную фразу.

В 21 час Мишель появился на сцене. Он подробно описывал в своих воспоминаниях, а потом и в беседах с Лидой и со мной, как тяжело было выступать впервые на английском языке. Он подчеркивал и то, что ему помогли выдержать и выполнить свою программу аплодисменты и всеобщий смех. Итак, Мишель одержал успех, и вскоре к нему за кулисами подошел уполномоченный артистического агентства, похвалил его и выразил свое изумление тому, что всего за три часа ему удалось заучить перевод. На вопрос Мишеля, что будет дальше, ответили, что контракт, обеспечивающий примерно шесть месяцев в год для выступлений на американских базах, в Европе будет подписан. Он предусматривал, что дебют Мишеля будет в ноябре 1963 г. В это время фокуснику было уже 19 лет.

«Учитывая возможность моих выступлений в Германии на различных сценах, я понял, что с помощью мамы мне предстоит изучить и немецкий язык, которым она в совершенстве владела». Указывая на это, Мишель в своих воспоминаниях высказывает свое мнение о том, что он, видимо, унаследовал от своего отца способность к иностранным языкам.

В 1963 г. он начал свои гастролы на военных американских базах в Германии. Эти гастролы оказались непродолжительными. Радио известило о том, что в Далласе был убит президент США Кеннеди... На военных базах был объявлен месячный траур.

Мишелю повезло и на этот раз: ему предложили два раза в день в течение месяца давать спектакли в одном из наиболее солидных кабаре. Это должно было происходить в то время, когда 1963-й год для Мишеля, как и для многих его современников, был тяжелым годом, годом, унесшим в могилу любимых артистов: Эдит Пиаф, Жана Кокго и еще

некоторых. Спустя месяц после траура выступления Мишеля на американских базах, размещенных в Германии, возобновились.

Одно место воспоминаний Мишеля вызвало у нас смех. Он указывает, что выступать ему приходилось на наиболее секретных американских базах, а для этого было необходимо иметь разрешение на въезд. Американская полиция была очень строгая и тщательно проверяла пропуски. И вот тут началось именно то, что заставило нас засмеяться. Мишель признается, что он всегда говорил себе с удивлением, как могло случиться, что ему удалось получать необходимые пропуски? Сокращенно приведу те мысли, которые Мишель зафиксировал в своих воспоминаниях: «Если бы вы знали, что этот молодой человек, этот молодой девятнадцатилетний волшебник не кто иной, как сын Кента, офицера Советской армии, одного из наиболее ответственных руководителей "Красной капеллы", я не думаю, чтобы он мог так легко проникнуть на эти базы. Однако это должно быть воспринято как веселый анекдот, касающийся моей жизни, так как в действительности многое в моей жизни вращалось вокруг этого необычного человека, который был моим отцом».

Мне остается указать на то, что Мишель пользовался как иллюзионист все большим и большим успехом. Он разъезжал не только по многим странам Европы, но бывал и в США, Канаде, в некоторых странах Африки. Всюду он пользовался большим успехом. Свои поездки он совершал не только поездом, самолетом, пароходом, но и на автомашине. Интересно отметить то, что иногда, когда он совершал поездку через Гавр в Канаду или в США, ему предоставляли бесплатно каюту, помещали его автомашину с условием, что Мишель во время переезда даст несколько спектаклей. В его частых поездках иногда вместе с ним ездил Маргарет, что, конечно, было им очень приятно и радостно. Выступления по телевидению привлекли внимание радиопередач, и вскоре Мишель стал выступать по радио и даже был ведущим концертных передач при участии многих видных артистов. Таким образом, у него появилось хобби – радиопередачи, и на этом поприще он тоже сумел себя проявить.

Совершенно неожиданно для меня Мишель в своих воспоминаниях прервал частично повествование о своей творческой деятельности иллюзиониста и работника радио и вернулся к вопросу встречи в 1965 г. Маргарет с французским писателем Жилем Перро. В декабре Мишель работал на сцене «Moulin Rouge». Однако, вернувшись после своего выступления уже довольно поздно домой, увидел свою мать Маргарет, продолжительное время беседующую с незнакомым мужчиной. На столе лежало много фотографий... Ему было не ясно, что происходит? Что это было – случайность или нечто, что полностью изменило его жизнь, и если не жизнь, то его мысли.

Человек, которого застал Мишель дома и разговаривал с Маргарет, был французским писателем Жилем Перро, который решил опубликовать книгу о «Красной капелле». Мишель подчеркивает, что он вернулся домой тогда, когда значительная часть разговоров между матерью и писателем была уже позади, но он заметил, что Маргарет передает писателю одну из его фотографий, что вызвало его возражение. После продолжавшейся некоторое время беседы с Жилем Перро мнение Мишеля изменилось, и если вначале он не хотел ничего знать о беседе писателя с Маргарет, то потом решил, что диалог может быть полезным и для него. Это частично объяснялось тем, что писатель внушил Мишелю, что издание его книги может принести пользу и для его карьеры. Далее писатель сообщил, что американцы готовы приобрести право на издание его книги, а вскоре будет снят и фильм... Мишелю казалось, что Жиль Перро и он симпатизируют друг другу. Во всяком случае, они поддерживали контакт и часто разговаривали по телефону.

Жиль Перро заверил Мишеля, что, как только его книга будет готова, он получит одну из ее копий первым. Мишель никогда не забывал и то, что, как я уже говорил, его отец, которого считали мертвым, из беседы с Жилем Перро оказался живым и проживал в Ленинграде. Правда, Мишель отмечает, что он был рад тому, что узнал о живом отце, но в то же время был огорчен, что писатель ничего не сделал для того, чтобы встретиться с ним. С тем, чтобы иметь возможность после этой встречи передать ему, что на земле есть женщина,

Маргарет, которая обожает его, а кроме того, и то, что у него есть сын, который, как все дети, постоянно видит его во сне. Мишеля удивляло и то, что его отец не давал о себе знать, хотя понимал, что Кенту, шефу «Красной капеллы» в Брюсселе, из России сделать это было непросто.

Настал 1967й год. Мишель подписал контракт на свои выступления в Париже, и, как всегда при его поездках на автомашине по различным городам и странам, он выехал туда со своей матерью Маргарет. Они были очень довольны тем, что оказались вновь в этом светлом городе. И вот, прогуливаясь по Елисейским полям, он увидел на витрине одного из книжных магазинов книгу Жилья Перро «Красная капелла». Он не поверил увиденному и подумал, не сон ли это. Мишель незамедлительно купил ее и, вернувшись после своего спектакля, устремился к чтению этого документа. Он считал, что Жиль Перро стремится создать именно документальную книгу. В представлении Мишеля эта книга должна была быть необычной, так как её автор встречался с оставшимися в живых членами "Красной капеллы"», а также имел возможность ознакомиться с документами. Кроме того, отмечает Мишель, в то время талант Жилья Перро был известен, а книгу он сделал большой.

Чтение книги вызвало у Мишеля протест по ряду причин, в том числе и потому, что в ней указано, что его отец после своего ареста гестапо встал на путь измены, с тем чтобы спасти жизнь своей жены и сына... Больше всего заставило Мишеля переживать то, что Жиль Перро обращается к нему и говорит, что он не может быть судьей, так как речь идет о его отце...

Мне кажется важным отметить, что сразу же после первого чтения книги Мишель понял, что в ней все изложено явно в целях при несения пользы Леопольду Трепперу. В конечном счете, это должно было служить его поднятию на возможную высоту, сделать чувствительными людей по отношению к нему и сделать все для того, чтобы предпринять все возможное для того, чтобы добиться разрешения на его выезд из его родной Польши. Все это вынудило Мишеля прервать свое общение с Жилем Перро и, больше того, прийти к заключению, что, в случае осуществления плана автора по созданию фильма, отказаться от первоначально намеченного для него исполнения роли отца.

Правда, Мишель отмечал, что Жиль Перро в разговоре с ним указывал на то, что подлинную правду, возможно, они узнают в том случае, если Кент напишет сам воспоминания. Являясь реалистом, Мишель не думает, что это будет так просто.

Мишель подчеркивает, Треппер указывал на то, что для Кента большим сюрпризом являлось то, что они могли встретиться на Лубянке. Он, конечно, не мог знать о том, что я и Паннвиц еще в Париже в миссии по репатриации узнали, что Треппер в начале года направлен в Москву.

Мне кажется, что, упуская ряд высказываний Мишеля, все же надо особо отметить тот факт, что после выхода книги Жилья Перро он обращался в посольство Советского Союза в Бельгии, зная уже, что его отец живет в Ленинграде и вновь вступил в компартию, указывая, что журналисты готовы оплатить ему его поездку к отцу. Однако он хотел отправиться в Советский Союз один, без сопровождения корреспондентов. Секретарь посольства указал Мишелю, что посольство готово оказать ему помощь в осуществлении желаемой поездки и в розыске отца, но не может ему гарантировать его обратный выезд из Советского Союза. Вполне естественно, что Мишель не мог решиться на подобную поездку, несмотря на то что он еще не был женат, но жил вдвоем со своей матерью, которая, потеряв мужа, хотела сохранить у себя живой портрет его в лице их сына, так как, по ее мнению, он был очень похож на Кента.

Мишель продолжал и после этих переживаний свои артистические поездки по различным странам. Он побывал и в Иране (столица Тегеран), и в Ливане (столица Бейрут), и во многих других странах и их столицах. Помимо своей деятельности иллюзиониста он все больше и больше внедрялся в работу на телевидении и радио. Он подружился со многими видными артистами.

Постепенно Мишель все больше и больше получал различные предложения, в том

числе было и от одного видного журналиста подписать контракт на выступление в Киншасе, столице Республики Заир. Этот журналист имел большие связи с политическими деятелями страны. Посоветовавшись со своей матерью, Мишель дал согласие на подписание этого контракта.

1 сентября 1970 г. Мишель и с ним Маргарет были уже на аэродроме, когда узнали, что вылет самолета на Заир задерживается примерно на четыре часа, фирма «Сабена», которой принадлежит самолет, предлагает за свой счет легкий завтрак. По пути в ресторан к Мишелю неожиданно подошел неизвестный человек, поздоровавшись, обратился к нему со следующими словами: «Я хочу тебе представить мою племянницу и племянника, которые тоже летят в Киншасу с тем, чтобы воссоединиться с их родителями, их отец – мой шурин». Услышанный голос был Мишелю знаком. Это был Сесиль Мюллер, президент комитета по избранию мисс Бельгии. «Мы оказались в ресторане, и, увидев племянницу Каролину и племянника Патрика, у меня сразу возникло желание поговорить с Каролиной», – подчеркивает Мишель, но тут же указал, что Каролина мало уделяла внимания, а больше разговаривала со своим братом. Из разговоров Мишель узнал, что отец новых знакомых в Киншасе является директором крупного кинозала, в котором организуются и концерты.

Я не случайно остановился на описании этого эпизода, связанного со знакомством Мишеля с Каролиной, приведшего к тому, что они полюбили друг друга и в конечном счете в 1972 г. в Испании состоялась церковная свадьба, создавшая счастливую семью. Невольно мы с Лидочкой, прочитав это место воспоминаний Мишеля, звучно рассмеялись. Случившееся с Мишелем и Каролиной нам напомнило то, что было в нашей жизни. Разница заключалась в том, что Мишель полюбил Каролину, а она его во время путешествия, на аэродроме и в самолете, а его отец, Кент, и Лидочка познакомились тоже в период путешествия, но в вагоне. Много моментов в жизни отца и сына были тождественны.

После длительного проживания в Конго, ставшим потом Заиром, отец и мать Каролины решили вернуться в Европу и выбрали себе постоянным местом проживания Испанию. Они выехали туда в 1970 г. Мишель и Каролина некоторое время продолжали проживать в Киншасе.

Перед возвращением в Киншасу молодожены посетили Бельгию, а затем направились в Канаду к брату Маргарет, дяде Мишеля. Из Монреаля свадебное путешествие было перенесено в Нью-Йорк, а затем вновь вернулись в Канаду, с тем, чтобы повидать Маргарет, а затем направились в Аликанте, с тем чтобы провести неделю вместе с родителями Каролины.

В Киншасе Каролина и Мишель проживали до марта 1973 г., а затем переехали в Аликанте, где некоторое время жили в доме у родителей молодой жены. Мишель устроился на работу вначале на испанское радио. На радио в Аликанте выступала и Каролина.

Маргарет дважды в году проводила время у любимых своих детей в Испании в Аликанте, а один раз в году они навещали ее в Брюсселе.

В марте 1978 г. у Мишеля и Каролины родился сын, и его назвали Сашей. Сейчас, когда ему уже исполнилось шестнадцать лет, он гордится тем, что у него такое красивое имя, и, как и Мишель, мечтает получить право носить фамилию дедушки.

1991 г. Фотография опубликована в журнале "Новая и новейшая история" С подписью А.М. "Эта публикация завершает мое полувековое молчание".

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР -
ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА СССР

7. августа 1991г.
№ Зп-50140-48

119002, Москва, Холмогорный переулок, 14.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Выдана бывшему сотруднику Главного разведывательного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР капитану ГУРЕВИЧУ Анатолию Марковичу, 1913 года рождения, уроженцу г. Харькова в том, что 21 июня 1945г. он арестован и 18 января 1947г. необоснованно привлечен к уголовной ответственности особым совещанием при МГБ СССР по ст.58-1"б" УК РСФСР (измена Родине).

8 октября 1955г. Гуревич А.М. освобожден из мест лишения свободы.

9 сентября 1958г. несудебным органом Гуревич А.М. вторично необоснованно направлен в места лишения свободы, где содержался до 20 июня 1960г.

В соответствии с п.1 Указа Президента СССР "О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов" от 13 августа 1990г. Гуревич Анатолий Маркович считается реабилитированным.

Генерал-лейтенант юстиции

А.Ф.Катусев